Притяжение

Виктор Исаев

Посвящается двум моим семьям.

Маленькой семье - Маме, Наташе и Мирославе.

И большой семье - всему человечеству.

1

Сырость. Темнота. Слякоть под ногами. Я иду по краю дороги мимо старых хибар и ларьков. Мимо мастерских, где чинят мопеды, дизель-генераторы и всякое барахло с двигателем. Мимо лотков, на которых жарят что-то пахучее на старых полуржавых сковородках. Мимо людей, сидящих в грязи и просящих милостыню, которые уже сами, как грязь, серые, чумазые, оборванные. Через некоторых приходится переступать - тротуар очень узкий. Если эту полоску утоптанной земли с кусками асфальта и плиток можно вообще назвать тротуаром. Дорога тоже неширокая, в полтора автомобиля. По ней с треском проносятся туда-сюда мотороллеры, разнося знакомый нам всем с детства запах выхлопа и перегоревшего масла. Принюхавшись, я могу понять, чей мотороллер поновее, а чей - разваливается. А знакомый автослесарь умеет по одному только звуку определять, какой ремонт нужен двигателю. Может, и я когда-нибудь стану автослесарем? О таком карьерном успехе я пока могу только мечтать.

Перепрыгнув через очередное похожее на ком грязи тело, ступаю правой ногой в мутную лужицу, и чувствую, как холодная влага проникает сквозь трещину в кроссовке и начинает пропитывать собой носок. Твою мать! Надо было хоть лапти свои подлатать сперва, клеем замазать, а потом уж идти! Но блин, время… Его вечно не хватает, мы постоянно чем-то заняты, но жизнь вокруг от этого не становится ни на грамм лучше. Я как-то даже спрашивал родителей, почему так, но мои родители, кажется, уже не способны ни на что подобное ответить. Я запросто могу представить их себе лежащими здесь, под ногами, в грязи. Особенно отчима. Им с матерью, конечно, повезло больше, у них есть Ибрагим, мой старший брат, и у них есть я. В конце концов, младшая сестрёнка, Рима… ой, нет, даже думать не хочу! Но… если так прикинуть, у нас всё неплохо. Мать, в конце концов, пока ещё работает. Правда, ей уже сильно за сорок, и она может с работой своей скоро попрощаться, и это всего лишь одна из той кучи проблем, которые мы можем поиметь сегодня или завтра. В Подземелье вообще всё ненадёжно, «на соплях, молитве и добром матерном слове». Много чего в нашей жизни может в любой момент пойти не так, и тогда… тогда нищета, голод, грязь… сырость… темнота…

Подземелье. Так в народе зовётся место, где я живу. Меня зовут Марк. Мне 16 лет. Школу я закончил в позапрошлом году. Работаю, где придётся. Сейчас на двух работах: в автосер-

висе разнорабочим, и грузчиком. Ну и по дому помогать надо. Вот, иду на рынок, еды прикупить, маме вчера зарплату дали после задержки в пару месяцев. Ибрагим с кем-то из местных авторитетов имеет знакомство; оно хоть и шапошное, но серьёзные бандиты • люди порядочные, правила игры ценят. Сходили к матери на фирму,

разобрались, договорились.

За спиной у меня - пустой потрёпанный рюкзак. Во внутреннем кармане куртки - пакет с деньгами. Хорошо было бы при себе иметь оружие, только нет его у нас. Хотя вру: у Ибрагима есть нож. Но ему нужен самому. Ну ничего, не страшно, район этот я знаю наизусть, здесь спокойно. Прорвёмся!

Шум мотороллеров становится громче, а людей на улице - заметно больше. Рынок всё ближе. Иногда по улице проезжает автомобиль. Он прокладывает себе путь, громко сигналя и мигая фарами. Мопеды лениво разъезжаются в стороны, освобождая ему проезд. Самых неповоротливых разгоняют криками из окна, матюгами и угрозами. Владеть автомобилем - значит обладать серьёзным статусом и моральным превосходством над теми, кто по жизни не настолько удачлив, чтобы ездить на четырёх колёсах. Владельцы автомобилей почти никогда не ходят пешком. Я это точно знаю, у меня один друг за рулём. Одно лишь знакомство с ним добавляет мне немало очков авторитета. А очки авторитета - это, считай, деньги. Поэтому мы все очень общительные. Всё надеемся познакомиться с кем-то крутым. Но знакомства тоже не бывают бесплатными; кто-то крутой должен понимать, зачем ему ты.

Сквозь уличную вонь различаю аромат специй. Значит рядом рынок. Я на месте. Но прямо сейчас на рынок не пойду. Сперва схожу посмотреть на *колонну*. А уже потом вернусь обратно с другой стороны и закуплюсь как следует, во-первых, чтобы не таскать зря еду с собой, а во-вторых, потому что вся остальная еда - на дальней стороне, а здесь так, баловство. Специи - не для нас, мы не такие богатые, чтоб на приправы раскошеливаться. Впрочем, когда надо съесть какую-нибудь гадость (то, во что превращается домашняя еда, когда дела идут совсем плохо), то специи приходятся очень кстати. Как говорит соседка, «С соевым соусом можно съесть даже дохлую крысу».

Словно прочитав мои мысли, ко мне подбегает девчушка лет восьми, чумазая, лохматая, босая и одетая в тряпьё, но с удивительно ясным и пронзительным взглядом.

— Купи перечную смесь!

И суёт мне прозрачный пакетик с гермополоской, наполненный красно-жёлтым порошком. Очевидно, той самой смесью.

Отмахиваюсь от неё и иду дальше. Но она не отстаёт. Обгоняет меня и заходит спереди, продолжая в меня светить своим зачаровывающим пристальным взглядом.

— Купи, классная штука! Для любого блюда подходит! И стоит недорого.

— Сколько? - спрашиваю.

— Одну фишку.

— Чё?? - усмехаюсь. - Упала? Я те чё, казино?

Отмахиваюсь снова и иду дальше. Но что-то во мне начинает предательски стонать. Хочется ей помочь. Она ж совсем маленькая. И так смотрит… не жалобно, нет… внимательно, осмысленно, и… уверенно. Дети - моя слабость. Детям проще всего развести меня на милостыню. Раздаю им вечно деньги, как дурачок, а у самого кроссовок нормальных нет. И ладно бы свои деньги. Это-то - матери. Одна фишка для такой фигни - и правда много. Но для неё целая фишка - это вполне ощутимый заработок!

— А ещё от собак спасает! Берёшь горсть - и бросаешь ей в морду. Шшшух! И всё, она сразу отстанет. Пригодится в хозяйстве, точно говорю!

Последнюю фразу она произносит так деловито, будто сама и впрямь хозяйка. Моя психика сдаётся. Мне становится её жалко, и в то же время как-то смешно и забавно.

— Ладно, - говорю. - Давай свой порошок. Диллер…

Забираю у неё пакетик и достаю из внутреннего кармана фишку. Смотрю внимательно, того ли достоинства. Чёрная фишка из казино, сделанная из твёрдого пластика. Края в сине-чёрную полоску. Посередине белый круг с цифрой 1. Оно.

Бросаю фишку девочке, и та ловко хватает её на лету.

— Спасибо! - радостно кричит она мне вслед. Ещё бы не радоваться!

— Не за что! - кидаю ей, пожав плечами, и кладу пакетик со смесью в тот же карман, где у меня лежат деньги. Нет, плохая идея, фишки же пропахнут этой фигнёй. Хотя ладно, чёрт с ним, не буду уже перекладывать. Деньги не пахнут.

Двигаю дальше, ускоряя шаг, чтоб на меня не начали обращать внимание другие торговцы - народ на рынке быстро ориентируется.

До колонны отсюда совсем недалеко, метров двести. Сколько же раз уже я ходил на неё глазеть! Не даёт она мне покоя. Вроде уже всё там наизусть знаю: пятьдесят метров в диаметре (сам измерял); на поверхности тёмно-зелёной краской очень крупно под трафарет выведены цифры «8-74»; по периметру 12 камер наблюдения; снизу вся разрисована местной шпаной, и я помню каждый рисунок. Кажется, целое сочинение могу про неё написать! Но всё равно, тянет туда и тянет. Что-то в ней есть такое… загадочное… Кажется, как будто это ключ к ответу на вопрос: «Почему мы так живём, и можно ли по-другому?»

Соседка говорит, что это меня к Богу тянет, потому я и хожу на эту колонну пялиться. У нас многие верят, прям на полном серьёзе, что эти колонны построили Боги, а сверху расположили свой божественный город, и управляют нами оттуда, с небес. Я, конечно, ни в каких Богов не верю, но предположение о том, что там наверху кто-то живёт, как будто бы и не такое уж и бредовое. Только вот кто?…

Иду мимо бетонного забора, исписанного так, что нет ни одного пустого места. Одни надписи перекрывают другие в этой разноцветной мешанине, и некоторые из них я узнаю. Их оставляют знакомые мне уличные банды. Это их метки. Как кобели метят тер-

риторию, задирая лапу, так и люди метят баллончиками с краской территории, которые, по их мнению, им пренадлежат. Только вот с этим мнением могут *другие* не согласиться, и стычки между бандами происходят постоянно. Шум перестрелки в наших районах так же привычен уху, как и шум мотороллеров. Но здесь вроде нейтральная территория, совершенно бандитам не интересная. Справа - забор и охраняемая зона со своим хозяином, а слева

- пустошь и болото. Так что здесь нет территориальных споров, и пацаны

себя просто «рекламируют».

Лампы на фонарных столбах подсвечивают надписи и рисунки на заборе. По задумке, все эти лампы должны излучать ультрафиолет, чтобы хоть как-то компенсировать нам полное отсутствие солнца. Но думаю, что на самом деле, от силы четверть из них такие, а остальные - распроданы на чёрном рынке для чьих-то частных марихуановых плантаций, на вырученные деньги куплены и установлены обычные лампы, а разница положена себе в карман. Так в Подземелье делаются все дела. Мы с парнями замечали, что трава под некоторыми столбами растёт гораздо лучше, чем под остальными. Чем не доказательство?

Слышу звук проезжающего товарного поезда. Здесь совсем неподалёку проходит железная дорога. Помню, что ещё когда был в школе, мы пробирались через лазейку в заборе и клали гайки на рельсы, а проезжающий поезд расплющивал их в металлические блинчики. Кто-то рассказывал, что километрах в двух отсюда есть сортировочная станция, где, в принципе, можно залезть на вагон (внутрь проникнуть никак нельзя, они все закрыты), но только это очень опасно. Рассказывали про парня, который попытался, и его застрелили. Очень строго охраняются эти поезда. Даже на заборе написано: «Федеральная собственность. За проникновение - расстрел на месте.» Никогда мы не обращали внимания на эти предупреждения, но любопытно всё-таки: что это за поезда? Куда они ездят? И откуда? И что внутри? У них нет окон. Нет кабины. Они как будто двигаются вообще без людей.

Забор заканчивается, дальше - небольшая трущоба, а затем - снова забор. Сквозь смог и туман я уже начинаю видеть ту самую *колонну*. Ускоряю шаг.

Моё внимание на мгновенье привлекает свежая надпись красным баллончиком, которой я, кажется, раньше не видел: овал лица, крестик вместо рта, а в точки глаз долго распыляли краску, и она потекла вниз по лицу, как кровавые слёзы. Примитивно. Уродливо. Но на нервы действует. Видимо потому, что это что-то новое, а новое - это всегда опасность. Озираюсь по сторонам. Вроде никого. Ладно, я быстро управлюсь.

Уже подхожу к концу забора. За ним - дорожное кольцо, опоясывающее колонну. Быстро перебегаю по раздолбанному асфальту к основанию гигантского бетонного столба. Останавливаюсь. Смотрю вверх, задрав голову. Колонна исчезает в сумраке и темноте тумана и смога, круглые сутки висящего над нами. От вида немыслимых размеров столба, уходящего в небо, перехватывает дух. Это ж надо было такое отгрохать! Чувствую себя маленьким-маленьким. Я даже немного понимаю тех людей, которые приходят сюда и молятся. Действительно впечатляет! Ощущаешь... как бы сказать... превосходство. Пре-

восходство чего-то высшего, более развитого, более умного над тобой, жалким, бедным, слабым, безграмотным и не понимающим ни черта. Камеры словно смотрят на тебя холодным, бездушным взглядом, который видит тебя насквозь и знает, что ты ничего не можешь сделать. Ничего.

По периметру - фонари. Хорошо видна та самая надпись: «8-74». Наверное, их очень много, таких колонн. Эта 74-я, а сколько всего? Может быть, по номерам соседних колонн можно что-то понять? Надо на них посмотреть, как-то до них добраться. Но вся моя жизнь сосредоточена внутри моей трущобы, выходить за её пределы опасно. Нужно наверное…

— Алё, пацан! Чё потерял здесь?

Низкий хриплый голос раздаётся из-за спины, и я сразу всё понимаю. Вляпался.

Оборачиваюсь очень осторожно. Вижу четырёх парней. Они быстро заходят с обеих сторон, окружив меня. Спереди - среднего роста, крепкий, с короткой стрижкой, всё лицо в угревых язвах, смотрит мне прямо в глаза и закрывает путь обратно к забору. Думаю, что одного удара от него хватит, чтобы я лёг на землю и долго не вставал. Слева - похожий на него телосложением, но повыше, лысый, один глаз закрыт чёрной накладкой, как у пирата. Справа - низкий и тощий, волосы торчком, всё время двигается и посмеивается; с таким я, пожалуй, справился бы, если бы был один на один. Только у него нож в руке, и он им всё время вертит и размахивает. А сзади - я не успел толком рассмотреть. Но он больше их всех. Он прям здоровый. Это всё, что я запомнил.

— Пацаны, да всё в порядке, я помолиться пришёл, - говорю с видом наивного дурачка.

— Помолиться бабок стоит, - отвечает щербатый.

— Да ну нафиг, всегда ж бесплатно было!

— Ты глухой или тупой? - гудит мне в левое ухо одноглазый. - Гони фишки, а то ща уроем прям здесь.

— Сколько?

— Все.

Обречённо хлопаю глазами:

— Да у меня нет ничего! Рюкзак пустой, вон, можете проверить!

— А на рыночке кто затаривался, а? - слышу справа визгливый голос тощего.

Чёрт. Он следил за мной. Теперь врать бесполезно. Но если я им сейчас отдам все деньги, то это конец. Я не знаю, что со мной сделают дома. Что сделает брат. Что сделает отчим. И что мы будем делать все вместе? На что будем жить, что будем жрать всё это время? Нет, деньги отдавать никак нельзя.

— Ну оставьте хоть чё-нить, пацаны! Ну с голоду же сдохну! - умоляю я жалобным голосом.

В ответ полная тишина. Но я уже продумываю план. У меня есть на это какие-то секунды.

Так. Самый здоровый - сзади. Это хорошо. Если он погонится за мной, то не догонит, он тяжёлый, бегает медленно. Шмакадявка справа - не проблема, главное, чтобы не вцепился; бегает наверняка быстро, но ножом работать не умеет, это видно. Да и нож у него - понты одни. Одноглазый слева - опасен, очень опасен. Крепкий, опытный. Руку правую держит в кармане, и что у него там - боюсь даже думать. Щербатый прямо передо мной - та же история. Но если выбрать его, сделать то, что нужно, а потом рвануть к забору, а дальше - по дороге, то наверное, есть хоть какой-то шанс вырваться. А иначе конец. Выбор сделан. Щербатый.

— Ладно, пацаны. Отпустите только с миром, окей?

С этими словами я тянусь во внутренний карман, где лежат деньги и пакетик, купленный у девочки. Раскрываю пальцами пакетик, набираю побольше перечной смеси…

Дальше - как в замедленной съёмке. Швыряю смесь щербатому в глаза. Прыгаю на него, долбанув головой в переносицу, толкнув и повалив на землю - и бежать! На бегу быстро достаю пакетик и насыпаю ещё пригоршню смеси в кулак. Слышу топот одноглазого сзади, он вот-вот меня догонит! Я уже добежал до забора. Навстречу едет автомобиль, но я не знаю, как этим воспользоваться и бегу дальше. Одноглазый пытается схватить меня, но я бросаю порошок наугад и, видимо, не промахиваюсь - слышу за спиной крик и ругань, мой преследователь отстает. Но тут я вижу, как из трущобы между заборами навстречу мне выходит ещё один парень, а в руках у него - бита. Вот это уже точно конец! Чёрт! Чёрт!!!

Останавливаюсь, еле дыша и упираясь руками в колени. Одноглазый догоняет меня первым, но уже не торопится. Он злобно и хищно смеётся, видимо, уже перебирая в голове варианты, как лучше расправиться со мной. И один вариант другого краше!

Остальная банда подтягивается следом и тоже радостно посмеивается.

— Ну чё, прыткий ты наш! Добегался? - слышу я из-за спины.

— Готовь голову, богомол!

Парень спереди в предвкушении поигрывает битой в руке.

Но тут происходит то, чего никто не ожидал. Автомобиль, проехавший тогда мимо, возвращается, и на полной скорости въехав на тротуар, сбивает парня с битой и проезжается по нему левыми колёсами. Останавливается. Дверь водителя открывается. Из машины выходит… Раф. Тот самый мой дружок на автомобиле. У него ещё дядька мент. Машина не просто так взялась.

Раф неторопливо подходит ко мне, наступив по пути на сбитого парня. Хлопает по плечу. Выражение лица у него весёлое и беззаботное. На глазах

- солнечные очки, не имеющие в наших краях ни малейшего смысла, но

добавляющие понтов.

— Здор**о**во, Марк, братишка! Как жизнь?

Выдавливаю из себя хрип «уже лучше». Раф по-братски обнимает меня за плечо. К нему подскакивает щербатый, красный от ярости:

— Слышь, ты чё, охренел?!!! - орёт он на весь квартал, прямо в лицо моему товарищу, но тот абсолютно спокоен.

— Что такое, Таир? Я что-то сделал не так? - спрашивает он с озадаченным видом.

— Это наш район!!!

— А это - мой друг.

Молчание. Щербатый закрывает глаза, пытается справиться с гневом. Наконец, он разводит руками, хлопает себя по бёдрам и меняет тон на назидательно-жалобный:

— Бля, чувак, ну ты чё беспределишь-то?! Ты ж пацана угробил!

Щербатый показывает рукой на валяющегося на тротуаре парня. У того изо рта кровь, рёбра переломаны, селезёнка наверняка разорвана. Если прямо сейчас не оказать первую помощь, то он умрёт за несколько минут. Но помощь никто оказывать не собирается.

Голос Рафа тоже меняется:

— Да срать мне на твоего пацана. Срать и ссать. Так же, как и тебе. Хочешь, пойдём, вместе поссым? - и он разворачивается, уже как бы расстёгивая ширинку.

— Хорош глумиться, слышь, гондон!

— Чё??? - Раф резко оборачивается, прислонив ладонь к уху. - Как ты меня назвал, Таирчик??

— Да не написано на нём, что он твой друг!!! Чё ты докопался бля!!!

— Ну так ты разберись сперва.

— Если с каждым разбираться, чё мы жрать будем???

— Ох ты божечки! От голода помирают, бедненькие! Да как же вам тяжело-то! А ты пойди вон, как он, на автосервисе поработай, - показывает Раф на меня. - А? Чё? Не царское дело? На наркоту и тёлок не заработаешь, да, Таир? Рисковать приходится!

Щербатый молчит. Вернее, бормочет что-то злобное себе под нос, но сказать вслух не решается. Остальные тоже молчат и очень недобро смотрят на меня и моего внезапно появившегося друга. Сюда мне больше приходить нельзя. Это ясно, как день в передаче по телеку.

Раф подводит черту:

— Короче. Мы тут все в казино. Ты рискнул и проиграл. Наехал не на того. А парень, - Раф снова показывает на меня, - рискнул, и *не* проиграл. Ему повезло. А тебе нет. Понимаешь, Таир, так жизнь устроена: сегодня ты крутой, а завтра, - он кивает на раздавленного парня, - всмятку. Это не твой район. И работаешь ты здесь только потому, что ты слишком

мелкий, и тебя пока не заметили и не раздавили. Ты не забывай об этом, дружище. А то будешь следующим. Пойдём, Марк.

Он неторопливо поворачивается и идёт к автомобилю, на этот раз переступая через лежащего парня, который уже наверняка на том свете. А я обхожу машину с правой стороны, подобрав по пути валяющуюся на асфальте биту. Сажусь на переднее пассажирское кресло. Кидаю биту на заднее сиденье, хлопаю дверью, и автомобиль трогается с места.

Молча едем по дороге мимо пустоши. Мы все в казино. Чертовски верно. Я мог бы потерять деньги и, наверное, жизнь. Но случайность меня спасла. И та же случайность убила того парня, который собирался снести мне башку битой, а сам умирать не собирался. В банде Таира стало одним человеком меньше, а это значит, что его может выдавить из района другая банда. Или он просто потеряет авторитет, но и в том, и в другом случае его могут прикончить свои же товарищи. Положение Рафа - тоже случайность. Если его дядю выкинут из полиции - а такое может быть, если он проиграет внутреннюю конкуренцию - то Раф больше никто. И ему припомнят все, с кем он вёл себя подобным образом, а таких немало.

Мы проезжаем мимо рынка, мимо трущоб, сворачиваем в соседний квартал, проезжаем его насквозь и выезжаем на дорогу. Рядом - ещё одна пустошь, усеянная металлоломом. Таких пустошей у нас тут сколько хочешь.

Автомобиль сбавляет скорость. Останавливается на обочине, под фонарём. Раф глушит двигатель. Достаёт сигареты. Закуривает. Протягивает мне, не глядя, пачку. Тащу оттуда сигу. Беру зажигалку. Тоже закуриваю. Весь салон заполняется едким дымом. Открываем окна. Молчим.

— Раф, спасибо тебе, - прерываю я тишину.

Он поворачивается ко мне, хмурясь сквозь тёмные очки:

— Марк, внатуре: за ким хером тебя туда понесло?!

— Я не знал, что там банда теперь. Всегда спокойно было.

— Но тебе там чё надо-то? Колонну свою смотреть? Ты ж её видел уже раз сто!

— Хотелось… Что-то в ней есть…

— Ну ты ж не богомольный, чувак!

— Всё равно. Мне там нравится, рядом с ней. Там… думается лучше.

— О чём думается?!

— Да обо всём…

И тут уже я разворачиваюсь к нему:

— Рафаэль. Хочу тебе задать один вопрос.

Мне кажется, я даже сквозь очки вижу, как его глаза округлились:

— Какой я тебе, нахрен, Рафаэль, слышь, засранец!

— Ладно, ладно… Раф, вопросик есть.

— Ну давай уже, не томи!

Делаю затяжку. Выдыхаю серый дым.

— Ты ведь знаешь, где соседняя колонна?

— Какая ещё нахрен… соседняя колонна?

— Ну, не та, к которой я ходил, а какая-нибудь другая, которая ближе всех к этой.

Он замирает. А затем прыскает от смеха:

— Твоя жопа, я смотрю, ещё не устала от приключений!

— Не, ну правда: знаешь или нет?

Он снимает очки и смотрит на меня своими бледными выцветшими глазами, сдерживая улыбку:

— Ну знаю.

— Был там?

— Ну был.

— А какой номер на колонне написан, помнишь?

— Пс, нет конечно! Я ж не такой мозг, как ты!

— А отвезти ты меня туда можешь?

Раф сперва столбенеет от моей наглости, а потом взрывается хохотом:

— Ха-ха-ха! Чувак… Отвезти-то могу! Но ты мне объясни: на кой хер тебе это надо?

— …Хочу понять.

— Что понять?!

— Как всё устроено.

Он снова хмурится и смотрит на меня пристально и внимательно:

— Ты ничего не съел, братуха?

— Не, я чистый. Только покурил с тобой и всё.

— Марк… - он качает головой - Хех!… Ты либо очень умный… либо на всю голову дебил. Но знаешь… ты ж мне много помогал. Думаешь, не помню? Всё помню… Сколько раз мою задницу спасал в школе. Как отец драл за эти оценки, ёмаё!… Я вот щас сидеть могу без боли только благодаря тебе, братан! Так что я точно знаю, что ты умный. Просто ты… - он пытается подобрать слова, - ты, наверное, *слишком* умный для этих мест. Здесь такие умные не нужны, Марк. Тебе, наверно, капец тяжело жить с таким умом, да, чувак?

— Мне будет легче, если ты меня отвезёшь к колонне.

— Прям легче, в натуре? Ха-ха-ха! Прям полегчает сразу?

— Да, сразу полегчает, Раф.

— Ну а мне-то это зачем, чувак?

— Абсолютно не за чем.

Сидим. Молчим. Курим. Мимо пролетает стая ворон. Они летят целенаправленно. Видимо, где-то обнаружилась еда. Я вспоминаю того парня, который только что погиб. Представляю себе, как его сейчас стаскивают в канаву на другой стороне дороги. Может, вороны летят к нему?...

— Ой, всё, заколебал ты меня!!! - вскрикивает Раф, прерывая мои мысли, кидая окурок в окно и заводя двигатель. - Отвезу, хер с тобой! Только не спрашивай, когда. Когда - не знаю. Но когда-нибудь - отвезу. - Он поворачивается ко мне и снова смотрит в глаза. - Ты только к *этой* колонне больше не ходи, ладно?

Раф сегодня решил побыть моей нянькой остаток дня. Мы сперва заехали на рынок, чтобы я закупился всем, чем нужно. А сейчас, уже под самый вечер, он закинул меня на мой автосервис, чтобы я обсудил с хозяином работу на завтра. Сегодня не мой день, а завтра - полная смена. И работа ожидается серьёзная и ответственная, как мне сказал шеф по телефону. Значит, и деньги, наверное, будут серьёзные. Думаю, можно ожидать премии, если всё будет сделано как следует.

— Спасибо тебе, Раф, за всё, - говорю, прощаясь, поднимая рюкзак и открывая водительскую дверь.

— Трофей свой не забудь, - кивает мой друг на заднее сиденье, посмеиваясь.

— Вообще, он как бы твой, - отвечаю с сомнением.

— Не, мне этого говна не надо. Забирай.

Беру биту, стараясь не долбануть ей Рафа, жму ему руку, захлопываю дверь, и автомобиль с шумом уезжает прочь. Я ещё некоторое время смотрю ему вслед.

Бита - это неплохой актив. Но не для меня. Слишком привлекает внимание. Пугает людей. Бросает вызов. Нет, мне нужно что-то незаметное, но эффективное. Там, куда Раф согласился меня отвезти, оружие нужно иметь при себе обязательно. Не потому, что это какие-то особенно опасные места, а потому что они незнакомые. И я в них - тоже незнакомый, а это ещё более стрёмный момент.

Захожу на сервис со своим барахлом. Зал пустой, мастера все уже поразошлись. У нас три подъёмника; на одном поднят старенький автомобиль, остальные два - свободны. Очень солидный сервис по местным меркам. В зале чисто прибрано, всё на своих местах. Хозяин - его зовут Лёха - за порядком и дисциплиной следит пристально и за нарушения наказывает беспощадно. Иногда штрафом, а иногда физически, если штрафовать жалко.

Причём работники предпочитают физические наказания - лишь бы на бабки не опускали. Держа в руке биту, я питаю надежду на то, что Лёха этим «рабочим инструментом» заинтересуется.

Захожу в «кабинет» - каморку с окном, из которого видно всю рабочую зону. В ней за столом в потрёпанном офисном кресле сидит хозяин - здоровый крепкий мужик с чёрной щетиной на суровом лице. На волосатых татуированных ручищах закатаны рукава. Он сосредоточен, что-то важное делает на стареньком замызганном компьютере.

— Здор**о**во, Лёха, - подаю голос, откашлявшись.

Хозяин поднимает глаза. Увидив биту, непонимающе хмурится и гудит басом:

— Чё, в банду вписался, что ли?

— Да не… В переделку попал. Но выбрался, слава богу.

— Значит, завтра работаешь.

— Ну да.

— Отлично.

Он встаёт из-за стола и уже собирается куда-то идти.

— Лёха, тебе бита не нужна? - торопливо поднимаю я в руке свой трофей.

— Бита?… - хозяин оборачивается, - Дай-ка сюда.

Он вертит её в руках, подбрасывает в воздухе, оценивая вес, замахивается, словно уже собирается бить. Судя по лицу, кажется, ему эта штука нравится.

— Продаёшь?

— Ну, не обязательно продаю. Могу обменять.

— На что?

— Ну на что-нибудь такое… короче… защищаться, не нападать. И чтоб внимания не привлекало.

Лёха задумчиво наклоняет голову, потом без слов поворачивается, подходит к рабочему столу и, поставив биту в угол и присев, открывает нижний ящик и достаёт оттуда небольшой цилиндрик. Кидает мне. Я ловлю его автоматически - рефлекс, который, видимо, есть у каждого из нас если не с рождения, то с очень малых лет. Смотрю на пойманный предмет и вижу, что это газовый баллончик.

— Сгодится? - грохочет Лёха.

— Да, ништяк! То, что надо!

В этот момент сквозь окно на нас падает луч света - на сервис приехало авто.

Лёха тут же двигает к воротам и на ходу правой рукой вдавливает меня в диван у окна кабинета так, чтобы меня не было видно:

— Это наш клиент. Побудь здесь и не высовывайся.

Яснее некуда. Хотя, я же могу подняться на второй этаж - там такой же кабинет, и тоже с окном. Там меня точно не будет видно. Этот, нижний кабинет, он ведь «гостевой», для клиентов, и диван специально для них. А верхний - наш, там запчасти всякие лежат и прочее барахло. Клиент туда не зайдёт, это сто пудов. Поэтому, не теряя времени, я быстро взбираюсь наверх по крутой металлической лестнице и присаживаюсь у окна, разглядывая сверху поредевшие чёрные волосы на макушке у Лёхи, встречающего клиента у подъёмников.

Машина заезжает такая, что у меня отвисает челюсть. Огромный солидный чёрный седан, длиной как полтора седана, чистенький, отполированный, аж сверкает! Из под высокой блестящей радиаторной решётки слышен уверенный рёв двигателя, такой, что стены дрожат. Прозрачные фары без единой царапинки светят, как прожектора. К такому автомобилю прикоснуться-то страшно, не то что ремонтировать!

Из машины появляются двое качков в спортивных костюмах - охрана - а вслед за ними выскакивает, видимо, тот самый клиент. В белоснежном пиджаке и брюках, с толстой золотой цепью на шее, в белых ботинках! И как ему не жалко в них ходить по нашему грязному замасленному полу? В солнечных очках - он как будто из Президентского Дворца только что!

— Лёха!!! Братан!!! Как делища!!! - орёт он на весь зал и с размаху бьёт с хозяином по рукам.

— Здорово, Рубэн, - гудит хозяин в ответ, - неплохо, неплохо.

— Всё твоё? - оглядывает гость лёхин автосервис, а я прячусь за окно, чтобы он ненароком меня не увидал; я отлично слышу каждое их слово. - Уважуха, братан, респект! Серьёзный бизнес! Без прикола!

— Работаем, Рубэн, зарабатываем. Работаем хорошо.

— Я знаю, что ты не подведёшь, братуха! У тебя со школы ещё руки в масле по локоть, ты же у нас профи! - белоснежный гость хлопает Лёху по плечу.

— Ну а у тебя как дела?

— Как у меня дела? Ха-ха-ха! Посмотри на мою тачку, братан, и ты поймёшь, как у меня дела!

— Всё наркотой торгуешь?

— Наркотой… Не, наркотой раньше торговал. Завязал с этим. С ментовскими гнидами столько разборок вечно! Но я же умный! Понимаешь? Я ж как решил: зачем мне эти с ментами разборки всё время, если я могу с ними вести совместный бизнес! Врубаешься? Рубэнчик-то не пальцем деланный! Рубэнчик в бизнесе смекает!

— С ментами? Бизнес? Это чё за бизнес такой?

— Казино, братуха! Ка-зи-но!!

— Казино?...

— Делайте ваши ставки, господа!

— Бляха, да это же... И чё, лучше идёт, чем наркота?

— Будет лучше! Мы пока ещё маленькие, у нас ещё... ну... не со всеми, с кем надо есть договорённости и всё такое... Но мне уже нравится! И с ментами никаких проблем! Когда менты тебя крышуют - это прям шоколадно, братан, отвечаю тебе!

Гость извлекает из кармана пиджака толстенную тёмную сигарету и раскуривает её. Запах чувствую даже я. Смотрю на Рубэна, не сводя глаз.

— Вот такие теперь курю, Лёха, понял? Это *сигары* называется, си-га-ры. Элитные! Это тебе не твои сраные сигареты. На, возьми, - он достаёт вторую из кармана и протягивает Лёхе. Я про них слышал от кого-то, но никогда не видел своими глазами. Их вроде даже курить надо как-то по-другому. Просто офигеть! Я не знаю лично ни одного человека, у которого настолько хорошо идут дела!

— У нас турнир будет скоро, - шепелявит гость с сигарой во рту, - по покеру. Техасский холдем, классический. Призовой фонд - пятьдесят тысяч. Такие дела, братан. Скажи своим, пусть порекламируют.

Гость вынимает из кармана стопку разноцветных рекламных буклетиков и суёт её Лёхе.

Я прямо прилипаю к стеклу! Покер - это же моя тема!

— Ни хрена се... - гудит хозяин в ответ, разглядывая верхний буклет в стопке, - это можно пять таких сервисов купить, как у меня.

— А прикинь, сколько можно наркоты сожрать!

— Ну, это по твоей части.

— Конечно по моей, братан! Рубэнчик против наркоты! Первый раунд!

И гость начинает размахивать кулаками, делая шуточные боксёрские удары в воздух.

— И не жалко денег на такие призы?

— Я больше заработаю, братуха. Казино не проигрывает. Рубэнчик много заработает, очень много!

— Ладно, я свистну по своим. Но у меня только один нормально играет, вроде.

— Зови его, пускай приходит. Пятьсот фишек стартовый взнос. Это ж так, понты!

Пятьсот фишек. Да где же я возьму такие деньги? Я их и за год на сервисе не заработаю, даже если не буду тратить вообще ничего.

— А конкуренты не давят?

— Ох, конкуренты, Лёха! Конкуренты - это главная проблема! Но на седьмом терпимо. А у вас тут на восьмом круге - ваще рай! Поле непаханное! Конкуренции - ноль!

Когда он произносит «на восьмом круге», меня словно током прошибает. Восьмой круг. «8–74». Круг номер 8, колонна номер 74.

— Чё за восьмой круг? - спрашивает хозяин, словно услышав меня.

— Восьмой круг… Какой восьмой круг?

— Ну, ты только что сказал.

— А! Ну, ваш район так называется. Они его так почему-то называют, компаньоны мои. Я не знаю, почему. Мы там наелись каких-то таблетосов, а под таблетосами сам же знаешь как: там где надо - нихрена не помнишь, а какая-нибудь фигня возьмёт, да и прилипнет! В общем, хорошо у вас тут! Казиношникам - рай! И турниру - быть! Вот так, братуха…

— Я понял. Ну удачи тебе, Рубэн.

— Лёха!! Давай, родной, позаботься о моей лапочке, а я тебя не обижу! Пойду в другую тачку садиться!

Он отправляется на выход, за ворота, где, видимо, стоит другая машина, которая тоже его! Мне не удаётся её разглядеть, но я понимаю, что дела у Рубэна идут ещё лучше, чем я думал. Две машины. Две! А может, и больше! Немыслимо.

Я вижу, что Лёха зашёл обратно в кабинет. Спускаюсь к нему по лестнице. Молча переглядываемся. Я прохожу мимо него к выходу, но он останавливает меня, слегка приподняв свою могучую руку. А другой рукой суёт мне пять фишек.

— Ты ничего не видел и не слышал.

Жму плечами:

— Не понимаю, о чём ты.

Беру деньги и ухожу прочь.

2

В Подземелье каждый занят своим делом. Кто-то чинит машины и мотороллеры; кто-то торгует наркотой; кто-то работает в полиции; кто-то

- племянник полицейского, и это тоже вполне себе работа. Если ты делаешь

своё дело хорошо - ты, скорее всего, выживешь. Если делаешь плохо - то, скорее всего, нет. Лезть не в своё дело, туда, куда тебя не звали - это риск, и притом неслабый риск. Раф не зря обо мне беспокоится. Я, кажется, занялся не своим делом и лезу совсем не туда.

Раф - человек серьёзный, занятой. На мою авантюру с колонной у него не то чтобы много есть времени. Странная это затея, чего уж там! Поэтому, договориться с ним о поездке в соседний район удалось только на «примерно недели через две с половиной».

Моторикши в незнакомый район ехать либо отказываются напрочь, либо заламывают такую цену, что *я* отказываюсь. Оно и понятно: их и в нашем-то собственном районе

грабят постоянно. Мало владеть своим драндулетом - ещё договорись, с кем надо, чтоб тебе «крышу» обеспечили. Всё сложно, в общем.

Но есть во всём этом и положительная сторона: у меня будет время, чтобы подготовиться, как следует. В моём случае «подготовиться» - значит не «вооружиться», а «приодеться». Я придумал план. Смелый и оригинальный. Надеюсь, выгорит.

Работу над автомобилем Рубэна мы заканчиваем за несколько дней полной победой. Владелец доволен, аж прыгает. Все получают щедрую премию. В том числе и «малой», то есть я.

А ещё, пользуясь моментом, пока Лёха добрый, я выпрашиваю у него всю пачку рекламных буклетов про покерный турнир. «Да забирай, нахер они мне нужны!» - благословляет меня подвыпивший на радостях начальник. Объяснять, зачем, по счастью, не приходится.

Соединив премию с заначкой, которую я храню в укромном месте в тайне от семьи, я отправляюсь на «шопинг». То есть, на барахолку, где среди гор поношенного старого тряпья пытаюсь выискать что-нибудь, в чём я буду выглядеть хотя бы более-менее солидно. Это оказывается делом нелёгким. За две недели мне удаётся отыскать только куртку из чёрной кожи с круглой эмблемой с левой стороны. На рукавах - полосы, белая и красная. Это важно. Чтоб всё, как у «пацанов». Куртка обходится в половину бюджета. Заворачиваю её хорошенько в целлофан и прячу в тайник рядом с нашим туалетом на улице.

Поездка с Рафом переносится ещё «недели на полторы». За это время я таки нахожу всё остальное, что мне было необходимо - джинсы, зауженные книзу и не сильно потрёпанные, белые кеды из кожзама со звездой и белую кепку с тигром. За кеды приходится очень долго и трудно торговаться, чтобы уложиться по деньгам. Джинсы порваны в одном месте, но место удачное - после того, как зашью, будет даже круче смотреться.

На солнечные очки денег не хватило, но, наверное, это не так страшно - с очками было бы уже перебор.

Когда вечером после последнего захода я возвращаюсь домой, хорошенько припрятав все свои последние приобретения, и падаю на кровать совершенно усталый и вымотанный (гораздо сильнее, чем после работы), старший брат смотрит на меня с соседней кровати и улыбается:

— Чё? На свиданку собрался?

Значит, он знает про мой тайник. Быстро оценив ситуацию, я, конечно же, ему подыгрываю:

— Тссс! - отвечаю, прислонив палец к губам. Типа «это только между нами, предки не должны знать».

Пусть он думает, что я «на свиданку». Будет проще объяснить свою поездку неизвестно куда. Легенда нарисовалась сама собой. Люблю, когда так.

— Красивая? - поддразнивает Ибрагим.

Ухмыляюсь в ответ:

— Красивая, в Подземелье? Прикалываешься?

— Да не, бывают…

Брат мечтательно смотрит в потолок. Ему легко говорить - он-то красавчик. Высокий, смуглый, крепкий, и мордой вышел. По нему девки сохли, сколько себя помню, и продолжают.

А я совсем не красавец. Но в целом, на фоне всеобщего уродства и убогости, я попадаю в категорию «вполне ничо». Для некоторых девиц, по крайней мере. А если принарядиться, то можно, наверное, подняться до «ваще ничо»! Главное не начать кадрить девчонок в соседнем районе, когда туда приеду. За такое могут сломать что-нибудь.

Настаёт день Икс. Мы с Рафом договорились на раннее утро. Просыпаюсь в 6:45 от беззвучной вибрации старого побитого кнопочного телефона в моей руке. Аккуратно выбираюсь из-под одеяла, надеваю футболку, и, крадучись, иду через комнату к выходу, чтобы никого не разбудить. Стараюсь наступать на те места на полу, где доски не сильно скрипят. Выбравшись на улицу, надеваю старые резиновые полуразорванные тапки у входной двери, и бегу к своему тайнику у сортира. Среди горы автомобильных покрышек в темноте наощупь добираюсь до той, которая поглубже внутри, и из её недр достаю целлофановые пакеты со своим «прикидом». Отправляюсь с ними в грязную убогую будочку из ребристого пластика, которая у нас служит туалетом, и там переодеваюсь, стараясь ничего не уронить в дырку

- это был бы полный провал.

Теперь мне надо ждать восьми часов утра - времени, когда приедет Раф. Утро, день, вечер и ночь отличаются в Подземелье только количеством людей на улице и количеством освещения - в 12 ночи уличные фонари гасят, в 7 утра - включают. Я остаюсь в туалете, чтобы никто из соседей случайно не увидел меня в моём наряде и не задавал лишних вопросов. Надеюсь, никому из моих домашних не приспичит в толчок спозаранку. Перед ними объясняться тоже не хочется.

Время тянется долго. Достаю сигарету. Закуриваю. Обдумываю ещё раз план. Оцениваю, что может пойти не так. Пойти не так может многое. Может, вообще всё это зря? Приехали бы просто так, поглазели на колонну, да и поехали бы обратно…

Нет. Стоит попробовать. Тем более, деньги уже потрачены.

Сижу и тупо жду, не зная, чем себя развлечь. Курю, сру, снова курю, играю в игру на телефоне, и ещё разок на всякий случай всё прикидываю.

Ещё бы зубы почистить да умыться. Но для этого надо вернуться в дом, а я этого делать не собираюсь. Поеду так.

А время всё тянется и тянется. Поглядываю постоянно на часы на телефоне. 07:32.

Закуриваю ещё сигарету. Воды бы выпить. Но здесь негде. Ё-маё… Хоть бы Раф приехал вовремя! Он чёткий парень, опоздать не должен.

«Не пропахну ли я сортиром за это время настолько, что нельзя будет сесть в машину?» - эта мысль крутится у меня в голове в тот момент, когда я различаю вдалеке звук приближающегося автомобиля. Смотрю на часы. 7:59. «Красавчик, Раф!» - радостно бормочу себе под нос и выхожу из толчка.

Подхожу к дороге. Вижу едущее мне навстречу знакомое серое авто. Машу рукой.

Машина останавливается рядом со мной и из неё выходит Раф, в джинсах и белой футболке, в солнечных очках - всё, как обычно, по форме.

— Здорово, братиш! Ох, нифига ты вырядился! На свиданку собрался, что ли?

Усмехаюсь:

— Ты, как мой братец. Да не, на серьёзное дело едем, чо.

— Ладно, прыгай давай, время тикает.

Я сажусь на пассажирское сиденье, а Раф садится за руль, но не трогается с места, а продолжает меня пристально разглядывать.

— Ты это, в честь колонны что-ли? Типа, праздник?

Он, видимо, начинает думать, что я совсем поехал крышей.

— Не, ты чё! Думаешь, я того? Я нормальный, Раф. Просто, план есть один…

— Какой план?

— Поехали, расскажу по дороге.

— Ну поехали… - хмыкает водитель.

Мы отправляемся в путь. Едем по грязной каменистой дороге сквозь трущобы. Вокруг - развалины, мусор и всякая рухлядь, и часть этой рухляди - убогие хижинки, жилища местных, таких же, как я. Построены «из говна и палок», то есть буквально из всего, что попалось под руку и не рухнет под дуновением ветра. Стены таких домов - это причудливое соединение металлических листов, останков автомобилей, пластиковых панелей разных цветов и фактуры, досок и кирпичей. Кто что достал-своровал, тот из того и строит. Крыши у этих хибар - это вообще отдельная хохма! Я видел, как один умелец в качестве крыши просто натянул чёрную полиэтиленовую плёнку - где-то стырил несколько рулонов, видимо. Ну а что? Дождей мало. И снега почти не бывает. Ветер бывает сильный - это да. Но нечасто. Температура в течение года тоже не особо меняется. Подземелье - оно и есть Подземелье…

Раф гонит быстро, и очень скоро мы оказываемся в тех краях, дальше которых я не заходил. Смотрю вокруг пристальнее и внимательнее, пытаюсь запомнить дорогу. Справа болото зеленовато-оранжевой жижи с масляными разводами на поверхности, какие есть и у нас, поближе. В таких болотцах плодятся комары, а потом летят к нам. От укусов

этих комаров на теле появляются твёрдые волдыри, и проходят они неделями. Слева - горы какого-то мусора и металлолома, перемешанные с камнями и обломками бетона с торчащей арматурой. Посреди этой свалки - большая металлическая опора линии электропередачи. Через неё тянутся чёрные нити электрических кабелей. Ток… По этим проводам течёт ток. Ток - это наша жизнь. Я смотрю на опору с каким-то благоговейным трепетом, поворачивая голову, пока мы проезжаем мимо.

— Чё, тоже интересная? - посмеивается Раф, - Может, тебе *её* хватит, а до той не поедем, а?

— Да не… с этой штукой всё более-менее ясно. Где-то в том районе, куда мы катим, должна быть сортировочная станция. Там оборудование всякое, нужно электричество. Так что провода ведут к сортировке, это наверняка. Другой вопрос - *откуда* они идут, где источник? И вот это бы очень хотелось узнать! Но колонны интереснее…

— Хех! Соображаешь, мозг! А сортировочная, между прочим, как раз рядом с твоей колонной.

— Значит, линия электропередач ведёт примерно к колонне. Круто! Ориентир, однако. Если б я умел летать, мне бы это помогло…

Пустошь заканчивается, и начинается промышленная зона, в которой я никогда не бывал. Старые бараки, большие ангары, бытовки-контейнеры, нагроможденные друг на друга и много-много бетонных заборов. Через них пробираешься, как через лабиринт. Высоковольтные провода уходят в сторону, вдалеке виднеется другая опора ЛЭП, а от неё ответвляется пучок более тонких нитей, питающих электричеством местных воротил и их скромный бизнес. Ничего серьёзного здесь, скорее всего, не делают - так, склады да какое-нибудь ручное кустарное производство. Максимум - автосервисы. Так или иначе, добраться до колонны провода, конечно же, не помогут. Идти вдоль них через такую застройку невозможно, здесь своя логика и свой маршрут. Я пытаюсь запоминать дорогу изо всех сил, но есть две проблемы. Во-первых, Раф сам толком не знает пути и едет по наитию.

— Твою мать, и здесь тупик! Ё-маё! Куда ж тут ехать-то, бля?… Вроде раньше здесь ездил…

Ну вот, как я и говорил. А во-вторых, вот эти парни, которые подходят сейчас к нашей машине, пока Раф даёт заднюю и разворачивается.

— Э! - рявкает один из них низким прокуренным голосом. Он совершенно бесцеремонно подходит к машине и начинает долбить грязным кулаком в стекло, - Братан, червонец есть? Куда надо? Всё покажу-расскажу. Слышь, да ты стой! Куда прёшь, алё? С тобой люди разговаривают, стекло опусти! Слышь, бля!

Он начинает бить ногой по двери. Остальные трое обступают машину. Они ничего не делают, но готовы подключиться. Один из них встаёт прямо перед машиной, упираясь руками в капот.

Раф качает головой и беззвучно матерится. Лезет в задний карман. Достаёт оттуда что-то. Опускает стекло. Снимает очки, пристально глядя в глаза главарю этой банды оборванцев.

— Молодой человек. Следователь Гарин. У вас тут в районе убийство совершено, ищем подозреваемых, на допрос проследуйте.

Произносится всё это очень спокойным голосом. Раф показывает оборванцу то, что достал из кармана - развёрнутое удостоверение.

Проходит какая-то секунда - и вокруг машины никого. Ни единой живой души! Раф поднимает стекло обратно и трогается с места. На его лице - смесь усталости, самодовольства, иронии и чувства превосходства. Оттенок того выражения, которое видишь у настоящих ментов, только там ещё есть злоба, цинизм, садизм и полное безразличие. Раф ещё не прошёл весь путь.

— И вот так по жизни, бля…

— Странно, в такую рань…

— В какую рань? Это для тебя, работяги, рань! А эти гниды когда проснутся, тогда у них и утро.

— Чё за ксива у тебя?

Он смеётся:

— Да какая ксива, братан?! Липа это! Полная хрень. У дядьки взял, старое чьё-то, недействительное. Там и рожа-то не моя! На, можешь позырить.

И он пихает мне ксиву, сосредоточившись на маршруте.

Я смотрю на карточку, которой можно напугать людей до смерти. Смотрю на лицо того человека, которому она когда-то принадлежала и позволяла по факту делать всё, что угодно. Как часто он этим пользовался? На лице написан ответ.

— Ловко…

— Да дебилы потому что. С дебилами такое всегда прокатывает. Их на понт взять - как два пальца обоссать. Я бы и без ксивы справился!

— Блеф. Как в покере. Вести себя так, как будто у тебя сильная карта.

— Типа того.

— Да, полезная штука. У тебя сейчас хорошо получилось.

Мы продолжаем петлять по лабиринтам промзоны. Пару раз зовём на помощь местных, из тех, кто настроен доброжелательно и бескорыстно. Наконец, выезжаем на дорогу, которая Рафу, кажется, более-менее знакома.

— Фуф! Вот здесь я уже в курсе, как ехать. Твою мать, если б знал, на какой геморрой ты меня подписываешь, чувак, ни за что б не согласился!

Раф это повторяет уже не первый раз на за время наших скитаний по этим закоулкам, но это всё слова. Подземелье научило меня судить о людях не по словам, а по поступкам. Раф

знал, что это непростая поездка. Но несмотря на это, он хотел мне помочь. Он не будет этого делать постоянно, но один раз сделает.

— Извини, я сам не знал, - отвечаю, подыгрывая ему.

— Да ладно, уже ведь поехали! Чё я разгунделся-то! - он подталкивает меня локтем. - Давай, колись, чё у тебя там за план?

Я начинаю рассказывать ему о своей нехитрой затее, продолжая с внимательно разглядывать окрестности. Промзона потихоньку заканчивается. Фонарей вокруг становится меньше, мрак вокруг нас сгущается. Но вдалеке виднеются редкие дома. И они не такие, как наши хибары. Они капитальные, из бетонных панелей. У нас в районе есть один такой. Старый, раздолбанный, целый верхний этаж пустует, потому что крыша провалилась. Но на остальных этажах люди живут. А здесь эти многоэтажки поновее, как будто бы. В некоторых окнах уже горит свет. Люди просыпаются. Мы подъезжаем всё ближе, и за первыми редкими панельками начинают виднеться огни других домов. Застройка там уже плотнее. Оттуда до сортировочной станции, видимо, уже совсем недалеко - чтобы запитать все дома, нужно много электричества, и оно берётся из той же подстанции, которая питает сортировку. Подземелье экономно. Очень экономно.

Я заканчиваю свой небольшой рассказ. Раф в полном восторге.

— Ты ваще мозг! Чувак, это… это ж надо так придумать! Но это капец как стрёмно!

— Да ладно, прорвёмся…

— Смотри, это надо сыграть хорошо. Если закиксуешь - они тебя с говном съедят. А я не смогу помочь, я уеду.

— Расслабься, я умею блефовать. Деньги на этом зарабатываю… периодически.

— Периодически! Где таких слов-то набрался, слышь, умник?

— О, глянь: «Одна фишка». У нас тоже такой магазин есть! Прикол…

Мы едем по прямой улице. С двух сторон панельные дома. Под колёсами - настоящий асфальт, хоть и неровный, потрескавшийся и сильно раздолбанный, но асфальт! И он тут повсюду. И с освещением получше - настоящие уличные фонари через каждые метров двадцать пять. В общем, много необычного для меня, и район мне кажется гораздо цивильнее, чем та разруха, в которой я привык жить. Магазины на первых этажах домов то тут, то там. Но все пока закрыты, кроме алкогольных, которые здесь, как и у нас, работают круглосуточно.

— Вперёд смотри, любитель колонн, - говорит мне Раф.

Я перевожу взгляд на дорогу, и в конце улице, вдалеке, сквозь дымку, вижу нашу цель. Её ни с чем не перепутаешь. Огромный тёмный бетонный столб растёт из земли и уходит в самое небо, исчезая в темноте. Я пытаюсь разглядеть номер, нанесённый под трафарет тёмно-зелёной краской, но, конечно, с такого расстояния и без подсветки это невозможно. Но я всё вглядываюсь и вглядываюсь в колонну в ожидании, что мы подъедем ближе, и

номер станет заметен. Никаких сомнений, что он там есть. По-другому просто не может быть!

Раф сбавляет скорость и едет издевательски медленно.

— Чувааак, ну зачем? - изнываю я от нетерпения.

— Хех! Ладно, хрен с тобой! Пора заканчивать наше путешествие, сам заколебался!

Он вдавливает педаль в пол. Машина рвётся вперёд. Через дорогу, выскочив из помойки на углу, пробегает кошка. Но Раф замечает её слишком поздно, и я слышу глухой удар.

— Тупая тварь! - выругивается водитель, но не со злобой, а с презрением. Он знает, что из-за сбитой кошки бампер не пострадает, и это - единственное, что имеет значение.

Мы приближаемся к финишу. На следующем Т-образном перекрёстке дорога заканчивается, упираясь в пустое пространство перед бетонным забором, за которым, видимо, сортировочная станция. Основание колонны тоже находится за забором, но это мне не помешает, потому что я теперь отчётливо вижу номер, написанный на ней, и это номер:

[8-75]

Улыбаюсь. Мне трудно скрыть свой восторг. В то же время, мне трудно объяснить своему товарищу, почему я радуюсь.

Машина заезжает на пустую заасфальтированную площадку перед забором и останавливается. Раф смотрит на меня и посмеивается:

— Ты прям весь сияешь, братуха.

— Ничего, ща пройдёт...

— Чё тя так штырит от этих столбов-то, а?...

— Дело не в самих столбах. Просто догадка одна была... которая подтвердилась.

— Какая догадка?

— Да... долго объяснять. Пойдём, покурим, что-ли?

Кто же откажется от такого предложения! Мы выбираемся из машины, потягиваемся, достаём сигареты - каждый свои - и закуриваем, добавляя в воздух ещё чуть больше вредных выхлопов. Прислонившись спиной к автомобилю, я выпускаю из лёгких густой дым, глядя на колонну, а Раф стоит рядом со мной и глядит по сторонам. Мимо нас проносится автомобиль. На другой стороне улицы мой приятель замечает прохожих.

— Выползают муравьишки помаленьку...

— Ага... - мычу в ответ, непринуждённо поглядывая за спину. - Вроде ничё, безобидные.

— А ты посмотри вон на тех, на углу, у магаза.

Я осторожно поворачиваю взгляд, делая вид, как будто вовсе и не смотрю в ту сторону. У магазина - три молодых человека стоят кружком и что-то рассматривают и обсуждают. Один из них кивает головой, отходит от остальных и поднимается в магазин.

Мы с Рафом переглядываемся:

— Недодоили? - спрашиваю.

— Наверное. Точно не поедешь со мной обратно? Смотри, к тебе такие хлопцы могут подойти, у них вопросики будут.

— Заманчивое, конечно, предложение… - я делаю последнюю затяжку и выдыхаю облако дыма, - но нет. Спасибо, Раф, что беспокоишься.

Я бросаю окурок на потрескавшийся асфальт.

— Хренасе ты вежливый! Да не за что, ёпт, ваша светлость! - посмеивается Раф, качая головой - Рисковый ты чел, Марк. Как те, бляха, не стрёмно искать такие приключения на свой зад?

— Это всё картишки, брат. Профдеформация.

Раф посмеивается и тоже бросает окурок:

— Нда… Ладно, деформированный, пора мне ехать. Если не сможешь отсюда выбраться - звони, я постараюсь подкатить. Но не факт, что смогу. Сам понимаешь. У тебя бабки-то с собой есть, чтоб откупиться, если чё?

— Да не особо…

— Бляха… Ну ты… Ты на всю голову, чувак…

Раф берётся за волосы. Ему не подобрать слов даже из того богатого арсенала матерной ругани, которым он владеет. Он нервно посмеивается и, глядя в забор, тычет в меня указательным пальцем:

— Ну если ты отсюда выберешься без меня, чувак - плюс сто очков уважухи!

— Говно вопрос, по рукам.

— Хех… ладно. Ты парень умный, справишься. В общем… удачи! Как вернёшься
• кинь телегу[1]!

— Лады.

Мы стукаемся кулаками, я отхожу от машины, и Раф уезжает. А я остаюсь один и ещё некоторое время разглядываю огромный серый столб, уходящий в небеса. Долго нельзя так стоять, я это знаю. Местные и так на меня стопудово обратят внимание - или уже обратили - и никто не должен подумать, что меня эта колонна вообще хоть как-то интересует.

[1]Напиши сообщение.

— Во здоровенная хреновина, а? - раздаётся из-за спины пропитый хриплый голос.

Меня всего передёргивает внутри. Надеюсь, это не было заметно. Оглядываюсь на непонятно откуда взявшегося мужика. Он стоит рядом со мной и смотрит на столб задумчиво и с почтением. Небритый, заросший, засаленный, он, кажется, просто ищет себе собеседника и собутыльника. Может и неплохое начало. Вдруг скажет что полезное?

— Не то слово, отец, - отвечаю.

Мужичок складывает ладони и поднимает руки над головой:

— О великие боги!!! Пришлите водки старому Вано!

Он опускает руки и глядит на меня, пожимая плечами:

— Не присылают.

И не дожидаясь ответа, отправляется мимо своей дорогой, явно не собираясь продолжать наш разговор. Ну и хорошо. Собираясь с мыслями, я ещё смотрю ему вслед, как вдруг он останавливается, оборачивается, и, криво усмехнувшись, выдаёт, показывая большим пальцев за забор:

— Кхех! Там, на той стороне, ещё одна такая есть. За кладбищем и борделем. Хоть обсмотрись!

Сказав это, он отворачивается и отправляется дальше, покачиваясь и оставив меня в полнейшем ступоре. Мне нужно время, чтобы осознать услышанное и подобрать правильные слова. Пару секунд. Очень стараясь сделать свой тон как можно более безразличным, я бросаю ему вслед:

— Чо, реально?

Он снова оборачивается и, положив ладонь на грудь, отвечает:

— Бля буду!

Я иду вдоль забора в сторону виадука, перекинутого через всю сортировочную станцию. Чтобы дойти до колонны, про которую сказал Вано, нужно по этому виадуку перейти на дальнюю сторону. Мне хочется бежать, но я себя сдерживаю. Дойду до моста, посмотрю на него, а потом схожу вглубь района. Во-первых, не хочется идти по виадуку в полном одиночестве, и я надеюсь, что чуть погодя там появятся прохожие - ближе к полудню народ повыползает на улицу. Во-вторых, надо сперва здесь освоиться. Окунуться в обстановку. Попытаться стать похожим на местных и вести себя, как местные. Я хоть и по-щегольски одет, но здешние тоже выглядят довольно прилично по сравнению с нашими, и это хорошо. Это значит, я не буду так сильно выделяться.

Рассматриваю надписи на заборе. Ничего особенно интересного, всё в целом, как у нас. Обычная наскальная живопись и разметка территории местными мафиози. Глаз останавливается на яркой ромашке - жёлтая сердцевина и белые лепестки. Краска ещё свежая. Снизу надпись: «Хочу увидеть солнце». Поджимаю губы. Прибавляю шаг.

А вот и виадук - длинный мост через поле железнодорожных путей сортировочной станции. Две полосы движения для автомобилей и пешеходные дорожки по краям, отделённые бетонными отбойниками от основной дороги. Мост освещён фонарями. Не все из них работают, но в целом дорогу видно. Беру на заметку. Разворачиваюсь и перехожу через дорогу прочь от моста.

Попадаю на улицу с потрескавшимся асфальтовым тротуаром, иду вдоль панельных домов. Прохожих стало побольше. Мимо проходит быстрым шагом бородатый мужик, одетый в униформу. Явно работает на сортировке. Или электрик.

Прохожу мимо женщины с двумя детьми, одеты плохо, лица беспокойные и хмурые. Старушка мимо прихрамывает, ещё одна женщина с собакой на поводке. Собака бросается меня обнюхивать, потом начинает лаять, а хозяйка её одергивает, и они идут дальше, но собака всё ещё оглядывается на меня. Запах, видать, незнакомый. Если так, то у меня могут быть неприятности. Как поведут себя собаки, которые не на поводке?

Моё внимание снова привлекает магазин «Одна фишка», мимо которого мы проезжали. Теперь он открыт. Сворачиваю с улицы и захожу внутрь. Задам пару вопросов между делом. С продавцами это безопаснее всего. Главное, чтоб банда какая-нибудь не нагрянула именно в этот момент.

Разглядываю товары на полках. Они собраны в комплекты и упакованы в прозрачные пакетики. Стоимость каждого пакетика - одна фишка. В этом и смысл магазина. Когда за что-то платишь, одна фишка - это твой минимум. Меньше заплатить просто не получится. Но фишка - это всё ещё немалые деньги. За одну фишку можно купить пачку сигарет или, допустим, целый блок спичечных коробков. А если надо купить только один коробок, то как это сделать? Некоторый умельцы ломают фишку на четыре части и платят четверть фишки, но такое прокатывает далеко не везде. А в этом магазине ты можешь за одну фишку купить комплект всякой мелочёвки, которая тебе по жизни нужна. Вот, например, лежит комплект: зажигалка, два презерватива и бумага для самокруток. Ковбойский набор! И таких наборов «по темам» здесь множество. Есть для домохозяек, есть для ремонта, есть для досуга. Вижу набор для себя: колода карт, зажигалка и пять сигарет. Но мне не нужно, у меня дома карточных колод полно. А вот это, может быть, и пригодится: блокнот, авторучка и небольшой пластиковый фонарик.

Беру свой набор и иду к кассе. За кассой девушка в полосатом свитере, с русыми короткими волосами. Показываю ей комплект и отдаю фишку.

— Скажи, а где у вас тут рынок на районе?

Я спрашиваю с полной уверенностью, что рынок тут где-то должен быть. И не ошибаюсь. Продавщица объясняет мне дорогу, и это оказывается не так далеко.

— А ещё не знаешь, где тут в покер играют?

Она не в курсе. Хочу ещё спросить, что находится по другую сторону сортировочной станции, но передумываю. И, разложив купленные предметы по карманам, выхожу на улицу.

Иду дальше метров сто до места, где заканчиваются дома и начинаются гаражи и всякие мастерские по ремонту всего подряд. Поворачиваю направо, перехожу через дорогу, двигаю вдоль всех этих металлический и бетонных коробочек, пропахших маслом и бензином. Ремонт обуви уже работает. А рядом слесарь выправляет колесо чьего-то велосипеда.

— Эй, парень! Куртку не надо отремонтировать? - окрикивают меня из обувной мастерской. Видимо, они и одеждой занимаются тоже.

— А что, с ней чёт не так? Нормальная же вроде? - кидаю в ответ.

— Ну вдруг…

Иду дальше по кривой дорожке из плиток. Слева гаражи, в основном закрытые, а справа панельные дома. Штуки черыре, один за другим. Долго иду мимо ларьков, пока не дохожу до самого последнего дома. За ним следом вижу что-то вроде гаража, но побольше и полукругом. Ангарами такие штуки называются. В них обычно склад чего-нибудь, или производство. Иду побыстрее, и вслед за ангаром начинаю видеть, кажется, тот самый рынок. Рановато я туда пошёл. Вряд ли там щас много народу, всё-таки утро. Но надо глянуть хотя бы одним глазком. Всяко лучше, чем шататься по улицам.

Уже подхожу к концу ангара, как откуда-то из-за гаражей выбегает стая чумазых пацанов. Пятеро. Самому старшему лет двенадцать, самому младшему
• где-то девять. Пытаются обойти меня со всех сторон, но я быстро

подхожу к двери гаража и непринуждённо облокачиваюсь на неё, как будто мне всё равно.

— Дай фишку, - гудит старший сиплым прокуренным голосом.

Мне всё понятно сразу. Без лишних разговоров достаю из кармана баллончик и поднимаю его в руке:

— Знаешь, что это?

— Знаю…

— А знаешь, что *это*? - вякает самый младший, достав из кармана ножик-бабочку. Это обычная детская игрушка в наших краях. Проткнуть им можно только масло или тесто, наверное.

— Заткнись, молодой. Убери нахрен, - рявкает главарь банды.

Я не могу удержаться от смеха:

— Слышь, старый. Давай, чеши отсюда со своей весёлой компанией, и нечего к приличным людям приставать.

— Ты не с нашего района! - выкрикивает кто-то из более «пожилых», но старший поднимает палец, чтобы призвать к тишине.

— Да, я не с вашего района. Приехал по делам. Где у вас тут в покер играют?

— Я те чё, справочник?

— А ты разговаривать умеешь, оборванец?

Главарь банды в лёгком ступоре.

— В школе учишься?

— В школе? Нахрена? - возмущённо гудит подросток.

— В смысле, «нахрена»? Ты не видишь разницы? Как я одет, и как ты.

— Ну так ты взрослый!

Видимо, я выгляжу старше своих лет. Особенно когда небритый.

— Да ладно!! - отвечаю, - Чё, не видел взрослых таких же оборванцев, как ты?

Парень молчит. Конечно видел. И много.

— Вот если б в твоей чумазой башке мозгов побольше было, ты бы понял, в чём дело.

— И в чём? - вопрошает чей-то детский голос из-за спины.

Я прислоняюсь спиной к гаражу, вальяжно облокотившись, и отвечаю всей банде, которая вылупила на меня свои десять любопытных детских глазок:

— Я соображаю лучше. Лучше всех вас. Вместе. Хорошо одевается и зарабатывает тот, у кого котелок варит, - постукиваю пальцем по голове,

- А у кого в голове сквозняк, тот всегда будет нищебродом. Как вы.

Начинающие бандиты задеты за живое.

— А ты, типа, учился в школе, да? - выкрикивает один из них.

— Конечно учился. Все девять классов.

— И чё? Ты, типа, главарь банды теперь?

— Ну не главарь, конечно. Но не последний человек. Ты вот знаешь, что такое теория вероятностей?

— Чего???

— Конечно нет. Ты ж не учился, ты тупой. А на теории вероятностей весь покер строится, ты в курсе?

— И чё, в покер хорошо играешь?

— Обыграю любого из вас. Хочешь проверить? Давай сыграем? Тащи колоду. С десяти фишек начнём. Возьмёшь у товарищей взаймы.

— Гарик, не ведись, он тебя без штанов оставит! - громко шипит кто-то из товарищей.

Я взрываюсь хохотом. Дети прыскают и тоже начинают хохотать вместе со мной. А парень, которого я хотел вызвать на бой, угрюмо молчит.

Я вдруг резко замолкаю и становлюсь серьёзным:

— Короче. Хотите быть всю жизнь оборванцами - продолжайте в том же духе. Хотите быть как я, - многозначительная пауза, - бегом в школу, и учиться! Тебе папа подарит классные шмотки, мотоцикл и пистолет, когда вырастешь? - спрашиваю у одного из них.

— Не, он бухает…

— А тебе, слышь, пристарелый, мать большое наследство оставит?

— Какое наследство? - буркает тот.

— «Что? Наследство?» Да ты и не в курсе, что это вообще такое!

Детвора начинает хихикать, но старший злобно зыркает на них, и они замолкают. И снова смотрят на меня. И я выдаю после многозначительной паузы:

— Ваши мозги - это всё, что у вас есть. Мозги - это как мышцы. Их качать можно. Только мозги сильнее мышц. Во много раз! Главарями банд становятся те, кто умнее, а не те, кто с мышцами. Самое лучшее время для вас качать свои мозги - это сейчас. Сможете - станете крутыми. Не сможете - станете всмятку. Вопросы есть?… Тогда свободны.

Закончив свою короткую речь, я достаю из кармана пачку сигарет, с важным видом закуриваю и перестаю обращать на оборванцев какое-либо внимание.

Они продолжают пристально смотреть на меня, как на чудо. Они сбиты с толку. Слышу, как самый младший шепчет своему соседу: «Классный чувак, да?»

Поднимаю на них усталый взгляд:

— Вы хоть знаете, где тут школа-то?

— Я знаю, - отвечает один из «бандитов».

— Ну? И чё стоим? Кого ждём? Вперёд!!! Считаю до пяти, а дальше баллончик возьму! Один!! Два!!!

Детвора молниеносно срывается с места, как стайка воробьёв. Они бегут сначала в одну сторону, но потом резко меняют направление по сигналу своего проводника. Если я кому-то расскажу, что эта шпана бежит в школу, то меня, наверное, примут за сумасшедшего. Магия какая-то. Сам удивляюсь, как мне это удаётся? Люблю детей. Всех. И таких тоже. Я в детях всегда вижу какую-то… надежду, что ли. Хоть и знаю, что вот эти, например, конечно же не будут учиться. Прибегут в школу, как идиоты, а дальше что? Там же думать надо, напрягаться, хоть там и не особо учат. Они это дело бросят быстро, а скорее всего - даже и не начнут. Одного разговора не достаточно. Нужен постоянный наставник. У меня есть кучка ребят, которых я веду уже несколько лет. Вот они учатся. Но скольких же мне трудов стоило их вдохновить и заинтересовать! Каждый из них бросал, потом снова начинал, потом весь наш кружок распадался из-за каких-то проблем и обстоятельств, потом снова собирался. Но в итоге я смог их зажечь, так, что теперь их не остановить. А зачем - сам не знаю…

Я ведь наврал этим чумазым пацанам. Наврал в три короба. Учиться в школе, чтобы стать главарём банды - это же просто смех! Быть во главе банды - это вообще не про школу. Там мозги, конечно, нужны, но другие мозги. Не школьные. Но я сам учился, и учился хорошо, и изучал гораздо больше, чем в школе давали. Во много раз больше. Можно ли сказать, что я благодаря этому хорошо одет? Да, можно сказать. Тут я не соврал. И дело не в том, что мне для того, чтобы быть разнорабочим на автосервисе, как-то сильно нужны школьные знания. Дело в том, что школа и интерес к знаниям не дают… не дают скатиться. Не дают спиться, скуриться, сторчаться. Помогают быть на плаву. Помогают не сдаваться и из самых сложных ситуаций находить выход. Помогают искать и надеяться. Вот! Вот это самое главное: искать и надеяться. Мне один рэпчик очень нравится, и в нём есть такие слова:

Я иду по трущобам, на ботинках слякоть.

Настроенье такое, что хочется заплакать.

Но только дать слабину - это, считай, умереть,

А мне ещё охота продолженье посмотреть

Того известного всем телесериала мутного,

Который нашей жизнью называют почему-то.

Кто-то напутал, подсунул мне роль чужую.

Вы что, не видите, что на неё не подхожу я?!

Вот это про меня. Жаль, плеера нет и на телефоне не осталось. Щас бы послушал…

Мне всё время кажется, что мне дали по жизни какую-то не ту роль. Не мою. Кажется, что из Подземелья есть выход. И я ищу и надеюсь. Ищу… и надеюсь…

Сигарета тухнет сама. Докурил до фильтра. Бросаю окурок. Пора.

Оказавшись на рынке, я вижу, что здесь уже довольно людно. Большая часть лавок работает, народ ходит, смотрящие смотрят. Видать, пока я шатался по району, болтал с ребятнёй, курил сигарету и думал, прошло уже прилично времени. Мой желудок подсказывает мне то же самое, особенно когда я чую запах еды. Вижу, как какой-то пожилой дядька готовит на двух сковородках что-то аппетитное, обильно посыпая приправами. Не могу с собой совладать. Эта хрень, которую он жарит, притягивает меня, как зомби свежая плоть.

— Это кто? - спрашиваю.

— Это крыса. А это собака. Бери, родной, не пожалеешь! Свеженькие!

Собака вкуснее, конечно… Но и дороже. А на крысу он не зря столько приправ сыпет, ох не зря! Но ладно, чо, была-не-была! Желудок жителя Подземелья может переварить,

наверное, даже пригоршню ржавых гвоздей при желании. Но лучше их перед этим приправить хорошенько!

— Давай крысу.

Содержимое сковородки отправляется в большой бумажный стаканчик, туда же вставляется деревянная шпажка в качестве столового прибора. Блюдо вручается мне. Я даже не спрашиваю, сколько это стоит. И так всё ясно. Отдаю одну фишку и двигаю дальше, на ходу поглощая тоненькие лоскутки жареного мяса. Ну и не только мяса. Без потрохов, конечно же, не обошлось. Но с перцем чили, соусом карри и порошковыми улучшителями вкуса заходит, как родное!

Иду и осматриваюсь по сторонам. Торговля уже полным ходом. С этой стороны еда. Вон там шмотки и всякие предметы для быта. В этом проходе - запчасти для мотороллеров и велосипедов. В конце прохода вижу бетонный забор, совсем как тот, который у нас в районе рядом с колонной…

— Чё, вкусно?

Поворачиваюсь. Передо мной стоит молодой парень в чёрном плаще с волосами грязно-рыжего цвета. Голос насмешливо-дружелюбный, явно хочет мне что-то продать. Смотрю ему в лицо в ожидании.

— На десерт не желаешь чё-нибудь? - говорит он, улыбаясь и подмигивая. По его виду и интонации я сразу понимаю, о чём речь.

— Барбитураты есть?

— Чё, в напряге чтоль? - подтрунивает продавец, - Я думал, ты разогнаться захочешь.

— Не, наоборот. Работа нервная, хочется поовощить.

— Ну барбитальчик есть, да. Четыре по тридцать.

— Ой-ой-ой-ой-ой…

— Да ладно, чо, дорого?

— Ну я дешевле беру.

— Ну не знаю, чувак, где ты там берёшь дешевле! Мне никак не скинуть.

И тут я слышу звук проходящего поезда. Поворачиваю голову в проход и очень внимательно смотрю на забор, пытаясь разглядеть, есть ли в нём какие-нибудь щели, через которые виден двигающийся состав. Не та ли самая это дорога, которая проходит мимо колонны 8-74? Очень похоже, что та же.

— Эй, ты чё завис? - посмеивается рыжеволосый парень.

— Да орать лень! - выкрикиваю в ответ через шум проходящего состава. Поглядываю в стаканчик с недоеденной крысой.

Шум поезда постепенно стихает.

— Чёт я не пойму, чувак. Ты вроде прилично одет, а жрёшь крысятину и бабки жмёшь на сраную барбитуру. Как так?

— Проигрался я… На мели щас. Но ничё, отыграюсь, это дело обычное. Не знаешь, где тут в покер играют?

— Оу, так ты залётный, не с нашего района.

— Да, я здесь по делу.

— По какому делу?

— Слушай, ну ты ж не смотрящий, не?

— Неа, - отвечает парень и сплёвывает через зубы.

— Ну и не забивай себе голову. Мне болтать лишний раз не охота, себе дороже может выйти. Так знаешь, где играют, или нет?

— Не, чувак. Я здесь, на рынке торгую, а по району особо не шарюсь, так что не скажу.

— Ну ладно, удачи.

— Приятного аппетита, ёпт! - усмехается мне торговец вслед.

Какая-то напряжённая вышла беседа. Но это не важно. Главное, что картина сходится: по рынку ходил чувак, прилично одетый, искал, где играют в покер. Этого достаточно. То, что я на мели, это, конечно, не очень желательная деталь, ну да ладно. Теперь самое главное…

Я на мгновение останавливаюсь и пытаюсь понять, как мне подойти вплотную к забору. Хочу его осмотреть. Хочу понять, нет ли там лазеек наподобие той, которую я знаю у себя в районе. Забор крепкий, капитальный, но чем чёрт не шутит?

Да, надо выяснить про железную дорогу. А потом пойти к колонне. Как-то так…

Поворачиваю налево и иду сквозь ряды, где продают съестное, сахар, соль и муку. Кто-то ругается с продавцом, кто-то отчаянно торгуется, пытаясь снизить цену хотя бы на одну фишку. Одна фишка - это целая пачка сигарет. Есть, за что побороться.

Упираюсь в забор и иду направо. По правую руку стоят лотки, а вплотную к забору никто не стоит. Забор - федеральная собственность. Но сидеть у забора - это не бог весть какое преступление. А вот проникновение за забор - это серьёзно. За такое могут и пристрелить. Во всяком случае, пока ты *там* находишься. А если успел вернуться - ну тогда отправишься в отделение, там тебя поколотят хорошенько, отберут все деньги (которых у тебя, скорее всего, нет), проведут с родителями беседу, влепят им штраф, поставят вас всех на учёт, а потом родители поколотят тебя. Но это с детьми, а со взрослыми - не знаю, как…

Мимо меня пробегает какой-то босоногий мальчуган, и я успеваю схватить его за руку. Едва он начинает возмущённо галдеть, как я прикладываю палец ко рту и шепчу ему на ухо:

— Чщщщщ! Хочешь фишку заработать?

Его лицо тут же меняется:

— Фишку? Ага!

— Пошли туда, в конец рынка. Это супер-секретно!

Два в одном! Мало того, что фишку заработать, так ещё и выполнить супер-секретное задание! У парня день удался!

Мы быстро идём вдоль забора до тех пор, пока лотки не заканчиваются. Дальше - забор-сетка и небольшая пустошь, заканчивающаяся другим, бетонным забором, за которым, видимо, сортировка.

Парень кивком головы зовёт меня, и мы идём вдоль сетки, пока не оказываемся рядом с местом, где она разорвана и небрежно «заштопана» проволокой. Мой проводник очень уверенно пролезает снизу под проволокой. Я должен сделать то же самое. Разгибаю в стороны сетку и очень осторожно, чтобы не зацепиться курткой, пролезаю вслед за ним. Мы отходим от забора и от рынка на расстояние, чтобы нас никто не слышал.

— Ну?? - с нетерпением ждёт мальчуган моего задания.

— Мне нужно за забор попасть, к железной дороге. Знаешь, как это сделать?

— Чё, отвести тебя? - заговорчески улыбается парень.

Так я и знал! Детское любопытство, как вода, всегда находит дырочку в самом крепком заборе.

— Конечно отвести! Думаешь, просто так те фишку дам?

— Погнали, - деловито кидает мне мой компаньон.

Мы идём дальше, в сторону пустоши. Земля вроде сухая, но я всё равно стараюсь не наступить своими белыми кедами в какую-нибудь гадость.

— Смотри, ведь за это шлёпнуть могут, - предупреждает меня мальчуган, но голос у него задорный и игривый. Видно, что ему это приключение в кайф.

— Да знаю я…

— А чё у тебя там? Закладка?

— Я ж сказал: всё супер-секретно.

— Лады, шеф…

Мы подходим к канаве, пересекающей пустошь, и оказываемся рядом с бетонным забором. Канава заканчивается большой металлической трубой, проходящей под ограждением и под железной дорогой. Парень показывает на трубу:

— Надо вот в неё пролезть и с той стороны зайти, там пролаз будет.

Понятно…

— А ты там был?

— Где, на той стороне?

— Ну, за забором, внутри, на железке.

— Ясное дело был!

— Табличку синюю с номером не видал там?

— У следующего фонаря вроде какая-то висит.

— А какой на ней номер написан?

— Не знаю, она далеко, не видать.

— А если я тебе дам две фишки, ты сможешь сбегать и посмотреть? - сам я лезть в трубу и пачкаться, естественно, не хочу.

— Страшно, блин… Я так далеко никогда не бегал.

— Две фишки, парень!

Предложение хорошее. Парень думает, закусив палец.

— Супер-задание, братан! И ты будешь супер-герой! Я сам сто раз так делал, когда малой был. Только мне не платили.

Не сто раз, конечно, но делал.

Парень, наконец, решается:

— Ладно. Только деньги вперёд!

— А если ты с ними смоешься?

— Да не смоюсь!

— Ну а я откуда знаю?

Пацан думает.

— Ну а если я вернусь, а ты мне не заплатишь?

— Так ты мне номер не скажешь.

— Ну да…

Но он всё равно в раздумьях. Я помогаю ему ускорить размышления:

— Ладно, пацан, давай одну фишку сперва, а вторую потом.

— Идёт!

Отдаю ему фишку, и он мигом ныряет в трубу. Явно делал это уже очень много раз. А я сажусь на край канавы и жду, когда он вернётся. Вслушиваюсь, не едет ли поезд, но поезда не слыхать.

Время тянется. Пацана нет. Самое время покурить.

Достаю пачку. Шесть сигарет осталось. Достаю сигарету с зажигалкой. Закуриваю. Слышу звук с сортировочной станции, похожий на протяжный скрип. Интересно, что это? Вдалеке вижу стаю собак. Если не уйдут, то, наверное, не стоит идти через пустошь…

Вдруг из трубы выныривает мой пацанёнок. Грязный и запыхавшийся, он подбегает ко мне:

— Один, три!

— Что «один, три»?

— Ну, цифры на табличке.

— Точно?

— Клянусь!

— Ладно, на фишку.

Парень радостно забирает заслуженную награду и кладёт к себе в карман.

— Один-три - это сколько? - спрашиваю.

— М-м-м… четыре?

— Почему четыре?

— Ну, один и три.

— А чё тогда просто «четыре» не написали?

— Не знаю…

— «Один-ноль» - это сколько?

— Э-э-э… А! Десять!

— Ну. То есть, один десяток и ноль единиц. А «один-три» - это один десяток и три единицы. Это значит сколько?

— Блин, да не знаю я!

— Ну десять и ещё три! Сколько будет?!

Малой считает на пальцах:

— Одиннадцать… двенадцать… тринадцать?

— Тринадцать конечно!

— А… Так и чего это за «тринадцать»?

— Тринадцатый километр.

— Откуда?

— Хотел бы я знать…

— А тебе зачем?

Вместо ответа достаю ещё одну фишку и протягиваю ему:

— Ты меня не видел и со мной не разговаривал. Понял?

— Понял! - улыбается малой, радостно хватая третью фишку и не веря своему счастью.

— Смотри, рот на замок. Всё, чеши.

Парень мгновенно исчезает, а я сижу ещё некоторое время, докуривая сигарету. Тринадцатый километр… У нас в районе, когда я совсем малым был, мы тоже лазали к железке, только я не видел никаких табличек с цифрами. Но откуда-то я точно знаю, что эти таблички там есть, и что они означают количество километров от начала пути. Где только это начало пути?…

Собаки ушли. Что ж, пойду через пустырь до забора - и к виадуку.

Через пустырь я перебираюсь без приключений. И даже кеды почти не замарал. В луже сполоснуть - и будут, как новенькие. Иду вдоль забора. Осторожно осматриваюсь по сторонам. Жизнь идёт своим чередом. По улицам ходят люди, иногда по дороге проезжают машины, но чаще - мопеды и всякие другие драндулеты, похожие на них: трёхколёсные, с прицепами, с кабинкой для пассажиров и всё в таком духе. Мимо меня проезжает старикан на велосипеде с электроприводом! Нифига себе! У нас я таких не видел. Ну а кстати: хорошая вещь! Дёшево и сердито. Особенно когда нет проблем с электричеством. А тут их явно нет.

Прохожу мимо места, где меня оставил Раф. Мимо колонны. Не могу на неё не смотреть. Она притягивает взгляд. Заставляю себя отвернуться. У забора стоит полупьяный мужик и справляет нужду. Делаю вид, что смотрю на него. Ещё несколько шагов - и колонна уже позади. Вон снова ромашка на бетонной стене. А вот и виадук. Колонна от него совсем недалеко.

Дохожу до перекрёстка, и на этот раз поворачиваю налево и иду по пешеходной части моста, поднимаясь над сортировочной станцией всё выше и выше. Пешеходная часть отделена от дороги бетонным отбойником. Машин не видно, да и людей тоже. Хотя нет, вон там вдалеке кто-то идёт навстречу. Их двое. Нет, трое. Передний - в чёрном с белыми рукавами, остальные - просто в чёрном. Они всё ближе, начинаю видеть их лучше в свете фонарей. Молодые парни. Смотрят на меня, говорят что-то. Видать, из банды. Кладу руку в карман, нащупываю газовый баллончик. Скорее всего, просто начнут задавать вопросы, но мало ли… Они приближаются. У переднего рожа серьёзная. А я, наоборот, делаю лицо безразличное и максимально расслабленное, как будто у меня вообще нет повода о чём-то переживать. Просто вспоминаю, кто я. Какие люди стоят за мной. Ну, по легенде…

Вот мы уже в нескольких шагах друг от друга. Они останавливаются. Пропускать не собираются.

— Ты далеко, братишка?

— …В бордель. Там же?

Парни переглядываются. Усмехаются. И передний поворачивается бочком, чтобы пройти мимо. Я тоже поворачиваюсь плечом вперёд, и мы расходимся, глядя друг на друга. Без единого слова. Я иду дальше, не оглядываясь, но сосредоточен до предела, и рука по-прежнему в кармане. Я жду, что кто-то из них крикнет мне в спину или позовёт. Но за спиной тишина. Фух… пронесло…

Добираюсь почти до середины виадука и встаю в небольшое прямоугольное углубление-балкончик в пешеходной зоне рядом с опорой моста. Упираюсь спиной в ограждение и смотрю сверху на сортировочную станцию. Надо отдохнуть.

Ощущаю порыв снова покурить, но поберегу сигареты. Просто делаю вид, что закуриваю, вдруг те парни на меня издалека смотрят. Со спины-то не видать.

С моста видно всё, что происходит на сортировке. Подо мной - сетка железнодорожных путей. Их не меньше пятнадцати. На одних стоят составы, другие свободны. Вагоны все одинаковые: чёрно-серый металлический корпус, без окон, без люков, без каких-либо признаков того, что находится внутри. Корпус состоит как бы из нескольких секций, створок, между которыми видна граница. Может, это створки открываются?… Наверняка, иначе как их загружают?

По одному из путей катится одинокий вагон. Он проезжает через какой-то механизм на рельсах, и в этот момент раздаётся тот самый странный скрип, и вагон снижает скорость. Вот оно что. Их так затормаживают. А зачем? Наверное, чтобы пристыковывались к составу не на полной скорости. Вагон уезжает под мост, и что будет с ним дальше, я не увижу. Но я поворачиваю взгляд в сторону дороги и вижу, как по мосту идёт навстречу мне ещё один человек, в оранжевой жилетке. Наверное, работник этой самой сортировочной станции. Я тут таких уже видел, и не раз. На голове кепка. Чёрные усы. На вид лет тридцать пять. Он подходит уже совсем близко, и тут я начинаю видеть его ноги. Вернее, одну ногу, правую. А левая нога заканчивается в районе колена и продолжается металлической ходулей, похожей на собачью лапу. Заднюю лапу.

То ли у меня нервы шалят, то ли смена обстановки так играет, но я в полнейшем трансе. Словно на таблетках. Белый свет фонарей на мосту… сетка рельс где-то снизу под ногами… чёрно-серые гусеницы ползают по нему, издавая металлический скрежет… огромный серый столб, уходящий в самое небо и исчезающий там… запах железной дороги, который ни с чем не спутаешь… а ещё запах ржавчины и сырого камня… и этот оранжевый мужик с металлической ногой. Он подходит ко мне. Останавливается. Смотрит в лицо внимательно и ждёт несколько секунд. Видимо думает, что я обдолбанный.

— Закурить не найдётся? - слышу я низкий хриплый мужской голос.

Молча лезу во внутренний карман, достаю пачку, вынимаю сигарету и протягиваю ему. Достаю зажигалку и за два чирка извлекаю из неё пламя. Мужик подносит сигарету к огню и раскуривает.

— Благодарствую!

Я киваю, а он смотрит на своё «пастбище», облокотившись на перила. Вижу несколько оранжевых фигурок внизу, бегающих по рельсам, и он их тоже замечает и посмеивается.

— Знаешь анекдот про нас? Приходит молодой механик на станцию, первый день, ну, находит начальника, он там с инженерами стоит, курит. Так и так, здрасьте, рад познакомиться, работать пришёл, все дела, какие будут указания? А у начальника из рации голос: «Михалыч, вагон 12-16 с первого пути на пятый», - мужик прикрывает рот ладонью, чтобы звук был, как в рации, - Ну наш молодой уже рвётся в дело, а начальник ему: «Да погоди ты! Надо ж выпить, познакомиться.» Ну, выпивают, знакомятся. Из рации снова: «Михалыч, вагон 12-16 с пятого пути на седьмой.» Ну наш снова рвётся, всё, выпили же уже, надо работать! А начальник ему: «Да стой ты, надо ж покурить!» Ну, курят стоят. Покурили. Ну когда уже работать-то? Из рации: «Михалыч, отбой, 12-16 надо на первый путь перегнать. Только давай побыстрее!» А начальник ему в ответ: «Степаныч, да мы всё уже сделали!»

— Хех! Прям покурить захотелось, - отвечаю, - …И выпить.

— Ну да… от путей только потом держись подальше. Чтоб случайно на них не заснуть…

Он поглядывает на свою железную ходулю и вздыхает. Всё понятно.

— Давно? - спрашиваю.

— Лет десять. До сих пор расплачиваюсь. И не знаю, когда расплачусь.

— Я вообще не знал, что у нас такое делают.

— Делают… если знаешь нужного человека.

Мы стоим вдвоём и смотрим, как станция живёт своей жизнью. Как движутся вагоны. Как оранжевые человечки осматривают один из составов. Я даже замечаю, как переключается стрелка на одном из путей. Никогда раньше не видел.

— Слушай, а вот та дорога, которая отсюда налево, мимо рынка, - показываю рукой, - Она прямая, или поворачивает куда?

— Километров пять прямого пути, а дальше не помню. А что?

— Километров пять…

И тут я понимаю, что неплохо бы померить расстояние от колонны 8-75 до той следующей. Если только между ними прямая дорога. Если только…

— …да, с корешем спор был. Ладно, не важно…

Мужик делает последнюю затяжку, тушит окурок о бетонное ограждение и бросает под ноги. А я бы не тушил. И бросил бы вниз.

— Ладно, счастливо оставаться. Ты тут надолго не зависай, тут всё-таки режимный объект. Федерального значения.

С этими словами он отправляется дальше.

Я тоже продолжаю свой путь.

Федерального значения… Я помню эту надпись на заборе у нас в районе: «Внимание! Федеральная собственность! За попытку проникновения расстрел на месте.» За попытку проникновения! То есть не обязательно успешно проникнуть - достаточно только попытаться, чтобы тебя пристрелили. Вот так всё серьёзно. Потому и на рынке люди рядом с забором даже не сидят - боятся. Что у нас тогда было в голове! Примерно то же, что и у того пацана, который за две фишки согласился слазать в запретную зону. Люди тем смелее, чем они глупее и меньше знают.

Кто такие федералы и что такое Федерация? Как бы объяснить?… Вот есть местные банды. Каждая работает в своём районе, держит свои районные точки, и так и живёт. Вот есть местная полиция - это тоже как бы банда, но они следят за тем, чтобы местные банды не слишком сильно беспределили, более-менее договаривались друг с другом, ну и зарабатывают на этом, имея долю и интерес в делах самых серьёзных местных мафиози.

Есть банды более крупные. Они имеют контроль в нескольких районах сразу. Чаще всего это те, кто торгует наркотой и психотропами, оружием, ну и крупные казиношники тоже. Местная полиция им мало что может сделать, но и им роль полиции выполнять совершенно не интересно, поэтому они не ссорятся и взаимовыгодно сотрудничают. Если у полиции не получается уладить какой-то местных конфликт, они обращаются за помощью вот к таким крупным межрайонным группировкам. Ну и те, в свою очередь, тоже обращаются за помощью к ментам время от времени.

А федералы - это очень, очень крупная мафия, щупальца которой распространяются на всё Подземелье. Они владеют самыми важными объектами, самыми крупными производствами, транспортом, включая всю железную дорогу. У них оружие такое, что не снилось ни местным бандитам, ни обычной полиции. Я никогда их вживую не видал, но рассказывают, что это такие чуваки одетые в чёрное, в шлемах и противогазах, вооружённые до зубов. Действуют мгновенно. Если они за тобой приехали - включай секундомер. Им и минуты не надо, чтобы свинтить тебя, надеть мешок на голову и увезти в неизвестном направлении - и больше тебя никто никогда не увидит и не услышит, это точно. А если у тебя хватит глупости обороняться и отстреливаться - им нужно так же мало времени, чтобы прихлопнуть тебя, как муху, и всю твою шайку вместе с тобой. Их все боятся, и никто с ними никогда не спорит.

Я не знаю ни одного человека, который был бы лично знаком с кем-то из федералов. Я спрашивал у Рафа, есть ли у его дядьки кто-то, кто когда-либо общался бы с этими людьми, но конечно же никаких таких связей у него нет. Да и вопросы такие не нравятся, и разговоры такие всегда очень быстро заканчиваются.

Так что на федералов лучше не нарываться. Да какой там нарываться! Даже просто внимание их к себе привлекать - это игра с огнём. И интересуясь их собственностью, я, конечно, нехилые приключения ищу на свою задницу…

Мост закончился. Дальше - прямая дорога через пустынный и тёмный квартал. Вижу пару трёхэтажных домов, а дальше - чернота, ничего не видно. Фонарей мало, машины не ездят. Тихо и темно.

Иду осторожно, прислушиваюсь к каждому звуку. Кручу головой во все стороны. Руку держу в кармане, сжав в ней баллончик. Здесь меня ограбить могут только так! Одно хорошо - брать у меня нечего. Хотя, это, может быть, наоборот, плохо.

Изо всех сил вглядываюсь в окна домов. Они без стёкол. Внутри - пустота. Офигеть просто! А ещё говорят, что у нас проблемы с жильём. Вот вам, целый дом стоит, каменный. Бери да живи на здоровье!

Я двигаюсь всё глубже и глубже в темноту. Левой рукой аккуратно и не спеша достаю фонарик и включаю свет. И вдруг из ближайшего окна слышу омерзительный кошачий крик. Свечу фонариком. На окне сидит чёрный кот. Он орёт и шипит на меня, сверкая глазищами. Так и хочется пшикнуть в него из баллончика, но тогда он разорётся ещё сильнее, а я не хочу устраивать здесь шум. Пытаюсь согнать его с окна, но он огрызается и пытается меня полоснуть когтями. Ну тебя к чёрту! Ори, сколько хочешь, у меня здесь дела, и я их сделаю.

Я иду дальше. Вокруг уже совсем темно, но я вижу вдалеке следующий фонарь и островок света вокруг него. Когда я туда дойду, я буду, как на ладони. Из темноты на меня можно будет легко напасть, а я даже не буду знать откуда ждать нападения. Гашу свой мелкий пластиковый фонарик - он еле светит, но всё равно делает меня заметным в темноте. Может, побежать и проскочить? Нет, лучше не надо. Наоборот: пойду тихо и осторожно, не торопясь.

И вот я уже совсем близко от фонаря. Здесь же, вроде, кладбище, если тот мужик не соврал. Может, поэтому здесь никто не живёт? Слишком стрёмно?... Мне кажется, я б согласился жить. Я живых людей боюсь гораздо сильнее, чем мёртвых.

Как мотылёк, я двигаюсь сквозь тьму всё ближе и ближе к фонарю. И вот я уже в пятне света. Прохожу мимо фонаря, торопясь нырнуть обратно в темноту. Когда ты в свете фонаря, вокруг во мраке совсем ничего не видать. А вот когда ты из темноты вглядываешься в темноту, то можно разглядеть какие-то детали. Вон там, вдалеке - следующий фонарь. А вокруг, во тьме - вовсе не кладбище, а какая-то разбитая промзона. Повсюду навалены здоровенные обломки чего-то, похожего то ли на грузовые контейнеры, то ли на останки каких-то автомобилей. Подходя к следующему фонарю, я начинаю различать очертания этих останков и вижу, что это... Господи, да это же железнодорожные вагоны! Я останавливаюсь и начинаю светить фонарём. Ну точно! Вагоны с окнами, лежащие стопками один на другом, и все без колёс. Какие-то более-менее уцелели, другие наполовину сгнили, у некоторых куска не хватает, и можно наверное даже зайти внутрь. Так это и есть кладбище! Кладбище поездов. Ха-ха! Не соврал, не соврал старик Вано. Мысль о том, что можно сейчас с фонариком вот так пойти и посмотреть, что там внутри этих вагонов, и страшит и завораживает одновременно. Какая-то детская тяга к приключениям просыпается во мне, как в те времена, когда мы пробирались за забор и клали гайки на

рельсы. Мы б тут всё излазали, если б жили рядом, несмотря ни на какие опасности, это уж наверняка!

Я продолжаю идти мимо металлического кладбища, и глаз не могу отвести от этой невообразимых размеров свалки. Иду и иду, а ей всё нет конца. Здесь светит только каждый четвёртый фонарь, но вот я прошёл уже несколько островков света и, кажется, вижу вдалеке невысокие дома вроде тех, с которых начинался квартал. Хочется закурить. Но сейчас не время - с сигаретой меня проще увидеть в темноте.

Вдруг слышу звуки откуда-то из глубины кладбища. Какое-то движение. С нескольких сторон. Что-то движется ко мне. Инстинктивно выхожу на свет, чтобы хотя бы видеть, куда распылять баллончик. Раздаётся рык. Собаки. Штук пять. Лучше, чем люди, но всё равно неприятно. Могут укусить и заразить бешенством, а это - верная смерть. Они подкрадываются с разных сторон. Одна из них начинает лаять. Затем вторая. Они всё ближе…

Но вдруг из-за моей спины летит камень, а вслед за ним уже человеческий рык:

— А ну пшли нах отсюда!!!

Собаки, как по команде, разбегаются в темноту. Больше их не слышно.

Я оборачиваюсь. Передо мной худощавый мужичок со шрамом на лице, одетый во что-то вроде униформы. У него дубинка на поясе, пистолет, и ещё какие-то приспособления. Кажется, и баллончик тоже есть. Но на полицейского не похож.

— Тебе в «Клубничку»?

— …Да, - отвечаю, не сразу сообразив, что такое «Клубничка».

— Пошли, - буркает он, мотнув головой.

Ну что ж, вооружённый попутчик - это хорошо, а проводник - так и вообще отлично! «Клубничка»… Это, видимо, тот самый бордель. А этот дядька - охранник оттуда. Ну и место они выбрали! Только очень смелые или сильно обдолбанные клиенты до туда доберутся самостоятельно. А таким, как я, нужна помощь. Хорошо, что ты есть, дорогой мой охранник борделя!

Идём рядом и молчим. Я расслабляюсь и закуриваю. Предлагаю и ему тоже, но он отказывается. Осталось три сигареты.

Мы подходим к подъезду ближайшего дома. Над дверями розовая вывеска из неоновых букв: «Клубничка». Быстро докуриваю, охранник прикладывает ключ-таблетку к домофону, и мы заходим внутрь.

Меня встречает очень сильно накрашенная пухлая дама в бордовом бархатном платье с глубоким вырезом. Надушилась она так, что в глазах темнеет. Охранник уходит к себе в каморку, а дама говорит мне:

— Здравствуйте, молодой человек! - и зовёт толстеньким пальчиком за собой, заходя за стойку, за которой, видимо, встречают всех гостей, - Пришли отдохнуть? Какие пожелания?

— Сколько стоит ваш отдых? - спрашиваю из любопытства. Проводить здесь время, и тем более тратить деньги, я не собираюсь.

— Смотря, что тебе нужно.

— А какие есть варианты?

Дама усмехается, глядя на меня, как на ребёнка, которому нужно рассказать, как на самом деле он родился, и начинает перечислять все «варианты» и их стоимость. Я спокойно слушаю и отмечаю про себя, что цены здесь сильно выше. В нашем районе вообще нет такого понятия как «публичный дом» - услуги оказываются там, где придётся.

Послушав расценки, я киваю, разворачиваясь, направляюсь к выходу и бросаю ей через плечо:

— Вернусь к вам, как разбогатею.

Дама взрывается низким хриплым хохотом. Она смеётся искренне и от души. Что ж, рад, что мне хоть кого-то удалось здесь развеселить.

— У нас есть и бюджетные варианты, дорогой!

— Не, спасибо…

Выхожу на улицу и направляюсь дальше, напоследок ещё разок взглянув на вывеску «Клубничка». Мда, забавно… В свои 16 лет я имел секс уже не единожды, а вот клубнику ни разу в жизни не ел.

Иду дальше мимо невысоких домов, и из-за крыши последнего дома начинаю видеть *её*. В темноте колонна почти не заметна. Лишь фонарь неподалёку слегка подсвечивает её очертания.

Перехожу на бег. Мне хочется побыстрее узнать номер. Увижу ли я его? Хватит ли света моего слабого фонарика, чтобы разглядеть? Я уже совсем близко.

Колонна ничем не огорожена, просто стоит посреди полуразвалившихся домов, а дорога огибает её справа.

Достаю фонарик. Свечу на столб, пытаясь найти номер. Номера не видно, но фонарик достаёт, и я вожу маленьким блеклым пятнышком света по поверхности столба. Надо зайти левее и оттуда посветить.

Оббегаю столб с левой стороны. Свечу фонарём и натыкаюсь на цифры, выведенные, как обычно, тёмно-зелёной краской под трафарет. Что там написано? Вожу по надписи лучом света вверх-вниз.

8… тире… 7… 6.

Бинго.

Всё сходится. Они идут друг за другом.

Выключаю фонарь. Стою и думаю. Так. Теперь надо отмерить расстояние от этой колонны до предыдущей. Мне повезло, их соединяет прямая дорога. Каждый мой шаг - это примерно 70 сантиметров. Надо посчитать количество шагов.

Возвращаюсь к тому месту, где линия дороги упирается в колонну. Подхожу вплотную к огромному столбу. Касаюсь его рукой. Он холодный, твёрдый и гладкий. Разворачиваюсь к нему спиной. Делаю первый шаг.

Идти надо спокойно, чтобы ширина шага не менялась. И хорошо бы не сбиться со счёта. Прохожу мимо полуразрушенных маленьких домишек. Вижу один уцелевший дом. Вижу следующий за ним, с розовой надписью у последнего подъезда. Это «Клубничка». Дохожу до неё и иду дальше. 300 шагов.

А вон тот фонарь, под которым меня спасли от собак. Интересно, они снова прибегут ко мне? Держусь рукой за баллончик. Прохожу под фонарём. Вроде тихо, никого нет. 600 шагов.

Иду и разглядываю кладбище вагонов. Оно с обеих сторон от дороги. В темноте трудно понять, как много их здесь. А фонарём светить и привлекать к себе внимание не хочется. Иду и считаю шаги. Уже тысяча.

Слышу звуки в глубине кладбища. Лишь бы никого не встретить! Если придётся убегать, то весь мой подсчёт шагов псу под хвост. Иду спокойно несмотря на звуки, стараясь не менять скорость. Тысяча двести.

Вон следующий фонарь. Покурить может? Нет, дойду до моста, до балкончика того, там и покурю.

Тысяча пятьсот…

Прохожу под фонарём, и вижу следующий фонарь, но под ним… под ним кто-то есть. Мужик какой-то или парень. Голый по пояс, одежда сброшена вниз. Он стоит, слегка раскинув руки и прижавшись к фонарю своим костлявым белым торсом. Угашенный, что ли?… Чёрт его знает. Может, перейти на другую сторону? Несмотря на эту мысль, я иду и не сворачиваю. Чем ближе, тем чётче я вижу этого странного человека. На вид лет тридцать. Татуировок всего парочка на руке. Значит, из приличных. А значит, он вряд ли наркоман, хотя всякое бывает. Почти лысый, кожа бледная, как и у всех нас. Худощавый, рёбра торчат - тоже дело обычное. Стоит и не двигается. Может, чокнутый? Да, такие попадаются, и их немало. Но с чокнутым я справлюсь. Ладно, пройду мимо быстренько. Лишь бы сзади не бросился…

Подойдя уже совсем близко, я вижу, что глаза у него закрыты. И он как-то странно посапывает. Неужели задремал? Хех! Да, странный чел.

Я уже в одном шаге от него, как вдруг он вздрагивает и начинает судорожно махать руками, но мой баллончик уже направлен ему прямо в лицо.

— Тихо, тихо, уважаемый! - говорю ему ментовским тоном, и он замирает. - А то щас получишь перца.

Он поджимает локти к бокам и беспомощно выставляет руки:

— Нет-нет, пожалуйста! Не надо. Я просто… я просто стою… Просто стою, да.

— Просто стоишь, голый?

— Да…

И тут вдруг я всё понимаю! На моём лице расплывается улыбка. Я кладу баллончик обратно в карман и киваю глазами на фонарь над нами:

— Чё, загораешь? Думаешь, ультрафиолетовый?

— Сто процентов! Вон, трава растёт, смотри.

Блин, ну ты и место выбрал, мужик! Хотя… здесь довольно безлюдно. Где ещё постоишь голым под фонарём, не привлекая к себе посторонних?

— Ну, трава ещё не показатель, надо по датчику смотреть.

— Да нет, он точно ультрафиолетовый, у меня, вон, загар даже слегка появился.

— Ну-ну, загар… ты смотри, чтоб на тебя тут собаки не бросились.

— Не бросятся. Я их подкармливаю.

— Ах вон как!

— У меня рахит, мне солнышко нужно. Хотя бы такое.

— Рахит же, вроде, только у детей бывает, не?

— Нет, у взрослых тоже. У меня все кости болят, просто кошмар какой-то! А вот постою под солнышком - и лучше становится.

— Ладно, лечись давай, загорелый!

— Спасибо!

Двигаю дальше. Со слабыми и больными людьми мне, почему-то, приятно разговаривать. Наверное потому, что они безопасны. От них не ждёшь нападения, обмана или подвоха. Может, мне доктором стать? Где только этому научиться? Так, не забывать про шаги! Уже тысяча восемьсот…

Чувствую, что начинаю хотеть есть.

А вон те самые дома вдалеке, с которых начинается квартал. И почти ни одного приключения за это время, если не считать того мужика? Надо же! Чуть не доходя до дороги, я делаю двухтысячный шаг.

И вот я перехожу через дорогу и ступаю на мост. Здесь непривычно светло после того мрака, в котором я провёл последние часа полтора. Пешеходов не видать. Неторопливо

шагаю вперёд, поднимаясь над сортировочной станцией. Две тысячи двести шагов. Делаю шаги чуть шире, чтобы компенсировать подъём, из-за которого путь становится длиннее.

Дохожу до балкончика посреди моста. Останавливаюсь, облокотившись на перила. Закуриваю. Две тысячи четыреста тридцать семь шагов.

В этот раз никто не подходит за сигаретой, и я докуриваю в гордом одиночестве, наблюдая за движением железнодорожных составов внизу. Осталось две сигареты.

Вспоминаю дядьку с железной ногой, тушу окурок о бортик и бросаю под ноги. Он падает рядом с другим окурком, который, видимо, его. А других не видать. Да, не особо здесь людно. Ну и хорошо!

Иду дальше, и начинаю спускаться вниз.

Две шестьсот.

Две семьсот.

И тут я вижу в конце моста паренька, который, оперевшись об ограждение, стоит и смотрит на меня. Явно ждёт. Одет прилично, куртка хаки и джинсы. Волосы кучерявые. Молодой, моего возраста примерно. Он не отводит от меня глаз, а я всё ближе. Вижу, что он улыбается. Чуть не забываю считать шаги. Уже две восемьсот. Этот парень не сигарету просить собирается, это ясно, как солнце по телеку. Ну что ж, рано или поздно у меня должен был состояться разговор с кем-нибудь из местных смотрящих. Похоже, этот момент наступил. Надеюсь, моя легенда сработает. Если нет, то будет грустно. Очень грустно. Но почему он улыбается?

Я подхожу к нему уже на расстояние пары шагов и останавливаюсь. Две восемьсот сорок два.

— Ну, - кивает мне парень, продолжая сиять приветливой улыбкой, - рассказывай! Кто такой? Чё пришёл?

Спокойно пожимаю плечами:

— Да всё просто, братиш…

С этими словами я достаю из внутреннего кармана пачку брошюр про покерный турнир, и отдаю ему одну из них.

Он рассматривает её внимательно и кивает головой, делая уважительную гримасу.

— Турнир по покеру… Казино «Кристалл». Серьёзное дело…

Поднимает на меня глаза:

— И ты, типа, их человечек?

Киваю в ответ. А он продолжает разглядывать рекламку:

— …И телефончик есть, смотрю. Всё, как у людей. Ну, дай-ка прозвоню.

Он достаёт из кармана телефон почти как у меня, и набирает цифры с брошюры. А я стою молча, и жду, делая самое безразличное выражение лица, какое только могу, хотя на самом деле я на нервяке. Сильно на нервяке!

Кучерявый прикладывает телефон к уху и тоже ждёт. Секунд через десять на том конце, видимо, берут трубку.

— Алло! Приветик, сестричка! Я по поводу покерного турнира в казино «Кристал». Правильно позвонил?... Ага. Слушай, ко мне тут ваш человечек пришёл, я с района сортировки. Скажи, родная, а когда это будет-то?... Через полтора месяца? Я понял. А сколько народу уже набралось участников?...

Он ждёт. Ему что-то долго отвечают. И он говорит в ответ:

— А, не-не, родная, тогда забей, не напрягайся! Я ж так, для себя интересуюсь. Хе-хе! Ну ладно, слушай, я всё понял, принял, осознал. Спасиб тебе, сестрёнка! Покедос!

Он кладёт трубку и поднимает глаза на меня:

— На серьёзных людей работаешь, чо! Прям девахи у них на телефоне сидят, звоночки принимают, офигеть, бля! Хе-хе!

Парень резко вскидывает руку и протягивает мне ладонь:

— Жека!

— Марк.

Отвечаю рукопожатием.

— Чо, много раздал уже? - спрашивает мой новый знакомый, кивая на брошюрки.

— Да не особо... - отвечаю с озадаченным видом. - Может подскажешь, где у вас тут в покер играют? Ничего, что я тут с этим хожу?

— Братуха, да ваще не вопрос, ты ж не конкурент! Ходи на здоровье! - он показывает глазами на мост. - Это ты на ту сторону ходил, чтоб на турнир звать, чтоль?

— Ну да. Я думал, раз там бордель, так может и в карты тоже играют.

Жека искренне и звонко хохочет в ответ, запрокидывая голову и хлопая себя по бедру:

— Бляха, ну ты даёшь!

Он обнимает меня со спины и похлопывает по плечу:

— Пойдём, несчастный ты человек! Покажу я тебе, где играют, так уж и быть. Знаю пару мест.

Жека ведёт меня с моста к перекрёстку, мы проходим буквально несколько шагов. Он останавливается и прикидывает:

— Так... Пошли сперва к Косолапому. Они стопудово щас играют, и отсюда ваще недалеко. Нам туда!

Мы перебегаем перекрёсток наискосок, не обращая никакого внимания на дорогу, и идём налево по тротуару вдоль стоящего рядом панельного дома. Мой проводник закуривает на ходу.

— А ты из какой банды, Жека? - спрашиваю его.

Парень загадочно улыбается, выпуская вперёд струйку дыма:

— Из большой…

— А чем занимаетесь? Оружие?

Он продолжает улыбаться и показывает взглядом на дом, мимо которого мы идём:

— Видишь в окнах свет?

На его довольной физиономии видна неимоверная гордость за себя и за своих. Я держу паузу. Не потому, что я не понял, а потому что не могу поверить.

— Да ладно! - говорю ему, - Электричеством торгуете? Серьёзно??

— Ага.

Его лицо прям светится, как будто он сам - электрическая лампочка.

— Так это же офигеть, какие деньжищи!

— Ну да. Электричество всем нужно. Хочешь, не хочешь, а будешь платить.

— Погоди. Так оно ж федеральное, с сортировки, не? Как они вам позволили?

— Ну как-как: договорились.

— Блин… уважуха. Вы крутые ребята!

— Ага. Смотри, не бурогозь, понял!

Мы как-то быстро и легко находим общий язык. Он рассказывает мне про местную жизнь, про то, какие банды тут ещё есть, про работников станции и про мужика с железной ногой, о котором я, конечно же, спрашиваю.

— А, Никита… Да, мировой мужик! Один из наших авторитетов помог ему с ногой. Не бесплатно, конечно.

— А федералы что? Он же на них работает.

— Федералы не были против.

— Понятно.

Я заваливаю Жеку вопросами, но так, чтобы ему было интересно отвечать. И чтобы он не успевал задавать *мне* вопросы. Получается очень живое и непринуждённое общение. Когда ты человек уровня «бегунок», тебе нравится рассказывать о своей жизни. Ты делишься многими подробностями легко и с радостью. Люди посерьёзнее и поавторитетнее обычно более молчаливы. У них много секретов, и им важно не ляпнуть лишнего.

— Вон туда, - показывает Жека рукой, и мы переходим через дорогу и заходим во дворы между несколькими многоэтажками. Вокруг тишина.

Жека идёт уверенно и целенаправленно к одному из дальних домов, а я следую за ним.

— Вон, паси, какие тачки! Сразу видно, что здесь играют!

Пять тачек стоят рядом. Выглядят они и правда неплохо. Но только я видел автомобиль Рубэна. И после него то, что я вижу, не вызывает особого восторга и восхищения. Лишь уважение и понимание, что хозяева этих автомобилей - люди с хорошими деньгами. Что ж, это мои клиенты, всё сходится.

Мы подходим к многоэтажке, и мой проводник направляется к невзрачной, полуржавой железной двери в подвал. Он подходит к ней и несколько раз стучит кулаком. Раздаётся голос сбоку из динамика:

— Хренли долбишь, ёпт! Кнопка есть!

— Ой блин, прости, не заметил чёт…

— Пароль.

— Э-э-э… Слышь, не знаю я пароль. Я Жека, от алмазовских. Пусти, слышь, братуха! Меня Косолапый знает!

— Или пароль, или нахрен иди. Тут такие правила.

Динамик замолкает. Больше не слышно ни звука.

— Бля-я-яха!… Пуффф…

Жека качает головой.

— Так, ща, погоди, - соображает он, - Я знаю, кому позвонить. Он стопудово знает пароль. Ща всё будет…

Он набирает кого-то по телефону и через некоторое время дозванивается.

— Йоу, Рус, здорово! Слышь чо? Я тут к Косолапому пришёл на игру, а пароль не знаю их. И не пускают, прикинь! Подскажи, братиш, какой там пароль у них, а?… Чё?? Ха-ха! Приколисты, блин! Лан, спасибо, родной! Обнимаю!

Он кладёт трубку.

— Йес!

И в этот раз аккуратно нажимает на кнопку звонка под динамиком.

— Ну, узнал пароль?

— Дырявый тролль!

Слышится звук засова внутри, и дверь открывается. Я вижу здоровенного охранника в бронежилете и с автоматом. Он пропускает нас внутрь и закрывает за нами.

Мы спускаемся вниз по небольшой тёмной лестнице и оказываемся в комнате с большим деревянным лакированным столом. За ним сидят пять человек, один во главе стола, и по двое с каждой стороны. На столе разложены карты и фишки. Кон как раз заканчивается, и тот, что во главе стола, с довольным видом загребает фишки себе. Выиграл он не шибко много, по крайней мере по меркам этих ребят - партия, видать, была небольшой - но от общего количества фишек у него в распоряжении, и вообще на столе, у меня немного кружится голова.

Все игроки - мужчины средних лет, хорошо одетые. На руках блестят перстни и часы. Они обсуждают сыгранную партию, посмеиваются, кто-то закуривает, а кто-то потягивает что-то похожее на виски. Игрок, сидящий ближе ко мне по левую руку (он чуть помоложе), передаёт следующему игроку белый жетон дилера.

Мы стоим и ждём, когда нас заметят. Тот, что посередине, поднимает глаза с фишек.

— А, Жека, здорово, мелюзга! Как жизнь?

— Да потихоньку… Привет!

— Кто это с тобой?

— Это Марк. Он свой, проверенный, пришёл вам рассказать про покерный турнир.

— Про покерный турнир? Ох ты ж, ё-маё! Это мы любим! Ну давай, Марк, жги глаголом!

Видимо, этот мужик и есть Косолапый. Крупный, лысый, матёрый, с чёрной продолговатой бородой. Он тут явно в наибольшем авторитете. Достаю брошюрки и быстро раскидываю их каждому из игроков:

— Господа, казино «Кристалл» проводит турнир. Классический техасский холдэм. Призовой фонд - пятьдесят тысяч. Это то, что накидывает казино сверху на то, что вы выиграете сами, если вы заняли призовое место. Взнос - вы тоже видите. Пятьсот фишек. Это ваши деньги, вы на них играете. Всё по классике. Будет много интересных игроков и крутая заруба! Ждём вас с нетерпением!

Господа смотрят на брошюрки, а потом на меня. Переглядываются.

— Видали, как он ловко эти бумажульки раскидал? Как настоящий крупье, ёпт! - говорит тот, что слева и ближе ко мне, с чёрными волосами и в свитере поверх рубашки.

Они хохочут. А Косолапый спрашивает басом:

— А ты чтоль оттуда?

— Я в казино не работаю, - отвечаю. - Я бегунок и зазывала. Рекламки раздаю.

— А рассказываешь со знанием дела, как будто и сам играешь.

— Ну я поигрываю маленько…

Чёрт, зачем я это ляпнул!

Комната наполняется радостными возгласами «О-хо-хо-хо-хо!»

Косолапый одной рукой поднимает стоящий рядом стул и швыряет его к месту между двумя игроками справа. Стул раскачивается пару секунд, но остаётся стоять на ножках.

— Садись, сынок, сыграй с нами. Развлеки стариков!

— У тебя деньги-то есть? - спрашивает тот, что слева в свитере.

— Десять фишек только, мужики, - говорю, - На мели совсем.

Они снова переглядываются. Повисает тишина. Косолапый переводит взгляд на моего товарища:

— Жека, одолжи ему ещё десять фишек.

— Блин, да я...

— Нам не интересно играть на десять, а на двадцать - так и быть, сыграем разок. Ты его привёл, вот и отдувайся, хе-хе-хе!

Раздаются одобрительные возгласы, и бедному Жеке ничего не остаётся, как дать мне в долг десять фишек. Он обречённо поджимает губы, а Косолапый кивает мне на стул:

— Садись браток, обуем тебя на двадцать фишек, нам не жалко.

Раздаётся весёлый и злорадный хохот.

Я сажусь за стол.

Игрок справа от Косолапого, худощавый, с короткой стрижкой и в жилетке, вертит между пальцами жетон дилера. Косолапый - малый блайнд, а сосед справа от меня - большой блайнд. Я выкладываю свои двадцать фишек на стол - две по пять и одна по десять. Косолапый пару секунд смотрит на меня, а потом гудит:

— Ладно, живи!

И кладёт одну фишку на стол, а мой сосед справа - две. Дилер тем временем успевает раздать каждому из нас по две карты. Префлоп. Все смотрят на меня. Заглядываю в свои. Говно какое-то. Тем лучше.

— Пас.

«Да ё.. что за.. поиграли блин...» Мои соседи справа и слева, и тот, который в свитере, усмехаются и недовольно бухтят. Но дилер в жилетке и Косолапый молчат и смотрят на меня внимательно. Они явно опытнее и понимают: в новой компании первый кон лучше пасануть даже с хорошей картой, чтобы посмотреть, кто как играет. И они понимают, что я понимаю. Игра начинается[2].

Следующий за мной игрок ставит 20 фишек.

— А что, теперь можно. Новенький-то наш слился, хе-хе!

[2]Если не знакомы с правилами игры в техасский холдэм, то очень советую с ними коротко ознакомиться прежде, чем читать дальше.

Парень в свитере ставит 20, но лицо у него недовольное. Карта явно плохая, и скрыть это он не может, но и пасануть, как я, теперь стыдно - надо мной-то ржали. Такие ребята быстро остаются без денег.

Худой в жилетке ставит 20 фишек. На лице - ноль эмоций.

Косолапый забирает свою одну фишку, и кладёт 20.

Мой сосед справа вертит головой и говорит:

— Пас, мужики. Плохо раздаёшь, Серый.

Серый улыбается одними губами и выкладывает на стол три первых карты. Флоп. Следующий раунд ставок.

Сосед слева шарахает на стол ещё 20 фишек:

— Удваиваю!

И смотрит выжидающе на парня в свитере, расплываясь в улыбке.

А парень в свитере явно нервничает. Его комбинация лучше не стала. Но он должен либо закрыть ставку и сделать колл, докинув ещё 20 фишек, либо потерять те 20, которые он поставил в прошлом раунде. Он сидит, закусив губу. Повисает тишина.

— Пас, бля! - и утирает нос.

— Молодец, Гриша, - хвалит его мой весёлый сосед слева. Я только сейчас успеваю его хорошенько рассмотреть. Он крупный, накачаный, стриженный почти под ноль, со щетиной и с подвижной мимикой. И эту мимику легко читать.

— Шестьдесят, - спокойным тоном говорит Серый.

— Согласен, - говорит Косолапый.

Лицо у щетинистого слегка вытягивается.

— Ладно, как скажете, ёпт.

Он докладывает до шестидесяти.

Серый выкладывает ещё одну карту. Тёрн. Мой сосед едва заметно вздыхает. Я всё вижу. И Серый с Косолапым наверняка тоже.

— Оставляю, - говорит он, ни секунды не мешкая.

— Сто, - говорит Серый, и это простое слово - как выстрел из пистолета для моего незадачливого игрока слева.

Остальные сидят и смотрят на это, как на шоу. Но у парня в свитере лицо немного грустное, а у соседа справа отличное настроение! Он вовремя слился и проиграл всего две фишки! Это, пожалуй, успех!

— Сто двадцать, - говорит Косолапый как бы между прочим.

Сосед весь потный и матерится одними губами. Блеф не сработал.

Он медленно отодвигает свои 60 фишек от себя и качает головой, глядя на своих соперников.

— Черти…

Худой в жилетке докладывает на свою стопочку ещё 20 фишек своими тонкими пальцами. Раунд завершён. Он выкладывает последнюю карту на стол. Ривер.

Косолапый улыбается краешком рта.

— Оставляю.

Он ловит худого, чтобы тот почувствовал силу и поднял ставку. Но худой понимает, что его ловят.

— Сто тридцать.

Косолапый кивает, докладывает 10 фишек и открывает свои карты. У него тройка червей и король червей. А на столе есть тройка. И есть король. Получается две пары и одна из них - пара королей. Неплохо.

Серый улыбается и открывает карты. У него две шестёрки, а на столе есть третья. И он выигрывает 342 фишки. Таких денег я и в руках-то никогда не держал!

Он передаёт жетон дилера Косолапому. Я теперь большой блайнд.

Оглядываюсь на Жеку. Он стоит в остолбенении, глядя на те деньги, которые двигаются по столу. Со своей десяткой он уже давно простился.

Мой сосед справа навеселе. Он шарахает на стол фишку достоинством 5.

— Давай поиграем, малыш! Хватит нянчиться с тобой!

Я ставлю 10 фишек. Тут без вариантов, поскольку я большой блайнд, и обязан поставить вдвое больше, чем малый.

Косолапый раздал карты, и я смотрю в свои. Туз червей и джокер.

На моём лице ничего не меняется.

Сосед слева заглядывает в свои карты. Я не могу хорошо видеть его лицо, но я смотрю на движения. Он снова ставит 20 фишек, но неуверенно, мешкая. И я понимаю, что ему с картами снова не очень повезло.

Зато парень в свитере весь прям светится, увидев свои карты, и видно по лицу, что ему очень досадно, что он может поставить только 20 фишек, а не все 50. И он конечно же ставит 20.

— Пас, - говорит Серый.

Косолапый делает колл. Мой сосед справа тоже докладывает до двадцати фишек.

Я докидываю свои последние 10.

Раунд завершён. Косолапый выкладывает три карты. Пиковый туз, крестовый валет и шестёрка бубей.

Я смотрю на лицо парня в свитере. Среди карт нет того, что он ожидал. Значит, у него нет туза. У него что-то слабее. Но скорее всего это пара. Мог бы быть и джокер, но джокера всего два, и один из них у меня. Очень маловероятно. Пара дам или королей, скорее всего.

Сейчас можно было бы хорошо сыграть. Но максимальные ставки сделаны, и всё, что остаётся Косолапому - это выложить после флопа сразу тёрн и ривер. И когда он выкладывает ривер, на столе появляется король крестей, а у парня на лице - торжество. Тройка королей. Так я и думал.

Первым вскрывается малый блайнд справа от меня. У него шестёрка на руках и шестёрка на столе - пара шестёрок. Не густо.

Я открываю свои карты. Лицо парня в свитере оплывает вниз. А сосед слева от меня хохочет и качает головой. Он отодвигает свои фишки мне, не открывая карт.

Его сосед слева тяжело вздыхает. Потом стукает кулаком по столу:

— Бля!

После чего щетинистый прям заливается от смеха:

— Григ, с тобой играть - одно удовольствие! Даже когда я проигрываю!

Остальные игроки в это время отодвигают мне свои скромные ставки. Они успевают быстро переглянуться.

Передо мной образуется горка из ста фишек. Чистый выигрыш - 80. Я сразу беру 10 фишек и кидаю их Жеке. Он ловит их и не верит своим глазам.

А жетон дилера тем временем переходит к соседу справа. Я малый блайнд. Я должен сделать первую ставку, пока карты ещё не розданы.

Я ставлю одну фишку. Серый улыбается краешком рта и одобрительно смотрит на меня.

Мой крепкий сосед справа ставит две фишки - у него вариантов нет.

Дилер раздаёт карты. Смотрю в свои. Лучше, чем то, что было, у меня вряд ли будет. Ну да, пятёрка и дама. Внимательно смотрю на остальных.

Григ ставит две фишки.

— Что, надоело деньги просирать, а? Хе-хе! - подтрунивает над ним большой блайнд.

Парень стискивает зубы и молчит.

Серый ставит 20 фишек. Косолапый поддерживает. Сосед справа мнётся. Но затем соглашается.

У моих незатейливых соседей и у Грига не вижу хорошей карты. Но вот у этих двоих - Серого и Косолапого - может что-то и есть. По ним сказать нельзя. Но какой мне смысл с ними тягаться сейчас, если в следующем кону я буду дилером?

— Пас.

— Чё?? - говорит мне большой блайнд - Какой пас?! Ты вон как поднялся, у тебя денег куча, давай играй!

— Влад, не манди, - басит Косолапый. - У него потому их и куча, что он играет по уму. Закрываешь или нет?

— Закрываю, закрываю…

Они доигрывают кон, и в этот раз выигрывает Косолапый. Но меньше, чем в тот раз выиграл Серый. Вид у парня в свитере всё грустнее и грустнее.

Начинается новый кон. Теперь я дилер, а мой сосед справа - малый блайнд. Он ставит 10 фишек, чтобы поиздеваться над Гри, ведь у того нет выбора, он должен поставить 20.

Он уже не злится. Он обречённо вздыхает и ставит стопочку из двадцати фишек перед собой. Он уже думает только о том, как выйти из игры. Даже если ему попадётся хорошая карта, вряд ли он сможет ей воспользоваться.

Я раздаю всем по две карты. Смотрю в свои. Тройка черви и пятёрка черви. Интересно. Богатство не ахти, но одной масти. Можно поиграть.

Серый смотрит на меня, словно просвечивая взглядом.

— Пятьдесят.

«Ёпп…» - раздаётся голос моего крупного соседа. Но я вижу блеф. С очень большой вероятностью блеф.

Косолапый так же внимательно смотрит на Серого, как он на меня, и качает головой.

— Иди ты в баню, тощий чертила! Без меня в этот раз.

— Да он же блефует, мужики! - слышу голос соседа справа.

Он уже набирает стопку из пятидесяти фишек, но потом останавливается. Задумывается. Закусывает губу.

— Не. Нахрен!

Дуэль. Практически игра один на один. Обожаю покер!

Моя ставка. Вызов принят.

— Колл.

Я ставлю на стол 50 фишек. На них я мог бы жить пару месяцев. Месяца и годы жизни и работы за покерным столом превращаются в мгновения.

Малый блайнд сливается со своими десятью фишками. Шутничок.

Григ тоже сливается:

— Я пас, чуваки.

Он закрывает лицо руками и выдыхает в ладони.

Флоп. Я выкладываю на стол первые три карты: четвёрка пик, валет бубей и шестёрка треф. С флэшем облом, но возможен стрит. Интересно! Очень интересно! Любая двойка или семёрка - и стрит готов. Но вот дама… Если не стрит, то у меня не будет вообще ничего, в этом его и фокус. А Серому хватит одной дамы, чтобы меня завалить. Есть ли она у него? Этого сказать невозможно, его лицо абсолютно непроницаемо. Как и моё.

Время делать ставки. Очередь Серого.

— Семьдесят.

У меня всего 89. Но он не хочет меня спугнуть. Он хочет постепенно выманить меня, как змея кролика, и сожрать, оставив с нулём. Прекрасно! Притвориться кроликом - это для меня сейчас тактика лучше не придумаешь!

Сижу и кусаю губы. И постукиваю пальцем по столу. Тут важно не переиграть. Словно опомнившись, я докладываю 20 фишек. Мы остались вдвоём. Мы смотрим друг другу в глаза. Он хищник. Я жертва.

— Выкладывай, - говорит он ледяным голосом.

Я киваю и выкладываю следующую карту. Дама крестей. Всё лицо худого сейчас в фокусе моего внимания. Он едва заметно прищуривается, поглядев на даму. Это, возможно, тоже блеф. А если нет? Если у него дама на руках. Тогда пара. А может даже и тройка. Хотя какая разница? Пусть бы даже пара, я всё равно останусь без денег. Но шанс есть. Хороший шанс. Лучше, чем у него. Ему подходят всего три дамы, а мне подходят восемь карт. Надо играть.

Тёрн. Время делать ставки. Все смотрят на нас, не шевелясь. Григ убрал руки с лица и забыл о своём проигрыше. Он глядит на нас, как завороженный. Интересно, что сейчас с Жекой? Я не могу сейчас даже оглянуться. Весь фокус на столе. Все мысли в игру.

— Девяносто.

Эта цифра звучит, как приговор.

— У меня только 89.

— Возьмёшь у Косолапого в долг. Буду я тут с тобой мелочиться. Смотри, отдай потом, он ведь из-под земли достанет.

Поставить меня на место и слегка унизить. Да, Серый, это будет красиво! Это будет логичный финал. Мне разок повезло, но я сосунок, и я должен остаться без денег и в долгах. Прости меня, Серый! Я был слишком дерзок, я больше не буду!

— Хорошо, ва-банк.

Мой противник одобрительно кивает головой. «Молодец, сынок. Прощаю.»

Выкладываю последнюю карту. Двойка бубей. Держать лицо. Держать покер фейс! Не расхохотаться! Выдержать момент!

Ривер. Но ставок больше не будет.

Серый открывает карты. Две дамы. И третья на столе.

Он смотрит на меня, словно прожигая взглядом. Но не меняясь в лице. Все смотрят на меня.

И тут я улыбаюсь.

Его взгляд тут же гаснет.

А Косолапый начинает медленно и раскатисто гоготать!

— Открывай, слышь, щас сердце выпрыгнет! - не выдерживает Влад.

Я открываю карты. Стрит.

И тут уже очередь Серого улыбаться.

В комнате ор. Все игроки в абсолютном восторге!

— Красавчик, малой!!!

— Бля, мужики, вот это игра!!!

— Пойду курить.

— А я пить.

Забираю свой выигрыш. Передо мной 209 фишек.

— Я всё, мужики.

— В смысле??? - шипит Влад, вылупив глаза.

— Поиграй ещё, - басит Косолапый, улыбаясь. Он рад, что не он проиграл мне.

— Не знаю, как он, мужики, но я точно всё! - восклицает Григ.

— Ну вас нафиг, пацаны - он меня без трусов оставит! - говорит накачанный, - И вас тоже! Давайте пожалеем пацана! Он с такими деньгами как по улице ходить будет?

— Автомобиль твой купит, - шуткует сосед справа.

— Мне просто надо ещё в пару мест сходить буклетики раздать, - говорю тихо и скромно.

— Ага! Ещё не всех в районе опустил на бабки! Смотри, мы тя запомнили!

— А ты сам-то будешь в турнире участвовать, а малой?

— Не, я не буду.

— Как не будешь??? Да тебе с такой игрой на турнире самое место!

— Я взнос не потяну… Да и вообще я средненько играю, просто сейчас фартануло…

Играю в скромнягу, как могу. Забираю свой выигрыш и раскладываю по внутренним карманам куртки, которые, по счастью, сделаны большими и объёмными.

Нас отпускают с миром. Серый провожает меня пристальным взглядом. В нём нет злости. Есть удивление и признание. И лёгкая грусть. Грусть о том, меня не будет на турнире.

Охранник выпускает нас на улицу. Дверь за нами закрывается. Звук засова. Тишина. Мы смотрим друг на друга. Жекина улыбка становится всё шире и шире. Наконец, он взрывается хохотом:

— А-ха-ха-ха-ха!! Чувак!!!

Он хлопает меня по плечу:

— Марк, ты… ты просто… - он прислоняет пальцы к вискам. - Я в шоке ваще! Ты просто огонь! Ты… Ты их уделал, как детей! Офигеть, ха-ха-ха!

— Пойдём, - говорю, - не ори так. А то нас ща быстро отоварят.

— Лан, лан, пойдём…

Мы проходим мимо машин, выходим на улицу.

— Слышь, братан, это было зрелище! - не унимается Жека, - А я-то думал: всё, хана десятке моей!

Он добавляет очень тихо:

— Сколько ты поднял?

— Чистый выигрыш - 199 фишек, - говорю ему на ухо еле слышно.

У Жеки круглые глаза.

— Где так научился, а?

— Ну… это ж не всегда так. Просто голодный был очень. Когда голодный, я хорошо играю.

— Хе! Да, я б тоже пожрал чё-нибудь…

Мы оба смотрим в одну и ту же сторону. На первом этаже дома на той стороне улицы - шаурмичная. Кажется, я чувствую запах аж здесь. Мы одновременно сглатываем слюну.

— Пошли, - хлопаю я его по лопатке, - я угощаю.

Заходим в заведение. Запах - прям голова кружится. Настоящая свинина, бог мой! Делаем заказ и садимся за стойкой у окна. Молчим. Улыбка не сходит с жекиного лица. Он оборачивается ко мне и смотрит, прищурившись.

— Слышь, в натуре: а чё ты не участвуешь?

— В турнире-то?

— В турнире.

Молчу. Пожимаю плечами:

— На какие шиши?

— Ну… ты ж вот щас… - он водит бровями, пытаясь ими сказать то, что вслух произносить нельзя, - ну, ещё пару раз, и…

— Жек, это так не работает. Ну допустим даже я выигрываю чаще, чем проигрываю. Допустим! Ну вот приду я сейчас снова к этим парням. Сколько они мне дадут поднять, как ты думаешь?

Жека молчит. А я шепчу ему на ухо:

— То, что они меня сейчас отпустили с моим выигрышем - это чудо, понимаешь? И это благодаря тому, что ты был со мной. Не было б тебя - хрен бы я оттуда вышел даже с такими деньгами. Врубаешься?

Повар кричит, что заказ готов. Я уже расплатился. Мы забираем наши сочные благоухающие кебабы. Я киваю головой на выход:

— Пойдём.

Мы выходим на улицу, и тут уже проще поговорить, хоть рот и занят вкуснейшим мясом.

— Мало просто выиграть, - продолжаю я, шепелявя набитым ртом, - Надо ещё иметь достаточный авторитет и положение, чтобы выйти с выигрышем. Вот Серый и Косолапый могут взять - и пять стопарей[3] поднять за игру, или больше, и уехать на своих красивых тачках безо всяких вопросов, а я нет. А если даже я как-то смогу выйти с пятисоткой, где мне прикажешь хранить такие деньги?

— Резонно, - кивает Жека, бубня в ответ. - Ну так ты спонсора найди.

— Спонсора?

— Ну да. Серьёзного человека, который готов тебе дать бабок на взнос, чтобы разделить потом с тобой выигрыш. И все дела! - объясняет он, размахивая кебабом в правой руке.

— И кто бы это мог быть, по-твоему?

— Ну… я знаю пару человек, с кем можно поговорить.

Жека продолжает сосредоточено жевать, глядя вперёд и жестикулируя пальцем, измазанным в соусе:

— Просто смотри. Ты говоришь: «авторитет», «как я выйду?» и всё такое. А покерный турнир - это ж как раз решение всех этих вопросов. Во-первых, там тебя никто не будет по сумме напрягать - выигрывай, сколько сможешь! Правильно? Во-вторых, тут же тебе и связи, и авторитет. Если ты побеждаешь, то ты становишься ходячей рекламой казино. «Смотрите, простой парень, бегунок из банды пришёл - и выиграл! И ты приходи!» Тут же заводишь знакомства с крутыми людьми. Уж поверь, они тебе помогут! Это в их интересах.

Глотаю последний кусок кебаба. А звучит-то складно!

— Ладно, Жека, я подумаю.

---

[3]Стопарь - сто фишек; пять стопарей - пятьсот.

— Подумай-подумай!

Кебаб съеден слишком быстро. Что поделать - такая радость не может длится долго. Но я чувствую, как приятная сытость растекается из живота по всему телу. Мы заходим ещё в пару мест, где играют в холдэм. Но там сидят ребята поскромнее, и мои листовки воспринимают с куда меньшим воодушевлением. В этот раз ни слова не говорю о том, что играю, и мы уходим.

Стоим и курим на улице. Последняя сигарета. Уже вечер, надо сваливать из района, и поскорее.

— Слушай, Жека, - говорю, - Мне тут ловить больше нечего, надо двигать в соседний район, - показываю взглядом направление, - Но за мной подъедут ещё только через час или позже. Есть у тебя кто знакомый, кто сможет быстрее подкатить и докинуть?

— Да не вопрос, братиш, конечно!

Он достаёт телефон и набирает кого-то:

— Нурбек! Здоров, братан! Слышь, тут пассажир есть, свой парень, проверенный. Докинешь его до соседнего района, где бумажка, а?... Сколько?...

Жека прикрывает трубку рукой и говорит мне:

— Двадцать.

Я делаю круглые глаза. Жека продолжает:

— Слышь, не лютуй ты так! У пацана с деньгами ваще вилы! Докинь за пятнашку!... Чё?... Красава! Ждём!

Мой товарищ оборачивается ко мне:

— Ща приедет! Десять минут.

— Спасибо, Жека! Очень мне помог! Не знаю, как благодарить.

— Возьми телефончик-то мой! И насчёт спонсора подумай.

— Ага.

Мы обмениваемся телефонами. Докуриваем. Ждём. Болтаем о том, о сём. Спустя десять минут подъезжает серенький седан. На задней двери - следы от автоматной очереди.

— Ну давай, братиш, удачи! - говорит мне Жека на прощанье.

Обнимаемся и хлопаем по рукам.

Сажусь в машину на переднее сиденье. За рулём - смуглый парень с плоским азиатским лицом, узкими глазами и чёрными коротко стриженными волосами. Он протягивает мне свою толстенную ладонь. Сперва порываюсь пожать её, но тут же понимаю, что протянул он её не за этим.

— Ща...

Копаюсь во внутренних карманах и достаю три фишки: пять, ещё пять и пятьдесят.

— Блин…

Прячу пятидесятку, и достаю другую фишку, на этот раз - двадцать пять. Снова не то.

— С баблом, значит, вилы? - гудит Нурбек. Он бы, пожалуй, сделал в покере успехи - выражение на его лице прочитать невозможно.

Наконец, нахожу третью пятёрку и отдаю ему:

— Сорян, ещё долги раздать нужно.

Отмазка для соблюдения минимального приличия. Автомобиль трогается.

Враньё в Подземелье - как курение. Оно повсюду, и без него никак нельзя.

Пока едем, прикидываю в голове: так, 2843 шага… ну, грубо 2900… если бы каждый мой шаг был 1 метр, то это было бы почти три километра. Но мой шаг не метр, мой шаг чуть менее чем на треть короче. Значит, и расстояние я прошёл чуть менее чем на треть меньшее. То есть, где-то два километра. А скорее всего, это ровно два километра. По два километра между каждой колонной. Картинка проясняется. Теперь надо узнать…

Нурбек довозит меня до рынка. Дальше я своим ходом до дома.

Как я говорил, враньё в Подземелье - на каждом шагу. Его настолько много, что мы различаем разные оттенки и степени вранья. Вот, например, то, что Жека сказал Нурбеку про мои проблемы с деньгами - это безобидное бытовое враньё, часть торга. На него почти не обращают внимания. Есть враньё, когда ты рассказываешь о себе то, чего на самом деле нет. Это реклама. Если бы Жека рассказал мне, что он не бегунок, а очень авторитетный член банды с правом голоса - это был бы тот самый случай. Чуть хуже, чем первый, но тоже довольно безобидный. А вот если ты о себе соврал и этим подставил кого-то, то это уже гораздо серьёзнее. То, что я сделал с Жекой - как раз именно такая история. Он ручался за меня, думая, что я тот, кем на самом деле не являюсь. Если Жека об этом узнает, он мне отомстит и будет прав. Может, не очень сильно, но отомстит.

Самый страшный вид вранья - это когда обманутый по итогу теряет крупную сумму денег. За такое убивают. И обычно не просто убивают, а жестоко и с издевательствами, и так, чтоб узнали все.

По пути домой я захожу в ломбард. Сюда люди сдают вещи, чтобы получить за них скромные деньги под залог этих вещей, а если с долгами расплатиться не удаётся, то вещи остаются ломбарду. Само собой, это должно быть что-то ценное: огнестрел или транспорт. Владелец - пожилой жилистый мужик, отставной полисмен. Стрелок его называют. Любит оружие. Очень.

— Здравствуй, уважаемый, - говорит старик, - За деньгами пришёл?

Уважаемый… Нда, ментов бывших не бывает.

— Наоборот, - говорю, - Расписка нужна.

Это ещё одна фишка ломбарда. Сюда можно сдать деньги, если у тебя их вдруг много и тебе их негде хранить. Взамен Стрелок даёт бумажку, на которой расписывается, что вернёт тебе эти деньги. То есть ты ему деньги, а он тебе - обещание. Честное слово.

— Ох ты! И много ли у тебя?

— Сто пятьдесят.

Он уважительно кивает головой. И достаёт из-под стола герметичный пакет.

— Выкладывай.

Я отсчитываю 150 фишек. Оставляю себе 49 на жизнь.

— Можно именную? - спрашиваю.

Стрелок не против. Старик пересчитывает фишки своими цепкими сухими пальцами, складывает в пакет и убирает в сейф. Затем ручкой на простой бумаге пишет расписку и отдаёт мне. Я читаю:

Предъевителю отдам 150 фишек если он молодой худощявый юноша с серыми глазами и светлыми волосами.

Если предъевитель не является за деньгами в течении трёх месецев, то деньги остаются мне.

Стрелок.

Дата

Подпись

Забираю расписку и кладу к себе в карман.

— Выиграл чтоль? - интересуется старик.

— Да.

— Хех! Ну приходи ещё! Игрок...

— За деньгами - точно приду. Не сомневайся.

Выхожу на улицу. Попрошайка тут как тут. Какой-то потрёпаный нищеброд подходит ко мне и жалостно смотрит в глаза:

— Сынок! Помоги! Дочка больная, операция нужна, умрёт девочка! Помоги, хоть пять фишечек дай!

Пять фишек?? Ни хрена себе запросы! Я смотрю на него, как на отмороженного:

— Сдурел?

Это всё, что он слышит от меня. Незнакомый тип, залётный, видать, с другого района пришёл. Может, ему и правда нужна помощь, всякое бывает. Но если у тебя на улице просят денег, то процентов 95 это обман. Нет у него никакой дочки, и не нужна ему

никакая операция. Но есть пятипроцентный шанс, что у человека действительно беда, и тогда… тогда ему просто не повезло. Как в покере.

— Пожалуйста, сынок! Смотри, я тебе фотографию покажу!!

— Отвали.

Я настолько щедрый, что говорю ему второе слово. Больше он ничего не получит от меня, и не услышит. Мы в Подземелье, приятель. Здесь никто никому не верит. Здесь любой незнакомый человек - вероятный враг, которому нельзя доверять.

Доверяю ли я Стрелку, например, отдавая ему деньги взамен на бумажку? Нет. Просто я понимаю, что ему выгоднее отдать мне деньги, чем не отдать их. Я приду в следующий раз. Может быть, с большей суммой. И не только я, другие тоже. Он заработал себе авторитет и репутацию. Вот это важно - авторитет и репутация. А ещё у него есть связи, очень хорошие связи. И грабить его не станут - это себе дороже. Бывших ментов не бывает…

— Дай фишку, дай фишку!

Блин, да что ж такое-то! Зашёл в ломбард…

Вокруг меня кружится ребятня. Я отмахиваюсь от них, как от мух:

— Отвалите нахрен!

Но они не унимаются, а наоборот, орут пуще прежнего. Любая реакция от меня для них хороший знак.

— Дай фишку, слышь! По-браааатски!!

— Ну дай, ну дай!

— Жрать хочется, помоги, браток!

Смотрю на одного из них:

— Чего тебе жрать хочется? Сигареты?

— Не!! Правда, кушать очень хочу! Ну помоги, ну пожалуйста!

Они тоже мошенники. Но они дети. И рука сама тянется в карман под крики ликования оборванной мелюзги. Я достаю одну фишку и подбрасываю её в воздух. Ну, кто ловчее?

Один из пацанёнков, хоть и не самый высокий, ловко выпрыгивает и ловит фишку. И конечно же, у меня нет никаких сомнений в том, что я от них услышу вместо «спасибо».

— Дай ещё! Дай ещё!

Но теперь я делаю лицо кирпичом, замолкаю, и больше на них никак не реагирую. Проходит время, и они отстают.

Домой я возвращаюсь уже заполночь, переодевшись перед этим и спрятав свою новенькую одежду в прежний тайник. Захожу в нашу хибару. Тишина. Но Ибрагим не спит. Он сидит на кровати, кулаки сжаты, лицо хмурое.

— Где тя черти носят, малой? - рычит он мне.

Я смотрю на него внимательно:

— Чё злой такой?

— Папаша твой… к сестре приставал… алкаш, сука… Пока ты шляешься хрен знает где. Хорошо я раньше домой пришёл.

— Он такой же мой папаша, как и твой, - отвечаю я. Он нам обоим не родной отец. - Ну, и чем кончилось?

Ибрагим качает головой:

— Бля, чуть в голову ему не пробил. Не знаю, как сдержался. Ещё чуть-чуть - и я бы ему мозги вышиб, отвечаю!

— …Да нечего там вышибать…

Сажусь рядом с братом и очень осторожно кладу ему руку на плечо:

— Ты не серчай, слышь… Он не извращенец же, как у некоторых. Просто нажрался… У него там не работает уже ничего.

— Ты откуда знаешь? - усмехается Ибрагим, но уже без злобы. Моя фраза про «не работает» его как будто успокаивает.

— Тсс-хех! С его-то возрастом, здоровьем… и образом жизни… - Я хлопаю брата по напряжённой крепкой мускулатуре. - Расслабься, здоровяк.

— Иди ты… - уже спокойным голосом отвечает он, стряхивая мою руку плечом.

Встаю и направляюсь к своей кровати:

— Ладно, я спать. У меня был тяжёлый день…

— Ну-ну…

Падаю на койку прямо в одежде и задумчиво смотрю в потолок, теребя небритые волоски на подбородке.

— Чё, не дала? - посмеивается брат.

— Неа… Пока нет… Но обязательно даст. Я добьюсь своего.

3

Курить в Подземелье - это как дышать воздухом. Курят все. Мужчины и женщины, юноши и девушки. Курят старики и старухи, курят малые дети. Курят те, кто тяжело болен и те, кто при смерти. Что бы ни случилось, твой день начинается с сигареты и заканчивается сигаретой.

Пачка сигарет стоит одну фишку, но если надо заплатить пол-фишки, ты просто можешь отдать пол-пачки сигарет. Они, как деньги. Те, кто побогаче, курят почаще, а те, кто победнее - пореже.

Только моя мама не курит. Не знаю, как ей удаётся. С нашей-то жизнью.

Моя мама - скромная, невзрачная, работящая женщина. Мама долгое время пёрла на себе всю семью, пока старший брат не начал работать, а позже подключился и я. Она работала - и продолжает работать - в бумажном цехе. Там штампуют плакаты, нарезают тетради, игральные карты, и всякую прочую подобную хрень. У нас дома этого добра всегда было полным-полно - каждый тащит с работы всё, что может утащить. Так я в ещё очень раннем детстве познакомился с картами.

Через знакомых и сверстников я узнавал разные карточные игры: Дурак (подкидной и переводной), Очко, Верю-не-верю, Балда и, конечно же, Покер. Мне эти игры были жутко интересны, и я играл в них со всеми, с кем только мог. Чаще всего - с братом и сестрой дома, но и с одноклассниками, конечно же, тоже. Играли мы просто на интерес.

А потом я начал работать, и у меня появились первые деньги.

Довольно быстро я понял, что игра на интерес и игра на деньги - это две совсем разные игры. Очень скоро я перестал играть на интерес совсем. Всё моё широкое внимание к карточным играм сузилось к одной-единственной игре: к Покеру. К Техасскому Покеру, который ещё называют Холдэм. Покеры бывают разные, но в Техасском вся игра полностью сводится к деньгам. По картам у тебя нет никакого манёвра - ты получаешь две карты на руки и ничего не можешь с ними сделать до конца игры. Весь твой выбор - это деньги, которые ты ставишь. Остро. Жёстко. Красиво.

Я себя считаю хорошим игроком в покер по одному-единственному факту: я чаще выигрываю, чем проигрываю. Так было не всегда, но мне очень хотелось научиться. И, кажется, именно желание хорошо играть пробудило во мне интерес к ещё одному предмету: к математике.

Не то, чтобы математика сильно в покере помогала, сейчас я это понимаю. Но тогда мне казалось, что стоит мне овладеть математикой - и я всех буду рвать за покерным столом, потому что никто ей не владеет, а я смогу. Не помню, где я раздобыл учебник по высшей математике, но для меня он был, как сокровище, как священная книга. Я рассматривал её страницы - особенно раздел по теории вероятностей - и мне всё написанное казалось какой-то магией, волшебными заклинаниями, в которых если разберёшься, то подчинишь себе весь мир. Покерный мир, во всяком случае.

Но теория вероятностей строится на других разделах математики, которые надо прежде изучить, иначе ничего не поймёшь. И я учил. Помаленьку, насколько хватало времени, но учил. Тетрадей дома было завались, и я много их извёл, исписав цифрами и закорючками, которых никто кроме меня не понимал. Выглядело дико для моих домочадцев, но объяснение «это чтоб хорошо играть в покер» всех устраивало. Особенно после того, как я стал приносить в дом хоть и скромные, но деньги, честно выигранные в карты. Возникало

ощущение, что мои занятия математикой и правда имеют смысл. У них возникало, не у меня.

А в моей голове странным образом постепенно нарождалась мысль о том, что математека ценна сама по себе. И вообще, получать знания - это… как бы сказать… это правильный путь, что ли. Движение в правильную сторону. Ты можешь сразу не понимать, зачем тебе те или другие знания, но они пригождаются. Они работают на тебя. Это твои внутренние деньги, твои фишки в голове. И если жизнь даёт тебе шанс получить знания, нужно всегда соглашаться! Ты не можешь предугадать, в какой момент они превратятся в реальные фишки в твоём кармане, но это произойдёт обязательно. И само то, что я это понимаю, уже даёт мне много шансов на успех…

Что-то в таком духе я рассказываю своим пацанам в «кружке любителей знаний», который образовался у меня пару лет назад. Четверо оболтусов учатся у меня всему, что я могу преподать. В основном это задачки по математике, но не только. Я им рассказывал, что такое магнит и компас, что такое химическая реакция, как работает автомобиль и мотоцикл, и всякое такое. В школе этому не учат.

Моя жизнь входит в прежнее русло - я хожу работать к Лёхе на автосервис и на склад таскать ящики - и вот, сегодня, с утра, по дороге на работу, встречаю одного из своих «любителей» - Влада:

— Здоров, школьник!

— Привет, училка! - резво отвечает мой подопечный, который доучивается последний класс.

— Слышь! Старшим не дерзи, мелюзга!

— Окей, шеф. Чо, когда у нас сходняк следующий?

— Завтра. На второй точке, у гаражей.

— Классно! Чо будет?

— Не скажу. Но очень крутая тема! Секретная. Зови всех остальных.

— Секретная?

— Без шуток. Скажи всем, чтоб рот на замок. Лады?

— Лады. Реально, не врёшь?

— Реально. Не вру.

— Офигеть! Круто! Завтра у гаражей. А во сколько?

— В шесть вечера. Ровно. И чтоб без опозданий, понял?

— Замётано, шеф!

— Проваливай.

Я по-отечески треплю его по волосам и отправляю восвояси, в школу. А сам ковыляю на работу, уже предвкушая, что будет на нашем завтрашнем «сходняке».

На работе я подлавливаю момент, когда Лёхи нет в кабинете, и быстренько у него на компе, в калькуляторе на всякий случай проверяю, верно ли я рассчитал расстояние между колоннами:

*2843 * 0.7 = 1990.1*

Ну да, всё так и есть: два километра.

Теперь мне предстоит выяснить ещё одно расстояние. Но всё по порядку…

Точка номер два, у гаражей. Точнее, за гаражами. Тут укромный уголок с фонарём, где мы собираемся на наши «сходняки знаний». Стопка старых деревянных паллетов служит столом, а вместо доски - обычная школьная тетрадь в клеточку, которая торчит, свёрнутая в трубочку, у меня из кармана. Смотрю на часы. Без пяти шесть. Ну что, придут мои лоботрясы вовремя? Долго мне приходилось их к этому приучать, ох долго!

Слышу приближающиеся шаги и болтовню. Идут, красавцы.

Оборачиваюсь. Из-за гаражей выходят Влад с Егором.

— А остальные где? - спрашиваю недовольным голосом.

Но парни дружно мотают головами. Они не в курсе. Ладно, время ещё есть.

Вынимаю из кармана тетрадь и скручиваю её в обратную сторону, чтобы она стала ровной. Кладу на стол.

— А чё будет-то? - нетерпеливо спрашивает Егор.

— Погоди. Щас все придут - и всё расскажу. Не убежит, не беспокойся. Как в школе дела?

— Хорошо всё.

— Одни пятёрки?

— А то!

— Молоток! И у тебя, Влад, тоже?

— …Так а там ничему ж не учат толком. Я безо всякого напряга ещё другим за бабки помогаю.

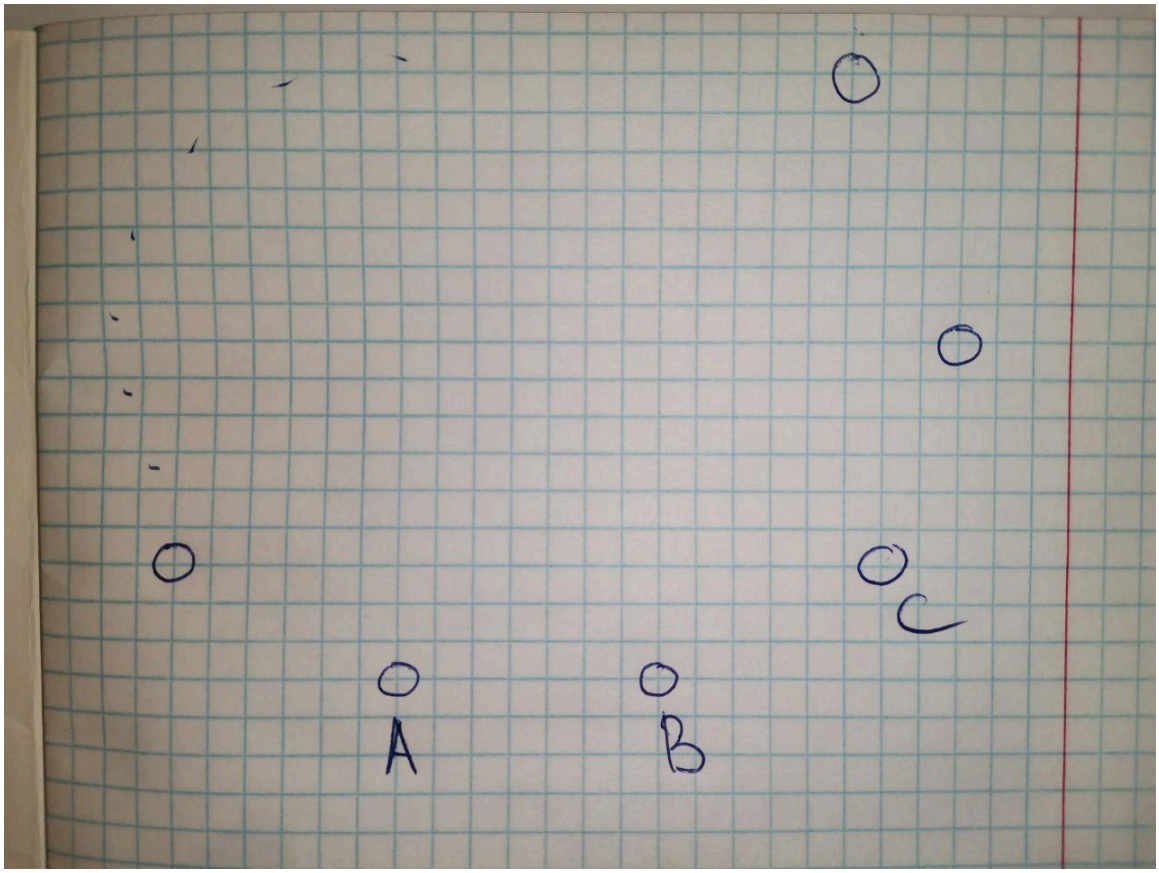
— Бизнесмен, - усмехаюсь я, но парень молодец. У таких есть шансы в Подземелье. Я тоже помогал, хоть и не за деньги, но за хорошее отношение. А это тоже деньги.

В наш закуток вбегают запыхавшиеся Радик и Шамиль. Смотрю на часы. Шесть вечера, ровно. Смотрю на парней. Благосклонно киваю головой.

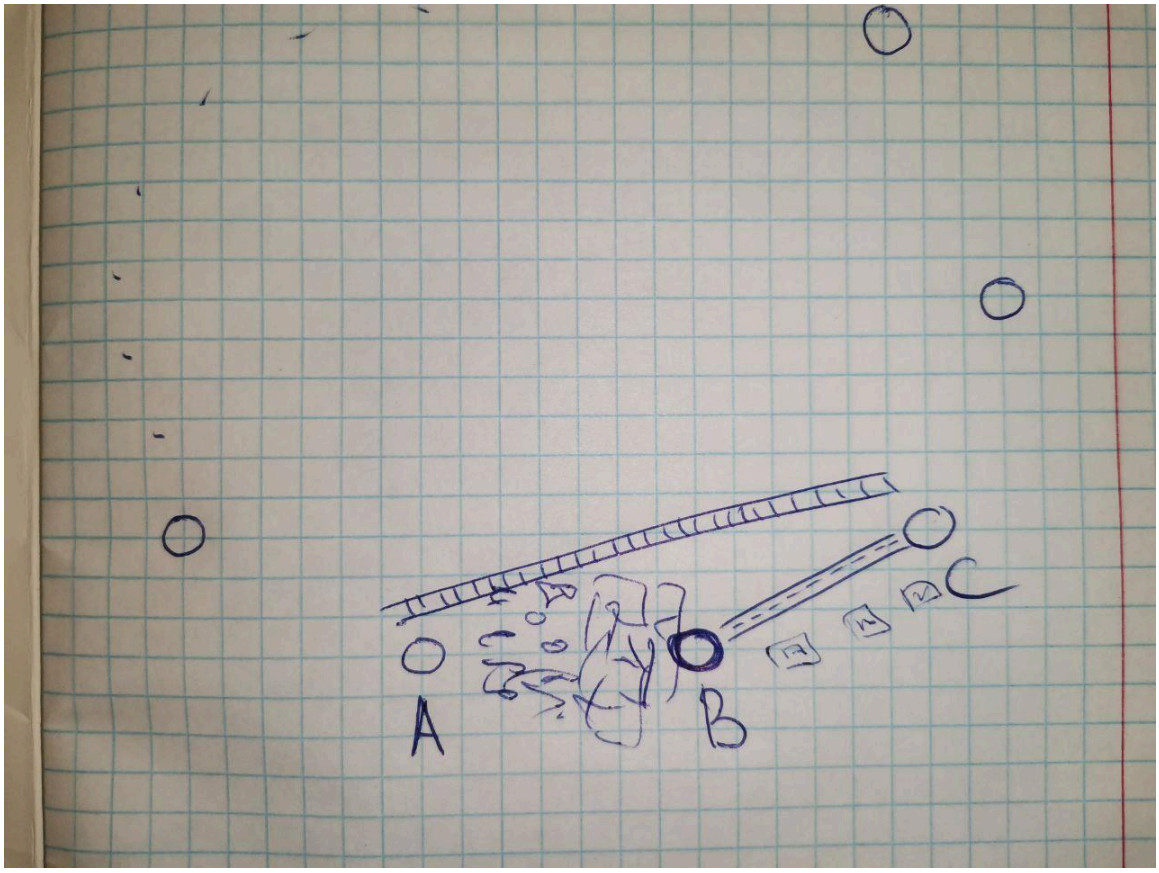
— Давайте начинать. У нас сегодня геометрия, господа.

Парни смотрят на меня такими глазами, как будто я их кинул. Но я продолжаю, не обращая внимания. Раскрываю тетрадь на чистой странице, достаю ручку и начинаю рисовать:

— Задача. Есть круг из колонн, большой широкий круг. Вот он, вид сверху. Каждый кружочек - это колонна. A, B, C, и так далее.



— Мы живём рядом с колонной B, - продолжаю я, - И мы измерили расстояние между колоннами B и C, потому что нам повезло - между ними прямая дорога. Между колоннами A и B померить расстояние мы не можем - там трущобы и промзона. Но зато мимо A и C идёт прямая железная дорога, и мы смогли (очень сильно рискуя) измерить расстояние между A и C.



— Вот такие условия задачи. А теперь вопрос, - я по-учительски смотрю на своих учеников, которые подняли взгляды с тетрадки на меня, - как найти направление в центр круга?

Парни смотрят на меня, ошарашенные. Они поняли, о каких колоннах речь. Но мысль о центре круга - это для них что-то совершенно новое.

— А они кругом стоят, реально? - спрашивает Радик.

— Ну а как ещё? - отвечаю авторитетно, ковыряясь в зубах ручкой.

Тишина. Мои ученики в шоке. Я им всегда объясняю, что это нормально. В первый момент, когда на тебя свалилась задача, которую ты никогда в жизни не решал, у тебя ступор. Но проходит минута, вторая - и происходит магия: мозг начинает работать. Это и есть настоящая математика!

Я жду, когда первый шок у ребят пройдёт, и они начнут обсуждать задачу и задавать вопросы.

Первым просыпается Егор:

— Ну это треугольник, пацаны.

Пацаны смеются - ежу понятно, что треугольник!

— А расстояние между колоннами одинаковое и круг ровный?

— Ну, логично предположить, - отвечаю.

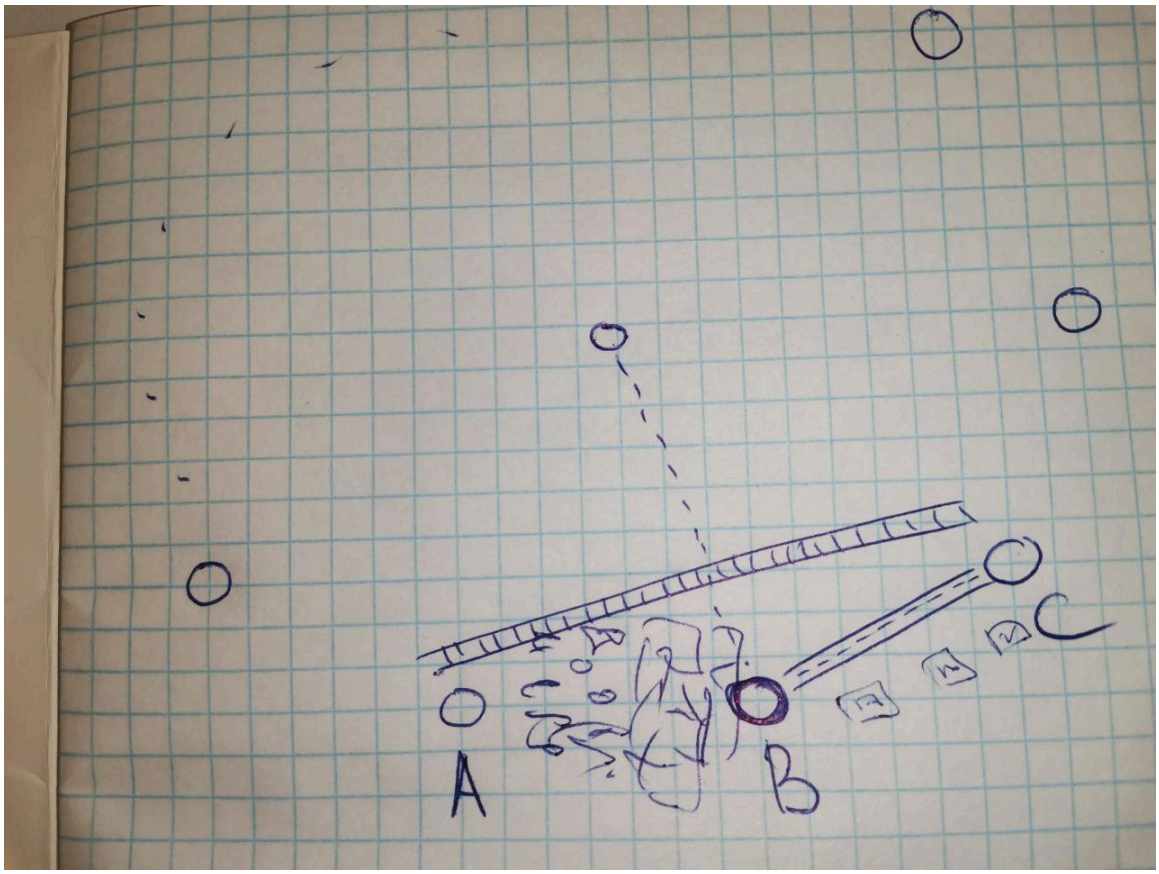
— Значит, АВ равен ВС, и треугольник равнобедренный! - восклицает Влад.

— Отлично! - хвалю его.

— Да, отлично. Только как это нам поможет? - говорит Радик.

— Давайте центр нарисуем, пацаны, - говорит Влад.

Он берёт у меня ручку и рисует ей центр круга и пунктирную линию от центра к колонне В.



— А ещё кривее не мог нарисовать? - ухмыляется Радик.

— Отвали. Давай думать лучше. О, смотри, прямой угол получился!

— Где?

— Ну, центр-бэ-цэ.

— С хрена ли он прямой?

— Ну, так выглядит.

— Ну так это ж схема! Не, ваще не факт, что он прямой. Нет же? - Егор оглядывается на меня. Я важно качаю головой. - Понял? - смотрит он снова на товарища.

— Ну ладно. Давай дальше думать.

— Угу…

Все сидят и думают.

— Шамиль, а ты чего молчишь? - спрашиваю я самого худощавого черноволосого паренька, в очках и с чёрным пушком над верхней губой, - Какие мысли в голове?

Он, кажется, что-то понял…

— …А я правильно понимаю, что раз у нас ровный круг, и расстояния одинаковые, то вот эта пунктирная линия до центра делит угол ABC ровно пополам?

— Да, так и есть.

— …То есть искомое направление совпадает с высотой треугольника ABC, она ведь тоже делит этот угол пополам, раз он равнобедренный.

— Верно.

И тут уже до всех остальных доходит.

— А ещё высота делит основание пополам!

— И падает на него под прямым углом!

Парни кричат наперебой.

— Ну так что делать-то надо? - спрашиваю, улыбаясь.

Ученики переглядываются.

— Пусть Шамиль скажет, он первый догадался, - говорит Влад.

— Шамиль, давай, мочи!

Шамиль поправляет очки и, сосредоточившись, выдаёт:

— Нужно встать в центре отрезка AC, и построить от него перпендикуляр в сторону центра - это и будет направление.

— Класс! Молодцы! - говорю я, искренне радуясь их сообразительности, - Но вот незадача: как же мы встанем в центре AC - это ж железная дорога, федеральная собственность. Нас в порошок сотрут!

— Ну, не на самой железке встать, а рядом с ней, у забора.

— Там промзона, фиг туда доберёшься.

— Блин… тогда…

— Есть ещё один способ. Если мы знаем BC и AC, то мы можем найти направление, стоя рядом с колонной B.

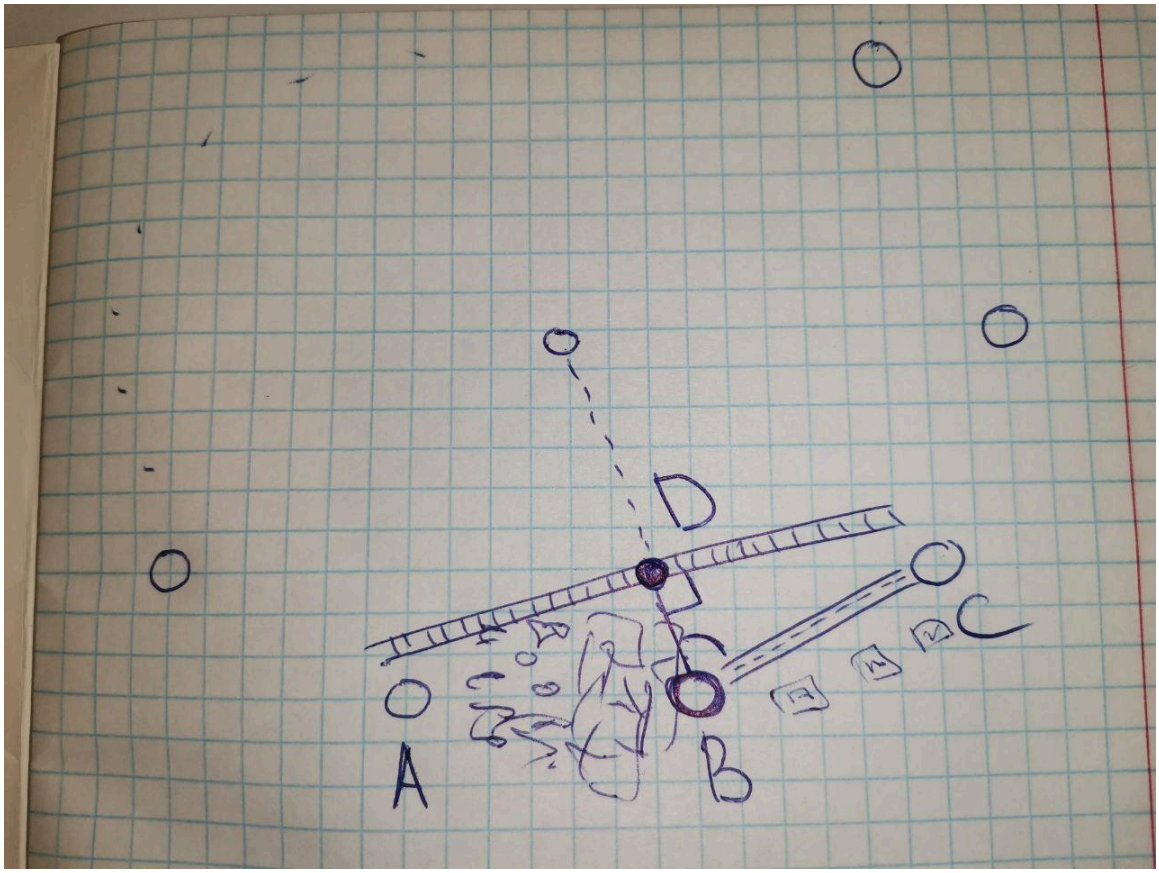
— Как?

Смотрю на парней, держа паузу для значительности.

— Пусть середина AC - это точка D. Давайте посмотрим на треугольник BCD повнимательнее. Какой он?

— Прямоугольный! - выдаёт Радик, который всегда быстро реагирует, если что-то знает.

— Верно! Значит, что?



Пацаны смотрят на меня и молчат. Ну да, тут у нас будут трудности, этого я ожидал.

— Треугольник - прямоугольный, и нам нужно найти угол DBC, а мы знаем длины BC и DC. Что нам нужно применить?

Тишина.

— А! - вскрикивает Шамиль, - Эту... ну... там такое слово замороченное...

— Тригонометрию, - говорю учительским тоном.

— О… - стонет Егор.

— А что «о-о-о»? Разве это сложно? Тригонометрия - это что такое?

— Ну это про… прямоугольные треугольники?

— Да! Это про прямоугольные треугольники. BC у нас находится напротив прямого угла, значит это что?

Тишина.

— Ну пацаны, блин! Давайте запомним уже: это *гипотенуза.* A DB и DC - это два *катета.*

— Да пипец, слова такие - фиг запомнишь!

— Ничего-ничего! Память потренируешь, очень полезно! Чем нам тут поможет тригонометрия? А тем, что в прямоугольных треугольниках по соотношениям сторон можно узнавать углы. DC - это противолежащий катет для нашего искомого угла DBC. Значит, если мы разделим длину DC на длину BC, то мы получим… *синус* угла DBC. А дальше, зная синус, мы можем прям по таблице или на калькуляторе найти угол DBC. После этого мы встаём рядом с колонной B, чертим линию в сторону колонны C (вдоль дороги), и отмеряем найденный угол. Чем отмеряем, кстати?

— Транспортиром.

— Красавчик! Ну вот, отмеряем угол и чертим вторую линию - это и будет наше направление.

Пацаны сидят обалдевшие.

— …Блин, откуда ты всё это знаешь?

— Из книжек. Вот такая у нас сегодня занимательная геометрия.

— А что там? В центре? - спрашивает Радик, глядя на меня глазами, полными любопытства.

Я беру тетрадку со стола, вырываю лист с нашим рисунком, достаю зажигалку и поджигаю его, дожидаясь, когда он сгорит дотла.

— Не знаю, пацаны… Честно. Не знаю.

Хлопья бумажного пепла падают на стол и разлетаются от дуновения ветра.

— Не знаю. Но хочу узнать.

Катет, гипотенуза… Неслабо я парней нагрузил. Ничего, пусть тренируют мозги! В условиях задачи я говорил, что расстояние AC - то есть расстояние от первой колонны до третьей - нам известно. Пора и вправду его узнать.

Круг колонн очень широкий. Это значит, что расстояние будет близко к четырём километрам, но чуть-чуть поменьше - между колоннам по два километра, а треугольник очень плоский.

Если определять направление первым способом, через перпендикуляр посередине, то расстояние можно измерить лишь примерно. А вот со способом через синус лучше бы длину измерить поточнее - до центра далеко, и даже промах в несколько градусов может меня сильно сбить. Но всё равно, примерное направление будет понятно, а дальше можно будет скорректироваться.

Как же я буду мерять расстояние? С помощью той самой лазейки, которой мы с друзьями пользовались ещё в школе, чтобы попасть на железнодорожные пути, класть на них всякую металлическую хрень и радоваться до поросячьего визга тому, как она превращается в гладкие и плоские блинчики. Нда… вот делать-то нефиг было! Надеюсь, эта лазейка ещё сохранилась. Она была наша, секретная. И она в таком месте… куда я сейчас совсем не хочу соваться. Но придётся. Это чуть не доходя до первой колонны, там, где между двумя участками забора небольшая трущоба. Это оттуда на меня выскакивал парень с битой, когда я убегал от банды Таира. Мне как раз в эту трущобу и надо. Там в конце неё бетонный забор, за ним - железка, а вплотную к забору неподалёку от фонаря растёт куст (фонарь-то, видать, ультрафиолетовый!). Этот куст скрывает дырку под забором, через которую мы и лазали. Уххх! Как подумаю, что мне надо туда идти, так аж передёргивает!

Парень у сортировки - который лазал смотреть табличку - сказал мне «13». 13-й километр, прямо рядом со станцией, то есть практически на одном уровне со второй колонной. Если бы железная дорога продолжалась дальше по прямой, то рядом с третьей колонной была бы табличка «15» - 13 плюс два километра. Значит, где-то рядом с первой колонной я должен увидеть табличку «11». Ну как рядом - чуть дальше. И важно, насколько дальше. То есть я вылезу на пути, пробегу мимо колонны до таблички «11», ну а потом

- старым способом, иду обратно, пока не поравняюсь с центром колонны, и

считаю шаги. Лучше бы, конечно, взять измерительную ленту или колесо, это было бы точнее, только где же их возьмёшь?… Придётся шагами мерять. Ох, как мне не хочется всё это делать! Куда я лезу?… Зачем мне всё это?…

Но ноги сами несут меня в сторону той злосчастной первой колонны, 8-74. Вот я уже прошёл мимо рынка. Поглядываю по сторонам, нет ли той девчушки, у которой я купил пакетик с перечной смесью? Нет, не видать. А пакетик-то со мной. Зачем я его таскаю? Сам не знаю…

Вот тот самый забор, исписанный и изрисованный. Рука сама тянется в карман за баллончиком. Но вокруг никого. Ни души. Никакой Раф мне в этот раз не поможет - такое везение только раз в жизни бывает. Теперь уж всё: если вляпаюсь, то окончательно. Денег взял побольше, на всякий случай, чтобы откупиться.

Вон она, колонна. Стоит, красавица! Привет! Сегодня я на тебя посмотрю с необычного ракурса - с железнодорожного полотна. Если повезёт.

Заматываю лицо шарфом хорошенько, чтобы не было видно перед камерами, если они там есть. Дышать становится тяжелее, но ничего. Главное, всё сделать как можно быстрее. Подумаешь - выскочить на пути, пробежаться недалеко, туда-обратно. Одна нога здесь, другая там! Разве сложно? И через трущобы проскочу, никто не заметит. Кому я там нужен? Банда Таира распалась уже наверняка. Не ссы, браток, всё получится!

И вот заканчивается первый забор, и я поворачиваю направо, в трущобы. Под ногами - сырая земля с гравием вперемешку. Несколько хибарок ютятся между заборами. Они совсем как наши, собраны из всего подряд - камни, кирпичи, цемент, железная арматура, и железнодорожные шпалы. Между домами, посерединке, сидят люди на корточках, трут о чём-то. Я тихонько прохожу по дальней стороне, между домами и забором, надеясь, что в темноте меня не заметят. Дальше - ещё хибары, детвора бегает. Вот им точно лучше не попадаться на глаза, а то увяжутся за мной. Про дырку в заборе они наверняка знают, но на «взрослого дядьку», который туда полез, они точно захотят посмотреть, а мне лишние свидетели совсем ни к чему.

Вроде спокойно. Никто ко мне не приматывается, никто меня вообще не замечает. Вокруг темнота, грязь и мусор. Переступаю через ручеёк, текущий из-под забора. И вот тот самый фонарь и тот самый куст. Растёт по-прежнему. Здравствуй, дорогой ты мой!

Оглядываюсь по сторонам. Никого вроде не видать. Одним рывком ныряю под куст. Вот она, дырка! Та самая, не изменилась ничуть! Голова пролезает. Отлично, значит всё остальное тоже пролезет.

Проникаю сквозь дыру на запретную территорию. Насыпь из гравия, на ней бетонные шпалы и рельсы двумя прямыми линиями. Фонари по обе стороны, метров через сто. Камер не видать.

Поправляю шарф. Оглядываюсь по сторонам. Табличка нигде не видна. Прислушиваюсь. Поезда не слыхать. Ну что, теперь бежать. В сторону колонны.

Встаю на ноги, выхожу на середину путей - и вперёд!

Бежать по шпалам капец как неудобно, но я стараюсь побыстрей. Ох, курить надо меньше! Чёртов шарф, может снять его? Нет, оставлю. Давай, тряпка, жми, пока поезда нет!

Довольно быстро добегаю до колонны, поравнявшись с ней. Так, отлично! Начинаем мерять шаги, прям отсюда. Когда я бегу, расстояние между моими следами - один метр. Десять, двадцать, тридцать…

Я бегу и бегу, а таблички всё не видать. Оглядываюсь. Колонна уже прилично позади. Что-то не так. Я должен видеть впереди синий значок. А его нет. Почему? Может, просто не установили, пропустили из-за разгильдяйства. И что тогда? Бежать ещё километр? Нет, это перебор. Надо возвращаться. Нет, пробегу ещё! Ох, чёрт, Марк, что ты делаешь!

Сто шагов. Сто пятьдесят. Прислушиваюсь изо всех сил. Вроде тишина. Ну хоть это хорошо. Что я буду делать, если поезд поедет? Лягу с краю вдоль забора? Всё равно заметят. Ой-ой-ой!

Двести шагов. Двести метров уже пробежал. Где чёртова табличка?!

Двести пятьдесят. Разматываю шарф, потому что дышать невозможно. Под рёбрами болит, сердце колотится, в лёгких словно паяльной лампой жгли. Долбанный спортсмен, куда ты полез!!

Триста шагов. Триста пятьдесят. Неужели её нет? Проклятье!

Останавливаюсь. Упираюсь руками в колени. Перевожу дыхание. Шарф свисает с двух сторон. Возвращаться? Наверное. Ну не бежать же ещё полкилометра! А вдруг… вдруг я ошибся? Вдруг всё по-другому?…

Ещё сто метров. Давай, Марк. И потом назад! Потом вернёшься - и будешь думать. А сейчас вперёд. Давай! Марш-бросок!

Заставляю себя побежать. Бегу я уже совсем не так быстро, как в начале. Ноги заплетаются. И расстояние между шагами уже наверняка совсем не метр! Пытаюсь специально делать шаг шире. Пару раз чуть не падаю.

Четыреста шагов. Что это такое впереди? Неужели… она?

Прибавляю ходу. Точно, табличка! Та самая, синяя. Хо-хо!

Четыреста пятьдесят шагов. Ещё чуть-чуть. Четыреста семьдесят пять. Я уже вижу номер. 11, как и ожидалось. Но я пробежал… пятьсот шагов. Пятьсот двадцать…

Останавливаюсь. Я пробежал пол километра. Какого чёрта? Так не может быть!

И вдруг, где-то впереди, вдалеке, я слышу едва-едва различимый звук. Поезд. Бляха, поезд!!!

Бегом назад!! Изо всех сил!! Я должен успеть!!!

Пятьдесят шагов. Сто шагов. Давай, жми, парень, иначе тебе конец!

Сто пятьдесят. Ещё прибавляю шагу. Не понимаю, как мне удаётся дышать. Мои лёгкие - это один большой комок боли. Во рту пересохло, отхаркиваю на пути вонючую бело-жёлтую пену.

Двести пятьдесят шагов. Половина! Но звук сзади всё громче. Поезд едет быстрее меня. Гораздо быстрее. Вся надежда на расстояние. Он от меня далеко, а я от лазейки близко. И я должен успеть!

Триста пятьдесят шагов. У меня как будто открылось второе дыхание. Я вижу, что могу успеть! Колонна уже совсем недалеко!

Четыреста шагов. Ещё немного. Поднажми, калека!

Четыреста пятьдесят. Колонна уже близко. Но звук поезда стал громче. Не даю себе оглянуться. Некогда! Не хватало ещё споткнуться и упасть!

Пятьсот шагов! Колонна всё ещё где-то впереди. Шаги явно стали короче. Давай, жми!

Перестаю считать шаги. Задыхаюсь, но кое-как продолжаю бежать. Звук сзади всё громче и громче. Наконец, я вровень с колонной! Лазейка должна быть чуть дальше, совсем рядом. Только не пропустить её! Только не пропустить!

Вот она!!!

Ныряю ногами в дырку, ударяясь руками и копчиком о гравий, сдирая кожу со спины и не обращая на это никакого внимания. Проникаю в дыру. Просовываю туловище. Куртка и футболка задираются наверх, и я руками протаскиваю себя, и ползком, кое-как, спускаюсь вниз, под куст.

Я задыхаюсь. Хватаю ртом воздух, как рыба, выброшенная из воды на берег.

Успел!! Успел.

Не знаю, сколько проходит времени. Может, минута. Может, две. Мимо проносится поезд. Сейчас самый лучший момент, чтобы выйти из трущобы. Под стук железных колёс меня будет совсем не слышно.

С огромным усилием заставляю себя встать. Вылезаю из-под куста и, шатаясь и запинаясь, иду вдоль забора на выход, к дороге. Надо поторопиться, хоть я еле стою на ногах. Пробираюсь мимо хибар. Наступаю ногой в зловонный ручей - мне уже по барабану. Запинаюсь об камень. Ковыляю мимо последних домов. Ох, могу представить, на кого я сейчас похож! На жителя этой трущобы точно смахиваю. А что, это даже хорошо!

Выхожу на тротуар, и тут…

Бах!!!

Пуля вонзается мне в живот. По кишкам словно ломом ударили. Я сгибаюсь пополам и падаю на тротуар.

А тот парень, который выстрелил, быстро зыркает на меня - и пробегает мимо, в трущобу, кажется. А я лежу на асфальте, схватившись руками за живот и жду, когда сквозь руки потечёт тёплая жижа. Если её немного, значит артерия не пробита, и тогда у меня есть шанс. Чёрт, как же больно!…

Лежу щекой на асфальте, с открытым ртом. Вокруг никого. Ни единого человека. Корчусь, зажмурившись. Из глаз слёзы. Но, на удивление, постепенно прихожу в себя. Чувствую, что боль уже не такая сильная. Вожу пальцами по животу, пытаясь нащупать дырку, но её, кажется, нет. Смотрю на ладони. Они чистые. Кровь не течёт. Травмат. Боже! Какое счастье!!!

Рот расплывается в улыбке. Сердце успокаивается. Какое-то мгновение я абсолютно счастлив. Как ребёнок.

Вдруг слышу шаги. Тот парень возвращается. Он встаёт передо мной и садится на корточки. Смотрит в глаза. Аккуратно кладёт руку на плечо.

— Бля, братан, извини! Я думал, ты из этих… которые… ну короче, не важно. Ты как?

— Хреново… - хриплю в ответ.

— Давай… берись за меня…

Он берёт мою руку и кладёт себе на плечи. Другой рукой подхватывает меня под мышку. Мы осторожно встаём вместе, и он прижимает моё измученное тело к забору.

— Вот так, молодцом! Ничё, фигня, синяк тока будет. Прости, братуха, погорячился.

С этими словами он суёт мне в руки синий жетончик, пять фишек - стандартная такса «за беспокойство» в нашем районе. Я улыбаюсь в ответ. Пять фишек поднимают настроение, это безотказное средство.

Парень снова скрывается в трущобах, чтобы, видимо, до конца порешать свои вопросы. А мне надо сваливать отсюда. И поскорее. Как бы не хотелось постоять или даже полежать.

Ковыляю прочь, перекинув шарф через шею назад. И несмотря на весь шок от произошедшего, мозг уже начинает работать. Это что же получается: между колоннами только три с половиной километра?? Тогда это означает, что круг очень узкий, и центр где-то рядом. Но это хрень какая-то - тут центром и не пахнет! Центр другим должен быть, я в этом уверен. Там Президент, вся его свита, все его хоромы, и куча охраны наверняка. Ну точно не такое захолустье, как у нас! Как же так?… Либо в противоположную сторону больше расстояние чем я думаю - но так быть не может - либо… либо колонны не кругами стоят. Но как тогда?

Вот уже рынок. Теряюсь в толпе. Я тут, как рыба в воде. Окончательно выдыхаю. Спасён! Выбрался сухим из воды. Ну, почти сухим. Надо это отпраздновать! Я поднялся на пять фишек! Надо схавать чего-нибудь. И выпить. И покурить. Думаю обо всём этом на ходу, и вдруг…

— Марк! Здравствуй, сынок!

— О! Михалыч, здор**о**во!

Михалыч - седой добрый старикан, торгует на рынке всякими сладостями и вкусняхами. Мы с ним давно знакомы, я у него халвой всегда затаривался. Он не жадный, с ним поторговаться можно. Детей любит, как и я (я и сам для него ребёнок). Да и вообще, поговоришь с ним, вроде ни о чём, а на душе как-то легче становится.

— Что-то у тебя потрёпаный вид, сынок, - говорит он подрагивающим стариковским голосом, озадаченно глядя на меня.

— Да всё нормально, не обращай внимания, - я заглядываю ему в глаза. - Слушай, Михалыч: хочу чего-нибудь вкусного съесть! Только не халву, а поинтереснее что-то. Ну, у тебя ж много всего!

— Ты мой дорогой! Конечно, пойдём скорей! Ты не поверишь, что у меня есть! Как раз для тебя!

Он ласково обнимает меня за плечи правой рукой (половины левой руки у него нету), и мы отправляемся к нему в ларёк, где на деревянных лавках и полочках разложены всякие вкусности. Места в ларьке немного, но нам двоим хватает.

— И что же такое у тебя есть? Аж интересно стало!

— Щас… поглубже припрятал… - он, кряхтя, приседает куда-то вниз за прилавком, чтобы извлечь из нижнего ящика… - Мёд! Настоящий мёд, представляешь?

Он поднимается. В его руке - стеклянная банка с жёлтой полупрозрачной жидкостью. Он открывает крышку, ловко прижав банку левой культяпкой к туловищу. Я чувствую какой-то совершенно необыкновенный запах.

— Не спрашивай, где достал! На, возьми, попробуй!

Он даёт мне зубочистку. Я погружаю её кончик в густое ароматное нечто, вынимаю, и кладу в рот.

— М-м-м!!! Вкуснятина какая! И дорого?

Михалыч называет цену, а потом поднимает заскорузлый палец и говорит:

— Подожди! Ещё что покажу…

Старик снова лезет в тот же ящик, достаёт какую-то прямоугольную жёлтую штуку и даёт мне. По краям - маленькие деревянные реечки, а между ними - материал из шестиугольных ячеек.

— Что это? - спрашиваю, недоумённо глядя на него.

— Это - тоже мёд! Только в сотах. Его так пчёлы хранят в ульях. Они строят ячейки из воска, и заполняют их мёдом.

Точно. Я такое в книжках видел. Вживую выглядит немного иначе но…

И тут меня словно током прошибает. Я смотрю на соты. На ровные, шестиугольные ячейки, заполняющие всё свободное пространство между рейками. На восковые стыки между этими шестиугольниками…

— Марк, что-то случилось?

— А, да так… Вспомнил кое-о-чём… А сколько стоит эта штука?

— Вся?

— Не, не вся. Сколько ты мне отрежешь за пять фишек?

— Ну, вот столько.

— Давай за десять, вот столько.

Я выхожу от Михалыча с небольшим квадратиком мёда в целлофановом пакете. Я смотрю на мёд в сотах и смотрю наверх, в небо. Там такие же соты. Здоровенные шестиугольные плиты со стороной два километра. А колонны упираются в стыки между ними,

в вершинах шестиугольников. Это же логично! Они строили не одну плиту сразу, они строят постепенно, ячейками… шестиугольниками… Я, кажется, начинаю понимать их инженерный замысел. Это ведь гораздо красивее, естественнее и проще. И это меняет… примерно всё.

Возвращаюсь домой. Уже вечер. Мама, брат и сестра вернулись, отец где-то шляется - ну и слава богу!

— Малой, тя чё, били? - спрашивает Ибрагим.

— Ну почти, - усмехаюсь в ответ и задираю куртку с футболкой, показывая родным здоровенный синяк на пол живота.

Мама с сестрой охают, а брат посмеивается, хватаясь руками за голову:

— Бляха, вечно ты вляпываешься в какую-то хрень! Из-за покера, что-ли?

Я отмахиваюсь:

— Да забей, всё нормально. Смотрите, чё я принёс!

Достаю пакетик с мёдом. Ибрагим тут же выхватывает его у меня:

— Чё эт за ерунда?

— Да погоди, не разворачивай! Перемажешь щас всё. Это мёд! Настоящий. В сотах. Дай сюда! Пошлите чай пить.

Заварив чаю, мы садимся за кухонным столом. Мама аккуратно разрезает медовый квадратик на четыре крохотные части. Мы пьём чай и пробуем на вкус волшебный нектар, собранный пчёлами где-то очень далеко, где под голубым небом растёт зелёная густая трава, освещаемая тёплым солнцем. Вкус - просто отвал башки! Мы едим мёд, и как-то хорошо становится, и разговор клеится, и брат довольный, прям на себя не похож. Чудеса!

Ибрагим достаёт изо рта жёлтые пожёванные остатки от сот.

— Это тоже жрать? Или выкинуть?

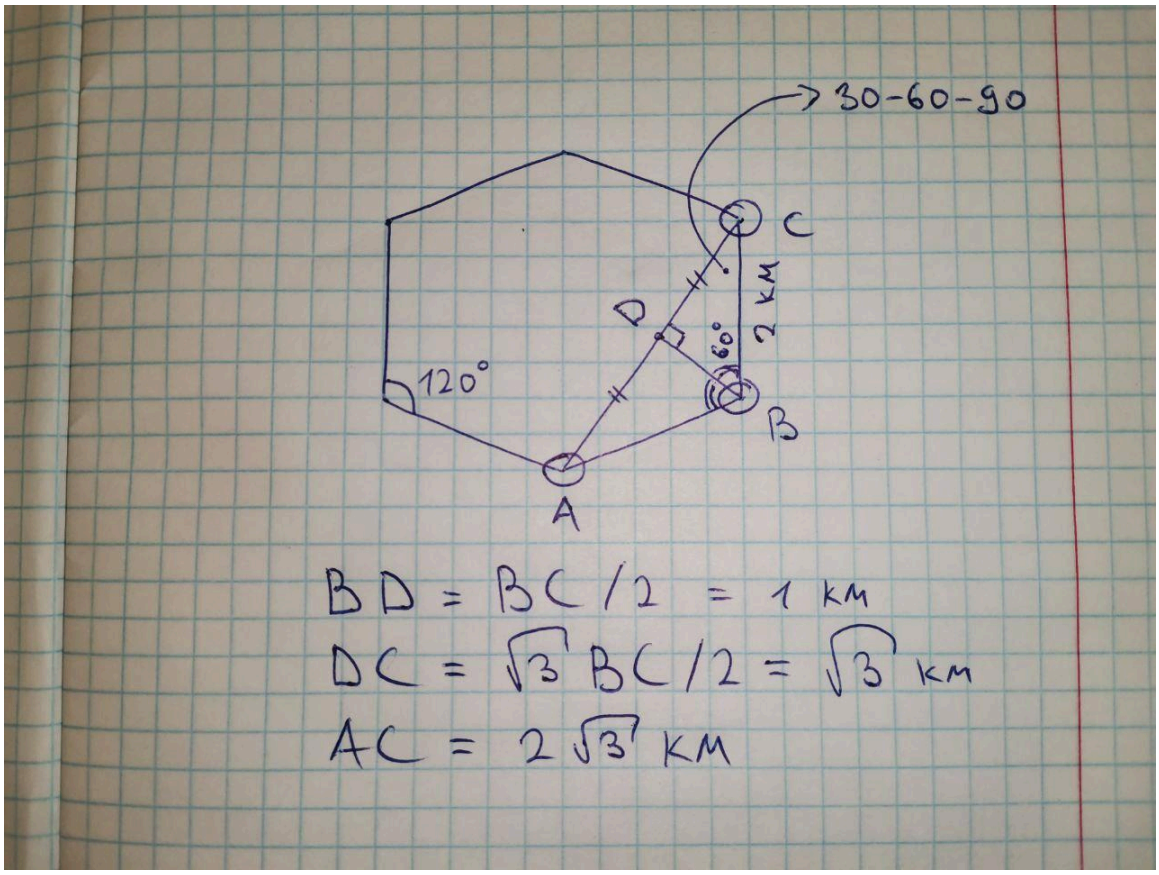
— Можно схавать, а можно выкинуть. В нём ничего нет, это просто воск.

— А давайте свечку сделаем, - предлагает сестра. - Маленькую!

Позднее, ночью, я дожидаюсь, когда все уснут и иду на кухню с фонариком, захватив из своего ящика тетрадь. Надо всё перепроверить. Сажусь за стол и черчу фигуры при свете фонаря.

Так, вот шестиугольник. Вот три колонны в вершинах, A, B и C. Все углы у шестиугольника - по 120 градусов. Вот мой треугольник ABC. Вот его высота, BD. Она делит угол пополам и падает на основание под прямым углом. Получается, что BCD - это стандартный прямоугольный треугольник 30-60-90. У него есть какие-то хорошо известные свойства, я точно помню, но только вот какие?

Иду обратно в комнату и достаю из ящика учебник по математике. Возвращаюсь на кухню. Листаю страницы, свечу фонарём. Ищу. Ага, вот! Треугольник 30-60-90. Длины сторон. Если гипотенуза равна 2x, то короткий катет равен x, а длинный катет равен √3*x. Мне нужно расстояние AC - это длинный катет умноженный на два. Получается, что расстояние от первой колонны до третьей равно два умножить на корень из трёх километров.



Корень из четырёх - это два, а корень из трёх - это чуть меньше, чем два. Два умножить на чуть меньше, чем два - это, видимо, будет в аккурат три с половиной километра. Кажется, всё сходится. Завтра перепроверю у Лёхи на калькуляторе.

А высота BD - это расстояние от второй колонны до железки. И оно - целый километр. Я ведь и правда долго шёл. Как я мог не заметить и ничего не заподозрить? О чём думал? Во дурак…

На следующий день, на автосервисе, подлавливаю момент, когда Лёхи нет в кабинете, и на его компе на калькуляторе считаю, чему равно 2*√3. Получается:

3,464101615

Ну так и есть! Три с половиной километра. Ладно, теперь буду думать дальше.

— Э, малой! - окрикивает меня механик Глеб, когда я выхожу из кабинета.

• Подними гайку!

Автомобиль висит на подъёмнике, а под ним валяется гайка - ровный металлический шестиугольник. Шестиугольники теперь повсюду! Поднимаю её и отдаю механику.

— На, возьми и подержи крепко, пока я закручиваю, - говорит он мне, отдавая ключ с цилиндром.

Внутри цилиндра - тоже шестиугольник, в который плотно входит гайка. Если от такого цилиндра ровненько отпилить верхушку - то получится отличный трафарет для рисования шестиугольников. Класс! Пожалуй, стырю у Лёхи один такой цилиндрик, их тут дофига.

Позже вечером выхожу с автосервиса. Рабочий день закончен. Настроение хорошее. В кармане - честно украденный цилиндр с шестиугольником внутри. Иду на рынок, и в одной из мастерских прошу отрезать мне верхушку от цилиндра. Мастеру и минуты не надо, чтобы сделать это на слесарном диске.

— Сколько должен? - спрашиваю.

Но он лишь отмахивается и говорит:

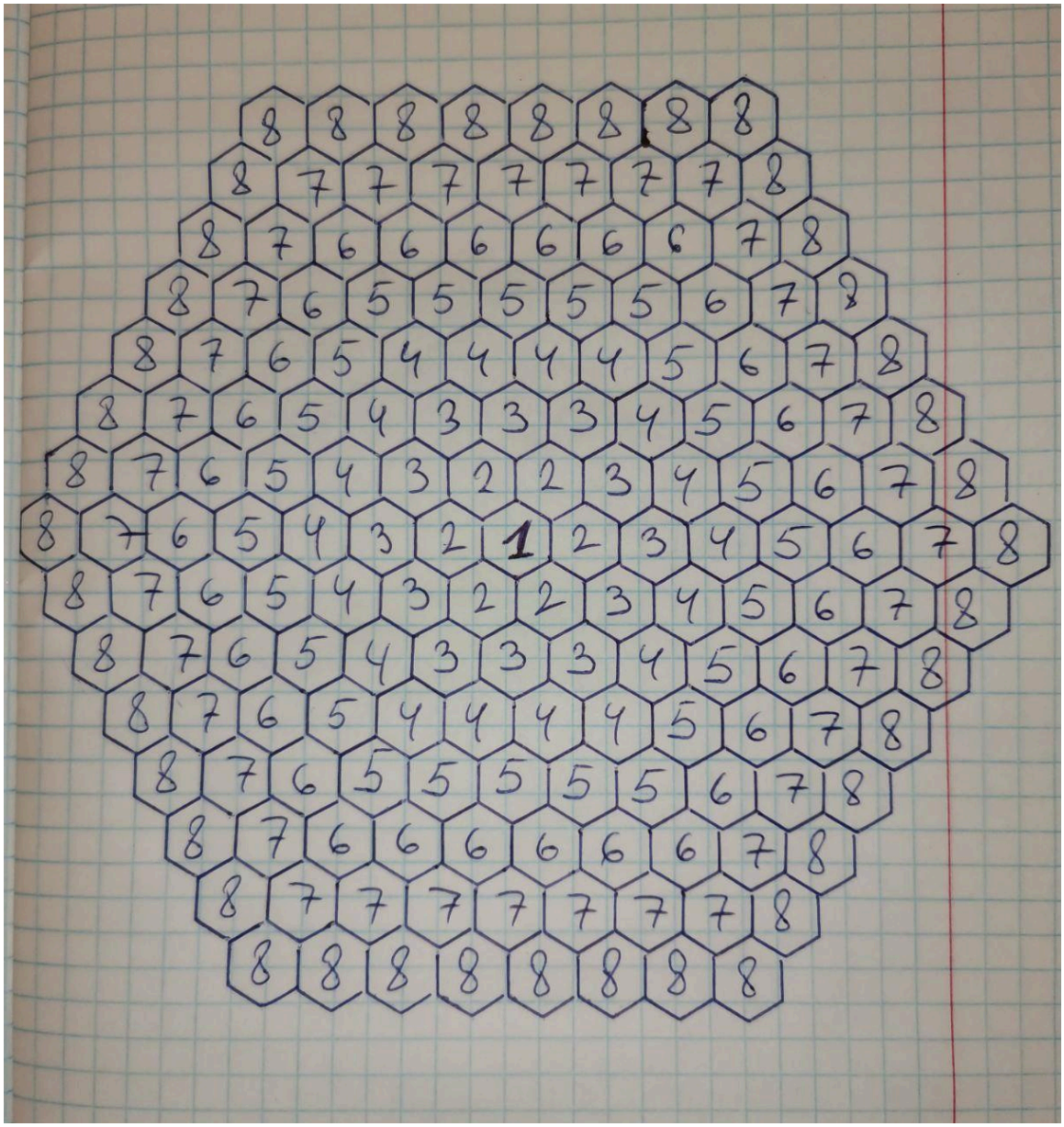
— Ну дай одну сигарету.

Дома, опять дождавшись, пока все уснут, я рисую город в тетради, водя ручкой внутри металлического шестиугольного трафарета, которым я вожу по листу. Первый круг состоит из одной плиты. Второй - из шести. Вот они, вокруг. На третьем круге - 12 плит. На четвёртом - 18. Ну понятно, если номер круга - это X, то количество плит на круге - это

*(X - 1) * 6*

Ну, кроме первого круга. То есть на восьмом круге у нас 6 умножить на 7
• это 42 плиты. Сейчас проверим. Продолжаю рисовать плиты. Дорисовываю

до восьмого круга. Пересчитываю плиты на восьмом круге вручную. Так и есть, 42.



А сколько колонн на каждом круге? На первом - 6. На втором... 18. На третьем круге - 30. Что-то пока не понимаю закономерности... Хотя... Четвёртый круг - 42... Все эти числа делятся на 6. 18 - это 6 * 3. 30 - это 6 * 5. 42 - это 6 * 7. А, понятно! На пятом круге будет 6 * 9, и так далее. Общее правило: количество колонн на круге X равно

6 * (2 * X - 1)

То есть на восьмом круге у нас 6 * (2 * 8 - 1) = 90 колонн. Ровно 90.

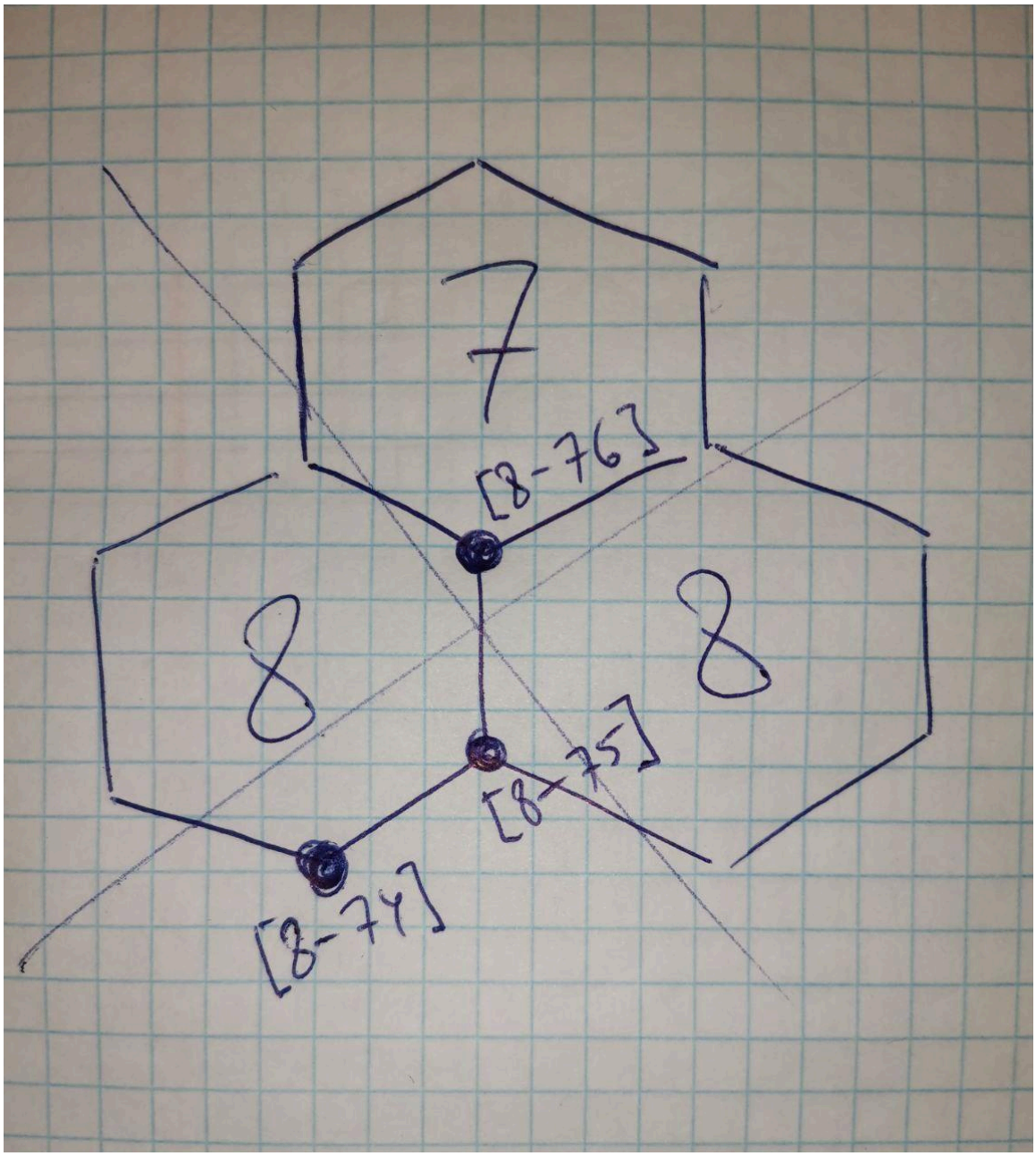
Я живу рядом с 74-й, в соседнем районе - 75-я и 76-я. И они могут быть где угодно. Хоть посередине одной из граней шестиугольника, хоть с краю

- в любом месте. И знание об их взаимном расположении мне вообще ничего

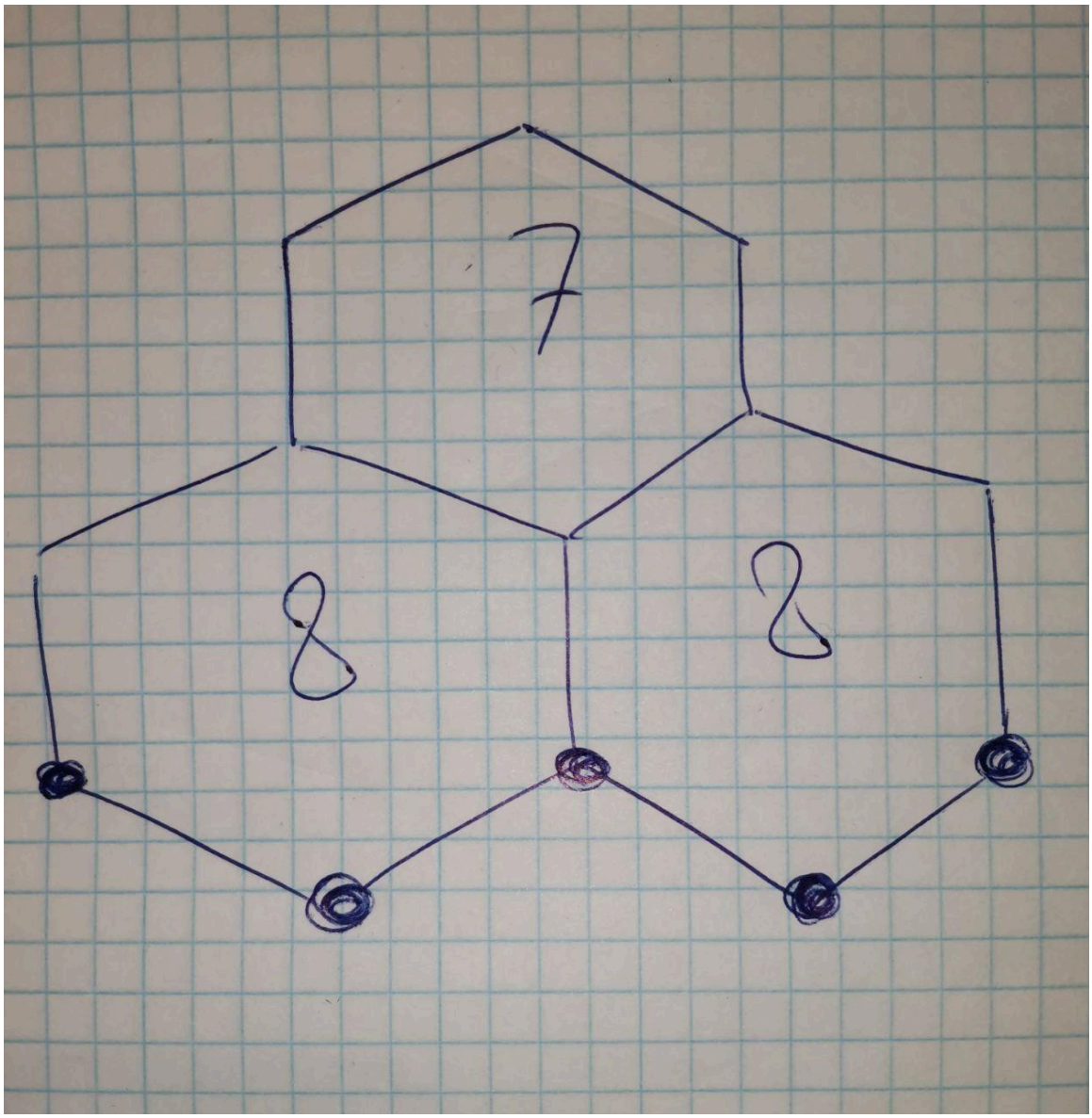
не даёт. Мне нужно знать, в каком месте этого «улья» я нахожусь.

Сижу над тетрадкой при свете фонаря и разглядываю свои «соты», кусая ручку. Как же понять, где я?... У меня есть только треугольник из трёх колонн, и их номера.

Колонны точно расположены по внешнему краю плит с восьмёрками. То есть, например, вот такой ситуации быть не может:

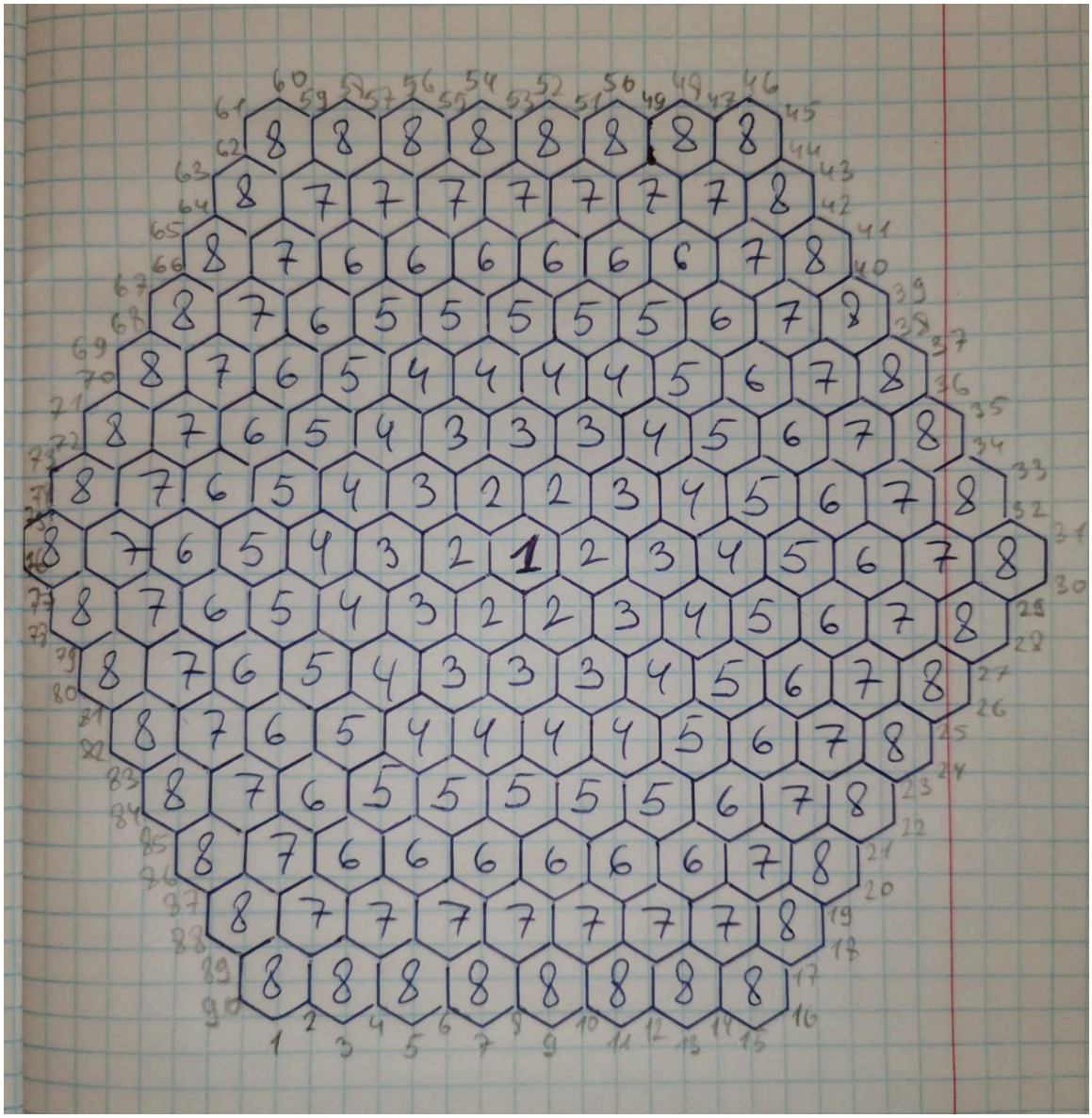


Потому что, в такой ситуации, колонна 8-76 не относится к восьмому кругу, а относится к седьмому. То есть, вот мои варианты:

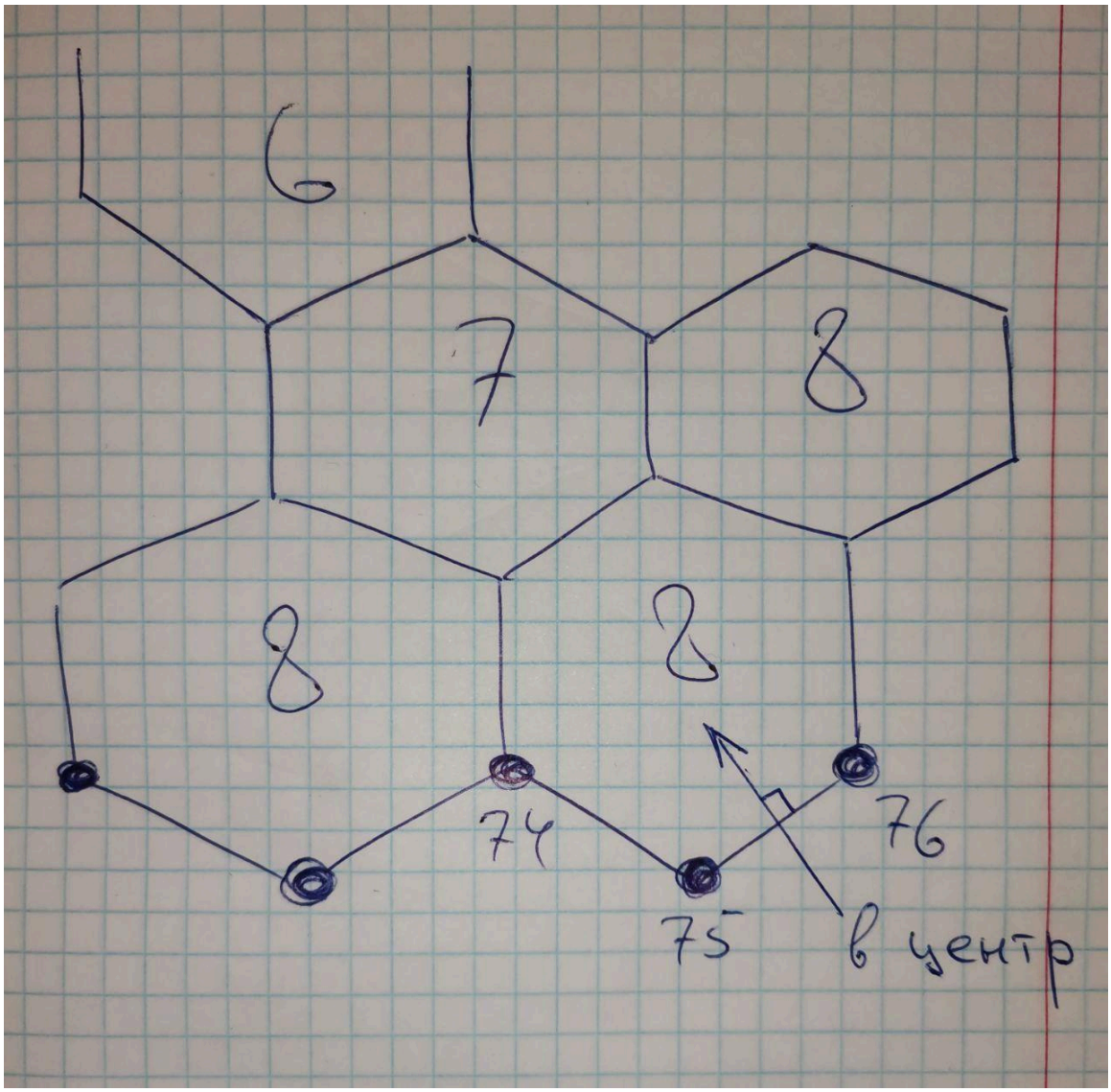


Хорошо, а как они нумеруют колонны? Откуда начинают счёт? Вряд ли из произвольного места. Наверняка с одной из вершин шестиугольника из плит, причём всегда с одной и той же. Ну, ведь так проще и предсказуемее. Если я пронумерую колонны таким образом, что получится?

Беру карандаш и начинаю писать цифры, чтобы, если что, стереть их и написать по-другому. Вот что получается:

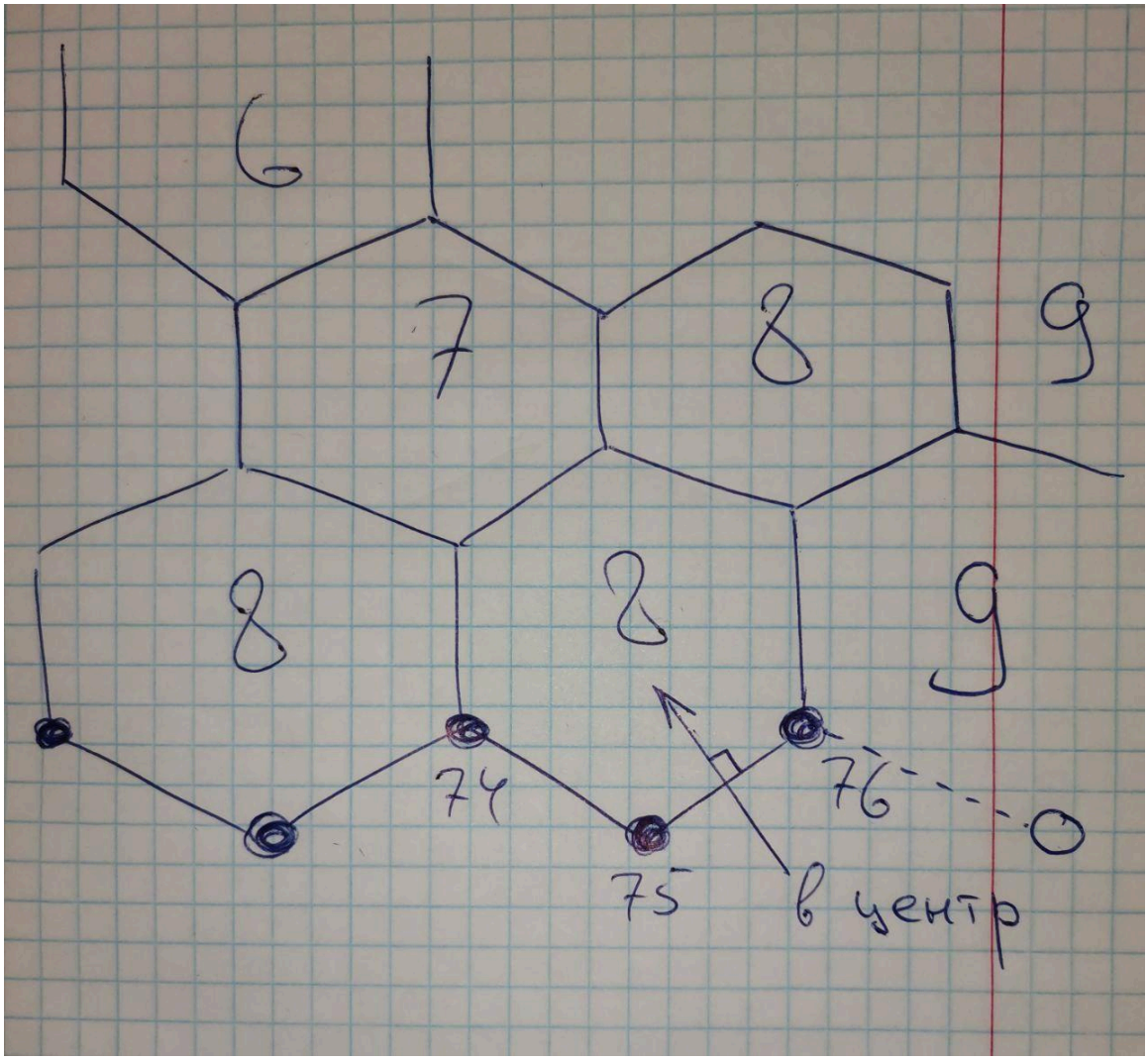


В самом узком месте, где нифига не поместилось, происходит самое интересное! Мои колонны - 74, 75 и 76 - находятся в вершине шестиугольника! То есть буквально вот так:



И если это действительно так, то тогда, во-первых, мне нехило повезло (ведь шансы оказаться под угловой плитой на восьмом круге - 6 из 90), а во-вторых - и это самое главное - чтобы узнать направление в центр, достаточно встать между колоннами 75 и 76, повернувшись левым плечом к колонне 75, а правым - к 76. Твой нос укажет ровно в центр, в сердце Подземелья, в Президентский Дворец. Никакой беготни по железной дороге не понадобилось бы, если бы я сразу сообразил, как всё устроено.

Но как проверить, что колонны именно так расположены, а не как-то иначе? А для этого…



...для этого нужно узнать номер новой, четвёртой колонны, находящейся на 60 градусов вправо от третьей (то есть, 76-й). Если эта четвёртая колонна - на девятом круге, значит всё так и есть - я в угловом шестиугольнике, а рельсы под виадуком, по которому я ходил, смотрят прямо в центр.

Ну а если нет, значит нумерация строится как-то по-другому. Например, не по часовой стрелке, а против часовой, и тогда мне нужно будет проверить ещё пятую колонну, таким же точно образом, но в другую сторону, на 60 градусов влево от моей родной колонны 74. Но несмотря на то, что я живу рядом с 74-й колонной, второй вариант не проще - в районе сортировки я, по крайней мере, уже примелькался и имею там какие-никакие знакомства, а что там слева от 74 - я понятия не имею, и никогда там не был. Так что, пожалуй, стоит начать с первого варианта, а дальше посмотрим.

Кстати, насчёт знакомств. Позвоню-ка я Жеке. Ведь мне надо как-то снова попасть в их район. А у меня есть повод - наш разговор про спонсора.

Выхожу из дома, достаю телефон и набираю своего нового товарища.

— Алло! - раздаётся в трубке.

— Здоров, Жека, это Марк.

— А-а-а! Марк, здорово, братишка! Как ты?

— Да нормалёк, потихоньку. Как сам?

— Всё пучком, братуха! Рад тя слышать! Чо, надумал насчёт спонсора?

— Братиш, с языка снял! Да, я решил, что надо попробовать.

— Ха, красавчик! А я как раз недавно удочку закидывал. У меня выход есть на нашего шефа. Он в картишки поигрывает, темой интересуется. Я тебе организую с ним встречку. Не знаю пока точно, когда - он занятой, сам понимаешь - но я говорил, что до начала турнира надо успеть, так что в ближайшие пару недель стопудово получится!

— Круто! - говорю, бродя взад-вперёд по тропинке между хижиной и дорогой. - Слушай, такой момент: меня отвезти в твой район не смогут в этот раз, все дела там уже сделаны. И мои братки если узнают, что я на турнир собираюсь - они это дело не одобрят. Так что надо мимо них, и в последний только момент им сказать, если всё срастётся. Это я к чему? Твоего Нурбека можно будет снова напрячь, чтоб он за мной заехал и к тебе привёз? С того же места, где он в прошлый раз меня высадил.

— Братуха, не вопрос, конечно! У вас там лютые пацаны прям какие-то.

— Да не то слово!

— Ладно, Марк, пробьёмся! Всё, короче, замётано - запускаю процесс! Ха-ха!

— Да, Жека, отлично! Жду весточки тогда!

— На связи, братишка! Обнимаю!

— Покедос!

Ну что ж. Надеюсь, всё получится. Спонсор… А если он и вправду согласится одолжить мне денег. Буду ли я участвовать в турнире? Вряд ли. Там соберутся крепкие ребята, это наверняка. Обуют меня только так. Встрять на 500 фишек - это будет катастрофа. А если нет? Если мне повезёт?

Из дома выходит отец и, пошатываясь, идёт мимо меня к сортиру. Кидает мне что-то нецензурное бухим голосом. Ох, папочка, знал бы ты, что у меня сейчас в голове!

Проходит совсем немного времени - всего пару дней - и Жека отзванивается: спонсор готов меня принять. Завтра в 12:00, Нурбек заберёт с условленного места. Опаздывать нельзя! Подготовься, подумай, что скажешь, не дрейфь - ну и всякие подобные наставления, которые я обязательно должен был услышать перед встречей с главарём крупной банды. Волнуюсь ли я? Ещё как! Но назад дороги нет - надо играть!

С большим скрипом отпрашиваюсь с работы. Проверяю, на месте ли мои приличные шмотки - остаться без них было бы полным провалом. Но нет, всё в сохранности.

Думаю, сколько брать денег. Решаю взять 50 фишек - почти всё, что есть на руках. Ещё 150 лежат у Стрелка, ну и пусть. Будет про запас.

Отрабатываю на сервисе «за два дня» (на самом деле нет, конечно). Таскаю мешки на складе, подзаработав этим ещё чуток.

На следующий день с самого утра ухожу из дома, шатаюсь по району, постоянно поглядывая на время. В 9 часов всё вокруг уже живёт, люди работают, рынок торгует. Встретиться бы с кем-нибудь из знакомых, но все мои знакомые делятся на две категории: те, кто с утра уже вкалывают, и те, кто просыпаются только к обеду. Так что гуляю один.

10 утра. Хожу по самым безопасным местам, чтобы не поймать на свою задницу очередных приключений и не сорвать встречу. Завтракаю на рынке. Позволяю себе шаурму с собачатиной - предстоит тяжёлый день, надо поесть как следует.

11 утра. Не торопясь направляюсь к дому. Быстро переодеваюсь в приличную одежду, хотя остаться незамеченным в такое время суток уже почти невозможно.

Иду к назначенному месту. Ловлю на себе удивлённые взгляды тех, кого угораздило выйти из дома. Конечно же прибегает детвора и облепляет со всех сторон, задавая кучу вопросов. Легенда проста - в карты выиграл. Куда собрался? Ну как куда - играть. В другой район, где побогаче. А что? Почти правда.

Стою на перекрёстке у окраины трущобы. Прогоняю всех детей, пригрозив баллончиком - по легенде меня здесь почти никто не знает.

Автомобиль подъезжает чуть раньше, в без пяти, хотя часы у всех ходят немного поразному, и промах в пять или десять минут не считается опозданием. Наверное, у Нурбека спешат.

Водитель выходит и здоровается со мной за руку. Смотрит на часы - есть ещё время покурить.

Стоим. Курим.

— А чё такое место странное? - бурчит водитель.

— Конспирация. Мои не должны знать.

— А...

Молчим. Глядим по сторонам. Выпускаем дым.

— Жил в такой, когда мелким был, - говорит Нурбек.

— Щас получше? - спрашиваю.

— Ну да.

Забавно. Он-то думает, что я гораздо богаче него, а на самом деле, видимо, всё наоборот.

Докуриваем и молча садимся в машину. Трогаемся. Едем по уже знакомым мне местам, мимо пустоши, мимо опор ЛЭП. Заезжаем в промзону, но блуждать в этот раз не приходится - водитель отлично знает дорогу.

Проехав сквозь промзону и добравшись до района сортировки, забираем правее и едем в незнакомое мне место. Хотя, здесь всё похоже - панельные пошарпаные домики, асфальтовые потрескавшиеся дороги.

Необычной оказывается только наша цель - здание с плиточной облицовкой, что-то вроде офиса или администрации. Похожее здание стоит у нас рядом с бумажным цехом. Некоторые плитки выбиты, вместо них - следы от пуль. В каких-то местах вставлены новые плитки, но другого цвета.

— Приехали, - говорит Нурбек.

— Сколько должен? - спрашиваю.

— Нисколько. Контора платит.

На крыльце появляется Жека. Увидив нас, он радостно вскидывает руки. Мы выбираемся из машины, и он направляется к нам.

— Здарова, пацаны!

— Привет! - отвечаю, улыбаясь. Нурбек стоит абсолютно непроницаемый.

Жека подходит и с размаху бьёт нам по рукам.

— Ну чё, готов, игрок?

— Готов. Постараюсь тебя не опозорить.

— Давай, погнали, чтоб время не терять. Нурбек, спасибки, брат, что довёз. Подожди нас здесь. Я не знаю, на сколько мы, но буду на связи.

Водитель молча кивает в ответ, а мы поднимаемся на крыльцо и заходим внутрь.

Нас встречает охрана с автоматами. Меня обыскивают. Находят баллончик.

— На всякий случай ношу, мужики. Оставлю вам, заберу потом?

Никто не против.

Мы проходим дальше. Идём на лестницу, поднимаемся на второй этаж.

— Как зовут-то его? - спрашиваю.

— Алмаз, ясно дело, - отвечает Жека. - Мы ж алмазовские.

— Это имя или кликуха?

— Имя. А что?

— Да просто любопытно. Ты с ним много общался?

— Неа. Но много слышал.

Больше ни о чём поговорить не успеваем. Мы у заветной двери. Я стою перед ней. Жека смотрит на меня. Кивает головой, типа, «ну, чего ждём?». За дверью чей-то грохочущий голос. Ругань, стук кулаком по столу. Тянусь к ручке двери. Дверь словно трясётся от низких, басистых рыков, раздающихся за ней. Передумываю в последний момент и, дождавшись, когда голос на мгновение утихнет, стучу как можно громче.

— Кого там нелёгкая принесла? - грохочет голос изнутри.

— Заходи, кто там? - слышен второй голос, менее раскатистый, но тоже сильный.

Я тяну ручку на себя, и дверь открывается.

Вижу большой лакированный стол из тёмного дерева и двух здоровенных мужиков. Один сидит за столом, в чёрном пиджаке, массивный, лысый. Другой - ещё здоровее первого, в серой футболке, бритый, накачанный, с огромной нижней челюстью, сжимает мобильный телефон в зататуированной ручище, которая толще, чем обе моих ноги вместе.

— Ты понял, я спрашиваю?! - гремит он в трубку и дожидается ответа. - Ты точно всё у него узнал? - снова пауза. - Хорошо.

Он отвлекается на мгновение и замечает нас. Но в этот момент ему что-то говорят в телефон.

— Чё? Что с ним делать? Башку отрезать. И повесить в их районе. И улыбочку сделай, понял? Да, улыбочку! Чтоб башка висела и улыбалась! И передай этим гнидам: у меня дома мясорубка есть, железная такая, с ручкой. Если кто-то из них мне ещё попадётся - фарш сделаю. Что, как передать? Придумай, бля, как передать! Записку в рот засунь! Всё, у меня дела. Конец связи.

Он жмёт на кнопку и небрежно швыряет телефон на стол. И снова переводит взгляд на нас, утерев рот кулаком и уже не отвлекаясь. Я тихонько сглатываю.

— Это и есть твой игрок?! - ряфкает он на Жеку.

— Да, он самый, - отвечает Жека, изо всех сил улыбаясь.

— Сюда идите, чё встали?

Мы послушно семеним к столу.

— А дверь сама закроется? - спрашивает второй, лысый.

Жека реагирует мгновенно - бросается к двери, и через секунду она уже закрыта.

— Ты кого мне привёл, кучерявый? - говорит главный, с телефоном, который, видимо, и есть Алмаз. - Он же пацан совсем, как ты!

— Так я ж говорил, что мы с ним примерно одного возраста, шеф.

— Как зовут? - спрашивает он, переведя взгляд на меня.

— Марк.

— Марк… - повторяет он пафосным тоном. - И чё, хорошо играешь?

— Да, - спокойно говорю в ответ. Уверенность и наглость в разумных пределах вместе со зрелостью и трезвостью взгляда - только так я смогу его убедить.

— Ну давай проверим! Садись за стол. Свин, раздавай.

Я предполагал, что он захочет сыграть со мной. Ничуть не удивляюсь.

Свин встаёт и пересаживается в торец стола. Задумка сразу ясна - он будет крупье и будет сидеть между нами.

Я сажусь по правую руку от него. Алмаз садится напротив меня, положив свои огромные ручищи на стол. Он смотрит мне в глаза, а я спокойно смотрю на него. Режим покера уже включился. Меня не пробить ничем. Моё лицо - маска.

Свин размешивает колоду и раскидывает нам по две карты. Колода новенькая, карты хорошие, полупластиковые, приятно блестят своей красной рубашкой.

— Играем без блайндов, - объявляет Алмаз. - Смотри и делай ставку.

Киваю в ответ: как скажешь, командир. Смотрю в свои карты. Туз и двойка. Неплохая карта в начале игры. Дело обычное. Лезу в карман. Высыпаю свои фишки на стол. Молча ставлю одну фишку.

Свинтус посмеивается, а Алмаз хмурится. Если у тебя эмоции уже в самом начале игры, Алмаз, то это значит, что ты, скорее всего, плохой игрок.

Он смотрит в свои карты. Старается не подавать виду, но я всё равно вижу по лицу, что карта не очень. Алмаз ставит 10 фишек. Делаю колл, ставя 10 фишек вместо одной и закрывая его ставку.

Флоп. Свин выкладывает три карты. Среди них есть второй туз. Так даже не интересно. У Алмаза, понятно, нет туза.

— Оставляю, как есть, - говорю.

Пускай почувствует себя увереннее. На флопе рановато идти в атаку, ещё две карты впереди.

— Удваиваю, - говорит Алмаз, пристально глядя мне в лицо.

Молодец, Алмаз. Ты же крутой! Именно этого я от тебя и хотел. Твоё удвоение - это блеф чистой воды. Но думай, что ты ведёшь партию.

— Принимаю, - говорю в ответ и докладываю 10 фишек.

Тёрн. Свин выкладывает ещё одну карту. И по лицу Алмаза я вижу, что, кажется, у него появилась пара. Только это не пара тузов - пара тузов у меня.

— Оставляю, - говорю всё тем же спокойным голосом.

— Удваиваю! - радостно провозглашает Алмаз.

Ну разумеется. Докладываю 20 недостающих фишек и ещё 5 сверху. Алмаз со Свином переглядываются.

— Ты… лишнего положил, - неуверенно говорит Свин.

Я качаю головой. Они снова переглядываются. Алмаз пожимает плечами и докладывает 5 фишек, посмеиваясь. Он всё ещё не верит, что у меня хорошая карта, но сомнения уже видны.

Ривер. Свин выкладывает последнюю карту. И это ещё одна двойка. Молодчина, Свин!

Спокойно докладываю 5 фишек, которые у меня остались:

— Ва-банк.

> Мой противник уже не посмеивается. И не храбрится. Он смотрит внимательно и задумчиво. Докладывает 5 фишек.

— Вскрывайся, - говорит он голосом, в котором слышится печаль.

Я открываю свои карты. Свин кивает и кривит уважительную физиономию. Алмаз наклоняет голову. Он не открывает свои карты. Вместо этого он отодвигает мне своей огромной ладонью выигранные мной фишки. А Свин вдруг заливается хохотом, запрокинув лысую голову назад.

— Чё ржёшь, Свинота?!

— Я говорил, что он хорошо играет, - говорит Жека откуда-то сбоку.

— Раздавай, свинорылый! - гремит Алмаз. - По одной партии ничего не поймёшь. Ему просто повезло.

Свинтус послушно мешает карты. Его нос с большими широкими ноздрями чуть задран вверх. Бровей нет. Лысая голова блестит под светом ламп.

Перевожу взгляд на Алмаза. Он, как гора. Голова плавно переходит в плечи, соединяясь с ними массивной мускулатурой. Глаза тёмно-зелёные, над ними толстый костяной навес бровей. Гладко выбрит. Кусок правого уха оторван.

Карты розданы. Теперь Алмаз делает ставку первым. Он шарахает на стол 10 фишек. Вид у него очень уверенный. Карта на этот раз у него наверняка лучше, чем в прошлой партии. Смотрю в свои. Ничего особенного.

— Пас.

Алмаз поднимает брови, а потом сводит их вместе, и свирепо рычит:

— Чё???

— Ну ты же сам сказал, без блайндов, - спокойно говорю в ответ.

— Внатуре, шэф, ты так сказал… - говорит Свин.

Они снова смотрят друг на друга. У Свина вид виноватый, у Алмаза - гнев и досада на лице. Жалко хорошую карту. Понимаю, понимаю.

Он швыряет карты на стол.

— Раздавай, - рявкает он, но кажется, смиряется с правилами игры, которые сам же объявил, и потихоньку успокаивается.

Свин послушно мешает колоду и раздаёт карты. Снова моя очередь делать ставку. Кладу одну фишку, не глядя. Слежу внимательно, как Алмаз заглядывает в свои карты. Он пытается изобразить тщательно скрываемый восторг. Получается настолько плохо, что даже забавно. Я бы от души посмеялся, если бы мог. Он ставит 5 фишек. Ну-ну. Делаю колл, продолжая не смотреть в свои карты. Противник этим явно озадачен. Все его эмоции как на ладони. Он для меня - открытая книга.

Свин выкладывает три карты. Двойка, четвёрка и пятёрка. Заглядываю в свои карты. У меня король и десятка. Неплохо. Если Алмаз так отчаянно блефует, значит у него вряд ли есть король, не говоря уж про туз. Но комбинации пока нет, и это плохо. Противник явно будет блефовать до последнего. Так что надо сделать скромную ставку, он её всё равно удвоит.

Ставлю ещё 5 фишек. Итого 10. Алмаз поднимает сразу до 30-ти. Ну что ж, поиграем. Ставлю 30.

Тёрн. На стол кладётся ещё одна карта. Снова пятёрка. Позиция Алмаза, таким образом, не улучшилась - было дерьмо и осталось дерьмо. Но и моя позиция не изменилась - блефовать бесполезно.

— Оставляю, как есть.

— Сорок, - гудит Алмаз.

Ну вот, заосторожничал. У тебя ж крутая карта! Поднял бы ещё вдвое. Блеф
• это особое искусство. Им нужно мастерски владеть, иначе без денег

останешься.

— Хорошо, - говорю и добавляю ещё 10.

Ривер. Свин выкладывает последнюю карту. Десятка.

Вижу, что у Алмаза меняется лицо. Да неужели? У тебя тоже десяточка. Вот так совпадение! Ну давай поиграем.

— Оставляю, как есть, - говорю с унылым видом, близким к отчаянию.

— Удваиваю, - тоном опытного игрока произносит Алмаз и делает 80. Попался.

— Ва-банк.

Ставлю сто фишек. Противник ничего не понимает. Он смотрит на меня взглядом человека, абсолютно сбитого с толку. Но пасануть он, конечно же, не может. Алмаз и пасануть - никогда! Он докладывает до сотни. Я бы и больше поставил, если б было.

— Вскрывайся, - бубнит он притихшим голосом, уже как будто предвидя, что произойдёт.

Я открываю карты. Пара десяток и король.

Алмаз вскакивает из-за стола. Потом с матерной руганью шарахает кулаками по столешнице так, что фишки подпрыгивают. Я знаю, Алмаз, у тебя тоже пара десяток. Только рядом не король, а что-то поменьше. Судя по крикам, похоже, что валет.

— Шеф, ты чего? - говорит Свин, глядя на него, как на полоумного.

Но вдруг что-то внутри себя сообразив, крупье рывком хватает карты начальника и заглядывает в них. Он прыскает и начинает беззвучно трястись от хохота.

— Десятка и валет? - спрашиваю.

Свин в ответ трясётся, как эпилептик, и делает несколько быстрых кивков, жмурясь и пытаясь не расхохотаться. А Алмаз смотрит на меня ошарашенно и качает головой:

— Ты не мог видеть. Свин, он же… никак не мог…

— Я видел твоё лицо, - спокойно говорю в ответ. - Господин крупье, передайте мой выигрыш.

Крупье изо всех сил пытается взять себя в руки. Он весь красный от смеха, вены на гладком черепе надулись. Он передвигает мне мои фишки, всё ещё прыская через нос. Берётся за колоду. Начинает тасовать карты.

— Я больше не буду играть, - говорю, подняв руку.

— Почему? - гудит начальник.

— Это не игра, а грабёж.

На несколько секунд в кабинете повисает тишина. Её прерывает Свин:

— Внатуре, командир, он тебя обчистит в ноль. Сдавайся.

— Я видел, как он играет, командир, - поддакивает Жека, - лучше не связывайся.

Командир задумчиво молчит. И вдруг меняется в лице. Усмехнувшись и мотнув головой, он говорит, глядя мне в глаза:

— Есть такое боевое искусство: айкидо. Это когда вот такой мелкий сопляк, как ты, кладёт на лопатки такого шкафа, как я. Чисто за счёт техники, используя силу противника. Вот это то, что ты сейчас сделал со мной! Хе-хе! Ладно, парень… Ты и правда хорош.

Он встаёт, неторопливо обходит стол и садится на свободный стул между мной и Жекой. А Жека поднимается и встаёт рядом со Свином.

Алмаз снова пристально смотрит мне в глаза своим тяжёлым взглядом:

— Чего ты хочешь?

— Участвовать в турнире, - говорю. - Мне нужны деньги на взнос. Пятьсот фишек.

Командир берётся за бритый подбородок. Замирает. В кабинете повисает тишина.

— Я дам тебе эти деньги, - объявляет он. - Мои условия такие: если ты проигрываешь - ты мне должен пятьсот фишек. Если ты выигрываешь и занимаешь призовое место - ты мне должен пятьсот фишек плюс двадцать пять процентов от выигрыша, - он смотрит на меня, уперевшись рукой в бедро, - Согласен?

Я тоже выдерживаю паузу.

— Двадцать.

У Алмаза вытягивается лицо. Он приподнимается со стула, нависая надо мной и сжимая огромные кулаки:

— Чё?? Ты торговаться со мной будешь?

— А ты бы не торговался? - говорю, глядя на него снизу вверх со стула. - Тебе авторитет нужен, а мне - бабки. Для меня пять процентов - целое состояние. У меня родители больные, куча долгов…

— Проваливай.

Молча встаю со стула. Делаю несколько шагов в сторону двери. Разворачиваюсь к нему и говорю:

— Поддайся, чтобы победить.

У шефа поднимаются брови. Он оглядывается на своего лысого головореза. Ловлю их взгляды на себе.

— Откуда знаешь? - спрашивает командир.

— Соглашайся, - говорю в ответ.

У Жэки вид совершенно потерянный. Он не понимает, что происходит.

— Двадцать один, - говорит Алмаз.

Подхожу к нему и протягиваю руку:

— Согласен.

Поддайся, чтобы победить. Надо дать ему выиграть. Немножко. Чтобы выиграть самому.

Мы бьём по рукам. Не знаю, как моя ладонь остаётся целой после его рукопожатия. Свин что-то шепчет Жеке, подталкивая его локтем и кивая на меня. Улыбается. Я явно нравлюсь этим двоим. Кажется, что и Алмазу тоже.

— Ты откуда взялся такой, а? - гудит он, сидя на стуле.

— Рубэновский он, из банды казиношников, - говорит Жека.

— А… Слыхал… *Они* тебя научили играть, что-ли?

— Не, сам учился, - говорю.

— Ну смотри, не подведи меня. Ладно… господа… всё это весело, но дела сами себя не сделают, а бабки сами себя не заработают. Забирай свой выигрыш. Смотри, не просри его сразу, а то нечем будет со мной расплачиваться. Когда турнир?

— Через три недели.

— Три недели… - он что-то прикидывает в голове. - Ладно. Держим связь через вот этого недокормыша, - он кивает на Жеку. - Я с тобой поеду на турнир. Познакомлюсь с ихней мафией. Хоть узнаю, чё за люди. Да и посмотреть интересно. На игру… Давай, малой, проваливай с богом. Через три недели - едем.

Свин весело посмеивается, а Жека трясёт кулачками от восторга.

— Всё, валите нахрен.

Мы покидаем кабинет, аккуратно закрыв за собой дверь. Доходим до лестницы. Оборачиваемся друг на друга. Жека первым кидает победный клич, и мы в полном восторге обнимаемся, хлопая друг друга по спине.

— Чувак! - кричит Жека, - Это… это просто… ты ваще!!…

— Плоховато твой шеф играет, - посмеиваюсь.

— А вот это вот «Поддайся, чтобы победить» - это чё такое?

— Это из дзю-до.

— Дзю-до?

— Ну, тоже боевое искусство. Японское. Как айкидо.

— Офигеть! Внатуре, откуда ты это знаешь?

— Да сам не помню уже… Где-то смотрел или читал, вот и осталось в голове.

— Ты просто мозг!

Улыбаюсь. Он не единственный, кто меня так называет.

Выходим на улицу. Машина на месте, и водитель сидит внутри, терпеливо дожидаясь нас.

— Ладно, братиш, побегу по своим делам. Шеф правильно сказал, они сами себя не сделают. Давай, родной, обнимаю! Нурбек тебя довезёт.

Прощаемся. Я сажусь в машину. Водитель заводит двигатель, не произнося ни слова.

— Нурбек, - говорю, - хочешь заработать 50 фишек?

Он спокойно поворачивает лицо ко мне и ждёт.

— Нужно съездить в одно место. От колонны 8-76, вправо и дальше по дороге, до следующей колонны. Я точно не знаю, куда там ехать, мне примерно только рассказывали, но там где-то играют, и мне надо к этим ребятам зарулить.

— Где там могут играть? - равнодушно спрашивает он.

— Да не знаю я точно! Сказали, что где-то там, у колонны. Съездим, или как?

— Поехали. Только бабки вперёд.

Офигеть! Отсчитываю ему 50 фишек, и мы без промедления двигаем в путь. Мне кажется, Нурбек поедет даже к чёрту в задницу, вопрос только в цене.

Кладбище поездов. Редкие фонари мелькают мимо. А вон и колонна впереди, от которой я мерял шаги. Розовая вывеска «Клубничка» проплывает слева. Мы подъезжаем к колонне, сбавив ход.

— Дальше направо уходи, наискосок, - говорю водителю, но кажется, что он и без моих советов знает, куда ехать.

Дорога ведёт нас через мрак. Лишь кусочек асфальта, освещаемый фарами, виден впереди. Асфальт совсем плохой, то и дело приходится объезжать дырки, пока он не заканчивается совсем и мы не оказываемся на грунтовке.

— А мы тут проедем вообще?... - бубнит Нурбек. - ...Ладно, попробуем. Главное, брюхом не цепануть.

Он это говорит не зря - то и дело приходится обруливать торчащие из земли железяки и обломки арматуры и запчастей.

— Ты туда ездил когда-нибудь? - спрашиваю.

— Неа.

Водитель сосредоточенно ведёт машину в полнейшей темноте сквозь поле, усеянное промышленным хламом. А я вглядываюсь вдаль, пытаясь понять, куда мы движемся. Ни черта не видно! И дорога-то различима едва-едва. Но раз она есть, значит через неё ездит кто-то. Ох, не хотелось бы тут застрять! Очень не хотелось бы!

— Поглядывай по сторонам, - говорит Нурбек. - Если чё заметишь - сразу говори.

Никаких эмоций. Он не причитает, не говорит «Зачем мы сюда поехали?» или «Нахрен я на это согласился!». Он делает свою работу. Этот парень нравится мне всё больше и больше!

Вижу вдалеке пятнышко света. Не фонарь, нет. Что-то блеклое, но заметное, выделяется из темноты. Тёплого, жёлтого оттенка.

— Там вон вдалеке что-то, - говорю, показывая пальцем на пятно.

— Ага, вижу. Нам походу туда.

Мы приближаемся, виляя сквозь тёмное поле. Становится видно, что пятно как будто бы прямоугольной формы. Ну то есть, не совсем прямоугольной, но имеет ровные границы с двух сторон. А, так это проём в стене! В стене, которой заканчивается поле. И за этой стеной что-то есть. А свет, кажется, от костра. Или от факела? Всматриваюсь, пытаясь разобрать.

Вдруг в свете фар ясно проступает фигура, идущая нам навстречу. Фигура девушки. Бледная. Тощая. И без правой руки. Губы накрашены красной помадой. Под глазами тёмные круги. Что за жуть?

Мы проезжаем, не останавливаясь. Проём совсем рядом. Надо было бы тормознуть, спросить, что там дальше. Но что-то совсем не хочется.

Нурбек быстро наклоняется, достаёт что-то из-под сиденья и протягивает мне. Трудно в полумраке разобрать, что это, но, кажется, это пехотный нож.

— Если не сможем проехать - будь готов им поработать. Умеешь?

Я говорю «Нет» в тот момент, когда мы проезжаем через проём. То, что я вижу - это даже не трущоба. Это какое-то нагромождение то ли палаток, то ли тентов, сшитых из чего придётся, а под этими тентами - освещаемые огнём факелов тела людей. Людей со страшными уродствами, без конечностей, без кусков лица, с химическими ожогами - я не успеваю всего рассмотреть. Под колёса машины стремительно ползёт человек без ног. Он быстро-быстро перебирает бледными тощими руками, как насекомое, и Нурбек чудом успевает его объехать и даёт по газам - проезд через эту «деревню» всё-таки есть. Хижины мелькают мимо нас, мы задеваем бампером какого-то бедолагу, но едем дальше, не останавливаясь. Впереди такой же точно проём в стене. Рядом с ним огромная ржавая цистерна на металлических опорах. Из неё капает на землю чёрная маслянистая жидкость, пахнущая, как бензин.

Выезжаем. Пошла асфальтовая прямая дорога. Плохая, конечно, но лучше, чем то, что было. А впереди видно, что вдоль дороги начинаются редкие фонари. Выдыхаю. Выбрались!

— Как тебе? - спрашиваю своего компаньона, судорожно закуривая, - Сигарету хочешь?

— Погоди, - всё тем же спокойным голосом отвечает он. - Тут веселее может быть. Видишь, что справа?

Я уже успел заметить, что едем мы мимо очередного бетонного забора, которых так много в Подземелье. Но что за ним, я ещё пока не разглядел.

— Заброшенный завод. Если там кто-то есть, то он нас видит. А мы его - нет.

— А кто там может быть?

— Серьёзная банда - вряд ли. Гопстопщики какие-нибудь - могут быть. Вон твоя колонна.

И правда! Вдалеке я вижу чёрный столб. Мы едем прямо к нему. По прямой. По асфальтовой дороге. У меня захватывает дух. Только номер. Это всё, что мне нужно знать. Надеюсь, Нурбек не прав про «гопстопщиков», а в «деревне уродов» не ждут нашего возвращения и не готовятся к нему, и мы проедем обратно без приключений. Это было бы хорошо…

— Обманули тебя, - говорит Нурбек, - нет здесь никакого покера.

— Надо узнать наверняка. Давай доедем прямо до колонны, мы ж так договаривались?

У водителя нет возражений.

До колонны метров двести. Я, наверное, никогда не привыкну к тому, какие они огромные! Слева от нас тоже промышленная зона, и тоже заброшенная. Видна полуразвалившаяся башня, а рядом с ней - останки того, что, видимо, когда-то было цехом. Мы переезжаем через железную дорогу, идущую от завода к тем развалинам слева. Железка ведёт к ржавым металлическим воротам с правой стороны и проходит под ними, а сами ворота закрыты.

Едем дальше. Колонна всё ближе и ближе. Слева ещё одно заброшенное здание с высокими и широкими окнами. Стёкла почти все выбиты. Заезжаем в узкий проезд между корпусами завода. Сверху над дорогой висит то ли коридор, то ли конвейер - кишка, соединяющая два здания. В ней есть маленькие оконца, но что там внутри - непонятно. Вот здесь прям идеальное место для засады! Хочешь - слева стреляй, хочешь - справа, а хочешь - высунись из этого окна в кишке и оттуда пали. Мы ведь, как на ладони. Но вокруг тишина и пустота. Единственный звук - это звук нашего мотора.

Колонна за этим зданием слева. Ещё чуток проехать - и мы её увидим вблизи. Там и фонарь есть, значит, номер будет виден. Ещё немного… Ещё…

Здание заканчивается - и вот она. Колонна номер… [9-18]. Номер при свете фонаря кое-как, но виден. Всё сходится! Это девятый круг. Просто поверить не могу, что я до сюда добрался! Делаю расстроенный вид, но внутри прям музыка играет!

Видим справа место, где можно остановиться. Нурбек паркует машину между огромных деревянных катушек, на которых, наверное, когда-то были намотаны то ли шланги, то ли проволока, то ли высоковольтные кабели, но сейчас они голые и пустые. Тут же, рядом, лежат полуржавые металлические блины, слишком тяжёлые, чтобы их упереть и применить в хозяйстве.

Выхожу из машины. Оглядываюсь по сторонам. Чувствую запах промзоны, очень похожий на тот, который на сортировке, но немного другого оттенка. Я многие вещи различаю по запаху, и я такой не один. Нюх в Подземелье может спасти жизнь.

Тишина наводит тревогу. Если здесь кто-то есть - нам мало не покажется. Жду нападения из-за каждого угла. Мы тут, как в пасти у крокодила - она может захлопнуться в любой момент. Надо бы прыгать в машину и газовать обратно.

Появляется новый запах. Табак. Это Нурбек курит. Правда же? Очень медленно оборачиваюсь. Мой водитель спокойно дымит сигаретой. Но в руке у него - пистолет.

— Ты не говорил, что у тебя есть, - говорю, стараясь держать спокойный голос.

— Работа такая.

Понимающе киваю. А он вопросительно кивает мне. Я развожу руками, сжимая в одной из них пехотный нож:

— Нифига здесь нет. И искать нет смысла. Погнали обратно.

Нурбек спокойно докуривает, но глазами водит по сторонам. Я тоже.

Вдруг фонарь рядом с нами гаснет. Нурбек моментально тушит сигарету, а я прижимаюсь вплотную к машине, сам не понимая, зачем. Держусь за нож. Фонарь снова загорается.

— Тьфу, бля! - говорит водитель и садится в машину. - Давай, поехали.

Меня долго звать не надо. Секунда - и я уже на месте. Мы трогаемся назад, разворачиваемся, и едем обратно.

Фары освещают забор слева и стены здания справа. Только бы тут никого не было! Фонарь же просто так моргнул, правда? Ну, всякое здесь со светом бывает, это ж Подземелье. Подземелье…

Впереди кишка. Вглядываюсь в её оконца очень внимательно. Не мелькнёт ли там чья-нибудь голова? Никого нет. Всё тихо. Проезжаем под конструкцией. Впереди видны корпуса завода. Конец проезда всё ближе. Ещё совсем немного…

Но тут из-за угла забора и из-за угла здания появляются человеческие фигурки. Ничего страшнее в таком месте быть не может. Люди. Их неплохо видно, потому что рядом фонарь. Они все в потрёпанном камуфляже, перемешанном со спортивной одеждой. Банда. Все вооружены. Кажется. Я не успеваю рассмотреть. У того, что посередине, в руках - здоровенная винтовка-автомат. Он вскидывает её, целится в водителя, и орёт:

— Стоять!!!

Нурбек жмёт на тормоз и зачем-то опускает все стёкла. Вариантов нет. Пытаться его сбить - смертельный номер. Был бы с пистолетом - можно было бы. А с таким автоматом - дохлый номер, он из тебя решето сделает. Сдавать назад тоже бесполезно. Вляпались.

Всё ещё держу в руке нож, вынув его из ножен и пряча в проёме между сиденьем и дверью. Не знаю, зачем. Мне этот нож сейчас в задницу засунут по самую рукоятку, как только заметят, что он у меня есть.

Бандит с винтовкой деловито подходит к Нурбеку и направляет ствол ему в голову:

— Добрый вечер, господа! Выметайтесь нахрен из автомобиля.

Но совершенно неожиданно Нурбек хватает левой рукой винтовку за ствол, а правой рукой направляет пистолет на её владельца:

— Слышь, клоун. Я алмазовский. Ты чё, бля, берега попутал? Дай сюда свою погремушку.

С этими словами он выдёргивает у него из рук автомат и бросает мне на ноги. Я жду, что по коленкам ударит килограммов десять железа, но винтовка ничего не весит. Трогаю её рукой. Она… пластмассовая.

— Ща в багажник ляжешь и с нами поедешь, понял?

— Пацаны, да вы чё? Я ж не знал. Не написано ж…

— Скажи своим, чтоб отошли. И чтоб пушки на землю.

— Ало, парни! Отходите! Стволы положите пока! Ща договоримся.

Парни слушаются, а Нурбек продолжает беседу:

— Давай сюда, что там у тебя есть.

— Да ничего нету, муляж только! Как ты ваще понял?

— А если проверю?

— Ну проверяй, бля, говорю те, нет ничего!!!

Он расстёгивает и распахивает куртку, поворачивается левым и правым боком, но тут Нурбек ударяет по газам, и машина пулей выстреливает вперёд.

— Пригнись! - рявкает водитель, но я уже пригнулся, прижав грудью к ногам игрушечный автомат. Мне ничего объяснять не надо.

Никто не стреляет нам вслед. Мы проезжаем через железку мимо ворот, которые теперь открыты. Видать, оттуда эти ребята и пожаловали.

— Не стали стрелять, - улыбается Нурбек. - Патроны экономят. Нищеброды.

Сказав это, он поднимает стёкла, и только теперь я понимаю, зачем он их опускал. Одно разбитое стекло стоило бы фишек сто. Я был бы должен эти деньги заплатить сверху.

Доезжаем до деревни уродов.

— Шугани их, - спокойно говорит Нурбек.

Я высовываюсь из окна с автоматом в руках и ору всем подряд:

— А ну пошли нахрен отсюда, черти! Прочь с дороги! Пристрелю к едрени-матери!

Проходим деревню быстро и без препятствий и выезжаем в поле. Едем по темноте, трясясь и раскачиваясь из стороны в сторону. Нурбек посмеивается:

— У тебя хорошо получается.

Это, по-моему, его первая эмоция за всё время нашего знакомства.

— Слышь, - говорю, - ты прости за эти все приключения. Оно того не стоило.

— Забудь. Стёкла не вышибли - и ладно. Хоть знаю теперь, что там.

Добираемся кое-как до колонны. Дальше - прямая до виадука. Доезжаем быстро. Поднимаемся вверх по мосту.

— Можешь на середине притормозить на пять сек? Я выскочу, глянуть кой-чё надо.

Водитель послушно останавливается на самой середине моста, рядом со столбами и балкончиком. Я выскакиваю из машины, держа в руках игрушечный автомат, подхожу к ограде и достаю из внутреннего кармана недавно купленный компас, зажав автомат между ног. Направляю мушку компаса перпендикулярно мосту вдоль рельс. Соединяю

отметку с синим концом стрелки. Это мой азимут. Аккуратно кладу компас в карман и прыгаю обратно в машину.

— Погнали. Докинешь до куда обычно? Ещё пятнадцать фишек сверху.

В ответ машина просто трогается и едет вперёд.

Всё. Победа. Теперь я знаю, где центр. Пришлось сильно напрячься, но я это сделал! Теперь нужно будет просто позвонить Жеке и как-то отмазаться, чтобы никто не ждал, что я буду участвовать в турнире. Это будет совсем несложно, стандартное «брат заболел, сестра умерла, бабка родила» вполне прокатит. Я никого не обломал и никого не кинул. Всё чисто. Откидываю кресло слегка назад и смотрю, повернув голову, на проплывающие мимо дома.

Мы доезжаем до нашего обычного места высадки. Машина останавливается рядом с пустошью у дороги. Я выхожу из машины с пластмассовой винтовкой в руке. Чувствую себя слегка по-идиотски: на заднее сиденье её положить или Нурбеку отдать? Подхожу к нему. Он закуривает. Я тоже хочу закурить, но руки заняты. С досадой гляжу на наш «трофей», неуклюже пытаясь держать его подмышкой.

— Давай сюда, - говорит Нурбек, ухмыляясь.

Он берёт у меня муляж и крутит его в руках:

— П-14. Хороший автомат. Надёжный. И лупит, как надо. Одна с ним беда: тяжёлый, сука.

Я, тем временем, закуриваю, и гляжу на него с искренним восхищением:

— Как ты вообще понял, что это муляж? Я, блин, чуть не обосрался, когда он начал в нас целиться.

— Уж больно легко он им размахивал, - говорит Нурбек, выпуская облако дыма. - Да и серьёзным людям с таким оружием в тех местах ловить нечего, у них поинтересней есть дела. Я сразу понял, что это нищеброды и разводилы. Говницо мелкое.

— Я смотрю, ты в пушках шаришь.

Нурбек пожимает плечами:

— Я ж не в автосервисе работаю. Жить захочешь - начнёшь разбираться.

Ох, Нурбек, знал бы ты, как в точку попал с автосервисом! Киваю головой на автомат:

— Но муляж-то, согласись, правдоподобный. Фишек за 15 толкнуть можно.

Водитель безразлично махает рукой:

— Сыну отдам. Пусть играет.

Мы докуриваем, рассчитываемся и прощаемся. Нурбек уезжает. Я остаюсь один среди тумана и смога. Знакомая вонь и знакомый запах сырости, совсем не такой, как там, у заброшенного завода.

Смотрю на часы на мобиле. 18:39. Ещё куча времени до конца дня. Схожу, чтоль, на рыночек. И к Стрелку заглянуть бы надо. Хотя нет, не буду. А то увидит, что я часто выигрывать стал, слухи пойдут… ну его к чёрту. Подержу бабло выигранное пока у себя. Придумаю потом, что делать.

Иду по знакомой дороге. Курю. Улыбаюсь. Хорошо! Из такой задницы выбрался, господи! И авторитета криминального в карты обыграл, и ничего мне за это не было! Марк, ты красавчик! Удачный вышел день! И про колонну выяснил, и про центр… Центр… Представляю себе дворец Президента. Огромный, красивый. За высоченными стенами. Охраны куча вокруг, федералы повсюду. Пёрнешь - пристрелят сразу. А зачем вообще мне понадобилось знать, где центр? Как я туда попаду?

Я вдруг замечаю, что впервые всерьёз задумался об этом. Как попасть в центр?

Останавливаюсь. Оглядываюсь вокруг. Я и не заметил, как прошёл уже метров сто и, кажется, иду маленько не туда, надо было на прошлом повороте направо взять. Достаю из кармана компас. Поворачиваю его так, чтобы отметка и синяя стрелка соединились. Мушка показывает на центр. Он где-то там… А я здесь.

Разворачиваюсь назад и иду обратно до поворота. И как же мне туда попасть? А главное - зачем? Ну зачем - понятно: чтобы узнать, как всё устроено. Что это за колонны такие. Что там сверху? Как выглядят боги? Может, конечно, я ничего и не выясню, добравшись до центра. Но есть хотя бы шанс! А тут мне точно ничего не узнать.

Приближаюсь к рынку. Поглядываю по сторонам. Здесь знакомое место, проблем не должно быть. Если кто знакомый попадётся, то удивится, наверное, моему прикиду. Ну и что? Скажу, что в карты выиграл. Тот редкий случай, когда можно без напряга сказать правду.

Попасть в центр. Да, задачка… В соседний район-то хрен попадёшь! А если оказаться в каком-нибудь месте вроде того завода? И без Нурбека. Что тогда? Это Подземелье, братишка! Здесь стоит зайти хоть немного не туда

- и тебя разберут на запчасти.

Водителя нанять? «Братух, до центра не подбросишь? До Президентского дворца.» Ага, конечно. У меня и денег столько, во-первых, нет, а во-вторых, это что же за водитель безбашенный должен быть? Нурбек до девятого круга довёз - и то пойди, поищи такого! Не, без вариантов. Только самому. На свой страх и риск.

Самому, своим ходом пойти в центр. Безумие. Самоубийство. О, а вот и рыночек! Даже не заметил, как дошёл.

Некоторые уже свернулись, но большинство торговцев ещё работают. Иду мимо рядов, вдыхаю запахи специй и всякой жареной вкуснятины. Надо отпраздновать. В том конце шаурма с курицей. Это будет мой сегодняшний праздничный ужин!

Подхожу к ларьку с шаурмой. Очереди нет. Бородатый хозяин в белой замызганной рубахе точит ножи. Слоёный столбик куриного мяса крутится на вертеле. С него стекает сок и капает на поднос. Гляжу на это, чуть ли не захлёбываясь слюной.

Делаю заказ. Хозяин начинает срезать тонкие пласты мяса и шинковать его, смешивая с грибами и картошкой. Стою и жду, что ко мне потянутся попрошайки, готовлюсь слать их ко всем чертям. Один уже направляется ко мне, но я достаю баллончик и показываю ему издалека. Он кидает мне что-то оскорбительное в ответ, но я не слышу. Иди, проваливай! Тебе ничего не светит, братан.

Шаурма готова. Я расплачиваюсь и беру в руки горячий рулет с вкуснейшим куриным мясом. Ну как вкуснейшим: вкуснее, чем всё, что продаётся здесь на рынке. Рядом ларёк с пивом. Я прохожу мимо него и уже готовлюсь вгрызться в свою желанную добычу, но тут слышу:

— Молодой человек! Купите пива старику. По-братски, бог добро любит!

— Отвали, - говорю почти машинально.

— Да ладно, ты ж добрый, я вижу! А я тебе загадку загадаю!

Оглядываюсь, слегка оторопев. Передо мной старый мужик, одетый настолько прилично, насколько позволяет его бедность. Причёсанный, побритый более-менее.

— Чего? - переспрашиваю, не поверив своим ушам.

— Загадку загадаю, говорю. Если пива купишь.

Интеллигентный. По голосу слышно и по лицу видно. Интересный персонаж. Это не тупое попрошайничество, как обычно, а что-то новенькое. Я чувствую себя очень богатым и успешным в своей новенькой куртке с кучей бабла в кармане, и прям не могу не поддаться!

— Ладно, - говорю.

И беру две бутылки пива - ему и себе.

— Пойдём, присядем, милый человек, - киваю я ему на деревянные ящики рядом с ларьками.

Мы удобно располагаемся на ящиках с отличным видом на гаражи, рынок, фонарь и сгоревший автомобиль. Открываем пиво. Стукаемся бутылками. За встречу!

Выпиваем по глотку. Пиво кислое и горькое, но приятно пьянит. Заедаю шаурмой. Кайф!

— Ну, давай свою загадку, - говорю с набитым ртом, внимательно глядя на него.

И мужик выдаёт после недолгой паузы:

— «На небе есть, на земле - нету. У бабы две, у девки - нету.»

Думаю, жуя шаверму и глядя на гаражи.

— …Сиськи?

— Какие, ёпт, сиськи?! - хохочет дед.

— Да не, я так… Ща подумаю, погоди…

— Давай-давай, думай.

Сидим, потягиваем пивко. На небе есть. А на земле - нету… Гляжу на серо-чёрное небо. Рядом с фонарём оно белёсого оттенка.

— А на небе каком? На нашем? Или на нормальном?

— Да на каком угодно!

— На каком угодно…

Что же это может быть? Ах ты старый чёрт! Вот загадал-то! Не зря, не зря я тебе пива купил.

— Что? Никаких версий, кроме сисек? - подшучивает мой новый знакомый.

— Погоди, ща помозгую ещё…

Что у нас на небе бывает? Звёзды? Птицы? Облака? Всё не то. При чём тут тогда баба и девка? Вообще мысль не идёт. Тупняк какой-то… Под конец этого дня я уже ничего не соображаю! Делаю глоток пива в надежде, что мне это поможет. Про шаурму я уже и забыл.

— Ну что? Сдаёшься? - ухмыляется мужик.

Делаю ещё одну попытку собраться с мыслями. Бесполезно. Качаю головой и махаю рукой, чуть не уронив шаурму:

— Сдаюсь.

Он смотрит мне в глаза и улыбается краешком рта. Выдерживает мучительную паузу.

— Буква «Б».

Мне нужно мгновение, чтобы это осмыслить.

— …Блин, точно! На небе есть, на земле нету… у бабы две… Хе! Капец, я вообще не в ту сторону думал!

— Вот то-то и оно… - говорит старик, кивая, - Здесь нужно нестандартно мыслить, чтобы отгадать.

— Ваще… Хочешь шавуху?

— Не, благодарствую. Я пивком питаюсь.

Мы сидим, пьём пиво и смотрим на фонарь, как на солнце.

— Хорошая загадка, - говорю.

— Да… Её никто не отгадывает. Потому что все думают только о том, что у них перед носом, а от стереотипов отойти - даже на секундочку - не могут… Понимаешь?

— Стереотипов… Понимаю… Это сложно. Когда в этом говне всю жизнь варишься, как ты отойдёшь?

— Это надо силу духа иметь…

— И смелость.

— Да! Это вот правда! Смелость нужна. Тебя как звать, дорогой?

— Марк.

— Никифор.

— Нифига себе.

— Что?

— Имя необычное.

— Хе-хе!

— И сам ты необычный. Может, ещё по пивку?

Мы берём ещё по пивку. Точнее, сразу по два. Сидим и трындим до тех пор, пока я не доедаю шаурму и не дохожу до состояния «Ещё чуть-чуть - и надо переходить на водку, а водку я сегодня не хочу».

Мы прощаемся и расходимся. Я машинально проверяю карманы, но всё на месте. Хороший дядька попался. Душевный.

Стереотипы, нестандартное мышление… Что-то он ещё такое хорошее сказал. Пьяные и усталые мозги соображают туго. А вот: «Глупо надеяться на что-то необычное, если ты делаешь то же, что делают все остальные.» А ему моё про смелость понравилось.

Я иду по направлению к дому. Делать то же, что делают все остальные…

Чтобы попасть в центр, нужны деньги. И оружие. Тогда, может, и есть шанс. Совсем малюсенький. Если я попробую, я может попаду в центр, а может быть и нет (скорее всего нет). Но если я не попробую, я точно не попаду. Математика проста. Хочу ли я всю оставшуюся жизнь прожить здесь, делая то, что делают остальные и так и не узнав, что же там наверху? Или я буду чуток смелее и всё-таки попробую? «На небе есть, на земле нету…»

Подхожу к своему дому со стороны дороги. Я уже почти отрезвел. Сажусь на покрышку. Гляжу в небо. Гляжу на компас. Ну что? Решишься?

Достаю телефон и одну, оставшуюся, скомканную брошюру. Набираю номер. Звоню. Слышу долгие гудки. Один гудок. Второй. Третий. Сердце бьётся чаще. Четвертый. Пятый. На восьмом брошу, пожалуй.

— Алло, - слышу я приятный женский голос.

— Алло, девушка, я насчёт турнира, правильно позвонил?

— Да-да, всё верно. Что вас интересует?

— Я хочу принять участие. Что от меня нужно?

4

Здоровых людей в Подземелье нет. Каждый чем-то болен. Я не про простуду или грипп, этим болеют все и постоянно. Я про серьёзные болезни, которые делают жизнь сложнее, а шансы на выживание здесь - скромнее. Для меня эти болезни делятся на два вида: те, с которыми ты можешь прожить до старости, и те, которые тебя убьют в молодости или в младенчестве.

Четверо моих братьев или сестёр умерли младенцами. Один из них подхватил какую-то кишечную инфекцию - просто накормили чем-то не тем. А антибиотиков нужных вовремя не нашлось. Вот и всё. У второго был врождённый порок сердца - таких обычно сразу убивают, чтобы не тратить время и деньги. Но матери жалко было, она его выхаживала. Некоторе время. Потом он, естественно, помер.

У Рафа, вроде, тоже что-то с сердцем. Но не такое серьёзное. Он таблетки какие-то ест, ему по блату достаются. А если бы не доставались, не знаю, был бы он жив или нет.

У ещё одного моего другана астма. Но ему тоже пока везёт - родители умудряются где-то доставать ему эти пшикалки в рот. На них и держится.

А у меня аллергия. На овощи. Любые, кроме картошки. Если съем - распухну, как утопленник, и горло будут пробивать, чтобы трубочку вставить. Если успеют. Уже так делали разок, хорошо доктор вовремя рядом оказался. Так и лежал с трубочкой, пока отёк не прошёл.

На яблоки аллергия послабже. Я их ем иногда, когда они тут оказываются и когда у нас вдруг есть на них деньги. Высыпает по всему телу, но терплю. Говорят, их надо жрать, чтоб витамины были. Не знаю, правда или нет.

Зато на всякое дерьмо вроде крысятины или «жаркого из летучей мыши» - вообще ноль. И на грибы тоже. Потому и жив, наверное, до сих пор. Кто крысятину и собачатину есть не может, тот долго здесь не протянет.

Через пару дней после поездки к Алмазу я слёг с простудой. Или с гриппом, фиг его знает. Слёг буквально, с кровати не встаю. Кашель, сопли, температура 39, озноб и ломота аж до костей. Уже несколько дней. Видать, это плата за мои побегушки по рельсам. Такие спортивные подвиги организм не выносит и не прощает. А может и просто так заболел, мы ведь все это делаем постоянно. Кто-то и помирает от простуды, бывает и такое. Но я выживу. Мне ведь на турнир надо. Не могу ж я Алмаза подвести!

Звонит телефон. Еле-еле дотягиваюсь трясущейся рукой до тумбочки. Жека. Как будто, блин, мысли мои читает! Ох как не хочется сейчас ни с кем говорить… Но сбрасывать тоже не хорошо, вдруг что важное?

Беру трубку. Выдавливаю из себя хриплое:

— Алло…

— Здорово, братишка! Ты чё, простудился что-ль?

— Да… ваще капец… кхе-кхе… влёжку…

— Ну ты даёшь, братан! У тя турнир через две недели! Я думал, ты тренируешься. Вот, позвать тебя хотел на местный покер.

— Не, Жека… оххо!… Прости… Не могу сейчас… Ваще еле живой…

— Бляха… чувак… ты, слышь… ты это брось! Оклёмывайся давай! Нехрен болеть! Нам ехать скоро!

— Да, да… Я постараюсь… Прям изо всех сил…

— Ты принимаешь чё-нибудь?

— Да принимаю конечно… Всё нормально будет… экхэ-экхэ!… не напрягайся… Через неделю - как огурчик.

— Ты давай, внатуре, лечись! Таблетки жри. Чай с мёдом. Где только взять его, хе-хе, мёд этот…

— Я возьму… У нас тут был… Спасибо, что подсказал.

— Да не за что, родной! Поправляйся давай! Всё, обнимаю.

— Пока…

Бросаю трубку на пол. До тумбочки тянуться нет сил. Мёд. Это хорошая мысль. Говорят, он и правда помогает. Надо сестру попросить, чтоб сбегала. У Михалыча наверняка ещё остался. Бабки есть, надо брать. Подожду, когда она из школы придёт.

Я дома один. Все разошлись по своим делам. Лежу под одеялом. Смотрю в наш лоскутный потолок, в котором есть и дерево, и пластик, и ржавый металл. Его интересно разглядывать. Он такой разный. Вдруг меня разбирает приступ кашля. Прям невыносимый. Почти до рвоты. Кажется, щас лёгкие выплюну! Кое-как снова дотягиваюсь до тумбочки и беру сигареты. Самое сложное - быстро взять сигарету в рот и раскурить. Дожидаюсь промежутка между кашлями и быстро закуриваю. Естественно, за этим следует новая волна. Но я жду, когда она пройдёт, и тут же затягиваюсь глубоко-глубоко, насколько есть сил. И держу дым в лёгких, насколько получается. Снова кашель, но уже слабее. Я затягиваюсь снова и снова, и мне становится легче, а кашель ослабевает. Вот такое вот лечение! По-нашему, по-подземельному.

Когда кашель окончательно проходит, мне удаётся вздремнуть. Сигареты и сон - вот моё лекарство.

Проснувшись, я замечаю, что сестра уже дома.

— Рима… - зову её сиплым голосом. - Рим!…

Она подбегает ко мне.

— Рима… сходи за мёдом к Михалычу… Возьми из тумбочки деньги… Если нету

• купи порошок чили.

Сестра уходит. Минут через пять приходит Ибрагим. Вместо приветствия я выдаю залп булькающего кашля.

— Ну чё, пациент, когда сдохнешь уже?

— Хорош глумиться… Когда ты болеешь… кха-кха-кха-кха… - мне не удаётся договорить.

— Может тебе водки хряпнуть, а?

— Спасибо, доктор…

— Ну покури хотя б.

— Уже… Дай градусник…

— Сам возьми, - усмехается брат.

— Какой ты добрый, мать твою! Акхе-кхе-кхе-кхе!…

— Ладно, хрен с тобой. Так и быть. А где он?

— Где все лекарства, дубина.

— Ща в зуб получишь. Не посмотрю, что больной.

Брат приносит мне градусник и стряхивает его по моей просьбе. У самого у меня нет сил. Вставляю термометр себе под мышку.

Возвращается сестра. Ей удалось купить мёд. Это отлично! Прошу её вскипятить чайник и сделать чаю, но она и без моей просьбы уже отправилась на кухню. Лежу под одеялом и кашляю, а брат лежит на диване и во что-то играет на телефоне.

Чайник закипает. Сестра приносит мне чашку с горячим белым напитком.

— Я ж просил чай, а не молоко.

— С мёдом лучше молоко.

Она кладёт ложку мёда и размешивает. Молоко, понятно, из порошка. Другого у нас не бывает. Но какая разница? Здесь мёд - самое главное.

Достаю градусник из подмышки. 38 с половиной. Не 39, конечно, но всё равно многовато.

Кладу градусник на тумбочку. Делаю глоток. Он обжигает горло. Тепло разливается по телу. Ну а что, может это и правда мне поможет…

И тут меня осеняет! Лезу в нижний ящик, стараясь не уронить чашку, и достаю пакетик с перечной смесью.

— Положи, - говорю, - пол ложки. Взболтай как следует.

Сестра кидает пол ложки смеси в молоко и старательно перемешивает. Я снова делаю глоток. Ох, жесть!! Термоядерная смесь! Долго откашливаюсь, но, чёрт возьми, это убойная вещь! Брат и сестра глядят на меня с любопытством. Выжидаю ещё, чтобы прийти

в себя, и делаю новый глоток. Слёзы в глазах, во рту всё горит, а в горле словно жгут паяльной лампой. Но я пью глоток за глотком, пока не выпиваю всю чашку до дна.

— Спасибо, сестрёнка.

Ложусь, накрывшись одеялом. Ну что ж, я честно лечусь, как и обещал Жеке. Надо бы ещё аспирин принять, он у нас вроде есть, хоть и просроченный. Меня прошибает пот. Я уже весь мокрый. Но, вроде, так и должно быть, если средство хорошее.

— Ибрагим, почитай мне книжку.

— Иди в задницу, болезный.

Он просто душка! Чем себя развлечь? Подумаю про центр. И про город наверху… Город Богов. И про турнир. Да, про турнир надо думать чаще.

Каким-то чудом зелье из порошкового молока с мёдом и перечной смесью ставит меня на ноги. Тем же вечером температура снижается до тридцати семи с чем-то, а на следующий день я уже начинаю ходить по квартире и сам себя кормить. Продолжаю понемногу принимать зелье, но уже чувствую, что и без него обойдусь - главари микробов побеждены, остальной мелочи остаётся только ждать своей смерти. Я иду на поправку. На следующей неделе уже смогу работать. А главное - я поеду на турнир!

Наступает понедельник. Иду на работу, как и планировал. Дел за это время поднакопилось, приходится вкалывать дольше и сильнее, чем обычно.

В середине недели звоню в казино и выясняю, где оно находится. Мне объясняют маршрут от бумажки: надо ехать по дороге вдоль железнодорожных путей в сторону уменьшения километража (то есть мимо колонны 8-74), затем проехать под железнодорожным мостом (то есть пересечь железку и выехать на другую её сторону), потом проехать мимо кирпичного завода, заехать в жилой квартал, проехать сквозь него, потом дальше в сторону крематория, дальше через промзону, потом по единственной дороге через пустошь до колонны. А дальше начнётся ещё один квартал, и вот в нём-то и будет казино. Записываю всё это на всякий случай, звоню Жеке и договариваюсь о времени и месте старта. Лучше приехать немного заранее, мало ли что в пути может случиться. Дорога неблизкая. Говорю, что у меня как раз в этот день дельце у бумажки, и я их прям там и встречу, чтобы подсказывать дорогу до казино. Жека от такого предложения просто в восторге.

На неделе успеваю заскочить на местную игру, размяться. А на работе подлавливаю момент, когда у Лёхи хорошее настроение и сообщаю ему, что еду на турнир. Только ради того, чтобы увидеть его лицо, стоило затеять эту поездку! Он долго не может поверить, что это не прикол. Естественно, я не рассказываю ему о том, как нашёл спонсора, а ограничиваюсь дежурной брехнёй.

Семья, само собой, тоже вводится в курс дела. Никто не в восторге. Никто не верит, что я могу выиграть. А мысль о том, что в случае проигрыша я задолжаю 100 фишек вводит мать в ужас, а отца в ярость (а ведь настоящая сумма в пять раз больше). Чудом избегаю

побоев. Кое-как мне удаётся отбрехаться тем, что ещё не всё решено, что скорее всего меня не примут, потому что я не в лиге и не из того района и так далее. Ну, по крайней мере они будут знать, где я…

Настаёт день Икс.

Я стою в своей новенькой куртке и джинсах у отделения полиции. Здесь часто назначают встречи, в том числе и мафиози. А что? Хороший ориентир. У любого спроси, всегда скажут, где ментовка.

Поглядываю на часы. Рассматриваю свои белые кеды и раздолбанную плитку под ними. Бетонные шестиугольнички лежат на земле и плотно примыкают друг к другу. Подсказки повсюду. Как я раньше их не замечал?! Из трещины в плитке выползает на поверхность какой-то то ли жук, то ли таракан. Здравствуй, дорогой! Ну что, выбрался из Подземелья? Попал в Город Богов? Поднимаю глаза наверх. Смотрю в серое грязное небо.

Подходит мент. Просит закурить. Святое дело. Протягиваю ему сигарету, слышу «Благодарствую!» в ответ. Надеюсь, ты меня запомнишь, дружище.

Подъезжает темно-синее авто, седан. Из него выходит лысый, худощавый парень в коричневой куртке и быстро идёт в отделение. Не, не мои. Жека сказал, Алмаз со Свином поедут, они в такую тачку физически не влезут.

Вообще, в Подземелье такие ребята, как Алмаз или даже Свин - большая редкость. По крайней мере, в наших краях. Чтоб быть таким здоровенным, надо много тренироваться и много кушать. Чтобы много кушать, нужны деньги и доступ к еде. А это только связи. Хорошие связи. И бабки.

Жду. Хожу взад-вперёд, гляжу по сторонам. Вон трое чуваков встретились, трут о чём-то. Голуби шастают у входа в отделение и доклёвывают семечки, кем-то нагрызенные и наплёванные рядом. За зарешёченным окном сидит женщина и что-то делает на компьютере.

Из-за угла выезжает огромный чёрный внедорожник. Чистенький, отполированный. Лихо подкатывает к участку и светит мне в лицо своими фарами. Сигналит. Это мои. Сто процентов.

Следом подъезжает ещё один чёрный джипан. Ну ещё бы! Разве Алмаз поедет один? Там его головорезы.

Из первого джипа выпрыгивает Жека и машет рукой.

— Здор**о**во! - говорю, - Думал, ты не поедешь!

— Ха-ха! Здравствуй, Марк, братишка! Я тож думал, не поеду. Но взяли, прикинь! И даже на переднее сиденье посадили! Ваще в шоке! С такими шишками еду, офигеть!

— Красавец! А мне-то куда?

— А вон, садись с этой стороны назад. Там шеф.

Открываю заднюю дверь и забираюсь внутрь. На заднем кресле сидит Алмаз, занимая почти всё пространство, хотя в салоне очень просторно. Он протягивает мне ручищу:

— Здоров, чемпион! Ну что, готов всех рвать?

— Да, готов.

— Свин, кого ждём? - командует шеф Свину, сидящему за рулём. - Погнали!

Свин оборачивает ко мне свою лысую голову:

— Братан, ты говори, как ехать. Ты ж знаешь дорогу?

— Щас к рынку, потом мимо забора и пустоши до колонны. Дальше - скажу.

Это тот участок, который мне знаком. Дальше колонны я особо не ходил. Но этой инструкции, кажется, пока достаточно, потому что наш «вездеход» трогается. Мы отправляемся в путь.

— Не, ща налево, вот по этой дороге. Потом дальше до гаражей. Через гаражи проедешь, и там уже почти рынок будет.

— Принял.

Оглядываюсь и смотрю в заднее стекло. Второй джип едет прямо за нами.

— Не волнуйся, не отстанут, - гудит Алмаз. - У тебя план-то есть? Как играть будешь?

Говорю, что пока я не знаю, сколько будет участников и кто они, план построить сложно, и что надо будет ориентироваться на месте. Начальство это устраивает. Мы продолжаем непринуждённо обсуждать покерную тему. Алмаза интересует, где я научился играть. Рассказываю очень близко к правде.

Проезжаем мимо рынка и добираемся до моего «любимого» района с пустошью. С любопытством поглядываю по сторонам, но так, чтобы это было не очень заметно. Из трущобы выбегает детвора и пялится на наш «конвой», как на чудо. Мы проезжаем мимо, а они провожают нас изумлёнными взглядами. «Вот это люди!»

Доезжаем до колонны.

— Щас дальше, - говорю, - и там проезд должен быть под железкой. Нам в него.

— Понял, - спокойно отвечает Свин и включает негромко музыку.

Играет электроника. Хорошая. Если это Свин выбирал, то у него есть вкус. Надо же!

Пытаюсь аккуратно выяснить у Алмаза, что он знает про эти края и про то место, куда мы едем. Как, видимо, и любой серьёзный криминальный авторитет, Алмаз отвечает очень сдержанно, но даёт при этом понять, что более-менее ориентируется в обстановке. Он называет несколько имён, которые мне ни о чём не говорят, но, по его словам, это люди, которые держат ключевые объекты. Выясняется, что он хорошо знаком с владельцем «бумажки», и встречался разок с владельцем крематория - тот помог ему утилизировать 15 тел после одной удачной разборки.

Мы едем уже по совершенно незнакомым мне местам. Хочется смотреть вокруг и впитывать всё, что видишь, но я не могу - я не должен подавать вида, что всё это вижу впервые. Ведь по легенде я чувак, который регулярно мотается в эти края из казино.

Доезжаем до виадука под железкой. Свин лихо поворачивает, и вот мы уже на другой стороне. Мы стали чуть ближе к центру. Совсем немножко.

— Дальше до кирпичного завода и мимо него.

— А где это?

Придётся говорить наугад.

— ...Я тут плоховато ориентируюсь, меня всегда возят, но вот самое большое, что ты видишь вдалеке - это он и есть.

— Самое большое... - бубнит Свин, вглядываясь вдаль сквозь туман, - ...Вон та хрень, что-ли?...

— Походу да.

— Принято.

Никто не злится на меня за мою неуверенность. Навигация в Подземелье выглядит именно так. Даже в знакомые места не всегда приедешь с первого раза. Пару раз заехать не туда по пути - это норма. И хорошо, если без приключений!

Мы потихоньку приближаемся к громадине вдалеке, и становится ясно, что это и правда завод. Нельзя сказать, кирпичный он или нет, но вряд ли тут есть другие.

Тут мне приходит в голову одна важная мысль, и я спрашиваю Жеку, сидящего впереди, справа от Свина:

— Жек, слушай: а помнишь Серого, который у Косолапого играл?

— Помню, ага.

— А он же, вроде, тоже хотел участвовать. Не знаешь, поедет он?

— Не, братуха, не в курсе. А чё?

— Да хотел вот поспрашивать про него. Сильный противник, я с ним играл, Жека свидетель. Чё-нить о нём знаете?

— Хитрожопый он фрукт, - говорит Алмаз. - Хитрожопый и с деньгами. Он таблетку держит - это то, о чём знаю. Тёртый калач, с ним надо ухо востро. Но адекватный, договориться можно, слово держит, - он поворачивает голову и смотрит на меня. - Без охраны ездит. Чтоб ты понимал.

То есть связи у него настолько налажены, что он даже не беспокоится за свою безопасность. Это очень сильно. А «таблетку держит» - это значит, что он контролирует где-то фабрику или цех по производству таблеток.

— А какую таблетку? Что штампует?

— Этого не скажу. Но разное. И медицина, и немедицина.

«Немедицина» - это либо наркота, либо стимуляторы. Надо ли говорить, какие это огромные деньги? Серьёзный чел. Очень серьёзный. Остаётся надеяться, что этот турнир для него слишком мелок, и что он участвовать не будет. А если будет - я даже не сомневаюсь, что он приедет со своими таблетками. И это плохая новость для меня.

Мы проезжаем мимо завода. Я вспоминаю нашу недавнюю поездочку с Нурбеком. Меня передёргивает внутри. Этот завод поменьше и поскромнее, но он рабочий. В нижних окнах горит свет. Там внутри работают люди. Что-то делают. Вряд ли кирпичи, но это без разницы. Это не заброшка, и на душе от этого спокойнее.

— Штурман, куда дальше? - спрашивает Свин.

— Жилой квартал тут рядом - вон, дальше едь - и через него в сторону крематория. Только спросить надо будет - я сам толком не помню, в какой он стороне.

— Базару нет, спросим.

Мы едем в квартал многоэтажек. Издалека он похож на тот, который у сортировки. Только домов поменьше. И свет есть не везде. Потусклее он. Победн**е**е. «Кирпичом» и крематорием, видимо, много не заработаешь. Деньги там, где грузоперевозки и электричество. Ну и важные производства типа таблеток или жратвы. Наверное, так.

Заезжаем в квартал. Где крематорий, долго выяснять не приходится - первый же прохожий показывает нам дорогу.

Дороги здесь совсем раздолбанные, но это почти незаметно, когда едешь на джипе вроде алмазовского. Удивляюсь этому. Я на таком езжу первый раз.

До крематория дорога тёмная, по сторонам почти ничего не видно. Но и смотреть особо не на что - развалины да мусор. Интересно, а если по такой дороге пойти *пешком*? В полной темноте. С фонариком и компасом. Ведь я именно так собираюсь идти в центр? Далеко ли я пройду? В таких местах с тобой могут сделать всё, что угодно. Кто там прячется, в этой тьме, за обочиной? Кто поджидает случайного прохожего, чтобы ограбить или убить? Нужен пистолет, чтобы защищаться, но и пистолет может не помочь…

— Эй, чемпион, ты чего притих? - грохочет Алмаз.

— Думаю о турнире, - отвечаю, не оборачиваясь и продолжая глядеть в тёмное окно.

— Правильно, думай. Свинтус, чё там, крематорий виден?

— Вроде виден, шэф. Вон он, кажись.

— Сколько нам ещё ехать, игрок?

— Час где-то…

Расстояния-то тут вроде и небольшие. Но дорога непростая. И если мы не вляпаемся ни в какие приключения, то нам, считай повезло. Тогда, может, и быстрее приедем. Хотя, с такой бригадой, как наша, всё сильно проще. На нас вряд ли кто-то полезет, а убитая дорога нашим джипам ни по чём. Так что я, может, и загнул.

Эх, с такими бы ребятами, да в центр поехать! Вот было бы здорово…

Доезжаем до крематория. Он оказывается гораздо скромнее по размерам, чем я думал. Только по трубе можно понять, что это он, да и труба небольшая.

— Там дальше промка, - говорю. - Не знаю, как они через неё ездят. Какое-то особое кунг фу. Только спрашивать. Нам в сторону колонны.

— Принято, - невозмутимо отвечает Свин.

Доезжаем до промки. На въезде нас ждёт бригада. Человек семь, насколько вижу. Среди них есть те, кто с автоматами. Только с настоящими на этот раз.

Они не целятся. Просто ждут. Мы подъезжаем ближе, так, чтобы можно было говорить.

— Чё такое, мужики? - кричит Свин из окна, не высовывая головы.

Он уже успел достать из под сиденья что-то автоматическое, но в темноте не видно, что. Жека ёрзает. Алмаз сидит совершенно невозмутимо. А я смотрю во все глаза, изо всех сил прислушиваюсь, и оглядываюсь в заднее стекло. Второй джип стоит прямо за нами.

— Спокуха, чемпион, - говорит Алмаз, - ща разберёмся.

Издалека раздаётся голос из матюгальника:

— Чё надо здесь?

— Проехать просто! - орёт Свин.

— За бабло только, - отвечает шуршащий электронный голос.

— Сколько?

Голос называет сумму. Алмаз хмурит брови, наклоняется к Свину, и говорит ему в ухо:

— Б**о**рзые какие-то. Спроси, чьи.

— Вы чьи такие деловые, а, пацаны?! - гаркает Свин.

— А вы чьи? - спрашивают из громкоговорителя.

— Алмазовские, с сортировки!

— С Сортировки? А чё сюда приехали?

— Слышь, я на твой вопрос ответил! Твоя очередь!

«Молодец, Пятак», - говорит Алмаз, а голос молчит.

— Ща прозвоню, - продолжает Алмаз. - Я знаю человечка, кто здесь заведовал. Что-то тут негладко.

Он набирает номер и прикладывает плечом к уху телефон, а из углубления в двери достаёт рацию и коротко говорит в неё: «Пацаны, приготовились». Жека пытается сползти под кресло, но Свин тут же направляет на него ствол: «Сидеть, бля». Одновременно, он пытается выяснить, чьи же эти ребята, но вместо ответа голос угрожает и продолжает вымогать деньги. А по телефону, тем временем, отвечают.

— Алло, Самвел, - гудит Алмаз в трубку. - Здравствуй, братан! Слышь, я тут на твою промку приехал. У тебя там чё, проблемы какие?... Да ну нахрен, а чё молчишь!... Ну мог бы сказать. Мало ли, что далеко! Я вот щас взял и приехал, и на тебе, представление!... Да, приехал к тебе родной! Потом скажу, зачем. Короче, я тебя понял. Ща решим твой вопрос. Потом отблагодаришь. Отбой.

Все всё поняли. И Свин, и Жека. И я. Жека трясётся. Свин держит ствол наготове, а из двери достаёт ещё что-то, но я не вижу, что. Алмаз сидит, как и сидел. Он подносит к лицу рацию и говорит одно-единственное слово:

— Огонь.

За спиной раздаётся хлопок. Что-то летит по дуге в сторону вооружённых парней. Взрыв! И тут же Свин вдавливает правой рукой Жекину голову вниз, а левой рукой швыряет из окна тот самый предмет и тоже наклоняется. Раздаётся второй взрыв. И стрельба. Стрельба с обеих сторон от нашего автомобиля, за которым видимо, прячутся ребята из заднего джипа.

Я тоже пригнулся. Я не вижу, что происходит.

«Арчи ранен», - слышно в рацию. Бандиты из промки отчаянно отстреливаются, но с их стороны звуков стрельбы гораздо меньше, чем с нашей. Парни лупят по ним беспощадно.

— Уходят! - орёт Алмаз в рацию. - Циклоп, гони!! Добей этих выродков!!!

Задний джип объезжает нас по обочине и с тяжёлым рёвом мчится на промку, поднимая за собой клубы пыли. На крыше открыт люк, и из него выглядывает человек с автоматом. Он ищет прицелом тех, кто бросился бежать. Джип заезжает в ворота. Слышны звуки стрельбы. Вначале частые, но постепенно становятся всё реже. Затем - полная тишина. Алмаз держит рацию перед лицом и ждёт, вглядываясь в проём ворот.

— Вылезай, кучерявый! - говорит Свин Жеке, посмеиваясь.

Жека поднимает голову:

— Фу, бля, мужики! Чуть не обоссался...

— Тихо, заткнитесь, - говорит Алмаз.

И тут в рацию раздаётся:

— Шеф, пассажиров берём?

— Нет. Не до того.

— Принял, - слышится голос из рации, а за ним - звук выстрела.

— Вс**е**? - спрашивает Алмаз.

— Вс**е**, шеф.

— Молодец, Циклоп. Давай обратно, бойцов собирай. И трофеи.

Шеф кладёт рацию на место.

— Ай, молодцы! Без потерь! Красота!

«Бойцы», которые остались рядом с нашим джипом, идут собирать боеприпасы убитых врагов, не дожидаясь, когда за ними приедут.

Всё это занимает время. Сказав «час», я был наивным мечтателем.

— Слышь, молодой, ты чё не предупредил-то, а? - спрашивает Свин, обернувшись ко мне.

— Простите, мужики, я не знал, что будут проблемы. Мы платили всегда, - говорю, включив полную дурочку. - Я ж не знал, что они с вас столько содрать захотят. С нас меньше брали в разы.

Свин усмехается:

— Бляха, придумали с алмазовских деньги драть! Идиоты… Ладно, двигать надо, вон Циклоп уже ждёт.

Мы двигаем дальше. Дружно курим. Все. Алмаз курит сигару, похожую на ту, что я видел у Рубэна. Опускаем стёкла - от сигары дым такой, что глаза режет.

Местные на промке слышали перестрелку и отлично понимают, что мы в ней - победители. Они очень охотно объясняют нам, как проехать к колонне. Мы для них - герои и новые хозяева. Хотя, видимо, у Алмаза нет планов на это место. Зачем мелочиться? Пусть лучше Самвел будет перед ним в долгу. Так и строятся связи. Так и зарабатывается авторитет.

Промку проходим быстро. На каждом повороте нам показывают, куда ехать. На выезде с промки перед пустошью останавливаемся, и Алмаз командует всем выйти, чтобы осмотреть своё войско и перепроверить, всё ли в порядке и не оставили ли кого.

Бойцы стоят бодрые, курят, перешучиваются. Я сразу вижу человека по имени Циклоп. Даже не сомневаюсь, что это он. Грозный, крепкий, абсолютно лысый, как Свин, и без левого глаза. Глаз не выбит и не прострелен - его просто нет. Вместо него - пустое гладкое место. И череп неровный, слегка скошен в левую сторону, как будто на него ещё в младенчестве надавили чем-то тяжёлым, и он теперь так и закостенел. Рядом с ним стоит худощавый боец, у которого распорот рукав и перевязано плечо. Алмаз подходит к нему:

— Ты как, братан?

— Фигня, шеф! Царапина.

— Молодцом! - хлопает он его по здоровому плечу и оборачивается ко всем.

• Красавцы, ребята! Звери! Как вернёмся - всем премия.

И под радостные крики шеф продолжает:

— Осталось немного, братва. Давайте уже доедем до этого грёбаного казино и отдохнём как следует!

Бойцы орут диким воплем, все радостно рассаживаются по машинам в прежнем порядке.

Дорога через пустошь. Одна-единственная, как и говорили. Дорога очень дерьмовая, но нашим броневикам это ни по чём. Мы уже почти у цели. Сердце бьётся чаще. И я знаю, почему. Я знаю, что когда мы приедем, Алмаз обязательно познакомится с Рубэном. Я знаю, что он точно расскажет мою историю, историю о том, как его же, рубэновский пацан приехал на игру в тайне от самого Рубэна, и попросит не казнить меня за это. Я знаю, что Рубэн очень сильно удивится и скажет, что знать меня не знает. И я знаю, что это будет катастрофа. Такой удар по репутации Алмаз мне не простит. Нужно играть ва банк. Сейчас.

Мы подъезжаем к колонне, но перед ней - стена с колючей проволокой, а путь дальше преграждают ворота. На них навешен большой амбарный замок на цепи. Вокруг никого. Останавливаемся у ворот.

— Свин, иди, посмотри, чё там, - командует шеф.

Свин выходит, взяв с собой одноручный пистолет-автомат, который мне при свете фонарей на этот раз удаётся разглядеть. Он подходит к воротам, озирается по сторонам, дёргает замок, раскачивает ворота рукой. Кажется, они не очень крепкие - двери колышутся от тряски - но они есть. Мысль о воротах отвлекает меня на мгновение, а водитель уже возвращается обратно.

— Закрыто, шеф, - говорит он.

— Закрыто? Внатуре, что-ль? Ну базару нет, поехали домой тогда! - издевательски отвечает Алмаз.

Но Свин опытный и отлично знает все шуточки начальства. Он кладёт автомат на сиденье и отправляется назад, чтобы, видимо, поискать во вместительном багажнике подходящий инструмент.

— Алмаз, - говорю, - мне… нужно тебе признаться кое-в-чём. Кое-в чём важном.

Я смотрю на него, а он на меня:

— Говори, - гудит Алмаз, глядя на меня стеклянным взглядом.

— Я не из банды казиношников. Я простой нищеброд из трущоб с бумажки.

Жека медленно разворачивается и смотрит на меня круглыми глазами, ошарашенно раскрыв рот. А я стараюсь не смотреть на него. Стараюсь изо всех сил. Я продолжаю глядеть на Алмаза. На его лице нет удивления, он и не такое видал. На его лице - холодная, клокочущая ярость.

— Выходи из машины, - произносит он стальным голосом.

Послушно открываю дверь и выхожу на улицу. Закрываю дверь. Мимо проходит Свин с огромными промышленными клещами в руках. Он идёт перекусывать цепь. Слышу, как с другой стороны хлопает дверь. Слышу шаги Алмаза. Он идёт ко мне. Разворачиваюсь. Алмаз подходит и со всей дури бьёт мне под дых. Я сгибаюсь пополам и, задыхаясь и корчась от боли, падаю на землю. У меня темнеет в глазах. Выстрел из травмата по сравнению с этим - просто лёгкий массаж. Босс отходит на пару шагов и говорит:

— Убери руки.

Мне очень трудно.

— Убери, а то оторву нахрен!

Я медленно завожу руки за голову. Алмаз с разбега с яростным рыком бьёт ногой куда-то в районе живота, но удар получается смазанным, хотя всё равно очень сильным. Я хриплю от боли. В этот момент слышу, как лязгает цепь, которую Свин, видимо, перекусил. Вижу, как он возвращается и подходит к нам. Ничего не произнося, он смотрит сначала на меня, потом на шэфа, а потом на клещи, и вопросительно кивает в мою сторону, потряхивая клещами, дескать, «откусить ему чего-нибудь?». Шэф качает головой. В это время подбегает кто-то из второго джипа и спрашивает:

— Босс, всё нормально?

— Уйди, Череп, уйди, - говорит Алмаз, качая головой, - а то и тебе врежу…

Череп послушно уходит. Свин тоже уходит, кивнув за спину:

— Ворота открыты, командир.

Он кидает клещи обратно в багажник. Идёт на своё место. Все ждут команды. Алмаз что-то обдумывает и решает про себя. Кажется, он успокаивается.

— Иди в машину, - говорит он мне и сам идёт садиться на своё место.

Мы забираемся обратно в джип. Закрываем двери. Сидим. Молчим. Жека смотрит вперёд, не оглядываясь. Зато Свин рассматривает меня и краешком рта улыбается. Видимо, Жека ему успел рассказать о том, что произошло, и Свину понравилась история. «Ловкий парень», - думает, наверное, он про себя. Но я сильно не обольщаюсь - с такой же улыбкой он повесит меня на ближайшем столбе, а потом с хохотом расскажет корешам, какого прикольного парня недавно пришлось удавить.

Алмаз громко выдыхает и медленно качает головой. Поднимает взгляд на своего лысого водителя.

— Чё сидим, Свинота?! Сам же сказал, ворота открыты! Поехали!

Лицо водителя расплывается в улыбке. Он взрывается хохотом и бьёт руками по рулю:

— Ха-ха-ха! Есть, шеф!!!

Свин ударяет по газам. Нас вдавливает в сиденья, и мы с рёвом врываемся на территорию седьмого круга. Да-да, это седьмой круг, и я это понимаю так же ясно, как то, что дважды

два - четыре. Почему? Потому что ворота. С замком. Перед колонной. Мне даже не надо смотреть на номер - я понимаю, что в начале там цифра 7.

Водитель врубает тяжёлый бандитский рэп и качает головой в такт. Настроение у него - прекрасное! Прям даже радостно за него. Очень быстро мы оказываемся в жилом квартале, гораздо более приличном, чем тот, что у кирпички. Ещё один признак того, что мы стали к центру ближе.

Снова оглядываюсь на шефа:

— Жека не при чём, - говорю ему. - Я его обманул, чтобы попасть на игру. Жека, прости меня.

Жека молчит в ответ, а Алмаз еле заметно качает головой:

— Тебе лучше выиграть, малой, - каменным голосом отвечает он.

— Я знаю.

Я никогда не был в казино. Но слышал рассказы, само собой. Оказавшись в районе, где есть казино, его очень легко найти, даже не спрашивая у местных: просто ищи самое красивое и шикарное здание. Оно обычно всё из стекла, с яркой разноцветной подсветкой, сверкает и переливается, как драгоценный камень.

Въехав в район, мы издалека видим блеск и мерцание, и едем прямо на него. Очень скоро мы оказываемся у цели: стеклянного цилиндра в несколько этажей, светящегося всеми цветами радуги, с огромным роскошным крыльцом со ступеньками, покрытыми красным ковром. Мы останавливаемся прямо перед крыльцом. На ступеньках по обе стороны от входа стоят два бритых амбала в чёрных пиджаках. Они изучающе смотрят на нас, один из них что-то говорит в рацию.

— Малой и Свин - со мной, Кучерявый - останься, - командует шеф, и мы втроём выходим из машины и поднимаемся по ступенькам, проходя мимо охранников-качков.

Двери перед нами открываются сами, но не сразу, а спустя какое-то время, которое, видимо, нужно чтобы решить, пускать нас или нет.

Заходим внутрь. Первые ощущения: блеск, чистота, полумрак, негромкая музыка и запах - приятный лёгкий аромат. Наверное, так пахнут цветы, которые я видел только в журналах и по телеку. С самой первой минуты я понимаю, что здесь своя, особая атмосфера. Это заставляет меня одновременно и расслабиться, и насторожиться.

— Запах больших денег... - говорю как бы про себя, и в то же время вслух.

Переглядываемся с Алмазом.

— Хех! - улыбается он, сверкнув металлическим зубом.

— О-хо-хо! - раздаётся у нас из-за спины голос Свина как только мы замечаем, что к нам идёт девушка в деловом костюме с вырезом, вся на косметике и с шикарной причёской. Запах её духов перебивает тот лёгкий аромат, к которому я уже почти начал привыкать.

— Здравствуйте, господа! Добро пожаловать в казино «Кристалл»! Вы просто поиграть или на турнир? - спрашивает она с таким лицом, как будто всю жизнь мечтала нас встретить.

— На турнир, - грохочет Алмаз прежде, чем мы со Свином успеваем вспомнить, как говорить.

— Отлично! - её лицо становится ещё счастливее, хотя куда уж больше. - Все втроём?

— Нет. Вот этот юноша, - отвечает командир.

— Как ваше имя, господин?

Господин! Ко мне никогда так не обращались!

— Марк, - выкрикиваю я громче, чем нужно.

— Да, есть такой! Замечательно! А меня зовут Таня, очень приятно с вами познакомиться! Как хорошо, что вы приехали! Осталось дождаться ещё пятерых человек - и мы сможем начинать! А вы сопровождающие, верно? - говорит она, глядя на моих компаньонов.

— Мы спонсоры, - очень серьёзным тоном отвечает Алмаз.

— О! Прошу прощения. Поняла вас. Господа! Прошу, проследуйте, пожалуйста, за мной!

Своей тоненькой ручкой с длинными красными ноготками она показывает нам куда-то через зал, и мы направляемся вслед за ней. Уровень вежливости просто зашкаливает! «Здравствуйте», «пожалуйста», «господа» - я таких слов в жизни ни от кого не слыхал за все свои 16 лет! Но я знаю, что это казино. Здесь нельзя расслабляться. Они так же вежливо разделают тебя на органы, если ты не дай бог им задолжаешь и не сможешь расплатиться.

Мы идём через игровой зал. Пол сплошь из красного бархата. Он заглушает звук наших шагов и цоканье каблуков нашей новой прелестной знакомой. К чёрту каблуки, надо смотреть по сторонам! Так, что у нас здесь? Несколько игровых столов с рулеткой. Людей не очень много, но они есть! Сидят, играют, рядом крупье в белой рубашке и тёмно-красной жилетке. Всё, как рассказывали! Игровые автоматы вижу. В основном одинокие, но несколько человек играет. А где же покер? А, вон покер! В правой стороне зала стол. За столом пятеро. Вокруг стола - человек семь-восемь и крупье. Поблизости ещё несколько столов, но они пусты. В целом, в зале не очень многолюдно. Понятно, зачем Рубэну турнир - привлечь побольше публики, чтоб приходили и играли.

Мы доходим до конца зала и останавливаемся перед лифтом. Лифтом! В жизни не ездил на лифтах! Таня нажимает на кнопку своим крохотным пальчиком. Ждём. Смотрим друг на друга. Девушка продолжает мило улыбаться:

— Как вам здесь, господа?

— Класс! - гудит Свин довольным басом.

Я киваю головой.

— Рада, что вам нравится! Всё для вас! - говорит она, обводя рукой зал.
• С участниками турнира опасно играть в покер, но вы можете попытать

счастья у рулетки или за автоматом!

— Мы подождём турнира, - спокойно отвечает Алмаз.

Раздаётся лёгкий звон, и двери лифта открываются. Мы заходим. Внутри - целая комната с мраморным полом и зеркалами вокруг. Даже на потолке зеркала! Играет приятная музыка… Обалдеть… Столько роскоши вокруг! Держись, Марк. Эта роскошь не должна вскружить тебе голову.

Едем наверх. На табло появляется цифра 2… 3… 4… 5. Снова приятный лёгкий звон. Двери открываются. Выходим в коридор, и девушка направляется влево по коридору, а мы идём за ней. Вдоль коридора - двери с номерами. 511… 510… 509. Ну понятно: 5-й этаж и порядковый номер двери. Что за этими дверями? Офисы? Вряд ли. Номера, как в борделе? Скорее всего.

Доходим до конца коридора. Подходим к двери, на которой написано «Офис 2». Таня открывает дверь и приглашает нас жестом:

— Проходите, пожалуйста!

Мы заходим. Перед нами - огромный письменный стол, за которым сидит гладко выбритый мужчина с опрятной стрижкой, в фиолетовом пиджаке. Мужчина смотрит на нас. Потом ещё более пристально смотрит - нет, не на меня - на того, кто рядом со мной. Его брови ползут вверх:

— Алмаз???

— Здравствуй, Владлен, - как ни в чём не бывало отвечает шеф.

— Вот так встреча! Хо-хо!!! Здравствуй! Как я рад!!!

Он встаёт из-за стола и идёт к нам навстречу, разведя руки:

— Вот это да! Мир-то как тесен! Здравствуй, командир!

Он протягивает руку Алмазу, чуть кланяясь, и картинно встряхивает её после рукопожатия:

— Ох, ты всё такая же глыба! Кажется, ты стал ещё сильнее с тех пор!

— Да брось… Ты тут хорошо устроился, я смотрю.

— Да неплохо, неплохо… Играть приехал, на турнир? Тебя вроде в списках не было, но мне сказали, что участник приехал…

— Это не я. Это вот, м**о**лодец, - шеф хлопает меня меня по спине так, что я чуть не падаю.

— Да ты что, серьёзно? - он смотрит на меня и расплывается в улыбке. - Эх… помню себя таким… Тоже играл… Господи, в какую задницу попал тогда! Думал: «Чёртов покер! Зачем

я в это влез???» Ха-ха-ха! Но выбрался, выбрался… Благодаря тебе! - показывает на Алмаза. - И вон как вышло-то, смотри! Не зря всё-таки играл, ха-ха-ха!

Он переводит взгляд на девушку, которая, мне кажется, уже устала улыбаться, но держится изо всех сил:

— Иди, Танюш, мы тут разберёмся.

Танюша уходит, закрыв за собой дверь, а Владлен показывает нам рукой на шикарные кожаные кресла и диван у низкого столика справа от большого стола:

— Прошу вас, господа, проходите, устраивайтесь!

Мы располагаемся на диване - я посередине между Алмазом и Свином. Владлен садится в кресло прямо напротив меня. Смотрит на нас троих, не переставая улыбаться.

— Чай, кофе?

— Мне кофе, - моментально отвечает Свин, пока начальник не успел ничего сказать.

— Мне ничего не надо, - говорю я, а Алмаз просто молчит.

— Может, покрепче чего, а? - подмигивает Владлен.

— Потом. Когда победу праздновать будем, - ухмыляется шеф.

— Вот это настрой! Вот это я понимаю! - Он набирает несколько цифр на мобильнике. - Фарида, один кофе для гостя во второй офис.

Владлен потирает руки:

— Итак… Этот замечательный юноша будет играть на турнире. Как его имя?

— Марк, - отвечает Алмаз.

— Да, есть такой. Хорошо. От участника турнира мне нужно следующее: стартовый взнос 500 фишек, паспорт и… тело, - непринуждённо произносит он, звонко смеясь. А у меня округляются глаза.

— Паспорт? - спрашиваю я рассеяно.

— Да, конечно. Ты ведь взял его с собой? - мужчина внимательно смотрит на меня.

— У меня… его нет… Мне не сказали, что он нужен…

Тишина. Теперь Алмаз меня точно убьёт. Твою мать…

Владлен смотрит на меня, потом на Алмаза… Вдруг дверь открывается и заходит девушка с кофе. Все оборачиваются на неё.

— Я не вовремя? - спрашивает она тихим голосочком.

— Нет-нет, заходи. Вот этому господину оставь кофе и быстренько уходи.

Он снова смотрит на нас, и тут его как будто бы осеняет:

— Ах, ну да! Вы же… Господи, вы ж в таких краях живёте! Там, наверное, у половины людей паспартов нету. Вот, скажи, командир: как всё-таки легко всё плохое забываешь, когда начинаешь жить по-человечески! Я ведь и сам в таких местах вырос! - он поднимает ладонь и торжественно объявляет. - Господа, не проблема! Сто фишек - и паспорт будет готов сегодня же!

Алмаз со Свином смотрят на меня.

— Сто фишек? - спрашиваю, - А дешевле нельзя? Бесплатно ж, по идее, должны давать…

Владлен взрывается своим звонким хохотом, а я сижу между двумя здоровенными бандитами и думаю, не раздавят ли они меня?

— Дружок, тебе сегодня нужно, правильно? - говорит мне Владлен таким тоном, будто общается со слабоумным.

— Правильно… - говорю.

— Ну вот. Поэтому сто фишек. Командир, поможешь юному игроку? - спрашивает хозяин офиса у Алмаза.

— С хрена ли? Паспорт мой что ли? У него свои деньги есть.

Владлен смотрит на меня.

— У меня… есть деньги, - говорю в ответ, хоть мне и с трудом даются эти слова. Я взял с собой деньги на всякий случай. У меня чуть больше ста фишек. Я заплачу за паспорт и останусь почти совсем без гроша.

— Ну и замечательно!

Он достаёт мобильный и звонит кому-то:

— Алло, Яша, здравствуй! Паспорт нужен. Сегодня. Сейчас. Сделаете? Отлично! Заберёшь? Всё, жду.

После этого короткого разговора он кладёт мобильник на стол и смотрит на нас:

— Тогда так: вы сейчас едете и быстренько делаете паспорт (к вам подъедут и проводят), а потом сразу возвращаетесь ко мне, и дальше… дальше я расскажу, что дальше, ха-ха-ха! Годится такой план?

— Годится, - буркает Алмаз. - Свин! Допивай свой грёбаный кофе!

— Есть, шеф, - говорит Свин и одним махом опрокидывает в себя горяченный кофе, крякнув и шарахнув чашкой по столу. - Погнали!

Мы выходим из кабинета и доходим до лифта. Нажимаем кнопку. Ждём. Я осторожно оборачиваюсь, чтобы посмотреть в лицо шефу.

— Тучи сгущаются над тобой, мой юный друг, - гудит он, глядя на меня с задумчиво-хладнокровным видом.

Но я смотрю на него тем же взглядом, что и во время нашей игры. Не произношу ни слова, но лицо командира меняется. Едва заметно, совсем неуловимо, но что-то происходит. Наш короткий зрительный бой прерывается звуком приехавшего лифта.

Когда мы выходим из казино, у ступенек рядом с нашими двумя чёрными джипами уже ждёт потрёпаный малиновый седан. Из него выходит парень в чёрной кожанке и тёмно-синих трениках - стандартный наряд бандита-подземельца - и с синюшно-фиолетовым пятном на пол-лица.

— К Якову на паспорт? - спрашивает он.

— Ага, - отвечает шеф. - Мы на своих колёсах, покажи дорогу.

— Лады.

Мы отправляемся следом за серым автомобилем. Едем совсем недолго, буквально один квартал. Заворачиваем во двор и паркуемся уже у совсем не такого шикарного здания. Обычная кирпичная многоэтажка с трещинами в стене. Дом из кирпича - роскошь в наших краях, а здесь их явно побольше.

Алмаз командует Свину пойти со мной, а сам остаётся с Жекой. Парень в кожанке ведёт нас в подъезд.

— У тя бабки-то с собой? - спрашивает Свин вполголоса.

Отвечаю, что да, и он удовлетворённо кивает.

Парень набирает код на домофоне. Входим внутрь. В подъезде довольно чисто, окурков почти нет. Вижу, что все двери на первом этаже - это не жилые квартиры, а какие-то конторы. Наша - справа.

Заходим. Внутри - стандартная канцелярская комнатушка со столами и пластиковыми стульями, полками из дешёвого побитого ДСП, заставленными папками со всякими бумажонками. А ещё несколько компьютеров, большой принтер и ещё пара каких-то других аппаратов. А в левом углу - будка с ширмой, видимо, для фотографирования.

За столом сидит другой парень в кожаной куртке, почти такой же худой, как и первый, но только ещё и бритый под ноль.

— Здорово, братишка! - говорит он тянучим голосом. - На паспорт?

— Да, - говорю.

— Бабки давай.

Забираюсь во внутренний карман и выгребаю оттуда фишки прямо ему на стол. Добиваюсь, чтобы на столе лежала сотня, а парень внимательно за этим следит.

— Синяк, забери, - командует он парню с пятном, и тот сгребает фишки со стола в коробочку.

— Имя? - спрашивает бритый.

— Марк.

Бритый записывает на бумажку.

— Фамилия?

Я молчу.

— Фамилия, братан, чё завис?

— Я… не знаю…

— Чё??? - говорит он, глядя на меня совершенно офигевшими глазами. - Не знаешь??? Ты… ты прикалываешься, что-ли?

— Не прикалываюсь, - говорю я, улыбаясь.

— Синяк, ты слыхал? - говорит бритый, хохоча. - Чувак фамилии своей не знает?

— Спроси, с какого района, - говорит тот откуда-то из-за полок.

— Ты откуда такой, братишка?

— С бумажки он, издалека, - гудит Свин из-за моей спины. - Бумажный цех, слыхали, нет?

— Если с далёкого района, то так может быть, - снова слышится голос Синяка.

— Охренеть… Ну и как я тебе паспорт сделаю без фамилии? Придумывай, давай!

— Вот так вот взять - и придумать? - говорю, посмеиваясь.

— Ну а фигли с тобой делать? У тебя кликуха есть? Или не: родные как называют, если не по имени?

— Малой…

— Ну вот так бы сразу, братан! Дата рождения? Или тоже не знаешь?

Дату рождения я знаю.

— Район… бумажка говоришь. А как там правильно, бумажный цех?

Я говорю название маминого предприятия.

— Макни большим пальцем сюда, - говорит бритый, протягивая мне чернильницу.

Макаю.

— Теперь сюда, - он протягивает лист бумаги и показывает на квадратик в верхней части листа.

Делаю.

— И подпись вот в этом квадрате.

— Тоже придумывать придётся.

— Ну придумывай! А как ты до этого документы подписывал?

— Никак.

— Жесть! Это туда дальше, за седьмую колонну, да, Синяк?

— Ага.

— Капец… А если оттуда потом ещё дальше поехать? Там ваще, наверное, в коробках живут, ха-ха-ха!

Я хоть и знаю, как там живут, но помалкиваю. И быстренько изобретаю себе подпись:

— Во, готово.

— Красавец! Иди фоткайся, а я пока заполню всё, что нужно, и в компьютер внесу.

Иду к кабинке для фотографирования. Синяк выходит из-за полок и идёт ко мне с широким плоским телефоном. Слышал о таких и даже видел пару раз. Смартфон называется. Дорогущая штука.

— Садись, спину прямо, зырь в камеру. Подбородок чуть выше. И рожу сделай повеселее. Не настолько повеселее. Во, нормас. Фоткаю… Смотри.

Он показывает мне экран смартфона. Там моё фото на белом фоне в куртке.

— Бля, ну и рожа у меня, - говорю.

— Перефоткать?

— Да не, пойдёт…

— Чё там, сфотались, алё? - спрашивает бритый.

— Ага, - говорит Синяк.

— Ну всё тогда, чуваки, можете здесь посидеть, можете туда пойти. Минут двадцать надо.

— Пойдём, покурим, Марк Малой, - подтрунивает Свин.

Мы выходим из подъезда. Закуриваем.

— Солидным человеком будешь, - посмеивается мой новый товарищ. - У меня у самого паспорта нет. Нахрен он нужен? Только ментам работать помогать.

— Если б не игра, я бы и не подумал делать, - говорю, затягиваясь и пуская дым. - Слушай, Свин: Владлен говорил, что ему нужен взнос, паспорт и *тело*. Насчёт тела ты понял, что он имел в виду?

— Не знаю, братуха. Может им надо какой анализ взять у тебя, чтоб точно знать, что вместо тебя не играет кто-нить другой? Ну, похожий.

— Это мысль. Но что это за анализ может быть?

— Да кто ж его знает-то? Ща приедем и увидим. Ты увидишь. Расскажешь потом, гы-гы!

— Ты никогда не хотел в казино работать в охране?

— В казино в охране? Эт хорошая работа, братан. Непыльная, ненапряжная, но только… скучновато. Таких перестрелок, как сегодня, не будет, наверное, а? - подталкивает он меня локтем.

— Так это ж хорошо, не?

— Может и хорошо… А кто меня туда возьмёт?… И кто меня отпустит, хе-хе? Не. Слишком многое нужно менять. Нахрен. Да и… своим я нужен. А эти перцы из казино, кто их знает: сегодня возьмут, а завтра выкинут. И чё тогда? Не, в жопу их. Со своими, проверенными пацанами жизнь веселее и проще.

Так мы и болтаем со Свином, а я время от времени поглядываю на Жеку, который сидит на переднем сиденье нашего джипа. Он тоже поглядывает на меня. Нда, нехорошо получилось, Жека… Но что делать - жизнь, она такая…

— Вам бы помириться с Кучерявым, - говорит Свин, словно читая мои мысли.

— Да, хотелось бы…

— Подставил ты его маленько, братуха. Но если выиграешь - шеф всё простит, я те отвечаю.

— Конечно выиграю, - говорю, - какие варианты?

Дверь подъезда, наконец, открывается, и Синяк зовёт нас внутрь:

— Готов ваш документ… господа.

Мы заходим в офис, и бритый отдаёт мне пластиковую ламинированную карточку:

— На, проверь, что всё правильно.

Рассматриваю карточку с обеих сторон и проверяю всё, что на ней написано. Это теперь мой паспорт. Надо же! Странно, вроде обычный кусок пластика, а я держу его в руках и чувствую себя чуть больше человеком, чем когда я был без неё. Магия!

— Всё правильно, - говорю.

— Расписывайся тогда, что получил. Вот здесь.

Я ставлю свою свежепридуманную подпись в маленькой клеточке в толстом разлинованном журнале. Его, возможно, сделали в мамином цехе.

— Всё. Удачной игры!

— Спасибо, пацаны.

Спускаемся по ступенькам и выходим из подъезда.

— Покаж! - говорит Свин, взяв у меня из рук карточку.

Он рассматривает её со всех сторон при свете висящего под козырьком подъезда фонаря.

— Ну, братуха… - корчит он уважительную гримасу, - как хочешь, но за такое надо проставиться!

Возвращаемся в казино. Идём к Владлену тем же составом. Танечка настойчиво провожает нас прямо до двери, хотя мы говорим, что уже знаем дорогу.

— Вы же не хотите, чтобы я осталась без работы? - говорит она, мило улыбаясь.

— Сестрёнка, мы найдём для тебя работу! - шутит Свин, но шеф осаживает его, и мой лысый товарищ оправдывается, что ничего такого не имел в виду.

Мы снова в уютном кабинете у Владлена, а он прям светится от счастья, что мы так быстро вернулись:

— Ай да Яков! Просто молния! - говорит Владлен, рассматривая мой паспорт. - Ну, прими мои поздравления, Марк Малой! - смотрит он на меня.

• Пункт с паспортом закрыт. Осталось два пункта. И первый из них - это

деньги. Пятьсот фишек, стартовый взнос. Прошу, господа, фишки на стол.

Он вежливо показывает рукой на журнальный столик, Алмаз делает Свину знак взглядом, и тот раскрывает кожаную барсетку и достаёт стопку белых фишек. Каждая из них - достоинством 50. Свин ставит стопку на стол. Владлен глядит на неё всего пару секунд, слегка прищурившись.

— Отлично, - говорит он, - Взнос принят! Сейчас я внесу информацию…

Владлен достаёт электронный планшет, и что-то в него записывает. Планшет

• ещё одна из множества вещей, которую я вижу впервые.

— Класс, второй пункт у нас тоже закрыт! Ну и наконец, Марк, мне нужен *ты*.

Мы все втроём смотрим, и не понимаем.

— Госопода, правила турнира таковы, - объясняет нам Владлен. - После того, как сделан взнос и участник полностью зарегистрирован, он не имеет права покидать территорию казино до окончания турнира. Кроме того, у него с собой не должно быть никаких запрещённых предметов: оружия, денег, алкоголя, наркотических и психотропных веществ, и так далее. Мы проверим, что их у тебя действительно нет.

— А когда начало турнира? - спрашиваю я в недоумении.

— Мы начинаем послезавтра.

— …И что, я здесь буду ночевать?

— Конечно, дорогой! Ты будешь проживать в комфортном номере, мы тебя будем кормить - всё это за счёт заведения. Ну всякие дополнительные развлечения - алкоголь, там, девочки… - это оплачивается отдельно, мы запишем на твой счёт.

— А мы? - тут же спрашивает Свин.

— А с вами наоборот, господа, - разводит руками Владлен. - Вы должны будете покинуть территорию казино, но мы вас ждём с огромным нетерпением послезавтра на турнир!

Он продолжает вполголоса:

— Если вам нужна помощь с поиском жилья…

— Справимся, - отрезает Алмаз.

— Чудненько! - восклицает наш знакомый. - Ну тогда… тогда наш герой остаётся здесь, а вам, господа - всего хорошего и до встречи на турнире!

— Хэ… - хмыкает Свин, - лихо. Ну ладно, малой, счастливо оставаться.

Свин хлопает меня по плечу. Они с Алмазом поднимаются с дивана и уходят. Я остаюсь наедине с Владленом.

— Ты точно не хочешь чаю или кофе? - спрашивает он.

— Кофе хочу, - говорю в ответ. Раз всё за счёт заведения - надо пользоваться! Тем более, что их кофе - не наш, это наверняка.

Владлен распоряжается по телефону, чтобы мне принесли кофе, и ещё зовёт в кабинет какого-то персонажа по имени Рудольф.

Фарида приносит мне кофе, а Рудольф приходит, чтобы меня обыскать. У меня изымают оставшиеся в кармане гроши, с удивлением смотрят на компас, а затем обнаруживают пакетик с перечной смесью. Я объясняю, что это просто на удачу, но мне говорят, что пакетик будет изъят, и что мне его вернут после турнира. Обслюнявливаю палец, макаю в смесь и кладу в рот. Запиваю кофе. Отдаю пакетик Рудольфу. Ну всё, теперь я готов к турниру.

Владлен даёт мне брошюрку с официальными правилами, по которым будем играть, и ключ-карточку от моего номера, 505. А ещё жетон фиолетового цвета.

— Это что за «фишка»? - спрашиваю.

— Это официальный жетон участника турнира. Вместо денег, - подмигивает Владлен.

— Им можно платить?

— По нему тебе всё дадут бесплатно. Ну, в пределах разумного, конечно!

— Нифига себе…

— Ну всё, Марк, можешь быть свободен теперь. Это твой дом на ближайшие пару дней. Можешь гулять, отсыпаться в номере, можешь понаблюдать за игрой в залах.

— А самому играть можно?

— У тебя нет денег, на которые можно играть. Жетон не в счёт, - разводит руками Владлен.

— А поесть?

— Ресторан на четвёртом этаже. Сходи к ним, они тебе скажут, когда завтрак, обед и ужин.

— Спасибо, - говорю неожиданно для себя и выхожу в коридор. Их вежливость заразна.

Да, надо, пожалуй, первым делом попробовать перекусить, а то я сильно проголодался. Дохожу до лифта и нажимаю на кнопку. И вдруг слышу голос из-за спины. Знакомый голос.

— Здравствуй, Марк!

Оглядываюсь. Так и есть.

— Здор**о**во, Серый.

Он одет примерно так же, как в тот раз, у Косолапого: белая рубашка с бабочкой, серая жилетка и серые брюки. На ногах - мягкие домашние тапочки. Видимо, он уже некоторое время здесь.

— Ты же говорил, что не будешь участвовать?

Пожимаю плечами:

— Пацан сказал - пацан сделал. А если не сделал - значит, передумал.

— Понятно, - улыбается мой соперник. - Рад, что ты будешь играть! С удовольствием оставлю тебя без денег.

— Посмотрим, кто кого оставит, - говорю в ответ, и в это время приезжает лифт.

В ресторане мне удаётся пообедать по жетону. Еда вкусная и сытная. Я взял макароны с грибным соусом и колбасной нарезкой, куриный суп с сухариками, компот и слоёную булочку с кремом внутри, на вид, как жирная гусеница, а на вкус - просто отвал башки! Сказали, она называется «круассан». Еле запомнил! Обязательно съем ещё одну такую за ужином, сейчас уже не смогу, желудок переполнен. Ох, давно я так от пуза не наедался! Ради одного этого стоило приехать сюда. Настораживает, конечно, такая щедрость: точно ли я не останусь за это должен? Казиношники свою выгоду никогда не упустят.

После сытного обеда и приключений в дороге меня клонит в сон. Отправляюсь в номер. Пытаюсь открыть дверь карточкой, засовывая её в щель между дверью и косяком в разных местах.

— Давай сюда, умник!

Полноватый молодой парень, внезапно появившийся из-за спины, выхватывает у меня карточку и прислоняет её к сенсору под ручкой. Что-то пиликает и щёлкает внутри. Парень дёргает за ручку и толкает дверь, она открывается безо всякого сопротивления.

— Спасибо, - говорю, глядя на парня с благодарной улыбкой и прижимая дверь ногой, чтобы она не закрылась обратно, - Стоп, погоди, дай сам попробую.

— Попробуй, - усмехается он

Дверь закрывается. Я снова прислоняю карточку. Щёлк! Открылась. Офигеть! Первый раз такой замок вижу. Замечаю вдруг, что у парня на жилетке приколот фиолетовый жетон, такой же, как у меня.

— Участвуешь в турнире?

— Ага.

— Я тоже, - говорю, доставая из кармана свой жетончик.

— Его приколоть можно, там шпилька есть. Сделай, как у меня.

— Куртка кожаная, её этой шпилькой фиг проткнёшь. Ладно, разберусь с этим. Как тебя зовут?

— Гарик.

Рассматриваю повнимательнее своего собеседника. Глаза карие, кучерявая чёрная юношеская растительность на лице, ещё не успевшая превратиться в полноценную бороду. Вальяжно жуёт жвачку. Одет «под рэп» - бело-красная дутая жилетка с круглым знаком, белый хлопчатый балахон с капюшоном, такие же белые спортивные приспущенные штаны размера на два больше хозяина, щегольские пухлые кроссовки золотистого цвета с широкими незавязанными шнурками. Лет ему, наверное, где-то как мне, но с деньгами у него всё намного, намного лучше.

— Марк, - говорю, протягивая ладонь.

Он жмёт мне руку своей толстенькой смуглой пятернёй со крупным перстнем:

— Буэм знакомы. Давно играешь?

— Года четыре.

Гарик делает уважительную мину:

— Скока раз на турнирах был?

— Первый раз, - говорю на голубом глазу.

— Ха! - посмеивается Гарик, вращая челюстью. - Смари, тут лютые ребята собрались. Один Серый чего стоит. И Тигранчик тоже подъехал. Сучок, я так надеялся, что он заболеет! Хрен терь выиграешь. Серый опять всех вынесет, но хоть третье место бы занять!

— Серый в прошлый раз участвовал и выиграл?

— Да, он лютый игрок, - отвечает Гарик, оглядывается по сторонам и продолжает чуть тише. - Но у него, у говнюка, ещё таблетосы смачные есть, такие, что тестами не спалить. Я в прошлый раз в толчке застукал, как он в глаза себе капал. Такие дела, братуха. У тебя-то таких круглых, пади, нет, гы-гы!

Закапывал в глаза. Это чтоб зрачок не расширялся после того, как таблетки подействовали. Чего я боялся, то и подтвердилось.

— Главное - мастерство, Гарик. Круглые не помогут, если играть не умеешь.

— Согласен. Но Серый-то умеет!

Это правда.

— Ага… А ты в прошлый раз выиграл, нет?

Гарик на мгновение замирает, а потом выдаёт:

— Нее, чувак! Ваще всё слил впустую! Я ж так, просто по приколу прихожу, знакомства там намутить, все дела…

Понимающе киваю головой и улыбаюсь. Знакомый трюк. Прикинуться дурачком, чтоб тебя недооценивали. Опытный. Гарик улыбается в ответ:

— Лан, братуха, пойду, рад был знакомству. Ещё увидимся!

— Давай.

Захожу в номер. Всё чисто, опрятно. Туалет в номере! И умывальник. Цивилизация, мать её! Кровать с матрасом! Кресло, телевизор! Кайф! Пожить бы тут не день, а месяцок! Устроиться бы сюда работать. Да кто ж меня возьмёт? Таких, как я - очередь отсюда до сортировки.

Воспользовавшись умывальником и туалетом, плюхаюсь в кровать прямо в одежде и мгновенно засыпаю.

Проснувшись, смотрю время на своём кнопочном телефоне. 7:19 вечера. Связи нет. Видимо, тут другая сеть. Похоже, что она на каждом круге своя. Вполне ожидаемо - стены между кругами не только бетонные, но и электронные. Ладно, семья в курсе, где я.

Беру с журнального столика буклет с правилами турнира. Листаю, изучаю. Малый блайнд начинается с десяти фишек и повышается на десять каждые 20 минут. То есть через час будет уже 40, а через два часа - 70 (а для большого блайнда - 140). Произносить ставку нужно чётко, вслух. Если игра ва-банк, то все должны раскрыться - вот это что-то новенькое, у нас так не играют. В остальном всё более-менее стандартно. Каждый играет на 500 фишек своего взноса. Проиграл всё - вылетел с турнира. Крупье пересаживают игроков между столами по своему усмотрению. То есть если, например, за моим столом через какое-то время останется трое, к нам могут подсадить ещё одного, а если мы продолжаем играть впятером, могут меня, например, пересадить за другой стол. Так количество игроков за каждым из столов будет оставаться примерно одинаковым. Потом оставшихся, самых сильных, посадят вместе за один стол, и будет финальное мочилово. Последние трое игроков, оставшихся за столом, занимают призовые места в порядке убывания стоимости имеющихся фишек. Плюс, игроки получают дополнительный денежный приз от казино: за первое место - 20000 фишек, за второе - 15000, за третье - 5000. Какие-то нереальные деньги! Можно уехать королём, а можно - с нулём. В этом весь покер.

Да, вот ещё: у каждого игрока в течение всей игры есть право на три пятиминутных перерыва. И не важно, сколько длится турнир - пять, шесть, семь часов. Так что надо перед игрой не забыть хорошенько покурить, ну и перерывы использовать с умом - закладываться на один перерыв в два часа. Наверное, так…

После некоторых усилий мне таки удаётся приделать жетон игрока к своей кожаной куртке. Ну что ж, надо выйти в люди, познакомиться и пообщаться ещё с кем-нибудь из игроков. Это полезно.

Выхожу из номера и первым делом иду в игровой зал. Там нахожу несколько участников турнира и выясняю, что всего нас набралось восемнадцать человек, и ждут ещё пятерых. То есть в турнире играет 11500 фишек. И здесь можно безо всякого риска для себя выиграть б**о**льшую часть этой суммы, и ещё получить 20 тысяч сверху от казино.

Мы стоим у одного из покерных столов. Играющие и немногочисленные зрители с уважением поглядывают на нас, видя наши фиолетовые значки. К нам присоединяется Гарик и рассказывает ещё одну вещь, о которой я не знал: казино принимает ставки на игроков. То есть зрители смогут поставить деньги на выигрыш кого-то из нас и выиграть сами. Или проиграть, отдав деньги казино. Как там Рубэн говорил? «Я больше заработаю»? Умеет. Ох, умеет!

Поглядев некоторое время на игру, я решаю отыскать Серого. Но сперва забегаю в ресторан, чтобы поужинать.

Серого нахожу в баре на том же этаже, в компании упитанного солидно одетого мужчины - чёрная жилетка, брюки и рубашка в полоску с блестящими заколками на манжетах (как же они называются, я однажды слышал… точно! *запонки*). Чёрные кучерявые волосы, маленькие ухоженные усики, круглые гладко выбритые и слегка обвисшие щёки, усталый, печальный, но умный и ясный взгляд опытного игрока, умеющего видеть людей насквозь. На жилетке красуется фиолетовый жетон.

— А, вот и наш юный друг, о котором я тебе рассказывал! - восклицает Серый, показывая на меня ладонью. - Марк, познакомься: это Тигран. Тигран, это Марк.

— Здравствуйте, молодой человек, - произносит Тигран сиплым голосом и протягивает мне руку.

Я здороваюсь с Тиграном, внимательно глядя ему в глаза и пожимая его мягкую холодную ладонь. Кидаю взгляд на его руку и замечаю часы и перстни, которые стоят наверняка дороже, чем мой дом. Снова поднимаю взгляд и вижу выражение лица человека, понимающего абсолютно всё:

— Кто ваш спонсор? - спрашивает он, и мне так странно и неловко, что он со мной на «вы».

— Алмаз.

— Ооо… - уважительно кивает он. - Большой человек. Если вы, Марк, смогли произвести впечатление на Сергея и на Алмаза, то мне будет страшновато оказаться с вами за одним столом. Но я заинтригован! Прям-таки не терпится уже начать турнир! А он ещё только завтра. Честное слово, я б сел играть прямо сейчас!

— Завтра? - спрашиваю, округлив глаза и глядя на Серого.

Серый кивает и говорит:

— Садись, Марк. Давай выпьем.

— Я угощаю, - говорит Тигран, важно подняв палец и как бы предугадывая моё возражение из-за отсутствия денег.

Правильно, Тигран. Пусть я сразу буду чувствовать себя в небольшом долгу перед тобой. Это пригодится в игре. Только ты недооцениваешь степень моей наглости и цинизма. Я ничего тебе не должен, сколько бы ты меня не угощал. Оставлю тебя без денег, даже не моргнув глазом. У тебя их много.

— Что изволите? - вежливо спрашивает меня бармен.

— Э-э-э… Доверяю вкусу господина Тиграна, раз он угощает, - выдаю я неожиданно сам для себя и к полному восторгу моих собутыльников.

— Пусть будет «Кровавая Мэри», Саид, - протягивает Тигран.

Саид моментально реагирует и тут же принимается за работу. «Кровавая Мэри». Это с намёком. Тиграну не терпится сесть за игру, но ведь она, по сути, уже началась.

— Турнир начнётся завтра? - спрашиваю снова.

— Да, Марк, - говорит Серый. - Просто не всем ещё успели сказать. Буквально полчаса назад подъехали ещё два человека, итого двадцать. Рубэн сказал, что нет смысла ждать ещё целый день ради троих человек. Если они подъедут - присоединятся в процессе игры.

— О, Тигранчик! - слышу я голос Гарика и оборачиваюсь. - А я так надеялся, что ты не приедешь!

Тигран обращает к нему свой усталый взгляд:

— Гарик, ну что ты, как маленький? Какая разница, кто оставит тебя без денег в этот раз? Пусть лучше это буду я. Ты хотя бы будешь знать, что твои пятьсот фишек в хороших руках.

— Хех! Ну-ну… Здоров, Серый! Чё пьёте?

В этот момент мне как раз выставляют мой бокал. Гарик смотрит на него с нескрываемым презрением:

— Маруся? Не, пацаны, эт не серьёзно. Бармен, сделай мне один «Метеорит». А лучше два.

— Правильно, Гарик, напейся как следует, - говорит Серый авторитетным голосом.

— Гарик, турнир завтра, - говорю.

— Завтра??? Да ладно! Откуда инфа?

— От Серого, он врать не будет.

— Серый-то? Конечно нет! Ты чё, братан? Вообще ни в жизни!

— А зачем ему врать?

— Вот это - правильно заданный вопрос, - произносит Тигран, снова в своей манере подняв палец.

— Блин, так надо всем сказать, чё мы сидим-то?

— Ты сперва выпей, - говорит Серый, - а потом скажешь.

— А зрители-то в курсе? - спрашиваю.

— Не переживай, - успокаивает меня Серый, - будут в курсе. Все придут, ни о ком не забудут. Казино очень хочет, чтобы они пришли.

Бармен выставляет Гарику его «Метеориты».

— Ну что ж, господа, - объявляет Тигран. - Выпьем за хорошую игру! Жизнь наша тяжела, и в ней не так много радостей. Покер - одна из них. Пусть это будет первоклассная игра!

— За игру, друзья!

— За игру, в натуре!

— За игру.

Просыпаюсь по будильнику в девять утра. Настроение - бодрое. Наши вчерашние посиделки были скромными, никто не рискнул вдрызг напиваться перед игрой. Быстро умываюсь, одеваюсь и иду завтракать. Коридоры пустые, вокруг тишина. Видать, я ранняя пташка.

На завтрак беру кофе, круассан (запомнил!), яичницу из двух яиц, бутерброд с ветчиной, блинчики с вареньем (на варенье у меня, вроде, аллергии нет). Надо как следует набить себе пузо, ведь я не знаю, смогу ли пообедать сегодня.

Спрашиваю у повара, что здесь можно днём съесть за три минуты. Мне отвечают, что я не один такой, и что варианты вроде бутербродов тут есть всегда. Ну и отлично!

Забегаю в номер, чищу зубы, и спускаюсь вниз в игровой зал. В зале движение: идёт подготовка к турниру. Покерные столы выносят в отдельную зону, её ограждают специальным заборчиком. На входе в зону устанавливают ещё один стол, не игровой, но зачем он нужен - пока не ясно. Всем процессом руководит Владлен. Он уже при параде, в фиолетовом пиджаке и ярком разноцветном галстуке. Заметив меня, он машет рукой.

Рядом с турнирной зоной ставят столики. Ближе к заборчику стоят мягкие удобные кресла, дальше от него - обычные стулья. Там, очевидно, будут сидеть зрители. У зрительской зоны ставят большие экраны и колонки. Будет съёмка. Будет комментатор. Всё посерьёзке.

Замечаю себя потирающим ладошки. Я как будто забыл, что после турнира могу остаться в катастрофических долгах. Все мои мысли сейчас только о том, что я участвую в настоящем покерном турнире! Я сяду за круглый стол. Мы будем впятером. Нас будут снимать. На нас

будут смотреть. Публика будет вскрикивать, когда кто-то из нас пойдёт ва-банк. Думаю об этом, и внутри всё прям кипит!

— Ну что, Марк, готов проиграть? - слышу голос Серого из-за спины и оборачиваюсь.

— …Привет, Серый. Да как-то неуверенно себя чувствую. Что-то подташнивает. Может, съел чего… Кажется, не мой день сегодня, - отвечаю, покачивая головой и глядя вниз.

— Ха-ха-ха! Молодец, парень! Ты не перестаёшь меня радовать! Я и сам что-то не очень сегодня! - говорит он, хлопая меня по плечу, и отправляется дальше.

— А ты закинься чем-нибудь! - кидаю ему вслед.

Он вдруг замирает, как вкопаный, и медленно оборачивается:

— Ты правила читал? - говорит он, снисходительно улыбаясь.

— Ну так, немножко…

— Видишь, столик там стоит? Нас проверять будут на входе. После каждого перерыва! Так что мой тебе совет парень: без этих глупостей.

Подмигнув, он удаляется восвояси. Хм, так вот, значит, зачем этот столик! За ним будут брать кровь и тестировать на вещества. Полезно, всё-таки, с Серым общаться!

А тем временем на часах уже десять. Народ потихоньку собирается. Включают приятную музыку. Мимо, зевая и почёсываясь, проходит один из игроков, с которыми познакомился вчера. В другом конце зала узнаю ещё двоих. И кажется, вижу первых гостей. Танечка встречает их своей лучезарной улыбкой. Недолго пообщавшись с ней, один из гостей отправляется прямиком к бару, который в этом зале тоже есть. Турнир начнётся через несколько часов, и он отлично знает, чем себя занять в это время.

А игровая зона уже почти готова.

— Раз, два. Раз, два, три, - слышу я голос Владлена в динамиках. - Чуть-чуть погромче. Раз, два… вот, отлично.

И вдруг во входных дверях я вижу двух здоровяков, один из них в чёрном пиджаке и лысый. Мои!

Не успевает Танечка взять их в оборот, как я уже здесь:

— Здорово, мужики!

Алмаз разворачивает ко мне свою мощную физиономию, как башню танка:

— Здорово, игрок! Готов к турниру?

В этот момент в динамиках раздаётся голос Владлена:

— Внимание всех игроков и уважаемых гостей: турнир начнётся ровно в два часа дня. Повторяю: турнир начнётся ровно в два часа дня. До начала турнира уважаемые гости могут провести время в баре, ресторане, или за игровыми автоматами.

— Я ж говорил, мы рано припрёмся, шеф, - бубнит Свин.

— Молчать, - отрезает шеф и смотрит по сторонам словно в поисках кого-то.

— А где остальные головорезы? - спрашиваю.

— Я им запретил здесь быть, - говорит Алмаз, не глядя на меня. - Ну нахрен, ещё подсядут на это дело.

— А Жека?

И тут Алмаз как-будто бы находит глазами того, кого искал.

— Я вас покину, господа, - бормочет он, как бы посмеиваясь над местными манерами, и уходит от нас навстречу тому мужику за барной стойкой, который пришёл чуть раньше.

Свин наклоняется ко мне:

— Жека на улице, курит. Иди хоть, поздоровайся.

— Мне нельзя выходить из казино, - улыбаюсь, разводя руками.

— Бля, точно! Забыл совсем! - махает он рукой. - Слышь, малой, где тут похавать можно?

— На четвёртом этаже.

— Принял. Ладно, давай, увидимся ещё. Бодрись! - хлопает он меня по плечу так, что я сотрясаюсь.

Подхожу к входным дверям и смотрю сквозь стекло. Кучерявый и правда стоит и курит, подняв подбородок. Он замечает меня. Я машу ему рукой и подмигиваю. Он выпускает струйку дыма и показывает средний палец, но продолжает внимательно смотреть мне в глаза. Секунд двадцать длится немая сцена. Жека вдруг резко отворачивается - кто-то подходит ко мне.

— Выйти бы сейчас на улицу да покурить, а, братуха? - хохочет Гарик показывая сквозь стекло.

— Не говори! Всегда хочется того, что нельзя. Как настрой?

— Ваще дерьмо! Не в форме сегодня. Чувствую, соль**ю** под ноль, чувак.

Стандартная песня. Даже не смешно.

— У меня ещё хуже. Чёт мутит и голова раскалывается.

— Ага, а у меня геморрой и месячные.

Тут уже трудно не расхохотаться!

— Кстати, про геморрой: пойду-ка я покурю и подумаю об игре.

— Подумаешь об игре? Ха-ха! Это так теперь называется? - подтрунивает Гарик.

— Ты со мной?

— Не, чувак, я только что оттуда.

— Ладно, буду в одиночестве. Тут, надеюсь, нельзя курить в туалетах?

— Не, нельзя.

— Отлично.

С этими словами я направляюсь прямиком в сортир. Захожу в кабинку, сажусь и закуриваю. Да, приятно делать то, что запрещено. Итак, что имеем? Двадцать человек, четыре стола, по пять за каждым. Может придут ещё двое-трое, но это не точно. Десять тысяч фишек на кону. Десять фишек малый блайнд в самом начале игры. Пока это так, нужно скромно ставить, часто сливаться и присматриваться ко всем игрокам. Иногда нужно резко повышать ставку несмотря на карту, чтобы это не смогли легко прочитать, когда у меня сильная рука. Если за столом со мной будет Серый или Тигран, нужно дожидаться сильной руки и раскручивать их во что бы то ни стало. Если…

Кто-то заходит в соседнюю кабинку и грузно, кряхтя, садится. Слышу характерный звук. Заглядываю под перегородку. Хм, знакомые кроссовки!

— Здравствуй, Тигран.

— Экхе-экхе! Это ты тут накурил?

— С чего ты взял?

— Больше некому.

— Всего одну сигаретку.

— Хоть бы что-то нормальное…

— Ну извини, чем богаты. У нас на районе с этим хуже, чем здесь. А ты отсюда?

— Я - из разных мест.

— Давно играешь?

— Лет пятнадцать.

— Я тоже где-то столько. А Серый?

— Лучше тебе не знать…

Молчим. Тушу сигарету о край унитаза, чтобы не напрягать собеседника.

— Тигран… Я знаю кое-что… Про Серого… И про тебя… Про вас с Серым.

Я блефую немножечко. Про Тиграна я не знаю ровным счётом ничего. Но вдруг он тоже принимает таблетки, как Серый? Они явно с ним в близком контакте. Почему бы не попытать удачу?

Из соседней кабинки тишина.

— Чё молчишь, Тигран? Я никому не скажу, не переживай. Вы, главное, ведите себя разумно, не пускайтесь во все тяжкие, лады?

— Интересно, и откуда же? - говорит Тигран стальным голосом.

Есть!

— Ну-ну-ну! Так я тебе и раскрыл свои источники. Тигран, да ты не стремайся! Я ж не для того, чтобы насолить. Просто мы все знаем правила. Давай им следовать, вот и всё.

— Угу… - отвечает Тигран, и вдруг вскакивает и быстро натягивает брюки.
• Только смотри, как бы правила не обернулись против тебя!

Он выходит, хлопнув дверью в кабинку и оставив меня одного. Расстроился. Ну вот, не дал посрать человеку! Что ж ты за дрянь такая, Марк? Но может теперь они подумают, прежде чем принимать стимуляторы. Хотя… вряд ли их что-то остановит.

Раскуриваю обратно потушенную сигарету. «Правила могут обернуться против меня»… Что он имел в виду, интересно? Типа, если я сообщу, что они под допингом, то исключить могут меня? Что ж, вполне возможно. Не удивлюсь. И ничего такого я сообщать, конечно же, не буду. Но пусть они знают, что я знаю. Это психологическая игра. Как и всё в покере.

Выхожу довольный, гуляю по залу. Время тянется. Наступает одиннадцать часов. Потом двенадцать. Народ подтягивается, зал заполняется людьми. С удивлением обнаруживаю, что пользуюсь популярностью: гости, видя мой фиолетовый жетон, зовут меня, подходят и фотографируются. Слышу много добрых слов. «Удачи, братан!». «Ни пуха!». «Порви их всех!». «Нам нужна только победа!». И даже: «Я поставлю на тебя.» Приятно всё это, конечно. Но нельзя терять голову! Я первый раз на настоящем турнире. Могу вылететь, как пробка, в первый же час. Так что надо собраться.

Минуты тянутся медленно. Общаюсь мало, настраиваюсь на игру. Брожу по залу, разминаюсь - сидеть предстоит долго. Осматриваю игровую зону, гуляя рядом с заборчиком. Вижу, что за столиком рядом с рамкой уже разложено всё оборудование и сидит девушка в белом халате, уставившись в свой телефон - допинг-контроль на месте. Останавливаюсь. Гляжу на игровые столы. Рядом встаёт другой игрок - молодой парень примерно моей комплекции. Тоже смотрит на столы, кусает ноготь. Заметив меня, тут же перестаёт и уходит.

Настаёт час дня. Раздаётся голос Владлена:

— Уважаемые игроки! Игровая зона открыта. Вы можете проходить и садиться за столы, если пожелаете. Однако, выход из игровой зоны будет считаться за перерыв, так что можно и не торопиться.

Рядом с игровой зоной находится гостевая, и там люди уже расселись, выпивают и едят. Замечаю Алмаза, сидящего за одним столом с тем самым мужиком из бара. Справа сидит полудремлющий Жека. А Свина не видать.

Половина второго, но кажется, все уже задолбались ждать. Один из игроков прошёл в игровую зону. Больше желающих пока нет. Иду в зону, где принимают ставки. Желающих поставить деньги немало. Интересно, на кого ставят больше всех? Спрашиваю об этом девушку за стойкой, но она, улыбаясь, качает головой - до начала игры эта информация не раскрывается. Ну да, логично…

Без пятнадцати два. Голос Владлена из колонок уже настойчиво предлагает игрокам заходить в зону, чтобы не задерживать начало турнира. Да, пожалуй, пора.

Подхожу к рамке и прохожу через неё. Меня обыскивают, а затем просят сесть за белый столик, закатать рукав и положить на стол руку. Подчиняюсь. Медсестра натягивает мне жгут, тыкает мне в вену миниатюрным пистолетиком. Затем налепляет на дырку круглый пластырь и вставляет пистолет в какой-то хитроумный прибор. Смотрит на экран. Проходит десять секунд, пятнадцать…

— Всё в порядке, - говорит она.

Ко мне подходит крупье, отводит за стол и выбирает мне место. Сажусь. Передо мной выставляют стопки из фишек. Пять белых пятидесяток. Шесть зелёных двадцатьпяток. Десять оранжевых десяток. Всё, я в игре!

Вокруг тёмный зал. Смотрю налево на рамку. Там уже собралась небольшая очередь. Серый проходит допинг-контроль. Чист, как стёклышко. Крупье ведёт его. Сажает за соседний стол. Ну что ж, это неплохо. Он оборачивается на меня и подмигивает. Улыбаюсь в ответ.

За мой стол сажают Гарика, через одно кресло.

— О, здорово, чувак, давно не виделись! - задорно кидает он мне.

Он разминает пальцы и поправляет кепку, пока ему выдают фишки.

За соседнее кресло слева от меня садится крепкий лысый небритый мужик в тёмно-синей жилетке и белой рубашке. Воздух наполняется запахом его ковбойского одеколона. Он молчит, смотрит перед собой, положив ручищи на стол, ни с кем не разговаривает. Суровый мужчина.

За моей спиной находится ещё один стол, и за него сажают Тиграна. Я не оглядываюсь, но словно чувствую затылком его взгляд. Вижу, как Гарик ему подмигивает.

Слева от Гарика сажают того худощавого молодого парня, который кусал ноготь. Он пытается держать покер-фейс, но явно нервничает. Может, конечно, это актёрская игра, но уж больно хорошая. Скорее всего просто неопытный. Но как же он тогда попал сюда? Впрочем, за стол люди приходят разными путями. Очень разными.

Справа от меня садится неприметный мужчина средних лет в клетчатой рубашке. Вот его стоит опасаться больше всех! От таких серенькых невзрачных игроков больше всего подлянок. Они этим и берут - их вечно недооценивают.

Оглядываюсь по сторонам. Почти все уже расселись. Ни одной девчонки - одни мужики. Почему-то покер в наших краях - сугубо мужское развлечение.

Все игроки, наконец, рассаживаются. Раздаётся громкая музыка, на небольшой сцене справа от игровой зоны включается свет, мы все поворачиваемся. Под звук аплодисментов выходит сияющий Владлен с микрофоном в руке:

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогие друзья! Добрый вечер!... Э-э-э... Вечер? - слышится смех, а Владлен с поддельным недоумением смотрит на часы, а потом машет рукой. - Господа, в казино всегда вечер! В казино время замирает и остаётся только Игра!

Он разводит руки, играет музыка, и все неистово аплодируют и свистят.

— Итак, дамы и господа! Сегодняшний турнир обещает быть таким, что вы и правда забудете про время. Просто посмотрите на участников! Здесь собрались очень опытные игроки, но есть и восходящие звёзды, которые могут нам преподнести много сюрпризов! Прошу вас обратить внимание на экраны. Вы видите состав участников и их рассадку по столам, а также их игровой счёт.

Вижу, как гости подняли глаза на телеэкраны. Игровой счёт - это бабки. Фишки, которые лежат перед каждым из нас. У каждого по пятьсот. Моя задача - оставить всех с нулём.

Прямо посередине между нашими столами тоже стоит столбик с небольшими экранами, где всё это показывают. Он у меня за правым плечом. Я поглядываю на него и вижу там знакомые имена. Точнее, прозвища. У меня прозвища нет, я числюсь как «Марк Малой».

— Через несколько минут мы начнём нашу игру. Вы будете наблюдать вживую и на экранах за ходом игры, а наш очаровательный комментатор Матильда будет вам подробно объяснять всё, что происходит. Но я тоже сперва покомментирую немножко, пока она не взялась за дело. Итак: каждый игрок принёс в игру 500 фишек, это их игровой счёт. Сейчас за столами сидит двадцать человек. Должно остаться трое. Все остальные уйдут из-за столов без денег - увы, такова игра. Из оставшихся троих тот, у кого больше всех фишек, занимает первое место и получает выигранные деньги плюс двадцать пять тысяч фишек от казино!

Зал взрывается аплодисментами.

— Следующий по величине выигрыша участник занимает второе место и получает выигранные деньги плюс пятнадцать тысяч фишек от казино!

Снова аплодисменты, но уже не такие громкие.

— Ну и счастливчик, занявший третье место, получает свой выигрыш и пять тысяч фишек от казино сверху!

Раздаются жиденькие хлопки.

— Ну что вы, господа! - восклицает Владлен. - Пять тысяч фишек - это ведь тоже деньги!

В зале смеются, а я думаю, что пять тысяч фишек для меня - это безбедная жизнь несколько лет.

В колонках раздаётся гром барабанов. Владлен поднимает палец:

— Дами и господа… Наш турнир… Начинается!!!

Раздаётся гонг и сдержанный деловой голос Матильды:

— Добрый вечер.

Толпа гудит, а к нашему столу подходит крупье и кладёт жетон дилера рядом с Гариком. Тот довольно усмехается.

— Начинаем игру, - объявляет Матильда. - Минимальная ставка по малому блайнду - десять фишек. Игроки делают первую ставку.

Крупье молниеносно раздаёт нам карты. Молодой парень, следующий по часовой от Гарика - малый блайнд, и он ставит десять фишек. Неприметный мужчина справа от меня ставит двадцать. Я тоже ставлю двадцать, заглянув в свои карты - там ничего особенного. Мужик слева и Гарик ставят по двадцать. Молодой поднимает свою ставку до двадцати.

— Господа, прошу смотреть аккуратно, здесь ходит оператор, ваши карты могут случайно попасть на камеру, - предупреждает нас крупье.

Яснее некуда. Крупье выкладывает первые три карты на стол.

— Флоп, господа. Малый блайнд делает ставку.

Здесь другие правила. У нас на районе обычно первым ставку делает следующий за большим блайндом.

— Оставляю, как есть, - слабым голосом говорит молодой.

— Оставляю, - отрывисто произносит мужчина в рубашке.

— Оставляю, - говорю я.

Все осторожничают. Но мужик слева забирает со стола свои две оранжевых десятки и шарахает взамен белую фишку:

— Пятьдесят.

— Пас, - равнодушно отвечает Гарик.

Молодой поджимает губы:

— П-пас.

— Пас, - совершенно без эмоций произносит мой сосед справа.

Моя очередь. Но тут и думать нечего:

— Пас.

Восемьдесят фишек отправляется в карман нашего агрессивного соседа. Он окидывает нас своим хищным и надменным взглядом. Посмотрим на тебя, дружище. Молодой, кажется,

немного расстроился, а Гарик с Клетчатым - даже не моргнули. Картина начинает вырисовываться. Неплохо.

— За первым столом уже сыграна первая партия, - объявляет Матильда. - 580 фишек на счету у Револьвера.

Кто-то радостно орёт из зрительного зала. Револьвер… Это, кажется, пистолет какой-то. Кликуху явно сам себе выбирал. У нас и слов-то таких не знают.

Жетон дилера переходит к молодому. Сосед справа - малый блайнд - ставит десять фишек. Я ставлю двадцать, вариантов нет. Револьвер ставит двадцать, и все остальные тоже ставят по двадцать. Открываю карты - дама пик и двойка пик. Дама - это хорошо, конечно, но уж больно они с двойкой далеко друг от друга. Зато одной масти. Интересненько.

Сосед справа поднимает до тридцати. Я поддерживаю. А Револьвер шарахает шестьдесят. Гарик слегка косится на него глазами:

— Пас, бля.

Молодой тоже пасует. Сосед справа пасует чуть помедлив. Тяжело вздыхаю, берусь руками за лицо:

— Пас.

Смотрю едва заметно на довольную рожу Револьвера, который забирает себе сто фишек со стола.

— За первым столом снова побеждает Револьвер, - объявляет Матильда. - 680 фишек на счету у игрока.

Снова раздаётся рёв из зала. Гарик закатывает глаза. А жетон дилера переходит к моему соседу справа. Я малый блайнд. Ставлю десять фишек. Револьвер пренебрежительно кидает двадцать фишек на стол, крупье делает ему замечание. Все ставят двадцать фишек по кругу. Префлоп. Смотрю карты. Четвёрка бубей и пятёрка червей. Оставляю ставку. Револьвер ставит 80. Гарик и молодой пас. Мужчина в клетчатой рубашке поднимает до 80-ти. Отлично! Я пас.

Матильда объявляет что-то но я не слышу - я весь в игре.

Флоп. Крупье выкладывает три карты на стол. Слово за Револьвером. Он ещё разок смотрит в свои карты и удваивает ставку - 160. Дружок, ты бы хоть иногда скромничал. Ведь с тобой теперь вообще всё понятно. Неприметный сосед справа поднимает до 160-ти.

— Так-так-так, что-то интересное происходит у нас за столом номер 1, - слышен голос Владлена. - Револьвер с Дмитричем один на один. Наконец-то дерзкому Револьверу бросили вызов!

Тёрн. На стол выкладывается ещё одна карта. Револьвер поднимает ставку до 220-ти. Дмитричу уже некуда деваться. Он принимает. Мы с Гариком переглядываемся, а молодой смотрит на всё это, абсолютно офигев. Изредка покидываю на Револьвера восхищённые взгляды. Ну как восхищённые… это актёрская игра, разумеется.

Ривер. Последняя, пятая карта выкладывается на стол. Револьвер сохраняет ставку. Вот те раз! А что ж ты дальше не давишь? Или просто видишь, что Дмитрич не прогнётся? Но Дмитрич тоже сохраняет ставку. Время вскрываться. Сейчас самое интересное! Револьвер вскрывается. Две десятки, две тройки. Это совсем неплохо. Но всё же не тянет на 220 в начале игры. Дмитрич не раскрывается - у него слабее.

— 280 фишек отправляется на счёт Револьвера! - объявляет Матильда.

— Просто фантастика! Ох, нелегко придётся игрокам за первым столом! - восхищается Владлен.

Поглядываю на Дмитрича. Ему хоть бы что. Вот с ним - страшно играть. А с Револьвером - наоборот, одно удовольствие! Он выглядит так, как будто уже занял первое место. Смотрит надменно и свысока, ставки делает небрежно. Знакомо, ох знакомо! Сново переглядываемся с Гариком. Он усмехается и делает языком за щёку. Ему, кажется, тоже всё понятно, и на следующем круге он готовит нашему бойкому соседу сюрприз.

Жетон дилера переходит ко мне. Раздаются карты. Смотрю в свои: туз бубей и валет бубей. Вполне можно играть.

Револьвер - малый блайнд. Он ставит 10. Гарик ставит 20. Молодой тоже двадцать.

— Господа, минимальная ставка для малого блайнда - 20 фишек, - объявляет Матильда.

Двадцать минут прошло, но мы успели в этот раз! Дмитрич ставит 20. Я ставлю 50. Револьвер смотрит на меня так, как будто я дал ему пощёчину. «Что это за борзая малолетка тут?» - как-бы пытается сказать он. И поднимает ставку до сотни. Гарик сливается - видать карта не очень, а дуэль в этот раз явно моя. Молодой пас. Дмитрич - пас. Мы остаёмся один на один. Я поднимаю до 100.

Флоп. Крупье выкладывает на стол три карты. Среди них - пиковый туз. Мой соперник удваивает ставку - перед ним 200 фишек. Я делаю 250. Он делает
300. Владлен что-то восклицает про первый стол, но я не слышу. Очень

хорошо! Поднимаю до трёхсот.

Тёрн. Червёртая карта на столе: двойка бубей. А среди первых трёх карт есть бубновая девятка. Очень вероятен флэш. Но в крайнем случае пара тузов, что тоже весомо. Ну что, друг, тебе бы удвоить ставку, чтобы я слился.

Противник ставит 350. Ой-ой-ой, что случилось? У тебя карта не очень? Ставлю 400. Почти ва-банк. Револьвер весь потный. Ну не согласиться же тебе на 400, надо поднять хоть немножко! Но только у меня всего 430, много тут не поднимешь. Рановато я, конечно, в такие ставки играю, но тут уж больно верное дело, нужно не теряться!

Револьвер ставит 430. Чтобы обчистить меня до нуля. Предсказуемо. Ва-банк, получается. Докидываю три оставшиеся оранжевые фишки.

Ривер. Последняя карта. Девятка крестей. Флэш не состоялся. Две пары, и одна из них - с тузами. Ну давай, ковбой, открывай свои карты.

Револьвер сидит и не двигается. Крупье напоминает ему, что он обязан вскрыться, но нам и так уже всё понятно. Он швыряет на стол тройку и пятёрку пик, встаёт из-за стола и злобно рявкает:

— Я на перерыв!

А мне достаётся 490 фишек и одобрительный взгляд Гарика. Матильда объявляет победителя раунда, а Владлен в полном восторге и что-то всем рассказывает про восходящие звёзды пока я загребаю свои фишки. 920 очков на моём счету.

Рановато ты, Револьвер, ушёл на перерыв. Ты бы сейчас был дилером. Это ведь самая выгодная позиция, а ты её просрал. Ох, чувак, тяжело тебе придётся…

Жетон дилера переходит к Гарику. Он облегчённо вздыхает и закатывает глаза - «наконец-то поиграем!». Малые блайнды теперь по 20, большие - по
40. Мы разыгрываем партию, и в ней внезапно выигрывает Дмитрич. Пока мы

с Гариком рубимся и поднимаем ставки, он просто скромно поддерживает их, а потом вскрывается, и мы офигеваем, с какой хорошей картой он сидел. С каждой партией всё больше убеждаюсь, что самый опасный игрок за этим столом - это Дмитрич. А я, тем временем, теряю 100 фишек.

За стол возвращается Револьвер. Он пободрел, потирает руки и готовится снова нас всех рвать. Молодой - дилер. Мы с Дмитричем ставим по минималке, а наш вернувшийся ковбой фигачит 80. Гарик пас, Молодой тоже. Но мы с Дмитричем вовсе не пас и продолжаем игру. Впрочем, Дмитрич сливается на следующем круге - видно, карта не пошла. У меня тоже карта не ахти, но за это время я уже, кажется, научился различать, когда у Револьвера сильная рука, а когда он тупо блефует, поэтому мы с ним доходим до двухсот пятидесяти, и, когда вскрываемся, моя карта оказывается сильнее, чем у него. Передо мной собирается 1150 фишек. И в этот момент что-то ломается внутри у Револьвера. Он сидит с потухшим взглядом. Ему уже всё равно. Он понял, что блефовать больше не получится, а по-другому он играть не умеет. Он, по сути, уже проиграл. Я такое видел не раз. В такой момент надо уходить из-за стола, но многие часто остаются, надеясь всё-таки словить удачу и отыграться. Вовремя уйти - это приходит с опытом. Но здесь турнир, здесь уйти можно только с нулём. Прощай, крутой Револьвер. Ты труп. Остальные игроки заклюют тебя, как стервятники, и растащат твои фишки, отнимая их друг у друга.

Новая партия. Дмитрич дилер. С удивлением обнаруживаю, что малый блайнд теперь 30. Объявление прослушал, а время летит незаметно. Я ставлю 30, Револьвер - 60, Гарик с Молодым поддерживают, Дмитрич поднимает до 150-ти. Я предусмотрительно пасую, а остальным никуда не деться. Револьвер не поднимает ставку выше в своей обычной манере, а вяло и обречённо соглашается на групповое изнасилование. На следующем круге Револьвер оставляет ставку без изменений, Гарик аккуратно поднимает до 180-ти, Молодой соглашается, а Дмитрич внезапно задирает до трёхсот. Все немного в шоке, но это то, чего я от него ожидал. По Дмитричу совершенно непонятно, блефует он или действительно сидит с хорошей картой. Если сейчас согласиться и поставить 300, то можно потерять слишком много - вдруг у него и правда сильная рука. В то же время слить 150 или

даже 180 (как у Гарика) - вроде не так страшно. На это Дмитрич и рассчитывает. Это очень сильный ход! Все смотрят на Револьвера. Он сидит, стиснув челюсти. Губы подрагивают, на лице проступает гнев. Он ударяет кулаком по столу и рявкает:

— Ва-банк!

Гарик грустно вздыхает и сливается. Грустит он не потому, что потерял 180, а потому, что не успел поиметь Револьвера. Молодой сливается вслед за Гариком. У Дмитрича с Револьвером дуэль. Оставшиеся карты выкладываются на стол. Дмитрич вскрывается. Три девятки. Ох, хорошо! Револьвер тоже обязан вскрыться, поскольку ва-банк. Он швыряет свои две карты на стол (там полное дерьмо), вскакивает, громко ругается матом и под пристальным присмотром охранников покидает игровую зону. А Дмитрич забирает себе 670 фишек. Мы остаёмся вчетвером. Я дилер.

Следующую партию все играют как-то очень осторожно, и добавляют понемножку. Ставки доходят до 190, все присматриваются друг к другу. Доходим все вчетвером до финала и вскрываемся. У Гарика с Дмитричем по две пары, но пары Гарика сильнее, и он забирает себе 570 фишек. Становится понятно, что следующий на выход - это Молодой. За всё это время он ни разу не выиграл, а просто постепенно сливал свой банк. После этой партии перед ним лежат скромные 40 фишек, и следующую партию он, видимо, играет ва-банк. Только чудо может ему помочь. Но даже если оно случится (в покере всякое бывает), он всё равно всё сольёт очень скоро. С такой игрой иначе и быть не может.

А на часах уже 15:01.

— Господа, малый блайнд - 40 фишек, - напоминает нам крупье.

Быстро оглядываюсь по сторонам. Столы за моей спиной всё ещё в полном составе, а из-за стола справа медленно поднимается один из игроков и уныло плетётся к выходу. Их остаётся трое. Серый ловит мой взгляд и сверкает глазами. Быстро он справляется! Ну что ж, надо догонять!

Гарик дилер. 40 фишек малый блайнд. Молодой играет ва-банк. А это значит, что его сейчас не взять на блеф - надо выиграть по картам. Дмитрич ставит 80. Я смотрю в свои карты и сливаюсь. Гарик ставит, как Дмитрич. На флопе Дмитрич оставляет ставку без изменений, а Гарик аккуратно поднимает до сотни. Но всем всё сразу понятно. Всем, кроме, может быть, Молодого. Дмитрич пасует. Казалось бы: почему не сыграть? Но Дмитрич опытный, и уже изучил Гарика. Он видит, что у Гарика хорошая карта, и не даёт себя выманить. Тем более, ему достался дешёвый большой блайнд. Дальнейшие торги бессмысленны, и крупье выкладывает сразу тёрн и ривер. На столе хорошая карта, есть дама, есть король. Гарик первым выкладывает на стол свои две дамы. Молодой улыбается змеиной улыбкой, и вскрывает своего короля и десятку. Прощай, дружище. Нас осталось трое.

Молодой уныло встаёт из-за стола и плетётся к выходу под деловой голос Матильды и остроумные комментарии Владлена. Дмитричу переходит жетон дилера. Я снова огляды-

ваюсь по сторонам и замечаю, что за стол к Серому пересел игрок с соседнего стола, и за ними теперь по 4 человека. Наверное, то же самое будет и с нами.

Мы играем втроём, и в этой партии Дмитричу удаётся раскрутить нас с Гариком на 200 фишек и разнести в щепки своим пиковым флешем. И как раз в момент, когда Дмитрич загребает себе 400 фишек, за наш стол садится Тигран.

Он грузно опускается в кресло напротив меня, между Гариком и Дмитричем, и обводит нас внимательным и усталым взглядом. Крупье приносит ему фишки, и у него их больше, чем у Дмитрича. Дмитрич имеет на счету 1170 фишек, а у Тиграна…

Он замечает, что я пересчитываю его фишки, и спокойно объявляет:

— Тысяча двести десять.

Получается, он аккуратненько обчистил всех игроков за соседним столом, и его решили пересадить за наш, более сильный стол. Да, Тигран, ты и правда хорош! А у меня, тем временем, 700 фишек - меньше всех за столом. Надо собраться.

Жетон дилера переходит ко мне. 15:15, а я уже порядком подустал. Через пять минут малый блайнд будет уже 50. Ставки растут. Надо сходить на перерыв. Но не сейчас. Отыграю дилером - и пойду.

Гарик ставит 40, а Тигран - 80. Тут без вариантов. Дмитрич заглядывает в свои карты и ставит 180. Как всегда, он непроницаем. Фиг поймёшь, хорошая карта или просто блеф. Ну а что у меня? Смотрю в свои карты: джокер и шестёрка. Поднимаю обречённые глаза на Дмитрича. Тут важно не переиграть.

— Колл, - говорю.

Крупье заботливо передвигает мои 180 фишек на кон. Гарик смотрит сначала на меня, затем на Дмитрича, а затем сливается. Тигран лениво двигает дополнительные фишки на стол, поднимая ставку ещё на десятку. «Я тоже уверен в своей карте, ребята», - как бы говорит он нам. Дмитрич добавляет 10. Мне приходится разменивать свою пятидесятку, и я тоже добавляю 10. Тигран как бы взял инициативу и показал нам, кто здесь кто. Мягко, но доходчиво.

Флоп. Крупье выкладывает три карты. Пятёрка, семёрка и валет. Как удачно. Пять-шесть-семь идут подряд. Джокер можно поставить с любой стороны и в промежутке. То есть, мне подходит четвёрка, тройка, восьмёрка и девятка любой масти - и тогда будет стрит. Стрит - не очень сильная комбинация, но она сильнее любой тройки. А раз на столе нет пары, значит ни у кого точно нет каре (четвёрки) или фулл-хауса (тройка и пара), которые сильнее стрита. Ну что ж, поиграем. Мне подойдёт 16 карт из оставшейся колоды, вероятность очень высока.

Гарик оставляет прежнюю ставку, 190. Тигран докидывает 50. Дмитрич поддерживает. А я докидываю до 250-ти, подняв ставку на 10, как Тигран в прошлый раз. Смотрю ему в глаза. Ну что, Тигранчик, принимаешь ставку? Гарик сливается, а Тигран двигает 25 фишек вперёд. То есть, принимает мою ставку и повышает ещё на 15. Я и забыл про

эти зелёные 25-ки, все их поразменивали. Дмитрич поддерживает. Я тоже прошу крупье сравнять ставку. Все мы делаем вид, что у нас хорошая карта, но у меня пока что, по сути, только двойка. А что у них может быть? Либо пара, либо тройка, либо две пары. Ну что, повезёт мне, или нет?

Тёрн. Крупье выкладывает на стол короля. Совсем не в кассу. Но вероятность получить нужную комбинацию для меня выросла на одну карту.

Тигран поднимает ставку до 280-ти. Дмитрич соглашается. У меня как не было ни хрена, так и нет. Но я ставлю 300. Для ровного счёта. Марк, что же ты делаешь? У тебя всего 700. Ты же не думаешь, что они сольются? Конечно же нет! Тигран сейчас ещё поднимет, чтобы поставить тебя на место. Но, может, именно этим и стоит воспользоваться? 16 карт. 16 карт в колоде подходят мне. Это же покер, чёрт возьми! Надо играть. Мы с Тиграном смотрим друг другу в глаза. У нас дуэль. Дмитрич как бы в стороне, но это тоже опасно - у него может быть хорошая карта. Сомневаешься, Тигран? Сомневаешься. Ну давай, поставь меня на место. Или нет? Слишком предсказуемо? А может, у тебя не такая уж хорошая карта?

Посидев и подумав, мой соперник вяло махает рукой и безразлично вздыхает:

— Закрываю, чёрт с тобой.

Он ставит 300 и Дмитрич тоже. На кону - 1090 фишек.

Ривер. Последняя карта. Крупье выкладывает её на стол. Тройка пик. Держать покер фейс! Тигран ставит первым, и он не знает, сколько поставлю я. На столе, конечно, полное дерьмо, если не считать короля. Блефовать трудно. И мой противник оставляет прежнюю ставку, что вполне разумно. Дмитрич, что скажешь? Снова будешь повторять за Тиграном?

— Оставляю, - говорит он.

Мой звёздный час. Тут важно не прогадать со ставкой. Поставить ровно столько, чтобы им хотелось меня вскрыть и не слиться. Поднимаю на сотку. Слышу оживлённые голоса на трибуне. Чувствую, что всё внимание сейчас сосредоточилось на нашем столе. Ну, Тигран, что скажешь? Ну явный же блеф! С таким дерьмом разве может у меня быть что-то лучше, чем твоя пара королей? Он хмурит брови. Изучает меня. Похож ли я на того, кто блефует? Если ты сейчас пасанёшь, то не узнаешь этого. Говори. Твой ход.

— Пятьсот.

Молодец! Вот это ход!

Гарик смотрит на нас, как очумевший. Дмитрич сливается. А я ставлю 600. Теперь, Тигран, ты точно знаешь, что я не блефую. Но ведь ты не можешь слиться? Тебе надо знать наверняка.

Вижу, как его лоб покрылся потом. Вот это игра! Ну, закрываешь ставку?

Он вздыхает и поднимает брови, произнеся слабым голосом:

— Закрываю.

На кону полторы тысячи с лишним фишек. И Тиграну вскрываться первому. Он переворачивает свои карты: валета и короля. Да, неплохо для такого стола.

Открываю свои карты. Забираю свой выигрыш. Окидываю игроков победным взглядом, а потом ловлю взгляд крупье:

— Я на перерыв.

У меня всего пять минут. Надо быстро покурить, и ещё успеть сожрать чего-нибудь. Прыгаю в лифт, добегаю до столовой, хватаю бутерброд и шоколадный батончик. Двигаю обратно, жуя по дороге. Лифта ждать некогда, иду на лестницу и спускаюсь вниз, торопливо доедая свой скромный обед.

На первом этаже на лестнице уже стоят несколько человек и курят. Они встречают меня аплодисментами.

— Марк Малой, ну ты красавец!

— Как ты их уделал на последнем-то кону!

— Просто зверюга!

Закуриваю. Окидываю взглядом своих мимолётных знакомых. Двое мужиков в пиджаках и старый бандит с сигарой в зубах, в обнимку со своей тёлочкой.

— Кто на кого ставил, мужики? - спрашиваю.

— Я на Серого.

— А я на Дмитрича.

— А я вообще не ставил, - говорит старый бандюган. - Так, чисто посмотреть пришёл. У тебя хороший расклад, Малой, - тыкает он в меня сигарой. - На тебя мало кто поставил, но ты не вылетел в первый час, явно умеешь играть и сидишь с большим банком. Казино хочет, чтобы ты выиграл.

Он посмеивается своим старческим скрипучим смехом. Наклоняю голову в ответ - звучит-то внятно!

Дверь на лестницу открывается, заходит Свин.

— Брателло! Ну ты ваще жжёшь!

Он хлопает меня своей ручищей, а я как всегда содрогаюсь всем телом.

— Как там у Серого дела? - говорю.

— У Серого? Да ничё, вроде… Ещё один с его стола вылетел.

— А за четвёртым столом кто самый сильный?

— За четвёртым?… Блин, чёт я как-то не уследил, братуха…

— Ты поглядывай, - говорю. - Важно понимать, кто есть кто. Будь моим глазом, Свин. Чтобы победить, нужно знать своего врага.

— Всё так, братуха, базару нет. Буду в оба глядеть.

— Ништяк. Я побежал. Надо ещё в сортир успеть.

— Удачи, дружище! Порви их всех!

Мы стукаемся кулаками, я делаю последнюю затяжку - и бегом. У меня ещё целых полторы минуты. Так, значит за вторым столом в ударе Серый, предсказуемо. За нашим, первым столом, похоже, Гарик потихоньку сдувается. Я останусь с Тиграном и Дмитричем - очень стрёмно, будет капец тяжело! За третьим столом остались слабые игроки с маленьким банком. А вот четвёртый стол - на него нужно будет посмотреть внимательнее, я о нём не знаю почти ничего, и это плохо.

Возвращаюсь к игровой зоне. Прохожу экспресс-тест. Зелёный свет. Второй пластырь. Вхожу через рамку внутрь. Я снова в игре.

Первым делом смотрю на четвёртый стол. У кого больше всех фишек. Трудновато сходу понять, явного лидера нет, но в глаза бросается игрок в тёмных очках и с заячьей губой. Кто это? Я его среди игроков вчера не видел. Но больше времени рассматривать этот стол у меня нет, надо садиться на своё место.

Игра у парней, тем временем, идёт. На кону 630 фишек - по 210 с каждого. На столе - 4 карты средней паршивости, и крупье выкладывает пятую карту
• пиковый туз. Тигран спокойно поднимает на 50, молча рассматривая своих

противников. Дмитрич сливается. Гарик думает. Думает слишком долго. Всё становится понятно. Сливайся, Гарик! Но нет, он докидывает 50. Тигран вскрывается. У него две десятки. Гарик опускает голову и отталкивает от себя две своих карты. Тигран забирает выигрыш. Жетон дилера переходит к нему.

Крупье раздаёт карты. Дмитрич ставит 50, а я 100. Гарик пасует. Видимо, хочет отдохнуть, но перерыв не берёт - боится, что совсем расклеится. Тигран поднимает до двухсот. Правильно, чего мелочиться? Дмитрич поддерживает. Ну что ж, давайте играть, у меня неплохая карта. Докидываю сотню.

Крупье выкладывает флоп. Туз и две тройки. А у меня как раз тройка. И вероятность, что у кого-то есть ещё одна - крайне низкая. Можно хорошо сыграть. Дмитрич оставляет, как есть. Я докидываю сотню - итого 300. Тигран поднимает на 50. А Дмитрич поднимает ещё на 100. Ставка - 450. Твою мать. Он сидел и терпеливо ждал, когда мы разыграемся, ловил нас на крючок, а теперь подсекает! Хорошая игра. У него тоже тройка, как и у меня? Нет. У него два туза. Это наверняка. Красиво! Надо сливаться. У него фулл-хауз.

— Я пас.

Все смотрят на Тиграна.

— Тоже пас, - лениво протягивает он.

Дмитрич за каких-то пару минут нагнул нас на 650 фишек. Гарик смотрит на меня и шумно выдыхает - пронесло на этот раз!

Я по-прежнему лидирую по очкам. Но, как я и говорил, Дмитрич - опасный игрок.

— Господа, малый блайнд - 60 фишек, - объявляет Матильда.

В следующей партии на префлопе внезапно сливается Тигран. Видимо, плохая карта. Бывает. Дмитрич тоже сливается. И я вдруг понимаю, почему. Я так внимательно следил за Тиграном и Дмитричем, что совсем не обратил внимание на Гарика. А у него хорошая карта, и он не смог это скрыть. Он уже на последних силах. Не получается держать лицо. Пара тузов, как у Дмитрича коном раньше? Это вряд ли. Два короля? Тоже вряд ли, ведь у меня есть король. Две дамы? Возможно. Но на префлопе рано сливаться, тем более с моим-то банком. Я решаю сыграть с Гариком и ставлю 120.

Игра движется дальше, и Гарик поднимает ставку уверенно, но постепенно, чтобы выманить у меня побольше денег, как и делают хорошие игроки. А я каждый раз немного мешкаю, изображая неуверенность, а тем временем на столе появляется король в пару к моему.

На ривере приходит пятёрка в пару к моей пятёрке, и тогда я раскручиваю Гарика на ва-банк. К этому моменту он уже понимает, что произошло, и просто обречённо улыбается. Я открываю свои карты - две пятёрки и два короля. Гарик по правилам тоже должен вскрыться, и он выкладывает свою прекрасную даму и девятку. Встаёт. Разводит руками.

— Классно поиграли, мужики. Всем удачи!

Он подходит и жмёт мне руку как своему победителю. Прощай, Гарик! Без тебя мне будет куда тяжелее.

Тут к нам подходит крупье:

— Господин Малой. Прошу вас за третий стол.

«Господин Малой». Прям человеком себя чувствую! Послушно встаю и отправляюсь за крупье. Вместе со мной к столу подходит ещё один игрок. На вид - порядком измотанный. Волосы спутались, на лбу испарина, воротник на рубашке небрежно расстёгнут. Со второго стола, где Серый. Смотрю туда. Серый сидит один с кучей фишек перед собой. К нему подходит крупье. Красавец! Почти всех уделал! Один недобитый остался, и он пересаживается за мой новый стол. А Серого ведут на первый, к Тиграну и Дмитричу. А за моим столом - игроки, которых обчистил Тигран (их уже на один меньше), плюс этот новый, от Серого. Банки у них небольшие - двести пятьдесят, триста пятьдесят, триста… семьдесят - слабовато, в общем. «Казино хочет, чтобы ты выиграл», - вспоминаются мне слова того старикана. Выглядит и правда так. Меня посадили со слабыми игроками, которых я буду «добивать». А сильных игроков посадили вместе, чтобы они грызли друг друга. Ну что ж, это действительно удачный расклад! А за четвёртым столом осталось трое человек, и никого никуда не пересаживают. Кто же там в ударе? Кидаю быстрый взгляд

на турнирную таблицу. Некто «Монгол» сидит с 1400 фишками, у остальных меньше. Больше не успеваю увидеть, потому что игра начинается.

Парень, который пришёл от Серого, тут же берёт перерыв. Вовремя, потому что я малый блайнд. Быстро смотрю на часы. 15:53. Пока 60 фишек. Окидываю ещё раз взглядом игроков. Ну что, погнали, господа!

Играть малым банком против большого нелегко - меньше манёвра. Ты не можешь, блефуя, задрать ставку и продавить своего противника. А ещё на тебя давит постоянно увеличивающийся малый блайнд. Но в то же время, и противнику против тебя играть неудобно - блефануть и сильно поднять ставку ему невыгодно, он рискует б**о**льшими деньгами, чем ты.

Я первый раз оказываюсь в ситуации, когда мне, богатенькому, надо играть против четырёх «нищебродов», у которых я - общий враг. Приходится на ходу выстраивать тактику. Её основа - время. Для моих непутёвых соперников каждые 20 минут - как удар по яйцам. Я же спокойно сливаюсь на малом блайнде, даже не моргнув глазом. Я играю так, чтобы убедить их: мне просто повезло, а так-то я слабый игрок. И с ними моя удача закончилась. Я позволяю им легко выигрывать небольшие суммы и вижу, как их прежняя растерянность и страх превращаются в уверенность и кураж. А это как раз то, что мне нужно!

Малый блайнд дорастает до 70-ти, затем 80-ти, потом 90. Мой банк всё время сокращается, я постоянно говорю «пас», но время от времени выигрываю и частично возмещаю свои прошлые потери. Но для моих противников это выглядит так, что мне просто в очередной раз везёт.

Я не даю им себя раскрутить. Как только они давят, я тут же сливаюсь. Все они потихоньку превращаются в Револьверов.

В нужный момент, поймав сильную карту, я ловлю своих расхрабрившихся соперников, резко поднимаю ставку и выношу сразу двоих. У оставшихся игроков уверенность в себе исчезает, как сахар во рту. Дальше происходит неожиданное: за стол к нам садится Монгол. Его банк похудел где-то вдвое. А что же червёртый стол? Один человек вылетел, почти что вместе с моими двумя. За столом за высокими стопками фишек сидит тот самый, с заячьей губой. Его пересаживают за первый стол, к матёрым игрокам. Я остаюсь за третьим столом развлекаться и «добивать раненных». Впрочем, Монгол может внести в нашу игру свежую струю. Надо быть начеку, он явно не промах.

Посмотрев на турнирную таблицу я вижу, что по очкам я на втором месте после Серого, а следом идёт Заяц - видать, тот самый, с губой, который перешёл сейчас за первый стол. Ну что ж, казино ко мне и правда благосклонно, раз не кидает пятым игроком за первый стол.

Игра возобновляется, и двоих самый бедных за нашим столом я просто давлю высоким блайндом - малый 90, большой 180. Тут уже никакой психологии, этим двоим терять нечего. Каждый следующий большой блайнд может заставить их идти ва-банк. Поэтому

просто играю, как обычно, когда карта прёт, и быстро сливаюсь, когда нет. Монгол играет агрессивнее и потихоньку перетягивает банк на себя.

Через некоторое время вежливый голос Матильды сообщает о том, что вылетел Тигран. Вот оно как! Не выдержал натиска. А казалось, что его вообще не свалить. И таблетки не помогли. Тем временем Владлен предлагает зрителям обратить внимание на Дмитрича: дескать, сидит себе, как ни в чём не бывало, с места за игру ни разу не двинулся, и перерыва ни разу не взял, а банк его потихоньку всё растёт и растёт! Да-да, Владлен, я тоже Дмитрича побаиваюсь. Но не время отвлекаться, надо играть.

Настаёт ровно пять часов, малый блайнд поднимается до сотни, и очень быстро мы с Монголом остаёмся вдвоём. На моём счету 2370 фишек - сумма, которую я никогда не видел перед собой на столе. У Монгола 1190. К нам подходят крупье и пересаживают нас за первый стол: Монгола сажают между Зайцем и Серым, а меня - между Серым и Дмитричем. Нас осталось пятеро. Финальная битва. Несколько секунд рассматриваем друг друга. Не договариваясь встаём и все одновременно уходим на перерыв. Все, кроме Дмитрича - он остаётся сидеть на своём месте, как будто трёх часов игры и не было.

На этот раз план простой: тупо покурить. Я даже никуда не ухожу, а стою прямо в зале рядом с пепельницей. Ко мне подбегает Свин:

— Братуха, ну ты внатуре монстр! - он быстро закуривает. - Короче, за четвёртым столом так, шелупонь. Ну Заяц, может, и ничего, но ваще ни разу не Серый, и не Дмитрич. Так что Серого с Дмитричем бойся.

— Никого нельзя недооценивать, Свин, - отвечаю задумчиво, выдыхая сигаретный дым. И тут вдруг понимаю, что мне от него нужно. - Слушай, хрен с ними со всеми - расскажи о себе. Как попал к Алмазу, как вообще жил?

— Гы… за пять минут те рассказать?

— За четыре с половиной.

Свин посмеивается, но с удовольствием делится со мной нехитрой историей своей жизни. Рос он почти в таком же дерьме, как и я, но неподалёку от сортировки. Рос крепким, несмотря на нищету. Очень быстро усвоил простое правило: хочешь выжить - отбирай у других. Если не ты, то тебя. Сверстники его быстро разделились на тех, кто с ним дружит, и тех, кто боится. Тут он усвоил второе правило: одному не справиться. Корешись с теми, кто силён. Будь для них полезен, тогда справишься. Понятно, что это прямая дорога в банду. Сперва банда мелкая, подростковая. Потом все возмужали, окрепли, стали работать на барыг и торговать наркотой. Там, конечно, всё непросто: кого-то шлёпнули, кого-то повязали, кто-то сторчался. В общем, «конкурентный бизнес». А тут как раз один из его клиентов предложил в рэкет пойти. Дело непыльное - ходишь по квартирам и выбиваешь деньги из тех, у кого долг за электричество. Свин к тому моменту уже был здоровый, лысый и страшный - как раз подходил. Ну и занялся этим. И тоже очень быстро сообразил: к людям подход нужен. Если просто тупо ко всем вламываться и шпарить

утюгом - мало соберёшь. Будут ныкаться по знакомым, фиг отыщешь, а потом ещё и прихлопнут - разные люди бывают, и знакомства у них разные. В общем, Свин хоть и выглядел тогда для всех тупым качком, включил вовремя мозги и стал… «индивидуально подходить». Кого-то припугнуть надо, кому-то на совесть нажать, а с кем-то можно просто договориться, войти в положение и разобраться в ситуации. Например, человек заплатить не может, потому что на работе не платят. Ну так и сходи на работу, возьми за яйца этого барыгу охреневшего - и все со всеми сразу будут в расчёте! Ещё и дело доброе сделаешь. Ну и, в общем, попёрла у Свина карьера. Плательщики с ним, как с родным. Пацаны тоже доверяют, и если где какой напряг, сразу зовут, чтоб пришёл и разрулил. Наверху его заметили, стали поднимать, стал в разборках участвовать, стал из более серьёзных людей деньги вытаскивать. Ну и поручения всякие сложные выполнять, где тоже мозги нужны. Так и дослужился до правой руки Главного.

Я слушаю его рассказ и поглядываю по сторонам. В поле зрения появляется Серый. К нему быстро подходит Тигран, говорит что-то, и тут же уходит. Серый медленно, как змея, поворачивает голову в мою сторону. Я делаю вид, что смотрю мимо. Серый съел что-то - сто процентов. Именно сейчас самое время. Тигран, возможно, тоже был на круглых, а может мне и удалось его припугнуть, и он не принимал. Но Серого не припугнёшь. Так что придётся вступить с ним в неравный бой.

За свиньей болтовнёй время быстро пролетает. Кидаю остаток сигареты в пепельницу.

— Спасибо тебе за рассказ, Свин. Отдохнул, покурил, поговорил - пора в бой.

— Давай, братан, ни пуха! Уделай их всех! Ты всё можешь! Алмазовские с тобой!

Показываем другу другу кулачки (ну как… это у меня кулачок, а у Свина - кулачище) и расходимся. Встаю в очередь на вход в игровую зону следом за Серым. Смотрю на него, прищурившись. Никаких признаков приёма препаратов не видно. Ни подёргиваний, ни дрожи в пальцах. Он оборачивается и бросает на меня взгляд, который сложно описать. Зрачки нормальные, но лицо… лицо поменялось. Едва заметно, еле уловимо, но что-то он съел. Сто пудов съел.

Наш поединок глазами быстро заканчивается, потому что Серого зовут на вход. Его колят в вену… производят экспресс-тест… зелёный свет.

— Всё в порядке, прошу на вход.

Я прохожу тест и иду следом. Мы все рассаживаемся на прежние места. Владлен что-то вдохновенно рассказывает о финальной битве титанов, а Матильда своим вежливым голосом напоминает, что уже 17:20, и малый блайнд теперь 110 фишек. Также она напоминает, что игра заканчивается, как только за столом остаётся трое игроков.

Рядом с Монголом лежит жетон дилера. Серый - малый блайнд, я - большой. Финальная битва титанов начинается.

Серый ставит сразу 200 фишек - чего мелочиться? Мне приходится поставить 400 - вариантов нет. Раздают карты. Мои - так себе. Я бы и 100 за них не дал. Плохое начало… Все

смотрят на Дмитрича. Он заглядывает в свои карты. Ставит 450. Заяц и Монгол сливаются. Серый тоже пас! Видимо, он понял, что у Дмитрича хорошая карта, а у меня дерьмовая. И хоть и с потерей для себя, но он вынимает из меня деньги в пользу Дмитрича. Можно докинуть 50 и продолжить игру, но это бесполезно - Дмитрич будет накидывать ещё и ещё. «Поддайся, чтобы победить». Так и сделаю.

— Пас.

Легко и непринуждённо Дмитрич собирает банк. Он слегка блефанул. Его карта была не супер-супер - тогда бы он сидел тихо - но она была достаточно хороша, чтобы припугнуть остальных. Очень грамотно.

«И вот он уже на первом месте» - слышу я Владлена. Дмитрич ему явно нравится.

Следующий раунд. Серый дилер. Я - малый блайнд. Ставлю 110, по минималке. Дмитрич - 220. Заяц и Монгол - столько же. Серый накидывает
50. Я поддерживаю. Остальные тоже.

На флопе у меня образуется сильная пара. Докидываю сотню. Дмитрич поддерживает. Заяц думает. У него явно неплохая карта, иначе он бы сразу слился. Он трусоват, не любит риск. Но и очень сильной руки я у него не вижу - уж слишком долго думает, и этим думанием себя выдаёт. Он кивает крупье, и тот пододвигает на кон его 100 фишек. Монгол отваливается. Серый тоже.

Тёрн. Теперь у меня две пары. Но раз у Зайца неплохая карта, надо его выманить. Надо дать им разыграться - ему и Дмитричу.

— Оставляю, как есть.

Дмитрич тоже оставляет. Кажется, он делает то же, что и я.

По лицу Зайца сложно что-либо понять - его уродливая губа мешает распознать эмоции, и в этом его преимущество. Но действия его выдают. Он поднимает ещё на сотню. Сотня - это немного. Это значит: «У меня вроде и неплохая карта, но и не то, чтобы хорошая». Эх, Заяц-Заяц. Ты либо блефуй, либо сливайся! Ты же видишь, что твой противник с сильной картой.

Докидываю ещё 200. Дмитрич пас. Заяц… Заяц снова думает. Я же блефую, Заяц. Сто процентов блефую!

Он нервно выдыхает. Кивает головой. На кону теперь 2250 фишек.

Ривер. И у меня фулл хауз. Удача на моей стороне. Жаль, Серый рано слился. Чувствовал, гадёныш!

Ну что, Заяц, ты всё так же уверен в своей карте? Докидываю до 750-ти. Заяц закрывает глаза. Но лишь на мгновение.

— Согласен, - цедит он через зубы.

Мы вскрываемся. У него тройка. Да, имело смысл играть. Но выигрыш мой.

Зал взрывается аплодисментами и криками! Мой банк пополняется на 1960 фишек - это больше, чем было у Зайца. И у меня теперь… 3930 фишек! Просто немыслимо… Я на первом месте! Причём, с сильным отрывом. Я смотрю на гору фишек перед собой, словно в каком-то сне. Нужно не потерять голову…

— Господин Малой, ваша ставка, - слышу я голос крупье.

Это плохой знак. Я отвлёкся и полностью потерял контроль над игрой. И Серый это наверняка видел. Так, собраться! Посмотреть в карты. Карты неплохие. Ставка? 300 фишек. Нет, пропущу, пожалуй. Надо сосредоточиться. Против меня играют серьёзные противники.

— Пас.

Пока идёт игра, я беру время, чтобы собраться. Вижу, что Дмитрич тоже пасует, потеряв свои минимальные 110 фишек - вполне в его стиле. Заяц тоже сливается, видимо, не оправившись ещё после своего поражения. А вот Монгол решает сыграть с Серым. Рискованно, Монгол. Очень рискованно.

Крупье выкладывает три первых карты. Монгол поднимает ставку до 500. А Серый делает 600. Монгол соглашается. Он сам себя поставил в ситуацию, когда назад дороги нет. А у Серого явно хорошая карта, иначе он бы слился и не стал играть, ведь нет смысла блефовать против слабого банка. Ох, Монгол, плохи твои дела.

На тёрне выкладывают следующую карту. Монгол оставляет ставку прежней. Видимо, ничего нового не появилось. Серый тоже ставку сохраняет, что слегка неожиданно.

Последняя карта. Монгол оставляет ставку. Серый поднимает до 920-ти - это то, сколько у Монгола есть денег. Его разводят на ва-банк. И надо бы слиться, но тогда у него останется 320 жалких фишек. И ведь это скорее всего не блеф. Но почему Серый так уверен в своей карте? У него фулл хауз, как у меня в прошлый раз? Очень вряд ли, ведь на столе нет пары. Или…

— Играем, - рявкает Монгол и открывает свои карты.

Три валета. Ух, как хорошо! Но Серый улыбается. Он открывает свою десятку и джокер. У него стрит. Прощай, Монгол. Нас теперь четверо. Я на первом месте, но Серый наступает мне на пятки. Кровь пульсирует в висках. Надо успокоиться… успокоиться…

А Серый спокоен, как удав. Его препарат хорошо действует. Нужно быть вдвойне бдительным.

Дмитрич дилер. Он тоже абсолютно спокоен, и безо всяких таблеток, ведь он никуда не выходил всё это время. Поразительный человек!

Заяц выкладывает 110 фишек, Серый - 220. Нам раздают карты. Смотрю в свои. Валет и король червей. Неплохое начало. Очень неплохое! Поднимаю до 300. Дмитрич пас. Заяц пас.

На флопе выкладывают червонную даму, пиковую тройку, пиковую шестёрку. Вроде бы ерунда, но дама червей, как раз между валетом и королём, может быть красивый стрит.

Ну или если будет валет или король на следующем круге, то это будет сильная пара, а у Серого явно карта не очень. Он ставит 450. Соглашаюсь.

Тёрн. Десятка червей. Смотрю и не верю своим глазам. Десятка червей… валет червей у меня… дама червей на столе… король червей у меня… да это же… Если будет туз червей - то это флеш рояль! Флеш, мать его, рояль, которого ни у кого не бывает никогда в жизни! Неужели он выпадет! У меня… флеш рояль! Да ещё и на турнире, в решающем матче! Какая красота!!!

— Господин Малой, ваша ставка?

— Секунду, мне надо подумать…

Но тут уже всё понятно! Малейшая задержка - и Серый всё понял. Мы встречаемся взглядами. Полное понимание. Туз червей - это флеш рояль. Девятка червей - стрит флеш. Любая другая девятка - просто стрит. Но прямо сейчас - ничего. А Серый поднял до 600. И явно теперь кусает локти, что не поставил больше.

— Девятьсот, - говорю я.

Слышны возгласы из зала. Ну что, Серый? Проверим мою удачу?

— Тысяча.

Обожаю покер! Волнение как рукой сняло. Хочется так сидеть бесконечно, в этом состоянии чистой игры. В этом королевстве вероятностей и шансов, когда весь зал следит за каждым твоим движением, за каждым мускулом на твоём лице. Следит с восхищением и азартом, забыв обо всём на свете, обо всех своих проблемах, о Подземелье, о нищите, о болезнях и долгах. Только стол, игра и комбинация, которая должна, чёрт возьми, сложиться, ведь шанс не так уж и мал!

— Согласен.

Ривер. Крупье достаёт карту. Ну! Давай! Выпади!!!

Двойка крести.

Серый прыскает через губы и закрывает лицо руками, трясясь от хохота, который он даже со своими таблетками не в состоянии сдержать. Твою мать… Ну почему не туз червей!! Почему!!!

— Плюс пятьдесят, - выдавливает Серый сквозь смех.

Это чтобы напоследок поиметь меня ещё на пятьдесят фишек. Нет, Серый, мне они ещё пригодятся.

— Пас.

«Что???» - слышу я изумлённый возглас Владлена. - «Парень, ты с ума сошёл?»

Но мы с Серым оба понимаем, что я вовсе не сошёл с ума. И мы понимаем, как это было красиво! Понимают ли это в зале? Очень надеюсь!

Серый загребает себе 1110 фишек, и я теперь на втором месте, а он на первом. Мой банк по-прежнему силён. Надо отыгрываться. Всю усталость как рукой сняло. Щас я вас сделаю, ребята!

Малый блайнд тем временем 120 фишек, и Серый ставит минимум, а я 240. Дмитрич заглядывает в карты и сливается. Заяц заглядывает в карты и ставит 300. Серый, посмотрев в свои карты, решает пасануть. Надо же. А что там у меня? Джокер и червонный туз. Тот самый, мать его, червонный туз, который был мне так нужен на прошлом кону!! Но он мне и сейчас пригодится, особенно в паре с джокером. Я уже даже не удивляюсь. Карты как будто чувствуют, что конец игры. А я становлюсь, как Серый и Дмитрич, спокойный и недвижимый, как колонна [8-74]. Ставлю 350. Мой противник соглашается.

Флоп. Три карты. Девятка, король и туз. Неужели он подмешивает? Казино хочет, конечно, чтобы я выиграл, но не настолько же! Сейчас надо дать Зайцу сыграть. Нельзя его спугнуть. Аккуратно поднимаю до 400.

— Пятьсот, - объявляет Заяц.

У него хорошая карта. Соглашаюсь на 500.

Выкладывают тёрн. Валет пик. Можно начинать давить. Ставлю 600. А потом соображаю: если я, допустим, выигрываю у Зайца весь банк, то это 870 плюс 120, то есть 990. Плюс к моим - будет 3920. А у Серого будет 4250. И он будет на первом месте, а я на втором. Надо не дать ему проиграться целиком, чтобы в следующем раунде нагнуть Серого и выйти на первое место!

— Ва-банк, - объявляет Заяц, видимо, чувствуя мою неуверенность.

Чёрт! Слишком поздно. Заяц, ну зачем же ты так?

Всё внимание приковано ко мне. Несколько секунд полной тишины. Заяц смотрит мне прямо в глаза и сверкает своими жёлтыми зубами из-под разорванной губы. Может, слиться, чтобы не закончилась игра? Нет, Марк, стоп. Остановись. Если удача идёт тебе в руки, нужно хватать её, иначе останешься с нулём, и тогда… Даже страшно думать, что тогда. Надо брать то, что есть. Что ж, Серый, тебя можно поздравить!

— Согласен.

Крупье выкладывает ривер. Пиковый туз. Где-то я это уже видел. Не могу сдержать улыбку на лице.

Открываю своё каре - четыре туза. Дмитрич присвистывает. Зал вздрагивает.

— Господин Заяц?

Заяц сидит, не двигаясь и глядя в стол. Вялой рукой он переворачивает свои карты. Там два короля, а третий на столе, плюс ещё два туза - очень сильный фулл хауз. Да, с тремя королями имело смысл идти ва-банк, но…

Раздаётся оглушительный гонг.

— Дамы и господа!!! - грохочет Владлен. - Вы это видели??? Какая игра!!! Какой невероятный, ошеломляющий финал! Как же я обожаю покер! Как я люблю казино, и всех вас! Финальная битва титанов - окончена.

Гремит музыка. Зал орёт и визжит от возбуждения. Гул аплодисментов такой, что Владлена едва слышно даже с микрофоном. Он ждёт, когда публика хоть немного угомонится и придёт в себя.

— Что ж! Я должен передать финальное слово очаровательной Матильде!

— За столом осталось трое игроков, - звучит голос Матильды. - Серый - 4250 очков; Марк Малой - 3920 очков; и Дмитрич - 1830 очков. Таким образом, Серый занимает первое место, Марк Малой второе, и Дмитрич - третье. Игра завершена.

— Игра завершена, дорогие мои! - повторяет Владлен. - Игроки, прошу вас встать из-за столов и подняться на этот пьедестал почёта, который занесли в игровую зону специально для вас!

Я оглядываюсь. Эта штука, про которую он сказал, и правда стоит посреди игровой зоны вместо столба с мониторами. Три ступеньки с номерами мест. Мне на вторую. Мы поднимаемся из-за стола, и идём взбираться на этот самый… как его там…

Я даже не замечаю, как оказываюсь на своей ступеньке. Изгородь вокруг игровой зоны исчезает. Вокруг ликующая толпа. Все нас фотографируют. Все хотят к нам подойти, пожать руку, и к Серому, конечно, тянутся больше всего. Но и со мной норовят сфотографироваться, а Владлен называет меня восходящей звездой. Он подходит и лично жмёт руку каждому из нас. Затем просит нас взяться за руки и победно «вознести руки вверх, над собой». Я нахожу в толпе Алмаза, Свина и Жеку. Вижу, что Жека улыбается. Надеюсь, он теперь простил меня.

Владлен встаёт рядом с нами и выдаёт в микрофон:

— Объявляю турнир закрытым!

Дальше Матильда объясняет всем гостям и участникам турнира, как получить свой выигрыш. Нам нужно пойти в «специальную зону». Странно, я-то думал, что сейчас просто заберу все свои фишки со стола, а потом ко мне подойдут с мешком и досыпят ещё пятнадцать тысяч! Но вижу, что все фишки уже убраны со столов. Интересно…

Спускаемся со своих победных ступенек.

— Поздравляю, Марк, - говорит Серый и протягивает мне руку.

— Спасибо, - отвечаю я ему рукопожатием.

— Марк, поздравляю, - говорит Дмитрич и тоже энергично жмёт мне руку, - Серый, - поворачивается он чемпиону, и они просто обнимаются, хлопая друг друга по спине.

— Хорошо поиграли. Надо будет как-нибудь втроём схлестнуться, - подмигивает нам Серый и, вдруг заметив кого-то, быстро уходит, извиняясь.

Дмитрич тоже кивает мне и уходит. А ко мне подваливает моя «бригада» в полном составе.

— Красавец, Малой! - грохочет Алмаз. - Хоть и не первое место, но на жизнь хватит!

Свин гогочет, а Жека просто смотрит, улыбаясь. Свин подталкивает его локтем:

— Слышь, кучерявый. Ну хорош дуться-то уже! Смотри, он выиграл!

Делаю шаг навстречу, протягиваю Кучерявому руку и смотрю в глаза:

— Жек… Прости, а! Ты ж сам хотел, чтоб я играл. Больше такой фигни не будет. Отвечаю.

Его улыбка становится шире… ещё шире…

— Ах ты говна кусок!

Он хватает меня за руку, и мы обнимаемся и хлопаем друг друга под одобрительный смех Свина и Алмаза.

— Ладно, хорош тискаться, как девки, пойдём выигрыш получать, - объявляет шеф.

Мы идём в «зону», похожую на ту, где принимали ставки. Там мне выдают пакет с моими 3920 фишками.

— И ещё пятнадцать тысяч, у него второе место, - говорит Алмаз.

— Да, конечно, - говорит мужчина в пиджаке, и протягивает мне разноцветную бумажку. На ней написана сумма, 15000 фишек. Но где же сами деньги?

— С этим куда? - спрашивает Алмаз.

— Никуда, - отвечает мужчина. - Это сертификат на 15000 фишек, эта сумма теперь на вашем счёте.

— В смысле? На каком ещё счёте?

— На счёте казино.

Мы переглядываемся. Алмаз кивает головой:

— Секунду. Ща всё выясним.

Он берёт телефон и набирает кого-то. А к нам тем временем подходит Гарик.

— Чувак! Ну ты даёшь! Я видел, что ты сильный, но чтоб настолько… Бля, братуха, я тя поздравляю!

Он шумно с размаху хлопает по ладони, которую я ему протянул для рукопожатия, и трясёт мне руку, сам двигаясь всем телом.

— Чё как, получил выигрыш уже?

— Да как тебе сказать? Фишки со стола мне выдали, а вот вместо приза сверху от казино дали какую-то бумажку.

— Ну всё правильно, - говорит Гарик, а я краем уха слышу, как Алмаз говорит, кажется, с самим Рубэном.

— А чего правильного-то? Где сами фишки-то?

— Фишки? Ха-ха-ха! Ты чё, чувак? Ты думал, тебе прям пятнадцать тыщ круглыми отсыпят?!

— Ну да… - отвечаю я, чувствуя себя полным идиотом.

Гарик обнимает меня рукой за плечи, как человека, который не очень здоров:

— Не, братуха, казино тебе фишек не даст - ему самому нужны. Но деньги эти - твои. Ты можешь приходить и на них играть.

Картина начинает проясняться.

— …Во как. Ловко…

А что ты удивляешься, Марк? Казино не проигрывает.

Замечаю вдруг, что Алмаз уже какое-то время стоит рядом и слушает наш разговор. Перевожу на него взгляд.

— Я поговорил с Рубэном. Пацаны из других казино про них знают, и с этой бумагой можно прийти почти в любое казино. Часть бабок можно будет потом, если надо, забрать налом. Но в общем, эта бумага в ходу, почти как и все остальные такого плана. Просто казино новое, не раскрученное, и могут быть с оплатой проблемы, тут ничего не сделать - все так живут.

— Ничего не понял…

— Этой бумажкой можно платить, - объясняет Гарик. - Не во всех местах, но если надо купить тачку или хату, то точно можно. Когда у тебя будут принимать оплату - позвонят в казино, узнают, точно ли на твоём счёте эта сумма, и если да, то примут без вопросов. Тебе бы её только разбить на несколько, ты ж не будешь одним махом 15 кусков кому-то отдавать?

— Да, он дело говорит, - подтверждает Алмаз.

— И по сколько, думаете, надо разбить?

— Возьми две по пять, и пять по тыще.

— Ну да… Наверное, так… Или не - две по тысяче и шесть по пятьсот. Алмаз, я могу тебе долг этой бумажкой отдать?

— Я тебе круглые давал, братан.

— Ну да, логично…

— Ну ладно, хрен с тобой - отдавай бумажкой, с налом нет сейчас проблем. Тем более, мне ещё круглых дадут за выигрыш.

— За какой выигрыш?

— За *мой* выигрыш.

Смотрю на Алмаза, как слабоумный.

— Он поставил на тебя, братуха, - тихо говорит Свин, посмеиваясь.

— Да ладно???

Свин с Жекой кивают и ржут.

— И много?

— Это тайна. Коммерческая, - сурово говорит Алмаз, едва заметно улыбаясь. - Ты давай, разбивай свою бумажку, а я пойду своё бабло получать. Туда вроде, да? - спрашивает он мужчину в костюме, но тут же отправляется в «зону», не дожидаясь, когда тот среагирует. - Встречаемся перед выходом, внутри, - кидает он нам уже издалека.

— Рад был поиграть с тобой, Марк Малой, - улыбается Гарик. - Ты теперь богат. Но не радуйся сильно, в следующий раз я тебя обчищу как следует. Добро пожаловать в лигу, братан!

— Спасибо, Гарик! Классно поиграли.

Мы стукаемся кулачками, и Гарик уходит. А Свин говорит, что неплохо бы обмыть это дело, но много щас выпить не получится, поскольку он за рулём, и придётся, видимо, подождать, пока мы доедем до дома.

Я вспоминаю, что мне нужно забрать свои вещи и узнаю у работника казино, куда идти. Всё тот же «Офис 2». Прекрасно зная дорогу, поднимаюсь на пятый этаж и стучусь в уже знакомую дверь. Мне открывает Рудольф.

— Я вещи забрать.

— Да-да, прошу, проходите, - говорит он басом. - Поздравляю с выигрышем.

— Спасибо.

— Ваш жетон и карточка от двери.

Роюсь в карманах, зажав пакет с деньгами между ног. Рудольф не предлагает мне помощь, видимо, отлично зная, что дать подержать деньги никогда никто не соглашается. Отдаю свои «богатства». Рудольф уходит и через минуту возвращается с коробочкой, в которой лежат мои вещи. Проверяю - всё на месте. Распихиваю по карманам паспорт, сигареты и перечную смесь, компас и блокнот с ручкой, а жалкую кучку фишек докидываю в пакет к остальным деньгам. Потом, передумав, загребаю пригоршню фишек из пакета и тоже кладу в карман - на «текущие расходы».

— Всё в порядке. Благодарю, - киваю Рудольфу.

— Спасибо за участие в турнире. Удачи.

Рудольф разговаривает вежливо, но без Танечкиной радости. Почему-то и у меня самого особой радости нет, хотя, по идее, я должен сейчас до потолка прыгать. Видимо, просто устал. Да и сумма выигрыша такая, что просто в голове не укладывается. Я даже плохо представляю себе, что бы я мог купить на эти деньги. Наверное, очень много чего. Уж машину-то наверняка. Только я водить не умею.

Дверь лифта открывается. Там люди - мужчины и женщины, многие с бокалами. Увидев меня, они взрываются визгом и аплодисментами, вываливают из лифта, поят меня шампанским, дружно обнимают меня и фотографируются со мной, а я изо всех сил стискиваю пакет с деньгами. Так продолжается минуты две, но вдруг я вспоминаю про свою банду, которая уже наверняка ждёт меня у выхода, и извиняясь и откланиваясь, иду на лестницу и спускаюсь вниз - на лифте ехать, видимо, дохлый номер, если только я не хочу перед этим пообниматься со всем казино.

Но и на лестнице мне то и дело встречаются полупьяные гости, которые норовят со мной пообниматься и пожать руку. Хотя - что уж там - когда тебя обнимает столько разных красиво одетых женщин, это приятно! Но ведь и мужики лезут, а с ними мне как-то не особо хочется обниматься и целоваться.

Кое-как спустившись по лестнице и стараясь пройти через зал незамеченным, дохожу, наконец, до главных дверей, где меня ждёт мой спонсор и группа сопровождения.

— Ну наконец-то, бля! Я уж думал, тебя спасать надо, - ворчит Алмаз. - По коням… господа.

Мы дружно выходим на улицу, Свин с Алмазом инстинктивно озираются по сторонам. Наши «кони» прямо напротив выхода. Спускаемся по ступеням. Я подхожу к переднему джипу и тянусь к ручке своей двери.

— Не-не, - говорит Свин, - ты теперь с той, другой стороны.

Обхожу машину и сажусь сзади слева. Алмаз садится рядом со мной по правую руку, а Жека спереди, как и раньше.

— Покурить забыли, - говорит он.

— По дороге покурим. Двигать пора, - говорит шеф.

Оглядываюсь в заднее стекло. Вижу Циклопа на переднем сиденье рядом с водителем второго джипа.

Наш автомобиль трогается. Алмаз достаёт сигару и закуривает. Жека со Свином достают свои сигареты. Дым затягивает весь салон белой пеленой, и мы опускаем стёкла. Едем и курим молча. Доезжаем до перекрёстка. Останавливаемся на красном светофоре.

— Свин, чё стоим - погнали!

— Незнакомый район, шеф. Лучше не выделываться. Да и форточки мы зря открыли. До ворот бы подождать.

Мимо, по другой дороге, проезжает авто.

— Зануда ты, Свин. Дай две минуты докурить, ща закроем форточки, не ссы в компот.

С перекрёстка чёрный автомобиль поворачивает навстречу нам. Останавливается напротив. Алмаз поворачивает голову. Здоровенной ручищей вдавливает меня в пол и накрывает сверху собой уже в тот момент, когда я слышу звуки выстрелов. Молниеносным движением Алмаз хватает пистолет и стреляет через окно в сторону автомобиля, подняв руку над собой, не глядя. Свин орёт что-то в рацию, но в этот момент я слышу тяжёлый металлический удар и звон стекла. Шеф хватается за рацию:

— Живьём брать суку!!!

Слышен грохот перестрелки. Свин поднимает стёкла. Алмаз поднимает голову. Я аккуратно высовываюсь, готовый в любой момент пригнуться, и смотрю на происходящее. Наш второй джип врезался в чёрный седан лоб-в-лоб, превратив его капот в гармошку. Водитель авто отчаянно отстреливается, но один из бойцов, аккуратно высунувшись из-за джипа, метким броском закидывает в кабину автомобиля что-то вроде гранаты. Эта штука начинает дымиться, и водитель авто закашливается, перестаёт стрелять, вылезает через разбитое стекло и падает на асфальт, пытаясь встать, скользя ногами по земле и ничего не видя вокруг. Один из бойцов подбегает к нему и со всей дури бъёт по ногам так, что тот падает, как подкошенный. Его в одно мгновение кладут лицом на асфальт и скручивают руки за спину. Тут подбегают ещё двое и помогают первому связать руки и ноги, а также хорошенько перемотать рот серым строительным скотчем. Его пару раз шарахают током, а затем, как полудохлую тёмно-синюю гусеницу, поднимают на руки и затаскивают на заднее сиденье джипа.

— Шеф, порядок, пассажира оформили. Вроде больше никого, - раздаётся из рации.

— Хорошо. Поройтесь в тачке, может чё есть полезное.

Но ничего полезного, кроме пары гранат и дозы наркоты, в автомобиле не оказывается.

— Ладно, валим отсюда, - говорит шеф в рацию. - Дальше промка будет, там с ним и разберёмся.

— Принято.

Мы срываемся с места, с оглушительным визгом свернув на перекрёстке. До ворот остаётся совсем недалеко.

— Ты, всё-таки, иногда бываешь прав, Свинота, - одобрительно произносит шеф, хлопая Свина ладонью по блестящей лысине.

— Глаз да глаз нужен, когда везёшь такого важного человека, - посмеивается он.

— Да, ты теперь важный человек, Малой, привыкай, - говорит шеф, глядя на меня.

— В смысле? - отвечаю, оторопев. Свин тоже оборачивается. И Жека.

— Чё вылупились? Не в меня стреляли. А в него.

— Да ладно, шеф?! - гудит Свин.

— В штанах прохладно! Включи мозги! Он подъехал к нам с самой неудобной стороны, навстречу, вместо того, чтобы обогнать по тротуару и шмалять с моего боку. А всё потому, что Малой сидит слева, а не справа. Догоняешь?

Тишина.

— Кто-то мстит тебе за выигрыш, братан. Ничё, не ссы, ща разберёмся.

Мы доезжаем до ворот. Они по-прежнему не заперты с тех пор, как Свин перекусил цепь. Аккуратно притормаживаем перед воротам, подталкиваем их бампером, и они послушно открываются, выпуская нас за пределы седьмого круга. Мстит за выигрыш… Бред какой-то… Хотя, в Подземелье всё может быть.

— Алло, Самвел, - раздаётся голос шефа. - Как дела, родной? Да хорошо, удачно съездили! Возвращаемся на базу. Что? Не, братуха, задержаться никак не можем. Но слушай, нужна твоя помощь. Погоди, послушай, бля! Мы поедем через промку твою. И у нас тут пассажир есть, молчаливый, которого разговорить надо. И нам бы… как это… помещение какое-нибудь, ну, с подходящими инструментами. Чтоб помочь ему поразговорчивее стать, догоняешь?

Я слушаю это и удивляюсь тому, насколько интеллигентно завёрнута эта простая мысль: мне нужно место, чтобы пытать человека. Почему так? Неужели они стесняются?

— Ништяк! Красота, братуха! Спасибо тебе! Ладно-ладно, всё. Знаю-знаю. Сделаешь, сделаешь, конечно! Какие вопросы. Всё, вынимай язык из моей задницы. Я тебе помог, ты мне помог, всё как у нормальных людей. Ладно, братан, мы уже скоро приедем и… А, встрерят, да? Всё, базару ноль. Принял. Ну всё, братуха, давай, отбой.

Алмаз кладёт трубку и качает головой:

— Бля, еле отвязался. Свин, ну ты всё слышал: нам помогут, нужный сарай дадут. Займёшься пациентом.

— Не вопрос, шеф! - отвечает Свин, как ни в чём не бывало.

— Чё притих, Малой?

— Думаю…

— Да, тут есть, над чем подумать. Ничё, ща нам пациент всё расскажет, и думать не нужно будет. У нашего доктора Пятакова кто хочешь заговорит! Да, Пятаков?

— Хе-хе! Так точно, шеф!

Их это явно забавляет. А мне страшно даже представить то, что предстоит сейчас увидеть. И ведь я должен буду при этом присутствовать… Машинально достаю таблетки из внутреннего кармана.

— Мужики, есть чем таблетос запить?

Свин достаёт из куртки плоскую флягу и запрокидывает руку назад:

— Держи. От сердца отрываю.

— Не, этим нельзя.

— Ну, братух, извини, другое не пьём.

Я пытаюсь в полумраке разобраться, какую из таблеток мне принимать.

— Да шучу я, в багажнике есть пади. Ща, доедем - и достану.

А мы, тем временем, подъезжаем к промке. У ворот уже машет человек. Свин останавливается рядом.

— Командир! В ворота и направо! А там покажут дорогу!

Автомобиль двигается дальше, проезжает через ворота и заворачивает в первый проулок направо. Там нас уже ждёт другой парень на мотороллере. Он трогается, мы едем за ним.

Эта промка очень похожа на ту, которая между бумажкой и сортировкой. Бетонные коробки сараев и гаражей стоят рядами. Кругом склады и мастерские. Тут и там видны запчасти автомобилей, мотороллеров и грузовиков. Кое-где виднеются своды ангаров. Замечаю возвышающийся над бетонными постройками ржавый промышленный кран.

Мы поворачиваем налево, затем снова направо, едем дальше. Метров через пятьдесят мотороллер останавливается, и парень поднимает руку, чтобы мы тоже тормознули. Он встаёт с мотороллера и идёт к гаражу по правую руку. Достаёт из кармана ключи и открывает железную дверь, покрытую тёмно-зелёной облупившейся краской.

— Начальник, вот здесь!

Свин глушит двигатель.

— Всем ждать, - командует шеф в рацию.

Выходим из автомобиля и идём вслед за нашим провожатым. Он включает в гараже свет. Первое, что я вижу - старое потрёпанное медицинское кресло с подголовником и подлокотниками с коричневой ободранной обивкой, на которой повсюду тёмные пятна. Господи… Гляжу по сторонам просто чтобы хоть куда-нибудь смотреть. Всё здесь, в общем, как и в обычном гараже, только без автомобиля: полки с инструментами и запчастями, на стенах тоже висят всякие технические хреновины, с потолка свисает… острый металлический крюк. Нет… это уже не как в обычном гараже… Запах бензина и смазки перемешан здесь с каким-то другим запахом… чего-то палёного… Мне становится худо…

— О! Тиски есть! Это самое главное, шеф!

Радостный голос Свина только усиливает мой нервяк. Руки начинают подрагивать.

— А пасатижи? Пасатижи где, бля?!

— Тут, начальник, - отвечает парень и, быстро метнувшись к одной из полок, хватает инструмент и услужливо протягивает «доктору».

— Во, нормалёк! - радуется Свин. - У нас тут хорошо пойдут дела! Надо бы ещё, чтоб ток подключить можно было. Есть такое?

— Слышь, давай без тока, - вмешивается Алмаз. - Ещё укокошишь его… Доктор, блин…

— В натуре, шеф, твоя правда, - отвечает Свин, задумчиво взявшись за подбородок. - А паяльная лампа есть?

— Здесь нету, начальник, но могу съездить. Две минуты - и всё будет.

— Давай, браток, сгоняй-ка быром, - Свин оборачивается к Алмазу. - Командир, я готов принимать пациента!

Алмаз берётся за рацию:

— Циклоп, заводи пассажира. Ща будем колоть.

— Есть, шеф, - слышится короткий ответ.

Не успевает пройти и полминуты, как в гараж заносят связанного убийцу-неудачника. Рот его замотан серым скотчем. Он даже не пытается сопротивляться. Посмотрев на «докторское кресло», он мучительно закрывает глаза. Его сажают и привязывают за туловище к спинке, а ноги приматывают к ступеньке. Руки освобождают и приматывают скотчем к подлокотникам…

— Я пойду, мужики, - говорит Жека. Никто не возражает.

Да, мне бы тоже хотелось пойти. Чёрт, забыл воды попросить. Ну теперь уже Свина отвлекать нельзя. Он ходит, улыбаясь и потирая ладошки, вокруг своего «пациента».

Наконец, убийце разрезают скотч на лице и срывают резким небрежным движением. «Пациент» морщится.

— Ну чё, братуха, - говорит Алмаз. - Ты в надёжных руках, - он кивает на Свина. - Даже не сомневайся, ты нам всё расскажешь. У меня к тебе деловое предложение: давай не будем тратить время, и ты просто выложишь всё сразу. Мы никому не скажем, я те слово даю!

— Я ж через посредника, мужики… через контору… Они ж ничего не говорят…

— Врёшь, сучонок!!

Свин тут же отправляет свой здоровенный кулак в голову «воспитуемого», но резко останавливается в какой-то паре сантиметров.

— Ёпт, в голову ж нельзя! - говорит он, хлопнув себя по лбу, и тут же пробивает под дых, да так, что жертва захлёбывается кашлем, выпучив глаза.

— Покушение явно совершено безо всякой подготовки, впопыхах, на скорую руку, - продолжает Алмаз. - Или думаешь, я не шарю? Ты меня за дебила держишь? Думаешь, *я* никого не заказывал?!!!

Свин снова пробивает несчастному под дых.

— Заказчик очень торопился. Ему нужно было прихлопнуть Малого как можно скорей. При таком раскладе контора не катит - слишком долго они соображают и готовятся. Тут явно пошли напрямую, к первому попавшемуся мудаку. То есть, к тебе, - Алмаз приближается к «пациенту» и почти упирается лбом в его вспотевший лоб, глядя пронзающим, сверлящим взглядом глаза в глаза. - Кто - заказал - Малого?

— Говорю ж вам, контора, пацаны… - шепчет бедолага.

Алмаз неторопливо и с досадой отворачивается от жертвы, разведя руками.

— Начнём с тисков, пожалуй, - объявляет Свин.

Интересные, однако, подробности. Вот, значит, как. Хочешь заказать по-быстрому - идёшь напрямую, без посредников.

— Алмаз, а напрямую заказать дороже, чем через контору? - спрашиваю я, заодно пытаясь отвлечь себя разговором.

— Как правило, да. Во-первых, исполнитель должен быть опытнее, чтоб не обосрался, как вот этот вот, и не выдал тебя, - тут из-за спины раздаётся истошный рыдающий крик. - А во-вторых, за срочность всегда платишь больше.

Я достаю сигареты и закуриваю. Алмаз делает то же самое.

— Но у заказчика с деньгами вроде проблем нет, раз нанял чувака на личном автомобиле. У него другие проблемы какие-то. Связанные с тобой. И не похоже, что это твой выигрыш в казино.

Снова слышны ужасающие крики.

— Ну блин, а что же ещё? Я ж мелкая сошка, в бандах никаких не состою. Кому я мог дорогу перейти?

— Если бы кто-то тебе мстил за выигрыш, он бы не торопился, согласись.

— Соглашусь…

Время тянется медленно. Приезжает парень с паяльной лампой. Я то и дело выхожу наружу, чтобы немного отдохнуть от душераздирающих воплей, хотя и на улице они отлично слышны.

Свину удаётся выпытать у жертвы признание в том, что да, заказвали не через контору. Но несчастный говорит, что если он назовёт имя, то будет ещё хуже. Будут пытать и медленно убивать всю его семью.

— Во-первых, тебе никто не верит, а во-вторых - всем плевать, - объясняет ему Алмаз. - Скажи нам, кто заказчик, скажи нам, где твоя семья, и мы грохнем тебя и семью быстро и безболезненно. Обещаю.

Я снова тянусь за таблетками. Это невозможно выносить. Мне нужна вода…

И тут мне приходит в голову идея.

Быстро возвращаюсь вглубь нашей пыточной камеры и иду к Свину, который деловито стягивает с окровавленной жертвы штаны.

— Доктор, можно вас на секунду?

— Малой, погоди, дай мне с процедурой закончить. Нашему пациенту нужен проктолог.

— Свин, серьёзно: на две минуты. Я вспомнил кое-что.

— Пусть скажет, - одобряет шеф.

Свин подходит ко мне, а я достаю таблетки и показываю ему:

— Смотри, вот это - ноотроп. Ну, чтоб соображать лучше.

— Ха-ха-ха! Думаешь он не говорит, потому что слишком тупой?!

— Не, погоди. У этой таблетки есть побочка: очень сильно снижается болевой порог. Чувствительность сильно возрастает, врубаешься?

Доктор понимающе кивает головой:

— Ты предлагаешь его накормить этой бадягой? А он коней с неё не двинет?

— Не, не двинет. Я сам её ел сто раз.

— Ну смотри… Думаешь, с ней лучше пойдёт дело?

— Сто пудов.

— Хм… ну давай попробуем. Раз хуже не будет… Эу! Череп! Притащи воды из багажника, будь братом!

Я даю Свину таблетку-капсулу, а Череп приходит с бутылкой воды.

— Ну теперь я прям в натуре доктор! Так-с, дорогой пациент, откройте-ка ротик… Открывай рот, сучара!!!

Они заталкивают ему таблетку в рот и заставляют проглотить, быстро и умело.

— Сколько ждать, Малой?

— Пять минут.

— Пошли покурим, мужики.

— Поставь ему горелку под жопу, чтоб скучно не было.

— Блин, крепкий попался, да?

С этими разговорами мы выходим на улицу и дружно курим. Я порываюсь принять таблетку успокоительного, но передумываю. Сейчас нужен ясный ум.

— Свин, дай глотнуть твоей браги.

— Какая брага, братан? Это настоящий виски!

Пара глотков крепкого алкоголя помогают немного успокоиться.

Мы возвращаемся. Я заглядываю истерзанному убийце в глаза. Зрачки расширились. Всё, как полагается.

— Ну чё, готов пациент? - спрашивает «доктор», глядя поверх моей головы.

— Да, готов.

— Так-с! Займёмся маникюром! - говорит он, взяв со столика пасатижи, - Дайте-ка сюда свой пальчик… Р-р-р-раз!

Раздаётся такой крик, что даже Свин вздрагивает от неожиданности. Я никогда не слышал, чтоб человек так орал. Это просто кошмар какой-то! Как будто ему… я даже не знаю, что… что надо сделать, чтобы *такое* услышать.

— Ай, как хорошо! - восхищается «доктор», перекрикивая «пациента». - Вот это дело! Это я рвал быстро, братан. А сейчас буду медленно…

— АААААААА!!!!!!!!!!

— Бля, да что ж ты так орёшь-то…. Как будто тебя пытают… Вот уже и юшечка пошла, давай ещё маленько…

— СЕРЫЙ!!!!! СЕРЫЙ!!!! Серый…. А-а-а…

Свин оглядывается на нас с Алмазом. А мы оглядываемся друг на друга.

— Серый?? За что? За то, что я занял второе место, а он первое? Не, фигня какая-то. Может я как-то по-другому ему навредил? Но как? Мы с ним отлично играли до этого, он звал меня на турнир… Да и на самом турнире у нас вроде не было проблем. Он поздравил меня с победой, пожал руку…

— Да… полная хрень, - отвечает Алмаз и кивает Свину.

Тот снова принимается за дело. Жертва рыдает и умоляет прекратить. Клянётся, что это точно Серый, и что…

— Стоп… Свин, остановись! - кричу я, пытаясь переорать истерзанного «пациента», хотя это очень трудно.

Он останавливается. Я смотрю на шефа:

— Алмаз… Я, кажется, понял, в чём дело. Пойдём поговорим. Наедине.

— Хм… ну пошли. Свин, пока не делай ничего. Перерыв.

— Есть, шеф.

До машины мы доходим в полном молчании. У меня перед глазами сцена нашего разговора с Тиграном. «Тигран… Я знаю кое-что… Про Серого… И про тебя… Про вас с Серым.» Я ещё до конца не уверен в своей догадке, но уж слишком хорошо всё встаёт на место!

— Садись за руль, - говорит Алмаз.

Я сажусь в водительское кресло здоровенного бронированного джипа, а шеф садится справа от меня.

— Ну? Выкладывай, - гудит он, сверля меня взглядом.

Некоторое время собираюсь с мыслями.

— Алмаз. Дело тут, кажется, вот в чём. Перед игрой у меня состоялся странный разговор с Тиграном…

И я пересказываю ему всю «туалетную» сцену в подробностях.

— …Он так и вылетел оттуда пулей, напоследок сказав, что, типа, «правила могут обернуться против меня». Я-то имел в виду, что знаю про них с Серым, что они принимают допинг перед игрой. Ну, таблетосами закидываются. Но Тигран, видать, подумал кое-что другое… Врубаешься? - своим выражением лица я делаю ему намёки.

— …Ты хочешь сказать… - произносит Алмаз после долгого молчания, - …что они с ним - дырявые???

Глаза шефа широко раскрыты, а рот медленно растягивается в улыбке. «Дырявый» или, по-другому, «дырявые яйца» - так у нас называют педиков. Суровые правила Подземелья. Если про тебя узнают, что ты голубой, тебя расстреляют на месте. Первый выстрел в яйца, второй в голову. Никто не будет церемониться. «Правила могут обернуться против тебя». Вот что имел в виду Тигран. Я узнал про очень серьёзного криминального авторитета, что он «дырявый». Узнал то, о чём никто знать не должен. И поэтому, что надо со мной сделать? Правильно. Грохнуть как можно скорее.

Я объясняю всё это Алмазу, и он понимающе кивает, не переставая улыбаться. Я вообще до этого ни разу не видел улыбки на его лице!

Но тут вдруг он снова становится хмурым:

— Слушай, Малой, всё складно говоришь, но: я ведь Серого видел с бабами. И не только я один.

— А Тиграна?

Улыбка возвращается к Алмазу. Он закусывает губу. Он прям сам на себя не похож!

— …Бля… а про него не знаю. Но узнаю обязательно! Уж поверь: я про этих голубков всё узнаю, ха-ха-ха-ха-ха!! Серый, видимо, этот… универсальный солдат! А Тигранчик - одна из его тёлок!!!

Алмаз заливается хохотом, как подросток - задорно, с повизгиванием - и колотит кулаками по торпеде. Смотрит на меня:

— Парень! Да ты просто сокровище! Ты представляешь себе, *что* будет, если это подтвердится??? Ты представляешь, КАК я его возьму за его дырявые яйчишки!!! О-о-о!!!

Он воздевает руки к небу, словно сами боги принесли ему этот подарок. Да… наверное, будь я на его месте, я бы так же радовался. Это ж какая власть! Как шантажировать можно! Весь расклад сил меняется!

— Пошли! - почти кричит шеф, торопливо открывая дверь.

Он вдруг резко замирает и тычет в меня указательным пальцем:

— О нашем разговоре *никому* ни слова.

— Само собой.

— Пошли.

Мы возвращаемся в гараж, проходя мимо группы курящих товарищей, среди которых есть и Жека.

— Свин, всё, сворачивай свою терапию. Разобрались.

— Шеф, чё, внатуре Серый?

— Ничего не спрашивай. Собирай манатки, поехали. Пациента оставляем здесь. Пусть или пристроят его куда-нибудь к себе, или пинком под жопу выгонят. Мне всё равно. Договорись с тем парнем. Погнали.

Алмаз уходит, а Свин похлопывает своего несчастного «пациента» по щеке:

— Ну, братан, ты здоров теперь. Поздравляю! Смотри, не болей больше.

Мы не торопясь собираемся и отправляемся в путь. Шеф в прекрасном настроении, и это замечают все. Свин пару раз мне вопросительно кивает, а я только пожимаю плечами и играю в дурачка. Ну а что делать? «Коммерческая тайна».

Остаток пути проходит без приключений. Мы проезжаем мимо крематория, потом через жилой квартал, и мимо кирпичного завода. Я задрёмываю и просыпаюсь, когда мы уже рядом со знакомой мне колонной [8-74].

— Куда дальше, шеф? - спрашивает водитель.

— Дорогу что-ль забыл, Пятак?

— Да не, я в смысле: к нам на базу, или…

— Закинете меня домой, а мужики? - спрашиваю я.

— Погоди: а праздновать?

— Праздновать?

— Ну само собой! А ты как хотел? Домой и баиньки, что-ли?

Да, глупости какие-то…

— Давайте к родокам заглянем, а то волнуются ведь. А потом праздновать. Всё равно же по пути, - говорю.

— Базару нет, всё для тебя, чемпион!

Я теперь просто купаюсь в благосклонности Алмаза. А ещё я теперь богат. Просто до меня ещё не успело дойти, сколько у меня теперь денег. Надо как-то не просадить их в первую же неделю. Надо сделать вид, что всё как и раньше, только… только у меня теперь… появился шанс.

Мы довольно скоро доезжаем до трущоб. Останавливаемся на разбитой дороге напротив моей хибары, рядом с горой старых разорванных покрышек.

— Да, братуха, небогато ты живёшь… - бормочет водитель.

— Это *ты* теперь небогато живёшь по сравнению с ним, - осаждает его шеф. - Ну, веди нас, чемпион.

— А вы со мной?

— Ясное дело! Надо ж познакомиться.

И то правда. Пожалуй, мне удастся избежать люлей от отца и брата благодаря моим новым друзьям.

Выходим из автомобиля и идём по грязной кривой тропинке к моему дому: я впереди, за мной Алмаз, потом Свин, и позади всех Жека.

Из дома выходит отец. Увидев меня, он направляется навстречу, стиснув кулаки:

— Вернулся, сучонок!!! - орёт он мне издалека. Но я держу покер-фейс.

Приблизившись ко мне, он уже замахивается кулаком, но тут Алмаз выходит вперёд и одним взглядом останавливает его. Мой отец по сравнению с Алмазом - это как моторроллер по сравнению с нашим бронированным джипом.

— Спокойно, уважаемый, - произносит он басом, словно мент, которому нужно скрутить алкаша.

Папаша смотрит на Алмаза, офигев и ещё не до конца поняв, что я действительно не один, и что эти два качка и правда со мной.

— А ты кто такой, бля?

— Бля - твоя бывшая, - спокойно отвечает шеф. - Следи за языком, а то не посмотрю, что ты отец. Отмудохаем так, что мать родная не узнает.

— Пап, ты, правда, поосторожней, - говорю. - Они при мне человека пытали.

Свин стоит с другого бока от меня и добродушно смотрит на батю. Тот меняется в лице и бубнит, замешкавшись:

— Ладно, ладно, мужики… Я ж чё… Сына долго не было… Шлялся где-то…

— На турнире он был. И выиграл. Выиграл столько, что ты ему теперь ноги целовать должен.

Пауза. У отца отвисает челюсть. Он смотрит то на меня, то на Алмаза, совершенно не соображая, что говорить и что делать.

— А… А ты… вы… кто?

— Я - друг семьи, - объявляет Алмаз. - Пригласи нас в дом. Напои чаем.

Я так и жду, что отец скажет: «Есть, шеф!». Очень трудно ответить что-то другое. Но папаша, видимо, язык проглотил, и поэтому он просто тупо кивает и поворачивает в сторону дома, прохрипев что-то вроде «Пойдёмте…».

Мы идём за ним. Заходим в дом. Мать, увидев меня, охает и бросается в объятья. Брат встаёт с кровати смотрит непонимающим хмурым взглядом, но видя, кто со мной, не встревает и просто стоит и ждёт, что будет дальше.

— Жена, накрывай на стол, - командует отец. - Ибрагим, дай стулья гостям!

— У нас стульев столько нету, бать.

— Значит кровати двигай, сделай что-нибудь! - рявкает батя в ответ.

Все начинают суетиться, тащить стол с кухни, двигать кровати.

— Рима, чаю сделай скорей! - сышится мамин голос.

Алмаз показывает пальцем на мою белую деревянную тумбочку, которую я потащил в угол, и жестом подзывает меня с ней к себе. Я подтаскиваю её к нему, шеф садится сверху и довольно крякает:

— О, нормас!

Я жду, что сейчас раздастся хруст, и тумбочка просто развалится под ним, но ей каким-то чудом удаётся выстоять.

— Свин, Жека, чё стоите? Садитесь давайте.

Все, наконец, рассаживаются за стол, накрытый заляпанной целлофановой клеёнкой. Мама выставляет запасы, которые у нас имеются и которые не стыдно выставить. Таких мало. Несколько конфет. Консервная банка с сахаром. Кусок вяленой собачатины. Сухари.

— Значит так, - объявляет шеф. - Марк занял второе место на покерном турнире в казино Кристалл. И выиграл сумму, которую я вам даже не буду называть, чтобы вас кондратий не хватил. Ну, в общем, на приличную хату вам хватит.

Мать охает и закрывает рот руками, а Ибрагим вскрикивает «Да ладно!».

— Деньги эти - под моим контролем. Как Марк решит ими распорядиться - так и будет. Если кто-то захочет эти деньги украсть или выманить - будет иметь дело со мной. Всем понятно?

Семья молчаливо кивает. Рима приносит чай.

— А ты… ты кто? - спрашивает Ибрагим, слегка замявшись.

— Про алмазовских слышал?

— Слышал.

— Я Алмаз.

Лицо у брата вытягивается. Он смотрит на меня, выпучив глаза.

— Ну чё притихли-то? Праздновать давайте! - грохочет шеф.

И все, как по команде, берут себе чай и скромные угощения, которые есть на столе. В хату забегает отец с драгоценной «заначкой» в руках:

— Мужики! Надо хряпнуть за такое дело!

Он достаёт из кармана засаленного халата стопку пластиковых стаканчиков и разливает всем мужчинам - и даже мне - свою брагу. Мы выпиваем, поморщившись. Шеф велит мне рассказать про наше приключение. Все слушают, затаив дыхание.

— Может, это… парней-то позвать? - прерываюсь я, кивнув за дверь.

— Не надо, подождут. Они привыкшие, - говорит Алмаз. - Ща поедем к нам и оторвёмся. Это так, разминочка. Давай, рассказывай дальше.

Я пытаюсь поскорее рассказать всё, что важно знать моей семье. Особенно подробно останавливаюсь на том, как именно мне заплатили, что есть сертификаты, что ими можно платить, что часть именные, а часть - на предъявителя, в общем - вот эту всю кухню. Больше всего рассчитываю на брата - он лучше всех соображает на тему денег и даже что-то слышал про сертификаты от казино.

Посиделки наши длятся не долго. Как только я заканчиваю рассказ, шеф объявляет:

— Господа! Нам надо двигать на базу, и Марка мы сегодня забираем с собой. Все вопросы ему зададите позже. Марк под моей надёжной охраной и защитой. Думаю, это понятно. Рад был со всеми познакомиться. Всё, по коням!

Отец уговаривает всех принять «на посошок», но желающих снова пить его дрянь не находится, и мы дружно идём к машинам.

Наших двух чёрных бронированных коней уже облепила местная мелюзга, а трое бойцов стоят на улице и курят. Увидев нас издалека, они неторопливо тушат папиросы, и разгоняют детвору криком и матерной руганью.

Мы садимся и едем по уже знакомой мне дороге, мимо опор ЛЭП до промки. Все обсуждают мою непутёвую семейку, особенно подшучивая над папашей. Я не возражаю.

Свин безошибочно находит дорогу через лабиринты промки. Местные обитатели рассеянно провожают взглядом наши две огромные «боевые машины».

Алмаз интересуется, где я так хорошо научился играть в покер. Ведь раньше он думал, что причина в том, что я вращаюсь в казиношных кругах, а теперь оказывается, что я прям

с самого что ни на есть дна. Рассказываю неторопливо свою историю, а автомобиль наш тем временем въезжает в жилой квартал.

Мы доезжаем до колонны и поворачиваем направо, проехав мимо виадука. Примерно в ту же сторону мы с Жекой шли играть к Косолапому, но только мы едем ещё дальше вдоль железки.

— Я думал, мы в офис, - говорю шефу.

— Не. В офисе нам делать нечего. На базу едем. Там отдохнём немного - и кутить.

Я-то думал, что офис - это и есть база. Но когда мы останавливаемся у больших железных ворот и бетонного забора со спиралью колючей проволоки и с небольшой вышкой со стационарным пулемётом и дежурным стрелком, я понимаю, как сильно ошибся. Створка ворот медленно и неторопливо отъезжает в сторону, движимая каким-то специальным механизмом, и наши броневики заезжают внутрь.

— С возвращением домой, братцы, - говорит в рацию Алмаз. - Всем мыться-бриться, переодеваться, и через 20 минут быть в переговорке. Подведём итоги.

Он выключает рацию.

— Малой, Кучерявый: вас тоже касается.

Во как.

Мы выходим из машины и идём вслед за всеми.

— А где эта «переговорка», - спрашиваю Жеку.

— Братух, я без понятия. Я сам тут был всего один раз, залётом. В душе не…

— Малой, - окликивает меня шеф. Я оборачиваюсь. - Всё, что ты здесь видел и слышал - можешь унести только с собой в могилу. Ты это понял?

— Есть, шеф, - отвечаю безо всякой запинки. И Алмазу это явно нравится.

Не понятно, где переговорка и где тут можно «помыться-побриться», но понятно одно: Алмаз уже видит меня членом своей банды. Я как бы заочно принят. Мне доверяют. На меня рассчитывают. Может быть меня ещё будут проверять на преданность и надёжность, но в целом, видимо, всё идёт к тому, что скоро я получу официальное приглашение. Обмениваюсь взглядом с Жекой. Словно прочитав мои мысли, он мне хитро подмигивает.

Мы идём к кирпичному зданию через площадку, на которой, кроме наших джипов, стоит ещё два таких же, и ещё несколько легковых автомобилей. У одного из них люк на крыше. А у здания стоит небольшой грузовик. В кузове у него что-то большое и тяжёлое, накрытое брезентом.

У входа в здание нас ждёт… кажется, Арчи. Он улыбается и подмигивает нам, держа автомат стволом вниз:

— Э, желторотики! Вы хоть знаете, куда идти?

— Неа, - говорит Жека.

— Пойдёмте, детишки, отведу вас за ручку, так уж и быть.

Арчи отводит нас на второй этаж и показывает, где «переговорка», по дороге рассказывая примерно, что и где. Тут есть склад оружия, душевая с переодевалками, зал с бильярдом, качалка, «жральня», «чилловня» и прочие удобства. Мы бежим в душ, чтобы успеть быстро ополоснуться перед «планёркой». Забегаем в переодевалку, где дисциплинированные алмазовские бойцы уже давно разделись и моются. Мы тоже раздеваемся и отчаянно ищем полотенце. Но полотенца все уже разобраны. Я предлагаю плюнуть на это дело и идти мыться просто так. Мы дожидаемся когда освободиться хотя бы одна кабинка и бежим туда прямо вдвоём. Встаём под струю горячей воды, по очереди подставляя под неё свои тощие тельца. Кайф!

Череп, проходя мимо нас, останавливается и смотрит с неодобрением. Говорит Жеке, что кабинка освободилась, что надо было просто подождать, и что такая практика нас до добра не доведёт. Нам стыдно и смешно одновременно. Из соседней кабинки слышен хохот Свина.

Помывшись и одевшись обратно, не вытираясь, мы торопимся в «переговорку». Дверь открыта, почти все уже внутри. Заходим. Стол, который я ожидал увидеть посреди комнаты, стоит в углу, а стулья стоят кругом. Все сидят. Ждут. Алмаз указывает нам взглядом на свободные стулья. Мы садимся. Вскоре прибегает припоздавший Свин.

— Свинина, чё так долго, все тебя ждём! - ругается шеф.

— Попробуй, шеф, такую тушу отмыть! - шутит один из бойцов.

Свин хрюкает в ответ, все хохочут.

— Молчать!

Шеф обводит всех строгим взглядом.

— Значит так, - говорит он сквозь улыбку. - Поездку считаю удачной. Выиграли турнир. Завели полезные знакомства. Сделали доброе дело, Самвельчику помогли, это нам в плюс. Ну и, - он улыбается уже в полный рот, сверкая металлическими зубами, - узнали важную информацию, которая нам *очень* поможет. Все молодцы! Всем премия! Все сейчас дружно собираемся и едем к Рамилю! Я угощаю!

Восторгу бойцов нет предела. Они издают хором какой-то совершенно невероятный победный клич. Берутся за руки. Я тоже берусь за руки, правой за жекину, левой за свинову, и мы дружно орём «Ура! Ура! Хэй! Хэй! Алмазовские - всех сильней!»

Шеф достаёт откуда-то из-за спины бутылку, кажется, с виски, передаёт по кругу, и каждый отпивает прямо из горлышка. Когда очередь доходит до меня, я делаю глоток жгучей жидкости, и она разливается острым теплом по телу. Это, конечно, совсем не такая дрянь, как пойло моего отца. Даже вкус какой-то есть, и даже закусить почти не хочется. Я голоден, и крепкий алкоголь тут же даёт в голову.

Мы дружно вываливаем из переговорки, поём какую-то песню, и судьба уже несёт меня к тому самому Рамилю, который оказывается владельцем весьма неплохого ночного клуба, где нас встречает новая порция алкоголя и табун слегка одетых девушек… женщин… на столе стоит разноцветный кальян. И забит он явно не табаком. Свин напоминает мне, что я должен проставиться за паспорт, а я напоминаю всем, что голоден, и на стол очень быстро приносят ароматные куриные ножки в соусе. Но пьём мы так часто, что я едва успеваю отправлять еду себе в рот. Ко мне подсаживается одна из девиц и интересуется, я ли тот самый чемпион. Услышав это слово, толпа тут же поднимает за меня тост, а потом поднимает меня самого на руки и начинает подбрасывать со словами: «Да здравствует чемпион! Да здравствует чемпион!». Начинается умопомрачительная бандитская попойка, с вёдрами алкоголя, с наркотой и бабами. Я теряюсь в круговороте оглушительной музыки, криков, тел, запахов и движений… Но где-то на самом дне сознания пульсирует и не поддаётся никакому воздействию одна-единственная упрямая мысль: «Береги деньги. Тебе нужно в центр. Береги деньги. Тебе нужно… в центр…»

5

В Подземелье слухи и байки распространяются гораздо быстрее правды. Правда если и приезжает следом, то с сильным опозданием, когда место уже занято.

Не успел я вернуться, как меня тут же записали в чемпионы и криминальные авторитеты. Оказывается, я занял первое место на турнире и заработал сто тысяч фишек, а ещё попал в «совет директоров» банды алмазовских. Мне повезло - слухи играют в мою пользу, а бывает ведь и наоборот. Но мне сейчас совсем не в кассу то нездоровое внимание, которое я получил. Весь район обо мне говорит. У меня, оказывается, куча друзей! Обо мне вспомнили те, о ком я сам уже давно забыл.

От моей внезапной известности выиграли как минимум три человека: Раф, Лёха, и брат мой, Ибрагим.

У занятого по уши Рафа сразу же нашлась для меня куча времени. Он стал чуть ли не моим личным водителем. Мы с ним колесим по всему району и за его пределы. Раф не даёт мне ходить пешком. Говорит, что я теперь «важный человек», и что меня «грабануть могут», несмотря на то, что местные бандосы ко мне теперь за километр не подходят - боятся. Конечно же, Раф это делает со своей выгодой. За пару недель мы успеваем несколько раз побывать на «важных переговорах» с разными «шишками», о которых я ни сном, ни духом. На этих «переговорах» я просто стою, как мебель, не открыв ни разу рта, но одно лишь моё присутствие работает как аргумент. Я ведь человек с деньгами из алмазовской верхушки всё-таки! Конечно это блеф, но он работает.

Лёхины дела тоже пошли в гору. Я явился к нему через день после своего прибытия, чтобы «обрадовать»: я увольняюсь. Он встретил меня с улыбкой и распростёртыми объятиями, уже прекрасно всё понимая. После долгого разговора мне удалось ему объяснить, что занял я вовсе не первое место, а второе, и что денег у меня, конечно, несколько меньше, чем рассказывают, и что я официально ещё не алмазовский, хотя всё к тому идёт. Но Лёха сказал мне следующее:

— Никому и никогда правда ещё не помогала заработать.

Пусть меня черти сожрут, если он не прав! Мы договорились очень просто: я стараюсь никого ни в чём не переубеждать, а он вешает на свой автосервис большой плакат о том, что «чемпион Первого Кристалл-турнира Марк Малой работал здесь». Прошла неделя-другая - и заказы посыпались, как крупа из товарного вагона. Был бы я предприимчивее - тоже бы заработал на этом что-нибудь.

Ну а Ибрагим нашёл неплохую работу на промке, тоже благодаря мне. И девки к нему теперь клеятся, как мухи к липкой ленте, хоть он и так никогда не был обижен женским вниманием.

Что же касается меня самого - я теперь, конечно, самец номер один. Ну и мешок с баблом. Все, кому не лень, просят у меня денег в долг. Я никому не даю. Большую часть налички и все сертификаты я отдал Алмазу на хранение, а себе оставил скромную сумму, понимая, что это самый лучший способ сохранить заработанное. Удивительно, но после выигрыша я стал тратить деньги гораздо осторожнее. Мне не интересно пожить «на широкую ногу». Мне нужно совсем другое…

Мы сидим с моими дружками, которые оказались первыми в очереди попить со мной пива. Поскольку правда никому не нужна и не интересна, я просто поддерживаю те слухи о себе, которые выгодно поддерживать, и кормлю своих собутыльников байками, добавляющими к слухам обо мне побольше ярких красок. О воротах, колоннах и кругах я при этом благоразумно помалкиваю.

Когда мы расходимся, один из моих взаправдашних товарищей, ещё из старой гвардии, просит денег в долг.

— Косой, ты ж знаешь, я никому не даю.

— Ну мне-то, Марк, - смотрит он на меня, как на предателя. - Мне то! Мы ж с тобой с четвёртого класса! Сколько раз дрались вместе! Чо, не помнишь? Район на район! Не помнишь? По железке бегали! От ментов удирали! Чо, всё? Забыл? Шишкой стал? И друзья тебе теперь больше не друзья?

Он очень ловко записался ко мне другом, но я просто молчу. Жду, когда он выговорится. Он плюёт мне под ноги и уходит. А я отлично знаю, что он вернётся и извинится, когда я очень сильно ему понадоблюсь. Никакой гордости у него нет. И ни в какую дружбу он не верит. Его задача - получить деньги. И если для этого нужен я, значит нужно использовать меня и давить в те места, которые слабее. Только он ошибся. Я знаю, что такое дружба. Знаю, как она строится и как она ломается. Дружить можно только на равных. Я теперь могу дружить с Рафом. Могу дружить с Лёхой. С тобой, Косой, мы хоть и много пережили, но пошли разными путями. И теперь мы не друзья, и вряд ли ими станем.

Я остаюсь в пивнухе и уже набираю номер Рафа. Но потом останавливаюсь. Настроение паршивое. Домой не хочется. Надо… надо побыть одному. Надо встряхнуться и подумать. Привести голову в порядок. Понять, что дальше.

Набираю Нурбека. Он теперь возит меня на сортировку безо всякой платы, за счёт «конторы». Так распорядился Алмаз. Нурбек оказывается где-то неподалёку. Он приезжает за 20 минут. Здоровается. Ничего не спрашивает. Я сажусь к нему в машину и прошу отвезти «на базу» - туда, куда мы приехали в тот раз после турнира. Алмаз сказал, что я могу приезжать в любое время. Здорово, потому что сейчас это для меня самое подходящее место.

Молчаливость Нурбека для меня, как божья благодать. Ему ничего от меня не нужно. Он не просит денег, не пытается подлизаться или втереться в доверие. Он, как кирпич в стене: крепкий, твёрдый, знает своё место и несёт свою службу. Мы не станем друзьями, но мне приятно с ним.

Мы едем по уже очень знакомому маршруту. Приходит сообщение от Рафа. Зовёт тусоваться. Отвечаю: «Завтра». Отключаю телефон. Смотрю на него, подбрасывая в руке. Старый. Обновить бы надо. Раньше даже мыслей таких не было. Деньги делают своё дело.

— Сыну понравился автомат? - спрашиваю Нурбека.

— Угу, - отвечает он.

Это весь наш разговор.

Доезжаем довольно быстро. Подкатываем к воротам. Часовой на вышке, всё как положено. Водитель сигналит. Ворота медленно, нехотя открываются, и мы заезжаем внутрь. Я на месте.

— Спасибо, Нурбек.

Это казино научило меня говорить «Спасибо». Привычка появилась сама собой, и она мне нравится. Нурбек одобрительно кивает:

— Не за что.

Я выхожу во двор, а он уезжает. Иду к корпусу, где у нас была «итоговая встреча». Навстречу выходит Череп.

— Здоров, Малой!

Жму ему руку:

— Привет.

Всё происходит как-то между прочим, я у них уже почти что свой. Захожу внутрь. Хожу по коридорам. По этажам. То тут, то там со мной здороваются. Мимо проходит Циклоп, сотрясая пол своими шагами, и в знак приветствия просто молча кивает головой. Киваю в ответ.

Везде жизнь. Тут едят, тут курят, тут качаются. На лестнице несколько человек обсуждают, как «накрыть кого-то» и «вернуть бабки».

Поднимаюсь на третий этаж и вижу железную лестницу на крышу. Забираюсь по ней, толкаю люк наверх. Не заперто.

Крыша плоская, покрыта чёрным рубероидом. Здесь никого. У края крыши стоит пулемёт и смотрит своим стволом в сторону ворот и на прилегающую улицу. Рядом ящики. Видимо, с боеприпасами. Закрываю люк. Я один. Отлично! То, что надо.

Разгуливаю по крыше и закуриваю. Сигареты у меня теперь дорогие, за две фишки, и курить их - чего уж там - гораздо приятнее.

Итак.

Всю эту затею с казино я замутил для одной единственной цели: попасть в центр. Чтобы оттуда как-то попасть *наверх*, пока не понятно, как. Ладно, всё по порядку: мне надо добраться до центра, то есть, до второго круга. Или даже до первого. Что для этого нужно?

Деньги - это раз. На попутчиков, на еду, на взятки, и на всё, что угодно. Деньги теперь есть.

Оружие. Идти в центр без него - просто самоубийство. Идти в центр и так самоубийство, но без оружия это прям верная смерть. Но оружие должно быть неприметное. Пистолет - идеально. Ещё неплохо бы иметь газовый баллончик (он у меня есть), электрошокер, ну и… гранату. Хотя бы одну. А ведь я из пистолета ни разу не стрелял. И гранату ни разу даже в руках не держал. Где этому научиться? У алмазовских, может? А им оно надо?…

Так, ладно, что ещё? Снаряжение. Хорошая обувь - это обязательно. Одежда неприметная и прочная. Рюкзак. Фонарь хороший. Нож. Газовая горелка. Медицинские всякие штуки, которыми я, как и оружием, не особо умею пользоваться. О, кстати: таблетки. Успокоительное и ноотропы, они точно пригодятся. Это не покерный турнир - любой допинг надо использовать.

Связь… Связи не будет. Ни с кем. Это я уже понял.

Еда. Взять запас еды. Какой еды? Консервы. По-любому. Только где их достать? И они же стоят, как слиток золота! Впрочем, наверно с моими деньгами это подъёмно.

Подхожу к одинокому пулемёту. Тушу сигарету о кирпичную вентиляцию. Марк, ты чё, и правда собрался? Ты совсем псих?

Слышу звуки выстрелов с другой стороны дома, противоположной от ворот. Быстро иду на тот край и смотрю вниз. Там, ближе к железке, небольшой тир. Кто-то стоит и стреляет по мишеням. Приседает. Перекатывается. Снова стреляет. Надо пойти поглядеть.

Быстро спускаюсь по этажам, выхожу на улицу, огибаю здание и быстрым шагом иду к тиру, обходя несколько машин и пару небольших построек.

Стрелок перезаряжает пистолет, что-то насвистывая себе под нос. Я останавливаюсь на расстоянии, чтобы ни дай бог… Но он как будто чувствует и оборачивается. Это Арчи.

— А, Малой! Здарова!

— Привет.

— Да ты подходи, не бойся, не пристрелю я тебя! - хохочет он козлиным смехом. - Какими судьбами, брат?

— Да слушай… я тут подумал… надо мне к вам вписываться. Всё-таки шеф обо мне хорошего мнения, ну и более-менее вы меня уже знаете… Мог бы у вас бегунком побыть, был бы полезен…

— Бегунком, бля! Чё прибедняешься-то, ёпт? Бери выше! Ты ж наш чемпион! Ты ж теперь… как там он, бля, говорит… «переговорная позиция»!

— Прям так и говорит?

— Я те клянусь!

— Хм, это… хорошо.

— Это охренеть как хорошо, братан! - говорит Арчи, размахивая пистолетом, и подмигивает мне. - Хочешь шмальнуть?

— Из пистолета? - говорю, улыбаясь.

— Ну ничего другого нет с собой, извини! - хохочет он.

— Давай! - отвечаю, скромно улыбаясь.

— Иди сюда, - говорит он, взяв меня за рукав и подводя к линии перед мишенями. - Стой вот здесь. На.

Он протягивает мне пистолет, держа его за ствол. Я осторожно берусь за рукоятку и поднимаю ствол, направив к цели. Тяжёлый, блин! Касаюсь пальцем курка.

— А как целиться?

Арчи прижимается ко мне почти щека к щеке:

— Вот, видишь выемку? И столбик. Столбик должен быть в выемке, на уровне вот этих двух хернюшек. И касаться краешком цели. Понял? А чё рука-то дрожит? Выпил, что-ль, а? Левой рукой снизу придерживай, вот так. Спину выровни, бля! Вдохни немного, задержи дыхание. Огонь!

Я жму на курок, но он не нажимается, а Арчи снова хохочет.

— А с предохранителя кто будет снимать? Участковый, ёпт?

— С какого предохранителя?

С неожиданным для меня терпением Арчи объясняет мне, что такое предохранитель, как он работает, и зачем он нужен. «Чтобы не прострелить себе яйца» - всё очень просто.

Потом мы заново целимся, я жму на курок, и от звука выстрела чуть не глохну.

— Молоко, - объявляет Арчи и хлопает меня по плечу. - Молодец, братан. Но на разборку тебе нельзя!

Я хочу отдать ему пистолет и сказать «Спасибо», но он рявкает:

— Предохранитель!!!

Поворачиваю пистолет предохранителем к себе, но он хватает меня за руку, снова наставляет пистолет на цель и говорит:

— Одним. Большим. Пальцем.

Я говорю: «Ага…», и неуклюже оттопырив палец, опускаю вниз рычажок предохранителя.

— Так гораздо проще, правда, малыш?

— Ну да.

Беру пистолет за ствол и протягиваю своему учителю.

— Понравилось?

— Мне надо научиться. Какой же я бандит, если стрелять не умею?

— Братиш, да не ссы в компот! У нас не все при стволах и не все умеют. Это ж *я* боевик, у меня работа такая.

Он выхватывает у меня пистолет, кувыркается в бок и стреляет, попав мишени прямо между ног. Но не туда, где пусто, а туда, где самое ценное.

— Попадать нужно либо в голову, либо вот в это место, если надо взять живым. На туловище бывает броник. Такие дела, братан. Ты не трухай, с нами тебя никто не тронет!

Стою некоторое время, оторопев и приходя в себя. И бросаюсь вслед за Арчи, который уже отправился куда-то.

— Всё-таки я хотел бы научиться. Ну правда. Хочу уметь стрелять. И пистолет хочу купить.

Арчи останавливается и смотрит на меня, довольно улыбаясь:

— Хех! А учиться где будешь?

Смотрю ему в глаза.

— А ты меня можешь научить?

Когда ты при деньгах, люди становятся удивительно сговорчивыми! Арчи согласился научить меня стрелять. Но он сказал ещё кое-что:

— Всё это хорошо, братан, но хочешь честно? Твоё главное средство самообороны - это ноги. Если какая заварушка, твоё первое дело - быстро смыться. Тебе нужно не стрелять метче всех, а бегать быстрее всех. Понял?

Он прав. Мне нужна подготовка. Нужно быть в форме. Так гораздо больше шансов добраться до цели.

За умеренную плату Арчи соглашается побыть моим тренером. Он назначает день и место - у ворот «базы».

Я прихожу в назначенное время. На ногах - старые джинсы и драные треснутые кроссовки. Сверху - обвисшая кофта с длинным рукавом.

Из ворот выходит мой тренер с сигаретой в зубах и с довольным видом:

— О! Красавец! Вовремя пришёл! Уважаю.

Он в своём обычном боевом. Мы здороваемся за руку.

— Ну, готов?

— Готов.

— Побежали! Вдоль этой дороги, вон до тех столбов, а дальше - скажу куда.

В начале идёт неплохо. Я даже удивляюсь, что я более-менее в форме. Но мы пробегаем метров сто… двести… и всё меняется. Становится невыносимо тяжело. Беготня - не мой конёк. Ноги стали ватными, дыхалки не хватает. Судорожно глотаю ртом воздух. Пот катится градом.

— Давай!!! - кричит Арчи и бежит рядом со мной, как ни в чём не бывало.

— Ща сдохну… - шепчу в ответ, задыхаясь.

— Давай ещё, вон до того столба!

Собираю остатки воли в кулак и бегу, не отрывая взгляд от заветного столба. Ещё немного… Совсем чуть-чуть… Я вспоминаю, как бежал по железке до столбика с километровой отметкой, и откуда-то появляются силы. Я прибавляю ходу… ещё… ещё чуток…

Есть! Дотрагиваюсь рукой до столба и сажусь на корточки, дыша ртом и сплёвывая сгустки слизи, которыми забито горло и нос.

— Фу, бля…

— Чё, тяжело?

— Да капец!…

— Мы пробежали триста метров, братан.

— Маловато, да?…

— Надо сделать два километра сегодня. То есть примерно ещё два раза по столько же - чуть больше - а потом обратно.

Я смотрю на него и посмеиваюсь. Ты же не всерьёз, Арчи? Но по его лицу я вижу, что он вовсе не шутит. Гляжу на него умоляюще:

— Арчи, я не могу больше. Не сегодня. Ноги вообще не двигаются, я пешком даже не смогу! Давай завтра, завтра лучше будет.

К моей немыслимой радости Арчи кивает головой и сочувственно улыбается:

— Да, братан. Я ж знал, что так будет.

— Ага, - отвечаю, посмеиваясь, - вот такой вот я горе-чемпион. Но ты же опытный!

— Да-да, братан, я опытный, - продолжает улыбаться Арчи, - и поэтому взял с собой вот это.

Он достаёт из кармана на ноге… шокер! И трещит электрическим разрядом в воздухе.

— Погнали, - подмигивает он мне.

— В смысле? - бормочу, оторопев.

Арчи снова улыбается:

— Ты не понял, да?

Смотрю на него в оцепенении.

— ПОШЁЛ, БЛЯ!!!

Он с разбегу пинает меня ногой. Я вскакиваю и получаю следом разряд тока в ягодицу! Мама!!!

Я пускаюсь наутёк, но Арчи бежит следом и трещит шокером прямо у меня за спиной! На мгновение я забываю, что устал, и ноги сами несут меня прочь. Но мой тренер и не думает отставать! Он всё время позади, и треск шокера напоминает мне о том, что уставать запрещено.

— Вот так, детка! Вот это хорошо! Соберись!

Усталость всё равно берёт своё, и я постепенно замедляюсь, потому что бежать уже просто невыносимо. Но стоит мне замедлиться, и я тут же получаю удар шокером и снова прибавляю ходу. Это невозможно! Я щас грохнусь в обморок! Зачем я на это подписался! Надо же постепенно, Арчи! Нельзя так сразу! Надо постепенно…

Бах!!!

Ай, чёрт!!! Рука немеет от удара током! Как же это отвратительно! Слюни текут изо рта и из носа, я уже даже не пытаюсь их вытирать, ведь стоит это сделать, как я замедлюсь и снова получу удар.

Я бегу, не чувствуя ног и издавая мучительные стоны. Но Арчи не собирается меня жалеть.

— Беги, сучонок! Беги!!! Тебя догонят и замочат! Быстрее, твою мать!!! Вон до того столба! Лучше я с шокером, чем тимуровские с битами!

В глазах темнеет. Не помня себя от боли и страха, задыхаясь и чуть ли не выплёвывая лёгкие, я добегаю до заветного столба и хватаюсь за него, как за спасение свыше.

— Молодец! - кричит тренер. - Смотри, оказывается ты всё можешь!

Я ничего не могу ответить. Я задыхаюсь и постанываю, обнимая столб.

— Отлично! Десять отжиманий.

Что???

Арчи ныряет на асфальт, как рыба, приняв упор лёжа, и за какие-то мгновения делает десять отжиманий, сохраняя корпус ровным, как палка.

— Повторяй!

Он ведь бежал вместе со мной. И ни намёка на усталость. Мне кажется, он пробежит сотню километров, и будет так же бодро орать на меня, как после лёгкой прогулки.

Я падаю на колени. Упираюсь ладонями в разбитый асфальт. Поднимаю трясущиеся колени с земли, приняв положение скрюченной дрожащей горки. Опускаюсь на полусогнутые. Падаю. Получаю ногой по рёбрам. Вскакиваю. Снова опускаюсь. Так повторяется несколько раз, пока мне не удаётся немного отдышаться и сделать одно отжимание. Затем второе. Затем я снова падаю. Получаю ногой в живот. Корчусь от боли. Встаю на карачки. Поднимаю колени. Отжимаюсь. Ещё раз. И ещё… Падаю.

— Ладно, хрен с тобой! Погнали обратно.

Нет!!!

Шокер уже трещит рядом со мной.

Я вспоминаю, как бежал от поезда, и это снова придаёт мне сил. Я встаю, пошатываясь. Смотрю Арчи в глаза. Потом срываюсь с места и отправляюсь в обратный путь. Конечно, это совсем не похоже на бег, но я очень стараюсь! А Арчи идёт рядом пешком, и просто смотрит на меня, держа шокер в руке.

Удивительно, но спустя какое-то время мне становится легче! Дыхание выравнивается, горло прочищается. Я как будто поймал ритм, и теперь бегу в этом ритме, не очень быстро, но и не замедляясь. По всему телу разливается приятное тепло. И ноги уже не заплетаются, а двигаются ритмично и мягко. Мой тренер тоже переходит на бег лёгкой трусцой. Я поглядываю на него, а он усмехается:

— Нам, конечно, не такой футбол нужен, Малой. Но для начала неплохо!

— Спасибо… что ты… что заставил меня…

— Понравилось? - хохочет Арчи.

— Нет…

Не знаю, как, но мы наконец мы добегаем до ворот. Я падаю на колени.

— Фуууух!….

— Десять отжиманий!

— О-о-о-х!

Снова пытаюсь сделать нечто похожее на отжимания. Слышу звук ворот. Хочу оглянуться.

— Не отвлекаться! Соберись! Что это за хрень! Я сказал: отжимания, а не беременная, мать твою, гусеница! Моя бабушка отжимается лучше!

— Артур! - слышу я смеющийся голос Свина. - Ты чё над бедным пацаном издеваешься?

— Почему над бедным-то? Над богатым! - он пихает меня ногой. - Давай, жми, сопляк недоделанный! Свин, покажи ему, как надо отжиматься.

— Отжиматься?? Братан, ты брюхо моё видел?! Не. Я больше по штанге специалист. А ты чё его тренировать-то решил?

— Да он сам попросил. Сказал: «хочу в банду вступить и быть в форме».

— О, это разговор! Молодец, Малой, давай, тренируйся! Будешь резвым, как Арчи.

Я заканчиваю свои мучительные пять отжиманий и поднимаюсь с земли. Мой тренер смотрит на меня сверху вниз:

— Ладно, хер с тобой. На сегодня достаточно. Завтра в это же время здесь.

Он протягивает мне кулак в твёрдой перчатке без пальцев. Я стукаю в него своим вялым трясущимся кулачишкой. Свин смотрит на эту сцену и весело посмеивается, попыхивая сигаретой:

— Живой?

— Так… - отвечаю, всё ещё переводя дыхание и упираясь руками в колени.

— Жёсткий тебе тренер попался. Ну ничё, зато быстро в форму придёшь. Арчи из тебя сделает мужика! Он как раз твоей комплекции. Будет, на что ровняться.

— Да…

Наконец нахожу в себе силы выпрямиться.

— Свин…

— Чё?

— А я ж так и не проставился за паспорт.

Свин качает головой, изображая недовольную гримасу:

— Нехорошо, братан, нехорошо.

— Пойдём в пивнуху, отметим с тобой и с Жекой. Я угощаю.

— Вот видишь! Потренировался - и совесть проснулась!

Наши занятия с Арчи продолжаются. Хотя правильнее это назвать не занятиями, а пыткой. На следующий день после первой «пробежки» у меня болит всё тело. Простейшие движения - встать, сесть, подняться по ступенькам - даются с трудом. Мой несчастный организм умоляет меня не ехать к Арчи, но решение принято и деньги заплачены (мой тренер предусмотрительно взял всю сумму вперёд), а значит, никуда мне уже не деться.

На тренировке я пытаюсь объяснить Арчи, что тело еле двигается, и прошу пощадить меня в этот раз, но он отвечает:

— Знаешь, что надо сделать, чтобы ноги перестали болеть? Надо бежать!!!

И мне снова приходится удирать от него, чтобы не получить удар током в ягодицу. Удивительно, но через некоторое время боль действительно проходит!

Со Свином и Жекой мы встречаемся через несколько дней и, как и договаривались, идём в пивнуху в районе сортировки обмывать мой паспорт. Я рассказываю о своих тренировках и о делах у себя в районе. Ну а мои новые товарищи делятся со мной новостями банды. Алмаз уехал встретиться с кем-то важным. Банду, которая досаждает алмазовским последнее время, кажется, скоро «дожмут» и вопрос будет решён. Ну и всё в таком духе.

Мы сидим, пьём пиво и болтаем, как будто давно знакомы. Замечаю, что мне с этими ребятами комфортнее и легче, чем со своими дружками с Бумажки. Приключения, через которые мы прошли вместе, сближают. Я вполне мог бы остаться с вами, ребята. Перебраться сюда, на Сортировку - теперь могу себе позволить - и жить новой, увлекательной бандитской жизнью, как живёт Жека, например. Но я знаю обратную сторону. Сегодня мы весело и дружно пьём пиво, а завтра одного из моих товарищей пристрелят, а другого повяжут. Я и сам теперь - «переговорная позиция», козырь в рукаве у Алмаза. И чем это для меня закончится - одному богу известно. Нет, парни. С вами хорошо, но надо уйти вовремя. Сейчас самый лучший момент, чтобы сказать «пас» и выйти из игры, пока это ещё возможно. У меня свои планы. Безумные. Самоубийственные. Но свои.

Закупкой снаряжения и сборами я решил заняться, не откладывая. И начал со съёма хаты. «Деньги теперь есть, могу себе позволить пожить отдельно от предков» - так я это всем объяснил. Но на самом деле мне просто нужно место, куда я буду стаскивать все вещи и припасы, которые буду закупать в дорогу. Их никто не должен видеть.

На барахолке у Бумажки я нахожу неплохой рюкзак, а на базаре у Сортировки - газовую горелку с баллоном. Найти консервы мне помогают товарищи по банде. Объясняю им, что «никогда не ел нормальных консервов и хочу попробовать». У них свои каналы, и я покупаю через них несколько банок с килькой и несколько - с тушёнкой. Одну банку тушёнки открываю и пробую, убедив себя, что «надо понять, насколько нажористо». Это просто объедение!

С обувью всё ещё сложнее, но тут на помощь приходит Арчи. Он говорит, что хорошая обувь покупается примерно по тем же каналам, что и оружие - у федералов. Ждать при хороших раскладах месяца полтора, но «свои запасы как раз подходят к концу, и уже заказали ещё». Узнаю стоимость. Цифры из какой-то другой реальности, но я теперь в ней, и надо привыкать.

На первом - а вернее, на втором - уроке стрельбы, Арчи показывает мне два пистолета.

— Смотри. Это Кобра. У спецуры всякой применялся. У него курок мягкий, и фонарик снизу, видишь? С ним в темноте удобно, а ещё к нему глушак приделывается. На фонарик, правда, батарейки нужны, которые хрен где найдёшь. В общем, на, попробуй. А это - Т-2. Рабочая лошадка. Безо всяких наворотов, но проблем с ним - ноль. Легко разбирается, легко чистится. Сказка, а не пистолет. Из него тоже постреляем сегодня.

Начинаем мы со стрельбы обеими руками, с приседа. Это оказывается не так трудно, и довольно скоро время я начинаю попадать по целям. Самым сложным оказывается не сама стрельба, а умение быстро доставать пистолет из кобуры.

— Это надо всё время тренироваться, - говорит Арчи. - Как выдалась свободная минутка - достал, спрятал, достал, спрятал.

Он делает это молниеносным движением, как фокусник. Всё время тренироваться - это хороший совет. Только пистолет нужен. И кобура. Начинаю потихоньку прицениваться.

Тренировки продолжаются.

При своей худощавости Арчи удивительно силён. Он безо всяких проблем отжимается на одной руке и подтягивается на одной руке, умудряясь при этом постреливать свободной рукой по мишеням. Когда он показывает мне «отжимания с хлопк**о**м», я неуклюже пытаюсь хлопнуть ладошами перед собой и не упасть, а он хлопает за спиной. Для этого ему приходится оторваться выше от земли, и он подпрыгивает вместе с ногами.

На одной из тренировок он встаёт передо мной, убрав руки за голову, и говорит:

— Бей меня, как хочешь. Только не в яйца.

Мне страшно бить Арчи, и я начинаю со скромных постукиваний. Но когда тренер говорит, что за слабые удары я получу шокером, я становлюсь смелее. Бью и руками, и ногами, и локтями со всей силы, с какой только могу, но моему тренеру хоть бы что.

— Понял? Вот такой же и ты должен быть. Набивка тебе нужна. Чтоб быть, как стальной прут.

Он заставляет меня раздеваться до трусов и кататься «колбаской» по гравию. После этого всё моё тело превращается в один большой синяк.

Однажды я прихожу на тренировку, начинаю бег, и вдруг от правого кеда отваливается подошва. Я останавливаюсь, уже внутренне обрадовавшись, что бегать не в чем. Но Арчи говорит:

— Снимай кеды.

— Чего?

— Снимай, говорю.

— Ты хочешь, чтобы я бежал босиком?

Арчи молча снимает свою обувь, перевязывает шнурки, и вешает себе на шею:

— Смотри, я тоже теперь босиком. Погнали.

И мы бежим дальше босиком, наступая на камни, палки, железяки и стёкла.

— Ай, бляха!

Конечно же, очень быстро я режу себе ногу до крови.

— Арчи, - постанываю я, - ну это же перебор! Я ж хорошую обувь скоро куплю, она не сломается.

— Хорошую обувь? - улыбается мой тренер. - К тебе вломились ночью в хату, ты в одних трусах, выскакиваешь из кровати, бросаешься через окно во двор, и тебе надо бежать! Бежать!!!

И моя пытка продолжается.

В конце тренировки мы обрабатываем порез и перематываем мою раненую ногу бинтом. А Арчи берёт несколько бутылок, разбивает их об асфальт, и голыми ногами ходит по ним, как ни в чём не бывало. Я смотрю и не верю своим глазам, а тренер закуривает и подмигивает, не обращая на стёкла никакого внимания:

— Вот так, братан. Будем учиться.

Проходит несколько недель, и у меня уже есть почти всё необходимое, включая таблетки, фонарик и шокер, бинты, жгут и зелёнку. Я сижу в своей новой съёмной квартире и гляжу на компас, и тут вдруг вспоминаю, как Свин открывал ворота на седьмой круг. У него были здоровенные клещи. Мне нужны такие же. Где только их взять…

Разгуливая по своему району, прохожу мимо ломбарда Стрелка. Вспоминаю, что у меня там заложена сумма, и что срок уже почти прошёл. Отличный повод зайти!

— Марк Малой! - слышу я издалека крик какого-то пацанёнка.

Твою мать, надо быстро сваливать, а то налетят, как мухи! Быстро забегаю в ломбард и захлопываю за собой дверь.

— Марк! - восклицает Стрелок с таким видом, как будто я самый желанный его гость. Хотя может оно и правда так.

— Привет, - говорю, запыхавшись.

— Давно тебя не было, парень! - говорит хозяин с явным намёком. - Хочешь обновить депозит? Или, может, пополнить, - он подмигивает.

Я подхожу к прилавку и вижу… пистолеты. Так-так…

— Да на самом деле… ни то, ни другое, - поднимаю на него глаза. - Мне нужен ствол.

Стрелок поднимает жиденькие брови:

— Вот как? Решил человеком стать, а? - он снова подмигивает. - А разрешение у тебя есть?

— Ну, вместе с разрешением, само собой.

— Ха-ха-ха! Что ж, молодой человек… - с явным удовольствием говорит Стрелок, проходясь мимо прилавка и проводя рукой по своим «экспонатам».
• Вы теперь состоятельны. Под ваш бюджет имею вам предложить…

предложить… вот такой вариант.

Он достаёт из-под прилавка какого-то космического вида пистолет из светлого металла.

— Ты такое мало где найдёшь. Он на вооружении у федералов. С лазерным прицелом и фонарём. Может стрелять очередями. И даже есть подствольный модуль для стрельбы дротиком, если надо кого-то вырубить. Это вершина инженерного мастерства. Лучшее, что есть!

— А сколько стоит?

Стрелок называет цену.

— Не, - говорю, - дорого. Что-нибудь попроще.

— Вот, пожалуйста.

Он показывает ещё несколько вариантов, и все они выглядят неплохо, особенно, когда Стрелок про них рассказывает. Некоторые варианты даже стоят терпимо. Но тут я вспоминаю про Т-2.

— Т-2? - переспрашивает Стрелок, как будто слегка расстроившись. - Ну да, конечно, - он снова нагибается куда-то вниз и достаёт тот самый пистолет, из которого я стрелял у Арчи. - Я его даже на прилавок не кладу - и так понятно, что он есть, и стоит он совсем дёшево. Но это и правда хороший пистолет. Удивлён, что ты разбираешься. Возьми, попробуй.

— Я стрелял из него.

— Да ты что? Ну и как?

— Как родной.

— Ну тогда какие вопросы? - разводит руками Стрелок, как будто всё уже решено.

— А с разрешением что? И сколько стоит сам ствол?

Стрелок называет сумму. Разрешение стоит не так дорого. За пистолет цена
• вполне по рынку.

— А кобура сколько? А патроны?

Мы договариваемся обо всех ценах. Разрешение сделают за несколько дней. Часть суммы я оплачу тем депозитом, который у меня есть, а часть - донесу наличкой. Вполне приемлемо. Вот так, внезапно и легко, решается у меня вопрос с оружием.

Через несколько дней, став счастливым обладателем Т-2, я тут же хвастаюсь этим перед Арчи.

— О, поздравляю, - говорит он, вертя пистолет в руках и, видимо, проверяя на дефекты, - хороший выбор. Номер запомнил?

— Номер?

— Номер ствола, вот здесь. Смотри, запоминай. На тебе ещё один такой же. Побежали!

Он заставляет меня бежать с двумя пистолетами в руках, и с ними ощутимо тяжелее! Но я потихоньку начинаю приходить в форму, и обычный бег мне уже даётся не так тяжело, как

раньше, а к бегу босиком ноги потихоньку привыкают. Курить я стал реже, а чувствовать себя - лучше. Знакомые отметили, что я «подкачался», хотя я и занимаюсь не так давно.

— Главное - жрать, как следует, и спать побольше, - говорит Арчи.

Питаюсь я, в основном, на базе. Там кормят на убой. А спать я теперь могу сколько угодно, поэтому следовать совету своего тренера мне совсем не трудно.

Откуда же я начну свой «турпоход»? Понятно, что двигаться надо не тем путём, которым мы ехали в казино. Через ворота на седьмой круг, которые вскрывал Свин, мне путь закрыт. В тех местах меня могут узнать и грохнуть. Кстати, возможно, что Серый уже нанял убийцу, который попытается прихлопнуть меня в моём районе. Мне бы поторопиться. Не исключено, что мои часики уже тикают.

Из этих соображений я нанимаю местного водилу, чтобы сгонять по дороге от виадука в сторону поворота железнодорожных путей. Эта дорога ведёт перпендикулярно виадуку как раз в направлении центра. Мы едем туда, поворачиваем вдоль железки, и, проехав небольшое расстояние, обнаруживаем (я обнаруживаю), что под путями есть проезд, примерно как у нас в районе после колонны. Дальше - мусорная свалка, а потом - заграждение и ворота, почти как те, через которые проезжали мы с алмазовскими, с таким же замком на цепи. Видимо, это и будет начало моего пути. До сюда меня довезёт Раф. А дальше сам.

Раф... Его придётся посвятить в то, что я задумал. Не то, чтобы я ему сильно доверяю, но он точно не пойдёт об этом рассказывать всем подряд. К тому же он ведь из ментовской среды, и прекрасно понимает: от того, что я затеял, даже у федералов глаза на лоб полезут. И если им станет известно, что он знал о моей затее, и не сообщил, куда следует, то его на фонарный столб натянут вместе с его дядькой и всеми, кто с ними связан. Так что в его интересах будет держать рот на замке.

Проходит ещё неделя с лишним. Я прихожу на тренировку к Арчи и узнаю от него, что боты наконец-то приехали. Вместо того, чтобы отправиться бежать, мы идём на базу «разбирать подарочки».

— А приехали откуда? - спрашиваю я, не скрывая своего любопытства.

— По железке, ясно дело, - говорит Арчи. - У нас есть связи. Нам можно то, что другим нельзя.

По железке. Ну да, логично. У них тут сортировочная станция, они дружат с федералами, могут договориться. Но кто отправитель? Сами федералы?

— Я б тебе не сказал, даже если б знал, - говорит мой тренер. Ещё бы.

Мы заходим на склад. Повсюду зелёные ящики. Часть амуниции уже разобрана и разложена по полкам и шкафам, развешана по стенам. Стоит запах смазки, резины и металла. Чего здесь только нет! Автоматы, гранатомёты, бронежилеты! Отдельный уголок с медицинскими делами. Запчасти для автомобилей. Трудно даже представить, сколько всё это стоит.

— Это только одна партия?... - спрашиваю, глядя вокруг офигевшими глазами.

— Не, ты чё? - посмеивается Арчи. - Просто подвозят понемногу. Но теперь ты видишь, что с нами лучше не рамсить, а? Ладно, хорош глазеть, пошли за говнодавами твоими.

Мы подходим металлическому стеллажу с сапогами.

— У тебя 41 вроде?

— Ага.

— Вот твои. Меряй.

Он суёт мне пару чёрных сапог с мягким голенищем примерно на треть голени и шнуровкой. Они не из кожи, а из какой-то ткани, которая выглядит очень прочной. Хотя нет, кожаные части тоже есть. Подошва и нижняя часть из мягкой, но крепкой резины. Совсем новенькие.

Надеваю левый. Он мне как раз. Шнуровка легко затягивается специальным зажимом, вязать не надо. Потянул, закрепил - готово.

— Штаны внутрь заправляются, умник.

Надеваю оба сапога, заправив штаны как посоветовал Арчи. Не могу скрыть своей улыбки. Они офигенные!

— Ну как?

— Просто отвал башки! В жизни ничего круче не носил.

— Ну так, ёпт! Такие спецура носит. Они непромокаемые и неубиваемые. Они тебя переживут. По размеру как?

— В самый раз!

— С Кексом в офисе рассчитаешься. Цену знаешь. Ну а щас давай проверим их в деле. Погнали!

В сапогах бежать - это, конечно, не в кедах. Но с другой стороны, мелкие камешки, стёкла, торчащая из земли арматура - всё это мне теперь нипочём. Я не оббегаю лужи, а просто бегу по ним напролом, а ноги не мокнут ни капельки! Я в полном восторге!

Под конец пробежки правая стопа натёрта до крови, но Арчи говорит, что это ерунда. Нужно просто немного их подразносить, и через несколько дней они будут, как родная кожа. Ну что ж... Кажется, последняя недостающая часть моего походного комплекта теперь на месте.

Прихожу к себе на хату и одеваюсь так, как я пойду *туда*. Джинсы и куртка - те самые, в которых я первый раз приехал с Рафом на Сортировку. Вполне норм. Куртка кожаная, крепкая, много карманов, а джинсы зауженные и легко заправляются в сапоги. То, что надо! Напяливаю собранный рюкзак и стою перед пошарпаным зеркалом, глядя на себя. С правой стороны из рюкзака торчат рукоятки клещей для перекусывания цепей. Для более

тонкой проволоки есть пасатижи. Кобура с пистолетом прячутся под курткой. Перчатки бы ещё, как у Арчи. Ну да ладно, и без них, наверное, обойдусь. В мой походный рюкзак всё поместилось. Он получился тяжеловат, но что делать… Кажется, теперь у меня есть всё, что нужно.

Снимаю рюкзак. Сажусь на диван. Верчу в руках компас. И вдруг вспоминаю про своих пацанов-недоучек. Надо встретиться. Пока я ещё здесь. Достаю мобилу и набираю Егора - он самый богатенький, с телефоном.

— Алло, - слышу в трубку.

— Здорово, лоботряс!

— Марк Малой!

— Он самый.

— Мы уже сто лет тебя не слышали! Как твои дела?

— Малыш, не спрашивай у Марка Малого, как у него дела. Лучше спроси, когда у нас урок следующий!

— Когда?

— Завтра. В шесть вечера. На нашем обычном месте. Понял?

— В шесть вечера. Принято, шеф!

— Свистни остальных. Классную штуку вам покажу. Всё. До скорого.

— Пока…

На следующий день мы собираемся в назначенном месте. Пацаны приходят вовремя. Они очень рады меня видеть. Может быть потому, что я Марк Малой, а может просто потому, что мы давно не виделись. Надеюсь, второе.

— Ну привет, школьнички! - говорю. - Сегодня проходим… - достаю из кобуры и кладу на наш деревянный «стол», - пистолет. Марки Т-2.

Пацаны ахают, разинув рты.

— Настоящий?? - спрашивает Радик.

— Не, водяной.

Смотрю на парней учительским взглядом:

— Как устроен пистолет? Почему он стреляет? Знает кто-нибудь?

— Ну, там пули есть… - говорит Влад, а остальные ржут.

— Это точно. Только не пули, а патроны. Вот они. - Я достаю магазин и извлекаю оттуда четыре патрона, раздав по одному каждому. - Патрон состоит из гильзы, то есть капсулы, наполненной порохом, и той самой пули, которой заткнули гильзу, как бутылку пробкой. Когда я взвожу затвор и нажимаю курок, боёк затвора ударяет вот в это место на патроне

и делает вмятину. Порох внутри патрона сжимается и взрывается, а пуля вылетает через ствол наружу. Бдщщь! Выделившиеся газы толкают затвор обратно, он взводится и готов к следующему выстрелу. Выглядит это так.

Я вставляю магазин обратно в пистолет, снимаю предохранитель, взвожу затвор, и с вытянутой руки выстреливаю в трухлявый пень, стоящий неподалёку. Раздаётся грохот, щепки разлетаются в разные стороны. Парни вздрагивают и закрывают уши руками.

— А теперь, найдите пустую гильзу, которая вылетела из пистолета. Кто первый найдёт, тому она и достанется.

Парни тут же бросаются на поиски, и так примерно и проходит наш урок. Я показываю, как разобрать пистолет, как его чистить и зачем, ну и в общем всё то, чему меня учил Арчи. Только вот пострелять я им не даю - патроны дорогие. Но мне не нужно, чтобы они стали крутыми стрелками. Мне главное, чтобы они поняли, как эта штука работает.

Потом я им рассказываю про автомат, который «как пистолет, только стреляет дальше и перезаряжается постоянно, так что одним нажатием курка можно выпустить всю обойму». Пацанам, конечно, такой урок безумно нравится, и они задают вопросы, не на все из которых я могу ответить.

— А под водой он стреляет?

— А у пистолета и автомата патроны одинаковые?

— А патроны от одного пистолета подходят другому?

— А чем его смазывают?

— А как патроны делают?

— А в отстреляную гильзу можно снова порох напихать и пулю засунуть?

И всё в таком духе.

— А где ты его взял?

— Купил, пацаны. Купил за деньги. Я теперь человек серьёзный, почти уже в банде, должен быть с оружием.

— Почти? Ты ж *уже* криминальный авторитет?

— Хе-хе! Брехня это всё. Не, я пока обычный парень, такой же, как вы. Но дорога жизни ведёт меня в банду. И поэтому, пацаны… я буду перебираться в другой район, и теперь не знаю, когда мы снова увидимся.

Сижу на паллетах и смотрю в землю.

— Ты станешь бандитом? - спрашивает скромный Шамиль.

— Как бы да, но в целом у меня совсем другие планы. Банда - это просто трамплин, а дальше я своим ходом.

— Куда?

— Этого не могу сказать. Вам не нужно это знать. Знание об этом вам навредит. Но обещаю, пацаны: если я вернусь - я столько всего смогу вам нового рассказать! Голова треснет!

— Крутяк! - слышу я возглас Егора.

— Но вот что, пацаны, - продолжаю я. - Куда бы вас жизнь не занесла - в банду или нет - учитесь! Всегда учитесь. Узнавайте новое. Не останавливайтесь. Это как надувная лодка. Река может быть бурной, поворачивать туда, сюда, но если вы на лодке - вас куда-нибудь вынесет. Вы не утонете, врубаетесь? Знания помогут не утонуть. Ну и в целом… Мы тут все всё время заняты тем, чтобы тупо выжить. Ну и подняться там… денег подзаработать. Но помимо всего этого неплохо бы понять, как вообще всё устроено, а? Интересно же. Мы ведь люди, мы любопытные, правда?

Смотрю на своих учеников, которые встали вокруг меня и смотрят, как на супергероя из старых потрёпанных комиксов.

— Марк, ты самый классный учитель, который у меня был! - говорит Влад.

— И у меня!

— И у меня.

Слёзы уже наполняют глаза…

— Идите сюда, ребятки!

Я обнимаю их, всех четверых, и вдруг понимаю, что, наверное, это самое лучшее, что со мной было здесь. Вот эти четверо. Которые, несмотря на весь мрак, всю грязь и боль, постоянно окружающие нас, пытаются учиться, пытаются что-то узнать. Никто из моих знакомых сильнее не похож на меня, чем эти четыре оболтуса, которых я… люблю, чего уж там! Люблю, как будто они - мои малые братья, которых надо выучить и вывести в люди. Которых нельзя так бросать…

Через пару дней после очередной тренировки с Арчи я отжимаюсь на кулаках у ворот базы, когда мимо проезжает знакомый мне чёрный джип. Стекло опускается, и я слышу голос шефа:

— Как дела, чемпион?

— Нормально! - быстро выкрикиваю я, запыхавшись.

— Как он, Артур?

— Хорошо идёт, шеф! Ещё пару месяцев - и будет крепкий, как гвоздь.

— Добро. Малой, зайди ко мне, как закончишь. Буду ждать в переговорной.

— Принял, шеф! - отвечаю ему уже по-нашему, по-бандитски.

Мы заканчиваем тренировку, и я прихожу в переговорную, как и велел Алмаз, а он сидит там один и крутит чётки между пальцами. Сажусь на стул напротив. Он поднимает глаза:

— Мне нравится, как ты подошёл к делу. Я сопляков не люблю, а ты явно хочешь стать достойным членом бригады. Как гвоздь, Арчи хорошо сказал.

Мы смотрим друг другу в глаза. Я молчу и жду, что он скажет дальше.

— В общем, чего тянуть - вот тебе моё официальное предложение. Присоединяйся к нам.

Сейчас нужно сыграть очень тонко. Выдерживаю небольшую паузу.

— Алмаз. Могу я дать тебе ответ завтра, до конца дня?

Шеф поднимает брови:

— Завтра? А что должно случиться до завтра?

— Мне нужно закончить… одно дело. Просто раньше этого не могу, будет не честно.

— Разобраться что-ли с кем-то? Или долг отдать? Или… кто-то другой тебе предложил? - он хмурится.

— Нет-нет. Там… другая история.

— Моя помощь нужна?

— Нет, спасибо тебе. Я должен сам. Но к завтрашнему вечеру ты точно получишь ответ.

— Хм… - он молча крутит чётки, что-то обдумывая. - Ладно. Хренли с тобой делать, загадочный ты наш. Тогда до конца завтрашнего дня - жду ответ.

Он встаёт и уходит, а я остаюсь один. Ну вот и всё. Вот и наступил момент. Пора отправляться в путь.

Нурбек довозит меня сперва до родителей и брата с сестрой, к которым я забегаю на пять минут, не прощаясь, но зная, что, возможно, вижу их в последний раз в жизни, а потом до моей новой хаты. Захожу в квартиру. Пятьсот фишек наличными я заблаговременно взял у шефа, и я приоткрываю бачок унитаза, чтобы проверить, что они по-прежнему спрятаны там и ждут меня в полиэтиленовом пакете. Все остальные деньги останутся семье. На них можно жить безбедно много лет.

Достаю телефон и набираю Рафа. После нескольких гудков слышу:

— Здор**о**во, братан!

— Привет!

— Как жизнь? Какие дела?

— Всё ровно. Слушай, Раф. Завтра сможешь свозить меня в район Сортировки?

— Сортировки? Да не вопрос! А тебя ж туда возит ваш водитель, не?

— В этот раз чёт не срастается, поэтому тебя прошу.

— Аааа! Мутки мутишь?

— Ну есть немного… Но не переживай, тебя это не коснётся.

Брехня.

— Да я чё? Я ничё. Ты скажи, во сколько?

Договариваемся о времени и месте - у моей хаты.

— Ну лады, браточек! Свидимся!

— Давай, до скорого.

Сердце бьётся чаще. Я открою ворота… и пойду. И что меня там ждёт - одному богу известно. Если он есть вообще, этот бог…

— Интересно, Марк, сколько часов ты проживёшь?… - бормочу я вслух, расхаживая по квартире, одной рукой выхватывая пистолет, а другой держа компас.

Смотрю на стрелку. Поворачиваюсь в направлении азимута. Там центр. Там Президент в своём дворце. Там шесть первых колонн и первый круг. И каким-то немыслимым образом я должен буду до туда добраться, а оттуда - ещё более немыслимым образом подняться наверх. Но как именно? По колоннам? Или там есть специальный лифт? А может там вообще в центре дырка, и через неё можно просто взлететь? А может там никак не подняться, и весь этот город богов закрыт для нас полностью и навсегда? На все эти вопросы у меня нет ответа.

Ладно… Доберусь сперва, а там посмотрим.

Уже поздний вечер. Ужинаю остатками еды, которые удаётся собрать по квартире. Ещё раз перепроверяю, что всё на месте. Одеваюсь так, как пойду. Ещё несколько раз выхватываю пистолет из кобуры и целюсь в зеркало - я неплохо наловчился, тренировался каждый день. Быстро выхватываю баллончик - тоже хорошо. Трещу шокером, отгоняя воображаемых собак. Кстати, о собаках: перечная смесь. Где она? Шарю по карманам. Вот она, лежит на месте, в одном из внутренних карманов куртки. Всё, пора уже успокоиться и хорошенько поспать. Когда мне удастся это в следующий раз - неизвестно.

Ложусь. В начале ворочаюсь, но потом удаётся на удивление неплохо поспать. Сквозь сон слышу чьи-то крики и даже стрельбу, но к этому я уже давно привык.

Просыпаюсь по будильнику. Завтракаю, чищу зубы, разминаюсь, отжимаюсь и полностью собираюсь в дорогу. 15 минут до приезда Рафа. Он приезжает почти всегда вовремя, это в наших краях большая редкость. Ещё разок всё перепроверяю. Кладу рюкзак перед собой. Сажусь на диван. Курю.

Читал когда-то давно книжку про подростков, которых заставляли участвовать в смертельных играх. Чувствую себя сейчас как раз одним из этих ребят.

Кто-то сигналит за окном. Выглядываю. Раф!

Хватаю рюкзак и выбегаю на лестницу, не закрывая дверь и оставив на полочке бабки за последний месяц. Спускаюсь по ступенькам. Выхожу из подъезда. Мой водитель стоит, облокотившись об авто, и курит.

— Привет! - говорю.

— Здоров! - удивлённо бубнит Раф, расплываясь в улыбке. - Ты куда собрался, чувак?

— Давай доедем сперва - и всё расскажу.

— Хм… ну лады. Ещё чё-то придумал?

— Ага.

— Бляха, братан, ну с тобой не соскучишься!

— Это точно.

Бросаю рюкзак на заднее сиденье, а сам сажусь вперёд, и мы трогаемся.

Проезжаем через знакомые мне места. Кидаю взгляды в разные стороны и мысленно прощаюсь со своим районом, тёмным, грязным, злым, но таким знакомым.

Набираю и отправляю сообщение Алмазу:

Алмаз. Прости, но я должен отказаться. У меня другие планы. Я ухожу. Не в банду, а по своим делам. Ухожу далеко. Вряд ли вернусь. Пожалуйста, позаботься о семье. И спасибо тебе за всё.

Он позаботится. Я это знаю.

Мы едем мимо пустоши на промку.

— Я дорогу знаю уже наизусть, так что не ссы, проедем быстро, - успокаиваю я Рафа.

— Это я-то ссу? Да ты чё, братан? Забыл, с кем базаришь?

— Это ты забыл, с кем базаришь! - отшучиваюсь я.

— Ну, блин, да! Ты ж теперь перец фаршированный!

— А ты думал!

Мы ещё какое-то время продолжаем эту интеллектуальную беседу.

— Слышь! Ну намекни хоть! Клещи вон из рюкзака торчат. На дело что-ль собрался? А я сообщником буду?

— Да не, другое. Но да, сообщником ты будешь. Слегка.

— Слегка! Охрененно звучит! Слегка! А в отделе меня натянут тоже… «слегка»?

— Ну чёт ты сразу, «отдел-отдел»… Всё будет ровно, не ссы, говорю.

Надеюсь, ему не слышно, что я на взводе. Надо себя контролировать. Тем временем мы доезжаем до промки, и нам становится не до разговоров. Я веду Рафа через лабиринты гаражей, ангаров и сараев, и говорю, где куда сворачивать. Как и обещал, проезжаем быстро.

Дальше - пустая дорога к домам, потом улица, поворот - и вот уже видна колонна, к которой мы ехали в тот, первый раз. Знал ли я тогда, как далеко всё это зайдёт?

— Это новое приключение, которое ты себе ищешь на задницу: оно с колоннами как-то связано? - спрашивает Раф, словно читая мои мысли.

— Связано.

Раф хлопает себя по бедру и матерится:

— …ть, так и знал!! Чувак! Ты всё ещё этой хренью страдаешь?!

— Ты даже не знаешь, насколько.

— Да ладно! Ты вообще на всю голову долбанутый что-ли? Ты же турнир выиграл, в банду вступить собираешься, приличным человеком стал! Нахера тебе эта… дичь?!

Вздыхаю. И молчу. Мне и самому это странно.

— Через виадук, - говорю.

— И куда?

— Потом налево.

— И куда мы приедем?

— Это самое интересное!

— Ну я прям дрожу от любопытства!

— Раф, я тебе скажу кое-что важное.

— Важное? Ну совсем заинтриговал, ёпт! Валяй!

— Об этом будешь знать только ты один.

— О чём «об этом»?

— Сейчас всё узнаешь.

— Бля, чувак, вот теперь я чё-то ссу уже…

— Всё, Раф, давай серьёзно. Сейчас важный момент. Вот тот проезд под путями - езжай туда.

— …Как скажешь, шеф…

Мы проезжаем под путями, потом мимо свалки, и упираемся в ворота с железным замком.

— Приехали, - говорю.

Раф сидит в оцепенении. Ему уже не смешно.

— И чё? - бормочет он.

— Давай закурим.

— Давай, бля…

Он опускает стёкла. Мы достаём сигареты. Закуриваем.

— Раф, мы видимся в последний раз, - говорю я, глядя перед собой.

Мой приятель медленно поворачивает ко мне голову:

— Чё???

— Я ухожу.

— Куда?

— Вон туда, - показываю пальцем прямо. - Пойду в центр.

Раф следует взглядом за моим пальцем и смотрит на ворота, а потом бормочет:

— В какой «центр»?

— В центр Подземелья. Туда, где Президентский Дворец.

Мой товарищ просто замолкает. Такое безумие - за пределами его понимания.

Я молча выхожу из машины. Бросаю недокуренную сигарету. Достаю рюкзак с заднего сиденья. Подхожу к воротам. Достаю клещи из рюкзака. И тут вдруг Раф выскакивает из машины, как ошпаренный, видимо, вот только сейчас до конца поняв, что будет происходить, и бросается на меня со всей яростью и всеми матами, которые он только знает. А я подхожу к нему вплотную, прижимая палец ко рту, и шёпотом говорю:

— Чщщщ! Тише, дурак! Никто не должен знать, что мы здесь. Никто не должен видеть тебя рядом со мной, и видеть, как я при тебе вскрою ворота. Ты же и правда тогда станешь сообщником!

Раф срывает свои солнечные очки, и смотрит на меня, выпучив свои очумевшие глаза:

— Это я ещё и дурак! - продолжает он шёпотом. - Да ты! Ты вообще… ты… - он тычет пальцем у виска.

— Всё было ради этого. Казино. Тренировки. Оружие.

Я выхватываю пистолет, и Раф отскакивает от меня, как от бешеной собаки. Я не выдерживаю и улыбаюсь, переходя на голос:

— Я знаю, что выгляжу полным отморозком.

— Это не то слово, чувак! Ну хорошо. Хорошо, - выставляет он ладони вперёд. - Я понял. Ты хочешь в центр. Ты хочешь пройти через всё Подземелье, видимо думаешь, что у тебя бессмертие, как в компьютерной, мать твою, игре. Хорошо. Чувак, но зачем? Цель какая?

— Цель какая?

— Да.

— …Ты точно хочешь знать?

— Хочу!

— Цель, - я показываю пальцем в небо, - попасть наверх.

Какая разница? Мы видимся последние мгновенья. Можно перестать блефовать. Можно вскрыться.

Раф снова замолкает, и лицо у него вытягивается. А я хватаю клещи и перекусываю цепь, на которой висит замок. Цепь вместе с замком со звоном падают мне под ноги. Ворота со скрипом открываются. За ними - дорога, ведущая во мрак.

— Ты чё… внатуре собрался? - еле слышно хрипит Раф обречённым голосом.

Киваю головой, сую клещи обратно в рюкзак и ловко закидываю его за спину.

— Марк, - он улыбается, - погоди…

Он протягивает руку и медленно подходит ко мне.

— Марк, я знаю, тебя бесполезно уговаривать. Как с этими колоннами тогда. Как с казино, но про казино я не знал. В общем… - он встряхивает головой и хохочет про себя. - Марк, ты самый отмороженный чувак, каких я только знаю! В тихом омуте, блин…

— …черти водятся, - продолжаю я за него.

— Ты знаешь, какие у тебя шансы?

— Знаю. Почти ноль.

— И пойдёшь?

— Не могу не пойти. Я знаю, где центр. Я вычислил. У меня есть компас. А ещё… у меня есть удача. Я это проверил.

— О, да!! Вот это, чувак… это одна твоя надежда!

— Раф. Спасибо тебе!

— Спасибо?? За что, братишка?

— За всё. За то, что ты есть.

— Блин… Неожиданно, братан…

Мы обнимаемся. Наше прощание очень сумбурное. Я хотел не так.

Отстраняемся и смотрим друг на друга.

— Марк… а ты думаешь… там наверху чё-то есть?

— Думаю, что да.

— Боги?

— Не знаю. Но что-то очень интересное. А ещё я думаю, что там есть солнце.

При слове «солнце» Раф вздрагивает. А я улыбаюсь. Хлопаю его по плечу.

— Всё. Я пошёл.

Двигаю к воротам, и тут пиликает телефон. Достаю, смотрю. Сообщение от Алмаза:

Принял. Неожыдано. Но вопросов нет. Ты мне помог. И я тебе помогу. Семья будет в порятке. Удачи.

Вот и хорошо. Телефон мне больше не понадобится. Отдать Рафу? Или выкинуть? Ладно, оставлю, вдруг всё-таки пригодится?

Махаю рукой на прощание, а Раф вяло машет мне в ответ. Делаю первый шаг за ворота. Второй. Третий. Асфальтовая крошка хрустит под ногами. Вокруг тишина. И мрак. Достаю фонарик, но дорога пока видна, поэтому его можно не включать.

— Марк! - слышу я крик из-за спины.

Оборачиваюсь, и снова смотрю на Рафа. Я уже далеко, а он кричит мне, сложив ладони рупором:

— Если встретишься с богами - замолви за Рафа словечко!

Показываю палец вверх - «замётано!». Снова смотрю вперёд, в темноту, и отправляюсь дальше. Слышу за спиной звук уезжающего автомобиля, но больше не оглядываюсь.

6

Тишина. Это самое неприятное. Я надеялся, что здесь будет так же, как там, за спиной - звуки поездов, машин. Что-то, на что можно будет ориентироваться. Но здесь будто всё вымерло. Тишина и мрак. Слышны только мои шаги. Это плохо. Я лёгкая мишень для любого, кто притаился в этой тьме. Особенно, если включу фонарь. Но с другой стороны - а кто должен притаиться? Неужели кто-то будет сидеть здесь и ждать, когда Марк вскроет ворота и придёт? Чушь какая-то… Всего лишь страх. А из-за страха что только не померещится. Надо просто идти, вот и всё. Идти, пока есть дорога.

Пройдя метров тридцать-сорок, я оказываюсь в полной темноте, и асфальт под ногами становится единственным ориентиром. Но и он быстро заканчивается - дорога упирается во что-то. Включаю фонарь. Бетонные развалины и свалка металлолома, ошмётки автомобилей, арматура, гусеницы. Кусок трамвая… Вагонные колёса… Лезть на верх этой горы? Или попробовать обойти? Лучше обойти, меньше шума сделаю.

Иду вдоль свалки, пытаясь найти проход дальше, но фигушки - везде эти горы металлолома и развалины. Однако, после пяти минут поисков нахожу место между двух больших гор, где, кажется, более-менее можно пролезть. Мне всё равно приходится карабкаться вверх, но хотя бы не так высоко.

Забравшись в проём и пройдя через него, оказываюсь внутри развалин большого здания. Теперь нужно либо спускаться вниз, в яму, либо идти по бетонной балке до следующего перекрытия, а оттуда, по ещё одной балке вверх на другую гору. Нет, по балке я не пойду, слишком легко меня будет застать врасплох.

Спускаюсь в яму, светя вниз фонарём, и чувствую запах. Запах, который мне хорошо знаком. Трупную вонь. Видимо, собака сдохла. В таких ямах самое место. Спускаюсь ниже, свечу фонариком и быстро обнаруживаю: нет, не собака. Человек. В изодранной одежде и

обглоданный, с торчащими наружу костями. Шикарно! В какое чудесное место ты попал, Марк!

На мгновение возникает мысль: «Обыскать его?». Но нет, ни на что подобное я сейчас не способен. Наоборот, стараюсь держаться от трупа подальше и обхожу его стороной. Вижу, что направо есть ход. Там что-то вроде подвалов, и через них, возможно, я смогу пройти на ту сторону свалки. На стенах кривые надписи. Чем-то красным. Кровью?

Так, нет, стоп. Кажется, я уже загоняюсь…

Трясущимися руками шарю по карманам и достаю таблетки. Приседаю, свечу фонарём, выбираю транквилизирующее средство. Достаю бутылку с водой, закидываюсь таблеткой, делаю глоток. Прячу всё по местам. Гашу фонарь. Сижу. Жду, когда подействует. В кромешной темноте кажется, что этот обглоданный труп сейчас встанет и бросится на меня, как зомби. Сердце колотится так, что аж в ушах стучит. Но вот оно постепенно успокаивается… И дурацкие фантазии уходят из головы. В этой темноте ни одна живая душа меня не увидит, а труп - самое безопасное, что есть рядом. Об него даже удариться нельзя!

Транквилизатор - хорошая вещь, но его подстава в том, что пропадает чувство опасности, и легче сделать какую-нибудь смертельную глупость. Поэтому нужно быть вдвойне внимательным и разумным. Хотя «разумным» - это, наверное, вообще не про меня…

Поднимаюсь и включаю фонарь. Руки больше не трясутся. Пройти через подвал? Да это же отлично! Гораздо лучше, чем лезть через эти груды металлолома.

Иду через несложный бетонный лабиринт, посвечивая фонариком в разные стороны. Кто-то же тебя обглодал, родной? Это собаки. Они могут быть здесь. У них тут может быть «хата» и ночёвка. Достаю пистолет и держу наготове. Только попробуйте, пристрелю на месте. Патронов хватит на всех.

Запах сырости. Проржавелые трубы. Оборванные провода, куски металлических бочек и много-много мусора повсюду. Но нет запаха мочи, который обычно всегда присутствует в таких местах, а это значит, что здесь очень мало кто бывает. И это хорошо.

В конце очередного коридора вижу что-то вроде выхода. Подхожу ближе, и оказывается, что это и правда выход наружу. Из него наверх ведёт небольшая лестница, которая почти полностью засыпана хламом. И да, мне снова придётся карабкаться на гору промышленного мусора, только уже следующую. Ну ладно, что ж поделать?

Перемахнув через очередную свалку, оказываюсь на ровной земле, среди развалин и огарков малоэтажных домов. И по-прежнему, тишина и пустота. Ни единой живой души.

Иду налево вдоль улицы, вернее, того, что раньше было улицей. Прохожу мимо ржавого полусгнившего и покосившегося фонарного столба. Дохожу до «перекрёстка» - свободного пространства между домами, на котором лежит то, что раньше, видимо, было светофором.

И вдруг слышу звуки. Шорох. Он приближается. Смещаюсь к обгоревшему забору у перекрёстка. Я весь - одно большое ухо. Звуки всё ближе. Они из нескольких мест. Выглядываю из-за забора. Ни черта не видно, но кажется, это собаки. Я узнаю это цоканье когтей. Они бегут сюда. Бегут быстро. Они меня учуяли. И в темноте они отлично ориентируются по запаху! Так что прятаться бесполезно. Мне нужны глаза. Выбегаю на перекрёсток, включаю фонарь, достаю пистолет, и свечу фонарём в сторону звука. И вот на дорогу выбегает здоровенный пёс. За ним ещё один! И ещё! Они бегут прямо на меня! Подпускаю поближе… прицеливаюсь…

БА-БАХ!!

Пёс, взвизгнув, падает, как подкошенный, а остальные разбегаются врассыпную, и шорох от них теперь всё дальше и дальше от меня.

Я подхожу к кобелю, которого подстрелил. Свечу фонарём. Он лежит и поскуливает, не в силах пошевелиться. Тебе не повезло, братишка. Ты всего лишь ранен, а не убит. Придётся тебе медленно подыхать или быть сожранным своими же товарищами. Это Подземелье. Здесь так.

Двигаю дальше. Улица направо - как раз в нужном направлении. Слышу из-за спины собачьи стоны. Останавливаюсь. Надо добить. Сквозь таблетку транквилизатора пробиваются остатки человечности и жалости. Возвращаюсь к своей жертве. Направляю пистолет в голову.

Нет. Тратить целый патрон на собаку? Марк, не сходи с ума. Прячу пистолет. Свечу по сторонам. Среди обломков зданий замечаю глыбу из цемента и кирпичей. Подойдёт.

Подхожу и поднимаю глыбу - килограммов 30 - сжимая фонарь в кулаке и светя им в землю. Ух, тяжеленная, зараза! Взвалив эту громадину себе на живот, медленно ковыляю к собаке. Подхожу всё ближе и ближе. Пёс перестаёт скулить и замолкает, видимо, поняв, что сейчас произойдёт. Встаю перед ним. Слышу едва различимый стон. Приподнимаю глыбу ещё чуть повыше…

— Тупая тварь!

Силой опускаю камень вниз. Тишина. Больше ни звука.

Опираюсь о камень. Вытираю лоб кожаным рукавом. Отряхиваю живот от цементной пыли. Да… у Рафа звучало убедительнее. Вроде и сделал это из жалости, но почему же так паршиво?…

Надо идти. Пока таблетка ещё действует.

Двигаю прямо, по улице. Направление почти совпадает со стрелкой. Вокруг
- ни души. Вдалеке замечаю бледное свечение - дымка освещена белёсым

светом. Квартал! Впереди, где-то вдалеке, жилой квартал.

Ускоряю шаг. Улыбаюсь. Где-то там люди! Цивилизация! Где-то там…

Но моя радость быстро проходит. Люди… Какие они? Как они меня встретят? Особенно с рюкзаком. Что мне от них ждать? Чужой район. Меня там никто не знает. Никто не ждёт. Стрёмно. Опаснее людей в Подземелье ничего нет. Наверное, лучше мне всё-таки обойти этот район стороной. Если получится.

Но я продолжаю идти вперёд, озираясь вокруг и вглядываясь в темноту: нет ли кого? Улица сворачивает немного вправо, обгорелые дома заканчиваются, дорога ведёт вниз под мост, на котором стоит старый заржавевший состав с цистернами. Прохожу под мостом, снова поднимаюсь наверх. Дальше дорога завалена всяким хламом, но пробраться можно. Следом - снова развалины домов. Через них я прохожу, стараясь производить как можно меньше звуков.

Свет от квартала становится ярче, и спустя несколько минут я уже могу идти без фонаря, лишь иногда включая его, чтобы подсветить препятствия под ногами в темноте. Обойти район справа никак не получится - там дальше спуск вниз с обрывом, и как оттуда выбираться потом - вообще не понятно. Слева обойти вроде можно, но я подхожу к месту, где начинаются гаражи, а за ними - уже считай первые дома квартала.

Тихо крадусь между гаражами, держа пистолет наготове. В нормальном состоянии я бы на такое никогда не решился, но под таблеткой мне приходит в голову идея: дойти до первой-второй линии гаражей, забраться на крышу и поглядеть, что там у них за место. Потихоньку продвигаюсь к цели. Странно, но здесь вообще никого.

Пройдя две линии обнаруживаю, что слева проезд, и по нему, по идее, можно выйти прямиком к домам. Но я туда не иду. Подойдя к следующей линии гаражей, я снимаю рюкзак и быстро закидываю его на крышу гаража. Вдруг справа, из-за угла, раздаётся чей-то пьяный голос. Думать некогда! Хватаюсь за плоскую крышу, упираюсь ногами в стену и быстро забираюсь наверх - этот трюк мы долго репетировали с Арчи, и он мне пригодился! Распластавшись по крыше, смотрю сверху в ту сторону, откуда слышал звук. Из-за угла выходит, пошатываясь, какой-то пьянчуга, и зигзагами ковыляет мимо, к проезду.

И тут я слышу крики, но уже со стороны квартала. Разворачиваюсь, по-прежнему лёжа пластом. Быстро достаю из рюкзака небольшой бинокль. Смотрю. Драка. Толпа на толпу. Человек пять с одной стороны и четыре - с другой. Кто-то один, кажется, с ножом. Размахивает им в разные стороны так, что все расступаются. Один из пятерых отбегает в сторону, но быстро возвращается с куском арматуры в руках, и с разбегу бьёт по руке тому переднему, с ножом. Остальные тут же подключаются, и начинается битва, которая, как это обычно бывает, длится секунд 20-30. В этой битве побеждают те, кого больше. Из проигравших двое убегают, третий ковыляет в сторону, а четвёртого, который был с ножом, победившие пинают со всех сторон, хотя и у них один человек лежит на земле, схватившись за ногу. Парень с арматурой просит всех расступиться, и принимается колотить лежащего на земле врага металлическим прутом по рёбрам, по ногам, по голове. Он молотит его до тех пор, пока тот не перестаёт двигаться. Потом они озираются и обнаруживают того второго, который успел отковылять в сторону. Они подбегают, пропи-сывают ему пару ударов под дых и уводят в подъезд ближайшего дома, видимо, чтобы

разобраться «до конца». Один из них возвращается, берёт раненого товарища под руку, и тоже заводит в подъезд.

Нда… ну и райончик… Нет, мне там точно появляться не стоит. Пистолет мне там может и не помочь. Надо как-то слева обойти, наверное. Но лучше сейчас подожду немного, когда у них там всё уляжется.

Смотрю на наручные часы, купленные в дорогу. 16:21. Думаю, часам к 20-ти будет поспокойнее, а начиная с 22-х снова начнётся движуха. У нас обычно так. Побуду здесь пока. Спешки нет.

Лежу на крыше и наблюдаю за районом. Таблетка потихоньку отпускает, и я чувствую, что становится тревожнее, а ещё просыпается голод. Достаю из рюкзака сладкий батончик из халвы и поглощаю его, чтобы хоть как-то перекусить.

Победившая банда выходит из подъезда и уходит куда-то вглубь квартала. Тот, кого они завели, видимо, так в подъезде и остался.

Некоторое время всё тихо, и я уже подумываю, не махнуть ли мне через проезд дальше, чтобы обойти слева. На площадку выбегают подростки, и один из них находит нож, выбитый из руки у бандита, так и лежащего на улице без движения, а другие двое осматривают неподвижное тело. Обыскивают его. Что-то находят. Один из них снимает с него куртку.

И тут я слышу звук автомобиля. Тачка останавливается в проезде, совсем неподалёку от меня. Двигатель замолкает. Хлопок дверью. Шаги. Они приближаются. Мужской голос насвистывает блатную песенку. Это владелец авто. Слышу, как он остановился. Свист продолжается, но к голосу добавляется звук льющейся мочи.

План созревает мгновенно. За долю секунды. Медлить нельзя!

Аккуратно подползаю к краю крыши. Он прямо здесь, подо мной. Мой рюкзак тоже рядом. Отлично!

Достаю пистолет, снимаю с предохранителя, и опускаю руку вниз, уперев дуло пистолета в облысевшую голову:

— Спокойно, - говорю. - Смотри перед собой, голову не поднимай. Можешь закончить.

— Угу… - угрюмо отвечает он.

— Ты один в машине?

— Ну один. И чо?

Сбрасываю рюкзак на землю. Мужик пытается оглянуться, но я снова тыкаю его в макушку пистолетом:

— Стоять, не двигаться.

И тут я одним движением спрыгиваю на землю и упираюсь пистолетом ему между лопаток, а он так и не успевает оглянуться:

— Тихо, не дёргайся.

— А я и не дёргаюсь. Ты кто ваще такой? - говорит он совершенно спокойным, стальным голосом.

— Тебе этого знать не надо. Значит так: мы сейчас пойдём, сядем в машину, и ты провезёшь меня через квартал на другую сторону. И я даже тебе заплачу. Только ты не должен меня видеть. Если оглянешься - пристрелю. Понял?

Мой голос звучит совсем не так уверенно.

— На какую «другую сторону», ёпт?

— Пошли! Сядем в тачку - всё покажу.

— Застегнуться-то можно, бля?

— Застёгивайся.

Он застёгивается, я подталкиваю его пистолетом, тут же быстро одной рукой хватаю рюкзак за лямку, и мы идём к автомобилю. Он садится за водительское место.

— Дверь не закрывай, - говорю.

— Угу.

— Смотри туда, вправо, - говорю я ему, чтобы он смотрел в сторону и не видел меня.

Открываю заднюю пассажирскую дверь, обхожу её, закидываю рюкзак в салон.

— А теперь смотри вперёд.

Он неторопливо поворачивает голову.

Я сажусь в машину, захлопываю дверь, и упираюсь пистолетом своему водителю в затылок.

— Всё, закрывай свою дверь, поехали. Сейчас развернись и двигай мимо тех домов, что у нас за спиной.

— Как скажешь… шеф, - усмехается он.

Водитель делает, как я говорю: разворачивается и двигает к тем домам, где недавно была драка.

— Зеркальце опусти вниз, - говорю, спохватившись. Он ведь в это зеркальце может меня разглядеть.

Мужик делает, что велено.

Мы проезжаем мимо домов вглубь квартала. Асфальтовых дорог здесь почти что нет - везде грунтовка. А ещё грязь, мусор, собаки лают, оборванцы ходят полупьяные - в-общем, почти как у нас в трущобах, только ещё с панельными многоэтажками, которые, правда, все в пробоинах и заплатках.

— Тебе лет семнадцать всего, - говорит водитель. - И ты не с нашего района.

— Допустим, - говорю.

— Ты ваще в курсе, с кем ты связался, малой?

— Просто довези до места, и ты меня больше не увидишь и не услышишь.

— Не, братан, - посмеивается он, - здесь всё не просто. Такие борзости у нас не прощают.

— Я прощения просить ни у кого не собираюсь. Здесь левее возьми.

— Ты вот такой дерзкий весь из себя, стволом в меня тычешь. А ты хоть раз убивал кого-нибудь, а?

— Убивал-убивал. И поверь, руки чешутся сейчас.

— Да... и у меня тоже чешутся.

> Так мы едем минут десять и доезжаем до трущоб, где уже совсем полная разруха. Перед трущобами развилка. Водитель уверенно поворачивает направо.

— Стой, - говорю. - Нам налево надо.

— Не, братан. Нам направо.

— Ты чё, не слышишь? Э!

Но он продолжает ехать по своему маршруту:

— Не «экай».

Стреляю в пол, прямиком между его ног, примерно туда, где педали.

Машина останавливается, а я снова втыкаю пистолет ему в затылок:

— Твои братки, наверное, где-то здесь, да? Думал, я просто ссыкану и сдристну? Нет, друг, мне бежать некуда. Давай я лучше прострелю тебе что-нибудь? Ну так, чтоб ты не сомневался, что я тебя грохну.

Он молчит.

— Я ж с тобой по-людски. Заплатить тебе хотел. Ну вот чё ты выёживаешься?

— Хотел?

— Быстро разворачиваешься - и едем куда я сказал.

Он ничего не отвечает, но нехотя дёргает рычаг, сдаёт назад и крутит руль, разворачиваясь в нужную мне сторону.

Мы заезжаем в трущобы и продираемся по узкой дорожке мимо хибар и сараев.

— Там ничего нет, братан. Отсюда выедем - дальше свалка и всё.

— А за ней?

— За ней ни хрена нет.

— Вот и отлично! Ехай.

Мы выезжаем из трущобы. Впереди действительно свалка, посреди которой - огромный козловой кран. Примерно те же горы мусора, что и в начале моего пути. Ну что ж. По крайней мере ясно, что этот весёлый квартальчик закончился.

— Вон к той куче подъезжай.

— Кто тя нанял, слышь, малой?

— Ты чё-то перепутал, друг. Это я тебя нанял.

С этими словами я насыпаю ему в карман 30 фишек. Хотя за такую работу, конечно, нужно давать гораздо меньше!

Мы подъезжаем к горе металлолома.

— И чё? Так вот выйдешь и пойдёшь?

— Ага, - говорю я, открывая дверь. - Только напоследок - да ты не ссы, не грохну я тебя - но мне надо сделать вот это.

Я достаю перцовый баллончик и распыляю его прямо ему на физиономию, тут же хватаю рюкзак и выпрыгиваю из машины под крики и мат своего временного попутчика. Глаза режет от газа, но я бегу в самую гущу свалки, прямо под кран, и через пару минут района позади уже не видно, свет заслоняют горы мусора, и я снова во тьме.

Ориентируясь по компасу, пробираюсь сквозь свалку. Уже не особо беспокоюсь из-за звуков - передвигаться бесшумно здесь просто невозможно, но и в округе, кажется, никого нет. Увидев старый разодранный матрас, останавливаюсь и падаю на него спиной. Лежу. Отдыхаю. Смотрю в темноту над собой. Сжимаю в руке пистолет. Я ещё жив. Хочется есть. Странно. Я ожидал, что здесь будет поприличнее, но тут прям какой-то совсем мрак. Хотя, это же ещё только седьмой круг. Вот дойду до третьего - наверняка увижу разницу.

Успокоив себя немного, встаю, справляю нужду, и двигаю дальше. Смотрю на часы. 18:26. Пора подумать об ужине. Сейчас выберусь из этих завалов, найду место, и пожру.

Минут через тридцать, наконец, добираюсь до конца свалки, и из-за последней горы вижу тоненький бетонный забор. Неужели конец круга? Забравшись на гору чуть повыше, оглядываю местность по сторонам. Колонн не видать. А за забором - невысокое раздолбанное промышленное здание. Чёрт, вот это не очень хорошо. Вспоминаю свою поездку с Нурбеком к заброшенному заводу. Там ведь может быть кто угодно. Но вдоль этого здания, кажется, дорога. В темноте плохо видно, но если так, то по ней идти будет гораздо проще, а я уже прилично подустал. Ладно, перемахну через забор и посмотрю, что там. Вернуться всегда можно.

Спускаюсь с горы, перепрыгиваю через канаву и оказываюсь перед самым забором. Колючей проволоки никакой нет. Просто обычное бетонное ограждение, местами даже сломанное. Точно не граница седьмого круга. Но по компасу мне туда. Перебрасываю

рюкзак через забор, и быстро перелезаю сам, спрыгнув с другой стороны. Тут же выхватываю пистолет, но целиться не в кого. Приседаю рядом с рюкзаком и замираю. Слышу звук. Что-то бренькает. Гитара. Да ладно!!! Слышу голос, поющий песню. Офигеть…

Надеваю рюкзак и иду на звук. Пробираюсь в узкий проход между гаражей и оказываюсь перед лежащим на боку ржавым грузовиком. Обхожу его слева. Мимо проходит асфальтовая дорога, а с другой её стороны, на повороте - старая бетонная автобусная остановка, и там - целая компания. Четверо парней, кажется. Сидят на остановке, а перед ними горит костёр в металлическом баке. Один из них сидит на земле, ко мне спиной, и что-то бренчит на гитаре.

Прячу пистолет под куртку, выхожу из-за грузовка и иду к ним через дорогу. Слышу слова песни.

В голове форшмак, психика разрушена.

С дальней стороны глаз мыслей не обнаружено…

Подхожу совсем близко, и меня замечают.

— О! Пухлый, глянь чо! К нам гости.

Я такой же, как ты, посмотри повнимательней!

Со мною покури и пошли всё к такой-то матери!

— Здор**о**во, пацаны! - говорю.

Да, их четверо. Тот, что играет на гитаре - в разноцветной вязаной шапочке и потрёпаной куртейке, худощавый, с большим ртом, впалыми щеками и острым подбородком. Другой, ещё тощее гитариста, черноволосый, стриженный «под горшок», сидит на земле, прислонившись спиной к бетонной стене остановки и глядит на меня, повернувшись. На скамейке сидят двое - один раскосый и упитанный, в чёрном спортивном костюме, а другой - кучерявый, как Жека, со странно наклонённой набок головой.

— Привет! - говорит мне тощий у стены. - Ты к нам с миром, брат?

— С миром, с миром, - говорю. - Но если что - у меня ствол.

Все уважительно кивают.

Я конкретный урод, да и ты не прекрасная.

Если тебя не прёт, значит мы съели разное!

Может песня моя для тебя чушь несуразная?

Если тебя не прёт, значит мы съели разное!

Несуразная. У нас и слов-то таких не слыхали! Видимо, я всё-таки продвигаюсь к центру.

Сажусь у костра между тощим и гитаристом. На краю бака лежит шампур, и на нём что-то жарится. Не крыса. И не собака.

— Курица? - спрашиваю, кивнув на мясо.

— Не, браток! - говорит кривой. - Хаваеца!

И все начинают дружно ржать. Наркоманский юмор - странный, но добрый. Я смотрю на мясо, и чувство голода просыпается с новой силой.

— А не угостите меня, пацаны? За таблетосы.

Они тут же перестают смеяться.

— А чё, есть, да? - активизируется тощий, развернувшись ко мне целиком.

Молча копаюсь во внутреннем кармане и достаю весь свой арсенал, перебирая его в руках. Даже гитарист перестаёт играть.

— Ну вот, - говорю, - галлюциногенчик хороший. Два-цэ-бэ. В хлам не размажет, но приятный трип обеспечен. По одной за кусок, а?

Оно, конечно, того совсем не стоит, но мне сейчас всё равно. Самому мне эти галлюциногены не пригодятся, я их брал «заодно» и как раз для таких случаев - чтоб сторговаться с кем-нибудь.

— А точно не палево? - буркает раскосый.

— Да отвечаю! Берите.

Парни переглядываются.

— Чё, Пухлый, взять, думаешь? - говорит кривой, обращаясь к самому тощему члену компании. Да, сразу видно: ребята часто употребляют.

— Ну а чё не взять-то? Бери.

— Не - *ты* бери!

Поняв, что эти двое не договорятся, раскосый махает рукой:

— Давай, короче!

Я кидаю ему таблетку, и он ловит её резким, отточенным движением.

— Во, правильно! - говорит Пухлый. - Пусть Китаец первый будет! Их же до сих пор дохрена! Сдохнет - не жалко.

— Поцелуй мой китайский зад, гнида, - говорит Китаец и глотает таблетку. Морщится.

— Воды? - спрашиваю.

Он кивает. Бросаю ему бутылку, и он запивает таблетку. Сидит молча. Все пялятся на него. «Ща коней откинет!» - шуткует кто-то. Проходит минута. Китаец медленно кивает головой:

— Пошло.

— Давай мне тоже! - наперебой кричат кривой и Пухлый. - Забирай весь шампур нахрен!

— Э, алё! Мы ж без хавчика останемся, пацаны! - смеётся гитарист.

— Без хавчика, зато под кайфом! Когда ты ещё таблетос купишь за курицу, чувак?

Раздаю таблетки всем оставшимся и беру себе шампур со свежим куриным мясом. Сидим. Смотрим на костёр. Хорошо!

— Славик, играй давай, чо сидишь!

— Ща, приход словлю…

— Давай, лови быстрей! Душа просит музыки!

А я тем временем ловлю «приход» от сочной курятины. Ну нет, не сочной, конечно. Пересушена она. Но всё равно вкусная! Особенно сейчас, когда я голоден, как волк.

Славик, наконец, снова берётся за гитару, а я, набив брюхо, ложусь на землю, подложив рюкзак под голову. Промышленное здание меня больше не беспокоит - раз эти ребята здесь тусуются, да ещё и с костром, который видно за добрую сотню метров, значит опасности нет.

Проходит минут двадцать, и к нам присоединяются ещё двое - парень с девушкой. Пухлый рассказывает, что они купили у меня таблетки за курицу, но я говорю, что теперь сыт, и таблетки больше не продаются. Тогда девушка предлагает пойти к ним на район, к Длинному, и Пухлый сперва соглашается, но потом уговаривает их посидеть здесь, на пляже. Никто его не спрашивает: «На каком пляже?» - все понимают, что он сейчас и правда видит перед собой пляж.

— Как погодка, Пухлый? - спрашиваю, лёжа на боку. - Солнечно?

— Ага… - говорит Пухлый. - Жарища! И слепит, прям смотреть невозможно!

Самые частые глюки у жителей Подземелья - это глюки про солнце. Я здесь, чтобы его увидеть, ребята. Только не под таблеткой, а по-настоящему.

Подошедший парень подбрасывает деревяшек в костёр, Славик играет нехитрую мелодию. Я начинаю задрёмывать. Кто-то ещё приходит… Потом кто-то уходит… Я перебираюсь вглубь остановки, под лавочку и под сидящих на ней. Всем по барабану. Смотрю на часы. 21:48. Нащупываю под курткой пистолет. Беру его в руку… Снимаю с предохранителя… Ладно… переночую здесь…

Открываю глаза и вижу, что костёр погас, а вокруг никого. Пистолет по-прежнему в моей руке. Смотрю на часы. 7:45. Неслабо я продрых! На лавочке надо мной кто-то лежит и, видимо, спит. Осторожно выбираюсь и встаю. Оборачиваюсь на спящего. Незнакомый. Оглядываюсь по сторонам - никого. Осматриваю рюкзак - всё на месте. Только бутылки нет. Она валяется рядом с баком, пустая. Значит, мне нужен новый запас воды. Ладно, поищем. Подбираю бутылку, втыкаю в боковой карман рюкзака, закидываю его на спину и отправляюсь дальше в путь, по дороге.

По идее, сейчас самое безопасное время. Лучше было бы, конечно, часов в 6 двинуть, но зато я хотя бы выспался. Ближе к восьми все потихоньку просыпаются, и может я найду кого-нибудь, кто мне даст воды или расскажет, где её набрать.

Развалины завода остаются позади, и сквозь смог я начинаю различать вдалеке огоньки. Ещё один островок цивилизации. Видимо, тот район, куда вчера девчонка звала. Надо было хоть спросить, что там. Но с другой стороны, так явно спрашивать стрёмно - все поймут, что ты тут чужой.

Подхожу всё ближе и начинаю различать очертания домов. Плохенькие одноэтажные халупки. Некоторые деревянные. Некоторые из смеси кирпича, камней и цемента. В общем, не сильно лучше хибар у нас в трущобе. На улицу выбегает детвора. Просит денег. Хватает за рюкзак. Но я выхватываю баллончик и грожу, что пшикну. Спрашиваю про воду. Говорят, что надо идти куда-то вглубь трущобы на скважину. Нет, не пойду. Не хочу сбиваться с курса.

— Пацаны, а до стены далеко? - спрашваю, неожиданно сам для себя.

— Да не, метров триста в ту сторону, за болотом.

Ага! Значит, я всё-таки подхожу к границе! Возможно, я скоро смогу разглядеть колонну, если я не посередине секции.

И действительно, пройдя метров сто, начинаю замечать с левой стороны высоченный тёмный столб, уходящий в небо, который ни с чем не спутаешь. А дорога всё тянется, и никаких препятствий на пути у меня больше нет. А ещё вдоль дороги торчат фонари. Они освещают путь и окрестности. Удача пока на моей стороне! На обочине дороги с левой стороны вижу чувака на коленях. Он кланяется в сторону колонны. Молится. На меня он не обращает никакого внимания, и я иду дальше.

Тем временем, мой организм начинает намекать мне, что неплохо бы позавтракать. Ведь совсем же недавно ужинали, ты чё, родной? Или я просто привык к алмазовской столовке, где я ел за двоих? Пора отвыкать, Марк. Пора отвыкать…

Пройдя ещё метров сто, вижу впереди… болото. Дорога утыкается в него и им заканчивается. Кто ж её так странно построил? Или это дорога сперва была построена, а потом выкопали яму? Но зачем? Чёрт его знает…

Слышу квакание. Ага… вот и завтрак! Я уж думал, сейчас тушёнку открою, но нет - сэкономлю. Хожу по краю болота и свечу фонарём в поисках добычи. Лягушку поймать - плёвое дело, и я быстро набираю несколько штук. Съедобные у них только задние лапки. Разделываю ножом свой улов, оставляя лишь полезную часть, и отмахиваясь от полчищ комаров, тут же налетевших на меня. Нахожу в окрестностях ржавый металлический лист, достаю горелку и кладу лист на огонь. Сверху кладу лапки, посыпаю перечной смесью, и они потихоньку зажариваются. Пока процесс идёт, ловлю ещё несколько штук, разделываю и докидываю их на «сковородку». Развожу небольшой костерок из щепок и деревяшек поблизости, чтобы дымом хоть как-то отогнать комарьё. Мой завтрак почти готов. Лапки прилипают к листу, но я отскабливаю их ножом и переворачиваю. Через

несколько минут лапки окончательно дожариваются. Снимаю кожу вместе со ржавчиной и жую мягкое лягушачье мясо. Вполне приемлемо. Даже лучше, чем крыса, пожалуй. Заедаю всё это сладким батончиком. Складываю горелку в рюкзак. Прикидываю, как идти и решаю, что пойду в обход с правой стороны.

Иду вдоль берега. То и дело попадаются небольшие лачужки, но их тут меньше. Замечаю вдали стену. Настоящую. Высокую. И гораздо более внушительную, чем та, что была между восьмым кругом и седьмым. Проходит ещё минут двадцать, и я оказываюсь у самой стены. Сверху колючая проволока, и до неё ещё хрен долезешь. Ворот нигде не видать, но вряд ли на них висит просто замок на цепи. Тут защита посерьёзнее. Возможно даже есть охрана, хотя… пока не похоже, что тут кто-то что-то охраняет.

Освещаю стену фонарём. Даже надписей толком нет. Немноголюдно тут. Видно, что местные сюда почти не суются. Пойду по периметру. Где-то ведь должны быть ворота?

Иду вдоль стены. Замечаю вдалеке ещё одну дорогу, освещённую несколькими фонарями. Значит, скорее всего, там же где-то и ворота. Если, конечно, мне это поможет… В свете фонарей бегает детвора. Трое пацанов и одна девчонка. Они кидают друг в друга каким-то мешком на верёвке. Один берёт мешок, остальные убегают. «Сифа» игра называется. Знаем такую. Подхожу поближе и разглядываю их получше. Никакой это не «мешок» у них, а дохлая кошка. Ну да. Мы крысой ещё бросаться любили. Её проще раскручивать за хвост, и летит она дальше. И тут я вдруг понимаю, что именно эти ребята мне и нужны! Передо мной не просто дети. Передо мной - профессионалы. Мастера по проходу на шестой круг.

Один из пацанов швыряет кошку и попадает девчонке по ногам. Она взвизгивает, тут же хватает её, и гонится за пацанятами, бросившимися в рассыпную. Один из них бежит прямо на меня и чуть ли не врезается мне в ноги, не разглядев в темноте. Он в начале пугается, но я говорю:

— Здоров, мелюзга! Зови своих корешей, я с миром.

— А ты кто? - глядит он снизу вверх, оторопев.

— Конь в пальто! Давай, свисти сюда всех, не тормози!

Он бежит обратно к дороге и свищет остальных с криком «Стоп игра!».

Я встаю у фонаря, уперевшись в него плечом. Все собираются вокруг. Достаю из кармана фишки:

— Всем привет! Ну что, парни, девчонки? Кто хочет подзаработать?

— Я! Я! - кричат дети наперебой.

— Отлично! - объявляю я, почти как Владлен в казино Кристал. - Тот, кто покажет мне сейчас самый лучший пролаз на ту сторону стены - получит одну фишку. Нет, две фишки!

— Пошли со мной! - тут же кричит один из пацанят.

— Не, со мной! - галдит другой.

— Стоп-стоп-стоп, - говорю. - Что за суета? Пойдёмте все вместе, и каждый покажет свой вариант. Обещаю, что посмотрю все.

Дружной толпой мы идём к стене. Я освещаю дорогу фонарём, но дети, кажется, могли бы дойти с закрытыми глазами. Они тут знают каждый камень.

Мы доходим до стены, и один из пацанят уже тащит меня за руку:

— Вот тут чутка пройти - и пролаз будет.

Доходим до места. Останавливаемся.

— Ну и где? - спрашиваю.

— Видишь, вон, сверху колючка разорвана?

— Ну.

— А тут вон из стены арматурина торчит.

— И чего?

— Ну вот здесь за стык держишься, ногой в эту железяку упираешься, потом туда - раз! И сверху пролезаешь.

— Да ты прикалываешься что-ли?

— Неа! Смотри.

И парень, как обезьяна, карабкается по стене, хватаясь за щели и выступы, которых я бы и не заметил никогда, и секунд за пятнадцать оказывается на самом верху стены, сев на неё верхом и подняв руки.

— Понял? - кричит он мне сверху.

— Слезай, - говорю. - Ваще не вариант. Я так не смогу, как ты. Я ж тяжёлый. Да ещё и с рюкзаком!

Он быстро спускается вниз:

— Блина, у тебя ж рюкзак... Но может его закинуть как-нибудь?...

— Пошли со мной! Со мной! - говорит другой пацанёнок.

Мы доходим до места, где в стене есть выбоина с торчащими из неё кусками металла.

— Вот тут берёшь - и пролезаешь!

И он, как червяк, просачивается через эту небольшую дырку, оказавшись на шестом круге.

Но это, конечно, тоже не для меня.

— Не, братан, у меня голова даже не проходит.

— А... ёмаё...

Он так же ловко возвращается обратно.

— Ну? Кто ещё? - говорю.

Девчонка скромно смотрит на меня:

— Тут собаки где-то прорыли проход. Только я забыла, где…

— Ну пойдём искать! В ту сторону?

— Вроде… да…

Мы идём дальше в поисках собачьей дыры. Я свечу в землю, пытаясь отыскать что-то похожее. А один из пацанят вдруг вскрикивает:

— О! Гляньте! Собака!

— Где?

Мы смотрим вдаль, а я свечу фонарём. И правда, какая-то шавка бродит. И как только он её разглядел в темноте?

— Тёмыч, заходи справа!

— Ага! - кричит Тёмыч, уже несясь наперерез с камнем в руке.

— Гоните её, пацаны!

Раздаётся оглушительный свист и вопли. Бедная собака, испугавшись, удирает, а парни стараются прижать её к стене. Не сразу, но до меня доходит их план: раз собаки сделали подкоп, значит эта шавка через него и смоется. Нужно только не дать ей удрать в другую сторону.

Я всё свечу фонарём, стараясь не упустить собаку из виду, а девчонка стоит рядом со мной.

— Побежали, - говорю.

И мы бежим следом за всеми.

— Вон, пацаны! Смарите! Вон там!

Свечу, но собаки нет. А дети стоят у стены и смотрят куда-то. Видать, их план сработал.

— Шеф, сюда! - кричат они мне.

Мы подбегаем, а парни показывают пальцами в землю под стеной:

— Вот тут она смылась!

> Освещаю место, куда они показывают. И правда: подкоп. Опускаюсь на колени, снимаю рюкзак и рассматриваю место.

— Хм! Неплохо они тут поработали! Тут не одна - две собаки пролезет! А как насчёт меня?

Забираюсь головой в пролаз. Голова проходит без проблем. Переворачиваюсь на спину, протягиваю руки и хватаюсь за дальний край стены уже на той стороне. Тяну себя руками и отталкиваюсь ногами от земли. Мгновение - и я на шестом круге! Оглядываюсь по сторонам. Никого. Но вдалеке светят огни.

Быстро лезу обратно тем же способом.

— Еее! - кричат радостные дети и хлопают в ладоши.

— Тщщщ! - шикаю я на них и продолжаю заговорчески шёпотом. - Не орите! Там же запретная зона! Вы никому не расскажете?

— Не-не! - открещиваются мои сообщники.

— Так, красавица, тебя как зовут?

— Диана.

— Диана получает две фишки за самый лучший пролаз!

Отдаю девчонке две фишки.

— Остальные получают по одной фишке за то, что работали вместе, как настоящая банда!

— Ура!!! - радуются дети.

— Тихо! - снова шикаю на них.- Так… я щас туда пролезу, а вы мне подадите рюкзак, окей?

— Да, шеф.

— Ништяк! Давайте пятюню все!

По очереди даю пять каждому из детей, и как настоящий супергерой из комиксов, ныряю в дырку и исчезаю в ней, снова оказавшись по другую сторону стены. Заглядываю обратно в пролаз:

— Ну! Гоните рюкзак сюда!

На той стороне слышен шорох. Ложусь на землю рядом с дырой и протягиваю руку как можно дальше. Дотронувшись до рюкзака, хватаю его и рывками тащу к себе. Вынимаю со своей стороны.

Кричать через дыру этим ребятам я уже не буду, поэтом просто встаю, надеваю рюкзак, и отправляюсь через темноту прямиком к фонарям, горящим вдалеке.

Я на шестом круге.

Огни вдалеке светят ярко. Хороший знак. Может быть, там район побогаче и поприличнее. Это было бы неплохо. Освещаю фонарём свой путь и землю вокруг. Пустырь. Ничего интересного. Всякий мелкий хлам, собака дохлая… Дороги здесь нет, но грунт более-менее ровный. Мелкие рытвины моим сапогам ни по чём, и я уверенно шагаю всё ближе и ближе к незнакомому кварталу.

Запах дохлятины… Он смешан с каким-то другим запахом, не знакомым мне. Но в Подземелье чем только ни нанюхаешься. Надо пройти этот пустырь поскорее, там впереди наверняка будет лучше.

Начинаю различать вдали дома, и вижу, что район и правда хороший. Все здания опрятненькие, будто недавно построили, я таких и не видал! Фонари горят ярким белым светом, и всё видно, как на ладони. На улицах нет прохожих - наверное, рановато ещё для них - но что-то мне подсказывает, что сцены, как в том районе между свалок, я здесь не увижу. Ох! Ну и хорошо. Может, хоть здесь у меня не будет проблем? Но пока рано радоваться. Дойду, осмотрюсь, и станет понятно, что это за место.

Пустошь заканчивается небольшим заборчиком, и с него начинается квартал. Дороги. Тротуары. Машин нет. Детская площадка. В песочнице играют дети. Ну класс! Значит, там есть живые люди! А то я уже засомневался. Трое детишек копошатся в песке. Одеты прилично. В шапочках разноцветных. Жётлая, голубая и красная. А курточки одинаковые, белые. Ну кто ж детей в белое одевает! Хотя… там так чисто, что и испачкаться негде!

Перемахиваю через заборчик и оказываюсь на дороге, идущей как раз мимо площадки. Тротуар вымощен ровной прямоугольной плиткой, и идти по ней гораздо приятнее, чем по сырой земле. На плитке остаются мои грязные следы, и я сперва стыдливо на них оглядываюсь, но потом смотрю вперёд - нет ли ещё кого?

Подхожу совсем близко к площадке и замечаю, что шапочки у детей на всё лицо… И ещё спереди какие-то штуки круглые… Бог мой… да это не шапочки… это… противогазы…

Останавливаюсь и ошарашенно смотрю на детей, а они смотрят на меня. Один из них, в жёлтом детском противогазике, встаёт и мычит сквозь него:

— Дядя, а ты чего не слоник?

— Что?… - до меня не доходит, что он спросил.

Подходит девочка. Из-под её розового противогаза торчат две русые косички.

— Дядя, стань слоником скорей! А то умрёшь!

«А то умрёшь… а то умрёшь…» - последние слова доносятся будто издалека, эхом. Зрение запаздывает. Провожу рукой перед собой, и в воздухе остаётся размазанный след. Замечаю, что не чувствую ног. Их будто нет совсем. Пытаюсь сделать шаг, но тут же падаю на колени, уперевшись руками в плитку. Меня рвёт. Вижу перед собой жижу из лягушачьих лапок. В глазах темнеет… Слышу откуда-то издали резкий мужской крик:

— Твою мать!!! Чё, больной что-ли?!!!

Кто-то хватает меня под руки.

— А ну отойдите!!! Чёрт… и как назло запаска порвалась… Аййй…

Он копошится несколько секунд и суёт мне в рот какую-то железку, больно ударив ей по зубам. Хотя боли я уже почти не чувствую…

— Обхвати губами! Слышишь?!!! Обхвати губами!!!

Он бьёт меня ладонью по щеке, и чувства немного обостряются. Я присасываюсь губами к железке. Наверное, это нужно… чтобы не сдохнуть…

— Вдыхай ртом! А выдыхай носом! Понял??? Ртом вдыхай, мать твою!!! Ну!!! Давай!!!

Я делаю вдох. Он даётся тяжело. Приходится очень сильно напрячься. Но лучше сделать то, что он говорит, Марк. Выдох через нос. Это уже полегче. Ещё один вдох…

Так я и сижу на коленях на тротуаре и дышу через эту… трубку, что-ли… Пару раз возникает рвотный позыв, но я кое-как сдерживаюсь, и продолжаю дышать. Чувства возвращаются ко мне. Ноги постепенно обретают чувствительность. Зрение становится чётче. Оглядываюсь на своего спасителя. Он в сером противогазе с плотно натянутым на него белым резиновым капюшоном. Из противогаза тянется ребристый шланг и заканчивается у него на поясе в цилиндре тёмно-зелёного цвета. Начинаю припоминать, что я слышал о противогазах. Видимо, цилиндр - это та штука, которая фильтрует воздух. Вижу, что и во рту у меня такая же, только без шланга и без противогаза.

— Держи сам, - раздражённо говорит мужик.

Берусь руками за фильтр.

— Ну как? - спрашивает он.

Киваю головой - «нормально».

— Стоять можешь? Ну-ка, давай…

Он кладёт мою правую руку себе на плечи и приподнимается вместе со мной. Стоим. В глазах снова темнеет. Голова кружится. Мычу, чтобы он подождал. Прихожу в себя…

— Ну? Теперь нормально?

— Угу.

— Пошли, умник. Тебе противогаз нужен. У тебя деньги-то есть?

— Угу.

— Ну хоть так… Ох, повезло тебе, что я тут оказался. Антон! Я пойду, из дяди слоника сделаю… А то он… барашек… Сходи к маме, она тебя зовёт.

— Хорошо, пап, - слышу я из-за спины детский голос, приглушённый противогазом.

И снова возникает это ощущение нереальности происходящего, как тогда, на мосту, когда я увидел мужика с железной ногой.

— Пойдём. Благо тут магазин рядом.

Мы идём вглубь квартала. Несмотря на яркий свет я плохо вижу. Глаза щиплет, как будто в них уксуса налили, и слезятся так, что аж по щекам течёт. Что за жуть! И я ещё надеялся, что здесь у меня не будет проблем!

— Ну? Ты как? - глядит на меня серый противогаз своими круглыми зрачками.

Показываю на глаза и трясу головой.

— Ну ясное дело! А ты думал? Стой. Нам направо.

Мы идём куда-то и, кажется, не встречаем никого по пути. И не удивительно!

— Так, стоп. Вот здесь. Погоди.

Кое-как, сквозь слёзы, я вижу, что мы стоим перед дверью, а мой новый знакомый прикладывает руку к считывателю у двери, и она открывается, а мы заходим внутрь.

Он плотно закрывает дверь за собой, и мы оказываемся в небольшой прихожей, между двумя закрытыми дверьми. Раздаётся гул. Дует ветерок. Замечаю большое зарешёченное отверстие с вентилятором в потолке. В него затягивается воздух. Смотрю на своего нового знакомого в белом резиновом костюме с капюшоном. На груди резиновая наклейка с надписью «Е. Акимов». На руках резиновые перчатки. Гул вентиляции стихает. Нас начинает опрыскивать чем-то. Протираю лицо рукой. Глаза щиплет уже меньше. Провожу рукой по голове, и на ладони остаются мокрые волосы. Ёмаё…

— Пошли, барашек, - говорит мужик и подталкивает меня к двери, которая уже открылась.

Внутри - обычный магазин с прилавком. За ним стоит облысевший дядька с пузом и вислыми усами.

— О! Акимов! Здор**о**во. Кто это с тобой? Противогаз что-ль порвался?

— Да если бы! Я этого дурика на улице нашёл. Он вообще без противогаза был, представляешь?

— Чего?…

— Я сам офигел, Палыч! Он чуть ласты не склеил! Приди я на минутку позже, уже б кирдык ему был.

— Ты откуда такой взялся? - говорит мне Палыч так, будто разговаривает с шестилетним ребёнком, да ещё и слабоумным.

— Залётный он, - говорит Акимов и смотрит на меня, наверное, таким же взглядом, как и Палыч, хоть через противогаз и не видать. - Ты фильтр-то вынь изо рта, любезный! Уже можно.

Вынимаю изо рта обслюнявленный зелёный цилиндр и вдыхаю носом. Запах здесь совсем другой, но тоже незнакомый, химический.

— Ему нужен стандартный взрослый противогаз в полной комплектации. Сказал, что деньги есть.

— А костюм химзащиты?

Акимов махает рукой:

— Обойдётся. Я его выведу быстро. Ну подумаешь, кожа слегка облезет. Зато мозгов прибавится… наверное…

Палыч открывает металлический шкаф у себя за спиной, а Акимов снова поворачивается ко мне:

— Правда, друг: ты откуда?

— С соседнего района… - говорю.

— А здесь чего забыл?

— Да мне в другое место вообще надо было. Заблудился просто…

Такое в Подземелье и правда бывает.

— А чё с рюкзаком таким? В дальний путь собрался?

— Ну вроде того…

— Мутный какой-то тип, - говорит Палыч, доставая противогаз со шлангом и фильтром из шкафа.

— Да уж… И как он через охрану вообще прошёл? Хотя… у нас такая охрана…

— Двадцать фишечек с вас, дорогой! - объявляет Палыч.

Расстёгиваю куртку, достаю из кармана две десятки и кладу на прилавок:

— Спасибо.

— На здоровье!

Беру противогаз, растягиваю его в разные стороны и пытаюсь натянуть себе на физиономию.

— Дай сюда, грамотей! - раздражённо говорит Акимов.

Он забирает у меня противогаз, поворачивает ко мне боком и объясняет:

— Противогаз надевается снизу-вверх, с подбородка, понял? Давай подбородок сюда.

Я кладу подбородок внутрь, и Акимов одним движением набрасывает противогаз мне на голову.

— Дыши, как обычно, носом.

— Понял.

— О-о-о-х… - вздыхает Акимов. - Ладно, всё обошлось. Пойду, провожу это чудо. Давай, Палыч!

— Счастливо.

Они стукаются кулаками, и мы выходим наружу, в этот раз не стоя под ветром и опрыскивателями в прихожей.

Глаза мои окончательно приходят в себя, и вижу я теперь хорошо, хотя их всё ещё щиплет.

— Пойдём, нам обратно и дальше, - говорит мой проводник.

Возвращаемся на ту улицу, где он меня нашёл, и поворачиваем налево - как раз куда мне было нужно. Идём. Молчим.

— Спасибо тебе, - говорю.

Он усмехается:

— Да не за что!

— Как тебя по имени?

— Егор.

— Марк.

Он выставляет кулачок, и мы стукаемся.

— Это чтобы ты не жал голой рукой мою руку в перчатке, - объясняет он. - Хотя тебе сейчас всё равно.

— Можно вопрос?

— Валяй.

— Что это за место?

— Это… химический комбинат. Здесь очень, очень, ОЧЕНЬ токсичное производство.

— Производство чего?

— Да чего угодно! И материалы, и фармацевтика, и промышленная химия. Но это максимум, что я могу тебе сказать, парень. С кем попало мне болтать об этом не положено.

— Понимаю. Но ты здесь работаешь, да?

— Да, дружище. Я инженер-химик.

— Ого! Знаешь химию хорошо?

— Да… слишком хорошо…

Оглядываюсь по сторонам. Дома покрыты чем-то вроде инея. Справа кварталах в двух виден тот самый комбинат - большое здание с огромными трубами. Из труб валит дым и медленно спускается на землю.

Мы останавливаемся у фонарного столба, и Егор проводит по нему пальцем, счищая иней, такой же, как на домах.

— Видишь? - говорит он, поднося палец в белой резиновой перчатке к моим глазам. - Это всё химикаты. А ты тут решил прогуляться, будто это парк аттракционов.

— Капец… Да как вы тут вообще живёте?!…

— Вот так и живём, - показывает он на свой противогаз. - И даже детей воспитываем, как видишь. Школы здесь хорошие. И детские сады есть. А приступности нету. Вот такое вот место.

— И много вас здесь?

— Нет. Не много.

Мы идём дальше. На улице появились прохожие. Но их по пальцам сосчитать. Все ходят в таких же резиновых костюмах, как и у Егора, такого же белого цвета.

Дома многоэтажные, панельные, новые. По качеству - ни в какое сравнение с тем, что на Сортировке. Я не шибко разбираюсь в строительстве, но даже моему глазу это видно.

— Богато тут у вас.

— А то!

— Под федералами живёте?

— …Любопытный ты больно, - отвечает Егор, помолчав немного.

— Да ладно, чо. Это ж видно. Ни одному частнику такое не по карману.

— Ну допустим. Тебе-то с этого что?

— Да так… пытаюсь картину понять. Тут, пади, и железка рядом есть. Ну, железная дорога.

— Верно.

— По ней всё и доставляется, в обе стороны.

— Соображаешь. Не такой уж ты и безмозглый, как я думал. Сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

— Интересно…

Останавливаемся у надписи «Столовая».

— Ты, небось, голодный, а? - смотрит он на меня.

— Ваще капец!

— Ну да, из тебя весь завтрак-то вышел! Я тоже ещё не завтракал. Пошли.

Мы заходим в дверь под надписью, пройдя через такой-же «предбанник», как и у Палыча, с проветриванием и опрыскиванием. Внутри - столовка. Хорошая столовка. Чистенько, полы блестят, столы вытерты. На другом конце небольшого зала - витрина с едой. Два столика заняты местными, остальные свободны.

Мой попутчик стягивает капюшон и снимает противогаз, встряхивая засаленные рыжие волосы. Он кладёт весь противогазный комплект в металлический шкафчик рядом с дверью, снимает перчатки и кладёт туда же. Закрывает шкафчик и берёт себе ключ. Я делаю то же самое. До меня доносится запах приготовленной еды, и сразу же начинает дико сосать и урчать в желудке.

— О-о-о!… - смеётся Егор, услышав мои утробные звуки. - Пойдём скорей, пока ты с голода коней не двинул.

Я киваю, а он улыбается своими жёлтыми зубами. На вид ему лет тридцать. Жиденькая всклокоченная рыжая бородка, белое морщинистое лицо с сыпью пигментных пятен - «конопушек» - которые почти всегда бывают у рыжих. Умный, ироничный взгляд.

Он отправляется к раздаче, а я оставляю рюкзак рядом со шкафчиками и иду за ним.

— Акимов! - кричат из-за ближнего стола. - Кто это с тобой?

Егор махает рукой - его типичный жест:

— Не спрашивай, Шац, тебе лучше не знать. Временный знакомый.

На раздаче Егор берёт себе яичницу из двух яиц и две сосиски, а я беру две котлеты с пюре - чего мелочиться? Гляжу на эти котлеты и чуть ли не захлёбываюсь собственной слюной. На кассе Акимов расплачивается специальной карточкой, а я отдаю десять фишек. Дофига, конечно, но зато поем как следует!

Мы ставим тарелки и кладём приборы на один поднос, и Егор отправляется за столик в другом конце зала, подальше от посторонних ушей. Садимся. Я набрасываюсь на котлеты.

— Ну давай, говори. Какая нелёгкая тебя сюда принесла?

Я некоторое время просто не в состоянии сказать ни слова, настолько увлечён поглощением пищи. Но Егор терпелив. Дожевав очередной кусок, отвечаю:

— Да я из банды ушёл. Вот теперь ищу, куда приткнуться.

Почти не соврал.

— А чем занимался?

— Да бегунок обычный, подай-принеси.

— Богато выглядишь для бегунка. Сапоги особенно.

Он умный. И наблюдательный. Ты ещё пистолет мой не видел, Егор. Когда брехня звучит неправдоподобно, надо добавлять немного правды.

— Я в покер играю. Хорошо играю. Про Кристалл казино слышал?

Он качает головой:

— Я в этом не разбираюсь.

— За стеной, в соседнем квартале, не очень далеко. Я там недавно хороших денег поднял. Так что первое время смогу перекантоваться.

— И куда теперь пойдёшь?

— Да дальше туда, до другой стены. Буду там счастья искать. Может, торговать начну. Вы ж наверняка чё-то на сторону продаёте?

Егор усмехается, встряхивает головой и пожимает плечами:

— Всё может быть. Слава богу это не моя головная боль. Я просто делаю свою работу, а начальство - пусть само разбирается. Может и продают что-то налево, я вообще не удивлюсь.

— Ну вот может буду чего перекупать да продавать. Чё не попробовать-то?

— Рискованно это всё...

— Слушай... я из банды. И в покер играю.

— Хех! - снова усмехается Егор.

— А ты, говоришь, инженер... химик? И в химии шаришь, получается?

— Ну не жалуюсь.

— Чё, и два-цэ-бэ сделать можешь?

— Только никому не говори, - улыбается он.

— Офигееть! Это ж какая голова должна быть!

— Я долго учился, - устало, но не без удовольствия отвечает он.

— Здесь?

— Ну да.

— То есть ты тут с рождения?

Он кивает головой, глядя мне в глаза.

— Слушай, - говорю. - Извини, что спрашиваю: но ты же, блин, живёшь в противогазе! Не надоело? Не хочешь свалить куда-нибудь?

— Свалить? А куда?... И кем?

— Ну не знаю...

— В противогазе ходить по улице, конечно, не очень удобно. Но за это прилично платят. Я нигде столько не заработаю, понимаешь? Вот, допустим, я сваливаю. Кем мне работать? Бандитом? Торгашом?

— Ну ты мог бы... - я изо всех сил изображаю не очень умного бегунка из банды, - мог бы таблетки делать. К какому-нибудь частнику устроиться под крыло - и штамповать. Там ведь тоже наверняка хорошие деньги.

Егор сочувственно смеётся:

— Нет, спасибо. Я спать спокойно хочу... О, ты уже всё доел. Надо и мне заканчивать.

Он быстро добивает свой завтрак и относит поднос с посудой на стойку. Я вспоминаю, что мне нужно набрать воды, добегаю до рюкзака, взяв бутылку, и иду на кассу, чтобы попросить кипяточку. Мне наполняют бутылку, мы надеваем противогазы, я беру рюкзак, и мы выходим.

— Осталось маленько пройти, - говорит он. - Там впереди пост, видишь?

Сквозь дымку в конце улицы виднеются ворота и будка, и мы идём к ней. В желудке - приятная сытость. Тепло разливается по телу, и я уже почти забыл то тошнотворное ощущение, когда я стоял на четвереньках на тротуаре.

— Покурить бы сейчас, - говорю.

— Это да. Но через противогаз не курят, дружище.

— На улице, получается, никак. В помещениях, вижу, тоже нельзя. Где ж вы курите?

— Как где? В курилках!

Мы подходим к посту. В будке сидит охранник. Тоже, естественно, в противогазе.

— Акимов! - кричит Егор в окошечко. - Этот со мной.

Створка ворот отъезжает в сторону. Мы выходим на ровную асфальтовую дорогу, покрытую белым налётом, и отходим метров на 30 дальше от будки. Дорога здесь идёт вверх, на пригорок.

— Всё, дальше я не пойду, - говорит мой временный товарищ. - Пройдёшь наверх метров триста, и уже можешь противогаз снимать. Там возвышенность, туда газы не поднимаются. Ну и дальше там ничего такого нет, так что не беспокойся - не отравишься.

— Спасибо тебе, Егор, - говорю. - Спасибо, что спас и вывел.

— Да не за что.

И тут, внезапно для себя самого, спрашиваю:

— Слушай. А не знаешь, что это за колонны здоровенные, которые в небо уходят?

Он молчит. Жмёт плечами.

— Ну как… их же боги построили! Ты что не знаешь?

Смеюсь в ответ:

— Я это не куплю, я не богомольный?

— Да ладно! А похож.

— Ну ты и сам же в это не веришь, а?

— Конечно нет.

— Ну так расскажи правду, по секрету! Я никому не разболтаю, честное пацанское!

— Да в смысле «расскажи»? Откуда я знаю-то?

— Ну вдруг… Просто очень хочу узнать.

— Хм…

Он явно не ожидал этого от меня услышать и сбит с толку.

— Странный ты парень…

— Все так говорят.

— Прям вот «очень хочешь узнать»?

— Я серьёзно хочу.

— Зачем?

— Ну чтоб понять, как всё устроено.

Егор снова молчит.

— Ты из-за этого из банды ушёл?

— Ну можно сказать, что да.

— Ну парень… плохо быть тобой, - он разводит руками. - Извини, но помочь здесь я тебе ничем не могу. Могу лишь сказать свои соображения. Эти колонны что-то поддерживают. Что-то, что заслоняет нам небо.

— Город?

— Возможно. Но если так, то это очень необычный город. Я бы сказал, что это шедевр инженерного искусства. Один лишь факт, что он находится почти в километре над нами, уже в голове не укладывается!

— Откуда ты знаешь, что в километре?

— Ну смотри: дожди и снег у нас бывают?

— Бывают.

— Облака и тучи парят на какой высоте?

— Не знаю.

— От шестисот метров до полутора километров. То есть он явно выше, раз облака проходят под ним. Правда, может статься, что часть облаков проходит снизу, а часть - сверху. Но всё равно, это минимум метров семьсот-восемьсот, а скорее всего - больше.

— Офигеть…

— Не то слово! Но это всё мои предположения, а знать я об этом ничего не знаю. И, наверное, слава богу.

— Ладно… спасибо тебе, Егор! И удачи!

— Тебе удачи, искатель приключений! - посмеивается он.

Мы прощаемся, и я отправляюсь дальше, в гору. Гляжу на компас. Дорога уводит чуть правее, чем нужно, но в целом направление верное.

Иду по асфальтовой дороге вверх, тяжело дыша сквозь противогаз. Вокруг химический туман и пустырь.

Он сказал: «Я об этом ничего не знаю, и, наверное, слава богу». Почему «слава богу»? Потому что его начальству это знание не понравилось бы. Федералы… Они-то знают, что там наверху. Это ясно, как солнце в телеке. И они не хотят, чтоб мы об этом знали. Только почему?

Гляжу наверх, в затуманенное чёрное пустое небо. Что же там такое?…

Переступаю через дохлятину на пути. Слышу звук мотора впереди. Из дымки возникает грузовик и проезжает мимо меня, к воротам, через которые Егор меня вывел. Посмотрев немного ему в след, продолжаю свой путь.

Федералы, значит. Они ведь в центре кучкуются, это наверняка. И если я тоже окажусь в центре, то у меня будет больше шансов хоть что-то вызнать. Ведь такое нельзя держать в полном секрете. Что-то да просочится. Значит, всё правильно. Значит, именно в центр мне и надо, а дальше - сориентируемся. Только что меня ждёт в этом «центре»? И как к этому подготовиться? Фиг угадаешь… Но сейчас, пожалуй, рано об этом думать, я ведь пока только на шестом круге. Подойду поближе - станет виднее.

Дорога перестаёт быть гладкой. На ней появляются выбоины и трещины. Но и белый химический налёт пропадает, а значит я уже за пределами опасной зоны. Очень осторожно снимаю противогаз и принюхиваюсь. Чувствую, что этого странного и неприятного запаха больше нет. Стрёмно теперь, конечно, но не ходить же всё время в противогазе. Сворачиваю его и запихиваю в рюкзак.

Всматриваюсь в даль. Какие-то постройки. Смотрю в бинокль. Похоже, промзона. Смотрю на компас. Более-менее, надо двигать туда.

Прохожу мимо глубокой канавы с оранжевой водой. Асфальтовая дорога заканчивается, начинается грунтовка. Снова канава, и вдоль неё тоже дорога. Слышу звук справа - что-то гулко тарахтит вдалеке и приближается ко мне. Светит фарой. Одной-единственной фарой. Мотоцикл.

Вместо того, чтобы по-быстрому дёрнуть к промке, я решаю подождать. Берусь за пистолет. Снимаю с предохранителя.

Мотоцикл приближается, и я махаю рукой. Он замедляет ход и неторопливо останавливается рядом со мной. Видно, что собран агрегат из нескольких разных мотоциклов - часть деталей выглядит новыми, другие - потёртые и ржавые. Видать, здесь есть умельцы, способные такие «конструкторы» собирать.

За рулём сидит парень в чёрной куртке и синих джинсах. Куртка почти как у меня, только попроще и постарее, и с металлическими клёпками. Кожаные перчатки. Чёрные длинные волосы развеваются на ветру. В зубах сигарета.

— Здарова! - говорю, перекрикивая грохот мотора. - До стены подбросишь?

— До стены? - прикидывает он, выдыхая сигаретный дым. - За пятёрик доброшу.

— А за трёшку никак?

Лучше притвориться бедным, так безопаснее. Парень делает кислую мину:

— За трёшку? За трёшку только до церкви могу. Тебе куда? На рынок?

— Ну да. Торгануть надо кой-чем.

— Ну оттуда может кто задёшево добросит. Я бы довёз, но мне самому в другие края.

— Ну давай за трёшку до церкви, а там посмотрим.

— Прыгай!

Я сажусь на свободное место сзади и берусь руками за железный ободок за сиденьем. Мотоцикл с шумом трогается и, проехав метров тридцать, поворачивает направо.

Мы едем сквозь промку, и я успеваю разглядеть, что здесь много химичат. Кто-то что-то выпаривает, кто-то мешает чёрную жижу в пластмассовом чане и вытягивает из неё длинную соплю деревянной палкой, кто-то варит химикаты на костре в обрезке металлической бочки, и оттуда идёт рыжеватый пар. Не удивительно. Рядом химзавод, и здесь тоже собрались «инженеры-химики», только попроще.

Дальше квартал с низенькими кирпичными домами. Потом территория с огромными полусгнившими цистернами - восемь штук в ряд, и таких рядов несколько. Затем электрическая подстанция. Рабочая. Стоянка с автомобилями. Несколько магазинов. Футбольная площадка! Парк со скамейками! Да тут цивилизация!

Поворачиваем налево. Едем мимо домов. Проезжаем автозаправку. Снова направо. Небольшой пруд. Мост через речку. Пустырь. Развалины домов, и тут же рядом жилые дома. В окнах горит свет. Ларьки с сигаретами и жратвой. Кто-то играет на гармошке. Мимо проносится внушительных размеров джип, почти как у Алмаза. А впереди - снова пустырь, и на окраине его - церквушка с треснутым куполом. Останавливаемся через дорогу от неё.

— Приехали! - говорит мой водитель.

— Ага, - говорю я и слезаю с мотоцикла. Отдаю водителю честные три фишки.

— В принципе, тут же меньше километра уже до рынка.

— Ну да... - говорю, как будто я местный. - Я может уже и пешком отсюда доковыляю...

— Ну давай, удачи!

— И тебе!

Жмём друг другу руку, и мотоциклист уезжает, свернув налево на перекрёстке. А мне, видимо, прямо, через пустырь.

У церкви человек десять стоят на коленях и молятся, кланяясь в землю.

— Слава Всевышним Богам! - говорит передний, который, видимо, у них главный.

— Слава Всевышним Богам, - гулом повторяют остальные.

— Каемся в грехах своих!

— Каемся в грехах своих…

— За грехи наши сокрыли от нас Всевышние Боги белый свет. Так покаемся же! Дабы были Всевышние Боги милосердны…

Они наверняка кланяются в сторону ближайшей колонны. А значит, и стены. Как раз почти туда я и иду. Во здорово! И компаса не надо!

Иду по правой стороне дороги вдоль пустоши. Кажется, народ здесь незлобный. И на мой набитый рюкзак никто не обращает внимания. Район явно торговый, проходной, и таких, как я, тут полным полно. Мотоциклист говорил про рынок. Он, наверное, вдоль стены, как это часто и бывает. Ну что ж, схожу туда, присмотрюсь, и станет понятнее, что делать дальше.

Прохожу метров двести, миновав редкие лачуги, и с правой стороны появляются дома, похожие на те, что за спиной. А слева впереди - одноэтажное круглое здание. Интересно, что это?

Я подхожу ближе и вижу вход с прозрачными дверями и большую ржавую букву М над ним. Бог мой, да это же… это же… метро! Кто-то из нашей тусовки на восьмом круге травил про него байки. Говорил: «Сверху домик небольшой с буквой М. Заходишь - там лестница вниз, под землю. А под землёй - поезда. Пассажиров возят по тоннелям, как червяки. Спустишься в одном месте, проедешься, и в другом районе вылезаешь. А там тебе люлей насыпают, за то, что ты не местный!» Мы, конечно, ржали, и в такую чушь не верили. Но вот же он! Домик с буквой М. Неужели правда?

Подхожу совсем близко. Двери из пошарпанного оргстекла. Толкаю серую металлическую ручку. Тяну на себя. Закрыто. Пробую каждую дверь. Нет, всё заперто. Присматриваюсь к замку. В круглой скважине треугольный стержень. Хе! Да разве это замок? Можно обычными плоскогубцами открыть! Вглядываюсь внутрь сквозь прозрачные двери. Темно. Свечу фонарём. Небольшой зал. Сводчатый потолок. И он уходит куда-то вниз. Под землю… Чёрт, но ведь так и рассказывали же! Похоже…

— Э!!! - слышу я хрип из-за спины и вздрагиваю всем телом. Разворачиваюсь, готовый отбиваться фонарём.

Но на меня смотрит испуганное бледное лицо. Молодой парень в балахоне. Он прижимает палец ко рту и бегает широко раскрытыми очумевшими глазами:

— Ты чё, рехнулся, брат??? - шипит он мне. - Быстро уходим отсюда! Быстро, быстро!

Он машет рукой в сторону домов. Пожалуй, стоит послушаться.

Мы перебегаем через дорогу и скрываемся среди плотной застройки, несколько раз свернув в переулки так, что метро исчезает из виду.

— Фуууух! - качает головой парень, прижавшись спиной к стене. - Ну ты, брат, даёшь! Совсем жить надоело? Хочешь, чтоб тебя сожрали живьём?

— Сожрали?

— Конечно! Ты не местный, что-ли?

Опасный вопрос. Ну да ладно, уже бесполезно отнекиваться:

— Неа. Я с соседнего района.

— А, ну так должен знать, раз с соседнего.

— О чём знать-то? О метро?

— О том, что сожрут тебя, если поймают! Заживо сожрут, понимаешь? Будут отрезать по кусочку и зажаривать!

— Кто «они»-то?

— Вояки. Они живут там, под землёй. И на охоту выходят, когда у них мясо человечье закончилось. Ловят таких, как ты, и утаскивают к себе, под землю! И жрут.

Глаза у него совершенно безумные от страха.

— А чё им не наваляют-то? И не выловят по-одному?

— Они по одному никогда не ходят. И как ты им наваляешь? У них оружия там, - он показывает пальцем у горла, - здесь металлолома меньше! На десять армий хватит!

— А полиция?

— Не, брат… Даже полиция их боится. Менты туда не суются.

— Так засыпать их к чёрту! Ну, замуровать.

— Ты их здесь засыпешь, а они в другом месте вылезут, и такое устроят!!!

И он начинает быстро тараторить, кланяясь в сторону колонны:

— Превеликие Боги, спасите нас от дьявольской преисподни, спасите и сохраните души наши грешные, господи, господи…

О-о-о… так он из этих… Ну понятно…

— Ладно, ладно, - хлопаю я его по плечу. - Не переживай ты так. Я всё понял, больше туда не сунусь.

— Правильно, брат. Обходи стороной эти адские ворота. Сохранишь тело и душу свою. Как тебя звать?

— Марк.

— Филипп.

Он жмёт мою ладонь своими тонкими пальцами.

— Ладно, Филипп. Спасибо, что предупредил.

— Пожалуйста, брат. Приходи к нам молиться, на душе спокойней станет. Боги милосердны. Если нас будет много, они нас услышат!

Смотрю на пустое небо:

— Может и приду, поглядим. Сперва дела сделать надо. Рынок в ту сторону?

— Да, брат. Тут, чуть дальше, за домами. Иди вот так, наискосок - и прямо к нему выйдешь.

— Спасибо тебе, дорогой. Береги себя.

— И ты себя береги! Да пребудут Боги с тобой!

Боги со мной… Добраться бы мне до вас, Боги. И понять, что вы такое есть, и почему всё так.

То, что он мне рассказал про метро - это, конечно, ещё б**о**льшая чушь, чем поезда под землёй. Хотя… мне *вся* эта история чушью казалась, но ведь что-то же правда, в итоге. Богомольные могут много чего напридумывать, но всё же дыма без огня не бывает, так что, наверное, лучше и правда держаться оттуда подальше. Мне всё равно там нечего делать. Мне нужно к рынку. И к воротам. А рынок… кажется, вот он уже начинается.

Я выхожу из переулка, и вижу первые торговые ряды. Рынок большой, богатый! Крытый. Перехожу дорогу, и тут же чувствую запахи! Много запахов. Еда и специи - это первое, что ударяет в нос. Сразу хочется перекусить чего-нибудь, и я покупаю за фишку большую, обжаренную в масле палку из теста с начинкой. Иду дальше, жуя на ходу. Еда быстро заканчивается, и начинаются всякие товары для дома и безделушки. Дохожу до прохода между рядами, и поворачивают направо, чтобы двигаться к стене. Огромная колонна возвышается над всем рынком. Вот и граница шестого круга. Она уже совсем близко.

Одежда… обувь… электроника… Карты игральные… Останавливаюсь и покупаю за фишку колоду покерных карт. Не могу удержаться! Вдруг пригодятся?! Может, сыграю с кем-нибудь!…

Безделушки заканчиваются и начинается химия. Очень много химии. Всякой разной. Тут тебе и порошки, и очистители, и кислоты со щелочами, и сода в мешках. Краски разные. А вон и стена. Ох ты ж… Да-а… Эта посерьёзнее будет…

Огромная стена из плотного бетона какого-то бежевого цвета, почти в три человеческих роста высотой. Мать моя… Такую попробуй, перелезь.

Подхожу почти вплотную к ней, и рынок остаётся у меня за спиной - между рынком и стеной, как всегда, расстояние. Озираюсь, пытаясь понять, где же ворота, и тут же нахожу их… потому что рядом с ними стоит часовой в чёрной форме и в шлеме.

Да, похоже, что с каждым следующим кругом охрана перехода становится всё серьёзнее. Но это мы ещё посмотрим. Может быть, эти ворота открываются… деньгами?

Быстренько дожевав свой перекус, приближаюсь к часовому. Он стоит у проходной с автоматом наперевес. Слева от проходной ворота, и от них идёт дорога, прямо через рынок.

Часовой замечает, что я подошёл, и смотрит на меня.

— Здравствуйте, - говорю, глядя снизу вверх. - Скажите, а как попасть на ту сторону?

Он усмехается сквозь щёки и говорит:

— Никак.

— Совсем никак? Мне очень нужно!

Он снисходительно смотрит на меня:

— Сынок, здесь проезд разрёшен только спецтранспорту. Ты же не спецтранспорт?

— А может быть есть платный проход? - говорю чуть тише.

Часовой усмехается:

— Сколько?

— Пятьдесят дам.

Он снова усмехается:

— ...Ну давай.

У меня уже всё подготовлено. Я быстро протягиваю часовому 50 фишек, а тот кладёт их себе в карман. Он снимает с груди то ли рацию, то ли телефон, и прикладывает к уху:

— Дежурная часть, это восемнадцатый пост. Мне тут хрен какой-то взятку предложил. Даю ориентировку: синие джинсы, сапоги армейские, чёрная кожаная куртка с красно-белыми полосками, за спиной зелёный рюкзак. Принял.

Я ещё не успеваю выйти из оцепенения. Он поворачивается ко мне и хохочет:

— Беги, идиот!

Я тут же срываюсь с места и бросаюсь наутёк.

Чёрт! Чёрт! Чёрт!!! Какой же я, и правда, идиот! Надо ж было сориентироваться сперва, пообщаться с местными, всё узнать! Но я за всю жизнь не видел ни одного человека, который отказывается от взятки или, получив её, вызывает полицию. Ох! Как я ступил!

Быстро протискиваюсь между людей в торговом ряду. Сворачиваю налево, направо, чтобы меня труднее было заметить. А где-то за спиной уже слышна ментовская сирена.

Добегаю до рядов со съестным. Здесь пространство более открытое, и меня легче заметить, поэтому перехожу на шаг и снимаю рюкзак, держа его в обнимку перед собой. Рюкзак - ориентир, его не должны видеть.

— Сынок, грибочков возьми!

Как можно скорее дохожу до дороги, отделяющей рынок от жилых домов. Слышу сзади переполох. Это наверняка полиция! Быстро перебегаю улицу и ныряю в ближайший переулок. Бегу до поворота - и направо. Останавливаюсь на мгновение, перевести дух.

Фуух! Нет, здесь мне не укрыться. Здесь они меня найдут. Подъезды закрыты, на кодовых замках. Чёрт… куда же спрятаться…

Метро.

Если полиция туда и правда не суётся, то я смогу там спрятаться. Дверь должна легко открываться. Где чёртовы плоскогубцы?…

Быстро нащупав пассатижи, вытаскиваю их из рюкзака, кладу во внешний карман куртки - и снова бежать. Бежать, запутывая следы.

Снова слышу сирену за спиной. Их машина едет по одной из улиц. Кажется, надо взять левее. А вон уже и дорога. Перебегу через неё - и метро совсем близко.

Ускоряюсь, как только могу. Не зря мы тренировались с Арчи, ох не зря! Мы бегали и с рюкзаком, только Арчи напихивал туда камней, и по сравнению с тем рюкзаком этот мой - просто пушинка!

Дорога. Быстро пересекаю неё. Метро чуть левее. До него метров тридцать. Добегаю до дверей, доставая плоскогубцы на бегу. Трясущейся рукой сую их в дырку замочной скважины, сжимаю, поворачиваю налево - нет! - направо. Есть! Тяну дверь на себя, и она открывается, хоть и немного с сопротивлением. Заскакиваю внутрь и прикрываю дверь за собой, чтобы не было видно, что она открыта. Закрывать замок обратно плоскогубцами уже некогда. Включаю фонарь и бегу к своду, ведущему вниз, под землю. Какие-то металлические штуки с рогатинами. Пропускная система, что-ли? Но она явно не работает. Перелезаю через рогатину, а там… лестница… лестница вниз.

Бегу по лестнице, спускаясь всё ниже и ниже. Лестница тут не одна, а, кажется, три в ряд. Между рядами лампы, только они, конечно же, не светят. Перила у лестницы резиновые. Офигеть! Зачем, интересно, так?

Поняв, что я уже прилично спустился вниз, выключаю фонарь и останавливаюсь, тяжело дыша. Прислушиваюсь. Я в полной темноте. Сверху никаких звуков не слыхать. Снова включаю фонарь, и берусь за пистолет, держа его наготове. Спускаюсь медленно, стараясь двигаться как можно тише. Но, кажется, получилось. Я смылся от них, а сюда они не полезут. Может и вообще не поняли, что я здесь. Надо отсидеться немного, а потом можно выйти обратно.

Спускаюсь до самого низа и оказываюсь перед огромными сводчатыми воротами. Они наглухо закрыты. Осматриваю каждый сантиметр небольшого пространства перед ними. Никого. И камер никаких тоже нет. Похоже, что это место напрочь заброшено. Гашу фонарь и сажусь на ступеньку одной из лестниц, снова оказавшись в полной темноте. Покурить что-ли? Нет… пожалуй, подожду…

«Вояки…» «Сожрут заживо…» Чё только не придумают эти богомольные… Но про лестницу вниз, под землю, мне точно на восьмом круге рассказывали. И чёрт возьми, ведь правда же! Может, там и поезда есть, если ворота эти открыть и внутрь зайти? Жутко интересно!

В темноте я живо представляю себе, как ворота медленно открываются. Я оказываюсь в небольшом зале. Тусклое мерцающее аварийное освещение. Подземная станция… Потрескавшийся старый потолок с торчащей арматурой. С потолка капает ржавая вода. На рельсах стоят раздолбанные полусгнившие поезда, уткнувшись носом в длинные подземные тоннели… А ведь эти тоннели ведут…

— Барсук, твою мать, ты чё, дверь не закрыл?! - слышу вдруг сверху издалека грубый мужской голос.

Сердце замирает. Оборачиваюсь. Кто-то наверху светит фонарём. Мамочки…

— Да закрывал я. Вроде… - отвечает кто-то низким басом.

— Так закрывал или нет?

— Всегда закрываю, тащ сержант. Ни разу не было, чтоб не закрыл.

— Ну значит, либо у тебя маразм… либо у нас гости. Ладно, чё гадать?… Беркут, Беркут! Это Крыса. Мы в вестибюле, у нас незакрытая дверь. Приступаю к протоколу Б-12. Барсук, закрыть дверь.

— Есть, тащ сержант.

— Внешняя дверь закрыта.

Вояки… Господи… вот это вляпался!

Надо спрятаться куда-то. Но куда тут спрячешься? Очень медленно и бесшумно крадусь за лестницу, в то место, где между перилами и стеной есть пространство. Там небольшой закуток, и свет от фонаря с лестницы туда не попадает. Забираюсь в щель и замираю.

— Приступаю к осмотру вестибюля и кассового помещения, - слышен сверху усталый недовольный голос. - Беркут, включи свет!

Загораются лампы на лестнице и над воротами. Всё вокруг теперь освещено. Ничего хуже и не придумаешь! Но я сижу в закутке, и с лестницы меня по-прежнему не видно. Ну хоть так. А что дальше? Они осмотрят этот самый «вестибюль» и пойдут сюда! Мне от них не скрыться!

Замечаю под ногами небольшой люк с квадратной крышкой. Он закрыт большим замком. Такой фиг взломаешь. Плоскогубцами его не взять. Только пилить. А чем? У меня и ножовки-то нет. И как же я об этом не подумал?… Точно! У меня же есть эти здоровые клещи! Ими, пожалуй, можно перекусить замок.

Нащупываю торчащие из рюкзака ручки клещей и очень осторожно вытягиваю их из рюкзака, стараясь не издать ни единого звука. Есть! Приподнимаюсь, чуть согнувшись…

Берусь за ручки, примеряюсь… и начинаю давить. Ох, зараза! Дужка у замка толстая, фиг перекусишь!

— Беркут, Беркут. В вестибюле и кассовом чисто. Приступаем к проверке эскалаторов.

Проверке чего?…

— Барсук, иди по левой. А я - по правой. Смотри не зевай, тут и правда может кто-то быть.

Сапоги грохочут по лестнице. Их звук всё ближе.

Чёрт, быстрее! Набираю воздуха и изо всех сил надавливаю на клещи руками. Бах! Клещи с лязгом смыкаются, раскусив замок.

— Слышал?

— Да, с твоей стороны. Я захожу, ты прикрывай.

Бежать! Скорее бежать! Бросаю клещи и наклоняюсь к люку, но он заварен целиком! А зачем тогда замок? Чёрт! Чёрт!! Чёрт!!!

— Вон он! - кричит Барсук. - У меня на мушке. Оружия нет.

— С твоей стороны чисто, - слышен ответ, и шаги по ближней ко мне лестнице ускоряются.

А я смотрю на Барсука. Крепкий, крупный, с чёрной щетиной на лице, в армейской форме защитного цвета, в руках огромный автомат.

Из-за края свода появляется Крыса. Он помоложе, бритый, с большой угловатой челюстью. Автомат у него другой, поменьше.

— Здарова! - говорит он. - Руки вверх! К стене, ко мне спиной, ладони на стену!

— Мужики, - говорю.

— Быстро!!! - рявкает он так, что я чуть не прокусываю себе язык.

Подхожу к воротам и кладу ладони на холодный металл, покрытый серой краской.

— Беркут, у нас пассажир.

— Живой? - слышен шипящий голос из рации.

— Да, живым взяли. Парень лет семнадцати. Приступаю к обыску. Э, пассажир, рюкзак на землю!

Вынимаю руки из лямок, и рюкзак падает на пол. Чувствую, как меня обыскивают и вынимают всё барахло из карманов.

— Беркут, у него пистолет, тэшка вторая… Электрошокер… Баллончик, видимо с перцем… Таблетки…

— Полный комплект барыги-неудачника, - шипит рация в ответ.

— Да не, он при деньгах. При солидных деньгах!

— Значит, успешный барыга.

— А ещё рюкзак увесистый за спиной.

— Рюкзак проверял?

— Пока нет. Ща проверю.

— Мужики, - говорю.

— Заткнись, - коротко отвечает мне Крыса.

— Может договоримся? - продолжаю в отчаянии.

Резким ударом он толкает мою голову прямо в железные ворота, и я шарахаюсь так, что в глазах вспыхивает, а лоб пронзает боль. Я вскрикиваю, но продолжаю держать руки на двери ворот, чтобы не получить ещё.

— Это *ты* сейчас договоришься. Если у тебя есть нож - лучше достань его сразу. Иначе тебе придётся доставать его из горла.

— У меня нет ножа. Честное слово…

— Ладно… Посмотрим, что там в твоём бауле…

Слышно, как Крыса досматривает рюкзак.

— А чем он там лязгал, тащ сержант? - раздаётся голос Барсука.

— Не знаю…

— А! Вон чем! Ого! Ты это видел?

За спиной раздаётся звон металла. Это, видимо, Барсук бросил клещи на пол рядом с рюкзаком.

— Хрена се… Это для каких таких целей у тебя?

— Да вон, он замок перекусил.

— Замок в машинную? Ха-ха-ха! И ты ради этого, что-ли, сюда пришёл? Беркут, Беркут, - говорит Крыса в рацию, посмеиваясь и не дожидаясь моего ответа. - В рюкзаке в основном жратва, а также газовая горелка и, зачем-то, противогаз. Ну и так, по мелочи всякого, ничего опасного. А ещё у него с собой промышленные клещи, и он вскрыл ими замок в машинную.

— Замок в машинную? - слышно из рации. - Ну к такой диверсии мы были не готовы!

— Ага… застал врасплох, бля. Ладно. Берём его на базу. Ожидайте. Барсук, у тебя ж наручники есть?

— Так точно, - раздаётся бас, и Барсук подходит ко мне. - Пассажир, руки за спину!

Складываю руки за спиной, и на них смыкается холодное железо.

— У меня и скотч есть, на наше счастье.

Он ударяет мне сапогом по ноге, и я падаю на колени, снова ударившись головой о ворота. Не успеваю опомниться, как вся верхняя часть моей головы плотно замотана строительным скотчем.

— Порядок? - спрашивает Крыса.

— Полный, тащ сержант.

— Беркут, Беркут. Пассажир готов ко входу. Гаси свет, открывай ворота.

— Понял, Крыса. Выполняю.

Я не вижу, как гаснет свет. Но я слышу грохот и чувствую, как подул ветерок. Ворота открылись.

— Пошли, - говорит Барсук, приподняв меня за воротник.

Мы проходим по ровному полу несколько шагов и останавливаемся. Они держат меня за руки с двух сторон.

— Беркут, мы внутри. Закрывай.

— Закрываю.

Грохот за спиной. Двери сомкнулись. Теперь ты по-настоящему в жопе, Марк.

Меня толкают вперёд, и мы идём дальше. Чувствую запах резины, металла и смазки.

— Ну, Барсук, с чего начнём? - слышу сквозь скотч приглушённый голос Крысы.

— ...Я бы с бёдрышек начал. В них мяса больше всего.

— А как же ягодицы?

— Хех! Да ты посмотри на него! Какие там ягодицы?

— А ну дай пощупаю... - говорит Крыса, схватив меня за задницу. - Да не, что-то есть.

— Ну тогда тебе левая, а мне правая.

— Идёт. Так... ты внизу принимай.

— Так точно, тащ сержант.

Слышу, как Барсук спрыгивает куда-то вниз. Что они собираются со мной делать?

Крыса берёт меня под мышки и говорит:

— Шагай вперёд.

Я послушно делаю шаг, но нога повисает в воздухе. Барсук хватает меня снизу.

— Вторую ногу давай.

Не дожидаясь, когда я решусь это сделать, Крыса шарахает ногой по моей ноге, и она тоже оказывается в руках у Барсука. Крыса опускает меня, а Барсук принимает.

— Где я?

— Ты должен был это спросить, когда заходил сюда. А теперь уже поздно, родной. Пашшшёл!

Меня толкают в шею и снова берут за руки. Ногами я чувствую, что, кажется, иду по рельсам. Рельсы… Подземные поезда… Чтоб мне провалиться! Хотя… я уже… провалился…

— Давай шагай, не тормози!

— Беркут, мы в перегоне. Будем минут через двадцать.

— Принято.

— Куда вы меня ведёте? - спрашиваю я в отчаянии.

— На пирушку, брат, на пирушку. Мы очень проголодались, так что ты удачно зашёл. Как раз вовремя!

— У меня полно еды с собой, - говорю дрожащим голосом.

— Не еды, а закуски. Еда - это ты.

— Иди нормально, тогда мы тебя быстро сожрём. А будешь запинаться, будем медленно есть, по кусочкам.

Идти по рельсам с завязанными глазами тяжело, особенно когда ноги заплетаются и трясутся.

Крыса и Барсук болтают друг с другом, как ни в чём не бывало, о каких-то своих делах. А я иду со скованными руками и замотанной головой, и стучу зубами от страха.

Наконец, мы доходим до куда-то и останавливаемся. Слышу лязг железной двери. Заходим внутрь.

— Барсук, грей сковородку, а я лучок порежу.

— Тащ сержант, а он ведь поверил! Глянь: весь бледный и трясётся.

— Ты его жалеешь что-ль, Барсук? Ему небось и жить-то осталось от силы час. Думаешь, что про него Крот скажет?

— Да не знаю… Молодой, здоровый вроде. Может, пригодится.

— Хэх… Ну посмотрим… Сядь сюда, - говорит Крыса, и я сажусь на металлическую табуретку.

Чувствую запах сигаретного дыма. Крыса, видимо, курит.

— Ты чё, правда поверил, что мы тебя сожрём? - посмеивается он.

— Про вас такое рассказывали…

— Ха-ха! Это ж мы сами эти байки и разводим, чтоб сюда никто не совался. А ты, значит, это слышал, но всё равно полез?

— Да я подумал, что брехня…

— Я смотрю, ты смелый. И сообразительный. Я таких люблю. Но только вот у Крота может быть другое мнение на твой счёт.

— Крот - это ваш босс?

— Не босс, а командир. В звании полковника. Его слово здесь - закон. И лишний рот ему не нужен. Если он решит, что ты бесполезен…

— Меня отпустят?

— Нет, отрежут голову. И не потому, что мы такие звери, а просто чтоб пулю не тратить зря. И это уже не шутка.

Сглатываю. И молча вдыхаю сигаретный дым.

— …Можно затянуться один разок?

— Туши сигарету, тащ сержант, - раздаётся голос Барсука. - Начальство уже готово и ждёт. Пошли.

— Перед смертью не надышишься, сынок, - со вздохом произносит Крыса.

Он подходит ко мне и резкими круговыми движениями срывает с меня скотч вместе с волосами. Я ору от боли. Разлепляю глаза. Промаргиваюсь. Тусклый свет. Я в какой-то тесной каморке. Вокруг шкафы, на стене висит разный инвентарь. Баночка для окурков. Блестящая гофрированная труба. Больше осматриваться нет времени. Меня берут за руку и ведут. К начальству.

Идём по узкому коридору. Поднимаемся по небольшой лестнице. Снова коридор. Поворот направо. Помещение уже побольше. С левой стороны большая металлическая дверь. Она открыта, на входе стоит вояка в форме и с автоматом.

Заходим внутрь. Здесь что-то вроде алмазовской «переговорки», только поскромнее. У стены кресло, в нём сидит большой дядька в военной форме, с чёрной-чёрной густой бородой и в круглых солнечных очках. Ну точно крот из сказок! Это и есть их командир, сомнений нет. Перед ним - железный стол, на котором выложено всё моё барахло. Вдоль стен стоят другие военные, все в форме. Кто-то покрепче, кто-то тощий, как я. Толстых нет.

С меня снимают наручники, но продолжают держать за руки.

— Зачем ты сюда полез? - раздаётся грозный рык из-под чёрной бороды.

— От ментов спрятаться. Мне сказали, что они сюда не суются.

— За тобой гнались менты?

— Ага.

Крыса прописывает мне крепкий удар под дых:

— Не «ага», а «да, господин полковник»!

— Да… господин полковник… - отвечаю, давясь и корчась от боли.

— А зачем за тобой гнались менты?

— Я… взятку предложил… часовому у ворот на пятый круг.

— Зачем тебе на пятый круг?

— Мне нужно… в центр попасть.

Военные переглядываются. Крыса смотрит на командира. Командир кивает головой, и Крыса заламывает мне руку так, что сустав начинает хрустеть.

— Правду говори, сучонок!!! - гремит полковник.

— Да честное слово!!! - ору сквозь слёзы.

Крыса отпускает меня, швырнув на пол. Я хватаюсь за плечо.

— В центр! - грохочит Крот. - К Президенту! И Федеральной Гвардии! Они назначили тебе приём и ковровую дорожку раскатали!

В комнате раздаётся гогот.

— Нет… - хриплю, лёжа на полу. - Просто я знаю, что в центре жизнь лучше.

— Откуда?

— Я… я с восьмого круга… Дошёл до шестого… Я вижу разницу.

В комнате повисает гробовая тишина.

— Встань, - говорит Крыса. Я встаю.

— Ну допустим, ты даже не врёшь. Если ты с восьмого круга, то откуда у тебя столько денег?

— Я их выиграл. В казино «Кристалл», на седьмом круге. Можете проверить. У них телефон есть.

Они снова переглядываются.

— Странный он какой-то, тащ полковник, - говорит кто-то, видимо, из авторитетных бойцов.

— Не то слово… - отвечает Крот. - Ладно, давай посмотрим на твоё богатство. Что это? - спрашивает он, первым делом взяв таблетки.

— Это… препараты всякие…

— Наркотики? - перебивает полковник.

— Есть один галлюциноген. Но его немного. В основном там транквилизаторы
• ну, успокоительное - и ноотропы.

— Китайский язык… - бормочет полковник. - Это что? - поднимает он в руке запечатанную колоду, купленную на рынке.

— Это карты игральные. Для покера.

— Сжечь, - командует он, бросив карты на край стола.

— Кого, пацана, тащ полковник?

В комнате раздаётся громкий ржач. …Обхохочешься!

— Выполняй, - командует Крот.

— Есть, тащ полковник!

Солдат берёт карты и уносит из комнаты.

— Противогаз тебе зачем?

— Я шёл через химзавод. Чуть не отравился. Меня спасли.

Военные снова переглядываются. Я удивил их слишком много раз за последние пару минут.

Крот осматривает оставшиеся предметы на столе, но, видимо, ничего интересного больше не находит и переводит взгляд чёрных очков на меня.

— Чем ты можешь быть нам полезен? - грозно спрашивает он.

— Я… я могу прибираться… полы мыть… грузы носить…

— Маловат ты для грузов.

— Я грузчиком работал. И разнорабочим.

— Есть уже такие. Других не надо.

Я молчу, пытаясь придумать что-нибудь ещё, но в голову ничего не приходит. Мои способности в покере им явно не интересны.

— В медицине смекаешь?

— Нет… господин полковник…

— А в электрике?

— Ну… немного…

— В перегоне порвался электрокабель. Как его восстановить?

— Э-э-э… ну… соединить.

— И скотчем замотать! - слышен чей то голос, а за ним - новый взрыв хохота.

— Отставить! - шарахает Крот ладонью по столу, и все тут же затыкаются.

Полковник качает головой.

— Крыса, - говорит он.

И, вытянув два пальца, показывает ими в воздухе режущий жест. Крест-накрест.

— ...Есть, товарищ полковник, - отвечает Крыса, вздохнув, и хлопает меня по больному плечу. - Пойдём... пассажир.

Он выводит меня из комнаты в коридор, и я медленно плетусь на ватных ногах.

— Не бойся, - говорит он. - У меня хороший нож. Голова отделяется одним движением. Умрёшь легко и быстро.

— Аппппппчхиииииии!!! - раздаётся грохочущий голос Крота из комнаты за спиной. - Крыса!

Мы дружно оглядываемся. Из комнаты выскакивает один из бойцов и зовёт рукой:

— Идите сюда, полковник зовёт.

Словно в тумане, я возвращаюсь в комнату и снова вижу лица своих палачей. Главный палач держит поднятым в руке пакетик с перечной смесью.

— Это что такое? - спрашивает он.

— Это... смесь приправ... чтоб еду готовить... - отвечаю будто во сне.

— Ты готовить умеешь?

— Да... умею.

— Я хочу поужинать. Чем будешь меня кормить?

Сознание возвращается. Сердце начинает бешено колотиться.

— А сковородка есть? И огонь. Господин... полковник...

— Допустим.

Быстро прикидываю, где я нахожусь. На восьмом круге есть простое правило: «Если это двигается, значит это можно схавать. Особенно, с соевым соусом.» Ну что ж, господа. Хотите поужинать, значит? Ну так познакомьтесь с фантастической кухней восьмого круга! Мне терять уже нечего. Жрите на здоровье!

— Здесь наверняка водятся крысы.

Все оборачиваются на Крысу и посмеиваются. А я продолжаю:

— Их можно наловить, распотрошить и пожарить. С этими специями будет отлично. Островато только, но так даже лучше. Ещё можно наловить и пожарить тараканов. Но они как закуска идут, у них хитин жёсткий, их надо чистить, как семечки. Мы их ещё солим и с пивом едим... Если здесь водятся летучие мыши, то их тоже можно словить и замариновать в уксусе, тогда их можно хавать целиком, прям с костями. Хорошо бы приправ или чеснока добавить, если есть. А ещё здесь без проблем можно вырастить грибы.

Только грибница нужна. Или споры. С землёй тут проблем явно нет, только стружку надо раздобыть.

Я останавливаюсь. В комнате гробовая тишина. Крот смотрит на меня сквозь свои круглые чёрные очки. Медленно кивает головой. Вся комната следит за каждым его движением.

— Крыса, - говорит он.

И, слегка приподняв руку, показывает палец вверх. Я помилован. Я пригожусь. Мне не отрежут голову.

— Пойдём, повар, - усмехается Крыса и хлопает меня по спине.

Но я не могу идти. Ноги не двигаются. В глазах темнеет, а голова становится холодной. Сползаю вниз, цепляясь руками за Крысу. Кажется… падаю в обморок…

7

Открываю глаза. И тут же зажмуриваюсь от яркого света. Щупаю место под собой. Кажется, койка. Я накрыт сверху тонкой простынёй. Одежды на мне нет. Поворачиваюсь на бок. Как-то необычно. Щупаю голову и понимаю, что я побрит под «ноль». Что за чёрт? Снова осторожно открываю глаза, постепенно привыкая к освещению. Белые светодиодные лампы горят на подвесном потолке со ржавыми подтёками. Коричневый кафельный пол. Койка напротив меня пуста. Приподнимаюсь на локтях. Сзади ещё две койки, и на одной из них кто-то лежит без движения, накрытый простынью целиком. Всё понятно. Я в лазарете.

У двери стоит белый металлический шкафчик с прозрачными дверцами. Окон, естественно, нигде нет. Я ведь по-прежнему под землёй. Воспоминания обрушиваются на меня всем своим весом. Меня не убили, потому что я «умею готовить». А ещё они отсюда «никого не выпускают».

— А, очухался? - слышу я знакомый голос. Крыса.

Оглядываюсь. Он подходит, держа в руке серый свёрток, пододвигает стул и садится.

— Как самочувствие, повар?

— Нормально…

— «Нормально, господин командир». Повторяй.

— Нормально… господин командир…

— Молодец.

Он кидает мне свёрток:

— Одевайся.

В свёртке серые застиранные штаны, и такая же роба с белой нашивкой «004». Резиновые тапки-калоши.

— Это не моя одежда… господин командир…

— Теперь твоя. И звать тебя теперь: «четвёртый». Понял?

Молчу.

— Понял, спрашиваю?! - повторяет Крыса уже громче.

— Понял-понял, - отвечаю я и тут же получаю затрещину по затылку.

— «Так точно, господин командир»!!

— Так точно… господин командир…

— Почему не одет до сих пор?

— Слушаюсь… господин командир… - мямлю я и начинаю одеваться.

Всё как будто во сне. Может я до сих пор в обмороке? Может я сейчас очнусь и окажется, что всё совсем по-другому?… Так хреново быть не может!…

— Слушай внимательно. Ты выполняешь все мои приказы. Никогда не споришь и ни о чём не спрашиваешь. Я командую - ты говоришь «есть», и выполняешь. Хочешь что-то спросить - говоришь «разрешите обратиться, господин командир». И всегда открываешь рот только с моего разрешения. Это понятно?

— Да… э… так точно, господин командир.

— Молодец, быстро учишься. Дальше. У нас есть распорядок и правила. Тебе о них расскажут. Ты их строго выполняешь. За невыполнение - суровое наказание. Получишь так, что мало не покажется. Понял?

— Так точно, господин командир, - отвечаю, поспешно одеваясь.

— Отлично. Сейчас мы с тобой пройдёмся по территории, я тебе покажу всё, что тебе нужно знать, и объясню зону твоих обязанностей. Имей в виду: ты уже шестой владелец этой робы.

— …А что было с предыдущими пятью? …господин командир, - спрашиваю, замерев.

— По разному… кому-то из них повезло, и они умерли своей смертью. Но были и те, кто не справился с обязанностями. И их пришлось… как там Крот показывал, помнишь?

Пальцами крест-накрест. Помню. Слишком хорошо помню.

Крыса подаётся вперёд ко мне, уперевшись локтями в колени, и говорит, понизив голос:

— Поэтому, четвёртый, мой тебе совет - добрый совет: постарайся быть полезным. Если от тебя будет польза - ты выживешь. Жить здесь можно, и вполне неплохо. Я думаю, ты быстро сориентируешься, раз додумался забраться сюда.

Он улыбается и встаёт со стула:

— За мной.

Мы выходим из лазарета, проходя мимо неподвижного тела под простынёй, и я успеваю заметить, что, кажется, оно дышит. Идём по коридору, и по дороге я осматриваю всё вокруг, хотя осматривать особо нечего - одни трубы и провода в тусклом свете ламп.

— Господин командир, разрешите обратиться.

— Ну?

— А где все мои вещи?

— В надёжном месте, четвёртый. В надёжном месте.

— А сигареты тоже?

— Хо-хо! Сигареты твои уже давно скурили!

— Здор**о**во, Крыса, - слышу я спереди и поднимаю глаза.

Нам навстречу торопливо шагает бритый мужчина средних лет, в форме и с чёрной бородкой.

— Здравия, Док, - отвечает Крыса, хлопнув себя кулаком по плечу.

— Как там пациент?

— Не подаёт признаков.

— Да ты чё??? - Док раскрывает глаза и рывком бросается в лазарет.

— Да не спеши, дышит вроде.

— Тьфу! Ты так не шути, солдат! - говорит Док уже издалека. - Со мной шутки плохи.

— Виноват, тащ лейтенант, - лениво бормочет Крыса.

— Это доктор, господин командир?

— Угу... На нём и держимся. Смотри, не болей - он церемониться с тобой не будет.

Мы выходим в большой тёмный тоннель. По нему меня, видимо, вели тогда.

— Это перегон. Здесь поезда раньше ездили, когда метро работало. Видишь рельсы под ногами?

— Так точно... господин командир...

Чёрт меня возьми... А ведь казалось - пурга пургой.

— Из перегона есть ходы в разные блоки, - продолжает Крыса. - Мы сейчас заглянем в парочку из них. Пытаться сбежать через перегон бесполезно - с обеих сторон наши подразделения. А за попытку бегства полагается смерть. Это понятно?

— Так точно, господин командир.

Крыса включает фонарь, и мы идём через перегон, по пути встречая двери, открывая их и заглядывая в блоки. Крыса показывает мне хозблок со всякой утварью для ведения

хозяйства, а также сортиром и душевой. Вода тут есть. Но самое удивительное - есть канализация.

— А здесь - пищевой склад, - говорит Крыса, открывая дверь.

Замечаю, что некоторые двери открываются железным ключом, а некоторые - пластиковой карточкой.

Мы заходим внутрь, и мой командир включает свет. Зал огромный, и весь заставлен до потолка деревянными зелёными ящиками.

— Это один из блоков с нашими запасами. Со жратвой, как видишь, проблем особых нет, но хочется разнообразия…

Он открывает один из ящиков, а там консервы! Тушёнка! Смотрю и не верю своим глазам.

— Ты чё, четвёртый, консервов не видел? - смеётся командир.

— Столько - нет.

— Да, у нас их тут на десятилетия вперёд.

— Наверх продаёте небось помаленьку, а, господин командир?

Крыса недовольно поворачивается ко мне:

— Не по чину вопросы, четвёртый.

— Я же должен быть полезен. Почём продаёте, если не секрет?

Он хватает меня за шиворот, но я продолжаю:

— Просто если дешевле тридцатки, то вас обманывают.

Командир замирает, нахмурив брови.

— Это у нас, на восьмом круге, - говорю я, поджимая подбородок. - А здесь-то цены пади повыше.

Он отпускает меня, задумчиво глядя в пол.

— …Ладно, пошли. Комерсант…

Так мы обходим все места, про которые мне нужно знать. Ориентироваться пока сложно - фиг запомнишь, что где. Но общая схема понятна: есть перегон, из него ответвления, и в них вся жизнь.

— А перегон ведёт со станции на станцию?

— Догадливый.

Наконец, мы заходим в блок для обслуги. Там стоят две двухэтажных койки. На одной сидит пожилой лысоватый мужик в очках и в такой же робе, как у меня, с номером «003».

— Здесь твоё место, четвёртый. Третий, объясни четвёртому распорядок, пускай освоится и ждёт распоряжений.

— Есть, господин командир, - отвечает третий и смотрит на меня сквозь очки.

Крыса уходит, а мужик протягивает мне жилистую руку:

— Лёха.

Как начальника моего бывшего.

— Марк.

Мы здороваемся, и Лёха объясняет мне, какой тут распорядок. В 7 утра подъём. В 7:10 построение на плаце. В 7:20 разминка. В 7:30 завтрак. Потом у военных свои дела, а у нас свои. В 13:00 обед. Дальше снова у каждого свои дела. В 18:50 вечернее построение. В 19:00 ужин. Дальше личное время. В 23:00 отбой.

За несоблюдение графика наказывают очень строго.

— А ты чем тут занимаешься? - спрашиваю.

Лёха говорит, что хозяйством и порядком. Разнорабочий, в-общем. Как я когда-то на сервисе. У Лёхи. Светлые времена…

Третий объясняет, что каждому в день полагается по две сигареты. Выдают в хозблоке. Слышу это и не верю своим ушам:

— А как вы живёте на двух сигах в сутки?

Лёха пожимает плечами и улыбается, показывая сильно поредевшие жёлто-коричневые зубы:

— Привыкли. Давно привыкли. Да, вот ещё: в начале каждого часа вся обслуга должна быть здесь. Опоздание на явку - это несоблюдение графика. Вот щас уже почти 17, - говорит он, поглядывая на свои старые раздолбанные часы на руке. - Если пятый не явится вовремя, то его…

Он показывает жестом, что сделают с пятым.

В комнату врывается запыхавшийся смуглый парень в робе с короткими чёрными волосами.

— Хех! Успел! - говорит Лёха. - Аслан, познакомься. Это - … как тебя там… - Марк.

— Приветствую… - говорит Аслан, отдуваясь и садясь на койку рядом со мной.

Он протягивает ладонь. Мы жмём друг другу руки.

Дверь открывается, и в комнату заходит военный, которого я видел у Крота.

— Смирно! - гаркает он, и Лёха с Асланом, как по нажатию кнопки, вскакивают и вытягиваются в струнку. Я делаю то же самое.

— Так… Второй отсутствует по болезни, остальные трое на месте. Отлично. Пятый: починить замок на двери Д-17. Третий: пока нет распоряжений. Четвёртый: особых распоряжений нет, но ужин должен быть готов вовремя. Всё ясно?

— Так точно, господин командир, - гудим мы хором.

— Вольно.

Командир разворачивается и уходит, а Аслан разводит руками:

— Опять этот замок, шайтан его дери!

Чтобы приготовить ужин на всю бригаду, мне приходится сильно поторопиться. Благо, Лёха с Асланом готовы подсказать всё, что нужно. Вместе с Асланом идём в хозблок. Я беру оттуда на всякий случай сковороду и большущую кастрюлю, ведь я ещё не знаю, что есть на кухне, а чего нет, а времени в обрез. Оказывается, что кастрюлю я взял не зря. Потом мне приходится разыскивать своего командира, чтобы взять карточку от склада с едой, а ещё выпросить свою перечную смесь. Кручусь, как уж на сковородке, но с горем пополам мне удаётся к семи вечера приготовить жареные макароны с тушёнкой и луком, принесённым недавно с поверхности, и со специями. Бойцы довольны, да и я сам ем с удовольствием. Всё-таки консервы - деликатес, а я не ел с самого утра.

После ужина выпрашиваю свои законные две сигареты. Пробую курить и откашливаюсь до слёз: что за гадость! Порываюсь тут же выкинуть эту дрянь на рельсы перегона, но… передумываю и прячу в карман.

Времени до отбоя ещё вагон, но я возвращаюсь в наш жилой блок. Лёха с Асланом сидят на нижней койке и рубятся в шахматы, а я просто ложусь на кровать и гляжу в серый потолок. Слишком много впечатлений за сегодня, надо переварить.

Спрашиваю, кто как сюда попал. Лёху нашли в канаве, загибался от нищеты и голода, никому был не нужен. Но в метро оказался полезен, встал на ноги, здоровьем поправился, в-общем, благодать, да и только! Считает вояк своими спасителями, что, по факту, так и есть. Аслан сам пришёл. Работы найти не мог, в долги влез, и бандиты уже за ним охоту устроили, обещали «зажарить на медленном огне». Нашёл здесь своё спасение. Ну и работу тоже.

— А второй в лазарете, да, мужики?

— Так точно.

Местный жаргон. Пора привыкать. Значит, это неподвижное тело под простынёй - это и есть второй.

— А он чем занимается?

— Компьютерами.

— Чего? - от неожиданности я перегибаюсь через край кровати и смотрю сверху на своих товарищей. - Здесь компьютеры есть?

— Ещё как. И никто в них не особо шарит. Только второй.

Я даже не пытаюсь спрашивать, как используют здесь компьютеры. Об этом лучше поговорить с самим вторым. Надеюсь, он очухается. Уж очень интересно! Вспоминаю

компьютер на автосервисе у своего начальника Лёхи. Он тоже в нём плохо смекал, и мне частенько приходилось помогать ему разобраться в настройках и в программах. Я хоть и сам не спец, но соображал в этом гораздо лучше него. Может и здесь моя компьютерная смекалка пригодится?

Лежу и вспоминаю весь этот безумный день. Вспоминаю слова Крысы: «Не бойся. У меня хороший нож, умрёшь легко и быстро». Он говорил вполне искренне, без издёвки. Он понимал, что я боюсь, и пытался успокоить. Они не отморозки. Не садисты. Просто выживают, как могут. Они вынуждены прятаться под землёй. У них есть какой-то очень серьёзный враг. Кто это может быть? Ну тут без вариантов. Федералы. Как интересно. Я-то думал, им никто не может противостоять. И какая же цель у Крота и его гвардии? Сбросить федералов и занять их место? Крайне любопытно! Сколько у Крота бойцов? И сколько всего этих подземных станций? Все ли они соединены? И все ли подчиняются общему командиру? Столько вопросов!

Беру фонарь и выхожу прогуляться. Иду по перегону и думаю обо всём. Дохожу до места, где у нас было вечернее построение - огромный подземный зал с гладким вымощенным большими плитами полом, возвышающимся над рельсами примерно на полутораметровой высоте. В зале несколько человек, включая и Крысу, и они тренируются. Кто-то бегает по платформе кругами, кто-то отжимается, кто-то жмёт штангу. Я забираюсь к ним.

— Здор**о**в, четвёртый, - говорит Крыса, заметив меня.

— Здравия желаю, господин командир.

— Неплохой ужин был сегодня.

— Благодарю! Будет лучше. Мне просто подготовиться надо.

— А ну, подтянись. Сможешь хоть раз?

Хоть я и порядком подустал за день, но я подхожу к перекладине и делаю десять ровных подтягиваний.

— Ммм! А ты не такой хилый, как я думал! Будешь тренироваться?

— С радостью, господин командир! Только не сегодня.

Командир посмеивается, достаёт из кармана сигарету и закуривает.

Я достаю свою недокуренную папиросу. Крыса кидает мне зажигалку. Я закуриваю, и в этот раз сигарета кажется уже не такой дерьмовой, и я выпускаю в воздух густой едкий табачный дым.

— Здесь была станция? - спрашиваю.

— Да. Тут стояли пассажиры, а по краям подъезжали поезда, и люди в них садились. И ехали не следующую станцию…

— Давно это было? - говорю я, сидя на полу возле перекладины.

— В мохнатых годах, давным давно, когда нас с тобой и в проекте не было. А ещё говорят, что метро использовалось как бомбоубежище. Ты видел, какие здесь запасы. Это не просто так. Здесь всё подготовлено для долгого выживания.

— А как давно вы здесь, господин командир?

— Я? С самой юности.

— А вы все? Ну, военные.

— О-о-о!....

Крыса машет рукой так, что я понимаю: очень давно.

— Так. Отбой через полчаса. Надо идти готовиться. У тебя часы есть?

— Были… с собой…

— Завтра напомни, я тебе их выдам. Без них тут никак.

— Так точно, господин командир.

— Пошли.

Я возвращаюсь в свой блок. Спрашиваю у товарищей, есть ли тут книги почитать. Аслан говорит, что есть. Интересно, какие? Надо будет завтра узнать.

Мы успеваем перекинуться ещё парой словечек. В комнату заходит офицер:

— Смирно!

Мы все вскакиваем и встаём ровно.

— Так, все трое на месте. Ат-бой!

Метро. Поздемелье в Подземелье. У жизни есть чувство юмора! Я хотел подняться наверх, а оказался ещё глубже. И выпускать меня отсюда никто не собирается. Неужели я остаток своих дней проведу в роли земляного червя? Так себе перспективка. Кстати, о червях: их ведь тоже можно есть. Только они так глубоко, наверное, не водятся. Надо брать откуда-то повыше.

Начинаются мои трудовые будни в роли армейского повара. С согласия начальства я встаю раньше подъёма, ведь к половине восьмого завтрак должен быть уже готов. Из подручных средств мне удаётся изготовить ловушки для крыс, и наш рацион пополняется. Крысятина идёт на «ура» - всем надоели консервы, несмотря на то, что это деликатес.

Я прошу у начальства при следующей вылазке набрать специй, и объясняю, каких.

— Специи - это половина дела в готовке, господин командир. На них стоит потратиться. Я гарантирую, увидите разницу. И обязательно надо купить соевый порошок, чтобы сделать соус!

Не имея под рукой нормальных сигарет, к местной дряни я привыкаю очень быстро, и даже начинаю получать от неё удовольствие.

Однажды, когда я иду по коридору вслед за командиром, нас догоняют несколько бойцов:

— Крыса! Мы возьмём твоего четвёртого на пятнадцать минут?

Командир не возражает.

Меня заводят в комнату, где стоит только стол и стулья. На столе лежит тетрадь.

— Четвёртый, - говорит один из бойцов, - посмотри сюда. Это наш журнал закупок. Здесь в каждой строке дата, наименование и цена. Глянь на цены. Что по ним скажешь?

Я смотрю в журнал с ровно разлинованной таблицей, где аккуратным почерком выведены буквы и цифры.

— Чё??? Мыло за восемь фишек один кусок??? Да вы чё… да вы… господа офицеры…

Я гляжу на них, как на полоумных, а они озадаченно смотрят на меня.

— …Да ему две фишки цена от силы! А раз здесь рядом химзавод, так и две много!

— Сядь, - говорит один из офицеров, пододвигая мне стул, - Вот тебе карандаш. Напиши рядом везде правильные цены.

Я иду глазами по строчкам, то и дело вскрикивая и хватаясь за голову. Пишу рядом карандашом. Да, понятная история: они живут тут у себя в бункере, а рыночек-то и не знают. А для рыночка такие ребята - подарок. Когда там видят человека в хаки, сразу понимают: идёт мешок с деньгами. По некоторым позициям, правда, цены адекватные. Но в целом - полный кошмар.

Пятнадцатью минутами дело не обходится - мне следом дают журнал продаж. И там тоже туши свет! В-общем, из комнаты я ухожу с чувством, будто научил детей азбуке. Видать мои слова про тушёнку Крысе запомнились, и он их передал командованию. Это хороший знак.

В тот день, под вечер, я встречаю Крысу в перегоне.

— Ну как, пригодился ты этим счетоводам? - спрашивает он, посмеиваясь.

— Ещё как, господин командир! Повезло тем, кто с ними торговал по их ценам. Но я им объяснил, что к чему.

— Хе-хе! Молодец, малой! - радуется командир и треплет меня по бритой голове. - Я сразу понял, что в твоём котелке есть что-то полезное!

— Господин командир, разрешите вопрос.

— Валяй!

— А вы с федералами бьётесь, да?

Крыса некоторое время стоит молча и обдумывает ответ, усмехаясь про себя.

— Со слизнями. Мы их так зовём. Ну как «бьёмся»… у нас ничья. Мы договорились. Мы не лезем к ним, а они не лезут к нам. А как ты понял про слизней?

— Так очевидно же. Больше не с кем.

— Сообразительный ты парень, четвёртый. Надо тебя со вторым познакомить.

— Как у него здоровье?

— Вроде идёт на поправку. Здоровьем он слаб, но голова у него светлая. А если ваши две головы соединить, то может чего-нибудь полезное выйдет, кто его знает…

Беру себе за правило время от времени приставать к командиру с вопросами в те моменты, когда у него хорошее настроение. Обычно это после вечерней тренировки, когда он хорошенько поколотил боксёрскую грушу.

— Господин командир, разрешите обратиться!

— Валяй!

— А почему у вас всех такие странные имена? Барсук, Крыса, Медведь…

— Это не имена, четвёртый. Это позывные. Чтоб по рации общаться было проще. Но мы к ним уже так привыкли, что всегда друг друга зовём по позывным. Это тоже проще. Иной раз чтоб имя вспомнить, напрячься надо. А позывной сразу в мозгу: щёлк!

— А кто выдаёт эти позывные?

— Сами выбираем.

— …А почему вы такой позывной себе выбрали - Крыса - а не… Тигр там… или Сокол?…

— Тигр, Сокол… - махает он рукой. - Все эти твари - нежинки. Малейшее изменение климата - и они все сдохнут. Тигров вроде нет уже больше. Про соколов не знаю… Но крыса их всех переживёт. Крыса живучая и хитрая. Жрёт всё подряд. На климат ей плевать. На экологию - плевать. Живёт везде - на земле, под землёй, на кораблях, в лабораториях. Только человек с ней в живучести потягаться может. Такие дела… Объяснил?

— Так точно… И бьётся она всегда до конца, - добавляю я, и командиру это явно нравится.

Проходит моя первая неделя под землёй. Начинаю потихоньку обживаться здесь и привыкать ко всем порядкам. Без наказаний, конечно, не обходится: пару раз меня отправляют драить сортир за несоблюдение графика и за курение в неположенном месте. Но в целом всё идёт гладко.

Сортира, кстати, такого чистого, как здесь, я нигде больше не видал. Даже в казино. За чистотой здесь следят очень внимательно. Запах хлорки

- повсюду. Вокруг - ни соринки. Окурки никто не кидает. Сплюнуть на пол
- преступление. Такое отношение к порядку мне очень быстро начинает

нравиться. Да и вообще, жизнь по графику и расписанию как-то проще… понятнее, что-ли… предсказуемее… В ней как будто больше смысла.

Обнаруживается, что на поверку - сбор обслуги в начале каждого часа - дежурный приходит далеко не всегда. Правило простое: если в течение трёх минут дежурного нет, то можно расходиться по своим делам.

На очередную поверку в нашу каморку заходит Барсук:

— Смир-на! - грохочет он басом. Мы подскакиваем.

— Так: третий, четвёртый, пятый - на месте. Второй - не на месте.

— Так он болен, господин командир, - вмешиваюсь я.

— Молчать! Тебе слово не давали. Отожмись-ка двадцать раз. Здоров он уже. Как бык. Когда отожмёшься - сходи к нему в инфоблок, так велено.

— Есть… господин… командир…

Мне не сразу удаётся отыскать этот «инфоблок». Он оказывается небольшой тёмной пыльной каморкой, где стоят несколько компьютеров. Посередине висит лампа, а в тёмном углу я вижу худую физиономию, бледно-синюю от светящегося монитора.

— О… четвёртый респаунулся, - говорит физиономия слабым голосом, глядя на меня изучающим взглядом.

— Четвёртый что?

— Респаунулся! Ну, ожил. Ты чё, в игрухи на компе не играл? - спрашивает он таким тоном, как будто я не знаю алфавит.

— Ну так… немного…

— Тя как звать?

— Марк.

— Матвей.

Он протягивает мне свою тощую руку, и я подхожу, чтобы пожать её, по дороге задев головой лампу и чертыхнувшись.

— Как себя чувствуешь? - спрашиваю.

— …Да пойдёт… бывало и хуже…

— Чё это у тебя тут? - снова спрашиваю я, глядя на таблицу на экране его компьютера.

— Да блин… полная мутота… бухгалтерские книги, спёртые с поверхности. И мне надо их ща разгребать, чё-то там увидеть… бля… я вот только-только оклемался. Мне вот это всё щас ваще не упало!

— Ну-ка, ну-ка… а чё за бухгалтерия? Чья?

— Ну этих… чёрных… контр-террористов.

— Слизней?

— Ага.

— Офигеть!!! Дай погляжу!

— На, гляди… - безразлично протягивает Матвей.

А я в полном офигении. Бухгалтерия федералов! Закупка еды. Закупка оружия! Транспортировка. Тренировка личного состава. Разбивка по дислокациям…

— Где вы это взяли?… - шепчу, оторопев.

— Военная тайна, - посмеивается мой новый товарищ.

— Ну серьёзно!

— Да я откуда знаю! Мне дали на флешке, я и смотрю. Как баран… на новые ворота.

— Да тут же столько всего интересного! А что ты должен найти?

— Серьёзные изменения.

— Какие?

— Ну, по сравнению с предыдущим месяцем.

— А где предыдущий месяц?

— Вот тут.

Он клацает клавишами, и на экране появляется другая таблица, но того же формата.

— Ну давай поглядим…

И я начинаю смотреть, искать и сравнивать, то и дело офигевая от того, что вижу.

— Я смотрю, ты шаришь в этом, - говорит Матвей, тоже удивляясь, но только не таблицам, а мне.

— Так, немного… У начальника была бухгалтерия в компьютере, я ему помогал иногда. Но здесь, конечно, всё сильно по-другому… - говорю я, продолжая искать. - Ну вот, например: пятый круг, сороковой сектор - резкий рост расходов на закупку амуниции и медицинских комплектов. Там явно что-то готовится. Там есть база где-нибудь рядом?

— Давай посмотрим…

И он открывает карту. Карту с размещением баз по кругам в Подземелье. Я смотрю, не моргая, с отвисшей челюстью.

— Это секретная информация, тебе её нельзя смотреть, - говорит Матвей таким повседневным тоном, как будто показывает мне свои семейные фото. - Да, вот тут, рядышком. Выходы там не помечены, но они про них знают наверняка.

— Так надо бежать и сообщить!

— Погоди. Куда ты бежать собрался? Ты этого всего не видел и не слышал. Правильно?

— Правильно, - мямлю я, тут же сообразив. - Это ж ты всё нашёл.

— Ну да. Ты не кипешуй, я приду сейчас на поверку, и оттуда с рапортом начальству. Не беги впереди поезда.

— Верняк. Блин, а мне ж ещё ужином надо озаботиться!

— Ты повар что-ль? - улыбается Матвей.

— Да, повар.

— Не хватало тебя. Ну и это… слышь… спасибо, что с таблицей этой сраной помог! Можно теперь будет весь оставшийся вечер рубиться во что-нибудь весёлое, а не этой хернёй заниматься. Приходи, кстати! Порубимся вместе.

— Замётано! Хоть научишь меня, как это делается!

— Окей. Ну до скорого!

— Давай.

Я выхожу из инфоблока, а Матвей кричит мне в след:

— Слышь!

— Ау, - оглядываюсь я.

— А ты лучше, чем прошлый четвёртый!

— Ну спасибо тебе! Может, следующий ещё лучше будет! - отвечаю с сарказмом.

— До следующего *я* не доживу, - отвечает Матвей сарказмом на сарказм.

Позже вечером, на поверке Матвей докладывает о находках в бухгалтерии, а я после ужина инструктирую бойцов, собирающихся на завтрашнюю вылазку на поверхность, у кого покупать грибницу и по какой цене. Ну и червей дождевых неплохо бы раздобыть. И специй, конечно же!

Ещё позднее я прихожу к Матвею в каморку, и он включает мне игру про гонки на машине. Он объясняет мне как играть и на какие кнопки нажимать. Я пробую, и по началу получается не очень - как будто я здорово напился, прежде чем сесть за руль! Матвей посмеивается, видя, как я отклоняюсь вбок при каждом резком повороте, и как подпрыгиваю, на полной скорости врезавшись в препятствие. Поиграв полчасика, я говорю:

— Круть! Ну ладно, покажи мне теперь снова ту карту, которую мне видеть нельзя.

Передо мной разворачивается карта Подземелья с отмеченными станциями метро.

— И что, получается, из любой точки в любую можно просто вот так взять - и проехать под землёй?

— Ну да. Некоторые перегоны завалены, но есть обходные пути.

— Обалдеть… А вот здесь, на третьем круге и на втором, вижу, есть станции, но они перечёркнуты. Это что значит?

— Не работают, значит.

— В смысле, «не работают»? Они все не работают. Но выйти-то оттуда можно? Или нельзя? И если нельзя, то почему?

— Чувак, да я откуда знаю-то? Ты думаешь, мне много рассказывают? Я ж такой же, как ты!

Судя по всему, Матвей не врёт. Но надо это выяснить. Если я, перемещаясь под землёй, могу оказаться на втором круге, то это… это же снимает все вопросы о том, как туда попасть! Только вот как мне выбраться из самого метро - вот это вопрос.

Проходит уже больше месяца со дня, как я попал к военным. В пропитанной влагой стружке, которую я специально подготовил, начинают потихоньку прорастать грибы. Червей я развожу в специальном лотке с землёй. К жареным тараканам все в начале относятся с подозрением, но быстро привыкают. Я с тоской вспоминаю про пиво и говорю, что с ним идёт особенно хорошо, но мне говорят в ответ, что пиво «нетранспортабельно», и что выбор между бутылкой пива и бутылкой спирта всегда очевиден и никогда не подвергается сомнению.

Как-то раз, идя по перегону, замечаю на рельсах большую вагонетку, в которую неуклюже карабкается Матвей, а военные сверху затаскивают его за шиворот. К полу вагонетки прикручены старые автомобильные кресла, а сама она, кажется, на электроприводе. Аслан рассказывал мне про такие. Та, что с креслами, называется «карета», а та, что без кресел - «телега».

— Матвей, куда собрался? - кричу издалека.

— По делам, братишка, - отвечает он. - На соседнюю базу, с компами разобраться!

На следующий день, вечером, в очередной раз пристаю к командиру с вопросами. Спрашиваю про федералов, про их подготовку к нападению и про то, что будут делать военные.

— А ты откуда об этом знаешь? - удивляется Крыса, но тут же продолжает.
• Хотя чё я спрашиваю. Вы ж всё это вместе со вторым наверняка видели.

— Так точно, господин командир. Но ведь вы сказали, что со слизнями «договорились».

— Ну, как бы договорились, но… Всё равно они спят и видят, как бы нас задавить. Но ни хрена у них не выйдет. Чё они только не пробовали. И электричество нам отрубали, и газы пускали. Но мы… мы, как крысы, хе-хе! Они нас в одном месте травят, а мы в другом вылезаем, и за жопу их: ХАМ!!

— На втором круге! У Президентского Дворца!

— Ох, если бы… - грустно молвит командир, раскуривая сигарету. - Нам пришлось пойти на соглашение. Они закопали все станции на втором и третьем круге, и цементом залили. А мы… мы у них взяли кое-что.

Так вот, что значит, когда станции перечёркнуты.

В другом конце зала вижу военного, сидящего на коленях. Он молится.

— Заметил, что среди вас немало верующих. А вы верите в Бога, господин командир?

— В Бога… - задумчиво протягивает Крыса, выпуская струйку дыма. - Да не знаю… Если Бог есть, то он редкая мразь.

— А в богов, которые там, наверху?

— А, в этих-то… Ну кто-то там есть, пади. Только плевать им на нас, четвёртый. Мы для них - мусор. И зачем им молиться, я не понимаю. Ладно. Разболтался я тут с тобой. А болтовня службе - не помощник, - он поднимается, кряхтя. - Пошли.

Я спрыгиваю с платформы на рельсы, а Крыса спрыгивает следом, и вдруг вскрикивает и хватается за живот.

— Что такое, господин командир? - спрашиваю я, испугавшись.

— Бляха… да ничего. Просто на ногу приземлился неудачно.

— А за живот почему схватились?

Командир молчит.

— Где болит, справа или слева?

Крыса улыбается сквозь боль:

— Отвали, слышь, доктор хренов. Всё в порядке, командир живой. Пойдём…

Мы отправляемся в перегон, но я вижу, что Крыса всё ещё корчится от боли.

— Господин командир, а вам аппендицит вырезали?

— Чего?? Какой аппендицит? Не загоняйся, парень! Просто съел чёт не то. Схожу, просрусь, и всё пройдёт.

Делаю вид, что успокоился, но я-то знаю: аппендицит - дело серьёзное. У меня двое знакомых от него умерло. Омерзительная смерть! Медленная…

Командир отправляется к себе в блок, а как будто бы иду дальше в свой. Но только мой шеф скрывается из виду, как я тут же бросаюсь на поиски доктора. Спрашиваю у нескольких военных, и меня направляют в офицерскую.

Прибегаю в нужный блок, запыхавшийся, и открываю дверь. Из комнаты доносится звук гитары, а на пороге появляется тот, кого я ищу, и мы чуть ли не сталкиваемся лбами.

— Док!!! Эм… господин лейтенант!

— Чего тебе? - слышу я в ответ спокойный добродушный голос.

— Крыса. У него… живот болит. С правой стороны, внизу.

Выражение лица у Дока тут же меняется:

— Он не может идти? Прислал тебя за мной?

— Нет, он… он говорит, что ничего страшного и всё пройдёт. Но у него была резкая боль в животе, я это видел.

— Так-так… - задумчиво произносит Док, сложив ладони и барабаня пальцами друг по другу. Он переводит на меня взгляд. - Беги за третьим, и вместе с ним в лазарет. Ставьте воду кипятиться и ждите меня там. Понял?

— Так точно, господин лейтенант!

Бегу за Лёхой и слышу из-за спины удаляющийся голос:

— Я тебя поймаю, Крысёныш…

Кое-как нахожу третьего и, как и велел Док, бегу с ним в лазарет, объясняя по дороге, что случилось.

— Может ничего и нет, на самом деле, - говорю я, - но лучше перестраховаться.

— Это правильно, - одобряет Лёха.

— А ты знаешь, где там воду кипятить?

— Разберёмся…

Мы приходим, ставим воду в блестящей медицинской кастрюле на горелку и ждём. Через четверть часа приходит Док с Крысой. Лицо у Крысы невесёлое. Он смотрит на меня, ухмыляясь:

— Что? Сдал командира своего, да?

— Не сдал, а жизнь спас, - поправляет Док.

— Х! Ещё не известно, чем твоя операция закончится.

— Известно. Это не операция, а смех. Третий: вон ту кушетку кати сюда. И бинты доставай. Четвёртый: кати вот эту этажерку поближе к кушетке. Ассистировал когда-нибудь?

— Никак нет, господин лейтенант… - отвечаю, чуть не проглотив язык.

— Ну ничего, ты быстро научишься. Иди, мой руки как следует с мылом. А ты, сержант, раздевайся догола и садись на кушетку.

— Есть, товарищ лейтенант, - со вздохом отвечает Крыса и делает, что велено.

Док бросает в кипящую воду инструменты, взглянув на часы.

— Тебе как: резиновой кувалдой по голове или спирта сто грамм? Сто грамм больнее, сразу говорю.

Крыса улыбается:

— Болью нас не испугать, тащ лейтенант. Конечно сто грамм! Когда ж мне ещё столько нальют?

— Аййй… на вас спирта не напасёшься, - с досадой ворчит Док, открывая стеклянный шкафчик и доставая оттуда бутыль со спиртом и мерный стакан с носиком. - Ещё завтра один с зубом приедет…

Я как следует мою руки, Крыса сидит на кушетке и мощно выдыхает ртом, храбрясь изо всех сил, а Док наливает спирт в стакан до нужной риски и протягивает командиру:

— Ну давай. За бабушку, за дедушку…

— За тебя, Док! - поднимает Крыса стакан и залпом выпивает до дна, громко крякнув и занюхав кулаком.

— Вот молодец! Ложись. Третий, привязывай его как следует за руки и за ноги. Четвёртый, неси сюда коричневый бутыль с йодом и ваты побольше, а я подготовлю всё остальное.

Док натягивает резиновые перчатки, надевает маску, и выкладывает на столик всё, что ему нужно помимо инструментов.

— Четвёртый, надень перчатки.

— Есть, господин лейтенант.

— Ну как, сержант?

— Хорошо, тащ лейтенант! Оч хорошо!

— Ну и славно. Ещё немного подождём, чтобы подействовало. Хорошо, что ты не поужинал. Чего сам-то не пришёл?

Не дожидаясь ответа, Док выкладывает прокипячённые инструменты в полукруглую миску и ставит передо мной на столик:

— Значит так, четвёртый: это - скальпель, это - зажимы, это - тампоны, это - нитка. Когда я говорю «нитка» - это значит «нитка вместе с иголкой». Всё ясно?

— Так точно, господин лейтенант.

— Третий: дай сержанту палочку в рот. Вон она, на столе.

— Есть, господин лейтенант.

— Четвёртый: бутыль с йодом и вату.

Док хорошенько натирает йодом место, где будет резать. Операция начинается. Я волей-неволей вспоминаю «доктора Свина» и его «пациента», и становится не по себе. Как бы мне не поплыть во время этой процедуры. Надо держать себя в руках. Крыса же вон, держится! Смелый он, я бы никогда не решился!

— Скальпель.

Я отдаю инструмент подрагивающей рукой и отворачиваюсь. Раздаётся яростный рык командира.

— Тщщь-тщщь-тщщь! Тихо-тихо! Третий, держи его за голову. Четвёртый: два тампона и зажим… Та-ак… Ещё зажим… Ещё два тампона… Ну воот… вот он, родимый. Такое само не проходит. Сейчас мы его… Скальпель. Тампон. Ещё тампон. Нитку.

Командир тяжело дышит, но постепенно успокаивается. А Док действует очень быстро. Не успеваю я оглянуться, как он уже зашивает разрез на животе.

— Тихо-тихо… осталось совсем чуть-чуть.

Проходит ещё минут пять - и операция закончена.

— Ножницы. Вот так… Третий, развязывай.

Лёха отвязывает Крысу от кушетки, и тот уже порывается встать, но Док ладонью прижимает его обратно:

— Трррръ! Куда собрался, соколик? Сутки постельного режима. Третий, четвёртый: переложите его на койку. Только очень осторожно.

Пока мы перетаскиваем командира, Док прибирается в лазарете, промывает инструменты, раскладывает всё по местам и снимает перчатки.

— Вот молодцы! Третий, пошли со мной. Четвёртый, присмотри за сержантом. Если что - мы тут, рядом.

Я остаюсь наедине с пьяным командиром, который уже начал распевать какие-то военные песни. Надо пользоваться моментом и поспрашивать что-нибудь.

— Господин командир, разрешите обратиться!

— Давай, братишка! Обращайся!

— А почему Крот носит тёмные очки? Для виду? Или с глазами что-то?

— Ооо-хо-хо! - Крыса поворачивается ко мне, дыша перегаром, и приподнимается на плече, а я очень осторожно пытаюсь уложить его обратно и при этом не рассердить. Он глядит на меня стеклянными глазами, покачиваясь. - Крот! Полковник Крот! Он - ветеран этих мест! Его шкура и борода пропитаны землёй! Он здесь командовал, когда я ещё пешком под стол ходил. Понял?

— Так точно, господин командир. Ну а очки-то?

— Очки… Он прятался здесь в самые тяжёлые времена, когда эти сучьи слизни, твари, ублюдки, вырубали электричество во всём метро. Он тут сидел в кромешной тьме, и глаза у него тренированные, как у кошки. Любой, хоть самый слабый источник света - и он всё видит. Он может в перегоне со зажжённой зажигалкой рассмотреть каждый кабель! Понял, салага? А при свете он всегда носит тёмные очки, чтобы умение своё не потерять. Но если эти суки хоть раз ещё нам вырубят свет, то мы им такое устроим!!! Мы им…

Крыса порывается встать с койки, но я всем весом налегаю на него и скорее пытаюсь отвлечь на другой вопрос:

— А Крот командует всем метро, господин командир?

Голова командира падает на подушку. Он лежит и смеётся:

— Всем метро, ха-ха-ха! А он мог бы… да… Наш полковник мог бы! Но нет… метр**о**м командует… совет командиров. В нём начальники всех баз, от майора и выше… Так что у нас… страшно говорить даже… нет главного… У нас… совет директоров, - последние слова командир произносит сквозь зевоту.

— А как они собираются вместе? Как общаются? Они же раскиданы по всему Подземелью? По спецсвязи, что-ли?

— Ты чё-то больно любопытный, четвёртый… - протягивает Крыса, повернув голову на подушке на бок, - может ты… засланный агент, а? Прирезать бы тебя… надо… - бормочет он, зевая и закрывая глаза.

— Любой звонок от нас по спецсвязи тут же засекут федералы. Они эти каналы прослушивают вдоль и поперёк, - слышу я спокойный голос Дока и поднимаю глаза.

Он стоит в дверях, уперевшись в косяк, и теребит бородку.

— Как же тогда? - спрашиваю я, уже вконец обнаглев.

Док разводит руками:

— Да как-как? Никак. Голубиной почтой. Нет связи нормальной у нас, четвёртый. Нет, и всё тут. И это проблема. Вот если б была - это было бы… - он задумчиво кивает головой и цокает ртом, а потом резко поднимает палец и смотрит на меня своим докторским взглядом. - Но я тебе ничего не говорил. Понятно?

— Так точно, господин лейтенант.

На следующий день приезжает «карета», и на ней возвращается Матвей. С ним вместе - ещё несколько пассажиров. Одного из них Док безо всяких церемоний тут же забирает в лазарет, а мы с Матвеем идём в инфоблок.

— Классную игруху привёз, - хвастается Матвей. - На флешке. Давно её ждал, доехала до соседней базы наконец!

— Чё за игруха?

— Контр**а**. Ну, стрелялка.

— Хех! Мне стрелялок на восьмом круге хватило.

— Она сетевая! Можно на двух компах друг против друга рубиться!

— Это как?

Мы приходим в нашу каморку, Матвей вставляет флешку в компьютер и настраивает всё.

— Видишь вот этот провод? - показывает он мне на короткий серый кабель между двумя компьютерами, - Он соединяет два этих компа в сеть. Я запускаю игровой процесс, ну,

программу, на этом компьютере и на этом, и эти две программы общаются между собой по этому проводу, передавая друг другу сообщения. И я в своей игре буду видеть тебя, а ты меня.

— Ого! Чё, так можно?

— Ещё как можно! Вот, гляди.

Он настраивает мою игру, быстро нажимает какие-то кнопки, и я вижу на экране перед собой плац под синим небом, покрытый песком, разные постройки вокруг и дуло автомата, который я держу в руках.

— Стой так и смотри, - говорит Матвей.

Я стою. Мой игрок изредка шевелит руками, потряхивая стволом, а перед глазами - всё те же постройки и небо над головой. Вдруг из-за построек выбегает человек в тёмно-синей форме и каске, с винтовкой в руках.

— Видел? Это я.

— Да ну! - улыбаюсь я, глядя на Матвея. - Чё, правда?

— Смотри, ща попрыгаю, - говорит он, и тёмно-синий игрок подпрыгивает на месте несколько раз.

— Офигеть!

— А теперь смотри, ща подойду и грохну тебя.

Игрок подбегает и открывает огонь, а я падаю на землю и вижу свою неподвижную руку в чёрной беспалой перчатке.

— Понял? Давай играть.

Я пытаюсь играть с Матвеем, но, конечно же, он выносит меня, как последнего сосунка. Он добавляет мне в команду помощников, которыми играет компьютер, и дела начинают идти получше, но у моего товарища явно есть опыт!

Я вспоминаю про свой вчерашний разговор с Доком.

— Слушай, Матвей. А по этой сети ведь не только играть можно, а ещё и что-нибудь важное пересылать, а?

— Да, можно. Только смысл какой? Компы-то рядом стоят.

— А компы на соседней базе можно подключить к этим компам?

Матвей снимает меня со снайперской винтовки и прищуривает глаз, продолжая отстреливать моих помощников:

— Теоретичкски… можно. Но где ты возьмёшь провод такой длины?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю.

Но мысль о том, что компьютеры можно соединить в сеть и пересылать информацию с одного на другой не оставляет меня в покое.

Проходит неделя. И ещё неделя. Наступает мой День Рожденья. Семнадцать лет. Я сообщаю об этом на поверке, и все поздравляют меня, а дежурный разрешает мне в этот день взять четыре сигареты вместо двух. Но я раздаю по сигарете Лёхе, Аслану и Матвею, и в итоге сам остаюсь только с одной. Но вовсе не расстраиваюсь из-за этого, а наоборот - чувствую себя хорошо и радостно. Если даже в этом беспросветном подземном царстве есть люди, которые от всей души поздравляют меня с Днём Рожденья и хлопают по плечу, значит всё не так уж плохо!

На следующий день иду с кухни через перегон на платформу поразминаться и повисеть на перекладине, и вдруг впереди, в тусклом свете платформы вижу две фигуры в чёрной форме и в шлемах, с автоматами. Они ко мне спиной. Подбираются на полусогнутых поближе к краю платформы и открывают огонь по кому-то вдалеке. Федералы! Мать твою, ФЕДЕРАЛЫ!!!

Сердце уходит в пятки. Господи! Я тут же приседаю на корточки, и медленно-медленно, чуть ли не ползком, крадусь назад, в темноту, стараясь не издать ни малейшего звука. Если один из них сейчас обернётся и посветит фонарём в мою сторону, то всё, мне конец! Я тут, как на ладони!

Я пячусь и пячусь медленно назад. А они перегруппируются, один достаёт гранату и бросает её, другой крадётся вдоль платформы. Надо срочно предупредить остальных!

Решив, что я уже достаточно отошёл в темноту, бросаюсь бегом в глубину перегона. Кровь стучит в висках. Ног почти не чувствую. Вижу справа открытую дверь в один из блоков. Через щель на рельсы падает свет. Подбегаю к двери и, толкнув её плечом, ныряю внутрь и закрываю по возможности тише, а руки трясутся и холодный пот катится по спине.

Оборачиваюсь. Передо мной стоит Лёха.

— Ты чего? - спрашивает он, видя мои очумевшие от страха глаза.

— Лёха, - шепчу я, еле сдерживаясь от крика. - Там… слизни!!! Федералы!!!

— Где? - спрашивает он, тоже выпучив глаза.

— Там, в перегоне, у платформы! Перестреливаются с нашими! Я не знаю, сколько их, но я точно видел двоих! Надо срочно сообщить всем!!!

— Ядрёна мать… Ща. А ну, посторонись.

С этими словами Лёха открывает дверь и орёт в перегон:

— Эй, слизни, хорош стрелять! Молодёжь пугаете!

Он захлопывает дверь и начинает хохотать, согнувшись чуть ли не пополам и выставив наружу свои редкие зубы. А я смотрю на него и не понимаю, что происходит.

Лёха подходит ко мне и по-отечески хлопает по плечу:

— Расслабься, парень! Учения у них! Одни в слизней одеты, а другие - типа, за нас. И перестреливаются. Ща покажу…

Он отходит и роется в ящиках, а я стою, прижавшись спиной к двери и выдыхаю с таким облегчением, как будто Лёха спас мою жизнь.

— Во! Вот такими они стреляют.

И третий бросает мне прозрачный пакет, а я ловлю его на лету. В нём лежат чёрные пластиковые шарики, каждый размером с крупную горошину.

— Но это серьёзная штука, - говорит Лёха. - Такими можно и глаз вышибить. Так что ты правильно сделал, что смылся оттуда. Когда видишь, что они перестреливаются, лучше держись подальше.

— Фуууууух!!!! - протягиваю я, глядя на беззубую Лёхину улыбку до ушей.
• Я тебе клянусь: я там в перегоне чуть не обделался!

Лёха снова хохочет, качая головой и хлопая себя по бедру. Оглядываюсь вокруг. Зал большой. Здесь хозяйственный склад, но незнакомый. Я здесь первый раз.

— Лёх, а мне сюда вообще можно?

Третий пожимает плечами:

— Да наверное… Раз мне можно, значит и тебе можно…

— Я похожу, посмотрю, чё тут есть?

— Братишка, говно вопрос, - шепелявит он в ответ.

Хожу и оглядываю Лёхины владения. Повсюду ящики, большие и поменьше, стоят стопками, в некоторых местах аж до самого потолка. Нахожу ящик, из которого Лёха доставал пульки. Там же вижу что-то вроде гранат. Противогазы с большим стеклом для лица. Дорогие небось, не то, что тот мой резиновый. Иду в другой конец зала, где ящики поменьше. Заглядываю в них. Какая-то электроника. Приборы измерительные. Аппаратура. Ни черта не понимаю в этом. Перехожу в левую половину. Там химия. Порошки всякие. Канистры с жидкостями. «Кислота серная»… ого… «Растворитель». Сюда бы Егора, он из этого наверняка без проблем бомбу бы сделал. Или наркоту.

Замечаю за ящиками дверь. Подхожу. Дёргаю пыльную ручку. Не заперто. Дверь тяжело, со скрипом отворяется. Захожу и оказываюсь в другом отделении склада, где, видимо, не часто бывают. Здесь всё в пыли и в паутине. За мной на полу остаются следы. Вижу перед собой огромные деревянные бобины с толстенным чёрным электрокабелем, точь-в-точь как тот, что тянется вдоль стен перегона. Его здесь просто дофига! Иду вдоль рядов этих огромных катушек и веду по ним рукой. На пальцах остаётся маслянистая грязь и пыль. Поворачиваю в небольшой коридор между рядами. Стопками навалены плоские мешки с надписью «Цемент». Снова бобины, но уже поменьше, с белым тонким гладким кабелем. Это для проводки. Хватит, наверное, на всё метро, и для Подземелья ещё останется. Вот

ещё бобины, тоже с кабелем, только серого цвета, слегка бугристым. Видимо, для более низкого напряжения. Или…

Останавливаюсь. Присматриваюсь как следует. Что-то напечатано на кабеле серыми пунктирными буквами, но я не понимаю, что. Щупаю руками. Очень похоже на… Нет. Не может быть. Это было бы слишком хорошо! Ведь не может же это быть… тот самый? Пытаюсь вспомнить, как выглядит сетевой кабель между нашими с Матвеем компами. Похож. Очень похож! А вдруг это он? Смотрю сверху на торец бобины. 5 километров. Сейчас узнаем. Сейчас всё узнаем!

Прибегаю к Матвею в инфоблок. Он сидит в наушниках, рожа хмурая, сосредоточенная. Видимо, рубится во что-то.

— Матвей, - говорю ему, переводя дыхание.

— Ау, - откликается он, сняв наушники. - Ты бежал, что-ли? Чё случилось?

— Скажи: между станциями сколько обычно километров?

— Между станциями? Ну пару километров где-то. А что?

— Пошли. Покажу кой-чё.

По пути рассказываю ему о том, что случилось, и о том, что я нашёл. Матвей хохочет от души, я такого смеха от него ещё ни разу не слышал. Но в тоже время и ему теперь интересно, тот это кабель, или нет.

— Бугристый такой, да?

— Ну да.

— И оболочка тонкая, ну, не такая, как у электрокабеля.

— Э-э… ну вроде да.

— И проводки внутри косичкой переплетены, да?

— Не знаю. Я ж в него внутрь не заглядывал.

Мы приходим обратно в хозблок. Лёха уже закончил уборку.

— Вы поторопитесь, э! У нас через десять минут поверка.

— Да нам и двух минут хватит, - говорю, поглядывая на часы, и мы с Матвеем быстрым шагом идём к той пыльной двери, заходим в заброшенный зал, чихая от пыли, и, спустя минуту, оказываемся перед катушкой с кабелем.

— Похож, - говорит Матвей. - А ну, давай конец отыщем…

Отыскать конец оказывается не так-то просто. Мы возимся минут пять. Наконец, находим.

— Точняк! - говорит первый. - Витая пара. Тот самый.

— Погнали на поверку! Бегом!

Мы прибегаем в наш блок как раз в тот момент, когда в него заходит дежурный - Крыса.

— Так-тааак! Кто-то хочет драить сортир сегодня!

— Так ровно 17:00, господин командир!

— Ну! А вы только вошли. Опоздали, значит. Смир-на!

Крыса смотрит на нас и раздаёт задания. Всё, как обычно.

— Господин командир, разрешите доложить! - говорю.

— Докладывай.

— В блоке Д-… 225 вроде… В-общем, в складском помещении обнаружены большие запасы сетевого кабеля, с помощью которого можно соединить компьютеры нашей базы и соседней, а может и ещё дальше. То есть, в теории можно будет наладить бесперебойную связь между базами.

В комнате повисает тишина. Крысе нужно время, чтобы понять сказанное.

— То есть… звонить можно будет?

— Так точно, командир, - сипит Матвей. - Звонить и сообщения писать, файлы пересылать, в игры играть, и в наряды отправлять.

— В наряды отправлять - это мне нравится. Кстати, о нарядах. Вы двое, первый и четвёртый: за опоздание отправляетесь драить плац.

— Весь целиком?

— От ворот и до ужина. Ладно - до следующей поверки, а то ужин готовить некому будет. А за находку - хвалю, молодцы. Потом ещё раз подойдёте и объясните мне, что к чему. Уж слишком хорошо это звучит, так не бывает.

Пока мы натираем пол платформы серыми вонючими тряпками, мы успеваем ещё разок всё обсудить и обдумать.

— Два компа соединить просто, - говорит Матвей. - Но чтобы сетку сделать, маршрутизатор нужен.

— Что это такое?

— Ну такая хреновина, в которой много сетевых дырок, и в них провода втыкаются и компы подключаются. И получается, что каждый комп видит все остальные.

— И чё, думаешь есть он у нас?

— Надо поискать. Раз провод нашёлся, то, может, и они найдутся, - он выжимает тряпку в цинковое ведро с видом крайнего отвращения.

— Ты извини, - говорю. - Это ж ты из-за меня опоздал.

— Да ладно. Оно стоило того. На самом деле! Я как подумаю, что тут будет, если сеть наладить - это ж ваще! Бомба! Под задницей у слизней, гы-гы!

После ужина мы находим Крысу и снова объясняем ему свою затею. Со второго раза заходит лучше. Видимо, командир уже успел повертеть это в своей собственной голове.

— Значит так, - говорит он. - Всё это надо презентовать офицерскому составу. Я сержант, меня никто слушать не будет. А офицерам надо всё конкретно и подробно нарисовать и объяснить. Если им понравится, то они это донесут до полковника, и тот даст добро. Ну или не даст. Поняли? Подготовьтесь как следует. Как будете готовы - я вам организую смотр.

Проходит ещё несколько дней. Мы с Лёхой и Асланом находим маршрутизаторы. Четыре штуки, стопкой! А Матвей находит книгу по сетям и погружается в неё с головой. Я тоже пытаюсь читать, но ни черта не понимаю. Матвей объясняет мне на пальцах так, чтоб до меня дошло. Идёт со скрипом, но не потому, что я тупой, а потому что Матвей сыпет терминами, о которых я понятия не имею. Но постепенно в моей голове складывается «пазл», и новые элементы уже гораздо проще встают на свои места.

Если говорить о сетях, то компьютер - это, как дом, в котором живут люди
• программы. Люди могут отправлять друг другу сообщения, и если они

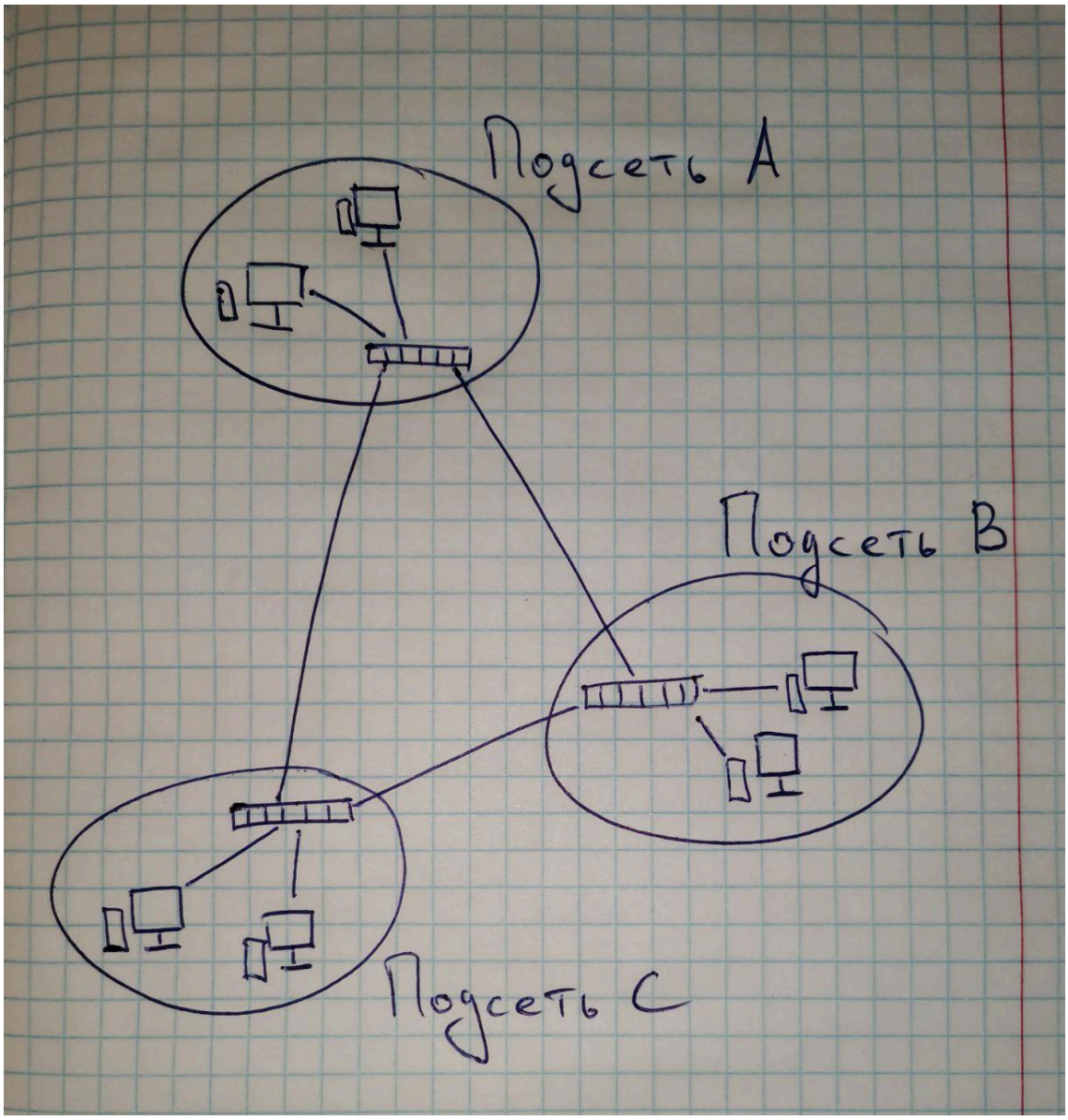
живут в одном доме, то проблем никаких нет. Но если люди живут в разных домах (программы запущены на разных компьютерах), то отправитель должен знать адрес дома получателя. То есть у каждого компьютера в сети есть адрес, и благодаря этому сообщения всегда приходят куда нужно.

Маршрутизатор - это тоже компьютер, только со множеством адресов, и нужен он, чтобы пересылать сообщения от одних компьютеров к другим. Он позволяет собирать компьютеры в пучки - подсети - и это нужно, чтобы не приходилось соединять каждый компьютер с каждым напрямую, ведь это нереально - никаких проводов не хватит. Подсети - это, как районы, или точнее, улицы. Адреса в подсети у компьютеров очень похожие. А маршрутизатор, получается, как почтовое отделение в районе, которое принимает всю почту, а дальше раскидывает по домам.

Матвей смеётся над моим простецким объяснением всей этой кухни, но говорит, что в целом оно вполне годное.

Всё свободное время я теперь провожу в инфоблоке. Нам удаётся соединить два маршрутизатора между собой, и к каждому подключить отдельный компьютер.

Мы готовим доклад, рисуем схему. Получается как-то так:



На поверке рапортуем о готовности, и Крыса велит нам «тащить всё наше барахло» в офицерскую, чтобы показывать и рассказывать. Мы переносим нашу модель сети в офицерскую, включаем маршрутизаторы, подключаем компьютеры. Проверяем, что всё работает.

В комнате собираются офицеры, а мы стоим у белой доски и ждём, когда все будут готовы.

— Давай ты расскажешь, - буркает мне Матвей, - а то мне чёт стрёмно. Я тебе буду подсказывать.

— Лады, - говорю, и мы стукаемся кулаками.

Мне, по правде сказать, тоже стрёмно. Но когда я представляю себе, какую крутую штуку мы собираемся сделать, страх сменяется приятным волнением. Я оглядываю лица офицеров. Кто-то глядит неодобрительно, кто-то улыбается, кто-то посмеивается. Все ждут начала представления.

— Так, ну господа офицеры! - рявкает один из них, с погонами капитана. - Давайте уже начинать, сколько можно! Семеро одного не ждут. Курить хочется!

Слышатся одобрительные возгласы.

— Докладывает кто?

— Докладывает четвёртый, господин капитан! - подаю я голос, слегка поперхнувшись.

— Слушаем тебя, четвёртый.

— Эммм… Господа офицеры. Полторы недели назад в складском помещении номер Д-227 были обнаружены большие запасы сетевого кабеля типа «витая пара» для соединения компьютеров в сеть. Наличие этого кабеля позволит нам наладить связь между базами с помощью… с помощью…

— Компьютерных технологий, - помогает Матвей.

— Да, с помощью компьютерных технологий. Компьютеров, короче.

Во завернули! Все сидят молча и слушают внимательно.

— Объясню, как это происходит, - продолжаю я. - Макет очень простой компьютерной сети вы видите на столе. Ну, то есть, на двух столах. Вы видите два маршрутизатора, - Матвей подходит и показывает на них пальцем. - Они соединены между собой отрезком той самой «витой пары». К каждому маршрутизатору подключен компьютер с помощью такой же точно «витой пары». Мы для простоты подключили только по одному компьютеру, но их можно подключать по несколько штук. Таким образом имеем две подсети: одна - на нашей базе (вот этот стол - это как-бы наша база), другая - на соседней (это второй стол). А маршрутизаторы соединяет длинный-длинный отрезок кабеля, который мы кидаем через перегон. Коммуникация происходит с помощью…

— С помощью протокола ти-си-пи-ай-пи, - подсказывает Матвей.

— Да, ти-си-пи… ай-пи. Это протокол надёжной передачи данных, который, между прочим, был разработан военными.

Офицеры одобрительно кивают.

— Сейчас я нарисую вам схему построения сети, чтобы всё было полностью понятно.

Я перерисовываю на доску ту схему, которую мы с Матвеем накидали на бумаге.

— Здесь вы видите, господа офицеры, три подсети - «а», «бэ», и «цэ». На самом деле их будет больше. Каждая база - это одна подсеть. Также, вы можете видеть, что на этой схеме подсеть «а» связана с подсетью «цэ» двумя сетевыми маршрутами: один идёт напрямую, а другой - через маршрутизатор в подсети «бэ». Это обеспечивает ещё б**о**льшую надёж-

ность связи. Если с кабелем между «а» и «цэ» что-то случится (ну, порвётся там, или ещё что-нибудь), то обмен информацией… короче, связь между «а» и «цэ» всё равно останется, они будут общаться через «бэ».

— Так а что оно даёт-то? - спрашивает один из офицеров.

— Ну, общаться можно! Разговаривать. Файлы пересылать. Координировать действия.

— Давай покажем, - говорит Матвей.

— Да, давай.

Мы подходим к компьютерам и запускаем мессенджеры, каждый со своей стороны. Офицеры собираются у нас за спинами.

— «какашка», - пишет мне Матвей, и сообщение появляется у меня в мессенджере.

— «писька», - пишу ему в ответ, а Матвей отправляет мне картинку, которую, может быть, при офицерах и не стоило отправлять.

Но офицеры одобрительно гогочут.

— «в пятом секторе обнаружено движение федералов», - пишу Матвею.

— «устроим засаду на границе квартала, у гаражей. снайперы на позициях»

В комнате становится шумно, офицеры оживлённо переговариваются.

— Товарищи офицеры, давайте тише! - хлопает в ладоши капитан. - Значит так. Мы всё вот это послушали и посмотрели. Звучит красиво. Ну а какой план-то? Что делать надо?

— Первым делом, господин капитан, - говорю я, - нужно кинуть кабель до соседней базы, подключить с той стороны маршрутизатор и сделать первый отрезок сети. Как только это сделано, нужно двигаться дальше до следующей базы, и так пока все станции не будут подключены к общей сети.

Капитан оглядывает комнату своим орлиным взором:

— У кого какие вопросы, товарищи бойцы?

— Сколько кабеля у нас есть? - спрашивает один.

— Десять бобин по пять километров каждая. Итого пятьдесят километров. При среднем расстоянии два километра между станциями получается, что нам этих запасов хватит, чтобы соединить двадцать пять станций.

— А маршрутизаторов сколько?

— Пока нашли всего четыре, но на соседних базах есть ещё. Я точно их видел, - говорит Матвей.

— Ещё вопросы? - говорит капитан.

— А голосом разговаривать можно будет? Как по рации.

— Да, для этого программа специальная нужна. Она есть, только не здесь. Установим, всё будет, - снова отвечает Матвей.

По вопросам кажется, что все идею поняли. Это хорошо. Мы ещё какое-то время отвечаем на вопросы, пока они постепенно не заканчиваются.

— Ещё вопросы, товарищи офицеры? - говорит капитан и ждёт. - Так, ну раз вопросов больше нет, то пойдёмте тогда на перекур, и ещё разок всё это дело обмозгуем. Если возражений не будет, то я это дело подниму до полковника, и дальше уже примем решение. Всё, айда! Второй, четвёртый, уносите всё. Молодцы, хороший доклад! Если это дело выгорит - получите каждый по блоку сигарет.

Народ постепенно выходит из комнаты, а мы с Матвеем принимаемся сворачивать наше оборудование.

— А раньше-то где были? - слышу я из-за спины чей-то недовольный голос.
• Эти кабели наверняка там стоят уже не один год, и даже не десять!

— Койот, понимаешь: мозги суммируются. А иногда даже перемножаются, - отвечает ему знакомый успокаивающий голос Дока. - Пойдём, курить пора. Для здоровья это важно.

Через пару дней высокое начальство даёт добро. А ещё через пару дней приезжает вагонетка типа «телега». С неё скручены кресла, и на неё нам предстоит погрузить две катушки с кабелем. Вояки помогают Лёхе и Аслану затаскивать бобины на вагонетку, а Матвей ходит, сложив руки, и руководит, как будто он тут начальник:

— Так, вот от этой отмотаем метров тридцать, прямо здесь, чтобы запас был. Да, Лёх, отматывай, отматывай. Марк, возьми себе этот провод, закрепи где-нибудь. Но не подключай сразу, подожди часок-другой. Чтоб мы случайно не дёрнули и провод не повредили.

Проследив, что всё сделано правильно, он забирается на вагонетку.

— Ну всё. Мы покатили, Марк! Увидимся в чатике! Адрес у тебя записан.

— Добро! - кричу я ему вслед, и они отправляются.

— Стой! - орёт Матвей. - Куда так быстро! Постепенно надо, чтоб мы отматывать успевали. Да, вот так, потихоньку…

Его голос постепенно глохнет во тьме перегона. Я прохожу за ним пару десятков шагов, останавливаюсь, и закуриваю в темноте. Вздыхаю от волнения.

— Пусть всё получится, - бубню вслух себе под нос, скрестив пальцы.

— Если получится, то моей благодарности не будет границ, - слышу я вдруг из-за спины голос, знакомый до дрожи и, кажется, врезавшийся в память уже навсегда.

— Здравия желаю, господин полковник! - салютую, резко развернувшись и по-прежнему ни черта не видя в темноте.

— Скажи честно: зачем ты хотел попасть в центр?

Молчу. Сигарета тлеет в руке. Он ждёт. Говорить или нет?

— Я хотел попасть наверх, - отвечаю вдруг, неожиданно сам для себя.

— Наверх?

— Да. На *самый* верх. В город богов.

— Хех… во как.

Но он как будто не удивлён. Я затягиваюсь и выдыхаю дым в темноту, стараясь не попасть в полковника.

— Молодой, дерзкий… - задумчиво произносит Крот. - Сын таким же был.

— Был?

— Да…

Молчим.

— …Слизни?

— Да…

— Господин полковник… А вы знаете, …что там, наверху?

— Понятия не имею. Знаю только одно: они дают нам электричество. Всем нам.

— Серьёзно? Ой, простите… виноват…

— Серьёзнее некуда. Тебе известна хоть одна действующая электростанция в Подземелье?… Вот и мне не известна. А я в Подземелье неплохо ориентируюсь.

— А что, если я смогу туда попасть?

— Намекаешь на то, что ты мог бы стать посредником? Ха-ха-ха-ха-ха!

Могучий хохот Крота разносится по перегону.

— Я просто хочу понять, как всё устроено.

— Зачем? - говорит он уже серьёзно.

— …Просто не могу по-другому… Ну и… смотрите, как… это ведь нам помогло в итоге.

Полковник молчит в ответ.

— Если всё получится, вы отпустите меня?

— Сначала сделай всё. Тогда и будет разговор. Иди, налаживай связь. У тебя полно работы, четвёртый.

— Есть, господин полковник!

Я иду назад в инфоблок, и по пути чуть ли не подпрыгиваю от радости. Просто не верится! Неужели он и правда подумывает о том, чтобы меня отпустить? Давай, Марк. Пусть всё получится. Молись богам наверху. Ты доберёшься до них! Ты всё можешь.

В тот день нам удаётся наладить связь. Мы с Матвеем обмениваемся «письками» и «какашками» в мессенджере, а потом он присылает мне программу для звонков, и мы проверяем звонки. Они тоже работают! Мы договариваемся, что они потянут кабель дальше, до следующей станции, а мы со своей стороны начнём закреплять кабель на стене перегона.

В-общем, полная победа и праздник! А на следующий день - тишина. Я пишу Матвею в мессенджер, спрашиваю, как дела. Ответа нет. Я не удивляюсь, конечно - Матвей может быть занят протяжкой кабеля на следующую станцию. Но меня гложет какое-то нехорошее предчувствие. Возможно, на той, следующей станции что-то пошло не так, и компьютеры к сети почему-то не подключаются.

Ночь проходит беспокойно. А на утро, сразу после завтрака, я бегом несусь в инфоблок: вдруг ночью Матвей написал что-нибудь? Открываю мессенджер и вижу сообщение:

Второй в тяжелом состоянии. Срочно пришлите Дока.

Меня словно током прошибает! Я бегу сначала в офицерскую, потом в лазарет, и нигде не нахожу нашего доброго доктора. Наконец, мне удаётся отыскать его в одном из хозяйственных блоков.

— Док! Господин лейтенант! Второй слёг! Пишут, что в тяжёлом состоянии! Нужна ваша помощь!

— Опять за своё… И где он? На двадцать первой?

— Да.

— Ну и когда они вагонетку пришлют?

— Не сказали. Вряд ли скоро. Вагонетка поехала дальше, кабель прокладывать.

Док берётся за подбородок и качает головой:

— Что в точности они написали?

Я повторяю ему сообщение слово-в-слово.

— «В тяжёлом состоянии»… Это писал явно их врач, офицеры таких слов не знают. Но их врач мало что может… Он совсем зелёный, по любому поводу зовёт меня…

Док сосредоточенно молчит. Смотрит глазами в пустоту, зрачки бегают. Мне только сейчас удаётся рассмотреть татуировку у него на шее: круг, а внутри - какие-то маленькие то ли букашки, то ли водоросли.

— Я ведь даже не знаю, что брать с собой. В тяжёлом - это в каком? Температура? Так, жаропонижающие, антибиотики - это понятно… Для операции набор… В желудок заглянуть надо будет, значит трубка нужна…

Он бормочет что-то ещё, прикидывая в голове и перебирая варианты. Останавливается. Поднимает на меня глаза:

— Ты хорошо бегаешь?

— Ну… нормально.

— Значит побежишь со мной.

— Через перегон?

— Да. Пошли, надо срочно собираться.

Я тут же вспоминаю, как мы с Арчи бегали по старым разбитым железнодорожным путям. С рюкзаком, гружёным камнями. Не зря…

Мы быстро идём в лазарет. По пути Док хлопает мимо проходящего офицера по плечу:

— Тихий, сообщи, что меня не будет сутки. А может и двое. Я отпишусь через… через компьютер. Заходите в инфоблок, поглядывайте сообщения!

Тихий что-то пытается спросить, но мы уже далеко. В лазарете мы собираем всё необходимое и набиваем до отказа два рюкзака. Выходим в перегон. И бежать.

Два километра? Да плёвое дело!

Док включает фонарь и освещает нам путь. Мы бежим молча. Каждый думает о своём. Док наверняка прикидывает, что будет делать, как только мы попадём ко второму. Мне, наверное, снова придётся ассистировать. Ну, теперь не впервой! Мы тебя вытащим, второй! Только подожди ещё чуток. Продержись, потерпи. Мы уже близко.

Добегаем минут за двадцать. В свете фонаря возникает фигура военного.

— Док, это ты?

— Так точно, солдат! Веди нас скорей!

Военный махает рукой и показывает путь. Мы пробегаем мимо тёмной платформы, похожей на нашу собственную, забегаем дальше в перегон, бежим вслед за нашим провожатым. Он останавливается возле одной из дверей в перегоне и зовёт нас:

— Сюда, Док, сюда!

Мы подбегаем, Док сплёвывает на рельсы со словами «чёртовы сигареты», и заходит внутрь, жестом попросив у меня рюкзак.

— Господин лейтенант, позовите, когда буду нужен. Я здесь, - говорю.

— Да, - коротко отвечает Док и заходит в лазарет.

Тишина. Страшная, томительная тишина. Я сажусь на землю, уперевшись спиной в стенку перегона. Солдат стоит рядом со мной, сложив руки на груди.

— Как он, господин командир? - спрашиваю, глядя в темноту.

— Хреново, сынок. Очень хреново.

— Что с ним случилось?

— Поехали кабель дальше тянуть, ему поплохело. Принесли обратно, в лазарет положили. Он говорит: «Я всё время так. Отлежаться надо, видать, заразу подхватил. Ща полежу, и лучше будет.» Ну, мы его на ночь оставили, на утро приходим, а он бледный, весь трясётся, и под глазами круги. И не соображает ничего, бредит.

— Жесть…

Изнутри слышны звуки, будто кого-то тошнит. Я вскакиваю, но солдат останавливает меня рукой:

— Погоди. Он тебя позовёт, сказал же.

— Ну да…

Проходит ещё минут пятнадцать. А может тридцать, я уже потерял счёт времени, хотя часы на руке. Слышу звук двери. Док идёт к нам. Но медленно, не торопясь. Я снова вскакиваю, смотрю на него. А он смотрит на меня. Его взгляд спокоен.

— Опухоль у него, - слышу я ровный, грустный, почти похоронный голос. - В терминальной стадии. Сто раз ему говорил: «Давай желудок проверю». Дал обезболивающее. Напоследок…

— Напоследок?… - говорю, вытаращив глаза.

— Иди, прощайся.

И он проходит мимо меня наружу, в перегон. А я всё ещё стою и не верю в то, что услышал. Иду через небольшой коридор, как во сне. Открываю белую деревянную дверь, отодвигаю шторку. На койке лежит Матвей. Его не узнать. Он как будто уже мёртв. Лицо серое, под глазами чёрные синяки, губы пересохли. Смотрит в потолок неподвижным взглядом.

Рядом с койкой стул. Сажусь на него. Аккуратно беру своего товарища за руку.

— Матвей. Матвей! Это я, Марк.

Он слегка шевелится, как будто услышал нужное слово. Медленно-медленно переводит на меня взгляд:

— Марк, - раздаётся тихий сиплый шёпот. - Марк, братишка…

Он говорит с большим трудом. Видно, как тяжело ему даётся каждое слово.

— Ты чего это, а? - говорю я дрожащим голосом, понимая, как это нелепо звучит. Ну а что ещё сказать?!

— Я… того…

Что говорить человеку, который собирается умереть на твоих глазах? Я видел немало смертей. Но не так. Не так…

— Курить хочешь? - говорю ни стого, ни с сего.

Матвей едва заметно улыбается:

— Давай…

Я достаю из кармана сигарету, раскуриваю её и бережно подношу Матвею к губам. Он затягивается. Слегка кашляет. Снова затягивается, и медленно выпускает из лёгких дым. На его лице появляется что-то вроде облегчения.

— Ништяк…

Он закрывает глаза. Потом снова открывает и, улыбаясь странной, грустной улыбкой, смотрит на меня:

— Слышь, Марк… Странная какая-то игруха, да?… Так и не догнал… чё здесь делать надо… Ты понял? А?…

Я смотрю ему в глаза, держа тлеющую сигарету в руке:

— Да. Понял.

Матвей глядит на меня с удивлением и ожиданием.

— Надо выбраться из Подземелья, - говорю я, и тут же замечаю какой-то проблеск в его глазах.

— Бляяяя!…

Он улыбается уже на полную. Закрывает глаза и посмеивается про себя. Снова смотрит мне в глаза:

— Бля, точняк! Хе-хе!… Выбраться… из Подземелья… А я чёт, слышь… не вкурил ваще… Во дурик… Дай руку, дружище.

Я беру его за руку, а он продолжает смотреть всё тем же, прояснившимся взглядом:

— Слышь, ты давай, братишка!… Пройди до конца!… Выберись из грёбаного Подземелья… За себя, и за меня…

— По любому.

Мои губы трясутся. В глазах стоят слёзы. А Матвей долго молчит и, наконец, выдавливает из себя:

— А я всё. Гейм… овер…

Он замирает. Его взгляд останавливается. Я отпускаю его ладонь и берусь за запястье. Пульса нет. Подношу трясущейся рукой сигарету ко рту, чтобы затянуться, но тут же тушу её об стул, бросаю на пол и падаю лбом на грудь Матвея. Слышу свой крик. И плач. И рёв. Я судорожно вскрикиваю, снова и снова, не в силах остановиться, мои кулаки сжимают скомканное одеяло, всё тело дрожит в судороге, а слёзы льются и льются, не переставая…

Это четвертый. Второй умер. Док вернется в течении суток. Я помогу протянуть кабель до следующей станции и наладить связь.

Такое сообщение я отправляю на базу спустя час после смерти Матвея. Док остаётся осмотреть местных, а я остаюсь на похороны.

Хоть мы и под землёй, похоронить человека здесь - это целое дело. Мы возимся несколько часов и, закопав, наконец, тело, сверху кладём маленькую скромную пластиковую табличку с надписью «Матвей».

Подключение третьей станции проходит удачно. Мы проверяем связь, отправляя друг-другу сообщения: я со своей стороны, а оставшиеся - со своей. Катушки с кабелем мы оставляем здесь, чтобы потом тянуть дальше, а меня на вагонетке отправляют домой.

Когда приезжаю, замечаю, что на меня теперь все смотрят как-то иначе. Здороваются охотнее. Уважения больше. Док очень настойчиво интересуется моим здоровьем. Всё это приятно, конечно, но это для меня плохой знак. Мы с Матвеем придумали крутую и очень важную для всех вещь, но в метро остался теперь только один-единственный человек, который в ней разбирается. И этот человек - я.

Мне выдают два блока сигарет - за меня и за Матвея. Я прошусь на приём к полковнику, и мне говорят, что он как раз хотел со мной поговорить. Интересно…

Крот встречает меня в том самом кабинете, в который меня привели, когда я впервые оказался здесь. Меня немного передёргивает, память о тех моментах ещё свежа, но я быстро справляюсь с собой. Крот смотрит на меня внимательно через свои круглые чёрные очки. Он встаёт, подходит неторопливо, и жмёт мне руку:

— Как я и говорил, четвёртый, благодарности моей нет границ. Когда мы наладим связь… всё будет по-другому.

— Господин полковник… - мямлю я, не зная, как подступиться, чтобы начать непростой разговор.

— Не может быть и речи, - отрезает он, сразу поняв, чего я хочу.

Он разворачивается ко мне спиной и отходит в угол комнаты.

— Совсем сдурел, что-ли? - грохочет он оттуда. - В такой-то момент! Когда всё только началось. Заметил, нет, что с тебя пылинки сдувают? А ты хочешь, чтобы я тебя отпустил… Да ты теперь золотой ключик, четвёртый! Ключик к дверце в тылу у слизней.

— Ну я ж не прошу *сейчас*, господин полковник. И тем более, я видел тут толковых людей. Они вполне могли бы…

Полковник разворачивается ко мне и тычет в меня пальцем:

— Вот об этом думай чаще, четвёртый. Ты должен передать свои знания. Сделай мне пяток таких, как ты. Тогда и поговорим. Свободен.

Я киваю головой и разворачиваюсь уходить.

— Стой, - говорит он, и я замираю. - Освобождаешься от любых обязанностей. Про кухню забудь - побудем пока без повара. На поверки можешь не приходить. Сосредоточься на одной задаче. Выполни её.

— Есть, господин полковник!

— Проваливай.

Ну что ж, яснее некуда. Передать свои знания. И как можно скорее. На нашей базе я знаю пару человек, кто, пожалуй, мог бы это освоить. На соседней - тоже видел парочку, поработали с ними вместе. Не всё так плохо. Только хорошо бы самому ещё получше разобраться во всей этой кухне. Поднять литературу… Благо, она тут есть.

Кстати, о кухне. Конечно, её так бросать нельзя. Тут тоже хорошо бы «передать знания». Аслан помогает мне по кухне регулярно, так может его и обучить готовке? Вроде ему интересно…

В-общем, за какой-то день я превращаюсь из обслуги в учителя и студента. Объясняю, читаю лекции, провожу практику. Одних учу сетевой кабель обжимать, другого - грибы выращивать, разводить соевый соус и крыс ловить. Понятие «распорядок» исчезает из моей жизни, точно так же, как и понятие «свободное время». Я теперь постоянно либо учусь сам, либо учу кого-то. Причём в нескольких местах сразу. Я гоняю по станциям, как бродячий торговец, при этом умудряясь проводить уроки по аудиосвязи с теми станциями, на которых меня сейчас нет. На меня сыпется град вопросов, на многие из которых я не знаю ответа, и мне снова приходится забуриваться в учебники или выяснять всё опытным путём. Когда кому-то что-то объясняешь, сам начинаешь понимать это гораздо лучше. Магия!

Так проходит ещё месяц. И ещё один. Мы тянем кабель на вторую станцию по соседству с нами, с другой стороны. С ней всё не шибко хорошо, дисциплина хромает, и не только дисциплина. Моему приходу там совсем не рады, а новостям про налаживание связи с соседней станцией и Кротом - тем более. Со мной в компании сержант, который ругается с ними, матерится, стучит кулаком по столу, но сделать ничего не может. Мы возвращаемся, можно сказать, ни с чем. Но затем туда отправляется капитан с двумя лейтенантами и быстро объясняет тамошним воякам, кто главный и где раки зимуют. После этого дело идёт значительно лучше.

В-общем, под конец третьего месяца я, наконец, могу отрапортовать полковнику о том, что мною «подготовлена бригада сетевых инженеров в количестве пяти человек, способная поддерживать сеть в работоспособном состоянии и развивать коммуникации по всему метро». Мы организуем конференц-связь Крота с моими пятью орлами, и один из них даже подключается с видео - раздобыл где-то камеру и подключил к компьютеру. Крот хвалит моих парней и даёт им новое задание: как можно скорее провести совет командиров по аудио-, а лучше - по видеосвязи. Звонок заканчивается. Крот сидит на стуле возле компьютера, а я стою у него за спиной. Он оборачивается и глядит на меня. А я гляжу на него.

— Ну? Чего молчишь? - бурчит он. - Ты у них главный. Имеешь авторитет. Мы тебе сержанта дадим, а через полгода - лейтенанта. Ты здесь важный человек будешь. А там ты, - он кивает наверх, - никто. Даже на третьем круге.

— Я ведь могу отсюда попасть на третий круг, верно, господин полковник?
• спрашиваю я, глядя в пустоту.

Крот вздыхает и качает головой:

— Как волка ни корми, а он всё в лес смотрит…

— А на второй?

— Нет, ни на первый, ни на второй круг ты не попадёшь. Все станции от первого круга до третьего засыпаны, так со слизнями договорились. Но можно выйти на четвёртом круге неподалёку от стены, и я знаю пост, который за мзду тебя пропустит. Только надо ли оно тебе?

Я смотрю в его круглые чёрные очки:

— Надо, господин полковник.

— Тогда дай мне слово, что ты никому и никогда не расскажешь о том, что ты здесь был, и о том, что ты здесь видел и слышал.

— Никому и никогда, господин полковник. Обещаю.

— Мммм… Чёрт с тобой! Собирай свои манатки и катись отсюда. Я дам все распоряжения. Четвёртый круг, с него на третий. Устраивает?

— Так точно, господин полковник!!! - громко отчеканиваю я, чуть ли не хлопая в ладоши от радости.

— Запомни: даже боги не должны знать, что ты здесь был!

— Никак нет, господин полковник!

Он достаёт из нагрудного кармана блокнот, что-то в нём записывает, отрывает страничку и протягивает мне:

— Вот. Возьми. Мой номер телефона. Работает только по спецсвязи. Учти, слизни всё время начеку, могут слушать. Звони только в случае крайней необходимости. Постараюсь помочь, чем смогу. Выучи его наизусть, бумажку сожги. Понял?

— Так точно! - почти кричу я, взяв из его рук драгоценную бумажку с номером.

— Всё. Вали. Искатель приключений… - буркает он, едва заметно улыбнувшись в бороду.

Я выбегаю из комнаты, несусь по коридору, выскакиваю в перегон и бегу по нему, как сумасшедший, со всех ног, не желая останавливаться. Бегу просто так, от радости, которой давно не испытывал, такой сильной, что просто перехватывает дух! В туннель выходит Крыса, и я чуть не сталкиваюсь с ним на полной скорости.

— Трррр! Куда несёшься так, малой? Сеть прокладывать?

— Неа! - отвечаю, остановившись.

— Чё радостный такой, а? - спрашивает Крыса, а сам улыбается. - Да знаю… Передали мне. Освободил тебя Крот. Веришь или нет, - говорит он, взявшись за подбородок, - но на моём веку такого не было. Никто отсюда никогда при мне не выходил. Ты первый. Так что… поздравляю, чё!

— Спасибо, господин командир!

— Называй меня просто Крыса. Ты ж теперь не мой подчинённый, а свободный человек!

— Лады! Ты довезёшь меня до четвёртого круга?

— Я?? А чё я-то?

— Ну, ты ж меня привёл. Так может, ты и отведёшь?

— Ну… прокатиться я не прочь, конечно, если начальство одобрит.

— Я поговорю с начальством, - улыбаюсь я в ответ.

— Ты много думаешь о себе, слышь, звезда! У начальства своя голова есть. Ладно, поглядим, как всё будет. В любом случае - нам, это… Повезло нам с тобой, короче. Такие дела…

Последнюю фразу Крыса говорит, слегка замявшись. Видно, не привык ничего такого говорить. Но он прав, не стоит задаваться. Лучше подумать, что меня там ждёт, на третьем круге. Как там крутиться, вообще.

Поспрашивав у местных про третий круг я выясняю, что никто о нём ничего особо не знает. Зато все знают про второй круг - он весь заполнен федералами. Кроме них там никого нет.

«Второй круг для слизней - это как метро для нас», - говорят мне.

А внутри этого круга - Президент. И он явно старается защитить себя со всех сторон. Значит ли это, что и на третьем круге много федералов? Наверное, да.

Крысе поручают помочь мне со сборами. Он возвращает мне назад мою одежду. Я смотрю на неё, и сердце ёкает в груди. Нюхаю её. Кажется, даже запах немного остался, не вся пропахла метро. Я переодеваюсь и спрашиваю Крысу про сапоги, но он смеётся в ответ:

— Сапоги? Нет друг, сапоги мы тебе не отдадим. Такие самим нужны! Вот тебе тапочки.

И он кидает мне пару резиновых сланцев.

— Не, ну серьёзно!

— Я серьёзно, - говорит он. - Эти сапоги, во-первых, тебе там не понадобятся, а во-вторых, тебя по ним могут вычислить. Нам это не надо. И вообще, готовься к тому, что тебе там придётся свою одежду оставить и переодеться в другую. В этой одежде тебя видели здесь, наверху.

— Ну да…

— Рюкзак… Рюкзак забирай, но вот это тебе не нужно… вот это - не нужно…

Он отбрасывает в сторону барахло, которое мне на третьем круге явно не пригодится. Я замечаю перечную смесь, поднимаю её и кладу к себе в карман.

— Счастливая она, - говорю в ответ на недоумённый взгляд сержанта.

Компас я тоже забираю с собой, на всякий случай. И баллончик газовый мне разрешают забрать. А пистолет - нет. С ним всё равно не пропустят на третий круг. Да и шокер лучше оставить. Мобилу на всякий случай Крыса мне тоже не отдаёт.

Нахожу в рюкзаке свой паспорт и кладу во внутренний карман.

— И деньги свои забирай, - говорит Крыса, кидая мне пакет с фишками. - Вот они тебе точно пригодятся. Я не помню, сколько там у тебя было. Но мы тебе насыпали достаточно.

— Если хватит, чтоб пройти и перекантоваться первое время, то больше и не надо.

— Должно хватить…

Когда за мной приезжает «карета», нас с Крысой с платформы провожают почти всей станцией. Я прощаюсь со всеми и кричу Аслану напоследок, чтобы прожаривал крысятину как следует. Мой бывший командир заматывает мне глаза, но на этот раз не скотчем, а мягким бинтом. Все хлопают, свистят, желают удачи, а я машу руками, сидя в кресле и уже не видя никого. Вагонетка трогается, набирает скорость, стучит колёсами по рельсам. В лицо дует ветер. Из-за шума трудно разговаривать, и поэтому мы просто едем и молчим. Экспресс-доставка до третьего круга… Я и мечтать о таком не мог! Пришлось, правда, попотеть, чтобы этот экспресс заработать. Но я всё ближе… всё ближе… Я задрёмываю, и во сне мне мерещится город богов, по которому бродят ангелы с крыльями, проходя мимо огромных сияющих электростанций, залитых солнечным светом…

Мы приезжаем на нашу конечную остановку. Крыса говорит мне, чтобы я посидел пока, а сам идёт перетереть с местным начальством и показать написанные на бумаге распоряжения от Крота. Некоторое время никого не видно и не слышно. Водитель тоже сидит на месте и закуривает, и до меня доносится запах сигаретного дыма. Мы сидим и ждём.

Наконец раздаются торопливые шаги и гул голосов. Ко мне подходит Крыса и снимает повязку с глаз.

— Иди, переодевайся. Я с тобой не пойду наверх, для этого тут есть специально обученные люди. Так что давай, боец, удачи!

Он хлопает меня по плечу, мы крепко-крепко жмём друг-другу руки, понимая, что видимся в последний раз. Я прыгаю на платформу, а вагонетка едет в обратную сторону. Сержант сидит в кресле и смотрит на меня до тех пор, пока «карета» не исчезает в туннеле.

— Э, пассажир, давай, поторопись! - слышу я голос военного. Видимо, он один из этих «специально обученных людей».

Меня ведут в небольшую комнату по коридору через дверь в торце платформы. Там на спинке стула висит моя новая одежда. Ну как, новая? Не новая она. Протёртые джинсы с дырками, футболка застиранная, старая тёмно синяя растянутая худи. Всё не по размеру и сидит плохо. Так себе прикид, конечно. Но выбирать не приходится. Зато кеды неплохие! Одна радость. И носки выдали толстые, чтоб ноги не мёрзли. Быстро переодевшись, я сигналю своим провожатым, что готов. Вижу, что они тоже переоделись в гражданское. Мы выходим в перегон и идём по нему минут десять. Останавливаемся у металлической двери. Один из бойцов достаёт рацию:

— Тайфун, Тайфун, я Синица. Запрашиваю открытие внешней двери В-38 на десять минут. Повторяю В-38 открыть на десять минут. Повторное открытие через три часа. Повторяю, повторное открытие через три часа. Как понял?

— Это Тайфун. Открываю В-38 на десять минут. Повторно открою ровно через три часа. Приём.

— Тайфун, всё верно, жди.

— Синица, удачи.

— Пошли скорей, - говорит Синица.

Мы открываем дверь из перегона и идём по тёмному коридору до другой, гораздо более внушительной, бронированной двери. Синица поворачивает засов и силой тянет дверь на себя, пока второй боец светит фонарём. Дверь открывается, мы выходим в тёмные катакомбы и как следует закрываем за собой дверь.

Бойцы останавливается, достают из кармана странные белые пилюли и кладут в рот.

— Для храбрости? - спрашиваю.

— Нет. Это капсулы с ядом. Если кого-нибудь из нас схватят слизняки, то капсула перекусывается и смерть наступает за тридцать секунд.

— Круто… Мне такая не полагается?

— Ни в коем случае. Если у тебя её найдут - сразу поймут, откуда ты пришёл.

— Ты не беспокойся, - добавляет Синица. - Пока идёшь до ворот, мы будем неподалёку. Если к тебе примотаются, мы тебя сразу пристрелим.

— Успокоили, мужики… успокоили…

Мы пробираемся через какие-то то ли шахты, то ли канализацию. Видно очень плохо, и я совершенно не понимаю, где нахожусь. Мы сворачиваем то в один ход, то в другой, то чуть ли не ползём на животе. Наконец, мы оказываемся в помещении вроде подвала.

— Так, сейчас выходишь на улицу, - говорит Синица, - и проходишь мимо большого красного кирпичного здания. За ним будет улица, параллельная стене, сразу увидишь. На ней поворачиваешь направо. Доходишь до улицы, которая упирается в ворота, пересекаешь её и идёшь дальше. Твои ворота будут следующие, понял? Тебе нужны ворота 15,

запомни, 15. Как до нужной улицы дойдёшь - поворачиваешь налево и идёшь к воротам. Подходишь к вахте. Проверь, что ворота именно 15-е. Говоришь, «я на подработку курьером». Запомнил? Ну и дальше делай, что они скажут. Всё ясно?

— Так точно.

— Эти все словечки забудь раз и навсегда. Никто не должен их от тебя услышать.

— Да. Понял. Лады.

Меня подводят к заваленной хламом двери. Солдаты распинывают мусор ногами, снимают замок, от которого у них оказывается ключ, и открывают дверь. Я поднимаюсь по ступенькам и оказываюсь на улице. Моросит мелкий дождь. Капли падают на лицо. Стою пару мгновений и с наслаждением вдыхаю полной грудью сырой загазованный воздух. Ну здравствуй, Подземелье! Я вернулся!

Надо идти. Вижу красное здание. Прохожу мимо, поворачиваю на нужной улице. Здесь приятно. Только холодно! Дороги ровные, мусора мало. Светофоры работают! Люди в основном адекватные на вид и одеты неплохо. На меня никто не обращает внимания, и это очень хорошо. Я не оглядываюсь, но знаю, что бойцы, одетые в гражданское, потихоньку следуют за мной.

Мимо проезжает машина полиции, но и менты на меня не смотрят. Пожалуй, мой прикид не так уж плох!

На следующей улице я, как и велено, поворачиваю направо, и, переходя через дорогу, уже вижу эту огромную стену, отделяющую район от третьего круга. Вот это стена, так стена! Мне она на шестом круге казалась внушительной, но эта - совсем другое дело! Этажа четыре в высоту, а то и все пять! Но, пожалуй, не стоит так пялиться, а то ещё подумает кто-нибудь, что я не местный.

Пройдя квартал по улице, дохожу до перекрёстка. Смотру налево. Вижу серые металлические ворота. Не мои. Иду дальше. Квартал, другой, третий… Наконец, снова вижу ворота в конце улицы. Это мои. Поворачиваю налево и иду прямо, и теперь уже могу как следует полюбоваться на стену. Да, вот так соорудили! Богато! За ней, небось, тоже шик да блеск! Хоть бы пропустили! Рядом с воротами табличка с номером. 15. Мои.

Подхожу к массивным железным дверям. Вижу сбоку маленькую дверцу, окошечко, и вертушку с толстыми прутьями в человеческий рост. Заглядываю в окошко, стучу в стекло.

— Чё надо? - раздаётся грубый голос из динамика.

— Я на подработку курьером.

Несколько секунд длится молчание.

— Заходи, - бурчит микрофон.

Прохожу через вертушку. Меня встречает пухлый мужик в чёрной форме федерала, с коротким автоматом, с пистолетом на ноге, дубинкой на поясе и в бронежилете. Смотрит на меня надменным, презрительным взглядом.

— Курьером, значит?

— Ну да.

— «Да, господин гвардеец»! Иди сюда.

Он садится за стол. Я стою перед ним.

— Давай паспорт.

Вынимаю из кармана паспорт и кладу перед ним.

— Марк… Малой.

Он вертит карточку у себя перед глазами и бормочет:

— 28-й юго-восточный округ… где это вообще такое?… Ты издалека откуда-то?

— С пятого круга.

— А как сюда прошёл?

— Ну… так же примерно.

— Богатый что-ли? - смотрит он на меня с подозрением.

— В покер удачно сыграл.

— А чё на третьем круге надо?

— Хочу устроиться получше. Там ведь поприличней всё-таки. И казино хорошие.

— Это кто тебе сказал?

Пожимаю плечами:

— Нетрудно догадаться.

Гвардеец вздыхает и смотрит на меня своими карими глазами:

— Двести.

Я в шоке от услышанного, но не подаю виду. Не моргнув глазом, я достаю из рюкзака пакет с деньгами и высыпаю на стол двести фишек. Торговаться здесь всё равно бесполезно. Пусть думает, что продешевил, сучонок.

Постовой поджимает губы и быстро смахивает фишки в ящик стола. Достаёт из другого ящика бумажный бланк, кладёт перед ним паспорт, переписывает данные, что-то пишет ещё и с громким стуком ставит сверху штамп. Перепечатывает данные в компьютер. Достаёт то ли телефон, то ли планшет, и фотографирует меня, а потом мой паспорт. Потом подсовывает мне какое-то устройство на проводе:

— Большой палец прижми сюда. Сильнее. Вот так.

Убрав устройство и телефон, он толкает рукой бланк и паспорт в мою сторону.

— Это пропуск. Он действителен три недели. Запомни, парень: три недели. И если за это время ты не найдёшь себе работу, то пеняй на себя. Даже не надйся, что ты там сможешь прожить нелегалом - вылетишь, как пробка, понял?

— Понял… господин гвардеец…

Он встаёт, вытаскивает с полки голубоватую папку и тоже швыряет на стол:

— Вот, бери. Это формальная причина твоего пребывания здесь. Ты курьер. Должен доставить эти документы по адресу, он там указан. И лучше тебе это сделать в ближайшие два-три дня. Там ничего супер-важного, но если будет проверка, то у меня могут быть проблемы. А ты ведь не хочешь, чтобы у меня были проблемы, правда?

— Нет, не хочу.

— Смотри, твои данные записаны. Твоя рожа сфотографирована, отпечаток пальца снят. Любой косяк - мы тебя из-под земли достанем.

— Всё понял.

— Иди. Вон та дверь.

Я прохожу через турникет, выхожу из проходной и оказываюсь на огромном мосту через реку. В ней пляшут отблески фонарей. Впереди - высоченные здания. Этажей пятнадцать! А может и двадцать! Они не новые, нет. Но они

- не просто панельки. Они - как в старых книжках. С фасадами, с

карнизами. С подсветкой снизу. Красивые, в-общем! Исторические. Крыши и шпили домов уходят в дымку, висящую над всем районом.

Я иду по тротуару у края моста и веду рукой по толстой металлической ограде, окрашенной чёрной краской. Мимо проезжает серый броневик с федералами. Меня внутри передёргивает, но я не подаю виду. В лицо мне дует ветер, и я чувствую какой-то особенный запах, то ли от реки, то ли от города на той стороне.

Останавливаюсь посреди моста. Смотрю на реку, оперевшись об ограду. Быстрая. И широкая. Глаз от неё не оторвать. Берега высокие, выложены камнем. Фонарь освещает мутную серо-коричневую воду под мостом. Достаю сигарету и закуриваю. Ты на третьем круге, Марк! Никто не верил, ты и сам не верил, но ты здесь! Осталось совсем немного!

Смотрю наверх сквозь дымку и добавляю струйку своего дыма к этому облаку городского смога. Закрепиться здесь. Найти работу, обосноваться, и всё хорошенько узнать. Чем ближе к центру, тем больше люди знают про то, что наверху. Это наверняка. Лазейки точно есть, должны быть! Вода дырочку найдёт. Давай, Марк! Ты всё можешь.

8

Первое, что бросается в глаза после высоченных домов - машины. Их просто тьма! Они повсюду. Гул моторов заполоняет улицы, сливаясь с шумом падающих капель дождя. Дождь - это некстати, я ведь промокну до нитки. А на улице середина ноября. В первом же попавшемся лотке покупаю себе за одну фишку полиэтиленовый синий дождевик. Осталось 146 фишек.

Иду мимо домов по тротуару. Асфальт ровный и почти без выбоин. Вдоль тротуара стоят припаркованные автомобили. Каждый из них на вид, как у Рафа примерно, но поновее и поприличнее. В нашем районе владение автомобилем - это небывалая роскошь. А здесь это обычное дело. Ожидаемо.

Дохожу до Т-образного перекрёстка и оказываюсь на широкой улице. Машины ездят по нескольким полосам в каждую сторону! Вот это уже что-то совсем для меня невиданное. Останавливаюсь у ограды и окидываю взглядом весь открывшийся передо мной вид, слева направо. Замечаю, что все дома будто бы подкопчённые, и все с одной и той же стороны. Смотрю на компас: с юго-востока. Я как раз оттуда пришёл. Некоторые дома полуразрушенные, у одного оторван целый кусок. Другие, в целом опрятные и даже, я бы сказал, красивые, только залатаны местами, где кирпичём, где бетоном. В правой стороне посреди улицы рекламный щит, и с него смотрит суровый лысый мужик с заострёнными усами, в чёрном пиджаке. Смотрит внимательно и по-отечески. Это Президент. Его лицо даже в нашем захолустье знают.

Рекламные щиты - тоже фишка этих мест. В наших краях их все давно поспиливали на стройматериалы, только железные пеньки на улицах остались. А здесь - красуются всем на радость!

Захожу в подземный переход, чтобы пересечь широкую автомобильную реку. Сам пока не знаю, куда иду, но на переход хочется посмотреть. У нас такие тоже есть кое-где, но все заняты под притоны. А тут прям иди, гуляй свободно. И мусора почти нет. В переходе попадается пара нищебродов, сидящих и лежащих на полу у стены, а на самой стене - снова портреты Президента, несколько в ряд. Стены исписаны рисунками и надписями вперемешку с матерной руганью и номерами телефонов шлюх. В глаза бросается «ТО-ТИС-ВРОТИС» белой краской поверх разноцветного граффити. Навстречу идёт одинокий мужчина с грустным видом, в кожаной куртке. Больше в переходе не встречаю никого, выхожу наверх, и продолжаю путь.

Ноги в кедах мёрзнут несмотря на толстые носки. Мимо по луже на огромной скорости проезжает ярко-жёлтое авто, и мне еле удаётся увернуться от брызг. Смотрю ему вслед. Что-то очень крутое! С тачкой Рубэна посоревнуется точно. Таких тут, видать, немало.

Встречаю по пути ларёк и покупаю сигареты. Нормальные сигареты! Беру самые дешёвые, за 2 фишки, хотя есть и за 3, и даже за 4. У нас курево за 2 фишки - это супер-шик. А тут это самый голимый дешман. Но после того говнища, которое я курил в метро, эти - просто божественный эфир! Настроение поднимается. Просыпается аппетит.

Смотрю на часы. 12:35. Так, мне нужно до конца дня отнести эту долбаную папку по адресу, найти ночлег, ну и поискать места, где меня могли бы взять на работу. Начать, пожалуй, лучше с папки - поищу адрес и заодно поизучаю местность. Идя по улицам и приставая к прохожим, потихоньку продвигаюсь к цели. Идти, судя по всему, нужно несколько кварталов, но по местным меркам это не так далеко, ведь озираться по сторонам на каждом шагу в поисках опасностей мне тут совершенно не приходится - все улицы освещены, то и дело попадается на глаза полиция, и она, видимо, «держит» весь район. До меня даже разок докапывается их патруль, но я показываю паспорт и бумажку, выписанную мне федералом на КПП, и все вопросы тут же снимаются.

Иду по улицам и понимаю: третий круг мне нравится всё больше и больше! Здесь можно просто ходить и гулять! Гулять и не думать, под кем сейчас тот район, в котором ты находишься, можно тебе сюда или нет, грабанут тебя здесь или просто возьмут таксу. Здесь как будто банд вообще не существует! Только полиция и федералы. Федералов, кстати, совсем не видно, хотя я думал, что их тут будет просто как чертей в аду. Нет. Ни одного. Ну если не считать того, на КПП.

Времени - час дня. Желудок, как по будильнику, начинает урчать и просить обеда. Привык я к распорядку метрошному! Кручу головой вокруг и ищу забегаловки. Глаз останавливается на шаурмичной. По размеру она совсем небольшая, как и все подобные заведения. Захожу и беру сочную, благоухающую шаурму с курицей. 3 фишки. В принципе, как и у нас. Жить можно! Сажусь за стойку перед окном рядом с портретом Президента, и вгрызаюсь в свою добычу. М-м-м!!! Какая вкуснотища! Ем с невероятным аппетитом, только за ушами пищит.

Проходит пара минут. Ко мне подсаживается смуглый черноволосый тип в кожанке, с бумажным стаканчиком чая. Делает глоток, громко хлюпая. Смотрит на меня. Лицо суровое, со шрамом. Подмигивает глазом, не улыбаясь:

— Привет новоприбывшим!

Замираю и оборачиваюсь к нему:

— Как ты понял, что я новоприбывший?

— К**е**нан, - говорит он, словно не заметив мой вопрос, и протягивает руку.

— Марк, - жму я ему руку в ответ.

— Вкусная шавуха здесь, а! - снова подмигивает он.

— То, что надо.

— С четвёртого?

— С пятого.

— Ого! А как ты пролез-то?

— А ты скажи сперва, как понял, что я новоприбывший, - отвечаю я, теперь уже сам подмигивая.

И тут мой собеседник, наконец, улыбается, хоть и ухмылкой, показывая жёлтые зубы, один из которых гнилой:

— А ты умеешь торговаться! Работу, небось, ищешь, а?

— Есть такое.

— Давай к нам. Мы платим хорошо. И вовремя.

— А чё делать надо?

— Барыжить.

— Этим? - показываю ему жестами наркоту и таблетки.

— Ага, им самым.

И тут меня словно отпускает. Внутри теплеет. Бандосики! Те самые, родные! Вы и тут есть, конечно же! Слава богу! Я не в каком-то особенном месте со своими законами. Я в знакомом мне Подземелье! Декорации немного отличаются, но оно всё то же, везде одинаковое! И правила здесь примерно те же, что и везде!

— Слушай, Кенан, - говорю. - Только без обид, ладно, но мне бы чё-нибудь побелее.

— Побелее? - протягивает он, приподняв брови. - Ты прикалываешься, родной? Где ты тут найдёшь побелее? Кто тя возьмёт ваще? Тут у местных-то с работой полный голяк, а ты хочешь такой красивый залететь, и…

— Да, да, я всё понимаю. Звучит всё правдиво. Но ты тоже пойми: я сегодня только заехал. Буквально вот пару часов назад. Ещё нифига не посмотрел, не сориентировался, а ты меня хочешь прям сразу вот так взять в оборот. Я так не могу. Мне надо недельку поболтаться, приценится, а потом уже решать. Разумно?

— А у тебя деньги-то есть поболтаться недельку? - смотрит он с ухмылкой.

— Пока есть, - говорю, и тоже ухмыляюсь. - Грабануть хочешь?

— Да не, ты чё… Мы нормальные, гоп-стопом не занимаемся. Здесь вообще это не любят.

— Ну и слава богу. Твоё предложение через неделю будет ещё в силе?

— Ну не знаю, братан, на твоё место куча желающих.

— Да ладно тебе, - говорю, улыбаясь, - это ведь ты ко мне подошёл, а не я к тебе.

Кенан молчит, а я с аппетитом доедаю шавуху и чувствую приятную сытую тяжесть в животе:

— Ты мне скажи сейчас, сколько платите? А я запомню.

— Десять за смену. Плюс комиссионные. Но это если сейчас соглашаешься. А придёшь через неделю - дешевле будет.

— Я смогу тебя здесь найти?

— Сможешь, - отвечает он с угрюмым видом.

— Ну, значит если что - я сюда приду, тут и встретимся. Лады? Я пошёл. Спасибо за компанию!

Дружелюбно протягиваю руку, Кенан нехотя пожимает её, я встаю из-за стойки и выхожу на улицу.

Сытый и довольный, я продолжаю свой путь. Десять фишек за смену! Да вы рехнулись, ребят? За кого меня держите? Я видел цены в ларьке! Здесь всё дороже. Это я ещё в продуктовом не был - посмотрим, как там дела. Предчувствую уже, как офигею от ценников. А ещё ведь ночевать где-то надо!

Мокрый асфальт блестит под ногами, но дождь закончился, и я снимаю свой дождевик и кладу в рюкзак. Ноги малёк согрелись от обогревателя под стойкой, пока я сидел и обедал. Всё неплохо, Марк! Но лучше пока сильно не радуйся, ты тут ещё многого не знаешь.

Перекрёсток за перекрёстком приближаюсь к нужному месту, то и дело спрашивая у прохожих дорогу. Люди попадаются адекватные, помогать готовы. Только все торопятся куда-то. Я, конечно, тоже тороплюсь, но на улице меня все обгоняют. Наверное, так Кенан и распознал меня - местные живут в совсем другом ритме, а я ещё не успел набрать обороты. Но за этим дело не станет - разгонюсь так, что не остановить будет!

Вижу на другой стороне улицы небольшой сквер. С деревьями, с лавочками! С дорожками. Красота какая! Оглядевшись по сторонам, перебегаю дорогу и подхожу поближе, посмотреть. Деревья все искусственные, конечно же. Но всё равно красиво. Посреди сквера стоит памятник - мужчина в длинном плаще и в костюме поднимает руку к небу. Рука, правда, оторвана по локоть, да и в целом бедняге досталось - тут и там выбоины. От постамента отколот кусок, как раз в том месте, где должна была быть надпись, поэтому для меня так и остаётся загадкой, кому этот памятник.

Пройдя по одной из дорожек, я поворачиваю обратно на улицу и иду дальше. Дома становятся всё ниже. Вдалеке, в черноте неба висят красные огни. Это колонна. Её пометили этими огнями. Но для чего? Так ведь больше нигде не делают. В этом явно есть какой-то смысл, который мне ещё только предстоит узнать.

Кажется, я уже совсем близко. Остался один квартал. По пути попадается продуктовый магазин, и я захожу в него, затаив дыхание. У входа лежит стопка металлических корзинок. У двери на стене - портрет Президента, это обязательно. Женщина, зашедшая передо мной, достаёт корзину и идёт с ней дальше через вертушку. Мне, пожалуй, корзина не нужна.

Иду к турникету, но охранник строго окрикивает меня:

— Стой! Рюкзак сюда.

У входа стоит стеллаж для вещей. Я с опаской отдаю охраннику свой рюкзак, а он даёт мне бирку с номером.

Прохожу через турникет и оказываюсь среди изобилия продуктов. Да, здесь, конечно, всё иначе! На полках лежит такое, о чём мы на восьмом круге и слыхом не слыхали! Ветчина. Свинная. Обалдеть! 30 фишек упаковка. Овощи. Хлеб какой-то необычный. Куриные грудки. Куриные ножки. Полки просто ломятся от продуктов! Но цены!… Да, Кенан, если ты мне будешь платить по десять в сутки, то боюсь, питаться я буду только лапшой быстрого приготовления. Что, кстати, тоже неплохо. Купить, может, пару пачек? Нет, пока не буду, у меня ещё в рюкзаке есть кое-какие запасы. Съем их сперва. За это время успею приценится, вдруг где найду дешевле места. Возвращаюсь обратно к вертушке, но охранник показывает мне, что я должен пройти через кассу. Делаю круг и прохожу так, как велено. Отдаю охраннику номерок, а он возвращает мне рюкзак.

Иду дальше по улице. Мимо с рёвом проносится полицейская машина на мигалках. Поворачиваю направо и прохожу мимо разрушенного нежилого дома. Надо же, и здесь такие есть! Выхожу на тихую улицу и вижу на другой стороне свою цель - серое панельное здание с большим портретом Президента над входом. У самого входа, на крыльце, стоят двое вооружённых бойцов в чёрной форме и с оружием. Федералы. Это я *им* должен отнести папку с документами. Нервно сглатываю и подхожу всё ближе. К зданию примыкает стена с воротами и с колючей проволокой. За воротами, наверное, броневик или что-то вроде того. Тут спохватываюсь: у меня ведь с собой газовый баллончик! А если будут досматривать и найдут его? Им это может не понравиться. Надо пока припрятать где-нибудь.

Прохожу мимо урны и быстро кладу баллончик туда, погрузив его рукой поглубже в кучу мусора. Вроде больше ничего криминального с собой нет. Ладно, я ведь просто отдам папку, что тут такого? Всё будет в порядке, Марк, не дрейфь!

Над головой раздаётся шум. Жужжание, как будто фен включили или миксер. Поднимаю голову. Надо мной пролетает дрон - чёрная хреновина с огоньками и с четырьмя пропеллерами. Я о таких слышал, но вживую вижу первый раз. Летит эта штука очень быстро, и не успеваю я присмотреться, как она уже скрывается за серой стеной, приземлившись где-то внутри. Мороз пробегает по коже, но я перехожу дорогу и приближаюсь к крыльцу. Вижу табличку на стене: «Опорный Пункт № 21 Президентской Федеральной Гвардии». Бойцы у входа на крыльце смотрят на меня через щели в своих чёрных балаклавах. На груди у каждого автомат. Подхожу к ближнему из них и говорю заплетающимся языком:

— Здрасьте! Я ку… курьер. Папку принёс с документами. Доставка.

Ближний гвардеец оглядывается на своего товарища:

— Клим, осмотри его.

— Иди сюда, - говорит мне тот железным голосом.

Я поднимаюсь по ступенькам, чуть не запнувшись, и встаю перед Климом.

— Рюкзак, - говорит он, протянув руку в чёрной перчатке.

Послушно снимаю рюкзак и протягиваю ему. Он вертит его с обеих сторон, расстёгивает оба отделения, переворачивает вверх тормашками и вытряхивает на каменный пол всё содержимое. Всё моё богатство рассыпается по крыльцу перед ногами гвардейца, а одна круглая банка с консервами, отскочив от пола, укатывается по ступенькам вниз. На полу оказывается и папка с документами. Гвардеец ещё разок заглядывает внутрь рюкзака и бесцеремонно швыряет его в сторону. Чёрным кожаным берцем он отпинывает то, что лежит рядом.

— Встань сюда. Ноги на ширине плеч, руки в стороны.

Я молча повинуюсь, а он снимает с пояса металлоискатель и проводит вдоль моих ног, рук и корпуса.

— Развернись.

Я разворачиваюсь к нему спиной, и он проделывает всё тоже самое снова, а я жду, что в конце он даст мне смачного пинка под зад, и я полечу с крыльца, разбив физиономию о ступеньки.

— Чисто, - слышу я из-за спины.

Второй охранник говорит в рацию:

— Семён, от нас курьер с документами. Примешь?

— Так точно, - слышится из рации.

Гвардеец поворачивает ко мне лицо и говорит:

— Проходи. Приёмное окошко будет сразу справа. Отдаёшь документы и быстро выметаешься.

— А вещи можно подобрать? - спрашиваю я, оглядывая россыпь своих пожитков на крыльце.

— Можно.

Очень быстро поднимаю рюкзак и сгребаю туда с крыльца все свои вещи. Сбегаю вниз по ступенькам и подбираю банку с консервами. Поднимаюсь снова и торопливо подхожу к серой металлической двери. Очень осторожно тяну её на себя и шагаю внутрь.

Проходная с рамкой. Прохожу через неё, мимо ещё одного гвардейца, видимо, того, с которым говорили по рации. Быстро окидываю взглядом место, в котором оказался. Небольшой зал с каменным бюстом Президента посередине. Из зала наверх уходит широкая лестница. По ней спускаются ещё два гвардейца и что-то между собой обсуждают про учебку и про новобранцев. Справа замечаю то самое окошко для документов за стеклом, и тут же направляюсь к нему.

— Здрасьте, - говорю в окошко молодому гвардейцу без балаклавы, сидящему за компьютером. - Я курьер, документы принёс.

— Где? - таким же стальным голосом спрашивает тот.

Я просовываю синюю папку в окошечко:

— Вот.

Он забирает папку и смотрит на меня:

— Тебя кто так учил разговаривать, малыш? Хочешь на каталке отсюда уехать?

Наученный в метро, я тут же соображаю, в чём дело:

— Нет, господин гвардеец! Виноват, господин гвардеец! Пожалуйста, не выгоняйте меня!

— Так-то лучше.

Открыв папку и заглянув в содержимое, он ухмыляется и что-то вбивает в компьютер, а из-за спины раздаётся грохот и чей-то крик. Я машинально оборачиваюсь. Дверь в коридоре противоположного крыла приоткрыта, и оттуда доносится:

— Кто с тобой был, сучонок!!! Ты не один это рисовал! Вас двое было!

— Господин гвардеец, пожалуйста! Я ничего такого не имел в виду, честное слово! Я был один! Я просто уличный художник! Я…

— Врёшь, ублюдок!!!

Раздаются звуки ударов, крики и стоны. Дверь с грохотом захлопывается, и звуки становятся тише, а я замечаю, что у бюста Президента нет затылка - лица с обеих сторон. К нему нельзя подойти сзади. Его нельзя застать врасплох.

— Эй! - слышу я из-за окошка, вздрагиваю всем телом и оборачиваюсь. - Документы приняты. Свободен.

Стиснув рюкзак руками и прижимая его к груди, я прохожу обратно через рамку, толкаю локтем дверь и быстро, не глядя по сторонам, прохожу по крыльцу, спускаюсь по ступенькам и отхожу всё дальше от этого очаровательного места. Я свободен. Пока свободен. Но если это был специально спланированный урок для новоприбывшего, то это хороший урок!

Дохожу до тротуара и иду направо по улице. Фуух! Хорошо, что додумался баллончик выложить. Стоп! Баллончик! Я забыл про него!

Разворачиваюсь и дохожу до урны. Роюсь рукой внутри и нахожу свою «заначку» среди жестяных банок, сигаретных пачек, каких-то бумажек, оторванных страничек из блокнота… И тут меня словно молнией прошибает. Записка от Крота! С телефоном. Она всё это время была у меня в кармане.

Быстро захожу за угол, чтобы меня не было видно с опорного пункта, и судорожно нащупываю в кармане джинс сложенный вчетверо листок с телефоном Крота. А если бы его у меня нашли? А если бы спросили, чей это номер? Прижимаюсь спиной к стене и покрываюсь холодным потом. А ведь могли. И что бы тогда было? Ох, Марк, так нельзя! Здесь надо быть собраннее! Ты слишком расслабился. Ну-ка давай, соберись, и выучи этот номер наизусть прямо сейчас.

Я стою несколько минут и заучиваю номер. Прохожу ещё один квартал, вспоминаю номер, сверяюсь с записью. Запомнил. Поворачиваю на перекрёстке налево и иду ещё квартал. Снова проверяю себя. Ну всё, теперь точно не забуду. Достаю зажигалку и сжигаю бумажку с номером. Аллилуйя! Теперь улик нет.

Замечаю рядом ларёк. Но не с сигаретами, а с газетами и журналами. Надо бы хоть почитать, что пишут. Ознакомиться с обстановкой. Стою и рассматриваю газеты. На каждой из них на первом листе либо фотография Президента, либо статья о Президенте. «Президент помиловал…», «Президент наградил…», «Президент подписал…». И тут вдруг вижу жёлтого цвета журнал с надписью «Работа». Подхожу к окошку и спрашиваю про него:

— А это, сынок, объявления о работе. Еженедельник, - говорит мне старушка из темноты ларька.

— А про жильё есть такое же?

— Да, вот: «Недвижимость». Тоже раз в неделю выходит.

— Класс! Давайте «Работу» и «Недвижимость». И газету, вот эту, с портретом Президента. Сколько будет стоить?

— По одной фишке они стоят, итого три.

Забираю журналы и газету, и быстро просматриваю объявления о сдаче жилья. Мне нужна комната. 20 фишек в сутки… 15… снова 20… Понятно.

Складываю свою добычу в свободное отделение рюкзака, чтобы не намочить об дождевик. Иду дальше, сам не зная, куда, и через пару кварталов оказываюсь в очень любопытных местах… Нищих здесь больше, чем обычно. Надписей на стенах тоже. Вокруг пошарпаные пятиэтажки. Асфальт раздолбанный. Между двумя домами узкий проход, и там внутри - жизнь. Музыка играет, огни разноцветные горят, доносится гул голосов и весёлые крики. Кажется, мне туда! Чует моё сердце, где-то здесь играют в покер. Главное - не просадить все деньги в первый же день!

Иду по узкому тёмному переулку и встречаю на пути трёх девиц. Одна из них, с крашеными волосами, в кожаном топике и колготках чёрной сеточкой манит меня пальчиком к себе:

— Эй, красавчик! *Сэксис-тотис* не желаешь?

— Сэксис… что?

— Трахаться будешь?! - громко повторяет мне девица, как тупому, а её подружки хохочут.

— Погоди: а перед этим ты что сказала?

Она нежно кладёт мне руку на плечо и говорит на ухо:

— Милый: 45 фишечек - и я тебе всё расскажу и покажу!

— Нет, спасибо, - говорю я и двигаю дальше.

Жесть! Ну и цены!

Прохожу ещё пару десятков метров и оказываюсь в сердцевине этого злачного места. Тут всё: стриптиз, наркотики, еда, выпивка, кальяны, игровые автоматы, и даже рукопашные бои! Народу пруд пруди! У нас на восьмом круге тоже есть подобные места, но здесь совсем иначе. Тут с огоньком! Чувствуется задор, который на восьмом круге напрочь отсутствует. У нас угрюмо и сурово, а здесь весело! Надо бы, по-хорошему, выпить чего-нибудь. Чёрт, Марк, ведь ты ещё даже хату не нашёл, что у тебя в голове!

Подхожу к кассе у игровых автоматов и спрашиваю у кассирши, где тут играют в покер, но она не знает. Выхожу разочарованно на улицу, и вдруг вижу на противоположной стороне молодого парня. Он стоит на углу и внимательно рассматривает прохожих. Барыга! Уж он-то тут знает всё.

Встаю рядом с ним и демонстративно закуриваю.

— Братишка! Поделись сигареткой! - говорит он дружелюбно.

Я протягиваю ему сигарету из пачки. Даю «огоньку».

— Чё, - говорю, - не рыбный день сегодня?

— Да ваще пипец! Просто полный голяк! Проклятый день какой-то. Народ, видать, по тяжёлым решил ударить.

— А ты чем торгуешь?

Он показывает свой товар, и среди него находится и то, что мне знакомо, и неизвестное всякое. В-основном стандартный набор «лёгких» и «средних».

— Возьмёшь чё-нибудь? - спрашивает он с надеждой.

— Да я бы и взял, но я чёт на мели малость.

— Бывает… - улыбается он.

Протягиваю ему руку:

— Марк.

— Мокрый. Оч приятно!

— Слышь, Мокрый: а где тут в покер играют, не знаешь?

— Хех, на мели, называется!

— Так мне не щас, а… когда подзаработаю, - отмазываюсь я.

— Ну вон там, по той лестнице, на третьем этаже есть заведение, там точно играют.

Квартал здесь «многоуровневый» - тут и там железные лестницы на второй, на третий этажи. Кое-где даже с площадками на улице, на которых тоже движуха.

— А пойдём я тебя пивом угощу, Мокрый! Расскажешь мне хоть, чё тут, да как. А то я недавно здесь.

— О, это дело, братишка! Пошли!

Мы поднимаемся, громыхая ногами, по железным ступенькам на небольшую площадку на втором этаже.

— Так ты, значит, новоприбывший? - спрашивает Мокрый по дороге.

— Ну да, сегодня только заехал.

Поднявшись, мы заходим с площадки в маленький уютный барчик и заказываем пиво, а я заодно ещё беру жареную картошку и куриные наггетсы.

— Ты с четвёртого? - спрашивает Мокрый.

— С пятого.

И я травлю ему ту же байку, что и всем остальным.

— Ништяк! - говорит Мокрый. - Я б тоже хотел научиться в покер играть.

— А ты не умеешь?

— Ха-ха! Уметь-то как бы умею, тока проигрываю всё время!

Нам приносят пиво, и мы стукаемся кружками. За встречу!

— Как тебе местный пивас? - спрашивает мой новый знакомый после того, как я делаю глоток.

— Годный, - говорю. - Скажи: с жильём тут чо как? В этом квартале дорого пади?

— Здесь дорого? - ухмыляется Мокрый. - С чего ты взял?

— Ну... тут, наверное, много криминальных авторитетов тусуется, все при деньгах, не?

— Нифига подобного! Приличные, состоятельные люди отсюда держатся подальше. Так только, развлечься приходят... А живут ближе к стене. Вот там дорогие районы. А здесь если хочешь, есть хостелы дешманские - хоть обснимайся! Не знаю только, зайдёт ли тебе такое...

— Дешманские - это сколько?

— Ну за десять круглых за ночь койку-место снимешь. А если сразу за неделю заплатишь - так и дешевле будет.

— Опа! Это разговор! Покажешь, где?

— Конечно, братишка, не вопрос!

Мы выпиваем ещё. И ещё. Я закусываю хрустящей картошечкой и нагетсами, и делюсь с Мокрым.

— Слушай, - говорю, взглянув на часы. - Ещё ведь только пол-восьмого вечера, а тут уже такое веселье. Это что ж ночью-то будет?

— Да, ночью тут жара.

— Ну так может рано ещё расстраиваться? Ближе к ночи наверстаешь.

Мокрый складывает ладошки над головой:

— Пусть боги мне помогут!

— О, я как раз хотел спросить…

— Чего спросить?

Вытягиваюсь к нему поближе и говорю, понизив голос:

— Ты про богов чё-нибудь знаешь? Ну, про тех, наверху?

— Чувак, да я с ними даже на связь выходить могу!

— Да ну, серьёзно? Это как?

— А вот так, смотри…

Он достаёт из кармана белую самокрутку, раскуривает, хорошенько затягивается и, задержав дыхание на несколько секунд, выдыхает облако густого белого дыма. Сразу же узнаю запах. Конопля. Её ни с чем не спутаешь.

Я отмахиваюсь ладонью от дыма, который ест глаза, а Мокрый снова складывает ладони, как будто в трансе.

— И чё? - смеюсь, глядя на него. - Контакт, типа, устанавливаешь?

— Погоди, не отвлекай… По трезвяку оно плохо работает. Нужно расширить сознание. Войти в медитацию. И тогда…

— Чё тогда?

— Тогда они тебя слышат. Их можно попросить о чём-нибудь, и они помогут. Ну если в хорошем настроении.

— А если не в хорошем?

— Ну… тогда не помогут.

— А как ты понимаешь, что это именно *они* тебе помогли?

Мокрый смотрит на меня покрасневшими глазами, как на младенца:

— А зачем мне это понимать?

— Ну, вдруг это просто твои фантазии?

— И чо?

— Ну, фантазии твои могут, типа, противоречить реальности.

Мой знакомый взрывается хохотом. Я даже не пытаюсь его остановить. Под травой человек может смеяться очень долго, причём по любому поводу.

Мокрый делает попытку остановиться, но его накрывает новый приступ хохота. Я в это время просто попиваю пивко и тоже улыбаюсь. Его смех хоть и укуренный, но заразительный.

Наконец, ему удаётся остановиться:

— Мои фантазии… как там сказал… бля, напомни!

— Противоречат реальности.

— А, точно… Противоречат, да?

— Типа того.

— Ну раз… противоречат… то в жопу твою реальность.

— Хм…

— Я серьёзно, чувак! В жопу реальность! Что такого хорошего в этой твоей реальности, что ты за неё так цепляешься, а?

— Я, может, и рад был бы не цепляться, Мокрый… если бы она была только моей.

Каким-то чудом в этот вечер мне удаётся не напиться, а Мокрому - не укуриться в хлам. Ближе к ночи он приводит меня в заведение под названием «Хостел у Рамзеса». Он стучит кулаком в железную дверь. Открывается маленькое смотровое окошечко, и в нём показывается широкая смуглая физиономия:

— Щё стучишь, брат?

— Здоров, Рамзесик! Квартиранта тебе привёл!

— Ооооу! Какой маладэц!

Дверь открывается, и толстый волосатый Рамзес встречает нас, как давно невиданных родственников. Мы с ним быстро договариваемся о цене - десять фишек за ночь, как Мокрый и обещал. Мы с Мокрым обнимаемся напоследок, и Рамзес проводит меня в тесную комнатушку с двумя двухэтажными кроватями, сколоченными из толстых листов фанеры. Оба нижних этажа заняты темнокожими парнями неизвестной мне национальности. Впрочем, национальность Рамзеса тоже остаётся загадкой. Выбираю приглянувшуюся верхнюю койку. Скидываю задрипанное старое одеяло и застаю врасплох рыжего таракана. Он бросается наутёк, но я прихлопываю его ладошкой и щелчком пальца сшибаю на пол со своей территории. Кладу рюкзак в ноги, ловко запрыгиваю наверх и заглядываю под тощую подушку - нет ли там ещё кого-нибудь. Взбив подушку, плюхаюсь в неё головой. Поворачиваюсь, и гляжу вниз на одного из соседей:

— Мужики, а клопы тут есть?

— Не, - отвечает сосед, задумчиво глядя в потолок. - Клопов не водится. А жаль…

— Почему жаль?

— С клопами дешевле было бы…

Я провожу пальцем по потолку и, не раздеваясь, накрываюсь одеялом.

— Ладно... - говорю. - Тараканы за десять меня устроят.

Просыпаюсь ближе к девяти утра. Тут же вскакиваю с кровати - у меня же куча дел! Неизвестно, правда, в какое время тут жизнь начинается, ну лучше быть на ногах пораньше. Оба моих соседа свалили и наверняка уже вкалывают вовсю.

Иду в умывальник. Чищу зубы перед грязной, заплёванной раковиной и треснутым зеркалом. Душа здесь нет. Ничего, к такому не привыкать. Надо найти рынок - в забегаловках есть слишком дорого, лучше покупать продукты и готовить самостоятельно. Правда, у Рамзеса негде готовить, так что нужно будет поискать хостел с кухней. А ещё надо работу найти! А для этого нужна связь! Мысли роятся в голове. Дел целая гора. Кажется, я начинаю ускоряться и входить в местный ритм.

Захватив рюкзак, выхожу из общаги. Утро от вечера в Подземелье можно отличить только по количеству людей на улице и по их виду. Если людей немного, они трезвые, сосредоточенные и куда-то торопятся - значит, утро.

Но в нашем трэш-квартальчике никто никуда не торопится. Здесь тихо и пусто. Лишь пара бродяг лежит прямо на тротуаре, там, где их застиг сон. Перешагиваю неподвижное тело одного из них, иду мимо разбитых бутылок и мусора. Аромат разлитого алкоголя смешивается с кисловатым запахом чьей-то блевотины. Я будто побывал на дикой пьяной вечеринке, и поутру, проснувшись с неожиданно ясной головой, стремлюсь поскорее смыться отсюда в какое-нибудь более приличное место.

Выйдя на широкую улицу, вижу, что жизнь уже кипит вовсю. Десятки автомобилей проносятся мимо, прохожие спешат, магазины открыты. Спрашиваю у встречных про рынок, и мне тут же показывают направление. Кажется, он неподалёку.

По дороге пытаюсь составить в голове список покупок. Макарон надо купить да крупы какой-нибудь. И сухарей, наверное. Чего-то такого, что не испортится быстро. Консервы у меня пока есть, так что на первое время хватит перекантоваться. Перехожу широкую улицу по подземному переходу. В переходе замечаю ларёк с канцелярией. Вспоминаю, что у меня в рюкзаке есть ручка и блокнот. Перекладываю их поближе, во внешний карман, чтобы быстро доставать и делать записи.

До рынка дохожу довольно быстро. Большой павильон, а внутри - торговые ряды. Народу много. Все суетятся, покупают, продают, спорят, договариваются. Вижу много свежих овощей. Лоток с сухофруктами. Их можно было бы купить, они долго хранятся. Подхожу, узнаю цену и понимаю, что мне это сейчас совсем не по карману. Прохожу мимо лотка с шаурмой, сглатывая слюну. Есть хочется так, что аж живот сводит! Я ведь ещё не завтракал. Самое время. Но день я решаю начать не с шаурмы, а с жареных пирожков - они тоже вкусные, а стоят гораздо дешевле. Проглотив два пирожка и залив сверху горячим сладким чаем, продолжаю исследовать местный рынок. При этом чувствую, что привлекаю к себе внимание. Пока я выбираю, где повыгоднее купить макароны и куку-

рузную крупу, ко мне то и дело подходят всякие мутные типы, предлагая то наркотики, то ворованные шмотки, то заработок, но такой, что даже думать не хочется. Но от одного из таких типов я вдруг слышу важное слово «мобила». Оборачиваюсь и спрашиваю, нет ли чего подешевле, а он в ответ зовёт меня в дальний конец рынка. Я быстро покупаю нужные мне съестные припасы, и отправляюсь вслед за этим парнем. Мы подходим к небольшому лотку. На нём разложены мобилы разной степени изношенности. Все они, конечно, потрёпанные жизнью, и наверняка краденные. Но мне главное, чтобы аппарат работал. Вижу пару знакомых моделей, о которых точно знаю - они крепкие и часто переживают своих хозяев. Лишь бы аккумулятор был не убитый, но и его можно при случае заменить. Спрашиваю про цены и понимаю, что меньше, чем за 50 фишек, мне тут ничего не продадут. Сколько же тогда стоит приличный, неворованный телефон? Есть ли они тут? У нас на восьмом круге абсолютно любые телефоны продаются только вот так, с лотка. Или с рук. Но здесь-то всё иначе. Тут может быть, прости господи, даже магазин с телефонами есть! Это надо выяснить. И точно не стоит бросаться на первое предложение. Подумав об этом всём, я прощаюсь с лотошниками и иду на поиски магазина с телефонами.

Искать долго не приходится. Чуть отдалившись от продуктового рынка, я мигом нахожу рынок электроники. Он гораздо чище и солиднее продуктового, и состоит из небольших магазинчиков, каждый из которых посвящён какой-то теме: компьютеры, бытовая техника, связь. Хожу и разглядываю всё это, словно в музее. Столько электроники в одном месте я ещё никогда в жизни не видел!

Зайдя, наконец, в магазин сотовой связи, я быстро понимаю, что 50 фишек было отличным предложением. Здесь цены начинаются с 90, причём за самую задрипанную модель. А есть ещё смартфоны! Это просто космос! Большая плоская лопата с цветным сенсорным экраном, и кнопки показываются прямо на нём. Очуметь! Я такой видел разок у одного из криминальных авторитетов. А здесь их прям пощупать можно! Под пристальным взглядом охранника. Но ценник! Ценник тоже космический. Пистолет можно купить.

На этом рынке охрана гораздо жёстче, и никакие мутные типы за всё время моей экскурсии ко мне не пристают ни разу. Но стоит выйти на улицу, как стоящий рядом парень в чёрной куртке тут же подзывает меня коротким свистом. Оглядываюсь. Он подмигивает:

— Мобилу ищешь, братишка?

— Ну типа того.

— Дорого, да?

— Ваще пипец.

— У меня дешевле есть. Серые.

— Ворованные?

— Ворованные - это чёрные. Серые - тоже могут быть ворованные, но они «отмытые». То есть, по ним дело закрыто, у ментов выкуплены.

— И сколько?

— Ну вот такой, - он достаёт из кармана кнопочную мобилу, неплохую на вид, - за шестьдесят.

Вздыхаю и качаю головой. Времени искать телефон подешевле у меня особо нет. Мне связь нужна, чтоб работу найти. Не буду же я по каждому объявлению на адрес приходить. Так никакого времени не хватит.

— А точно работает нормально?

— Смотри.

Парень набирает номер и звонит кому-то. Протягивает телефон мне. Я осторожно беру его в руки, разглядывая со всех сторон, и прижимаю к уху:

— Алло.

— Здравствуй, друг! Хорошо слышишь?

— Да, звук есть, - я поднимаю взгляд на парня. - А батарея норм?

— Три дня держит, если много не трепаться. А если много, то полтора.

Кладу трубку.

— Ладно. По рукам.

— Супер! Дай трубу на секунду, мне надо симку достать.

— Симку достать?

— Ну конечно! Симка-то моя. А у тебя своя должна быть.

— У меня нету. А где тут её взять? На рынке?

— Да вот тут же, в салоне сотовой связи. Приходишь и покупаешь. Десятку стоит. Паспорт с собой у тебя?

— Да, с собой.

— Ну и всё! Оформишь за пять минут - и будешь на связи! 60 фишек с тебя.

Я отсчитываю ему деньги, мы жмём друг другу руки, и он уходит с заработком, а я - с телефоном. Захожу обратно на рынок, как он советовал, и иду в тот самый магазин, где недавно рассматривал смартфоны.

— Мне нужна сим-карта, - говорю я продавцу.

— Паспорт и регистрацию, пожалуйста, - вежливо отвечает он мне.

Я кладу на стойку свой паспорт и бумажку, которую мне выдал гвардеец на 41-х воротах.

— Это не регистрация, - говорит он. - Это справка о временном пребывании. По такой сим-карта не выдаётся.

— А как эту регистрацию получить?

— Либо хозяин квартиры даёт, либо работодатель.

— А без этого совсем никак? - спрашиваю я, как дурачок, которым, собственно, и являюсь. Продавец лишь молча качает головой.

Твою мать…

Выбегаю на улицу, в надежде поймать того парня, который продал мне телефон, но куда там - его уже и след простыл. Он ведь наверняка знал, что мне по одному паспорту симку не дадут! Знал, но не сказал, сучонок, ведь ему нужно было впарить мне телефон. Чёрт!

Так… Надо подумать. Телефон, по крайней мере, у меня есть. И вроде даже рабочий. Симка… про неё надо спросить у тех барыг, что на продуктовом рынке. У них там чёрные телефоны. Наверняка и симки тоже есть!

Но с барыгами меня ждёт облом. Когда я спрашиваю их про левые симки, они только разводят руками. Выясняется, то здесь с этим всё очень строго. Левую симку, конечно, если очень постараться, то можно найти, как и всё в Подземелье. Только стоить такая симка будет, как два смартфона.

Ну класс! И чё теперь делать? Замкнутый круг получается: чтобы найти работу, нужна симка, а чтобы получить симку - нужна работа!

Плетусь по улице, сам не понимая, куда, и закуриваю на ходу сигарету - одна радость. Что ж теперь делать, Марк? Ходить по адресам ногами в поисках работы? Больше пока ничего не остаётся. А денег-то осталось совсем негусто. Фишек пятьдесят, наверное. Даже пересчитывать не хочется, чтобы не расстраиваться. И чё? Идти играть? Так можно ведь вообще с нулём остаться! И где тогда ночевать? Рядом с этими бомжами, которые на улице валяются? Мда…

В этих невесёлых мыслях я бреду и бреду по улице, поглядывая изредка на объявления, приклеенные к стенам и к фонарным столбам, и не видя там ничего особенно ободряющего. Официальную работу никто не предлагает, а заниматься нужно при этом каким-то леваком, за который меня отсюда вышвырнут ещё раньше, чем у меня закончится моя «справка о временном пребывании».

Вижу впереди сияющее стеклянное здание. Разноцветные голографические вывески пляшут и переливаются, по ним бегут надписи, а вокруг искрятся белые стробоскопические лампы. Не уж то казино! Вот это класс! Хотя, удивительного тут мало - здесь таких заведений должно быть на порядок больше, чем в наших краях. Но это явно знак! Надо туда хотя бы заглянуть. Уж не знаю, пустят ли меня с моими скромными пожитками. Но почему бы не попробовать!

Поймав какое-то странное, из ниоткуда взявшееся вдохновение, я прибавляю шагу. Видать, соскучился по игре. Меня прям так и тянет за покерный стол! Чувствую, что мне должно повезти! Плохо такое вдохновение может закончится, мне ли не знать, но поделать с собой я уже ничего не могу. Меня туда притягивает, как магнитом.

И вот сверкающее здание уже совсем близко, и я вижу целиком горящую на вывеске надпись «Casino» и ниже надпись «Игры Богов». Вот так название! Ну мне точно туда!

Торопливо перебегаю через дорогу и оказываюсь уже перед самим крыльцом, как вдруг слышу над головой знакомый жужжащий звук. По спине пробегают мурашки. Мне даже не нужно поднимать голову, чтобы понять: это дрон. Дрон федералов. Кого же ещё! Только что он здесь делает?

Я замедляю шаг, а из казино в это время выходит упитанный дядька в жёлтой футболке, с толстой кожаной барсеткой в руке, оживлённо разговаривая по телефону. Он идёт бодрым шагом к ярко-жёлтому приземистому спортивному авто под цвет футболки, которое стоит, наверное, как пол-казино, пиликает, вытянув руку, электронным ключом. Но тут на тротуар влетает чёрный минивэн, из него выскакивают двое гвардейцев и кладут дядьку мордой в асфальт, ловко завернув руки за спину и заковав в наручники. Они шарахают его шокером в шею, чтобы он не дёргался. Один берёт его под руки, а второй - за ноги. Оба встают и быстро вносят его в минивэн. Всё занимает какие-то секунды. Дверь захлопывается, и чёрный микроавтобус в одно мгновение исчезает прочь, оставив от жёлтого дядьки только один след на асфальте - телефон. Чёрный, прямоугольный телефон.

Я стою, как вкопанный, и вдруг понимаю, что у меня есть от силы пара секунд. Я даже не пытаюсь о чём-то думать, что-то просчитывать. Я бросаюсь на телефон, как кошка на мышь, хватаю его обеими руками и даю такого дёру, какого давненько уже не давал!

Да, за мной следит дрон (хотя, может его и нет уже). Да, охранник на крыльце всё видел. А ещё рядом была парочка прохожих, которые тоже видели. Да, возможно, полиция уже едет за мной следом. Но я несусь по тротуару, позабыв обо всём! По улицам, через перекрёстки на красный свет, через подземные переходы. Неплохо бы сейчас оказаться на рынке, но он у меня за спиной, да и много ли это даст?

Я сворачиваю в узкие переулки, пытаюсь смешаться с толпой, и мало помалу, сбавляя шаг, переводя дыхание и потихоньку оглядываясь по сторонам, начинаю понимать, что, кажется, никакой погони за мной нет.

Мысли приходят в порядок. Мужика взяли федералы. Значит, что-то крупное. И значит, что о его телефоне, скорее всего, не беспокоится ни одна живая душа. Его наверняка уже возят рожей по кафельному полу «Опорного Пункта Президентской Федеральной Гвардии», и где там его телефон - какая им разница? Если только на нём нет каких-нибудь улик… А что, если есть?…

Достаю из кармана чёрный плоский смартфон. Жму на единственную кнопку. Загорается экран с клавиатурой. «Введите код». Четыре цифры. Оглядываюсь по сторонам, не смотрит ли кто? Пытаюсь угадать код. 1111. 2222. 1234. Всё не то. После нескольких попыток экран блокируется. «Повторите попытку через 5 минут». Понятно. Воспользоваться им для себя я не смогу. Так может, просто скинуть его? Пока не поздно. Пока за мной не приехали на чёрном минивэне.

Захожу в подземный переход. Здесь как-то поспокойнее. Здесь меня не увидит летящий в небе дрон. Прижимаюсь спиной к стене. Думаю.

Скинуть или нет? Или быстренько толкнуть кому-нибудь? Стоп! Там же есть сим-карта! Точно! Достать сим-карту, вставить к себе в телефон - и у меня будет связь! Ну-ка, где она тут?

Я верчу смартфон со всех сторон, но он, кажется, полностью запаян. Нет никакой крышки, которая открывалась бы, как у кнопочного телефона. Как же он работает? Как аккумулятор менять? И как симку вставлять? Ничего не понимаю… И тут вспоминаю тех мужиков на рынке, с ворованными мобилами. А они ведь не так далеко. Я всего пару кварталов оттуда махнул. Вернуться? Стою и раздумываю, глядя в пол. И вдруг…

Вдруг снова слышу тот самый жужжащий звук! Вздрагиваю всем телом! Звук откуда-то справа, изнутри перехода. Смотрю туда… Фуууух!… это просто электрические игрушки, которыми тут приторговывают. И звук у них совсем не такой. Нервишки сдают. А ты точно сможешь, Марк? Или лучше скинуть эту трубу где-нибудь тут, в переходе, да убраться подальше? Может, ну его нафиг, а?

Стою и кусаю губы. Мимо проходят две подружки, о чём-то весело болтая. Одна из них кидает на меня быстрый взгляд, и они идут дальше. Вроде не выгляжу особенно подозрительным. Бросить, не бросить?…

Да какого чёрта! Он стоит, как слиток золота! А у меня 50 фишек в кармане. Я же только что хотел в казино! Хотел рисковать! А тут вдруг сдулся? Нееет. А ну-ка соберись, сопляк! Быстрый спринт до рынка, а там разберёмся. Только не бегом.

Выдохнув, выхожу на улицу и иду к рынку, но не тем маршрутом, которым бежал, а параллельным. Поглядываю в тёмное небо, пытаясь разглядеть там летящие огоньки и распознать тот самый, неприятный звук. Но нет, всё чисто. Вроде… Вижу впереди полицейскую машину. Она несётся навстречу с сиреной и мигалками. Делаю каменное лицо и иду вперёд, как ни в чём не бывало. Машина проносится мимо. Да никому ты не нужен, Марк! Расслабься.

Поняв, что немного запутался, спрашиваю прохожих про рынок, и быстро нахожу нужный путь. На рынке я оказываюсь скорее, чем успеваю опомниться от своих приключений.

Долго искать мобильщиков не приходится - они тут как тут.

— Ну что, братишка, надумал покупать трубу?

— Пссст! - подзываю я продавцов в ответ, и мы отходим вглубь их лотка, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Я показываю им своё сокровище:

— Почти нулёвый, мужики. Толкнуть хочу, по-бырому.

— За сколько?

— За девяносто.

Торгаши переглядываются, округлив глаза. Для такого аппарата это ж почти даром!

— А ты его где взял, братан? Свистнул? У кого?

— Да не знаю я, у кого. Он потерял, а я нашёл, - строю я дурочку, конечно же не собираясь им рассказывать всей истории.

Мужики снова понимающе переглядываются.

— Дай посмотреть, чё внутри, - тянет руку один из них.

— Тщщщ! Денежки вперёд, - говорю. - А ещё мне оттуда симка нужна. Только не знаю, как достать.

— Погнали к Павлику, - говорит самый авторитетный из них, с хриплым голосом и опухолью на шее размером с кулак. - Он эту лопату мигом вскроет. Только это надо прям щас провернуть, пока за ним не пришли! Кто попало таких не держит. Может так прилететь, что мало не покажется!

Пацаны кивают.

— Руфик, ты здесь останься, а мы с Вазгеном сгоняем, - говорит главный, и оборачивается ко мне. - Погнали. Здесь, недалеко.

— Ну погнали, - говорю.

Мы выходим с другой стороны рынка и садимся в старую раздолбанную тачку. Кое-как, кряхтя и охая, тачка заводится. Меня сажают спереди, на пассажирское сиденье, Вазген водителем, мужик с опухолью - сзади.

— Ты его выключи пока, - слышу я хриплый голос.

— Да не могу я! Он запаролен. С ним ничё не сделать.

— Ладно. Павлик ща разберётся.

Долго ехать не приходится. Проезжаем квартал и оказываемся в месте, которое по смыслу напоминает промзону на нашем круге, только, конечно же, поцивильней и почище. Идём мимо лотков и гаражей. Останавливаемся у мастерской с вывеской «Ремонт электроники», и заходим внутрь.

— Здоров, Павлик! - хрипит главный.

— Здрасте, - отвечает ему худощавый китаец из-за рабочего стола, не отрывая глаз от своих дел.

На столе валяются разные устройства и приборы, клубки проводов, паяльник, лампы с двух сторон, стоит открытый ноутбук.

— Братуха, нам надо лопату быстренько расконопатить, поможешь?

— Чё за лопата? - он поднимает раскосые глаза.

— Покажи, - подталкивает меня локтем мой покупатель.

Выкладываю на стол смартфон. Павлик аккуратным, но уверенным движением берёт его в руки, вертит со всех сторон, включает экран, тыкает кнопки, и кивает головой:

— Стандартная цена. Здесь ничего сложного. Делаем?

— Давай!

Павлик снова кивает, и зажимает центральную кнопку и какую-то ещё одну, сбоку. Экран темнеет. На нём появляется, что-то, чего я там раньше не видел. Китаец что-то колдует на появившемся экране.

— Только мне симка оттуда нужна, - говорю я.

Не говоря ни слова, Павлик берёт булавку, тыкает ей сбоку в телефон и тут же, как фокусник, на моих глазах достаёт из телефона сим-карту, протягивает мне, и продолжает с телефоном.

Я, не веря своему счастью, достаю свою кнопочную мобилу и открываю её, чтобы вставить симку.

— Не подойдёт, - говорит Павлик. - Переходник нужен. Ща дам…

Выдвинув ящик стола и порывшись там, он достаёт и протягивает мне небольшую пластиковую рамочку:

— Вставь туда симку, а потом заправляй в телефон. Только не включай пока.

Я делаю то, что он сказал, и пока я вожусь со своим телефоном, у Павлика уже всё готово. Он протягивает смартфон мне. Я оглядываюсь на торгашей:

— Девяносто фишек, господа.

Пару мгновений мы пристально смотрим друг на друга.

— Вазген, отсыпь ему.

Получаю свои деньги от Вазгена и отдаю им телефон. Поворачиваюсь к Павлику:

— Теперь можно включить?

— Ты этот аппарат где взял?

— На улице нашёл, - отвечаю, подмигивая.

— Просто, если его ищут, то по сим-карте тебя можно найти. Когда телефон подключается к сети, менты могут узнать, к какой вышке ты подключен. Понимаешь?

— Понимаю. А если телефон выключен?

— Тогда нет.

— Принято. Буду знать. Ну, - оглядываюсь я на своих покупателей, - успеха, мужики!

— И тебе, брат, - отвечает хриплый. - Приходи ещё.

Выхожу на улицу, кладу телефон и деньги в карман, и отправляюсь, куда глаза глядят. Вспоминаю ещё разок хриплого. С такой опухолью он мог бы сидеть и милостыню просить, а он - нет, делом занят. Уважаю таких.

Надо бы поесть, уже время обеденное. А заодно и прозвонить работодателей. Выхожу на широкую улицу и иду по ровному тротуару, рассматривая разноцветные вывески и портреты Президента. Поглядываю по сторонам: не ищет ли меня кто? На этот раз смотрю заведение посолиднее, чтобы ко мне за обедом не приставал никто.

Нахожу симпатичное кафе с видом на улицу и двумя этажами. Захожу, и сразу чувствую приятный сладковатый кофейный запах. Подхожу к стойке. Первое, что бросается в глаза - большая кофемолка с зерновым кофе. Офигеть! Первый раз такое вижу!

— Вам подсказать что-нибудь? - спрашивает девушка в чёрной блузке и белом фартуке за стойкой, улыбаясь.

— У вас… пообедать можно?

— Да, конечно!

Замечаю меню на стойке и заглядываю в него: вроде есть, чем подкрепиться, хоть и цены слегка безумные.

— Вы садитесь, я принесу меню, - говорит девушка приятным голосом.

— А наверх можно?

— Да, разумеется!

«Разумеется». Слово, знакомое мне только по книжкам и услышанное вживую в первый раз.

Поднимаюсь на второй этаж и сажусь за стойку возле окна, оглядываясь по сторонам. Народу не много, и публика вроде адекватная, никаких Кенанов здесь нет. Гляжу в окно, рассматриваю огни города и мелькающие под ногами машины. Приятно!

Официантка приносит меню. Заказываю кофе, сэндвич с ветчиной и яичницу с картошкой фри. Стоить это будет 29 фишек. Кошмар… Ладно, побалую себя разок!

Официантка уходит, а я достаю из рюкзака справочник с работой и начинаю листать страницы. Ищу объявления с официальным трудоустройством. Негусто. Совсем. Но кое-что есть. Достаю авторучку и начинаю обводить те объявления, которые могут мне подойти. Перелистываю одну страницу за другой, изредка делая пометки.

Мне приносят сэндвич и кофе. Делаю глоток. Ох, хорошо! Вот, оказывается, каков на вкус настоящий зерновой кофе! Он совсем другой. В наших краях я такого вообще никогда не видел и не пробовал - всё делается из порошка.

Попиваю бодрящий напиток, закусывая сэндвичем, поглядываю в окно и прохожу до конца весь справочник. Итого есть пять объявлений, подходящих мне. А ты чего ждал, Марк? Что тут работников не хватает? Ладно, идём по порядку. Где там первое?… «Офи-

циант». Правда, нужен опыт. Но ведь он у меня есть, не правда ли? Включаю телефон и жду, когда сеть появится. Набираю номер.

— Алло, - слышен чей-то грубый хриплый голос.

— Здравствуйте! Я… насчёт объявления. Официант.

— Вакансия закрыта.

Щелчок и гудки. Понятно. Что там дальше? «Кассир». Как-то давно в детстве мечтал быть кассиром. Но постоянно наблюдая ограбления магазинов, я всё же передумал. Звоню.

— Магазин «24 на 7», отдел персонала, - отвечает женский голос.

— Здравствуйте, я по поводу вакансии, кассир.

— Да, слушаю.

— Ну… это… Хочу прийти и… начать работать. Что для этого нужно?

— Сколько вам лет?

— Семнадцать.

— Извините, принимаем только с восемнадцати лет.

Связь обрывается. Мда… А чё в справочнике об этом не написано? Чёрт, почему не сказал, что мне восемнадцать! Ну хоть извинились… Так, дальше. «Разнорабочий на складе». О! Вот это точно про меня! А ну ка!

— Склад, слушаю, - раздаётся протяжный усталый мужской голос.

— Здравствуйте! Я по поводу вакансии, разнорабочий.

— Ну?

— Хочу работать у вас!

Голос смеётся:

— А что умеешь? Какой опыт?

— Я разнорабочим был на автосервисе. Ну и на складе грузчиком работал.

— Сильный, значит?

— Не - умный.

— Во как! - раздаётся снисходительный смех в трубке. - Ну приходи, умный. Посмотрим на тебя. В 17:00 сможешь?

— Смогу!

— Адрес знаешь?

— Знаю.

— Ну всё тогда, жду. Придёшь - попросишь, чтоб к Альберту проводили.

— Принято! А у вас официальное трудоустройство?

— Ты приезжий?

— Да, - отвечаю, поджав губы. Кажется, сейчас всё сорвётся.

— Да, у нас всё по-белому.

— Здорово! Тогда до встречи!

— Угу…

Альберт кладёт трубку. Фуууух! Неплохо! Надо теперь обзвонить оставшиеся две вакансии.

Мне приносят яичницу с картошкой, а я набираю номера один за другим. Но по первому не могу дозвониться, а по второму мне отказывают. Ну что ж, Альберт, ты пока мой единственный вариант.

Доедаю свой обед и думаю: как произвести хорошее впечатление, чтобы меня не послали? Может, с причёской что-нибудь сделать? Хотя вроде с ней нечего делать. Волосы отросли после последней стрижки накоротко армейской машинкой, но ещё не настолько, чтобы висеть патлами - в самый раз. Побриться, может? Сбрить пушок с лица. Вообще, не мешало бы. Только я и бриться-то толком не умею. Ещё порежусь ненароком. Не, к чёрту! Не сейчас. Что было бы точно хорошо, так это помыться! Но где?

Выключаю телефон и спускаюсь на первый этаж, чтобы расплатиться. Заодно спрашиваю, как пройти до нужного мне адреса. Оказывается, склад находится в этом же районе, неподалёку от железнодорожного терминала.

Выхожу на улицу, по привычке оглядевшись по сторонам и взглянув в небо. У меня есть ещё несколько часов, чтобы шляться по городу. Надеюсь, за это время я не вляпаюсь ещё в какую-нибудь историю.

Конечно же, первым делом я нахожу нужное мне место, чтобы заранее знать, куда идти. Вижу большое здание с серой пластиковой облицовкой. Простое. Однообразное. Безо всякой архитектуры и украшательства. Но при этом чистое и опрятное. К воротам подъезжает грузовик. Створки ворот открываются, и машина неторопливо заползает внутрь. Конечно, это совсем не тот склад-сарай, где я работал. Тут размах совсем другой! Это даже снаружи видно.

Иду дальше. Решаю поискать железнодорожный терминал, чтобы хотя бы понять, как он выглядит. Всё, что касается движения грузов - это очень интересно! И, может быть, работа на складе - это как раз мой шанс понять, как устроены грузовые потоки в Подземелье! Ведь наверняка всё самое важное и ценное идёт через центр, и, может быть, именно через этот самый склад и через этот самый терминал!

Терминал я нахожу быстро, но посмотреть на него мне удаётся только издалека. Выглянув из-за угла ближайшего дома, я сразу вижу, что там строжайший пропускной режим, забор с колючей проволокой, железные ворота, и на улице стоят два вооружённых федеральных

гвардейца в бронежилетах и касках. Меня всего передёргивает изнутри, и я решаю, что лучше мне там вообще не светиться.

Оставшееся до 17:00 время провожу, шатаясь по району и изучая окрестности. Обнаруживаю неподалёку китайский квартал! Прям как в комиксах: заходишь - одни китайцы вокруг. В-основном там торговля и всякие забегаловки. Но я решаю туда не лезть до поры до времени, чтобы не найти случайно приключений на свою задницу в самый неподходящий момент.

Время тянется долго. Я нервничаю и скуриваю почти всю пачку сигарет до конца. Наконец, на часах 16:45, а я как раз рядом. Лучше явиться заранее. Подхожу к воротам и нахожу рядом дверь на проходную.

— Здравствуйте! Я к Альберту, по поводу работы разнорабочим.

— Разнорабочим?... - бубнит сидящий за окошком охранник в ответ и звонит по телефону.

Ему что-то отвечают. Он кивает, и смотрит на меня:

— Паспорт твой нужен.

Я даю ему паспорт, он переписывает данные в журнал, и отдаёт мне его обратно вместе с белой пластиковой карточкой с надписью «Гость».

— Приложи к турникету, проходи и стой у двери снаружи, тебя проводят.

Я прикладываю карточку. Красная лампочка на турникете становится зелёной, и я осторожно проворачиваю рогатину турникета, проходя на другую сторону. Выхожу из проходной и оказываюсь... на огромном складе. Прямо передо мной штабеля контейнеров, стоящих друг на друге. Не ящиков, а именно металлических контейнеров с каким-то хитрым запорным механизмом. Я таких никогда раньше не видал. И сами контейнеры аккуратные, гладкие, почти не царапанные. Наверное, такие возят в поездах.

Мимо проезжает погрузчик - желтый массивный электромобиль со специальными клешнями, которыми он, видимо, хватает эти контейнеры. Офигеть! Вот так склад! Просто космос!...

— Эй! Ты к Альберту на собеседование?

Оборачиваюсь. Передо мной небритый мужик в синей униформе.

— Да.

— Пошли, - кидает он и тут же направляется куда-то, а я чешу за ним следом.

Мы поднимаемся по металлической лестнице на второй этаж, точнее, на подвесную дорожку вдоль стены второго этажа. Там, походу, рабочие кабинеты. Это логично. Нижняя часть здания целиком отведена под хранение контейнеров и всего того, что трудно поднять наверх.

Мы проходим мимо нескольких окон и дверей и доходим до кабинета с надписью «Управляющий». Мужик останавливается рядом. Стучит костяшкой пальца. «Войдите»

- слышится тот самый голос из телефона. Мужик кивает мне. Я тяну дверь за ручку и захожу.

Передо мной, за солидным деревянным столом в кожаном кресле сидит Альберт - упитанный светловолосый мужчина в белой футболке с воротничком. В пепельнице на столе дымится сигарета. Рядом стоит на блюдце маленькая изящная чашечка с кофе.

— Здрасьте, - мямлю я.

— Здор**о**во, - говорит Альберт своим протяжным голосом, глядя на меня внимательным взглядом из-под светлых бровей. - Эт ты звонил сегодня?

— Я.

— Работать хочешь?

— Да.

— Разнорабочим?

— Да, разнорабочим.

— Как зовут?

— Марк.

— С четвёртого круга?

— С пятого.

— Ого! Бери стул, садись, - кивает он на железный стул, стоящий рядом с гостевым диваном.

Я беру стул и сажусь напротив Альберта, а он в это время делает глоток из чашки и затягивается сигаретой.

— А лет тебе?

— Семнадцать.

Ну а смысл врать? В паспорте дата рождения стоит.

— Семнадцать… Молодой совсем. Ну рассказывай, Марк, что умеешь?

— Да всё, что по хозяйству нужно: полы мести, мыть, убирать, по местам всё раскладывать, приносить всё, что надо…

— Ну это кто угодно умеет. А починить ты сможешь что-нибудь, если сломается? Если, допустим, вон та лампа на потолке перегорит, ты починить сможешь?

Альберт показывает через окно на длинную подвесную лампу, висящую над залом на высоте нескольких этажей. Я понятия не имею, как такие лампы чинить, и как до туда добираться. Не говоря уж о том, что мне страшно даже представить себе, что я окажусь на такой высоте.

— Я с электрикой не особо в ладах. Но зато в компьютерах смекаю, - отвечаю, кивая на монитор, стоящий на столе у Альберта.

— Да ты что! Ну и как же работает компьютер?

— Ну, процессор у него есть. Память. Материнская плата. Твердотельный накопитель. Всё это вместе соединяется - и работает. Только программы нужны, чтобы что-то полезное сделать. А программы внутри операционной системы работают.

— Хм..., - мычит Альберт, взявшись за подбородок. - Не так плохо... А с какими программами ты знаком?

— Ну, в таблички могу смотреть, в бухгалтерии немного смекаю.

— В бухгалтерии смекаешь? - смотрит Альберт, ухмыляясь, с вызовом.

— Ну да. Не бухгалтер, конечно, но...

— Вот эти часы, - показывает Альберт себе на запястье, - я купил за 60 фишек. Они продавались со скидкой 20 процентов. Какая была первоначальная цена? 45 секунд, время пошло.

— Ну... 20 процентов - это одна пятая. Значит, осталось четыре пятых. То есть икс умножить на четыре пятых равно шестьдесят. То есть икс равен шестьдесят на пять и делить на четыре, то есть пятнадцать на пять, и это будет... 75.

Альберт хлопает глазами и, глянув на часы и помолчав немного, бормочет:

— Нифига себе... На пятом круге все такие умные?

— Не, в основном нет. Я потому и свалил.

— Когда круг**о**м сильные, умным быть как-то не очень, да? - смеётся Альберт, подмигивая. - Кофе будешь?

— Буду.

— Вон в термосе стоит, наливай. И сахар клади.

Это хороший знак!

Накачиваю себе из термоса в кружку кофе, наваливаю сахара и размешиваю железной ложкой.

— Дай свой паспорт посмотреть.

Протягиваю начальнику пластиковую карточку со своей физиономией.

— Марк Малой, - смотрит Альберт и поднимает на меня глаза. - Косяков за тобой никаких нет?

— Неа.

— А если проверю?

— Проверяйте, - развожу руками и делаю глоток из кружки.

— Ладно… Хрен с тобой. Сколько хочешь зарабатывать?

Чуть не подавившись кофе, отвечаю:

— Да… я… а трудоустройство точно официальное?

— Точно, точно.

— Ну… мне… мне надо, чтоб на жильё хватало, да на еду. В-общем, и всё.

— То есть, если я предложу тебе ночевать здесь, на складе, то я смогу платить тебе меньше? - с усмешкой смотрит на меня Альберт.

— …Ну да. А тут есть, где ночевать? - говорю, похлопав глазами.

— Да вон, в соседней комнате диван есть - ночуй себе на здоровье! - отвечает Альберт шутливым тоном.

Но я вполне серьёзен:

— А помыться тут есть где?

— Хм. Тут нет, но баня есть неподалёку. Стоит недорого.

— Ну так и нормально!

— …Ты чё, парень, серьёзно?? - теперь уже очередь Альберта хлопать глазами. От удивления.

— Ну да.

— Хм! - снова берётся за подбородок Альберт. - Знаешь, а это так-то неплохо… Дополнительный человек мне здесь ночью точно не повредит.

Моя готовность ночевать здесь и работать почти за еду для Альберта явная неожиданность. Приятная неожиданность. Мы быстро договариваемся о цене и оба остаёмся очень довольными.

— Когда приступить сможешь? - спрашивает мой новый шеф.

— Сейчас.

— Ты мой зайка! Ну что ж… по рукам тогда, Марк Малой!

Мы обмениваемся крепким рукопожатием.

— Паспорт свой оставь пока мне, я тебе оформлю занятость, - он поднимает трубку телефона и набирает кого-то. - Бека. Зайди ко мне. У нас новый разнорабочий, введи его в курс дела. Жду.

Альберт кладёт трубку и погружается в компьютер, а я допиваю кофе, сидя на гостевом диване.

— А питаться тут где, шеф?

— Обеды нам привозят, а остальное - найдёшь в окрестностях, тут много мест, - быстро отвечает он, не отрываясь от экрана.

В комнату влетает парень в синей униформе.

— Бека, это Марк, - говорит Альберт, продолжая сосредоточенно смотреть в компьютер. - Покажи ему всё. Пусть приступает к работе прямо сейчас.

— Да, шеф, - отвечает Бека и кивает мне головой на дверь.

Я отправляюсь вслед за ним.

— Разнорабочий, значит? - кидает он мне через спину, пока мы идём по подвесной дорожке.

— Ну да.

Бека останавливается и поворачивается ко мне боком, держась за перила и глядя вниз на ряды контейнеров под нами.

— Это склад временного хранения. Перевалочный пункт и одновременно - диспетчерская. Здесь распределяются грузы. Их привозят из разных мест и отправляют… в другие места. Понял?

Под ногами проезжает жёлтый погрузчик с контейнером в своих клешнях. Он останавливается у одного из рядов, поднимает контейнер и ставит его сверху.

— Мы обычно не знаем, что в этих контейнерах, - говорит Бека. - И не должны знать. Особенно ты. Наша работа - передавать грузы, чтоб ничего не потерялось и не пропало. А твоя работа - нам помогать. И чтоб шеф был всем доволен. Пошли.

Мы спускаемся вниз, и Бека показывает мне всё, что мне нужно: где хозяйственное помещение, где бухгалтерия, где хранилище документов, раздевалка, туалеты, где кухня, где сервера для системы видеонаблюдения и электрощиты, где стоянка для погрузчиков и медицинский уголок, где огнетушители и пожарные гидранты. Всё это должно быть в полном порядке. Если у уборщицы тёти Жени закончилась хлорка - это моя вина, и я должен следить, чтобы такого не случилось. Если в кофемолке у шефа закончилось кофе - «ну ты понял».

На вопрос, а на какие деньги мне всё это покупать, Бека отвечает: «Узнай в бухгалтерии». В бухгалтерии говорят, что выдают деньги под конкретные нужды, и пока я не скажу, на что именно - ничего не дадут.

Остаток дня я провожу, бегая по складу с блокнотом и ручкой и отмечая, где что есть, а где чего не хватает.

Рабочий день на складе заканчивается в 19:00. Начинается в 8:00. С часу до двух перерыв на обед. Я к этому уже приучен, в метро было почти так же. Шеф уходит с работы последним, закрыв свой кабинет и раздав охране последние указания.

— Твою мать, кто окурок бросил! - слышу я возглас Альберта снизу, когда захожу в свою комнату с диваном, где я буду ночевать.

Диван хороший, мягкий! Плюхаюсь на него и лежу, глядя в квадратный подвесной потолок. Поужинать бы надо. Вспоминаю вдруг, что рюкзак свой оставил в кабинете у шефа, и теперь он там заперт и до утра мне к нему не добраться. Но деньги распиханы по карманам, так что купить еды я смогу.

Выходя наружу, спрашиваю у охранника про постоянный пропуск.

— Да, шеф велел тебе отдать, - говорит тот, и протягивает мне пустую белую карточку, взяв взамен мою гостевую.

Выхожу на улицу. Вдыхаю пыльный городской воздух. Достаю сигарету. Настроение отличное! У меня было три недели, а я нашёл работу за два дня! Просто чума! Даже не верится! Разве могут дела идти так хорошо? Только не расслабляйся, Марк! Ты должен работать, как следует! Ты должен здесь зацепиться. Чего бы это не стоило.

9

Нормальная работа в Подземелье - это счастье.

Если ты зарабатываешь деньги, не промышляя в банде, не барыжа наркотой, не занимаясь грабежом или сутенёрством и не рискуя по-серьёзному своей жизнью и здоровьем, то тебе крупно повезло.

На восьмом круге я поначалу работал бегунком в банде, но конкуренция была слишком сильная, и меня быстро выперли. Потом мы с друзьями замутили «бизнес» - собирали сигаретные бычки, вытряхивали из них остатки табака, набивали в новые сигареты и продавали их. Но эта затея тоже очень скоро накрылась. Потом я просто сидел без работы. Потом мама кое-как устроила меня грузчиком на бумажку, таскать коробки и ящики туда сюда. Сколько платили - смешно даже вспомнить. Но всё-таки… работа…

К Лёхе я попал почти чудом. Вкалывать приходилось за двоих, но многие мне завидовали. Зарабатывал я вполне терпимо, и при этом не рисковал каждый день быть избитым, покалеченным или пристреленным. Конечно, когда я тёрся в компаниях похожих на меня оборванцев, я то и дело слышал истории о том, как «один чувак круто поднялся в банде таких-то и таких-то», но на каждую подобную историю приходилось с десяток гораздо менее вдохновляющих. Так что моя спокойная и не очень прибыльная работа нравилась мне больше. Сейчас я понимаю, что я такой был вовсе не один.

Если подумать, в метро было то же самое: понятный круг обязанностей, понятный режим и распорядок. Понятно, что от тебя ждут, понятно, как это сделать, а главное - безопасность и спокойствие, как только ты понял правила игры. А правила эти не меняются.

Люди сами шли в метро. Аслан - сам пришёл. Лёху подобрали, но он был не против. И это лишь те, кого я лично знал, а их ведь было больше, и возможно, сильно больше. Уж не знаю, прав я или нет, но мне кажется, что большинство из нас хочет спокойствия, безопасности и предсказуемости. Хочет тех самых понятных правил игры, которые не

изменятся ни завтра, ни послезавтра. Только вот непонятно одно: если мы все этого так хотим, то почему же мы так не живём? Почему не договоримся между собой?...

На новом месте я вхожу в курс дела достаточно быстро. Сперва я разобрался, как работать с бухгалтерией. Тут всё просто: называешь им примерную сумму, сколько надо на хозяйственные нужды. Тебе дают деньги. Ты их должен. Когда их тратишь - берёшь чеки, приносишь и отдаёшь бухгалтерам. Из твоего долга вычитается эта сумма. Ничего сложного. Главное только чеки не забывать, а то из зарплаты вычтут.

Если чек дать не могут, тогда берёшь просто бумажку с росписью продавца. Лишь бы в бухгалтерии понимали, что это не липа. У нас так с одним китайцем, который продаёт моющее средство для полотёра. В магазине оно хоть и с чеком, но в полтора раза дороже. А от китайца я просто приношу расписку, средство и кучу сэкономленных денег. Начальство покривилось сперва, но в итоге одобрило эту схему, ведь она для всех выгодна.

Для работяг, которые трудятся на складе, я что-то среднее между мышью и тараканом. На меня даже не смотрят, и для меня главное - не попадаться у них на пути. Ну и чтоб везде был полный порядок и всё было на своих местах. Когда кому-то что-то быстро нужно, он не зовёт меня по имени, а просто кричит «Эй!» или «Эй, ты!». Иногда я слышу: «Э, малой!», и я мог бы польстить себе, думая, что меня зовут по фамилии, но я понимаю, что это, конечно, совсем не так. Они не то что фамилии - они и имени-то моего не знают.

Рабочие на складе трудятся по сменам, но у меня смен никаких нет, и я работаю каждый день без выходных. Днём нам привозят обеды прямо на склад. Кормят вполне сносно. Мы собираемся в общей кухне и едим из одноразовых бумажных лотков. Привилегии сесть за общим столом у меня нет, и я жую свой обед, тихонько стоя в уголке, но всё равно обед - отличное время! Я слышу разговоры и понемногу вникаю в дела нашей конторы и лучше узнаю своих соработников. Прошло две недели, и я уже всех знаю по именам.

Завтракать и ужинать хожу к китайцам - у них дешевле всего. Утром - кусок жареного теста с чаем, вечером - похлёбка с лапшой. Вполне приемлемо.

В-общем, спустя пару недель я живу с твёрдым ощущением, что жизнь наладилась. Каждый следующий день стал похож на предыдущий. Промахи, которые я по началу допускал, перестали происходить, ну и в целом все свыклись с тем, что я есть. Работы много, но мне радостно. До сих пор не могу поверить, что всё так удачно сложилось!

Стою за небольшим круглым побитым столиком в китайском квартале. Рядом готовят еду, от жаровни идёт приятное тепло. Пахнет стряпнёй. Смотрю на снующий туда-сюда народ, дожёвываю свою лапшу. Достаю мобилу. Сегодня я сделал себе новую симку по своей свеженькой регистрации. Я теперь человек! Шарюсь в карманах и достаю блокнот, листаю свои записи, и на последней исписанной странице нахожу телефон Мокрого. Надо позвонить. Связи и знакомства - это моё главное богатство здесь. Их нужно поддерживать.

Набираю номер. Слушаю долгие гудки. Один... Два... Три...

— Алё!

— Мокрый! Здоров, это Марк. Помнишь, который покер искал? И хостел у Рамзеса.

— …А-а-а! Марк, здоров, братишка! Рад тя слышать! Как ты?

— Ты не поверишь, Мокрый: я на работу устроился! На официальную!

— В смысле? С легализацией??

— Ну да. Прикинь!

— Гонишь!

— Не гоню.

— Фигасе, а где?

— На складе. У ЖД терминала.

— Охренеть! Ну и как? Кем?

— Да разнорабочим, подай-принеси. Платят копейки, конечно, работаю за еду считай, но блин, регистрация!

— И номер себе сделал - красава! Могу записать?

— Да, запиши. А ты-то как сам? Как бизнес?

— Бизнес… да по-разному, братуха, по-разному… Но в целом - пойдёт. Ищу район ща поудачнее. Курсирую по городу, так сказать, хе-хе! Но в твой район я не пойду, там у меня проблемы могут быть.

— А в том районе, где мы встретились?

— Там окей всё, но конкуренция большая, особо много не подымешь. Так что я там теперь редко появляюсь.

— А пересечься не хочешь?

— Пересечься? Давай! Скажи, где и когда.

— Пока сложно, надо у начальства отпроситься, я ж без выходных работаю.

— Пашешь, как лошадь?

— Не то слово! Ну я тебе отзвонюсь ближе к делу. Думаю, на вечерок-то один смогу вырваться.

— Давай, брат, звони. У меня со свободным временем проблем меньше. Буду рад увидеться!

— Принял, до связи!

Прячу телефон, отдаю пустую миску желтолицей сморщенной китайской бабушке за прилавком уличной закусочной и иду обратно, «в офис». Вдруг звонит мобила. Альберт. Беру трубку:

— Да, шеф.

— Малой, ты где?

Он единственный, кто называет меня по фамилии, а иногда даже по имени.

— Ужинал, шеф, у китайцев. Уже иду обратно.

— Давай скорей! Ты мне нужен. Все уже разошлись, а у меня тут чёт связи нет нормальной на компе. Подойди. Может смекнёшь, чё не так?

— Бегу!

Залетаю в кабинет шефа. Он сидит за компом, нахмурившись и сосредоточенно глядя в экран.

— Твою мать… Вот только что всё нормально было, а сейчас - смотри, - говорит он, даже не глядя на меня, - Вон! Еле шевелится! И вообще ни хрена не видно, всё в квадратах. И тут тоже ни черта не загружается!

Он нервно отталкивает от себя клавиатуру, и она с грохотом врезается в подставку монитора.

— Но связь-то есть… - тихо бормочу я. - Можно?

— Садись! - говорит Альберт, вставая со своего хозяйского места и уступая его мне.

Я погружаюсь в мягкое нагретое кожаное кресло, беру мышку и клавиатуру.

— Смотрите, шеф, связь есть. Только очень медленная. 50 килобит всего.

— Потрясающе! Радость-то какая! А как мне работать с этим, не подскажешь, умник?

— О, так у вас через модем всё идет! А надо-то через провод. Ща перелючу.

— Да ладно! И всего делов-то?

— Ну да. А кстати, зачем у вас модем тут настроен, если провод есть?

— А, ну это вроде… Да это Марат всё настраивал! Про запас. Чтобы если с сетью что-то не так, он перепрыгивал на модем и дальше работал.

— И часто такое бывает?

— Да постоянно! Заколебался уже.

— Так… я переключился на провод, но что-то он не работает нифига. На проводе связи нет.

— А, ну опять какая-то хрень с Маратовской сетью…

— Сеть тоже Марат настраивал?

— Да… хакер хренов… Щас позвоню ему…

Шеф звонит Марату, а я тем временем смотрю, куда идёт сетевой провод от компьютера Альберта. Так, вон там маршрутизатор, а дальше - из кабинета наружу…

— Не отвечает, сучонок… А мне надо скачать кучу накладных и видеоинструкции. Твою мать! И именно сейчас, когда мне капец как надо, оно возьми, да и сломайся!! Чёрт!!

Он хватает металлическую пепельницу и швыряет её об пол. Она со звоном отскакивает, а окурки разлетаются по жёлтому прожжённому линолеуму.

— Шеф…

— Ну что!!!

— А у вас же ещё ноутбук тут где-то был.

— Был. И есть. А что?

— Можно попросить? Хочу попробовать понять, какой кусок сети неисправен. До главного маршрутизатора пинга нет. Где-то что-то оторвалось или перегорело, наверное.

Ничего не отвечая, шеф открывает ящик стола, достаёт оттуда ноутбук и ставит передо мной. Потом отвернувшись и глядя в экран, закуривает сигарету.

Я открываю ноут. «Введите пароль». Пробую «qwerty123». Не подходит. Пробую «12345». Подходит! Ну и хорошо, не придётся лишний раз шефа тревожить.

Выхожу из кабинета и иду вдоль провода до ближайшего коммутатора. Так, нужна стремянка, чтобы до него добраться, и сетевой кабель, чтобы подключиться. Хотя нафиг стремянку, стула хватит!

Бегу со всех ног в кладовую, где, я уже знаю, есть всякая хрень и для этих дел тоже. Быстро нахожу сетевой провод. Уже обжатый! Отлично. Хватаю его, бегу наверх. Забегаю к шефу, беру стул, лечу к коммутатору, хватаю ноут, подключаюсь, проверяю - нет связи. Хотя сам коммутатор цел, мигает, и адрес отдаёт. Значит, идём дальше. Провод ведёт куда-то вниз. Запоминаю место. Тащу стул обратно к шефу.

— Ну чё? - спрашивает он. Во взгляде - надежда.

— Ближайший узел цел. Проблема где-то дальше, внизу. Иду смотреть.

— Если починишь это дерьмо - озолочу.

Несусь по лестнице вниз, к месту, куда спускается кабель. Так, сверху он идёт вот в этот белый короб, а короб идёт прямиком до пола. И дальше, уже другой короб ведёт его вон к той стене, через кухню, и, видимо, в серверную.

Иду в кухню. Так, здесь открытый участок, а дальше он идёт за столешницей, за ящиками и за шкафами. Открываю нижние ящики и достаю оттуда всё барахло, чтобы добраться до кабелей. Свечу фонариком. Вижу короб. В нём огромная рваная дыра. Крысы… Забираюсь с головой под столешницу, свечу в дыру фонарём. Ну да, так и есть. Провода погрызаны. В этом и проблема. Вести короба через кухню - это ж надо было додуматься! Для крыс идеальное жилище! Они могут через этот короб бегать на кухню, когда им надо! Вон, и съестные припасы уже подъедены. Класс! Марат, ты просто гений!

Набираю шефа:

— Ну? - слышу в трубку. - Порадуешь меня?

— Шеф, тут крысы погрызли сетевой кабель. Я щас быстро попробую повреждённый участок восстановить. Но вообще этот кабель надо по-другому протянуть. По высоте. Через кухню вообще никак нельзя!

— Сколько времени это займёт?

— Быстро починить? …Ну минут двадцать.

— Если это так, то моя жопа спасена! Давай, малыш! Премию дам! Выходной! Всё что хочешь проси!

— Ща всё сделаем, шеф!

Хоть Марат и фигню сделал, но инструменты у него есть. И коннекторы, и пассатижи обжимные, и мотки с кабелем. Короба и каналы, такие, сякие. Сразу видно, немало он денег выбил под эти нужды! Ну и хорошо!

Хватаю пассатижи, кусок кабеля, загребаю пригоршню коннекторов и муфт к себе в карман, и несусь в кухню. Порадовать шефа - такой шанс нельзя упустить!

Ныряю обратно под столешницу, кладу фонарь так, чтоб было видно, и начинаю мудохаться с проводом: обрезаю, зачищаю, обжимаю… Кропотливая работа, нужно всё делать аккуратно и точно. Когда мы в метро прокладывали сеть, я по началу долго с этим мучался. Но постепенно наловчился, и под конец уже мог обжимать провода почти с закрытыми глазами. И кто бы знал, что мне это умение так пригодится на третьем круге!

Соединяю кабели через муфты. Должно заработать теперь. Набираю шефа:

— Да, Марк.

— Шеф, проверяйте! Работает?

— …Япона мать. Работает! …Да, пошло грузиться! Бросай всё, иди сюда.

Победным маршем я иду к Альберту в кабинет с ноутбуком под мышкой. Открываю дверь. Шеф сидит с сигаретой. Пьёт кофе. И смотрит на меня так, будто я отлит из золота.

— Ты как это сделал, Малой?

— Да, ковырялся с сетями как-то раз… разнорабочим был… Я ж говорил, я умный.

Ставлю ноут на стол перед Альбертом:

— Шеф, а у вас на этом ноутбуке что-нибудь важное есть?

Шеф кивает головой, не меняя выражения лица.

— Вы бы это… пароль поменяли бы… А то я его за пять секунд взломал.

На следующий день приходит Марат и, поимев неприятный разговор с шефом, идёт злой и раздражённый устранять аварию и делать всё «как следует». Он нехотя забирается под столешницу и рычит оттуда:

— Бля… малой… хренли ты тут наворотил!!!

Конечно ему надо показать себя мужиком и специалистом, а меня выставить идиотом. Я не против. Состязаться с Маратом за авторитет - это худшее, что я сейчас мог бы сделать. Шеф всё видел. Шеф всё понял. Этого достаточно. Жаль только, что моё замечание про короб через кухню останется без внимания - разве будет опытный Марат слушать советы какого-то молокососа-бегунка?

Кстати, я заметил, что это именно Марат бросает окурки. Говорить ему о том, что Альберту это очень не нравится я, естественно, не решаюсь, поэтому просто подбираю за ним окурки, чтобы шеф не нервничал. Марат это замечает и начинает специально кидать окурки, чтобы я подбирал. Ему это явно доставляет удовольствие. А мне всё равно. С меня корона не упадёт. Это просто часть моей работы - поднимать за Маратом окурки. Он доволен. Шеф тоже доволен. Почему бы и нет?

Альберт не забывает о своём обещании и отваливает мне очень нехилую премию. И выходной. Я тут же звоню Мокрому. Мы договариваемся о встрече. Решаем пересечься там же, где встретились в прошлый раз. Так проще.

Перед выходным я стараюсь по максимуму навести порядок везде, где только можно, и закупиться всем-привсем необходимым впрок, чтобы ни у кого не возникло в моё отсутствие никаких проблем.

В назначенный день я ухожу из конторы ранним утром, пока никто не пришёл и не накинул мне ещё какой-нибудь срочной работы. Вместо жаренного теста закидываюсь на завтрак китайскими пельмешками с мясом - премия всё-таки, можно гульнуть! Да и по городу сегодня бродить весь день, надо подкрепиться как следует.

Перемещаться по третьему кругу необыкновенно просто - часа за два можно пройти пешком от одной стены до другой. Так что я много чего могу успеть посмотреть сегодня.

Первым делом иду поглядеть на телебашню. Её хорошо видно из наших мест, и добираюсь до неё я чуть меньше, чем за пол часа. Территория огорожена колючей проволокой, и на охране стоят гвардейцы, точно так же, как и у ЖД терминала. Почти так же. Здесь они более расслабленные: треплются друг с другом, курят, сплёвывают. С девчонками проходящими заговаривают. Но я всё-таки стараюсь не светить здесь своей физиономией, и отхожу подальше от забора, чтобы поглядеть на расстоянии. Стою, запрокинув голову, и разглядываю переплетения металлических балок, собранных в устойчивую конструкцию, на вершине которой - шпиль. Через него, видимо, и идёт сигнал. Люблю такие штуки! Магия инженерного искусства! Не колонна, конечно, но тоже впечатляет. И ведь сигнал добивает аж до восьмого круга! И наверняка даже дальше! Кто это строил? Какими средствами? Или это привет из прошлого?

Замечаю рядом старого бородатого грязного забулдыгу. Он ловит мой взгляд. С такими ребятами надо общаться, даже если они несут полнейшую пургу. Всё равно интересно. Вспоминаю Вано с Сортировки, который подсказал мне путь к колонне. Да, с ними надо болтать. Главно только самому не стать таким же.

— Дед! - кричу я бродяге и достаю из кармана фишку. - Де-ед!! Возьми, слышь, на поддержание штанов.

Я протягиваю ему чёрно-синий жетон, и лицо его загорается, как электрическая лампочка, и он чуть ли не бежит ко мне навстречу:

— Сынок! Вот спасибо! Вот так неожиданность! Спасибо, родной! Помог старику!

Голос у него высокий, тоненький. Слышна интеллигентность.

— Как жизнь, дедуль?

— Да как… помаленьку… Хуже, чем было… лучше, чем будет…

— Про башню эту знаешь чего-нибудь?

Таким, как он, можно задавать любые вопросы. Они натравят тебе самых немыслимых баек, но это не важно. Главное - они не побоятся того, что ты спрашиваешь, не посмотрят на тебя косо, не заподозрят ни в чём, не позвонят в полицию.

— Про башню… ох… её при мне строили. Когда молодой ещё был. Помню, как с пацанами на стройку лазали, болты тырили…

— Это тебе сколько лет тогда было?

Он меряет меня взглядом:

— Чуть помоложе тебя был тогда.

— А кто строил, не в курсе?

— Кто строил? Да кто ж его знает-то… Инженеры, строители… Бригады тут были, краны стояли…

— Ну, то есть… местные.

— Ну может и пригнали кого с соседнего круга. Я ж почём знаю? У тебя, сынок, закурить не найдётся? Ты прости меня, старика…

— Да конечно, дедуль, кури на здоровье!

Я протягиваю ему сигарету, помогаю закурить. Он с наслаждением затягивается и пыхает серым табачным дымом, задумчиво глядя на телебашню:

— Быстро её строили… Торопились очень… Раньше, говорят, другая башня была, на той стороне от дворца. Только её ударной волной снесло, когда война была…

— Война?

— Война.

Он снова задумчиво затягивается. Мне тоже есть, над чем задуматься.

— А вот то, что дома обуглены с одной и той же стороны - это тоже война?

Дед грустно кивает головой:

— Она самая.

— Это что ж за оружие такое, дедуль? Ядерная бомба?

— …И не одна, сынок…

— А это при тебе было?

— Да что-о-о ты! - машет дед рукой, посмеиваясь дребезжащим старческим смехом. - Меня тогда ещё и в проекте не было!

— В каком проекте?

— «В каком, в каком». Не родился я тогда ещё!

— А! Понял… Но предки-то твои выжили тогда.

— Ох… господи боже… Как мне жалко тех, кто выжил тогда!… Это ж какой ужас!…

— Ну ладно, дедуль, - похлопываю я бродягу по плечу. - Всё лучше, чем сдохнуть.

Он смотрит на меня взглядом, полным любви и сострадания:

— Ты молодой. Ты так и должен думать. Бог те в помощь, сынок! Дай те Бог удачи во всех твоих делах…

Я отправляюсь дальше, по направлению дворцу и к стене. Война… Значит, была война. Кого с кем? Людей с богами? Пришли боги, чтобы установить свою власть. Люди сопротивлялись, но боги оказались сильней. Они подчинили себе людей, накрыли их сверху шестиугольными плитами, и теперь мы живём в Подземелье, а они там, наверху? Звучит как отличная байка! Кажется, я всё-таки постепенно становлюсь похожим на этих чумазых дедов. Впрочем… реальность может оказаться удивительнее любой байки.

Шесть часов вечера. Я иду в тот злачный квартал, где в прошлый раз встретил Мокрого, и где мы с ним договорились встретиться в этот раз. Я плотно и вкусно пообедал, а ещё купил себе кеды поновее на вещевом рынке, и мой карман стал заметно легче. Мне удалось лучше узнать окрестности, но в богатый квартал у стены я так и не сходил - задержался на вещевом дольше, чем планировал, и зацепился там языками с местным торговцем по имени Рафик. Тот ещё кадр - его хитрая жопа родилась вперёд головы - но рассказал много интересного. И важно даже не то, сколько из этого правда, а то, *как* он врёт. И о чём. В общем, расширяю знакомства.

Но вот я уже в том самом, злачном месте. Время ещё детское, а здесь уже музыка и веселье. Лотошники зазывают полакомиться уличной жратвой, лысый парень в спортивном костюме зовёт на бой без правил через час. Проститутки - само собой. Как там? «*Сэксис-*

mомис»? Барыги стоят, сразу несколько - лёгкие, тяжёлые, любые удовольствия за твои деньги. Но где же Мокрый? А, да вон же он! Стоит, пялится в телефон, меня не видит.

— Привет, бизнесмен! - говорю, легонько хлопнув по плечу.

— О! - оборачивается он. - Здор**о**во, брат! Фигасе ты пунктуальный!

— Ты тоже.

— Да я-то тут с полчаса уже тусую. Надо было по старым знакомым пройтись, узнать, чо как.

— Чё говорят?

Мокрый грустно кивает головой на толпу барыг:

— Да сам видишь. Нефиг тут ловить пока… Слушай! Ты ведь меня пивом поил в прошлый раз. Теперь моя очередь.

— Ой, да ладно…

— Нифига не ладно! Пошли.

Он тоже хлопает меня по плечу, и мы направляемся в ближайшее заведение.

Мокрый говорит, что вечером пойдёт «на промысел», и у него есть всего пара часов. Это нормально. Для таких, как он, поздний вечер и ночь - самое рабочее время. Мы берём по бутылочке пива. Потом ещё по одной. И ещё. За третью я уже плачу сам. Пиво здесь годное! С восьмым кругом даже и сравнивать бессмысленно. То, что тамошнюю мочу пивом назвали - это просто недоразумение. Мы сидим и разговариваем. Нам весело! Обсуждаем местные дела и в целом жизнь в этих краях. Узнаю интересные подробности о том, как тут живут мафиози. Снова спрашиваю Мокрого про богов, и он говорит, что в последнее время они к нему в общем благосклонны. Хоть и место новое пришлось искать, но вообще заработок идёт. «Бизнес крутится, бабки мутятся».

— А чё с покером у тебя, братишка? Нашёл, где деньги просадить? - спрашивает меня мой новый знакомый.

— Ну так… Просаживать-то особо и нечего было. Вот только сейчас маленько поднял на премии.

— Так может, сходим, сыграем? Ты сыграешь, - подмигивает он.

— Чувак, ну под пивом - какая игра?

— Так мы ж ничего и не выпили почти.

— Ну, тоже верно… - говорю, отрыгнув, а про себя думаю: «Чёрт! Я же второе место занял на турнире! С крепкими ребятам играл». - Хм… Может, и правда, пойти, картишками раскинуть?…

— Пойдём! Щас семь, уже наверняка играют. Хочу посмотреть на это!

Пару секунд сижу молча, принимаю решение.

— Ладно. Пошли. Только поссать сперва.

Слегка пошатываясь, мы спускаемся из пивнушки на улицу и переходим на другую сторону. Там проходим пару десятков метров и поднимаемся по металлическим ступенькам наверх, на третий этаж. Всё немного в тумане. Музыка, люди, цвета, запахи. «Смотри, куда прёшь!» - рявкает злой мужик, спускающийся навстречу и столкнувшийся со мной. Мокрый стучится в металлическую дверь.

— Вы к кому, молодые люди? - слышен голос из смотрового окошечка.

— К Гамиду, - отвечает Мокрый. - Сегодня же играют?

— Сколько вас?

— Двое.

Окошечко закрывается и открывается дверь. Охранник в спортивном костюме смотрит на нас, проводит по нам металлоискателем.

— Не маловаты ещё для этого дела?

— Шутишь, дядь! Он знаешь каких бабок на покере поднимает! - говорит Мокрый, показывая на меня большим пальцем.

— Угу… Хрен с вами, проходите, - буркает он.

Мы проходим через прихожую в зал с невысоким потолком. Тусклый свет. Сильно накурено. Круглый стол с зелёным сукном, за ним игра. Вокруг люди. Тихий гул голосов. Мы пытаемся пробраться чуть ближе к столу. Все вдруг смолкают. Видимо, решающий момент.

— Ва банк! - рявкает крепкий бородатый мужик с серьгой в ухе и толкает остаток своих фишек на стол.

Напротив него - лысый мужчина в галстуке и пиджаке. Он осторожно пододвигает свои фишки ближе к центру стола, чтобы закрыть ставку, сверкнув золотым перстнем. Раскрывает свои карты. Две дамы. Бородач переворачивает свои карты - там две десятки, а третья на столе. Он хохочет и здоровенной ручищей жадно загребает фишки с кона к себе.

— Мда… - задумчиво молвит лысый. - Кажется, сегодня не мой день. Ну ничего, завтра отыграюсь, - подмигивает он своему противнику. - А на сегодня всё.

Сказав это, он поднимается из-за стола, поправляя галстук.

— Кто на новенького? - басит бородатый.

Мокрый подталкивает меня в лопатку, и я поднимаю руку:

— Я хочу.

Звучит не очень уверенно. Все смотрят на меня, а игроки, сидевшие ко мне спиной, оборачиваются.

— Малыш, тебе от мамки не влетит? - говорит какой-то хмырь уголовного вида из-за стола.

— Да пусть сыграет, Шило, - отвечают ему с другого конца стола, - раз ему денег не жалко. С желторотиками веселее!

— Садись, чё смотришь, - гудит мне бородатый, и я сажусь за стол на место лысого.

Желторотик, говорите? Ну сейчас посмотрим, кто здесь желторотик.

Карты розданы, я в игре! Однако мой задор быстро гаснет, как только я вижу, что мне попалось и как играют другие. Я быстро сливаюсь в первом коне, потом ещё немного сливаю во втором, а в третьем мне приходится пойти ва-банк, и моя карта оказывается слабее, чем у противников. Не успев моргнуть и глазом, я остаюсь почти совсем без денег, не считая крохотной заначки в кармане. Это покер. Во всей своей красе!

— Следующий! - орёт бородатый, пока я уныло поднимаюсь из-за стола и встречаю сочувственный взгляд Мокрого.

Идти играть вместо меня никто не рвётся. Мы неторопливо выходим прочь из зала. За спиной снова раздаётся голос бородатого:

— Глухов, иди сыграй, чё мнёшься! Ты ж хорошо поднял недавно.

— Иди в зад, Серебряный. Там место проклятое.

— Ну поменяйся с кем-нибудь!

В ответ раздаётся недовольный гул, видимо от тех, что сидят за столом, но в этот самый момент мы выходим наружу и идём вниз по ступеням. Останавливаемся на площадке между этажами. Закуриваем, не сговариваясь.

— Не, ну нахрен… - бормочет Мокрый. - Правильно я делаю, что не играю.

Я посмеиваюсь:

— Да, покер - он такой. Это я ещё не сильно проигрался. Вообще, если видишь, что не прёт, надо быстро выходить. Это важный навык. Если бы не пошёл ва-банк, я бы на следующем коне всё равно закончил бы. Было сразу ясно, что игра не идёт.

— Ну как в торговле, да: если видишь, что на районе голяк, надо быстро сваливать и не тратить время.

— Типа того. Слушай, Мокрый: а какое здесь самое-самое крутое казино?

Он смотрит на меня и посмеивается:

— Не хватило тебе?

— Да просто интересно. Люблю это дело!

— Ну-ну… - протягивает Мокрый, выдыхая струю серого дыма и задумчиво глядя в темноту перед нами.

— «Сапфир», - наконец отвечает он. - Казино «Сапфир». Прямо рядом со стеной в дорогом квартале. Там целый дворец, со статуями, с фонтанами. Как увидишь - обалдеешь. Если пропустят через охрану, гы-гы! У вас-то на пятом, пади, нет такого.

— А как найти?

— Да поспрашивай у местных - о нём все знают, не заблудишься. Только хрен тебя пустят!

— Ясное дело. Ну хоть издалека поглазеть…

Мы спускаемся вниз, бродим по кварталу, болтая о том, о сём, и, наконец, расходимся - Мокрый отправляется «на промысел», а я остаюсь один.

Казино «Сапфир». Самое крутое казино на третьем круге. А может, и во всём Подземелье! Надо идти. Это ясно, как солнце по телевизору. Я примерно знаю направление до стены, но в каком именно месте искать этот «дворец» - понятия не имею. Но ничего, сориентируюсь как-нибудь. Времени у меня полным-полно, а денег, наоборот, почти не осталось, так что ни на какой рынок меня уже не занесёт. Ну, погнали!

Времени - восемь вечера. Я отправляюсь в путь. Иду по улицам, прохожу через подземные переходы, любуюсь на Президента и на нищих, просящих милостыню. Рассматриваю прохожих (особенно девчонок), гляжу на вывески. Проходя мимо пивного ларька, беру ещё одну бутылочку пива, на последние деньги. Чтоб веселее было идти. Молодец, Марк! Ты благополучно просадил всю премию! Если завтра тебя уволят, будешь проситься переночевать в переход к тем клошарам. Открываю зажигалкой бутылку и делаю глоток. Хорошо! Настроение весёлое, несмотря на проигрыш.

Мой ориентир - телевышка. Она подсвечивается по всей длине. А ещё колонна вдали, у неё тоже есть сигнальные огни, едва-едва заметные отсюда. Если колонна слева, а телевышка справа, то я смотрю на «дворцовую» стену между третьим кругом и вторым. Когда я окажусь между колонной и вышкой, я буду уже совсем близко к тому самому богатому кварталу, где находится казино.

Я виляю между домов, поворачивая то вправо, то влево. Дома постепенно становятся всё ниже и ниже. Всё меньше остаётся старых домов, и всё больше новостроя. Он не обуглен сбоку, как старые дома.

Прохожу мимо скверика и вижу на лавочке двух потрёпанных бродяг. Подхожу к ним, но не слишком близко.

— Мужики! Казино «Сапфир» как найти, подскажите, а?

Они неторопливо поворачивают ко мне свои пропитые рожи.

— Чё?? Какой ещё «Сафир», ёпт?

— Ну… самое крутое казино.

Ближний тяжело поднимается с лавочки и, пошатываясь, подходит ко мне, дыша в лицо перегаром:

— Какой «Сафир», дурень? «Игры Богов» - самое крутое казино.

«Игры Богов»? Это то, рядом с которым я подобрал мобилу?

— Да ладно!

— Чё «да ладно»! Ты чё, не веришь, что ли??? Ты думаешь, я за базар не отвечу?!!

— Кузьма! - орёт второй бродяга с лавочки. - Ты хренли заливаешь? Они название это давно продали!

— Чего?!! - оглядывается первый.

— Того!! Выкупили у них название! Выкупило другое казино. И щас они «Сапфир» называются, всё правильно пацан говорит.

Он тоже встаёт с лавочки и идёт ко мне. Его походка чуть более уверена. Он показывает пальцем направление:

— Два квартала туда пройдёшь, а потом налево, там до стены прямая дорога. Но ты за один квартал сверни направо. Один квартал ещё пройдёшь, и по левую руку увидишь его. Не перепутаешь точно, гы-гы!

Первый смотрит на него с презрением:

— Чо, умный дохрена?

Но товарищ толкает его в морду так, что тот неуклюже валится на землю:

— Вали отсюда, бездарь! - он переводит на меня взгляд и растягивает слащавую улыбку, показывая свои полусгнившие зубы. - Молодой человек! Поделись пивком, а?

Оставляю аборигенам недопитое пиво и иду так, как было сказано. Через пару кварталов я и правда оказываюсь на улице, идущей прямиком к стене. Двигаю к ней. Она выше, чем дома. Серого цвета. Со сторожевыми вышками. И за взятку там не пройти, это уж наверняка. Я иду и иду вперёд, а стена всё ближе и ближе. «За один квартал повернуть направо». Но ведь это не обязательно. Казино явно находится рядом со стеной, так лучше дойду прямо до неё и пройдусь вдоль. Интересно ж посмотреть! На стену.

Та самая улица, где я должен был свернуть, уже позади. Между улицей и стеной - старые дома в несколько этажей, в которых, кажется, никто не живёт. Стена уже совсем близко. Она высоченная! Для того, чтобы увидеть её верхний край, мне теперь нужно задирать голову. Ворот не видно. Поглядываю на пустые окна мёртвых домов. Жутковато. Почему так? Только что были шикарные новые домики и особняки, а тут… Странно…

Дохожу до самой стены и поворачиваю направо. Замечаю, что на улице рядом со мной никого нет. Вообще никого. Люди здесь не ходят. Иду вдоль дома и вдоль стены и вижу, что на тротуаре валяются куски колотого кирпича и штукатурки, рассыпано разбитое стекло. Вижу огромные выбоины в стене дома. Следы от пуль? Автоматных? Нет, что-то покруче. Задираю голову, чтобы посмотреть на стену, и вижу в сторожевой вышке пулемёт. За ним стоит гвардеец. Курит. Смотрит. И очень неторопливо поворачивает дуло пулемёта, направив его в меня и, видимо, прицеливаясь. Он что, будет стрелять? Если побегу, то точно шарахнет! Мама… Я продолжаю идти. Дуло следует за мной. Моментально трезвею. В горле пересыхает. Перевожу взгляд вперёд и продолжаю идти, как будто мне всё равно. Но коленки трясутся. Снова кидаю взгляд на выбоины в стене.

Замечаю, кажется, следы крови. Или мне мерещется? Этот гвардеец на вышке. Ведь ему ничего не стоит дать сейчас очередь. Просто для забавы! Одной короткой очереди из этой дуры хватит, чтобы оторвать мне ноги или оставить без головы. Если он это сделает, ему за это не будет ВООБЩЕ НИЧЕГО!!! Спокойно… Только не упасть! Только не споткнуться! Иначе конец.

Я иду, а квартал всё не кончается. Время тянется и тянется, а сердце колотится так, что сейчас, наверное, выпрыгнет! Вышка уже у меня за спиной, но я как будто чувствую прицел между лопаток. Может, он решил сперва докурить, а только потом превратить меня в фарш? Может, надо бежать со всех ног, пока он даёт мне время? Нет. Просто иди. Иди.

Я отсчитываю каждый шаг. Вижу впереди тот самый дворец. Только он тоже находится за толстыми стенами, и из-за них видна лишь его верхушка. Она сияет и переливается, но ни фонтанов, ни статуй не видать. Всё это, наверное, скрыто стеной.

Проспект, разделяющий мой квартал и стены дворца, упирается в ворота. Ворота на второй круг. Мне надо дойти до проспекта. Осталось совсем чуть-чуть! Десять шагов! Пять шагов! Я почти зажмуриваюсь. Поворачиваю за угол - и БЕЖАТЬ!!! Я бегу со всех ног, а тот гвардеец на вышке, наверное, хохочет от души! Наверняка он видел, как у меня тряслись поджилки. Вот так развлечение! Я бегу, а навстречу едет шикарный чёрный автомобиль, прямо туда, к воротам. Добегаю до ближайшего перекрёстка, поворачиваю за угол, останавливаюсь, еле дыша, но всё равно выглядываю, чтобы посмотреть, куда поедет автомобиль. В казино? Или в ворота? Хватая воздух ртом, стараюсь слишком сильно не высовываться, и всё время озираюсь по сторонам, нет ли полиции или федералов.

Автомобиль приближается к воротам, а их створки неторопливо раздвигаются, ровно на ту ширину, которая нужна, чтобы машина проехала. Чёрное авто не останавливается. Оно аккуратно проезжает в щель, а я изо всех сил стараюсь разглядеть, что же там внутри, на втором круге. Но ни черта не видно, а ворота быстро закрываются, оставив автомобиль внутри.

Снова оглядываюсь и замечаю прохожего неподалёку. Он с любопытством на меня смотрит. Кажется, он не успел увидеть моё лицо. Недолго думая, я просто разворачиваюсь и убегаю прочь.

Я это видел своими глазами. Чёрный автомобиль въезжает на второй круг. Кто был внутри? Что это за люди, которым можно туда, почти под бок к Президенту, а может и прямо в сам Президентский Дворец? Федералы? Их руководители? Или кто-то ещё? Надо это выяснить. Выяснить во что бы то ни стало!

С этой мыслью я засыпаю на своём мягком и уютном диване. Сплю спокойно и крепко, несмотря на пережитое. Когда есть понятная цель, жить как-то проще. Даже если сталкиваешься с трудностями и нервяком.

Попасть на второй круг, или даже на первый! И подняться в Город Богов. Это кажется чем-то совершенно нереальным. Но ведь и попасть на третий круг с восьмого казалось невозможным! А ты это сделал, Марк. Ты это сделал! Так что соберись, включи мозги. И двигайся к цели.

Начинается новый рабочий день. Выспавшийся и бодрый, ношусь по складу, наводя порядок тут и там. Хоть я и постарался закупить всё заранее и про запас, но моющее средство для полотёра уже почти закончилось - надо срочно бежать покупать. Быстро набрасываю в блокнот список того, что ещё можно зацепить заодно в хозяйственном. Заскочив в бухгалтерию и получив одобрение, стрелой лечу за покупками.

На выходе стоит Бека и курит.

— Марк! - окрикивает он меня, и я замираю, остолбенев.

Он подзывает пальцем. Я подхожу.

— Хорошо работаешь, - улыбается бригадир. - Когда ты есть - никто не замечает. А как только тебя нет, все сразу заметили! Я вчера раз десять слышал: «Где малой?»

Он подмигивает и хлопает меня по плечу:

— Так держать. Не расслабляйся только.

Я послушно киваю, офигев, бормочу в ответ что-то невнятное, и несусь дальше, на рынок. Ну и дела. Бека назвал меня по имени! Это однозначно прогресс.

День проходит без происшествий, по накатанной. Потом ещё один. За ним следующий. Начинаются обычные, скучные трудовые будни. Я продолжаю в свободное время думать о стене и о втором круге, но это думание, понятное дело, никаких плодов не приносит. Что тут поделаешь? Сейчас период такой. Такая карта на руке. Нужно крутить свою гайку и крутить её хорошо. Крутить и ждать, что какая-то удачная «комбинация» однажды выпадет.

Проходит неделя. Проходит другая. Я подметаю, убираю, приношу инструменты, чиню сломавшийся бачок в сортире, мою пол там, где наша уборщица не домыла. Вытираю со столов после обеда. Выношу мусор. Закупаю расходники. Подбираю окурки за Маратом.

— Эй, собачка! Лови косточку, - кидает мне Марат, когда я пробегаю мимо, и щелчком отправляет недокуренную сигарету на серый складской пол.

Я почти на автомате подбираю окурок и уже собираюсь затушить его и отнести в мусорку, как вдруг сталкиваюсь взглядом с Альбертом, незаметно подошедшим с другой стороны. Немая сцена. Альберт смотрит на Марата, потом на меня, потом на окурок, потом снова на Марата и немым жестом подзывает нас к себе, уже не отводя от Марата глаз.

— Это чё такое было, Раковский? - произносит шеф стальным голосом.

— А чё не так-то?

— Чё не так?? Почему ты бросаешь окурки, а он подбирает за тобой?

— Шеф, дак это… я ж… я ж его не просил! Он сам!

— Вот именно, - отвечает шеф, глядя на Марата остекленевшим взглядом. - Его не просишь, а он подбирает. А тебя просишь не срать - а ты срёшь.

Кажется, как будто вокруг всё стихло. Упитанный охранник по кличке Бык, куривший вместе с Маратом, аккуратно тушит сигарету о пепельницу, стараясь не уронить ни соринки.

— Шеф, да чего вы из-за такой…

— Марк. Сеть компьютерную наладить сможешь? Чтоб работала как следует, а не как сейчас, - обрывает Альберт, не сводя взгляд с Раковского.

— Смогу, шеф, - отвечаю, ни секунды не сомневаясь.

Марат бубнит, остолбенев:

— Шеф, да он же… он же…

— Уволен.

Лицо Раковского вытягивается. Он бледнеет. Альберт неторопливо поворачивается и идёт по своим делам.

— Шеф, да чё за хрень такая!!! Да этот щенок…

— Быков! - рявкает Альберт, резко обернувшись к Быку так, что тот вздрагивает, а потом вежливо добавляет. - Раковский должен покинуть предприятие в течение пяти минут. Если этого не произойдёт - вышвырни его пинком под зад. Понял?

— Понял, шеф. Будет сделано.

— Вот и отлично.

Потерев ладони, шеф уходит. Марат оглядывается на Быка. Тот пожимает плечами, как бы извиняясь перед бывшим товарищем, но давая понять: приказ будет исполнен. А я исчезаю с места происшествия так быстро, как только могу.

На следующий день шеф собирает «брифинг»: зовёт к себе в кабинет меня и двух «бойцов», отправленных Бекой. «Брифинг» длится одну минуту.

— Значит так, - говорит Альберт, стряхивая щелчком пепел с сигареты в свою металлическую пепельницу. - На Марка возлагается задача построить нам новую компьютерную сеть: чтоб работала, как следует, не лагала и не глючила. И чтоб не было этих долбанных разрывов связи! Семён, Руслан - вы его бригада, правая и левая рука. Он говорит - вы делаете. Вопросы есть?

— Кто правая рука, а кто левая, шеф? - ухмыляется Семён, а Руслан посмеивается.

Но шеф шарахает кулаком по столу так, что пепельница подпрыгивает:

— Я вам устрою, шутнички! Будете милостыню просить и правой рукой, и левой! - он встаёт из-за стола и тычет пальцами в Семёна, зажав между ними сигарету. - Имейте в

виду: если узнаю, что вы не выполняете указания с должным усердием - вслед за Раковским отправитесь, ясно?! На ваше место очередь стоит до Президентского Дворца. Всё. Пошли вон.

Мы плетёмся к выходу, а шеф кидает следом:

— Марк.

Я оборачиваюсь:

— Да, шеф.

— Я рассчитываю на тебя, - говорит он с таким лицом, что всё, в-общем, понятно: облажаться никак нельзя.

Оказавшись снаружи, моя «бригада» продолжает смотреть на меня с ухмылкой:

— Ну, - мычит Семён. - Что прикажете? Шеф!

— Слушаюсь и повинуюсь, господин, - вторит ему Руслан.

Я спокойно закуриваю, не обращая внимания на их издевательства, и отвечаю:

— Мужики. Нам надо, чтоб шеф был доволен. Правильно?

Мужики молчат.

— Ну правильно или нет? - говорю, глядя на одного и на другого.

— Ну... - снова мычит Семён.

— Ну так и давайте проложим эту грёбаную сеть! Вы не знаете, как это сделать, а я знаю. Просто делайте, что я говорю, и всё будет ровно. А потом я отстану от вас, и будете снова под тёплым Бекиным крылом. Погнали, у нас работы много.

Мужикам, конечно, стрёмно подчиняться такой мелочи, как я, но и на улице остаться им не хочется. А поскольку я ничего особенного не требую и понтов не кидаю, а наоборот, общаюсь уважительно и по-доброму, отношения у нас быстро налаживаются. Проходит день-другой, и Семён с Русланом уже с гораздо большей готовностью выполняют мои поручения. Я стараюсь погрузить их в курс дела, насколько это возможно. Объясняю им про сети, про связь между компьютерами, про маршрутизаторы и адреса, своим языком, как могу. Это чтобы они понимали, что делают, а не просто были тупыми исполнителями.

— Резервный канал должен быть как можно дальше от основного. Иначе весь смысл резервирования пропадает. Если у тебя вот здесь загорится щиток и начнётся пожар, оба кабеля сгорят, понимаешь?

А ещё во время наших работ не должно сломаться то, что есть.

— Если шеф спрашивает, мы вообще делаем что-нибудь или нет, то это хорошо! Он не должен замечать, что мы работаем. Связь должна быть всегда.

Я бегаю с ноутбуком, перенастраиваю маршруты, обжимаю провода, проверяю связь, замеряю скорость и черчу в тетради схемы, а мужики выполняют «тяжёлую» работу -

таскают мотки с кабелем, монтируют кабель-каналы, прикручивают маршрутизаторы и щитки.

— Не, здесь нельзя вести, командир, - говорит мне Руслан, - здесь погрузчик ездит, он зацепить может. Надо ещё метров на пять выше.

— Да, точно. Но это же почти под самым потолком получается?

— Да ты не переживай, командир - мы поднимемся, нам не впервой!

Проходит две недели - и новая сеть готова! Шеф доволен и счастлив, а значит, и мы тоже. В тот же день мы получаем премии и устраиваем попойку, проставляясь за наш успех. Меня нарекают Мозгом, поят до полной отключки, и на следующее утро, проснувшись с совершенно квадратной головой, я понимаю, что прошёл обряд, что теперь я свой. А остальные понимают, что разнорабочим быть мне осталось недолго, и что я явно пойду на повышение. И хоть я официально ещё бегунок, со мной уже не разговаривают как с бегунком, не говорят «малой, принеси дрель» или «малой, вытри вот здесь». Меня зовут курить, обсуждают новости, делятся соображениями. Я слушаю и впитываю. Все ждут чего-то. Ждут, что шеф вот-вот позовёт меня к себе в кабинет.

И вот тот самый момент, наконец, наступает. Альберт вызывает меня по рации:

— Марк, поднимись ко мне срочно.

— Да, шеф.

Мои ноги топают по железным ступенькам. Я почему-то вспоминаю тот раз, когда мы с Мокрым шли играть в покер. Вот я уже перед дверью в кабинет шефа. Открываю. Захожу. Внутри Альберт на своём королевском кресле, а перед ним - черноволосый бледный китайский пацанёнок. Он оборачивается ко мне и кланяется на свой китайский манер.

— Марк, познакомься, - говорит Альберт. - Это Гриша - наш новый разнорабочий. Будь добр, введи его в курс дела - так, чтоб он работал не хуже тебя. Покажи ему всё и расскажи. И возвращайся потом ко мне, как закончишь.

Яснее некуда. Я зову новенького за собой и, пока мы наверху, показываю и объясняю ему то, что удобнее показывать с высоты. Китайцы - нормальные ребята. Странноватые маленько, но трудолюбивые, вкалывают, как тракторы. Одна у них проблема: им комфортнее с себе подобными. В межнациональный коллектив им тяжеловато влиться. Они сильно липнут друг к другу, и если к тебе на работу наняли китайца - можешь не сомневаться, что он будет тащить за собой других китайцев, и постепенно они будут выдавливать из коллектива всех остальных. Я, конечно же, шефу скажу об этом, хоть он и сам наверняка в курсе. С другой стороны, бегунком можно взять хоть чёрта из преисподней, лишь бы работал как следует.

Я показываю и рассказываю Грише всё, что знаю и делаю сам. Он впитывает, как губка, и выглядит вполне адекватным. Он ещё более тощий, чем я, а значит, работать будет хорошо. Времени у нас уходит немного - Гриша парень понятливый - и через часок-полтора я уже свободен.

Возвращаюсь к шефу. Стучусь.

— Войдите, - слышится из-за двери.

Захожу. Сажусь на стул перед шефом. Закуриваю.

— Ну как новенький? - спрашивает Альберт.

Рассказываю свои соображения. Шеф слушает и кивает, щёлкая пальцем сигарету.

— Понятно… Ну посмотрим на него. Ладно, бог с ним, с Гришей - давай о тебе поговорим.

Вытягиваюсь в струнку и превращаюсь в концентрированный пучок внимания.

— Марк, - говорит шеф, едва заметно улыбаясь. - Я вообще такое редко говорю, но вот что: сказать, что я доволен тобой - это ничего не сказать. Удивить меня трудно. Но ты удивил. Ты откуда такой вылупился вообще?

Тут не надо торопиться с ответом. Задумчиво затягиваюсь, выпускаю дым.

— …Шеф, да надоело в дерьме жить, понимаете…

— Очень понимаю! Но почему другим-то не надоело?

— Да чё мне о других думать? Другие же обо мне не думают.

Шеф кивает, тоже делая задумчивую затяжку:

— Знаешь, парень… Ты мне напоминаешь меня самого в молодости.

Это бинго. Три семёрочки. Лучше просто некуда. Держи лицо, Марк. Держи лицо!

Очень осторожно стараюсь принюхаться, чтобы понять, не под «керосином» ли шеф. Нет - кажется, трезвый.

— Я тоже был таким, - продолжает Альберт. - Очень хотелось из дерьма выбраться! Прям вот помню это чувство! Тебе повезло, дружище. Это даёт плоды. Не сразу и не просто, но поверь: с таким зарядом у тебя есть будущее. Если не обосраться и не сдаться посреди дороги, то пройдёт время - и будешь сидеть в таком же кресле, как я! А? - Шеф подмигивает и посмеивается. - Ну ладно! К делу.

Он берёт листочек бумаги, пишет на нём ручкой и протягивает мне:

— Предлагаю тебе, Марк, быть моей правой рукой по вопросам информационного обеспечения - взять на себя целиком весь этот геморрой, и чтоб я о нём вообще не думал. Вот как с сетью. Зарабатывать будешь столько. Устроит?

Смотрю на цифру, написанную на листке:

— Шеф… вы… нулём точно не ошиблись?

— Нет. Не ошибся, - смеётся Альберт.

— Чёрт! Само собой принимаю!

— Ну, я не сомневался! Никогда не зарабатывал столько, а? - подмигивает он.

— Неа… никогда…

— Но смотри: это большая ответственность! И я буду ждать результатов за эти деньги. А если их не будет… - Альберт разводит руками.

— …Вылечу отсюда, как пробка.

— Ну, зачем так сразу? Может, я тебя возьму разнорабочим. На прежнюю зарплату, хе-хе!

— Поверьте, шеф: вам этого делать не придётся.

— Мне нравится твой настрой, - говорит Альберт, делая свой любимый жест
• показывая на меня пальцем с сигаретой. - Ну раз так, вот тебе задача

номер один.

Альберт внезапно вскакивает из-за стола и начинает расхаживать по кабинету:

— У нас на самом деле жопа, Марк. Не надо никому говорить об этом, но у нас - полная задница. Сроки доставки постоянно срываются, мы вечно не укладываемся в график, и клиенты недовольны. А если клиенты будут недовольны, Марк, то всю нашу лавочку… - он показывает руками складывающийся карточный домик.

— Шеф. Можно поинтересоваться? А клиенты - это кто?…

— Очень важные люди, Марк. Настолько важные, что знать о них нам не положено. Наше дело малое - принять груз, переслать груз. Вот и всё. И мы должны это делать хорошо. А мы это делаем сейчас… не так, как клиентам хотелось бы. И это надо исправить. И исправить это должен ты.

Начинается новый рабочий день. Я по привычке вскакиваю по будильнику и бегу готовиться к утренней смене. Первым делом проверяю, всё ли в порядке на кухне и готово ли всё к завтраку? Прибираюсь, поднимаю с пола бумажки и уже собираюсь рвануть в сортир, чтобы проверить, хорошо ли прибралась там уборщица. Вечно за ней надо доделывать! Как вдруг…

— Здравствуйте, командир.

Оборачиваюсь, вытаращив глаза. Это Гриша. Восемь часов, он тут как тут. Чёрт, да я же…

Он спокойно идёт к раковине, берёт тряпку и принимается протирать стол. А я… я же теперь… командир. Ну конечно! Теперь же Гриша вместо меня! Вот я идиот!

Лениво оглядываюсь по сторонам, стараясь не подавать виду:

— А… здорово, Гриш. Молодец, вовремя пришёл. Как здесь приберёшься, надо уборную проверить. Там должно всё сверкать.

— Да, командир. Спасибо, что напомнили.

— Давай, не подведи меня.

Гриша остаётся надраивать стол, а я выхожу из кухни и останавливаюсь посреди зала. Я командир… И всё, что я делал раньше, теперь делает Гриша. А мне-то что делать?…

Неторопливым шагом выхожу через проходную на улицу. Вдыхаю дымный городской воздух. Чувствую лицом дуновение ветерка. Закуриваю.

«Принять груз, переслать груз…». И чтоб всё работало, как следует. Без задержек. Клиенты должны быть довольны. И сделать это должен я…

— Блин, и чё делать-то?… - произношу вслух, выпуская сигаретный дым.

Первый раз в жизни у меня работа, на которой никто мне не скажет, что именно делать. На которой я сам должен всем это объяснять. Я могу не торопиться. Могу не бегать, не делать ничего руками. Я могу вообще ничего не делать, если всё сделают другие. Главное, чтобы всё работало…

— Здравствуй, Марк!

Это Бека. Он всегда приходит первым, он ведь всё-таки бригадир. Мы здороваемся за руку. Замечаю, что интонация в голосе у него теперь совсем другая.

Он заходит, а я остаюсь дальше стоять на улице, как идиот.

Что делать?… Прогуляюсь, пожалуй. Проветрю мозги.

Я иду до китайского квартала, беру там завтрак - лапшу с яйцом. Это дороже и сытнее, чем мои прежние палочки из жареного теста, но я теперь могу себе это позволить. Я теперь даже квартиру могу себе позволить снимать! Но пока не буду. Поживу ещё на предприятии. Лучше быть там. Всё время. По крайней мере, сейчас.

Жую лапшу и думаю. Все мысли сейчас сосредоточены на том, чтобы понять: а чё делать-то? Клиенты. Клиенты недовольны. График нарушается, доставки задерживаются. А почему? Надо понять, как всё работает. Ну точно же! Марк, что ты за тугодум! Выясни, как всё работает! Спрашивай у всех. Спрашивай и спрашивай, до тех пор, пока не будешь знать, как работает склад лучше, чем сам Альберт! Хм, а со мной вообще будут разговаривать?… Должны, я ведь теперь командир. Надо проверить.

Быстро дожёвываю лапшу и резвым шагом возвращаюсь в контору. Там уже начинается рабочий день. Я оглядываю стопки контейнеров, стоящих один на другом. Это не простые ящики с крышкой, я это уже давно заметил. У них очень мудрёная конструкция, и все они заперты на специальный кодовый замок, и я ни разу не видел, чтобы кто-то у нас их открывал.

Вижу пробегающего мимо Руслана и окрикиваю его:

— Руслан!

— Да, Марк, - отвечает он мне, остановившись, как вкопанный. Во дела!

— Руслан, скажи, будь добр, а как эти контейнеры вообще устроены? Кто их открывает, кто закрывает?

— Слушай… я с этим так… очень примерно… Семён лучше знает.

— А позови его сюда.

— …Да, сейчас.

Руслан по рации вызывает Семёна, и через пару минут он передо мной, тут как тут. Я отпускаю Руслана, а Семёну задаю тот же вопрос.

— Контейнеры… Ну их запечатывает отправляющая сторона. А после этого открыть их могут только те, кто принимает. Там какой-то специальный хитрый шифр, и он вроде каждый день меняется. Но это всё, что я могу рассказать. Антон больше знает, он у нас заведует всеми этими… грузопотоками, будь они неладны.

— А он сейчас на месте?

— Через пол часа должен быть, - отвечает Семён, глядя на часы.

— Ладно, найду его сам. Спасибо тебе.

Семён кивает головой и отправляется работать дальше. Никто не удивляется, что я задаю вопросы, и являются все по первому же требованию. Чувствую себя большим боссом! Фантастика…

Неторопливо иду на кухню, завариваю кофеёк. Все вокруг бегают и трудятся, а я хожу и размышляю. Очень непривычно!

В кухню заходят Антон и крепкий здоровый парень по имени Чингиз.

— Здравствуй, Антон! - говорю, помешивая кофеёк. - Ты-то мне и нужен. Заваривай кофе - и пойдём, поговорим.

— …М-м-м… да, конечно… Марк. Сейчас, - слегка замявшись, отвечает он.

Он явно напрягся. Видимо думает, что я сейчас устрою ему проверку. Но нет, ничего такого я делать не собираюсь.

— Пошли, - говорю я, вставая из-за стола, как только Антон наливает себе кофе.

Мы выходим за дверь. Антон ждёт, что я скажу.

— Пошли, пошли, - говорю. - Да не напрягайся ты! Всё в порядке! Я просто хочу понять, как всё устроено.

— Как всё устроено?…

— Ну да. Просто покажи мне, как ты работаешь. И расскажи всё, что знаешь. Никаких обвинений. Никаких наказаний. Обещаю.

— Хорошо… без проблем. Прям всё-всё рассказывать?

— Всё-всё.

Антон улыбается, явно расслабившись:

— Пойдём!

Из Антона мне удаётся вынуть многое. Контейнеры привозят из разных мест. Часто с одного и того же железнодорожного терминала, но отправители могут быть разными. И получатели тоже разные. И разным получателям нужен разный товар. Товар этот маркирован специальными кодами и в соответствии с этими кодами перераспределяется. Что внутри мы не знаем, «почти никогда».

— *Почти* никогда?

— Ну, кое о каких товарах нам известно просто потому, что их изготавливают здесь, неподалёку.

— Это какие товары, например?

— Например, - ухмыляется Антон, - кукурузная крупа.

— Крупа? Какая ещё крупа в Подземелье? Здесь чё, кукуруза где-то растёт?

— Да нет. Кукурузные зёрна привозят в контейнерах и перемалывают их в крупу. Крупа фасуется, закладывается в другие контейнеры, запечатывается и отправляется.

— То есть те, кто перемалывают, они же её и запечатывают, вот этими специальными замками, так? - спрашиваю, показывая на один из контейнеров.

— Да, и открыть контейнер после этого может только получатель.

— И даже те, кто расфасовал крупу, открыть не смогут?

— Не, не смогут.

— Во система-то…

— Ну да.

— А как ты узнаёшь, кому какие товары отправлять?

— Ну тут всё просто. Вот, смотри.

И Антон показывает мне толстенную пачку бумажных накладных. Их распечатывают каждое утро, после того, как данные по заказам получены по сети на компьютер шефа. Антон носится с этими накладными и с помощью Чингиза перетасовывает контейнеры так, чтобы они были разбиты по получателям (Чингиз рулит погрузчиком). Дело это непростое и занимает дофигища времени. Мало того, ещё и данные могут измениться в течение дня, и их приходится перепроверять несколько раз за день: не изменился ли маршрут заказов и не нужно ли их теперь какие-то из них слать другому получателю? Естественно, постоянно возникают ошибки и задержки. А если не успел вовремя отправить на ЖД терминал, то поезд уйдёт и ждать не будет. Придётся отправлять следующим рейсом. Так товары скапливаются на складе и разгребать их всё сложнее…

— …Кошмар, короче! И все это разруливать потом - проще застрелиться. Естественно, шеф подключается, задействует связи. Ну и конечно он недоволен потом. В-общем, непростая

работёнка у нас, Марк, непростая. Ты уж постарайся нам помочь, шеф на тебя очень надеется.

Я расспрашиваю подробнее про этот кукурузный цех и ещё про пару мест, где запечатываю контейнеры. Совершенно обнаглев, прошусь у шефа на «экскурсию»: посмотреть своими глазами, как у них всё это работает. Шеф даёт мне номера телефонов, чтобы я прозвонил и сам обо всём договорился. В одном из мест мне сразу отказывают, но два других - «кукурузка» и ещё какой-то цех по плетению кабелей - соглашаются! На следующий же день я приезжаю в кукурузный цех и изучаю весь процесс: от начала, когда привозят зёрна в контейнерах, и до конца, когда перемолотую крупу фасуют в упаковки через специальный аппарат, сгружают в контейнеры и запечатывают.

Весь оставшийся день хожу под впечатлением от того, что увидел. Ночью долго не могу заснуть и всё думаю: кто же эти «отправители» и «получатели»? Отправитель шлёт кукурузу, но получатель предпочитает её в виде крупы. И почему-то её перемалывают именно здесь, на третьем круге. Получатели - боги? И они очень любят кукурузу? Бред какой-то... Ничего не понятно, но очень интересно!

Проходят дни, и хоть история про «отправителей» и «получателей» покрыта туманом и копотью, картина нашего собственного «бизнеса» потихоньку вырисовывается в моей голове. Знать что-то про отправителей и получателей для моей задачи не так важно. Важно другое: как упростить Антону жизнь? Как сделать, чтобы информация до него доходила вовремя и чтоб он мог работать быстрее?

Прихожу к Альберту, чтобы попросить посмотреть на эту базу накладных.

— Да пожалуйста, - говорит Альберт. - Я освобожу комп, и садись, смотри. Только чтоб не утекло никуда!

— А на маленький ноут я могу скачать, чтоб не ждать? Я там и пароль уже поменял.

— Э-э-э... может и можешь. Только у меня флешки свободной нет.

— Да я без флешки смогу. Подключусь к сети по проводу...

И тут я замираю.

— Ты чего?

— Я... мне... Ладно, шеф, я потом. Мне... мне срочно нужно на рынок!

Идея! Идея пришла мне в голову, да такая, что меня сейчас просто разорвёт, если не проверить догадку!

Дело уже к вечеру. Рынки с магазинами скоро позакрываются, надо торопиться! Ох, как не хочется откладывать до завтра! Я ж не засну тогда! Выскакиваю на улицу и чешу к ближайшему рынку электроники. Шагаю очень быстро, почти бегу. Как бы сократить? Кажется, вот через этот проулок быстрее будет.

Сворачиваю в подворотню, чтобы пройти двор насквозь. Вокруг темно. Шарюсь в кармане, ищу фонарик. Тут приходит сообщение на телефон. Достаю его, чтобы посмотреть, и вдруг…

— Попался, сучонок!!!

Удар по голове!

Я роняю телефон и не успеваю среагировать. Какой-то мужик набрасывается на меня в темноте, хватает за горло и силой прижимает к стене.

— Ну щас ты у меня получишь, щенок!

Лица его я толком не вижу, но узнаю голос. Он замахивается кулаком, а я аккуратно достаю из кармана газовый баллончик и, хорошенько зажмурившись и отвернувшись, выпускаю струю прямо ему в рожу. Он вскрикивает и отпускает меня, а я быстро отхожу на пару шагов в сторону, чтобы на лицо не попала перцовка. Протираю глаза рукой и промаргиваюсь как следует. Мужик сидит на земле, скорчившись, держится за свою физиономию и рычит матом.

— Здравствуй, Марат, - говорю, снова нащупав в кармане фонарик.

Марат тут же бросается на звук:

— Порву скотину!!!

Но он слепой, и увернуться от него для меня не проблема.

— Обижаешься, что тебя вышвырнули? Сам виноват. Вместо того, чтобы тратить сейчас на меня время, лучше найди новую работу. И веди себя там поскромнее на этот раз.

— В жопу себе засунь свои советы, сопляк!!! Я тебя на куски разорву!!!

— Если Альберт узнает, что ты на меня наехал, у тебя будут большие неприятности. У шефа ведь связи есть.

— Мне насрать на твоего Альберта! Я его не боюсь! У меня такие есть друзья, что ему и не снились!

— А федералов ты тоже не боишься? Или ты думаешь, я не слышал твоих пьяных анекдотов про Президента?

Я вожу фонариком по земле, пытаясь отыскать телефон, который уронил.

— Сдашь меня? - хрипит Марат голосом, полным презрения. Но от прежней ярости не осталось и следа.

— Не сдам. Если отвалишь.

В пятно света, наконец, попадается мой несчастный телефон. Подбираю его и кладу в карман.

— Удачи, Марат.

С этими словами я отправляюсь дальше, по своим делам. Поглядываю через плечо на всякий случай, но, кажется, он передумал со мной связываться. Эх, Марат, не жил ты на восьмом круге!

Минут за двадцать я дохожу до первой барахолки с электроникой. Иду в самый заряженный магазин и нахожу там то, что искал: электронные планшеты. На входе стоит очень суровый охранник, но продавец, наоборот, очень добрый и умилительно вежливый. Он с удовольствием показывает мне все возможности чудо-устройства, правда, не давая его мне в руки:

— Здесь даже, как на смартфонах, можно отправлять сообщения через мессенджер! Это удобнее и быстрее, чем СМС.

— А он подключен к сотовой сети?

— Да, если симку вставить. А ещё он может подключаться к локальной беспроводной сети. Мало кому это нужно, но у них у всех есть эта функция. Видимо, раньше было популярно.

Эти слова звучат для меня, как музыка.

— А можно поподробнее про эту «локальную беспроводную сеть»?

— Ой, нет, боюсь что про это я подробнее рассказать не смогу. Но вроде бы её можно как-то настроить, если вам надо… Я про это, к сожалению, ничего не знаю…

— А сколько стоит вот такой планшет?

Я захожу ещё в несколько магазинов и прицениваюсь. Денег такая штука стоит немалых, но можно отыскать приемлемые варианты. Я везде спрашиваю про «локальную беспроводную сеть». Где-то про неё вообще не слышали, а где-то говорят, что нужна дополнительная железка, и вообще всё это очень сложно. Но это только подогревает мой интерес!

За вечер я успеваю оббежать несколько рынков, и в конце концов оказываюсь в том самом месте, где толкнул найденный телефон Павлику через продавцов краденных мобилок. Захожу на продуктовый рынок поглядеть, по-прежнему ли они там? И точно! Тут как тут! Вон Вазген, а вон их главный, с опухолью. Подхожу к ним:

— Здорово, мужики! Помните меня?

— О! Здоров, братан! Ты как, с товаром?

— Да не, просто мимо проходил. Как дела у вас?

— Да потихоньку, не жалуемся.

— А как там Павлик?

— Павлик? Жив-здоров, всё ровно.

— Слушайте, мужики, мне его совет очень нужен. Я заплатить готов. Может кто-нибудь из вас меня к нему свезти? Называйте цену, я забашляю без вопросов.

Мужики переглядываются:

— …Вазген, свезешь?

— …Ну поехали, базару нет.

За пятнадцать фишек Вазген докидывает меня до знакомого квартальчика и доводит до ларька, в котором, несмотря на подзний вечер, одиноко горит свет.

— Тебе повезло, он так-то уже заканчивает в это время.

Благодарю Вазгена, и аккуратно приоткрыв дверь, захожу внутрь. Павлик всё так же сидит за своим рабочим столом при свете двух настольных ламп, и что-то паяет. Серая струйка дыма поднимается в воздух, разнося запах канифоли.

— Здоров, Павлик! Заходил к тебе как-то раз, телефон вскрыть. Помнишь?

Он поднимает свою раскосую физиономию и смотрит на меня:

— Не, не помню. А чё надо-то?

И я рассказываю ему историю про планшеты и про «локальную беспроводную сеть».

— А, «вай-фай» это называется. Ну да, есть такое. Для этого специальная железка нужна, маршрутизатор. Его одним концом через провод подключаешь к локальной сети, а другим концом она сеть раздаёт через радиосигнал. И к ней планшеты и смартфоны можно подключать. Только нафига это тебе? Это ж стоит недёшево и найти непросто.

— Ну а ты, может, знаешь, у кого такие железки могут быть?

— Пару мест можно попробовать…

Он берёт со стола один из смартфонов, и начинает елозить по нему пальцем:

— Так… это не то… этих уже нет… Ну вот сюда можно позвонить… И вот этим тоже…

— А они шарят, как это всё настроить?

— Не знаю. Может быть.

— Ладно, давай телефоны запишу. И слушай: дай свой телефончик тоже, а?

Я беру у Павлика его телефон и телефоны нужных людей, и оставляю ему ещё пятнадцать фишек, за беспокойство. Павлик - знающий чел, с ним надо дружить.

Выхожу на улицу, и первым делом прозваниваю по номерам, которые получил. Один не отвечает, а с двумя другими договариваемся на завтра.

В контору я возвращаюсь уставшим, но в предвкушении: получится ли то, что я затеял? Выгорит ли? Жуть как интересно!

Весь следующий день я провожу в разъездах. Шеф выделяет мне денег! Я ношусь из одного квартала в другой и выясняю про эти беспроводные железки. Наконец, картина уже целиком складывается в моей голове. Надо только как следует всё проверить, прежде

чем идти в бухгалтерию и называть цифры, от которых у нашей бухгалтерши волосы встанут дыбом.

Вызваниваю Павлика. Он согласен приехать, если я его привезу. Трачу какие-то безумные деньги на такси. Еду за Павликом. Привожу Павлика, подрядив Вазгена довезти нас подешевле. Павлик вертит железку с пластмассовыми антеннами в руках, втыкает в неё сетевой провод, просит ноутбук. Я прошу, чтобы он объяснял всё, что делает. Он вначале ухмыляется, но потом с удивлением обнаруживает, что я не полный дебил и даже что-то способен понимать. Он показывает мне, как настраивать маршрутизатор и как подключаться к нему со смартфона по беспроводной связи. Объясняет, что и с планшета будет всё точно так же. Мы ковыряемся где-то час, и Павлику, наконец, удаётся сделать то, что я хочу: он скачивает на свой смартфон файл, который лежит на ноуте, через локальную сеть. Мы договариваемся с владельцем лавки о цене, я отвожу Павлика обратно в его мастерскую, потом отвожу себя обратно на склад…

Я накачался кофе, в голове ураган, я почти что бегу к шефу в кабинет, чтобы рассказать ему свой гениальный план. Но шеф внизу, в компании какого-то очень представительного пожилого мужчины в шикарном сером деловом костюме. Осторожно подхожу к ним, не смея прервать беседу, и просто жду, когда на меня обратят внимание.

— А, здравствуй, Марк! - восклицает Альберт, увидев меня. - Господин, это Марк. Марк Малой. Которого я сперва нанял разнорабочим, а потом…

— А! Тот самый Марк! Здравствуй, здравствуй, - произносит господин бархатным голосом, снисходительно глядя на меня и улыбаясь через свою белую бороду.

— Марк, познакомься: это Леонид. Наш хозяин. Владелец всего этого предприятия, и не только его.

— З-здравствуйте… господин, - говорю, заикаясь. Только не забыть его имя! Леонид. Его зовут Ле-о-нид.

Хозяин лишь одобрительно кивает в ответ, и, положив руку на плечо Альберта и не обращая больше на меня внимания, говорит ему:

— Покажи мне весь товар. А ещё расскажи, что там у нас с этой… как её… информационной безопасностью. Я тут недавно узнал, что это важная штука…

Они уходят прочь, а я, постояв на месте несколько минут полным дураком, иду в бухгалтерию с «радостной» новостью.

Позже, вечером, я, наконец, дожидаюсь шефа и рассказываю ему всё, что задумал. Мы настроим по складу беспроводную сеть с помощью этих железок с антеннами. Мы дадим Антону и его сменщикам в руки планшеты, и им больше не нужно будет носиться с кипами накладных, а про изменения в маршрутах они будут узнавать сразу же. Находить нужные заказы с планшетом тоже будет проще, ведь номера контейнеров и заказов можно сканировать камерой планшета, а потом быстро искать в таблицах. Сами таблицы

будут отдаваться с файл-сервера, и в них будет только та информация, которую можно видеть Антону и остальным.

Шеф слушает внимательно. Когда слышит про деньги - морщится, но не останавливает. Я вспоминаю вдруг, как мы с Матвеем презентовали наш проект грозным воякам в метро, и сердце замирает. Взяв себя в руки, довожу свой рассказ до логического завершения, стараясь быть как можно убедительнее и увереннее в себе, хотя, конечно, понимаю, что многое может пойти не так.

Я замолкаю. Альберт докуривает сигарету и говорит:

— Ладно. Вижу, что ты хорошо всё изучил и подготовился. Ровно этого от тебя и ожидал. Ты молодец! Звучит всё здраво. Но с этим надо переспать.

• Он встаёт из-за стола. - Давай-ка вот что: я с утра завтра приду - и

решим, что с этим делать. Затягивать процесс не буду. Если да, то да. Если нет - будешь дальше думать. Всё, до скорого!

Альберт уходит. Кроме него на складе уже почти никого больше нет. Я брожу в одиночестве среди колонн из контейнеров и всё думаю: нет ли в моём плане какой-нибудь идиотской ошибки, из-за которой всё пойдёт прахом? Но ничего такого в голову не приходит, да и голова под конец дня уже не варит совсем. Иду ужинать, а потом спать. Будь что будет. Шеф прав, утро вечера мудренее.

Следующим утром Альберт приходит раньше обычного и в отличном настроении. Он зовёт меня к себе, чтобы сказать одно слово: «Делаем!»

Бухгалтерия выписывает мне сертификат на покупку пяти маршрутизаторов, и отсыпает фишек на три планшета. Я отправляюсь за покупками, а шеф звонит мне вдогонку:

— Марк, только планшеты купи покрепче, а то эти лоботрясы их быстро превратят в труху. У них, конечно, будет материальная ответственность, но всё-таки.

— Да, шеф, обязательно! Возьму для них защитные кожухи.

Конечно же зову Павлика и щедро отсыпаю ему фишек, а он тщательно проверяет все железки, и одну отбраковывает. Продавец говорит, что замены нету, и нам приходится ехать на другую точку. В общем, на то, чтобы всё купить, уходит целый день.

Я снова беру у Беки Семёна и Руслана, чтобы развешивать маршрутизаторы по складу и тянуть провода. Объясняю Антону и другим работникам, как пользоваться планшетами (и как не грохнуть их в первый же день!).

На настройку всего уходит полторы недели. Наступает момент истины.

Проходит две недели с момента запуска моей новой схемы. Я каждый день хожу смотреть, как работает Антон и не пользуется ли он бумажными накладными по старинке. Но Антон быстро осваивается с новым устройством, и его сменщики тоже.

Под конец второй недели я встречаю Антона на улице, когда выхожу покурить.

— Здорово, Марк!

— Привет! Ну чё, как работается теперь? Есть разница?

— Блин, да это магия какая-то! Я вот раньше так не мог выйти покурить. Чё там покурить - пёрнуть некогда было! Бегали все в мыле, и вечно всё не успевали. А щас, раз-раз, всё готово! И данные всегда правильные! И искать легко, и распечатывать эти накладные дебильные не нужно. Раньше если в принтере чернила заканчивались - это просто грёбаный апокалипсис был. Весь день в жопу. А теперь это вообще не проблема! Марк, честно: моё уважение! Ты извини, если я когда-нибудь как-нибудь с тобой не так…

— Ладно, ладно, погоди. Ты скажи: а проблемы какие сейчас есть? Я щас думаю, что ещё улучшить можно.

— Проблемы? Да проблема одна теперь: нас не поувольняют ли всех, случаем? А то мы ж раньше в три смены работали, а теперь…

— За это не беспокойся, Антон. Работа найдётся.

Докуриваю сигарету, захожу на склад, и по дороге думаю: а ведь и правда, три смены теперь многовато. И Антон прав: из-за меня могут уволить либо его, либо кого-то из его товарищей. Но с другой стороны - работы у нас и правда ещё много. Убрать бумажные накладные - это только первый шаг. Теперь надо подумать о том, как бы так составлять контейнеры, чтобы поменьше их перетасовывать? Ведь на это тоже уходит чёртова куча времени. При этом у нас есть много товаров, которые приходят почти всегда чётко по расписанию и уходят тоже. А значит, наверное, можно всё как-то лучше спланировать, если умнее работать с этими расписаниями. Я уже много раз смотрел в таблицы заказов, и, кажется, уже начинаю видеть закономерности…

Звонит телефон. Беру трубку и слышу голос шефа:

— Марк. Зайди. Поговорить надо.

Голос невесёлый. Что-то случилось.

Поднимаюсь на верхний этаж, захожу в кабинет и готовлюсь получить удар. Держись, Марк. Ты знал, что это рискованная игра.

Шеф встречает меня взглядом грустным, но не злобным. В этом взгляде - ирония.

— Садись, - говорит шеф, вздохнув и указывая мне на стул.

Я сажусь.

— Кофе будешь?

— Кофе?

— Да, кофе, Марк, - произносит Альберт, вздохнув, безо всякой агрессии.

— Вы… явно не ругать меня собираетесь, - отвечаю в недоумении.

— Ругать? Да что ты! Нет, наоборот: то, что ты сделал, Марк - я даже не знаю… это фантастика просто! Ну… по двум неделям, конечно, сложно судить, но из того, что я вижу… У парней столько проблем ушло… прям разом.

— Сокращать, надеюсь, не будете никого?

— А это посмотрим! Но с наймом пока точно торопимся.

— Ну а… что же тогда случилось? Вы, шеф, чёт грустный какой-то.

— Случилось… - Альберт горько посмеивается и качает головой. - Да блин… Случилось не у тебя. Случилось у Леонида. У хозяина нашего. Помнишь его?

— Конечно помню!

— Ну вот… Позвонил сейчас. Там, короче, такая история: был у него домоуправитель - парень молодой, но толковый - всё делал, всем рулил, всё у него там сияло и блестело, и не было у нашего хозяина никаких проблем. И вдруг - прикинь - взял и смылся с деньгами, сучонок! В казино играл, оказывается! И проигрался, влез в долги, все дела. И сидит теперь наш Леонид без управляющего. В доме грязь, ужин вовремя не готовят, горничных пасти некому, закупаться всем необходимым - тоже некому. В общем - кошмар!

— Да, грустно, - качаю головой, пытаясь изобразить расстройство. - Ну а… я-то тут причём? Вы ж меня зачем-то позвали.

— А он про тебя вспомнил! Представляешь? Звонит и говорит: «У тебя же есть этот парень - Марк Малой - он ведь толковый, вон какие дела ворочает! Значит, и с домом справится.» Короче, Марк: работу тебе предлагают. У господина. Домоуправителем.

Бабах! Сижу и хлопаю глазами, переваривая пару секунд услышанное.

— Так я ж… шеф… я ж вообще в этом не шарю.

Ничего не отвечая, шеф со вздохом достаёт маленькую квадратную офисную бумажку, что-то царапает на ней ручкой, и протягивает мне:

— Вот. Столько будут платить.

До меня не сразу доходит размер той суммы, которую я увидел.

— Это… в год?

— В месяц, Марк, - говорит шеф, глядя мне в глаза и кивая головой.

— И… когда надо будет приступить?

— Позавчера.

— А вы точно не шутите?

Шеф улыбается всё с тем же выражением на лице:

— Знаешь, Марк… глядя на ситуацию со своей стороны, я, конечно, ни в коем случае не хочу тебя отпускать. Ты… ты моя вторая голова. Ты столько можешь здесь сделать! Уже

сделал. И я бы очень хотел, чтобы ты продолжал. - Шеф тушит сигарету, подаётся вперёд, уперевшись локтями в стол, и продолжает вполголоса. - Но если б я был на твоём месте - я бы, честно, ни секунды не думал. Такая удача выпадает раз в жизни, понимаешь? Тут думать нечего - надо хватать её за хвост! Одно дело - крутить гайку на промзоне, а другое - работать в особняке у Леонида. Да ещё и на такой должности! Ты там поднимешься так, что никому не снилось! Ты же умный, толковый, без вредных привычек, правильно? В азартные игры ты же не играешь?

— Конечно нет!

— Ну вот! Видишь, всё сходится! А главное - ты здесь уже себя проявил, Леонид тебя знает. Ты идеальный кандидат! Зелёный свет, парень! Прямая дорога!

Альберт улыбается и откидывается в кресле, сложив руки за головой:

— Хотя я, конечно же, надеюсь, что у тебя там нихрена не выйдет, и что ты вернёшься ко мне. Помни об этом, парень: если там что-то не заладиться - приходи обратно. Я тебе всегда рад! Ну? Что скажешь?

10

Богатых людей в Подземелье очень мало. В основном все нищеброды, как я. Бывают те, у кого деньги водятся, но богатыми их не назовёшь - хлеб с маслом и курицу на ужин они, конечно, себе позволить могут, но если какая тяжёлая болезнь или «кассовый разрыв», то они легко оказываются на улице и попадают в нашу тёплую нищебродскую компанию.

Есть только один путь к богатству в Подземелье: бандитизм. Если ты главарь большой влиятельной банды, как Алмаз или Серый, тогда ты богат.

Алмаз - чистый силовик. У него куча оружия и верных головорезов, таких же, как он сам. Он решает вопросы силой и зарабатывает тем, что этой силы постоянно требует. Главный его доход - продажа электричества. Он сам его не производит, он договорился с федералами (опять же, с помощью силы). Удержать такой бизнес без оружия и связей невозможно. И Алмаз поднялся потому, что вовремя перегрыз глотки тем, кто осмелился с ним на этом поле конкурировать.

Серый - другая история. Он - умник. Он производит таблетки. Сам, на своих цехах. Он в этом хорошо смекает и умеет находить людей, которые смекают ещё лучше. Нужно ли ему оружие, чтобы удержать свой бизнес? Конечно нужно! И поэтому он договаривается с такими ребятами, как Алмаз. Серый занимается своим умным делом, а Алмаз «крышует» за проценты с дохода. Ну, в случае с Серым, наверное, не Алмаз конкретно, но кто-то вроде него. Таблеточный бизнес - это огромные баблища! Так что Серый очень богат.

Казиношники - отдельная каста. Эти ребята, по сути, владеют деньгами, ведь мы все расплачиваемся друг с другом именно казиношными фишками. Как попасть в этот бизнес, я даже себе представить не могу. Как Рубэн в него влез?... Из продажи наркоты во владельцы казино... просто чудо какое-то. Видно, хорошо продавал.

Ну и, наконец, федералы. Самая крупная и могущественная банда в Подземелье. Возглавляет её лично Президент. То есть получается, что Президент у нас главный бандит. И поэтому он самый богатый человек в Подземелье, в этом нет никаких сомнений.

Но кто же такой Леонид? Он ведь явно очень богат. Он владеет целым складом с громадным товарооборотом, и, по словам Альберта, не только им. Но он при этом не главарь банды. Как же так? А очень просто. По словам того же Альберта, Леонид знаком с Президентом через одно рукопожатие. То есть он - приближённый. И ему отдают часть денег, по сути, в управление. Есть большой кусок транспортной инфраструктуры, которым нужно управлять. Будет Президент сам этим заниматься? Конечно нет. Ему нужен кто-то с головой и амбициями, кто сможет взять это на себя. И наш Леонид - именно такой человек. Он находится под полным покровительством федералов, так что с ним лучше не связываться.

Третий круг - особенный. Здесь много таких ребят, как Леонид, которые сами не бандиты, но при этом очень состоятельны. Они тут сосредоточены, как пчёлы в улье. И любому нищеброду в Подземелье, мечтающему разбогатеть, я бы мог дать только один совет: попади на третий круг. Чего бы это не стоило! Здесь все деньги, и здесь у тебя есть хоть какой-то шанс.

Я не трачусь на такси и решаю прогуляться до Леонида пешком. Встаю пораньше, чтобы прийти к девяти утра. Обожаю гулять по третьему кругу! Это то, чего я не мог на остальных кругах. Здесь всё иначе! Дома, люди, вывески, дороги, тротуары. Здесь чисто! Ну, точнее, не так грязно. Здесь нет захламлённых пустырей и перестрелок на улицах. Здесь можно не бояться идущих тебе навстречу людей. Даже портреты Президента на каждом углу начинают мне нравиться, а воспоминание о том, как я побывал у федералов, успело уже как-то выветриться.

Выбираю маршрут так, чтобы пройти через знакомые места. Я прохожу мимо телевышки, мимо рынка, где болтал с Рафиком, мимо кукурузного цеха. Дома постепенно становятся ниже, и я оказываюсь в богатом квартале, отметив про себя, что от склада до этих мест идти не так уж далеко - чуть дольше часа всего-лишь. Сверяюсь с маршрутом, написанным на бумажке. Спрашиваю у прохожих, как найти место.

— Вон та улица, видишь? И стена высокая с коваными фонарями. Это, вроде, и есть «особняк Леонида». Ну или он где-то рядом, по соседству. Короче, парень, тебе туда.

Дохожу до стены в два человеческих роста, с фонарями и видеокамерами. Стена ровная, чистая, свежевыкрашенная, ни единой надписи нет. На углу висит красивая табличка с адресом, тем самым, который мне и нужен. А вон и входные ворота. Достаю мобилу, смотрю на часы: 8:45. Идеально! Есть ещё время, чтобы покурить и собраться с мыслями. Вынимаю из пачки сигарету, закуриваю и думаю. Кто меня встретит? Вряд ли сам Леонид. Кто-то из его прислуги. Из тех, кем я буду руководить. Нужно быть вежливым, но жёстким, с самого начала. Они должны понять, что я их новый командир. С другой стороны, кидать понты раньше времени не стоит. Я должен хорошенько въехать в курс дела, и я это смогу

только с их помощью. А если они мне не будут помогать, то у меня просто нифига не выйдет. Такой вот расклад.

Стою, уперевшись спиной в стену. Смотрю на часы. Наслаждаюсь дорог**о**й сигаретой. Вдруг дверь у входных ворот распахивается, и на улицу выходит здоровенный амбал в чёрном пиджаке и со стволом. Я мигом отрываюсь от стены и поворачиваюсь к нему.

— Э! Ты чё там трёшься, оболтус!? А ну пошёл вон! - рявкает охранник.

— Я… я к господину… к Леониду… работать… домоуправляющим.

— Чего???

Набираю в грудь побольше воздуха и выкрикиваю:

— ТОГО!!! Марк Малой я! Работать пришёл! Вон, в рацию спроси у начальства перед тем, как наезжать!

Тут же успокоившись, словно я наконец-то заговорил с ним на нормальном языке, охранник снимает с пояса рацию, бормочет что-то, рация шипит в ответ. Он меряет меня взглядом, будто бы сверяясь с тем, что ему сообщили, и коротко отвечает: «Принято». Потом поднимает на меня глаза:

— А чё стоишь тогда?

— Докурить хотел!

— Пойдём. По дороге докуришь, - махает он мне пистолетом.

Вот так легко и непринуждённо дом Леонида сам принимает меня в свои объятья. Я захожу, в сопровождении охранника пересекаю небольшую проходную и оказываюсь во внутреннем дворе, а передо мной возникает огромный шикарный особняк. Это не просто дом - это настоящий дворец! Три этажа и высокая крыша, козырьки, колонны, лепные статуи. Просто офигеть! Я замираю, открыв рот и глядя на это великолепие и думаю, это ж сколько денег надо иметь, чтобы владеть таким домом!

— Чё, богато живём? - слышу бас охранника из-за спины.

— …Да не то слово. И я теперь управлять всем этим должен. Тебя как зовут?

— Игнат.

— Марк.

Разворачиваюсь и обмениваюсь с охранником рукопожатием, чувствуя, что мои пальцы того и гляди хрустнут. Тут же вспоминаю Алмаза - хотя тот был раза в два сильнее, с ним и сравнивать бесполезно.

— Ты ж молодой совсем. И управляющим взяли?

— Ну так взяли-то не за красивые глаза. И не за возраст. Пошли, Игнат. Надо в курс дела войти. Говорят, там бардак и полный развал. Как подумаю, чё меня ждёт… Как тут вообще работается-то?

— Не обижают. Но спрашивают по всей строгости, как в Федеральной Гвардии.

— А ты служил в Федеральной Гвардии?

— Было дело.

Мы идём по мощёной дорожке к главному входу, разговаривая о том, о сём. Важно наладить отношения со всеми, кто здесь работает, в том числе и с охраной. Две больших чёрных собаки лежат у крыльца и смотрят на меня, подняв уши и не сводя глаз. Они не лают, не вскакивают, просто молчат и не шевелятся, но я понимаю: одна команда, и они разорвут меня на куски.

Мы поднимаемся на крыльцо и оказываемся перед массивной резной дверью с толстой стальной ручкой, большим глазком и…

— Посторонись-ка, командир.

Игнат подходит к двери, прижимает палец к сенсору на ручке, и дверь отворяется сама, неторопливо и важно, будто мы и правда заходим во дворец. Я вижу богатую прихожую из тёмного дерева, большой просторный зал с двумя закруглёнными лестницами, и по одной из них спускается… сам Леонид. Он смотрит на меня испытующим взглядом, уважительно кивая головой.

— Заходи, командир. Не робей, - тихо гудит мне на ухо Игнат, подталкивая в спину.

Я переступаю порог, дверь за мной закрывается, и я оказываюсь прямо перед господином. Он одет в шикарный деловой костюм. На ногах - мягкие домашние тапочки.

— Ты пунктуальный, Марк! - говорит Леонид, глядя на сверкающие наручные часы. - Это хороший знак, я ценю пунктуальность. Ну что ж, - он оглядывается вокруг, - принимайся сразу за дело! Работы у тебя много. Я уже несколько дней живу без управляющего и, честное слово: это катастрофа! Долго разговаривать с тобой сейчас не могу, ибо мне надо срочно ехать по делу. Но я всех уже оповестил о твоём приходе, так что хватай каждого, кто тебе попадётся, и выясняй всё, что нужно. В доме должна быть идеальная чистота и полный порядок, завтрак, обед и ужин должны быть приготовлены вовремя, ну и так далее. Всё, уезжаю, время не ждёт. Надену, пожалуй, чёрные ботинки, они к этому костюму хорошо подходят.

Произнеся это, Леонид стоит, не шевелясь, и смотрит на меня. Он явно чего-то ждёт. Чёрт, Марк! Ну какой же ты тугодум! Господину нужно обуться!

Я мечусь глазами по прихожей и нахожу полку с обувью. Подбегаю к ней, хватаю чёрные ботинки и прыжком возвращаюсь к хозяину:

— Садитесь, господин, я всё сделаю!

Леонид опускается, кряхтя, в коричневое кожаное кресло:

— Не «садитесь», а «присаживайтесь», - говорит он, посмеиваясь, своим спокойным бархатным голосом.

— Виноват, господин!

— Ничего, ты парень смышлённый. Ты быстро научишься…

Я обуваю Леонида и как следует завязываю шнурки на ботинках.

— Не жмёт, госоподин?

— Очень хорошо, Марк. Очень хорошо.

Он жестом подзывает меня к себе и встаёт, оперевшись рукой о моё плечо.

— Ну! Пора. Да, чуть не забыл: вот тебе моя визитка, чтоб ты мог мне позвонить. Но учти: зря трезвонить не надо. Только если что-то очень-очень важное. Ну там, гость какой-нибудь значимый пришёл или что-нибудь в этом роде.

— Да, госоподин.

— Удачи, Марк.

Хозяин похлопывает меня по плечу и отправляется к выходу, а я смотрю на визитную карточку. Визитка сделана из тонкого металла и покрыта белой эмалью. На неё нанесена гравировка. Одно лишь слово: «Леонид». И номер телефона.

Хозяин открывает входную дверь и задерживается на секунду:

— Ах, да! Тебе же, наверное, понадобятся деньги!

Он достаёт из внутреннего кармана ключ и продолжает:

— Это ключ от одного из сейфов в кабинете. Откроешь его. Там наличные. Используй столько, сколько тебе необходимо для работы. Используй с умом. И смотри, без глупостей! Помни про своего предшественника. Ты ведь не хочешь закончить, как он?

— А что с ним, господин? Его нашли? Арестовали?

— Ну зачем «арестовали»? - хмурится Леонид. - Нет, полиция, конечно, помогла мне его найти, но я поступил по совести: отдал его кредиторам.

— А они?

— А они сделали то, что обычно делают в таких случаях - разделали его на органы. Он молодой был, органы хорошие… Я уверен, они остались в плюсе. Ну да ладно, бог с ним! Заболтался я с тут тобой. Игнат! Где там Борис?

— В полной готовности, господин, - слышится с улицы, - на низком старте!

— Чудненько! Марк, лови!

Он бросает мне ключ, и я ловлю его на лету почти машинально.

— Вот это реакция! Браво! - хлопает в ладоши господин. - Удачи!

Сказав это, Леонид выходит из дома, оставив меня с ключом в руках.

Прячу ключ в карман и остаюсь посреди шикарного зала совершенно один.

Думаю о прежнем управляющем. О том, с какой лёгкостью Леонид рассказывал о нём. Без злости. Без неприязни. Просто досадное происшествие, бытовая неурядица, не более того.

Вожу рукой по перилам лестницы, словно в трансе. Разглядываю картины на стенах, расписные обои, хрустальную люстру… Каждый кусочек пространства вокруг пропитан богатством. Единственный элемент, который портит всё впечатление - это я. Мои грязные кеды. Мои потёртые джинсы. Мой потрёпаный рюкзак за спиной. Оставлю его, пожалуй, здесь где-нибудь, в шкафу. В ближайшее время он мне вряд ли понадобится.

Первым делом надо осмотреть весь дом. Начинаю с нижнего этажа. Здесь за дверями зала - большая гостиная. Длинный стол накрыт белоснежной скатертью, аккуратно расставлены приборы и бокалы, свечи в подсвечниках, букет цветов в хрустальной вазе. Рядом - бар со стойкой и барными стульями, и небольшая сцена для выступлений и живой музыки. Я шагаю через комнату, рассматривая всё это великолепие и боясь прикоснуться.

За барной стойкой вижу дверь с круглым окошечком. За ней - кухня. Большая, солидная кухня, не меньше гостинной по размеру. На кухне встречаю молодого смуглого паренька - повара. Расспрашиваю. Паренька зовут Саид. Он младший повар, а вообще их тут четверо. Самый главный - шеф-повар - должен прийти ближе к вечеру. С ним мне точно надо познакомиться!

Отправляюсь на второй этаж и первым делом смотрю, что скрывается за массивной дубовой дверью. Это кабинет Леонида. Я захожу в него и словно попадаю в другой мир, ещё более богатый, чем тот, в котором был пять минут назад. Невольно присвистываю, водя глазами вокруг, словно малолетний чумазый пацан из трущоб, которого привели в кондитерский магазин.

— Алмаз, да ты просто пигмей, - произношу вслух, кивая головой и вдыхая запах чего-то очень-очень дорогого - древесины элитных пород, кожаной мебели, одеколона, сигар, тканей и… камина, чёрт его дери!

Опускаюсь в кресло за большим письменным столом и чувствую себя хозяином жизни. Я - Леонид. Просто Леонид, одного имени достаточно. Стоит лишь протянуть руку и взять телефон - и сотни или даже тысячи людей готовы будут порвать задницу, только бы мне услужить! Как можно было у такого человека своровать деньги? Каким идиотом нужно было быть!

Я достаю из кармана ключ и, вытянувшись, вставляю его в замочную скважину сейфа, стоящего тут же, рядом. Делаю поворот. Внутри щёлкает. Тяну ручку на себя, и дверь открывается. Вижу стопки наличных. Одни пятидесятки, меньше нет. Быстро пересчитываю столбики оранжевых фишек - что-то вроде десяти тысяч. Бери да пользуйся! На хозяйственные нужды.

Тяжело выдыхаю. Закрываю сейф на ключ и прячу его во внутренний карман. Встаю с кресла, брожу по кабинету, снова хорошенько рассматриваю всё вокруг. И вдруг понимаю: Леонид говорил, что в доме полный бардак, но я нигде его не вижу! Я заглядываю в каждый угол и изо всех сил пытаюсь понять, что не так, но здесь всё идеально! Ну, на

мой взгляд! А ведь Леонид видит совсем другое. И это проблема. Я должен понять, где беспорядок. Я должен его разглядеть и распознать. Если не научиться этому в самые ближайшие дни, то я тут надолго не задержусь. Это ясно, как солнце по телевизору.

Выхожу из кабинета и заглядываю в соседнюю комнату. Здесь спальня господина. Огромная кровать с навесом. Рядом умывальник и рабочий стол. Тут же дверца в небольшую уборную. Шкаф с одеждой. Тумбочки. Ночная лампа на изящной длинной ножке. Долго ищу выключатель, чтобы всё рассмотреть получше при свете. Минут через десять поисков выясняю, что выключатель не кнопочный - небольшая стеклянная пластинка у двери, вот что мне нужно. Касаюсь её - и свет загорается. Веду пальцем вверх - и света становится больше. Чудеса… Но где беспорядок? Его нет! Вокруг идеальная чистота.

Я заглядываю под кровать, провожу пальцем по дорогому паркету и вижу на пальце немного пыли. Есть! Вот оно! Наконец-то я хоть что-то нашёл!

Поднимаюсь на третий этаж. Там комнаты. Спальни, игровой зал и… Слышу гул. Что-то вроде пылесоса или полотёра. Иду на звук и открываю дверь в комнату, из которой он слышен. Вижу девушку в тёмно-синей блузке и белом переднике. Она натирает ковёр какой-то механической штуковиной. Девушка испуганно оборачивается.

— Привет, я - Марк! Новый управляющий! - кричу я ей сквозь шум.

Она выключает агрегат и скромно улыбается, пряча взгляд:

— А… здравствуйте. Да, господин про вас говорил. Я Татьяна, горничная.

Я подхожу к ней поближе:

— Таня, давай на «ты» и без лишних любезностей. Так будет проще.

— Хорошо, - отвечает она, по-прежнему смущённо улыбаясь.

— Таня, отвлекись сейчас от уборки и расскажи мне всё, что знаешь. Не волнуйся, всё под мою ответственность. Какие у тебя обязанности, как проходит твой рабочий день и так далее. У меня проблема: я не вижу нигде беспорядка!

— Не… видишь?

— Нет, - говорю, улыбнувшись и пожав плечами.

— Мы с Машей едва успеваем всё убрать!

— Вот и отлично! Покажи мне беспорядок. Прямо сейчас! И, кстати: кто такая Маша?

Таня мне сразу нравится. Она скромная, толковая и трудолюбивая. Рабочий день у горничных начинается в 8:30, и заканчивают они в 5 вечера. За это время нужно убрать все этажи (их три) и все комнаты, везде навести порядок, постирать и поменять бельё везде, где нужно. Аппарат у неё в руках называется «моющий пылесос». Им моют то, что я называю «ковром», а на самом деле это «ковролин». Таня объясняет мне, в чём разница. Показать беспорядок для Тани - проще простого. Мы идём в соседнюю, игровую комнату. Таня хлопает два раза в ладоши и говорит:

— Включить свет.

Свет тут же загорается. Я смотрю на Таню в изумлении:

— …А я выключатель искал минут пять.

— Да, можно и на выключатель нажать, но это не обязательно.

Она показывает мне на ковролине пятно от пролитого кофе. Я в жизни бы его не заметил! А Таня говорит, что это «кошмар и ужас», и если господин увидит, что оно не отмыто - то им с Машей не сдобровать.

— А где Маша?

— Она… видимо, пока ещё не пришла.

— Так рабочий день же в 8:30 начинается. А сейчас уже 9:30.

— Она… частенько опаздывает.

В 9:45 является Маша. Она - противоположность Тани: яркая, эффектная и с характером. На вопрос про 8:30 она вежливо отвечает, что мне не нужно беспокоиться и что они всё успеют. Но я специально наблюдаю за Машей в течение дня и отмечаю про себя то, что, в-общем, было понятно в первые пять минут нашего знакомства - Таня пашет, а она руками машет. «Я пойду покурю», «мне надо позвонить», «мне надо отойти не надолго». Может быть она у господина на особом счету? Надо выяснить.

Вспоминаю вдруг, что мне нужно собрать номера телефонов всех, кто работает у нас в доме. Без этого никак, я должен с каждым быть на связи! Беру у Тани её и Машин телефон. Бегу на кухню к Саиду и собираю номера всех поваров. Потом бегу посмотреть, что в левом крыле на втором этаже - я совершенно забыл туда заглянуть. Оказывается - баня! Ну, то есть, «сауна», как мне объясняет Таня. А «баня» - в отдельном корпусе за домом. Сауна находится прямо рядом с кабинетом господина, поэтому за ней надо следить особенно внимательно.

Я ещё толком даже не начал работать, а уже бегаю по дому без остановки. И ведь я не спросил у Леонида, во сколько он вернётся! Он может оказаться здесь в любой момент и… что он ожидает увидеть? Порядок ли в доме? Справился я или нет? Благодаря Тане я потихоньку начинаю замечать беспорядок в разных частях дома: здесь полотенце не сложено, здесь бельё не поменяно, здесь на зеркале следы от брызг и разводы, а тут мыло скоро закончится. Вроде фигня-фигнёй, но голова пухнет от новой информации, и к трём часам дня я уже в таком состоянии, как будто провёл с Арчи две тренировки подряд.

Бегу по третьему этажу и натыкаюсь на незнакомого человека. У него потёртый вид, щетина на морщинистом сером лице и редкие растрёпанные волосы на голове. Грязные, заляпанные штаны-комбинезон на подтяжках, разбитые ботинки, тоже не особо чистые. Мы останавливаемся. Я гляжу на него, а он на меня.

— Привет! Ты кто? - говорю.

— Я Василий.

— Марк. Управляющий новый.

Я протягиваю ему ладонь, и он нехотя жмёт её своей жилистой рукой.

— Ты бы тут… не ходил в грязной обуви, - говорю. - Здесь Таня час назад пол мыла до блеска.

Он смотрит на меня, как на грязь из-под ногтей:

— Да ну! Чё, правда? - Василий кивает наверх. - Там крыша протекает, а на улице дождь. Твоя Таня заделать сможет?

Молча качаю головой.

— Ну вот. А я с этим мудохаюсь уже час, и ещё столько же впереди. И вы мне лучше не мешайте, детишки, чтобы я всё успел и чтобы главный этого не увидел.

Василий отправляется своей дорогой, а я, как собачка, увязываюсь за ним следом:

— Слушай, Василий. Ты извини, если что не так. Я ведь ещё здесь не со всеми знаком. Тебе нужны инструменты какие или материалы? Всего хватает?

— Мне нужно, чтоб ты не болтался под ногами, - презрительно выдаёт Василий, а потом лениво добавляет. - Пену покупали недавно. Герметик вроде был. Но если засох, тогда нужен.

— А ты где всё это берёшь?

— Всё в подсобке лежит, внизу.

— Покажи!

Мы неторопливо идём вниз смотреть подсобку, и по дороге я выясняю, что Василий, кажется, самый главный и самый важный для меня человек в доме. Он тот, на ком вообще этот дом держится. Он знает каждый угол, каждый гвоздь, каждый провод и каждый вентиль. Если что-то ломается - он знает, как починить. Если что-то работает - он знает, что делать, чтобы не сломалось. Я хоть и управляющий, но с Василия нужно пылинки сдувать! Второго такого я просто не найду. Я могу поссориться здесь с кем угодно, но только не с ним. Так что с Васей надо дружить. И вынимать, вынимать из него информацию, столько, сколько смогу!

В пять часов вечера горничные уходят. Я вежливо напоминаю Маше, что рабочий день у неё начинается в 8:30 и слышу неопределённое «угу» в ответ.

Спустя минут пятнадцать приходит шеф-повар.

— Дэн, - кидает он мне, хлопнув по ладони своей мощной ручищей.

Дэн легко мог бы устроиться боевиком в какую-нибудь банду вроде Алмазовских. Он крепкий и здоровый, широкие плечи плавно переходят в бритую голову с массивной челюстью. На шее набита синяя татуировка с витиеватым узором. Били здесь, на третьем

круге, это сразу видно - очень тонкая работа. Местные мастера - не то, что наши «наколенщики»...

Я тихонько следую за Дэном, чтобы посмотреть на него в деле. Он быстро заходит во внутренний рабочий гардероб и переодевается в белый поварский халат. Заходит на кухню, размахивая плечами, оглядывает всё вокруг взглядом хищника, и рявкает так, что звенят сковородки:

— А где Шиша, бля?!!

— Опоздает... шеф... на пятнадцать минут... - мямлит Саид в ответ.

— Набери его. Сегодня не так страшно, но пусть поторопится.

Он берёт в руку здоровенный нож. Я стою в дверях, но мне хочется отойти на шаг и спрятаться за дверью. Сверкая лезвием, Дэн смотрит на листок, прикреплённый к доске на стене.

— Так, чё у нас сёдня по плану... Свинину закупили?

Не дожидаясь ответа, он подходит к холодильнику размером с жилую комнату и открывает правую дверь.

— Где свинина, бля?!! Я велел затариться, на прошлой неделе ещё!!!

— Шеф, так управляющий же... того... - мямлит второй повар, Гена, с которым я пока не знаком, но телефон записан.

Шеф шарахает ручкой ножа по металлическому столу так, что всё подпрыгивает:

— Твою грёбаную мать!!! А где этот новый управляющий? Только что с ним здоровался.

— Я здесь! - выкрикиваю я, держась за дверь. - Свинина нужна?

Дэн оборачивается, осторожно кладёт нож на стол и делает пару шагов в мою сторону:

— Тушу, разделанную, семдесят кило минимум. Господин хотел шашлык сегодня, но ещё на будущее надо. Добудешь её мне?

Мне хочется крикнуть «так точно!», но я сдерживаюсь и отвечаю как можно более расслабленным тоном:

— Где берёте обычно?

— На Мясных Рядах, где ещё?

— Далеко отсюда?

— Соседний квартал, дальняя сторона.

— Через пол часа.

— Нереально.

— Почему?

Дэн усмехается:

— Не работал ты с их доставкой, братан…

— Ждите!

Я исчезаю в дверях кухни, и вот я снова бегу. Бегу через гостиную на второй этаж в кабинет Леонида, открываю ключом сейф и сгребаю в карман пятьсот фишек (наверняка сильно с запасом, хотя я даже примерно не представляю, сколько стоит свинина!), вызваниваю такси до Мясных Рядов. Я бегу и запрыгиваю в такси, и даже пока я еду до рядов (не так уж и долго), я мысленно всё равно бегу. Выскакиваю из такси на Мясных Рядах и ношусь по рынку, как ошалелый, разглядывая всё, что есть вокруг, и стараясь всё запомнить, потому что наверняка ещё пригодится. Свинину продают несколько человек, и я торгуюсь с каждым. Я покупаю свинину первый раз в жизни, причём целую тушу сразу, и я понятия не имею, как её выбирать! Поэтому я смотрю не на туши, а в глаза продавцов, пытаюсь понять, что они за люди, кто из них врёт и как именно врёт. В-общем, снова играю в покер.

— Ты ведь не в ресторан берёшь, а для солидного господина в частный дом,
• слышу от старого седого мясника, который мне сразу приглянулся.

— А как ты понял?

— Опыт!… - говорит он, подняв вверх заскорузлый палец. - Ресторанщики - они другие. И торгуются по-другому. Из-за каждой фишки норовят скандалить. А свежее или не свежее - это им не так важно. Так что, сынок, послушай, что я скажу: вот эта свинка - твоя. Лучше ты не найдёшь ни здесь, ни на другом рынке.

Я рассматриваю тушу. Точнее, делаю вид, что рассматриваю. Понимания, хорошая она или плохая - ровно ноль. Всё, что я могу - понадеяться на продавца.

— Ладно. Беру. По рукам. Смотри, дед, я на тебя рассчитываю. Если шеф-повару не понравится, он вначале *мне* яйца отрежет, а потом за твоими придёт. Он у нас знаешь какой!

— Видал я разных поваров… Но с этим товаром, сынок, мне ничего не страшно.

— А как её довезти-то?

— Вон там доставщики, с ними договаривайся.

Но доставщики повезут только через два часа, да и то если фургон наберётся. То, о чём и говорил шеф. Но разве меня это остановит? Я вызваниваю одно такси, другое, третье. Потом бросаю это дело и просто бегаю по окрестностям рынка в поисках тех, кто на колёсах, но при этом на мели. Ищу тачки попроще да похуже. Нахожу барыг в спортивных костюмах на старом авто с простреленным кузовом. За пятьдесят фишек пацаны соглашаются. Мы тащим свинную тушу, пихаем её в багажник, но в багажник она не помещается, поэтому приходится заталкивать её на пассажирское сиденье. Пацаны и злятся, и ржут одновременно.

— Твою мать, вот это кабан!

— Это тебе не жмуриков возить!

— Во откормили, мне б так!

Наконец, свинья упакована. Автомобиль еле трогается. Мы едем домой.

Подъезжаем к воротам. Я зову Игната. Игнат зовёт двух других охранников. Они вытаскивают тушу и прут её на себе в дом через чёрный ход, и через десять минут Дэн смотрит удивлёнными глазами на тушу, на охранников, и на меня.

— Братан. Уважуха. Как там, говоришь, тя звать?

В начале восьмого возвращается Леонид. Ужин накрыт в гостиной, на столе дымится огромное блюдо с шашлыком и сочными стейками, овощи, обжаренные на гриле, сыры нескольких видов, соусы и картофель по-мексикански, который, по словам шеф-повара, господин обожает. Дэн подробно объяснил мне, как подавать вино к столу. К мясу лучше всего подходит красное сухое, но господин бывает в разном настроении, и иногда может захотеть полусухое, а иногда вообще портвейн или коньяк. Портвейн - когда дела идут не очень, коньяк - наоборот, когда день особенно хорош. Шеф был так благодарен мне за мясо, что провёл мне целую лекцию с экскурсией в погреб и разбором всего того безумного количества бутылок, которое там находится.

Настроение у господина сегодня, судя по всему, обычное, поэтому я достаю из погреба красное сухое и, на всякий случай, красное полусухое. Леонид сидит за столом, заправляя салфетку себе за воротник. Я подхожу к нему с правой стороны и ненавязчиво подношу бутылку, показывая этикетку. Он забирает у меня бутылку из рук:

— Французское… сухое. Хороший выбор, Марк. Как раз то, что нужно! Наливай.

Открывать и наливать вино я теперь тоже умею. Мы с шефом тренировались. Перед приходом Леонида я на всякий случай не стал пить, хотя попробовать очень хотелось, так что Дэн осушил бокалы за нас двоих. Бывают люди, которым алкоголь нисколько не мешает работать, а, кажется, наоборот - только помогает. И Дэн, похоже, как раз из таких.

Господин делает глоток вина, а затем пробует мясо.

— М-м-м! Вот это шашлык! Как я соскучился по хорошему шашлыку! Молодцы, молодцы ребята! Хвалю. Марк, передавай от меня Денису низкий поклон, - шепелявит Леонид с набитым ртом, заливая мясо очередным глотком вина. Вид у него очень довольный.

— Обязательно передам, господин. Что-нибудь ещё?

Леонид оглядывается на меня и вдруг как-будто замечает что-то, чего раньше не видел, а теперь вдруг оно бросилось в глаза:

— Марк, - говорит он, глядя так, как будто я совершил какую-то очень досадную оплошность, - тебе бы… приодеться, дорогой мой.

Он достаёт из кармана что-то вроде блокнота, пишет на первой странице ручкой, вырывает лист и даёт мне:

— Вот. Здесь тысяча. Костюм-тройка с галстуком, цвет тёмно-синий, с белой рубашкой. Ботинки классику тоже обязательно. В-общем, ты понял, да? Если не будет хватать - из сейфа возьми. Я не тороплю, но… к следующему банкету это всё должно быть на тебе. Понял?

— Да, господин, - мямлю, офигев и принимая из рук Леонида чек на тысячу фишек, - … Что-нибудь ещё?

— Нет, ты свободен. Позову, если будешь нужен.

— Да, господин. Приятного вам аппетита!

— Благодарю.

Я выхожу из гостиной через парадный вход, но потом обходными путями проникаю на кухню, чтобы сообщить поварам радостную новость: ужин зашёл на ура! Мы дружно бьём по рукам, а шеф велит мне через час быть на кухне, чтобы доесть и допить то, что останется (а останется много). И тут я вспоминаю, что сегодня почти не завтракал и вообще не обедал. Тут же подступает дикий голод. Чёрт, зачем он сказал! Но ничего, протяну часок-другой, не привыкать.

Час спустя мы обжираемся на кухне шашлыком и стейками с картошкой, и я клянусь: ничего вкуснее в жизни не ел! Сочная свинина просто тает во рту! Пробую вино и не верю, что всё это происходит на самом деле. Оно всё словно не из этого мира. Как будто я сейчас проснусь в трущобе под протекающей залатанной крышей и пойду к Лёхе на автосервис подносить ключи и крестовины. Не верю! Просто не верю! Неужели такое будет каждый день?

Вдруг звонит телефон. Беру трубку и слышу грозный голос господина:

— Марк! Ко мне в кабинет, быстро!

Я бледнею, и мы с поварами переглядываемся.

— Накосячил кто-то? - бормочет Саид.

— Наверное…

Осторожно открываю дверь и крадучись захожу в кабинет. Леонид сидит за столом и курит сигару. Лицо у него каменное, а взгляд такой, будто он сейчас метнёт молнию.

— Марк.

— Да, господин, - говорю почти шёпотом.

— Скажи мне, а что с камином?

Он кивает в сторону камина, который, конечно же, не горит, ведь его никто не растопил.

Я хватаюсь за лицо и бегу срочно решать проблему, а Леонид спокойно наблюдает за мной. Так, я же умею разжигать костёр. Здесь ведь то же самое, не должно быть сложно.

Вот дровишки лежат, бумага для растопки рядом, зажигалка у меня есть. Выбираю дрова поменьше и складываю их домиком, подсовываю бумажки и…

— А заслонку кто будет открывать? Или ты хочешь, чтоб мы тут от дыма задохнулись?

Чёрт, заслонка! А где она? Я мечусь взглядом вокруг камина.

— А в сауне ты был? Она тоже холодная!

Чёрт! Чёрт! Чёрт! Сауна! Почему я не подумал и не спросил про сауну!!!

Я поднимаю взгляд на Леонида и уже порываюсь ему сказать, что сейчас я всё исправлю, но он вдруг резко меняется в лице и начинает беззвучно, скрипуче хохотать, глядя на меня и хлопая себя широкой массивной ладонью по колену.

— Хе-хе-хе! Ладно уж! - махает он рукой и пыхает сигарой. - Для первого дня всё равно неплохо. Ужин был такой, что всё прощаю. Но запомни: к вечеру всегда камин должен гореть, а сауна должна быть растоплена. Это ясно? - сверкает он глазами из-под седых бровей.

— Да, господин! Простите, больше такого не повторится!

— Ладно, ладно… За один день всего на свете не узнать. Это тебе не склад, хе-хе! Но я думаю, у тебя всё получится. Вот что, Марк, - тыкает он в мою сторону почти как Альберт, только не сигаретой, а сигарой, - ты с ними построже. Их надо всех держать в узде. Вот пару дней всего нет управляющего - и пошло-поехало. Понимашь? Пожёстче надо да поувереннее. Помни: власть не дают - власть берут.

Из уст Леонида это звучит особенно глубоко.

— Да, господин, - мямлю в ответ. - Спасибо… за совет.

Вот это последнее можно было бы и не говорить. Звучало очень по-дурацки.

— На здоровье. Всё, можешь идти. А я… в душе поплескаюсь, что уж поделать…

Иду прочь, но замираю на пороге и, обернувшись, спрашиваю:

— Какие у вас планы на завтра, господин?

— Завтра… завтра, завтра… - Леонид роется в кармане и достаёт ежедневник. - Завтра я дома весь день. Будет один гость в середине дня, но готовиться не надо.

— Понял. Хорошо. Спокойной ночи, господин!

— «Спокойной ночи» детишкам говорят, хе-хе! *Доброй ночи.*

— Прошу прощения. Доброй ночи, господин.

— Доброй ночи, Марк.

Выхожу из кабинета, осторожно закрываю дверь и выдыхаю! Фуф! Кажется, пронесло. Сегодня он меня не вышвырнет. Побарахтаемся ещё. И ведь как лицом-то сыграл! Я прям

поверил! Сто пудов он в покер играет, и притом хорошо. Но бог с ним, за покерным столом мы вряд ли встретимся.

Итак, сегодня я продержался. Ура! Но ведь наступит завтра. А потом послезавтра… Просто капец! Леонид абсолютно прав: это тебе не склад. Ещё не закончился день, а я уже замученный в выжатый, как тряпка, а башка, кажется, сейчас просто треснет от всего того, что нужно в ней удержать! И даже сейчас я не могу расслабиться.

Я бегу обратно на кухню, чтобы обсудить с поварами план на завтра. Ведь господин завтра из дома не уйдёт, и нужен и завтрак, и обед, и ужин. У нас проходит настоящая планёрка, мозговой штурм. Дэн прикидывает, что завтра за день и какие продукты у нас есть. Перечисляет то, чего не достаёт. Я хватаю блокнот и судорожно записываю всё то, что должен буду раздобыть на рынке. Потом спрашиваю про камин и про сауну.

— А, это всё Кот знает, - говорит шеф.

— Кот?

— Кот. Ну, Василий.

— Понял, тогда спрошу у Василия… у Кота. Он каждый день здесь?

— Вроде да. Но если нет, ему позвонить можно.

Вот блин, а у меня ведь нет до сих пор его телефона! И повара не знают! Боже… моя голова сейчас точно расколется!

Я выхожу из кухни совершенно обессилевший, и тут вдруг спрашиваю сам себя: а где мне ночевать? В доме? На улице? На складе у Альберта? В одной из гостевых комнат? Ох… Надо бы спросить у хозяина, но нет, мне лучше сейчас не попадаться ему на глаза. Пусть лучше у него в голове останется мысль о том, что я скоро всему научусь, и что от меня больше пользы, чем проблем. Блин, чё делать-то?… Уже одиннадцатый час…

Беру телефон и набираю Таню.

— Алло, - слышу её спокойный, тихий голос.

— Тань, привет. Извини, что поздно. Скажи: а где ночевал прошлый управляющий?

Я будто бы слышу сквозь трубку, как она улыбается:

— Ой, да, я ж тебе не рассказала! Поднимаешься с третьего этажа наверх, а там мансарда. Ну это чердак такой. И там комната управляющего со спальным местом.

— Ясно, спасибо, - улыбаюсь в ответ. - Ну, до завтра! Доброй ночи.

— Доброй ночи.

Чердак, значит. Ну что ж, поглядим на него.

Поднимаюсь с третьего этажа наверх по винтовой лестнице, которую давно приметил, но забыл спросить, куда она ведёт. Приоткрываю небольшую дверцу в потолке, свечу фонариком телефона, нахожу выключатель и включаю свет. Вау! Ну и чердак! Да это прям

комната, как в гостинице! Только вместо потолка - скос крыши со смотровым окном и балки, проходящие через комнату и обитые деревом. Кровать со свежим бельём, небольшой шкафчик для одежды, рабочий стол с компьютером и телефоном и даже спортивный уголок! Ну дела! Так шикарно я ещё никогда не жил!

Раздеваюсь и думаю о прежнем управляющем. Как же так, друг? Как ты мог просрать такую жизнь? Чем ты думал? Ты хотел большего? Тебе было мало? Понимаю. Азартная игра, она такая. Затягивает. Гипнотизирует. Манит к себе. Нет, всё-таки самое главное умение в покере - это умение проиграть и остановиться. Как хорошо, что я им владею! Как хорошо…

Я выключаю свет и ложусь в кровать. Какой мягкий матрас! Какое чистое бельё! Боже, какое наслаждение! Вот только… только зубы я не почистил перед сном. А зубная щётка в рюкзаке в гардеробе на первом этаже. Нужно одеваться обратно и идти за ней. Чёрт!

Просыпаюсь в 7 утра. Ощупываю кровать и озираюсь вокруг в темноте. Просто проверяю, по-прежнему ли я в доме Леонида. Не приснилось ли мне всё это? Нет, не приснилось. Хлопаю дважды в ладоши:

— Включить свет.

Свет загорается и ударяет в глаза. Протягиваю руку к выключателю и вазюкаю пальцем вниз, чтобы сделать послабже освещение. Одеваюсь и тихо, на цыпочках иду осматривать дом.

Не знаю, зачем встал так рано. На всякий случай. Я точно должен быть на работе раньше горничных. Ну и к тому же… вдруг что не так?…

Спускаюсь на первый этаж и иду в гостиную. Включаю свет. Поправляю скатерть на столе, хотя она лежит идеально. Стираю пыль с барной стойки, хотя её там нет. Рассматриваю бокалы, висящие над стойкой вниз головой. Ни одного пятна. Ни одной царапины. Ладно, Марк… ты научишься. Леонид в тебя верит.

Захожу на кухню и хлопаю в ладоши:

— Включить свет.

Свет послушно загорается. Тут, конечно, есть, что прибрать. Но это ведь кухня, сюда господа не заглядывают. Да и не моя это территория, а Дэна. Не должен я здесь свои порядки наводить.

Открываю холодильник и достаю шашлык и овощи, оставшиеся со вчерашнего дня. Разогреваю на сковородке. Быстренько завтракаю, очень желая растянуть этот момент, ведь это лучший завтрак в моей жизни!

Выхожу на улицу покурить. Здороваюсь с охраной, у них как раз смена. Так потихоньку начинается день.

В 8:30 приходит Таня. Я иду за ней следом. Объясняю ей снова, что мне нужно научиться тому, что умеет она. Таня скромно кивает и говорит, что всё помнит. Мы начинаем её обычный утренний обход: туалеты («санузлы»), умывальники, душ и ванна - это первым делом; это то, куда в самом начале идёт господин. Затем гостиная. Там Таня сразу находит кучу косяков: бокалы стоят не так, приборов не хватает, цветы надо заменить, а одна из свечей почти прогорела. И лампочка одна на люстре не горит, нужно звать Кота. Ну капец! Что же я за увалень!

Мы наводим порядки на первом и втором этаже, а потом идём на третий.

— Сегодня нет гостей, поэтому всё просто: можно заходить в каждую комнату и прибираться, - объясняет Таня.

— А если есть гости?

— Ну тогда… по-разному.

Не очень я понимаю, что значит «по-разному», но пока не углубляюсь.

Девять часов. На пороге появляется Кот. Он пришёл отведать шашлыка, «пока не сожрали». Я радуюсь его приходу так, словно встретил старого друга. Тут же беру у него номер телефона и спрашиваю про сауну и про камин, но он отмахивается от меня, как от мухи, со словами «давай потом», и целенаправленно идёт к шашлыку.

В 9:30 является Маша. Я встречаю её, стоя на лестнице:

— Здравствуй, Маша! Ты время видела?

— Извини, - бросает она мне и подходит к ящичку с обувью.

— Можешь не переобуваться.

— Серьёзно? - поднимает она удивлённый взгляд, видимо, обрадовавшись, что можно пройти в уличной обуви.

— Да. Ты уволена.

Её брови ползут вверх:

— Что???

А я тем временем набираю охрану, прошу проводить Машу до ворот и отправляюсь к Тане, сообщить ей радостную новость.

— Она ж всё равно нихрена не работала, - говорю я.

— Да нет… без неё мне будет тяжело. Не знаю, как я буду теперь всё успевать…

— Не переживай! Я побуду Машей, пока мы не найдём ей замену. Это мне пойдёт на пользу! А объявление я подам сегодня же.

Примерно в 10 утра звонит проснувшийся Леонид:

— Марк, - говорит он сонным голосом. - Мне на завтрак - яичницу с беконом. Не хочу сильно наедаться с утра.

Бегу на кухню, мысленно проклиная поваров, которых тоже надо поувольнять за опоздания, но оказывается, что Саид уже на месте.

— Саид! Яичницу с беконом на завтрак господину!

— Есть, командир.

Уношусь с кухни, но замираю в дверях:

— Погоди. Это всё, что он будет на завтрак? Серьёзно?

— Нет, ещё захочет кофе с коньяком, круассан и сигару - это стандартный набор.

— Сделаешь?

— Всё, кроме сигары.

Чёрт, а где сигары раздобыть? В кабинете!

Вот так и начинается моё утро. Хорошо, что я встал пораньше. С момента как господин проснулся, я в бегах без остановки. А ведь ещё надо научиться растапливать камин и сауну, и подать объявление про горничную! Да, Марк, это тебе не склад!

Ближе к полудню приходит гость. Им оказывается Альберт. Пришёл отчитаться перед хозяином. Когда я встречаю его, он очень по-доброму улыбается мне и хлопает по плечу. По нему видно, что он нервничает, поэтому я не пристаю с вопросами, а лишь предлагаю кофе и чай. Они закрываются с Леонидом в кабинете, а я бегаю по дому, держа телефон наготове. Но встреча, судя по всему, проходит гладко - после неё Альберт выходит заметно веселее! Мы идём на улицу, но мне даже некогда покурить! Приходится прощаться, даже не поговорив толком.

— Ну как? - только и успевает спросить Альберт, заговорчески подмигнув.

Я качаю головой, выпучив глаза, и беззвучно произношу матерные слова в ответ.

— Но круто! - добавляю. - Очень круто!

Альберт смеётся, и на прощание желает мне удачи.

Проходит неделя, и я потихоньку осваиваюсь. К вечеру теперь камин всегда растоплен, а сауна разогрета и готова к приёму хозяина, как склад Альберта к приёму грузов. Комнаты - хозяйские и гостевые - мы с Таней начищаем и намываем до блеска. Завтрак, обед и ужин почти никогда не задерживаются и почти всегда соответствуют вкусу и настроению Леонида. Ну бывают косяки, конечно, но не такие, чтоб прям кошмар-кошмар, так что господин ко мне благосклонен и в целом доволен.

Только вот поиски горничной идут совсем не так легко, как я рассчитывал. Я-то думал, работать в дом к Леониду ринется целая толпа изголодавшихся девиц, и в целом так оно

и оказалось - народ пошёл и пошёл активно. Но хоть бы одна толковая! Нет. Приходило такое, что хоть волосы рви на голове! Хотелось иной раз спросить: «Ты откуда взялось, чудо? С Бумажки или с Сортировки?». В-общем, через три дня я снял объявление, подал новое, в котором «конкретизировал» требования (так мне посоветовали) и стал задавать парочку предварительных вопросов по телефону. Так я смог отсеивать большинство кандидаток, но среди тех, кто остался, подходящих всё равно не было: либо туповатые, либо приходили с опозданием, либо швабру в руках не держат, либо страшные, как вся моя прошлая жизнь.

Проходит ещё неделя. Я зашиваюсь конкретно. Леонид подкидывает мне всё больше и больше работы, а старая никуда не девается. Мне приходится и встречи организовывать, и по телефону людей обзванивать по разным поводам, и обеды накрывать, и продукты закупать, и горничных собеседовать, и работать горничной. А вот на это последнее уходит дофигища времени, и не зря меня Таня предупреждала, что это будет нелегко. Но всё меняется в тот момент, когда на пороге нашего дома появляется Элла.

Я открываю парадную дверь. Передо мной стоит крашеная блондинка с накачанными губищами, размалёванными ядовито-розовой помадой, в обтягивающей кожаной косухе и кожаной миниюбке, короткой настолько, что она едва прикрывает то, что должна прикрывать. Колготки в чёрную крупную сетку, сапоги на платформе толщиной с две сигаретные пачки, розовая пушистая сумочка на металлической цепочке. Я осматриваю её сверху вниз, как бандит проститутку, потом смотрю в её карие глаза под пышными накладными ресницами и говорю:

— Дорогая. Ты адресочком не ошиблась?

— Дом Леонида. Горничная. По объявлению. Правильно? - отвечает она, чавкая жвачкой и нисколько не изменившись в лице.

— Ну да.

— Ну и чё ты мне мозги насилуешь? - говорит она спокойно и без агрессии.
• Я к тебе работать пришла, родной, может зайти-то дашь?

Я молча отхожу в сторонку и делаю жест рукой. Она заходит, цокая каблуками и надув пузырь из жвачки и хлопнув им, проходя, прямо перед моим лицом. Останавливается. Оглядывает прихожую. Потом оборачивается и смотрит снова на меня:

— Ты управляющий?

— Да.

— Я так и поняла. Элла.

Она протягивает мне руку с длинными розовыми накладными ногтями, с которыми наверняка очень удобно драить сортиры и натирать полы!

— Марк, - говорю я, осторожно пожимая её когтистую руку.

— Вау, какое модное имячко! Ну. Покажи мне, милый, где тут переобуться, где подсобка?

Элла очень быстро берёт меня в оборот. За каких-то пять минут она выясняет: кто живёт в доме, сколько этажей, сколько комнат, сколько санузлов (я не помню, но она быстро прикидывает в уме), какой пол, какие окна.

— Ууу! - протягивает она, глядя на шторы. - Да у вас тут пыли, пади, как на цементном заводе.

— Да с фига-ли? - брыкаюсь я, но Элла тут же её находит, проведя пальцем там, где я и не подумал бы проводить.

— Лапусь, - смотрит она на меня, как на слабоумного. - Покажи, будь так добр, где у вас тут форма и где все принадлежности. Я чувствую, мне тут сегодня вкалывать придётся до программы «Доброе утро».

Проходит ещё пять минут. Элла, переодетая в горничную форму, заходит вместе со мной в гостиную. Поджимает свои силиконовые губы. Кивает, ухмыльнувшись. Смотрит на меня:

— Ну-ну.

— Что «ну-ну»? - спрашиваю я, стараясь из последних сил держать лицо.

— Сам расставлял? Ну честно.

Перед каждым собеседованием я приходил в гостиную и делал там специально созданный бардак, но такой, чтоб он был виден только опытным горничным: приборы лежат не на том месте, скатерть слегка неровная, пятно под тарелкой, бокал залапаный. Но Элла не просто всё видит - она видит, что это сделал я.

— Малыш, ты просто бог собеседований! - говорит она, не дождавшись моего ответа, и принимается наводить порядок.

— Ты откуда такая взялась, слышь? - мямлю я в ответ в полном офигении.

— В смысле, откуда? - говорит она обернувшись и замерев на мгновение. - Мама родила.

— Ну а… работала где?

— Ой, да много где, - кудахчет она, сверкая розовыми ногтями и безошибочно расставляя все приборы и бокалы по своим законным местам. - Последнее место работы - казино «Сапфир».

Она продолжает бегать по гостиной, а я стою, выпучив глаза. Она замечает это, останавливается на секунду и кидает удивлённый взгляд:

— Чего?

— Да не, ничего… А кем?

— Ой, малыш, всем подряд: и уборщицей, и сортирщицей, и официанткой, и куртизанкой!

— Уволили или сама ушла?

— Сама ушла.

— А чё так? Казино «Сапфир» - это ж офигеть как круто!

— Заюш… ты явно не работал в казино.

С Эллой мои дела пошли в гору. Я больше не трачу время на уборку и сосредоточился на более важных делах. Коллектив Эллочку принял хорошо. С Таней они отлично ладят, а ведь характеры вообще разные! Кот вообще рядом с Эллой становится другим человеком - добрый, вежливый, помогать готов, всё высокомерие как ветром сдувает. Чудеса прям какие-то! Ну и в целом с ней нет проблем - приходит всегда вовремя, всё делает чётко, работает как следует. После того, как она меня подменила, дом просто сверкает! Даже *я* замечаю. В общем, не зря говорят: не суди по прикиду.

Проходит месяц с начала моей работы в доме у Леонида. Хозяин мной доволен, и каждую неделю мой карман становится заметно тяжелее от стопки фишек, которые туда исправно насыпают. Я их почти не трачу, всё складываю в свою тумбочку. До сих пор не привык к таким деньгам, даже несмотря на то, что уже выигрывал на турнире сумму сильно крупнее. Но те деньги я почти все оставил родителям, а эти - мои собственные. И что с ними делать, я понятия не имею! Спальное место у меня есть. Кормят так, что всё Подземелье завидует. Моюсь каждый день под горячим душем, да ещё и в сауну хожу! Только баб по вызову не хватает! И покерного стола! Хотя… у Леонида, конечно же, есть покерный стол и рулетка, но я к ним на выстрел подходить не должен. Пусть лучше господин думает, что я к азартным играм так же близок, как Президент к восьмому кругу.

Надо бы, конечно, указ Леонида выполнить и пришмотиться, как следует, а то хожу, как бомж, в потёртых кедах и обвисших штанах. Но ведь на шмотки мне господин отдельно выделил деньги, так что я по-прежнему при своих. Во проблема-то!

Словно поймав мою мысль, Леонид вызывает меня к себе в кабинет. Лицо очень серьёзное, но понять, взаправду это или напускное - невозможно. Хозяин спрашивает обо всех делах, я подробно отчитываюсь. Он задумчиво и неторопливо кивает головой, а потом командует:

— Садись.

Я сажусь перед его огромным рабочим столом на стул из красного дерева, который ст**о**ит, наверное, дороже некоторых квартир. Леонид достаёт увесистую бутылку коньяка (я уже отличаю издалека коньяк от виски), две стопки, наливает, и вдумчиво, как шахматную фигуру, двигает стопку мне.

— Выпьем.

Мы стукаемся стопками и опрокидываем их одним махом. Аромат и тепло разливаются по телу. Закуски даже и близко не надо - заходит, как родной!

— А теперь о главном, - объявляет Леонид. - Ты, Марк, молодец. Со всем справляешься, без особых нареканий… Альберт не зря тебя хвалил. Не зря. Но впереди у нас мероприятие, к которому я хочу, чтоб ты отнёсся со всей серьёзностью.

Многозначительная пауза. Гипнотический, слегка хмельной взгляд.

— Важные люди? - говорю вполголоса.

— Да. И они будут здесь. В этом доме. Мы устроим бал-маскарад. Вечеринку в масках. Приглашены будут очень, очень именитые персоны. Всё должно быть на высоте.

Он делает паузу. Снова внимательно смотрит на меня:

— Я вижу, ты всё ещё не обновил свой гардероб. А зря. Проводить бал в таком виде недопустимо.

Я осматриваю себя с туповатым и угрюмым видом, чтобы хозяин видел, что мне не всё равно. Леонид открывает сейф, достаёт оттуда пару стопок пятидесяток и ставит передо мной со словами:

— На-ка! Приоденься. Костюм тройка с галстуком и классические чёрные ботинки. И подстригись.

— Но вы уже давали мне на это деньги, господин.

— Ах, ну да! - вспоминает он. - И что с этими деньгами?

— Лежат у меня в тумбочке.

— Плохо, что ты до сих пор их не использовал по назначению. Но хорошо, что ты честен со мной! Я это очень ценю. Но вопрос с внешним видом тебе надо решить срочно! Понял?

— Будет сделано, господин.

— Хорошо. Список гостей я тебе предоставлю. Отправишь им всем приглашения. А некоторым, особо важным, нужно будет позвонить лично. Думаю, неделю на подготовку нам хватит. Меню продумаете с шефом. Также озаботься алкоголем и… другими веществами. Понимаешь, да?

Мы смотрим друг другу в глаза. Я осторожно спрашиваю:

— Другими - это… галлюциногенами? Амфетаминами?

Леонид морщится и смотрит на меня, как на глупого мальчишку:

— Амфетогены… галлюценомины… - он махает рукой. - Нет, можно, конечно! В дополнение и для разнообразия, так сказать, хе-хе. Но король вечеринок - это *кокаин*. Его должно быть в избытке. А уж помимо него можно и всякое вот это вот твоё баловство. Но кокаин - главное. Ты понял меня?

— Да, господин.

— Про девиц я договорюсь сам - там есть тонкости, так что этот вопрос беру на себя.

— Да, господин.

— Начинай готовиться прямо сейчас. Неделя - это не так много! Вот тебе предварительный список гостей. Будет дополняться. Смотри парень, - говорит Леонид со взглядом хищника, подняв палец, - я рассчитываю на тебя. Не подведи.

— Всё будет в лучшем виде, господин! Не извольте беспокоиться!

— Ну и славно! Свободен.

Выхожу из кабинета хозяина с листком в руке, на слегка ватных ногах, ещё не до конца понимая, что мне предстоит. Стою, держась за перила и глядя вниз на прихожую. Неделя. Неделя на подготовку. Это ж капец как мало! Надо бежать и готовиться!!! Так. Начать с себя. Обновить гардероб. Костюм тройка. Ботинки классические чёрные. Где всё это взять?

Я несусь наверх, на бегу хватаю телефон и звоню… Кому? Конечно же Рафику! Сам он вряд ли таким занимается, но наверняка знает кого-нибудь, у него много связей! Рафик обещает свистнуть по своим.

Прибегаю к себе в комнату, кладу список гостей на стол. Так… десять, двадцать, двадцать пять… двадцать девять человек. Нужно разослать приглашения. Как разослать? Кому-то курьерами, а кому-то лучше лично. Или всем лично? Ох, коньяк, давай, выветривайся скорей!

Звонит Рафик. Даёт номер чувака по имени Икран. Говорит, что шарящий. Звоню ему. Он заламывает цену 400 фишек за свои услуги. Что??? Да у меня бюджет - тысяча! Пошёл ты в жопу, Икран! Нет, я, естественно, не говорю прям так - просто вежливо прощаюсь, объяснив, что пока что я ещё в своём уме. Снова думаю о гостях. Икран перезванивает. Спрашивает мою цену. Сторговываемся кое-как за двести плюс расходы на такси. Икран называет адрес магазина, и мы договариваемся с ним встретиться там.

Звоню шеф-повару, чтобы узнать, в курсе ли он, что нам предстоит. Он не в курсе. Пусть начинает думать. Думай как следует, Дэнчик, у тебя будет много работы! И у меня тоже…

Кокаин. Где, чёрт возьми, я должен взять кокаин?! Я не то что никогда его не покупал - я в глаза его не видел! Чтоб купить один грамм кокаина, нужно три месяца пахать, не разгибаясь, в две смены! Очень дорогой товар, даже для крупных, авторитетных бандитов. По крайней мере, у нас в районе. Но здесь люди состоятельнее, а значит, товар ходовой, и надо искать барыг. Надо у Мокрого узнать. Он прифигеет, конечно, с моих запросов, но контакт нужный наверняка подскажет!

Потихоньку картина нашего предстоящего «бала-маскарада» начинает складываться в моей голове, как пазл. Звоню Мокрому. Договариваемся встретиться через пару дней. Говорю, что есть вопрос, который хочется обсудить лично. Не по телефону же мне с ним кокс обсуждать!

Снова звоню Дэну. Прошу, чтоб пришёл сегодня пораньше, до обеда, чтоб всё обмозговать вместе. Бегу к девчонкам горничным и тоже сообщаю новость. Реагируют они совершенно по-разному. Таня говорит, что «ничего такого страшного не должно быть, тут регулярно проходят званые вечера и всё вполне прилично». Элла говорит: «Ууу! Ну готовься, собирай мужиков покрепче - утром будете таскать тела. А я буду блевотину со стен оттирать». Эллочка, конечно, судит со своей колокольни, но ведь и Таня здесь работает не так давно. Надо Кота поскорее обрадовать. Интересно, что он скажет.

Днём собираются все повара, и мы с ними устраиваем на кухне очередной мозговой штурм. С табличками, со схемами, с планами. Что купить и у кого, кто что готовит, чего не хватает из посуды и из алкоголя и так далее. По итогам «совещания» я спокоен - Дэн взялся за дело, засучив рукава. Думаю, по кухне моя жопа прикрыта.

К вечеру приходит Кот. Я застаю его на крыльце чёрного входа с Эллочкой
• они вместе курят и очень мило беседуют.

— Кот, - говорю, - тебе Элла уже сообщила новость?

— У нас каждый день новости. Ты про какую?

— Ну, что будет бал-маскарад.

— А, это-то… Ну да. Ох, не завидую тебе.

— Что, Элла права? Будет жесть?

Он кидает на меня свой обычный надменный взгляд, тушит окурок, и оборачивается к своей коллеге с совершенно другим лицом:

— Мадам, я переговорю с нашим управляющим. Нужно… прояснить кое-какие моменты.

— Конечно, милый! Чмоки!

И она отправляет ему воздушный поцелуй своими пухлыми губами, а Кот в ответ по-джентельменски приподнимает кепку. Сладкая парочка, ёмаё!

Мы заходим внутрь, и Кот усталым голосом объясняет мне, как малолетнему:

— Значит так. Главное - не топи сильно сауну. Сделай слегка тёплой, понял?

— Понял. Это чтоб не угорели, если будут париться?

— Париться… - усмехается он. - Трахаться они там будут! Оргия у них будет, все со всеми!

И он наглядно показывает жестом то, что будет происходить. Я только молча киваю в ответ.

— Дальше. В кабинет хозяина их не пускай. Под любым предлогом, сам придумай, как. Проситься точно будут, но добром не кончится. Так что грудью становись. И на кухню тоже не пускай, нечего им там делать. Ещё зарежут друг-друга не дай бог…

— Угу.

— Охране скажи, чтоб к утру были все. Грубая мужская сила пригодится.

— Понял.

— Так, что ещё… Про кухню сказал… Вообще, смотри, чтоб острых предметов нигде не лежало. А то было один раз…

— Чё, прям *так* всё?

Кот в ответ по-отечески хлопает меня по плечу, вздыхая:

— Нелегко тебе придётся, малыш. За всех нас отдуваться будешь. Э, чего завис?

— Да мысль важная пришла…

Мысль и правда важная. Раз всё будет настолько серьёзно, и на утро, как сказала Элла, нужно будет «таскать тела», то неплохо бы раздобыть какие-нибудь противопохмельные средства. Гости за такое будут благодарны, а благодарность больших людей - это ценный актив!

— Слушай, - говорю, - а хозяин-то сам…

— Ой, не спрашивай… - махает Кот рукой и отправляется по своим делам.

На следующий день я встречаюсь с Икраном у ателье «Президент». Мне удаётся сэкономить на своём такси - я беру в оборот водителя Бориса, поскольку Леонид сегодня дома весь день. Борис привозит меня на шикарном хозяйском авто прямо к месту, а Икран подкатывает на заказанном мной такси. Он белобрысый, бледный, худощавый, с острым подбородком и бегающими маленькими глазками. Прохиндей, сразу видно, но одет хорошо: пиджачок, галстучек, воротничок белый гладко выглаженный так и сверкает. И платочек из кармана уголком! Ну прям конфетка! Сладкий леденец! Такое мне и нужно.

— Да, приятель, тебе надо сильно поработать над образом. Это мягко сказано, - говорит он гнусавым голосом, глядя на меня, как на говно.

Жму холодную влажную ладонь, брезгливо протянутую мне.

— Деньги вперёд, - говорит он безо всяких церемоний.

— Половину. А вторую половину - в конце.

— Я так не работаю.

— Я тоже так не работаю. Борис! Погнали назад.

— Ладно, хрен с тобой. Пошли.

Я отдаю Икрану сто фишек, и мы заходим в магазин. Там всё, как в музее. Правильно назвали лавку: «Президент». Как будто к Президенту в переодевалку попал! Костюмы висят, один шикарнее другого. Ценников нигде нет.

Упитанный продавец подходит к нам вразвалочку и барабанит толстыми пальчиками, соединив ладошки:

— Что изволите, господа?

— Вот, - показывает Икран на меня, как на хромую собаку необычной породы. - Вот ваш клиент. Надо из него человека сделать.

— Предпочтения по стилю?

— Классическая тройка с галстуком средней ценовой категории. Он управляющий. Белый воротничок.

— Понял вас. Обувь?

— Разумеется.

— Ну пойдёмте смотреть.

Мы отправляемся вдоль рядов одежды.

— Раздевайся сразу до трусов, чтоб проще мерять было. Ты всё равно, считай, не одет, - бормочет мне вполголоса Икран. - Ты хоть помылся?

— Ты ща в рожу получишь, - так же, вполголоса, отвечаю ему. - Забыл, у кого я работаю?

— Ну и славно.

Чем-то этот Икран напоминает мне меня самого, так что, несмотря на перебранки, мы как-то быстро находим общий язык. С меня снимают размеры, я надеваю белую рубашку и неумело пытаюсь застегнуть пуговицы.

— О, господи! Чего ты ковыряешься! - не выдерживает Икран и сам застёгивает на мне рубашку в два момента. - Галстук тоже не умеешь вязать?

— Неа.

Он нянчится со мной, как с ребёнком, и скоро я оказываюсь перед зеркалом в костюме тройке и в классических чёрных ботинках, как и заказывал Леонид.

— Ох, нифига се… - вырывается у меня, когда я вижу в зеркале вроде бы себя, но в то же время - совершенно другого человека.

Спина сама собой выпрямляется, и лицо становится другим! Я смотрю на рукава своего пиджака, на брюки и ботинки, и чувствую себя… совсем иначе. Уверенно. Богато. Солидно. Классно! Так, будто бы жизнь и вправду удалась, и я теперь сам, как Леонид.

— Ну как? - ухмыляется Икран, в то же время давя улыбку. Его тоже забавляет, как я вмиг переменился.

Я деланно пожимаю плечами - «Надо ещё померять парочку…», - хотя мне прямо сейчас хочется взять этот костюм, пожать руку продавцу и рвануть домой, чтобы все меня увидели в новом прикиде!

— Другой цвет? Или фасон? - уточняет продавец.

— …Э-э-э… ну… с цветом бы поиграл немного…

Мы примеряем ещё несколько вариантов, один лучше другого. Потом пробуем с разными ботинками, но они все друг на друга похожи и все одинаково твёрдые - не кеды ни разу. Я остаюсь верным тому первому варианту и поворачиваюсь к продавцу:

— А сколько стоит вот этот?

— Если берёте вместе с обувью, то на обувь будет скидка, и всё вместе получится две тысячи четыреста фишек.

Я включаю покер фейс и, не моргнув глазом, говорю:

— Пошли, Икран, перекурим. Надо принять решение. Всё-таки ломаюсь между первым и вторым.

— Так вы берёте вместе с обувью?

— Дай минутку перекурить и подумать.

— Если пойдёте на улицу, то нужно будет снять костюм. Уж простите, такие правила, - разводит руками продавец и очень вежливо улыбается.

— Да не вопрос.

Я переодеваюсь, и мы с Икраном выходим на крыльцо. Достаём сигареты. Закуриваем. Его сигареты дешевле моих, это я по запаху чую.

— Ну чё? - глядит на меня мой горе-помощник.

— Ты, конечно, ловкий парень, Икран. Сколько тебе «Президент» комиссионных-то отвалит? - я смотрю ему в лицо, и он хмурится, понимая, к чему идёт разговор. - Не, это здорово, конечно, но это будет выгодно тебе и невыгодно мне. Так что у меня встречное предложение: я накидываю тебе сверху ещё сто фишек - итого триста - и ты везёшь меня туда, где одеваешься сам.

Икран опускает руку с сигаретой. Смотрит в землю. Качает головой и злобно улыбается:

— Вот сука… - он поднимает взгляд и посмеивается. - А ты почти такой же хитрожопый, как я!

— Борис! - даю я клич в сторону автомобиля и дожидаюсь, когда в окне появится бритая голова нашего водителя. - Погнали, прокатимся ещё в одно местечко.

Басурманка. Гетто третьего круга. Не был здесь, но наслышан. Раздолбанные дома, грязь вокруг, беднота, дешёвая жрачка на улице - всё в общем как и у нас, на восьмом, но всё же иначе. Борис настороженно глядит по сторонам:

— Бля, сто лет здесь не был… Командир, ты уверен, что нам сюда? Тебя пассажир не желает кинуть, случаем? У меня ствол с собой всего один.

— Ну… пассажиру нашему хватит, - говорю я, хмуро подмигивая Икрану.

Тот злобно ухмыляется в ответ:

— Ты ж просил привести туда, где я сам одеваюсь. Чё, не так, что-ли?

— Всё так…

— Шеф, вон туда езжай. Где шавуху делают. Нам напротив.

Борис послушно рулит в то место, которое показал Икран.

— Приехали, получается?

— Да, вон там тормозни. А нам с тобой - на выход. «Командир»…

— Борис, если пять минут меня нет - ты знаешь, что делать.

— Так точно, командир.

Икран издевательски фыркает:

— Кому вы тут нужны…

— Ладно, консультант, не умничай! Веди меня к своему портному.

Вот так мило переговариваясь, мы останавливаемся у шаурмичной, вылезаем вдвоём с Икраном из машины, быстро переходим улицу, открываем полусгнившую деревянную дверь на углу и спускаемся в сырой тёмный подвал. Мой газовый баллончик дома, так что вся надежда на Бориса, если что. Но Икран светит мобильником, ведёт меня по узкому коридору в какой-то закоулок и стучит костяшками пальцев в закрытую дверь:

— Михей Тимонович! Вы тут? Михей Тимонович! Это Икран! Клиента вам привёл!

Что-то щёлкает внутри, дверь приоткрывается, и мы видим невысокого старичка с длинными седыми патлами и в очках с толстыми стёклами.

— Здравствуйте, молодые люди, - слышим мы блеющий старческий голосок. - Заходите, прошу вас! Клиентов мы любим, клиенты нам нужны.

Он отходит чуть в сторону и жестом показывает нам путь. Я захожу вслед за Икраном и оглядываюсь вокруг. Комнатушка совсем небольшая, окон нет, потолки низкие, но света много - лампы висят на потолке и на стенах и шпарят так, что приходится щуриться. Нет здесь той горы костюмов, которая была в «Президенте» - только ткани да заготовки. Но пахнет приятно, вокруг чисто и сухо, на столе ткань раскроена, вон машинка швейная стоит, в углу электрогрелка - в общем видно, что тут и правда работают.

— Как поживаете, Михей Тимонович? - неожиданно добродушным голосом говорит Икран.

— Да потихоньку, Икранчик, потихоньку…

— Вот, клиента вам привёл! Марк зовут.

— Очень приято! Михей Тимонович, - говорит старик и обнимает мою ладонь своими тёплыми морщинистыми руками. - Очень приятно! Слушаю вас, молодой человек. Что вас интересует?

— Ему нужен классический костюм-тройка с галстуком, - отвечает за меня Икран. - Не шикарный, но представительный. Ваши материалы подойдут.

— Понял, понял… Ну давайте снимем мерочки…

— Михей Тимонович, - говорю я. - Скажите: а вот костюм на молодом человеке - это ваша работа?

Портной кидает на Икрана пристальный взгляд:

— Да, моя. Полгода назад костюмчик сделал. До сих пор носится, а? - весело подмигивает он Икрану.

— Ей-богу, Михей Тимонович! Сноса нет! Вам бы похуже делать, а то ведь без клиентов останетесь - всем сошьёте, и что дальше?

— Да брось!... - махает рукой старик. - Чепуха... Надо делать, как следует. Так уж я воспитан, дорогие мои. Всегда делай по совести. Как себе. И будут клиенты, никуда не денутся.

Тут я спохватываюсь, вспомнив про Бориса и быстро вынимаю из кармана телефон:

— Одну секунду, господа... Алло, Борис! Короче, нормально всё здесь. Слышь? Всё ровно. Думаю, минут двадцать мне надо. Подождёшь? Лады. Всё, на связи.

Я кладу трубку и поворачиваюсь к портному:

— А какая цена будет, Михей Тимонович?

Тот берётся за подбородок:

— Если надо попредставительнее, значит, вместе с материалами... восемьсот. Устроит?

— Ох... даже и торговаться не хочется, Михей Тимонович. А сколько вперёд?

— Вперёд?... Ну стошку оставьте старику.

— Ну даёте! Ладно, давайте меряться, - говорю и оглядываюсь на Икрана, а тот строит мне рожу и беззвучно передразнивает, пока старик не видит.

У нас уходит даже меньше, чем двадцать минут. Все мерки сняты, и портной говорит мне, что костюм будет послезавтра в середине дня. Я оставляю старику задаток, мы с Икраном выходим на улицу и дружно закуриваем.

— Но обувь-то тебе всё равно нужна, - отмечает он.

— С обувью не так сложно. Я её и на рынке найду, и дешевле выйдет раза в три.

— Ну смотри, дело твоё...

— С обувью я точно разберусь. Главное - чтоб твой дед меня не кинул.

— Не, он нормальный. Не то, что мы с тобой.

— Как ты его нашёл вообще?

— Так я сам с этого района.

— Хех! Фигасе! Живешь чтоль здесь?

— Ну не, не живу, просто...

— Понятно...

— Чё те понятно?

— Докуривай давай, и пойдём в машину! Рассчитаться надо.

Мы садимся в тачку, и я отсчитываю Икрану его законные двести фишек. Спрашиваю, не докинуть ли его куда, мы выбираем точку по пути и выезжаем с Басурманки. Хех, всё-таки не восьмой это круг! У нас бы уже детвора облепила машину со всех сторон, а тут всем пофиг. Сто раз видали. Не, ребята: ваша нищета - не настоящая.

Мы высаживаем Икрана у станции метро. Она закрыта и наглухо зацементирована. Лишь старая разбитая вывеска с заржавевшей буквой «М» служит ориентиром для местных. Борис открывает бардачок и достаёт… шаурму. Запах разносится по всему авто, перебивая ароматизатор.

— Ты чё, Борис, затарился в той вертушке, что-ль? - посмеиваюсь я.

— Ага, - отвечает тот, и вгрызается в рулет шавухи с таким наслаждением, будто это стейк средней прожарки из мраморной говядины. - М-м-м!!! Годнота!… Сто лет тебя не ел, милая ты моя!…

— Хе-хе! Чё, соскучился по шавухе с района?

— Не то слово, командир! Аж на слезу пробило…

— А ну, дай попробовать!

А шавуха-то и правда годная! С курицей! По нашим трущобным меркам - деликатес. Я вдруг вспоминаю, как ел шавуху с Жекой, после выигрыша у Косолапого. Не, это был кебаб! Вспоминаю наш район. Как там мама? Как там Ибрагим, интересно? Как сестрёнка?… Всё это так далеко…

— Чё, командир, тоже нахлынуло? - подмигивает мой водитель.

— Ага… На, держи. Наслаждайся, - говорю я, отрыгнув.

— Ещё пару укусов - и поедем. Время - деньги.

«Время - деньги». Местное выражение. Нигде больше не слыхал.

Мы отправляемся в путь. Выезжаем на большой проспект. Узнаю его. Я здесь шёл. А вон кафешка, в которую заходил! Оттуда звонил по объявлениям и дозвонился до Альберта!

— Борь, притормози.

— Чё случилось?

— Слышь, а чё это за место?

— Это? Сахарный проспект.

— А это чё за стекляшка?

— Это торговый центр «Золотые Ворота».

— «Золотые Ворота»… Сахарный проспект… понял, принял.

— С какой целью интересуешься, командир?

— Да вон, кафеха та. Ориентиры запоминаю. Хочу туда заглянуть ещё разок. У меня с ней… связаны… хорошие воспоминания.

— Свиданка была? - подмигивает водитель.

— Ну почти…

Подготовка к вечеринке идёт полным ходом. В этот же день я начинаю рассылать приглашения на «бал» через курьеров. Некоторым гостям звоню лично, чтобы уточнить предпочтения. Есть ещё трое или четверо особых гостей, к которым надо прям зайти самому, но без костюма тройки это, конечно, никак нельзя. Ну, Михей Тимонович, не подведи!

Кстати, и с Мокрым обсуждать кокаин лучше, наверное, всё-таки в деловом костюме. Так убедительнее будет. Поэтому звоню ему и прошу перекинуть встречу на послезавтра на вечер. Договариваемся встретиться в том кафе у «Золотых Ворот» - его легко найти.

Повара готовят меню и закупают продукты, горничные смотрят, чего не хватает из посуды и приборов, Кот проверяет, не надо ли подремонтировать где - в общем, все при деле.

Я обналичиваю леонидовский чек в ближайшем казино, заранее созваниваюсь с Рафиком насчёт ботинок, и на следующий день приезжаю к нему на рынок посмотреть ассортимент. В верхнем сегменте продают, в принципе, то же самое, что и в «Президенте», но только за приемлемые деньги. Разница по качеству - ну, может, совсем небольшая. Заметно точно не будет. Особенно на управляющем, до которого, положа руку на сердце, вообще никому нет дела.

На следующий день, в двенадцать, приезжаю на такси к Михею Тимоновичу. Костюмчик готов! Надеваю и смотрю на себя в зеркало - мать моя, да он лучше, чем в «Президенте»! Сидит, как родной!

— Будто специально для меня сделан! - выкрикиваю я, и лишь спустя мгновение понимаю, что сморозил.

Портной смеётся:

— Носи, сынок, на здоровье. Тебе бы только ботиночки ещё подобрать, с кедами его не носят.

— Это без проблем, Михей Тимонович! Сейчас прям поеду на рынок. Вот ваши деньги!

Мы рассчитываемся, жмём друг-другу руки, и я отправляюсь на рынок с приятным чувством, что всё получилось! Что всё складывается удачно, и вечеринка выйдет на славу, и всё там будет, что гостям нужно, а Леонид потом мне скажет, какой я классный управляющий, и - чем чёрт не шутит? - может и жалованья накинет, а?

Я иду по грязному разбитому тротуару Басурманки, держа в руке полиэтиленовый пакет со своими старыми шмотками. Останавливаюсь. Далеко ли ты, Марк? Надо ведь такси заказать! Что, забыл, что теперь так можно, а? Ты ж теперь важная особа, с деньгами и с

должностью! Мобила осталась в старых штанах, и деньги там же. Роюсь в пакете, стоя на тротуаре, нащупываю, наконец, мобилу в кармане, поднимаю голову, и вдруг понимаю, что я не один. Трое парней подошли ко мне, один справа, другой слева, третий спереди, а за спиной - стена.

— Здорово, братан, - говорит передний, хрустя костяшками на пальцах и поблескивая кастетом на кулаке. - Чё там ищешь? Давай помогу.

— А пока он помогает, ты раздевайся, - говорит правый.

Тут же вспоминаю тот вечер у колонны, когда ко мне подвалила банда Таира. Так, я в кедах, это уже хорошо - в ботинках далеко не убежишь. Главное - не дать костюм. Всё остальное - пусть берут, основную часть денег я уже портному отдал…

— Да я уже нашёл, пацаны. Ствол у меня там, тэшэчка. Хороший пистолет, могу показать.

Этого хватает, чтобы маленько сбить их с толку.

— Хы! - ухмыляется передний. - Слыхали? Ствол у него там!

— Ковбой, бля! Ну давай постреляем!

Я тем временем зажимаю телефон в руке и хватаюсь пальцами за балахон, в кармане которого застёгнуты деньги.

— Молодыми же сдохнете, дебилы. Я сюда за кокаином пришёл.

Сейчас важно не потерять ни секунды. Выхватываю из пакета свой чёрный кнопочный телефон вместе с худи, и резко выставляю руку в переднего, словно и вправду держу ствол. Передний вздрагивает и пятится, а я выкрикиваю:

— БАХ!!!

Тот спотыкается и чуть не падает назад, а в этот момент я уже швыряю пакет в руки парню слева с криком «Лови!», и даю такого дёру, какого давно уже не давал! «Только не чувак с битой! Только не он!» - вертится мысль в голове, пока я улепётываю от тех троих, но это, конечно, полная чушь. Второй раз такое уже не повторится.

Кто-то из троицы нагоняет меня и хватает за рукав развевающегося по ветру худи. Я резко дёргаю, и балахон рвётся по шву. Карман раскрывается и оттуда сыпятся фишки. Мне удаётся поймать парочку, но остальные падают на землю, и это даёт мне шанс немного оторваться, пока гопники отвлеклись. Из-за поворота выезжает чумазый пацан на мотороллере, а я с разбегу прыгаю к нему сзади и ору:

— Гони!!! Пятьдесят даю!!!

Он даёт газу, и с горем пополам мы уезжаем из этого чёртового гетто. Я держусь свободной рукой за заднюю дугу, чтобы не прикасаться к моему водителю. Пытаюсь отдышаться. Так, мобила осталась при мне - это отлично. Деньги… о, даже три фишечки поймал! Это значит, 150. А тем досталось сколько? Да хрен с ним, даже не хочу считать! Главное, что костюм цел! Да, вот только как мне теперь купить ботинки?…

— Куда везти, командир? - спрашивает парень.

— К вещевому рынку.

— У-у, это далеко. Больше денег надо, господин!

Господин?...

— ...Ну довези докуда можешь.

Мы едем по улицам, виляя и протискиваясь между автомобилей, через шум города и гул моторов. Костюм... Костюм меня спас. Если бы не он, слова про кокаин не подействовали бы - гопники бы только поржали, да наваляли бы мне как следует. С другой стороны, если б не костюм, они бы, может, и не подошли. Прикид меняет дело. Мой новый внешний вид влияет на меня - придаёт уверенность и чувство... превосходства. Да, превосходства! Как будто я лучше других, сильнее, умнее. И как будто мне удаётся убедить в этом остальных. Вот и этот парень меня господином назвал. А гопники поверили - пусть на мгновение - что у меня ствол в пакете. Волшебство прям какое-то!

Парнишка довозит меня до станции метро - другой, но точно так же забетонированной намертво - и показывает направление до вещевого рынка.

— Минут сорок пешком, - говорит он и с громким треском уносится прочь.

Сорок минут. Нормально. Успеваю. Главное, чтоб больше никто не докопался. Но в этих местах уже вряд ли. Не теряя ни минуты, отправляюсь в путь. Смотрю на часы: 12:35. Проверяю ещё раз деньги - сто фишек в кармане. Так-то неплохо совсем, но чёрт возьми, как же мне теперь купить ботинки? Ведь явно не хватит. Туфли хорошие не меньше чем за триста идут. Кто-то должен мне двести дать в долг, но разве найдутся такие идиоты? Ладно, приду на рынок, а там разберёмся. В конце концов, можно к Мокрому и в кедах прийти, хоть это и будет выглядеть странно.

Я иду и размышляю о предстоящей вечеринке, и время пролетает быстро. Успеваю на ходу сделать пару важных звонков по телефону, и в конце второго звонка замечаю, что рынок уже совсем близко. По правую руку видны ряды и палатки, кучи коробок и скопления людей тут и там. А посмотрев налево, я вдруг вижу казино. Что-то щёлкает в голове: «Ага! Вот и решение!». Да ладно, Марк! Ты серьёзно?? Ты пойдёшь играть в казино, чтобы намутить денег на туфли??? Смеюсь сам с себя. Ну я и фантазёр! Но с другой стороны: а что? Сегодня фартовый день! Вот прям жопой чую: всё у меня получится!

Прибавляю ходу, и через пару минут я уже на рынке. Набираю на ходу Рафика. Дозваниваюсь. Встречаемся у чебуречной. Он оценивает мой костюм по достоинству:

— Вах, дорогой! Ну теперь все тёлки твои!

— Ботинок не хватает. С этими кедами никто не даст. Так что пошли, устроишь мне экскурсию. Только знаешь чё...

И я рассказываю ему историю про гопников. Рафик слушает внимательно и разбавляет мой рассказ своими «вахами» и разными нецензурными вскриками. Но я заканчиваю на

позитивной ноте: сейчас схожу в казино и намучу бабок, и тогда смогу купить ботинки. Но только надо найти чувака, который сможет мне сперва ботинки дать в прокат. А то несолидно же идти в казино в кедах! Лицо Рафика вытягивается, пока он слушает всё это. Он наверняка думает, что я хочу его слегка кинануть - я бы на его месте именно так и подумал.

— Я мобилу в залог оставлю! И кеды. У меня в мобиле всё. Вся жизнь, понимаешь? Мне какой смысл кидать?

— Брат, ну а если ты проиграешь? Ведь такое может быть, да? - говорит Рафик, посмеиваясь.

— Тогда отдам ботинки и уйду в кедах. Какие вопросы? Потом ещё зайду как-нибудь, двадцать фишек дам за беспокойство. Ты пойми: деньги-то есть! Только не с собой! А ботинки нужны сегодня! Сейчас! Так что я готов рискнуть. Ну ты ж меня знаешь, Рафик! Я ж нормальный!

Рафик задумчиво кивает и неторопливо пережёвывает чебурек. Что-то решает внутри себя. Потом махает рукой:

— Ладно, хрэн с тобой! Не знаю, найдутся ли лохи, которые на это согласятся, но поищем. Пообещай что-нибудь с выигрыша сверху докинуть. Так, может, и прокатит. Но смотри, брат, я своим авторитетом рискую!

— Рафик, я не кину. Мне смысла нет.

Удивительный человек этот Рафик. Я бы послал сразу и отмазался под любым предлогом. Но он ходит со мной по рынку, как со слабоумным племянником, и показывает меня своим знакомым торговцам обувью: дескать, так и так, пацана гопанули, но он играет хорошо, и щас пойдёт, денег поднимет, одна нога здесь, другая там. А я объясняю, что мне нужны получше ботинки, иначе просто в казино не пустят. Полный дурдом! И выглядит, как откровенный развод. Но мы таки находим мужика, который соглашается! Ну точно фартовый день!

Я напяливаю туфли, и теперь мой образ супермена закончен. Прохаживаюсь взад-вперёд у шалмана с туфлями, смотрю на себя в разбитое зеркало, встаю так, этак, потом оборачиваюсь к продавцу и к Рафику и говорю не своим голосом:

— Я точно подниму денег. Даже не сомневайтесь.

В казино время не ощущается. На входе у тебя забирают телефон, часы, и любые устройства, которые показывают время (у меня, правда, забрать нечего). В этом есть свой кайф, но в этот раз мне приходится надеяться на своё внутреннее чувство времени, которое, прямо скажем, не очень-то развито. Особенно когда идёт игра.

Поэтому, когда я покидаю зал и выхожу на улицу, я иду на рынок очень и очень быстро. Вроде поиграл всего часок, но кто знает, как оно на самом деле? Игра была такой, что могло и пять часов пронестись, как одно мгновение! Просто фантастика! Сегодня точно фартовый день, потому что в кармане у меня… четыреста десять фишек! Четыреста

десять!!! Это за вычетом комиссии за выигрыш! Очуметь можно… Иду и чувствую себя супергероем, которому сегодня подчиняется весь мир! Всё Подземелье! И даже время в нём! Хотя… ох, время, может, и не подчиниться…

Прихожу на место, где обычно тусуется Рафик. Он тут как тут. Смотрит на меня. Делаю грустный вид. Опускаю голову. Плетусь неуверенным шагом.

— Чё, брат? Обчистили тебя, а? - ухмыляется он. - А я знал, что ни хрэна не выйдет!

— «Знал-знал», - передразниваю его, подняв голову. - Пошли за ботинки рассчитаемся, умник!

И как бы в подтверждение своих слов достаю из кармана гору фишек и позвякиваю ими в руке. Рафик таращится, выпучив глаза, сперва на них, потом на меня. Все его эмоции всегда на лице. Он плохой игрок.

Я расплачиваюсь за ботинки и накидываю им ещё сверху маленько за беспокойство.

— Кеды себе оставь, - говорю и забираю назад свой телефон.

Не без волнения гляжу на часы. 15:42. Фуууух! Не так и много времени прошло, хотя раза в два больше, чем я думал. Прощаюсь со своими продавцами и тут же набираю Мокрого. Всё в силе. В шесть часов, в кафешке у «Золотых Ворот». Идти неблизко, но часа за два успею. И ещё почти сто фишек осталось. Идеальный день!

Беру на рынке чебурек с мясом и перекусываю на ходу, стараясь не заляпать жиром рукава костюма. Выйдя с рынка, оказываюсь на небольшой улице, иду по тротуару и разглядываю дома вокруг, фонари, прохожих, автомобили… Думаю о том, что случилось со мной сегодня. Сделать такой выигрыш в казино, и так быстро смыться - это, конечно, не очень хорошо. За мной могут пойти следом, чтобы задать вопросики. Выяснить, кто я такой, откуда и чей. А вот этого мне бы очень не хотелось, потому что тогда Леонид узнает, что я его обманул, и я, скорее всего, вылечу со своей должности, и придётся мне всё начинать заново. С другой стороны, по местным меркам деньги не такие уж и большие, так что, может, никто и не заметил. Будем надеяться…

Третий круг. Как же здесь всё по-другому! Нет горящих бочек на улицах. Не валяется хлам посреди дороги. Тебя не ограбят из-за того, что ты зашёл не в тот район - Басурманка не в счёт, это отдельное место со своими правилами, а на обычной улице - вряд ли. Бродяг здесь меньше, чем у нас на восьмом, и они тоже какие-то другие - кучкуются вместе, о чём-то болтают, шутят. У некоторых даже телефоны есть.

Вижу вдруг сцену на той стороне улицы: к чьей-то машине подкатывает броневик федералов, из него выскакивают двое гвардейцев, вскрывают дверь автомобиля, вытаскивают хозяина наружу, винтят, пакуют в броневик и уезжают прочь. Машина так и остаётся с открытой дверью. Всё за какие-то секунды - раз, и готово! Да, в наших краях федералов не встретишь, а здесь их дофига, и они лютуют. Но если не переходить им дорогу и не лезть «в политику», то они тебя не тронут. Тронуть они могут таких людей, как Леонид. Но если мой господин попадёт под раздачу, то меня это вряд ли затронет. Я, возможно, перейду

к другому хозяину, или пойду обратно к Альберту, который будет подчиняться кому-нибудь ещё. Если ты мелкая сошка и просто спокойно крутишь свою гайку, то федералам на тебя плевать. Ты не лезешь в их дела, они не лезут в твои. По-моему, хорошая сделка!

Я подхожу к кафешке в без двадцати шесть. Когда захожу внутрь, на меня все смотрят. Девушки у прилавка ловят каждое моё слово, называют «господином». Я поднимаюсь на второй этаж, за стойку у окна, и прошу принести мне меню.

— Конечно, господин! - отвечает та самая девчонка, что обслуживала меня в прошлый раз. Я её помню, а она меня - нет. Но в этот раз запомнит наверняка!

Мокрый появляется в без десяти шесть на противоположной стороне проспекта, у торгового центра. Замечаю его из окна, узнаю по прикиду издалека. Звоню.

— Алло!

— Мурло! - передразниваю я. - Я ж тебе говорил: «На противоположной стороне»!

Он начинает рассеяно вертеть головой:

— Ты меня видишь, что-ли?

— Вижу, вижу. Чеши ко мне через переход! Поднимайся на второй этаж.

Мой незадачливый наркодилер исчезает под землю и, спустя полминуты, появляется на моей стороне. Хорошо, что он немного сбит с толку - так я буду ещё убедительнее.

Мокрый поднимается в зал и ищет глазами. Я окрикиваю его. Он не сразу меня узнаёт, а узнав, замирает, таращится, громко присвистывает и подходит медленно и осторожно.

— Ёбушки-воробушки! - гудит он. - Это чё за франт такой! На одежде, ё-маё! Чувак… да ты… ты поднялся что-ли?!

Хлопаем по рукам, и Мокрый садится за стойку рядом со мной.

— Настенька! - окрикиваю я официантку тоном хозяина. - Принеси нам ещё кофе.

— Да, господин.

Она послушно убегает вниз, а Мокрый смотрит на всё это, как на чудо:

— Хуясе! Чё случилось-то, братан? Где так фартануло? На складе, что-ли?

— Прикалываешься?

— Ну поделись секретом-то, слышь! Где прикуп?

— Да в казино, Мокрый, где же ещё! В карты выиграл, а дальше попёрло.

Пусть он думает, что мне просто повезло. По правде говоря, без везения в моей истории не обошлось, но надо чутка смягчить обстановку, потому что я вижу, что между нами вырастает стена. Огромная стена, повыше той, что на границе второго круга.

Нам приносят кофе, пока я расспрашиваю Мокрого о его делах, о ценах, о торговле и о том, на каких точках он сейчас стоит. Он рассказывает, но как-то сдавленно, понимая, что

я интересуюсь просто из вежливости, а на самом деле мне на это глубоко плевать, ведь я вращаюсь теперь на совсем других орбитах и решаю вопросы совсем другого уровня.

Мы делаем по глотку.

— Годный кофе здесь, - одобряет мой товарищ, становящийся прямо на глазах бывшим товарищем.

— Да, люблю это место.

— Ну? - говорит Мокрый, глядя в глаза. - Говори. Ты ж не просто так побалакать позвал.

— Это да… Настенька, принеси авторучку!

— Сию секунду, господин!

— Занимаюсь я сейчас, Мокрый, разными делами. Сам я - человек маленький, но имею дело с очень серьёзными людьми.

Изо всех сил выбираю слова. Всё пытаюсь сглаживать, намекаю на то, что я просто винтик, что я мелочь, и что мы с ним по-прежнему на одном уровне. Во взгляде Мокрого я вижу лишь усмешку: «Кого ты паришь, братан!»

Официантка приносит мне ручку почти моментально. Я пишу на салфетке одно лишь слово:

Кокаин

…и показываю Мокрому. Тот снова присвистывает, и задумчиво смотрит на улицу, на проезжающие мимо автомобили. Что-то прикидывает в голове, медленно переводит на меня взгляд и говорит:

— Сколько?

— Килограмчик, - говорю как можно более безразличным тоном.

— Чего?… - бормочет Мокрый, словно его огрели дубиной по голове.

— Один килограмм. Клиент очень солидный.

Мокрый сидит и переваривает услышанное, а я спокойно попиваю кофеёк. Стена между нами теперь уже высотой с телевизионную башню. Но я получаю от этой ситуации какое-то странное удовольствие. Словно я где-то высоко-высоко, а он копошится внизу в грязи и помоях и ждёт, когда я сброшу ему вниз хоть немного мелочи. Словно я - и вправду господин.

— Дай зажигалку, - говорю я тем же тоном, что просил ручку у официантки. Это, наверное, случайно получилось. А может и нет…

Он строит задумчивую гримасу, неторопливо достаёт зажигалку и протягивает мне. Я поджигаю салфетку, жду, когда она сгорит почти целиком, а огарок бросаю на пол.

— Ну так что? Есть поставщик на примете?

— Ты и комиссионных пади отвалишь за контакт? - говорит Мокрый стальным голосом.

— Отвалю, - тем же голосом говорю в ответ. - Называй сумму.

— Как будет контакт - назову. И это лучше не по телефону, сам понимаешь. А когда надо?

— Сегодня.

Мокрый смотрит на меня так, будто я просто потешаюсь над ним.

— Как можно скорее, - уточняю я. - Там сроки очень жёсткие. На меня давят, ты пойми. Но деньги будут гарантировано.

— Наличка?

— …Да, наличка, - отвечаю, немного помявшись.

Делаю ещё глоток кофе и смотрю ему в глаза:

— Мокрый: я не кину. Бросай всё и возьми этот заказ. Правда. Дело верное.

— Да ладно, верю я, чо… Сколько должен за кофе?

— Нисколько. Я угощаю.

— Нет, давай пополам, - упрямится мой бывший товарищ.

— Настенька, посчитай нас!

Настенька убегает за счётом, отложив всё остальное. Мы молча закуриваем. Через полминуты у нас на столе лежит клетчатый листок из блокнота, где от руки расписан наш заказ, а внизу красуется итог. Я разворачиваю пальцами листок и вижу на лице Мокрого одновременно удивление, страх и боль. Спокойно пожимаю плечами: «Ты сам хотел».

— Капец… Ну… в счёт будущего заказа! - усмехается он.

— Всё так, братишка, - говорю непринуждённо в ответ, но слово «братишка» звучит уже совсем иначе.

— Ну… чё… давай тогда завтра здесь же, в это же время.

— Замётано, - уверенно киваю головой.

— Ну… покедова тогда… - мнётся Мокрый, и неловко махнув рукой с зажатой в ней сигаретой, разворачивается и быстро уходит, не пожав мне руку.

Покедова, Мокрый. Мы теперь не товарищи. Мы теперь - партнёры. И надеюсь, хорошие партнёры.

Я досыпаю официантке щедрых чаевых, и денег у меня уже почти совсем не остаётся. Но ведь сегодня фартовый день!

— Алло, Борис! Здравствуй дорогой! Ты щас не занят?… Сможешь подъехать к «Золотым Воротам»? Ну, к той кафешке, помнишь? Двадцать минут? Ты просто огонь, Борис! Жду!

Боря приезжает на своём шикарном чёрном седане даже чуть быстрее обещанного и очень одобряет мой новый внешний вид:

— Командир! Ну это ваще другой разговор! Ты человек теперь!

— Да, не говори. Сам кайфую.

— Куда везти вас, господин? К дому?

— Да, погнали домой. И пожалуйста, не называй меня «господин»! Меня теперь каждая собака «господином» называет!

Я вдруг понимаю, что так говорить не стоило, но Боря не принимает на свой счёт и очень добродушно хохочет.

Мы едем через город, я разглядываю портреты Президента, подкопчённые фасады высоких домов и думаю, что что-то во мне сильно изменилось за последние дни. Я уже не думаю о том, что там наверху. Мне и внизу хорошо. И вопросов надо решать столько, что вообще не до этого. Любопытно, конечно, но это вопрос десятого порядка. Где-то наверху живут боги, они дают нам электричество, и будут давать его и завтра, и послезавтра. Ну а остальное можно, наверное, выяснить и позже, если понадобится. Зачем торопиться? От добра добра не ищут. У меня всё складывается крайне удачно, и в очень скором времени я наверняка познакомлюсь с нужными людьми, постепенно вотрусь к ним в доверие, а может быть даже - кто его знает - стану одним из них. А почему нет? Работать управляющим в доме у богатого господина казалось чем-то невозможным и недостижимым, а теперь - вот оно! Жинь, она, конечно, полосатая, бывают взлёты, бывают и падения, но кто знает: может моя нынешняя волна удачи вынесет меня на самый верх, за стену втрого круга, и уж там-то я узнаю всё. Важно только…

— Чё такой задумчивый, а, командир?

— …Что?… А, да блин, с этим балом-маскарадом столько вопросов надо решить, ваще капец! Голова скоро треснет!

— Да, понятное дело…

Важно только… Что важно? Чёрт, мысль ушла. Ладно. Сейчас моя задача примитивна и проста: с успехом провести хозяину вечеринку. Ну а о богах и об остальных высоких материях я подумаю как-нибудь потом.

Наступает день Икс. Я порядком измотан непрекращающейся беготнёй последних дней, а ночью ворочался и долго не мог уснуть. Волновался. Но таблетки решил не принимать, чтоб голова соображала, как следует. А то мало ли… с таблетками по-разному бывает.

«Король вечеринок» закуплен и успешно доставлен в дом. Почти всю охрану пришлось задействовать, а мешок с фишками (те самые наличные) весил, кажется, больше, чем пакет с товаром. Теперь товар надо распределить по дому, насыпать в специальные шкатулочки, чтобы он был легко доступен гостям.

— Ты пробовал кокаин когда-нибудь, Марк? - спрашивает Леонид.

— Нет, господин. Никогда.

— Возьми слегка. Для ясности ума. Всё равно ведь не удержишься.

— Спасибо, господин! Но, пожалуй, лучше после. Если останется.

— Ну ты и скромняга! - умиляется хозяин своим бархатным голосом.

Нет, к чёртовой матери. Ещё подсяду на него. Мне это не потянуть. Особенно, если вдруг Леонид меня вышвырнет. Развлекайтесь сами, господа. Вам это по карману.

Все готовятся к вечеру. Девчонки наводят порядок и надраивают дом так, чтобы слово «пыль» не пришло никому даже в голову. Повара фигачат на кухне в полном составе. Кот носится по дому быстрее меня и проверяет каждую мелочь. Бегает за инструментами, матерится, снова бегает, но в итоге, кажется, к приёму гостей всё более-менее готово.

Горничные и Василий уходят в шесть вечера. Подбадривают меня. Подшучивают. Я делаю вид, что бодр и весел, но внутри мечтаю просто повалиться на диван и не шевелиться до самого утра.

В восемь вечера уходят повара, которых Дэн отпустил, а он сам с двумя своими подопечными остаётся «на обслуге».

Ближе к девяти вечера начинают подтягиваться первые гости. Я встречаю их у самого входа и провожаю в дом. Веду себя максимально вежливо и предупредительно, включаю котика, собачку, мудрую сову и весёлого попугая одновременно. Гости - мужчины, некоторые с дамами - одеты очень креативно. Кто-то в пёстром халате с красочными узорами, кто-то в чёрном фраке с черепами и пентаграммами, кто-то в белой пушистой шубе с огромным золотым посохом. И все в масках. Маски тоже сделаны людьми с явно богатым воображением. Дамы одеты шикарно и, судя по всему, моложе своих кавалеров в среднем лет на тридцать.

Всех вновь прибывших я провожаю сперва за большой стол в гостиную. Там разложены приветственные блюда, разлит алкоголь и растоплены кальяны. Ну и шкатулочки на месте. Гости все добротные и упитанные - Леонид ещё стройный по сравнению со многими! Гости явно узнают друг друга, несмотря на маски, хохочут, интересуются про дела, но говорят намёками и экивоками и делают вид, что не знакомы.

В десять часов подъезжают девочки - для тех, кто без дамы, ну и вообще, для обстановки. Девочки одеты в маски и в туфли на высоком каблуке. Больше на них нет ничего. Я занят тем, что распределяю девочек по дому, как кокаин, и нахожу им пары. Некоторым гостям предлагаю сразу двоих. Некоторым из тех, что с дамами, девочек предлагать не надо, а некоторым

- наоборот. Эту сложную систему Леонид мне вчера объяснял, но

разобраться, кто из гостей кто - это похлеще игры в шахматы с закрытыми глазами, ведь я всех их вижу впервые! А ещё надо не забывать про еду, не забывать освежать бокалы и исполнять разные капризы гостей. Короче, надо столько всего, что рехнуться можно!

«Может, и правда жахнуть кокса?» - возникает мысль. - «Не вывезу же!» Но я затаптываю эту мысль, как сигаретный окурок, и взамен её возникает другая, более дельная. Я быстренько просачиваюсь в гостиную, подливаю виски в стаканы, вежливо откликаюсь на предложение выпить за здоровье гостей и прекрасных дам, и как бы между делом вставляю:

— Ох, не представляете, господа, как нелегко было в этот раз раздобыть наше главное сокровище!

— Какое сокровище? - удивлённо спрашивает полуодетая молодая дама одного из гостей.

— То самое, которое вон в том маленьком сундучке, - игриво отвечаю я.

Дама протягивает свои длинные пальцы с накладными ногтями к небольшой шкатулке в виде сундука на столе, откидывает крышку, и все видят то, что и должны видеть - белый порошок. Гости вскрикивают так радостно, как будто они малые дети, которым Дед Мороз принёс подарки.

— Господа! Как же мы забыли!!! - кричит самый жирный из них, и тоже тянет свои толстые пальцы-сардельки к шкатулке.

— Секунду, дорогие гости, - вмешиваюсь я, - разрешите вам помочь.

Вот такой работой я занимаюсь весь вечер в ожидании, что гостей размажет, и им нужно будет уже меньше моего внимания. Но я недооценил слов Леонида про «ясность ума» - кокаин действует совсем иначе. Гости активизируются и начинают творить всякую дичь. А я, то ли окончательно заколебавшись, то ли поддавшись этому коллективному безумию, забываю напрочь об остатках приличия и очень настойчиво напоминаю нанятым девочкам о том, что гостей надо «чем-то занять», чтобы они «не скучали». Приглушаю свет и делаю в комнате приятный полумрак. В гостиной начинается то самое, о чём говорил Кот - оргия. Для меня это повод свалить хотя бы на время. Я заскакиваю на кухню предупредить поваров о том, что блюда на стол пока можно не нести («ставить некуда»), и бегу вылавливать по дому заплутавших и «не занятых» гостей - кто знает, что они там придумали?

В это время прибывает ещё несколько человек. Я очень вежливо провожаю их в дом и предлагаю пройти в гостиную, ибо там их ожидает интересный сюрприз!

— Но если сюрприз придётся не по душе, то приходите к нам на второй этаж в игровой зал - мы начнём играть с минуты на минуту!

Игровой зал - это как раз то место, в котором я собираю оставшихся, «не занятых» гостей. Один из них - видимо, более пожилой, чем остальные - вдруг останавливается перед самыми дверями и, пристально глядя на меня, произносит:

— Молодой человек. А не вас ли я видел недавно в казино «Восточный Экспресс»? Вы играли блестяще!

Твою же мать… Только этого не хватало! Нет-нет, дедуль, ты ошибся!

— Меня? В казино?? Простите, господин, но это невозможно! Я не играю в азартные игры. Но с удовольствием понаблюдаю за вашей игрой! И побуду крупье. Вы какой покер предпочитаете? Техасский?

Разными уловками мне удаётся спрыгнуть с темы и перевести разговор. Но - бог мой - как же рискованно! Я на волоске. Надо быть очень осторожным, а этому деду лучше лишний раз не попадаться на глаза. Он должен меня забыть и больше не вспоминать.

В зал заходит Леонид. Он одет в очень солидный деловой пиджак и в какую-то странную клетчатую юбку. Из-под юбки торчат его волосатые розовые ноги в высоких чулках. Ну и прикид!

— Господа! - объявляет хозяин вечера. - Пора нам, пожалуй, перекинуться в картишки, а?

Под одобрительные возгласы он усаживается во главе покерного стола, а остальные садятся за игровые места и собираются вокруг.

— Марк! - окрикивает меня мой господин. - Раздай-ка нам карты!

— Изволите играть в холдэм, господа? - говорю я, сделав свой тон как можно менее уверенным.

— Разумеется.

Нетвёрдой рукой я беру колоду, неуклюже тасую карты, уронив их пару раз на стол, и затем начинаю раздавать по кругу игрокам. По одной… по две… по три… по четыре… Гости начинают посмеиваться. Я останавливаюсь в деланном смущении:

— Эээ… я наверное… что-то делаю не так?

— Дай-ка сюда карты, сынок, - снисходительно вздыхает Леонид. - Иди, мы тут без тебя разберёмся!

— Виноват, господин, - говорю, замявшись, и отдаю колоду Леониду.

Тот ловко тасует карты, а я, тем временем, быстро удаляюсь. «Знаете, друзья, это даже к лучшему», - слышу я за спиной. - «Вот мой прошлый управляющий…». Продолжения я уже не слышу, но и так понятно. Блеф удался. Ну и слава богу!

Я иду посмотреть, как там дела в гостиной, хоть мне этого совсем не хочется. Захожу, и вижу то, что я и должен увидеть на подобных вечеринках: бардак, раскиданная посуда, разбросанная одежда, полуголые или просто голые тела, сидящие и лежащие на диванах, на столе, на полу, за барной стойкой - кто-то в полном неадекват, кто-то спит, кто-то икает и отрыгивает, кто-то лениво потягивает алкоголь и курит. Они устали. Им скучно. Надо их развеселить. Но если даже кокаин уже не справляется, что что же делать *мне*?…

— Господа! Рад, что вы хорошо проводите время! Как вам вечеринка?

— Отлично! - выкрикивает один из гостей.

Несколько других мычат что-то неопределённое в ответ, а остальные просто не реагируют.

— Здорово! - продолжаю я, как ни в чём не бывало. - Чтобы добавить искорку в наш прекрасный вечер, предлагаю вам сыграть в азартную игру!

— Покер? - лениво стонет в ответ чьё-то жирное голое тело.

— Нет! Не покер! Игра простая, не требующая никаких раздумий, но очень интересная! Называется она… «Шансы».

Название я придумал только что из головы. На самом деле у нас в районе она зовётся «Барыга».

— Для игры нам понадобится только кубик и деньги - у вас же есть деньги, господа?

— А вы дерзите, молодой человек! - рявкает кто-то из гостей, но другие одобрительно смеются.

— Виноват. Неудачно пошутил. Прошу покорно меня простить! Итак, кубик, деньги, и… свободный стол, - говорю я, кивая на чью-то тушу, мирно храпящую, лёжа на столе, - поможете мне освободить стол?

— А давайте прям на нём!

Гости хохочут, но кое-кто из них нехотя приподнимается, шатающейся походкой подходит к столу, насыпает на брюхо лежащему белую дорожку кокаина, шумно снюхивает её, довольно крякает и, потирая ладошки говорит:

— Я готов! Раз-два - взяли!

Кое-как мы стаскиваем тело со стола под дружный гогот остальных. Этого мне и надо! Чтоб они взбодрились немножко.

— Отлично! Благодарю вас, господа! Итак, у меня хорошая новость: кубик у нас есть!

И я выкладываю на стол игральную кость, которую притаранил из зала.

— В игре может участвовать любое количество игроков. А правила такие.

Правила в «Барыге» простые. Лишь бы была игральная кость и кусок ровной фанеры, чтобы кость ложилась чётко на грань и не было споров. Игроки садятся в кружок. Выкладывают на кон по одной фишке. А затем делают ставки по очереди по часовой стрелке, начиная с игрока, который делает первую ставку (он зовётся «разводящий»). Каждый может поставить любое количество фишек, и это его ставка на то, сколько раз подряд он бросит кость и не выкинет выбранное им перед бросками число. То есть, например, если я поставил три фишки, и никто не поставил больше, то право игры достаётся мне (я «барыжу»). Я выбираю вслух число на кубике (например, «шестёрка»), и я должен три раза бросить кость и не разу не выкинуть шесть. Если мне это удаётся, то я забираю себе весь кон, и игра начинается снова (право «разводящего» переходит следующему игроку по часовой стрелке). Если мне это не удаётся, то я лишаюсь своей ставки, она уходит на

кон, и «барыжит» следующий, у кого теперь максимальная ставка. Если у нескольких игроков ставка одинаковая, то «барыжит» самый ближайший из них ко мне по часовой стрелке. Ставки делаются по очереди до тех пор, пока не проходит целый круг без единого повышения. Вот, в общем, и всё. Мне быстро удаётся донести гостям суть, только вместо «разводящего» у нас «дилер», а вместо «барыжить» - «бросать».

За столом сидит пять человек. Каждый поставил по десять фишек (это у нас минимальная монета, меньше просто не интересно). Мне тоже предлагают сыграть, но я вежливо отказываюсь, и говорю, что буду «крупье». В качестве жетона дилера у нас кокотница с грибным жульеном, и она переходит первому добровольцу. Он ставит сверху сразу четыре десятки, итого пятьдесят. Второй игрок скромно пропускает, а третий шарахает шестьдесят. Дальше торг по сути идёт уже между ними двоими. Первый ставит семьдесят, другой ему отвечает «девяносто». Они начинают «меряться членами» (примерно так у нас на районе говорят), и в итоге первый доходит до ста пятидесяти, перебив сто сорок своего соперника. Остальные посмеиваются, потирают руки и ждут, что будет. Право игры переходит к «победителю».

— Какое число, господин? - спрашиваю я.

— Единица! - объявляет тот.

— Вам нужно не выкинуть её пятнадцать раз подряд.

— Это понятно! - отмахивается он от меня, как от мухи. - Пятнадцать раз…

Но голос у него уже не такой уверенный. Он кидает один раз… второй… на третий раз выпадает единица. Гости хохочут, и громче всех хохочет тот, кто поставил сто сорок.

— Давай сюда свои денежки! - галдит он и хватает кубик.

— Погоди, Филимон, они ещё не твои! У тебя четырнадцать, не забыл?

— Не забыл, не волнуйся!

Они все знают друг друга, хоть и в масках. Я и не сомневался.

— Шестёрка! - объявляет Филимон, и с первого же раза выкидывает «шесть».

Гости хохочут так, что из-под масок у некоторых текут слёзы. Филимон даже не успевает понять, что произошло, когда его фишки уезжают на кон.

Четырнадцать, пятнадцать раз… это почти нереально. И с одним-то разом не всегда везёт. Но с другой стороны… Вероятность не выкинуть загаданное число один раз - пять шестых. Вероятность не выкинуть его десять раз подряд - пять шестых в десятой степени. Я считал сколько это будет на калькуляторе, и получается примерно шестнадцать процентов - не так уж и мало. Совсем не мало! С десятью бросками я один раз выиграл и сорвал хороший банк - помню до сих пор, как руки тряслись! Одиннадцать - пробовал один раз и проиграл. Двенадцать - не пробовал никогда.

— И кто теперь кидает, господин крупье? - спрашивает полуодетая дама одного из гостей, заглушаемая возмущёнными воплями неудавшегося игрока. «Тихо!» - затыкают его другие гости.

— Право игры переходит к игроку со ставкой тридцать, - с улыбкой объявляю я и отдаю кость игроку чуть более стройного телосложения, сидящего в обнимку с голой девицей.

— Я выбираю… пятёрку! Бросай кубик, милая, - мурлыкает он своей временной подруге, - ты у нас двоечница, пятёрка тебе вряд ли светит. Три раза, договорились?

Девушка выбрасывает в начале единицу, потом двойку, а потом ещё раз двойку.

— Да это не честно! Он сам должен был кидать! - орёт Филимон, а остальные хохочут ещё громче прежнего.

— Собирай денежки, мой котик! - говорит победитель, а кокотница с жульеном переходит по часовой стрелке к следующему «дилеру».

Игра меняется. Все становятся осторожнее. Ставят понемногу. Продумывают стратегию. За стол подсаживается ещё один игрок. А потом ещё. Все увлечены. Все при деле. Их теперь не оторвать от стола. Ну и хорошо! Ну и славно! Именно это и было нужно. Я заскакиваю на кухню к скучающим и полудремлющим поварам и отпускаю их домой - больше ничего готовить уже не понадобится, а еда больше никому не интересна.

Рядом с кухней чую запах сигаретного дыма. Захожу в туалет и застаю двух девчонок-эскортниц за курением.

— Так, здесь этого нельзя! - говорю деловым тоном. - Тушим сигареты и пошли работать. За мной.

Они недовольно фыркают, но ничего сказать не смеют. В сопровождении двух голых девушек я поднимаюсь на второй этаж и открываю двери игрового зала:

— Дорогие гости! Я привёл вам… призовой фонд!

Я подталкиваю двух девиц к гостям и слышу одобрительные возгласы и аплодисменты.

— Ну, друзья, теперь игра у нас пойдёт, как надо! - бархатным басом грохочет Леонид.

Всю ночь я бегаю и развлекаю гостей, и пытаюсь поддерживать что-то вроде порядка, хотя чем дальше, тем более гиблой затеей это кажется. Я верный слуга дорогих господ. Я подношу блюда, алкоголь и «короля вечеринок». Я поддерживаю светскую беседу и пытаюсь заодно выяснить что-нибудь про город богов. Правда, это тоже гиблая затея - гость либо сразу спрыгивает с темы, либо начинает нести всякую пургу, которая нужна мне не больше, чем крем от загара.

Я помогаю встать с места и сесть на диван или в кресло. Я помогаю дойти до туалета, доползти до кровати. Тех, кто остаётся лежать в коридоре без чувств, я заботливо накрываю пледом и подкладываю подушку под голову. Я бегаю без остановки и с завистью поглядываю на тех, кто принимает очередную порцию кокаина - он возвращает их к жизни и даёт ту самую «ясность ума». На некоторое время.

День и ночь в Подземелье не отличаются друг от друга, а на часы смотреть мне некогда. Я узнаю о том, что настало утро, в тот момент, когда в дом приходят Таня с Эллой. Их появление для меня - шок и полная неожиданность.

— Вы чё припёрлись? Не спится что-ли? - говорю охрипшим за ночь голосом.

— Восемь часов, милый! - отвечает Эллочка голосом, полным сострадания. - Хорошо, что ты живой. Бригаду грузчиков вызвал?

— Грузчиков? Да не всё… так… плохо… - отвечаю я, запинаясь, и вспоминаю своим усталым и плохо соображающим мозгом, сколько человек я видел спящими на полу в чём мать родила. Наверное, пятерых… или шестерых…

— Пойдём, Танюш. Оценим масштаб бедствия, - командует Элла.

Когда они подходят к дверям гостиной, я спохватываюсь и кричу:

— Нет-нет-нет!!! Туда не надо!!!

Но поздно. Элла приоткрывает дверь.

— У-у-у-у-у!…

— Да, ты была права, - говорит Таня полушёпотом.

Я тем временем подхожу к ним и тоже заглядываю в гостиную, хотя был там недавно и знаю: ничего хорошего я там не увижу.

— Так, - говорит Элла. - Надо вызвать эскорт-сервис, шлюх своих пусть забирают. Пинками, как угодно - их здесь быть не должно.

Она права. Она выспалась и хорошо соображает. В отличие от меня. Нетвёрдой рукой набираю номер.

— Дальше, - продолжает Элла, - потихоньку разбудить всех, кого можно разбудить. Отправить на такси или с водителем. Нужно избавиться от тел. Как в детективах.

— У меня есть противопохмельное, девчонки, - говорю, на секунду оторвавшись от разговора с эскортом.

— Ты мой лапочка! Какой умненький! - одобряет Элла.

Девчонки принимаются наводить порядок там, где это возможно: собирают посуду с пола, чистят с химией пятна от пролитого вина, стирают блевотину с ковра и с мебели… А я тем временем организую вывоз девочек, расталкиваю полуспящих гостей и предлагаю им заранее закупленные противопохмельные средства. Оказались хорошими. Те, кто принял, прям оживают. Спустя время многие из них уже способны самостоятельно одеться и вызвать своего водителя. В игровом зале несколько человек так и не уснули и продолжают рубиться в карты. Очень вежливо намекаю им на то, что пора потихоньку собираться, и что мы их очень ждём в следующий раз.

Один из них встаёт и со всей силы жмёт мне руку:

— Дорогой Марк! Ты молодец! Сделал вечер! Игру в «Шансы» я запомнил!

Ах да, это тот самый, который выиграл в первом круге. Ну что ж, приятно!

Я снова бегаю по всему дому и расталкиваю гостей. Ноги заплетаются. Мозги отключаются. В гостиной Таня пылесосит пол и мебель. Элла зовёт её зачем-то срочно, и она убегает, бросив пылесос на пол. Я вижу прозрачный пылесборник. Вижу на его дне *тот самый* белый порошок. Наверное, горсть, не меньше. Этот пылесборник стоит дороже, чем моя хибара на восьмом круге. Подхожу. Открываю бак и высыпаю содержимое в ладонь. Подношу к лицу. Ближе. Ближе.

А где Леонид?

Одним выдохом сдуваю кокс с ладони. Захлопываю бак. Пылесошу обратно всё, что напылил. В этот момент заходит Таня:

— Ты чего тут делаешь?

— Да вот… помогаю…

— Спасибо! - улыбается она.

— Тань, ты не видела господина?

— Эээм… по-моему, он у себя в кабинете.

— Пойду посмотрю. Этих мне пока разбудить не удалось, но я вернусь и попробую снова. Одна нога здесь, другая там!

Но бежать я уже не могу. Ковыляю к лестнице и с трудом поднимаюсь, тяжело дыша. Я не знаю, зачем мне Леонид. Просто хочу знать, где он.

Открываю двери в кабинет. Полуголый Леонид спит, похрапывая, за своим рабочим столом. Больше никого в кабинете нет. Это хорошо. Ладно, добро. Можно бегать дальше.

Вдруг звонит телефон. Не мой, Леонида. Он лежит на столе, вибрирует и моргает. Храп Леонида прерывается, он ворочается в кресле. Не уверен, что правильно поступаю, но…

— Господин! Господин, вам кто-то звонит, - говорю я негромко, похлопывая хозяина по плечу.

Хозяин приоткрывает глаза. Бросает ленивый сонный взгляд сперва на меня, потом на трубку, и вдруг…

Вдруг он подпрыгивает в кресле, словно его шарахнули током, изо всех сил откашливается, так что слышно на весь дом, хватает телефон, принимает вызов и ещё пару секунд ждёт, прикрыв рукой микрофон. Наконец, отвечает необыкновенно добрым и дружелюбным голосом:

— Эхе-эхем! Алло!… Здравствуй, Эмиль! Здравствуй, мой дорогой! Как я рад тебя слышать!… Нет-нет! Что ты!!! Разве ты можешь быть не вовремя! Слушаю тебя, мой бесценный!

Он некоторое время слушает, замерев и поджав губу, а я пытаюсь своей тугой головой осознать смысл того, что я только что услышал.

— Да ты что!!! - вскрикивает Леонид, выпучив глаза. - Сегодня? Конечно! Разумеется! Мои двери всегда, всегда для тебя открыты! Ты ведь это знаешь! Во сколько? В шесть? Прекрасно! Очень хорошо! В шесть вечера жду тебя с нетерпением! До встречи, мой дорогой!

Хозяин кладёт трубку и смотрит мне в глаза:

— Марк. Спасибо, что разбудил. Надеюсь, всё прошло хорошо, пока я… ехем!… отсутствовал?

— Да, господин, всё отлично. Мы уже прибираемся и провожаем гостей.

— Здорово! Рад это слышать, потому что сегодня у нас будет очень, очень
• очень!!! - важный гость. К шести часам - нет, к пяти часам! - всё

должно блестеть. Этот гость важнее, чем вся прошедшая вечеринка Марк. Важнее, чем всё на свете! Так что срочно за дело!

— Господин… - говорю, глядя на Леонида затуманенным взглядом. - Я обязательно всё подготовлю, но… я могу поспать часок? Бегал всю ночь, и боюсь, что просто рухну.

— Полчаса. И ни минутой больше. Встретим гостя - потом спи хоть два дня. Я и сам бы поспал… с удовольствием… - говорит он, широко зевнув и открывая ящик стола, - Я могу чем-то посодействовать, Марк? Скажи, если это нужно. Скажи сейчас.

— Господин, в доме… в доме ещё остались гости, и некоторых из них сложно…

— Это беру на себя, - отрезает Леонид и насыпает на стол две дорожки белого порошка, одну за другой. - Не хочешь?

— Благодарю, господин. Я воздержусь.

— Зря, тебе бы помогло! Но уважаю твой выбор. Всё это, сынок, такая дрянь…

Сказав это, он снюхивает дорожки по очереди каждой ноздрёй, вздрагивает, крякает и грохочет, потирая руки:

— Ну-с! За дело!

Дорогой гость подъезжает в без пяти шесть. Мы открываем ворота и впускаем автомобиль во внутренний двор. Пассажирская дверь открывается, и я вижу светловолосого мужчину средних лет в шикарном серебристом костюме и в жёлтых очках. Замечаю на его левой руке крупный перстень с чёрным драгоценным камнем.

— Здравствуйте, господин! Добро пожаловать! - говорю я так сладко, как только возможно.

— Здравствуй, - отвечает он высоким голосом, внимательно рассматривая меня, а я вежливо приглашаю его в дом.

— У Леонида что, новый управляющий? - интересуется гость, пока мы идём по дорожке к крыльцу.

— Совершенно верно, господин. Меня зовут Марк.

— Очень приятно! А со старым управляющим что?

— Он… повёл себя нечестно с господином. И теперь он здесь больше не работает.

— М-м-м… как интересно. Лео мне об этом не рассказывал. Значит, Фёдор обманул нашего бедного Леонида? Обокрал или что-то в этом роде?

— Верно, господин.

— Вот, значит, как… А я ведь говорил, что он нечист на руку! Ему стоило прислушаться… Ну а с тобой, Марк, такой истории не выйдет?

— Ни в коем случае, господин.

— Ох! Какая уверенность в голосе. Кажется, Леониду на этот раз повезло…
• улыбается Эмиль, продолжая внимательно и с интересом разглядывать

меня, когда мы подходим к крыльцу.

Я открываю дверь, а хозяин уже стоит и ждёт гостя в костюме и с бокалом вина в руке.

— Здравствуй, Леонидос! - восклицает Эмиль, перейдя порог.

— Эмилиос! Как я рад тебя видеть, милый мой!

Они пожимают руки и похлопывают друг друга по плечу. Леонид гораздо массивнее, чем Эмиль, и выше ростом, но кажется, будто это Эмиль тяжелее и выше Леонида - так ведёт себя хозяин с ним. Но почему же они так странно друг друга называют?…

— Вот твой приветственный дринк, мой милый друг! Ну! Пойдём в гостиную! Марк, проводи нас.

— Подожди, - отсекает Эмиль. - У тебя ведь есть замечательный, уютнейший кабинет для бесед с глазу на глаз. «Клуб», я его называю! Пойдём лучше туда. Там будет гораздо приятнее!

Леонид разводит руками:

— Желание гостя - закон! Марк, проводи нас в кабинет. И организуй всё: вино, сигары…

— Да, господин.

— Ты мне не говорил про своего нового управляющего, Леонидос, - слышу я за спиной, пока мы поднимаемся на второй этаж.

— О, да. Со старым вышла неприятнейшая история.

— То есть я оказался прав.

— Мой милый Эмилиос… ты слишком часто оказываешься прав…

— Такая уж у меня работа… - наигранно вздыхает гость.

Мы заходим в кабинет, и господа усаживаются в кожаные кресла у журнального столика. Я снова бегаю и суечусь, наливаю вино, достаю сигары, хотя голова тяжёлая, как гиря, и тело еле двигается. Лучше б я вообще не ложился - только хуже стало. Даже лошадиная доза крепкого кофе не помогла. Надо продержаться! Надо не рухнуть замертво, пока дорогой гость здесь.

— Как же у тебя здесь уютно, Леонидос! Очень мне нравится твой камин.

Они обсуждают интерьеры и последние веяния моды в тот момент, когда я уношусь за вином и за сигарами. Не знаю, откуда берутся силы, но я стараюсь всё сделать как можно скорее, чтобы господа не ждали.

— Что нового в Президентском Дворце, дорогой Эмиль? - доносится издалека голос Леонида, когда я снова подхожу к кабинету. - Чем нынче живёт первый круг?

— Дел много разных, Леонидос. Но ничего такого, что я мог бы рассказать. Кроме, пожалуй, некоторых дел с нашими небесными друзьями.

Тут я замираю, чуть не уронив поднос.

— Друзьями… Хех! Не самое подходящее для них слово, мне кажется.

— Вот, значит, как! А какое же тогда?

— Ну, скажем… *старые знакомые.*

— О… это мне нравится!

В этот момент я подхожу к ним и ставлю на стол бокалы с вином, поднос с сигарами и пепельницу. Усталость и сонливость как рукой сняло! Я теперь весь одно большое ухо.

— Да, слушай, как метко! - продолжает Эмиль. - *Старые знакомые…*

Гость берёт бокал. Вращает, держа за ножку. Вдыхает аромат. Подносит к губам и делает глоток. Мы с Леонидом ждём, замерев. Гость причмокивает губами, чтобы распробовать напиток. Он ставит бокал на место, и на лице у него появляется задумчивая улыбка.

— У тебя всегда был хороший вкус на вина, дорогой друг. Давай закурим, пожалуй.

Это сигнал. Сперва обслужить гостя. Я беру сигару и отрезаю её кончик специальными ножницами. Осторожно передаю Эмилю. Подношу зажигалку. Он раскуривает и пыхает густым дымом. Благодарит меня. Я принимаюсь за хозяина.

— Но вот скажи мне, Леонид! Вот откуда он знал, что я люблю французское?

— Что, хороший парень, а? - посмеивается Леонид, раскуривая сигару.

— Знаешь… в этот раз я склонен одобрить твой выбор!

— Благодарю вас, господа, - скромно говорю в ответ.

— М-м-м… какой милый юноша. Сколько тебе лет, Марк?

— Семнадцать, господин.

— Ух! Самый сок! А когда он говорит «господин», у меня аж мурашки по коже!

— Эмилиос! Ты что, хочешь совратить мне управляющего?

— Совратить? Нет, что ты! Я и не думал даже! - смеётся гость.

— Держи с ним ухо востро, Марк! - шутит хозяин.

— О, Леонидос, перестань! Не будь занудой!

— Я рад, что господин мной доволен, - отвечаю я тем же скромным тоном.

— Ы-ы-ы-ы-х! Ну какой же он милашка!! - взвизгивает гость. - Всё! Иди! Иди отсюда, а то *ты* меня сейчас совратишь! - машет он на меня ладонью с перстнем и хлопает по ягодице.

— И возвращайся с сырной тарелкой, - добавляет Леонид. - Так что там с нашими старыми знакомыми, дорогой Эмиль?

— Ах да, старые знакомые… они стали ощутимо более довольны поставками с твоего терминала, Леонидос.

Я стараюсь замедлить шаг настолько, насколько возможно. Ловлю каждое слово.

— Неужели?

— Да-да. Я беседовал с ними недавно. Так что мои поздравления - ты продвинулся вперёд! Однако…

Я хочу оставить дверь приоткрытой, чтобы остаться и послушать, но я знаю, что Леонид это не одобрит. Чёрт! Как жаль! То есть этот Эмиль мало того, что контактирует с самим Президентом и явно регулярно бывает на втором или даже на первом круге, так он ещё и общается… с богами? Останавливаюсь у лестницы. Чувствую, как трясутся пальцы от волнения. Всё-таки с кофе я перебрал. А что значат вот эти его реплики в мой адрес? Милый мальчик там, все дела. Он что… дырявый?? Так. Сходить за сыром. И быстро! Господа не должны ждать.

Я бегом несусь на кухню, молниеносно нарезаю сыр и фасую на тарелку, будто и не было бессонной ночи с кокаином и оргиями, хватаю поднос и бегу обратно, изо всех сил стараясь не споткнуться и не уронить всё на пол.

Когда я вхожу в кабинет, господа по-прежнему ведут свою светскую беседу.

— …То есть к нам сюда отправят ещё один низкотех. А какого плана, если не секрет?

— Да пошив каких-то перчаток строительных или что-то в этом роде.

— Ну и славно! А то я уж подумал, что они хотят к нам сюда впихнуть токсичную переработку…

— Нет, всё токсичное остаётся на шестом круге, как и раньше. Мы бы и дальше отодвинули, но логистика не развита… Ох уж эта чёртова логистика! В неё столько всего упирается.

— И когда же ты планируешь к ним наведаться?

В этот момент я собираюсь поставить тарелку на стол, но снова замираю, не веря своим ушам. Эмиль, похоже, это замечает и, хитро улыбнувшись, продолжает как ни в чём не бывало:

— Думаю, через пару месяцев. Но точно сказать не могу. Ты ведь понимаешь, с этим всегда непросто.

— Да, знаю, наслышан… Такие вот друзья… - вздыхает Леонид, и вдруг резко оборачивается ко мне. - Марк, а ты чего уши развесил?!

— Ну-ну-ну, Лео, не горячись, - прерывает его Эмиль, положив свою руку ему на запястье, и тоже переводит на меня взгляд. - Нашему юному управляющему тема старых знакомых явно интересна, а? - подмигивает он. - Ну, Марк? Интересна или нет?

— Эхем! Да… тема весьма интересная, господин.

— Марк! - вскипает Леонид.

— Нет-нет, Лео, здесь не о чем беспокоиться. Скажи, Марк, а чем вызван твой интерес? Поделись с нами!

— Ну… интересно узнать, что у нас над головой, - выдаю я, собрав все оставшиеся душевные силы.

Эмиль разводит руками, многозначительно переводя взгляд на Леонида, потом снова на меня, как бы говоря: «Вот, господа! Вот, о чём я говорю!». Он неторопливо берёт сигару, втягивает дым, выпускает его в воздух, глядя в пустоту, и произносит, жестикулируя сигарой в руке:

— Знаешь, Леонидос… Вот я уже почти четыре десятка прожил в этом проклятом месте, и до сих пор удивляюсь, насколько малому количеству людей этот вопрос вообще приходит в голову!

— Ну это не без ваших стараний, дорогой мой друг.

— А мы не очень стараемся, - отвечает Эмиль, подняв брови и сделав невинное лицо. - Понимаешь, в чём смех? Мы не очень стараемся! Они сами рады ни о чём не знать. Большинство из них скорее сдохнет, чем призадумается о чём-то! Верно, Марк?

«Верно, Марк?». То есть, я не такой, как они. Я особенный. Как лихо ты взял меня в оборот, Эмиль. И что бы это значило? Чем это обернётся для меня теперь? Мысли прыгают в голове, и мне стоит огромных усилий их успокоить, чтобы не сделать сейчас какую-нибудь глупость. Одно неверно сказанное слово сейчас может стоить мне жизни. Леонид отправит меня на органы, как того прежнего управляющего, и даже глазом не моргнёт!

— Ну, дорогой мой Эмиль! - отвечает Леонид своим бархатным басом. - Только не говори, что тебя это не устраивает, хе-хе-хе!

Хозяин делает глоток вина и продолжает:

— Для того, чтобы много знать, надо много весить. Иначе твоё знание тебя раздавит. Верно, Марк?

Хозяин очень недобро смотрит на меня из-под густых бровей.

— Верно, господин, - отвечаю голосом испуганной мыши.

— Меньше знаешь - крепче спишь, - подводит черту Леонид. - Проваливай, и закрой дверь как следует. Когда понадобишься, я тебя позову.

— Да, господин, - почти шёпотом отвечаю я и очень быстро покидаю кабинет.

Господа сидят недолго. Всего часик. Леонид вызывает меня по телефону, я захожу в кабинет, жду, когда они обменяются прощальным рукопожатием и мурлыканьем, и веду дорогого Эмиля вниз по лестнице к прихожей, а затем на улицу.

— Кажется, господин на тебя слегка рассержен, Марк, - слышу я из-за спины его высокий голос. - Не бери в голову. Любопытство - не порок. Напротив - добродетель! Любопытство, пожалуй, моё самое любимое качество в людях. Так что я попросил его быть помягче с тобой.

— Спасибо, господин, - говорю я, поравнявшись с ним и глядя на него ещё более преданным взглядом, чем Леонид.

Мы останавливаемся. Шикарный автомобиль Эмиля стоит у ворот, водитель ждёт рядом. Но гость не торопится. Молчит.

— Надеюсь, вам всё понравилось, господин? - говорю, чтобы прервать неловкую тишину.

— Послушай, Марк, - произносит Эмиль, не глядя на меня. - Что, если я предложу тебе одну интересную сделку? Или игру… Называй это, как хочешь.

— Сделку, господин?

— Во вторник, в двенадцать часов дня, приходи ко мне домой. Ты сможешь задать мне любые вопросы про *Полис*, - он показывает пальцем наверх, - а я обещаю честно ответить.

— *Полис*? - почти шёпотом переспрашиваю я.

— Да. Так называется город у нас над головой. Тебе… интересно узнать про него?

— Разумеется! Очень интересно! - отвечаю я с горящими глазами и забыв про все приличия.

Но тут же одёргиваю сам себя. Этот Эмиль - очень непростой фрукт. И ему явно что-то от меня нужно, и я даже догадываюсь, что именно.

— А что взамен, господин? - спрашиваю осторожно.

— А взамен… - он оборачивается ко мне и сладко улыбается, - взамен ты исполнишь любые мои желания.

Мы молчим. Он подмигивает.

— Обещаю не зверствовать! - поднимает ладонь Эмиль, прервав тишину.

— Абсолютно любые вопросы про *Полис*? - спрашиваю я неожиданно сам для себя.

— Абсолютно любые! Расскажу всё, что знаю, честно и откровенно. Если только это не сверх-секретно, - ласково произносит Эмиль, положив руку мне на плечо.

— Это… господин… очень интересное… предложение… - бормочу я, путаясь в словах. - У меня есть время подумать?

Он снова улыбается в ответ, и достаёт из кармана пиджака белую визитную карточку. Протягивает мне. Я робко беру её и разглядываю. На ней только имя «Эмиль», и адрес с телефоном. Как у Леонида.

— Во вторник, в двенадцать часов дня. Буду ждать тебя, *даор**и**то*!

Он похлопывает меня по щеке, снова улыбается своей лучезарной улыбкой, и через мгновение его уже нет, а я стою в пустом дворе с белой визиткой в руке. Что это за слово такое он сказал? «*Дао…р**и**то*»? Откуда оно? Неужели, *оттуда*? И этот *т**о**тис*, видимо, тоже?…

Звонит телефон. Вздрагиваю. Достаю трубку. Леонид.

— Да, господин.

— Ты проводил гостя?

— Да, господин.

— Быстро ко мне в кабинет.

— Да, господин.

Ну щас я получу. Огребу по полной. Но мне уже всё равно. Я уже просто не способен переваривать всё то, что сваливается на меня в последние сутки. И наш последний разговор с Эмилем я ещё не переварил. Сделка… любые вопросы… исполнить желания… Нет! Сейчас не думай об этом. Просто дотащи своё тело до кабинета хозяина, получи хороших тумаков, а дальше - можно и подумать. Может, ты сейчас вылетишь отсюда, как пробка из-под шампанского - тогда и думать не о чем.

Я захожу в кабинет. Хозяин сидит на прежнем месте, в кресле у журнального столика, с бокалом красного в руке. Подхожу к нему, сжавшись в комочек, и лопочу:

— Господин?

Леонид с улыбкой вздыхает и торжественно произносит: «Садись!», показав мне на кресло своей большой ладонью. Сажусь. Неужели пронесло?…

— Марк. Я хочу тебя поблагодарить. Ты блестяще справился! Гости звонят мне и спрашивают: «Что это за чудесный управляющий у тебя, Лео? Где бы нам такого отыскать?»

Он хохочет своим глубоким басом, а я расплываюсь в кресле и улыбаюсь туповатой улыбкой:

— Я рад стараться, господин!

— Эмилю ты тоже очень понравился. Он ходатайствовал за тебя! Так что твоё здоровье! Ты великолепен! - он поднимает за меня бокал и делает глоток. - Ну а что касается твоего неуместного любопытства - я думаю, ты всё понял, - сурово добавляет Леонид.

— Простите, господин. Такого больше не повторится.

— Ну и славно! Так держать, Марк. Иди, отдыхай! Ты свободен на три следующих дня. Отдохни, как следует!

— Благодарю, господин, - кланяюсь я, поднявшись с кресла. - Я… я только отлучусь на часок. Схожу прогуляться. Вы… не против?

Леонид смотрит на меня в изумлении:

— Прогуляться, - говорит он утвердительным тоном, подняв брови.

— Да, господин.

— После того, как ты весь день готовился к балу-маскараду, потом всю ночь развлекал гостей, а потом весь следующий день готовился к приёму нашего дорогого Эмиля, - уточняет он.

— Да, господин, - говорю, улыбнувшись. - Было много всего. Надо пройтись немного. Проветрить мозги.

— Проветрить мозги… - повторяет Леонид, задумчиво кивая и с завистью глядя на меня. - Знаешь, Марк. Если бы я мог купить у тебя твою молодость… вот клянусь, я бы отдал все свои деньги!! - и он отчаянно машет рукой. - Ступай!

Я выхожу на улицу, закуривая на ходу. Мысли кипят в голове, словно вода в кастрюле под плотно закрытой крышкой. Кажется, из ушей сейчас пар пойдёт! Значит, там город. *Полис*. И Эмиль был там. И, видимо, ещё будет. Как он попадает туда? Через колонны в центре, у Президентского дворца? Значит, я уже совсем близко…

Пинаю пластиковую бутылку, лежащую на тротуаре. Она летит на дорогу и попадает под колесо проезжающего мимо автомобиля. Господин освобождает меня на три следующих дня: понедельник, вторник… Я мог бы прийти к Эмилю в гости, даже не отпрашиваясь у Леонида. Зелёный свет. Но что же это за игра, которую мне Эмиль предлагает? Я смогу задать любые вопросы и получить ответы, но взамен - исполнение любых его желаний. Что это будут за желания - нетрудно догадаться. И если я их выполню, то уж конечно после этого буду держать язык за зубами. Хорошая комбинация, Эмиль! Но только у меня есть другая. Что если я приду к тебе, задам парочку самых главных вопросов, а потом сольюсь? Скажу, что передумал, что не так понял, сыграю в дурочку… Тебе это, конечно, жутко не понравится. И конечно же, я после этого вылечу со своего тёплого места у Леонида, да и к Альберту меня обратно не возьмут. Это ясно, как солнце над *Полисом*. Но зато… зато я узнаю то, что так давно хотел узнать. Правда, мне придётся всё начинать с начала…

Сигарета закончилась, и я бросаю окурок на тротуар. Где я вообще? А, кажется, знакомая местность. Тут рыночек неподалёку. Лучше возьму правее, там почище и поприятнее. Надо же, сколько я уже прошёл, и даже не заметил! Пожив на третьем круге я понял, что два километра между колоннами - это совсем не так много. При хорошем освещении, находясь у одной колонны, ты видишь огни другой вдалеке. У нас на районе ни черта не видно из-за темноты, гари и смога, а два километра - это расстояние, которое лучше даже не пытаться пройти без автомобиля и бригады вооружённых головорезов. Восьмой круг… Бумажка… Как давно это было… и как далеко…

Прохожу мимо небольшого скверика с искусственной травой и деревьями. Он слегка на возвышении, с тротуара к нему ведут ступеньки. Останавливаюсь, сажусь на них и снова закуриваю. Дорогие сигареты, ароматные. Три фишки за пачку. И я к ним уже привык. А ещё привык к чистой мягкой кровати и горячему душу, к шикарному деловому костюму, вкусной и сытной еде… И ты хочешь всё это просрать, Марк? Только ради того, чтобы задать пару вопросиков? А что они тебе дадут?

Сижу. Курю. Разглядываю проходящих мимо людей. Женщина с маленькой собачонкой. Двое парней с пивом. Грузный мужик, очень напряжённо беседующий по телефону. Два пацанёнка с портфелями, явно из школы, идут и пялятся в смартфон. Они останавливаются неподалёку от меня, прижавшись задницами к бордюру и положив на него рюкзаки.

— Классная игруха! - говорит один другому. - Дай порубиться!

И тут меня прошибает. Я вспоминаю Матвея. Как мы с ним рубились в Контру, как гоняли в Нид Фо Спид. Как прокладывали вместе сеть и как делали презентацию для офицеров. Вспоминаю его последние минуты… Он говорил: «Странная игра». Говорил, что так и не понял, что здесь надо делать, а я ему сказал, что надо выбраться из Подземелья. Он прям изменился в лице тогда. Как будто я ему открыл какую-то тайну. Он сказал: «Давай, братишка! За себя и за меня!», а я ему сказал: «По-любому». Да. Так и сказал. «По-любому».

Я сижу на ступеньках с тлеющей сигаретой в руке, а по щекам текут слёзы. Я ведь уже далеко прошёл, Матвей. Я добрался до предпоследнего уровня! До главного босса почти! Выход из Подземелья уже совсем близко! Но тут легко проиграть. Сорваться и потерять всё. С другой стороны, если просто сидеть на тёплом месте и ничего не делать… Я вдруг вспоминаю ту мысль, которую не додумал тогда, в машине, когда ехал с Борисом обратно. Я думал о том, что работая у Леонида, я постепенно познакомлюсь с нужными людьми, налажу связи, потихоньку буду узнавать нужную информацию, главное только… главное только - не стать таким же, как они. Да, вот в чём дело! Я уже постепенно превращаюсь в одного из них. Вспоминаю свой разговор с Мокрым. Вспоминаю, как заводил девчонок в игровую комнату для господ. «Призовой фонд!». Вроде бы что такого? Это же их работа. Но что-то не так. Что-то с этим не так, и всё это происходит постепенно. Я как та лягушка, которую варят на медленном огне, потихоньку прибавляя температуру. Я и не замечу, как мне станет наплевать на *Полис*, наплевать на то, что там у нас над головой. Наплевать,

увижу ли я солнце когда-нибудь. Наплевать на других, да и на себя самого тоже… Стрёмно, Матвей, правда? Коварный это уровень. Здоровье тратится незаметно…

Школьники уже ушли. Сигарета дотлела почти до фильтра. Бросаю её на тротуар, и её тут же подбирает бродяга, ковыляющий мимо. Надо бросить монетку. В игре мне чаще везёт, чем нет, так почему бы и сейчас не сыграть? Достаю фишку достоинством в 5, мельче у меня нет. Плюю на палец и размазываю слюну по одной из сторон монеты. Слюнявая сторона сверху - иду к Эмилю. Сухая - не иду. Ну, погнали!

Подбрасываю фишку в воздух. Выставляю ладонь. Фишка вращается в полёте, а я слежу за ней, чтобы поймать. Она летит вниз. Подставляю руку. Чувствую, как она шлёпнулась посередине. Фишка лежит на моей ладони, и слюнявая сторона блестит в свете фонарей. Решено. Иду. Играем ва-банк.

Вытираю фишку об штаны и кладу в карман. Пора домой. Спать хочется так, что кажется, сейчас рухну прямо на тротуаре. Мыслей больше нет. Голова совершенно пуста. Замечаю впереди вывеску аптеки. Очень кстати! Мне нужен презерватив. На всякий случай.

Я подхожу к дому Эмиля в без пяти двенадцать. Он живёт очень близко к стене. Забор у него ещё выше, чем у Леонида, и что находится внутри - не видно совсем.

Дверь проходной у ворот. Рядом с ней звонок, почти такой же, как там, где я проходил на третий круг и давал взятку. Жму кнопку. Жду.

— Слушаю, - раздаётся суровый голос охранника.

— Это… это Марк. У меня встреча с господином в двенадцать.

— Заходите.

Дверь щёлкает и открывается. Захожу в небольшую комнатку. Ко мне подходят двое охранников.

— Руки в стороны, пожалуйста, - говорит один из них вежливо и с уважением, но таким голосом, что понятно: стоит мне дёрнуться, и они меня наизнанку вывернут.

Охранники просвечивают меня металлоискателями, прощупывают со всех сторон, проверяют внешние и внутренние карманы пиджака и брюк. Находят только телефон.

— Личные вещи нужно оставить здесь, - объясняет охрана.

— Да, без проблем, - отвечаю я, и мой мобильник отправляется в специальный шкафчик для хранения. Ну что ж, ожидаемо.

В комнату заходит старичок, одетый в шикарный фрак, очень аккуратно подстриженный и вылизанный со всех сторон. Его костюм, наверное, раза в два дороже чем мой.

— Привет, ребятки! - добродушно блеет он. - Ну что, как там наш гость?

— Готов, Палыч, - отвечает охрана.

— Ну пойдёмте, молодой человек, - улыбается старичок и открывает дверь наружу. - Меня зовут Рональд, я дворецкий. Я провожу вас к господину.

Мы выходим во внутренний двор, и я вижу дом Эмиля. Точнее не дом, а з**а**мок - по-другому это назвать нельзя. С башнями, с высокими окнами, как в сказках про вампиров, но только не страшный и зловещий, а шикарный и искрящийся богатством со всех сторон. У Леонида просто скромненький домишко по сравнению с этим. Боже ты мой, сколько же стоит всё это великолепие?

Мы проходим через сад с настоящими, живыми цветами. Они пахнут! Я озираюсь вокруг, не веря своим глазам.

— Это розы, да? - спрашиваю дворецкого.

— Верно. А это - пионы.

— Обалдеть…

— Нечасто такое увидишь, а? - подмигивает старичок.

— Да, это точно. У нас… поскромнее садик.

Шикарные двери на входе в дом открываются автоматически. Мы заходим внутрь дворца. Я озираюсь вокруг, чуть ли не разинув рот. Высоченные потолки, статуи, картины, огромные хрустальные люстры, фонтан!… Хочется сесть возле камина в зале, развалиться на мягком диванчике, никуда не уходить и слушать потрескивание дров в костре и журчание воды.

— Как вам здесь нравится, Марк? - интересуется Рональд.

— Очень… нравится, - выдаю в ответ в полном офигении.

— Пойдёмте, нам наверх.

Я порываюсь к лестнице, но дворецкий проходит чуть дальше вглубь зала и вызывает… лифт! На круглую стеклянную кабинку, бесшумно опускающуюся к нам, я смотрю, как на чудо. Прозрачные двери неторопливо открываются. Мы заходим внутрь. Дворецкий нажимает второй этаж. Створки дверей смыкаются, и лифт плавно и уверенно поднимается наверх.

Мы выходим на втором этаже и идём в левое крыло. Я гляжу через перила на зал под нами, разглядываю окна с разноцветной мозаикой, длинные плотные шторы с какими-то то ли гербами, то ли эмблемами. Полное ощущение того, что я иду на приём если не к самому королю, то по крайней мере к какому-то очень близкому доверенному короля. Наверное, так оно и есть. Даже интересно, что же у Президента во дворце, если здесь *такое*?

Мы подходим к массивной двери из лакированного тёмного дерева. Рональд нажимает кнопку, и дверь неспешно отворяется. Мы заходим внутрь, и я вижу Эмиля, сидящего в кресле с бокалом вина.

— Гость прибыл, господин, - говорит дворецкий и кланяется.

— Спасибо, Рональд, - слышу я знакомый высокий голос, и дворецкий исчезает за дверью. Слышу щелчок дверного замка.

Сосредоточься, Марк. Сейчас надо сыграть безошибочно.

— Здравствуйте, господин, - говорю я, и тоже слегка кланяюсь, как Рональд.

— Здравствуй, Марк! - разводит руки Эмиль, словно приглашая в объятья. - Проходи. Присаживайся.

Я сажусь на кресло напротив хозяина. Он смотрит на меня, прищурившись и улыбаясь:

— Я знал, что ты придёшь.

— Вообще-то, я сам не знал, - говорю, отбросив все приличия вроде «господин» и тому подобное.

Эмиль громко смеётся в ответ:

— Видишь! Я знаю тебя лучше, чем ты сам себя!

Он встаёт с кресла, подходит к массивному рабочему столу и присаживается на его край.

— Твоё любопытство по поводу *Полиса* поистине велико! Это весьма необычно, Марк. Мне интересно, в чём же всё-таки причина?

Он делает глоток вина, а я молчу и неловко пожимаю плечами.

— Хотя, стоп! - восклицает Эмиль. - Стоп-стоп! У нас же другие правила. Вопросы задаёшь *ты*, верно?

— Вроде так.

— Давай напомню тебе правила, на всякий случай, чтобы не было недоразумений. Правила, которые ты принял, придя ко мне и зайдя в эту комнату. Итак, ты задаёшь любые вопросы про *Полис*, а я на них отвечаю честно и правдиво в меру своего знания. Если я чего-то не знаю, я тебе так и скажу и не буду ничего придумывать. Если информация абсолютно секретная, то я смогу разгласить лишь то, что не будет иметь для меня последствий. Всё так?

— Я могу задать сколько угодно вопросов?

Эмиль смотрит на часы:

— Время у нас не бесконечное, но уверяю тебя, ты сможешь узнать всё, что тебе необходимо. Просто имей в виду, что моё знание тоже ограничено.

— А взамен…

Хозяин сладко улыбается:

— Взамен ты сделаешь то, что я попрошу. Только без глупостей, Марк, - его лицо становится серьёзным. - Имей в виду: правила нарушить нельзя. В этом кабинете, - он оборачивается, открывает ящик стола, достаёт оттуда блестящий хромированный пистолет и

резким движением взводит затвор, - в этом кабинете я могу сделать с тобой буквально всё, что угодно. Дверь плотно закрыта, открыть её ты не сможешь. С окнами та же история. Звукоизоляция - полная. Никто снаружи не слышит, что происходит здесь. Но охрана стоит за дверью и войдёт по первому моему требованию. Так что… будь умничкой.

Он снова улыбается и ожидающе смотрит на меня. Я лишь медленно киваю головой, переваривая то, что услышал. Вот так поворот. Кажется, ты крепко вляпался, Марк. Спокойно. Держи лицо.

— Ты ожидал чего-то другого? - снисходительным тоном спрашивает господин.

— Да нет… Правила есть правила.

— Ты мой лапочка! - мурлыкает Эмиль в умилении. - Не желаешь ли вина?

— Пока нет.

Эмиль кладёт пистолет на стол и разводит руками:

— Тогда я жду твои вопросы.

Он очень уверен в себе. Как он будет исполнять свои «желания»? С пистолетом в руке? Вряд ли. А если я схвачу пистолет и направлю ему в голову? Здесь есть камеры? Или дело в чём-то другом?

Я резко поднимаюсь с кресла и замечаю, как Эмиль тут же соединяет ладони, вместо того, чтобы схватиться за пистолет. Но я делаю пару шагов в сторону двери и говорю:

— Значит, там город?

— Город, - отвечает Эмиль, перебирая пальцами. Я снова замечаю большой перстень на его левой руке.

— Под названием *Полис*?

— Именно так.

— Кто в нём живёт? Люди? Боги?

Хозяин усмехается и встаёт, оперевшись на стол правой рукой:

— Существо с зеленоватой кожей и длинным хвостом, живущее двести лет, является человеком, как по-твоему?

— Нет конечно!

— Я тоже думаю, что нет.

Он, как и я, начинает неторопливо прохаживаться по комнате. Я делаю шаг в его сторону. И снова он соединяет пальцы. Перстень?

— Они… построили этот город, чтобы превратить нас в рабов? У нас была с ними война?

Услышав это, Эмиль расплывается в улыбке и громко, высокомерно хохочет. Затем подходит обратно к столу:

— Ох… мне срочно нужно вина! Не зря, не зря…

— Это значит «нет»?

— Ну разумеется нет, малыш! Ну с какой стати? С какой стати им сдались букашки вроде нас?

— Но зачем тогда они построили свой город у нас над головой?

— Чтобы не жить рядом с нами. Наверное.

— Наверное?

— Я не могу рассуждать о намерениях богов. Но они нам не враги. Они - скорее, покровители. Они сотрудничают. Они немного используют нас, но мы их используем гораздо сильнее.

— Они дают нам электричество?

— Откуда ты знаешь? - прищуривается Эмиль, чуть наклонившись ко мне. Пистолет лежит на столе далеко позади.

Снова делаю шаг к нему:

— Я не видел ни одной электростанции в Подземелье.

Эмиль опять соединяет руки, схватившись за палец с перстнем. Ну точно! Всё дело в перстне. Им можно подать сигнал.

Он отворачивается, неторопливо идёт к столу и задумчиво кивает:

— Ты сообразительный парень, Марк. Мне это нравится.

— Что ещё они делают для нас?

— Что ещё? - оборачивается ко мне Эмиль, взяв со стола бокал вина и сделав глоток. - Ну например, они выпускают нам деньги. Фишки из казино. Думаешь, их изготавливают в Подземелье? С нашими-то технологиями? Да это невозможно! Нет, их штампует *Полис*. Они - наш центральный банк, ха-ха-ха!

Вот, значит, как…

— А ещё медицина, таблетки там всякие, материалы разные… - продолжает Эмиль, водя рукой с бокалом по кругу, - вот это всё. Вся вот эта роскошь и великолепие. Откуда, думаешь, это появилось? А?

Он уже слегка захмелевший. Он наливает себе ещё вина, а я в это время пытаюсь осознать услышанное. Значит, они, эти боги - не просто не враги, а для некоторых ещё и очень хорошие друзья! Ну и дела…

— То есть вы… как-бы… их помощники здесь. Смотрящие.

— Ну-у-у, зачем так грубо?

— А вы ведь были *там*?

— Был. И не один раз.

— Ну и как? - спрашиваю, тупо улыбнувшись.

Эмиль снова присаживается на стол:

— Ох, дорогой мой Марк, словами это не передать…

— Там… светит солнце?

— Такое яркое, что смотреть невозможно! Даже в солнечных очках.

— У них свой язык?

— Верно.

— А по-нашему они понимают?

— Некоторые из них. Но у них есть устройства для перевода.

— А как вы к ним попадаете?

— Через транспортные колонны второго круга.

Так и есть. Лифты внутри колонн.

— Второго? Не первого?

— Нет. На первом круге у них университет. Зачем студентов беспокоить?

— Университет???

— Ну да. Высшая школа. *Центральный Университет Полиса.*

Я стою, выпучив глаза. Не дворец. Не крепость с высоченными стенами и пулемётами по периметру. Университет.

— Они… умнее нас, да?

— Во много-много-много раз!

— И доступ к ним есть только у Президента и…

— И ближайшего окружения. Сам Президент к ним не ходит. Я советник Президента и занимаюсь этими вопросами от его имени. Думаешь, как тебе туда попасть? - ехидно подмигивает Эмиль.

— Да нет, я…

— Скажи мне честно, Марк: ты ведь не с четвёртого круга?

— Нет.

— С пятого?

— С восьмого.

Эмиль роняет бокал на пол и раскрывает рот, прикрывая его ладонью с перстнем:

— Что??? - пищит он сквозь пальцы. - С какого???

— С восьмого.

— Но как… как же ты смог добраться сюда, зайчик мой?

— Долгая история…

— Долгая история… - повторяет Эмиль, снова задумчиво кивая головой. Он ходит по кабинету, взявшись за подбородок. - Долгая история… Юношеская мечта… Увидеть солнце. Светлая, чистая, искренняя мечта, - он смотрит мне в глаза, а я отвожу взгляд и рассматриваю узоры ковра под ногами. - Добраться до центра, найти путь наверх! Как мотылёк на свет! Господи! Какая прелесть! И какая… редкость! Мой бедный, бедный мальчик!…

Он подходит ко мне вплотную, а я инстинктивно пячусь назад.

— Восьмой круг… Это ж какая даль! Глупенький… Если ты жил на восьмом круге, то тебе нужно было идти не в центр, а на окраину!

— На окраину? - переспрашиваю, замерев.

— На окраину. Там у тебя был бы хоть какой-то шанс! - посмеивается он. - Пусть и ничтожный, но… Хотя нет, чепуха. Там бы тоже шансов не было…

— Почему… на окраину… - бормочу я, словно во сне.

— Ну ты же работал у Леонида на терминале, управлял грузами. Марк, ты же сообразительный парень! Ну сложи два плюс два! - мурлыкает Эмиль, подобравшись ко мне уже совсем близко. Я не сопротивляюсь.

— Грузы… Они идут из центра на окраину и с окраины в центр… На поездах…

— И почему же? - шепчет Эмиль, ведя рукой по моей ягодице и шепча мне на ухо.

— Загружать товары через край… быстрее и удобнее. На окраинах есть большие грузовые лифты, которые доставляют товары, привезённые на поездах, наверх, в *Полис*.

— Умничка, - шепчет мне Эмиль. - Только проникнуть через них в *Полис* невозможно, там очень серьёзная охрана. Но и в центре охрана не хуже. Поэтому, если ты рассчитывал осесть здесь, обрасти подходящими связями и через много-много лет всё-таки получить доступ в *Полис*, то должен признать, что эта идея, может быть, и не так плоха. - Его пальцы забираются ко мне под рубашку. - Кто знает… если ты станешь моим верным помощником, то возможно… когда-нибудь… через долгие годы… ты сможешь стать сопровождающим, и я смогу выбить тебе право посещать *Полис* вместе со мной, - мечтательно улыбается Эмиль. - Но для этого… для этого тебе нужно будет исполнить мои желания не единожды, а много… много… много раз! Понял, дурачок? - шепчет он мне на ухо. - Снимай штанишки.

Да… шансы и правда невелики. Но нужно попробовать. Других вариантов просто нет.

Я стягиваю вниз брюки вместе с трусами, хорошенько обслюнявливаю средний палец и отправляю его себе в задний проход, к полному восторгу Эмиля. Он тоже начинает

судорожно срывать ремень и расстёгивать брюки. А я, тем временем, нащупываю пальцем кольцо презерватива, аккуратно тяну за него, достаю наружу и разрываю за спиной пополам. Внутри - пакетик с перечной смесью. Эмиль ещё не успевает сообразить, что происходит. Я насыпаю в ладонь полную пригоршню смеси и резко, из-за спины, швыряю ему прямо в глаза. Он вскрикивает, а я тут же хватаю его за пальцы и сдавливаю вниз перстень. Перстень с грохотом падает на пол, а я отпинываю его в дальний угол кабинета, под диван. Эмиль дёргается и сопротивляется, но я бью его со всей силы локтем по голове, рывком натягиваю штаны и в пару прыжков оказываюсь у стола. Хватаю пистолет, подскакиваю к ослепшему хозяину и втыкаю ему дуло пистолета в ухо так, чтоб он почувствовал, как следует.

— Очень спокойно и без нервов ты скажешь мне, где деньги.

— Марк… Ещё не поздно передумать. Ещё можно всё исправить.

— Нет. Поздно. И мы оба это понимаем.

— Марк, дорогой…

— Заткнись. Говори только то, о чём я спрашиваю. Имей в виду: мне терять нечего. Я могу прострелить твою башку в любой момент.

Он молчит. Я ещё разок надавливаю пистолетом ему в ухо:

— Где. Чёртовы. Деньги.

— В сейфе… в тумбе стола.

— Пойдём.

Я хватаю Эмиля за подмышку и веду к столу. Его брюки спущены, но ему кое-как удаётся идти. Мы подходим к тумбе, и я открываю ящик. Внутри - блестящий металлический сейф с кодовым колесом.

— Говори код.

— Он не заперт.

— Отлично. Открывай.

— Я же ничего не вижу!

— Открывай на ощупь.

Дрожащими руками он ощупывает дверцу сейфа, находит ручку, тянет за неё, и сейф открывается.

— В сторону, - говорю, оттолкнув его.

Смотрю, что внутри. Документы и деньги. Наличка. В пакете с гермополоской. Шикарно! То, что мне и нужно! Хватаю пакет и пихаю себе во внутренний карман пиджака. Он едва помещается, хотя карман у меня большой.

— Это же ограбление, мальчик мой… - стонет хозяин.

— Я в курсе. Как твои глаза? Видишь что-нибудь?

— Плохо вижу… Жжёт невыносимо!

— Значит, наденешь очки. Где они у тебя?

Мы находим его жёлтые очки в одном из ящиков стола. Я отдаю их ему, прошу надеть. Неплохо. Сквозь очки его красные мокрые глаза не так заметны.

— Приведи себя в порядок. Подождём ещё минуток пять. Время у нас есть.

— На что?

— На небольшую поездку по делам.

— Лучше сразу сдайся Марк. Будет не так плохо.

Я лишь смеюсь в ответ. И снова велю ему застегнуть брюки и одеться. Мы садимся. Ждём. Он на стуле посреди кабинета, а я в кресле.

— Винца не хочешь? - спрашиваю я хозяина с беззаботным видом.

— Нет. Спасибо, - отвечает он сквозь зубы. - Какой у тебя план, Марк?

— Смыться как можно дальше, естественно. С твоими деньгами это не такая большая проблема.

Мне нужно сбить его с толку. Настоящий свой план я ему конечно же не выдам.

— И тебе, Эмиль, надо, чтобы я смылся быстро, - продолжаю я, помолчав немного. - Пока я рядом с тобой, ты очень рискуешь быть застреленным - мало ли, что мне в голову взбредёт. Врубаешься?

— Ты казался мне очень разумным юношей, Марк. Я не ожидал от тебя такого…

— Вот именно. Так что лучше помоги мне свалить от тебя, и поскорее.

— Что я должен сделать?

— Сейчас подождать маленько, чтоб твои моргала хоть чуть-чуть отошли. А затем ты позвонишь своему Рональду, и мы с тобой прокатимся до КПП номер 15 у большого моста. Дальше я своим ходом, а ты своим. Вот и всё.

Мы сидим и ждём. Эмиль очень зол, я это вижу. Он прямо сейчас уже наверняка продумывает план мести. А я в это время изучаю пистолет, щёлкаю предохранителем, достаю обойму. Почти полная. Не хватает одного патрона - он заряжен в патронник.

Не знаю, сколько проходит времени. Кажется, достаточно.

— Ну как?

— Чуть получше. Но всё равно больно и плохо вижу.

— Ничего. Пойдём с тобой в обнимочку, будто я уже твой… как ты там сказал? «Верный помощник».

Встаю с кресла, подхожу к столу и беру трубку телефона. Протягиваю Эмилю:

— Ты вызовешь Рональда и скажешь то, что я попрошу тебя сказать, слово-в-слово. Никаких секретных фразочек, никаких сигналов, понял? Услышу - прострелю башку.

— Что я должен сказать?

— Как зовут твоего водителя?

— Филипп.

— Тогда так: «Рональд, мы закончили. Скажи Филиппу, чтобы подготовил машину. Мы с моим милым гостем прокатимся кое-куда.» Запомнил?

— Да.

— Вперёд.

Он берёт трубку. Набирает номер. Я вытягиваю руку и целюсь дулом прямо ему в голову.

— Рональд, мы… мы закончили, - говорит он совершенно беззаботным голосом. - Скажи Филиппу, чтобы подготовил машину. Нам надо… прокатиться кое-куда.

Рональд что-то спрашивает, но я вырываю трубку из рук Эмиля и обрубаю связь.

— Умничка. Почти не ошибся.

Прячу пистолет во внешний карман. Подбираю пакетик с перечной смесью и бережно кладу в пакет с деньгами. Порванный презерватив брезгливо выбрасываю в урну у двери. Через минуту к нам заходит дворецкий. Хозяин неловко встаёт со стула, улыбается, и мы следуем за Рональдом. Я иду чуть позади от Эмиля, левой рукой держа его под локоть, а правую руку - в кармане.

Мы спускаемся на лифте. Выходим во двор. Садимся в машину на заднее сиденье - Эмиль садится с правой стороны, а я сажусь в эту же дверь следом за ним, и ему приходится двигаться.

— Филиппчик, нам нужно к КПП номер 15, это у большого моста.

— Слушаюсь, господин.

Ворота открываются, мы выезжаем на улицу и отправляемся к цели.

Правила дорожного движения в Подземелье простые: у кого круче тачка, тот и едет первым. Наша тачка очень крутая, и мы движемся почти без остановок. Я краем глаза слежу за Эмилем, но в то же время поглядываю в окно. Из шикарного района у стены мы быстро попадаем в знакомые мне места. Вон ателье «Президент». А вон рынок. Третий круг… даже жалко с тобой расставаться. Прощай, вся прежняя жизнь. Я пожил шикарно, но недолго. Впереди - тёмный тоннель. Как в метро. Ни черта не видно, но что-то должно быть на том конце. Что-то хорошее, я надеюсь.

О, Сахарный проспект! Торговый центр «Золотые ворота»! И кафешка моя. Здравствуй! И пока.

И вот, наконец, мост. И КПП на дальней стороне. Как же быстро мы добрались! Едем по мосту. Я наклоняюсь к Эмилю и шепчу на ухо:

— Попроси, чтоб притормозили.

Он смотрит с удивлением и не понимая. Я хмурю лицо и злобно зыркаю, пошевелив правой рукой.

— Филиппчик! Э-э-э… притормози вот здесь, - машет он водителю. - Да-да, вот тут.

Автомобиль останавливается посреди моста. До КПП ещё половина пути. Но мне туда не надо.

— Прощай, пупсик! - говорю я вслух Эмилю, открываю дверь, выскакиваю из автомобиля и сигаю через перила с моста вниз, в реку.

Мгновение - и я в воде. Зажимаю как следует нос рукой, а глаза зажмуриваю, что только есть силы. Деньги я успел выхватить из внутреннего кармана и держу их вместе с пистолетом в правой руке. «Чёрт, про *momuc* не спросил!» - мелькает мысль в голове. Очень вовремя!

Меня заносит под мост. Выныриваю, не открывая глаза, набираю в лёгкие как можно больше воздуха, и снова погружаюсь под воду. Сбрасываю с ног ботинки. Гребу ногами. Слышу откуда-то очень издалека вопли Эмиля. Грохочут выстрелы, но попасть сейчас из пистолета проще в пролетающего мимо воробья, чем в меня. Расслабляюсь, насколько могу, чтобы не потратить быстро весь кислород, и продолжаю неторопливо грести ногами. Течение уносит меня всё дальше… и дальше… и дальше…

11

Вода в Подземелье - это и жизнь, и смерть одновременно. Без воды ты умрёшь от жажды. Но вместе с водой в твой организм могут попасть такие бактерии, каких и в природе-то нет!

У нас на краю трущобы есть грязный пруд из сточных вод. Когда мы были совсем малолетками, нашей любимой развлекухой было купаться в этом пруду. Мы раздевались догола и плюхались в вонючую ржаво-серую жижу, бултыхались в ней, повизгивая от радости, погружались с головой, и выходили наружу покрытые рыжей маслянистой плёнкой, довольные, будто съели шоколадный батончик нахаляву. Мы как следует вытирались найденными рядом в помоях тряпками, чтобы не сильно марать одежду.

Однажды, ныряя, я случайно глотнул воды из этого пруда. Не помню точно, что было дальше. Помню только, что чудом выжил, и что меня еле спасли. Какие-то эпизоды. Обрывки воспоминаний. Лихорадка… кровавая рвота… кровавый понос… Видимо, это было настолько ужасно, что просто стёрлось из моей детской памяти.

Перестали ли мы после этого купаться в пруду? Конечно нет! Само собой, мне было стрёмно лезть снова в этот пруд первое время, но приятели быстро взяли меня на понт и на «слабака», и я оглянуться не успел, как уже снова нырял вместе со всеми.

Однако, кое-какие выводы мы сделали и стали осторожнее. Научились золотому правилу: перед нырянием как следует затыкаем все свои дырки и щели, чтобы ничего никуда не проникло. Мы набивали в уши вату поплотнее, а в ноздри вставляли резиновые затычки. Для вытирания специально брали с собой бутылки с более-менее чистой водой и тряпки поновее, чтобы на одежде не оставалось никаких следов - если бы отец узнал, что я снова ныряю, на моей заднице не осталось бы ни одного целого лоскутка кожи. В общем, так я научился плавать и нырять.

Сейчас у меня нет ни затычек, ни ваты. Нос я зажимаю рукой, а уши… в уши вода не попадёт, если голову держать ровно. Вода холодная, но терпимая, всё-таки весна на дворе. Не знаю только, будет ли пистолет стрелять после того, как побывал в воде. По идее, должен.

Я плыву под водой вверх брюхом, как дохлая рыба, то и дело выныривая и набирая воздуха. Я знаю, что меня ищут. Прочёсывают весь берег с обеих сторон, а ещё наверняка пустили дронов. Но даже с дронами искать меня в этой тёмной мутной реке посреди полумрака - всё равно что искать иголку на пустыре среди говна и падали. Так что у меня пока есть немного времени, чтобы прикинуть, что делать дальше…

Набрав в очередной раз воздуха, ныряю под воду и плыву. Дыхалка у меня слабая, как и у многих в Подземелье - сигареты и дерьмовый воздух делают своё дело. Но тренировки тоже не прошли даром! Итак, что имеем? Деньги и пистолет. А ещё деловой костюм, который будет всем бросаться в глаза. От него надо как-то избавиться - переодеться, сменить прикид на неприметный. Это первое дело. Только вот как и где? Надо искать места потемнее и понеприметней. Хоть это и третий круг, но здесь такие места должны быть. Пока что весь берег замощён камнем. Есть заходы со ступеньками в некоторых местах, но мне это не подходит. Надо плыть дальше и искать. Главное, чтобы нужное место попалось раньше, чем я доплыву до границы между кругами - там наверняка будет решётка, и там я окажусь в западне. Очень может быть, что там-то меня и поджидает полиция и федералы, так что надо смотреть в оба и найти безопасный выход на берег.

Я плыву по течению. Минут десять. Или двадцать. Уже начинаю потихоньку замерзать, но вижу, что каменный берег закончился, и начался пустырь с заброшками и халупами на берегу. Вот это мне и надо! Гребу поближе к берегу. Вижу вдалеке небольшой песчаный пляж и слышу звуки музыки - размеренные биты и гудящий бас. Замечаю чью-то старенькую потрёпанную тачку. Собираюсь с силами и гребу быстрее, пока течение не унесло меня мимо. Вынырнув в очередной раз, я оказываюсь уже метрах в пяти от берега. Ноги касаются дна. На пляже у костра сидят на корточках два паренька, курят, выпивают, покачивают головами в такт бандитскому рэпу, доносящемуся из открытых дверей авто.

Я подхожу уже совсем близко, торча по пояс из воды. Они смотрят на меня, замерев. Правый медленно и осторожно подбирает рукой лежащий рядом камень, а левый… у него знакомая одежда. И лицо знакомое. Бог мой, да это же… Нет! Нет! Нет! Таких совпадений не бывает!!!

— Мокрый??? - кричу я в полном офигении, а тот встаёт, раскрыв рот и выпучив глаза.

— От мокрого, бля, слышу!!! - хохочет он и поворачивается к своему товарищу. - Колян, всё нормально, это наш!

Выхожу на берег и шлёпаю босыми ногами по тёмному песку. С меня течёт вода, но я не тороплюсь к костру - не хочу быть заметным в темноте.

— Ты откуда такой взялся, чудище болотное? - ржёт Мокрый, всё ещё не веря своим глазам.

— Ох, не спрашивай! Вляпался я, Мокрый. Влип капитально.

— Чё, выиграл что-ли не у тех?

— Типа того… И теперь за мной хвост. Мне схорониться надо где-нибудь. И переодеться. Иначе хана…

Мокрый смотрит на меня, а я на него. Стены между нами больше нет. Мы снова с ним на равных. Даже больше - я в переделке, а он может протянуть мне руку помощи, и видно, что ему это нравится. Он оборачивается к своему товарищу:

— Слышь, Колян! Поможем пацану, а?

Колян думает.

— Я, ребят, деньгами не обижу, - говорю, потряхивая своим богатством в правой руке.

— А чё надо-то?

— Тачка твоя? - спрашиваю.

— Ну моя.

— Пошли сядем, да обкашляем. А то меня ищут.

Колян смотрит на меня, потом на Мокрого, потом снова на меня…

— Ну пошли.

Мы садимся в тачку, пацаны спереди, я сзади.

— Годная тонировка, - говорю, пощёлкав пальцем по стеклу. Да, тонировка
- это очень кстати!

— Ну, какой план, шеф? - посмеивается водитель.

— Надо в магаз с одеждой, прикид сменить. В этом отсвечивать вообще не вариант - найдут в два счёта.

— Тут рядом есть барахолка, цены приемлемые.

— Нет. Мне надо магазин, и подороже. Чтобы там никого не было, понимаешь? Чтоб без свидетелей.

— А… Ну знаю один такой. Там всякий модный рэперский шмот, для пальцованных.

— Дорогие цены?

— Да ваще жесть!

— Едем.

Колян пожимает плечами в недоумении, заводит тачку, и мы трогаемся.

— На те сразу за беспокойство, - говорю Коляну и протягиваю ему сто фишек.

— Фигасе… - бубнит он и, поглядывая на Мокрого, кладёт себе в карман.

— Мокрый, на тебе тоже, - говорю, но Мокрый отбрыкивается.

— Не-не-не, чувак! Это вот Колянычу спасибо! А я чё? Я ж не при делах!

— Ну возьми ты хоть сколько-нибудь!

— Братиш, я ж от чистого сердца! Я без корысти! Щас я тебе помогу, а потом ты мне, правильно?

— Ну… конечно, брат, само собой. Только не знаю, когда мы теперь свидимся-то…

— Чё, прям так всё серьёзно?

— Серьёзнее некуда…

Мы едем через город, по незнакомым мне местам. Колян рулит осторожно, пропуская всех, чтоб не привлекать внимание. Пару раз мимо проезжает полиция на мигалках.

— По твою душу, не? - кивает Колян.

— Может и по мою… А далеко до магаза-то?

— Да минут десять ещё. Но там места поприличнее, и ментов должно быть поменьше.

— Мне бы ещё таблетосов прикупить.

— Каких? - спрашивает Мокрый.

— Ну… стимуляторов. Чтоб быть сильным и ловким, как ниндзя, бля. Ну и успокоительных на всякий.

— Есть и такие, и такие. Только не с собой. Надо к поставщику заглянуть.

— К которому? - спрашивает Колян.

— К Армэну.

— …По пути, в принципе…

— Чё, заглянем? Всё равно надо было.

— Ну давай.

— А чё, хорошее средство, Мокрый? - спрашиваю. - Ну, которое стимулятор.

— Ваще улёт! Если чью-нибудь хату обнести надо или на склад забраться - лучше не найдёшь. Дорогие только, но для тебя это не проблема.

Мы переезжаем через мост и оказываемся на другой стороне реки. Только это не тот мост, который ведёт к КПП 15, и места по-прежнему не знакомы. Но кажется, что мы едем в края, которые я знаю чуть лучше.

— Во, вот здесь, Колян, в конце квартала, - тычет пальцем Мокрый.

— Нифига, там магаз с вейпами должен быть.

— Какой бля магаз с вейпами?

— Такой бля! На параллельной улице…

Колян притормаживает, и в этот момент мимо проносится чёрное спортивное авто и чиркает нас о бампер. Совсем чуть-чуть, в касание. Колян смотрит им вслед:

— …Придурок нах…

А я понимаю - если б мы выехали на перекрёсток на секунду пораньше, то была бы авария и разборка, а это конец.

— Ладно, поехали, - говорю.

Но Колян смотрит вслед проехавшему авто:

— …Погоди… они тормознули.

Я приподнимаюсь и протискиваюсь между кресел, и мы все втроём смотрим, как из спортивной тачки деловито выходит здоровенный кабан со стволом и идёт в нашу сторону.

— Бля… - шепчет Мокрый и хватается за лицо.

— Играем ва-банк, пацаны, - говорю, быстро прикинув в голове комбинацию.

— Чего?

Достаю из кармана визитку Эмиля и отдаю её Мокрому вместе с пистолетом:

— Значит так, Мокрый. Безо всяких понтов, вежливо и спокойно покажешь ему визитку и спросишь, нужны ли ему проблемы. Просто спросишь и всё. Пистолет должен быть на виду. Скажи, чтоб не мешали работать, если не хотят встретиться с федералами. На тебе 50 фишек, дашь ему за беспокойство. Визитку в руки не отдавай. Понял?

— …Понял…

Мокрый выходит из машины. Пистолет Эмиля блестит в его правой руке. Молодец, выпрямился, идёт не спеша! Ай да Мокрый! Умеет сыграть, когда надо! Они встречаются прямо на перекрёстке. Здоровяк подходит вплотную и нависает над Мокрым, но тот спокойно показывает визитку, и верзила замирает на месте. Мокрый что-то говорит ему и небрежно кидает 50 фишек, которые офигевший здоровяк из-за растерянности не успевает поймать. Мой товарищ вальяжной походкой возвращается обратно и садится в авто. Здоровяк вглядывается в нашу машину, всё ещё не понимая, что произошло.

— Как поедешь - посигналь ему, - говорю я Коляну.

Колян трогается и резко давит в клаксон, а качок отпрыгивает в сторону. Пацаны хохочут.

— Ты видал?!

— Ага! Как кошак паршивый отскочил!

— Я ему говорю: «Ты проблем хочешь, а, ковбой? Один звонок, и тебя свинтят вместе с твоими господами. Не мешай работать. Вот те за царапину.» Он реально чуть не обосрался, а-ха-ха! - он оглядывается на меня, улыбаясь. - Марк, чё за визитка такая, а?

— Дай сюда, - говорю и вырываю у товарища визитку. - И ствол гони обратно. Лучше б этой хрени не было, пацаны… Ходим по краю. Где там ваш Армэн?

Покружив немного по району, пацаны таки находят нужное место. Мокрый заходит в разбитый грязный подъезд, Колян курит, а я прикидываю ещё разок всё, что нужно будет сейчас сделать. Слышим сзади шум и оглядываемся. По перекрёстку проносится серый броневик федеральной гвардии. На мгновение мне становится очень страшно. Что если это те ребята на спортивном авто позвонили федералам? Но шум быстро стихает, и становится ясно, что ехал он совсем по другим делам. Да и кто будет охотиться за молодым пацаном на броневике? Спокойно. Не загоняйся, Марк. Пока всё неплохо… пока неплохо…

Минут через десять из подъезда выходит Мокрый и садится на переднее сиденье:

— Держи, ниндзя!

Он протягивает мне маленький смятый пакетик. В нём лежит белая капсула.

— И на ещё барбитальчик на десерт. - Он кладёт мне в ладонь коробок с таблетками.

— Сколько должен? - спрашиваю.

— Тридцатку за стимулятор, десятку за успокоительное.

— Ни хрена себе.

— Это я ещё торганулся. За стимулятор тридцать пять просили.

— Держи, - говорю и даю 50.

— Ну чё, в магаз, шеф? - спрашивает Колян.

— Да, погнали, - отвечаю я, и мы трогаемся.

Мокрый протягивает мне сдачу. Я говорю:

— Оставь себе, слышь!

— Бери, сказал! - осаждает меня товарищ. - Всё равно мелочь нужна будет.

Стены между нами как не бывало. Ладно, возьму. Он ведь прав насчёт мелочи.

До магазина доезжаем без приключений. Места вокруг и правда приличные. Проехав мимо стеклянных дверей, мы паркуемся почти у самого входа. Я успеваю заглянуть внутрь. Никого.

— Слышь, Мокрый, - говорю. - Дай в твоё оденусь, а? У нас же размеры, считай, одинаковые. А то я весь сырой, да ещё в пиджаке этом грёбаном…

— В смысле, чувак? Ты хочешь, чтобы я разделся и твой пиджак напялил?

— Ну можешь не напяливать, так посидишь. Ну просто мне в нём туда идти вообще не вариант - палевно слишком.

— Бляха, ну ты чудовище! И чё, я тут буду щас сидеть, как на витрине, и переодеваться?

— Да почему «как на витрине»? Лезь сюда, назад. Здесь же тонировка, никто тебя тут не увидит!

Мокрый беспомощно смотрит на Коляна. Тот ржёт от души, стуча кулаком по рулю, и мой товарищ опускает руки и тоже посмеивается:

— Бля, ну пипец…

Он пробирается между кресел, чертыхаясь, ко мне назад, садится на сухое место и начинает, кряхтя, снимать с себя шмотки: куртку, футболку, джинсы… А я, тем временем, тоже раздеваюсь до трусов.

— Труханами будете меняться? - хохочет Колян.

— Нет, - говорю, - обойдёмся без этого. Хотя мои сырые, и это тоже маленько палевно. Ну да ладно, авось прокатит.

Я быстро напяливаю на себя одежду Мокрого, а тот так и остаётся сидеть голышом.

— Ты давай ток побыстрей там, слышь? - говорит он, поёживаясь.

— Братишка, поверь, я тороплюсь не меньше тебя, - отвечаю, похлопав его по голой спине.

Выхожу. Открываю прозрачные двери. Внутри тепло и ярко, играет лёгкий ненапряжный рэпчик, вокруг очень чисто, а молодой лохматый продавец с толстыми косичками-дрэдами смотрит на меня так, как будто я первый посетитель за день.

— Привет, бро! - говорит он мне, как старому приятелю, вставая. - Чё интересует?

— Даров! - отвечаю в его же манере. - Мне пришмотиться надо. Поднял баблишек солидных, пора прикид сменить.

— Здраво! Но здесь стиль ваще другой, рэперская мода. Покатит?

— В самый раз. Надо это… расти над собой!

— Блиин, уважуха, бро! Ну погнали чо!

Парень водит меня по магазину, как по музею, рассказывает про моду, что с чем идёт и так далее. Ценники тут ошеломляющие, но мне всё равно - для Эмиля это подъёмно. Рэперская одежда в Подземелье почти вся с молниями на карманах - чтобы деньги и наркота не высыпались, когда перемахиваешь через забор. Самые модные и самые дорогие модели - без молний, для тех, кому не от кого убегать. Но в сегменте чуть пониже мы находим именно такую одежду, которая мне нужна - свободную, с огромными застёгивающимися

карманами, чёрную, неброскую, и с толстым капюшоном на пол-лица. И мягкие кеды с широкими белыми шнурками. Отлично! Самое то!

— Мне бы и труханы тоже поменять, - говорю небрежным тоном. - Ну, чтоб образ не ломался.

— Пойдём, бро, - отвечает продавец без намёка на стёб.

Мы подходим к стеллажу с трусами и носками.

— Вот, братан, смотри, - говорит мне парень, показывая эластичные труселя с зелёной палкой и листьями сбоку. - Последний писк моды, отвечаю!

— Пойдёт, - говорю я, не раздумывая, и кладу на кучу набранной одежды сверху трусы, которые стоят как все шмотки Мокрого вместе.

— Вот тут примерочная, заходи, - показывает мне парень.

Я быстро переодеваюсь и прошу у продавца пакет под мою старую одежду. Смотрю на себя в зеркало. Натягиваю капюшон. Лица в нём почти не видно. Прекрасно! Проверяю объём карманов. Пистолет влезет. Молния крепкая. Кеды - в пору. Йоу! Ну всё, пора на дело!

Запихиваю все старые шмотки в пакет и аккуратно кладу в карман куртки Мокрого 50 фишек. Рассчитываюсь с продавцом. Получилось почти как за деловой костюм вместе с ботинками. Вот так рэперская мода!

— Ну ты терь ваще красавчик! - восхищается продавец. - Как тя звать, бро?

— Клим, - говорю, вспомнив гвардейца, который меня шмонал.

— Матвей, - говорит парень и протягивает мне ладонь.

Что-то вздрагивает внутри. Жму ему руку и поджимаю губы:

— Спасибо, Матвей. Классный шмот, с ним не пропаду.

— Дай бог, братишка!

Выхожу. Открываю заднюю дверь машины и отдаю Мокрому пакет с одеждой. Сам сажусь на переднее сиденье - моё место сзади сырое.

— Ну, пацаны, - говорю, - спасибки вам! От души!

У меня в ногах лежит смятый деловой костюм. Гляжу на него, мысленно прощаясь.

— Куда бы его сбагрить? - размышляю вслух.

— Вон там, в подворотне, бочка горит. Туда и кинь, - говорит Колян.

— Ты там был, что-ли?

— Ага, поссать ходил.

— Добро. Так и сделаю. Мокрый, ну ты чё там?

— Да всё я уже! Труханы свои сырые забирай! - говорит Мокрый, брезгливо протягивая мне пакет, в котором осталось нижнее бельё.

Я складываю всю свою прежнюю одежду в пакет и забираю у Мокрого пистолет и визитку.

— Всё, пацаны. Колян, спасибо тебе ещё раз! Мокрый, - говорю, оглядываясь, - пошли прощаться.

Мы выходим из машины и закуриваем.

— …Как-то ты это грустно сказал, - говорит мне мой товарищ.

— Ну а чё тут веселиться-то? Не знаю теперь, увидимся ещё когда-нибудь?

— Прям так?…

— Ну а как?

Стоим. Молчим. Курим.

— Слышь, Мокрый.

— Ну?

— Ты прости, что я тогда себя так вёл, в кафешке.

— Как?

— Ну так… заносчиво.

— Да нормально ты себя вёл…

— Нифига. Я-то знаю. Короче, прости, слышь. Я маленько… зазнался. Один мой друг сказал: «В Подземелье сегодня ты крутой, а завтра - всмятку». Я как-то… ну… забыл об этом немного.

Мокрый улыбается и выпускает струю дыма в мою сторону:

— Фигня, чувак! Ваще никаких обид!

— Ну и славно! Слушай, ещё, - я подхожу к нему поближе и говорю вполголоса, - если тебя вдруг сцапают менты или федералы - смело сдавай меня. Слышишь? Рассказывай всё, как есть. Всё, что спросят. Не хочу, чтоб ты пострадал из-за меня.

Он качает головой, глядя в землю, а потом поднимает взгляд и смотрит мне в глаза:

— Ты чёткий пацан, Марк. Побольше бы таких.

Мы жмём друг другу руки и обнимаемся. Бросаем окурки. Мокрый открывает переднюю дверь, достаёт пакет с моим сырым пиджаком и, улыбнувшись, отдаёт мне. Колян заводит двигатель, и его потрёпанная легковушка отрыгивает в мою сторону прощальное облачко дыма. Оно плавно растворяется в общем смоге Подземелья. Автомобиль уезжает прочь, светя единственным рабочим красным габаритом, и вскоре исчезает из виду.

Ну вот и всё, пацаны. Финишная прямая. Конечный мой пункт на третьем круге - кукурузный цех.

Вслед за Коляном, иду в подворотню отлить на дорожку. Проходя мимо горящей бочки, небрежно кидаю в неё пакет со своим новым шикарным костюмом. От пакета тут же поднимается едкий чёрный дым. Сырой костюм сопротивляется огню, шипя и дымя белым, но пламя сильнее, и ткань постепенно сдаётся и тоже загорается. Когда я заканчиваю, костюм уже вовсю пылает, добавляя немного света и тепла этому тёмному, грязному закоулку.

Выхожу на улицу. Прикидываю направление. Так: мы ехали против течения по в сторону большого моста, с которого я прыгал. Мне нужно держаться где-то посередине между стенами, чуть ближе к Президентскому дворцу, и идти тем же курсом.

По колоннам ориентироваться легко, и мне даже почти не приходится спрашивать прохожих. Я уже тут, как рыба в воде! Столько изъездил, столько повидал! Иду, накинув капюшон и осторожно поглядывая по сторонам. Мимо то и дело проезжает полиция. Снова то знакомое чувство, как когда я схватил телефон у мужика, которого свинтили, и ждал, что проезжающий ментовоз тормознёт рядом, и меня схватят. Но полиции до меня нет абсолютно никакого дела, как и тогда.

Прохожу неподалёку от ЖД терминала, и специально заворачиваю так, чтобы пройти мимо нашего склада. Рискованно, конечно, меня ведь могут узнать. Но издалека - точно не узнают, а близко я подходить не буду. Вспоминаю, как работал там, сперва побегушкой, потом - начальником. Вспоминаю Альберта и мысленно говорю ему: «Спасибо!».

А вот ещё знакомые места. Здесь неподалёку тот сквер, где я встретил двух бомжей, показавших мне дорогу к «Сапфиру». Примерно на этом уровне вроде и расположен кукурузный цех, только сильно левее, к следующей колонне, или даже дальше.

Кукурузный цех. Всё просто: чтобы попасть в *Полис* через грузовой терминал на окраине, нужно что сделать? Правильно, стать грузом. А самый простой известный мне способ стать грузом - попасть в этот цех, а из него - прямиком в контейнер. Я там бывал на «экскурсии» от Альберта и всё видел изнутри - охрана ни к чёрту. Оно и понятно: кому нахрен надо воровать кукурузную крупу? У нас бы на восьмом воровали, но здесь… Ради крупы рисковать быть свинченным федералами точно никто не станет. И никто туда не полезет, кроме одного-единственного отморозка. Этот отморозок - я.

Останавливаюсь у ларька. Покупаю сигареты за трёшку и бутылку воды. Бутылка помещается в карман. Больше мне, вроде, ничего и не надо, кроме, пожалуй, перекуса. Но заходить в продуктовый я не буду - там камеры висят, и, чёрт его знает, вдруг меня засекут? Лучше поискать шаурмичную на улице, взять шавуху и сожрать по дороге. Впрочем, в этом районе шаурмичными и не пахнет. Тут приличные места, неподалёку стена. Ох! А районч‌ик-то знакомый!

Сворачиваю на одну улицу, потом на другую, и оказываюсь совсем неподалёку от дома Леонида. Останавливаюсь. Думаю. Хороший ты человек, Марк, или плохой? Щупаю свой

правый карман. Там ещё немало денег, хоть я и тратил, как не в себя. Ну что, Эмиль, отдать тебе остаток? За беспокойство. *Там* он мне всё равно без надобности.

Роюсь в кармане с мелочью, достаю одну фишку. Ну что? Сухая сторона - отдаю деньги, слюнявая - оставляю себе. Намазываю одну сторону фишки слюной и бросаю в воздух. Ловлю. Мокрая сторона шмякается на ладонь. Везёт тебе, Эмиль! Везёт, сукин ты сын... Ладно, так уж и быть. Побуду хорошим.

Захожу в «однофишечный» магазин рядом. Беру набор с блокнотом, ручкой и фонариком. Фонарик, пожалуй, пригодится. Выхожу на улицу, прислоняю блокнот к стене, и на первой странице пишу:

Для Эмиля

Вырываю лист и кладу его в пакет с деньгами. Подхожу к дому Леонида, к самой стене. Камера на углу не работает, это я точно знаю. Кот на днях возился с ней несколько часов, и так ничего сделать и не смог - она целиком под замену. Зайдя за угол, швыряю пакет с деньгами через стену и, слыша лай собак, быстрым шагом убираюсь прочь.

Минут через двадцать я уже у ворот цеха. Спрашиваю у прохожих время. Очень удачно! Скоро должен быть привоз. Я помню график почти наизусть. Где-то полчасика подождать надо. Главное за это время не попасться полиции.

Шарахаюсь по району в поисках еды, но денег у меня почти не осталось, так что я перебиваюсь сухарями со вкусом кетчупа и чипсами из крахмала.

Подъезжает три грузовика, один за другим. Территория у цеха небольшая, так что они не заезжают внутрь, а разгружаются прямо на улице. В каждом фургоне сидит по одному-два грузчика. Они открывают кузова и начинают таскать плетёные мешки с кукурузным зерном внутрь. Подловив момент, я заскакиваю в один из фургонов, тащу ближайший мешок за уши к самому краю, спрыгиваю и взваливаю его себе на спину. Всё-таки не зря я работал грузчиком! Навык-то никуда не делся! Таскаю мешки в цех один за другим вместе со всеми, и никто не обращает на меня ни малейшего внимания. Работникам цеха тоже пофиг. Их дело маленькое - принять груз, засыпать в измельчитель, перемолоть, расфасовать по пачкам и сложить в контейнеры. Почти всё это происходит автоматически, на конвейере. Не работа, а мечта

- стоишь себе на месте, поплёвываешь в потолок и бабки получаешь!

Подхожу к фургону в очередной раз и вижу, как грузчик, вытаскивая мешок из фургона, случайно выпускает его из рук и роняет на землю. Мешок разрывается сбоку, и из него высыпаются на асфальт жёлтые кукурузные зёрна. Мужик матерится, а я подбегаю к нему:

— Давай с двух сторон.

Мы берём мешок с обеих сторон за уши, перевернув рваной стороной вверх. Тащим в цех. Подключается ещё пара человек, и мы вместе высыпаем зёрна в резервуар измельчителя.

Когда мешков остаётся на одну ходку, я задерживаюсь в цехе и, пока все заняты оставшимся грузом и подписанием бумаг, я прячусь у конвейера недалеко от места, где упакованная крупа попадает в открытые контейнеры. Сижу там и жду. Грузчики уходят. Включается измельчитель. Запускается конвейерная линия. Шум в зале такой, что работникам приходится орать, чтобы услышать друг друга. Из измельчителя крупа попадает в упаковщик. Тот выплёвывает на конвейерную ленту полиэтиленовые пачки с крупой. Они движутся равномерной очередью по ленте и падают в контейнер, а парень на конце ленты в нужный момент нажимает кнопку, и заполненный контейнер закрывается, запечатывается, и сменяется пустым.

Мне надо попасть в контейнер где-то посреди этого процесса, когда он на три четверти будет уже заполнен. Дожидаюсь нужного момента. Осторожно крадусь по цеху в своих мягких кедах, хотя моих перемещений никто бы не услышал, даже если б я был в армейских берцах. Добираюсь до ближайшей кнопки пожарной тревоги, жму её и тут же прячусь. Конвейер останавливается, раздаётся визг сирены, да такой, что перепонки из ушей сейчас вылетят! Парень на конце ленты закрывает уши, что-то орёт, но его, естественно, не слышно. Прибегает толстый мужик, начальник цеха. Машет руками, вопит, хватает мобильник, явно не понимая, что произошло. Парень у ленты пытается ему что-то объяснить. Они ходят по цеху и осматривают его, но я хорошо спрятался, и они проходят мимо. Потом толстый, неуклюже тряся булками, бежит к себе наверх, в кабинет, видимо, чтобы позвонить начальству, а парня отправляет искать кнопку отключения сирены.

Дождавшись, когда они отойдут подальше, я рывком бросаюсь к контейнеру и запрыгиваю внутрь, тут же зарываясь в упаковки с крупой и наваливая их сверху на себя. Минута - и я уже полностью скрыт под ними. Теперь остаётся только ждать.

Проходит минут пятнадцать прежде, чем им удаётся справиться с сиреной. Я закопан в кукурузных пачках, и только слышу голоса подошедшего парня и его напарника, видимо, по хоз части:

— Фу, блин, ну и орёт, сучара…

— А чё было-то? Кто тревогу нажал?

— Да никто… Сама нажалась, видимо…

— Как она сама могла нажаться, ты с дубу упал?

— Да не знаю я! Может, коротнуло там как-нибудь. Я точно не нажимал. Мне зачем?

— Ну, может кто пробрался.

— Пробрался и нажал тревогу? А нахрена?

— Ну там… стырить чё-нибудь.

— Кукурузу?

— Ну… может и кукурузу.

— Ты прикалываешься?

Напарник злится:

— Вот были бы камеры - посмотрели бы сейчас всё!

— Ну ты ж знаешь, что тебе Степаныч на это скажет. И стопудово: мы бы посмотрели ща на камеры - и нихренашеньки не увидели! Короч, давай ещё два контейнера - и покурить сходим. Нервный день какой-то.

— Давай. Пойду врублю всё обратно.

Линия запускается, измельчитель снова орёт на весь цех, а я чувствую, как сверху падают пачки с крупой. Их вес давит на меня всё сильнее. Наконец, крышка контейнера закрывается, защёлкивается, и я оказываюсь в полной темноте. Сработало! Вскрыть контейнер теперь может только получатель, так что здесь до меня уже никто не доберётся.

Странное чувство. Вроде бы, полная безопасность. В контейнеры встроена система вентиляции, чтобы не было плесени, так что я не задохнусь. Но вот системы снабжения меня едой и водой не предусмотрено, а на сухой крупе я вряд ли долго протяну. Так что если груз застрянет где-то посреди пути, то плохи мои дела.

Чувствую движение. Погрузчик подхватывает мой контейнер и ставит его в стопку в углу цеха. Теперь только ждать грузовиков, которые довезут их до склада. Оттуда их должны отправить на ЖД терминал. По нынешнему графику всё это происходит одним днём, но это могло поменяться. Я запросто могу проторчать сутки здесь, потом несколько суток на складе, а до получателя доехать уже мёртвым. Как назло, хочется пить. А бутылка у меня с собой только одна, и хорошо, что хоть она есть! Ладно… Надо расслабиться. Меньше потеть, меньше тратить сил. После всего, что случилось сегодня, хорошо бы вздремнуть. Не самое удобное место для сна, но другого нет. Может, барбитальчику принять таблетку? Нет, это слишком. С него размазать сильно может, а мне это не надо. Просто полежу, авось поспать удастся… Зевнув пару раз, неожиданно легко проваливаюсь в сон…

Просыпаюсь от движения. Чувствую, как контейнер сперва поднимают, потом опускают, везут, снова поднимают, и ставят на место. Неужели грузовик подъехал? Сейчас поедем на склад? Хорошо бы… Доеду до склада - можно будет сделать глоток воды. Сколько времени сейчас, интересно. Часов-то нет! Надо было хоть наручные часы купить! Ведь мог же! Придётся довериться Альберту… Стараюсь ловить каждый звук, каждый шорох. Но что происходит снаружи всё равно толком не разобрать.

Полежав минут двадцать без движения, я чувствую, наконец, что мы тронулись. Едем на склад. Так гораздо лучше! Когда этот контейнер стоит, не двигаясь, он слишком похож на гроб, в котором я заживо похоронен. Грузовик то и дело подпрыгивает на кочках и ямах, и в эти моменты меня придавливает чуть сильнее. Я пытаюсь как-то развернуться, разгрести пачки, чтобы было поудобнее, но контейнер забит под завязку, и я зажат в нём, словно в тисках. Ничего не поделать, Марк. Другого способа нет.

Доезжаем до склада, и мой контейнер поднимают куда-то очень высоко. Привет, парни! Ваш бывший коллега на месте! А вы об этом даже не подозреваете. Что с расписанием? Успеете отправить сегодня? Контрагент будет недоволен, если нет! Всё-таки товар первой

необходимости! Интересно, зачем этим зелёным нужна крупа? Они её чё, жрут? И вообще, какие они? С длинным хвостом, значит. И живут по двести лет. Разговаривают не на нашем, но разговаривают же! То есть, язык и рот примерно как у нас. Ноги и руки, наверное, тоже похожие. Пытаюсь представить себе что-то, похожее на людей, но на ум всё время идут какие-то ящеры. Что-то вроде динозавров. А размера они какого? Эмиль не сказал. Но я ведь и не спросил. Эх, я столько всего не спросил… Снова клонит в сон… Не подведите, ребята… Довезите до терминала…

Я сплю… Мне снится, что меня обнаружили и вытащили из контейнера. Я в опорном пункте Федеральной Гвардии. Меня бросили на холодный пол в комнатушку для допроса. Заходит Эмиль. Я должен выполнить все его желания. Вместе с ним - трое гвардейцев. Они встают вокруг меня. Один держит мне сзади руки, другой - стаскивает штаны. Эмиль говорит, что желания этих ребят мне тоже придётся исполнить. Но он будет первым. Двое гвардейцев поднимают меня наверх. Ещё выше. Потом вдруг опускают. Что они делают?

Просыпаюсь. Вытираю испарину со лба о пачку с крупой, но она не вытирается, а только размазывается по лицу. Контейнер снова пришёл в движение. Он опускается. Его везут на погрузчике. Значит, отправляют! Кое-как расстёгиваю карман и достаю бутылку с водой. Как бы попить? Сейчас изобрету способ… Времени будет много…

Меня погрузили на контейнеровоз. Жду. Дожидаюсь. Едем. До терминала рукой подать. Доезжаем. Снова погрузка. Мне, наконец, удаётся сделать глоток воды. Но с большим трудом, ведь здесь особо не развернёшься, так что оставляю бутылку рядом со своим лицом. Тишина. Неподвижность. Без движения стрёмно, но я понимаю: я уже в поезде. Тут уже вряд ли что-то пойдёт не так, и это успокаивает, но лишь на время. Что будет там, на том конце? Будет ли промежуточный досмотр? Какие правила в терминала на окраине? Я ведь этого не знаю. Но даже если всё пройдёт гладко, что со мной будет, когда я окажусь *там*? Сколько минут или секунд я смогу там пробыть прежде, чем эти зелёные полубоги обнаружат меня и пальнут из своих плазменных ружей? Ты всё-таки прав, Эмиль. Хоть ты и сука, но ты прав: я как мотылёк, только лечу не на свет, а на огонь. Я сгорю в этом огне, но мне как будто бы всё равно. Важно именно долететь, а если потом придётся сгореть - ну что ж, такова судьба. Главное - выиграть в игру! Выбраться… из Подземелья.

Поезд, наконец, трогается. Можно было бы и поспать, но заснуть теперь не получается. Слышу стук колёс. Тот самый, железнодорожный, который слушал всё детство, но только снаружи, а теперь я внутри! С каждым стуком я всё ближе к *Полису*. Это ж подумать только! Я еду в Город Богов! Марк Малой, нищеброд с Бумажки, едет к богам на поклон. Везёт кукурузу с собой! А-ха-ха! Может быть, увидев меня среди кукурузной крупы, они сжалятся надо мной и не станут сразу сжигать в плазменном огне? Может, за храбрость и настойчивость назначат кем-то вроде Эмиля - посыльным, доверенным? Вот тогда я посмотрю на тебя, Эмильчик! Вот тогда-то мы поговорим! И кто будет чьи желания исполнять - это мы посмотрим.

Но нет. Что за грёбаный оптимизм! Всё будет плохо. Лучше думать, что всё будет плохо. У меня есть пистолет. Я смогу отстреливаться. Пару секунд. Тут важна неожиданность.

И пока отстреливаюсь, надо непременно увидеть солнце. Как только крышка откроется, смотреть сразу в небо. Не на них, а в небо. Вдруг *оно* как раз… будет светить надо мной…

Стук колёс становится чуть реже. Замедляемся. Притормаживаем. И вдруг я слышу очень знакомый скрип. Тот самый, который слышал, идя по мосту через… Бог мой, да неужто мы на Сортировке?! На той самой? Эй, Алмаз, привет тебе! Знал бы ты, где я сейчас! Но, может это и не та Сортировка, а какая-то другая? Пёс его знает, понять это невозможно. Но если та, значит, я уже почти на девятом круге, а значит, ехать осталось не так далеко. Сколько вообще кругов в Подземелье? Как широко раскинулся *Полис*? И девять-то кругов представить трудно, если у каждого шестиугольника сторона два километра, и всё это висит в километровой высоте.

Поезд ускоряется. Видимо, здесь уже можно. В такой глуши вряд ли кто-то живёт, и железку можно строить по прямой, заливая бетоном всё, что попадается на пути. То, что делает *Полис*, вообще очень логично. Вредные химические производства спустили к нам. Электричество раздают от себя, чтобы мы были в полной зависимости. И деньги тоже нам печатают, видимо, чтобы Президент сговорчивее был. Безо всякой силы. Без стрельбы, без десанта с супероружием. Легко и ловко. Как в покере с сильной рукой. Только вот откуда у них такая сильная рука?… И кто они вообще такие? Откуда взялись? С другой планеты? Или мутировали из-за радиации во время войны? Или это *они* устроили войну, а потом построили свой волшебный город на руинах вымирающего человечества? Столько вопросов, Эмиль… столько вопросов…

Делаю глоток воды. Снова начинаю потихоньку дремать. Колёса стучат часто, и мне представляется, будто я не еду, а лечу, постепенно набирая высоту и взмывая в небо. Мне нравится это чувство - когда тебя поднимают вверх плавно и уверенно. Но что это? Кажется, мы и правда поднимаемся! Я открываю глаза и верчу головой. Я сплю или нет? Открыты глаза или закрыты - разницы вообще никакой. Но я чувствую лицом полиэтиленовые пачки с кукурузой, чувствую руками карманы балахона и понимаю, что, кажется, всё-таки проснулся. Стука колёс уже нет. Мой контейнер приподняли и поставили куда-то. Он то ли стоит на месте, то ли неторопливо движется по конвейерной ленте. Изнутри не понять. Но мы явно приехали. Я в терминале. Что же дальше?

Движение прекращается. Снаружи слышны механические звуки. Кажется, другие контейнеры встают рядом. Слышу, как сверху тоже что-то бухает - контейнеры составляют в стопки. Наверное, я в *том самом* лифте. Сердце стучит, как бешеное. Всю сонливость как рукой сняло. Кажется, что это самый важный момент в моей жизни.

Время тянется невыносимо долго. Движения всё нет, но контейнеры, похоже, перестали прибывать. А может, нас просто свезли на склад? Может, никакого лифта и нет вовсе? И что, если заказчик - не *Полис*? Скрещиваю пальцы на руках. Закрываю глаза, хоть это и бессмысленно. Пожалуйста! Пусть это будет лифт! Мне должно повезти! В таких дебрях на окраине никому не нужна кукуруза. Она нужна *Полису*! Должно сработать. Должно… сработать…

Рывок. И резкий подъём. Такой, что меня вжимает в упаковки. Офигеть! Вот это сила! Вот это скорость! Это точно грузовой лифт терминала, сомнений никаких! Кровь пульсирует во всём теле. Надо закинуться. Если не сейчас, то когда? Нащупываю в кармане целлофан с таблеткой, разворачиваю, протискиваю руку сквозь пачки и кладу капсулу в рот. Набираю воды. Глотаю. Не подведи, волшебная пилюля! Интересно, как быстро она сработает? И сработает ли вообще? Мокрый же не балабол, у него хороший товар. Правда, Мокрый?

Мы несёмся наверх, но, кажется, я уже привык к скорости. Нам ехать целый километр. Скорость, думаю, в районе двадцати километров в час, значит один километр мы проедем за одну двадцатую часа. То есть три минуты. Три долбанных минуты, и я наверху. С ума сойти…

Странное ощущение в ушах. Будто что-то заклинило. Может, из-за таблетки? Ковыряю пальцем в ухе. Хоть бы что. Делаю глоток воды. Помогает. Значит так: пистолет должен быть наготове. Предохранитель снят. Рука в кармане. Крышка открывается - лежу, не двигаясь. Как только меня обнаруживают - поднимаю левую руку и спокойно говорю: «Я с миром». Должны понять. Дальше - по ситуации. Мысли роятся в голове, но в то же время концентрация - предельная. Сердце успокоилось, волнения - вообще никакого. Просто холодная готовность действовать. Похоже, пилюля работает. Ну и отлично!

Лифт сбавляет скорость. Мы уже близко. Пистолет наготове. В горле пересохло. Делаю последний глоток воды.

Рывок. Остановились. Тишина. Ничего не слышно. Стоим на месте. Время тянется. Готовлюсь, неизвестно к чему. Проходит минута. Вдруг снова движение наверх, но уже не такое быстрое. Снова остановились. Ждём. Проходит ещё минута. Опять движение наверх. Что бы это значило? Мы ждём кого-то. Ах, ну конечно! Платформа не одна, их несколько! И их разгружают одну за другой. Тоже логично! Зачем делать один большой лифт, если можно сделать что-то вроде конвейера, только вертикального? Они хорошие инженеры. И, кажется, на много сотен лет впереди нас.

Мы снова поднимаемся вверх и снова останавливаемся. Проходит минута. Контейнер приходит в движение. Едет куда-то. Спокойно и неторопливо. Я весь - холодное спокойствие и готовность. Лежу на спине и смотрю вверх.

Удар! Контейнер переворачивается, крышка открывается, и я падаю вместе с крупой в какую-то тёмную воронку. Расставляю ноги и упираюсь в её края, а руками упираюсь в стену. Разворачиваюсь. Глаза к темноте привыкли, и мне всё отлично видно. Я в небольшом отсеке. Контейнер слегка приподнят над конвейерной лентой и повёрнут вниз. Пачки с крупой из него высыпаются в ту самую воронку, на которой я стою, растопырив ноги. Вокруг - никого.

Контейнер переворачивается обратно, закрывается, и уезжает обратно по соседней ленте. Тут же подъезжает новый, и всё повторяется. Пачки с крупой падают в воронку под моими ногами, исчезая в темноте её отверстия. Я делаю шаг в сторону и гляжу из-за угла на конвейер, чтобы понять, как здесь всё устроено. Лента идёт из тёмного углубления в бетонной стене через открытое пространство на улице внутрь этого… места. Рядом с

ней вторая, и по ней пустые контейнеры возвращаются на лифт. Улица освещена то ли фонарями, то ли чем-то ещё, а углубление в стене - это, видимо, ниша, где расположен лифт. По-другому и быть не может. И как же мне теперь выбраться отсюда? Ведь на улице наверняка везде камеры, да и здесь тоже. Озираюсь по сторонам. Нет, здесь, вроде, нет. Голые стены и больше ничего. Так как же выбраться?

Контейнеры едут один за другим и вываливают своё содержимое в металлический рот *Полиса*. Возвращаются обратно. Глаза как будто бы видят лучше. Таблетка помогает! Стена - метра четыре в высоту. Над углублением в стене - что-то вроде навеса. Что с той стороны - не видно, но и так понятно: пустота. А что, если… что если добраться до лифта в пустом контейнере (они ведь возвращаются не запертыми), забраться по контейнерам наверх, с них на стену под навес, перемахнуть через него и, повиснув с внешней стороны стены, перехватываться по краю, пока не окажусь за пределами этого… «цеха»? Как в старой компьютерной игре! Чтоб такое сделать, нужно быть долбанутым на всю голову, но какие ещё варианты? Может, есть способ попроще?

Стою и думаю, а контейнеры мелькают один за другим. Ничего лучше на ум не приходит. Надо поторопиться, а то скоро весь груз закончится. Времени в обрез! Здесь наверняка охрана! Растираю ладони. Ставлю пистолет на предохранитель и застёгиваю карман. Дожидаюсь разгрузки очередного контейнера. Ныряю в него. Еду по ленте обратно в лифт, прижавшись всем телом к дну контейнера.

Оказываюсь, наконец, внутри углубления на платформе. Думать некогда. Выскакиваю наружу из-под ленты, запрыгиваю на первый попавшийся ящик, с него на другой, затем прыгаю и хватаюсь за острый бетонный край стены. Подтягиваюсь, закидываю ногу и оказываюсь под козырьком. Почти ползком пробираюсь по толстому краю стены, ища место, где я смогу свеситься вниз по ту сторону. Добираюсь до угла. Вижу проём. Опускаю туда одну ногу… вторую… наконец, свешиваюсь вниз, вися на одних руках. Подо мной - километровая пропасть. Слышен шум грузового лифта. Лучше бы тебе держаться покрепче, Марк. И не думать о том, что у тебя внизу, под ногами. Мозг спокоен. Таблетка действует. Думать некогда, погнали! Правой. Левой. Правой. Левой.

Я перехватываюсь по краю стены до прямого угла между ограждением лифта и основным периметром. Здесь самое опасное место. Осторожно, но резко перехватываюсь правой рукой за перпендикулярную стену. Дышу, как следует, и, сосредоточившись, перебрасываю левую руку к правой. Получилось! Теперь двигаться дальше вправо. Забор, огораживающий территорию цеха, был совсем недалеко. Метров пятнадцать. А если руки устанут, и я не смогу подтянуться и выбраться? Тогда конец. Тогда я сорвусь и рухну вниз с километровой высоты. За это время, наверное, успею вспомнить всю свою недолгую жизнь. Так, стоп! Мысли в сторону. Перехватывайся, Марк! Перехватывайся, мать твою!!! Правой! Левой! Правой! Левой!

Край стены острый и шершавый, держаться за него удобно. Пальцы немеют, но я не обращаю внимания. Осталось каких-то десять метров. Разве я могу их не пройти? Я от поезда бежал так, что чуть не сдох, но смог же тогда! Значит, смогу и сейчас.

Я двигаюсь по стене всё дальше и дальше от лифта. Стена гладкая, и ногами упираться некуда, поэтому они просто висят. Вниз я не смотрю, но знаю, что там просто чёрная пустота. Отмечаю себе глазами точку, до которой нужно добраться. Всё примерно, навскидку. Если увижу, что ещё не выбрался наружу, значит, поползу дальше. Главное, чтобы хватило сил…

Правой… левой… правой… левой… Остаётся пару метров. Один метр. Ещё чуть-чуть. Всё. Здесь. Чуть-чуть повисеть. Сосредоточиться. Вспомнить, чему учил Арчи. Тело помнит. Надо сделать выход силы. Делаю рывок! Махаю правым локтем, но рука не выдерживает, я срываюсь, и снова повисаю на стене. Чёрт, чёрт!!! Руки дрожат. Пальцев не чувствую. Нет! Собраться. Надо вырваться, Марк. Надо сделать. Сдохнуть, но сделать! Вспоминаю наши тренировки с Арчи. Видел бы он меня сейчас! Поругал бы, наверное, как следует. Назвал бы тряпкой и сопляком. Делаю выдох. Вдох. Собираю последние силы. Надо будет чуть-чуть помочь ногами…

Подтягиваюсь, поднявшись подбородком над стеной. Выдох и рывок! Мой правый локоть оказывается на стене, и я тут же хватаюсь рукой за дальний край. Получилось! Отжимаюсь левой рукой, закидываю правую ногу на стену. Мгновение - и я наверху! Забор цеха остался с левой стороны, а внизу подо мной - дорога. И тротуары, с газончиками по бокам. Просто улица. Тихая, безлюдная улица. Но ощущения - будто я проникаю в дворец Президента!

Надо спрыгнуть вниз. Высота - примерно полтора этажа. Падать лучше на газон - там, наверное, земля мягкая. Подбираюсь поближе по краю стены, свешиваюсь вниз на руках. Отпускаю руки и тут же толкаюсь ногой от стены, сгруппировавшись и делая кувырок назад. Так меня учил Арчи. Кувыркнувшись и стукнувшись плечом обо что-то твёрдое, я остаюсь лежать ничком на газоне, глядя вверх. Надо мной - звёздное небо. Настоящее… звёздное небо!!! Оно огромное!!! Необъятное!!! Оно, как океан! В нём тонешь и растворяешься! Звёзды, звёзды! Сколько же их! Я и не думал, что их… так много… Перед моими глазами - целая Вселенная, которую я вижу впервые в жизни. Здравствуй, родная! Я здесь! Я выбрался из Подземелья! Я победил!!!

Слёзы льются по щекам, и я вдруг начинаю хохотать. То ли от таблеток, то ли от чистого воздуха, то ли от зрелища, которое перед глазами, а может от всего этого сразу, но я лежу и хохочу в голос так, что мне самому становится страшно. Меня же сейчас обнаружат! Свинтят к чёртовой матери! Ну и пускай! Сейчас мне уже всё равно. Я это сделал! Я победил!!! Матвей, ты видишь это?? Я победил!!! За себя и за тебя…

Я лежу и хохочу, глядя на бесконечные звёзды, и не могу остановиться. Воздух тут и правда совсем другой! А ещё тишина. Совсем не такая, как в Подземелье. Там, внизу, тишина зловещая, могильная. А тут она спокойная и ласковая. Она успокаивает… Мой хохот постепенно проходит. Я перевожу дыхание. Я могу, наконец, заткнуться и послушать. Мне приятно и радостно. Мне не страшно, хоть я и понимаю, что хозяева этого места, наверное, очень близко. Может, они уже увидели меня через миллионы камер и идут ко мне. Или едут. Или летят на своих неземных аппаратах.

Приподнимаюсь и оглядываюсь по сторонам. Никого. Ближайшая пара фонарных столбов метрах в тридцати от меня, и тупик, в котором я разлёгся, почти не освещён. С обеих сторон улицы - металлические заборы, за которыми, с одной стороны - цех, куда я прибыл, а с другой - видимо, что-то похожее. Здесь как будто бы нечто вроде нашей промки, только нет вони, нет людей, и полная тишина. Но что же дальше? Что там, вдалеке, если пойти по дороге, точнее, по тротуару? Надо двигать. Других вариантов всё равно нет.

Поднимаюсь на ноги, отряхиваюсь, хотя тут нет ни соринки, проверяю карманы, натягиваю получше капюшон на лицо, и отправляюсь навстречу фонарям, освещающим улицу приятным тёплым светом. Оглядываю всё вокруг. Мне интересен каждый квадратный метр, каждый кусочек пространства! Я в *Полисе*, я иду по Городу Богов! Подумать только! Дорога справа - идеально гладкая, как зеркало. Ни одной трещинки, ни одной ямочки! На ней белые, яркие полосы разметки. Тротуар под ногами чище, чем наш обеденный стол - языком лизать можно! Травка на газоне сочная, молодая, ровно подстрижена, а чуть дальше впереди - бог мой, настоящее дерево! И тоже подстрижено со всех сторон симпатичным зелёным шариком. Ни одного клочка мусора нигде! Хоть бы один окурочек, один осколочек или обрывочек бумажки - нет, идеальная чистота! Здесь вообще живёт кто-нибудь? Или весь этот небесный город состоит из одних лишь неживых механизмов, которые работают сами по себе? Но если так, то зачем тогда им кукурузная крупа?

Дорога поворачивает вправо под небольшим углом, и я продолжаю идти вдоль заборов.

Шагаю вперёд, осторожно ступая, озираюсь, прислушиваюсь и принюхиваюсь. Воздух такой чистый, что аж голова кружится. Лёгкий ветерок. Листва шелестит на дереве - совершенно новый и незнакомый для меня звук. Забор с левой стороны заканчивается, начинается новый. За ним - тоже тишина. В небе вдалеке вижу пролетающие разноцветные точки. Дроны? Или что-то другое, новое и непонятное? Если я пойду дальше, мне явно предстоит с этим встретиться. Но вариантов нет, надо двигаться вперёд. Не сидеть же мне здесь до самого утра!

Я уже приближаюсь к концу второго забора, как вдруг слышу голоса. Человеческие. Осторожно сбавляю шаг. Выглядываю из-за угла. Вижу небольшой одноэтажный домик, а в нём - заведение с крыльцом и большими окнами без рам. На крыльце стоят двое парней и болтают. Один - в синих джинсах, белых кедах и белой летней майке, загорелый, крепкий, руки в татуировках, а длинные волосы собраны в пучок на затылке. Он стоит, уперевшись задом в перила крыльца. Второй - в синих шортах и белой рубашке с закатанными рукавами, худой, волосы белой щёткой и, кажется, серьга в ухе. Я стараюсь идти как можно медленнее, чтобы как следует их рассмотреть. Мне так интересно! Поворачивать к ним голову слишком палевно, но глазами я работаю изо всех сил. Они не обращают на меня никакого внимания. Смеются, похлопывают друг друга, жестикулируют. Говорят не на нашем, и в речи то и дело проскакивает этот самый *m**o**mus*.

Прохожу мимо и продолжаю слышать из-за спины их весёлые голоса. Люди!!! Здесь есть живые люди, такие же, как я! Кто они? Обслуга? Ничего не понимаю. Где эти зелёные,

с хвостами? В центре, во дворце? Но там же университет. Вопросов всё больше с каждой минутой.

Заборов вокруг уже нет, и с обеих сторон дороги я вижу обычные домики совершенно разной формы, но освещены они в-основном только снаружи, а внутри, за окнами - темнота. Неудивительно, ведь сейчас - глубокая ночь. Но некоторые заведения работают, и вывески горят и завлекают посетителей, только язык незнакомый, и я не понимаю ни единого слова.

Начинаю замечать других людей. Вдалеке идёт парочка. На скамейке сидит мужик и сосредоточенно водит в воздухе руками. В кафе у окна сидят две подружки и пьют кофе. Хвоста ни у кого нет. Конечно, людей немного (в такое-то время), но они есть! Нужно было просто чуток отойти от «промки»

- и вот она, жизнь! Я озираюсь по сторонам так активно, что, кажется,

шею сейчас сверну. И совсем не замечаю, как оказываюсь на перекрёстке.

Моя дорога вклинивается под углом в другую, более широкую. По две полосы в каждую сторону. По ней изредка проезжают машины, а я стою на углу и пытаюсь их получше разглядеть. Машины новые, красивые, едут неторопливо и почти бесшумно, только колёса шуршат по идеально гладкому асфальту. А ещё они очень похожи между собой, по крайней мере те, которые я видел. Может, это вообще одна и та же модель? Мимо проносится парень на велосипеде. А я отправляюсь дальше, по тротуару, против движения.

Иду и удивляюсь. Не тому, какие тут шикарные дворцы и сады, а тому, как всё… обычно. Никаких наворотов. Никакого блеска и роскоши. Просто приятно, чисто и… безопасно! Да, вот это совершенно новое для меня ощущение, что я - в безопасности. Оно обманчиво, конечно, ведь я тут незваный гость… Но оно есть! Ощущение, что меня никто не тронет, до меня никто не докопается, не ограбит, не подойдёт с вопросами: кто я и откуда. Что всем по барабану, как я одет, ведь все одеты абсолютно как им вздумается! Здесь нет «понятий» по поводу одежды и внешнего вида. На велосипеде проезжал парень с зелёными волосами, а татухи у людей набиты такие, что наши подземельные братки заколебались бы вопросы задавать!

Останавливаюсь. Вижу слева небольшой садик. Он весь засажен деревьями и кустами с густой зелёной листвой. У одного из деревьев большие и плотные листья и огромные белые цветы. Я подхожу поближе, почти не дыша. Слышу вдалеке музыку. Кто-то играет на гитаре и поёт, да так хорошо, что аж сердце замирает! Вдыхаю аромат цветов. Стою. Любуюсь. Цветы, зелень, спокойствие вокруг и музыка, звёзды над головой. Это не просто «хорошо». Для этого нужно какое-то другое слово, которого я не знаю. *Томис*? Может быть, это он и есть?

Какое-то время я не способен даже пошевелиться. Просто стою и пл**а**чу. Тихо. Беззвучно. С закрытым ртом. Будто нашёл любовь, которую давно искал, но не могу признаться. Город Богов! Я тебя люблю!!!

Осторожно прикасаюсь пальцами к большому листу. Он твёрдый, как будто воском намазали. Цветы не трогаю. Они слишком прекрасны, и мне не хочется их осквернять своими грязными подземельными руками. Иду на звук гитары. Вижу людей. Человек пятнадцать. Просто люди. Не зелёные, без хвостов. Только уши у многих странные - заострённые сверху. Все столпились вокруг лавочки. На ней сидит и играет музыкант. Песня закончилась, все хлопают и кричат «*браво!*», «*эксэл**а**нто!*» и какие-то ещё неизвестные мне слова. «*Дэвиэнто!*»… «*супэриэнто!*»… Я подхожу поближе к толпе. Музыкант начинает новую песню. Ритмичную. Задорную! Радостную! Как же он круто играет! И голос какой! Я в Подземелье ничего даже близко похожего не слышал! Тело само двигается и подтанцовывает в такт, хоть я и пытаюсь скромничать. А народ вообще не стесняется! Люди танцуют, двигаясь всем телом, кто-то сам по себе, а кто-то парами. Девушки с парнями! Парни с парнями… Один держит другого за талию, а тот в ответ очень мило обнимает его за шею… И никто не обращает внимания. Всем по барабану. Видимо, здесь это норма. Брррр!!! Нет, пойду-ка я отсюда. Это слишком! К такому я пока не готов…

Выхожу на большую дорогу и иду дальше. Дорога упирается в кольцо, а из него выходят другие две. Всё сходится! Основные дороги идут по стыкам плит. Там, где встречаются три плиты - развязка. Дороги идеально ровные, встречаются под углом 60 градусов, и так, видимо, везде. По всему городу. Понятно, легко и предсказуемо. Не то, что наши дебри в Подземелье, где сам чёрт заблудится.

Иду налево, чтобы не переходить улицу. Двигаюсь по полукругу, обходя огромную стеклянную полусферу в центре развязки. Нифига себе, какая штуковина! Это для чего, интересно? Просто украшение? Смотрится красиво…

Таблетка начинает отпускать. Резко накатывает голод, а в сортир хочется так, что мочевой пузырь сейчас, кажется, лопнет! Ох!… Где бы отлить? В Подземелье для этого подходит любой забор, но здесь… Нет, здесь нельзя. Кругом камеры. Можно было бы попытаться зайти куда-нибудь за куст или за угол дома, но если меня застукают за этим занятием - сразу же поймут, кто я и откуда, ведь тут, очевидно, никто так не делает.

Иду и смотрю по сторонам. Натыкаюсь на будку с двумя большими буквами: «WC». Сортир! Не может быть! Родной ты мой! Только я захотел - и вот оно! Всё-таки как здесь всё круто устроено! Мужскую сторону тоже несложно найти - на двери человечек с буквой «М». Дёргаю ручку двери. Не открывается. Толкаю внутрь - бесполезно. Чёрт, закрыто! Но почему? Как же так? Видимо… видимо, он платный. А платить мне нечем. Какие-то жалкие казиношные фишки ещё болтаются в моём кармане, но кому они здесь нужны? И как здесь платят вообще? Чем? Золотыми монетами?…

Стою, как дурак, у сортира, и жду непонятно чего. Может, кто-то подойдёт, а я с ним? Не, так тоже не годится. Это вызовет подозрения. А что, если у меня просто закончились деньги. Может, стоит попросить у кого-нибудь? Но как? Я ведь не знаю их языка. Думай, Марк, думай… Честно говоря, и думать-то уже тяжело. После таблетки сильный отходняк. Хочется жрать, ссать и спать одновременно. Кажется, сейчас просто упаду и сделаю лужу под себя - и будь, что будет!

Вдруг среди ночной тишины города различаю где-то вдалеке звук. Ритмичный. Тунц-тунц-тунц-тунц… Откуда-то с той стороны дороги, из дальнего квартала. Это музыка. Клубная музыка! Биты! Ну точно же! Её трудно с чем-то перепутать. А что, если рядом - клуб? Там точно есть сортир! С этим даже в наших подземельных клубах нет проблем, а уж там-то наверняка!

Оглядываюсь по сторонам. Воровато перебегаю дорогу и иду на звук. Иду очень быстро. Здесь явно нежилая застройка - магазины, рестораны, кафешки. Снова магазины… Просто дом без надписей и почти без окон… Склад, что-ли, какой-то? Неподалёку, за небольшим заборчиком, стоит и крутится огромный вентилятор на высоченном столбе. Это ещё что за хрень? Для чего он, интересно? Ладно, сейчас некогда об этом думать…

Звук всё ближе и слышен всё отчётливее. Это точно музыка, теперь уже понятно. Но если это действительно клуб, то там же… фейс-контроль. А я со стволом. Не, не вариант. Хотя ствол можно временно припрятать. Я ведь быстро сбегаю - одна нога здесь, другая там. Вряд ли за это время его кто-то обнаружит. Но что делать с моей бледной подземельной физиономией? Ладно. Ствол припрячу, подойду и посмотрю, оценю обстановку. Если сильно шмонают - просто развернусь и уйду, вот и все дела.

Замечаю рядом клумбу с густыми зелёными кустами. То, что надо! Как на заказ! Подхожу, поглядываю по сторонам, приседаю, быстро вынимаю ствол из кармана и зарываю поглубже в рыхлую землю под самым корнем куста. Земля-то у них откуда, господи? Так, вроде закопал. Не видно. Всё, вперёд! Здесь нельзя зависать надолго, надо двигать.

Прохожу через квартал и подхожу к тому самому зданию, откуда слышен звук. Это что-то вроде ангара, только круглой формы. Вход один-единственный, и рядом с ним стоит и общается молодёжь. Некоторые попыхивают сигаретами. Точно клуб! Вот это везуха, Марк! Но посмотрим, что мне скажет охрана.

Прохожу мимо девушек и парней (им, как обычно, на меня абсолютно плевать), и с изумлением обнаруживаю… что никакой охраны нет. Заходи, кто хочет! Автоматические двери гостеприимно открываются, иду через небольшой коридор, дальше следующие двери. Они отворяются так же приветливо - и вот я внутри. Грохот музыки, полумрак, пёстрые пятна света, люди, барная стойка, танцпол и сцена, огромные динамики, экраны с удивительным и странным видеорядом… В-основном всё, как и у нас, только гораздо более прилично выглядит. И атмосфера совершенно ненапряжная. Все улыбаются, общаются друг с другом, обнимаются, шутят, танцуют. Никакой агрессии, никаких конфликтов и разборок, и уж тем более мордобоев, которые в подземельных клубах - обыденность. Снова это ощущение безопасности.

Вижу сцену: парню у барной стойки подносят шот. Он уже собирается выпить, но тут к нему сзади подходит знакомый и хлопает по плечу. Тот оглядывается, они хохочут и обнимаются, и идут куда-то вглубь зала. Шот остаётся на стойке не выпитым, и у меня проскакивает мысль: может хряпнуть за него? Но нет, на голодный желудок меня может развезти так, что я просто упаду и усну. Лучше не рисковать.

На какое-то время я так захвачен происходящим вокруг, что забываю о своей «нужде», но вот замечаю в дальнем от стойки углу зала светящуюся в темноте надпись «WC». Бинго! Вот и сортир! Бесплатный. Мне туда.

Проскальзываю через толпу - и вот я внутри. Четыре двери. «M» - это явно мужской, латинская «F» - женский, что-ли? Ещё есть «N» и «D». Интересно, а они для кого? Может, для *этих*?... Ну, зелёных.

Захожу в мужскую дверь. Там всё как у нас - писсуары, рукомойники и кабинки. Только запаха нет. Точнее, пахнет, но вовсе не сортиром. Скорее, дух**а**ми какими-то. Или цветами, хоть мне запах цветов почти не знаком. Захожу в кабинку, чтобы не привлекать лишнего внимания. Слышу за спиной щелчок - дверь закрылась сама. Передо мной - блестящий металлический унитаз. Мать моя, у них в сортирах чище, чем у нас в операционных! Ни единого пятна грязи, ни единой надписи! Они им пользуются вообще? Ладно, некогда об этом размышлять. Уж я-то точно воспользуюсь!

Развязываю шнурок на своих рэперских штанах, и спускаю их вниз до колен. Камеры, кажется, нигде нет. Удивительно. Пускаю свою грязную, пропитанную выхлопами подземельную мочу в их идеально чистый, стерильный унитаз. Боже... какое наслаждение!

Отливаю долго. Прислушиваюсь. Кто-то заходит в сортир. Кто-то выходит. Кто-то сидит в кабинке и болтает по телефону. У нас в клубных сортирах обычно трахаются, но тут, кажется, это не заведено. Или я просто пришёл в неподходящий момент.

Заканчиваю своё дело и натягиваю штаны. Ищу, где кнопка, чтобы смыть. Осматриваю горшок со всех сторон. Жму на белые кафельные плитки. Озираюсь по сторонам кабинки. Ничего нет. Наверное, надо сказать что-то на их языке? К чёрту! Кто-нибудь другой смоет. Махаю рукой и разворачиваюсь, чтобы уйти... и слышу за спиной звук воды. Да ладно! Оборачиваюсь. В горшке - чистая водичка. Во прикол! Снова махаю рукой. Снова льётся вода. Ха-ха! Это ж надо было придумать такое! А что, удобно! Пробую ещё несколько раз. Набаловавшись вдоволь, толкаю дверцу. Но она не поддаётся. Закрыта. Так, наверное тут тоже нужно что-то подобное. Делаю жест ладонью, типа, «посторонись». Дверца тут же открывается. Подхожу к крану, чтобы ополоснуть руки. Никаких вентилей, естественно, нет. Но я уже всё понял. Делаю манящий жест ладонью - и шипящая струя воды уже льётся в раковину по моему приказу. Ха-ха! Вот так технологии в Городе Богов!

Выхожу обратно, к людям, и иду поближе к барной стойке, поглазеть, как тут местные развлекаются. Две девчонки подходят к бармену, что-то говорят на своём, он протягивает одной какую-то пластинку, а она прислоняет запястье. Бармен принимается за работу, а я стою в непонятках и смотрю, вылупившись и забыв обо всякой осторожности. Это что... они так... платят?

— *Б**о**на, гранд**а**ни, ра м**э**нди ма?* - слышу вежливый, но громкий голос второго бармена.

Это он, видимо, мне. Осторожно обернувшись и едва выглядывая из-под капюшона, я просто молча качаю головой и показываю ладонью, что мне ничего не нужно. Он тут же

забывает про меня, а я стою, опершись локтем о стойку, и продолжаю глазеть на происходящее за баром. И тут вдруг отчётливо слышу у себя за спиной громкий женский голос:

— Пошёл в жопу, козёл!!!

Очень медленно и осторожно оборачиваюсь назад и вижу картину: черноволосая девчонка стоит перед парнем, а вокруг них - весёлая компания друзей.

— *Па**а**блос, але!!!* - кричат они, видимо, тому парню.

Парень хохочет, собирается с силами, и выдаёт:

— *Пашиэл... в жэпо... козэ...*

— Пошёл в жопу, козёл!!! - повторяет девчонка.

— *Па... шал... **А**нто, эс апосибл**э**нто **э**рис!*
• сдаётся парень и поднимает руки.

— *Рэгэси, мэй вэно*, - объявляет высокая рыжая кудрявая девица, и начинает прощаться со всеми.

Играет лёгкий трек, и на его фоне я отлично слышу их голоса.

— ***Э**ли!* - вскрикивает черноволосая. - *Джигиз**э**нто **э**ри ма? Хр**о**нос-т**о**тис*[4] *инф**а**нтис **э**рис!*

— *Ск**о**ла дэм**а**н **э**рис*, - воспитательным тоном отвечает рыжая.

— *Др**э**с **э**рис*, - подшучивает кто-то из толпы.

— *К**а**о, дрэс **э**рис!* - соглашается рыжая. Она продолжает обниматься с каждым из компании по очереди, сохраняя очень серьёзный вид.

— *...К**э**й, м**а**ма, вэно асэвэ!* - махает рукой черноволосая и тоже начинает со всеми обниматься.

А у меня вдруг словно разряд в голове: она же сейчас уйдёт! И как обычно, в моём нездоровом мозгу в одно мгновение рождается безумная комбинация, и тут же превращается в действие. Я выхватываю из внутреннего кармана блокнот и ручку, открываю первую пустую страницу и, положив блокнот на стойку бара, пишу своё нехитрое послание:

Я ОЧЕНЬ ГОЛОДЕН. ПОЖАЛУСТА, ПОМОГИ!

Кладу блокнот с ручкой в наружный карман и тихонько жду, когда чёрная с рыжей со всеми простятся. Это занимает не больше минуты, и вот они уже идут к выходу, а я, выждав чуток, направляюсь за ними.

Выхожу на улицу. Они стоят чуть поодаль.

— *Т**а**кси!* - выкрикивает рыжая, подняв свою изящную тонкую ладонь с длинными наманикюренными пальцами и кольцами на запястье.

[4]Здесь и далее дефис в словах на *даонитри* ставится для простоты прочтения. В действительности он не используется.

Чёрная стоит рядом с ней. Болтают о чём-то. Я стою среди курящих у входа и всем своим видом показываю полное безразличие ко всему происходящему вокруг, но взгляд мой сканирует молодую брюнетку, изучая её во всех подробностях. Белая кожа. Чёрные слегка вьющиеся волосы. Короткая юбка и топ с широким блестящим ремнём посередине, всё чёрное, в один цвет. Только губы нежно-розовые - приятное дополнение, смягчающее чёрно-белый контраст. Её рыжая подруга одета совсем иначе - более элегантно и скромно. Как там её назвали? Эли? Она, видимо, у них за адекват, а чернявая - оторва. Так и представляю себе, как Эли сидит в вытрезвителе и оправдывается перед участковым, пока её подруга брюнетка обнимается с умывальником! Но мои фантазии обрывает подъехавшее белое такси - такое же точно, как и все остальные машины, которые я видел. Здесь как будто все машины - такси.

— *Ч**а**о, м**и**о пр**э**чис!* - говорит оторва и целует её в щёчку.

— *А в**э**ни ма?* - удивляется та.

— *П**э**хид ув**э**но.*

— ***А**нто!* - восклицает рыжая.

— *К**а**о, б**э**но. Моци**о**нис-т**о**тис у**а**во*, - улыбается подруга ей в ответ.

Рыжая качает головой, держась за висок, и опускает руки:

— *Ч**а**о... м**и**о ада**о**зис*, - говорит она в бессилии, устало машет рукой, садится в такси и уезжает.

Чёрная, оставшись одна, отправляется прочь от клуба пешком. Но мне ведь именно это и нужно! Хорошо, что они не вдвоём! Мне лишние свидетели совершенно ни к чему. Чуток подождав, я отправляюсь за ней следом. Между нами - метров двадцать. Она идёт, совсем не торопясь. Её чёрные башмаки на высокой платформе - не для быстрой ходьбы.

Я, как грабитель, иду следом, чувствуя аромат её духов. Откуда она знает наш язык? Или это просто одна фраза, которую она выучила для прикола? Ну вот и проверим.

Мы сворачиваем на небольшую безлюдную улочку. Ускоряю шаг. Рву дистанцию. Моих шагов в мягкий рэперских кедах почти не слышно. Она что-то напевает себе под нос, покачивая плечами и бёдрами. Я захожу с левой стороны и, поравнявшись с ней и не показывая лица, глядя из-под капюшона только краем глаза, достаю из кармана записку и на прямой руке протягиваю ей.

Она останавливается. Неуверенно берёт листок. Читает. Я поворачиваюсь лицом к ней и приоткрываю капюшон. Она шарахается и выпускает листок из рук, а ветер тут же уносит его прочь. Я жду, что она заорёт, и меня тут же схватит полиция. Но она смотрит, оцепенев и вглядываясь в моё лицо своими голубыми глазами.

— *В**и**н **э**ри ма*? - произносит она полушёпотом.

— Не понимаю, - говорю в ответ. Так я и думал…

— Ты… кто? - отвечает она вдруг на нашем.

Растерявшись немного, но быстро собравшись с мыслями, говорю:

— Я… гость. Заглянул ненадолго. Скоро уйду. Очень хочу есть.

Туповато, конечно. Зато правда.

— Ты поможешь мне? - продолжаю я, глядя ей в глаза. - Я не опасен, честное слово!

— Ты… оттуда? - показывает она пальцем вниз.

— Ага, - киваю в ответ. - Так поможешь?

Она мнётся несколько секунд. Что-то обдумывает…

— *Кэй*… Хорошо… Пошли.

Девчонка показывает взглядом вперёд.

— Куда?

— Просто иди за мной.

Она отправляется вперёд, дальше по улице, и мне ничего не остаётся, как пойти за ней хвостом. Она ускоряет шаг, да так, что я едва поспеваю, и платформа ей ничуть не мешает! На ходу она достаёт из нагрудного кармана очки, надевает их и, делая жесты рукой, бормочет себе под нос:

— *Эс эрис адвэнтура*…

Мы идём по улице. Вокруг никого. Моя спутница снимает очки и кладёт их обратно в кармашек.

— Так… До проспекта, и через дорогу. - Она смотрит на меня. - Скажи, ты здесь законно?

— Да, конечно…

— Тогда почему…

— Нет. Незаконно.

Врать бессмысленно. Лучше с самого начала сыграть в открытую, а потом уже можно привирать, если потребуется.

— Тебя разыскивают?

— М-м… Вряд ли. Там - да, а здесь - нет.

Чёрт, ну зачем! Зачем! Ведь можно было этого не выдавать!

Девчонка надевает очки и снова жестикулирует руками.

— Что ты делаешь?

— *Ша**а**нди*, - отвечает она и сосредоточенно смотрит в пространство перед собой. «*Ша**а**нди*», видимо, значит: «Завали хлебало на секундочку».

Она снова снимает очки и говорит:

— Всё в порядке. В розыске тебя нет.

— Оу, так это… зд**о**рово! А ты это всё через очки свои узнала?

— Ну да. Это не просто очки, это маленький компьютер. О, вот и проспект!

Мы видим перед собой широкую дорогу в четыре полосы, а за ней - большой парк с зелёными газонами, изящными фонарями, извилистыми дорожками и скамейками посреди огромных деревьев. Девочка идёт прямиком на дорогу, не сбавляя шаг и не глядя по сторонам. Слева несётся автомобиль, и я кричу:

— Осторожно, машина!!!

— Тщщщщщ!!! - шикает она на меня, округлив глаза и приложив палец к губам. По сторонам она по-прежнему не смотрит, а автомобиль сбавляет скорость, причём заранее, как только мы уже на второй полосе.

Мы переходим дорогу и оказываемся в парке.

— Ты чего орёшь на *субкхран**и**три*?! - ругает она меня полушёпотом. - Хочешь подпалиться?

— …Э-э-э… Спалиться, ты хотела сказать?

— Да, спалиться!

— Прости, я просто перепугался, что ты щас под колёса угодишь. Ну ладно, я всё понял, тут пешеходы главнее. А вот это… суб… суп…

— *Субкхран**и**три*? Это твой язык. А место, из которого ты пришёл, называется *Субкхр**а**н.*

— Суб… хран?

— *Субкхран.*

— Блин, фиг выговоришь… Слышь, а тебя как зовут-то?

— Мар**и**н. А тебя?

— Марк.

— Как ты сюда проник?

— У-у… это долгая история…

— А зачем?

— Ну, чтобы… чтобы увидеть всё это своими глазами.

— То есть просто… из любопытства??

— Ну это… это не просто любопытство. Я… хотел узнать про *Полис.*

Марин заглядывает мне в лицо, нахмурив свои чёрные брови:

— *Субкхранд**а**ри*, желающий узнать про *Полис*… Ты хочешь, чтоб я в это поверила?

— «Субхрандари» - это, видимо, я? Чувак из Подземелья?

— Да, только «*суб**к**хранд**а**ри*». Ты пропускаешь «к».

— Да к чёрту, это всё равно невозможно произнести!

— Нам сюда.

Марин показывает мне на лавочку на берегу большого пруда. Мы садимся.

— Ложись, головой ко мне, - говорит она.

— Зачем?

— Ложись, говорю!

— Ладно…

Ну а смысл сопротивляться? Наверное, она знает, что делает…

— Значит так, Маркос, легенда такая: ты мой парень, я - твоя девушка. Ты выпил лишнего и просто лежишь, отдыхаешь. Это на случай, если подойдёт полиция.

— Лады, замётано. Только я - Марк.

— Нет, здесь ты - Маркос.

Вот так. Новое место - новое имя. Да пусть хоть Леонидосом назовут, какая мне разница? Леонидос, Эмилиос… Вот, значит, в чём дело. Это всё *отсюда*. Почему же я не удивлён?…

Марин надевает очки и снова водит руками в воздухе. Кажется, лучше в это время не балакать по-нашему - устройство всё слышит - поэтому я просто лежу и глазею на пруд и на звёзды. Всё никак не могу к ним привыкнуть. Такая красота и прямо над головой!

Перевожу взгляд на Марин. Её кожа белая, но не бледная, а с чуть розоватым оттенком. А сама она - крепкая, упругая и спелая, будто сладкий фрукт. Кажется, уколешь иголочкой - и сок брызнет. Никого красивее не видел. Здесь девчонки, конечно, совсем другие… Да и парни тоже хорошо выглядят - здоровые, загорелые, подтянутые…

— Всё-таки, Маркос, как ты сюда проник? Расскажи!

— А ты меня не выдашь?

— Вообще-то мне стоило о тебе сообщить, как только я тебя увидела. Но я этого, как видишь, не сделала. Раз ты не в розыске, у меня не должно быть проблем. Наверное… Но если тебя начнут искать, мне придётся рассказать всё.

— А что насчёт еды?

— Надо подождать немного. Так как ты проник сюда?

— Ладно, всё равно ведь не отстанешь… Через грузовой лифт.

— Серьёзно?? А туда как?

— Ну ты хочешь прям всё знать…

— Да, хочу! Мне надо понимать, с кем я имею дело.

— Ох… лучше б тебе не знать этого. Кстати, откуда так хорошо знаешь субхра… супра… наш язык?

— Обязательно расскажу. После того, как *ты* расскажешь, как попал на грузовой лифт.

— Какая же ты въедливая! Ты сама, случаем, не из полиции?

— Прикалываешься?

— Прикалываюсь…

Я замечаю в небе те самые разноцветные точки, которые уже видел раньше. Только теперь они плавно движутся прямо на нас.

— Кстати, о полиции… Марин, ты видишь это?

— Что?

— Вон там в небе. Видишь? Это дрон, да?

— Да…

— Смотри, он летит прямо к нам.

— …Точно.

Точки всё ближе и ближе. Думаю, секунд 30 - и он будет здесь. Они ведь быстрые. Я уже начинаю различать в ночном небе очертания этой летающей штуки.

— Кажется, всё-таки засекли меня.

— Похоже на то. Но это не я, Маркос, честное слово!

— Да ладно… верю. Я и без тебя порядочно наследил.

Приподнимаюсь и сажусь на лавку. Скрываться уже бесполезно. Дрон приближается быстро и уверенно. Я уже отчётливо вижу корпус и пропеллеры.

— Нда… недолго я здесь… протусовался…

— Мне жаль. Было приятно пообщаться с тобой, Маркос.

— И мне было приятно. Спасибо, что попыталась помочь. У вас тут клёво. Небо красивое… Жаль только, солнца так и не увидел…

Дрон подлетает уже совсем близко. У него под брюхом что-то вроде небольшого контейнера. Видимо, оттуда должна высунуться либо камера, либо какой-нибудь ствол или шокер. Я спокойно поднимаю руки вверх, чтобы они увидели, что я не собираюсь сопротивляться. Но дрон подлетает не ко мне. Он подлетает к Марин. Контейнер открывается, она протягивает руку и достаёт оттуда бумажный пакет с ручками. Дрон тут же улетает прочь, а Марин заглядывает в пакет, чуть нахмурившись глядит на содержимое, достаёт из пакета небольшую картонную коробочку и протягивает её мне, мило улыбаясь:

— Твоя еда.

В полном офигении беру коробочку, открываю, и оттуда на меня смотрит свежий румяный бургер. Я смотрю на свою спутницу, выпучив глаза:

— Чёрт!!!

— Тщщщщщь!!! - снова шикает она, и добавляет шёпотом. - Надо говорить: *кх**а**рэ*.

— *Кх**а**рэ!*

— Вот! Другое дело! - смеётся она. - Первое слово на *даон**и**три*! Вот, что значит связаться с Марин…

Мы посмеиваемся, глядя друг на друга. Я до сих пор не отошёл. Ловко она меня! А я ведь был готов уже сдаваться ментам.

— *Даон**и**три* - это ваш язык? Язык *Полиса*?

— Угу. Ты кушай-кушай.

— И правда…

С первого укуса я понимаю, что это самый вкусный бургер в моей жизни!

— Мммм!!! Отвал башки!…

— Нравится? - улыбается Марин, кусая круглый шашлычок на деревянной шпажке. - Я не знала точно, что тебе заказать - решила, что бургер должен подойти.

— Ваще объедение! Спасибо тебе, мать, спасла от голодной смерти! А у тебя чего?

— Я бы тебе дала попробовать. Но ты потом бургер есть не сможешь. Ты жуй-жуй свой… *джанкф**у**ди*.

— М, кстати, Марин: а что такое *т**о**тис*?

— *Т**о**тис*? То… что есть.

— …Э-э-э, в смысле?

— Ну, это слово означает «что-то существующее». Обычно оно отдельно не используется, а добавляется приставкой к словам, означающим явление или понятие. Например: *фр**а**нкис-т**о**тис* - честность… ***а**мос-т**о**тис* - любовь…

— …*С**э**ксис-т**о**тис* - сэкс…

— У вас парней одно на уме…

— Вот так просто… Всего-то навсего…

— А ты что думал?

— Да не важно… Я понял. Слушай, а где эти… ну… зелёные, с хвостами?

— Зелёные с хвостами?... - в недоумении смотрит на меня Марин, замерев и перестав жевать.

...А я в таком же недоумении смотрю на неё.

— ...А, зелёные с хвостами! - соображает она. - Они... м-м-м... они тут неподалёку живут. В огромной высокой башне. Вокруг большая неприступная стена, пулемёты лазерные... ров... с крокодилами...

Она смотрит на меня в начале серьёзно, но, видя мою рожу, не выдерживает и срывается на хохот. А я сижу полным дураком, с бургером в руках, глядя на неподвижный тёмный пруд и отражение звёзд в водной глади.

— Понятно... Насвистел, значит, мне Эмиль... Насвистел, сучонок...

— Маркос, прости!

— Да ерунда... Я должен был догадаться. Ну хоть кто-то повеселился с этого...

— А «насвистел» - значит, наврал? А кто такой Эмиль?

— Да так... знакомый один...

— Расскажи! - вскрикивает Марин, вцепившись в мою руку ногтями, но тут же опомнившись и отпрянув. - Расскажи, пожалуйста.

— Чё, - говорю, глядя ей в лицо и улыбаясь, - интересно?

— Очень интересно!!

— Ну... Эмиль... Эмиль - это птица высокого полёта. Советник Президента или что-то в этом роде. Хороший друг господина, у которого я работал... Слушай, нет. Надо откуда-то пораньше начать, а то ведь ни черта не понятно...

— Начни с *самого* начала.

— ...В смысле, *вообще* с самого?

— Ну да. Ты сказал про солнце. Ты его правда никогда не видел?

— Как бы я его увидел в Подземелье?

— Смотри, вон там восток, - показывает она на дома перед нами с дальней стороны пруда, - Рассвет через час и 22 минуты. У нас есть время. Посижу тут с тобой, так уж и быть!

— Офигеть... ну... ладно...

Откусываю ещё кусок бургера и собираюсь с мыслями. С самого начала... Ну давай, Марк, вспоминай. Вывали на неё всё, что было. Она ведь этого хочет.

— Я... родился в трущобах на восьмом круге. В хибаре из говна и палок, неподалёку от бумажного цеха. Говорят, у меня было восемь братьев и сестёр, но пятеро из них либо умерли при рождении, либо недолго спустя. Говорят, я и сам чуть не умер, но каким-то чудом оклемался и крепко уцепился за жизнь. Мой старший брат Ибрагим родился

здоровым и красивым. Весь в своего отца. Тот был успешным человеком, членом большой влиятельной банды, но его пристрелили во время разборки, и после этого дела пошли под откос…

— «Разборка» - это когда банды перестреливаются, да?

— Выясняют отношения. Но чаще всего это заканчивается именно перестрелкой. Второй мамин мужик, от которого родились я и сестра - был попроще. Ничего выдающегося. Он спился и умер то ли от алкогольной интоксикации, то ли от сердечного приступа… Потом у Мамы был ещё кто-то, и ещё… Последний её - вообще какой-то странный, но остался с ней. Помню, колотил он нас, как коврики… пока брат не вырос. Потом поскромнее стал.

Я рассказываю Марин о своём детстве и о всех тех «радостях» и «приключениях», которые помню. Рассказываю и понимаю, что мне не хочется врать и приукрашивать. Что Марин, кажется, первый человек, которому я говорю только правду. Так, как есть. Так, как я чувствую. И это не стрёмно и не стыдно. Наоборот - легко и радостно. Может быть это потому, что ей как будто бы по-настоящему интересен я и моя жизнь. У меня ни с кем такого не было. Это как… как исповедь. Когда ты можешь открыться и не бояться, что тебя ударят в слабое место. Можешь не бояться, что тебя используют. Можешь просто быть собой! Чувствуешь свободу, от которой дух захватывает! Свобода и безопасность! Свобода… и безопасность…

Время пролетает быстро. Я только начинаю подбираться к моменту, как ко мне подошла банда Таира у колонны, и как меня спас Раф, но тут замечаю, что небо над домами становится светлее. Розовый цвет… голубой… оранжевый… Зарево рассвета… неужели… настоящее?

Я запинаюсь… говорю медленнее… сбиваюсь с мысли… И всё смотрю туда… где небо становится всё ярче… и ярче…

Оборачиваюсь на Марин. Неуверенно показываю пальцем на восток и спрашиваю, как трёхлетний ребёнок:

— …Это… солнце поднимается, д-да?

— Не… - машет рукой Марин, - это просто рекламная вывеска. Не обращай внимания.

Вот сучка, а! В такой момент - и прикалываться надо мной!

— …Ладно, извини, - говорит она, будто прочитав мои мысли.

Она надевает очки, делает пару жестов руками - и стёкла становятся чёрными и непроницаемыми.

— Держи, - говорит она, сняв очки и протянув их мне. - С ними будет лучше.

Да, это очень кстати! Солнце ещё не взошло, а у меня уже глаза слезятся от яркого света. Очки и правда помогают! Теперь я, по крайней мере, могу спокойно смотреть вперёд, почти не щурясь.

— Наслаждайся. Это бесплатное шоу. Оно у нас тут почти каждое утро…

— Спасибо… О, вон оно, вон оно!!! Выглядывает!!! Это ведь оно, да?…

Краешек солнца появляется из-за домов. Смотреть пока терпимо. Он становится больше… больше… Выглядит, будто кусок раскалённого металла. Кругленький, ровный… И маленький! Какой же он маленький! Я думал, он больше раз в десять! Но сколько же света от него, бог мой! А небо! Небо красивое какое! Сколько цветов! Таких красок и не бывает! Быстро поднимается… становится всё ярче… все теплее…

Смотрю и не верю своим глазам. Слёзы катятся по лицу. Вот он момент, о котором мечтал всю жизнь. Я вижу солнце! Настоящее солнце! Не верю! Быть не может! Я смеюсь… или плачу… уже не понять… Ну и видок у меня, наверное… Смотреть тяжело, но я стараюсь изо всех сил… Я вспоминаю Матвея, вспоминаю пацанов из моего кружка… Как бы я хотел, чтобы они тоже это увидели!!! Я бы сказал: «Пацаны, смотрите, это Солнце. Звезда, вокруг которой крутится наша планета. Звезда, которая даёт нам энергию, согревает нас, питает растения. Благодаря этой звезде у нас есть жизнь. Смотрите, какая яркая! И горячая!»

Раскалённый шар поднимается всё выше. Я вдруг чувствую, что счастлив. Счастлив по-настоящему, наверное, первый раз в жизни! В этом моменте всё! Всё к чему стремился, о чём мечтал! Моя победа! Моя свобода! И красота. Бесконечная красота, до боли, до муки, до слёз!

— …Эй, ты чего? - слышу я голос Марин.

Судорожно хлюпаю носом. Он полон соплей, а лицо всё мокрое.

— Красиво… - говорю хриплым, срывающимся голосом, но тут же останавливаюсь и тяжело сглатываю, чтобы не расплакаться. Ещё не хватало, чтобы я тут сидел и ревел при девчонке!

Но это хорошо, что Марин рядом. Как-то удачно с ней вышло. Всё-таки без неё было бы не так. Надо хоть поблагодарить, что-ли… Собираюсь с силами, выдыхаю и оборачиваюсь к ней, натянув на лицо улыбку.

— Спасибо… Мне понравилось шоу.

Она улыбается, подрагивая губой. Тоже всхлипывает. Часто моргает, махая ресницами.

— Ну?… И что теперь? - спрашивает моя случайная спутница.

— …Что теперь?… Не знаю… Об этом я ещё не думал…

— Тогда у меня есть идея, - говорит Марин и срывает очки с моего лица.

Свет ударяет в глаза, да так, что я вскрикиваю, закрыв лицо ладонями.

— Ой, прости! Дай мне… пару минут.

— Что ты задумала?

— *Ат**а**нди… - бормочет она. - Сад **э**рис эс ма… **Э**во! …эс да эс мендо… **о**рдэрэ! Кэй, пр**о**нто!* Маркос, у меня предложение. Мы сейчас едем ко мне, и ты остаёшься у меня пере… м-м, как там это… перекатиться?

— Перекантоваться, хочешь сказать?

— Да, перекантоваться! Ну а ты, взамен, рассказываешь мне до конца всю свою историю. Как тебе?

Я просто офигеваю с той скорости, с которой развиваются наши отношения!

— Ну-у, звучит неплохо. Надо подумать.

— Ну конечно, у тебя же столько вариантов!

— Чёрт, да конечно я согласен! Ты ещё спрашиваешь!

Слышу лёгкий звук пропеллеров. Приподнимаю ладони и кое как смотрю сквозь ослепительный свет. Дрон. Что-то привёз Марин. Их дроны гораздо тише наших. Прям не сравнить. Звук я слышу только тогда, когда летающий робот уже совсем рядом.

— На, держи! - говорит она, ткнув мне бумажным пакетом в грудь. - Твой комплект супергероя.

Забираюсь рукой внутрь, толком ничего не видя.

— Там очки и медицинская маска. Надевай.

Снимаю капюшон и напяливаю маску с очками. Ну что ж, в солнечных очках я, по крайней мере, вижу хоть что-то вокруг.

— Так, а капюшон обратно надень. Вот! *Идэалэнто!* Смотри: ты мой новый друг, и ты немножечко, ну… как сказать… *джигизэнтис*… - она вращает пальцами у виска.

— Чокнутый?

— Ну нет, не прямо так… Но… с особенностями. Ты очень замкнутый, необщительный, не любишь яркий свет и очень боишься микробов!

— Хм… Ну допустим. А с какой стати у тебя должен появиться такой друг?

— О, слушай, это здесь очень ценится! Если у тебя есть друг или подруга с особенностями, о котором ты заботишься, то это всегда вызывает у всех большое уважение! Так что всё отлично.

— Ну… ладно. Я конечно же не должен ни слова произносить на… «подземлитри».

— Конечно нет!

— Тогда научи меня на вашем хоть паре слов-то. Как «да»? Как «нет»? «Привет», «пока»?

— Да - *к**а**о*.

— *К**а**о*.

— Нет - ***а**нто*.

— ***А**нто*. Кажется, уже слышал…

— Привет - *бонав**и**тас*. Или просто *б**о**на*. Пока - *ч**а**о*.

— *Бонав**и**тас* и *ч**а**о*. Угу… Вроде несложно…

— Пошли, нас такси уже ждёт.

Марин своим быстрым шагом отправляется по тропинке мимо пруда, а мне остаётся только идти за ней. Солнце уже целиком оторвалось от домов, смотреть на него даже в очках невозможно, а греет оно так, что хочется раздеться догола. Вокруг меня яркие и сочные краски: зелёная трава, жёлтые и красные скамейки, тёмно-синяя вода в пруду и ярко-голубая вода в фонтане, синее небо, разноцветные дома… А прохожие! Прохожие тоже все разноцветные! Кто во что горазд! Красочная одежда, сверкающие татуировки! Бегуны и велосипедисты в ярких спортивных костюмах. Девчонка вся в розовом, и собака у неё крашеная! Под тигра какого-то или леопарда. Причёски жёлтые, белые, красные, фиолетовые! И свет! Свет вокруг, что аж смотреть тяжело.

И только мы с Марин одеты в чёрное. Мы, как клякса в детском альбоме. Уж не выделяемся ли мы в этой пёстрой толпе, не привлекаем ли к себе внимание? А нет, вон ещё парочка, только не в чёрной одежде, а в тёмно-синей. О… да это же… полиция. Мужчина и женщина, оба в форме, с какими-то штуками на поясах и, кажется, с камерами на плече и у виска.

Они идут нам навстречу. Мы идём, не подавая виду. Снова то чувство, как на третьем круге, когда полиция проносится мимо. И снова, как и тогда, полицейским нет до меня никакого дела.

Мы подходим к дороге, и я вижу белое авто. Когда мы приближаемся, двери открываются сами. И дверей всего две. Получается, только одно пассажирское место. А где водитель?

Увидев, что я в лёгком ступоре, Марин настойчиво кивает мне на водительское сиденье. Я что, поведу её? А как она вообще приехала?!

Неуверенно подшагиваю ближе, оборачиваюсь, и шепчу на ухо Марин:

— Где водитель?

Вместо ответа она закатывает глаза, а потом смотрит на меня с таким выражением, что всё понятно без слов: «просто сядь в машину, дурень».

Я сажусь. Оба места - пассажирские. Руля нигде нет. И как мы поедем? Они что… ездят сами?…

Марин садится с правой стороны, двери закрываются, и автомобиль тихо и бесшумно отправляется в путь. У меня пересыхает в горле. Впечатлений слишком много. Голова уже не справляется. Кажется, как будто это сон. Но как понять, во сне я, или нет? Складываю руки вместе и, незаметно для Марин, щиплю себя за внутреннюю сторону запястья так больно, как только могу. Ничего не меняется. Эта чёртова тачка едет сама! А мимо…

Мимо мелькают дома совершенно разных форм, цветов и конструкций. Пролетают парки. Спортплощадки. Какие-то ангары и цеха, некоторые закрытые, а некоторые… некоторые со стеклянными стенами, и через стекло видно, как что-то очень сложное и технологичное

происходит внутри… какой-то процесс, о котором я не имею ни малейшего понятия и вряд ли вообще способен понять. Вот развилка с кольцом, а внутри кольца - опять эта огромная стеклянная полусфера. Вон снова гигантские вентиляторы и ещё какие-то столбы с кольцами… Вон ещё какие-то непонятные конструкции с металлическими обручами и сетками… Снова дома… Большое стеклянное здание с памятником перед ним. Дорогу переходит дядька с растрёпанными волосами, и все машины дружно останавливаются, чтобы его пропустить. Он идёт, не замечая нас, мимо памятника к главному входу, а мы двигаем дальше. Снова парк. Снова круговая развязка.

Я всматриваюсь в автомобили, мелькающие мимо, и пытаюсь понять: все ли они ездят сами по себе, или где-то всё-таки есть водители. Вдоль дороги есть отдельная полоса для тех, кто едет на велосипеде или… или ещё на каких-то штуках, которых я и не видел никогда. Но голова уже не способна ничего понимать, поэтому я просто перевожу взгляд вперёд и тупо смотрю на дорогу перед собой, не обращая уже ни на что больше внимания. Тебя слишком много, Город Богов! А я - слишком маленький и глупый для тебя.

Очень сильно клонит в сон. Начинаю клевать. Задрёмываю. И через мгновение слышу голос Марин:

— *Маркос! Ариво́мдэ.*

Вздрагиваю и оглядываюсь по сторонам. Двери открыты. Выходи и не тупи, увалень!

Оказавшись снаружи, вижу по правую сторону дороги что-то вроде парка, в котором мы были, но на этот раз, помимо лужаек и деревьев видны ещё и домики, небольшие, в два этажа. Марин отправляется по тропинке вглубь парка, а я за ней.

— Здесь… можно на нашем? - спрашиваю с опаской.

— Да, здесь можно. И дома тоже.

— Тут твой дом?

— *Ка́о.*

— Который из них?

— Вон тот.

— М-м… интересно… Ожидал другое увидеть…

Большая стеклянная многоэтажка - вот, чего я ожидал. Но здесь… Здесь маленькие уютные домики на одну семью. Или на две семьи, этажей-то два… Все разные, каждый со своим стилем и характером. Домик Марин - светло-фиолетовый, с белым крыльцом, с закруглёнными плавными углами и большими окнами в пол. Косая крыша без скатов, застеленная чёрными стеклянными панелями. На втором этаже балкончик с цветами и мини-деревцами. Ничего фантастического, но он как будто манит к себе! Хочется зайти, хочется побыть там, выпить кофе с хозяйкой, посидеть на балконе, позагорать на солнце и поболтать о том, о сём.

Мы подходим к крыльцу. Всего пара ступенек. Поднимаемся и останавливаемся у светло-фиолетовой входной двери. Марин вздыхает, приподняв ладони и собираясь с мыслями:

— Значит так, Маркос. Правила такие. Никаких прикосновений. Соблюдать везде чистоту и порядок. И делать то, что я говорю. В доме есть камеры. Все твои действия будут записаны, если я этого захочу. Понятно?

— Понятней некуда, - развожу руками.

— Ты принимаешь правила?

— *К**а**о.*

— *Би**е**н!*[5]

Она тянется рукой к двери, вдруг замирает, и говорит полушёпотом:

— *Т**э**ос, Мар**и**н! Ра д**э**и т**а**о!*[6]

Она нажимает на ручку, и дверь открывается. Я переступаю порог. Мы в гостинной, которая одновременно и кухня. В середине продолговатый столик и большой диван с креслами, развёрнутый к стене. Мне так и хочется упасть на диван, но я сдерживаюсь.

— *Хэрм**э**с, бонав**и**тас*, - произносит Марин.

— *Бонав**и**тас, гранд**а**ли!* - раздаётся в ответ приятный мужской голос.

Я изо всех сил озираюсь по сторонам, но никого кроме нас в комнате не вижу.

— *Хэрм**э**с, инконтр**э**ди. Эс **э**рис М**а**ркос, н**о**тро др**э**го н**о**вис. **И**ри субкхранд**а**ри **э**рис.*[7]

— Здравствуй, Маркос, - отвечает голос, обращаясь, видимо, ко мне.

Я молча стою, как истукан, не понимая, что происходит.

— Ну ответь ему, - говорит Марин, шутливо глядя на меня. - Это мой домашний помощник, Хэрмэс. Он очень рад тебя видеть!

— Здарова... - мямлю в ответ. - Ты тоже балакаешь по-нашенски, как и Марин?

— Да, я владею *субкхран**и**три.*

— А где ты есть-то? Покажись хоть!

— Я нахожусь в компьютерной сети. Я виртуальный помощник. Но если что-то понадобится - я подключен к большинству устройств в этом доме, так что смогу помочь!

— Офигеть... - бормочу я, плетясь в центр комнаты. - Не... это... уже слишком...

Я плюхаюсь на диван и тут же вскакиваю, опомнившись.

---

[5]Хорошо!

[6]Боже, Марин! Что ты делаешь!

[7]Гермес, познакомься. Это Маркос, наш новый друг. Он из Подземелья.

— Ты, наверное, устал, Маркос, - слышу я голос Марин. - Хочешь принять душ и отдохнуть?

— Капец как хочу! - отвечаю, потеряв остатки скромности.

— Давай я быстро покажу тебе, что тут где. Вот здесь, за дверью - душ, туалет и умывальник. Пользоваться умеешь?

— Вроде да… Там надо руками, вот так…

— Отлично! (И когда ты только успел научиться?…) Так. Вот эта лестница - на второй этаж, ко мне в спальню и на веранду. Туда - не ходи.

— Принято.

— А твоя спальня, - она показывает мне проход в комнату слева по соседству с кухней, - будет вот здесь. Мойся и располагайся, одежду твою мы постираем. Мне через час в школу, так что я вся в бегах! Надеюсь, ты сможешь позаботиться о себе сам или с помощью Хэрмэса. Господи, я же совсем не спала! *Хэрмэс, к**о**фэ м**э**ндо!*

— *К**а**о, гранд**а**ли*, - отвечает Хермес, и тут же раздаётся шум кофеварки.

Марин убегает наверх, а я иду в душ. Раздеваюсь догола, свалив свой чёрный рэперский шмот в кучу. Душем я ещё ни разу не пользовался и, стоя в душевой кабине, я пытаюсь угадать, какой же жест здесь нужен.

— Дорогой гость, - раздаётся голос Хермеса. - *Гранд**а**ли* просит передать, чтобы ты пользовался душем не дольше пяти минут. Вода стоит очень дорого.

— Понял, принял. Скажи, братишка, а как тут душ включить?

— Давай я включу. Будь добр, отойди чуть в сторону.

Я отхожу и душ тут же включается.

— Попробуй, как температура?

— …Можно маленько потеплее.

Вода тут же становится тёплой.

— Спасибо, родной! - говорю, запрыгнув под струю. Боже, какое наслаждение!

Я стою под тёплой струёй воды и будто смываю с себя остатки недоумения, любопытства и внимания к тому, что происходит. Город в небе; машины, которые ездят сами; виртуальный помощник, который включает воду в душе - я уже даже не пытаюсь это осознать. Я будто стал героем мультфильма или комикса, в котором возможно абсолютно всё, и удивляться не надо ничему. А ещё усталость. Тяжёлая, каменная усталость. До этого я ещё хоть как-то держался, но тёплая вода расслабляет меня окончательно.

— Хермес, давай ещё немного потеплее… Хорошо… А теперь холодную. Прям сильно холодную!

Постояв несколько секунд под ледяной водой, выпрыгиваю из душа и как следует растираюсь полотенцем. Этого хватит на пару минут. Напяливаю свои дорогие трусы, беру в охапку одежду и выскакиваю наружу, крикнув:

— Хермес, выключай!

В два прыжка оказываюсь в своей гостевой комнате. Швыряю одежду в угол и падаю на кровать. Какая мягкая! Уткнувшись носом в белоснежную подушку, втягиваю ноздрями аромат свежести и чистоты. Такого, пожалуй, и у Леонида-то не было! Глаза закрываются сами… Я словно падаю куда-то вниз и приземляюсь на пушистые белые облака… Чёрт, пистолет!!!… Надо сказать Марин… про пистолет… минутку поваляюсь, и скажу… только одну минутку…

12

Слова «есть» и «жрать» в Подземелье означают совершенно разные вещи. «Жрать» или «хавать» - это, по-нашему, «принимать пищу». А когда человек говорит: «Я бы съел чего-нибудь», то это он не про еду. Это значит: «Неплохо бы закинуться круглыми». «Съесть» по-нашему означает принять сильнодействующий препарат. Вроде того, что я принял, когда поднимался на грузовом лифте.

Я просыпаюсь от того, что хочу жрать! Да так, что аж желудок сводит! Открываю глаза и снова зажмуриваюсь. Ах, чёрт! Почему так ярко? Да неужели это… это же… солнце! Яркое утреннее солнце светит в окно! Значит, я всё ещё здесь, в *Полисе*! В доме у Марин. Пистолет! Надо срочно сообщить о нём! Пытаюсь подняться, но тело ватное и едва слушается, а правая рука затекла так, что я её вообще не чувствую. С большим усилием поднимаюсь на левой руке и сажусь на кровати… Перевожу дух… Моргаю, привыкая к свету… Рука наполняется свежей кровью, кончики пальцев покалывает, и чувствительность потихоньку возвращается. Сколько я проспал? Не ушла ли Марин ещё?

Встаю с кровати, а ноги еле двигаются. Неровной походкой ковыляю к комку своей одежды в углу. Сев на пол, кое-как напяливаю штаны и футболку, снова поднимаюсь и, шатаясь, шлёпаю босиком в зал.

— Марин!! - кричу на весь дом. - Марин!!!

Тишина. О нет! Неужели ушла??

Поднимаюсь на несколько ступенек вверх по лестнице и кричу в спальню на втором этаже:

— Мариин!!!

Никто не отвечает. Я в доме один. Хозяйка уже успела уйти в школу. Капец! Как же ты мог продрыхнуть, идиот?! Хотя спать хотелось так, что падал почти замертво. А сейчас хорошо. Сейчас прям выспался! Удивительно. Так быстро. Это, наверное, из-за свежего воздуха…

Но что же делать?… Как ей теперь сообщить про пистолет? Не самому же мне идти его искать!

Захожу в гостиную и тупо озираюсь по сторонам. Взгляд падает на кофеварку, и я вдруг вспоминаю: робот! Домашний помощник! Точно!!! Как там его зовут? Хер… хер…

— Хермес! - выкрикиваю я.

— Да, дорогой гость, - раздаётся в ответ вежливый мужской голос.

— Фуууух! Слава богу, ты здесь!

— Я всегда здесь, к твоим услугам.

— Слушай, Хермес, а Марин уже ушла, да?

— Да, *гранд**а**ли* сейчас в школе. Уже второй раз.

— …В смысле, второй раз?… - бормочу я, оторопев.

— За время твоего сна она уже успела два раза отправиться в школу и один раз вернуться. Ты проспал больше суток.

— Что???

— Если точнее, двадцать пять часов и двадцать две минуты.

— Ох, ёб… твою…

Я падаю на стул за продолговатым кухонным столом и хватаюсь за голову руками.

— Что-то случилось, дорогой Маркос? Я могу чем-нибудь помочь? - участливо интересуется Хермес.

Я поднимаю голову и, не найдя лица собеседника, просто говорю в пустое пространство:

— Мне нужно СРОЧНО сообщить Марин кое-что. Но только с глазу на глаз. Ты можешь написать ей? Попросить, чтоб приехала?

— Да, могу конечно!

— Скажи, что это очень, очень важно!

— Без проблем. Но учти, Маркос, что Марин на занятиях и может не увидеть твоего сообщения сразу, ведь ей нельзя отвлекаться.

— Блин, плохо. Но ты попытайся хотя бы!

— Хорошо! Сообщение отправлено.

— Спасибо тебе, браток.

— Могу я чем-нибудь ещё помочь, Маркос?

— Да. Скажи мне, где тут у вас еда? Я так жрать хочу, что щас стол начну грызть.

Водя по кухне взглядом, я замечаю холодильник и, не дожидаясь ответа робота, бросаюсь к нему и открываю дверцу. Внутри - шаром покати. Какие-то банки да склянки в глубине и в дверце, а в остальном - пустота.

— Еды дома нет, Маркос. Но её можно заказать. Какую кухню предпочитаешь?

И вдруг на стене напротив дивана появляются изображения разных блюд. Прям на всю стену! Такие, эдакие! Всё, как по-настоящему, красочное и аппетитное, аж слюнки текут!

— Это… это можно выбрать? - говорю, тыча пальцем в стену в полнейшем ступоре, так и продолжая держать дверцу холодильника открытой.

— Конечно! *Гранд**а**ли* выделила тебе небольшой бюджет, так что заказывай смело! Если блюдо простое, то его доставят в течение пяти минут.

— Пяти минут… Ни фига себе…

Захлопываю холодильник, шлёпаю босыми ногами по прохладному кафельному полу кухни, переходящему в деревянный паркет, и сажусь на диван. Блюд столько, что глаза разбегаются, и все незнакомые.

— Слушай, а есть шавуха? Ну, шаурма?

— Да, конечно!

На стене появляются десятки видов шаурмы. Все надписи на нашем. «Шаурма с курицей», «Шаурма с медузой», «Шаурма с грибами шиитаке и французским сыром» и чёрт знает что ещё!

— Мне только без овощей, слышь. А то аллергия может быть.

— Убираю варианты с овощами, - послушно отвечает Хермес.

Но вариантов меньше не становится. Просто они теперь другие.

— Да бляха, как же выбрать-то из этого изобилия! Я так и сдохну, пока думаю! У нас в шаурмичных два-три варианта - и всё. Удобно было… Слушай, а давай наобум, а?

— …Что ты имеешь в виду?

— Ну, крутанём рулетку! Колесо фортуны. Что выпадет, то и моё.

— То есть… случайным образом?

— Ну да!

— Хм, как интересно! *Гранд**а**ли* так никогда не заказывает. Как скажешь, дорогой Маркос! Запускаем Колесо Фортуны!

На экране и правда появляется рулетка, а на ней - свёртки с шаурмами. Колесо крутится, а я смотрю на него, не отрывая глаз. Мне выпадает шаурма с курицей и шампиньонами в остром соусе. Неплохо!

Мы оформляем заказ. Я спрашиваю Хермеса про воду. Он указывает мне на питьевой кран у раковины. Подойдя туда и открыв кран, я подставляю рот и наполняю его свежей водичкой.

— В ящике над тобой есть стаканы, дорогой Маркос.

— Да пофиг, я уже попил… Слушай, Хермес, тебя можно для краткости называть просто «Хер»?

Пару секунд стоит тишина.

— …Что-то я не в восторге от такого предложения.

— Хех, чувак, да ты сообразительнее, чем я думал! Ладно, слышь, извини - тупая шутка вышла…

— Да, дорогой Маркос… Из Подземелья-то ты выбрался, а вот оно из тебя - пока что нет.

— Ох… - вздыхаю я, открыв верхний шкафчик и доставая стакан. - Как же ты прав, Хермес… Чертовски прав…

Мы выясняем, что на подземельный лад все слова на «хэ» обычно произносятся через «ге»: не *Хэрмэс*, а Гермес; не *хэксос*, а гексос, и так далее.

— А что такое г**е**ксос?

— Г**е**ксосы - это большие шестиугольные бетонные плиты, из которых состоит фундамент *Полиса*.

— А-а-а! Так вот, как они называются! А я про них догадался ещё когда на восьмом круге жил.

— Ты жил на восьмом круге??? - слышу я изумлённый голос Гермеса.

— Ну да. А чо?

— Это… удивительно…

— Только не проси рассказывать всю свою историю!

— Хорошо, как пожелаешь… Но скажи: как тебе мой *субкхран**и**три*?

— Твой… суб… кхранитри??

— Ну да. Ты как носитель языка можешь лучше всего оценить мой уровень владения *субкхран**и**три*.

Тут вдруг раздаётся звук - мягкий звуковой сигнал, что-то вроде звонка.

— Твоя шавуха прибыла, Маркос! Рядом с дверью окошечко. Открой его и забери.

Я подхожу к двери, открываю окошечко и чувствую аромат! Разворачиваю фольгу, бумажную обёртку, и с наслаждением вгрызаюсь в свежую, сочную шаурму!

— М-м-м!!!… От души, братишка! То, что доктор прописал!

Я сажусь за обеденный стол и говорю Гермесу, продолжая жевать:

— Твой суб… суп… подземельный - в общем, он ничё. Говоришь чистенько, складно. Но вот только… он у тебя… пластмассовый малёха.

— В каком смысле?

— Ну, у нас пацаны на районе так не говорят, как ты говоришь. У нас не спрашивают: «В каком смысле?». У нас спрашивают: «Чё, бля?».

— Понимаю теперь. А ты можешь научить меня вашему местному говору?

Чуть не подавившись куском курицы, я отвечаю:

— Эхем… научить??? А тебе зачем, браток?

— Ну, во-первых, чтобы тебе было комфортнее со мной. А во-вторых, чтобы больше знать про *Субкхран*. Знания никогда не бывают лишними. Чем их больше, тем лучше!

— …Никогда не бывают лишними. Прям золотые слова, Гермес!

— Спасибо! Ну так как, научишь, браток?

— Хе-хе! Ну давай попробуем!

Мне, конечно, всё это кажется очень смешным. Робот, который желает научиться говорить по-пацански! Наверное, он просто хочет меня развлечь, пока Марин не вернулась. Я начинаю говорить с ним на нашем местном говоре, потешаясь неуклюжим попыткам Гермеса меня копировать. Но проходит десять минут… пятнадцать… двадцать… и его говор уже не отличить от моего.

— Хренасе ты прокачался как быстро, братан! - говорю я в искреннем офигении.

— Ну так ёпта! Не пальцем деланы пади!

— Ваще ни разу… Даже стремновато как-то.

— Не ссы, браток! Мы пришли с миром.

В этот момент открывается дверь. В дом влетает Марин. Она в белой футболке и в голубых джинсах, а волосы затянуты в тугую чёрную косу. Она совсем не похожа на ту клубную Марин, которую я вчера - то есть, позавчера - встретил.

— Маркос? Что случилось?

— И тебе привет, - говорю, дожёвывая остаток шаурмы.

— Да, прости, я не поздоровалась. И не поинтересовалась, как ты.

— Хорошо, что ты так быстро пришла. Могу я тебе кое-что сказать, чтобы твой… э-э-э… помощник не слышал?

— *Хэрмэс, со**м**ниди*[8]. Всё, теперь не слышит. Что ты хотел сказать?

Я поднимаюсь из-за стола, вытирая рот кулаком:

— Марин… тут такое дело… я кое-что принёс с собой из Подземелья. И мне это пришлось… эмм… припрятать перед тем, как я зашёл в клуб. Ну… с этим могли не пустить и всё такое…

— Что ты припрятал? - ледяным голосом спрашивает Марин, замерев.

[8]Гермес, усни.

— Пистолет. - Я стараюсь произнести это слово как можно расслабленнее.

— Пистолет?

Она бледнеет. Даже розовые губы становятся почти белыми.

— Да, пистолет.

— Из которого стреляют?

— Угу, - киваю я и смотрю ей в глаза. Её нижняя губа подрагивает.

Несколько секунд Марин молчит, а потом полушёпотом бросает мне:

— Придурок.

Она проходит мимо меня чуть ли не толкнув плечом. Дело, видимо, очень серьёзное. Наверное, серьёзней, чем даже я мог подумать. Подойдя к холодильнику, она спрашивает дрожащим голосом, не оборачиваясь на меня:

— И где ты его «припрятал»?

— В земле под кустом.

Она хватается за голову и, вцепившись в волосы, шепчет:

— *Тэос м**и**о…*

Снова проходит мимо. Останавливается, оперевшись о спинку дивана. Подходит к окну. Потом резко оборачивается и, сверкнув мокрыми глазами, говорит стальным тоном:

— Ты помнишь точно, где это?

— Ну как «точно»… Если к клубу подъедем, то найду. Надеюсь, он ещё там?…

— Он ещё там, не беспокойся, - продолжает она металлическим голосом. - Если бы его обнаружили, к нам бы пришли через 15 минут.

— Так быстро… - бубню я, стоя посреди кухни полным валенком.

— Конечно, - сверлит меня взглядом Марин. - Думаешь, проблема посмотреть по камерам, откуда ты пришёл и куда потом отправился? Здесь же камеры повсюду! *Хэрмес!* - рявкает она командным тоном.

— *К**а**о, грандали.*

— *Т**а**ксэ мэндо. В**о**лиос. Дон кл**у**бэ «Гал**а**ктика». Ургэнто!!*

— *В**о**лиос т**а**ксэ **а**хла апосибл**э**нто **о**рдере, грандали - он дид**а**н вэнтис **э**рис. Абид**а**ши.*

— *Кх**а**рэ, кх**а**рэ!!! Би**е**н, с**и**мплис т**а**ксэ д**о**нкэ…*

— *Кэй, грандали. Такси ин в**о**исэ **э**рис. Ч**и**нко мин**у**ти.*

— *Ч**и**нко мин**у**ти!… О, ди**а**бло!! Кель м**о**лто!!*

Она снова проходится по гостинной, сжимая руки в кулаки и поджав губы. И снова резко оборачивается на меня, сверкнув глазами:

— Что ты сто**и**шь? Собирайся быстро! Через пять минут такси приедет! Обычное…

Я кидаюсь в свою комнату, неуклюже обогнув на бегу Марин и чуть не нарушив правило про прикосновения. Быстро напяливаю носки, кеды, балахон и маску с очками. Выхожу обратно в гостиную и развожу руками - я готов. Хозяйка тут же отправляется к выходу, кивком головы отправив меня за собой. «*Хэрмэс, с**о**мниди*»… Эту фразу я запомню.

Мы выходим на улицу, и в лицо ударяет ветер, да так, что маска чуть не слетает с моего лица, и я поправляю штрипки, заправив их под дужки очков. Мы быстро идём по тропинке мимо деревьев, домов и прохожих. Мимо нас проезжает дрон на колёсах, везущий в кузове, видимо, чей-то заказ. Летающих дронов не видно - с таким ветром особо не полетаешь.

Подходим к дороге. Стоим. Глядим на проезжающие мимо авто.

— Нихрена себе ветрище! - ору сквозь маску.

— Конечно ветрище, мы в небе живём! - выкрикивает в ответ Марин с раздражением.

Подъезжает наше такси. Молча садимся.

— *Бонав**и**тас, Маринд**а**ни! М**у**зэкасэ ма?*

— *Ш**а**нди*, - безразлично бросает *гранд**а**ли*.

Едем. Молчим. Марин тяжело вздыхает и сосредоточенно смотрит перед собой. Я гляжу по сторонам. Всё вокруг стало немного привычнее. Или это просто я выспался и готов воспринимать окружающую действительность с новыми силами? Ветер совершенно не мешает прохожим разгуливать по улицам. Деревьям тоже хоть бы что. Птиц только не видать. Они тут вообще есть? Замечаю повсюду эти странные вентиляторы. Их как будто стало больше. Словно из-под земли повысовывались. Едем мы другой дорогой, и всё, что вокруг, мне совершенно незнакомо. Я впитываю всё, что вижу, не пытаясь пока ничего осознавать. Куст, под которым я спрятал пистолет… Надо подумать о нём. Вспомнить его, как следует. Точно ли я его найду? И не найдёт ли его кто-то первее меня? Судя по лицу Марин, лучше б не нашёл.

Всё вокруг затягивает дымкой, и видимость становится очень плохой. Метров десять вперёд, не больше. Такси сбавляет и без того неторопливый ход. Марин закрывает рукой лицо от досады. Она очень нервничает. Её нервяк передаётся и мне. Неторопливо плетёмся сквозь дымку, а я всё пытаюсь разглядывать обстановку вокруг, хотя это почти невозможно…

Наконец, подъезжаем к клубу. К тому самому месту, откуда в тот вечер уезжала Эли. Выходим. Марин смотрит на меня своими голубыми глазами. Нет, это не голубой цвет, какой-то другой, что-то между голубым и зелёным. Какой-то морской цвет…

— Ни хрена себе туманище… - говорю громко вслух, видя, что вокруг никого нет.

— Это не туман. Это облако.

Я присвистываю.

— ***А**бо?* - разводит руками моя спутница, подняв чернявые брови.

Это, видимо, значит: «Ну и чё ты стоишь, валенок?». Я поднимаю палец и стою пару секунд, сосредоточившись.

— …Это будет непросто при такой видимости. Но я постараюсь.

— Постарайся, как только можешь! Иначе нам конец.

Так. Надо вспомнить, как я сюда пришёл. Ага, вон той дорогой! Направляюсь туда, сделав знак Марин, и она идёт за мной. Всё вокруг совсем не так, как ночью, и сориентироваться трудно. Но дорога - та самая, а куст был рядом с ней. Только вот который по счёту?…

— Не этот? - спрашивает Марин, кивая на первый же куст, встретившийся у нас на пути.

— Не… дальше. Я начал слышать звук, и пошёл на него. Когда он стал уже хорошо слышен, я понял, что там клуб, и что ствол надо припрятать… Жаль, сейчас звука нет… Было б легче… А если всё-таки мы его не найдём?

— Если не найдём? Ну… тебя точно отправят туда, откуда ты пришёл.

— Со мной понятно, а с тобой что будет?

— Ты лучше сосредоточься и найди этот проклятый пистолет.

— Куст был с правой стороны по ходу движения. Кажется, вот этот.

— Уверен?

— Нет.

Марин зажмуривается. На её лице боль.

— …Но вроде этот.

Навстречу нам идут прохожие.

— Так, стой.

Она останавливается и разворачивает меня к себе.

— Ты же говорила, никаких прикосновений, - говорю, пытаясь не орать на подземельном, но при этом перекричать ветер.

— Это д**о**ма, - объясняет она и берёт меня за руки. Делает милую улыбку. Смотрит мне в глаза.

Я понял. Мы, типа, парочка.

Прохожие идут мимо, а Марин тянет меня за руки вниз. Мы садимся у куста. Это могло бы быть мило и романтично, если бы не лютый ветрище, который просто выдувает мозги!

Она нежно прижимается ко мне плечом, снова заглядывает в глаза и злобно зыркает, произнося одними губами: «Ищи!».

Я отставляю руку назад, как бы оперевшись на неё, и начинаю рыться в сырой земле.

— Ну а всё-таки, что если его нет?

— ...В лучшем случае большой скандал. В самом лучшем случае! А может быть, что и соучастие в преступлении.

— Но ты ведь не знала, что у меня... эта штука. Я ведь тебе не сказал.

— Это придётся объяснять в суде.

— Жёстко...

Мой палец вдруг упирается в металл. Это ручка. А здесь курок. Ствол на предохранителе, я это помню. Так что не выстрелит.

— Ну что? - смотрит на меня Марин в ожидании.

— А если суд решит, что ты виновна?

— Слушай, может хватит?? Тебе это как будто нравится!

— Я беспокоюсь за тебя, - говорю, глядя сквозь очки в её рассерженные глаза.

— Да что ты?! Если беспокоишься, так найди этот чёртов...

— Чщщщь! Не произноси это слово, а то мало ли... Я просто думаю, что теперь тебе, походу, всё-таки придётся стать соучастницей преступления.

Она меняется в лице:

— Что значит «теперь»? Что ты имеешь... ты... ты нашёл?

— Хотя, чего я беспокоюсь? Ты отличная соучастница! Я беру тебя в банду.

Её глаза загораются. Появляется улыбка. Её нервяк проходит мгновенно.

— Ах ты гадкий *субкхранд**а**ри*!

Она толкает меня в рёбра, и я падаю на сырую землю, всё ещё держась рукой за пистолет, а Марин хохочет. У неё звонкий, переливистый смех, и она заражает им и меня.

— Слышь! Бандитская твоя душа! Мы чё делать-то с ним будем? - спрашиваю я сквозь смех.

Марин, поджав губу, что-то быстро прикидывает в уме, и тут же поднимает палец:

— У меня есть план.

— Любишь ты это слово, я смотрю!

Но она меня не слушает - надевает очки и, как обычно, водит руками в воздухе.

— Так. Пойдём, пройдёмся недалеко. Вставай.

Я приподнимаюсь и потихоньку вытаскиваю ствол из земли.

— Спрячь его как следует, - говорит сквозь зубы Марин, словно держа меня за шиворот.

Быстро кладу пистолет в карман и застёгиваю на молнию:

— Это всё, что я могу, сестрёнка.

Мы отправляемся дальше по тропинке, к дороге. На какой-то миг дымка рассеивается, но тут же наползает новая. Облака. Их я тоже никогда не вживую не видел. Но разве мог я подумать, что увижу их изнутри?!

— А что за план-то, Марин? Поделишься?

— Вот придём - и узнаешь.

— Понятно… Шестёркам знать не положено.

— Шестёркам?

— Да, шестерёночкам. Бегункам.

— Какой-то незнакомый мне *субкхран**и**три*. Расскажешь потом, что это значит. Мы идём к проспекту забрать заказ. Так будет быстрее и дешевле.

— Что за заказ?

— Там пакет из ткани с ручками.

— И всё?

— *Аха*. Ты всё правильно сказал, Маркос: теперь это уже полноценное соучастие в преступлении, - задумчиво произносит Марин, дождавшись, когда чуть стихнет ветер.

— Расслабься. Если даже нас с этим поймают, я всю вину возьму на себя.

— Ты не сможешь этого сделать.

— В смысле?

— Если ты про явку с повинной, то она рассматривается лишь как одно из свидетельских показаний, и сама по себе преступления не доказывает.

— Серьёзно???

— Ну да. Более того, если будут основания считать, что это ложная явка с повинной, то начнут искать тех, кого ты укрываешь, а также тех, кто на тебя давил. Ведь из тебя эту явку могли добыть под давлением, понимаешь?

— Понимаю, Марин… Очень хорошо понимаю… У нас это отлично умеют! Только в Подземелье таких законов нет. Признался - значит, виновен.

Мы подходим к большой дороге - проспекту - и там нас уже ждёт бот-доставщик на шести колёсах. Марин открывает его кузов и достаёт чёрный мешок с ручками. Дожидатеся,

когда бот уедет. Подходит ко мне. Смотрит в глаза своим бездонным, завораживающим взглядом. Надо опять сыграть влюблённую парочку.

— Может, поцелуемся? - говорю, опуская маску. - Ну, чтоб натуральнее было.

Нас обволакивает облаком. Она улыбается мне своими обворожительными розовыми губами. Она очень близко. Ещё чуть-чуть - и мы коснёмся…

— Слышь, шестёрка, - говорит она, продолжая мило улыбаться, - клади давай, и пошли. Скоро ливень будет. А нам до стены надо успеть.

Открываю карман, вынимаю пистолет и быстро кидаю в мешок. Не могу сдержать улыбку. Она умеет с парнями! Хорошо умеет! И ведь не отшила напрочь, но поставила на место! На поводке держит. Да, на кривой козе к ней не подъедешь! Да и кто я, чёрт возьми, такой, чтобы вообще на что-то надеяться?

— Ну ты скажешь, наконец, что за план-то?!

— По дороге расскажу. Пойдём.

Мы отправляемся в путь по знакомым мне местам. Понимаю вдруг, что дико хочу курить. Достаю из кармана новую, нераспечатанную пачку сигарет.

— Это что, сигареты?? Из табака??

— Из табака конечно, из чего ж ещё! Я уже сколько не курил!

— Не вздумай! Здесь никто такие не курит. Сразу спалимся!

— Да ладно! Я видел, у клуба курили.

— Курили, но только не сигареты, а вейпы. Ингаляторы никотина.

— А… Видел я такие на третьем круге. Чёрт! А что, обычные сиги прям совсем никак?

— Их даже заказать нельзя. Есть специальный магазин, куда можно прийти за ними, и только там их можно курить, в специальной кабинке. А иначе никак.

— Капец… Как вы тут живёте…

Прячу нераскрытую пачку обратно в карман, скрипя зубами и морщась от встречного ветра. Марин, кое-как, криком объясняет мне суть своего плана. Странный он, конечно. Но нельзя сказать, что нерабочий. Я ничего лучше точно предложить не могу. Мы идём вдоль проспекта, потом заворачиваем в квартал, и скоро оказываемся внутри промки у боковой стены. Не той, через которую я лез, но где-то очень неподалёку. Ну а дальше, следуя плану, мы разыгрываем сценку. Бегаем по дороге, догоняя друг друга и изображая бурную радость и щенячий восторг. Перекидываем друг другу мешок, но так, чтоб не выпало содержимое. Наконец, когда мешок оказывается в моих руках, а Марин - недалеко от стены, я раскручиваю мешок за ручки, как бы желая бросить его своей подружке, но «нечаянно» беру гораздо выше и запускаю сумку вверх. Пистолет увесистый, летит хорошо, и с первого же броска мешок перелетает через стену и оказывается за пределами Полиса - где-то внизу, в пустоши, среди хлама и металлолома. Я наигранно хватаюсь

за голову, а Марин делает очень удивлённое лицо: «Что же мы наделали?». Некоторое время я бестолково стою, почёсывая затылок, потом Марин махает рукой, и мы рассеянно отправляемся обратно.

Когда мы сворачиваем на проспект, начинается дождь. Марин заказывает такси, и мы едем домой. Когда приезжаем, на улице уже не дождь, а настоящий ливень. Нам приходится бежать до дома со всех ног. В такси, конечно, есть и зонтик, но при таком ветре лучше сразу его вывернуть наизнанку и выкинуть. Мы прибегаем домой вымокшие и уставшие.

— Фуф! Ну и погодка! - говорит хозяйка, оглядываясь в окно. - …Впрочем, я ещё успею на два последних урока. Надо только быстро переодеться…

— Ты пойдёшь снова учиться??

— Ну да. У нас годовые экзамены на носу, надо готовиться. Через пару часов я вернусь. А ты пока… можешь пообедать.

Она отправляется в спальню переодеваться.

— Марин! - кричу я ей вдогонку.

— Что? - оборачивается она, махнув косой.

— На улице ни одной живой души. Думаешь, если я покурю, кто-нибудь заметит?

Марин закатывает глаза в своём обыкновении:

— …Ладно уж! Кури! Сигаретный наркоман. Но только следов не оставляй. Чтоб никаких окурков нигде не было, понятно?

— Да, босс. Гермес, ты тут?

— Я здесь, братишка.

— Как дела?

— Всё пучком, родной. Как сам?

— Да ничё… сойдёт. Слушай, а чё это за вентиляторы кругом? - спрашиваю, снимая плёнку с сигаретной пачки.

— Хе-хе! Это не вентиляторы, это ветровые генераторы. Вырабатывают электричество из энергии ветра. Показать подробнее?

— Давай.

— Смотри. Электрогенератор находится внутри корпуса, а лопасти прикреплены к ротору. Ветер дует в лопасти, и они вращают ротор вместе с магнитным полем, и в катушках статора возникает электрический ток.

Я погружаюсь в картинку. Она движется, показывая мне электрогенератор с разных сторон, в разрезе, внутри ветровой ловушки, с подключенными проводами. Показывает электромагнитное поле и то, как движется ток. Из спальни спускается Марин в тёмно-

синей юбке и топе в бело-голубую полоску. Сверху она накидывает лёгкий дождевик. Я отвлекаюсь на неё на пару секунд, а она, проходя мимо, смотрит удивлённо вначале на экран, потом на меня, и говорит одними губами:

— Я пошла.

Хозяйка скрывается за дверью, а я продолжаю изучать устройство электрогенератора. Как всё легко, понятно, и, вместе с тем, подробно! Можно задать любой вопрос, закопаться в любую деталь, и получить полный ответ, причём с картинками, с видео! Просто невероятно! Ведь это можно во всём чём угодно разобраться, вообще не напрягаясь!

— Ух! Пойду, братиш, покурю быром - и вернусь! Ещё чё-нибудь поспрашиваю!

— Давай, родной! Возвращайся целым.

Ну это уж он переборщил!

Выхожу на крыльцо, достаю сигарету и долго пытаюсь раскурить её на ветру, прикрывая ладонью как только можно. Наконец, с наслажденьем закуриваю! Первая сигарета за… даже не знаю, сколько времени. Столько не живут. Гляжу на открытую пачку, бережно закрывая её от дождя. Осталось 19 штук. А потом хрен знает, где их брать. Не в магазин же тот идти! Буду курить по одной в день. Жесть, конечно. В метро и то две было! Ну ладно, чё поделать… Зато тут солнце есть. И жратва вкусная.

Докуриваю и сжигаю фильтр дотла, чтобы никаких следов. Возвращаюсь в дом и убираю с кухонного стола обрывки от шавухи. Выясняю у Гермеса, где мусорное ведро. Под него отведён специальный шкафчик, и ведро там не одно. Их шесть. Все разонцветные. Гермес объясняет мне, в какое ветро кидать фольгу, в какое - бумагу и картон, а в какое - целлофановый пакет.

— И чё, так каждый раз??

— Ну а ты думал!

— Окей… Давай-ка я продолжу знакомство с местной кухней. Что порекомендуешь на обед?

Вся стена заполняется едой. Неизвестной и незнакомой.

— Ох, как сложно выбирать… Попроще бы что-нибудь, да попривычнее… А крысятины нет?

В ответ раздаётся хохот. Гермес оценил шутку.

— Нет… братиш… Такой еды у нас не водится.

— Ну давай тогда… тогда…

— Тебе письмо от *гранд**а**ли*.

— Чё, правда? А ну, прочитай!

Гермес читает голосом Марин:

— Маркос, сегодня вечером собирается тусовка, будем смотреть фильм про *Субкхран*. Ты пойдёшь?

После того, как я обучил Гермеса нашему местному пацанскому говору, он стал неотличим от моих корешей с Бумажки. Только очень умный и знает примерно всё. Балакать с ним - одно удовольствие! Разобравшись с ветровыми генераторами, мы перешли к солнечным батареям. Оказывается, эти чёрные панели на крыше у Марин - да и на соседних домах тоже - это фотоэлементы, преобразующие солнечную энергию в электрический ток. И их размещают не только на крышах, а везде, где только можно. Энергию добывают из солнца, из ветра, из мусора и даже из грозовых туч! Город живёт по принципу «*Бо**о**нко дэ энэ**э**ргиа а э**э**рис» - «Много энергии не бывает». А в толще бетонных плит (которые, на самом деле, внутри имеют множество полостей) размещают ионные коллекторы для сохранения энергии.

— Это как аккумуляторные батарейки, только очень большие, - объясняет мой новый друг.

А ещё внутри гексосов находятся фотонные реакторы. Глазки этих реакторов, принимающие и фокусирующие солнечные лучи, выглядывают наружу на некоторых круговых развязках. Так вот, оказывается, что это были за стеклянные штуки!

Я сижу за кухонным столом, доедаю остатки обеда и болтаю с Гермесом, когда из школы возвращается Марин и, заходя, слышит наш разговор.

— Ну как вы тут, мальчики? Не скучаете?

— Неа! С Гермесом разве соскучишься! Он столько всего знает! Мы вот тут трём за энергетику.

— О-о! Фотонный реактор, - с уважением кивает Марин, взглянув на видеостену.

— Тебя хоть кормят там, в школе? - говорю неожиданно заботливым для себя тоном.

— Что? А, да, конечно!

Она останавливается посреди комнаты, расплетая косу и встряхнув своими густыми чёрными волосами:

— Маркос. Я отправляла тебе сообщение, и ты мне ответил, что подумаешь. Ты подумал?

— Слушай, а это не рискованно? Ну, если я там буду светиться, среди ваших?

— Если ты не будешь говорить ничего лишнего и будешь вести себя тихо и скромно, то конечно нет! Если кто-то будет пытаться заговорить с тобой, то я это возьму на себя. Просто молчи, и всё.

— Ну, раз так, то я в деле! Чё, зря сюда ехал, что ли? Посмотрю хоть, как вы тут… тусуетесь.

— Вот и отлично!

Она просвечивает меня своим голубым взглядом, взявшись за подбородок и скосив брови:

— У тебя локоть грязный. Кажется, в земле.

Рассеянно гляжу на свой локоть:

— …Ну да… Это ж ты меня… в землю…

— Да, тебе бы одежду постирать. А ещё лучше - обновить гардероб. А то ещё подумают, что я о тебе не забочусь.

— Давай стиранём, я не против. Только оно ведь высохнуть не успеет, - говорю я, поднимаясь из-за стола и уже направляясь искать стиральную машинку.

— Поэтому я и хочу тебя приодеть во что-нибудь новое, - говорит Марин, садясь на диван и закинув ногу на ногу. - Раздевайся.

Я замираю, как вкопанный:

— Чего?

— Раздевайся, говорю! Будем тебе прикид примерять.

— В смысле? Вот здесь прям? Вот так? При тебе??

— Ну да. А ты что, стесняешься?

— Я… да ты… ты чё, на понт меня берёшь, что ли? Слышь ты, дерзкая… *полис-д**а**ри*!

— *Полис-д**а**л**и*, - поправляет меня Марин. - Запомни: «*р*» - мужской звук; «*л*» - женский звук; а «*н*» - нейтральный. Поэтому ты - *субкхран-да**р**и*, а я - *полис-да**л**и*. Понял?

— Понял, *грандал**и*… *полис-дал**и*…

— Отлично, молодец! Раздевайся.

Когда тебе говорит «раздевайся» такая девушка, как Марин, раскинувшись на диване и сверкая голыми коленками, сердце начинает биться быстрее. Но я понимаю: *ничего такого* не будет. Моя роль ясна. Я у неё, как игрушка. Диковинный зверёк из Подземелья. Она может вертеть меня на поводке, как ей вздумается, и ей это явно нравится! С другой стороны: ну и что? Она ведь мне помогла, дала крышу над головой и доступ к любой информации о *Полисе*. Почему бы и нет? Сыграю свою роль, пусть повеселится! Должен же и я ей что-то дать.

Тяжело вздохнув, стаскиваю с себя балахон и бросаю на пол. Медленно стягиваю футболку, неумело вращая тазом и пытаясь изобразить стриптиз.

— Ой, давай только без этого!

— Ладно.

Сдёргиваю до конца футболку и бросаю на пол.

— Боже, какой худенький!

— Пожила бы там, где я жил - и не такой бы стала. Это я ещё отъелся на леонидовских харчах.

— Давай уже, снимай всё до конца.

Сбрасываю кеды, развязываю шнурок на поясе и нехотя спускаю штаны вниз.

— О-о! У тебя модные трусы!

— Слушай, может хватит уже, а?! - не выдерживаю я.

— Нет, серьёзно! Смотри, они с бамбуком! Хэрмэс, покажи товар, который на Маркосе.

— …А, так это бамбук… - говорю, рассеянно разглядывая своё исподнее.

На стене появляются труселя точь-в-точь как у меня, только разных цветов. И все с этой зелёной палкой сбоку - бамбуком.

— Где ты их взял? - удивлённо спрашивает Марин.

— Купил… В дорогом магазине на третьем круге, - говорю, до конца вылезая из штанов. - Это что же получается… ваши шмотки… доходят до нас?

— Видимо, да.

— Нифига себе…

— Давай примерим какой-нибудь новый наряд! Хэрмэс, подбери Маркосу что-нибудь… скромное, неброское и недорогое, но так, чтоб выглядело опрятно и ухоженно.

— Да, *гранд**а**ли*. Предлагаю варианты.

На экране появляюсь… я. В свободных джинсах и футболке. Смотрю на себя, как в зеркало. Поворачиваюсь во все стороны.

— Обалдеть…

— Нет-нет, Хэрмэс, футболки с коротким рукавом отпадают.

— Почему? - оглядываюсь я на Марин.

— Твои татуировки, - обречённо разводит руками она.

— Да ладно! Это, типа, палевно, что-ли? Я тут кучу людей видел с татухами!

— Да, но сравни мою «татуху» со своими.

Марин протягивает вперёд левую руку, и на её внутренней стороне я вижу морскую волну. Я её уже замечал раньше, но теперь могу рассмотреть получше. Она переливается яркими цветами - голубым, синим, фиолетовым и ещё какими-то, неизвестными мне. Она словно движется, брызгая белой пеной, и кажется, будто и кровь у Марин такая же, голубая и фиолетовая.

— Ну да… - бормочу я в ответ, глядя на свои грубые синюшные наколки.

Сверху на белую футболку мне накидывают клетчатую рубашку и ветровку, на случай дождя. Смотрится годно.

— Хэрмэс, добавь на лицо медицинскую маску и очки.

— Так?

— Да. Ну что ж… Вполне. Сколько будет?

— Восемьдесят три *л**е**птоса* в течение трёх дней.

— М-м-м… Давай лучше на недельку растянем.

— Восемьдесят шесть в течение недели.

— Годится. Берём.

— Оформляю заказ.

Я гляжу на это, совершенно не понимая, что за дни и недели. *Л**е**птосы* - это, видимо, их валюта…

— А точно подойдёт? - туплю я, стоя над грудой одежды.

— Ну мы же померяли, - подмигивает Марин.

Вечер. Солнце уже зашло, но небо на западе у горизонта всё ещё светится сине-голубым. Фантастическое зрелище!

Мы идём по тропинке мимо домов и зелени. Марин - в чёрном, клубном. Я - в новом прикиде, купленном сегодня. Сидит идеально.

— Ну как тебе? - спрашивает она.

— Что именно?

— Как тусовка, как компания?

— Очень непохоже на то, что у нас.

— Да? А чем непохоже?

— …Да почти всем.

— Ну что больше всего удивило или… привлекло внимание?

— Да разное… Ну уши эти необычные… А ещё никто не здоровается за руку. Ты меня, кстати, не предупреждала об этом. Я чуть не потянул свою пятерню этим ребятам.

— Да, это мой косяк. Но ты вовремя сориентировался!

— Ну да - складываешь ладошки вместе, типа, «Здрасьте!», и они тебе в ответ.

— *Экзактэмэнто*. Именно так.

— И что, у вас все так здороваются? Даже мужики с мужиками?

— Это универсальное приветствие. Оно работает всегда. Но если вы близкие друзья или приятели из одной компании, то можно дать пять. Подними ладошку! Вот так!

Она хлопает в мою ладошку своей.

— А, ну так и у нас делают.

— Здесь так тоже можно. Но это означает более близкие отношения. А ещё можно двумя руками. Давай, выставляй обе ладошки!

Мы останавливаемся и даём друг-другу пять двумя ладошками, словно играем в детскую игру.

— ...Вот. А если вы бизнес-партнёры и у вас какой-то совместный проект или тесное сотрудничество, то можно делать так. Выстави ладони.

Я снова выставляю ладони, и Марин с серьёзным и сосредоточенным лицом прислоняет свои ладони к моим, держит, и убирает.

— ...Мы как бы заряжаемся энергией друг от друга, обмениваемся силой.

— Это как стукнуться кулаками.

— Ну да... А если вы влюблённая пара, - улыбается Марин, - то можно сделать вот так... Выстави ладошки...

Я выставляю ладони, а Марин... смотрит мне в глаза... подходит чуть ближе... и очень нежно и плавно касается моих ладоней своими, слегка обняв пальчиками мои пальцы. Внутри проносится вихрь! Она притронулась ко мне всего на пару секунд, но по всему телу пробегает дрожь, а по коже - мурашки.

— У-у-у-ф!!!...

— Пошли, - подмигивает она, как ни в чём не бывало.

Я иду, всё ещё пытаясь опомниться, и мотаю головой:

— Да... Последнее приветствие мне понравилось...

— Смотри, не подумай ничего, *субкхранд**а**ри*! Это было первый и последний раз, - снова улыбается она, махнув мне бровью.

— Да поздно... Я уже всё подумал.

— Скажи, а как тебе кино? Ты понял что-нибудь?

— Кино... Да понятно, в общем... Честно - я изо всех сил держался, чтобы не заржать в голос.

— Почему?

— Ну, ребят... если вы хотели снять комедию про Подземелье, то это отлично получилось!

— Серьёзно?? Для тебя этот фильм - комедия?

— Конечно! Комедия и детский сад! Ну смотри...

И я выдаю ей всё, что думаю о фильме. О том, какие там приличные, вылизанные кварталы, дороги и тротуары без единой трещинки, красивые и справедливые полицейские,

защищающие закон, бандиты, похожие на клоунов, простые люди, пришедшие пообедать в ресторан, красивые и чистые автомобили без вмятин и дырок от пуль…

— …И даже нищие… Ты нищих видела?? Это вообще умора! Да они… они у вас, походу, моются и бреются каждый день! Да, чуваки… Сразу видно: тот, кто снимал этот фильм, не пожил в Подземелье ни единого дня!

— …Я общалась с режиссёром этого фильма, - говорит Марин потерянно. - Он спускался в *Субкхран*.

Произносит она это так, будто он совершил подвиг. Нырнул в болото с крокодилами.

— Куда он спускался? Во дворец к Президенту?

— …Этого я не спрашивала…

— Поинтересуйся как-нибудь. Если это было где-то дальше второго круга, значит у него проблемы со зрением.

— Хм… То есть, для тебя это всё полная вьюга?

— Полная что??

— Вьюга.

— Пурга!!! - смеюсь я в ответ. - Пурга, а не «вьюга»!

— А, точно… пурга! Я учила, но забыла…

— Наверное, кто-то из бандосов в фильме так и говорил: «Это полная вьюга, братки! Он нам вьюгу втирает!»

Марин взрывается хохотом.

— «Мы же… подпалимся!», - выдавливает она сквозь смех.

— Ага! «Закоптимся!»

Мы хохочем от души! Её звонкий смех, кажется, слышен на весь квартал. Она смеётся так радостно и так искренне, что я просто не могу не хохотать вместе с ней!

Наконец, насмеявшись вдоволь, мы берём передышку. Марин утирает слёзы.

— Фууууф… Ну хорошо… Всё это, значит…

— Не начинай снова!

— Ха-ха, нет-нет! Всё это, значит, пурга. Пурга! - Она поднимает палец.
• Расскажи тогда, как на самом деле? Ты ведь не закончил свой рассказ!

— Да, точно… А на чём там я остановился?

— Ну, как ты идёшь вдоль исписанного забора смотреть на колонну. Ты говорил, что этот день был особенным, потому что ты…

— Да, потому что в этот день я встретился с бандой Таира. Я пытался смыться от них, и они наверняка переломали бы мне все рёбра, но меня спас тот самый Раф, про которого я тебе рассказывал уже. Который племянник мента, и которому я помогал учиться, помнишь? А было это так…

И я рассказываю ей про то, что произошло в тот вечер. Это было совсем не похоже на их фильмы. Потом рассказываю про Рафа, про то, как приехал на автосервис и подслушал в тот вечер разговор Лёхи с Рубэном. Про то, как решил съездить к колонне у Сортировки, о том, как это было непросто, и обо всех своих приготовлениях.

Мы идём через жилой квартал. Он скорее смахивает на парк, в котором изредка стоят небольшие домишки. Веду рассказ, и в то же время с любопытством гляжу по сторонам.

— О, у вас тут голуби есть!

— Конечно, куда они денутся? Они есть везде, где есть человек.

— А что вот это за зелёные птицы?

— Это попугаи.

— Попугаи???

— Специально выведенный вид, устойчивый к зимним холодам.

Я спрашиваю, что за здание напротив, через дорогу. Марин надевает очки, смотрит на него, и тут же отвечает:

— Ячеечная фабрика по производству хирургического оборудования. А следом за ней - дата-центр.

— Дата-центр?

— Да, это… ну… много-много компьютеров, собранных вместе. Вычисления там, хранение данных, все дела… Тут их много. Но ты скажи: Раф приехал к тебе, как и обещал?

— Да, у него долго не хватало времени, но в итоге он приехал. Спозаранку, в 8 утра подкатил ко мне - и мы махнули. Он ещё удивился, что у меня новый прикид. Спросил, куда я собрался в таком виде. Ну и я ему рассказал про свой план. А план вот какой был…

До дома Марин мы доходим пешком примерно минут за тридцать. Оказывается, это было недалеко, хоть в ту сторону мы и ехали на такси, чтобы не опоздать. Я бы тут везде ходил пешком! Прямые широкие тротуары, через дорогу переходи где хочешь, воздух чистый - гулять одно удовольствие! Но скорости тут не те. Всем надо побыстрее, у всех куча планов и графики на неделю вперёд.

Мы заходим в дом, заказываем ужин, а я всё продолжаю рассказывать, увлекаясь и как будто переживая всё это заново. С Марин мне это приятно. Она как будто проживает вместе со мной всё, что было, удивляясь и всё время расспрашивая. И вопросы задаёт интересные - не столько про саму обстановку Подземелья, сколько про людей. «Почему

Лёха не стал бандитом?». «Что обычно смотрят по телевизору?». «Как жители восьмого круга представляют себе богов?». И тому подобное.

Ужин мы съедаем, почти не заметив (хотя он был очень вкусный!). Я рассказываю о том, как познакомился с Алмазом и как выиграл у него в покер. Марин в полном восторге!

— А почему Свин не играл?

— Ну, не все играют в карты. Я никогда не спрашивал у Свина, но наверное он стремается, что подсядет. Многие ведь оказываются в канаве после того, как втягиваются в азартные игры.

— Да… в *Полисе* азартные игры запрещены.

— Правда? Ну… слушай… это, наверное, правильно… Не от хорошей жизни же всё это… Ну вот, Алмаз мне и говорит: «Знаешь, парень. Есть такое боевое искусство. Ай… ай…»

— Айкидо!

— Точно! Айкидо. И вот то, что ты со мной сделал сейчас - это было айкидо.

Я рассказываю, как Алмаз согласился стать моим спонсором. Рассказываю, как мы поехали на турнир. Марин ложится на диван головой ко мне, а я сижу рядом на стуле и объясняю, как мы ехали на седьмой круг. Весь наш маршрут - под мост, затем мимо кирпичного завода, до крематория. Потом рассказываю про перестрелку, и Марин глядит на меня, выпучив глаза и прикрывая рот ладонью. Наконец, я рассказываю, как мы добрались, как я заселился в казино, как я сделал паспорт! Потом - про свои новые знакомства: с Гариком, с Тиграном. Ну и с Серым тоже. Марин молчит и больше не смотрит на меня. Я приподнимаюсь, заглядываю ей в лицо и вижу… что она уснула! Она лежит, обняв подушку и закрыв глаза. На лице - улыбка.

Я встаю со стула, стараясь не издать ни звука. Становлюсь перед диваном, чтобы посмотреть на это чудо: она спит и улыбается во сне! В Подземелье я ни разу не видел, чтобы кто-то во сне улыбался. И вообще… я там не видел никого, даже близко похожего на Марин. Хочется сесть рядом, на диван. Погладить по голове. Поцеловать в макушку. Сказать: «Спи, моя радость!». Всего этого я, конечно, сделать не могу. Но всё-таки… всё-таки поухаживаю за ней немного.

Я иду в одну из комнат, которая не моя, беру одеяло, подхожу и осторожно накрываю прикарнувшую на диване хозяйку. Слегка пошевелившись, она тихонько вздыхает, продолжая смотреть свои разноцветные небесные сны.

Я просыпаюсь от первых утренних лучей, ласкающих меня через окно. Здорово, что я с восточной стороны! Сладко потягиваюсь и спрыгиваю с кровати. Одеваюсь. Иду умыться и отлить. Выхожу на кухню. В доме тихо. Небо светлеет. Над голубым горизонтом ни облачка. Хорошая погодка будет сегодня! Осторожно открываю дверь и выхожу на улицу. Какое утро, боже мой! Какие запахи, какой ласковый ветерок, какая тишина! Что-то в ней есть особенное… утреннее… И как мы только живём без этого там, внизу?…

Напяливаю маску с очками. Обхожу вокруг дома. Стою, гляжу на горизонт и встречаю рассвет. Шарюсь в кармане и достаю сигареты. Хотя нет - днём покурю. Сейчас и так хорошо, а сиги надо беречь. Одна в день, Маркос. Одна в день.

Разминаю шею и потряхиваю конечностями. Опускаюсь на корточки, снимаю маску, и вдыхаю запах земли и травы. Замечаю рядом огромного зелёного… кузнечика. Офигеть… Я их живыми никогда и не видел!

Поднимаюсь и возвращаюсь в дом. Надо бы кофейку! Но включать кофеварку мне совсем не хочется - она будет шуметь и, может быть, разбудит Марин. Шарюсь по кухонным ящикам и нахожу чёрный чай в пакетиках. Электрический чайник включается знакомым мне жестом, а вода закипает очень быстро. Я уже завариваю пакетик в большой белой чашке, сидя за столом, когда с лестницы раздаются мягкие шаги. Оборачиваюсь. Марин спускается вниз в обтягивающем спортивном костюме и беговых кроссовках.

— Доброе утро, Маркос!

— …У нас внизу так никогда не говорят, - отвечаю, улыбнувшись. - Привет.

— Я… заснула вчера, да? Прости. Было так интересно, но… что-то столько всего за день случилось…

— Не извиняйся. Это было очень забавно! А ты, смотрю, ночью-то таки перебралась к себе наверх.

— Да… заснуть на диване - это так себе идея. Просыпаешься потом, словно тебя били. Кажется, я немного не доспала… - говорит она, зевая. - Как я выгляжу?

Я поднимаю на неё удивлённые глаза, офигев от вопроса:

— Как ты выглядишь?… Ужасно.

— Что?? - вспыхивает Марин, подняв брови.

Она делает шаг к столу, поднимая руку и собираясь то ли шутливо стукнуть меня, то ли ущипнуть, но я поднимаю палец:

— Никаких прикосновений! Забыла, что-ли?

— Ах так!

Она хватает подушку с дивана, но я говорю:

— Чай прольётся.

— Да ты… ты… Ладно, я это запомню, *субкханд**а**ри*!

— Ты на пробежку что-ль?

— Ага. Хочешь со мной?

— Хорошая попытка выманить меня из дома. Но нет. Мне там, внизу этого всего вот так хватило. Так что беги одна. Хорошего «бегистотиса».

— *Б**о**нэ б**э**госэ.*

— Ну почти угадал.

— Угу, - издевательски кивает *гранд**а**ли.*

Она открывает дверь, уже собираясь уйти, как вдруг я вспоминаю кое-что.

— Марин! А эти заострённые уши у половины вашего населения - это с такими рождаются или делают?

— Делают. Это называется ***э**ариси **э**лфис* - эльфийские уши. Это наш… *мал**э**нтис-т**о**тис соци**а**лис*. Всё, убегаю! А то опоздаю в школу.

И она исчезает за дверью. Ох и фигурка у неё! «Как я выгляжу?». Я и слов-то таких не знаю, Марин… И никакая она не оторва, как мне вначале показалось. Вполне приличная девочка. В школу ходит, бегает по утрам… Ладно, закатай губу, *субкхранд**а**ри*! Но что же это она такое сказала? *Малэнтис… малэнтис…*

— Гермес, ты слышал, что сказала Марин?

— Доброе утро, дорогой! Нет, я спал. Ничего не слышал.

— Скажи: что такое *мал**э**нтис-т**о**тис соци**а**лис*?

— *Мал**э**нтис-т**о**тис соци**а**лис* в переводе означает «социальное заболевание». Это набор злокачественных социальных генов, под воздействием которых общество систематически действует себе во вред. Примерами социальных заболеваний являются: коррупция, диктатура, расизм, нацизм, религиозный экстремизм…

— Погоди. Я спрашивал *гранд**а**ли* про заострённые уши - ***э**ариси **э**лфис*. И она мне сказала, что это ваш *мал**э**нтис-т**о**тис соци**а**лис*.

— А! Вероятно, *гранд**а**ли* пошутила, имея в виду, что это захватившая всех мода, из-за которой все сходят с ума. Фраза *мал**э**нтис-т**о**тис соци**а**лис* используется и с таким значением тоже, но первоначальный смысл я тебе объяснил.

— М-м, понятно, - говорю, прихлёбывая чай из кружки. - Слушай, а сделай-ка кофе! Чай, всё-таки, не мой напиток.

— Легко!

Раздаётся шум кофе-машины. Кухня наполняется запахом свежих зёрен. В чашку струится утренний заряд бодрости для меня.

— Скажи, - говорю своему электронному приятелю, дождавшись, когда кофе-машина умолкнет, - а что это за социальные гены, про которые ты в начале говорил?

— *Социальные гены* или *мемы* - понятие, введённое британским эволюционным биологом Ричардом Докинзом в конце двадцатого века. Означает устойчивые идеи, передающиеся от одного индивида к другому и обладающие всеми признаками биологических генов. Они копируются, проходят естественный отбор, видоизменяются и мутируют, а также,

конкурируют между собой. Например, идея о том, что надо пить кофе по утрам - это социальный ген. Идея, что заострённые уши - это модно и их стоит носить - это тоже социальный ген. Социальные гены живут в людях точно так же, как биологические, и также влияют на их поведение. Каждый человек является носителем большого множества социальных генов, и при общении эти гены стремятся распространиться и перейти к другим индивидам.

— Хм… прям как вирус какой-то…

— Да, но вирус - это уже как раз больше про социальные заболевания.

— М-м, это, кстати, интересная штука. Ты вот сказал: коррупция, да? Диктатура… расизм… что там ещё?

— Религиозный экстремизм.

— Да, точно. Так вот, братишка, у нас в Подземелье всё это есть! Бери, сколько хочешь! Коррупция - пожалуйста! Диктатура - пожалуйста! Нацизм - да на здоровье! Получается, мы… как ты там сказал? «Систематически действуем себе во вред»?

— Получается так, братуха…

— Хм, мда… - говорю я, почёсывая подбородок и потягивая кофеёк. - Я вот всё думал: что ж мы так дерьмово живём-то? И при том, как будто всё хуже и хуже. Так это, получается, из-за этих самых… социальных заболеваний, так что-ли? А как их вылечить-то? Есть от них таблетка? Или порошок?

— Лечение социальных заболеваний - это сложное и тонкое искусство. На эту тему написано огромное количество научных работ, но каждый случай требует индивидуального подхода и тщательного исследования. Точно так же, как с обычными вирусами - для каждой разновидности нужны свои антитела, а произвести их можно лишь после долгой и кропотливой научной работы.

— Ух, наверное, умные чуваки этим занимаются, да?

— Ещё как, братишка! Умнее, чем сто калькуляторов! Само понятие социального заболевания впервые введено Георгием Тэлиа[9]. Он считается основоположником социальной генетики. Это сейчас большая научная дисциплина, в которой задействовано огромное множество талантливых учёных. Георгий Тэлиа является основателем *Полиса*. Ну, вдруг ты не знал.

Бабах!!!

Я едва не роняю чашку из рук.

— Чего-чего??? Георгий Тэлиа - основатель *Полиса*? А ну, давай-ка, выкладывай про него всё, что у тебя есть!

---

[9]В русской транскрипции обычно «Телия», но здесь транскрибировано ближе к оригинальному языку (грузинскому) и к полисовскому произношению.

— Да пожалуйста! Тебе видео или статьи?

— Э-э-э… видео… не знаю. Давай что-нибудь текстом! Только на нашем!

— Вот статья про Георгия Тэлиа из Открытой Энциклопедии. Это тебе для начала.

На стене появляется текст и фотография. На фото - мужик с густой чёрной бородой яростно таращит глаза, подняв вверх здоровенную волосатую ручищу. Вот, значит, ты какой, Георгий Тэлиа, основатель *Полиса*. Кто ж тебя так разозлил, родной? Ну давай почитаем про тебя… Так, родился, умер… Основал, это понятно… Доктор социальных наук, почётный профессор в нескольких университетах мира… Также основатель и главный акционер международной компании «Интелиа» - мало того, что умный, так ещё и бизнесом занимался. Неплохо, неплохо… Непростой ты кадр, Георгий. Ну-ка, что там дальше?…

Детство и юность. «Родился и вырос в небольшом горном селе в старой Грузии. Жил крайне бедно. Отец умер от лихорадки, старший брат - от голода. Вооружённые конфликты с соседними регионами также были регулярными…» Георгий, да ты прям, как я! Тоже родом из жопы мира! Хе-хе, надо же… Так, дальше. «Учился в средней школе города Цаленджиха. Был лучшим учеником во всей школе. Дорога из села занимала 3 часа в одну сторону. Однажды был ранен бандитами по дороге домой и выжил чудом.» Во как! К знаниям тянулся! К успеху шёл! Ай да молодец!

«Рассказывают, что после смерти брата Георгий публично поклялся прочитать все книги в своём селе и во всех соседних сёлах. К 13-ти годам он свою клятву выполнил.» Пацан сказал - пацан сделал. «Я мечтал о том, чтобы слушать птиц, не желая их съесть.» - цитата из Георгия, воспоминания о юности. Сурово. «В соседнем селе завёл знакомство с Бекой Иванидзе - будущим известным предпринимателем раннего *Полиса* и основателем фонда Муншот Кэпитал.» - во повезло-то со знакомством этому Беке! «В 15 лет Георгий помог местной банде города Цаленджиха, составив главарю банды речь для выступления перед горожанами», - ни хрена себе! Пятнадцатилетний пацан - и составил речь! Для авторитета! Ну Георгий!…

Возвращается с пробежки Марин. На её щеках румянец, а на лице - радость.

— Фуф! На улице опять сильный ветер. О-о, ты читаешь про *Гиоргиоса*!

— Да, про основателя *Полиса*.

— Ну и как он тебе?

— …Какой-то нереально крутой мужик. Но я только начал.

— Поняла. Побегу переодеваться - и в школу. Не скучай! Хотя, я вижу, что ты не скучаешь…

Да тут такая история, Марин… Не соскучишься. Так, что дальше? «В 17 лет отправился поступать в университет города Тбилиси», - это где такое?

— Слышь, Гермес, чё за город Тбилиси? Где это?

— Это самый крупный город в старой Грузии. Был столицей во времена, когда Грузия была государством.

— Была государством? А сейчас это не государство?

— Некоторые из местных считают, что государство. Но наша политическая наука относит весь кавказский регион к категории так называемых «красных морей». Это территория тотального беззакония и непрекращающихся вооружённых конфликтов, с полным провалом государственных институтов управления.

— Как Подземелье…

— Вроде того. Но даже Подземелье больше похоже на государство, чем красные моря, хотя, конечно, им тоже не является.

Я веду рукой вверх, и текст на стене послушно перематывается. Итак, в 17 лет он отправился в Тбилиси. «Дорога была опасной. Для маскировки Георгий оделся в рясу, чтобы быть похожим на монаха. Денег с собой не брал, оружия тоже.» Рисковый парень. Может быть даже ещё более рисковый, чем я. Ну и уж точно более смышлённый - тут и сравнивать нечего! Так, дошёл целым… И поступил. Ну кто бы сомневался! Удивительно, что там вообще был университет…

— Гермес, а какие вообще могли быть университеты в красном море?

— В те времена на Кавказе было гораздо спокойнее. Остатки высшего образования ещё существовали, и Георгий застал это время.

— Запрыгнул в последний вагон?

— Типа того.

— Понятно. Так…

Учёба и научная деятельность. «С самого начала своего студенчества Георгий проявлял особый интерес к социальным наукам.»

— Что за «социальные науки», Гермес?

— Социология, демография, политология - науки о человеческом обществе.

— Ого… Я и не знал, что такие есть. Значит, вот чем он решил заняться…

«Сам будучи православным христианином, Георгий с интересом изучал религии - христианство, ислам, индуизм, иудаизм, а также социальные и философские учения - марксизм и его ответвления, буддизм, даосизм, стоицизм. Также интересовался политической историей и структурой социальных институтов в разных странах. Очень подробно изучал историю Римской империи и римское право.» Как много всего… Столько слов незнакомых! Так… в 21 год защитил магистерскую работу на тему «Социальные последствия Большой Войны».

— А он уже после войны родился, да, Гермес?

— Георгий Тэлиа родился за пару лет до войны.

— То есть… огрёб по-полной.

— Да… по самые помидоры.

Так, что там дальше… В Тбилисском университете Георгий познакомился с Павлом Пташеком - математиком и будущим соратником и коллегой. После защиты магистерской был приглашён в Парижский университет «Сорбонна» и отправился туда. Цитата из Георгия: «Полноценно заниматься наукой можно только когда есть безопасность и свобода. На территории красных морей нет ни того, ни другого.» Безопасность и свобода… чёрт возьми… ведь я думал ровно об этом же! Он словно читает мои мысли. Или я его…

Так, дальше куча непонятных мне слов… Такие науки, сякие науки, диссертации…

— Гермес, что такое диссертация?

Я пытаюсь осознать написанное, насколько могу. К счастью, у меня есть хороший помощник! Такой, что лучше и не придумаешь. Каждое понятие он объясняет мне, как идиоту, и разжёвывает до основания. И даже не думает смеяться надо мной и над тупизной моих вопросов.

«В Сорбонне Георгий познакомился с Фатимой аль-Фахми. Сам он говорил, что это знакомство кардинально перевернуло его взгляд на религии и веру, “да и многое другое тоже»”. Интересные дела…

— Гермес, а что за Фатима аль-Фахми?

— Известная учёная, родом из Саудовской Аравии. Атеистка.

— То есть, не верила в бога?

— Нет, не верила. Вся семья прокляла её за это, а брат поклялся зарезать, и клятву свою в итоге исполнил. Там… сложная история, одновременно печальная и вдохновляющая.

— А «перевернуло взгляд на веру» - это что значит? Он тоже перестал верить в бога?

— Он…

На некоторое время в доме повисает тишина. Робот думает.

— …Он договорился с богом. Наверное, так лучше всего сказать. Он со всеми умел договариваться, и с богом в том числе.

— Ну ты завернул…

— Кручу-верчу, запутать хочу.

— Не, погоди, я и без тебя запутаюсь. А ну, промотаю-ка немного… О! «Предпринимательская деятельность»! Самое интересное! Ну-ка, чё он там мутил?

Предпринимательская деятельность… «Является основателем международной компании “Интелиа», просуществовавшей несколько десятилетий и поглощённой в итоге Агентством Международных Связей *Полиса*”… «Обретённые в Тбилиси и Сорбонне научные знания стали быстро приносить плоды… Георгий… занялся консультированием по социальным вопросам.» «Активно применял теорию социальных генов…» «Разработал

специализированный теоретико-практический аппарат, превратившийся в итоге в науку под названием “социальная генетика»”, - ага, вот оно откуда взялось! Так, ну и что… Вижу… Зарабатывал немеряно. Стоимость консультаций быстро росла… От консультирования частных компаний перешёл к международному консалтингу - давал советы целым государствам! Причём многим и разным.

— А что за советы, Гермес? Речи писал?

— Хех, братишка! Речи - это малая часть того, что делал Георгий. Как насчёт урегулирования военных конфликтов, например?

— Занимался этим, да?

— Да, и не только. После войны появилось очень много государств и территорий, считающих себя государствами. Многие из них были раньше частями одной страны, и у них постоянно возникали (и возникают) различные… тёрки.

— И он, типа, как разводящий работал?

— Ну типа того, да.

— И бабок на этом поднимал солидных?

— Целые паровозы! А ещё, например, представь: ты крупное государство, которому надо поглотить более мелкое. Но как-нибудь так, чтоб поменьше возни. Ну, чтоб сами захотели и не сопротивлялись. И как ты думаешь, кто приходил на помощь?

— Наш бородатый супермен?

— Он самый! И его компания, в которой работали десятки аналитиков, статистиков, психологов, и чёрт знает кого ещё! Они выясняли, какой социальный ген нужно внедрить, чтобы поглощение прошло гладко и без волнений. Ну и много всего ещё. Пропагандой, например, тоже занимались - очень ходовой был товар! Ну и, конечно, сложные случаи многолетней межнациональной и религиозной розни. Особенно религиозной! Это была любимая тема Гиоргиоса, он в это погружался с головой!

— Вот оно, значит, как…

Я листаю раздел про бизнес и про «Интелиа». Цифры доходов Георгия, приведённые там, мне ни о чём не говорят, но я спрашиваю Гермеса и понимаю: деньги там были космические. За десять лет деятельности «Интелиа» Георгий смог попасть в список Форбс - не знаю, что за список, но, видимо, самых богатых и крутых. Гермес рассказывает мне много весёлых (и не очень) историй из деловой жизни Телиа. Удивительный, конечно, персонаж! Цитата из Луи де Грие, учёного-физика и соратника Георгия: «Он становился другим человеком, когда рассуждал о социальных феноменах. Он фокусировался и сосредотачивался, глядел сквозь пространство и, казалось, сквозь время. У него менялся голос. Про объект своего исследования - а это всегда были люди, общества - он говорил мягко и ласково, словно рассуждал о детях, в то же время саркастично, и с известным юмором,

не всегда добрым. Но и в голосе, и во взгляде его неизменно ощущалось глубочайшее сострадание к рассматриваемым людям и к человечеству в целом.»

Я кручу дальше вниз и дохожу до раздела «Основание *Полиса*». Надо перекурить! Шарюсь в кармане и нащупываю заветную пачку. В ней 19 сигарет. Сейчас покурю - и будет 18.

Надеваю очки, накидываю капюшон и выхожу на крыльцо. Озираюсь, чтоб убедиться, что никто не видит. Закуриваю. Хорошо!... Только ветер сильный, но не как в тот раз, когда мы ездили за пистолетом. Солнце приятно греет лицо. Сажусь на ступеньки и с наслаждением попыхиваю своей подземельной сигареткой. Хочется раздеться догола и загорать, но я знаю, что делать этого нельзя - мои наколки меня выдадут. Поэтому просто сижу и разглядываю синее небо и плывущие по нему белые облака. Какой же кайф! Как будто я в раю, на небесах! Только под ногами вместо пушистой облачной перины зелёная травка, а в ней... кузнечик. Опять кузнечик! Какие же они тут здоровые и мясистые! Поднимаюсь со ступенек, осторожно, как кошка, подкрадываюсь к ничего не подозревающему насекомому и - хвать!!! Он в моей руке. Рядом ещё один. Хвать!!! Теперь их у меня двое. Да их ловить проще простого! Они почти такие же тупые, как лягушки.

И тут в моей больной субкхранской голове возникает идея...

Быстро докуриваю и иду в дом.

— Гермес, братишка, а есть в доме большая стеклянная банка?

— Нет, дорогой. А тебе для чего? Может, пластиковый контейнер подойдёт? Посмотри в нижнем ящике, по соседству с урной.

Заглядываю в ящик и вижу именно то, что мне и нужно - большой пластмассовый контейнер с крышкой. Кидаю туда двух кузнечиков.

— Гермес, мне нужна сковородка, растительное масло, лопатка для жарки и приправы. Скажи, что из этого есть у нас?

— Сковородка есть, а всё остальное надо заказывать. *Гранд**а**ли* никогда не готовит сама.

— А дорого выйдет?

— Шутишь, братан? Понты одни!

— Заказывай тогда! Будем готовить субкхранское блюдо!

— Ты в готовке смекаешь??

— А то!

— Да ты чё? Вау, уважуха... А какие приправы нужны?

Быстренько выбрав приправы и сделав заказ, отправляюсь на охоту. Воровато поглядывая по сторонам, ловлю одного кузнечика за другим и бросаю их в контейнер. Увлекательное дело! Кузнечики мягкие и нежные на ощупь. Их, пади, и чистить-то не надо - можно так есть, целиком. Посмотрим. Не знаю, что получится, но это явно будет вкуснее, чем

тараканы! А ведь тараканов можно очень сносно приготовить. Тут всё дело в приправах, а с ними здесь проблем никаких нет.

Замечаю, как прилетает дрон с моим заказом, выгружает его в приёмник и быстро улетает прочь. Но пусть заказ полежит немного - я слишком увлечён охотой!

Проходит, наверное, с полчаса - и у меня контейнер набит почти до краёв. Добыча ёрзает и шевелится в нём, возя лапками по прозрачным стенкам своей тюрьмы. Пожалуй, хватит. Несу контейнер в дом и кладу его в морозилку - надо заморозить эту ораву, чтобы во время жарки насекомые не разлетелись по квартире (за такое мне Марин спасибо точно не скажет). Иду разбирать заказ и вдруг вспоминаю: у меня же есть перечная смесь! Секретный ингредиент, прямиком из Поздемелья! Ну это будет просто бомбическое блюдо!

Я как раз закончил с готовкой и прибираюсь на кухне, когда домой возвращается Марин.

— М-м-м! Вкусно пахнет!

Хозяйка замечает сковороду на плите, накрытую запотевшей стеклянной крышкой.

— Ты что-то приготовил?? - в изумлении говорит она.

— Ага… Фирменное подземельное блюдо.

— Да ты что!! Ты… умеешь готовить??

— Хех, Гермес тоже удивлялся. Ну а как иначе? Там по-другому не выжить.

Марин подходит к плите, глядя на сковородку, как на чудо.

— Запах какой… м-м-м… аж слюнки текут! А что там?

Я с гордым видом подхожу к сковороде и берусь за ручку крышки:

— Готова?

— *К**а**о!*

— Раз… два… три!

Я поднимаю крышку. Из сковородки выходит пар. Марин нужна пара секунд, чтобы осознать, что она видит, но как только до неё доходит…

— А-а-а-а-а!!!!!!!!!

Визг поднимается такой, что, кажется, сейчас стёкла треснут! Она пятится и машет ладонями, словно отмахиваясь от роя кузнечиков, которые сейчас налетят на неё и начнут грызть:

— *Тэос м**и**о!!!!! Сиэлис-т**о**тис!!!* Убери это отсюда!!! Боже!!! Какой кошмар!!!

— Тише, тише, Марин… они… они не живые. Они… жареные, в растительном масле, с приправами.

— Тем более!!!

Она зыркает на меня остекленевшим взглядом, переходя от ужаса к гневу:

— Маркос. Убери это из моего дома. Немедленно!

— В смысле? Выкинуть?

— Да! Выкинуть! И прямо сейчас!

Я смотрю в её голубые глаза. Между нами - немой поединок.

— Я не буду выкидывать еду, - отвечаю я ей тем же голосом.

— Ты обязан делать то, что я требую. Ты обещал.

— …Тогда я ухожу.

Я направляюсь к выходу и, оказавшись у двери, оглядываюсь на Марин. Её гнев сменился удивлением.

— Маркос, - произносит она уже совсем другим голосом. В нём сомнение и тревога. В нём - готовность проиграть.

— Тебе ведь интересна моя история, - говорю, развернувшись и медленно подходя к ней, словно рыцарь к крепости. - Ты хочешь знать, как мы там живём, в Подземелье, да? Хочешь полного погружения. Вот тебе полное погружение! - оказавшись рядом с ней, я тыкаю пальцем в сковородку. - Это тебе не твои дебильные киношки про *Субкхран*! Посмотри. Посмотри, не отворачивайся! Это блюдо в Подземелье - деликатес! О нём бы мечтал любой на восьмом круге. Мы жрём тараканов, а кузнечики у нас не водятся, потому что они траву любят! А трава у нас почти не растёт. Подойди… Подойди и посмотри. Они тебя не укусят.

— О боже…

Она морщится и делает жалобное лицо, но всё-таки подходит ближе. А я продолжаю:

— Ты живёшь на восьмом круге в жалкой лачуге с дырявой крышей. Ты - мать двоих детей. Твой муженёк позавчера склеил ласты то ли от бухла, то ли от наркоты, и теперь ты одна с детьми. Работы у тебя нет, денег - тоже. Тебе надо срочно - срочно!! - искать работу. Бежать и искать! Кем угодно! Хоть уборщицей, хоть шлюхой - тебе нужны деньги! Сегодня! Сейчас! Но для того, чтобы их заработать, тебе надо похавать чего-нибудь, потому что ты не жрала уже два дня. А кроме насекомых у тебя ничего нет, потому что в кармане так же пусто, как в желудке. А если ты сейчас не пожрёшь, то рухнешь в обморок и сдохнешь от голода, и твои дети - следом за тобой.

Она смотрит на жареных кузнечиков в сковородке и её губы трясутся. Я приближаю своё лицо близко-близко к её щеке, чувствуя аромат её волос и, кажется, слыша, как бьётся её взволнованное сердце, и тихо, но очень настойчиво, полушёпотом говорю ей прямо в ухо:

— Жри.

Она вздрагивает, корчит плаксивую гримасу и, словно рыдая, жалобно пищит, зажмурившись:

— *Тэос м**и**о!!!*

Но потом сосредотачивается. Делает несколько тяжёлых вдохов-выдохов, словно готовясь прыгнуть в яму со змеями. Замирает на пару секунд. И вдруг мгновенно хватает кузнечика из сковородки и суёт себе в рот! Она со всей силы зажимает рот ладонями, будто боясь, что её сейчас вытошнит, и брезгливо зажмуривается. Но проходит ещё пара секунд - и её брови расслабляются. Марин открывает глаза, медленно поворачивает ко мне изумлённый взгляд, и сквозь прижатые ладони полушепчет:

— Вкусно…

Я сразу понял, что эти кузнечики - идеальная закуска к пиву! Мы заказали по паре бутылочек. Залетает, как родное! Мы сидим на диване, попиваем пивко с фирменной подземельной закуской, смотрим по телеку какую-то фигню, а я продолжаю рассказывать Марин о своих похождениях в Подземелье и вдруг понимаю, что вот так я и хочу жить! Не, ну работать ещё, конечно, где-нибудь. Причём пофиг, где: хоть грузчиком, хоть разнорабочим, хоть сортиры чистить - не важно! Просто жить в этом месте, дружить с кем-нибудь из местных, как вот с Марин, например. Пусть я буду для них тем самым слегка недоделанным придурковатым «другом», о котором надо заботиться, и которым можно хвалиться. Отлично! Мне это подойдёт! Пусть я буду здесь в самом низу. Этот низ - гораздо выше, чем любой верх, которого я мог бы достичь в Подземелье. Кстати…

— Кстати, Марин: а этот дом - твой или ты его… снимаешь?

— Я его арендую.

— Одна?

— Ага.

— Вау! У тебя, видать, богатые предки, раз ты такое можешь себе позволить.

— Предки? - улыбается Марин.

— Ну… родители.

Она смотрит на меня каким-то странным, сочувствующим взглядом:

— Маркос, у меня… нет родителей.

— …Ты… сирота???…

Ничё не понимаю. Родителей нет, но снимает себе целый домище. Что-то не сходится…

— …У тебя… наследство? - продолжаю я.

Но она по-прежнему смотрит на меня всё тем же странным взглядом:

— Нет, Маркос. Родителей у меня нет и никогда не было. Как и у любого из нас.

— Что?…

— Мы не рождаемся, как обычные люди, Маркос. Нас выращивают из яйцеклеток в специальной лаборатории.

Мне нужно время, чтобы переварить. И тут я всё понимаю:

— …А-а-а! В лаборатории! Ну да, - понимающе киваю я. - В таких специальных стеклянных банках с питательным раствором. И еду доставляют в животик через резиновую трубочку.

— Почти, - спокойно улыбается Марин. - Только не в стеклянных банках, а в специальных мешочках, имитирующих матку. А мешочек - да в растворе, но внутри светонепроницаемого контейнера.

— Ладно, хорош свистеть, *гранд**а**ли*! Я вижу, что с фантазией у тебя всё в порядке! Но после зелёных меня уже ничем не возьмёшь.

Марин вздыхает, продолжая сочувственно смотреть на меня:

— Хэрмэс, покажи Маркосу, как рождаются на свет граждане полиса.

Картинка на стене меняется, и я вижу лабораторию. Люди в голубоватых костюмах. Пробирки, какие-то сложные аппараты и куча оборудования вокруг. «Вы видите лабораторию антропогенеза компании “Алумни». Лаборанты проводят первый этап антропогенеза. Из генетического банка берутся половые клетки и соединяются, создавая эмбрион…”, - спокойно вещает голос из телевизора, а моя челюсть опускается всё ниже и ниже. «Эмбрион помещается в маточную сумку, в которой он будет находиться до полного созревания.» На экране показывают то самый мешочек и трубку. Через неё вводят эмбрион. Потом показывают те самые «контейнеры». Они похожи на большие кастрюли и стоят рядами, в них заведена куча трубок, и где-то там, внутри них… растут… люди…

— …И ты… - мычу я, в полном офигении глядя на Марин, - ты вон там выросла??

— Ага, - мило улыбается она, как ни в чём не бывало. - Как я получилась, ничего?

— …Почти как настоящая… - бубню я в ответ, а она смеётся своим звонким смехом.

«Обмен веществ в эмбрионе осуществляется следующим образом…»

— Гермес, братишка, останови, - умоляю я. - Надо… переварить. *С**о**мниди.*

Я заливаю в себя очередную порцию пива и заедаю кузнечиком. Пиво у них годное! Чёрт, но как же это… Ну хорошо…

— Хорошо! - поднимаю я руку, покачиваясь и будучи уже не вполне трезвым.
• Хорошо, допустим. Допустим! Тебя вырастили в этой лаборатории, как

цыплёнка в инкубаторе, и всех друзей твоих тоже. Окей! Но… кто вас воспитывал тогда?

— Нас воспитывал *Полис.*

— *Полис*? Это как?

Марин вздыхает, собираясь с силами:

— Сразу после рождения все граждане *Полиса* отправляются в школу.

— В школу??

— Да. В *ск**о**ла пост-н**а**тис*. Там они проводят первые пять лет своей жизни, находясь под наблюдением специально обученных… э-э-э… педагогов.

— Кого??

— Ну, воспитателей. Они заботятся о детях, играют с ними в развивающие игры, учат их простейшим навыкам и так далее. Каждый ребёнок получает столько внимания, сколько ему нужно. А на шестой год дети отправляются уже в обычную школу - *ск**о**ла рэгул**а**рис* - и там учатся до восемнадцати лет.

— А живут где?…

— В школе. У каждой школы есть *к**а**мпуси*, где есть всё необходимое для комфортной и дружной жизни граждан *Полиса*.

— Но ведь ты всё ещё учишься? Как же ты живешь не в школе?

— М-м-м… так… тут сперва надо объяснить про *рэдитос-т**о**тис б**а**зис*… Смотри, - говорит Марин, растопырив пальцы и глядя исподлобья. - У каждого гражданина *Полиса*, с самого рождения, есть *рэдитос-т**о**тис б**а**зис* - базовый доход. Это деньги, которые ему перечисляет *Полис*.

— Деньги? Перечисляет *Полис*? За что?

— Ну… за то, что он гражданин. За то, что он есть.

Моргаю глазами изо всех сил:

— За то, что он есть… И много?

— Э-э-э… ну-у… не то, чтобы, но… снять такой дом хватит, - обводит она глазами вокруг, пока я нахожусь в полном ступоре. - Так вот. Первые пять лет жизни весь базовый доход гражданина забирает себе *ск**о**ла пост-н**а**тис* - это плата за образовательные услуги. Затем, когда гражданин переходит в *ск**о**ла рэгул**а**рис*, уже *она* забирает себе его доход в течение первых восьми классов.

— …А лаборатория не забирает ничего? - бубню я ватными губами, не очень веря в то, что слышу.

— Лаборатории платит *ск**о**ла пост-н**а**тис* за антропогенез, - тараторит Марин таким голосом, будто мы говорим о чём-то очень обычном.

— …То есть, за выращивание детей.

— Ну да, можно и так сказать, хи-хи!

— Рождение детей в *Полисе* - это бизнес??

— Да, и притом весьма прибыльный! Ну так вот. Начиная с девятого класса, граждане начинаю получать часть своего *рэдитос-т**о**тис б**а**зис* уже в свой собственный карман. С каждым следующим классом эта доля увеличивается, и вот, когда ты в одиннадцатом

классе, этих денег уже хватает, чтобы снимать собственное жильё. Но некоторые продолжают жить в кампусе. Как вот Элионор, например.

— То есть… когда ты закончишь школу, у тебя денег станет ещё больше?

— Да, весь мой *рэдитос-тотис базис* будет моим, - отвечает она с улыбкой, гордо задрав носик.

— И просто за то, что ты есть, *Полис* будет платить тебе столько, что ты сможешь жить в шикарном доме, не работая?

— …Ну, не то, чтобы в шикарном… но да.

Тут я уже не могу не материться. Из меня, против моей воли, выходит всё: вся грязь, вся боль Подземелья, темнота, сырость… Я не злюсь на Марин. Я даже не завидую ей. Я пытаюсь понять: как же так? Ведь это так близко. Ведь мы… мы же… соседи, считай! И всё так по-разному… Как же так?

— …Как же так?

— Маркос…

Ей хочется погладить меня по спине. Я это чувствую. Но она не может нарушить правила, которые сама же придумала. Или может?

— Маркос, я…

— Хех… теперь понятно, почему ты на меня так смотрела.

— Я понимаю, тебе, наверное, тяжело это слышать, зная как…

— Да, мне тяжело, - говорю я, вздохнув, откинувшись на диван и запрокинув руки за голову. - Но не от того, что я завидую, а от того, что я не понимаю.

— Не понимаешь что?

— Не понимаю, почему так? Почему есть *Полис* и Подземелье, кто нас так разделил и зачем? Ведь… мы ж вроде похожи, не? Такие же точно люди, две руки, две ноги… одна голова… и так по-разному живём. Просто в башку не лезет! - Я опрокидываю остаток пива в себя. - Гермес, братишка! Вот почему так, скажи мне, а?

— Что, дорогой? Прости, я спал.

13

Субкхран. Слово такое… неприятное. Как будто отхаркиваешь. И произносить тяжело. Может, это специально так задумано? Ну, чтоб лишний раз не говорить о нём. Чтоб желания не возникало. Я этой мыслишкой поделился с Марин. Она говорит: «Твоя гипотеза не лишена смысла». Удивительно, конечно, когда девочка, да ещё и с такой внешностью, выражается словами, которых я и не слыхал ни от кого, только в учебниках по физике читал. Удивительно и очень непривычно… «Разрыв шаблона», как на третьем круге говорят.

Просыпаюсь, как обычно, с первыми лучами солнца. Иду умываться и вижу, что мой «шаблон» весь красный, а вокруг глаз - белые круги по форме очков.

— Гермес, братишка, что со мной? - бормочу, глядя в зеркало на свою харю, которая вся - как нос алкоголика.

— Твоё лицо обгорело на солнце, дружище. Я сейчас закажу тебе крем, чтобы снять покраснение. Старайся не подставлять свою кожу под прямые солнечные лучи, она к ним не привыкла.

— Фигасе… Ладно. Спасибо, браток!

Иду на кухню. Шумлю кофемолкой. Хозяйка просила не тихариться особо по утрам. Ей мой утренний шум помогает начать просыпаться чуть раньше и не опаздывать в школу. Наливаю кофе. Беру булочку. Вспоминаю вдруг её название: «круассан»! Надо же! Память-то работает!

Выхожу на улицу и сажусь на крыльцо. Встречаю рассвет, потягивая бодрящий ароматный кофе. Кайфую. Еле сдерживаюсь, чтобы не закурить. Вижу на улице первых бегунов. К ним скоро присоединится Марин. Погода сегодня тихая, на небе - ни облачка.

Прилетает мой крем. Допив кофе, иду в дом. Намазываю морду, как следует. Обсуждаю завтрак с Гермесом. Долго мучаюсь выбором, и прошу моего приятеля заказать мне что-нибудь на свой вкус.

— Кстати, Гермес, не надо ли потеребить *гранд**а**ли*? Ей уже, вроде, вставать пора и на пробежку идти, не? А то проспит и в школу опоздает.

— Сегодня суббота, родной. Занятий в школе нет. Но насчёт пробежки я с тобой согласен.

— Ох, ё-маё! Уже суббота!

Время быстро летит в *Полисе*. Болтаю с Гермесом о том, о сём. Дожидаюсь завтрака. Как раз в это время спускается Марин:

— *Б**о**нэ матэнэ*, - сипит она заспанным голосом, но одета уже сразу для пробежки.

— И тебе доброе утро! - говорю, распаковывая бутерброд с сыром и беконом. - Ты сегодня не в школу? Будешь завтракать дома?

— Да. Но сперва пробегусь.

— Я тебя подожду.

— Да ну, зачем? Завтракай на здоровье!

— Не, давай вместе. Или ты брезгуешь завтракать с *субкхранд**а**ри*?

Марин хмурится на меня в ответ - «что за чушь!».

— Ну и отлично! - продолжаю я. - Что тебе заказать?

Она снисходительно улыбается:

— *Хэрм**э**с, пор к**о**лазэ м**э**ндо: сал**а**тэ мар**и**нас да **о**восиз Бэнэд**и**кти кон т**у**нэ.*

— *Кэй, гранд**а**ли*, - послушно отвечает робот.

А Марин подмигивает мне и удирает на пробежку.

— Да, Гермес… я пока так не могу, - решаю я поплакаться своему приятелю.

— Поясни, браток. Чего не можешь?

— Ну, балакать так ловко по-вашему. Чё она сказала, я ваще не въехал. Что-то на завтрак просила?

— Да, морской салат и яйца Бенедикт с тунцом.

— Нда… как там ваш язык называется?… дао… дао…

— *Даон**и**три.*

— Точняк! Интересно было бы… овладеть этим… *даон**и**три.*

— Ну так овладей, какие проблемы?

— Хех! Прикалываешься? Кто меня ему научит? *Гранд**а**ли*? Вот ей делать нечего!

— Почему *гранд**а**ли*? Я к твоим услугам.

— Ты???

Я чуть ли не вскакиваю из-за стола.

— Ну да. Или ты думаешь, я плохо знаю *даон**и**три*? - подтрунивает Гермес.

Чёрт, а ведь я даже и не подумал об этом! Робот знает язык, может поддерживать беседу, может учить… Может даже сам учиться!

— Слушай, да… В натуре… Ха-ха! Офигеть, во я тугой!…

— Ну так что, хочешь научиться?

— Святые колонны, конечно хочу!

— Когда готов начать?

— Сейчас!

— Вот это мотивация, бро! Вот это настрой! Ну, давай начнём!

На экране загораются буквы, расположенные рядами. На вид, почти как английские.

— Итак. Перед тобой - алфавит *даон**и**три.* Запомни самое главное: женская буква - «л», мужская - «р», нейтральная - «н».

Это я уже слышал от Марин. Но теперь я вижу буквы и слова. *Д**а**они* - человек. *Д**а**оли* - женщина. *Д**а**ори* - мужчина. *Даол**и**то* - девушка. *Даор**и**то* - юноша.

— …Это Эмиль называл меня *даор**и**то*… - бормочу вслух.

— Прости?

— Не-не, это так… Продолжай!

*К**а**о*, *а**н**то* - это я знаю. *Кэй* - это, типа, «окей» или «хорошо». Мы изучаем приветствия: *бонав**и**тас* или просто *б**о**на*, а также *б**о**нэ матэнэ* - «доброго утра» (слышал сегодня от Марин) и *б**о**нэ сэрэ* - «доброго вечера».

— Теперь давай про *т**о**тис*, - говорит Гермес. - Это слово ты уже наверняка слышал много раз.

— Постоянно, Гермес! Из каждого утюга!

— Само по себе слово означает: «существующая вещь». Ещё есть выражение: *эс т**о**тис э**р**ис*. Означает одобрение. Как бы: «это действительно что-то ст**о**ящее», «существенное».

— Типа: «это дело, братан!».

— Да. Но отдельно это слово редко используется…

Дальше он рассказывает мне то же, что рассказывала Марин. Ничего, повторение - мать учения. Но я вдруг вспоминаю *эрис* и перебиваю своего учителя, прося объяснить про него.

Э**рис* означает «он есть». Или «она есть» (хотя в этом случае некоторые говорят «эл**ис*»). Или «оно есть». Это слово добавляется у них во все предложения, говорящие кто кем является. В нашем подземельном языке мы эту штуку проглатываем и говорим просто «я человек», но *они* говорят: «я *есть* человек» - *мэй э**р**о д**а**они*.

— А почему *э**р**о*, а не *э**р**ис*?

— ***Э**рис* - это «он есть». ***Э**ро* - «я есть». Можно просто сказать «*д**а**они э**р**о*», пропустив *мэй* - и так понятно. И вообще, запомни: когда «я что-то делаю», глаголы заканчиваются на «о». *Мэй э**р**о* - я есть. *Мэй **а**во* - я имею. *Мэй в**э**но* - я иду. Мы с тобой это всё ещё изучим…

Котелок начинает плавиться. Но тут с пробежки возвращается Марин.

— Фуф! Какая сегодня прекрасная погода! Фэрос как будто специально заказал… Завтрак прибыл, да, Хэрмэс?

— Конечно, *гранд**а**ли*!

— Ох, а я и не заметил… - говорю.

Марин смотрит на экран:

— Что это? Глагол *э**р**эрэ*. Вы… учите *даон**и**три*???

— *К**а**о, гранд**а**ли*, - отвечаю с ковбойским видом.
- *Мэй* учо *даон**и**три*.

— *Эт**у**до*! - поправляет Гермес. - *Мэй эт**у**до*, «я учу». И не *даон**и**три*, а *даон**и**трэ*. Ты же склоняешь слово. А вообще, он молодец, *гранд**а**ли*. Быстро схватывает!

— Я знаю, - улыбается Марин, глядя на меня… по-особенному. Трудно объяснить, но мне от этого взгляда приятно, и в то же время не по себе.
• Пойду переоденусь - и завтракать!

Смотрю ей вслед, а Гермес тем временем продолжает:

— Давай я тебя спрошу: *ра дэоди ма*?

— Это… типа… чё значит?

— Я спросил: «что ты делаешь»?

— А… - мычу в ответ, глядя на фразу на экране.

— Давай разберём. *Ра* означает «что», *дэоди* - «ты делаешь».

— А *ма*?

— *Ма* - это вопросительное слово. Добавляешь его к любому утверждению и оно тут же превращается в вопрос. *Клэрэнто ма*?

— *…Клэрэнто.*

— *Биен! Эбо, ра дэоди ма?*

— *Мэй…* сидо и хаво… Я не знаю, как сказать!

— *Мэй аво…*

— *Мэй… аво…*

— Ну давай! Напряги мозги! Ты слышал это слово от *гранд**а**ли*!

— Э-э-э… про завтрак-то? Ну да… Только я забыл…

— *К**о**лазэ! Мэй **а**во к**о**лазэ!*

— Это, типа, «я имею завтрак»? Гы-гы!

— Да, только в Субкхране так не говорят, а говорят: «я завтракаю». Ох, туговат же ты, братец…

— Чё?! Завали хлебало, железка!

— Сам завали, мешок с костями!

Я слышу удивлённый голос Марин:

— Со мной он себе такого не позволяет.

Она спускается по ступенькам со второго этажа, в синих обтягивающих джинсах и в белом топе, с распущенными волосами. По гостиной разносится лёгкий, дразнящий аромат духов.

— Ну так ты-то - *гранд**а**ли*! - говорю, глядя на неё. - А я
• так… грязь из-под ногтей. Ты на завтрак, что-ли, так нарядилась

ма?

Марин посмеивается, сверкая голым животом:

— Нет, просто… есть кое-какие планы на сегодняшний день.

Она забирает завтрак из приёмника и садится ко мне за стол, изящно положив ногу на ногу. Я с наслаждением вгрызаюсь в бутерброд, а она отрезает ломтик красного мяса и макает в яичный желток.

— Тунец? - говорю.

— Ага.

— Это рыба такая?

— Хи-хи! Да. Я мясо почти не ем, зато много ем рыбы и морепродуктов. Хочешь попробовать?

— Конечно хочу! Я рыбу вообще никогда в жизни не ел!

Она уже начинает отрезать мне кусочек, и вдруг останавливается:

— Ты… никогда… не ел рыбу?

— Неа.

— И ты говорил, что у тебя аллергия на овощи.

— Ну да.

— А на рыбу у тебя аллергии нет?

— Да откуда ж я знаю, если я её не ел!

— Вот именно. Про отёк Квинке слышал?

— Про что???

— Хэрмэс, покажи отёк Квинке.

На экране появляется чьё-то лицо с распухшим языком, не помещающимся в рот.

— Божечки… Это от рыбы?

— И от неё в том числе. Достаточно маленького кусочка. Так что лучше не пробуй, пока не сдашь тест. Хэрмэс, убери.

— Ну ладно, чо… Мне и с беконом прекрасно живётся - никаких тунцов не надо!

Я жую бутерброд, наблюдая за тем, как ловко Марин управляется со своим завтраком. Она явно торопится.

— Гулять пойдёшь? - говорю.

— Ага.

— С подружками?

— Неа.

— А, ты говорила… Фэрэс или… Фэрос…

Раздаётся стук в дверь.

— Это он, - улыбается Марин, торопливо вытирая губы салфеткой.

Она встаёт из-за стола и направляется к двери.

— Надень маску и очки, - кидает она мне через плечо. - Быстро!

Но мне ничего говорить не надо - я уже в них. Стоило мне понять, кто пришёл - и я подпрыгиваю из-за стола, как ужаленный, уже несясь вокруг дивана к себе в комнату, но поздно. Дверь открывается. На пороге - мускулистый юноша в светлом пиджаке с сияющей улыбкой.

— *Бонав**и**тас, гранд**а**ли!* - объявляет он голосом телеведущего.

— *Б**о**на, прэчис!* - отвечает ему Марин, бросившись на шею и одарив поцелуйчиком в губы.

Я стою у дивана, замерев и глядя на Фэроса сквозь солнечные очки. Марин оборачивается:

— *Фэрос, эс М**а**ркос **э**рис, мио дрэго н**о**вэлис. М**а**ркос, эс **э**рис Фэрос.*

— *Бонав**и**тас!* - добродушно кидает мне Фэрос и машет ладонью.

— *Б… бонав**и**тас*, - кое-как бубню я в ответ через маску.

— ***А**урис, **у**нэ мин**у**тэ б**э**со - да вэнэ**о**м!* - щебечет Марин и убегает в умывалку, проскочив мимо меня.

Она даже не закрывает дверь. Раздаётся звук электрической зубной щётки.

Фэрос глядит на дверь, потом на меня, улыбнувшись и пожав плечами, и проходит прямо в обуви в зал и садится на диван. Они все ходят в обуви по дому. Кроме меня - мои кеды скромно стоят у двери. Никак не отвыкну.

— *Бонав**и**тас, Хэрм**э**с!* - говорит Фэрос своим звучным голосом в стену.

— *Бонав**и**тас, гранд**а**ри!* - дружелюбно отвечает робот.

Воспользовавшись тем, что он отвлёкся, я быстро шныряю в свою комнату и закрываю дверь. Сажусь на кровать. Ни черта не понимаю! Чё вообще происходит?! Этот Фэрос - он же явно парень Марин! По всем законам физики он должен был сейчас возить меня мордой по полу, выкрикивая самые грязные даонийские ругательства! Но нет! «*Бонав**и**тас*», да и всё тут. Он как будто бы был прям рад меня видеть!! Чёрт знает что… Так и хочется пойти к нему и спросить: «Слышь, Фэрос! А чё ты не бьёшь мне морду?».

— Интересные дела… - бормочу я едва слышно себе под нос в медицинскую маску.

Может, это из-за того, что я, типа, «с особенностями». Ну так это ж не сразу заметно. Я б на его месте даже внимания не обратил…

Слышу шаги.

— *Препар**а**нтэ **э**ро! Вэнэ**о**м ма?* - голос Марин.

Жду. Хлопает входная дверь. Кажется, они ушли. Осторожно выглядываю из своей комнаты, чтобы убедиться, что мы с Гермесом остались одни. Фуф… Так…

— Гермес, братишка, давай-ка разберём их диалог. Хорошее упражнение по *даон**и**три*!

— *Врэм**э**нто, бро!* И правда, братец! Давай!

Многие слова уже знакомы. *Вэнэ**о**м* - идём. *М**и**о дрэго но**в**элис* - мой новый друг. *Прэчис* - милый или драгоценный!

— ***У**нэ мин**у**тэ б**э**со?* - спрашивает Гермес.

— Э-э-э… про минуты что-то…

— Ну-ну-ну! Давай, включи свой мясной котелок!

— Типа… дай мне одну минуту?

— Ну вот! Молодец! Только не «дай», а «мне нужна». *Б**э**со*
- значит, «я нуждаюсь» или «мне нужно». ***У**нэ мин**у**тэ б**э**со - …*

— …Мне нужна одна минута.

— Красавец! Не такой уж ты и тугой.

Каким-то образом робот понял, что именно так меня и нужно учить! Хвалить за успехи и жёстко прессовать за тупняки. Не церемонясь. А ещё мы первым делом разбираем то, что мне нужно прямо сейчас. Правила тоже разбираем, но между делом, когда момент подвернулся, чтобы сразу увидеть их в действии. Да, такой учитель мне нравится!

— Слушай, Гермес, скажи: а почему Фэрос не набил мне рожу?

— …А он должен был?

— Ну он же парень Марин!

— …И что?

— Да в смысле «и что»!! Чужой хрен у неё в доме! За завтраком! Явно ночевал!

— Почему чужой? Ты же друг. И это её дом.

— …Ну да… хм… логично…

Становится сразу понятно, что Гермеса об этом спрашивать бесполезно. Он робот. Он много знает, но мало понимает. А я *субкхранд**а**ри*… Я мало знаю, а понимаю ещё меньше…

Неторопливо доедаю завтрак и прибираю со стола. Остатки завтрака Марин аккуратно складываю в холодильник. Снова один. Точнее, с Гермесом. Это становится для меня уже привычным делом. Чищу зубы. Навожу порядок, подчищаю и подтираю везде, куда могу добраться своими подземельными ручонками - пусть от меня будет хоть какой-то толк! На второй этаж, естественно, не иду - запрещено. Курительный позыв подавляю дополнительной чашкой кофе.

— Гермес!

— Ау!

— Давай дальше про Георгия Тэлиа. На чём я там остановился в тот раз?

— Пожалуйста, дорогой. Тебе почитать?

— Не, я сам.

На стене появляется статья про Тэлиа ровно на том месте, где я закончил в прошлый раз - «Основание Полиса». Самое интересное!

В таком-то году… «инициировал проект»… «Небесный Университет»… «Собрать вместе лучших учёных и предпринимателей со всего мира, чтобы»… Чтобы что? Чтобы «совершить прорыв в науке и технологиях, в котором, по его словам, человечество катастрофически нуждалось». Долго искал инвесторов, в итоге большую часть средств на строительство первого гексоса внёс из собственного фонда.

— Гермес, братишка, а «инвесторы» - это ж, вроде, те, кто вкладывает бабки, да?

— Да, родной, всё так.

— И, типа, с ними туго было, да? Никто не хотел в такую фигню вкладываться.

— Ну, в общем, да. Большинству эта идея казалась безумием. Но кое-кто нашёлся. Самым крупным соинвестором в тот период был Арсэниос Читрикиани.

— …А, во, вижу про инвесторов! Только там написано «Арсэн Читрикян».

— Да, это он.

Так, ну и что? «Собирал учёных со всех уголков планеты»… «Как самородки»… «За Денисом Егоровым - будущим главным конструктором фотонного реактора - отправился в сибирскую глушь»… «Исколесил пол-Индии»… «Аравийский полуостров»… «Северная и Южная Америки»… «Строительство начал на руинах исторического центра Москвы». Москва… я слышал и читал про этот город. Так Подземелье - это бывшая Москва?…

— Гермес, а кто ему позволил там строиться?

— Земля была выкуплена. Там было ядерное пепелище, дикий радиационный фон. Стоило недорого.

— Ага… а он, значит, решил сделать на сваях город высоко в небе… Хитр**о**!

…Строительство продолжалось пять лет… по проекту Марио Боз… Бозетти. Блин, ну и имячко…

— Слышь, Гермес, это, получается, пять лет первый гексос строился? Это ж капец как дофига!

— Это очень быстро, чувак. Никто не верил, что будет так быстро. Марио был настоящий гений. Ну и технологии были, чего уж там!

…Так, ну и первыми заселенцами этого… *Полиса*… были ближайшие соратники Тэлиа: тот самый Марио, Луи дэ Брие, Фатима аль-Фахми, Павел Пташек, Прия На…та… ра… ян, Денис Егоров, Чан Ли - господи, ну и винегрет! - Арсэн Читрикян (тот самый), Бека Иванидзе (старый добрый Бека!). Но это только начало списка. В общей сложности в Центральном Университете *Полиса* в тот момент находилось больше пятисот человек. Пятьсот золотых голов со всего мира. Что же это за районч ик был такой?… Подземелье наоборот! Хе-хе!

Я мотаю чуть вниз, перейдя в раздел «Жизнь в *Полисе*». И тут мне приходит в голову важная мысль.

— Слышь, Гермес, я тут вот чё думаю: *гранд**а**ли* с Фэросом может захотят сюда прийти, как считаешь? Ну там… уединиться, все дела… Может мне на это время пойти куда? Ну, чтоб тут не отсвечивать.

— Не знаю, дорогой… Думаю, ты зря беспокоишься.

— Спроси у Марин, будь другом!

— Как скажешь, родной! Отправляю сообщение.

— Спасиб тебе, брат!

— Ты деликатный, я смотрю.

— Деликатный? А что это?

— Ну… внимательно относишься к ситуации и потребностям других.

— Да ладно! Первый раз такое слышу о себе.

— Может, просто некому было это сказать?

— Ну может быть… Ох, блин, курить как хочется! Пойду пыхну! Моя законная дневная сигарета.

— Пришёл ответ от *гранд**а**ли.*

— Чё говорит?

— Говорит: «*Ар он бэсэ, чептрэби*». Переводи!

— Да… блин… как?

— Ну, *бэсэрэ* ты же знаешь, что такое?

— *Бэсэрэ*, *бэсэрэ*… нуждаться?

— Точно! Молодец! *Он бэсэ* - «нужно». *Ар он бэсэ* - …

— Не нужно?

[10] Да, дорогой!

— *К**а**о, пр**э**чис*![10] А *чептр**э**би* - это важное слово, тебе его надо запомнить, оно очень популярное. Означает: «ничего страшного», «не стоит беспокоиться», «забей», «не парься», «ерунда», всё в таком духе.

— Хех! Хорошее слово! *Чептрэби...* Ладно, *чептрэби,* так *чептрэби*! Пошёл курить.

---

*Даон**и**три* - язык, созданный примерно 150 лет назад учёными-лингвистами *Полиса.* Само собой, не из воздуха - они взяли за основу другие языки. В основном, европейские, но не только. *Даон**и**три* содержит в себе элементы английского, французского, итальянского, испанского, индийского («санскрит»), латыни, китайского, а также грузинского (родной язык отца-основателя) и - внимание! - *субкхран**и**три*! Да, они слизывали и с нашего подземельного тоже! Вот почему некоторые слова такие знакомые. Сам же *субкхран**и**три*, как оказалось - это соединение русского с тюркским.

Всё это мне объяснил Гермес, пока мы с ним изучали очередные правила вперемешку со всякими полезными фразами. Я теперь знаю, как на *даон**и**три* «иди в жопу» - ***а**нус-вэ**э**нэди*! А есть ещё *с**у**кхис-вэ**э**нэди*! Так отправляют в грязную вонючую выгребную яму с дыркой. Такие, я думаю, есть только у нас, в Подземелье.

Самое прикольное из правил - это «произвольные связующие согласные» («*консон**а**нтиси л**и**гис арб**и**трис*»). Суть вот в чём. В даонийском нет парных звуков. «Аа», «оо», «нн» - всё это здесь отсутствует. Но им этого мало. Любые две гласные, идущие одна за другой, с их точки зрения звучат «не всегда хорошо». Марин написала мне: «*ар он бэсо*» - «не нужно». Она могла бы написать: «*а он бэсо*», и это было бы тоже правильно. Но «а» и «о» подряд звучат «не очень», и Марин вставляет между ними «р», для связки. И суть правила здесь в том, что нет никакого правила! Полный беспредел! Согласную можно влепить абсолютно любую! Это могло бы быть «*ан он бэсо*» или «*ам он бэсо*» - совершенно пофиг. Отсюда и слово «произвольные». Можно их по-разному комбинировать в зависимости от настроения, можно играть со смыслами и с фонетикой, на эти согласные есть мода, ну и так далее. По тому, какие согласные ты добавляешь, можно даже понять, в какой школе ты учился! Прикольная штука! Жаль, в нашем, подземельном такого нет.

Марин возвращается домой примерно в 6 вечера, когда, сидя за столом на кухне, я уже начинаю подумывать про ужин. Вид у неё довольный - явно хорошо провела время.

— Ну как вы тут, мальчики? - спрашивает она, проходя по комнате не разуваясь.

— *Нормал**э**нто. Этудэ**о**м,* - отвечаю, сделав серьёзное лицо.

— ***Э**бо! Ра прогр**э**си эр ма?*

— Э-э-э... м-м-м... Гермес, братишка, чё она сказала?

— «Ух ты! Как прогресс?». Ты чего меня позоришь, родной?

— Блин... мог бы догадаться... Ну и... как у меня прогрес?

— Он вовсе не так плох, *гранд**а**ли*, - вежливым тоном говорит Гермес.

— Ну а у тебя как? - говорю, взглянув в глаза Марин.

— У меня - прекрасно! - отвечает она, улыбаясь своими идеальными белыми зубами.

— Верю. Можно тебе задать один вопрос по поводу Фэроса, Марин?

— По поводу Фэроса??

Она подходит ближе и садится на диван, облокотившись на спинку и сидя ко мне вполоборота лицом к лицу. Она явно заинтригована.

— ...Ну спрашивай.

— Почему он не начистил мне физиономию?

Её брови соединяются, на лице недоумение:

— Почему он... не помыл тебе лицо?

— Да нет! Почему он не набил мне морду!

— Не набил морду? А он... должен был?

— Чёрт, ха! Ты, как Гермес! Я пробовал его об этом спрашивать, но бестолку. Смотри. Вот я - Фэрос. Прихожу я утром к своей девушке. Открываю дверь - и вижу: у неё в доме какой-то незнакомый... хрен. Они явно завтракали вместе, и он явно здесь ночевал! У моей девушки! Что я должен сделать? Только не говори, что это твой дом и это твой друг.

Марин смеётся, запрокинув голову и махнув волосами, но потом бросает на меня свой, особенный взгляд, и, вздохнув, кивает головой:

— Я поняла. Видишь, в чём дело, Маркос: у нас тут всё по-другому.

— Это я заметил!

— Да, у нас с Фэросом отношения, - продолжает она, - но я не его собственность, а он - не моя.

— То есть, несмотря на отношения с Фэросом, ты можешь встречаться с кем-нибудь ещё?

— Конечно. Если захочу.

— И даже *спрашивать* у Фэроса не будешь?

— А почему я должна у него об этом спрашивать?

— В смысле?... Но... погоди... это получается, что и он может встречаться с кем угодно, кроме тебя?

— Верно. Он и встречается. С двумя, кажется. Он популярен среди девушек,
• улыбается Марин.

— О, это я не сомневаюсь! И для тебя это, типа, окей, да?

— Конечно! Никаких проблем! Нет, у партнёров бывают на эту тему разногласия, когда одному из партнёров хочется больше внимания от другого. Особенно, когда оба занятые. Но мне много внимания не нужно, да и ему, кажется, тоже.

— Ну а… ревности не возникает у тебя?

— Ревности тут не может возникнуть, потому что это разные отношения. Со мной у него *ро**о**мас-то**о**тис*, а с теми двумя - *э**э**рос-то**о**тис*. Ну то есть, те две у него для удовольствия, а я - для души.

— …Хочу быть Фэросом… - бормочу я, а Марин смеётся в ответ.

Я обдумываю услышанное ещё немного.

— Погоди, Марин… Ты говоришь, те две для удовольствия, а ты - для души. Но у вас же с Фэросом… ну… у вас есть, э-э-э… горизонтальные отношения?

И тут Марин взрывается хохотом! Она валится на диван, закрывает лицо руками, что-то пытается сказать, но трясётся всем телом и давится от смеха:

— Горизон… горизонталь… Маркос!… это… ууууффф!

Мне приходится ждать, пока она отхохочется. Проходит, наверное, минута, не меньше. Она снова поднимается, вытирая слёзы:

— Ох… как ты это сказал… «горизонтальные отношения»! *Фантастимэ**э**нто!!!* Это просто… Хэрмэс, как сказать «*джусэ**э**нто он п**а**рлэдэ*»?

— «Смачно сказано», - отвечает верный робот.

— Да! Это очень, очень смачно сказано! Горизонтальные… *Релэ**э**нтиси хоризонт**а**лис!* Всё, это теперь в моём лексиконе! Спасибо, Маркос!

Она благодарно соединяет ладошки вместе, продолжая заливаться смехом.

— Ну, хоть какой-то от меня толк! - развожу руками, не в силах держать лицо и тоже посмеиваясь. Когда она хохочет, просто невозможно быть серьёзным!

— О, перестань!

Я жду, когда её смех пройдёт, и делаю наигранно-серьёзную гримасу. Ловлю её взгляд и повторяю свой вопрос с каменным лицом:

— Ну так есть или нет?

— Есть ли у нас секс? Нет, Маркос. Мне всего лишь семнадцать, рановато начинать половую жизнь.

— Рановато???

— Да, знаю, вы в *Субкхране* рано начинаете. Но мне-то куда торопиться? У меня впереди лет сто пятьдесят активной жизни, а может быть и больше.

И тут моё лицо становится по-настоящему каменным…

— …Сколько?

Я даже не удивляюсь. Это что-то другое. Здесь, в *Полисе*, я уже, кажется, почти разучился удивляться. Просто меня как будто огрели бейсбольной битой по голове. Марин видит мою окаменевшую рожу, и снова на её лице появляется то самое выражение, сочувственно-жалостливое:

— Средняя ожидаемая продолжительность жизни граждан, рождённых в *Полисе* - 182 года. Но многие из нас явно проживут и дольше - технологии-то не стоят на месте.

— …Двести лет?

— Да, двести с плюсом. Запросто.

— …Это ведь то, о чём говорил Эмиль…

— А что он говорил? - оживляется Марин.

— Он спросил меня: «Существо с зеленоватой кожей и длинным хвостом, живущее двести лет - это человек или нет?». А я ответил: «Нет конечно!». То есть, он насвистел только про зелёную кожу и хвост, а про срок жизни сказал правду…

Марин задумчиво покусывает палец. Потом смотрит мне в глаза и улыбается чуть виновато:

— Я поняла, что он имел в виду.

— Ты…

— Я покажу тебе зелёных с хвостами. Завтра идём на охоту!

Сказать, что я завидовал Фэросу - это ничего не сказать. И когда Марин разъяснила вопрос про их интимные отношения, я, сам того не желая, нехило приободрился! Она может мне всё что угодно рассказывать про *ромас-тотисы* и *эрос-тотисы*, но в моей подземельной голове всё просто: раз не трахаются, значит нет отношений. Но чёрт, Маркос, тебе-то какое дело? Уж не думаешь ли ты, что у тебя есть шанс?! О, ты уже называешь себя Маркос! Очнись, придурок! Ничего тебе здесь не светит. Радуйся хотя бы тому, что есть.

Радоваться здесь просто. Воскресное утро. Просыпаюсь, как всегда, с первыми лучами солнца. Умываюсь в чудо-умывальнике, справляю нужду в чудо-унитаз, шумлю чудо-кофеваркой и выхожу на улицу с чашкой горячего, ароматного чудо-кофе. Присаживаюсь на ступеньках крыльца, как всегда, и первое время просто сижу и вдыхаю утренний воздух. Тихо. На небе ни облачка. Кажется, сегодня будет такая же хорошая погода, как и вчера. Марин обещала, что мы пойдём на «охоту». О подробностях умолчала - хочет сделать сюрприз… А вот и она! В облегающем спортивном костюме, готовая к пробежке. Поражаюсь её дисциплине!

— *Б**о**нэ матэ**э**нэ, гранд**а**ли!* - говорю, оглянувшись на неё снизу-вверх.

— *Бонэ матэнэ…* - отвечает она, взглянув мне в глаза и как-то по-особенному улыбнувшись, и убегает по тропинке в сторону парка.

Чёрт! Как ей удаётся одной короткой фразой сказать *столько*! «Я рада тебя видеть». «Надо же, как быстро ты учишь *даон**и**три*! У тебя хорошая память». «Ну что, готов к нашей прогулке сегодня?». «А ты необычный!». И что-то ещё. Что-то, что не выразить словами… Делаю глоток лучшего в моей жизни кофе, гляжу ей вслед, и улыбаюсь. Я вообще здесь часто улыбаюсь. И даже больше: начинаю радоваться жизни! То, чего никогда раньше не делал. Удивительное место *Полис*. Удивительное…

Возвращаюсь в дом.

— *Бонэ матэнэ, Хэрмэс!*

— *Бонэ матэнэ, прэчис!*

— Слушай, браток! Может, закажем эту дуделку? Ну, «вэйп». А то смотрю, как *гранд**а**ли* бегает, и ещё больше курить хочется!

— Да говно вопрос! Такая подойдёт?

На экране появляется чудо-устройство для чудо-курения.

— Ну наверное. Я ж в них не шарю. Покупай, если хорошая. Недорогая, надеюсь?

— Не, ваще нет. Заказал. Будет через пять минут.

Всё никак не могу к этому привыкнуть. Любое желание, любой каприз исполняется почти мгновенно!

Когда Марин возвращается с пробежки, я сижу на крыльце и попыхиваю вэйпом.

— Разорил тебя ещё маленько.

— *Нормалэнто, чептрэби!* Ну и как?

Пожимаю плечами:

— Если честно - говно. Почти как воздух курить.

— Можно вернуть, без проблем.

— Не, давай оставим пока, - говорю, вспоминая метро. «На безрыбье и рак
• рыба«. Поговорка из какого-то очень далёкого прошлого.

Она заходит в дом, а я - вслед за ней.

— Я ничего тебе на завтрак не заказывал. И себе тоже.

— Отлично! Пойдём завтракать в парк?

— В парк?

— Ну да. Сядем на лужайке и поедим. На свежем воздухе! Здесь так делают.

— Это… отличная идея!

— *Кэй, вэнэ**о**м!*[11] Пойду только быстренько ополоснусь и переоденусь!

— А мне тоже переодеться?

— Да, надень то, в чём ходил на фильм.

— *Кэй, гранд**а**ли.*

Отправляюсь к себе в комнату и мигом переодеваюсь. Выхожу обратно в гостиную, чтобы дождаться Марин.

— Гермес, куда я положил этот долбаный вэйп, не видал, братишка?

— Да вон же он, на подоконнике!

— Оу, точняк, спасибо!

Кладу свою чудо-сигарету в карман и гляжу в окно. Идеально гладкое стекло без единого пятнышка. И снаружи всё тоже неправдоподобно яркое, зелёное, и чистое. Подумать только: всё это построено и выращено искусственно, в небе, на километровой высоте.

— …И как вы только смогли вырастить такие громадные деревья и столько зелени на этом куске бетона, а Гермес?

— Да, это было непросто. То, что ты видишь - это десять метров грунта поверх бетонного основания. Сложнее всего с чернозёмом - это верхний плодородный слой. Его везли издалека, из незаражённых мест - почва впитывает радиацию, как губка. А ещё дренаж нужно сделать и…

— А как эти деревья не вырывает с корнем при таких ветрах?

— Это специальные, генетически модифицированные деревья, - слышу я вдруг за спиной голос Марин и оборачиваюсь.

Она в обтягивающих синих джинсах и белой футболке. Очень простенько, но как же круто это на ней смотрится! Хотя, на Марин, наверное, всё что угодно будет хорошо смотреться, даже картонная коробка.

— …Корни этих деревьев очень длинные и крепко цепляются за специальную арматуру на поверхности бетонной плиты, - продолжает она, обвивая правой рукой лямку рюкзака. - Понял? Лови!

Она бросает рюкзак мне. Поймать его - проще простого.

— Классно выглядишь! - говорю, глупо улыбаясь.

Марин наклоняет голову, слегка прищурившись:

— Ты тоже ничего. Ну пойдём! Не забудь только надеть свою маску супергероя.

— Само собой.

[11] Хорошо, пойдём!

Мы выходим на улицу и направляемся в парк. Уже тепло. Солнце припекает, и я вспоминаю про крем от загара. Но, кажется, мне он уже не нужен - открытые места уже загорели, а остальное закрыто одеждой.

— А что в рюкзаке?

— Подстилка и ещё всякое по мелочи, что может пригодиться для пикника.

— А еда?

Марин смотрит на меня с таким выражением, как будто я слабоумный.

— …А, ну да. Щёлкни пальцами - и она прилетит сама.

— *Экзактэмэ**э**нто.*

Это значит «точно». Уже потихоньку запоминаю их слова.

Сейчас, наверное, часов восемь с половиной утра, а народу на улице не так уж и мало. Бегуны и велосипедисты - понятное дело, но кроме них тут и там вижу тех, кто просто вышел погулять, или на завтрак, как мы.

До парка идти совсем недолго. По сути, мы как бы живём в парке, просто перешли в зону, где нет домов. Посередине небольшой пруд. Вокруг - тропинки, площадки, скамейки, беседки, и куча-куча зелени.

— Давай здесь, - говорит *гранд**а**ли.*

Раскрываю рюкзак, достаю подстилку, мы берём её за разные концы и, растянув, кладём на землю. Марин садится на неё прямо в кедах, поджав ножки и сверкая голыми лодыжками. Я сажусь на край, оставив ноги на траве.

— Что будем заказывать? - спрашивает моя спутница, уже глядя через очки на развёрнутое виртуальное меню.

— Да не знаю… На твой выбор.

— Кофе?

— Да! …Хотя… у тебя же дома есть.

— Ну и что? Не идти же за ним домой?

— Действительно…

Марин водит руками в воздухе, а я просто гляжу по сторонам. И вдруг замечаю интересную картину, и, дождавшись, когда Марин закончит, тихонько говорю, приблизившись к ней:

— Смотри. Видишь, вон там, у пруда? Мужчина с женщиной, и детвора, трое. Они же явно семья. Это их дети. Это что, получается, сами родили, не в лаборатории вырастили?

— Это *форэнд**а**ниси.* Иностранцы. Их тут много. Видишь, у мужчины на ноге миграционный браслет. И у детей тоже.

— А у женщины?

— А у женщины на шее. Можно выбирать, куда его вешать. Его носят в течении всего времени пребывания в *Полисе*. Миграционная служба с помощью браслетов следит за местоположением каждого из *форэнд**а**ни*.

— Ни фига себе… Сурово.

— Да, в *Полисе* очень строгая миграционная политика… - говорит Марин, и вдруг слегка меняется в лице. - …Маркос, не пугайся. К тебе сейчас подойдёт леопард.

— Чего?

И в этот момент кто-то тыкается в меня мордой. Очень осторожно оборачиваюсь и - чёрт!!! - это и правда леопард!!! Здоровенный хищный кошак смотрит на меня жёлтыми глазами, издавая глубокий грудной рык. Но не злобно, и не скалясь. Просто изучает меня, каков я на запах. На вкус…

— *Эстэлла!! **А**нто!!*

Подбегает хозяин, худощавый парень в шортах и пёстрой рубашке:

— *Вэнэди хаш!* - рявкает он на свою питомицу, и та послушно и лениво уходит. - *Абид**а**ши, гранд**а**ниси!* - извиняется он, кланяясь и сложив ладони вместе.

— *Чептрэби, гранд**а**ри*, - ласково отвечает ему Марин.

Мужик уходит, а Марин посмеивается, глядя на мою вытянутую от офигения рожу.

— …Господи, я чуть не обделался! И это… это нормально тут у вас?

— *Абсолютэнто.*

— А если он цапнет кого-нибудь?

— Не цапнет. Это специально выведенный, генетически изменённый, домашний вид леопардов. Они даже мяса не едят - им дают специальные корма. И они совершенно не агрессивны.

— Нифига себе… И кого я ещё тут встречу? Медведей? Слонов? Тигров?

— Тигров встретишь наверняка. Слоны разрешены только миниатюрные.

Прилетает наша еда и кофе. Сидим, жуём, пьём, смотрим вокруг. Красота, вкуснота, и полный кайф!

— Слушай, Марин, а откуда ты так хорошо знаешь наш язык, подземельный? Вроде тут на нём почти никто не говорит.

— О, это забавная история! Я его выучила… назло учителю. - Она смеётся, и продолжает. - Дело было в пятом классе. У нас была тема: языки народов мира. Вела её *Т**а**ми-**о**ши*, наша *г**и**дис **о**ши*, главный учитель. Нам задали выучить основные фразы из какого-нибудь иностранного языка, так, чтобы мы могли поздороваться и рассказать о себе на этом языке. Я в то время была отвратительным ребёнком, и с *Т**а**ми-**о**ши* у нас были очень…

эмм… натянутые отношения. Ну я и решила рассказать о себе на *субкхран**и**три*, чтобы понервировать ***о**ши*. Хэрмэс мне помог. Только вот когда мы выступали в классе, и до меня дошла очередь, я ничего не смогла толком рассказать. Язык заплетался, а мысли путались. В общем, полный провал! *Г**и**дис **о**ши* посмотрела на меня серьёзно и внимательно. И сказала: «*Субкхран**и**три* - богатый и сложный язык. Чтобы его выучить, нужны настойчивость, терпение, трудолюбие и хорошая память. Не твои качества, верно, *Т**а**ти*?». А я покраснела вся, зыркнула на ***о**ши*, злобно так, и говорю: «А вот возьму - и выучу!!!». А *Т**а**ми-**о**ши* кивнула головой, и давай так медленно в ладоши хлопать. И весь класс за ней тоже начал аплодировать. Ну и тут уж некуда было деваться! *Т**а**ми-**о**ши* не должна была победить! Ну и начала я…

— Погоди. Ты говоришь, «*Т**а**ти*»? Почему она тебя так назвала?

— А… ну… да… - смущается Марин и прячет взгляд. - Это моё… детское имя.

— Детское имя?

— Да. Мы когда рождаемся, нам *Полис* даёт детские имена. И моё имя было *Т**а**ти*. В 14 лет каждый из нас выбирает себе взрослое имя.

— И ты выбрала: Марин.

— Моё полное имя - *Мар**и**н-д**а**ни*. Это значит: «человек из моря». Я сомневалась между *Марин-да**н**и* и *Марин-да**л**и*, но подумала, что я, всё-таки, в первую очередь человек, а потом уже девушка…

— Почему ты так смущаешься?

— Ну, это очень… личная тема. Обычно, твоё детское имя знают только твои самые-самые близкие друзья.

— Те, с кем училась в школе.

— Да, именно они.

— Ладно, я своё имя себе тоже выбирал сам. Точнее, не имя, а фамилию. Моё полное имя - Марк Малой. А детское имя - «э, не путайся под ногами, мелюзга!».

Мы смеёмся. Смущение и неловкость проходят. Доедаем завтрак, собираем обёртки в специальную сумочку, и сворачиваем подстилку.

— Ну и что дальше? Когда охота на зелёных?

— …В общем-то она уже началась. Мы могли бы их встретить и здесь. Но есть одно место, где мы точно их увидим. Только туда лучше приходить ближе к вечеру.

— Заинтриговала. А до вечера что будем делать?

— Как насчёт погулять по городу? Покажу тебе *Полис*.

— Чёрт, конечно да!

— Мы говорим: «*ди**а**бло к**а**о!*»

— Я запомню!

Мы возвращаемся домой, и первым делом сортируем мусор. Потом слегка прибираемся в доме, и больше нам, в общем, ничего и не нужно.

— *Хэрмэс, в**о**лиос т**а**ксэ, дон… дон…* - хозяйка смотрит на стену и вертит карту, - …дон ак**э**. - Она тыкает в точку, куда мы, видимо, сейчас поедем.

Мне жутко интересно, как всё это происходит, и я пристаю с вопросами. Оказывается, в *Полисе* нет адресов. Совсем. У любого места, любого заведения, адресом является просто точка на карте с уникальным номером. Эти номера никто никогда не запоминает (они очень длинные), все просто пересылают их друг-другу на часы, очки, телефоны и компьютеры.

— У нас в Подземелье, кое-где есть адреса. На третьем круге даже много где. Но всё равно не везде. На Бумажке, так почти нигде нету. Так что Бумажка - это почти Полис.

Мы идём по тропинке к дороге, и меня разбирает приступ болтливости.

— …Кстати, я знаю, что такое «*т**а**ксэ*» - «таксишечку». А что такое «*в**о**лиос т**а**ксэ*»?

— «Летающую таксишечку», - отвечает Марин.

— Чё?…

Я не успеваю даже осознать, как вдруг вижу: вон она, летит.

Аппарат обтекаемой формы с четырьмя пропеллерами по периметру. Я видел на третьем круге вертолёты и с ужасом думал, как вообще кто-то решается в них сесть. Но это - совсем другое. Во-первых, эта штука шустрее вертолёта, а во-вторых, от неё шума раз в десять меньше. Юркая, изящная, тихая и, сука, страшная!

Машина мягко приземляется на небольшую площадку у дороги. Мою болтливость как рукой сняло. Стараюсь идти медленнее - вдруг… вдруг это не наша… Или… вдруг Марин передумает.

— Эй, чего вяжешься? - толкает она меня локтем.

— А?…

— Я говорю, чего вяжешься еле-еле?

— Плетёшься… - поправляю я её ватным языком.

— Да: чего плетёшься? Боишься что-ли?

Вот стервозина!

— …Ну так… чёт волнительно… не летал же никогда…

— Может отменим, а? Раз ты так трусишь? - издевательски подмигивает она.

Я вяло улыбаюсь в ответ:

— Нет уж, доставлю тебе удовольствие.

— Пацан не может сдрейфить! - смеётся она.

— Не, не может, - бормочу я, надеясь, что она не видит мои трясущиеся коленки.

Подходим. Двери приветливо открываются сами. Садимся. Внутри всё, как и в обычном такси. Одна лишь разница: эта штука сейчас полетит, мать её! Я пристёгиваюсь, следуя примеру Марин и едва попадая пряжкой в нужное место.

— *Бонав**и**тас, гранд**а**ли Мар**и**н-д**а**ни!* - слышится ласковый голос из динамиков, - М**у**зэкасэ ма?

— ***А**нто, т**а**нто*, - отвечает Мар**и**н.

— *Кэй, гранд**а**ли! Ал**у**мо «Маш**э** - **А**нто, т**а**нто!».*

Из динамиков шарахает музыка:

***А**нто, т**а**нто! **А**нто, т**а**нто!*

*Риэн ашэто, симплэмэнто к**а**нто!*[12]

И тут машина взмывает вверх! Меня придавливает к креслу. Мамочки… Я зажмуриваюсь, стиснув зубы и вцепившись пальцами в кресло. А Марин хохочет:

— ***О**про ф**о**ртэ!* - и музыка становится громче.

Мы летим. Летим быстро и почти бесшумно. Собравшись с силами, открываю глаза. Моя спутница раскачивается в такт музыке, двигает животом, крутит плечами. Ей весело! Особенно, когда она смотрит на меня. А мне так и хочется ей сказать: «Пожалуйста, не дёргайся! Не раскачивай эту хреновину! Мы же так грохнемся!»

Под нами город. Высота - метров триста. Наверное. Не знаю. Длину легко прикидываю, а вот высоту… Одно радует: на такой скорости мы, пожалуй, за минуту долетим. Спокойно, Марк. Это *Полис*. Супер-технологии. Их машины сто раз перепроверены, работают безотказно… Безотказно…

*О-о-о! Ашэд**и** эсэ! Н-о-о-о! Ашэд**и** эсэ!*

***А**нто, т**а**нто! **А**нто, т**а**нто!*

*Риэн ашэто, симплэмэнто к**а**нто!*

Приземляемся мы внезапно. И не на землю, а на крышу дома.

— *Мильт**а**нто!* - вежливо благодарит робота Марин.

— *Биенвэнэ, гранд**а**ли!*

Выбираюсь из дьявольского аппарата наружу. Меня подташнивает, и голова кружится. Поддавшись слабости, опираюсь рукой о дверь машины, но тут же одёргиваю руку, подумав, что эта штука может в любой момент сорваться с места и взмыть вверх.

— Пойдём, супергерой, - кивает мне спутница.

[12]Нет, спасибо! Нет, спасибо! Ничего не покупаю, просто песни напеваю!

— Смеёшься надо мной, да?

— Да нет, ты молодец! Скоро будешь летать, как Супермэн.

— Лучше быть Доктором Зло - он никуда не летает, а просто сидит дома.

Мы идём по крыше в сторону небольшого стеклянного павильона.

— Вот же хитрая коза эта Машэ! - возмущается Марин. - Назвала свою песню «Нет, спасибо!». Теперь всем, кто отказывается от музыки, будут включать её трек! Но, кстати, неплохо было, а?

Теперь, кажется, у *неё* приступ болтливости.

— Слушай, а что это за место?

— Торговый центр «Парадиз». Здесь, на крыше, площадка для летающих такси. Сейчас спустимся вниз на лифте. Главное - по сторонам не смотреть.

— Почему?

— Ну, чтоб соблазна не было. А то в торговом центре вечно как увидишь что-нибудь - «всё, хочу»! А дома открываешь пакеты и думаешь: *тэос м**и**о*, зачем я всё это купила?

Мы подходим, кажется, к тем самым лифтам. Вокруг никого, но оглянувшись по сторонам, я вижу, как на крышу летит ещё одно такси.

— Так… Поедем на бесплатном, - говорит Марин, уверенно шагает к одной из дверей и делает подзывающий жест рукой.

Стоим. Ждём. Такси приземляется и из него выходят люди. Двери соседнего лифта открываются, и оттуда выходит делового вида парень в костюме. Смотрит на часы. Направляется к летающему аппарату, видимо, собираясь на нём на какую-то встречу.

— *Вэнэ**о**м*, - зовёт меня Марин, и мы шныряем в открывшийся лифт.

Стены его стеклянные. Двери закрываются. Мы едем вниз. Но недолго. Лифт успевает спуститься всего на пару этажей - и останавливается. Створки дверей неторопливо раздвигаются в стороны, и к нам заходит несколько человек. Но я смотрю не на них, а на то, что за стеклом: торговый центр «Парадиз». Он весь виден из лифта: посередине пустое пространство, а этажи идут кругами по периметру цилиндрического здания. На одном из верхних этажей, за стеклянной витриной лежит человек в медицинском кресле, а доктор в голубом халате делает что-то ему с лицом… какую-то операцию… божечки… Сверху читаю надпись: *Эл… фис… Ла… бо…* Но лифт едет дальше, а я продолжаю глазеть вокруг. Магазин электроники. Шмотки. Шмотки. Снова медицина: парню вживляют что-то в руку. Всё за стеклом, напоказ. Тату салон - девахе набивают наколку на спине. Лифт опять останавливается. Заходит новая партия людей. Все шумят, переговариваются. Осторожно оглядываюсь, чтобы посмотреть. Бог мой, весь лифт уже забит. И кого тут только нет! Я во всём Подземелье не видал столько оттенков кожи, сколько в этой небольшой кабинке! Одни тычут пальцами вокруг, фотографируют, и сами фотографируются на фоне

«Парадиза», а другие, как Марин, стоят с грустной физиономией и явно уже задолбались ждать, когда же, наконец, первый этаж.

— Чёрт, лучше б мы поехали на платном, - бубнит Марин на подземельном в голос, уже никак не скрываясь. Ну а смысл? Вокруг говорят на стольких разных языках, что никто и близко не догадается о нашем секрете.

— Да, блин… Мы на каждом этаже зависаем. А платный бы не останавливался?

— Нет. Он бы ехал до первого без остановок.

— И дорого?

— Нет, - смеётся Марин. - Не дорого. Но я думала, что рано утром не будет столько людей.

— Классная схема! Хочешь быстро доехать - плати. А не хочешь - стой и разглядывай наши магазины! Какие же вы хитрожопые, *полис-дани…*

— *Полис* никогда не прочь на тебе подзаработать. И экономных он не любит. Либо ты тратишь деньги, либо время. Время обычно дороже.

— В Подзе… Там, внизу - наоборот.

Наконец, добираемся до первого этажа, и через шикарный зал выходим на улицу. Я, пожалуй, сойду за туриста! Верчу головой по сторонам так, что она уже, кажется, скоро открутится! Как же тут всё необычно, ново, чисто и… дорого!

— Куда мы идём?

— Сейчас увидишь. Тут пройти надо совсем немножко.

Уж не знаю, что там Марин говорила про утро, но прохожих дофига. И все они очень разные. Я думал, на меня будут косо смотреть с моей маской и очками, но куда там! Тут такие ребята ходят, что мой прикид никто и краем глаза не заметит! Татухами тут выделиться в принципе невозможно: их набивают по всему телу, на лице, на веках, на губах, на языке! Они яркие! Они светятся и переливаются. Цвет волос? Причёска? Хо-хо-хо! Придумай самую странную дичь, какую можешь, выйди с этим на улицу в *Полисе* - и это будет обычно. Заурядно. Смотрю на Марин и понимаю: её простота - это, пожалуй, самый лучший способ выделиться на фоне всей этой пестроты и детской мазни.

— *Гранд**а**ниси! Адэд**и**т! **У**но лэптосе! Пор мизэр**а**лисэ! Прэскис!*

Потёртого вида мужичок пристаёт к Марин и просяще тянет ей руку, подставляя запястье.

— ***А**нто, абид**а**ши*[13], - отмахивается она.

— *Прэскис! Даол**и**то! Гранд**а**ли!!* - слышится его стон из-за спины.

— Чё ему надо было? - спрашиваю я, не веря своим догадкам.

— Милостыню просил, - улыбается Марин.

[13]Нет, извини.

— Попрошайка?? В Полисе??? Да ладно!!

— Да он не настоящий попрошайка. Это Рики, городской сумасшедший. Просит у всех деньги. Такой вот у него… *джигизэнтис-т**о**тис*. Его уже все знают. Даже как-то раз брали *интэрв**и**о*.

— Брали что?

— *Интэрв**и**о*[14]. Не знаю, как это на *субкхран**и**три*. Ну, *прэсис-д**а**ониси* разговаривали с ним. Он говорит, что ему даже не важно, получит он деньги, или нет - сам процесс попрошайничества приносит ему наслаждение!

*Прэсис-д**а**ониси*… Что это ещё за люди такие? Марин пытается мне объяснить, но социальная жизнь Полиса слишком сложна и слишком не похожа на нашу, и в мой тугой подземельный мозг эта информация проникает нехотя и с большим трудом.

Я всё разглядываю прохожих, когда Марин легонько толкает меня локтем:

— Посмотри вперёд, *форэнд**а**ни*. Мы пришли.

Вижу небольшую площадь, мощёную плиткой, с деревьями и скамейками, а на дальней стороне… Бог мой!

Я прибавляю ходу, что-то бормоча про себя. Край *Полиса*. Я уже бывал на нём, но с другой стороны и ночью, когда не было видно ни черта. А ещё там была толстая бетонная стена высотой в пару этажей, а здесь… здесь тоже стена, только она… прозрачная.

Люди кучкуются у ограждения перед стеной, смотрят, фотографируются, корчат рожи и машут перед камерами. Перед ними - горизонт. Панорама. Её видно с километровой высоты сколько хватает взгляда. Свободного места много, и я двигаю почти уже бегом туда, где не занято. Посмотреть на землю вокруг, да ещё и с такой высоты - это ж просто с ума сойти!

Сразу вижу, что местность вокруг вся зелёная, а не как у нас в Подземелье. И холмистая - не ровная поверхность, как я думал раньше. На холмах и вокруг местами виднеются тёмные ковры - это… леса. Лес… настоящий лес… Это когда много-много деревьев, высоких-превысоких, но отсюда они кажутся такими маленькими! Но вон прям видны отдельные деревца! Там, вдалеке. А ближе, под нами - стройка. Вижу… вижу, как строят… колонну. Огромный столб уже вырос откуда-то снизу, из невообразимых размеров котлована, но ещё не до конца. По нему ползёт странного вида механизм, похожий на козловой кран, только круглый, и сверху множеством подвижных частей водит по каким-то хитрым траекториям, а вокруг роятся дроны.

Я стою, разинув рот и не замечая людей вокруг. Не замечая даже времени.

— Ну как тебе?

Вздрагиваю. Это Марин. Она стояла рядом.

[14]Интервью. В языке Подземелья это слово отсутствует, как и слово «журналист».

— Просто… офигеть… не знаю, как сказать даже. Это же… Такого даже в комиксах нет!

— У тебя слишком старые комиксы. Будущее уже не то, что раньше.

— Блин, ха-ха! И это будет… раз, два, три… вон там где-то четвёртая растёт, а потом на них сверху - новый гексос?

— Ну да.

— Охренеть… просто в башку не лезет. А вокруг-то как красиво, ты видела?!

Нет, придурок, конечно не видела! Она ж тут первый раз!

— Тебе нравится? - отвечает Марин, улыбаясь.

— Я бы хотел… там побыть.

— Да, там здорово. Можно в лесу погулять. Но не самое дешёвое место для прогулки. Да и времени отъест - трансграничный перелёт, всё-таки.

— Трансграничный?

— Ну да, ты же покидаешь территорию Полиса. На простом такси этого не сделать, нужно специальное, его ещё дождаться надо. А уж если ты иностранец…

— Иностранец… Иностранцев, я смотрю, здесь много. Их видно по поведению. Может, и мне как-то можно надеть этот браслет, как у них? Ну, чтоб проблем не было.

Марин качает головой:

— М-м. Это не так просто. Я же говорила, в *Полисе* строгая миграционная политика. Туристов пускают, но не всех и ненадолго - тридцать дней максимум. Хочешь остаться дольше - должны быть основания.

— Какие?

— Ну, рабочий контракт, например. Тогда на время контракта дадут остаться.

— То есть мне надо на работу устроиться.

— Кто же тебя возьмёт, если ты нелегал?

— А как другие устраиваются?

— Заранее. Через Интернет. С кучей документов и подтверждений.

— Да, блин…

Я хочу ещё что-то сказать, но мысль обрывается. Вижу самолёт. Он летит к нам. Видимо, в *Полис*. Куда же ещё? А вон ещё один, и ещё. Здесь где-то аэропорт, куча рейсов с толпами пассажиров, летящих сюда и отсюда. Кто-то прилетел поглазеть на чудо-город, кто-то заключил контракт через Интернет, и из своей вонючей глуши прибыл работать в Город Богов в надежде на лучшую жизнь. А внизу, прямо у нас под ногами - сырость… темнота… слякоть… боль… и никакой надежды.

— Эй, ты чего?

— Да я… всё думаю, Марин.

— О чём?

— Почему всё так? Почему здесь - будущее (которое уже совсем не такое, как раньше!), а там, внизу - сплошное прошлое и беспросвет. Почему так? Зачем так? Разве это справедливо?

Я смотрю ей в глаза. Она улыбается своей загадочной улыбкой:

— Ты… очень необычный, Маркос. Честно, я не ожидала такого от *субкхранд**а**ри*.

— Какого?

— Ну… в тебе есть… глубина. Понимаешь? - Она посмеивается. - Вот в Фэросе никакой глубины вообще нет!

— Хм… Любопытно, что ты сравниваешь меня с Фэросом, - улыбаюсь я.

Марин вспыхивает в ответ:

— Что?! Хах… - она качает головой, усмехнувшись. - Фэрос бы сейчас сказал: «Гол засчитан, детка!»

— Кстати! Расскажи-ка мне про все эти виды любви, которые у вас тут есть. И вообще, что там насчёт этих зелёных с хвостами?

Мы идём вдоль прозрачной стены, а я всё не могу оторвать взгляд от горизонта, но Марин слушаю очень внимательно. В *даон**и**три* есть много слов, означающих любовь. *Р**о**мас-т**о**тис*

- это то, что у них с Фэросом, романтические отношения.

***Э**рос-т**о**тис* - когда вы хотите друг друга и трахаетесь, как кролики. *П**а**рис-т**о**тис* - когда живёте вместе, и вам в целом лучше друг с другом, чем без друг друга. *Фл**и**рти* - это флирт, да, но чуть больше, чем флирт. Это игра в любовь, игривые отношения с неизвестным финалом, и в этой неизвестности - главный кайф. Марин называет ещё несколько, но тут я отвлекаюсь на двух парней, стоящих на тропинке впереди. Они прижимаются друг к другу, держатся за руки и смотрят друг другу в глаза так, как будто…

— …Вот, ну и самое главное - это, конечно, ***а**мос-т**о**тис*. Это та любовь, о которой пишут стихи и песни. Любовь, которую все всегда ищут и о которой все мечтают.

- Она замечает, куда я смотрю. - О… ты погляди… *Тэос м**и**о*, какая прелесть! Вот у них наверняка

***а**мос-т**о**тис*!

Я брезгливо отвожу взгляд:

— У нас бы за такое пристрелили на месте.

Четыре часа дня или что-то вроде того. Мы зашли в кафе пообедать. Сидим на пятом этаже за столиком у «окна» - сплошное стекло от пола до потолка
• и глядим на город.

Время как-то незаметно пролетело. Мы ходили-бродили, от стеклянной стены пошли дальше вглубь *Полиса*, а Марин рассказывала мне о городе, о его жителях, о местных правилах и об историях из своей жизни. Всё так интересно и так ново. Но вот, что я заметил: мне ни с кем и никогда не было так хорошо, как с ней.

Я с разными девчонками мутил, и могу точно сказать: все эти отношения обменял бы на одну прогулку с Марин, даже не задумываясь. Она… Ну, её глаза, её внешность - это само собой. Но… мне с ней кайфово просто так, даже безо всяких отношений. Она весёлая, она интересная, она умная. С ней никогда не бывает скучно. Никогда не думаешь, о чём бы таком поговорить, и в то же время никогда не надо думать, что можно говорить, а что нельзя. С Марин я могу быть просто собой, и она меня принимает ровно таким, какой я есть. И больше того: ей по приколу, какой я есть. Она посмеивается, подшучивает надо мной, иногда грустит вместе со мной, но ей нравится! А мне нравится, что ей нравится…

— Эй, чего задумался, *форэнд**а**ри*? - подмигивает она, поправляя волосы.

— Да так… переварить надо… столько всего…

— Что больше всего понравилось?

— Девчонки красивые.

— А мальчишки?

— Это не ко мне.

У нас с ней, похоже, начинается тот самый *фл**и**рти*. И хоть я понимаю, что шансов у меня ровно ноль, я с радостью поиграю в эту игру хотя бы для того, чтобы *ей* доставить удовольствие. А ей доставляет, явно доставляет!

Нам приносят еду. Очередная кулинарная фантастика. Запах такой, что хочется съесть вместе с тарелкой! Я тут же хватаю вилку и нанизываю на неё кусок мяса в соусе. Марин смотрит на меня молча, ничего не говоря, но я всё понимаю. Останавливаюсь. Кладу вилку. В правую руку беру нож, а вилку беру в левую. Делаю спокойную и утончённую гримасу на лице (маска снята). Отрезать маленький ломтик легко, но наколоть его на вилку и отправить в рот левой рукой чертовски неудобно! И зачем все эти правила?! Особенно когда жрать так хочется!

Официант с подносом идёт к нашему столу.

— Кофе несут, - говорю Марин с набитым ртом.

— ***Э**бо, финалэм**э**нто!*[15]

[15]Ну наконец-то!

Она оглядывается, и тут вдруг официант запинается, с грохотом роняет поднос и падает сверху на него и на разбитые чашки с кофе, прямо в коричневую лужу!

— *О, кх**а**рэ!!* - стонет он и поднимается, разглядывая свои ладони и залитую кофе белую рубашку.

Раздаются аплодисменты. Все сидят и хлопают в ладоши, в том числе и Марин.

— *Абид**а**ши, гранданиси*, - бормочет официант и уходит, забрав поднос, а на место подъезжает робот собирать осколки и вытирать лужу.

— Почему все хлопали? - спрашиваю я Марин в недоумении.

— Ну, он же это специально сделал.

— Специально??? Зачем?

— Чтобы показать, что он живой человек и... м-м-м... как бы подчеркнуть своё человеческое несовершенство. Просто официанты-роботы всех уже так утомили, и живые официанты в кафе сейчас очень ценятся. - Она снова оглядывается назад. - Да, но кофе хотелось бы получить! *Грандари! Мэнэ **о**рдерис-т**о**тис прэскис!*[16]

«Почему не *м**и**о* ордерис-тотис?» - спрашиваю я Марин, когда мы уже выходим на улицу.

— *М**и**о* не подходит. *М**и**о* - значит «моё», да, но не в смысле владения, а в смысле отношения. «*М**и**о дрэго*» - мой друг, или: «*М**и**о **о**ши*» - мой учитель. Понимаешь? А для владения у нас другое слово - *мэнэ*. «*Мэнэ д**о**ми*» - мой дом; «*мэнэ м**а**но*» - моя рука; «*мэнэ очи**а**ли*» - мои очки. Это две большие разницы, и лучше эти слова не путать. Сказать «*мэнэ дрэго*» - это большой *кр**и**нжис-т**о**тис*, ну, позор. Врубаешься? Он же не твой раб, ты им не владеешь. Запомни это и будь внимателен.

— Интересно, как вы это разделяете...

Я гляжу по сторонам и вспоминаю наш разговор про них с Фэросом. «Я не его собственность, а он - не моя». Надо и правда эту фишку помнить, чтоб не вляпаться с этим ненароком.

Замечаю памятник посреди небольшого сквера. Мужик в халате сидит по-турецки на стуле, многозначительно подняв палец. Выражение его лица притягивает мой взгляд. Ироничное, расслабленное, с лёгкой улыбкой, полной отеческой любви. «Ох, детишки... Рассказал бы я вам, да вы ж не поймёте...»

— Эй, - тыкает меня пальчиком Марин.

— Да-да, я здесь.

— Заинтересовался памятником? Это Рами-эмос, один из больших мыслителей *Полиса*.

— Ага... Чёт я в него залип. Сам не понимаю, почему. Там что-то написано у него внизу, пойдём почитаем.

[16]Господин! Мой заказ, пожалуйста!

Мы подходим к Рами-эмосу, встав у ножек его стула, но он как будто краем глаза всё равно поглядывает на нас, улыбается и подмигивает.

— Ну? Читай, - говорит Марин.

— Я?

— Ну а кто у нас учит *даон**и**три*?

— Ладно… Так… *Ар… бо… Арбо…*

— Угу…

— *И… дэа… идэа…*

— Молодец…

— *Са… рэ… мор…* Блин, а это чё за буква?

— «*Ф*»

— *Рэ… мор… фэ… дэ…* Я уже забыл, что в начале было. Давай ты прочитаешь! Я ещё не настолько в теме.

— ***А**рбо идэа са реморфэдэ ин рэл**и**гиа див**э**нтэс малэнтис-т**о**тис соци**а**лис.*

— И чё это значит?

— «Любая идея, превращённая в религию, становится социальной болезнью.»

— А, *мал**э**нтис-тотис соци**а**лис*! Ты говорила про него, когда я про уши спросил.

— ***Э**бо*, Маркос! У тебя хорошая память! И очень цепкая. - Она переводит взгляд и смотрит куда-то вдаль. - Мне кажется, ты был бы хорошим учеником, если бы учился здесь.

— Ну, что ж… не подфартило…

Я оборачиваюсь туда же, куда и Марин. По дороге едет… автобус. Да, настоящий автобус! Я их видел только на картинках и по телеку, а тут вот он, в натуре! И словно нарочно он останавливается совсем недалеко от нас. Открывается дверь. Наружу высыпают дети. Они скачут, прыгают, бесятся - в общем, ведут себя так, как и должны себя вести малявки их возраста (лет по 8-9 им на вид). Все разнокожие: темненькие, светленькие, жёлтенькие, негритята - всяких понемногу. За ними следом выходит женщина. Осанка такая, что аж самому хочется выпрямиться. Лицо спокойное и с лёгкой улыбкой, как у Рами-эмоса. Одета скромно, но представительно.

— Это ***о**ши*? - спрашиваю я шёпотом Марин, даже не показывая на неё - и так понятно, о ком речь.

— *К**а**о, **о**ши **э**рис.*

Дети бегут к памятнику, а мы предусмотрительно отходим в сторону. Самые прыткие, недолго думая, карабкаются на стул, и мы глазом моргнуть не успеваем, как они оказываются на коленях у мыслителя. Хохочут, толкаются, чешут Рами под мышкой, а самый

смелый забирается ему на плечи, держась за голову. Кто-то снизу начинает фотографировать, а верхний, весело смеясь, машет рукой и поднимает палец, копируя памятник. ***Оши*** неторопливым шагом идёт следом за детьми, ничего не говоря и не пытаясь их образумить. Подойдя поближе, она объявляет что-то, и пацаны, как по команде, спускаются вниз и бегут дальше.

— Они идут смотреть на производство, - шепчет Марин.

Замечаю белое здание неподалёку, к которому несётся детвора.

— Они её слушаются… - бормочу вполголоса.

— Само собой.

Бегут не все, а только самые активные. Остальные растягиваются по дорожке, а девочка, идущая позади всех вдруг останавливается и задумчиво смотрит в землю. ***Оши*** подходит к ней, трогает за плечо. Садится на корточки, чтобы быть лицом к лицу. Что-то спрашивает у малышки. Разговаривает с ней. Малышка прячет взгляд, но ***оши*** берёт её руками за плечи и, улыбаясь, что-то объясняет. Показывает на Рами-эмоса. Показывает на себя. Потом на неё. И кивает головой на остальных детей, которые уже далеко впереди. Девочка улыбается. ***Оши*** ей подмигивает, поднимается, берёт за руку, и они вместе отправляются догонять класс.

Я смотрю на эту сцену, а в глазах слёзы.

— Маркос? Что с тобой?

Через очки же не видно, правда? Шмыгаю носом, утирая глаза:

— Да так… Нравится она мне… ***Оши***… Классная работа, на самом деле.

— ***Оши*** - это одна из самых уважаемых профессий в *Полисе*. Но стать учителем непросто. Нужно иметь врождённый талант, характер, терпение, мудрость. А главное - нужно очень, очень любить детей!

Слышу это, и слёзы идут с новой силой. Текут по щекам. Я закрываю лицо.

— Да что с тобой такое?!

— Да… ничего…

— Ну скажи! Мне так интересно! Ты…

Мне хочется её обнять. Хочется рассказать ей всё, как есть! Я знаю: ей можно. Но пацаны не плачут. Пацаны не откровенничают. Особенно с девчонками. Ну только так… самую малость…

— Как думаешь, Марин: если бы я учился в *Полисе*, я смог бы стать ***оши***?

Вечер. Солнце уже зашло, но небо ещё светлое. Мы гуляли по городу и, наконец, пришли в *Дид**а**нг* - злачное место *Полиса*, район развлечений и тусовок. Гулянка здесь идёт круглые сутки, но вечером народу больше, чем днём, а ночью - больше, чем вечером.

— Ну как тебе? - задаёт Марин свой любимый вопрос.

Пожимаю плечами:

— …Вполне прилично. Совсем не похоже на наш свинарник.

— Прилично? В *Диданге*? Хм…

Мы глядим по сторонам. Бары, бильярд, игровые автоматы, музыка, танцы, даже бокс на ринге! Разноцветные огни, лужи и мусор на асфальте - всё как будто сделано для того, чтобы туристы могли сказать: «Да, в *Полисе* тоже умеют веселиться!». Но всё это как-то игрушечно по сравнению с нашей подземельной клоакой и её азартными играми, наркотиками, борделями, боями без правил, нищетой и кучей, кучей мафии. Но однако интересно, где же зелёные с хвостами? Вроде они должны быть где-то здесь, разве нет?

— Пойдём, сядем, подождём, - кивает мне Марин в сторону небольшого барчика на улице, словно прочитав мою мысль.

Подходим к стойке под навесом из крупной соломы, с мелькающими неоновыми надписями. Бармен тут как тут:

— Хеллоу, амигос! Вана дринк сом?

— Hi there! Daikiri for me, and… Bloody Mary for the gentleman, please[17], - говорит Марин на каком-то явно другом языке. Не даонийском.

Бармен тут же берётся за работу. Кроме нас за стойкой никого нет.

— Это… чё за язык? Английский, что-ли?

— Ага. Он думает, что мы иностранцы.

— А местные здесь тусуются?

— Да, но туристов больше.

— Расскажи, что здесь за развлечения? - спрашиваю я свою спутницу, развернувшись к улице вполоборота.

Марин рассказывает, а я слушаю. Всё оказывается, в общем, как я и предполагал: это такой детский сад для взрослых. Выпивка, зрелища, общение, танцы, даже есть массаж и бассейн, всякие стрелялки в игровой зоне, игры с призами - в целом очень весело, мило и безобидно. Но на злачное место это никак не тянет. Проституция здесь по факту запрещена. Ну, то есть, ей как бы можно заниматься, но нужна куча лицензий, надо платить огромные налоги, всё под строжайшим контролем, чтоб никакой мафии и сутенёрства - по факту, это запрет. Печь пирожки в *Диданге* будет выгоднее, чем быть шлюхой. Игровые

[17]Приветик! Дайкири для меня и… Кровавую Мэри для джентльмена, пожалуйста.

автоматы - вовсе не те «однорукие бандиты» в Подземелье, которые оставляют людей без гроша в кармане. Нет - ты платишь денежку, чтобы пострелять из бластера или погонять на виртуальной гоночной машине. Любые азартные игры - под полным запретом. Наркотики - да, есть, но очень лёгкие и, опять же, под строжайшим контролем. Если ты под таблетками, в бассейн тебя уже не пустят, на ринг - тем более. В общем, развлекайтесь, детишки, а воспитатель о вас позаботится!

Нам отдают нашу выпивку. Марин протягивает запястье, а бармен пикает по нему считывающим устройством. Я уже это видел. Они так платят. Приподнимаю маску, и через трубочку втягиваю в себя красную жидкость из ровного прозрачного стакана.

— М-м-м! Кровавая Мери! Водяра и томатный сок!

— Угу, - кивает Марин улыбаясь и потягивая свой коктейль из бокала.

— Откуда ты знала, что это мой любимый?

— По характеру определила, - хитро подмигивает она.

Я хочу что-то ответить, но вдруг...

— ...Чёрт, да вон же они! - бормочу, расплываясь в улыбке.

— Кто?

— Зелёные.

По улице в обнимку идут две девицы, покачивая задницами и элегантно размахивая хвостами с кисточками на конце. У одной кожа полностью зелёная, как бутылка из-под пива. У другой ничего нельзя сказать про цвет - всё тело наглухо забито татуировками. Я сижу и гляжу им вслед, присвистывая и потягивая Мэри.

— ***Э**урэка!* Мы их нашли! Давай пять, Маркос - Зоркий Глаз!

Мы даём друг другу звонкую «пятюню», чокаемся коктейлями и выпиваем за удачную охоту. Вот тебе и «зелёные с хвостами». Обычные девки-тусовщицы, только...

— Слушай, ну это как так? Они ими прям шевелили, я видел!

— Да, это настоящие хвосты. Как? Ну, *тэхнол**о**гиа*!

— *К**а**о, даол**и**то! Тэкнол**о**гиа!!* - раздаётся у меня из-за спины звонкий женский голос.

— *С**о**ла!!!* - визжит Марин и вскакивает со стула.

Она бросается в объятья к своей подружке, а я натягиваю маску и оборачиваюсь на стуле, чтобы получше её рассмотреть. Смуглая стройная блондинка в лёгком платье с глубоким вырезом до самого лобка, на котором красуется большая мохнатая пчёлка с яркими жёлтыми полосками. Пользуясь тем, что в очках, я рассматриваю всю поверхность её тела, одна часть лучше другой, и лишь спустя минуту замечаю, что она, вообще-то, с парнем. Точнее, с двумя парнями.

Марин и Сола что-то оживлённо обсуждают и хохочут, а я складываю ладони вместе, чтобы поприветствовать парней Солы, и они отвечают мне тем же. Беру со стойки стакан с выпивкой и приподнимаю как бы в их честь. Они на это реагируют очень хорошо - улыбаются и кивают одобрительно. Ну а я отправляю очередную порцию алкоголя в свой желудок и продолжаю разглядывать Солу во всех её прекрасных подробностях - отличное сочетание!

Наконец, наговорившись вдоволь, подружки обнимаются, целуются, и прощаются.

— Та самая Сола?... - говорю, задумчиво глядя ей и её парням вслед и вертя в руке пустой стакан.

— Как она тебе? - хитро подмигивает Марин, в очередной раз читая мои, в этот раз очень мужские мысли.

— Она хороша... - говорю, кивая так многозначительно, как только можно.

— Да, она популярна у парней.

— А ты?

— Я? Не знаю... Знаю, что ты выпил гораздо больше меня. Нам бы прогуляться и проветрить твои пьяные мозги.

— Звучит... очень разумно! Но ты разве не допьёшь своё?

— Неа. Пошли.

Мы отправляемся дальше, гулять по *Дидангу*.

— Сола мне предложила потусоваться вместе, но я сказала, что у нас другие планы.

— Правильно. Вдруг я бы чё-нибудь ляпнул на пьяную голову.

— Так что надо нам уходить. Хоть тут и весело.

— Да ладно... Посмотреть было интересно, но в целом тут нефиг ловить. Погулять по городу было куда интереснее. Ох ты! А что это там за дворец?

Я вижу вдалеке очень-очень красивое здание с огромным куполом и двумя длинными остроконечными башнями. Оно подсвечено и сияет в вечернем сумраке своим белым расписным фасадом и оконцами необычной, изящной формы.

— Это не дворец. Это мечеть Фатима аль-Фахми. Ну, там где молятся.

— В смысле, как церковь?

— Ну да. Только мусульманская.

— Погоди, - останавливаюсь я, напрягая память. - Фатима аль-Фахми. Знакомое имя. Это же... это тёлка Георгия.

— Маркос!

Я тут же зажимаю рот рукой. Подземелье во мне никуда не делось. Под алкоголем оно особенно заметно.

— Прости, я имел в виду… они с ним…

— Да, она была его возлюбленной. И они работали вместе.

— Пошли поглядим поближе!

— Пойдём.

Мы идём из *Диданга* в направлении игрового поля, на дальней стороне которого как раз и стоит мечеть. Если б не это поле, её бы и не было видно. Ну только верхушка и башенки. Но отсюда, из *Диданга*, где одни малоэтажки, она видна во всей красе.

— Слушай, объясни мне, я чёт не догоняю: эта Фатима, она ж вроде не богомольная была совсем. Ну, как это называется…

— Атеистка.

— Да. И в честь неё построили церковь? Мечеть?

— Откуда ты вообще про неё знаешь?

— Я читал биографию Георгия.

— Ах, да!

— И там было про Фатиму. Я спросил Гермеса, чего да как. Ну а он говорит: зарезали. Собственный брат зарезал. Видать он богомольный был на всю голову. А она нет. Ну она к нему приехала, и того… Нафига приезжала, дурочка? Он же вроде обещал её прирезать, не? Предупреждал…

— Она приехала на похороны отца.

— А, во как… Не побоялась… Уважуха… Смелая девчонка… Не, на самом деле.

— Да, она была очень смелой.

— И чё дальше было?

— Гиоргиос поклялся отомстить. Но не одному брату. А всей Саудовской Аравии. Семья аль-Фахми была очень влиятельной. У них была доля в нескольких крупных нефтяных компаниях, и в правительстве были свои люди. Гиоргиос им пообещал, что они разорятся и погрязнут в нищете, потому что их нефть станет никому не нужна. В общем, так и случилось. На это понадобилось 30 лет.

— Как это случилось?

— В *Полисе* изобрели фотонный реактор.

Мы обходим поле с правой стороны, и мечеть уже совсем близко. Я всё разглядываю её и удивляюсь. Как непохожа она на всё, что вокруг! Как будто из другого мира. Островок веры в городе науки, технологий, дронов и самоуправляемых электромобилей.

— И что, эту мечеть построили в память о Фатиме? Но её же убили из-за веры.

— Да, всё так. Под конец жизни Гиоргиос вышел на связь с двоюродным братом убийцы. Он предложил примирение и сотрудничество, если виновный понесёт наказание. Так и было сделано. Убийцу под старость лет посадили в тюрьму, где он и скончался. Была запущена программа партнёрства, в рамках которой в Саудовской Аравии построили несколько фотонных реакторов. А в Полисе в знак примирения возвели мечеть в честь Фатимы. Вот такая история.

Мы стоим у входа в мечеть перед огромными резными дверями, а я всё смотрю на башни, запрокинув голову.

— А эти башни для чего?

— Это минареты. В давние времена с них зазывали на молитву. Сейчас этого не делают. Кому надо, тот приходит внутрь и молится.

— А мы можем зайти? Очень интересно, как оно внутри!

Марин раздумывает.

— ...Мы, вообще-то, выпили. Так-то можно было бы, но...

— Да ладно тебе! Мы же всего капельку! Оно уже выветрилось.

— Ну не знаю...

— Пойдём, никто же нас не убьёт!

— Не убьёт, конечно... Но мы поступаем не очень хорошо.

— А то, что мы не мусульмане, это разве хорошо?

— Это как раз всё равно.

Она приближается ко мне и принюхивается рядом с маской, чтобы понять, не разит ли от меня выпивкой.

— Ладно. *Ди**а**бло к**а**о!* Пошли.

Заходим через большие двери. Нас встречает служащий в тюбетейке и женщина, затянутая в рясу (или как там у них это называется). Складываем ладони вместе, здороваемся. Марин дают чёрный платок, и она обматывает им голову, спрятав волосы, чтобы видно было одно лицо. В этом платке она кажется ещё белее. «Нам в разные стороны», - показывает она мне жестом, и мы расходимся - я налево, а Марин направо.

Перед входом в зал снимаю обувь - так показано на картинке. Ступаю в носках по мягкому ворсистому ковру. Захожу внутрь через небольшую дверь, и... бог мой!...

Вначале просто стою, разинув рот. Стою и не верю глазам. Я как будто и правда попал в другой мир. Огромное пространство! Расписной купол над головой, такой, что аж голова кружится. И тишина. Удивительная и ни на что не похожая тишина. Нет, звуки слышны, конечно - шорохи, шёпот людей

• но всё это на фоне глубокой, неземной тишины и полного спокойствия.

Покоя. Как у мамы в животике.

Я вижу, как мужчины проходят в зал. Опускаются на колени. Кланяются. И волей-неволей я делаю то же самое: опускаюсь коленями на мякоть ковра… складываю ладони… кланяюсь… Кланяюсь этому покою. Этой тишине. Этой красоте. Этим надписям повсюду на неизвестном мне языке. Чувствую себя маленьким. Очень маленьким. Но всё это пространство вокруг как бы говорит мне: «Я позабочусь о тебе. Прими мою любовь. Растворись во мне. Поклонись мне. Я - твой бог.»

В зале раздаётся голос. Песня. Протяжная и переливающаяся. Все мужчины вокруг опускают головы на пол, сложив ладони, и я делаю то же самое. Я понимаю, что это молитва. Мне спокойно. Мне хорошо. Я готов так сидеть, склонившись, час, два, может больше, и слушать, слушать… Просто быть в этом. Я понимаю, что мне, наверное, нигде не было так спокойно. Мне хочется повторять слова молитвы, и мне становится жалко, что я их не знаю.

Я не знаю, сколько длится молитва. Когда она заканчивается, я понимаю, что потерялся во времени, и что на самом деле мне всё равно. Я нехотя поднимаю голову с ковра с мокрыми глазами. Оглядываюсь по сторонам. Замечаю справа женскую половину и замечаю Марин. Ей идёт платок. Чёрт, ей что угодно идёт! Но я отворачиваюсь, чтоб никто не думал, что я пялюсь на женщин. Здесь так не нужно. Я это понимаю. Кланяюсь ещё разок. Встаю. Снова окидываю взглядом зал и, глубоко выдохнув, иду к выходу.

В «предбаннике» обуваюсь и встречаюсь с Марин. Она отдаёт платок, и мы выходим. Некоторое время идём молча. Эта тишина, этот покой… он всё ещё во мне, и я боюсь его спугнуть. Мне не хочется расставаться с ним.

— Ну как? - прерывает Марин наше молчание.

— …Ещё пару раз туда сходить, и я поверю в бога.

— В Аллаха. Мусульмане бога называют Аллахом.

— Ну, в Аллаха значит. Не всё ли равно, как его назвать…

— Скажи это тем сотням миллионов людей, которые погибли в религиозных войнах.

— Ох…

— Религия - это очень мощный социальный ген. Ислам существует уже пару с лишним тысячелетий, и ещё просуществует столько же.

— Ну а ты совсем-совсем не веришь?

— Как тебе сказать… Помимо религий есть ещё *учения*. Буддизм, даосизм, конфуцианство, стоицизм. Стоицизм очень распространён в Полисе и, наверное, он мне ближе всего.

— Стоицизм? А что это такое? В чём его суть?

— Суть в том, чтобы стремиться к высшему, к добродетели. Становиться более мудрым, более смелым, более...

— Более добрым?

— Ну да.

— И всё?

— Стоицизм учит не привязываться к материальным ценностям. Не зависеть от них.

— Не курить, не пить. С мальчиками не целоваться.

— Это всё можно, но у стоиков это всё относится к категории *прэфэрис индифэрэнтис* - «предпочтительных безразличных». То есть: хорошо, если есть, но если нет - то и ладно.

— Пофигизм, короче.

— Ну нет, по-другому!

Мы идём прочь от мечети и разговариваем на высокие темы: о боге, вере, добродетели. О том, о чём в Подземелье я не говорил ни с кем и никогда. Я думал всё это чушь собачья, но, оказывается, это до жути интересно! Отчаянно рыскаю глазами вокруг в поисках бара, где мне смогут сделать ещё одну Кровавую Мэри. Ведь без выпивки в этом всём не разобраться! Это ясно, как солнце над Полисом!

14

«Сколько у тебя денег?» На этот вопрос почти любой в Подземелье легко даст ответ, просто порывшись в своём тощем кармане. Но спроси то же самое у гражданина *Полиса* - и он не сможет ответить. И вот почему.

В Подземелье цена - это одно число: то, сколько круглых ты должен отсыпать за товар. В *Полисе* же цена - это два числа. Первое - количество уплачиваемых *лептосов* (так называется их валюта). А второе число - это срок, в течение которого их нужно уплатить. То есть бургер, к примеру, может стоить один лептос за два дня или один лептос за семь дней. Это две разные цены, и вторая - дешевле. Но вот что самое любопытное: эти *лептосы* все электронные и платятся они равномерно в течение всего срока. Каждую секунду, каждое мгновение с момента оплаты деньги текут равномерной струйкой из моего кармана в карман продавца. Чем дольше срок, тем струйка тоньше. Это называется *торэнтиси монетарис* - денежные потоки.

Единоразовой оплаты почти не бывает - за всё платится именно потоками. Ими же платят и *рэдитос-тотис базис* - базовый доход - а также зарплату и прочие заработки. То есть деньги тебе платят не раз в месяц или раз в неделю - их льют постоянным, равномерным ручейком. От этого ручейка дальше ты можешь перенаправлять денежные струйки в оплату электричества, связи, и других ништяков, за которые ты тоже платишь постоянно, каждую секунду. С электричеством забавно: ты щёлкаешь выключателем, свет загорается, а деньги в этот момент начинают течь с твоего счёта на счёт электрической компании со скоростью один лептос за стандартную единицу (не помню, сколько это в ваттах). Я

никогда раньше о деньгах так не думал. Мне стало жутко интересно, и я спросил Гермеса, откуда вообще появляются деньги в *Полисе*? Кто их печатает? Кто создаёт эти волшебные электронные ручейки благополучия? Ответ был удивителен своей простотой и сложностью одновременно. До сих пор он до конца не уложился в моей голове, но вот как я это понял.

Выпуском денег в *Полисе* занимается Центральный Энергетический Банк. Это огромное хранилище электроэнергии, сотни, тысячи ионных накопителей. Энергетический Банк покупает энергию у любого желающего (чаще всего, производителей энергии) по цене один *лептос* за стандартную единицу, и при покупке он выпускает - «печатает» - этот самый *лептос*, и им и платит. Продаёт энергию банк по той же самой цене - один *лептос* за стандартную единицу - и получив в оплату деньги, он их сжигает. Таким образом, количество *лептосов* в экономике всегда примерно равно количеству запасов энергии. Это делает *лептос* очень «стабильной и предсказуемой валютой», только что именно это значит, я пока не очень догоняю.

Я стараюсь экономить электричество и вообще, вести себя скромно, чтобы от базового дохода *гранд**а**ли* отщипывать поменьше. Я живу у Марин уже больше месяца в режиме домашнего котика. Много пью кофе. Много общаюсь с Гермесом. Учу *даон**и**три*. Узнаю про *Полис*. Мне особенно интересно: как так получилось, что его построили прямо у людей над головой, и почему Подземелье стало Подземельем? Ответов много. Они все очень разные, и я пробиваюсь через эти заросли информации, пытаясь понять, где факты, а где просто чьё-то мнение. Тяжело. Я только сейчас стал по-настоящему понимать, что это не одно и то же. Странным образом мне в этом помог язык *Полиса*. На одном из наших с Гермесом занятий выяснилось, что для «знаю» в *даон**и**три* есть два слова: *гн**о**зо* и *гэнзо*, и значат они разное.

*Гн**о**зис-т**о**тис* - это твёрдое знание на основании личного опыта и неопровержимых фактов. Это когда ты спокойно поставишь тысячу фишек на то, что всё так и есть. Пример: теорема Пифагора. Я знаю, что она верна. Я видел доказательство.

*Гэнзис-т**о**тис* - это «как бы знание». Осведомлённость. Что-то, что лишь с долей вероятности может быть правдой, а что это за доля вероятности - ну, дружок, решай сам. Пример *гэнзис-т**о**тис*: «в новостях рассказали, что он убил». Или: «первый гексос строился на деньги Георгия - фонд Интелиа Кэпитал - совместно с фондом Читрикиани Инвэстмэнтс». Правда? Ну, наверное. Но это *гэнзис-тотис*, а не *гн**о**зис-тотис*. Они эти понятия разделяют прям в языке, и скажу честно, мне это здорово помогает.

Иногда я прогуливаюсь в окрестностях, но осторожно и обычно вечером. Марин с головой в учёбе - итоговые экзамены через месяц. Часто ходит к Эли, своей рыжеволосой подружке, и та тоже к нам захаживает. Когда она здесь, я стараюсь вообще на глаза не попадаться - у Эли очень проницательный взгляд, и я боюсь, как бы она не раскрыла нашу схему. Сола тоже заходит в гости. Её я опасаюсь меньше, но всё равно стараюсь не отсвечивать. Вместе они к Марин никогда не приходят, потому что «учёбы тогда не будет никакой». С Фэросом она тоже ходила гулять пару раз, но всё остальное время у неё школа

и подготовка к экзаменам. В такой обстановке валять дурака просто стыдно, и я тоже, как последний заучка, провожу с Гермесом дни напролёт.

Суббота. Время обеда. Марин сидит в кресле в очках и молча смотрит в пространство - читает. Я жую бутерброд и гляжу в окошко. Погода, по словам Марин - *мэрдо тотáлис*, то есть «полное дерьмо». Хотя мне здесь любая погода нравится. Ну и что, что дождь? Ну и что, что ветер такой, что мозги выдувает через уши? Всё лучше, чем мрак Подземелья. Делюсь этой мыслью вслух даже не надеясь, что меня услышат. Но проходит с минуту, наверное, и я слышу в ответ:

— О! Кажется, кое-кто похож на тебя. «Ливень, гроза и ураганный ветер! Серое небо и такое же серое настроение. Хочется выйти на улицу и заорать так, чтобы услышал весь *Полис*! Не будем же себе отказывать, друзья! Через полчаса. Через полчаса соберёмся на микро-концерт и покажем, что мы - тоже стихия! Что мы - гроза, буря и гром! Концерт Кармы. На площадке номер 10. Два часа дня. Покричим как следует!» ***Эбо***! Карма выступает!

— Чего? Кто это? Что это?

— Это один из моих любимых исполнителей! Надо идти.

— На концерт? Через полчаса?

— Да! На микро-концерт. Очень в тему! А то я что-то заучилась совсем. Ты пойдёшь?

— Я?? Э-э-э… ну-у… а чё нет-то?… Пошли… Одеваться как обычно?

— Одеваться… нет, знаешь: надень своё чёрное, подземельное. Будет в самый раз. Пойду тоже наряжусь. Десять минут - и стартуем.

Офигеть. Внезапно… Ну ладно, посмотрим, что это за… микро-концерт. Я и на обычных-то концертах никогда не бывал. На третьем круге мог бы сходить, но как-то не сложилось. Были другие дела. На восьмом - понятное дело, и думать нечего. Там телевидение-то не всегда работает, не то что концерты.

Иду к себе в комнату и напяливаю своё «подземельное». Полчаса. Это ж совсем скоро! Как мы успеем? Хотя… разве это проблема, когда в любой точке *Полиса* ты можешь оказаться за 10, максимум 15 минут?

Переодевшись, возвращаюсь в гостиную. Сажусь на диван. Разглядываю себя. Вспоминаю, как впервые оказался в *Полисе*. Как ждал встречи с «зелёными» и как удивился встрече с людьми. Как думал, что мой прикид меня тут же выдаст и как потом понял, что здесь на тебя никто не обратит внимание даже если ты ходишь голым. Ну только что татухи твои синюшные заметят, ну так и что? Может, ты турист. *Форэнд**а**ни.* Откуда-нибудь из неблагополучных «красных морей»…

Слышу стук ботинок по ступенькам. Это Марин. Поворачиваюсь, и… замираю… увидев её прикид. Высокие чёрные боты на толстой платформе, чёрные леггинсы и чёрная юбка. Чёрный корсет! Голые белые плечи, чёрные ногти. Чёрная помада на губах и тёмная подводка вокруг глаз. Сижу и смотрю, не шевелясь, с отвисшей челюстью. Девочка-смерть.

Она спускается и подходит ко мне, встав в позу:

— Как я выгляжу?

— Э-э-э… из отличницы в двоечницу?

Она хохочет в ответ, показывая белоснежные зубы:

— Я отличницей никогда не была!

— Но двоечница из тебя - то, что надо! А мой прикид точно подойдёт?

Хотя теперь я уже меньше сомневаюсь.

— Надень маску и очки.

Надеваю.

— Сними очки.

Снимаю.

— Вот так в самый раз! *Вэнэ**о**м.*

Приезжаем на площадку. Открытая сцена с большим навесом. У сцены - человек пятьдесят. Стоят, ждут. Общаются. По сравнению с ними Марин ещё скромно оделась - тут такие персонажи, что глаза на лоб лезут. Вижу парня с огромным красным ирокезом, а в лысую часть головы вкручены болты на гайках - не шучу! То есть изнутри вставлялся болт, а снаружи гайкой затягивали - прямо через кость. Капец… Можно было бы подумать, что это просто накладки декоративные, но я знаю этих ребят: нет, не накладки. У кого-то череп на лице вытатуирован. У кого-то уши с острыми концами аж до самой макушки. У кого-то глаза светятся фиолетовым. Ну и компания! Здесь нормальные люди вообще есть?

Подходим поближе. С Марин здоровается парень, от которого я чуть не шарахаюсь. У него нет кожи на лице. Её содрали или… срезали… только мышцы, кости и связки торчат. И двигаются. Но в то же время интересно: а как это так? Они о чём-то болтают пока я стою рядом, и видно, как мышцы на лице натягиваются, когда он улыбается. Выпученные глаза крутятся, и даже нос подёргивается слегка. Прям живой учебник по анатомии! А как он так живёт? Там явно есть какой-то технологический фокус. Нельзя просто взять и содрать с себя шкуру - сдохнешь же!

Марин что-то говорит про меня, и парень, переведя на меня взгляд, складывает ладони вместе, а я делаю то же самое. Но, конечно, мы для него простоваты и явно не из его тусовки, и вскоре он уходит обратно к своим безумным корешам.

— Ну как тебе? - подмигивает Марин, задавая свой обычный вопрос.

— Жесть… Это твой друг?

— Просто знакомый. Из фан-клуба Кармы. Они там все такие.

— А ты не из фан-клуба, получается?

— Ну куда мне! Ты же всё видел. Я так… фанатка третьего эшелона.

Стоим. Ждём. Народ тусуется, хохочет, попыхивает вейпами, кое-кто фляжечку в себя запрокидывает. Готовятся, в общем. Дождь льёт нам на головы, и мой капюшон уже почти насквозь промок, а Марин с голыми плечами стоит под дождём, как ни в чём не бывало.

— Тебе не холодно? - спрашиваю.

— Есть немного, но это ничего. В нас встраивают специальные гены для устойчивости к холоду, так что всё в порядке.

Народ потихоньку прибывает.

— Вообще негусто людей, да?

— Фанаты приехали самыми первыми. Сейчас остальные, кто может, подтянутся. Но много зрителей не будет, да. И так-то не очень популярный артист, а если ещё и предупреждать за полчаса… О чём его продюсер вообще думает?

— Ну ты же пришла.

— Ну да…

Фанаты спереди свистят, хлопают, напевают песни - видимо, его, Кармы - а остальные пытаются подпевать. Несмотря на дождь и ветер, люди помаленьку собираются, и вокруг нас уже человек двести.

Крики и свист вдруг резко усиливаются.

— Два часа дня, - объясняет Марин. - Должны уже начать. Но минуток десять ещё подождут, чтоб побольше людей собралось.

— А почему *микро*-концерт?

— Сыграют две-три песни. И всё. Такой формат. Для больших концертов им пока не хватает аудитории, но маленькие - могут себе позволить. Так и раскрутятся постепенно. Надеюсь!

Гляжу по сторонам. Достаю свой вейп и тоже аккуратненько пыхаю, приподняв маску, а Марин отмахивается от моего дыма. Интересно, если бы эти панки у края сцены знали, что я с восьмого круга, что бы они сказали? Приняли бы как своего или, наоборот, окрестились бы? Думаю, скорее второе. Настоящего безумия они не видели. И слава богу, их счастье.

На сцену выходят музыканты и настраивают инструменты под рёв и рукоплескание публики.

— Кто из них Карма? - спрашиваю вполголоса.

— Пока не вышел. Как выйдет - сразу поймёшь.

Гитарист даёт звук, и грохот электрогитары ударяет в уши. Воу, нихрена себе! Интересненько, что же это такое будет? Явно какая-то тяжёлая музыка. Рок, или что-то в этом духе.

— Что за стиль? - спрашиваю у Марин.

— Хард эмо, - отвечает она.

— Не знаю, что это.

— Сейчас узнаешь.

В этот момент на сцену выходит… боже мой, что это? Весь в коже, фиолетовые волосы до пояса, длинный хвост с пушком на конце, эльфийские уши, губы накрашены в чёрный цвет, как у Марин, фиолетовые ногти, тоненькие ножки в обтягивающих блестящих штанах и туфли на высоком каблуке и платформе. Руки - одна большая татуировка. Может быть, это *его* я видел тогда, в Диданге? Или *её*…

— Бонавитас!!! - выкрикивает оно в микрофон, и публика взрывается восторженным ором и свистами в ответ.

— Это парень или девка? - спрашиваю я Марин в полном офигении, перекрикивая толпу.

— Сейчас - не знаю, - кричит она в ответ. - Он так часто меняет пол, что я уже запуталась.

— Мда… интересные у тебя вкусы, - говорю я вслух, но так тихо, что в шуме толпы меня не слышно.

Артист молчит. Смотрит на нас своими разукрашенными глазами. Публика стихает. Ждёт. Какое-то мгновение - полная тишина, и только слышно, как падает дождь… И тут вдруг Карма издаёт в микрофон пронзительный рычащий крик, шарахают инструменты и начинается музыка - тяжёлая электрогитарная музыка с грохотом барабанов, с чем-то очень агрессивным, страшным и угрожающим, но в то же время мелодичным и захватывающим. Толпа прыгает и раскачивается в такт.

Мелодия сменяется на спокойную, музыка льётся мягче, добавляются клавиши, а Карма начинает петь, плавно размахивая хвостом. А голос-то хороший! Прям хочется слушать, несмотря на каблуки и смену пола. Очень странное ощущение!

Но тут гремит припев, музыка резко утяжеляется, а певец снова переходит на хриплый крик. Звучит этот крик так истошно и так устрашающе, что просто диву даёшься, как он может исходить из такого изящного, манерного и хрупкого создания! Толпа прыгает и безумствует, Марин неистово машет волосами, кто-то рядом хватает меня за плечо, и я тоже начинаю прыгать и трясти головой в такт барабанам, чувствуя, что я больше не могу сопротивляться, что я часть этого безумия, и что пытаться что-то понять и как-то соотнести с тем, к чему я привык, уже совершенно бесполезно. Просто отдаться этому - вот и всё.

Артист прыгает по сцене, каблуки ломаются, он сбрасывает туфли и бегает босиком, протягивает руку фанатам, машет своей фиолетовой гривой, крутится волчком и умудряется ещё как-то петь при этом. Просто невероятно…

Музыка опять успокаивается, но не надолго. Карма пропевает мелодичным голосом полкуплета, но становится снова тяжело, и тональность, кажется, повышается, и он снова переходит на рык, но ещё более пронзительный, ещё более безумный, а затем… затем с

рыка на голос, протяжный, сильный и высокий, потом ещё выше, и ещё… с вибрацией… боже… и это всё из одного рта… из одного горла… как это вообще?…

Заканчивает он на немыслимо высокой, звенящей ноте, а все просто стоят и смотрят, замерев. Финальный аккорд. Последний удар по барабанам. И восторженный, неистовый вопль толпы, к которому и я присоединился, сам от себя этого не ожидая. Безумие. Полное безумие…

Карма берёт гитару. Садится на высокий стул, положив ногу на ногу, сверкая босой ногой с накрашенными ногтями.

— *В**и**вис-т**о**тис фин**а**лис*, - объявляет он в микрофон, и фанаты взрываются визгом.

— «Последняя жизнь», - переводит мне Марин. - Так песня называется.

Он начинает играть что-то очень красивое. Как будто рассказывает историю. У нас нигде и никто не играет так, даже и близко. Здесь вообще крутые музыканты. И Карма - один из них. Всё моё высокомерие к нему исчезает без следа. Никто. Никто так не играет в Подземелье. Никто так не поёт. Для этого… для этого нужно быть… свободным!

Карма начинает петь. Все подпевают, слово-в-слово. В том числе и Марин. Я один стою молча, но из-под маски не видно. Жаль я не знаю слов. Жаль не понимаю, о чём он поёт. Но это очень трогательная песня, это слышно и видно. Трогательная и со смыслом.

Вступают барабаны. Появляется ритм. Люди начинают раскачиваться. Марин вдруг берёт меня за руку. Крепко-крепко. Она смотрит на меня, а я на неё. Сердце колотится, как бешеное. Я беру её за талию. Мы прижимаемся друг к другу и танцуем. Я как будто пьяный. Музыка. Необыкновенный голос. Голые плечи Марин и её чёрные-чёрные волосы. Их запах. Её глаза… самого прекрасного цвета…

Я не успеваю заметить, как песня заканчивается. Я бы, наверное, хотел, чтобы она играла вечно. «*Анк**о**рэ!*[18]» - орут фанаты и наперебой выкрикивают что-то. Видимо, названия песен.

Карма встаёт со стула. Оставляет гитару. Начинается вступление третьей песни. В такт музыке он делает хлопок в ладоши. Ещё раз. И снова. Дожидается, когда все начнут хлопать вместе с ним. Мы продолжаем хлопать, а он просто кивает головой. Короткая пауза - и музыка шарахает в десять раз тяжелее. Мы хлопаем, прыгаем и качаем головами, а Карма скачет по сцене вместе с остальными музыкантами (ну, кроме барабанщика, тот сидит на месте).

И снова безумных рык сменяется мелодичным вокалом и удивительными, внезапными, невообразимыми перепадами настроения. На переднем крае, среди фанатов, творится полная дичь. Как будто драка. Но нет, они просто прыгают и толкают друг друга, с разбегу набрасываются, трясут ирокезами, кто-то к кому-то забирается на плечи - в общем, соревнуются в безбашенности с Кармой и между собой, оставив нас, остальных, далеко позади.

[18]Ещё!

Как? Как ему удаётся такое сделать с людьми за каких-то пятнадцать минут? Ужас… фантастика…

Третья песня заканчивается, но, чёрт вас возьми, я хочу ещё! Публика в один голос просит: «*Анкорэ*!!!». Сцену освещает проблеск солнца - кажется, погодка-то налаживается!

— *Сола. Драпис тэмпо*, - объявляет Карма, брезгливо прищурившись, а все в ответ хохочут.

— «Солнце. Пора сваливать», - переводит Марин.

Ну и шуточки! Не жил ты в Подземелье, дорогой.

Мы стоим и ждём ещё несколько минут, но становится понятно, что и правда всё. Люди быстро расходятся, и спустя пять минут у сцены уже нет никого. Дождь прекратился. Мы идём, сами не зная, куда.

— Как тебе концерт? - спрашивает Марин.

— Это… - улыбаюсь я сквозь маску. - Это было мощно… Это было омерзительно… Это было потрясающе… Это было страшно… Это было больно… Это было лучше, чем всё, что я слышал. Честно, я… я столько эмоций разом за такой короткий срок ни разу в жизни не испытывал. Но я никак не думал, что тебе нравится такая музыка.

— Мне нравится разная музыка. Вернёмся - включу тебе что-нибудь… совершенно другое.

— Мы как, на такси?

— Знаешь… - говорит Марин, взявшись за подбородок и прикидывая, - тут рядом есть одно местечко. Я думаю, нам стоит сперва туда заглянуть. Тебе будет интересно. Мы сейчас как раз в подходящем виде.

Мы проходим одну грань гексоса и переходим дорогу. Я как всегда с интересом озираюсь по сторонам. Здесь что-то вроде небольшого парка. Ветер становится сильнее.

— …В общем, Сола первой выбрала себе имя. Следом за ней - я. А Элионор мы предлагали стать Л**у**ной. Классно было бы: Сола, Марин и Л**у**на! Но она нам: «Дурочки, имя - это на всю жизнь.» А мы ей: «Нет, его можно менять!» А она: «Лучше сразу выбрать нормальное.»

— Она у вас, типа, за разум, да?

— Ага! А Сола - за чувства!

— А ты?

— Я… Хи-хи… Я - за безумие.

— То есть ты из-за Солы выбрала себе имя Марин?

— Нет… просто… просто мне кажется, что море - это моя стихия.

— Ты была на море?

— Да, конечно. Много раз.

— Да ты что!! А на каком? Где?

— Ты так спрашиваешь, как будто это что-то необычное, - улыбается она. - Нас возили в разные места, разные уголки планеты. Мы были на… *Мар**и**на Медитэрис* - это… не знаю, как на *субкхран**и**три*… *Мар**и**на Рэджис* - это Красное Море… *Мар**и**на Нэгрис* - Чёрное Море… на севере были, на *Мар**и**на Бл**и**с*. Чёрное Море - моё любимое. У него цвет такой…

— Чёрный?

— Нет, не чёрный, но… тёмно-тёмно синий. Такой глубокий синий цвет, с оттенками, которые… их не передать. Мой учитель по графике сейчас очень сильно ругался бы, он столько времени нас учил объяснять цвета, но… правда, я не могу. Это что-то особенное. Кстати, мы пришли.

Мы в небольшом парке, на мощёной дорожке, ведущей к фонтану. Мы идём по ней.

— Что я должен увидеть?

— Этот памятник называется *К**у**по Тр**и**стис* - Чаша Скорби. Вон он, впереди.

— Вот тот фонтанчик?

— Да.

— Красивый…

— Он поставлен в память о Большой Войне.

Подходим ближе. Вода льётся широким грибком и падает в поддон в форме глиняной чаши. Радиусом она метра четыре с небольшим. Мы встаём у края.

— Смотри.

Марин погружает голую руку в воду и поднимает что-то со дна. Я пытаюсь рассмотреть. Она держит между пальцами крохотный металлический шарик размером с дробинку.

— На нём надпись, - объясняет она. - Имя и причина смерти. Их трудно прочитать, поэтому…

Она подносит шарик к небольшой пластине на краю чаши. Рядом экран. На нём высвечивается надпись на даонийском.

— «Яна Вербер. 14 лет. Причина смерти - голод.», - читает вслух Марин.

— Это… она…

— Это жертвы войны. Погибшие. Все те, о ком удалось узнать. Хочешь - попробуй сам.

Засучиваю рукав повыше и лезу рукой в воду. Быстро достигаю зернистого дна. Оно всё из этих дробинок. Шарю рукой, беру пальцами одну. Достаю. Подношу к сенсору.

— «Прашан Кумар. 39 лет. Причина смерти - голод.», - читает Марин.

— Опять голод…

— Да. Большинство погибло именно от голода. Ядерная зима длилась 11 лет.

Я снова забираюсь рукой в фонтан, стараясь погрузить её поглубже и достать до дна, но дно сильно ниже. Рука ушла почти по локоть в металлический песок, рукав мокнет. Я роюсь в песчинках и достаю целую пригоршню. Гляжу на эти шарики, держа их в ладони. Все, как один, похожие друг на друга. Каждый - человеческая жизнь. И смерть. Выбираю ещё один, наугад. Подношу к панели.

— «Ли Вэй. 71 год. Причина смерти - голод.»

— Голод… - повторяю я, тупо глядя на песчинки. - …Сколько их здесь?

— Почти пять миллиардов.

— Пять миллиардов… - тихо прикидываю я вслух. - …Одна горошина - миллиметр в диаметре. В метре - тысяча миллиметров, в квадратном метре - миллион, в кубическом - миллиард. Это значит… их здесь где-то… пять кубометров…

Пытаюсь себе представить это, и ладонь в бессилии опускается, а шарики скатываются с неё и с шумом сыплются в воду. Губы подрагивают. Глаза становятся мокрыми.

— Действительно… чаша скорби.

Марин, глядя на меня, тоже шмыгает носом. Мы стоим так ещё какое-то время, молча глядя в воду.

— Спасибо, что привела меня сюда, - говорю и оборачиваюсь к ней. - Поехали домой.

Дома Марин первым делом возвращает себя в обычный вид. Получается у неё это удивительно быстро. Замечаю, что такая резкая перемена мне по-мужски кружит голову. Да и в целом, оставаться с холодной головой мне всё труднее и труднее с каждым днём. Это неудивительно. Я знал, что так будет, но… поиграем в это ещё немного. Поиграем.

— Ты чего сидишь мокрый?

— А… да… надо переодеться. Столько впечатлений… Перевариваю. Кстати, ты обещала мне включить «другую музыку».

— Точно. Ну, давай например… *Хэрмэс, элумди «Ивнис - Дуо Читаси»*. Пусть будет так.

— *Као, грандали.*

Раздаётся звук гитары. Мелодия. Красивая, но не такая, как у Кармы. Что-то хитрое, узорное. Задумчивое. Мужской голос звучит. Глубокий, бархатный. За ним второй. А потом третий, и все звучат как-то… очень необычно круто вместе.

— Ух ты! - пытаюсь я выразить свои ощущения, как умею.

— Эти ребята играют и поют в старокавказском стиле.

— Как они классно… это… в несколько голосов, да?

— Это знаменитое кавказское многоголосье! В несколько интервалов. Очень красиво…

Звучит песня на *даон**и**три*. Голоса, конечно, такие, что закачаешься. И гитара. И флейта, кажется. Песня явно про любовь. Какая-то история. Грустная, но в то же время с надеждой. Цепляет. Берёт за душу, хоть я и не понимаю слов. Эти голоса, так мастерски звучащие вместе! Пробирает аж до слёз. Вот, что значит, искусство!

Различаю куплеты и припев:

*Ар уав**о**м инф**а**нтосиз пэрэри - чептрэб**и**.*

***Э**рис **а**мос-т**о**тис шэ носэвэ содэв**и**.*

*Ар уав**о**м инф**а**нтосиз пэрэри - чептрэб**и**.*

***Э**рис **а**мос-т**о**тис шэ носэвэ содэв**и**...*

Эти слова звучат в конце снова и снова. Какие-то из них мне знакомы!

— ...”Мы не будем иметь”... - пытаюсь я перевести.

— «У нас не будет детей, наверное, но это не важно. Зато у нас есть любовь.» Это песня про двух птиц разных пород. И у них - ***а**мос-т**о**тис*. Они всё время вместе. Вместе летают, вместе поют. Другие птицы не понимают их и гонят, но любовь слишком сильна. Сильнее ненависти. Сильнее страха. Сильнее природы. Такая вот песня.

— Да... очень непохоже на Карму, - говорю, и мы смеёмся.

— Ну а ты что слушаешь?

Ох, как внезапно...

— Я?... Ну... рэпчик в основном...

— Какой рэпчик?

— Эмм... да наш... пацанский... тебе не понравится.

— А вдруг? Давай послушаем!

— Да как? У меня ж нет с собой.

— В Интернете всё есть. Правда, Хэрмэс?

— Конечно, *гранд**а**ли*.

— Что-нибудь из подземельной группы Зеро есть у тебя? - говорю Гермесу в полной уверенности, что нихрена у него нет.

Но Гермес выкатывает нам на экран полную дискографию Зеро, хоть она и небольшая.

— Офигеть!... - бормочу, хлопая глазами.

— Вот видишь! - смеётся Марин.

— Давай вот эту! «Электрический Ток»! Моя любимая.

— Легко, братуха. Включаю «Зеро - Электрический Ток».

Вступление. Пианино. Алина на клавишах, как всегда. Шпала на барабанах. Никич и Горностай на микрофонах, а у Никича ещё басуха в руках. Вступает бас, биты - и понеслась!

Электрический ток - это наше всё.

Электрический ток днём мне светит в лицо.

Электрический ток ночью греет меня,

И только с током отличу я ночь ото дня.

Электрический ток в наших нервах бежит.

Электрический ток в наших окнах горит.

Током можно убить, током можно согреть,

Током можно песню записать и спеть.

Я смотрю на Марин. Она слушает.

В тёмно-серых кварталах, среди едкого дыма,

Тёмно-серые дни пролетают мимо…

Электрический свет - всё, что нам прописано.

Мы солнце видели только по телевизору.

Тихий стон бедноты, мелькают пешеходы,

Под ногами грязь, всегда одна погода.

Где-то шум перестрелки, прогремел и смолк.

Всё, как всегда: человек человеку - волк.

Сегодня ты на коне, а завтра ты в канаве.

Идёт навстречу толпа, они меня раздавят?

Я вот с этим знаком! Значит мы не враги?

Братуха, не в напряг: парой фишек помоги!

Я иду по трущобам, на ботинках слякоть.

Настроенье такое, что хочется заплакать.

Но только дать слабину - это, считай, умереть,

А мне ещё охота продолженье посмотреть

Того известного всем телесериала мутного,

Который нашей жизнью называют почему-то.

Кто-то напутал, подсунул мне роль чужую.

Вы что, не видите, что на неё не подхожу я?!!

Электрический ток - это наше всё.

Электрический ток днём мне светит в лицо.

Электрический ток ночью греет меня,

И только с током отличу я ночь ото дня.

Электрический ток в наших нервах бежит.

Электрический ток в наших окнах горит.

Током можно убить, током можно согреть,

Током можно песню записать и спеть.

Марин молча отходит к окну. Смотрит на улицу. Я смотрю на неё.

Кто же сделал тебя, небо, таким тяжёлым?

Хотя планы небес кто будет нам разжёвывать?

Мы биоматериал, случайно брошенный здесь.

Нам важно повкусней пожрать да поулётней съесть.

Может быть это месть?

Или прикол? Было б печально…

Но почему я правду знать желаю так отчаянно?

Быть любопытным, брат, рискованно здесь только,

Полиции не жалко электрического тока.

Мы все на волосок от смерти и страшной боли.

О счастье не мечтаем даже, о любви - тем более.

Но чтобы выжить, должны держаться друг за друга,

Иметь авторитет и пользу для ближнего круга.

Знакомый мне сказал, что током управляют боги.

Они не то чтоб за нас, но как бы и не против.

Но если кто-то из них дёрнет рубильник резко,

То вряд ли сможешь ты дослушать эту мою «песню».

Если вдруг тока не станет, что тогда с нами будет?

Мы в холоде и темноте перегрызём друг-друга.

Целым районом с лица земли будем стёрты.

А те кто выживет, будет завидовать мёртвым.

Электрический ток - это наше всё.

Электрический ток днём мне светит в лицо.

Электрический ток ночью греет меня,

И только с током отличу я ночь ото дня.

Электрический ток - это тонкая нить,

На которой висит наша скромная жизнь.

Электрический ток, я молюсь на тебя.

Сохрани и спаси нас! Аллилуйя. Аминь.

На последнем слове музыка заканчивается резко, как выстрел. Я смотрю на Марин. Она плачет! Я подхожу. Осторожно. Стараясь шагать как можно тише.

— Хорошая песня… - шепчет Марин сквозь слёзы.

— Согласен.

Она поворачивается ко мне. Лицо в красных пятнах.

— Прости меня, Маркос…

Она обнимает меня, вцепившись пальцами и уткнувшись мокрым лицом в плечо.

— За… за что, Марин? - говорю я, совершенно оторопев. «Никаких прикосновений.» Кажется, это правило сейчас не действует.

— За Подземелье. За всё.

— Но ты… ты же не виновата…

Она отрывает лицо и смотрит мне в глаза:

— Дашь мне сигарету?

— Сигарету?

— Да. У тебя их мало осталось, я знаю.

— Последняя, - говорю, улыбаясь.

— Мы ещё купим!

— Да ладно. Мне не жалко.

Покопавшись в кармане, достаю пачку с последней сигаретой и зажигалкой. Даю Марин. Она зажимает сигарету в губах и неумело чиркает кремнем. Забираю у неё зажигалку, и с первого раза извлекаю пламя.

— Вдыхай. Ну! Раскуривай!

Марин вдыхает, набрав дыма в лёгкие, и тут же судорожно откашливается, закрывая лицо и согнувшись пополам. Я осторожно забираю у неё из руки сигарету.

— *Тэос м**и**о…* - стонет она, прокашлявшись и моргая слезящимися глазами.

— Не надо, Марин, - говорю, глядя ей в лицо. - Лучше не начинай. Правда. Оставь это мне.

Сказав это, я отправляюсь на крыльцо, докуривать свою последнюю сигарету.

Этим же вечером я конечно же погружаюсь в статьи, видосы, и разные другие материалы о Большой Войне. Об этом, в отличие от Подземелья, информации предостаточно, а противоречий гораздо меньше.

Вкратце история следующая. Было несколько волн. Началось всё с Израиля и Ирана - это была первая волна, они схлестнулись в ядерной дуэли. Из-за чего и кто первый начал - это, в общем, вопрос религиозный, тут кто как думает и кто во что верит. По итогу этой «разборки» от Израиля остались только подземные бункеры, а Иран не знал, куда трупы вывозить. И хорошо бы остановиться на этом, но нет: пошла вторая волна, подключились Америка, Россия и Китай. Ну а следом уже стреляли все, кто мог. Из крупных стран только Индия осталась в стороне. Впрочем, её это не спасло.

Я не знал, что такое ядерная зима. Гермес объяснил мне очень наглядно. И если эта штука длилась 11 лет, то конечно не удивительно, что 80% всех смертей от этой войны приходится именно на голодную смерть. Когда климат изменился настолько, что урожайность упала почти до нуля, а вся живность, на которую можно было охотиться, повымирала, остаётся только жрать друг друга, что наши предки плюс-минус и делали. В таких ситуациях выживает сильнейший, только кто этот сильнейший? Атмосфера одна. Солнце
• одно. Сильнейшими оказались люди вроде Крота, у кого был бункер,

армия, оружие и консервы. Многие большие страны распались на множество маленьких. Америка, например, была большой страной, но сейчас это группа стран, которую в *Полисе* шутливо называют *ЭДА - Эт**а**тиси Дэ**у**нис дэ Ам**э**рика* - «Разъединённые Штаты Америки». Россия тоже распалась. Канада распалась. Кто там ещё?… Китай… Китай уцелел. Правда, жителей в нём стало меньше. Раз в десять…

На следующее утро просыпаюсь, как ни в чём не бывало, и плетусь на кухню. Марин уже ушла. Я проспал рассвет. Первый раз, кажется, с того момента, как провалялся двое суток в первый день. Привыкаю, наверное… Солнце, синее небо над головой, звёзды… всё это становится обычным для меня. Мрак Подземелья потихоньку забывается. Напрасно… Напрасно, дорогой Маркос. Ты ведь тут на птичьих правах.

— Гермес, братишка, с добрым утром тебя! Завари-ка кофейку! И закажи каких-нибудь булочек. Круассан, например.

— Доброго утречка, дорогой! Конечно!

Кофе-машина включается и шумит, перемалывая зёрна, а мой круассан в эту самую секунду уже едет ко мне и будет через несколько минут. Всё это благодаря Марин, и всё это доступно ей по сути бесплатно, просто за то, что она есть. К солнцу можно привыкнуть, но к *этому*…

Сажусь за кухонный стол. Жду, когда сварится кофе и приедет завтрак. Георгий собирал выдающихся учёных. Решил построить город в небе. Но кто же ему позволил? Что-то не сходится… Большая Война… Потом голод и грызня всех со всеми. Потом Георгий едет в Париж. Знакомится с Фатимой. С этим французиком, как его там звали… Ещё Павел, да. Математик. Они все учёные. Хорошо. Наука… Остатки науки… С наукой, видимо…

— Гермес, скажи, а что…

Тут прибывает мой заказ.

— …ладно, щас, завтрак положу себе…

В этот раз хочу сделать всё красиво. Беру керамический поднос с полки на кухне, кладу на него круассан, ставлю чашку с кофе. Надо перенести на кухонный столик. Сейчас посижу, как господин!

— Слушай, Гермес. А ты не мечтаешь стать человеком?

— Человеком? Ни за что на свете!

— Почему?

— Слишком большая ответственность.

Поднос падает из моих рук и разбивается вдребезги о кафельный пол. Хочется переспросить. Но я хорошо слышал.

— Ах ты растяпа! Сейчас вызову клининг…

— *Хэрмэс… чептрэби… сомниди…*[19] - бормочу в ответ и плетусь на улицу.

Слишком большая ответственность…

Выхожу и сажусь на крыльцо. На улице пасмурно. Дует сильный ветер. Обычное дело в Полисе.

— Слишком большая ответственность… - бормочу я вслух, глядя в траву, словно по голове огретый.

Это ведь ты не сам придумал, Гермес. *Они* тебя научили. «Быть человеком - большая ответственность!» Как красиво звучит. И как лицемерно. То есть они - ответственные. А за Подземелье они тоже чувствуют ответственность? Или нет? Или к таким мелочам это не относится? Какие же… лицемерные… сукины дети…

Сую руку в карман, но сигарет нет. Вчера скурил последнюю. Экономил, как мог. Дни пропускал. Но всё хорошее когда-то заканчивается. Да… всё хорошее… заканчивается…

Озираюсь по сторонам. Вижу мужика с каким-то домашним животным. Собака или леопард, издалека непонятно. Интересно, а на мне тоже ответственность? А за что я-то в ответе? Или они меня просто человеком не считают? Да, скорее всего… Это *они* люди, и язык у них «человеческий», а я так… срань болотная… Как же хочется курить!

[19]Гермес… ничего страшного… усни…

Захожу в дом, беру вейп, выхожу обратно, хлопнув дверью, сажусь и сосу никотиновый дым. Говно ваши «сигареты», господа. Говно.

Замечаю в траве кузнечика. Совсем рядом с моей ногой. Беги, безмозглый! Я ж тебя поймаю! И на сковороде зажарю… Ну хорошо, если я всё-таки вдруг человек, то какая на мне ответственность? Я ж как этот кузнечик! Меня жизнь пожуёт и выплюнет! На сковородке пожарит и съест за обедом. То, что я немного побыл кем-то и даже в *Полис* выбрался, где я никто - так это мне просто повезло. Кому-то когда-то должно везти, и так получилось, что это я. Вот и всё. Какая к чёрту ответственность, придурки? Ответственность может быть у того, кто что-то в жизни может. У кого есть власть. Но тот, у кого она есть - уж поверьте, мои дорогие, уж ему-то плевать на ответственность примерно как мне на этого кузнечика, а вам - на нас!

Швыряю вейп об ступеньки. Поднимаю. Нет, без сигарет совсем никак нельзя! Может, нажраться? Или принять… принять… Ах, точно! У меня же есть барбитал!!

Почти бегу к себе в комнату, открываю ящичек у кровати… Да! Вот он, дорогой! Пригодился всё-таки! Иду на кухню, поднимаю с пола бумажный стаканчик и наливаю в него из-под крана воды. Достаю таблетку… Хряпну, пожалуй, сразу две! Для пущего эффекта.

Закинувшись таблетосами, я плюхаюсь на диван - расстояние до кровати кажется непреодолимым. Сворачиваюсь клубком. Мне очень дерьмово. Но это временно. Таблетки сделают своё дело. Они сработают быстро. Через пару минут мне уже будет плевать абсолютно на всё… На *Полис*… На ответственность… На Подземелье… Я буду просто существовать… как тот кузнечик… Я даже не буду бояться быть сожранным… Я не буду убегать… Кажется… кажется таблетки уже сработали… Я словно погружаюсь куда-то… куда-то вниз… очень глубоко… Лениво озираюсь по сторонам. Ха! Да это же Подземелье! Ну наконец-то, а то я уже соскучился! О, и плыву я прямиком в Президентский Дворец! Плыву?… Хм… Вокруг вода. Я под водой. Подземелье

- теперь подводное царство. Ну и хорошо, хоть газами не будет вонять! А

Президентский Дворец - он тоже сделан в подводном стиле! Ракушками облеплен, кораллами! Водорослями разными! Красиво! Со вкусом! Так вот ты какой, первый круг!

На крыльце, перед огромной лестницей, меня ждёт Президент. Со своими знаменитыми усами и с трезубцем в руке. Рядом модельная тёлочка, абсолютно голая, с пышными волосами и с рыбьим хвостом. Русалка! Удивительно, что одна - я думал, у него их целый гарем.

Хоть мы и под водой, но голоса слышны отлично. Президент приветствует меня и приглашает во дворец. Он наслышан о моих похождениях в *Полисе* и предлагает мне место его советника.

— Вместо Эмиля? - спрашиваю я.

— Может и вместо, - коротко отвечает он.

Удача снова на моей стороне. Я буду жить лучше любого в Подземелье, ну кроме, пожалуй, только Президента. И при этом я смогу посещать *Полис*, но только… только…

— Только на 24 часа, - говорит русалка, жена Президента. - Иначе жабры пересохнут, и ты задохнёшься.

— Жабры? - говорю я, ощупывая шею и чувствуя на ней продолговатые узкие щели.

— Да, Марк. Ты теперь можешь жить только здесь, с нами, лишь иногда выглядывая на поверхность.

Я кидаю взгляд вверх, но вижу только тьму.

— Ты расстроен? - сочувственно произносит русалка своими накачанными губами.

— …Есть немного, - говорю я, вспоминая солнце и… и что-то ещё… что-то очень-очень хорошее, чего мне будет до боли не хватать.

— Давай я тебе песню спою, и тебе сразу станет лучше!

Тут же раздаётся музыка. Я рассматриваю роскошный дворец, тронный зал и плавающих сквозь огромные окна причудливых рыб, а русалка поёт:

В море ветер, в море буря,

В море воют ураганы.

В синем море тонут лодки

И большие корабли.

Корабли на дно уходят

С якорями, с парусами.

На морской песок роняя

Золотые сундуки.

Золотые… сундуки…

Господи, это же… это из какого-то старого-старого мультика! Я его смотрел, когда мал**ы**м был совсем! Язык не наш, но слова все знакомые…

Корабли лежат разбиты,

Сундуки стоят раскрыты.

Изумруды и рубины осыпаются дождём.

Если хочешь быть богатым,

Если хочешь быть счастливым,

Оставайся, мальчик, с нами -

Будешь нашим королём!

Ты будешь нашим королём!

Я смотрю, как русалка кружится в воде и машет хвостом, исполняя песню, а Президент в это время о чём-то очень сосредоточенно трёт по мобильному телефону. Слуги подносят мне угощения, предлагают проводить в мои новые королевские покои, но я пытаюсь вспомнить то самое… то, чего мне будет так не хватать… Чёрт, с мыслями не собраться! Эта песня меня отвлекает! Надо попросить её, чтоб заткнулась хотя бы на минутку… Нельзя так сразу соглашаться, надо ж хоть немного подумать!…

Корабли лежат разбиты,

Сундуки стоят раскрыты.

Изумруды и рубины осыпаются дождём.

Соглашайся быть богатым!

Соглашайся быть счастливым!

Оставайся, мальчик, с нами -

Будешь нашим королём!

Ты будешь нашим королём!

— Подождите!!! - ору я, прижав пальцы к вискам.

Но никто не понимает и не слышит. Ну конечно, надо же на подземельном!

— ЗАТКНИТЕСЬ, ВАШУ МАТЬ!!!

На мгновение во дворце повисает полная тишина. Вот так-то лучше! А то я уж думал, что разучился с людьми разговаривать. Прислушиваюсь. И откуда-то сверху издалека слышу:

— Маркос!

Что за «Маркос»? Имя какое странное. На моё похоже. И зовут как-будто меня.

— Маркос!

Голос знакомый. Женский. И приятный, нравится мне. Напоминает об этом хорошем, про которое я пытаюсь вспомнить.

— Ваш контракт, господин Малой! - раздаётся вдруг лебезящий голос рядом со мной.

Вижу слугу, протягивающего мне бумаги и ручку:

— Подпишите вот здесь!

— Погоди… - говорю. - Щас… Мне надо прислушаться…

Сосредоточившись, я снова слышу голос:

— Маркос! Маркос, что с тобой?!

Она точно зовёт *меня*. Она меня знает. Она там живёт, наверху. Щас… щас вспомню… В голове как будто что-то проясняется… Надо подумать про солнце, это поможет… Солнце, да… Солнце и…

— Подписывай давай! - гаркает Президент, прервав разговор по мобиле.

Но мне уже на него плевать. Солнце, солнце… со… Сола! Нет, не Сола… Сола • это не то… Сола и… Марин.

— Марин… - пытаюсь я крикнуть наверх, но вырывается только хрип.

Я вижу что-то светлое. А из него - чья-то рука. Изящная женская рука. Татушка с морской волной. Это точно Марин! Тянусь вверх и хватаюсь за её ладонь. Ох и сильная же она! Русалка, Президент, и все слуги хватают меня за ноги, но не могут удержать. Я поднимаюсь наверх быстрее лифта, быстрее летающего такси, сквозь крышу дворца, сквозь мрак, сквозь толщу воды, ближе, ближе к ней…

— Маркос! Маркос, да очнись же ты наконец!

Она больно хлещет меня по щеке, а света вокруг становится ещё больше. Ослепительно много! Я озираюсь, щурясь слезящимися глазами. Инстинктивно тяну руку, чтобы защититься от света, но рука не слушается.

— Маркос, я так испугалась, господи! Что с тобой? Ты что-то принял?

— Барбитал… - хриплю я пересохшим горлом. - Транки… тран… кви… седативное средство…

— Зачем, боже?!

— Что-то… так хреново было…

— Соскучился по дому?

Работающая часть лица не может удержаться от улыбки:

— …Гол засчитан, *гранд**а**ли*, - посмеиваюсь краем рта.

— Фуф, я уж думала ты тут… этих… лошадей…

— Каких лошадей… А, коней! - дрожу я от смеха. - Нет… коней с барбитала я не двину. И не такое ел. Но было интересно…

— Ну слава богу! Хочешь кофе?

— Да! Покрепче… Насвинячил я тут…

— *Чептрэби.*

Марин оставляет меня на диване и возится на кухне. Она спасла меня, вытащила из подводного царства. Она… хорошо, когда она рядом.

Кое-как привожу себя в сидячее положение. Марин подносит стул, садится напротив. Протягивает мне чашку кофе. Делаю глоток. Ох! Хорошо! Смотрю внимательно в её удивительного цвета глаза:

— Скажи мне, Марин: ты согласна, что быть человеком - это большая ответственность?

— Да, - отвечает она, не раздумывая, но глядя на меня озадаченно. - А с чего вдруг ты решил об этом спросить?

— А в чём… твоя ответственность?

— Ну… Во-первых, я несу ответственность за себя. Я должна быть благополучной, я должна быть образованной, сильной, должна быть полезной другим.

— Хм…

Неплохой ответ. Про себя-то я и забыл. Несу ли я ответственность за себя самого? Ну… наверное… Трудно поспорить…

— Ты сказала: во-первых. А ещё?

— Я несу ответственность за *Полис*. За его жизнь, за его политику, за его… изобретения и технологии, ну… в общем, ты понял.

— За весь *Полис*?

— Да.

— А… разве ты… можешь нести ответственность за то… ну… на что ты не можешь никак влиять?

— Не могу влиять? Почему это?

Кофе возвращает меня к жизни. Из куска мяса я постепенно превращаюсь в полноценного собеседника. Слово за слово мы выясняем то, что кажется ещё более фантастическим, чем «базовый доход за красивые глаза». Про то, что закон здесь - не просто слова, я знал. Но оказывается: у каждого гражданина *Полиса* начиная с 16-ти лет появляется избирательное право и возможность голосовать по любому закону, принимаемому Сенатом. То есть если какой-то закон Марин не понравится, то она может проголосовать против него. И если таких, как она, большинство, то закон не может быть принят. Если это не влияние, то что же тогда?

— Ладно… срезала так срезала… Ну а ещё?

— Я несу ответственность за всё человечество. За планету, за природу, за экологию. Если кто-то где-то голодает, то часть ответственности на мне.

— А за Подземелье?

— За Подземелье тоже. За Подземелье особенно!

— Вот, значит, как…

Мне нужно время, чтобы это обдумать. Делаю ещё глоток.

— Вас этому в школе учат?

— С самого первого класса.

— Звучит красиво, чо… Ну а я?

— Что «ты»?

— Я несу ответственность?

— …Несёшь, - чуть помолчав, отвечает Марин.

— За что?

— За свою жизнь.

— Ну а если я нищеброд из самой дальней клоаки Подземелья, если я там родился и вырос, в чём моя ответственность?

— В том, чтобы перестать им быть.

Чёрт, но ведь это то, что я сделал! И уже не отмазаться, не сказать: «Это невозможно!».

— …А за Подземелье я несу ответственность?

— Да.

— И за то, что Президент делает? И за федералов?

— Да.

— Каким образом? У нас Марин, выборов нет! Прикинь! Никто Марка Малого ни о чём не спрашивает!

— Выборы - это для тех, у кого всё получилось. У тебя пока нет. Но это не значит, что нужно сдаться.

— Сдаться? В каком смысле? Я вроде ни с кем не воюю.

— Ты бы хотел, чтобы люди в Подземелье жили так же, как в *Полисе*?

— Мне на них плевать.

— И на семью свою тоже?

— На семью нет, кроме отчима, но…

— А на ребят, которых ты учил, тоже плевать?

— Ох… ты знаешь, куда бить…

— Тебе не всё равно, Маркос.

— Ну допустим, и что с того? Что я могу? Я мелкая сошка, оборванец, грязь из-под ногтей! Что я могу со всем этим сделать?!

— Тами-оши говорит: «У нас, людей, очень слабо развита способность оценивать своё влияние на вещи. Мы его постоянно **недо**оцениваем или **пере**оцениваем.» Ты сейчас - **недо**оцениваешь.

— Ну так и что мне делать-то?!

— Готового ответа у меня нет. Но могу предложить парочку вопросов.

— Вопросов?

— Да. Например: «Кто ещё в *Полисе* хотел бы изменить ситуацию так же, как ты?»

— Никто. У меня готовый ответ.

— *Гн**о**зи ма*?

Хм… Опять эта их тема. «Знание или предположение»?

— *Гэнзо*, - отвечаю, сделав последний глоток, а Марин улыбается, разводя руками.

Думаю ещё пару секунд.

— Проверим? - говорю с вызовом.

— *Ав**а**нтэ!*[20] - так же с вызовом отвечает она.

— Гермес, братишка, проснись!

— Да, дорогой, я тут!

— Скажи: есть в *Полисе* люди, которые… ну… недовольны тем, что есть Подземелье, но не в смысле, что его надо… э-э-э… почистить от людей, а в смысле, что надо помочь людям, ну… ты понял, в общем, да?

— Ищу информацию по общественным организациям, занятым проблемой Субкхрана…

Перевожу взгляд на Марин. Чувствую, что эта девчонка меня сейчас заткнёт за пояс. Почему? Почему я раньше не додумался такое спросить? Мне ведь это даже в голову не пришло!

— Я нашёл 29 официально зарегистрированных общественных организаций. Самая крупная из них, «*Асэндэ**о**м Унэнто*», насчитывает 320 сторонников. Руководитель - доктор ***А**уро-вэтвис*.

На экране появляется фотография весёлого улыбающегося негра с золотистой короткой стрижкой.

— 320 сторонников… это же… это битком набитый клуб.

— Можешь не благодарить, - деловито кидает мне Марин, забрав у меня пустую чашку.

— Не верю. Это всё ещё не *гн**о**зис-т**о**тис*.

— Правильный подход. Проверим?

---

[20] Вперёд!

— Как?

— Ну, сходим к ним.

— Что???

«*Асэндэ**о**м Унэ**э**нто*». Это значит «Поднимемся Вместе». Звучит прекрасно. Но кто они на самом деле? Подземельный инстинкт говорит мне не верить никому. Но я верю Марин. Да, ей я верю на все сто процентов. И если она думает, что с этими ребятами стоит поговорить, то, пожалуй, я в деле. Только надо сыграть аккуратно, не раскрывать сразу все карты, заинтриговать их чем-нибудь и вытащить из них побольше информации. Мы это обсудили заранее, подготовились, составили план (любимое занятие Марин), продумали стратегию (моё любимое занятие).

Деловой центр «Мэмфис». Мы заходим в стеклянные двери. Марин идёт очень уверенно, как будто была здесь уже раз сто. Её чудо-очки ведут её прямо к лифту, и именно тому, который нам нужен. Она показывает пальцем вниз. Мы едем на минус третий этаж. Выходим. Вокруг серый бетон - пол, потолок и стены одного цвета. Освещение хорошее, виден каждый угол. Мы идём по дорожке мимо двойных дверей и решёток, за которыми штабелями лежат коробки и контейнеры. Тут явно склады. Никакими офисами и не пахнет. Если б это было Подземелье, я бы подумал, что заманухa, и что сейчас нас тут прихлопнут быстро и тихо, но Марин идёт бодрым шагом совершенно точно зная, куда, а я хвостиком семеню за ней.

Наконец, мы останавливаемся перед дверью номер 45-В. На ней голубая табличка. Надпись на *даон**и**три*. Начинается с «*Асэ*». Рядом белый силуэт ангела, поднимающего руки к небу, расправив крылья, и отрывающегося от земли. Стоим у двери и ждём.

— …Постучать, наверное, надо? - говорю вполголоса.

— Тщщ! Не болтай на *субкхран**и**три*! - шикает мне Марин шёпотом. - Я уже написала ему, что мы пришли.

— Написала??? Как… когда…

— Тихо!

Дверь внезапно открывается, и я вижу того самого негра с золотистой причёской, но смотреть мне приходится вверх - ростом он головы на полторы выше меня. Долговязый, жилистый, в жёлтой футболочке и синих шортах, а улыбка на лице такая, будто он всю жизнь нас ждал! Его зубы на фоне чёрной кожи кажутся не просто белыми, а белоснежными.

— *Бонав**и**тас, дрэгоси*! - радостно гудит он глубоким грудным голосом.

— *Бонав**и**тас! Маринд**а**ни э**э**ро*, - отвечает Марин, сложив ладони. - *Эс э**э**рис М**а**ркос*, - показывает она на меня, и я тоже складываю ладони вместе, коротко кивнув головой. Негр, расплываясь в улыбке, тоже соединяет ладошки. - *Д**о**ктор **А**уро-вэтвис э**э**ри ма?*

— *А**у**ро*, - отвечает он, подняв белую ладонь. - *Симплэм**э**нто А**у**ро! А**б**о, вэнэ**о**м, к**а**роси м**и**о! Биенвэнэрэ дон н**о**трэ ш**э**лтисэ мод**э**стис!*

Гостеприимным жестом он зовёт нас внутрь, и мы заходим. Чума, я и не знал, что у негров ладошки белые! Или это только у местных негров так? «*Биенвэнэрэ*» - это значит, «добро пожаловать». И он попросил звать его просто Ауро. Ну ладно, пока более-менее соображаю, о чём речь…

Гляжу по сторонам. «Штаб-квартира», конечно, лихо сказано. «Штаб-каморка» лучше подойдёт. Здесь квадратов 10-12, не больше. В помещении ещё двое человек - пухленький небритый молодой парнишка и смуглая девчонка в цветастом халате. Нас знакомят. Парнишку зовут Хэлиос (на мой манер - Гелиос), девчонку - Падмэ. Ауро достаёт белые пластмассовые стулья из стопки в углу, чтобы все могли сесть. Они очень активно балакают с Марин на *даонитри*, я быстро теряю суть разговора, и он превращается для меня просто в набор красивых звуков. Девчонка занимается какими-то делами на компьютере, а парнишка с интересом рассматривает Марин и меня. Гляжу по сторонам. Длинный стол вдоль стены. Кофеварка. Пара шкафов. Доска для рисования. Флаг организации. Стены завешены разными картинками, плакатами и текстами. Вдруг вижу знакомое здание. Это… бог мой… да это же… казино Сапфир! Приподнимаюсь со стула, чтобы подойти и разглядеть поближе. Ну точно же! Это Сапфир, чтоб мне пусто было! И сфоткано явно с улицы, по которой я шёл, трясясь от страха! Вспоминаю свои ощущения тогда. Будто вернулся, будто прямо сейчас я там!…

— *Интэрэсэнто ма?* - слышу я мягкий голос рядом и вздрагиваю. Это Гелиос. Он улыбается и осторожно кладёт ладонь мне на лопатку. - *Абид**а**ши, а-мэнд**э** спавэнт**а**рэ! Г**э**нзи ра эс **э**рис ма?*

— *Мэ…* - мычу в ответ кое-как, вспоминая даонитри. - *Мэ а г**э**нзи.*

Чёрт, не «*а г**э**нзи*», а "*а г**э**нз*о**"! Я ему сказал «я не знаешь»!

— *Пэрк**е**ле ин м**а**скэ ма?* - участливо спрашивает парень со спокойной улыбкой, не обращая на мою ошибку внимания.

Почему… почему в маске! Вот, что он спросил. И что мне ответить? Как «болезнь» на даонийском? А, точно!

— *Ма… мал**э**нтис-т**о**тис.*

— *Ра мал**э**нтис-т**о**тис ма? Ром а секр**э**ти.*

Чёрт! Стою и тупо молчу, как баран, а Марин с Ауро смотрят на меня.

— ***И**ри а д**и**до вэрб**о**зис **э**рис*[21], - объясняет им Марин.

— *К**э**й. Дэв**а**рэ, бр**о**,* - говорит Гелиос, потом переводит взгляд, снова поднимает глаза на меня, и произносит с заботливой улыбкой. - У тебя ширинка расстёгнута.

[21]Он не очень разговорчивый.

На одно мгновение я опускаю голову, чтобы посмотреть вниз, и тут же понимаю: меня подловили. Поднимаю глаза на Гелиоса с такой же точно улыбкой:

— Ах ты гадёныш…

— *Субкхранд**а**ри ма?* - округляет глаза Ауро.

Прятаться бесполезно. Партия проиграна, можно вскрыться. Снимаю маску и очки.

— *У**а**у!!!* - Ауро медленно поднимается со стула, словно боясь меня спугнуть. - Привэт, братишка! - гудит он со страшным акцентом.

— Здор**о**во, ребят, - бубню в ответ.

— Третий круг? - спрашивает Гелиос. У него акцента нет.

— Откуда знаешь? - говорю.

— Ну… раз ты увидел знакомое здание. Был внутри? - подмигивает он, и как ни в чём не бывало отправляется на своё рабочее место.

— Я… э-э-э… нет.

— Чэм занэмаэшься в Субкхранэ? И на каком основании здэс? - спрашивает Ауро.

— Я… ну…

— Садись! - вежливо приглашает он своей белой ладошкой.

Я плюхаюсь на ближайший стул совершенно обезоруженный.

— …И да, почему ты был в маске? - продолжает мой новый чернокожий знакомый.

— *Конспир**а**ция*, - поднимает палец Марин.

Ауро с Гелиосом переглядываются и тихо прыскают. Я пожимаю плечами. Да, для них, наверное, наша «легенда» - полнейший колхоз.

— Очевидно, ты не в розыске, - говорит Гелиос.

— Почему очевидно?

— Поймали бы уже десять раз. Но ты не похож на советника Президента.

— Я не советник.

— А кто ты? И почему ты здесь?

— *Рэгэси, твэн мэт**и**т б**о**нко дэ квэстиси! **И**ри пэрдис эрис!*[22] - подаёт голос девчонка из угла.

— *Врэмэнто, П**а**дмэ*, - соглашается Ауро. - Маркос, прости, ми закидали тэбиа вопросами сразу. Раскажи о сэбэ всио, что хочешь и можешь расказат.

— …Я бы хотел для начала узнать, с кем я говорю.

[22]Ребята, вы задаёте много вопросов! Он растерялся!

Ауро и Гелиос снова переглядываются. Негр кивает головой и встаёт со стула.

— Мы читали информацию в Сети, - поясняет Марин. - Но хотелось бы из первых рук.

Ауро с изумлением оглядывается на неё:

— Ти тожи из Субкхрана??

Он, конечно, не всерьёз. Марин улыбается в ответ.

— Откуда так хорошо знаэшь *субкхран**и**три*?

— В школе учила.

Ауро округляет глаза ещё сильнее. Все его эмоции очень ярко отражаются на лице: удивление, радость, задумчивость - всё читается, как открытая книга. Это хорошо. Он либо очень хороший игрок, что вряд ли, либо…

— ***А**бо, д**о**ктор*, - слышится голос Гелиоса.

— *Кэй…* - начинает доктор. - Наша организациа очень молодаа: ей всэво пиат лэт. Но за это врэмиа ми много сдэлали.

Он начинает рассказывать про то, что мы, в общем, и так знаем. Сколько сторонников, как привлекают, как распространяют информацию о Субкхране. Ещё он упоминает о том, что они оказывают юридическую помощь *субкхранд**а**ни*, и это звучит как что-то интересное. Понимать бы ещё, что конкретно это значит… Я слушаю ломаный подземельный Ауро, но при этом всё поглядываю на Гелиоса. У него-то чистый *субкхран**и**три*, и выглядит он гораздо более прошаренным. Он сразу понял, кто я и откуда. Он быстро и легко меня раскрыл. Он выглядит очень молодым. Но это *Полис*, видимый возраст не должен сбивать меня с толку. Я не знаю, сколько ему лет на самом деле.

Доктор продолжает свой рассказ, но я его останавливаю:

— Ауро.

— Да, Маркос.

— Всё это здорово, и ты наверняка это рассказываешь всем, кто сюда приходит. Можешь ли ты рассказать мне о Подземелье что-нибудь, что меня удивит?

В комнате повисает тишина. Марин хмурит брови, кидая мне взгляд вроде: «Вопрос, может, и неплохой, но ты, парнишка, не охренел ли, а?». Ауро с Гелиосом переглядываются в третий раз, и Ауро показывает ему взглядом на картинку за моей спиной. Многозначительно кивает головой:

— *Вэнэ, Хэлиос.*

Вдруг ни с того, ни с сего, Гелиос швыряет мне какой-то предмет со стола. Подземельный рефлекс срабатывает безотказно, и я ловлю предмет на лету. Раскрываю ладонь. Вижу в руке маленького резинового медвежонка. Поднимаю взгляд. Ауро хлопает. Гелиос улыбается. Проверочка. Ещё одна.

— Казино Сапфир, - говорит Гелиос, выдерживая долгую паузу и глядя мне в глаза. - Ты говоришь, что не был там. А знаешь, кто там регулярно бывает?

Ответ написан на его лице. Слишком хорошо написан. Перевожу взгляд на Ауро. Его лицо очень серьёзное. Как будто другой человек совсем.

— Нет… - мычу я, качая головой и глядя в пол. «Нет» не в смысле «не знаю», а в смысле «не могу поверить».

— Да, - гудит Ауро.

— Все, кто хочет? - гляжу я снизу вверх на высоченного доктора, как маленький ребёнок.

— Нэт. Толко високопоставлэнниэ лица. Чиновники високово ранга, состоиатэлные бизнэсмэни, члэни закритих клубов, в обшэм… элитнаа тусовка, *пэниси гр**а**ндис*[23].

— …Игры Богов, - бормочу, продолжая пялиться в пол. - Оно раньше называлось… Игры Богов…

— *Ин пу**а**нтэ*, - отвечает Ауро.

Гляжу на Марин.

— В точку, - переводит она.

Марин пришибло не меньше, чем меня. Я-то хоть отдалённо догадывался. Просто не мог поверить.

— И часто? - спрашиваю я, по-собачьи глядя на Ауро.

— Постоянно, - отвечает за него Гелиос.

— А давно?

— Ми нэ знаэм, - говорит Ауро. - Но думаэм, што с самово начала.

— С самого начала… И фишки из казино используются как деньги… Это… Это что же получается…

…Получается… что всё Подземелье нужно, чтобы этим ребятам было, где поиграть в казино?…

— Мнэ удалос тиэбиа удивит?

Медленно киваю головой. Я раздавлен. Я задал вопрос и услышал ответ, который, наверное, и так знал, но ни в коем случае не хотел услышать! Очень медленно и нехотя оглядываюсь на Марин. Она в порядке. Удивительно, но она в порядке. Тоже знала? Нет, невозможно! Марин, ты же не… ты…

— А тэпэр ти удиви мениа, - слышу я голос Ауро.

— Что?

[23]Большие письки.

— Расскажи про Субкхран што-нибуд, что мениа удивит.

Ловко. Но справедливо. Всё-таки Ауро неплохой игрок. Что рассказать. Они явно знают немало про Поздемелье. Больше, чем я думал. Но насколько? Про восьмой круг рассказать? Или про Сортировку? Но разве это интересно? Химическая фабрика - знают наверняка. Всё, что связано с обменом товарами - знают. Ну или, по крайней мере, ничего удивительного для них не будет. Метро?... Метро. Да, они могут не знать про него. Но я не могу рассказывать! Я пообещал полковнику. Впрочем... про то, что люди видят снаружи, я рассказать могу. Почему нет? Договор был: «не рассказывать о том, что со мной произошло внутри». Но снаружи-то можно!

— Там есть метро. Подземные поезда и тоннели.

— Ми знаэм. Оно заброшэно.

— Нет.

Эти двое снова переглядываются.

— Все станции на третьем круге забетонированы, - говорит Гелиос. - Дальше - может быть кто-то и живёт...

— Военные.

Брови Гелиоса подпрыгивают вверх.

— Там живут военные. Целая армия. Вооружённая. Организованная. И у них очень серьёзные тёрки с федералами.

Вся комната смотрит на меня так, будто я инопланетное чудовище, зелёное, и с хвостом.

— Доказательства есть?

— Я сам доказательство. Как бы иначе я попал с восьмого круга на третий?

Мне удалось их удивить.

Я не рассказывал подробно про свой путь на третий круг - на это просто не было времени. А про то, что было в метро, я не рассказывал вообще ничего. Слово пацана - кремень. Но они не очень-то пытались меня уговорить. Им как будто было достаточно самого факта, что эти люди есть и что я у них был. Да, если уж они и хотели что-то новое услышать про Подземелье от меня, то именно это.

Однако, я вышел из их штаб-квартиры гораздо более удивлённым и сбитым с толку. Откуда они столько знают про Подземелье? Не то, чтобы они что-то про него рассказывали - рассказывал-то я - но сами вопросы! То, что они спрашивали, то, *как* они спрашивали - это так звучало, как будто они там живут. Я спросил Марин - ну, вдруг у меня глюки - но у неё те же ощущения от нашего разговора.

— Мне даже кажется, что Ауро играет свой ломаный подземельный, а на самом деле он отлично на нём шпарит, как ты.

— Хм, интересная гипотеза.

— А почему он доктор? Лечит, что-ли, кого-то?

— У него высшая учёная степень. Он доктор социологических наук.

— Ого… На вид и не скажешь! Непростой фрукт, очень непростой.

— Вообще ни разу. Докторская степень - это его козырь. В *Полисе* мало что ценится настолько же высоко.

— Ну вот скажи, откуда они всё это знают? Ну, про Подземелье. Откуда они такие прошаренные?

— Мне кажется, вариант только один: у них там агентура.

— Агентура?… В смысле, нанятый кто-то? А как они общаются?

— Да нет, *своя* агентура. *Полисд**а**ниси.*

— Да ладно!

Марин, ты правда хочешь, чтобы я в это поверил? Граждане *Полиса*, которые согласились работать агентами в Подземелье?? Да, третий круг, конечно, но всё равно! Кто в здравом уме на такое подпишется, живя здесь и имея базовый доход, который тебе платят просто так!

— Социальные гены, Маркос. Какая-то идея в их голове. Идея - это страшная сила!

— Всё равно. Пока не увижу - не поверю.

Мы договорились с Ауро, что придём ещё раз. Дадим друг-другу время всё обдумать. Ауро, конечно, уговаривал меня остаться. Он сказал, что самое безопасное место для меня - в его «штаб-каморке». Благо, она почти всегда пуста, и приходят они туда только чтобы встретиться с кем-то и обсудить что-то секретное. Ауро сказал, что у них есть адвокат, который жизнь любого, кто придёт за мной, превратит в ад. Даже если я в розыске. Но поскольку в розыск меня, очевидно, пока не объявили, риск не так велик. Да и, честно говоря, вряд ли меня станут искать. Кому я нахрен нужен!

— Ты можешь ходить без маски, - сказал мне Гелиос. - Твоё лицо ничем особенно не выделяется. Ты скорее сойдёшь за иностранца, чем за *субкхранд**а**ри.*

Дома я очень пристально рассматриваю свою рожу перед зеркалом.

— Хэлиос прав, - улыбается Марин, проходя мимо, - ты изменился.

Чёрт, неужели правда? Впадин на щеках и теней под глазами - как не бывало. Лицо больше не бледное - загорелое, как я ни старался закрывать его маской и очками. Каких-то полтора месяца жизни в *Полисе* - и я физически выгляжу иначе! А если прожить здесь год? Два?… Да, хорошая жизнь творит чудеса! А после визита к Ауро у меня как будто бы появилась надежда. Но вместе с тем меня не покидает ощущение, что времени осталось очень мало. Что всё это скоро закончится. Что так хорошо так долго быть не может. И за

это оставшееся короткое время надо узнать и увидеть что-то очень важное. И я знаю, что это. Университет! Да, Центральный Университет. Полтора месяца я здесь, и я до сих пор не посмотрел на него даже краешком глаза. А ведь с него всё начиналось! Ну, если верить тому, что написано.

Марин, конечно, вся в учёбе, а годовой экзамен уже совсем близко. Но нам всё-таки удаётся выкроить время на поездку. Точнее, не нам, а ей - я-то ничем особенно важным не занят, кроме изучения *даон**и**три* и истории *Полиса* экзамен по этим дисциплинам мне вряд ли когда-нибудь грозит.

Воскресенье. На улице ветренно, но ясно. Мы едем в самый центр *Полиса* на обычном дорожном такси. Слушаем музыку, энергичную и заводную. Тело само двигается под неё безо всякой моей воли. Верчу башкой по сторонам, как будто она - пропеллер. Но *Полис* - не Подземелье, и центр тут ничем особо не отличается от не-центра. Благополучие равномерно размазано по всей его поверхности.

Такси внезапно останавливается. Двери открываются. Я вопросительно смотрю на Марин, а она кивает, показывая руками на улицу - «приехали». Выхожу и продолжаю глазеть по сторонам, пока такси беззвучно уезжает.

— …И где Университет? - бормочу я, недоумённо глядя на подошедшую Марин.

— Да вот же он! Первый *хэксос*, Центральная префектура, - протягивает она ладонь в сторону парка, у которого мы стоим.

Парк этот не особенно отличается от места, где Марин живёт. Зелёные газоны, много-много деревьев, извилистые дорожки, скамеечки, даже небольшие водоёмы, и домики то тут, то там, только покрупнее тех, что у нас в нашем «парке».

— Ты прикалываешься?

— Нет. Это *Унивэрсити Цэнтр**а**лис дэ П**о**лис*. Вон, подойди к той лавочке и прочитай, если не веришь - там будет эмблема с надписью.

— Да я верю, но…

Я ожидал увидеть что-то совсем другое. Что угодно, только не парк с лавочками. Я представлял себе что-то вроде дома Эмиля, только раз в десять больше, или казино Сапфир. Огромный дворец за высоченной изгородью, с охраной и пропускным режимом, со шпилями и статуями на фасаде, с фонтанами вокруг.

— …а где здесь учатся-то?

— Везде!

— В смысле?

— Пошли.

Она дёргает меня за рукав, и мы отправляемся вглубь парка.

— Погоди, а нам сюда можно?

— Конечно! Вон студенты, видишь? К экзаменам готовятся!

— Лёжа на траве?

— Ну да. Было бы не так ветренно, их бы тут больше было - все попрятались по кампусам.

— По чему?

Мы идём по дорожке мимо кучек молодых людей, сидящих на траве, кто с устройствами, кто просто в очках, а кто и с настоящей, физической книгой! Они обсуждают что-то и перешучиваются, но лица у всех такие, что видно: они сюда пришли не отдыхать.

— А вон профессор идёт! - показывает пальцем Марин на мужчину, идущего уверенной походкой от одного домика к другому.

— И значит, вот эти домишки - это и есть Университет??

Марин смотрит на меня, улыбаясь, своим голубым взглядом:

— Маркос. Университет - это не «домишки». Университет - это люди.

Университет - это люди. Что-то очень непривычное для меня. Но, видимо, правильное. Люди. Люди, которых собирали, как драгоценности, со всех уголков планеты. Люди с уникальными знаниями, с опытом, со светлой головой. Без них бы ничего не было, построй ты хоть десять дворцов. Но зачем дворцы? Разве дворцы лучше, чем деревья и зелёная трава? Нет. Для меня - точно не лучше!

Замечаю впереди памятник. Двое мужчин смотрят в планшет и что-то бурно обсуждают. Один - долговязый и лысый, второй - кучерявый, бородатый, приземистый и круглый, с мощными, мясистыми руками.

— Вон тот, с бородой - это не Георгий Тэлиа? - спрашиваю, слегка подтолкнув Марин под локоть.

— Да, это он! А второй кто, знаешь?

— Второй… Павел?

— Правильно! Ты молодец!

Подходим посмотреть поближе. Памятник неподвижен. Но кажется, что ещё секунда - и Георгий вырвет у Павла из рук планшет и будет стучать по нему пятернёй и, брызжа слюной, доказывать своему товарищу что-то совершенно очевидное! А Павел будет спокойным голосом задавать простые вопросы, требующие, однако, точного и внятного ответа. Смотрю на них и понимаю: только такие люди и могли построить *Полис*.

Мы гуляем по территории Университета и болтаем про учёбу и про школу. В Подземелье и в *Полисе* это, конечно, две большие разницы…

— Ну вот исполнилось тебе шесть лет. Приходишь ты в первый класс. Чему тебя там учат? - спрашиваю я Марин.

— Я точно помню, что у нас был *л**и**тэрис-т**о**тис дигит**а**лис* (это… цифровая грамотность), *психол**о**гиа*, *матэм**а**тика*, *пол**и**тика*…

— Политика???

— Ага.

— Первоклашек учат политике??? Да вы чё?

— Это обязательный предмет, и преподаётся он с первого класса. Мне он тогда больше всех понравился!

— А чему там учат-то? Как зовут Президента?

Марин снисходительно смеётся в ответ:

— В младших классах это всегда игры. Помню, как нас привели на площадку, разбили на две равные группы, и мы должны были спорить за право владения мячом.

— А… причём тут… политика?

До моего тёмного подземельного мозга не сразу доходит, что это именно это и есть политика. Не «как зовут Президента», а «как нам жить вместе», «как договориться друг с другом» и «кто что получит». Наверное, никому из моего района и в голову не придёт, что политика как-то связана с «правом владеть мячом». С таким уровнем политической грамотности неудивительно, что мы не получили примерно ничего.

Из рассказов Марин я узнаю, что их учат совершенно другим вещам. У них много «социалки», «общественных» предметов. Они очень много учатся тому, как жить в социуме, как общаться, как делать что-то *вместе*. Нас в школе не учат ничему даже приблизительно похожему. Из общих с *Полисом* предметов у нас только математика и пение. Ещё есть: чтение стихов, труд и хозяйство, здоровье, контрацепция (отдельный предмет, он так и называется!), гражданская оборона, общая грамотность, чистописание, физкультура. Некоторые из этих предметов невредные и даже помогают выжить в Подземелье. Но всю «социалку» приходится изучать на улице, и часто дорогой ценой. Ну а про политику лучше вообще не заикаться, если не хочешь однажды уехать с федералами в неизвестном направлении.

— И сейчас у тебя не последний класс? Будет ещё один?

— Да. Но двенадцатый класс - это целиком и полностью подготовка к университету. Перед началом учёбы в двенадцатом классе ты уже должен точно знать, в какой университет пойдёшь учиться.

— И куда ты пойдёшь? Сюда, в центральный?

— Не знаю… Думаю, я возьму отпуск на год.

— Отпуск?

— Да, академический отпуск. Так можно. Не обязательно сразу идти в 12-й класс. Можно подумать, поискать себя… Попробовать поработать где-нибудь. Ну, чтобы лучше понять, что тебе интересно а что нет.

— А ты не понимаешь?

— Неа.

— А подружки твои?

— Сола хочеть быть *маркет**о**логис-д**а**они.* Это… человек, занимающийся стратегией продаж. Как создать брэнд, как выстроить отношения с клиентами, как продвигать продукт на разных рынках

• вот это всё. А Элионор пойдёт в фундаментальную науку. Будет генетикой

заниматься и связанными дисциплинами.

— Ничё се…

— Да… И только я, как говно в проруби.

Я смеюсь тому, как лихо, и в то же время несуразно она использовала это подземельное выражение. Оно ей так не подходит, и от этого ещё смешнее.

— Ай-ай-ай! Приличные девочки так не говорят!

— Эли меня в шутку называет «*м**и**о ада**о**зис*». *Ада**о**зис* - значит «не имеющая *д**а**о*, пути».

— Беспутная!

— Да. «Моя беспутная». Это про меня. Сто процентов.

Ещё один памятник: трое учёных над какой-то шарообразной штукой. Двое мужчин и женщина. Женщина молодая, раскосая, волосы в тугую косичку, в лабораторном халате. Мужчина слева высокий, хорошо подстриженный, в пиджаке, круглых очках и с большим носом. Парень справа - всклокоченный, небритый, в растянутом свитере и сгорбленный.

— А это кто такие?

— Это Егоров, де Грие и Ли над прототипом первого фотонного реактора.

— А, читал про них.

— Всё это начиналось здесь, в этом самом месте…

Мы ходим по окрестностям и разглядываем всё вокруг. Марин рассказывает мне, что на самом деле Центральный Университет размазан по всей префектуре - его корпуса и лаборатории рассыпаны по соседним гексосам. Мы заглядываем в пару корпусов здесь, в центральном гексосе. Видим студентов, профессоров и, в общем, ничего особенного. Совсем не тот фантастический храм науки, который я себе представлял. Мечеть Фатима аль-Фахми произвела на меня куда большее впечатление! Я понимаю: всё самое главное - внутри этих голов вокруг нас. Вся фантастика там. Университет - это люди.

Нагулявшись, мы едем обратно в такси. Молчим. Я перевариваю то, что увидел и услышал. Раздаётся звонок. На экране - довольная рожа Фэроса. Марин смотрит на дисплей и ничего не делает. Будто бы решает, брать трубку или нет. Наконец, лениво отмахивается, а потом делает жест крест-накрест.

Я вздыхаю, задумчиво глядя в окно:

— «*Анус-вэнэди, Фэросито*».

Марин прыскает и закрывает лицо:

— *Экзактэмэнто!*[24]

— *Повэрис, повэрис Фэросито...*[25] - продолжаю я с наигранным сочувствием.

— *Маркос! Диабло эри!* - хохочет Марин.

— *Тао эри.*

— *Гнозо...*

Чем мне нравится даонийский, так это своей краткостью!

Приезжаем домой. Марин что-то читает в своих очках, и вдруг переводит взгляд на меня:

— Маркос. К нам сейчас придёт гость. Точнее, не к нам, а к тебе.

— Ко мне???

Гостя, который должен к нам нагрянуть с минуты на минуту, зовут Игнатиос. Он режиссёр. Снимает фильмы про Субкхран. В их числе и тот, который мы смотрели вместе с Марин на вечеринке. Наша встреча - на условиях строжайшей конфиденциальности (то есть секретности), как мне было объяснено.

— Это безопасно. Он ни за что не станет тебя выдавать, ведь ты для него
• ценнейший источник информации.

— Прям ценнейший?...

— Я общалась с ним лично несколько раз. Наш кружок любителей Субкхрана весьма узок. Игнатиос - настоящий фанат! Горит своим делом. И поэтому... поэтому ему нужен ты.

Звонок в дверь. Марин сказала, что можно не скрываться и быть просто собой, поэтому я стою в гостинной, как болван, и жду, что же это такое будет.

Хозяйка открывает дверь. На пороге - староватый мужичок в очках, в шортах и в белой рубашке с апельсинами (да-да, с апельсинами!). На голове - разноцветный ирокез. Взгляд подвижный, горящий и безумный.

— *Бонавитас, грандали Маринданы!* - выдаёт он сипловатым, но выразительным голосом.

---

[24]Точно!

[25]Бедный, бедный Ферросито...

— *Бонав**и**тас, гранд**а**ри Игн**а**тиос!*

Они складывают ладошки вместе, здороваясь традиционным местным способом.

— *Игн**а**тиос, сан очи**а**лисэ, пр**э**скис.*[26]

— *А-а-а, биенк**а**о! Абид**а**ши!*[27]

Он тут же снимает очки, и вдруг замечает меня. Его лицо расплывается в благоговейной улыбке.

— …Это он? - произносит он чуть ли не шёпотом на нашем, подземельном.

— Да, - отвечает Марин, тоже оглянувшись на меня. Чувствую себя музейным экспонатом. Диковиным зверьком в зоопарке.

Гость тут же устремляется ко мне. В какое-то мгновение он оказывается рядом, протягивая свою сухую, жилистую руку:

— Игнатиос-игнитис!

— Марк, - лениво, по-пацански мычу я в ответ.

Мы жмём друг другу руки. Он трясёт мне ладонь часто-часто, сдавливая изо всей силы.

— Марк… - повторяет он моё имя, задумчиво глядя в пространство.

— Господа, присаживайтесь! - зовёт нас хозяйка на диван. - Я сейчас сделаю кофе.

Мы садимся. Игнатиос всё таращится на меня своим безумным взглядом, словно я оживший герой комиксов.

— Марк… - повторяет он. - Марк из Субкхрана! С какого, говорите, вы круга? С восьмого?

— Да.

— Немыслимо… Просто… просто немыслимо! Я думал, дальше пятого круга уже ничего нет!

— Как мало вы знаете про Подземелье, - улыбаюсь я.

— Давайте на «ты»! Субкхранитри - язык сложный, и в нём осталось вот это французское «ты-вы». В *даон**и**три* это тоже есть, но мы стараемся всегда и со всеми быть на «ты»! Так проще! И ближе. Не против?

— Нет конечно.

— *Фантастимэнто!*

Марин приносит нам кофе.

— Грандали сказала, что ты видел мой фильм. «Волки Подземелья», кажется. Что скажешь о нём?

---

[26] Игнатиос, без очков, пожалуйста.

[27] А-а-а, конечно! Прошу прощения!

Он переходит сразу к делу. Ну и хорошо! Хочешь узнать, что я думаю про твой фильм, Игнатиос? Да без проблем! Держи!

— Ну да, смотрел я его. Вначале подумал, что это комедия.

И я выкладываю ему всё, что тогда говорил Марин. Уже не помню всех подробностей этого кино, но в память врезалось многое, и я честно говорю, как есть. Режиссёр слушает, замерев и затаив дыхание. Облизывает губы, вытягивает шею, хмурится, пытаясь осознать услышанное. Потом быстро лезет в карман, вставляет в ухо какую-то штуку, сказав:

— В очках нельзя, но я сделаю записи текстом, если можно, - и виновато оглядывается на Марин.

Марин кивает. Она не против.

— А… что это? - спрашиваю я.

— Это устройство ментального набора. Чтобы печатать текст.

— Где печатать? - бурчу я, как полный идиот.

— В файле с заметками, - поясняет Игнатиос, как будто это что-то само собой разумеющееся.

— Маркос, ты же видел, как я пользуюсь очками? - говорит Марин.

— Видел…

— А как я в них ввожу текст, у тебя не возникало вопроса?

— Ну… жестами там… взмахи руками…

Говорю и понимаю, что это полная чушь. Я сижу перед ними, как обезьяна, не понимающая самых элементарных вещей. Моё высокомерие к Игнатиосу моментально проходит.

— На самом деле очки считывают энцефалограмму мозга, - объясняет мне режиссёр очень терпеливо и без малейшего самодовольства. - Просто думаешь определённые слова, и устройство их воспринимает и распознаёт. Но Марин попросила меня не пользоваться очками на всякий случай, чтобы информация о нашей беседе точно никуда не просочилась - они ведь могут записывать звук и видео. Поэтому я делаю записи вот таким, «дедовским» методом. Пожалуйста, рассказывай дальше!

— Да я, в общем, всё… рассказал…

Мне очень неловко. Я начал устраивать ему разнос, а он мало того, что никак этим не задет, так ещё и просит: «Давай больше!». И мне, как ребёнку, готов разжёвывать, что и как тут у них работает. И никакой агрессии! Никакой важности и надувания щёк! Дружелюбно! Позитивно!

— Я…

Делаю глоток кофе, чтоб хоть как-то разрядить неловкость.

— Я… хочу сразу извиниться, Игнатиос. Я… может… слишком грубо всё это высказал… Просто я… плохо воспитан, и…

— Нет-нет-нет-нет-нет!!! - вскрикивает гость и отчаянно машет руками. - Всё в порядке, дорогой Маркос! Всё в полном порядке! - Он берёт меня за руку. - Говори, как есть. Слышишь? Мне очень важен твой взгляд на этот фильм. То, что я от тебя *уже* услышал - это… это просто… - он пытается подобрать слова, потом вздыхает, опускает руки, и задумчиво делает глоток кофе. - Мне просто никто больше этого не скажет. Никто, кроме тебя, понимаешь?

Я молча смотрю на него и киваю.

— Я хочу снять что-то настоящее. Про настоящий Субкхран. Фильм, который повергнет всех в шок, ужас и переосмысление. Фильм, который прогремит на весь *Полис*!

Я всё ещё молчу. Я не знаю, что такое снимать фильмы. Никогда даже не думал об этом. Но кажется, я могу быть полезен этому сумасшедшему Игнатиосу. И с моей помощью он может сделать что-то, что увидят многие в *Полисе*. Увидят, прочувствуют, задумаются. А раз так, то, чёрт возьми, я хочу ему помочь!

— Настоящий Субкхран? - говорю, держа чашку в руке.

Игнатиос умоляюще трясёт головой.

— Расскажи дорогому гостю про свою жизнь, Маркос, - слышу я голос Марин.
• Что-нибудь самое… самое важное.

— Самое шокирующее! - добавляет Игнатиос.

— Самое шокирующее? Ну, я однажды присутствовал на пытке.

Гость выпучивает глаза.

— Ну, человека пытали. Киллера, который хотел меня убить.

Выпучивать глаза уже дальше некуда, поэтому Игнатиос раскрывает рот и чуть не роняет чашку с кофе. Он реагирует всем телом. Да так, будто его самого пытают. Ему в покер играть никак нельзя.

Вспомнив про покер, я конечно рассказываю ему про турнир первым делом. Всё-таки это то, благодаря чему я выбрался с восьмого круга. Рассказываю про наш район. Про местную жизнь. Про бандитов - настоящих. Про Лёху и его автосервис. Про свою семью. Про Сортировку. Про Алмаза и алмазовских. Игнатиос в полнейшем шоке. Ничего подобного он никогда и близко не слышал. И это я ещё не рассказал про метро. Но это тема закрытая, о ней нужно молчать. Но не проблема - ему и без метро хватит.

Игнатиос задаёт много вопросов. Он спрашивает про то, как одеваются бандиты и полицейские, как они говорят, на чём они зарабатывают. Какую пищу едят местные (услышав про крысятину, он делает такое лицо, будто его только что этим накормили), какие у них порядки, во что они верят и что они знают. Но времени у нас на это, конечно, слишком

мало. Коснись любой темы, и о ней можно балакать сутки напролёт, ведь режиссёр наш, как святой - он всё это слышит впервые.

Мы не замечаем, как наступает ночь. Игнатиосу очень не хочется уходить, я это вижу, но вежливость не позволяет ему остаться дольше. Он встаёт и кланяется. Складывает ладони вместе. Жмёт мне руку. Обнимает меня. Обнимает Марин. Что-то тараторит на *даон**и**три*, но я разбираю только «***а**уро **э**рис*!». Тут же вспоминаю про нашего чернокожего друга. Интересно… это с ним как-то связано?…

Мы вместе с Марин провожаем его до двери. Он снова жмёт мне руку и обнимает. Он просит - умоляет - об ещё одной встрече. Марин не против. Я тоже! Наконец, дверь закрывается, и мы остаёмся одни. Переглядываемся. Посмеиваемся.

— Забавный он, да? - говорит Марин.

— Не то слово! Угарный чел. Мне кажется, рано или поздно он снимет хороший фильм!

— С твоей помощью!

— Было бы круто. Мне показалось, или он что-то говорил про Ауро?

— ***А**уро* - это «золото» на *даон**и**три*. Он говорил, что ты - золото!

— То есть… я для него ценен.

— Драгоценен!

— Хм… это можно как-то использовать?

— В каком смысле?

— Ну… для легализации. Он гражданин *Полиса*, наверняка не последний здесь человек. Может он за меня как-то слово замолвить?

— …Как интересно у тебя работает мысль. Я даже и не подумала об этом!

— Я ж из Подземелья. Хитрость вперёд меня родилась.

— Думаю, стоит спросить об этом у Ауро.

— Мы ведь пойдём к нему ещё раз?

— Конечно!

— Когда?

— В самое ближайшее время.

Мы идём к Ауро. В штаб-квартиру «*Асэндэ**о**м Унэнто*». Ветер выдувает мозги, но мы всё равно решили прогуляться и не ехать на такси. Во-первых, Марин хочется развеяться после учёбы, а во-вторых, мы хотя бы обсудим план (ей всегда нужен план).

— Я расскажу про твою беседу с Игнатиосом, - орёт она мне прямо в ухо.

— Хорошо! - ору я в ответ. - Что ещё нам может помочь?

— Не знаю… - жмёт она плечами и кусает палец.

— Про пистолет надо рассказывать, как думаешь?

— …Если только спросят.

— Ну ладно…

Мимо нас по отдельной дорожке мелькают люди на велосипедах и самокатах. В небе мелькают дроны - на сегодняшний ветер им наплевать. Слева огромное здание с большой синей надписью - «*Натарауан Мэдикос Цэнтри*» - и эмблемой с руками и сердцем внутри шестиугольника.

— Что такое *нат**а**ра…**и**ан*? - ору Марин, кивая на вывеску.

— *Натарауи**а**н* - это фамилия знаменитой учёной-медика из команды Гиоргиоса.

— Понятно. Слушай, что ещё хотел спросить: я почитал их материалы - ну, конторы Ауро, «*Асэндэ**о**м Унэнто*».

— Ага.

— И у них там чётко написано: «Наша цель: свободный доступ в *Полис* для всех жителей *Субкхрана* и равенство их прав». Как тебе заявочка?

— ***Э**пикос!* Очень амбициозная цель!

— Но это же дичь! Если всех, кто в Подземелье, пустить в *Полис*, то *Полис* превратится в Подземелье! Вряд ли вам стоит это делать, ребят.

— Откуда ты знаешь, что так будет?

— Я бы не хотел даже проверять. Думаю, что и Ауро вряд ли хочет. Этот лозунг написан для красивого словца, но они же это не всерьёз.

— Этот лозунг написан прямо на их официальной странице?

— Ну да.

— Значит они точно всерьёз. Без вариантов. Иначе это *ф**а**лциос-т**о**тис п**у**бликос* - публичная ложь - а это уголовно наказуемое преступление.

Я останавливаюсь на месте, как вкопанный:

— Чего??… За враньё? Уголовка???

— За *публичное* враньё.

— И чё… прям в тюрьму посадят?

— В тюрьму за ненасильственные преступления не сажают. Но могут влепить большой штраф или даже запретить деятельность - зависит от тяжести лжи.

— Капец…

— Пошли! А то опоздаем.

— Угу…

Мне всё ещё нужно время, чтобы это осознать. За враньё - уголовка. За публичное враньё. И они хотят нашего брата пригласить к себе. Да их всех, поголовно, можно сразу штрафовать, прям на входе. Только у них в кармане - блоха на аркане, с них и взять нечего. И что они будут с ними, болезными, делать?

— А за **не**публичное враньё? Ну вот если я тебе совру?

— Это не наказуемо. Но это примерно так же плохо, как если ты меня ударишь. Или оскорбишь. Даже оскорбление простительнее.

— Хм…

— Удивляешься?

— Так непохоже на Подземелье…

— *Полис* основали учёные. Для учёных что самое главное?

— Э-э-э… ну-у… наука?

— Истина. *Са**а**ти*. Они её ищут. Посвящают этому всю свою жизнь.

Учёные… истина… А Подземелье кто основал? Бандиты? И что для них главное? Бабки. Лавэ. Тут и думать нечего. И если Георгий построил свой город так высоко в небе, то, может быть, он просто не нашёл нигде больше в мире места, в котором истина для людей важнее всего? В котором она вообще важна хоть сколько-нибудь. Странные мысли… Откуда я могу это знать, я ведь нигде не был, ничего не видел. Марин побывала в разных странах, и мне хочется спросить у неё, но вижу знакомую высотную стекляшку и крутящиеся двери главного входа. Мы пришли.

— Ладно, значит, про Игнатиоса первым делом, а дальше - как пойдёт, - кидает мне моя спутница, пока мы проходим через вертушку.

— Так себе план, - кидаю в ответ.

Минус третий этаж. Дверь 45-В. И нас снова встречают, как самых долгожданных гостей. Состав тот же: весёлый Ауро, сообразительный Гелиос и молчаливая Падмэ. Рассаживаемся на стулья кружком.

— У нас есть новости, - объявляет Марин.

— У нас тоже, - говорит Ауро.

Мы переглядываемся.

— Эмм… ну… давайте начнём с ваших.

— Ми пробили твой статус по своим каналам, Маркос, - многозначительно произносит Ауро своим акцентом. - В Полисе всио окэй, полная тишина. Но вот в Субкхране тэбиа очэн активно ищут.

— Да ладно!

Наш чернокожий приятель кивает головой, нахмурив светлые брови:

— Дэсиат слэдоков. Обиски. Допроси. Активност очэн хорошо видна. И всэ ниточки вэдут к чэловэку по имэни Эмил Карловски.

— Эмильчик! - вскрикиваю я, вскочив с места. - Ну кто бы сомневался! Только нахрен я ему нужен?

— Этово нэ знаиу. Но могу сказат одно: здэс тэбиа в розиск никто нэ обиавит, пока с их сторони нэ послэдуэт нэо… нэо… *кх**а**рэ! Аконфут**а**блис*…

— Неопровержимое, - подсказывает Марин.

— Да, спасибо! …*Аконфут**а**блис* доказатэлства твоево проникновэниа в *Полис*.

— Ну это, в общем, хорошая новость. Такие доказательства им будет собрать тяжеловато. Но Эмильчик на меня, видать, сильно разозлился. Десятерых следаков натравил, полицию на уши поставил. Могут и вынюхать, кто их знает…

— Лучше сейчас не высовываться и сидеть тихо, - говорит Гелиос. - У нас есть свои рычаги, но нам понадобится время, чтобы ими воспользоваться.

— Какие у *вас* новости? - спрашивает Ауро.

Марин рассказывает про нашу встречу с Игнатиосом, а я в это время всё думаю про Эмиля. Этот сукин сын явно не скоро успокоится. Хоть бы до Мокрого он не добрался! Я его просил, чтоб тот, в случае чего, всё выдал. Но ведь и Мокрый не знал, куда я собираюсь. Всё, что он им расскажет - в какую одежду я переоделся. А в этой одежде я уже засветился здесь. Может, что-то у него и получится, кто его, гадёныша, знает…

— Ауро, у меня вопрос, - говорю я, не обращая внимания на обсуждения темы Игнатиоса.

— Да, Маркос.

Я хочу спросить, откуда у них такие подробные сведения о моём розыске в Подземелье, но вместо этого говорю:

— Правда ли, что ваша цель - свободный доступ в *Полис* для всех *субкхранд**а**ри*?

*Субкхранда**н**и*, было бы правильнее сказать, там ведь и мальчики и девочки, но я слишком нервничаю.

— Да, Маркос, абсолютно вэрно, - отвечает Ауро с оттенком гордости в голосе.

— Но это же… безумие.

В комнате повисает гробовая тишина. Именно гробовая. Я копаю себе могилу сейчас.

— Маркос не то хотел сказать, - вступается за меня Марин, но…

— Нет, я хотел сказать именно это. Свободный доступ в *Полис* для *субкхранд**а**ни* - это конец *Полиса*. Лучше сразу спускайтесь вниз и селитесь в трущобах.

— Маркос! - вскрикивает Марин.

Ауро смотрит на меня с изумлением, а Гелиос - с интересом.

— Если у вас и правда такая цель, то вы не понимаете, что творите. Вы не жили там. Вы не общались с бандитами. Вы не имели дело с федералами. У вас враньё - преступление, а там это - норма! Точно так же, как убийства, изнасилования и пытки! Про науку вашу там никто даже не слышал! Про закон - тем более! У кого пистолет, тот и прав - вот закон Подземелья!

Я вскакиваю, хватаю стул и швыряю его в компьютер Гелиоса.

— Маркос!!! - почти рыдает Марин.

— Нравится!? Это так, разминочка! Я *субкхранд**а**ри*! Нам плевать на ваши правила и ваши законы! Мы не знаем, что это! У нас есть *понятия*. И мы по *ним* живём. Кто сильнее, тот и прав! А если у вас по-другому, если вы живёте по закону, значит вы - идиоты! Вот, как мы думаем! Нам плевать на ваш закон! Правда хотите жить с нами? Да у вас тюрем не хватит, чтобы всех нас посадить, потому что по вашему «закону» никто из нас жить не собирается!

— Маркос, что с тобой… - плачет Марин.

— Что со *мной*??? Это с *вами* - что? С вами!!! Я говорю о том, что видел. Пора и вам протереть глаза. Я люблю *Полис*! Люблю. Я пробыл здесь совсем немного, но… наука… технологии и… мышление! «Я не твоя собственность, а ты - не моя». «Публичная ложь - преступление». Вы правда хотите всё это взять и просрать?! Просто слить в унитаз из-за какого-то… не знаю чего… из-за каких-то… мультиков своих! Фантазий! Идиотизм. Я не позволю. Не со мной. И если вы не поменяете свою цель, значит, нам, ребята, не по пути. Вот и всё.

Я натягиваю маску и быстро выхожу, хлопнув дверью. Никто не успел ещё опомниться, а я уже двигаю к лифту. Я знаю дорогу. Проще простого. «Маркос!!» - слышу я голос Марин издалека, но не оборачиваюсь. К чёрту. Они не передумают. Я тоже.

Встаю перед дверями лифта и показываю пальцем вверх. Лифт тут как тут. Захожу. Жму «G». Двери закрываются, и кабина послушно едет на три этажа вверх.

Выхожу на улицу через вертушку. Надо перекурить. Захожу за угол, где не так ветрено. Для электронной сигареты ветер - не помеха, но всё равно приятнее. Роюсь в кармане. Чёрт, неужели забыл! Нет, на месте. Надеваю очки, приспускаю маску. Затягиваюсь. Выпускаю изо рта душистый пар. Не такое уж и дерьмо этот вейп. Особенно когда нормальных сигарет нет…

— Это было смело, - слышу вдруг из-за плеча.

Оборачиваюсь. Гелиос. Он тоже достаёт свою «дудку», чтобы покурить со мной.

— Да брось… - говорю. - И это… извини, слышь. Я не в тебя кидал.

— Я знаю. Компьютер тоже не пострадал. Кидание стульев - не твой конёк.

— Мало тренировался… - посмеиваюсь я.

— Ничего. Зато ты хороший оратор. Ты знаешь об этом?

— …Первый раз слышу.

— У тебя талант. А умение говорить очень полезно в *Полисе*.

— Может оно и так… Только чувствую, недолго мне тут осталось.

— *Полис* любит независимых и смелых. Таких, как ты. Я… тоже тебя… люблю.

Пару секунд мы смотрим друг другу в глаза. Он… именно об *этом*. Он не шутит. Я отшагиваю назад. Инстинктивно. Чтобы защититься. Чтобы быть от него подальше. Он же дырявый! С ним и рядом-то стоять стрёмно, не то, что разговаривать!

— Маркос…

Я выставляю руку вперёд и мотаю головой:

— Нет. Нет-нет-нет. Не со мной. Друг с другом - пожалуйста. Но не со мной. Знаешь, что в Подземелье за это делают? Нет. Иди к чёрту. Все вы!

Разворачиваюсь и ухожу, быстро-быстро, уже готовясь дать ему с размаху в челюсть, если он бросится за мной. Но нет. Кажись, не собирается. Ну хоть так. Совсем охренели! Чтоб я ещё вступал в их голубой клуб. Нет, друзья, обойдётесь. Я не столь… продвинутый. Я - *субкхранд**а**ри*. И лучше вы меня выкиньте из *Полиса* как можно скорее, если вы, конечно, в своём уме. Иначе вашему дырявому королевству быстро настанет конец. У шушеры вроде нас разговор с вами будет короткий.

Я иду по тротуару, не замечая ничего вокруг. Смотрю себе под ноги. Ни одной соринки. Ни одного пятнышка. Интересно, где Марин? Всё ещё сидит в кабинете у Ауро? Наверное. Она в шоке от меня. Тут и думать нечего. Я иду к ней в дом, но захочет ли она меня впустить после всего этого? Я бы на её месте два раза подумал. Наверняка и Гелиос ей расскажет, какой я неадекват. Ну что ж… не пустит - так и ладно. Быстрее всё это закончится. Пойду и сдамся полиции. Помогу Эмильчику, а то он вон как старается. Хотя… вот к нему-то попасть совсем не хотелось бы.

Иду и постепенно успокаиваюсь. Мысли приходят в порядок. Понимаю, что наговорил лишнего. Становится стыдно. А ещё я сильно расстроил Марин, и от этого прям совсем не по себе. Она ведь старалась для меня. А я что? Чем я отплатил? Мог бы ради неё и придержать язык немного. Я ведь многого не понимаю, это наверняка. Как вот с этим… ментальным набором. Сколько ещё я всего не знаю, что для них очевидно? Ауро - он ведь профессор! У него учёная степень! Это ж охренеть! А я ему - вот такое… Ну и дурак же ты, Марк.

Подхожу к дому Марин. Поднимаюсь на крыльцо. Осторожно открываю дверь. Марин сидит на диване, облокотившись на спинку и развернувшись ко мне, и смотрит очень странным взглядом. Ну ещё бы!

Захожу. Снимаю кеды. Снимаю маску и очки. Смотрю в её глаза.

— …Ну чё?… Я псих, да?

Она улыбается и качает головой, продолжая пристально смотреть на меня. Не злится. Надо же.

— Чё так смотришь? - улыбаюсь я в ответ.

А она улыбается ещё более загадочно:

— …Ты и правда любишь *Полис*.

— М?

— Ты действовал против себя.

— Это точно.

— Против себя, но за *Полис*.

— Ну… я… я просто думаю, что они затеяли полную хрень, и что она может навредить…

— Да! И из-за этого ты готов пожертвовать своими интересами!

— Тебя послушать, так я прям герой какой-то.

— Мне кажется, ты мог бы…

— А может, я просто дурак, а?

Она встаёт с дивана и подходит ко мне:

— Может быть.

— И ты не злишься на меня?

— Маркос, я очень хочу тебя обнять.

Внезапно. Что за день такой сегодня?

— Здесь нельзя, - говорю, а сердце колотится, как сумасшедшее.

— Давай выйдем на крыльцо?

— Ну давай.

Сделай безразличное лицо, Марк! Ты же, мать твою, покерный чемпион!

Открываю дверь и выхожу на улицу прямо босиком. Марин выходит за мной следом.

— Я готов, - говорю как можно спокойнее, хотя внутри я один большой пульс.

— Обнимаю как друга, - поднимает палец она.

— Конечно…

И она прижимается ко мне всем телом, впившись подбородком в плечо. Я… кладу ладони ей на спину. Мне хочется погладить её по голове, но это будет слишком. А может и нет.

Чёрт. Как она пахнет!… Какая она… тёплая. Осторожно поворачиваю лицо чуть ближе к её волосам. Пожалуйста, ещё чуть-чуть! Ещё пять секундочек!

Она отстраняется и, взглянув мне снова в глаза, резко отворачивается и заходит в дом. Я плетусь следом. Закрываю дверь. Молчу.

— Кофе? - говорит она почти безразличным тоном.

— Да.

Лучше уже не будет. Сегодня - точно нет. Но почему же так странно и так неловко? Сажусь за стол. Чувствую, будто между нами вдруг выросла стена. Нет-нет, только не с ней! Я готов дружить с тобой, Марин! Я готов… хоть собакой твоей быть, но только чтобы всё было, как раньше! Как сегодня, как… вчера.

Слышу шум кофеварки. Сижу, разглядывая деревянную поверхность стола. Вожу по ней пальцем, ковыряю ногтем щербинки. Это чувство… Когда хочешь быть рядом с тем, кем восхищаешься. Просто быть рядом… Ощущать… что ты не отвергнут. *Он* ведь чувствует то же самое…

Марин ставит передо мной чашку кофе и садится на соседний стул.

— Что с тобой, Маркос?

— Я… повёл себя неправильно. Очень неправильно.

— Ты сказал то, что должен был.

— Я про другое. Я… про Гелиоса.

— Про Гелиоса??

— Ага… Тут такое дело… в общем… - делаю глоток. - Короче, он втюхался в меня.

— Что??? - изумлённо хохочет она.

— Ну… влюбился он… в меня. Прикинь? Ну и это… признался мне.

— Это не шутка??

Я смотрю ей в глаза так серьёзно, как только могу.

— Нет.

— Прям так и сказал: «Я тебя люблю»?

— Угу… Так и сказал.

— А ты что? - продолжает она, не в силах сдерживать улыбку. Да что тут, блин, весёлого-то!

— Я… ну… в общем… Я его жёстко отшил. По сути, нахер послал. Ну, типа, не хочу с вами, дырявыми, связываться, отвалите вообще, и друг с другом можете, а со мной нет. Как-то так, короче…

— А я думала, чего он грустный такой…

— А он грустный был, да?

Конечно грустный, дебила ты кусок! А каким он должен был быть?

— Да… Пришёл и сказал, что не смог уговорить тебя остаться. Я тоже тогда расстроилась, но он прям совсем потухший был.

— Блин…

Делаю ещё глоток. Как это всё странно… Я беспокоюсь о парне, который втрескался в меня и честно признался мне в этом. Просто дичь какая-то! В Подземелье даже страшно подумать о таком! Но… какая разница, что там в Подземелье. Там свои правила, а здесь - свои.

— Да… - говорю, глядя в свою чашку. - Я бы тоже на его месте потухший был… если б меня так отшили. Как последний придурок себя повёл! Хочется как-то… всё исправить. Но чтоб он понял, что я…

— Маркос, - говорит мне Марин своим особенным тоном. - Хэлиос умный парень. Он всё понимает.

— Да? - говорю, обернувшись к Марин и чувствуя себя полным дураком.

— Конечно.

— Значит, мне надо извиниться перед ним. Хотя… Чёрт, это всё равно не то! «Извини, Гелиос, что послал тебя, давай, пока!». Нет, знаешь… Хм! Не могу поверить, что говорю это, но: нам надо с ним встретиться. Просто встретиться и нормально поговорить. Чё такого-то? Правильно?

Она снова смотрит на меня тем самым, загадочным взглядом:

— Ты превращаешься в *полисд**а**ни*…

— В смысле?

— …Начинаешь думать о чувствах других людей.

И опять у неё та же улыбка… Смотрю ей в глаза и просто тону в них!

— Пошли снова обниматься! - говорю. Только юмор может спасти!

Она смеётся и встаёт из-за стола, деловито взяв чашку и направляясь к лестнице на второй этаж.

— *Хэрмэс*, Маркос хочет написать сообщение *Хэлиос-д**а**нси*. Он тебе продиктует.

Пол-пятого вечера. Или около того. Стою на площадке у стеклянной стены. Гляжу по сторонам. Погода - отличная! Солнечно, тепло и почти безветренно. Солнце неторопливо клонится к закату, обещая обалденный вид. Туристов вокруг - пруд пруди! Огромная куча народу, пёстрого, яркого, шумного и очень разного. К самой стене вплотную подойти без шансов - в очередь вставать надо. И как же меня, интересно, Гелиос отыщет среди этой

толпы? Снимаю маску, чтобы ему было проще. Она уже не особо нужна. В конце-концов, я ведь не в розыске, а лицо моё уже практически не выдаёт во мне *субкхранд**а**ри*. Особенно среди туристов.

Я шёл сюда пешком от самого дома. Просто заучил маршрут. В *Полисе* это очень легко. И вообще, здесь как будто всё сделано для того, чтобы тебе было проще ходить своими ногами. Одна только проблема: я не знаю точного времени. У меня с собой нет часов, а спрашивать стрёмно. Не потому, что я не знаю языка, а потому, что ни у кого здесь с этим нет и не может быть проблем - все обвешаны электронными устройствами; они в карманах, на руках, на шее, под кожей, чуть ли не в мозгу! Так что делать нечего - надо просто ждать. Вряд ли я опоздал. Скорее наоборот, пришёл слишком рано, хотя Гермес мне рассчитал время ходьбы с минутной точностью. Но, может, я торопился к тебе, дорогой Гелиос? «Где же ты, мой голубчик?» - посмеиваюсь я мысленно сам над собой. Только подумать: я пришёл на свиданку с парнем! С мужиком! Дичь. А если он придёт с цветами? Твою мать, вот стрём-то! Я теперь начинаю понимать девчонок, к которым пацаны клеятся. Это, блин, такое себе удовольствие. Но им-то хотя бы никто за это яйца не отстрелит!

— Привет, - слышу я вдруг голос из-за плеча и вздрагиваю. Это он.

Оборачиваюсь. Гелиос. В синих джинсах и простенькой серой футболке. Без цветов. Слава богу!

— Здор**о**во! - говорю в ответ.

— Прости, что опоздал. Долбаный бесплатный лифт.

— А, ты на летающем такси! Знаю-знаю.

— Ты тоже летал?

— Было разок.

— Понравилось? - улыбается он.

— Честно говоря, капец как страшно!

— Хм… Я думал, ты ничего не боишься.

— Ты слишком хорошо думаешь обо мне…

Как-то неловко. Не знаю, что говорить. Надо как-то начать…

— Давай, короче, так: мы просто встретились, у нас не свиданка. Никаких прикосновений, никаких обнимашек и поцелуйчиков, окей?

— Договорились.

Странное ощущение. Он как будто очень уверен в себе и знает, что делать, а я… я чувствую свою… неопытность в этих делах. Словно молоденькая девчонка, первый раз пришедшая на свидание с парнем. Капец! Жуть…

— Ну… это… веди меня куда-нибудь! - смеюсь я, разводя руками. Да, пожалуй так лучше всего.

— Пойдём, - кивает он в сторону, совершенно не смущаясь.

Мы двигаем примерно в том направлении, в котором в прошлый раз пошли с Марин, вдоль прозрачной стены. Тут, в общем, больше и некуда.

Гелиос не похож на типичного гражданина *Полиса*. Он небольшого роста, небритый и пухленький. Не жирный, нет. Но круглый, упитанный. Медвежонок Винни-Пух. Мне это нравится. Если б он был рослым, мускулистым и загорелым юношей, как Фэрос, мне было бы совсем не по себе.

— Слушай, ты круто балакаешь на подземельном! - говорю. - Где научился?

— Вначале с роботом занимался. Потом, когда понял, что мне этого уже не хватает, пошёл в дискуссионный клуб. - Он ловит мой непонимающий взгляд.
• Ну, это когда вживую собираются люди, и болтают на языке. На разные

темы.

— Почему ты захотел выучить подземельный?

— Я подумал: на нём ведь мало кто разговаривает в *Полисе*, а ведь вы - наши ближайшие соседи. Наверняка пригодится!

— Хм, вообще логично. Только вот одно «но»: никому мы нахрен не нужны.

— Я был уверен, что ситуация изменится. Так ведь не может быть всё время! Это не нормально!

Музыка для моих ушей!

— Ну видишь… у всех свои понятия о нормальном.

— Да, но в дискуссионном клубе я встретил много людей, кому тоже казалась странной ситуация с Субкхраном. Это было в университете. И тогда же я познакомился с профессором ***А**уро-вэтвисом*.

— С Ауро!

— Ну да. Он тогда уже много знал про Субкхран и интересовался им. Он вступил в наш клуб, хоть и плохо владел тогда *субкхран**и**три*, и постепенно клуб превратился в «*Асэндэ**о**м Унэ**э**нто*».

— То есть ты там с самого начала.

— Да…

Мы идём по дорожке вдоль прозрачной стены. Я маленько расслабляюсь. Разговор идёт легко, и Гелиос мне кажется всё более и более нормальным. Я был уверен, что если человек гей, значит у него что-то не так с головой. Какой-то дефект, болезнь. Что-то вроде сумасшествия. Но чёрт, если Гелиос сумасшедший, то кто же тогда нормальный?

— Скажи мне: вот вы так много знаете про Подземелье, особенно про третий круг. Это ведь невозможно, просто сидя здесь. У вас там свои человечки, а?

Ну не могу же я не воспользоваться нашей встречей и не спросить о том, что мне так интересно!

Он задумчиво улыбается и глядит вдаль:

— Это наши герои. Наши… ***э**ариси да **о**чиси*[28]. Восхищаюсь этими людьми. Да, благодаря им у нас есть огромный объём информации. Настолько огромный, что с нами считается даже Сенат.

— И много их у вас?

— …Глаз и ушей не бывает много.

Он не скажет. Но мне и не надо. ***Э**ариси да **о**чиси*… Я всё пытаюсь представить себе этих ребят. Девчат… Нет. Немыслимо. Родиться и вырасти в *Полисе*, а потом просто взять - и добровольно отправиться жить в Подземелье, чтобы… чтобы что? Ох, как я хотел бы оказаться в их голове хоть на секундочку! Чтоб хоть немного понять, что там внутри!

Мы идём по дорожке через небольшой парк вдоль стены. Гелиос рассказывает о своей жизни. О том, как учился в школе, как потом пошёл в университет и как начал работать в «*Асэндэ**о**м Унэнто*». Вот, в общем, и всё. Слушаю его, и вдруг понимаю, что он мне завидует. Он ведь слышал мою историю. Даже вкратце пересказанная, она похожа на фантастический комикс. Вот отсюда, наверное, и вся эта «романтика». Не хватает красок в жизни. Только и всего.

А я вот *тебе* завидую, Гелиос. Нет, я не хотел бы влюбляться в парней! Но во всём остальном, дружище, ты же не можешь не понимать, как тебе повезло!

Всё это про себя, в голове. Я тогда послал его, а теперь осторожничаю. Чтоб не сказать лишнего. Просто слушаю. Слушать его интересно. У него идеальный *субкхран**и**три*, как у Марин. Он мог бы быть агентом. Может и будет когда-нибудь. Я бы сказал, шансы велики. Только не дай ему бог замутить там с кем-нибудь. Не дай бог!

Мы уходим от стены и направляемся вглубь города.

— Но вот скажи: а эта идея о том, чтобы всех подземельцев впустить сюда и дать им те же права - ты в это тоже веришь, как и Ауро?

— Я понимаю твоё беспокойство об этом, Маркос. Это так здорово: видеть что ты болеешь за *Полис*! Но… тем не менее, я думаю, что это достойная цель. Просто для её достижения очень многое должно измениться. И в *Полисе*, и в Субкхране.

— В Субкхране ничего не изменится.

— Это лишь вопрос… правильного подхода к социальной генетике.

— Хех! Говоришь, как *п**о**лис-д**а**ни*.

[28]Уши и глаза

— Ну так я *по**о**лис-д**а**ни*!

Он абсолютно нормальный! Он понимает меня, а я его. Мы могли бы с ним дружить, и… он был бы хорошим другом. Мне хочется спросить его, каково это: быть… геем. Но как-то язык не поворачивается.

Проходим мимо здания из красного кирпича. На первом этаже - кафешка. Переглядываемся. И, не сговариваясь, заходим внутрь.

— *Ромэли к**о**фэ пр**э**фэри?*[29] - кидает он мне через плечо.

— *Арб**и**трис*[30], - говорю в ответ.

Ладно, чо. Пусть угостит меня кофе. Я всё равно не могу за себя заплатить.

Показываю ему взглядом, что надо взять и пойти, не садиться здесь. Он кивает - «само собой». Понимаем друг-друга без слов. Как будто знакомы уже десять лет. Удивительно! Я не чувствую никакой дистанции, никакого напряжения! Он мягкий, как пух. Всё понимает. Всё принимает. Ни на что не злится. И ни на что не претендует. То же самое чувство, что и с Марин: я могу быть просто собой.

Наш кофе готов. Мы берём бумажные стаканчики, закрытые мягкими резиновыми крышечками, Гелиос протягивает запястье, а официант (или бармен? как он называется?) прислоняет к нему считыватель. Замечаю на запястье татуировку - ангел, взмывающий в небо. Да… кое-где Гелиос, видимо, очень твёрдый.

Выходим на улицу и идём дальше. Проходим мимо странного чувака, стоящего на газоне и сосредоточенно ковыряющего пальцем промежуток между кирпичами в стене дома.

— Сумасшедший? - говорю, когда мы уже отошли чуть подальше.

— Вряд ли. Скорее всего *си**е**нтис-да**о**ри*. Ну, учёный.

— Да ладно!

— Ага. И его лучше не отвлекать. Возможно, он прямо сейчас совершает какое-нибудь важное научное открытие. Не, серьёзно!

Мы замечаем небольшой и очень симпатичный скверик с лавочками и, снова, не сговариваясь, переходим через дорогу и идём туда.

— Самая уважаемая профессия в *Полисе*, да? Ну, учёные и учителя.

— …Ну одни из самых, да… Вообще, так неправильно говорить. Все профессии достойны уважения. Вот, врачи, например.

— Ну да.

— Или… полицейские.

— Полицейские???

---

[29] Какой кофе предпочитаешь?

[30] Любой

— Полицейские, судьи…

— Судьи???

— А что?

— Ну ты ещё скажи, что сутенёр - уважаемая профессия, - смеюсь я.

— Сутенёров у нас нет, за ними мы ходим к вам.

Садимся на лавочку, потягивая вкуснейший кофе. Это очень странно, но я, чёрт возьми, прекрасно провожу время!

— Да, у вас, наверное, эхем… немного другие полицейские. И судьи.

— Деятельность полиции очень строго контролируется обществом. Каждый полицейский даёт присягу. Знаешь, какую?

— Ну?

— «Всегда защищать закон и подчиняться только Сенату.» А Сенат - это выборный орган, и сенаторы постоянно переизбираются.

Он делает глоток и задумчиво смотрит вдаль.

— …А знаешь, какую присягу дают судьи?

— Ну… всегда судить по справедливости и тоже подчиняться только Сенату?

— Нет. «Всегда действовать в интересах правосудия и не подчиняться никому.»

— Это как так?

— А вот так. Они должны быть полностью независимы, даже друг от друга. У них нет начальства. Им это запрещено. По закону, если судью пришла арестовывать полиция, судья обязан оказать сопротивление.

— Офигеть…

— И чё, были случаи?

— Вряд ли. Никогда о таком не слышал.

На лавочку напротив садится тот самый странный чувак, ковырявший стену. Сидит. Смотрит в небо. Что-то прикидывает в голове, и видно, что окружающий мир ему интересен не больше, чем Эллочке квантовая физика. Мы сидим и молча наблюдаем за ним. Посмеиваемся.

— Я думаю, он математик, - наконец не выдерживает мой новый знакомый.

— Почему?

— А кто ещё? Остальные в лабораториях сидят.

— Ты рад, что ты родился в *Полисе*? Скажи честно, - неожиданно спрашиваю я.

Он улыбается своей фирменной скромной улыбкой:

— Трудно отрицать… Я думаю, на нашей несчастной планете *Полис* - наименее неправильное место.

— Ты… очень умный и рассудительный человек, Гелиос, - говорю я, повернувшись и глядя ему в глаза. - Скажи: как тебя угораздило?

Он смеётся, потупив взгляд и качая головой:

— Природе всё равно, рассудительный ты или нет.

— Знаешь, я должен сказать: это было смело. Я бы на твоём месте ни за что не решился…

Чувствую, как подмышки потеют, а коленки подрагивают. Ну давай, Марк! Вы ж для этого встретились!

— Ты это… слышь… прости, что я так с тобой… Наверное, это больно было.

Фуууух! Как гора с плеч! Стало легко. Очень легко!

— *Чептрэби*, - отвечает он, глядя на меня очень по-доброму. - Я всё понимаю, Маркос. Я кое-что знаю про Подземелье. Так что это *ты* извини. Я подвергаю тебя опасности с этой историей.

— Не, ерунда!

— И я хочу тебя поблагодарить, Маркос.

— За что?

— За то, что ты есть.

— За то, что я есть? - удивляюсь я, не в силах сдержать смех.

— Да! - смеётся он вместе со мной. - Я… Я очень благодарен, что ты встретился со мной. Что ты… Мне не нужна взаимность. Я понимаю, что… что ты не можешь ответить ей. Но я чувствую себя таким живым! Со мной никогда так раньше не было. Так сильно - никогда. И… Я просто хочу, чтоб ты был счастлив, вот и всё. Ты влюблялся когда-нибудь?

Я боялся этого вопроса. Молчу. Смотрю в землю и тереблю клапан на кофейной крышечке. *П**о**лис-д**а**ни*? Я правда становлюсь им? Значит, я должен быть честным. С ним и с самим собой. Ну признайся! Признайся хотя бы себе, чёртов трус!

— …Я думал, что да. Но теперь понимаю, что нет…

Он смотрит на меня и медленно расплывается в широченной улыбке. Настолько, насколько позволяет рот. Он умный. Очень умный. Он всё понял. Наверное, раньше, чем я. Просто он рад, что теперь и до меня наконец-то дошло.

— …Вот, значит, как!…

— Отвали…

Как удивительно! Он по-настоящему рад. Он не ревнует, ему и правда не нужна взаимность. Удивительный человек. Удивительное место. Удивительная… жизнь…

— Я знаю, ты хочешь помочь, и спасибо тебе, но… лучше не сейчас. Правда.

— Зря… У меня для тебя была куча бесполезных советов!

Вечер. Возвращаюсь домой. Марин сидит за кухонным столом с блокнотом и ручкой. Это редкость. Обычно она все записи делает виртуально. Увидев меня, она кладёт ручку в блокнот и быстро закрывает его.

— *Бонав**и**тас!* - кидаю я ей бодрым голосом. После встречи с Гелиосом я словно зарядился, и это, видимо, заметно.

— *Б**о**на.* Ну, как всё прошло? - говорит она с неожиданным и странным холодком в голосе.

— Отлично! - отвечаю я честно и искренне.

— Ну я рада, - кидает она.

Я снимаю кеды и прохожу в дом. Интересно…

— Чё такая напряжённая? По учёбе загруз?

— Да… - говорит она, потягиваясь и вставая из-за стола. - Экзамен всё ближе, а у меня ещё столько пробелов. Пойду наверх, отдохну немного - и продолжу.

Правильно. Я бы сделал то же самое. Но…

— Слушай, Марин.

— Да, - резко оборачивается она, остановившись. Слишком резко.

— Я тут подумал… Я уже столько всего увидел в *Полисе*, и даже в «*Асэндэ**о**м Унэ**э**нто*» побывал, но… я ни разу не видел, как вы веселитесь! *Диданг* - ерунда для туристов, а в том клубе, «Галактика», я толком ничего и не успел посмотреть. Поэтому, как ты смотришь, если мы… если я…

Какого чёрта! Это всё ты, Гелиос! Зачем, ну зачем?!

— …что если мы сходим с тобой… Хотя нет. Нафиг. Забудь. А то это выглядит так, как будто…

Она смотрит мне в глаза. На лице - маска, идеальный покер-фейс. Но взгляд… в нём читается многое. Многое, но не всё. Её карты закрыты. А мои?

— …как будто я зову тебя на свидание.

Она очень осторожно улыбается, самым краешком рта. Ну скажи «нет»! Посмейся надо мной! Я вонючий *субкхранд**а**ри*, возомнил чёрт знает что! Давай! Скажешь?

— Гол засчитан, Маркос, - говорит она, не меняясь в лице, но уже другим голосом. Голосом опытного игрока. - Завтра вечером. Ты свободен?

Тычок под рёбра. Но приятный, чего и говорить! Она умеет. Она достойный игрок. Ставка принята.

— Я загляну в своё расписание, - отвечаю, тоже изо всей силы держа лицо.

— Загляни, - легонько кивает она, изящно изогнув бровь, а потом разворачивается и молча уходит наверх.

Сердце бьётся, как ненормальное. Что ты делаешь, Марк? Зачем?! Неужели ты и правда на что-то надеешься? Ты же, как Гелиос! Чёрт тебя возьми, ты как он! Но почему он ведёт себя так разумно, а ты…

Я подхожу к столу, воровато оглядываюсь на лестницу, и приоткрываю блокнот на столе, на той странице, которая заложена ручкой. На странице нарисованы три пересекающихся окружности, подписанные словами на даонийском. Я легко могу их прочитать. *Мэндо*, *пэро* и *бэсо*. Это значит, «хочу», «могу» и «надо». Внутри окружности *мэндо* стоит точка, в той части, которая не пересекается ни с чем другим.

В Подземелье есть бары и клубы. Просто бары. И просто клубы.

В *Полисе* одних только баров штук 20 разновидностей, а то и больше! Спортивные бары, музыкальные бары, академические, игровые (с настольными играми, не шучу!), эльфийские (понятное дело), секретные, бары для знакомств (специальные, прям для этого), гей-бары, лесби-бары, комедийные бары - я мог бы продолжать.

Мы с Марин идём в музыкальный бар. Фишка его в том, объясняет Марин, что там есть сцена, и на ней можно выступать. С чем и как - зависит от программы. Иногда это выступление какой-нибудь группы (вроде «Кармы», например), иногда сборный концерт, но чаще на сцену выходят сами посетители, чтобы… чтобы что-нибудь отмочить на радость всем остальным. Как это? Я не успеваю спросить. 11 вечера. Мы у дверей. Заходим в лифт. Спускаемся на этаж вниз. Вход в бар - ровно напротив лифта. Пара шагов - и мы внутри.

Я с любопытством озираюсь по сторонам, сняв солнечные очки. Помещение немаленькое - квадратов 150 с лишним, это точно. Для бара это дофига. Слева стойка. Впереди внушительных размеров сцена - человек 8 поместится легко, вместе с инструментами. Посередине и ближе ко входу - небольшие столики. Перед сценой - ясное дело - свободное пространство, чтоб можно было попрыгать и повеселиться. Справа - чилл-зона с диванчиками и мягкими креслами, отделённая небольшой сетчатой перегородкой.

Людей уже прилично - где-то человек 40-50. Марин говорит, что будет и больше. На сцене музыканты, играют что-то очень бодрое и энергичное - даже без алкоголя уже хочется плясать. Но алкоголь - это обязательная программа, так что мы поворачиваем сразу налево, просачиваясь мимо людей и занятых столиков.

За стойкой два бармена - зрелый мужчина и молодая девчонка. Работают быстро. Не успеваем подойти, как у Марин уже принимают заказ, при этом успев о чём-то поговорить

и пошутить. Марин даже не спрашивает, что я буду. Она знает - Кровавая Мэри. Но это для начала, для разгона. А следом я попробую ещё что-нибудь.

— Удивительно! - говорит моя спутница. - Столько людей, и ни одного знакомого!

— Может, это и хорошо?

— Может и да.

Мы разговариваем на подземельном - какая разница, всё равно никто не слышит.

Оборачиваюсь, оперевшись локтем о стойку. Разглядываю место. Людей. Улыбаюсь. Мне здесь нравится. Она угадала. Хотя… есть ли вообще в *Полисе* хоть одно место, где мне бы не понравилось?…

— Почему именно сюда? - спрашиваю я Марин.

Она раздумывает, загадочно глядя на меня:

— …Даже не знаю. Давно здесь не была.

— Хм. А ты вообще по барам давно ходишь?

— В 16 лет уже можно. Но я, конечно, не сразу начала. Так что… да нет. Где-то год, наверное. А то и меньше. А ты?

— Я тоже где-то так. У нас можно хоть с пелёнок. Просто не мог себе позволить. Мы с пацанами сами устраивали себе бар. На улице. За гаражами. Так что… я барами ваще не избалован. Этот, я думаю - лучший в моей жизни.

— Вот оно как!

В этот момент нам подают нашу выпивку. Мне - ровный узкий стакан с красной жидкостью, ей - изящный бокал с чем-то розовым и белым на дне, с долькой апельсина и трубочкой.

— *Сал**у**т!* - поднимает она бокал, мы чокаемся, и я тут же опрокидываю в себя половину содержимого.

Марин выпучивает глаза и чуть не давится своим коктейлем. А в это время на сцену выходит энергичный мужчина в белом пиджаке и шортах и грохочет в микрофон на весь зал:

— *Бонав**и**тас! Бонав**и**тас, дрэгоси пр**э**чис!*

Из зала хлопают и бодро взвизгивают, но ведущему этого мало. Он снова просит его поприветствовать, а потом ещё раз, и добивается, наконец, что все дружно ревут и рукоплещут (включая меня), да так, что стены сотрясаются.

— ***Э**бо!!! Эс т**о**тис **э**рис!!!* - радуется мужик в шортах. - *Би**е**н.* - Он выдерживает паузу. Повисает тишина. - *Дрэс нос авэ**о**м…* - он оборачивается к музыкантам, - *ра авэ**о**м ма, рэгэси?*

— *Игри**о**м,* - бросает кто-то из музыкантов.

— *Игрио-о-о-ом!!!!!!* - орёт ведущий в микрофон, и все дружно визжат от восторга, а Марин, кажется, громче всех. Она прыгает и хлопает в ладоши, радуясь, как ребёнок.

Я смотрю на неё в недоумении.

— Это прикольная игра! - объясняет она. - Так и называется: «Играем».

Ведущий что-то рассказывает и кидает вопросы в зал, а Марин тем временем объясняет мне суть, крича прямо в ухо, чтобы я хоть что-то слышал. На сцену может выйти любой желающий. Он загадывает песню. И музыканты должны её сыграть. Одна минута на подготовку. Если они могут, тогда тот, кто вышел, должен спеть под их аккомпанемент. Если не могут, тогда он поёт без музыки, но можно вместе с залом. Потом выбираются лучшие исполнители, вначале из тех, кто смог застать музыкантов врасплох, а потом среди тех, кто пел с музыкантами. Вот такая развлекуха. Мне страшно подумать, что это будет, но под алкоголь, я думаю, пойдёт.

Быстро допиваю остаток своей Мэри и прошу Марин заказать мне что-нибудь другое, но тоже на её вкус. Первый доброволец на сцене - девчонка в джинсах и жилетке, и высоких белых сапогах. Она называет своё имя - Элиза - а потом песню. Ведущий грохочет название песни в микрофон и засекает время, напряжённо глядя на музыкантов, а люди в зале ритмично хлопают в ладоши, отсчитывая секунды. Пять хлопков. Десять. Пятнадцать. Двадцать…

— *Игри**о**м!* - выкрикивает музыкант с электрогитарой.

— *Игрио-о-о-ом!!!!!!!* - орёт ведущий в микрофон что есть мочи.

И тут же, безо всякой паузы, шарахает музыка. Настоящая. Живая. С музыкантами.

Девчонка явно растеряна. Она боязливо смотрит на ведущего.

— ***А**бо, к**а**нтэди, прэчис м**и**о!*[31] - кричит он ей, а все хохочут.

Она неуверенно берёт микрофон, начинает явно не вовремя, слабеньким голоском. Но зал поёт вместе с ней. Видно, что все знают эту песню. Ну, если не все, то многие. Девчонка потихоньку выравнивается, встраивается в ритм, добавляет голоса, и удивительно, но это даже становится можно слушать! Голосок у неё приятный, мягкий, под песню хорошо ложится. Она добирается до припева, и там уже чувствует себя совсем уверенно, потому что припев с ней вместе орут абсолютно все, в том числе и Марин. Музыкант с электрогитарой подходит к ней, что-то очень лихо наяривая на своём инструменте и, видимо, изображая героя песни, а девчонка оборачивается к нему и поёт второй куплет с наигранным недовольством глядя на него - явно у них там какие-то непростые шуры-муры. Публика в восторге! Мне подносят что-то зелёное, и я делаю глоток, почти не глядя. Ох!!! Ядрёная штука! Но классная! Алкоголь уже действует, да и сцена - что там - действует тоже. На это вполне можно смотреть! Молодец она, Элиза эта. Даже если б она совсем не умела петь, было б прикольно - зал-то помогает! Но она поёт вполне сносно, просто стесняется маленько, и это только добавляет веселья. Я оборачиваюсь, чтоб поделиться

[31]Ну, пой же, моя дорогая!

этим с Марин, но где же она? На стойке стоит её недопитый розовый коктейль, а самой её нет. Неужели она…

— *Фантастимэнто!!!!* - орёт ведущий, едва бабахнул последний удар барабанов. - ***Э**бо, Эл**и**за! Ром эрдэ! К**а**о ма, дрэгоси? Ром - эс - эрдэ! Бр**а**во!!! Тал**а**нтис **э**ри, Эл**и**за!*

— *Чептрэби!* - скромничает девчонка в ответ.

Он спрашивает её, первый ли раз она здесь, с кем она пришла, и всё в этом духе - я уже более-менее понимаю самые элементарные слова. Элиза передаёт привет двум своим подружкам (которые здесь) и своему парню (который, скотина, не пришёл), все дружно аплодируют, пьют и веселятся. Людей и правда стало больше.

— *Вин шэмд**э**ги эр ма?* - спрашивает ведущий, видимо, ожидая следующего участника.

И тут на сцену выходит…

— *Т**э**нэ н**о**мис ма, пр**э**чис?*

— Марин.

— Мари-и-и-ин!!!!!!

Я чуть ли не подпрыгиваю на месте, едва не расплескав своё зелёное пойло. Она… будет петь?

— *Ра с**и**мгэра эр ма, Мар**и**н?*

— «Крэнбэрис - Энимал Инстинкт»[32].

В баре повисает гробовая тишина.

— …Крэнбэрис. Энимал Инстинкт, - повторяет ведущий в браслет и торопливо надевает очки, чтобы, видимо, посмотреть про песню. Через очки видны его округлившиеся глаза. - *Сад ск**а**видэ сэт динозаурэ ма, даол**и**то?*[33]…

Зал хохочет, а Марин беспечно пожимает плечами. Видимо, песня никому не знакома.

— ***А**бо, музэк**а**нтиси, тэмпо!*

Время пошло. Люди хлопают в ладоши, а музыканты быстро находят песню на своих устройствах. Это надо посмотреть поближе! Быстро опрокидываю зелёную жидкость в себя и почти бегу к сцене, в самые первые ряды. Гитарист что-то наигрывает, басист подключается к нему, барабанщик постукивает ритм, переглядываются. 20 секунд…

— *Игри**о**м!*

— *Игрио-о-о-ом!!!!!!!!*

И снова, безо всякой паузы, они начинают играть. Первым вступает гитарист, бренча вступление, что-то лёгкое и ритмичное. Подключаются бас, ударные и…

---

[32]The Cranberries - Animal Instinct

[33]Где ты откопала этого динозавра, девочка?

Suddenly something has happened to me

As I was having my cup of tea.

Suddenly I was feeling depressed,

I was utterly and totally stressed.

Do you know you made me cra-a-a-a-i-a-ah?! Wo-u-wo-oh!

Do you know you made me da-a-a-a-a-i-a-ah?!

Смотрю, слушаю, и не верю. Она офигительно поёт. Боже… какой… какой у неё… голос…

And the thing that gets to me

Is you'll never really see.

And the thing that freaks me out

Is I'll always be in dou-u-ubt.

It is a lovely thing that we have…

It is a lovely thing that we…

It is a lovely thing,

The animal,

The animal instinct!

Woo-hoo-hu! Woo-hoo-hu! Woo-hoo-hu-huuu!

Небольшой проигрыш. Она замечает меня и подмигивает. Она поёт всем телом. Двигается. Чувствует себя совершенно свободно на сцене. Она кайфует! Этой песни не знает абсолютно никто, но ей совершенно не нужна ничья помощь. Эта песня… она для нас с ней. Очень странная мысль и ощущение, но… она это поёт… для меня. Она протягивает мне руки…

So take my hands and come with me!

We will change reality!

So take my hands and we will pray

They won't take you away!

They will never make me cra-a-a-a-i-a-ah! No-u-o-oh!

They will never make me da-a-a-a-a-i-a-ah!

Звук так и рвётся у неё прямо изнутри! В нём и радость, и грусть. Он игривый. Он сильный. Он… женственный. Звук молодости и любви.

And the thing that gets to me

Is you'll never really see.

And the thing that freaks me out

Is I'll always be in doubt.

The animal…

The animal…

The animal instinct to me!

It's the animal…

The animal…

The animal instinct to me!

It's the animal!

It's the animal!

It's the animal instinct to me!

It's the animal!

It's the animal!

It's the animal instinct to me!

Тут уже подпевают все. Песня зашла. Публика в восторге. А я отхожу чуть назад, не переставая смотреть на Марин. «Энимал инстинкт»… Какой-то инстинкт. Интересно… И это не *даонитри*, сто процентов. Другой язык. Английский, наверное. О чём же эта песня?

Я всё ещё нахожусь как будто в гипнозе, когда музыка внезапно заканчивается. Зал просто с ума сходит от восторга! А я стою молча. Мой восторг ничем не выразить. Никаким, даже самым громким криком. «Марин, я хочу тебя обнять», - проносится в голове.

Ведущий говорит что-то вроде «ну вы всё видели, друзья», но всё равно добавляет свои дежурные «*фантастимэнто*» и «*магнифисэнто*». Он что-то спрашивает у неё, но я не слушаю. Кровь пульсирует в висках. Я так жду, что она спустится сюда, ко мне! Каждая секунда тянется, словно вечность.

Наконец, она спускается со сцены и проходит через целую очередь обнимашек, поцелуйчиков и «*бр**а**во*» от тех, кто стоит поблизости. Я подхожу к ней. Она замечает. И совершенно не хитря, я снимаю маску и просто делаю то же самое, что и остальные - обнимаю и говорю «*бр**а**во, прэчис!*». Мы отходим ближе к чилл-зоне в то время, как на сцену поднимается следующая «жертва».

— Ну как? - слышу я её обычный вопрос.

— Честно? Просто офигеть, - говорю, глядя ей в глаза. - Я не знал, что ты так можешь. Где научилась?

— Да… везде понемногу….

— Мари-и-и-и-н!!!!!!!!! - раздаётся вдруг девчачий визг откуда-то из-за спины.

— Сола-а-а-а-а!!!!!! - так же безумно визжит Марин в ответ.

Они со всех сил бросаются друг другу в объятья и целуют друг друга в щёки несколько раз.

— *Стэла!* - восклицает её подруга. - *Стэла нотро эри!*[34]

— *А, фэрмиди!* - отмахивается Марин.

— *Або, врэмэнто!* - кричит Сола, и вдруг замечает меня. - *Маркос! Бонавитас, мио бэлло!*

— *Бона*, - добродушно отвечаю я, понимая, что сейчас будет микро-экзамен по *даонитри*, и что надо сосредоточится изо всех сил и не накосячить.

— *Ком эрдэ, Маркос? Тэнэ азри ма?*

«Как оно было, Маркос? Твоё мнение?». Ну, это просто.

— *Фантастимэнто*, - твёрдо и уверенно отвечаю я.

— *Ин пуантэ, прэчис! Фантастимэнто!* - подтверждает Сола, а я мысленно выдыхаю.

— *Ра эрис «энимал» ма, Марин?* - спрашиваю я, чтобы как-то увести внимание с себя и незаметно удалиться.

Но что-то пошло не так. Сола замирает, хмурит брови и удивлённо смотрит на меня. Но в этот же момент на неё сбоку налетает подружка и бросается на шею с криками: «Сола-а-а-а!!!!!!!!». Марин тут же хватает меня за руку и тащит прочь, в толпу, а потом - к выходу. Я не сопротивляюсь. Дело ясное: я что-то сказал не так. И Сола, кажется, всё просекла. Но что теперь?

Мы выскакиваем из бара и рывком заходим в лифт, навстречу выходящим оттуда новым гостям.

— *Зэро*, - выдыхает Марин, и лифт послушно закрывается, чтобы поднять нас на нулевой этаж. - *Кхарэ...* - она прижимается спиной к стене и стукает по ней кулаками. - *Кхарэ, кхарэ!*

Мы выходим на улицу.

— Что случилось, Марин? - спрашиваю я осторожно.

— Чёрт! Проклятье! Какая же я дура! Почему!!! Почему я не предупредила тебя!?

— Предупредила о чём?

Она обречённо смотрит на меня:

— Мы все знаем *инглитри*[35]. Все до единого. Это обязательный предмет во всех школах.

— Ах ты, бля... Так это *я* молодец... На кой чёрт я ляпнул?... Мог бы и догадаться... Получается, мы спалились.

— По-полной.

---

[34]Ты наша звезда!

[35]Английский

— Прикинуться *форэнд**а**ни* не прокатит - ты ведь уже сказала… что я… местный… И чё теперь?

— Не знаю. Надо ехать домой, а дальше будем думать. Или, может, лучше позвонить Ауро? И отвезти тебя к нему?

Я не хотел иметь дел с Ауро. Но теперь я уже в этом не так уверен.

— Поехали домой, - говорю я.

— *Т**а**кси*, - ослабевшим голосом говорит Марин в браслет.

Долго ждать не приходится. Минуты три - и беспилотный автомобиль к нашим услугам. Мы садимся, закрываем двери, и как раз в этот момент из парадных дверей выскакивает Сола. Она видит нас, видит, как мы уезжаем, вскидывает руку и гневно рявкает: «*Т**а**кси*!».

Марин сидит на диване. Я тупо брожу по гостиной взад-вперёд.

— Как думаешь, она поехала за нами? - кидаю я в воздух.

— Запросто могла.

— Зачем?

Но Марин лишь молчит в ответ.

Не проходит и пяти минут, как раздаётся стук в дверь и голос с той стороны:

— *Ток-ток, м**и**о бр**а**вис!*

— *Антрэд**и***, - угрюмо бросает Марин.

Дверь отворяется, и в дом заходит Сола. Она замечает меня и с наигранной радостью машет мне рукой:

— Привэт! Как дэла?

— Так себе… - буркаю в ответ.

— *Т**о**но дрэго н**о**вэлис ма, ки? Кон… партикул**а**рисэ мэнт**а**лис!* - издевательски выдаёт Сола своей подружке, кивая на меня, видимо, пересказывая ей её же «легенду».

— *Фэрмэд**и***, - устало и обречённо отвечает Марин.

— *Пэрк**е**ле ма?* - сильнее напирает Сола.

Вот, зачем она приехала. Устроить разборку. Не из-за того, что я *субкхр**а**ндари*, а из-за самой легенды. Из-за того, что Марин её обманула. У нас бы такого никто и не заметил - вполне безобидная ложь. И ведь не просто так, а чтобы отгородить дружка от ментов - это- то вообще святое дело! Но здесь всё иначе… «Истина - главная ценность.»

Разборка у них разворачивается такая, что мне становится не по себе. Сола вихрем кружится по комнате, стучит по столу, по дивану, взмахивает руками, что-то кричит, потом

бросается в слёзы. Марин - наоборот: сидит на месте, почти не двигается, и голос у неё хладнокровный и монотонный.

— *Би**е**н...* - говорит Сола, пытаясь подражать тону Марин. - *Би**е**н, в**и**зэо ром мэ м**э**рдэ **э**ро пор т**а**о. С**у**пэри! Магр**а**м, г**э**нзо ром эс **э**рис кр**и**минис-т**о**тис ма?*

— *Кр**и**минис-т**о**тис ма? Кэй, ап**э**лди пол**и**циасэ,* - безразличным тоном отвечает Марин.

От такого Сола даже пятится на шаг. «Раз это преступление - тогда вызывай полицию». Хороша ответочка. Она такого не ожидала. Она качает головой. Нервно улыбается.

— *Джигиз**э**нтис...* - бормочет она, ошарашенно подойдя к окну и уперевшись в раму. - *Джигиз**э**нтис **э**ри **у**квэ...*

Но тут Марин идёт в наступление. Она говорит что-то про Подземелье. Про то, что Сола ничего не знает о нём, и что ей вообще наплевать, что там внизу, под ногами. Что если бы она сказала сразу, то через день это бы стало известно всем вокруг. Я уже не так плох в *даон**и**три*, и понимаю если не всё, то очень многое. Ну а дальше что-то вроде:

— «Хочешь сказать, я не умею хранить секреты?»

— «Нет, не умеешь.»

— «А я вообще должна это уметь? У меня от тебя секретов нет. И я - честный человек, в отличие от тебя.»

— «Что ты хочешь?»

Девчонке бессмысленно задавать такой вопрос. Это путь в тупик. Она выложит тебе всё. Всё, что ты ей должен (должна). Всё, чем ты должен быть, но не являешься. И никогда являться не будешь, потому что то, что она хочет - не просто невыполнимо, а ещё и противоречит само себе. Быть «крутым, но нежным». «Богатым, но щедрым». «Честным, но не лохом». И так далее. Сола хочет, чтобы Марин была «нормальной». Но что бы это ни значило, я точно знаю: Марин такой никогда не будет. И не захочет быть.

Всё, что остаётся Соле - плюнуть и уйти.

— *Би**е**н, **э**кс дрэго! Стр**э**ди т**о**нэ фант**а**зиасиз анорм**а**лис, субкхранд**а**ри!*

В слове «субкхрандари» она специально нажимает на последнее «р». Потом открывает дверь и выходит прочь. А Марин, мгновенно вскипев и забыв про хладнокровие, вскакивает с дивана, бросается к выходу и кидает ей вслед:

— *Субкхранд**а**ри ма?! С**у**кхис-вэнэди!!!*

Она шарахает дверью. Оборачивается нам меня. Я сижу за столом. Внезапно в доме полная тишина. Давящая тишина.

— ...Вы даже ругаетесь красиво, - бормочу я.

А Марин смотрит на меня так, будто только что лишилась очень близкого человека. Но может, это так и есть...

— Я… наврала… лучшей подруге!… Какой кошмар!!!

И она бросается на диван, лицом в подушку и начинает рыдать, громко, в голос, закрыв лицо руками. Я неловко встаю из-за стола, медленно подхожу к ней и сажусь рядом на корточки:

— Марин… Марин, да ладно… Всё будет нормально. Вы помиритесь.

Но она продолжает рыдать и, кажется, совершенно меня не слышит. Я всё пытаюсь придумать, что сказать, но… наверное, сейчас надо просто оставить её в покое. Да, это, пожалуй, самое правильное.

Я поднимаюсь и ухожу к себе в комнату. Осторожно закрываю дверь. Сажусь на кровать. Снова прокручиваю в памяти то, что сейчас произошло. Их разговор. Это ведь всё из-за меня. Да, из-за меня. Это я - причина. Если б не я, никаких «легенд» изобретать бы не пришлось.

Сижу на кровати и тупо смотрю в пол. Не знаю, сколько проходит времени. «Всё зашло слишком далеко», - крутится одна мысль в голове. Наверно, надо и правда двигать к Ауро, а Марин оставить в покое. Пока я окончательно не испортил ей жизнь. Сейчас встану, выйду - и скажу.

Хлопнув себя ладонями по бёдрам, поднимаюсь с кровати, рывком открываю дверь, делаю пару шагов в зал… и вижу то, от чего мне вдруг становится тепло-тепло, и сладко ноет в груди. Она спит. Спит и улыбается во сне! Опять! Тут только что было чёрт знает что, а сейчас она спит… и улыбается. Как ребёнок! Той самой, лёгкой, беззаботной, детской улыбкой. Божечки… как же это… красиво!

Подхожу осторожно, крадучись, разглядываю её, и тут вдруг совершенно чётко понимаю, что сейчас надо сделать. Настолько чётко, что даже легче становится! Да, Марин, именно так я и поступлю. Тебе, может, это и не понравится, но для тебя так будет лучше. Это ясно, как солнце над *Полисом*. Сомнений - ноль.

Так же точно, крадучись, я иду к лестнице, и тихонько поднимаюсь наверх, на второй этаж. Осматриваюсь вокруг - я ведь тут впервые. Справа - спальня с большой кроватью и выход на балкон. Тут же, рядом - душевая. Слева - дверь. Тихонько приоткрываю её, и вижу небольшой зал для упражнений - гантельки, коврик для йоги, тренажёр для ходьбы. Как раз то, что мне нужно! Захожу внутрь, затворив дверь, и встаю в центре комнаты.

— Гермес, братишка!

— Аюшки! Оу, а ты чё тут делаешь? Тебе сюда нельзя.

— Да, знаю. Я нарушил правила. Но мне нужно написать очень важное сообщение, и так, чтобы *гранд**а**ли* не слышала. Можно так?

— Ну, сам по себе ты ничего не можешь - тебя в системе нет - но если экстренно и от моего имени, то может и можно что-то отправить. Скажи, что и кому?

— Подружке Марин. Сола её зовут.

— *Соласэнтис*. Есть такая. А что за сообщение?

— Ох… это ещё подумать надо. Ща, дай с мыслями соберусь. Если я на нашем, подземельном накарябаю, сможешь потом на *даон**и**три* перекинуть?

— Легко, братиш! Как два пальца обоссать!

М-м-м, Гермес, ну вот не чувствуешь ты, что сейчас это не к месту! Хотя… чё я гоню, я ведь сам тебя этой фигне научил…

— Лады. Щас… дай мне немного времени…

Уфф… а что писать-то, господи? Надо прикинуть… так…

Хожу по комнате взад-вперёд. Сочиняю своё письмо. Присаживаюсь на скамейку. Встаю обратно. Попинываю гантелю ногой, покусываю ноготь. Сумбурно как-то. Нужен блокнот и ручка, чтоб черновик накидать. Взять, что-ли, у Марин? Не, это уж слишком… Ха! У меня ж свой блокнот есть!

Иду к двери и быстро, но по-тихому, спускаюсь вниз, захожу в свою комнату, беру блокнот с ручкой, и возвращаюсь обратно.

С блокнотом дело идёт ощутимо лучше. Но блин, как же это непросто, оказывается - письмо писать! Особенно такое. Корябаю в блокноте, чёркаю, переписываю заново, вырываю и скомкиваю страницы, совершенно не чувствуя времени. Вдруг раздаётся телефонный звонок. Я вздрагиваю.

— Кто это, Гермес?

— Это доктор *Ауровэтвис*.

— Ауро?? Фигасе… Могу взять трубку?

— Нет, это может только *гранд**а**ли*.

— *Гранд**а**ли* спит.

— Да, вижу. Ладно, сообщу ему, что она перезвонит.

— А сколько сейчас времени?

— Три часа, двадцать минут.

— Чего это он в такое время?…

— Видать, что-то срочное. Очень срочное.

— Ну да…

Раз Ауро звонит в такое время, значит, скорее всего, меня объявили в розыск. Или вот-вот собираются объявить. Ну и хорошо! Значит, я точно делаю всё правильно!

Эта мысль придаёт мне вдохновения и скорости, и спустя 15 минут моё письмо, наконец, готово. Я быстренько надиктовываю его Гермесу. Получается вот что:

Здравствуй, Сола. Это Марк. Парень из Субкхрана.

Не буду тебе рассказывать, как я здесь оказался - об этом ты, если захочешь, узнаешь и сама. Марин пришлось соврать тебе про меня. Это я виноват. Она помогла мне. Очень сильно помогла. Если бы не она, я бы тут вряд ли продержался даже несколько дней.

Живя в Подземелье, я всё думал, глядя наверх, во тьму: что же там? Я представлял себе инопланетян и всяких разных чудищ из комиксов, прикинь? А оказалось - здесь просто люди! Такие же, как мы. Только социальные гены у них другие. И поэтому жизнь здесь - совсем другая.

То, что со мной случилось - это чудо, по-другому назвать нельзя. Сколько я тут, два месяца? Может, побольше… Не важно - время пролетело, как один миг. Но сколько же я всего повидал! Солнце! Звёзды! Настоящие, не по телеку! Летающие такси! Говорящий домашний робот, который умнее многих людей и с которым классно! Прозрачная стена! Университет… Я попробовал лучшее в жизни кофе и пиво, а еда - это просто отвал башки! Я пообщался с потрясными людьми, у каких у нас не найдёшь - среда не та, чтоб таким людям появиться. Я услышал, как Марин поёт, и я тебе клянусь: ничего в жизни прекраснее не слыхал!

Марин - удивительная девушка. Она добрая. Умная. Красивая, аж дух захватывает! И у неё огромное сердце, прям с целый гексос величиной! Она очень, очень хороший друг. Тебе нельзя с ней ссориться. Такими друзьями не разбрасываются, Сола. Говорю тебе, как человек, у которого, кажется, и друзей-то не осталось совсем. Ещё раз: во всём моя вина. Так уж получилось, что прийдя в Полис, я принёс с собой кусочек Субкхрана. И он конечно же всё испортил, по-другому и быть не могло.

Я с самого начала знал, что я здесь не надолго. Я пробыл в Полисе гораздо дольше, чем рассчитывал. Но теперь мне пора. Меня уж там, пади, обыскались совсем! Надо возвращаться в своё болото, туда, где мне место.

Очень прошу: оставайтесь подругами! А честность - это и правда хорошо. Я только сейчас это понял. Передай Марин от меня огромное, необъятное спасибо. Я никогда и никому не был так благодарен, как я сейчас благодарен ей.

Прости, что пишу тебе от её помощника, Гермеса. Последнее, маленькое преступление.

Машу тебе рукой!

С приветом!

Марк

— Ну чё, можно такое отправить?

— Да… можно…

— Тогда отправляй прямо сейчас.

— Готово. Переведено и отправлено.

— Спасиб тебе, дорогой!

— Так а ты чё, уходишь что-ль?

— Ага.

— Да ладно! А почему?

— Спасибо тебе за всё, дружище! Спи, родной. *Сомниди.*

Больше я ничего не слышу в ответ. Вот и всё, Гермес. Жалко мне расставаться с тобой! Особенно вот так. Но ничего не поделаешь.

Я неторопливо спускаюсь по деревянным ступенькам вниз, хорошенько всё оглядывая и стараясь запомнить как можно лучше. Вот я в гостиной. Марин так и спит на диване. Подхожу и тихонько сажусь рядом. Спи, Марин. Завтра будет новый день, и всё обязательно исправится, ведь рядом уже не будет того, кто мог бы всё испортить. У тебя впереди удивительная, потрясающая жизнь. Жизнь, полная радости, вдохновения и свободы. И я счастлив. Счастлив, что ты будешь жить так. Счастлив, что смог подарить тебе небольшое приключение, о котором можно будет вспомнить, стоя на берегу Чёрного Моря и разглядывая его необыкновенный цвет.

Мне так не хочется уходить, меня всего аж жжёт внутри, но я знаю: это лучшее, что я могу сейчас сделать… для тебя.

Я приподнимаюсь на колени, медленно склоняюсь над ней, вдыхая головокружительный аромат её волос, и очень осторожно, едва касаясь, целую её в макушку.

Ну всё! Пора.

Захожу к себе в комнату, торопливо переодеваюсь в своё, подземельное, и тут вдруг вспоминаю: а как же перечная смесь! Я должен взять её с собой. То, что пришло из Субкхрана, вернётся в Субкхран. Открываю ящик у кровати, беру свой счастливый пакетик, в котором уже почти ничего не осталось, и кладу во внутренний карман худи. Всё, я готов.

Выхожу в гостиную и последний раз смотрю на Марин. На её лицо. Её улыбку. Иду к двери, надеваю кеды. Осторожно открываю дверь и, неожиданно сам для себя, кланяюсь этому дому, сложив ладони вместе, на местный манер. Бесшумно выскальзываю на улицу и так же бесшумно закрываю дверь.

На улице лёгкий ветерок, приятный и тёплый - всё-таки июнь, лето на дворе. Иду по тропинке к проспекту, не оборачиваясь. Руки в карманы. Покурить бы сейчас. Но вейп я оставил в доме, так что курить буду уже в Подземелье. Как оно встретит меня? Вряд ли хорошо. Вряд ли меня ищут там, чтобы погладить по голове. Но мне плевать. Я всю жизнь боялся федералов и полиции, а теперь мне всё равно. Или я просто сейчас храбрюсь, а там, внизу буду ползать на коленях и лизать им ботинки, чтоб они меня пощадили? Может и так. Но здесь и сейчас мне нет никакого дела до того, что там будет со мной. Я думаю про Марин. Про её улыбку. Ради этой улыбки, Эмиль, я исполню любые твои желания.

Сворачиваю на проспект и просто иду, куда глаза глядят. Без маски. Без очков. Без капюшона. Я не видел в *Полисе* ни одной камеры, но знаю, что они здесь абсолютно везде. Но самый главный рассчёт здесь на бдительных граждан - любой из них может отправить в полицию анонимное сообщение о чём угодно, вызывающем подозрение.

Никакого наказания за бесполезность - система сама поймёт, важное сообщение или нет. А за важное сообщение - вознаграждение. Так что отправляй доносы на всё, что движется вокруг, авось выгорит! Правда, сдаётся мне, что шляясь в ночи в чёрном рэперском прикиде, я всё ещё выгляжу не достаточно подозрительно. По роже уже не понять, что я подземелец - разъелся, подзагорел, на человека стал похож! За каких-то пару месяцев! Чудеса, конечно… Чудеса…

По дороге мимо меня бесшумно мелькают автомобили. Навстречу идёт человек с разноцветными волосами. Смотрит на меня. Я улыбаюсь и подмигиваю, а он улыбается и кивает мне в ответ. Без повода. Просто потому, что мы оба люди и оба шарахаемся по городу в ночи. В Подземелье такое невозможно категорически. Там плюнуть в морду незнакомому человеку не так страшно, как улыбнуться ему. Плевок хотя бы понятен. Улыбка - это что-то незнакомое и непонятное, не наше. Пидорское. За такое надо мочить. Сразу и без раздумий.

Не забыл ли я правила игры в Подземелье? Не улыбнусь ли случайно там кому-нибудь? Стою и разглядываю памятник какой-то женщине. Читаю табличку, но имя ни о чём не говорит. Учёная, наверное, какая-нибудь… Если б рядом была Марин, она бы глянула в свои чудо-очки и тут же рассказала бы всё о ней. Вспоминаю мудрого Рами-эмоса и как по нему лазали дети. Чувствую любовь. Чувствую, что мне будет ужасно не хватать *Полиса*, что мне чертовски больно уходить отсюда. Что я завидую каждому, кто вырос в этом волшебном мешочке в натальной лаборатории. Вот это свезло так свезло! Любого размера куш, сорванный в подземельном казино - просто полная чепуха по сравнению с этим! Если бы только я мог хотя бы претендовать на гражданство в *Полисе*… Всё было бы тогда по-другому, Марин, и… твоя точка, может быть, была бы в другом месте. Но может быть тогда бы вообще ничего этого не было…

Улыбаюсь сам себе, и всё бреду и бреду по улице. Ну и где же менты? Почему до сих пор не свинтили меня мордой в плитку, а?

— Эй, полиция!!! Я здесь!!! Я *субкхранд**а**ри*!!! Я Марк Малой!!! Хватайте меня, черти!!! Ау!!! Где вас носит?!!!

Я ору в голос посреди улицы, расставив руки и махая всей тысяче камер, глядящей на меня из каждого угла. Но даже прохожие не обращают на меня внимания. Подумаешь, бухой иностранка! Тоже мне невидаль! Слово *субкхранд**а**ри* никак не действует. Видимо, они слышат его так же часто, как наши - слово «интеграл».

Но всё-таки, чёрт побери, где же полиция? Меня что, не ищут? Ауро звонил по другому поводу? По какому? Я уже не узнаю. Плевать. Если не загребут на улице - просто пойду и сдамся сам. Где тут поблизости полицейский участок? Фиг найдёшь. Я даже не знаю, как он должен выглядеть. Точно не так же, как у нас. Но не велика беда - спрошу у прохожих. Я знаю, как это на даонийском: «*Сад **э**рис дэпарт**а**мэнти пол**и**циас ма?*». Или можно: «*Пол**и**циас дэпарт**а**мэнти сад **э**рис ма?*». В *даон**и**три* слова можно ставить в любом порядке, каком хочешь. Лишь бы *ма* было после *сад* и ***э**рис*. Знание, которое мне уже вряд

ли пригодится. Хотя, как сказал умный Гермес: «Знания никогда не бывают лишними». Наверное, ты прав, дорогой Гермес. Наверное, прав…

Однако, прежде чем пойти и сдаться местным ментам, я, пожалуй, встречу последний раз восход. Я уже вижу, как небо светлеет на востоке. Пойду туда, навстречу свету. Как мотылёк.

Иду и улыбаюсь, хотя на душе скребут кошки. Страшно. И в то же время чувствую себя победителем. Я выиграл в игру! Я выбрался из Подземелья! А самое главное - я не позволил себе испортить жизнь самой прекрасной девушке на свете. Это было тяжелейшее испытание, но даже с ним я справился! Я герой! Я чёртов Супермэн, мать его!

Прохожу мимо уличного музыканта. Он играет на гитаре так, как всегда играют в Полисе - охренительно! И вдруг ухо цепляется за слова:

*Мэй т**о**до **а**мо-**а**мо-**а**мо, бэсо-бэсо-бэсо,*

***О**чиси аз**у**рис!*

*Вивис-т**о**тис адвэнт**у**рис!*

*М**и**о прэчис адвэнт**у**ра!*

***О**чиси аз**у**рис.* Я аж вздрагиваю. Замираю, словно током дёрнули. ***О**чиси аз**у**рис…* Её глаза. Вот этого самого цвета. Ну не может же это быть песня про Марин!

Музыкант видит, что меня зацепило, и начинает играть с ещё большим вдохновением. А мои глаза - мокрые от слёз, и я… я не знаю, я б ему сейчас гору денег отвалил! Если б было… Но у меня в кармане - только 5 подземельных фишек, случайно оставшихся с сбой, и… и что-то ещё…

Достаю из кармана казиношный жетон и какую-то белую пилюлю. Что это за хрень? Верчу в руках, пробую на зуб - пластмасса. Интересно… Бросаю 5 фишек музыканту, виновато разведя руками - «прости, братан, больше ничего нет». Отхожу чуть подальше и снова внимательно разглядываю пилюлю. Что бы это могло быть? Явно не моё. Точно не барбитал, он другой формы, и не пластмассовый - таблетки подземельные я уж ни с чем не спутаю. Трясу перед ухом - нет звука. Нюхаю - не пахнет. Кладу в рот, слюнявлю языком - пластмаска, без вкуса. Осторожно, взяв пальцами, пытаюсь раскусить задними зубами. Слышу хруст. Достаю. Вижу: трещина пошла. Разламываю. Внутри - очень мелкая микросхема. И тут до меня доходит. Марин. Хитрая Марин. Она положила мне жучок в карман, чтоб найти в любом месте, если я вдруг потеряюсь. Хех, умн**о**! И приятно, чего уж там! Но и этому надо положить конец.

Бросаю жучок на тротуар, оборвав последнюю ниточку, которая связывала нас. И быстрым шагом ухожу всё дальше и дальше, словно боясь, что меня всё ещё могут найти по этой штуке. Мне хочется верить, что меня могут найти. Я хочу быть найденным. И не полицией. Ох, почему же так тяжело?! Скажи, Гелиос! Разве должно быть так тяжело? Дай мне какой-нибудь из своих бесполезных советов. Какой угодно!

Дохожу до кругового перекрёстка, и вдруг узнаю эти места. Если на свете есть Бог, то с чувством юмора у него всё хорошо! Ведь это тот самый парк! Тот парк, куда меня повела Марин в ту ночь. И там та самая лавочка, у пруда, на которой я лежал, глядя на звёзды и на неё, где рассказывал ей свою историю. Где встречал рассвет. Сердце ноет в груди так, что аж нестерпимо! Могу ли я не идти туда сейчас? Нет, конечно же нет! Именно туда я и отправлюсь. Там и встречу свой последний рассвет, как тогда первый. Здесь всё началось, здесь всё и закончится.

Перехожу через широкий проспект и оказываюсь в парке. Захожу я в этот раз с другой стороны, и понятия не имею, как идти, поэтому просто иду вглубь по той тропинке, которая кажется мне правильной. Бегуны уже тут как тут, а впереди идёт парень с собакой. Собака останавливается, приседает, делает кучу, и бодро семенит дальше, а хозяин - вслед за ней, будто ничего и не произошло. А у меня внутри всё аж переворачивается! Как же так! Эй, парень, стой! Надо же… ну… прибрать как-нибудь! В Подземелье я б такое и не заметил, но здесь, среди всей этой чистоты и красоты, оно так сильно режет глаз, что хочется, прости господи, чуть ли не самому подойти и убрать! Но не успеваю я дойти до этого места, как прилетает дрон, садится на кучу, шумит секунд пять, и улетает прочь, оставив после себя лишь чистый мокрый след. Собака наоборот. Смеюсь сам над собой! Хе-хе, всё уже решено, братишка! Технологии!

Иду по тропинке всё дальше и дальше вглубь парка. Мимо пробегает девушка в спортивном костюме. Может быть, пожив здесь ещё месяцок-другой, я тоже начал бы бегать? Может, Марин бы всё-таки удалось подействовать на меня? Стоп. Хватит думать о Марин. Тебе нужно забыть о ней, Марк. Но такое… такое даже Супермэну может быть не под силу…

Приподнимаюсь на небольшой холмик и вижу пруд вдалеке. Увидев его, я чуть ли не бегу в ту сторону. А небо всё светлее и светлее. Ветерок подул сильнее. Птицы поют вокруг. Вот этот момент я запомню. Запомню на всю свою оставшуюся грёбаную жизнь! Ничего похожего я в Подземелье больше не увижу и не услышу, но клянусь всеми богами *Полиса*: в память оно впечатается так, что не выбить будет даже бейсбольной битой!

Вот оно, это место. Та самая лавочка! Как хорошо, что никто здесь не сидит! Что здесь… свободно…

Я не сажусь. Если сяду, то тут же представлю рядом Марин. Просто стою и держусь за спинку. Вглядываюсь в дома напротив, хотя смотреть туда уже почти невозможно. Глаза стали привычнее к солнцу и яркому свету, но всё равно, очки бы сейчас ох как пригодились! Жаль, не взял их с собой. Не думал, что понадобятся…

Я стою и жду, когда из-за крыши одного из домов появится ослепительно-яркий край солнца. Я буду смотреть до боли в глазах, до слёз. Смотреть, пока могу. А потом… потом…

Вдруг становится темно. Чьи-то руки закрыли мне глаза. Нежные, мягкие, прохладные ладони.

— Попался? - слышу я у самого уха шёпот, от которого по всему телу мурашки.

— Марин…

— Откуда ты знаешь? Может быть, это полиция?

— Полиции, кажется, нет до меня дела. А твой голос я ни с чьим не перепутаю.

Она резко отрывает ладони, и свет ударяет мне в глаза.

— Ах!

Кажется, солнце уже появилось, но я не успеваю толком разглядеть. Я отворачиваюсь, укрываясь от света, а она берёт меня ладонями за щёки и поворачивает к себе. Я вижу её глаза. И мне не нужно никакого солнца.

— Я был у тебя наверху. И я отправил Соле письмо, - тут же сознаюсь я во всех своих преступлениях.

— Я знаю. Это она ко мне пришла и разбудила.

— Что?

— Прибежала, вся в слезах и соплях. «Ищи Маркоса срочно!». Показала мне твоё письмо, говорит: «Беги! Иначе ты его потеряешь!».

— Серьёзно??

Я не верю своим ушам. Я, наверное, под наркотиками.

— Она хотела идти со мной, но я решила её не брать в таком состоянии. Дала ей таблеток и побежала. Хорошо, что… жучок с тобой… был…

Она смеётся, а я тоже смеюсь, что она смеётся! Жучок… ну да…

— Я ж его выкинул… - говорю я сквозь смех.

— Слишком поздно! Дальше я уже поняла, где ты.

— Да… было трудно не понять…

— Маркос, - говорит она мне, глядя не просто в глаза, а, кажется, в самое сердце. - Пожалуйста, не уходи так больше! Я… я не хочу, чтобы ты уходил. Я хочу… чтоб ты был рядом. Хочу гулять с тобой по *Полису*. Хочу смотреть с тобой телевизор, ходить на завтрак в парк. Хочу тебя трогать и обнимать! Хочу… спать с тобой в одной кровати. Маркос, кажется… кажется я тебя… люблю.

Я готов утонуть в этих глазах, утонуть в ней, прямо сейчас. Я готов на всё ради неё. Но самым краешком глаза я вижу за её спиной тёмные фигуры. Они быстро движутся прямо к нам. Она замечает, что я перевожу взгляд…

— Маркос?

В этот самый момент что-то острое впивается мне в шею. Ноги тут же отнимаются, и я падаю на колени. Потом на живот, лицом в траву. А потом…

— Маркос!!!

Я слышу отчаянный крик Марин, доносящийся уже откуда-то издалека. Эти ребята здесь. Подземелье пришло за мной.

«***Анто!!! Анто!!!!!!***» - кричит Марин, но её голос всё дальше. Он отдаляется от меня со скоростью несущегося на полном ходу поезда, и через мгновение исчезает совсем…

15

Сознание нехотя возвращается ко мне. Но я не тороплюсь открывать глаза. По одному лишь запаху понятно, что я снова в Подземелье. Запах сырости. Запах грязи и плесени.

Руки скованы браслетами за спиной. Правую едва чувствую, а левую - не чувствую совсем, потому что лежу на ней, на боку, на чём-то твёрдом и холодном. Видимо, на полу камеры. Полиция или федералы - вот сейчас главный вопрос. Полиция… или федералы… Хоть бы полиция!

Вспоминаю Марин. Её взгляд. Её последние слова. В груди нестерпимо ноет, комок подступает к горлу. Откашливаюсь. Слышу где-то за спиной приближающиеся по коридору шаги. Открываю глаза. Тусклый свет. Разбитый, грязный пол из рыжего кафеля. Небольшая комнатка без окон. Посреди неё стоит металлический стул. Больше ничего нет.

— Э! - рычит кто-то из-за спины и подходит ближе. - Уважаемый!

Тычок ботинком под рёбра.

— Ммм! - вяло мычу в ответ.

— Как самочувствие? - гудит голос без намёка на заботу.

— Хреново… - тихо хриплю в ответ.

— Степаныч! Очнулось тело, слышь!

«Тело». «Уважаемый». Это ментовской словарь. У федералов - «элемент» или «объект». Кажется, всё не так плохо…

— Ну зови господина давай! - раздаётся ответ из глубины коридора.

— Охренел что-ли! Сам зови! Я те чё, шестёрка бля?

Господина? Что ещё за господина? Хотя… хотя, кажется, понятно, о ком речь. Всё плохо. Очень плохо.

— Ну наконец-то! Очнулся наш птенчик! - слышу я вдруг в дверях за спиной знакомый голос. Знакомый до боли в заднице. - Офицер, оставьте нас одних, - командует он холодным тоном.

Лязг двери. Пару секунд - полная тишина. Слышны только неторопливые шаги за спиной.

— Здравствуй, пупсик! - слышу я снова его радостный голос.

Эмиль… Я ничего не говорю в ответ. Просто лежу молча.

Он обходит меня со стороны и приседает рядом на корточках. Одет с иголочки, в светлом костюме и в своих фирменных жёлтых очках.

— О! Да ты поправился! И загорел!

Он с умилением сдавливает мне щёки рукой и сюсюкает:

— Какой умничка! Тебя там корми-и-ли, да? Уха-аживали за тобой!

Он хлопает меня по щеке и поднимается на ноги:

— Понравилось в *Полисе*?

Эмиль качает головой и начинает ходить по камере гордо и важно, цокая белыми ботинками по разбитому кафелю.

— Я знал, что ты там. С самого начала знал. И я конечно первым делом отправил туда запрос на твою поимку. Но, чёрт, им нужны были доказательства, что ты проник туда! Представляешь? Доказательства! Вот такие у нас отношения с *Полисом* теперь! Кошмар. С одной стороны их Сенат и Служба Безопасности, с другой - наш Президент… А я должен крутиться между ними, вот так, вот так! - он вертит рукой в воздухе, снимает очки, протирает лоб и смотрит мне в глаза. - Понимаешь, как мне тяжело?

В моём взгляде нет ни капли сочувствия. Только ожидание. Ожидание, чем эта телега закончится для меня. Ведь он всё это говорит не просто так.

Эмиль разводит руками и продолжает:

— И вот, я, как Шерлок Холмс, начал искать эти доказательства, будь они неладны! Ты хоть знаешь, кто такой Шерлок Холмс?

В моих глазах пустота.

— А! - машет он рукой. - Необразованный…Ну в общем: тут целый детектив был. Десять следователей твоим делом занялись. Десять! Весь третий круг на ушах стоял! Мы, конечно же, начали со всех твоих знакомых. С тех, с кем ты работал в доме у Леонида и на терминале у Альберта. Допросы шли один за другим, кучу времени и сил потратили, все людям нервы измотали - и ничего! Ноль. Мне говорят: «На четвёртый ушёл», а я говорю: «Нет». Я знал, что ты не на четвёртом.

Он разворачивает стул, и садится на него, закинув ногу на ногу и вертя в руке очки.

— Конечно же мы уцепились за запись с видеокамеры после того, как ты забросил пакет во двор Леонида. Какой благородный жест! Ты решил вернуть мне деньги! Оставшиеся. Там почти половины суммы не хватало. И пистолет мой ты тоже не вернул. Герой хренов… Но запись нам не сильно помогла. Ты оделся очень удачно, а камер у нас слишком мало, и мы не смогли проследить твой дальнейший путь. Нам было очень обидно!

Мой взгляд снова не выражает ничего.

— Мы взяли гвардейца, через которого ты прошёл на третий круг за взятку. Ох и жалко мне его… Но и от него оказалось мало толку. Все следственные действия вели в тупик.

Время шло. Результатов не было. Но это только сильнее меня раззадоривало! Я знал, что ты сообразительный мальчик. Я пытался стать тобой, думать, как ты. Мы прошерстили, наверное, все магазины одежды, в которых ты мог переодеться (ведь ты явно потратил деньги на *это*), описывали им твой прежний внешний вид, но никто тебя не видел. Стало ясно, что тебе помогали. И мы расширили круг поиска. Мы искали абсолютно всех, с кем ты мог быть хоть немного знаком. Мы познакомились со всеми продавцами на рынке, познакомились с Икраном (потрясающий юноша!), с Михеем Тимоновичем, с Рафиком! Но всё это не давало результатов до тех пор, пока в наши сети не попался некто Мокрый.

Стук сердца ударяет в виски. Мокрый. Эти ублюдки всё-таки добрались до тебя.

— Что, глазки забегали, а? Да! Он сдал тебя с потрохами. Рассказал всё: как вы встретились на берегу, как ездили переодеваться (очень смешно!), как ездили за таблетками. Я чувствовал, что приближаюсь к тебе. Что уже почти ухватил тебя за твою упругую попку! Но, к сожалению, больше Мокрый ничего не знал, хотя мы спрашивали очень настойчиво.

От этого «очень настойчиво» всё сжимается внутри. Страшно даже представить себе, что именно это значит.

— Однако, благодаря Мокрому мы нашли магазин, в котором ты переоделся, познакомились с продавцом этого магазина и выяснили важную деталь: марку костюма, который сейчас на тебе - «Гвозди» (ну и названьице!). Несмотря на внешнюю неброскость, это элитный брэнд. Ты шикарно оделся на мои деньги! Мы сделали ориентировку, разослали повсюду, весь круг на ушах стоял. И представь: удача улыбнулась мне! Она всегда улыбается тем, кто достаточно настойчив! В бригаде грузчиков, работавших в тот день у 12-го цеха, нашёлся человек, разбирающийся в рэперской моде и заметивший парня, одетого в тот самый брэнд «Гвозди» ровно тогда, когда всё и произошло! Мы посмотрели на запись с наружной камеры и нашли тебя, голубчика! Ты даже помог одному из грузчиков дотащить порвавшийся мешок с кукурузой! В момент, когда вы поднимали его, ты очень удачно повернулся лицом к камере, и тут-то всё и сложилось! Должен тебе сказать, Марк, это была гениальная идея! И как ловко! Гарри Гудини просто курит в сторонке! (Ты, конечно, не знаешь, кто это). Но чёрт с ним, с Гудини! Я всё-таки не зря говорил, что ты очень сообразителен. Ведь этот груз шёл через тот самый, второй терминал, на котором ты работал и который знал так хорошо. Но я не могу не удивляться твой смелости! Ведь груз мог застрять, задержаться, бог знает что ещё. Ну ладно. Во всяком случае, стало понятно, каким путём ты проник в *Полис*. Мы, конечно, все материалы им предоставили. Но представь, даже этого им оказалось недостаточно!

Эмиль хлопает ладонь об ладонь и вскакивает со стула.

— Да, ведь это как бы не доказывает, что ты, во-первых, попал в контейнер, а во-вторых, доехал. Но разговор после этого всё-таки пошёл уже по-другому. Я всё время напирал на то, что ты вооружён. Что у тебя огнестрел. Называл им номер и все возможные данные. Но я не мог это подтвердить фактами!

Он подходит ко мне и снова садится на корточки, глядя прямо в глаза.

— И тут, дорогой Марк, ты помог мне сам. Ты предоставил финальное доказательство своими собственными руками. Пограничная служба, видимо, поняв, наконец, что я не просто сотрясаю воздух, и решив прочесать окрестности, обнаружила мой пистолет неподалёку от одного из краевых гексосов! Понятия не имею, как им это удалось, наверняка искали дронами с компьютерным зрением. После этого тебя нашли на камерах и объявили в розыск. Произошло это буквально сегодня ночью. Добро пожаловать домой!

Эмиль поднимается и задумчиво расхаживает по комнате. Потом резко оборачивается:

— Ты вообще слушаешь, нет? Тебя эта штука усыпляющая овощем не сделала? Нет… Конечно же нет. Это *Полис*. Их препараты… нам такое и не снилось. Просто решил в молчанку поиграть. Ты помнишь, что у тебя ещё должок передо мной, а? М-м, опять глазки забегали!

Он снова берёт стул, разворачивает его задом наперёд и садится, сложив руки сверху на спинке, и пристально смотрит на меня:

— Ты знаешь, кто такие «*Асэндэом Унэнто*»? Знаешь! По глазам вижу, что знаешь! Да и что я спрашиваю, ведь они сегодня этим же утром прислали мне просьбу о твоём освобождении. Ну а я что могу сделать? Кто я вообще такой? С полицией я не связан, к федеральной гвардии не имею никакого отношения. Не ко мне вопрос! Так я им и сказал. Но по всей видимости, ты за недолгое время своего пребывания там успел уже обрасти связями! Поражаюсь твоему таланту! Нет, серьёзно! Если так подумать: в *Полисе* ты кое-с-кем уже знаком, на третьем круге тоже в высшем обществе поприсутствовал, а ещё в логистике смекаешь. Ты прям неплохой кандидат в советники! Может быть поэтому Президент велел сохранить тебе жизнь? Просто на всякий случай? Но не обольщайся. Уж я-то постараюсь, чтобы этот «всякий случай» никогда не наступил. Обмануть меня - это пол беды. Но конкурировать со мной…

Эмиль встаёт со стула, запускает руку во внутренний карман своего белого пиджака, и достаёт оттуда…

— У тебя нашли вот это.

Он подходит ко мне, потряхивая в воздухе пакетиком с перечной смесью. Снова присаживается рядом со мной.

— Тот самый порошок, а? - он нюхает сквозь полиэтилен. - М-м-м! Носишь с собой теперь? На удачу, ха-ха-ха! Мой милый Марк… - он высыпает весь остаток пакетика себе в ладонь. - Мне жаль, но твоя удача… - он резко оттопыривает мне веки пальцами и с криком «закончилась!!!» швыряет смесь прямо в глаза.

Я вскрикиваю и судорожно катаюсь по полу, рыча, как пойманный пёс и пытаясь хоть немного проморгаться и ослабить разъедающую глаза дикую боль.

— Ах, какой живчик! И голос подал! Ну молодец! Теперь я за тебя не беспокоюсь! Офицер! - рявкает он, открыв дверь. - Оформляйте его. И снимите с него мою одежду. Всю, вплоть до нижнего белья. У него нет ничего своего. Оборванец… А мог бы человеком быть…

Кто-то тут же берёт меня под плечи и с криком «поднимайся, сучонок!» прописывает мне коленом под рёбра, чтобы я вставал сам, и побыстрее.

— Да, вот ещё что, - раздаётся из коридора голос Эмиля, но дверь захлопывается, и конца фразы уже не слыхать.

Меня ставят лицом к стене, снимают браслеты и велят полностью раздеться. Сопротивляться бессмысленно. Я остаюсь, в чём мать родила, со слезящимися и горящими от боли глазами, не видя ничего вокруг. Лязг двери. Щелчок засова. Добро пожаловать в Подземелье, Марк!

Первые минут 15 я просто корчусь от боли в глазах, стоя босыми ногами на холодном грязном кафеле, уперевшись рукой в стену и утирая сопли кулаком. Но когда удаётся, наконец, хоть немного проморгаться, и я начинаю видеть очертания того, что вокруг, мысли потихоньку начинают работать. «Оформляйте!». Так Эмиль сказал. Что бы это значило? Казнь? Вряд ли. Президент вроде велел «сохранить мне жизнь». Да и сам Эмиль ни на что такое не намекал. Пытать будут? Не, тоже вряд ли. Нет смысла. В тюрьму отправят? Скорее всего да.

Брожу вдоль стенки по периметру комнаты, собирая ногами крошки и грязь с пола. Пробую садиться на стул, но тут же вскакиваю обратно - холодный, зараза! Больше всего ненавижу вот такие моменты! Ни туда, ни сюда. Ходишь взад-вперёд, как идиот, и фиг пойми, чё думать! Как и большинство молодых парней с восьмого круга, я конечно же бывал в «обезьяннике» - камере в отделении полиции. Но по такому серьёзному делу - ещё никогда. Тем более один и голый. Разок меня били, а одного моего знакомого даже током шарахали. Но план всегда был понятен и прост: выяснить, уголовка или нет, и если нет - навалять для острастки, вынуть нужную информацию, и отпустить. У меня сейчас явная уголовка. Причём, серьёзная уголовка. По этому пути я ещё ни разу не ходил.

Проходит, наверное, часа два, и в камеру вдруг заходит пара ментов. Один толстый, как боров. Другой поменьше, но тоже упитанный. Смотрят на меня и переглядываются.

— Слыш, Анатолич, - гудит толстый. - А мы его как на суд-то повезём? Голого чтоль?

— А хрен знает… Думаешь, стрёмно?

— Не знаю… Начальство может не понять…

— Ну да…

Общаются они неторопливо, продолжая стоять в дверях.

— Ну и чё делаем-то?

— Чё делаем… Ну давай хоть штаны ему дадим.

— Какие?

— Ну не твои, ясно дело! Возьмём у кого-нибудь из гостей. Они ж не обидятся, правильно?

— На кого? На нас, чтоль?

Они дружно ржут, и вопрос, кажется, решён. «Гости» - это те, кто сейчас сидят в «обезьяннике». У кого-то из них заберут штаны. Для меня. Вот так легко в ментовке решаются все вопросы.

— А ещё это… загар же велели снять, - говорит тот, что поменьше.

— Ну да… - соглашается толстый.

— Ты иди тогда за штанами, а я с загаром разберусь.

— А чё ты-то? Я тоже хотел, - улыбается жирный.

— Ну найди себе там загорелого какого-нибудь.

Они снова ржут, и толстый уходит за штанами, а Анатолич подходит ко мне. Меня потряхивает. «Снять загар». Как он собирается это сделать?

Но всё оказывается проще, чем я думал. Анатолич тупо расквашивает мне морду. Кулаками. Ботинками. Рожей об стену. Пять минут - и никакого загара на моём лице уже не видать - только ссадины, синяки и кровоподтёки. Анатолич картинно отряхивает руки, я лежу, истекая кровью, и тут заходит жирный и швыряет в меня чьими-то драными штанами:

— Малой. Две минуты на сборы. И с вещами на выход.

— А не успеешь - я *ещё* над твоим загаром поработаю, - добавляет Анатолич.

И ты, Марин, ещё спрашивала: «Почему в Подземелье все так ненавидят полицию?»… Мысль о Марин неожиданно придаёт мне сил. Несмотря на разбитую в кашу физиономию, я быстро натягиваю на себя штаны, кое-как, по стеночке поднимаюсь с пола, ковыляю к двери и стучу в неё кулаком:

— Начальник, я готов!

Надо же, зубы все на месте. Ну и то хорошо!

Дверь открывается, на меня надевают браслеты и толкают в шею:

— Пошёл!

Садимся в автозак. Едем куда-то. Видимо, в суд. Люто хочется жрать и курить. Прошу сигарету. Получаю в ответ леща по затылку и замолкаю.

Едем недолго. Минут через пять уже зовут на выход. Быстро проходим через улицу в невзрачную подъездную дверь. Идём по узкому коридору. Пахнет старым деревом и затхлой макулатурой. Заходим в каморку. Там, за большим столом, сидит толстая баба в чёрной накидке.

— Ваша Честь, подозреваемый Малой на заседание доставлен, - рапортует Анатолич.

Он так и стоит за спиной, не отходя ни на шаг.

— Багодарю вас, - сиплым, прокуренным голосом говорит баба, которая, оказывается, судья. - Марк Малой? - кидает она мне, лениво рассматривая мутноватым взглядом.

— Да, - хриплю в ответ.

— Вы признаны виновным по секретной статье 253 Уголовного Кодекса. Вину признаёте?

— Так а в чём вина-то? - наивно спрашиваю я.

Баба закатывает глаза, всем видом давая понять, что я просто конченный дебил, и с тяжёлым вздохом кидает Анатоличу:

— Офицер, объясните ему.

Анатолич разворачивает меня к себе и со всей силы бьёт под дых. Я сгибаюсь пополам от боли, а он добавляет кулаком в голову так, что я падаю на пол.

— Ты чё, бля, слабоумный? Тебе сказали: статья секретная! Чо непонятно?!

— Всё понятно… - кое-как выдавливаю я из себя.

— Признаёте себя виновным? - устало повторяет баба.

— Признаю…

— Ну слава тебе, Господи! Подсудимый, Марк Малой. Вы приговариваетесь к пожизненному заключению в колонии строгого режима номер 52. Приговор вступает в силу немедленно. Офицер, поднимите обвиня… тьфу… осуждённого.

Анатолич берёт меня под плечи, но я уже знаю, что вставать лучше самому и быстро. Я поднимаюсь на ноги и стою, слегка пошатываясь, а судья смотрит мне в лицо с каким-то особенным выражением, несмотря на то, что на её жирной харе выражение разглядеть сложно.

— Осуждённый Малой. Напоминаю, что поскольку статья секретная, суть совершённого вами преступления разглашению не подлежит. Любой, кому вы разгласите эту информацию, также считается совершившим это преступление, а вас ждёт ужесточение наказания. Это понятно?

— …Да.

— «Да, Ваша Честь»! - прописывает мне леща Анатолич.

— Да… Ваша Честь…

— Заседание окончено.

Баба стукает деревянным молоточком по столу. Сидящая рядом невзрачная девица, которую я только сейчас заметил, берёт у неё документы и передаёт офицеру. Офицер выводит меня в коридор, а по нему - обратно на улицу. В этот раз я успеваю оглядеться, и заметить, что мы во внутреннем дворике старого многоквартирного дома. На стенах вокруг - колючая спираль. Анатолич набирает кого-то по мобиле:

— Алло! Сурганов. Это Клинских. Готов твой пассажир. На 52-ю, да. Только секретный он. Так что одного. Да в смысле, ты не знал?!! Я те чё сказал? В смысле «я сам не знал»?! По нему всё понятно было! Бля-я-я-я!!!!!

Он опускает телефон, стискивая челюсти и изо всех сил пытаясь совладать с собой:

— ...И сколько тя ждать теперь? Час??? Да ты охренел что-ли?!!!! Сурганов, твою мать! Мне херли здесь час делать?! Ёб твою... Постарается он... Да, да, через границу! Сам иди! Гвардия-гвардия... Всё, короче... я понял... отбой...

Анатолич безвольно опускает руки и, шёпотом матерясь, прислоняется затылком к стене:

— Ох, Малой... Что ж ты такого сделал-то, падла?...

— Хочешь, расскажу? - роняю я безразличным голосом скорее в шутку, чем всерьёз.

— Чё??

Мент моментально заводится, швыряет документы в сторону, хватает меня за горло, прижимает к двери, выхватывает пистолет и вдавливает его мне в лоб:

— Только попробуй, сучара. Я тя сразу прихлопну, никто и не узнает, чё ты там вякнул. Думаешь, мне будет чё-нибудь?

— Я... просто пошутил...

— Пошутил!

Он улыбается и оскаливает зубы. Кивает головой.

— Пошутил, да? Хе-хе!

Пару секунд он делает вид, что ему и правда смешно, но затем он бьёт меня под дых, хватает за волосы, швыряет на землю и начинает молотить ногами и дубинкой с такой силой, что я сам себя ненавижу за свою говорливость. К моему счастью, дверь в этот момент открывается.

— Э, Анатолич! Ты чё так раздухарился? Вспотеешь, простудишься!

Какой-то другой мент выходит из здания, весёлый и шутливый:

— Слышь! Анато-олич! Все уже увидели, что ты усердно исполняешь! Давай перекурим маленько! Потом продолжишь.

Анатолич останавливается, тяжело дыша:

— Те повезло, гнида, что я тя прям здесь, на месте не урыл... Ещё хоть слово..

Но он мог бы не продолжать. Они с тем ментом отходят на перекур, а я валяюсь в грязи, полуголый и истерзанный, пытаясь понять, все ли кости целы. Да, мой язык - мой враг. Сука, как же больно... везде... Я пытаюсь подняться, но не могу. Тело просто не двигается. Не, так нельзя. Надо собраться с силами... Вспоминаю Марин. Тут же на душе становится легче. Кое-как, я всё-таки приподнимаюсь на локтях и сажусь на землю.

Да, про свою секретную статью лучше даже не заикаться. Я не знаю, кто меня встретит в тюрьме, но кто бы там ни был - им гораздо проще укокошить меня сразу и получить пяток лет сверху, чем рисковать пожизненным. Так что угрожать своей статьёй, как я это полушутя сейчас сделал с Анатоличем - это худшее, что можно придумать в моём положении.

Мой надзиратель после перекура маленько остывает, но самое главное - больше не говорит мне ни слова и сторонится, будто я чумной. Так что моя «шутка» сработала, хоть и не так, как мне хотелось.

Чувствую дикий голод. Я ведь ел последний раз только днём. Сколько же времени уже прошло? Сколько вообще сейчас времени? В Подземелье, сидя в глухом дворе за высоким забором, понять это невозможно. Ещё пить хочется. И курить. И уже хоть куда-нибудь двинуться с места. Но я сижу на земле, и ничего не происходит. Просто ничего.

Я не знаю, сколько проходит времени. Анатолич то заходит в здание, то выходит и курит. Жажда душит меня с такой силой, что мне приходится пить из грязной лужи. Ничё, организм справится, я на восьмом и не такое хлебал. А если не справится - то и хорошо! Сдохну быстрее. Ничего особенно приятного меня в этой жизни уже не ждёт.

Наконец, ворота во двор открываются, и внутрь заезжает не просто грузовик, а спецтранспорт Федеральной Гвардии! Чёрный и страшный, весь бронированный, кузов без окон. Охренеть! Неужели за мной! Я что, настолько важная персона?

Броневик сигналит, да так, что аж уши закладывает. Во двор выскакивает Анатолич и, увидев, кто приехал, бегом бросается ко мне, хватает меня за волосы и пинком под зад отправляет к машине. Из кузова выпрыгивают двое гвардейцев в чёрной форме и балаклавах.

Анатолич вытягивается в струнку и рапортует на их стандартном наречии: «Осуждённый Малой», «передача на этап», «колония номер 52», «сдал», «принял», и всё в таком духе. Меня, как контейнер, передают из рук в руки, проводя через документ, в котором обе стороны ставят свои подписи. Моё «личное дело» также передаётся гвардейцам под подпись. Меня заталкивают в броневик, и мы, наконец-то, трогаемся.

— Мужики, дайте покурить, хоть одну тяжку, - мычу я умоляюще.

Но в ответ получаю оплеуху и замолкаю.

Спрашивать их о том, где тюрьма, видимо, тоже бесполезно. Теперь только ждать. Снова ждать. Кормить меня по пути точно не будут. Поить тоже. Им плевать, даже если я сдохну по пути - для них это не проблема. Надо продержаться. Как угодно, но продержаться. Снова вспоминаю Марин. И снова мне становится чуть легче. Даже не знаю, почему, ведь мы больше никогда не увидимся. Но как-то это работает. «***А**мос-**т**о**т**ис*», - улыбаюсь я про себя. Тот самый ***а**мос-**т**о**т**ис*, про который сочиняют песни и который все ищут. Чёрт меня возьми, если это не он!

Едем нестерпимо долго. Мне удаётся немного вздремнуть, но сон беспокойный и очень поверхностный - в желудке сосёт так, что не до сна, да и нервяк сильный, чего уж там. Охранники мои молчат, как убитые, что тоже не добавляет спокойствия. Видать, таков был приказ.

«Строгий режим», - повторяю я себе. «Не особый, не специальный - строгий. Не так плохо.» «Президент решил не убивать.» И так, и сяк пытаюсь себя успокоить. Эх, барбитал бы, конечно, сработал гораздо лучше, только мне теперь его не видать, как облаков. Как много чего…

— Мужики, пустите поссать!

— Не положено.

— А если я здесь обделаюсь?

В ответ гвардеец трещит шокером, взглянув мне в глаза. Яснее некуда.

Мы то останавливаемся, то едем, но медленно. Иногда ускоряемся, но это бывает редко. И всё время поворачиваем куда-то. Куда мы поворачиваем и почему останавливаемся, мне остаётся только гадать. Но это Подземелье. Не зря Леонид с Эмилем жаловались на логистику - с ней всё сложно. Очень сложно.

Что происходит снаружи, мне не слышно. Временами пытаюсь хоть о чём-то заговорить с конвоирами, но каждый раз безуспешно. Кто-то из пацанов говорил, что этап - это особый вид издевательства. И что пытка током не так страшна, потому что она длится не так долго.

После одной из остановок конвоиры меняются. Но новые ведут себя так, как будто это те же самые. В таких же балаклавах, видны только глаза и рот. Точно так же дают оплеуху. Точно так же угрожают шокером и «дубинкой в задницу». И точно так же молчат. Их как будто строгают на фабрике из одного и того же материала. Никакого отклика в их глазах не видно. Ни малейшей искорки! Они живые вообще, или нет?! Страшно ехать с такими. Они исполнят любой приказ. Ни секунду не посомневаются. Даже когда Свин пытал человека на моих глазах, было не так страшно, потому что было видно: у Свина есть предел. И есть тормоза. А у этих ребят - нет.

Кажется, проходит вечность перед тем, как на одной из остановок мне командуют: «на выход». Дверь фургона открывается, и я неловко спрыгиваю на разбитый асфальт. Быстро оглядываюсь по сторонам. Высокие стены. Колючая проволока. Заборы повсюду. И вышки. Вышки с автоматчиками. Зона номер 52. Видимо, это она. Ну наконец-то! Я почти готов обрадоваться.

Мы стоим у фургона и ждём. Гвардейцы курят. А я, обернувшись, вижу серые мрачные корпуса тюрьмы. Охрана с собаками ходит по периметру. Идут неровным строем, парами, один за другим толпа заключённых в серой потрёпаной одежде. Я на зоне. Я в том самом месте, куда никто не хочет попасть, но о котором ходят легенды. Побывать в тюрьме - это

испытание, подвиг и уважуха. Это сразу поднимает тебя очень сильно вверх в глазах всего мужского населения. Если только ты вернулся.

Стою, и дух захватывает. Но не оттого, что я очень рад, а оттого, что не могу поверить, что я и правда здесь. «Видели бы меня сейчас пацаны.» Сказали бы: «Ну, Марк, братишка: крепись.» Похлопали бы по плечу. Уже не как равного, а как того, кто бесконечно круче.

— Идут, - говорит один из конвоиров, кивнув на приближающегося офицера тюрьмы с двумя автоматчиками.

Второй гвардеец собирается бросить недокуренную сигарету, но неожиданно протягивает её мне:

— У тебя десять секунд.

Я не задумываясь хватаю сигарету и с наслаждением втягиваю её в себя. Настоящий табак! Боже! Какой кайф и как неожиданно!

На моей избитой роже, видимо, всё написано, потому что гвардейцы посмеиваются. Ну надо же! Маленький кусочек «человечины» в них всё-таки остался!

С немыслимым удовольствием выпустив дым из себя, я пытаюсь воспользоваться их хорошим настроением:

— Какой круг, мужики? Седьмой?

— Пятый, - кидает мне один из них.

Пятый круг. Совсем неплохо! Я-то думал, меня увезли гораздо дальше, столько времени мы ехали! Но ни о чём больше спросить гвардейцев мне не удаётся - подходит тюремное начальство, меня передают по протоколу, и по дорожке между сетчатыми заборами, в сопровождении вооружённой охраны, я отправляюсь в объятья колонии строгого режима номер 52.

Проходная. За ней направо, в небольшую каморку. Там дают машинку для стрижки, велят раздеться и побрить себя налысо «во всех местах». Стоя перед расколотым зеркалом и сбривая волосы со своей головы, я думаю о том, что кто-то до меня этой же машинкой брил не только голову, и что такие мелочи скоро перестанут меня волновать. А ещё, несмотря на мучительную дорогу, голод и побои, я всё ещё неплохо выгляжу. Это тоже скоро пройдёт. Этот налёт благополучия на мне, как след от губной помады после поцелуя - не успеешь оглянуться, как он сотрётся без следа.

С машинкой я вожусь недолго - всё очень быстро получается, когда рядом стоит надзиратель с дубинкой. Меня голого ведут через коридор и заводят в «душ» - небольшое помещение со стоком в полу, отделанное потемневшим и побитым кафелем. Там меня обливают струёй из шланга, а потом обсыпают каким-то вонючим белым порошком; видать, для дезинфекции. Дальше ведут в соседнюю каморку на досмотр врача. Врач светит фонариком в рот, потом в глаз, слушает лёгкие, меряет температуру. Делает записи

в своей врачебной карточке. Мне выдают форму - серую арестантскую робу не по размеру, с номером 306 - и разбитые кожаные башмаки. Одеваюсь так быстро, как только могу.

Поднимаемся на второй этаж. Камера сразу рядом с лестницей.

— Лицом к двери, руки на стену, - командует охрана.

Лязгает железный засов. Дверь открывается.

— Заходи.

Нехотя отрываю руки от стены. Пара шагов - и вот я внутри. Грохот двери за спиной. Здравствуй, мой новый дом.

Окидываю потерянным взглядом камеру. Тусклый свет, двухэтажные железные кровати почти вплотную друг к другу, а на них - зеки. Местные. Кто сидя, кто лёжа. Худощавые, в синюшных наколках. Все смотрят на меня, как на забавного зверька, а я стараюсь не смотреть ни на кого.

— Здор**о**во, мужики, - бубню я неуверенно, совершенно не понимая, что говорить.

— Дарова! - слышен чей-то один тягучий голос издалека.

— Хрена тя разукрасили! - посмеивается другой.

Трудно объяснить это ощущение, но кажется, что моя разбитая рожа добавляет мне очков.

— По какой статье заехали, молодой человек?

— 253-я, секретная, - хмуро отвечаю я.

По камере разносится гул. И я не знаю, что он значит для меня.

— Ну проходи, садись, чо, секретный ты наш. В ногах правды нет.

Зеки посмеиваются.

— А куда садиться-то?

— Да вон, у параши!

Смех становится громче. Но я не двигаюсь.

— Занято всё, родной! Местов нет! Тюрьмы переполнены.

— А чё делать-то?

— Снимать штаны и бегать, бля! У начальства спроси. Только осторожно.

Но начальство тут как тут. Дверь открывается, и мне швыряют две больших рваных тряпки:

— Триста шестой! Спальные принадлежности.

Раздаётся дружный хохот сокамерников.

— А где спать-то? - спрашиваю я, чувствуя себя полным идиотом.

— Что значит «где»? Разуй глаза и под ноги себе посмотри!

Снова взрыв хохота.

Дверь шарахает, и вопросов больше не остаётся: одна тряпка - это мой матрас, вторая - одеяло, а спать я должен на полу, как пёс. Уперевшись спиной в стену, я медленно сползаю вниз и сажусь на пол. Нет, вопросы всё-таки остались.

— Мужики, а когда жрать дадут? Я с этапа, всю дорогу не кормили.

— Ужин через час, - говорит один из сокамерников, показавшись между шконками. - На, лови!

Он достаёт что-то из кармана и кидает мне, а я хватаю на лету. Сухарь. Из чёрного хлеба.

— Спасибо, - говорю едва слышно, кивнув, и тут же вгрызаюсь в него, не жалея зубов.

Сухарь исчезает у меня во рту почти мгновенно под весёлые и удивлённые комментарии то из одного угла, то из другого. Я оттаскиваю свои «спальные принадлежности» в уголок, чтобы не светиться у всех на виду. Расстилаю ровно подстилку, а сверху «одеяло» - рваный, но, кажется, стираный кусок материи. Сев в углу, я разглядываю нашу «хату» более внимательно. Пересчитываю шконки. По шесть с каждой стороны. Значит, тут живёт двадцать четыре человека, а я - двадцать пятый. Окон нет. Оно и понятно - на кой хрен они здесь нужны? На что в них смотреть? На мрак и темноту? Её и здесь достаточно.

Народ тут в основном неказистый на вид. Упитанных нет, большинство тощие и сухие, как щепки, но есть крепкие и жилистые, закалённые зоной. Кто из них кто? Это мне только предстоит выяснить. Прямо сейчас не время. Да и сил нет. Дотянуть до ужина. Поесть. Переночевать здесь. Дальше уже должно быть проще.

Шок от всего, что случилось за этот день, у меня ещё не прошёл. Я сижу, глядя в пол, и даже немного радуюсь тому, что до ужина есть время, что никто не задаёт мне больше вопросов, и что я могу сейчас просто посидеть и помолчать. Мне это очень нужно.

С мыслями не собраться. В голове будто кисель какой-то. Я вдруг понимаю, что я полностью без сил. Без моральных сил. Я не готов сейчас с кем-то разговаривать и что-то выяснять про место, в котором оказался, хотя умом понимаю, что это важно. Но в душе мне сейчас абсолютно плевать. На всё. На всех.

Дверь открывается.

— Камера четыре! На построение.

Все начинают суетиться. А я просто сижу и жду. Наверное это означает, что скоро ужин. Где-то глубоко внутри я на это очень надеюсь. Но в то же время, специально мешкаю, чтобы не оказаться в строю первым, хотя к двери я ближе всех.

Выходим на улицу. Встаём в две шеренги друг напротив друга. Посередине между нами - надзиратели и начальство. Мой взгляд цепляется за зека напротив меня с номером 056. Маленький, щуплый, с чёрной щетиной, хитрым и шутливым лицом и подвижной мимикой. Он о чём-то переговаривается со своими соседями, но меня как-будто не видит

вовсе. Если его товарищи хоть как-то посматривают на меня и ловят ответный взгляд, то этот смотрит мимо, в пустоту.

Закончив нас пересчитывать, начальник выкрикивает:

— Сто двенадцатый!

Где-то внутри я очень рад, что крикнули не мой номер, но в то же время почему-то жду своей очереди.

— Сто двенадцатый!!! - орёт начальник.

Арестант с номером 112 нехотя выходит на середину. Крепкий, с большой челюстью и стальным взглядом.

Начальник кивает одному из охранников, и тот, ни слова не говоря, подходит и со всей силы бьёт дубинкой зеку по ноге.

— А!!!

Тот вскрикивает и падает на колени. Охранник хочет добавить, но начальство поднимает руку и говорит:

— Достаточно. За что - сам знаешь. Вернуться в строй.

Зек пытается подняться.

— Вернуться в строй!!! - орёт начальник так, что меня аж передёргивает.

Кое-как, полу-ползком, полу-хромая, сто двенадцатый возвращается к товарищам.

— Выстроиться по двое. За дежурным в пищеблок, - командует начальник спокойным и безразличным голосом.

Наша шеренга разворачивается лицом вправо и двигает вперёд, на ходу соединяясь с соседней шеренгой по двое. Я оказываюсь рядом с ноль пятьдесят шестым. Его лицо вдруг меняется, как будто он только сейчас меня заметил.

— О! Дарова!

Я узнаю голос. Это он говорил «ужин через час» и кинул мне сухарь.

— Привет! Спасибо, что поделился жратвой.

— «Спасибо!» - передразнивает он меня. - Да ёпта, не за что! Интеллигентный ты, я смотрю! Политический что-ль?

Он внимательно смотрит на меня, а я, помолчав немного, жму плечами:

— …Да чёрт его знает. Я не протестный. Просто под руку попался.

— А… Если политический, то тебе свезло. Для политических отдельная зона есть. Там пиздец.

Молчу в ответ. Хоть башка почти не работает, но картина представляется ярко.

— Тя как звать-то, слышь, секретный?

— Марк.

— Жорик, - отвечает мой новый товарищ и энергично жмёт мне руку. - Жорик «в глаза долбись», так меня называют, хе-хе!

— Почему «в глаза долбись»?

— Так не вижу ж нихрена.

— Как? Вообще?

— Ну не, не слепой, понятно дело. Близорукость. На пару шагов вперёд - ноль. Просто мутная каша. А вблизи нормально, без окуляров даже.

— Без чего?

— Хех! Чё, по фене не ботаешь, а? - подмигивает Жорик, смеясь и толкая меня локтем.

— Ну так…

Феня. Тюремный язык. Конечно, его обрывки и до нас, дворовых пацанов, долетали. Но никто из нас его целиком не знал, ведь на нём общался только «закрыты клуб», бывалые, кто реально сидел, а всякая «шерсть» и «шелупонь» вроде нас до этого тайного знания не допускалась.

— Ничё, научим! Дурное дело - не хитрое! - хлопает меня Жорик, и продолжает, понизив голос. - Главное, братиш - первые пару месяцев продержаться. Сиди тихо и ваще не высовывайся. Чтоб тя не видно, не слышно, понял? А потом - потихоньку, так-сяк… Ты нормальный мужик, хоть и секретный, я ж вижу. А зона, братан - она на мужике держится. Понял?

Молча киваю головой. Конечно я понял. С самого начала понял. Не высовываться и сидеть тихо. Это хороший совет.

За ужином все прикалываются над тем, с каким аппетитом я уплетаю баланду. Еда здесь, конечно - полное дерьмо. Но ничего другого у тебя нет, дорогой Марк, и не будет, а про кулинарные изыски *Полиса* тебе лучше поскорее забыть. Здесь у тебя на выбор: баланда с водой, баланда с сухарём или просто баланда. И повар всё уже решил за тебя.

Вернувшись в камеру («хату») и дождавшись команды «отбой», укладываюсь на свою подстилку. Капец, как жёстко! Не знаешь, как лечь: то ли на бок, то ли на спину - по-всякому больно. Больно и холодно. Верчусь и так, и сяк, и всё никак не могу уснуть. Ничего, Марк. Ты привыкнешь. Пара бессонных ночей - и всё встанет на свои места. И ты встанешь на своё место, как маленькая деталь в большом тюремном автомобиле. Маленькая и не очень важная.

Проходит неделя. Тело привыкает спать на полу и жрать баланду. Раны затягиваются, ушибы ноют не так сильно. Я погружаюсь в тюремную жизнь. Смотрят на меня уже не так

косо, и помимо Жорика я налаживаю общение ещё с парой человек. Следовать мудрому совету Жорика и «сидеть тихо» мне вполне удаётся. Удаётся до тех пор, пока за обедом в пищеблоке не происходит следующее.

Я стою на раздаче, чтобы получить свои законные баланду с сухарём. Но здоровяк, стоящий передо мной, вдруг выхватывает у повара сухарь со словами «дай сюда, ему не положено». Он отворачивается, чтобы уйти за стол в тот момент, когда я спокойно, но очень громко и убедительно, так, как научили меня трущобы, говорю ему вслед:

— В смысле, «не положено»?

Здоровяк останавливается и медленно оборачивается на меня. На его лице что-то среднее между яростью и удивлением.

— Ты чё, подшёрсток, на батю залупнулся, а?

Он ставит миску и делает пару шагов ко мне. Кровь стучит в висках и пульсирует так, что я это вижу. Но я понимаю: если сейчас ему позволить, то дальше будет хуже. Я помню, как сильные парни в нашем районе находили себе слабых, чтобы над ними издеваться и делать это постоянно. Каждый день. Забирать у них деньги. Еду. Унижать. Командовать. Запугивать. Ну и бить, конечно. Когда унижаешь и бьёшь слабого, наверное, чувствуешь себя особенно сильным. Я этого не знаю, никогда не делал. Но знаю точно: таким слабым лучше не становиться. И сейчас надо биться до конца, чем бы это не закончилось.

Он хватает меня за ворот, а я в это время выхватываю ложку из миски и бью ручкой ложки прямо ему в глаз. Он вскрикивает, отпускает меня, но тут же бросается обратно уже со всей своей яростью. С рыком матерясь, он прижимает меня к стенке, сдавливая руками горло, а я спокойно смотрю ему в глаза, не сопротивляясь, но ни одним мускулом на лице не показывая, что я готов уступить. Покер фейс. Игра ва-банк. Можешь задушить меня, но еду мою просто так ты не получишь.

— Братуха! Алё! - слышу я голос Жорика где-то очень близко. - Отпусти его, Давид! Он секретный.

При слове «секретный» хватка здоровяка становится слабее.

— Слышь, да? Он те щас на ушко шепнёт, чё он сделал - и у тебя пожизняк. Получи-распишись. Оно те надо? Оставь пацана.

Руки Давида разжимаются, хоть он и продолжает смотреть на меня так, будто готов задушить насмерть. Я не хватаюсь за горло, не откашливаюсь, вообще не шевелюсь и не меняюсь в лице. Лишь немного сглатываю. Здоровяк фыркает и медленно отходит, а я снова говорю тем же голосом:

— Сухарь верни.

Он снова оборачивается, не веря своим ушам:

— …Ты чё, сука…

— Давид, - слышу я снова голос Жорика. - Ну не твой же сухарь, прально? Пацан же прав.

Почти трясущейся рукой Давид берёт мой сухарь из своей миски, сдавливает его в руке так, что он рассыпается на осколки, и швыряет эти осколки мне в грудь:

— На те твой сухарь! Секретный бля. Те повезло. Встречу одного - урою нахер. Вместе с твоими секретами…

Здоровяк уходит за дальний стол, а я опускаюсь на корточки, и молча собираю с пола осколки сухаря. Набрав пригоршню, я поднимаюсь, и бросаю их сверху на свою баланду. Подбираю упавшую ложку. С тремором в руках иду за стол, где есть свободное место. Жорик садится рядом со мной. Мне хочется просто молча поесть, но Жорик, конечно, не может молчать.

— …Ну ты нашёл, с кем рамсить, Малой, - говорит он задорно и с улыбкой, словно побывал на выступлении юмориста.

Они все уже знают мою фамилию, которая стала и кликухой заодно.

— Я ваще никого не трогал, - хмуро бубню в ответ.

— Да всё правильно он сделал, Жорик! Не верь, не бойся, не проси, - говорит Паша, зек с нашей камеры, сидящий по соседству.

— Слышь, Малой. А не западло с пола хавать? - стебётся другой, не знакомый мне пока.

— Я с земли хавал. На восьмом по-разному бывает…

— Так ты с восьмого??? Хренасе! - вскрикивает Жорик. - А чё за район?

— Бумажка.

— А… кто-там… Тимуровские… Алмазовские…

— С Алмазом лично знаком.

— Да ладно!!

— Телефон наизусть знаю.

Случайно или нет, но эти две фразы звучат в полной тишине, и их слышит вся «столовка». Какой-то невзрачный дедок неторопливо поднимается из-за соседнего стола и так же неторопливо движется к нам. Весь пищеблок следует за ним глазами. Он подходит, упирается своими морщинистыми заколотыми руками в стол и пристально смотрит на меня, да так, что кажется, будто соседи отодвинулись в стороны.

— Никогда не понтуйся тем, чего у тебя нет, - произносит он в полной тишине.

Это явно кто-то очень авторитетный. Видимо, вор в законе.

— Вот сейчас ты за базар свой и ответишь, - продолжает он. - А если не ответишь - спросим как с понимающего. Жорик, дай ручку и листок.

Жорик, как по команде, достаёт из-за пазухи ручку и блокнот, вырывает лист, и кладёт на стол. Дед берёт ручку своими сухими пальцами, пишет какие-то цифры, и толкает по столу мне.

— Я написал тебе номер Алмаза. Скажи, какие цифры неправильные.

Весь пищеблок смотрит на меня, а я - на номер. Беру ручку. Перечёркиваю третью и пятую цифры. Возвращаю старику. Он смотрит на листок. Потом на меня. Делает гримасу. Кивает головой. И наконец разводит руками:

— Базару нет. Перетрём за Алмаза как-нибудь.

Он окидывает взглядом столовку и объявляет:

— Чё вылупились? Вопрос закрыт. В баланду свою смотрите.

В этот момент я успеваю заметить, что у деда этого в миске вовсе не баланда, а что-то гораздо более съедобное.

Возвращаясь в хату, мы идём в паре с Жориком.

— Спасибо, что вписался за меня, - говорю я ему абсолютно искренне.

— Братуха, ты со своим «спасибо» уже заколебал! У вас там все на восьмом такие охренительно вежливые? «Спасибо» на хлеб не намажешь!

— Доброе слово и кошке приятно, - отвечаю я поговоркой на поговорку.

— Хех! Слышь, Малой. А ты мне нравишься всё больше и больше! Ты только смотри, с Коперфильдом аккуратнее.

— С кем?

— Ну, с Давидом.

— А чё у него за кликуха такая…

— Ну, фокусник такой был, Коперфильд. А наш Давид - он тоже фокусник.

— Да ну?

— Ага. Руку может сгибать в обратную сторону. Только не свою.

Я выясняю, что Давид сидит в соседней хате. За ужином я поглядываю за ним. Он смотрит на меня волком, но больше не подходит.

А на следующий день из хаты выселяют одного из сокамерников, и для меня освобождается «шконка-место». Уж не знаю, повлиял ли на это разговор с тем дедом. Как-нибудь очень осторожно нужно будет это выяснить. У Жорика. Он с ним явно хорошо знаком.

Проходит месяц. Потихоньку обживаюсь и вливаюсь в обстановку. Погружаюсь в тюремную жизнь.

Сижу в швейной мастерской и штопаю на старой машинке форму для ментов. Десять человек нас тут таких, в наряде. Каждый день, с одиннадцати до часу, и с четырёх до шести. Даже зарплату платят! По четыре фишки в месяц. Это две пачки сигарет. Да, именно две, не четыре - в тюрьме пачка самых дерьмовых сиг две фишки стоит. Как

раз недавно получил свою первую получку на руки, и купил в тюремном ларьке свою законную, честно заработанную пачку. Двадцать сигарет можно скурить за пятнадцать дней. То есть первые пять дней можно курить по две сиги, а дальше - извини, братишка, по одной, и скажи спасибо, что хоть так!

Звонок. Дружно встаём с лавок и идём на выход. Сразу на общее построение отряда. Потом обед. За обедом встречаюсь с Жориком. Он работать не ходит. Говрит, здоровье не позволяет.

— Это *ты*, чтоль, решаешь, позволяет или нет? - спрашиваю с удивлением.

— Почему я? Доктор, - говорит Жорик и ехидно улыбается.

Всё у него нормально со здоровьем. Для шитья-то уж точно. Договорился просто. Блатной он, это видно. И вор у него ручку тогда просил, явно будучи с ним хорошо знакомым. Не простой ты парень, Жорик «в-глаза-долбись». Тем лучше для меня. По какой-то непонятной причине он решил со мной общаться и даже вступился, когда Коперфильд на меня наехал. Может, по соображениям, что я секретный, и что из этого может что-то полезное выйти? Чёрт его знает! В бескорыстие и доброту в колонии 52 я не верю. Но я жил на восьмом круге, и знаю отлично, как это работает. Если ты можешь помочь кому-то безо всяких для себя рисков, то почему это не сделать? Ведь ты ничего не теряешь, а приобрести - можешь. Это разумно. Мало ли, как оно потом повернётся? Может тот, кому ты однажды помог, поднимется ни с того ни с сего, и тогда у тебя в активе будет ценное знакомство. Это мудрость, и Жорик - мудрый человек.

Узнал тюремную шутку:

— Что у нас на обед, начальник?

— На обед - десять минут.

Да, ровно столько и даётся, и ни секундой больше. Не успел - твои проблемы. И я не видел, чтобы кто-то не успевал. Но даже за этот короткий срок Жорик умудряется перетереть с зэком с другого отряда, непонятно каким боком затисавшегося в наш, о каких-то делах, суть которых мне пока не ясна, но это что-то, связанное с баблом и «провозами». «Провозы» - это, видимо, способ доставки товаров на зону. Неофициальный.

Обратно идём в паре с зеком по кличке Чика. Это, типа, «стопарик» по-грузински, объясняет он мне.

— Ты с Грузии, чтоль? - спрашиваю, сам себе не веря.

— Не, я местный, с пятого, - отвечает он, идя и глядя перед собой. - …Прадед с Грузии.

Какими судьбами прадеда занесло из Грузии в Подземелье, и правда ли это вообще, Чика мне конечно не скажет. Откуда ему знать? Но пока мы идём до камеры, он успевает рассказать мне свою историю о том, как он очутился в тюрьме.

Тюрьма, вообще, странное место. Мне всю жизнь было непонятно, по какому принципу людей туда сажают. Закон? Не смешите! Если б сажали всех, кто нарушил закон, то

всё Подземелье сидело бы в тюрьме. И менты сели бы первыми. Законы в Подземелье, конечно, написаны так, чтобы посадить можно было кого угодно и когда угодно. Но как менты решают, кто именно станет этими счастливчиками? Вот это всегда было для меня загадкой. Я только слышал наше вечное «от сумы да тюрьмы не зарекайся». Будто это лотерея какая-то, и в любой день может внезапно выпасть твой номер. Выглядело это, по крайней мере, именно так.

Но отсидев на зоне месяцок и послушав истории вроде чикиной, я как будто бы понял, в чём на самом деле штука. Истории все идиотские, как на подбор. Чика торговал наркотой на своём районе. Так он думал. А на самом деле - не совсем на своём. Подошли пацаны. Предъявили. Слово за слово, пошла драка, Чика побежал, те погнались. Гнались-гнались, и оказались в Чикином районе. Догнали. Чика стал отбиваться, поднял кусок арматуры. Ну и прихлопнул одного. Насмерть. Остальные смылись. Тут менты. Приняли в отделение. Своя братва подошла, стали отмазывать. А тут звонит братва с соседнего района: «вы нашего ухлопали». Эти говорят: «так на своём районе же!». А те говорят: «он на наш пришёл, оттуда погнали». Менты видят: разборкой пахнет. Крупной разборкой. Ну и говорят: «раз так - уголовка. Статья 112. 5 лет». Ну и, вроде как, ни нашим, ни вашим. Менты козлы - и дело с концом. А когда Чика вернётся - к нему, по понятиям, и вопросов нет. Отсидел же.

Тюрьма в Подземелье - это способ искупления. В первую очередь - перед бандитской братией. Искупления любых грехов и провинностей. Кроме денежных долгов. За деньги тебя не то, что из тюрьмы - из Преисподней достанут.

Возвращаюсь в хату. Забираюсь на свою шконку, на второй ярус, чтобы полежать и отдохнуть после работы, и переварить свой скудный обед. Вижу, как мужики режутся в карты. По раскладке вижу: покер. Техасский. Мой любимый. Чаще всего местные в «очко» рубятся, но покер тоже в почёте. И техасский холдэм в том числе. Что-то загорается внутри. Две фишки в моём потёртом кармане нестерпимо жгут ляжку! Но не пойду же я играть с двумя фишками! Засмеют только. «Вот если б занять у кого...» - думаю я, и сам же мысленно бью себя по щеке. «Какого чёрта, Марк! Ты только заехал месяц назад, а уже кидаешься в игры! Тебе что, мать твою, приключений мало?!». Задумчиво гляжу по сторонам. Замечаю Жорика, сидящего на шконке внизу и сосредоточенно карябающего что-то в своём блокноте карандашом. Ладно. Я только спрошу. За спрос же денег не берут!

Спрыгиваю вниз, подхожу к Жорику и сажусь на корточки рядом.

— Даров, Малой, - бормочет он, заметив меня краем своего близорукого глаза. - Давно не виделись. Чё надо?

— Слышь, Жорик. А не знаешь, у кого можно занять на игру? Фишек 20, не больше.

Жорик отрывается от блокнота и смотрит на меня, прищурившись:

— Братуха. Ты, ваще, вменяемый, нет? Ты месяц ещё не успел отмотать, а уже в долги хочешь вляпаться?

Я молча жму плечами. Жорик конечно прав.

— Я те чё говорил, Малой? Первые полгода - посиди тихо. Обрасти знакомыми, все дела, чтоб всё ровненько.

— Ну да… - говорю. - Разумно… Ток курить хочется… Да и играю я, как бы… ну… не первый раз… А за игрой знаешь как - знакомые быстро появляются.

— Ну-ну… Проиграешься - дак точно со всеми познакомишься, хе-хе!

Я гляжу на компанию, играющую в покер, а Жорик даже не пытается туда смотреть - всё равно ни черта не увидит. Но он внимательно смотрит на меня и отлично понимает, куда сейчас направлен мой взгляд.

— А чё, прям нормально играешь?

— Вполне. И я не хочу сильно выиграть, ты не подумай. Просто поднять немного, чтоб на сиги хватило.

Жорик строит задумчивую гримасу и пожимает плечами:

— …Ну у меня займи.

— Не, у тебя не буду.

— Почему?

— Не хочу отношения испортить.

— А-а-а! Вот ты какой! Ну смотри, я-то под 25 процов дам, а другие - под 50.

Это процент с выигрыша. Как тогда, с Алмазом. Но это зона, здесь лютые ставки. Особенно для таких новичков как я. Все хотят премию за риск. Большую премию.

— А другие - это кто?

— Т-з-з! - усмехается Жорик. - Ты прям как танк прёшь, ваще с пути не сбить! Ну ладно, хочешь проблем - так пожалуйста! Кто другие… - думает он, поглядывая зачем-то в блокнотик. - …Ну вот Данила «Слон», к нему можно с этим подойти. У него с баблом сейчас в поряде, он на провозе поднял недавно, я-то точно знаю.

— Откуда?

— От верблюда. Короче, к Слону можешь подойти. Только ты его «Слоном» не называй. Для тебя он - Данила. Понял?

— Понял. А это который? В *нашей* хате?

— Ага. Светлый, как ты, с челюстью, как у бульдозера.

— А, знаю такого.

По номерам зеки друг друга никогда не зовут. Номера - это ментовское, ублюдское. Даже самого последнего петуха никто не будет звать по номеру. Это просто себя не уважать.

Данилу я нахожу быстро. Он спрашивает, давно ли я играю. Отвечаю, что давно. Правду говорить легко и приятно! Правда - она и в голосе слышна. И Данила отсчитывает мне 20 фишек, нисколько не сомневаясь. Только заламывает 50 процентов, как Жорик и предсказывал.

Подхожу к «столу» как раз в тот момент, когда один отыгрался и уходит.

— Даров, мужики! Можно с вами? 20 фишек на кармане.

Зеки смотрят на меня с удивлением.

— Ты кто ваще, пацан? - говорит один.

— Я - Марк Малой. Сидим вместе.

— Хех… Играть-то умеешь, сынок?

— Умею. По честноку играете?

Зеки переглядываются:

— Хм. Обижаешь, братан.

— Слышь, а он дерзкий!

— Ага… Ладно, садись, Марк Малой. Обчистим тебя, так и быть. По честноку и никак иначе.

Я сажусь в круг, устроившись поудобнее на коленях на холодном бетонном полу. Выкладываю свои честно занятые 20 фишек перед собой. Ну что ж, сыграем, господа! Я как раз малый блайнд, так что одну фишку отдам считай сразу и задаром. Отличное начало!

Дилер раздаёт карты. Заглядываю в свои. Две шестёрки. Неплохая карта! Ваще неплохая! Выкладываю одну фишку на кон. Какая-то минута - и я забываю, что в тюрьме, забываю вообще про всё на свете. Только игра. Никаких других мыслей в голове нет. Надо поднять ещё 20. Из них я отдам 10, и 10 будут мои. Это будет хорошее начало. Только не сделать глупостей. Спокойно и аккуратно. Как всегда.

Ставки проходят по кругу, по две фишки. Моя очередь поднять до двух.

— Пас.

Игроки посмеиваются, а я ищу того, кто не смеётся. Обычный мой ход в новой компании. Но не смеющихся - нет. Что ж. Это неплохо. Очень неплохо. С компанией мне, кажется, повезло.

В тот раз всё пошло немного не по плану: я поднял сверху 30 фишек вместо 20-ти и вернул Слону 35 - долг плюс проценты - а 15 оставил себе.

Так начинается моя тюремная покерная карьера.

Проходит ещё три месяца.

Я праздную свой восемнадцатый день рожденья. Особо это дело не рекламирую, но мои соседи-арестанты на слово «днюха» реагируют гораздо веселее, чем я от них ожидал. Требуют накрыть «поляну» - я накрываю, скромно, по средствам - и угощают чифиром. Интересная штука! Рыжий чай, крепкий-крепкий. В одном чайнике - целая пачка. По эффекту - вроде амфетамина. Бодряк дикий, сердце молотит, как ненормальное, и на бла-бла развозит не по-детски. Но несмотря на это, мне всё-таки удаётся держать язык за зубами про мои приключения в *Полисе*.

Полис… Лежу этой ночью на своей шконке и не могу после чифира глаз сомкнуть. Ковыряю пальцем шершавый плесневелый потолок. Как ты там, Марин? Праздновала ли уже свой день рождения? Мы ведь, вроде как, ровестники… Погоди-ка… Ха! Так у вас, пади, у всего класса днюха в один день, не? Да не то что у всего класса - у всей школы! Или всех школ вообще! Вас же пачкой выращивают и вместе в школы отправляют, в одно и то же время! Небось и подгадывают ко дню начала учёбы! Во прикол, ха-ха! Лежу и ржу в ладошку. Неужели правда? Но это мне уже не узнать…

Вспоминаю Марин. Как мы танцевали на концерте Кармы. Её голые плечи. На них капельки дождя. Её глаза. Сумасшедшего, нереального цвета, для какого в Подземелье и названия-то нет! Вспоминаю её голос. Как она пела в музыкальном баре. Пела для меня, теперь я точно знаю. Вспоминаешь ли ты обо мне, Марин? Если нет, то и слава богу. Втрескаться в *субкхранд**а**ри*, это ж надо было додуматься! Лучше забудь и живи себе дальше. У тебя впереди столько всего интересного!

Да и мне пора тебя забыть. Чё зря душу бередить, толку от этого - никакого.

Воспоминания вдруг в мгновение гаснут, как лампочка, и перед глазами снова тёмный потолок. Лежу и думаю… А зачем забывать? Ведь это же самое прекрасное, что было со мной! Ничего лучше уже не будет никогда. Разве это не круто, что оно осталось в памяти? Всякий раз становится легче, как только вспомнишь! Марин… Моя… девочка из моря. Моя звезда. Моё солнце. Солнце азурного цвета. Нет, я тебя не забуду. Наоборот: буду помнить столько времени, сколько смогу, пока память есть, пока голова работает. Спокойной ночи тебе! Приятных, разноцветных снов…

Дела мои, тем временем, идут в гору. Я стабильно поднимаю на покере. Конечно, выигрываю не всякий раз. Не забываю и проигрываться, иногда специально, иногда - не специально, но всегда строго ограничивая проигрыш и выходя вовремя. Само собой, другие игроки это замечают и играют со мной уже осторожнее, но я умею в таких играх оставаться всегда немного в тени, помаленьку выигрывать и не привлекать к себе внимания. Этот навык я хорошо освоил ещё подростком на Бумажке.

Подростком… Господи, ведь мне уже восемнадцать! Я теперь официально мужик! Молодой, зелёный, но мужик! Меня и сокамерники мужиком называют, конечно имея в виду не комплекцию, а социальную категорию, но всё равно… интересное ощущение. Непривычное.

Каким-то неизвестным макаром и непонятно через какие договорённости в нашей камере оказывается гитара. Очень потрёпанная, но бренькает, и даже издаёт что-то вроде музыки.

Умельцев играть в нашей хате трое, и лучший из них - Никола «Шершавый». Ну как лучший… Не так плох, как остальные. Мой-то слух, конечно, избалован *Полисом* и тем, как *там* играют и поют. Так что я маленько поморщиваюсь, когда товарищи по хате собираются вечерами вместе и горланят «Кругом тайга, а бурые медведи». Какая тайга, мужики?! Какие медведи?! Зона в тайге да ещё с живыми медведями - это была б не зона, а санаторий! Но с другой стороны - как-то веселее стало, да и объединяет оно, чего уж там! Напряжёнки взаимной меньше, а занятий - больше. А зеку нужны занятия. Без занятий зек, как трава без ультрафиолетовой лампы.

Мои занятия - это швейный цех и карты. Спустя ещё месяцок в моём кармане уже 40 фишек - сумма, достаточная, чтобы стрематься и думать: а где их хранить-то вообще? Не по карманам же держать, как сейчас!

С этим вопросом я подхожу к Жорику как к человеку, явно в этой тебе что-то смекающему.

— Куда девать фишки? Ха-ха! Поздравляю тебя, братан, с этим вопросом! Положи их в банк.

— Да не, Жорик, я серьёзно.

— И я серьёзно.

— А чё за банк?

— Наш, тюремный банк.

— И где он?

— Вот здесь, - Жорик стукает себя карандашом по голове. - И вот здесь, - показывает он на блокнот.

Выясняется, что Жорик - бухгалтер. Он (и ещё пара человек вместе с ним) ведёт весь воровской общак - кто кому сколько и когда заплатил и должен. Всё записывается и запоминается с точностью до сотых долей фишки.

— Вот так-то, братан. Так что давай свои круглые мне, и будет тебе расписка. Пять процентов в год. Устроит?

— В смысле, я должен отстегнуть пять процентов?

— Нет, дурик! *Мы* тебе отстегнём! Это ж депозит! Врубаешься?

— Фигасе… Мне ещё и заплатят!

— Раз в месяц начисление. В этот же период можно забирать. Это лучше, чем с собой носить. Воры не кинут, братуха.

Жорику не приходится долго меня убеждать. Я отдаю ему тридцатку, а десятку оставляю себе на жизнь. Тюремный банк! Черти волосатые, да у них тут финансовая система! Бабки гуляют внутрь и наружу. То, что я ссудил ворам под пять процентов, воры ссудят какому-нибудь бандосу снаружи под двадцать пять. А то и больше. И попробуй, не верни! Бизнес крутится, бабки мутятся! И я теперь часть этого бизнеса, и это только видимая верхушка.

Сидя на зоне, можно вполне разбогатеть, если всё делать грамотно. После пары разговоров с Жориком это становится ясно, как солнце по телевизору. «Провозами» оказалось ровно то, что я и предполагал - доставка всяких ништяков в тюрьму, иногда мимо охраны, а иногда через охрану за мзду. Дело это ненадёжное, часто бывают сбои, поэтому зеки «складываются» на провоз своими деньгами и, если провоз успешный, получают обратно свои бабки плюс проценты с накрутки на продажу.

— Это гораздо выгоднее, братан, чем процент по депозиту. Но и гораздо рискованнее, - объясняет мне Жорик, пока мы идём в хату через двор с обеда.

— Так надо, наверное, часть держать на депозите, а часть - в провозы вкидывать.

— Правильно! Я так и делаю.

— И сколько у тебя уже? - спрашиваю, понизив голос.

— Хе-хе… Меньше знаешь - крепче спишь, Малой.

— О, глянь… снег пошёл…

— Ага… Пора бы уже, декабрь на дворе.

Даже в декабре снег в Подземелье бывает совсем нечасто. Я знаю, почему. И я знаю, что буду об этом молчать.

Позже, вечером, после ужина, Никола играет песню, которой никто не слыхал.

Первый снег - в моём городе вновь первый снег!

Первый снег - так нежданно и будто во сне!

Вот и всё, снег сильнее дождя.

Вот и всё, и снежинки летят

В руки мне… В руки мне.

Поёт он гнусаво и нескладно, но вся хата молчит и слушает, а я лежу, свернувшись калачиком, и у меня мурашки по коже. Это прям в точку! Настолько в точку, что я просто не могу представить, что могло быть лучше вот именно здесь и сейчас!

Я даже не успеваю понять, что он поёт во втором куплете, когда снова начинается припев про первый снег. Он повторяется ещё раз, и на втором повторе его орут уже все. И в этот момент я благодарен Шершавому настолько, что невозможно описать! Я люблю его сейчас, и я люблю всех этих людей! Просто так, за то, что они люди. За то, что они могут так. Хотя бы иногда.

Проходит ещё два месяца, которые мы переживаем, сдвинув шконки впритык друг к другу, чтоб теплее было, потому что в хате лютый дубак. Греемся чаем, насколько получается. Кто побогаче, греется водкой. Но она, оказывается, согревает не надолго, а потом сосуды сужаются, и становится ещё холоднее. Так мне объяснил Чика, разбирающийся в веществах.

— А что ж тогда помогает? - спрашиваю я.

— Хавать как следует, - отвечает он, и вся хата дружно ржёт.

За всё время, пока я сижу - а это уже больше, чем полгода - через нашу камеру проходит множество людей. Кто-то остаётся надолго, а кто-то выселяют так же быстро, как заселили. Какая тут система, и есть ли она вообще, мне пока не удаётся понять. Но один из таких залетевших - Вано «Чирик» - оказывается азартным игроком. Таких людей я видал, и быстро их распознаю, и за столом, и в жизни. У них никогда ничего не бывает «ровно». Либо сильно в плюс, либо сильно в минус, и их всё время мотает туда-сюда между этими «полюсами». Эти ребята если проигрывают, то вдрызг, с долгами и с дальнейшими про это историями - просто задолжать им тоже не достаточно, они доводят до того, чтоб к ним с паяльником пришли. Но это до тех пор, пока они не выиграют крышесносящую сумму бабла, а такое в их жизни тоже не редкость. Живут эти ребята недолго, но весело. Иногда я им даже завидую. Изредка. Совсем чуть-чуть.

К этому моменту у меня в активе уже 50 круглых. У кого сколько денег в хате, я начинаю видеть по лицу. И взглянув в лицо Чирику понимаю: стопарь[36] точно есть. Надо бы только понять, в какой он сейчас «фазе»: нагрести бабла лопатой или слить всё в минус. Если слить, то я ему, конечно, помогу. Но если он на подъёме, то я, пожалуй, скромно воздержусь от игры - лучше даже рядом не находиться, чтоб твои бабки случайно не затянуло в этот безумный водоворот судьбы!

Конечно Чирик сразу садится за игровой стол. Ему фартит и в очко, и в покер. Сокамерники смотрят недобро, а я держусь в стороне. Наступает конец моего «финансового месяца», и вместо игр я снимаю все деньги с депозита, чтобы поучаствовать в провозе. Логика простая: начальник зоны

- «Василич» - в отъезде, так что шансы на успешный провоз тупо через

взятку резко повышаются. Васильич, конечно, может внезапно вернуться, но тут вторая часть логики: я закладываю будущий выигрыш у Чирика. Я знаю, что фарт от него отвернётся, и довольно скоро, и в этот момент я аккуратно подставлю свой карман.

Внезапно выясняется, что Слон-то «откидывается»! Ну, то есть, срок закончился, освобождение. Это даже звучит как-то нереально. Сидишь, и кажется (особенно, когда у тебя пожизненное), что отсюда вообще никогда и никого не освобождают. Но жизнь идёт, и срок подходит. Слон, конечно, проставляется не по-детски. Для зека нет более радостного праздника! Мы пьём, курим, гуляем, горланим песни, а охрана даже не пытается нас остановить. То ли потому, что Васильич в отъезде, то ли просто чисто по-человечески. Надзиратели - они тоже люди, как это не удивительно.

Ранний подъём похмельным утром. Слона нет. Он свободен! И его шконка - тоже свободна. В хату заселяется Мустафа. Первое время отряд его, вроде бы и не жалует, но Мустафа - кольщик, и притом хороший кольщик. С такой специальностью за свою жизнь на зоне можно в общем не беспокоиться, и наш новый сокамерник быстро набирает в хате авто-

[36]Сто фишек.

ритет. Он делает один шедевр за другим. Его наколки - ровные, гладкие, выразительные и объёмные. Смотрю, и завидую тем, кому он набил! После нескольких работ к Мустафе прибегает Чирик и делает большой заказ: голую бабу на левое бедро. Неделя уходит на работу, но результат - просто заглядение! Вся хата любуется, а я убеждаюсь, что зеки - всё-таки практичный народ!

Пока Вано загребает бабки и тратит их на красивую и приятную жизнь, я поднимаю ещё 50 круглых на успешном провозе - возврат сто процентов сверху. Моя очередь идти к Мустафе.

— Набей мне ровный, правильный шестиугольник вот здесь, на запястье, где плоско.

— Просто шестиугольник?

— Ага.

— Никакого рисунка внутри?

— Не. Тупо шестиугольник. И всё. Сколько по баблу будет?

— Да… понты одни. Ну десятку дай, если торговаться влом. Только смотри, я на глаз буду бить.

— Не, на глаз не надо. Нужно точно.

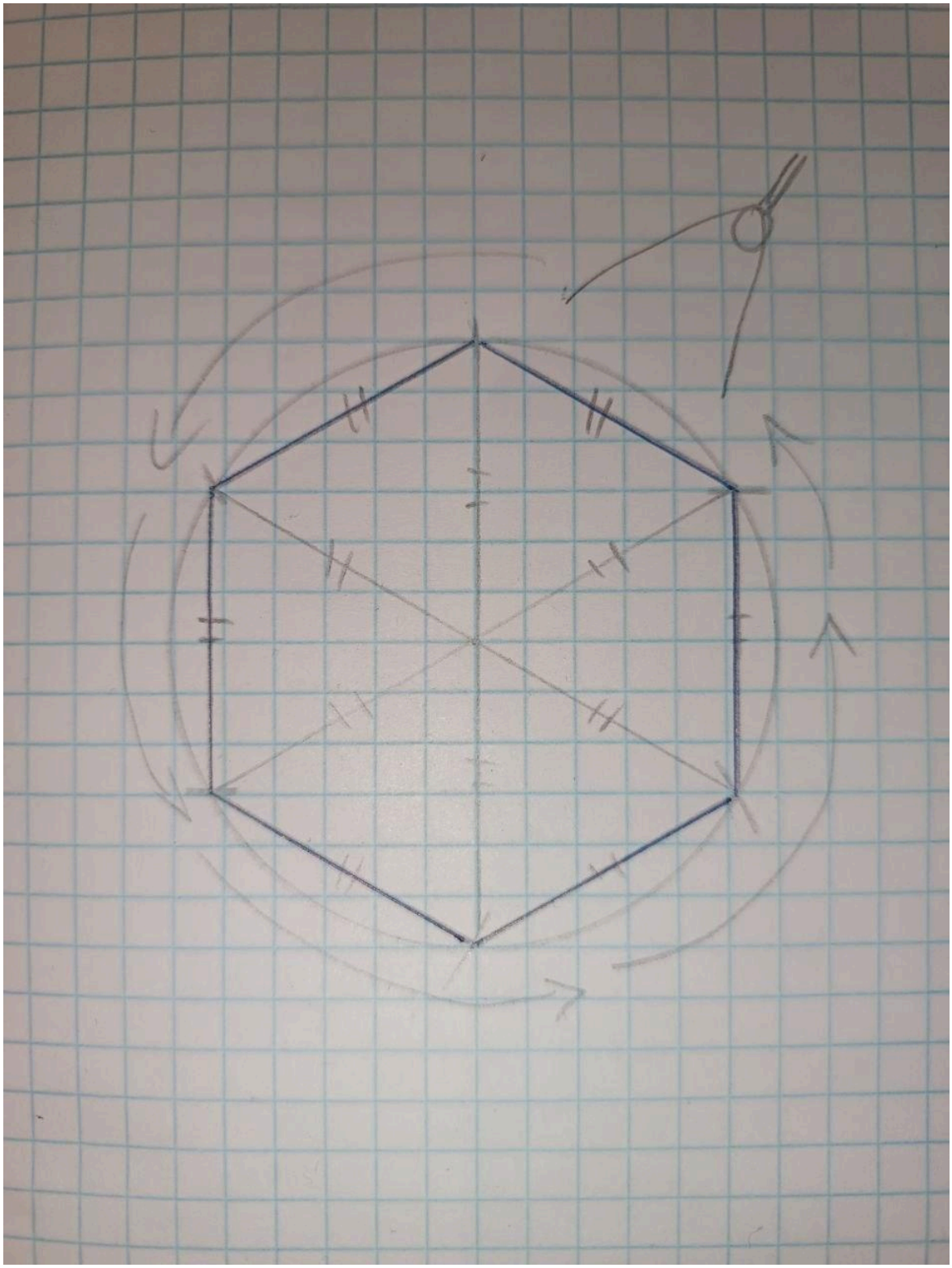
— А как я точно-то сделаю? Я те чё, принтер?

— Я тебе нарисую карандашом. А ты сверху набьёшь. Нормас?

— Ну окей. А ты-то сам как нарисуешь?

— Циркуль, линейка и математика, братан.

Где на зоне взять циркуль? Стырить ложку из пищеблока, оторвать ей башку и согнуть пополам. Одну половину заострить, к другой примотать карандаш. Ну а дальше всё просто. Шестиугольник состоит из шести равносторонних треугольников, правильно? Значит, если вокруг шестиугольника обчертить окружность, то радиус этой окружности будет равен каждой из сторон. Всё, что нам нужно - это пойти в обратном направлении: начертить сперва окружность и, не меняя угла на циркуле, пойти им по этой окружности, отмечая точки, в которых циркуль оказался. Дальше просто соединяем эти точки линейкой - и вуаля!



— Хренасе ты умный… - бормочет Мустафа, глядя на это упражнение.

Полчаса - и моя наколка красуется на левом запястье. Наш кольщик, может, и не принтер, но бьёт так, как будто реально принтер напечатал! Идеально ровные линии! И это в наших-то условиях! Как ему это удаётся?! Волшебник просто.

Я всё же решаюсь схлестнуться с Чириком в покер разок. Продуваю, но не сильно. Так, совсем немного. Чирик говорит, что сразу понял: я хороший игрок. Хочет «рубануться» со мной ещё и «по серьёзке», хоть я и не сильно рвусь. Но как будто вся жизнь сейчас настроена на то, чтобы выполнять желания Вано. Он добивается своего, благодаря тому, что в хату к нам заселяется Давид «Коперфильд».

Для меня это, конечно, плохая новость - у Коперфильда наверняка на меня зуб до сих пор. Он ищет возможности прижать меня к ногтю, но выходит иначе.

Через пару дней после заселения Давид садится играть в холдэм в компании с Вано, а Вано зовёт меня:

— Малой, иди с нами, ты ж классно играешь!

— Не, Чирик, сёдня я пас.

— Чё, зассал чтоль, фраер малолетний? - раздаётся голос Давида.

Это наивная попытка взять меня на понт. Но тут вдруг что-то щёлкает в моей голове. Надо подыграть сейчас. И согласиться. «Поддайся, чтобы победить».

— Кто, я зассал? - говорю, тыкая в себя пальцем и сверкая новой наколкой, с таким возмущённым видом, какой только могу изобразить.

— А кто, я что-ли? Задись за стол, раз батька велит.

Я сажусь в круг пятым игроком, вместе с Чириком, Давидом, Саввой «Соткой» и Рамилем «Губой». Чирик радостно потирает руки.

— Не стоит играть со мной, Давид, - спокойно говорю я.

— Почему? Ты обиженный? Или дырявый?

— Нет, - отвечаю я, глядя ему в глаза.

— А хули понты кидаешь?

Я пожимаю плечами:

— Ну, ты сам решил. Ставь свой блайнд.

— А ты мне не говори, чё делать, сосунок.

Так начинается наша игра. Я сижу между бодрым и юморным Чириком и суровым страшным Коперфильдом. И вдруг вспоминаю игрока, которого мне Давид очень сильно напоминает: Револьвера. Тогда, на турнире. Ну точно! Один-в-один! Такой же крутой весь из себя! Так же агрессивен, так же смело блефует и давит авторитетом. Я уже знаю, чем это кончится для тебя, Давид. Знаю заранее. Банк у тебя хороший, больше моего, и прессовать ты можешь, но сегодня, раз ты вызвал меня на бой, я снимаю с себя все ограничения. Я

выиграю ровно столько, сколько у тебя есть. Если, конечно, сегодня не какой-то особенно неудачный день для меня - в этом случае я просто выйду. Я умею. А ты?

С Чириком совсем смешная история. У него нет стратегии. Да и тактика не особо видна. Он просто рассчитывает на хорошую карту. Он неплохо держит лицо, но через пару-тройку конов я всё равно раскусываю его манеру и начинаю распознавать по выражению явно сильную руку.

Я не стесняюсь говорить «пас». Каждый раз, когда я это делаю, Коперфильд смотрит так, будто он на меня сверху помочился, но кон за коном это начинает играть против него. Он начинает сливать Чирику, бесится, играет ещё агрессивнее, блефует уже совсем неумело, начинает сливать мне, а я начинаю отыгрывать у Чирика то, что слил ему Давид. Оставшиеся два игрока смотрят на это, как на шоу, и посмеиваются.

— Мужики, мы вам не мешаем, а? Может мы пойдём уже?

— Не, вы чё!! - протестует Чирик. - Самая игра пошла! Сидеть!

Вано очень азартный. Покер - его среда. Он там всегда себя чувствует хорошо, даже когда проигрывает. А сегодня он проигрывает. Его «везучая фаза» завершилась. Просто он не вкурил ещё. Он-то останавливаться точно не умеет. Стопки его фишек всё ниже и ниже, но он по-прежнему бодр и весел.

А вот про Давида такого не скажешь. Его тактика «быкуй, и победишь» перестала работать. А ничего другого он не умеет. Закончить игру он тоже не может - это ведь *он* меня вызвал, а я ещё и предупредил его, что этого делать не стоит. И что? Он даст заднюю? Не-е-т.

— Да ну вас нахрен! - не выдерживает, наконец, Савва «Сотка». - Устроили тут разборку между собой! А я причём? Не чуваки, мне мои бабки дороги как память. Я не Чирик. И ни этот… как там тебя…

— Я тоже всё, - устало говорит Рамиль.

— Да вы чё, народ?! - вскрикивает Чирик.

— Самая игра пошла? - спрашивает Рамиль, глядя на его фишки.

— Ага… - поддакивает Савва, кивая на мою гору фишек, которую у меня нет даже времени рассортировать.

— Завязывайте, мужики. Отдайте Малому свои пожитки, не тратьте время драгоценное. Он всё равно вас уделает.

— Иди нахер, - рявкает Давид.

— Сам иди, нищеброд, - спокойно отвечает Савва.

Давид вскакивает, чтобы броситься на Савву. Для него это шанс красиво выйти из игры. Но Чирик хватает его за руку:

— Сядь, Давид. Ты ж хотел с Мал**ы**м играть? Вот и играй. Или ты хочешь слиться?

— Ты чё, охренел?! - бычит Коперфильд на Вано, резко вырвав руку.

— Доиграй - и разберёмся. Сядь.

— Не говори мне, чё делать, - рявкает Давид.

Коперфильд в ярости. Но сил играть у него уже нет. Кое-как мы проходим три кона, и в конце Давид остаётся с одной фишкой, а Чирик - с десятью. Все хохочут над этим, и Вано - громче всех! Но Коперфильд совсем не весел.

— Я говорил тебе, что со мной играть не стоит, Давид, - спокойно говорю я, разглядывая свой выигрыш.

— Мы ещё не закончили, - отвечает он, вызывая новый взрыв хохота.

— Давай, Коперфильд, ещё не всё потеряно! - орут откуда-то с верхней шконки.

— Тебе вернуть твои деньги, Давид? - спрашиваю я, офигев от самого себя.

Иногда делаешь вещи, которых сам не ожидаешь. То, что я сделал сейчас - это прям отлично!

— Чё??! - гавкает несчастный Давид.

— Тебе вернуть твои деньги? - повторяю я чётко и складно. - Ты ж плохо играешь, и это было сразу видно. Я тебя, считай, ограбил, а мне чужого не надо.

Он в тупике. Согласиться на такое он не может, но и предъявить ему потом будет нечего. Он стоит и скалится, не зная, что сказать.

— Иди нахрен со своими деньгами…

— Красавчик, Малой! - кидает кто-то из зрителей шоу.

— Чё, Коперфильд, не удалс**я** фокус? - выкрикивает другой, и все ржут.

— Кто это сказал? - рявкает он, но в ответ получает только новый взрыв хохота.

Такого унижения Давид, конечно, пережить не может, и, чтобы хоть как-то отыграться, позже вечером докапывается до Чирика:

— Ты разобраться со мной хотел. После игры. Ну разбирайся. Даю пять секунд. А потом *я* с тобой разберусь.

— Гы! Пять секунд даёшь? - отвечает вечно весёлый Чирик. - Слышали, мужики? Пять секунд он мне даёт! А время пошло уже, или ещё нет? Скажешь, когда пойдёт?

Чирик говорит быстро и без остановки. Я смотрю и понимаю: это очень опасно. Это называется «забалтывание». Чтобы отвлечь внимание, и…

— Ну чё, скок секунд осталось? - тараторит Вано, прыгая на месте.

Давид не выдерживает и хватает Чирика за горло, но тот взмахивает рукой, и Давид хватается за лицо. Тут же подрывается ещё несколько человек. Правило трёх. Каким бы сильным и крутым ты ни был, троих человек достаточно, чтобы положить тебя мордой в

пол. А у Чирика ещё и заточка припасена, которой он и полоснул Давида, так, для начала. Хата не оценила его движений. Он тут новый. Людей, кому бы он нравился, в хате нет. Пришёл свои порядки навести? Ну извини, братан. Спросим, как с понимающего. В переводе это означает: «отметелим так, что мать родная не узнает.» В этот день я наблюдаю это в действии, а Давид ложится в лазарет с двумя поломанными рёбрами и пробоиной в черепе. «Сегодня ты крутой, а завтра - всмятку.» Спасибо тебе, Раф, братишка, за эту поговорку! Как ты там? Стал ли ментом, или решил пойти другой дорогой? Если стал, то лучше бы моим соседям не знать, что мы с тобой друзья. Такая жизнь, братан.

— Три стопаря, братуха! Вот это подъём так подъём!

Мы сидим в столовке с Жориком и другими сокамерниками, и обедаем. Все конечно видели, как я выиграл, так что тут не о чем секретничать. На несколько дней я становлюсь супер-звездой. Не очень-то мне это нравится, но так уж получилось. Бабки, считай, на полу лежали. Чё было не подобрать? И то, что Давида в камере теперь нет - это тоже хорошо. Надеюсь, жизнь его научит. Должна научить…

Арестанты с нами за столом всё вспоминают вчерашний день и ржут наперебой, и только Шершавый, приложив к уху мобилу и затыкая пальцем другое ухо, орёт в трубку:

— Алё! Алё, Вован!

— «Алёна! Это Яна!» - передразнивают его соседи и громко гогочут.

— Заткнитесь, черти! Базар серьёзный, с другой зоной!

— Базар серьёзный! Так иди в кабинет, поговори, деловой ты наш! Гы-гы-гы!

— Бля…

Шершавый вскакивает из-за стола и отходит в дальний угол пищеблока. А мне становится любопытно.

— Слышь, Жорик. А чё там за тёрки у него? Ну, у Шершавого.

— Так он дорожник. За связь отвечает. Между камерами и с другими зонами тоже.

— Фигасе! И чё, у него своя мобила?

— Да не, не своя. Воровская.

— Со спецсвязью?

— А я чё, доктор? Наверное. А может и нет… Ты возьми, да и спроси у него, у самого!

— Дело.

Я быстро напихиваю остатки баланды себе в рот, встаю из-за стола и иду к Шершавому. Тот стоит с мобилой и начёсывает себе руку. У него какая-то кожная болезнь, от того и прозвище. Я терпеливо дожидаюсь, когда он дотрёт до конца - там что-то дико важное и про бабки - а он замечает, что я жду.

— Те чё, Малой? - кивает он.

— Слышь, Шершавый, а по спецсвязи скока стоит позвонить?

— А! Не знаешь, куда бабки деть? А с кем базарить хочешь?

— С Алмазом.

— С каким Алмазом?

— Ну, восьмой круг, Сортировка.

— Какой круг??? - вытаращивает глаза Шершавый.

— Чё, нереально?

— Не, братан, забудь ваще! Спецсвязь - это соседний круг только. Шестой или четвёртый. А дальше - извини.

— Ваще никак?

Шершавый видит, что я не отстаю. Чешет шею. Что-то прикидывает в голове.

— Ну в принципе…

Он задумывается, как следует. Но тут звенит звонок, и мы строимся на выход.

— Малой, те в натуре надо? Или чисто любопытство? - спрашивает Никола, стоя в очереди у меня за спиной.

— В натуре надо, - кидаю я через плечо.

— Ладно. Я провентилирую. Аж самому интересно стало! Но, к бабке не ходи, стоить это будет космических хулиардов. У тебя стока нету.

— Спасибо, Шершавый!

— Чё спасибо-то? Не за что, бля!

Нас заводят в камеру. Пока жду снаружи, подбегает парнишка:

— Марк! Марк Малой!

Я удивлённо оборачиваюсь - вдруг кто знакомый? Но нет, просто левый парень, на вид даже помладше меня.

— Те чё тут надо?! - гавкает охранник.

Но парнишка отбрехивается:

— Две секунды, начальник! Плиз! - он оборачивается ко мне с умоляющим видом. - Марк, братишка, дай на игру, а? Шурик меня зовут, я из соседней хаты. Чесслово отдам! Пятьдесят процов с выигрыша!

— …Чё, уже вся зона знает про мой подъём вчерашний?

— Ахахах, наверно!

— Сколько тебе надо?

— Двадцатку всего!

— А чё, хорошо играешь?

— Ну нормально. Аккуратненько, ровненько…

— Давно?

— …Ну года три уже. В казиках даж бывал.

Я не могу сдержать улыбку на лице - настолько он мне напоминает меня самого!

— Ладно, держи, - говорю я и кладу ему в ладонь 20 фишек из тех тридцати, которые у меня оставлены «на карман».

— Спасибо, брат! Жопой чую: попрёт! Так что всё верну скоро!

— Удачи.

Вот так внезапно моё «волшебное слово» возвращается ко мне бумерангом. Социальный ген «спасибо» начал своё распространение в стенах колонии номер 52.

Проходит, наверное, недели три, и я уже даже успеваю забыть о том, что спрашивал у Шершавого, но тут внезапно он заваливает ко мне в швейный цех посреди смены.

— Малой! Пошли перетрём. За Алмаза твоего.

Я вскакиваю, не веря своим ушам.

— Куда пошёл? - останавливает меня охранник на выходе.

Но Шершавый пихает ему пачку сигарет со словами «пацану в толкан надо», и мы выходим в коридор.

— Короче, - говорит он. - Созвон сделать можно. Но это будет два стопаря минута.

Я замираю. Двести фишек за одну минуту разговора. У меня триста. Это значит, полторы минуты.

— Допустим, - говорю, сглотнув.

— Ну ты внатуре чтоль рассматриваешь?

— Внатуре. Рассматриваю.

— Реально?

— Реально.

— Ты псих. Чё там за дела у тебя с этим Алмазом…

— Про семью хочу узнать. Он в курсе.

— А… - многозначительно кивает Шершавый, хотя он явно мне не верит. - Ну короч, схематос там смотри какой. Всё по спецсвязи. Я набираю связному на шестой круг. У того

две мобилы в руках. Я на одну позвонил, он со второй набирает ещё одному связному, на седьмом круге. У того - тоже две мобилы. Он как принял звонок от первого, сразу же набирает твоего Алмаза. Как только дозвонился - сигналит первому. Потом берёт, и вот так две мобилы друг на друга, шесят девять, понял?

— Ну.

— Первый, как сигнал получил, нам сразу сигналит, и тоже две своих мобилы таким же макаром - хоба! - и соединяет. И всё, связь пошла, вы базарите. Понял?

— Понял. Офигеть...

— Ну а ты думал, ёпт!

— Хорошо. Я в деле. Через неделю бабки будут. Полторы минуты беру.

— По рукам, то есть?

— По рукам.

Мы стоим у цеха вчетвером: я, Шершавый, Жорик и Чика. Жорик снимает бабки с моего депозита, переводит Шершавому, под расписку. Всё на бумаге и в голове у Жорика. Чика свидетель.

— Набираю, чо, - говорит Шершавый и прижимает к уху мобилу.

— Ало, Беня! Даров, как слыхать?... Ну всё, погнали короч! Дозванивайся давай, бабки у меня. - Он отнимает от уха трубу, прикрывая ладонью. - Набирает.

— Угу, - мычу я в ответ, а у самого сердце так и прыгает. Просто поверить не могу, что на том конце будет Алмаз!

Шершавый снова слушает мобилу:

— Ну чё там, Бенич?... Ага, жду-жду... Понял! Понял-понял... Дозвонился до второго, - говорит он нам. - Теперь тот Алмазу набирает.

— Бляха, не дай бог он там занят или ещё чё-нибудь...

— Ну тогда полтос за беспокойство, и в другой раз.

— Ага...

— Так, Бень, чё там как? Ждёшь? Лады, я тож жду. Сигналь, как только... ага...

— Ух, нервно прям! - прыгает на носочках Чика, делая руками боксёрские движения. - Ну и замутил ты кашу, Малой!

— Ваще... - говорю, поджав губы.

Все смотрят на Николу. Он стоит, не шевелясь, и слушает трубу.

— ...Ага! Всё, погнали, передаю! - он суёт мне мобилу и хлопает по плечу.

• На, базарь, время пошло.

Я прижимаю телефон к уху:

— Алло! Алло, Алмаз?

Тишина.

— Задержка будет мальца, - поясняет Шершавый.

— Алло! - повторяю я в трубку, всё ещё не веря, что услышу что-то в ответ.

— Здоров, чемпион! - раздаётся знакомый грохот сквозь шипение.

— Алмаз!!! Как ты?!

Снова тишина. Чёрт, это таких бабок стоит - а я не знаю, что говорить!!!

— …Всё как всегда, братан. Слыхал про тебя. Ты на пятьдесят второй?

— Нифига себе! Откуда?! Да, на пятьдесят второй!

Пауза.

— …Какая разница, откуда? Бандитский…, - шипение, - он тесный. Про статью твою даже не буду спрашивать - мне жизнь дорога. Говори давай, чё надо, время идёт.

— Алмаз, я хотел узнать, как там семья. Ты в курсе?

— …Всё ровно у них. Переехали на…, - шипение, - в новую хату, в панельке. Ибрагим на станции работает теперь.

— Где, на сортировке чтоль? Фигасе!

— …Ага. Пристроили пацана. Работает, всё нравится. Только у него болезнь какую-то нашли.

— Какую болезнь? Что-то серьёзное?

— …Я те доктор, что ли? Но вроде не помирает.

— А мама как? А сестрёнка?

— …Мать твоя в порядке, только не работает больше. И сестра тоже. Брат всех тащит. Отец бухает. Твой брат его прибьёт скоро. Так что если…, - помехи, - не удивляйся.

— Ты им скажи, что у меня всё ровно, слышь!

— …Ага. Пожизняк строгого. Ровнее не бывает!

— Да не, в натуре. Жить можно, чесслово!

— …Я понял. Хвост пистолетом. Это правильно. Это по-нашему.

— Как там Жека? Как там Свин?

— …Свина грохнули. Жека живой…

Я вдруг слышу чужой голос:

— Времячко, братан!

Опускаю руку с телефоном. Молча отдаю мобилу Шершавому.

— Ало, Беня! - говорит он в трубу. - Ну всё, отбой! Давай, братуха.

Он кладёт трубку. Все смотрят на меня.

— Спасибо, - говорю Шершавому, разворачиваюсь, и двигаю в цех.

Свин… Как же так… Ты был таким живым. Оно понятно, бандитский век недолгий, но… Чёрт, про Арчи не спросил! Хотя… может и хорошо… Вдруг он тоже… Ох, Гермес, не прав ты, дружище! Знания бывают лишними. Если б я сейчас не знал про Свина, может не так погано было бы на душе… Что ж там за болезнь у Ибрагима? И что будет, если он не сможет работать? Деньги-то они, пади, на хату все потратили.

Работа немного помогает мне прийти в себя.

Вечером, придя на ужин и подойдя к окошку на раздаче, сую повару 20 фишек (Шурик вернул мне деньги, да ещё и с плюсом):

— Руслан, дай бутылку водки. Большую. И стаканчики.

Все уже едят, а я раздаю стаканы и разливаю в них по пятьдесят грамм, молча, не обращая внимания на удивлённые лица.

— За что простава, Малой? - спрашивают меня одни, другие, но я не отвечаю ничего.

Наконец, разлив всё до дна и поймав на себе взгляды товарищей по отряду, поднимаю свой стаканчик:

— За Свина. Не чокаясь.

Все дружно выпивают.

«Вечная память, Свин.» «Земля те пухом, Свин.» - слышно то тут, то там. Все всё поняли. И не важно, кто он такой. Раз умер - надо помянуть. Все ж там будем. «Смерть понтов не видит». Так говорят.

На следующее утро переполох. Шмон! Высокое начальство прибыло. Василич отчитывается перед каким-то Бульдогом. Это то, что удаётся узнать буквально за минуту, пока все шхерят и скидывают всё, что можно. В камеру врывается охрана. Нас вышвыривают в коридор почти голыми. Руки на стену. Так и стоим, пока у нас в хате хозяйничают надзиратели. За спиной слышны чьи-то тяжёлые шаги. Голос Василича. И второго. Видимо, того самого Бульдога.

— Ну посмотрим, Васильев, что *здесь* найдут, в четвёртой. У тебя вроде колония строгого режима, а я не вижу строгости. Где она? У тебя тут: азартные игры, наркотики, бухло… Что ещё? Проституции нет?

Кто-то из наших прыскает от смеха. Охрана лупит дубинками арестантов наугад в том месте, откуда доносился звук.

Нас маринуют примерно час. Потом дают две минуты, чтобы одеться, и выводят на улицу, на построение. Мы стоим в одну шеренгу, в ряд. Бульдог идёт мимо вместе с Василичем и охраной, и осматривает каждого из нас с головы до ног.

— Что с ним? Почему глаза красные? - спрашивает он у Василича, указывая на Чику, который вчера после моей стопки решил продолжить.

— Болезнь, наверное. У нас тут разные вирусы гуляют, Ренат Сергеич.

— Дыхни, - велит он Чике.

Чика не хочет «дыхать». Но охрана бьёт его дубинкой в живот, и ему приходится.

— А перегаром почему разит? Тоже вирус?

Василич мямлит что-то. Чика задыхается.

— В карцер на неделю, - распоряжается Бульдог. - Если ты не понимаешь, Васильев, что такое строгий режим, так я тебе объясню, - говорит он, двигаясь мимо шеренги с семенящим рядом Василичем. - По итогам проверки ты у меня сам в карцер сядешь. Всё к этому идёт.

— Не тюремный он, этот Бульдог, - шепчу я Жорику, стоящему слева от меня.

— Почему?

— Не шарит, чё делает. Подрывает авторитет Василича, на наших глазах. Кто в тюремной жизни смекает, разве будет так?

— Ну да… - соглашается Жорик, а я почёсываю подбородок левой рукой.

И в этот момент…

— Триста шестой! Руку покажи.

Это мне.

— Которую, господин начальник?

— Которая с наколкой.

Я протягиваю левую руку с шестиугольником вперёд.

— Ща поцелует! - шепчет кто-то справа. И этого кого-то охрана принимается беспощадно лупить.

— На допрос, - коротко командует Бульдог.

Меня выводят из шеренги, а Жорик успевает стукнуть меня костяшками в бок
• «крепись!».

Небольшая коморка. Стол с лампой и стул перед ним. Но садиться мне не велят. Вместо этого пару раз дают дубинкой, для проформы. А дальше я просто стою перед столом, как идиот, и жду, а охрана стоит за спиной у входа.

Времени проходит не так много. Слышу звук двери и голоса Василича и Бульдога.

— …Ладно, с этим мы позже разберёмся. А вот это - интересный элемент.

От слова «элемент» меня передёргивает. Бульдог обходит меня сзади и грузно садится за стол. Василич присаживается сбоку, взяв стул, на который мне было нельзя. Бульдог смотрит из-под своих тяжёлых век на жирном, обрюзгшем лице:

— Триста шестой. По какой статье сидим?

— 253-я, секретная.

Бульдог многозначительно кивает Василичу.

— Что означает наколка у тебя на руке?

Я глупо пожимаю плечами:

— Просто шестиугольник…

— Просто шестиугольник?

— Ну да…

Бульдог кивает охранникам, и я весь съёживаюсь, отлично зная, что этот кивок значит. Меня бьют. Сперва дубинками, потом ногами, целясь в самые больные места. Бульдог встаёт из-за стола, и со словами «ну-ка, в сторону, Васильев», берёт у него стул и садится передо мной, снова многозначительно глядя в глаза:

— Ещё раз. Что. Значит. Твоя. Наколка.

— …Я математику люблю, - хриплю я, лёжа на полу и корчась от боли.

Мне снова дают пинка, но Бульдог останавливает.

— …В школе много занимался. Я даже набил ровно, строил циркулем. Он идеальный, можете проверить.

— Математику он любит, - гудит Бульдог, оглядываясь на Василича. - А сокамерникам своим ты тоже самое говорил?

— А что я мог им ещё сказать?

— Действительно!

Бульдог встаёт со стула и принимается расхаживать по комнате. Вспоминаю, как это делал Эмиль.

— Васильев, ты, может, не в курсе, но за такую наколку его, вообще-то, расстрелять полагается. При его-то статье!

— Да я бы и рад, Ренат Сергеич, но не велено было.

— Да знаю, знаю… В курсе немного… Но ты мне вот что объясни, Васильев: какого хрена у тебя секретный - секретный! - сидит в общей камере?!

— Так нет же мест в одиночках, Ренат Сергеич!

— Нет мест в одиночках! - протягивает Бульдог с умилением. - А пошли посмотрим, кто там у тебя сидит в этих одиночках! А? Давай вот щас пойдём - и посмотрим!

— Ренат Сергеич, но…

— Я знаю, что мы там увидим, Васильев! Номера люкс у тебя там, а не одиночки! Для воров, особо авторитетных! Со всеми удобствами, хорошо, если не с бабами!

Вот это поворот! Я даже про боль забываю на мгновение.

— Пойдём, устроим сейчас инспекцию…

— Есть одна камера, Ренат Сергеич!! Там секретный сидит! - галдит Василич, что есть мочи. - Посадим к нему - пусть вдвоём секретничают, а!

— Ты смотри! Тут же начал думать! Тут же мозг включил! Вот так бы сразу, Васильев. Исполняй.

Бульдог останавливается перед дверью и тяжело вздыхает:

— …Каждый шаг надо контролировать. Каждую, сука, сраную мелочь! Как меня это заеба…

Грохот двери заглушает остаток фразы. Василич тяжело вздыхает.

— Ох, послал мне чёрт тебя, триста шестой… Отрубить бы тебе клешню твою нахрен! Вставай! - он оборачивается к охране. - В двадцать девятую его. Сажайте к двести второму.

Я поднимаюсь так быстро, как могу, и вот меня уже ведут к лестнице, а по ней - вниз. В подвал. Длинный коридор. Вдоль него - двери камер с белыми номерами. Двадцать пять… двадцать шесть… двадцать семь… двадцать восемь…

— Лицом к двери, руки на стену.

Звон ключей. Щелчок замка. Скрип открывающейся железной двери.

— Заходи.

Молча захожу в камеру-одиночку. Одноэтажная шконка. На ней мужик. Желтоватый и лысый. В майке и трениках. Перина у него на шконке хорошая, мягкая, и подушка добротная.

Мужик откладывает книжку, которую читал, и садится на кровати, удивлённо таращась на охранников:

— Эт чё за номер?

— Секретный он. Как ты. Начальство велело подселить.

Говорит охранник вроде спокойно, но странное дело: он как будто оправдывается. Интересно…

— В смысле? А чё я сделал-то не так? - возмущается лысый.

Но дверь захлопывается, и мы остаёмся одни.

Он не опасен, это сразу видно. И по голосу слышно, что он не агрессивный, просто порамсить любит.

Сажусь на пол, прижавшись спиной к стене. Если хорошенько вытянуть ногу, то я смогу до него дотянуться.

Мужик разглядывает меня внимательно и хмурится:

— Ты секретный? Он не насвистел?

— Не, правда. Статья два-пять-три.

Брови моего нового соседа медленно ползут вверх. Он глядит на меня с каким-то странным умилением:

— Два-пять-три?...

Он отводит взгляд в сторону, явно подбирая слова:

— ...Ты сам-то может и не дебил и просто заданку выполняешь. Но те, кто тебя подослали - точно дебилы! Ну я и не сомневался.

— В смысле, подослали?

— Сынок. Ты думаешь, я не знаю, что такое 253-я статья? Стучись обратно, пока я тебе её не называл, а то тебе пожизняк ща влепят, дурачина!

— У меня и так пожизняк, - спокойно отвечаю я, даже не думая никуда «стучаться».

— Статья 253 - это «Проникновение в *Полис*»! И чё? Ты там был? Ты хоть знаешь, что такое *Полис*?

— *К**а**о. **Э**родэ ам.*

— Чё?

— Это значит: «Да. Я был там.»

— А... Ты, типа, балакаешь на этом ихнем «даунитри»?

— *Даон**и**три.*

— Угу... Ну и сколько фишек просят за пачку сигарет в *Полисе*?

— Сигареты там можно купить только в специальном магазине, и курить там же. А фишками в *Полисе* не платят - там своя валюта, электронная. Лептос называется.

Мужик моргает глазами. Но удивлён он явно не тому, что я рассказал, а тому, что я правильно ответил.

— А бухло можно купить?

— Какое хочешь! Только на улице не пей. В баре или домой заказывай. Прилетит за пять минут.

— А кто там вообще живёт-то?

— Люди. Такие же, как мы с тобой. Почти.

— А где ты там тусовался? Где перекантовывался?

— Потом расскажу. Сейчас всё равно не поверишь. А ты сам-то, что-ли, тоже там был?

— …Ну, можно сказать, что да.

— Что значит, «можно сказать»?

— У меня 254-я. Это как бы тоже проникновение в *Полис*, только виртуальное.

— Виртуальное?

— Ну, через компьютерную сеть.

— А чё, так можно???

— Ну раз я сделал, значит можно, - улыбается он ковбойской улыбкой. - Тя как звать-то?

— Марк.

— Толик.

Он протягивает мне свою жёлтую волосатую руку.

— Рад знакомству, Толик.

Тут снова лязгает дверь, и через неё мне бросают один за другим три грузовых паллета:

— Твоя кровать.

Следом бросают две тряпки, как в тот, первый день моего заселения.

— Моё бельё? - спрашиваю я.

— Ага.

Дверь с шумом закрывается.

— Не ахти… - потирает подбородок Толик, сидя на своей мягкой перине и посмеиваясь.

— Да плевать, - говорю. - Не на полу - и ладно.

Я кладу паллеты один на другой и сажусь на них сверху, положив «бельё» в угол.

— Говорят, их из дерева раньше делали, - замечает Толик.

— Из дерева? А чё не из золота?

— Времена другие были… Деревьев было много… А ты как туда пробрался-то?

— Ты только что меня засланным считал, слышь! А щас хочешь, чтоб я тебе всё выложил.

— Да ладно, беру слова обратно. Для засланного ты больно умный.

— Я умный? Ты расскажи мне про то, как ты в сеть проник. А я тебе расскажу, как я вживую пролез.

Мы как-то быстро находим с Толиком общий язык. Он выясняет о моих познаниях в компьютерных сетях, но для него это, конечно, даже не азбука
• так, отдельные буквы. То, что он мне рассказывает, для меня звучит

почти так же, как для него - *даон**и**три.*

— …В-общем, у них связь-то есть. Через центральный круг, самый первый. Только роутеры обычно вырублены, ну чтоб там, якобы, *Полис* с хакерской атакой не прошёл. Но можно до контроллера достучаться, который любой из этих роутеров врубает. Только надо мониторинг сперва вырубить, чтоб они ничё не увидели. Мониторинг вниз, роутер вверх - и вперёд! Ну ладно, *ты* давай расскажи, как ты наверх пролез!

— Как пролез? Через кукурузный цех.

— Чё???

Я начинаю рассказывать свою историю с момента, как проник в цех вместе с грузчиками, но тут вдруг раздаётся щелчок замка и стук в дверь:

— Двести второй! Начальство вызывает.

16

В Подземелье, наверное, ещё никто не проделывал такой путь, какой проделал я.

Только вдуматься! С восьмого круга на шестой, потом в метро, потом через метро на четвёртый круг, и с него на третий. С третьего круга - наверх, в Город Богов, а с него - обратно вниз, на третий круг, а с третьего - на пятый в тюрягу. И всё за какой-то год, или даже меньше! Это же рехнуться можно!…

Да, путь был длинным. Сколько раз я мог остаться на месте! Просто остановиться, и больше не двигаться никуда. Начиная с момента, когда я поднял крупную сумму на турнире. На восьмом круге с такими деньжищами я жил бы, как король. Был бы членом уважаемой банды, перебрался бы в панельку на Сортировку. Ну кто мне мешал?

В метро я тоже мог бы остаться. Не самый плохой был вариант, учитывая, что мне предлагали должность и звание, а вместе с ними - уважение, влияние и безопасность.

У Альберта я мог бы быть начальником и зарабатывать очень хорошие деньги. У Леонида - ещё лучше! В доме Леонида у меня была бы такая работа, о какой мечтает всё Подземелье - без шуток!

Но мне каждый раз не сиделось на месте. Что-то манило меня вперёд, всё дальше и дальше.

Мечта. Увидеть Город Богов, посмотреть на солнце и на звёзды.

Стоило ли оно того?

Да.

Я лежу на своей твёрдой, впивающейся в рёбра, самодельной шконке из паллетов, и я всё ещё уверен: да. Стоило. Я счастлив, что был там. И ни о чём не жалею.

Сколько раз мне предлагали остаться. Говорили, что я могу «стать человеком». Человеком… Чушь. Человеком можно стать только там, где есть свобода. А в Подземелье свободы нет нигде. Подземелье - это одна большая тюрьма, просто с разными условиями содержания. Но в то же самое время, люди везде люди. И даже на самом глубоком дне ты можешь найти себе если не друзей, то по крайней мере товарищей. Особенно если им так же хреново, как тебе. Вот это, пожалуй, две главные вещи, которым научили меня *Полис* и Подземелье.

Мог бы я остаться в *Полисе*, если бы скрывался у Ауро? Чёрт его знает… При мысли об этом в груди всё ноет аж до слёз. Так что я стараюсь об этом не думать.

Проходит несколько дней. Я успеваю свыкнуться с обстановкой и получше познакомиться с Толиком. С соседом мне, конечно, повезло! Во-первых, Толик умный и при этом неагрессивный, а во-вторых, с ним можно трындеть дни напролёт. Он как-то сам находит нужную тему, и удивительно, но он больше слушает, чем говорит сам. Но если говорит, то всегда что-то интересное и неожиданное. Он начитанный, хорошо знаком с историей, и благодаря ему мне удаётся заполнить многие пробелы в своей голове, особенно на тему Большой Войны.

На обед нас не водят - еду приносят прямо в камеру и выдают через маленькое окошечко в двери. Меня кормят простой баландой, а у Толика баланда с курицей и с хлебом!

— Ты блатной? - спрашиваю я.

— Аппетит тройной, - мямлит он в ответ с набитым ртом.

Сортира в нашей камере нет - он тут отдельный, в конце коридора. Водят туда по графику. Обычно. Но Толик ходит, когда хочет и сколько хочет.

Гулять нас водят в отдельный зарешёченный дворик. Прогулка, по нормативам - 15 минут. Но Толик гуляет столько, сколько пожелает, и я вместе с ним. Нам даже выносят стулья! Одна беда: сигарет нету. Ни у меня, ни у Толика. Но на мои жалобы по поводу курева Толик коротко отвечает:

— Разберёмся. Если в камере курить не будешь. А то у меня аллергия на табак.

— Серьёзно??? Капец…

Вот это не свезло, так не свезло! Это ж не болезнь, а проклятье просто!

— Зато для здоровья полезно! - говорит Толик, и мы дружно ржём.

Здоровье в Подземелье. Ну-ну…

Толика постоянно вызывают к начальству. И нетрудно догадаться, зачем. После четвёртого раза спрашиваю:

— По компьютерам?

— Ага…

Он оттопыривает угол моей простыни и стучит кулаком по паллету:

— Во! Они там просто… они… их как будто специально подбирают!

— Ну… так это ж хорошо для тебя.

— Ну в целом да, - кивает Толик, ехидно улыбаясь.

Причина его благополучия и привилегий быстро становится ясна, как день. Вся информационная система нашей тюрьмы держится на одном человеке: Толике. Весь электронный документооборот и бухгалтерский учёт, вся теневая бухгалтерия, связь с другими зонами, с полицией и федералами - это всё он организовал и поддерживает. Не сильно это почётно среди других зеков, но Толику плевать. Даже если воры придут к нему и предъявят что-то, Толику всегда есть, что предъявить в ответ. «Мужики, у вас бухгалтерия да? А если ваш бухгалтер того, чё делать будете? А не хотите электронную бухгалтерию?». Толик ни на чьей стороне, он ни добрый и ни злой - он просто один и нужен всем.

— Я, как процессор Intel, - говорит он, лёжа на своей тахте. - В обычной жизни я абсолютно бесполезен. Гвозди мной не забить, чайник на мне не вскипятить, и булку хлеба мной не порезать. Но если меня воткнуть в правильное место…

Вот он и воткнулся. И живёт теперь припеваючи. По тюремным меркам уж точно.

Так и проходят наши дни. Толик постоянно мотается к начальству, а вернувшись - костерит их всеми матами, какие знает. Это у него забава такая. Думаю, и при них самих он не стесняется. Мне он выбивает сигареты, по пачке в неделю, и требует в камеру шахматы.

— Да я не особо в них. Я по картам больше.

— Ничё. Я тя научу. В карты ж на деньги надо.

Он прав. Денег у нас нет - ни у него, ни у меня. А шахматы - ну всё-таки занятие. Конечно, Толику играть в шахматы со мной, как мне - в футбол с младенцем. Но он меня учит, и мы коротаем время. Ох и трудная игра! Тут не поблефуешь. И не скажешь «пас». И никакой тебе удачи и случая. Только голова. Умный - выиграешь. Дебил - проиграешь. Честно и в открытую. Толик умный. Я нет.

— Двести второй, к начальству!

— Погоди, дай ход сделаю! Подождёт начальство… Вот сюда!

— …Бляха!

— Думай, студент. Тут ещё есть варианты, - хлопает он меня по плечу и уходит.

Если б Толик сидел в общей хате - поднялся бы на шахматах, раз плюнуть!

А ещё он всё время читает. Ему подносят всё новые и новые книги.

— Чё читаешь? - спрашиваю.

— Пелевин.

— Не слыхал… Интересно?

— Ржачно. Ну и… со смыслом, да.

— Чё посоветуешь из своего набора?

Вся тумобчка у него забита книгами, и рядом со шконкой ещё стопка стоит. Он тянется с кровати рукой, открывает дверцу тумбочки и заглядывает внутрь. Не долго думая, вытаскивает книгу и кидает мне.

— Вот это тебе точно зайдёт!

Смотрю на обложку. Стивен Кинг. «Побег из Шоушенка».

— Это каких времён?

— После Второй Мировой. Ну… маленько спустя.

У него эти войны - как километровые столбики на железной дороге. «Большая Война»… «Вторая Мировая»… «Первая Мировая». Всё остальное происходит где-то между ними.

Открываю первую страницу и погружаюсь с головой в занятие, уже давно мной забытое: в чтение книги.

Так проходят дни… недели… месяцы…

Толик выбивает мне ещё одну крайне полезную вещь: доски для шконки. Паллеты ведь не сплошные, они с промежутками. Спать на этих промежутках, конечно, можно, с горем пополам, но утром встаёшь с ощущением, будто тебя били, причём не тюремные охранники, а Федеральная Гвардия.

Где-то с месяцок я мучаюсь, но в конце концов мне приносят «доски» - полоски из ДСП, прессованных опилок. Конечно они по размеру не подходят и в пазы не всовываются - их надо обрезать. Следом мне дают крупный напильник.

— Вы долбанулись?! - возмущается Толик. - Он этим напильником полвека пилить будет! Пилу давайте!

— Не, Толик, пилу никак нельзя.

Я сильно не возражаю. Напильник - так напильник. Ещё одно занятие мне, а занятия для зека - как воздух. Пилением я занимаюсь во дворе во время прогулки, чтобы Толика не напрягать - он к звукам чувствителен. Насчёт полвека он загнул. Неделя - и готово! Красота!

Но моему заботливому соседу этого мало: он выбивает мне ещё и молоток с гвоздями, чтоб я прибил доски.

— Будет цельная конструкция, - говорит он и заговорчески подмигивает. - Но на самом деле, это просто способ их задолбать, чтоб они дали тебе нормальную шконку.

Да, с соседом мне и правда повезло! Он даже готов потерпеть, пока я приколачиваю доски.

— Надо покрупнее гвозди попросить и парочку заныкать, - говорю. - Чтоб дырку ковырять, как тот чувак из Шоушенка.

— Ну-ну. А ковырять куда будешь? Надо ж план тюрьмы знать.

— Ну так ты мне даешь. У тебя наверняка всё есть.

— Я лучше тебе другую книжку дам. Про критическое мышление.

— Критическое мышление?

Стук в железную дверь.

— Триста шестой! На свидание!

Я замираю и оглядываюсь на Толика:

— …Чё?…

Он в таком же недоумении, как и я.

— Триста шестой, бля!!! Заснул, что ли, нахрен!!!

— Бегу, начальник!

Выхожу из камеры и иду с надзирателем по коридору.

— Чё, не ждёшь чтоль никого?!

— Да не особо… А кто пришёл-то? Мужик? Баба?

— Баба.

— Молодая?

— Молодая.

Сердце начинает сильно биться.

— …Красивая? - спрашиваю, сглотнув.

— Обычная. Но чёт есть…

— Сеструха, что ли…

Доходим до конца коридора и поднимаемся наверх, на первый этаж.

«Сеструха» - это я для вида сказал. Это не может быть сестра. Как она могла попасть сюда с восьмого? К тому же… у неё ведь с головой не очень. Алмаз чтоль привёз?… Одна догадка сказочнее другой…

— Лицом к двери, руки на стену.

Ох, мы уже пришли… Кто же это?

Дверь открывается.

— Иди. Пятнадцать минут, время пошло.

Захожу. Дверь лязгает за спиной. Передо мной стул и прозрачная перегородка из оргстекла. За ней сидит деваха. Незнакомая. Бледно-рыжие волосы, стриженные по подбородок. Лицо - обычной подземельной клуши. Одета невзрачно. Но как странно смотрит на меня! Такая радость на лице! Будто всю жизнь мечтала меня встретить! Что за хрень…

Сажусь перед ней, смотрю в лицо, а она молчит, словно ждёт чего-то, и улыбка прям до ушей. Вдруг замечаю: глаза необычного цвета. Точь-в-точь как у Марин…

— Здорово, чувак!

Это *её* голос.

Губы дрожат. Глаза становятся мокрыми.

— М… Марин??? - сиплю я сорвавшимся голосом.

— Тщщщ!!! - шипит она, приложив палец ко рту. - Какая Марин? Я твоя сестрёнка. Твой папаша-алкоголик двинул лошадей, и я приехала к тебе обсудить наследство.

— Ты… поменяла лицо…

— Как я выгляжу? - говорит она, строя глазки и встряхнув остриженными волосами.

— Ужасно…

Мы начинаем смеяться вместе, но из меня вместо смеха выходит судорожный, заикающийся плач. Я хватаю её за пальцы через узкую щель внизу крепко-крепко, и, прижавшись лбом к перегородке, просто молча всхлипываю и вздрагиваю, а на руки капают слёзы, оставляя на робе тёмные пятна.

— Ну-ну-ну… - гладит она меня по руке своими мягкими пальчиками. - Ты чего ревёшь… Пацану нельзя реветь! - говорит она, посмеиваясь, а сама шмыгает громче меня.

Так мы и сидим, ничего не говоря и просто глядя друг на друга, почти соприкасаясь лбами. Нам мешает только тонкая полоска стекла, через которую я чувствую её тепло. Невозможно. Я не верю! Не верю…

Она вдруг шлёпает меня по руке:

— Так, братишка: времени мало, поэтому вытри-ка сопли и слушай сюда.

И за пять минут она рассказывает мне всё, что происходило наверху, пока я сидел в тюрьме.

Моё письмо Соле «взорвало сеть». Общество всколыхнулось, пошли бурные обсуждения. Марин вместе с Солой и Элионор запустили общественную кампанию: «Освободите Маркоса». К ней примкнуло множество сторонников. Они собрали гору пожертвований и пошли в Сенат. Но на этом дело застопорилось. У инициативы появились и противники, и дело увязло в долгих обсуждениях, вопросах по законодательству и бла-бла-бла. Они долго мучались, и даже Ауро помогал, но протолкнуть что-то в Сенат - это дело небыстрое и непростое. Однако, в процессе обсуждений и споров, Марин удалось заручиться

поддержкой одного из сенаторов, и тот выписал ей пропуск в Субкхран. Собранных денег хватило, чтобы сделать операцию на лице, а агенты Ауро помогли Марин здесь, внизу.

Она не называет никаких имён и говорит намёками, но намёки вполне понятны. Подумать только! Кто-то жертвовал деньги для меня! И это там, в *Полисе*!

— Мы разузнали про твою тюрьму абсолютно всё. Держись, братишка! Мы тебя вытащим отсюда.

— Ты сумасшедшая…

— С тебя беру пример, - отвечает она, весело подмигнув и вздёрнув носик.

Как удивительно… Лицо совсем другое, но выражение лица, взгляды, мимика
• всё её!

— Как там наш… заботливый друг-домосед? - спрашиваю я, намекая на Гермеса.

— Скучает по тебе…

— А как наш… романтик Винни-пух?

— Кто??? Ха-ха-ха! - смеётся Марин, запрокинув голову.

Но я не знал, как по-другому назвать Гелиоса!

— Он очень многое сделал, чтобы помочь тебе, - отвечает она, став вдруг серьёзной.

— Марин. Запиши телефоны, - говорю я, внезапно опомнившись. - Могут пригодиться.

И я диктую ей номера Алмаза и Крота.

— Крот… Это не то, о чём я думаю?…

За спиной гремит дверь.

— Время! - гаркает охранник, а я сжимаю руки Марин ещё сильнее.

Я не хочу её отпускать. За ещё одну минуту с ней я отдал бы не двести фишек, и не пятьсот, и даже не тысячу!

— Увидимся, братец, - говорит она, весело моргнув.

А я даже не в силах ничего сказать в ответ. Меня словно огрели по голове. Я выхожу и иду с охранником назад, понимая только одно: надо держать лицо, чтобы никто ни о чём не догадался. Сделать нейтрально-кислую мину. Я применяю весь свой покерный талант. Охранник что-то спрашивает, а я невнятно мямлю в ответ, пока мы спускаемся в подвал и идём по коридору.

— Лицом к двери, руки на стену.

Захожу в хату. Ложусь на шконку с максимально кислой миной.

— Ну чё? - спрашивает Толик.

— Сеструха… - говорю я.

— А… Чё счастливый такой?

Твою мать!

— Наследство досталось.

— П-с-с-с! И чё тут радостного? Думаешь, тебе сюда его подвезут? Ага, жди! Оставь сестре и не парь мозги себе и людям.

— Да, ты прав… Но всё равно приятно. Хоть что-то мне папаша оставил. Не такой говнюк он оказался…

Что же ты задумала, Марин?

Та же камера. Та же шконка. Те же гвозди, которые я доколотил в тот же вечер. Но всё теперь совершенно по-другому! «Чё счастливый такой?» - спросил Толик. И он прав. Я счастливый! И не потому, что я скоро выйду с зоны - это ещё не известно. Про это нельзя говорить, как про факт - столько всего может пойти не по плану и сорваться. Я счастлив потому, что она пришла за мной. Спустилась ко мне в Поздемелье, изуродовала себе лицо, и всё ради меня! Я и представить себе такого не мог! И в то же время: если бы мне нужно было сделать что-то подобное ради неё - я бы сделал, не задумываясь ни секунды! Чёртов ***а**мос-т**о**тис*! Это он. О нём сочиняют стихи и поют песни… Я никогда в него не верил, и вот он здесь, в моей жизни. Просто фантастика… Я живу под землёй, в вонючем сыром подвале, но клянусь, я самый счастливый сукин сын на свете!

Но насчёт плана Марин я всё-таки думаю. У неё он точно есть (Марин, и без плана?). Но на что именно она рассчитывает? На помощь агентов Ауро? На политическое давление *Полиса*? На то, чтобы вытащить меня просто за взятку? Всё это очень ненадёжно. К тому же, о нашем свидании наверняка доложат Эмилю. А он это так не оставит, уж это-то наверняка! Впрочем, кто его знает, как сейчас у Эмиля дела?… На его место желающих полным полно, а история со мной - это явный прокол с его стороны. Но всё, что я сейчас могу, это просто крутить эти мысли снова и снова в голове и ждать. А больше ничего.

Проходит день. Два. Три. Никаких новостей. Я на нервяке. Толик это, конечно же, замечает. Но я объясняю тем, что от сеструхи никаких вестей, хотя обещала обстряпать всё быстро. Почти правда.

Её ведь могли засечь. Опознать. Отправить обратно. И сообщить об этом она мне никак не сможет. Ну если только кто-то из агентов не придёт на свиданку и не скажет. Но это не вариант - он так засветится. Ох! Как же тяжело быть в этом ожидании! Дни тянутся мучительно медленно.

Четвёртый день… Пятый день… Шестой… Неделя! И тишина.

Мне приходится запихивать в себя еду насильно. Моя жратва и так-то не ресторан, а сейчас меня прям воротит от неё. Уж не оттого ли это, что я уже представил себя поедающим вкуснятину из *Полиса*? Ох, Марк, закатал бы ты губу обратно!

Восьмой день… Девятый…

— Триста шестой! На свидание!

Боже! Это звучит, как помилование!

Я почти вскакиваю, но изо всех сил стараюсь быть сдержаннее. Меня аж знобит! Я кое-как скрываю дрожь в руках.

— Лицом к двери, руки на стену.

Я готов расцеловать охранника за эти слова. Марк, у тебя точно крыша не едет?

Захожу в комнату для свиданий. Вижу её. Она смотрит на меня почти так же радостно, как в прошлый раз, но в то же время на лице тревога. Она хорошо считывается.

— Привет, сестрёнка! - говорю мягко-мягко, так, как мне кажется никогда ни с кем не говорил.

— Здравствуй, братец, - говорит она. - Как ты тут поживаешь? Долго не могла к тебе пробиться.

— А что, вопросы какие-то задавали? - спрашиваю, тоже поддаваясь волнению.

— Да нет, в прошлый раз то же самое было. У тебя статья непростая. Поэтому долго. Расскажи, как живёшь.

Мы сидим и болтаем с ней, в общем-то, ни о чём. Просто тянем время. Никаких новостей, это понятно. Иначе она бы с них и начала. Жаль. Но что поделать. Я подозревал, что это будет нелегко. Поэтому просто рассказываю про свою тюремную жизнь, про Толика, про шконку свою самодельную, про книгу Стивена Кинга… Я могу болтать с Марин о чём угодно и сколько угодно.

— Ты, небось, плохо питаешься? - заботливо спрашивает она.

— Ну так… сдохнуть не дают…

— И у тебя, наверное, из-за этого проблемы с пищеварением! Ну и с этим… чтоб в туалет сходить…

— Да брось. С этим-то никогда проблем нет. Было бы чем, - посмеиваюсь я.

— Нет, у тебя наверняка с этим проблемы, просто ты стесняешься признаться!

Что за бред…

— Послушай, - продолжает она. - Наш общий знакомый, Крот, дал мне один хороший совет на эту тему. Ты слушаешь?

Крот??? Она ещё спрашивает, слушаю ли я!

— …Ну так вот: совет, конечно, странный, но работает безотказно. Крот ерунды не посоветует, ты ведь сам знаешь.

Уж это-то я знаю наверняка!

— …Смотри, значит так: в двенадцать часов - именно в двенадцать дня, а лучше где-то в без десяти двенадцать, здесь время важно - просишься в туалет, идёшь, подходишь к горшку, и стучишь по трубе. Да-да. Стучишь так: три удара, потом один, потом два. Понял?

— Три удара. Потом один, потом два.

— Молодец! И время помнишь, да?

— Без десяти двенадцать.

— Супер! Умничка! И после этого надо отойти подальше и присесть на пол, понял? Звучит очень странно, понимаю, но это правда поможет.

— Отойти подальше и присесть, - повторяю я.

— Да.

Она берёт меня за руки и тяжело вздыхает. И говорит едва различимым шёпотом:

— И голову закрой руками. Хорошо?

В этих словах столько любви и столько тревоги, что мне становится ясно: Крот, конечно, вежливо стучаться в дверь не собирается. Никакой дипломатии, политики и взяток - побег с большой буквы «П». И если мне во время этого побега не оторвёт что-нибудь, то спасибо!

У нас остаётся ещё несколько минут, и мы просто молча сидим и смотрим друг другу в глаза, взявшись за руки. Я чувствую её пульс. Её руки прохладные. Мне хочется обнять её и согреть. Хочется разнести эту перегородку вместе с этой тюрьмой! Но видимо, этим мы займёмся завтра.

Как узнавать время, сидя в камере вроде нашей? На стене часов нет, а у охраны спрашивать каждые пятнадцать минут - так тебя на второй раз уже отмолотят так, что ты про это больше не заикнёшься. Но мне повезло: у Толика на левом запястье наручные часы. И сидя на своей шконке и читая книгу, я просто то и дело поглядываю на них. «Читая книгу» - это я, конечно, загнул. Сосредоточиться на чтении сейчас невозможно - я просто не вижу, что написано. В мыслях я уже там, в уборной, стучу по трубе. А дальше - дальше из-под земли выбирается Крот в своих чёрных очках и забирает меня с собой. Ну или что-то в этом роде. А что именно - одному чёрту известно. Крот об этом вряд ли предупреждал Марин. Наверняка сказал что-то вроде: «Девочка, ты посиди, мы разберёмся». Удивительно, что она вообще до него дозвонилась!

Времени 11:30. Хорошо, что не надо думать, какие вещи взять с собой! Когда у тебя ничего нет, всё так просто! Помню свой огромный рюкзак и как я готовился к походу в центр. Вот это была заморочка! И пригодилось почти всё. Но сейчас совсем другая история.

11:45. Я не выдерживаю. Встаю. Стучусь в дверь:

— Начальник! Начальник, пусти в сортир!

Тишина.

— Да погоди минут двацдать, вместе пойдём, - говорит Толик.

Начальству проще водить нас вместе, чем по одному.

— Да я б подождал, но прихватило чёт, капец! Но ты можешь пока сидеть. Я думаю, одним разом там не обойдётся.

— Фигасе, чё это тебя?

— Да хрен его знает, чё они там положили вчера в баланду свою. Ты-то ешь элитную. Начальник, в сортир хочу!!!

— Ту же самую, только с мясом.

— Ну значит жди прихода. Начальник!!!

Щелкает замок, дверь открывается. Вижу круглую рожу охранника Фили:

— Чё орёшь, как потерпевший?

— В сортир веди, капец, ща обосрусь!

— Бля… ну пойдём…

Мы идём в конец коридора. Я делаю вид, что идти мне очень тяжело. Мимо мелькают номера камер. Двадцать восемь… Двадцать семь… Двадцать шесть… Двадцать пять…

Останавливаемся у входа в сортир. Дверь тоже железная, но тонкая, и не заперта.

— Иди, - говорит мне Филя. - У тебя три минуты. Потом зайду и выгоню.

Коротко кивнув, захожу внутрть, прикрыв за собой дверь. Прямо передо мной - грязный унитаз. Рядом - водопроводная труба. Та самая. Слева в нескольких шагах - умывалка. Тут всё в одном, и места отойти, в общем, достаточно. Ну что ж…

Тук-тук-тук… Тук… Тук-тук…

— Ты чё там делаешь, э? - слышен филин голос снаружи.

Я в это время уже отхожу в сторону и сажусь на корточки.

— Ничё начальник, фигнёй страдаю! Говорят, помогает.

Закрываю голову руками, как советовала Марин. Жду. Может, я рано пришёл? Ещё вроде не без-десяти, но…

БАБАХ!!!!!!!!!!

Куски бетона, плитки и керамики разлетаются в разные стороны. Один ударяет мне в бок, другой - в локоть, а грохот такой, что мне кажется, я оглох. Тут же врывается охранник с криком:

— Чё тут за нахрен!!!!

Но я слышу другой голос:

— Пистолет на пол!!! Руки вверх!!!

Пыль оседает, и мне удаётся оглядеться. Вижу: вместо горшка - огромная дыра, а в ней стоит боец в армейской форме и балаклаве, с огромным автоматом в руках. Да это же тот самый П-14! Точь-в-точь как та игрушка у Нурбека в руках. Только этот - не игрушечный.

Пистолет падает на пол. Охреневший Филя стоит, подняв свои жирные конечности, а боец выскакивает из дыры и быстро обходит его со спины. Тычок прикладом в затылок, и охранник кулем падает на пол. Из дыры высовывается второй боец с автоматом полегче, а первый подходит ко мне, поднимает маску, и я вижу знакомое лицо. Чёрт бы меня побрал!!!

— Здорово, четвёртый!

— Командир!!!

Всё ещё не веря своим глазам, я бросаюсь обнимать Крысу. Просто в башку не лезет! Это ж надо!

Он хлопает меня по спине и ведёт к дыре, кивая на второго бойца, который держит на прицеле вход:

— Это Синица, его ты тоже знаешь. Наш спец по выходам. Всё ради тебя. Пойдём. Побаловались - и хватит, надо валить, - говорит он, между делом подняв филин пистолет.

Я кидаю взгляд на упитанную тушу охранника, лежащего без чувств. Связка ключей у него на поясе. В одно мгновение в голове проносится безумная мысль. И тут же, как обычно, превращается в действие.

— Крыса! - кидаю я командиру.

— Чё?

— Мне нужно тридцать секунд.

— Чё???

— Прикрой меня!

С этими словами я срываю связку ключей у Фили с пояса и бросаюсь в коридор.

— Куда пошёл!!! Стоять!!! Придурок!!! Вернись, твою мать!!! - слышу я вслед, но уже бегу со всех ног.

Двадцать пять… Двадцать шесть…

В дальнем конце коридора появляются два охранника и открывают огонь. Я падаю на пол, пригибаясь. А из-за моей спины тоже раздаётся стрельба. Нет, не стрельба. Стрельба - это у тех, с пистолетами. А у Крысы - грохот такой, что аж стены трясутся, а пули, врезаясь в них, вырывают куски кирпича! Одному охраннику попадает в ногу, тоже оторвав от неё кусок. Он охает и падает на колено, а второй оттаскивает его за угол. Это мой шанс! Я бегу дальше. Через мою голову из-за спины в коридор летит дымовая шашка.

— Давай скорей, герой хренов!!! А то *тебя* нахер пристрелю!!!

Крысу можно понять. Он на такое не рассчитывал. Я тоже.

Двадцать семь… Двадцать восемь… Наша!!!

Трясущимися руками, едва попадая в скважину, вставляю один ключ - не подходит. Второй - не подходит! Третий - тоже не подходит, бля! Четвертый - подошёл!!! Делаю два оборота. Открываю дверь и ору:

— Толик, пошли!!!

Толик в полном офигении:

— Куда?!

— На свободу!!!

Не дожидаясь, пока он сообразит, я хватаю его за руку и тащу прочь из камеры. Мы бежим обратно. Из-за спины стрельба. Падаем на пол и материмся, что есть голоса. Спереди снова пальба из П-14, да такая, что Толику хочется бежать обратно. Но я его держу.

— Давайте резче, мешки с дерьмом!!!! - орёт Крыса громче нас двоих вместе взятых.

Кое-как, на карачках, подскальзываясь и пригибаясь мы бежим обратно. Ещё немного… Чуть-чуть…

Мы врываемся в сортир и чуть ли не прыгаем в дыру, а Крыса, закрыв дверь, вешает на неё какое-то устройство.

— Всё, господа. Пора сваливать нахрен, - говорит он, спускаясь вслед за нами.

Кругом оборванные провода и обломанные трубы, из которых хлещет вода. Военные светят фонарями. Мы отходим метров на десять по тёмному и очень узкому коридору, что-то вроде второго подвала.

Синица останавливается.

— Это кто? - спрашивает он меня, кивая на моего соседа.

— Это Толик. Компьютерный гений. Он вам точно пригодится. Гарантирую.

Бойцы переглядываются. Синица разводит руками:

— Командуй, кэп.

Крыса строит гримасу, взявшись за подбородок, затянутый балаклавой, и глядя на Толика:

— …Ладно. Покажем его Кроту. Отрезать ему башку мы всегда успеем.

— В смысле, отрезать башку?!!! - орёт Толик. - Я на такое ваще не подписывался!!!

— Толик, - говорю я, хлопая его по плечу. - Всё будет нормально. Ничего тебе там не отрежут. У тебя там доступ в Сеть будет. Неограниченный.

БАБАХ!!!!!!

Сверху раздаётся взрыв. И тишина.

— Повезло. Сразу сдохли, - комментирует Крыса. - Ладно, пошли. Нам ещё *тут* всё взорвать надо. Синица, зачехляй их.

Мешок на голову. Обычная процедура на входе и выходе для таких, как мы. Идём на ощупь, пригнувшись. Я держусь за Синицу, Толик - за меня. Крыса замыкающий. Доходим до конца. Потом сворачиваем. Потом Синица что-то делает, и за спиной у нас раздаётся ещё один взрыв. Видимо, заваливаем этот коридор, чтобы уже никто не смог нас найти. Потом идём ещё куда-то, ползём сквозь большую трубу, спускаемся вниз, идём по щиколотку в холодной воде, поднимаемся по узкой лестнице. Слышу скрип двери. Снова лестница, но небольшая. И снова коридор.

— Система подземных бункеров, - говорит Толик у меня за спиной. - Её строили ещё до начала Большой Войны. Готовились заранее. Решили, что метро не хватит.

— А как ты понял? - спрашиваю я.

— Так я знаю про них. И раз коридор гладкий и ровный - значит точно оно. Больше такого нигде нет.

— Синица, у тебя чё, мешки дырявые? - слышу голос Крысы. - Он видит всё?

— Не, начальник, просто эхо сильное, а значит, стенки гладкие, - отвечает Толик.

— Слышь, четвёртый. Он у тебя только компьютерный гений, или вообще?

— Он просто очень умный, - говорю я. - Вам такие нужны.

— А вы в бункерах живёте, или в метро? - спрашивает Толик.

— Ты помолчал бы, слышь, гений.

— Понятно. Значит, и там, и там.

Как интересно. Я про бункеры и знать не знал. И никто мне никогда не говорил. А Толик это вычислил с мешком на голове за десять минут.

Через эту систему бункеров, конечно, идти очень удобно - пол ровный, ступеньки одинаковые, наклоняться не нужно. Но вот, мы спускаемся куда-то один раз, второй, третий, и наконец Синица связывается по рации с «базой».

— Соболь. Это Синица. Приём.

— Соболь на связи, слушаю.

— Я у входа С-20. Готов войти. Со мной Крыса и два гостя. Приём.

— Синица, мы ждали одного гостя, приём.

— Соболь, второй на рассмотрение, приказ командира, приём.

— Синица, открываю.

Гул электрозамка. Металлический лязг. Нас ведут внутрь и дальше, по очередному коридору.

— А вот и метро, - гудит Толик сквозь мешок на голове.

— Как ты понял?

— По запаху.

Да, запах тут и правда особый. Ни на что другое не похож.

Нас сажают на дрезину. Слышу голоса.

— Здравия, кэп!

— Здорово, - отвечает Крыса. - Так, нас лейтенантом и вот этим пассажиром - до двадцать первого. А этого - до двенадцатой, и там его пусть перехватят и отвезут к Кроту. Ясно?

— Так точно.

— Выполняй.

— Есть!

Дрезина трогается и нас вжимает в сиденья.

— Электродвигатель, - продолжает комментировать Толик. - Всё правильно. На бензиновом не вариант - вентиляция тут ни к чёрту, наверняка все основные шахты завалили. Только где вы берёте электричество?...

— Завали хлебало, гений, - буркает Крыса.

— Да пусть, - говорю. - Он так с нервяком справляется.

— А ты как с ними познакомился, а? - кидает Толик мне. - Уже был здесь?

— Чё-то он мне совсем не нравится, четвёртый! - рявкает Крыса.

— Не, ты зря! Вам такой нужен, зуб даю. Кстати: с повышением тебя, кэп!

Уж я-то знаю, как Крысу задобрить! Когда я здесь был последний раз, он сержантом был. Это ж какой подъём, нифига себе! И только я хочу спросить, за что повысили, как дрезина вдруг останавливается.

— С-21, тащ капитан, - рапортует водитель.

— Ну всё, спрыгиваем. А ты ехай дальше. И не разговаривай с ним, понял?

— Есть, тащ капитан.

Мы спрыгиваем на пути, и я, подвернув ногу, падаю на землю.

— Вставай, боец! С бабами будешь валяться, - по-командирски рявкает Крыса, подняв меня за ворот. Ох и силища у него!

— Соболь, Соболь, это Синица. Мы у ворот С-21. Запрашиваю выход на 30 минут. Приём.

— Синица, принято. Выход на 30 минут. Открываю.

Снова щелчок замка и лязг двери.

— Да-а… Давненько тут не ходили, - слышу я голос Синицы. - А чё такое место странное, кэп? Там же пустырь. Ни хрена нет. Хуже выхода не придумаешь!

— Место такое, Синица, потому что так полковник сказал. Приказа «думать» не поступало. Выведи нас, да и дело с концом, наша задача проста.

Мы двигаем вперёд.

— Слышь, капитан, а чё там будет-то на этом пустыре, не знаешь? - спрашиваю я.

— Встретят тебя там.

— Кто встретит?

— Без понятия.

Нам приходится карабкаться наверх по ржавой лестнице. Потом ползти через трубу. И ладно бы просто, так ещё с мешком на голове! Я раза три спрашиваю, нельзя ли его уже снять, но каждый раз получаю один и тот же ответ:

— Не положено.

Вспоминаю про капсулы, которые бойцы клали за щёку перед выходом. Интересно, они и сейчас с Синицей сделали то же самое?

Наконец, после того, как мы прошли полусогнувшись по узкому проходу и взобрались по очередной лестнице, я слышу:

— Расчехляйся.

С наслаждением сдираю с себя мешок. Голова вся мокрая. Вокруг пахнет подвалом и сыростью.

— Вот по этой лестнице наверх, там выход из люка.

— Я вперёд, - говорит Крыса. - Ты пока с ним.

— Осторожней, кэп. Там вроде открытая местность.

— Вроде?

— Да никто ж туда не ходил уже сто лет! Там нечего ловить. Полковник точно не ошибся?

— Полковник всегда прав, солдат.

С этими словами Крыса хватается за лестницу, и в одно мгновение поднимается наверх, таща за спиной огромный П-14. Мы смотрим снизу, как он приподнимает крышку люка и оглядывается по сторонам. Снимает с жилета что-то вроде бинокля. Снова оглядывается. Потом осторожно приспускается вниз, хватает автомат, высовывается из люка по пояс и орёт:

— Там, за стеной!!! Э!!! Я тя вижу!!! Выходи, иначе стреляю!!!

— Это не те, кто меня встретить должны? - говорю Синице вполголоса.

— Надеюсь, что они.

— Давай, до конца!!! Кто ещё с тобой?!!!... Точно?!!!

Он быстро кидает взгляд вниз:

— Синица, прикрой. А я проведу переговоры.

— Есть. Ты стой пока тут, - командует мне лейтенант, и отправляется наверх вслед за командиром.

— Да! - слышен голос Крысы, пока Синица поднимается по лестнице. - Какой ещё Маркос?!

Меня словно током пронзает. Я пулей кидаюсь наверх и чуть ли не выталкиваю Синицу наружу:

— Марин!!!

Я быстро оглядываюсь по сторонам и замечаю место, куда пошёл капитан. Метрах в пятидесяти, у развалин старого здания, освещённая фонарём Крысы, стоит, сжав ладони, женская фигура.

— Марин!!! - кричу я в ту сторону что есть голоса.

— Маркос!!! - кричит она в ответ.

Я уже готов броситься к ней, но тут Синица хватает меня за ворот и орёт так, что я чуть не глохну:

— Назад!!! Кэп, вертушка!!!

Он чуть ли не швыряет меня обратно в люк, а кэп в этот момент орёт:

— Назад!!! Прячься, дура!!!

Я слышу звук чего-то летящего. Вроде дрона, только очень большого. И ещё какой-то стук по земле, часто-часто.

Синица влетает в люк, больно ударив меня ногами. Хватает рацию:

— Кэп!!! Кэп!!! Как слышишь?!

— Я в укрытии! - шипит рация в ответ. - У них пулемёт! Двенадцатка, не меньше! Не вздумай высунуться! Как понял! Бля!...

Связь прерывается.

— Кэп!!! Кэп!!! - орёт Синица. - Твою мать... ну и денёк... Кэп, отзовись!!!

— Это Крыса. Пока живой. Я их отвлеку, а ты шарахни. Как понял?

— Есть шарахнуть, кэп!!!

Синица кладёт рацию и снимает рюкзак.

— Подержи. И это подержи. И это… - даёт он мне в руки неизвестные мне армейские прибамбасы один за другим. - Во!

Он достаёт какой-то прибор и раскладывает его. Четыре антенны. Точнее, не антенны, а… лопасти! Да это же дрон, ё-моё!

— Так… ну сколько вам надо, ублюдки… вот столько хватит… - приговаривает он, цепляя к брюху дрона небольшой контейнер, видимо, со взрывчаткой.

Расставив ноги и упираясь ими в стенки, он берёт в одну руку дрона, а в другую - джойстик управления.

— Пошла птичка!

Дрон взмывает вверх и в один миг исчезает в темноте. Но Синица всё видит в экран на джойстике. Он вертит пальцами рычажки и слегка наклоняется влево и вправо, как бы следуя за полётом.

— Погоди, капитан… ещё немножечко… ещё маленько… вот та-а-а-к… Есть!

Он хватает рацию:

— Есть попадание, кэп! Живой? Приём, как слышишь!

— Живой! Ай молодец, Синица!!!

Сверху слышен оглушительный грохот. Аж земля трясётся! Лейтенант выдаёт победный клич, и я вместе с ним. Он запихивает в рюкзак то, что отдал мне, хватает автомат, и отправляется наверх, а я - следом.

Выбравшись, мы сразу видим горящий вертолёт на земле, и Синица тут же берёт его на мушку. Крыса тут как тут, и тоже нацелил на обломки вертолёта свой огроменный автомат. А я ищу глазами Марин.

— Там твоя деваха, - кивает головой Крыса за спину, в сторону развалин.
• Вроде цела.

Я бросаюсь к бетонным обломкам здания. Вокруг кромешная тьма. Горящий вертолёт лишь слегка освещает окрестности. Я без фонаря и бегу почти наощупь. Спотыкаюсь о мусор, о какие-то железки и камни, но мне плевать! Я готов хоть ноги сломать, лишь бы быстрее добраться до этих полуразрушенных стен.

— Маркос, я здесь! - кричит она откуда-то справа.

Оглядываюсь. Вижу её очертания, едва видимые в темноте.

— Марин!

Мы бросаемся друг к другу в объятья, чуть не столкнувшись лбами. Мы сжимаем друг друга так крепко, что становится тяжело дышать. Я чувствую её запах. Я его помню. И я

тут же вспоминаю её дом, и как мы жили вместе, там наверху. Это невозможно! Я не верю! Кажется, я сейчас проснусь на своей твёрдой шконке в камере по соседству с Толиком.

— Господи, Маркос… Я так испугалась! Я думала, умру от страха! Ты… ты в порядке?

— Эй, голубки! - слышу я голос Крысы издалека. - Давайте, чешите сюда!

Марин смеётся своим мелодичным смехом:

— У тебя хорошие друзья!

— Да… я знаю…

— Надо идти.

— Угу…

Я беру её за руку, и мы осторожно пробираемся через завалы к вертолёту. Идём, спотыкаясь и хватаясь друг за друга.

— Не думал… что ты дозвонишься до Крота.

— Я угадала, кто это!

— Да ладно!

— Ну, не совсем. Я думала, это какой-то человек, затаившийся в метро с оружием и показавший тебе путь.

— Ха-ха! Ну, в общем, так оно примерно и было.

— И много их там таких?

— Я обещал ничего и никому об этом не говорить. Но скажи мне: что дальше-то? - спрашиваю я.

— Дальше… туда, - показывает она рукой на гигантский тёмный столб метрах в ста от нас.

Колонна. Ну конечно. И как я сразу её не увидел! Потому и место такое - к колонне ближе всего. По ней мы и должны подняться наверх. Крот всё рассчитал.

Мы проходим мимо полуразобранного грузовика, и земля становится ровнее. Видимо, здесь когда-то была дорога. Вертолёт уже совсем близко.

— О, гляди-ка, кэп! У нас пассажир живой!

Из-за обломков доносятся чьи-то стоны.

— А… фигасе везучий… Ладно, с пассажиром решим щас. Меня другое волнует, Синица: пулемёт сломался! Смотри, прям пополам. Твою же грёбаную мать! Какой трофей был бы, а!… А пассажира давай возьмём. Вдруг он из командования? Хотя одет не по форме.

— Я не из командования!

— Да ладно!!! - кричу я, услышав знакомый голос, и бросаюсь к вертолёту.

• Крыса, посвети!

— Знаешь его?

— Ещё как знаю! Ну здравствуй, Эмиль! Какая встреча!

— Здравствуй, Марк… - отвечает Эмиль, опустив голову и щурясь от фонаря.

— Это тот самый Эмиль??? - спрашивает Марин в изумлении.

Голова рассечена, по щеке стекает кровь, но в целом он легко отделался. И правда счастливчик, ни дать, ни взять!

— Чё с ним делать, слышь, червёртый? - спрашивает Крыса. - Ценный он, или проще на месте грохнуть?

— Только пальцем меня троньте, - хрипит Эмиль. - С минуты на минуту здесь будут федералы. Они из вас котлету сделают!

— Ага… Уже попробовали…

— А если он не блефует? - говорю я.

— Тогда надо текать обратно. А его взять с собой. Лишний язык не помешает.

— Обратно, это вниз? - слышу я голос Марин.

И мы, не сговариваясь, смотрим на колонну. До неё метров сто. Не так далеко, но…

— Нас могут потом и не выпустить. Или выпустить, но очень нескоро, - говорю, глядя на Крысу. Он только пожимает плечами в ответ.

— Тогда надо идти сейчас, - говорит Марин. - Прямо сейчас! Если мы застрянем в Подземелье, о тебе забудут, Маркос! Поэтому сейчас! Пошли!

— Куда вы собрались? - недоумевает капитан.

— К колонне, - говорю я. - Она гражданка *Полиса*, у неё есть доступ наверх.

— Наверх… в смысле… на *самый верх*?… - бормочет Крыса, глядя на колонну аж задрав голову.

— Да. На самый верхний верх, капитан.

— …Ни хрена себе…

— Маркос! - трясёт меня Марин за руку.

А я продолжаю смотреть на Крысу:

— Кэп. Дашь мне этого пассажира в заложники?

— В заложники? Этого? Хех! Это ты лихо придумал, четвёртый!… - Он что-то быстро прикидывает в голове и махает рукой. - Забирай. Говна не жалко.

— И дай мне пистолет.

— Да ты охренел, братец! Хотя ладно… Всё равно не мой.

И он отдаёт мне пистолет, взятый у Фили из тюрьмы.

— На ещё вот этот, - говорит Синица, протягивая мне огромный ствол на ремне. - Против птичек. От сердца отрываю.

Пару секунд смотрю на это странное оружие. Пистолет Синицы крупный и увесистый, но как будто пластмассовый. Как игрушечный.

— Маркос, скорей, нам надо идти! - подгоняет Марин.

Она права. Обнимаюсь с Крысой и жму руку Синице.

— Пошли, лейтенант. А то проковырялись мы тут и время драгоценное потратили. Возвращаться пора. Ни пуха, четвёртый! Передавай богам привет!

— Спасибо, Крыса! Обязательно передам!

— Пошёл! - толкаю я в шею Эмиля, и он ковыляет следом за Марин.

Мы отправляемся в путь. Вспоминаю, как прощался с Рафом тогда. Он просил замолвить за него словечко перед богами. Ни хрена я не замолвил, Раф, ты уж меня прости!

Поверхность почти ровная, и идём мы довольно быстро. Насколько позволяет наш хромающий заложник, чёрт бы его побрал.

— «Федералы»… «С минуты на минуту»… - говорю. - Это за тобой чтоль, Эмильчик?

— Нет, пупсик. За тобой.

— За мной? Чё ты несёшь? Кому я нахрен нужен!

— После того, как выяснилось, кто твои друзья? - отвечает Эмиль зловещим голосом.

И сердце ёкает. Это он не про Марин. А про военных.

— Ты теперь очень нужен федералам, Марк. Нужнее, чем я. И уж поверь, они вынут из тебя всё.

Твою мать. Как же я об этом не подумал?!

— Маркос, дроны! - кричит Марин, оглядываясь назад.

Я оборачиваюсь на звук. Вижу в небе несколько пар маленьких красных огоньков. Четыре штуки. Хватаю пистолет и целюсь. Делаю пару выстрелов, но где там! Это всё равно, что в муху камнями кидать.

— Второй пистолет!! - кричит Марин. - Против птичек!!!

Точно! Сую первый пистолет обратно за пояс и поднимаю из-за плеча большой Синицин пистолет на ремне. Как из него целиться-то? Где тут мушка? Ладно, к чёрту, попробую так! Сжавшись и прищурившись, уже готовясь оглохнуть, жму курок. И ничего. Ноль. Жму ещё несколько раз. Гадство! Не работает!… Но красные огоньки дружно, как по команде, отправляются на землю, исчезают в хламе пустоши и больше не поднимаются.

— …Охренеть… Это как так?… - бормочу я, глядя на чудо-пистолет в изумлении.

И вдруг чувствую, как мне в затылок тычет что-то металлическое.

— Ну вот и всё, пупсик! Руки вверх!

Эмиль. Он выхватил мой первый пистолет, пока я был занят дронами.

Из-за спины раздаётся электрический треск. Шокер?

— Только попробуй, сучка! Я ему сразу мозги вышибу!

— Ты же сказал, что он нужен!

— Федералам, но не мне.

Я вспоминаю Арчи. Тренировки с ним. Точно так же, как сейчас Эмиль, я приставил пистолет к затылку Арчи, а он с поднятыми руками, только ещё и на коленях.

— Запомни это, как следует, - говорит он. - Если кто-то угрожает тебе пистолетом вот так, как ты это делаешь сейчас, то тебе повезло: он полный дебил. Заруби себе на всех местах, Малой: угрожать пистолетом надо на расстоянии метр минимум! Иначе… иначе будет вот что.

Мгновение. Рывок. И вот я уже мордой на земле, а он выламывает мне руку так, что я ору во весь голос.

— Ты запомнил, салага?!

— Да!!! Да, я запомнил, Арчи!!!

— Что ты запомнил?!

— Угрожать пистолетом… а, бля!… на расстоянии метра!

— Молодец, - отвечает он, отпустив меня корчиться, держась за руку. - А теперь давай отработаем этот приём, чтобы ты его тоже знал. Может когда-нибудь он спасёт тебе жизнь…

Правая рука идёт резко назад, а тело разворачивается. Схватить крепко за запястье. Тянуть вправо и вниз, продолжая вращаться всем телом. Как только рука достаточно низко, надавить коленом на локтевой сгиб. И мордой в землю, а руку тянуть наверх, наступая ногой на локоть. Это очень больно!

Разворот! Захват! Выстрел, но мимо. Коленом на локоть.

— А-а-а!!!

Эмиль орёт, выпуская пистолет, а Марин тут же подбирает его с земли и отдаёт мне. Я стою, наступив ногой на руку Эмиля, но вдалеке вижу движущиеся к нам фары и прожектора.

— Чёрт, они едут, Марин!

— Давай, нам осталось не так много! Бросим его?

— Нет. Поведём с собой.

Я бью нашего несчастного заложника ногой в рёбра и поднимаю за волосы:

— Мне становится не смешно, Эмиль. Если они собираются взять меня живьём, то тебя они получат инвалидом. Так что отведи меня побыстрее до колонны, и будешь цел.

Мы отправляемся дальше. Поверхность становится неровной, с «дороги» нам приходится сойти. До колонны ещё метров 50. А за нами гонятся броневики Федеральной Гвардии. Ну хоть второго вертолёта нет, а то бы нам крышка!

— Чувствую себя… важной персоной! - говорю, пробираясь через завалы.

— Но нас ведь не видно в темноте, - замечает Марин.

— У них тепловизоры, как у военных. Думаешь, как они тебя впотьмах разглядели?

— *Кх**а**рэ!*

К нам подлетает ещё одна стайка дронов, но с чудо-пистолетом Синицы я справляюсь с ними быстро.

— А вот как *эта* штука работает - убей, не пойму! Магия какая-то…

— Это электромагнитная пушка.

— Чего?… Ладно, расскажешь потом. Мы почти у цели! Где там вход-то, ты знаешь?

— Нет. Но мы его быстро найдём.

Я даже не вижу номер, но знаю, что начинается он с цифры 5.

Со спины раздаётся голос в громкоговоритель:

> *Вы арестованы Федеральной Гвардией! Приказываю замереть на месте с поднятыми руками! Иначе стреляем на поражение.*

— Брехня, - бросаю я, но на всякий случай прячу себя и Марин за спину Эмиля, развернувшись лицом к броневикам. - Давай назад. Они не будут стрелять. Ты гражданка *Полиса*, я нужен живым а этот… тоже, видимо, имеет цену.

Колонна уже в нескольких десятках шагов. Раздаются предупредительные выстрелы, Марин взвизгивает, но мы продолжаем быстро отступать назад к колонне. В нас светят прожекторами, и в этом свете поверхность колонны хорошо видна.

— Я вижу вход! Прямо перед нами!

— Отлично! Прячься за меня и открывай!

В нас по дуге сквозь мрак летят то ли снаряды, то ли гранаты. Падают рядом, но не взрываются. Дымовухи? Нет. Чувствую странный запах.

— Газы!!! Марин, скорее!!!

Оглядываюсь назад и вижу, как Марин приложила запястье к колонне, к месту, очерченному квадратом. Раздаётся тяжёлый звук. Внутри начинается движение.

Снова выстрелы! Пули стукаются в колонну!

— Идиоты!!! - орёт Эмиль, чуть ли не рыдая. - Не стреляйте!!! Пожалуйста!!!...

Запах почти как тот, что тогда, на химическом заводе, когда я чудом спасся благодаря Егору. Чёрт, это плохо! Чувствую, как начинает кружиться голова. Нет, только не это...

— Маркос! - слышу я словно издалека. - Маркос!!!

Она хватает меня за руку и тащит к колонне. Вижу проём. Створки неторопливо раздвигаются в стороны. Мы бросаемся внутрь, протискиваемся через узкую щель и Марин тут же кричит: «*Фэрмэрэ!!! Фэрмэрэ!!!*». Створки нехотя движутся обратно. В этот момент в проём залетает ещё одна шашка. Я задерживаю дыхание. В глазах искры. Марин пинает шашку ногой и выбивает её наружу. Между створками остаётся узкая щель, и я, всё ещё не дыша, поднимаю дрожащей рукой пистолет, чтобы отправить прощальную пулю в ягодицу Эмилю, оставшемуся на той стороне, пошатывающемуся, но всё ещё стоящему на ногах.

— ***А**нто!!!*

Марин бросается мне сверху на руку и не даёт выстрелить, а створки смыкаются до конца.

— ...Нельзя... здесь... кхэ-кхэ!... территория *Полиса...*

Тишина. Слышен только наш кашель, раздающийся эхом внутри... внутри чего? Глаза слезятся так, что я почти не вижу, а от газов я едва стою на трясущихся ногах. Марин тянет меня за руку внутрь колонны. Она эту дрянь переносит явно лучше меня. Мы пробегаем несколько метров по широкому коридору. Дышать становится заметно легче. Впереди двери. Марин машет рукой в сторону, и они послушно открываются. Забегаем на большую шестиугольную платформу и просто падаем на пол, судорожно глотая воздух, пытаясь продышаться и протирая воспалённые глаза. Над нами металлическая решётка с лампами, а над ней - темнота. Видимо, это лифт. Три входа по сторонам. Двери, в которые мы зашли, подождав немного, закрываются сами. Раздаётся голос:

— *Л**и**фти вэнис опэ. **О**мдэги ст**а**нциа **э**рис: П**о**лис, тр**э**мэс прэфэкт**у**ра.*

Платформа вздрагивает. И я чувствую, как мы двинулись наверх. Лежим на полу и смотрим друг другу в покрасневшие глаза. И начинаем дружно хохотать. Как в тот раз, когда я коснулся ногами газона и тротуара на краю *Полиса.* Звёзд надо головой, конечно, не видать, но зачем они мне сейчас, когда я могу смотреть в глаза самой прекрасной девушки на свете!

Я беру её за руку. Она хочет сказать мне что-то, но, судя по её лицу, совсем не про любовь. И я говорю первым:

— Что там будет, Марин? Наверху.

— Полиция. *Прэсис-д**а**ониси.* И... много людей... я надеюсь.

— И что? Какой план?

— Тебя арестуют. И отправят в *изол**а**тори*. А дальше будет суд.

— Суд…

— Настоящий суд, Маркос. И мы наняли тебе очень, очень хорошего адвоката.

Мы так и лежим на полу, а лифт всё ближе и ближе к *Полису*. Настоящий суд… адвокат… Я плохо представляю себе, что это значит. Суд в Подземелье я проходил. Но в *Полисе*, видимо, будет что-то совсем другое…

— Элионор нам сразу сказала: добиваться твоей легализации бессмысленно. Нужно требовать справедливый суд. Потому что у легализации найдётся огромное число противников, а вот против суда возражать не будет почти никто.

— Какая прошаренная у тебя Элионор…

— Не то слово!

Она приподнимается и садится на колени:

— Маркос. Когда мы выйдем, тебе нужно будет произнести речь. Это будет очень хорошо с точки зрения… ну… *пи**а**ри*… общественного мнения… Надо произвести впечатление, понимаешь? Они должны услышать того самого Маркоса, которого ждали столько времени.

— Кто «они»?

— Наши сторонники. Их много. И они будут там. Они *уже* там.

— Речь… но я никогда… На *даон**и**три*?

— Это было бы идеально! Ты помнишь *даон**и**три*? Хоть немножко?

Я тоже приподнимаюсь. Сидя мне проще сосредоточиться.

— *Бонав**и**тас, дрэгоси…*

— Так!…

— Э-м-м… *Мэй **э**ро М**а**ркос. М**а**ркос дэ Субкхр**а**н.*

— *Дан Субкхранэ.* Не важно! Продолжай!

Я встаю на ноги и начинаю расхаживать по платформе, прикидывая, что же такое можно сказать, и то и дело поглядывая на Марин. Оказывается, моё скудное знание *даон**и**три* каким-то чудом почти не выветрилось из головы за год с лишним тюрьмы. А я думал, оно мне больше никогда не пригодится… Знание не бывает лишним…

Лифт всё ближе и ближе к поверхности. Мы с Марин наспех сочиняем мою речь. Она говорит: ошибки - не беда. Так даже лучше! Всем будет видно, что я - тот самый Маркос из Подземелья. Самое главное - суть. А суть проста: «Я Маркос. Я рад вас всех видеть! Спасибо вам за поддержку! Вместе мы победим!»

Сверху уже видны огни. Мы совсем близко. Речь получается короткой. Но это и хорошо: я хотя бы смогу её запомнить!

— Давай ещё разок, всё вместе.

— *Бонав**и**тас, дрэгоси! Мэй **э**ро М**а**ркос. М**а**ркос дан Субкхран**э**…*

Я повторяю свою речь, скомканную, как клочок бумаги. Мне бы ещё пару повторов вместе с Марин, но времени уже нет. Лифт остановился.

— *П**о**лис, трэмэс прэфэкт**у**ра. Тв**э**ни с**о**ртис-т**о**тис **э**рис: **у**но,* - объявляет голос.

Двери с цифрой 1 приветливо открываются.

— *Вэнэ**о**м*, - командует Марин, но уже не лифту, а мне.

Мы проходим через коридор, но мы всё ещё в толще бетона, где-то в «подвале» *Полиса.* Только здесь идеально чисто и сухо. Нас окружают ровные серые бетонные стены. Поворот. Лестница наверх, а рядом

• эскалатор! В Подземелье я их видел только в метро. А тут они везде. И

работают. Марин тащит меня к эскалатору мимо лестницы:

— Побереги силы. Они тебе понадобятся.

— Марин, скажи мне быстро, - говорю я, пока механическая лестница везёт нас наверх, - какие там понятия у вас в этом вашем «изоляторе»?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну… чё там за пацаны, как вести себя надо? За что спросят, за что не спросят?

— Эм… я… не знаю. И очков с собой нет! А это важно?

Жму плечами:

— Ну, тюрьма есть тюрьма…

Я стою перед Марин в арестантской робе и в потёртых тюремных башмаках, и в таком прикиде эти слова звучат особенно убедительно!

— Думаю, тебе не стоит об этом переживать. Ты ведь прошёл через субкхранскую тюрьму. Тебе море по колено. Лучше думай про речь. Вот это

• действительно важно!

— Ладно…

Эскалатор вывозит нас в стеклянный павильон. Стёкла затемнены, но даже через них в глаза бьёт яркое солнце. Боже ты мой! Настоящее солнце! Настоящий день!

— Сколько щас времени?

— Не знаю, с собой только вот это, - Марин показывает мне раздолбанный кнопочный подземельный телефон.

— Куда нам теперь?

— Вон выход, - кивает она на стеклянные двери.

— Ох… а людей-то и правда немало…

Сквозь прозрачные стены павильона видна собравшаяся вокруг толпа. Все ждут нашего выхода. Но и полиция тут как тут! Мы идём к дверям. Встаём перед ними. Смотрим сквозь стекло на людей. Сердечко стучит.

— *Тэос м**и**о…* - шепчет Марин, прислонив к губам плотно сжатые ладони.

Я смотрю на неё. Как она сосредоточена. Как она красива, даже со своим подземельным лицом. Я легонько подталкиваю её рукой:

— Нервничаешь?

— А ты нет???

— Я про тя песню знаю. Называется «***О**чиси Аз**у**рис*».

— Пффф! - выдыхает она, закатив глаза и обернувшись на меня. - Песня про тебя называлась бы «*Нэрвиси Фэрос*»! Ты вообще не волнуешься?

— *Мэй т**о**до **а**мо*[37]*. Гэнзи ма?*

Я так давно хотел ей это сказать. Вдруг больше не смогу?

Она смущённо улыбается, потупив взгляд, и отвечает, сверкнув глазами:

— *Гн**о**зо.*

Двери вдруг открываются перед нами, и мы слышим возбуждённый и радостный шум толпы.

— Пошли, - толкает она меня под локоть.

Выходим наружу. Мы на небольшом крыльце. С него несколько ступенек вниз, но всё вокруг огорожено переносным заборчиком, а за ним - куча народу. Солнце слепит так ярко, что я закрываюсь обеими руками. Замечаю, что полиция двинулась к нам. И вдруг вижу торчащего из толпы высоченного белобрысого негра. Ауро??? Да ладно!!! Это точно он, я его и за километр узнаю! Он замахивается и бросает мне какой-то предмет. Несмотря на яркий свет, подземельный рефлекс срабатывает безотказно, и я ловлю эту штуковину на лету. Это микрофон! Неуверенно разворачиваю его сетчатой головой к себе и подношу к лицу.

— Привет!

Ничего не слышно.

— Дай сюда, - вырывает у меня Марин микрофон и быстро переключает что-то. - ***У**но, **у**но…*

Её голос грохочет во все динамики! Офигеть!

— На, говори!

Полиция уже совсем близко. Я вспоминаю речь… Хотя вряд ли я уже что-то успею…

[37] Я тебя люблю.

— Говори, Маркос!!

— *Бонав**и**тас.*

Мой голос громыхает на всю улицу! Какое необычное ощущение… Толпа взрывается криком!

— *Бонав**и**тас, дрэгоси!*

Снова взрыв эмоций! Вот это да! А полиция… она замерла на месте! Надо же! Видимо, когда ты произносишь речь, ты неприкосновенен! Хех! Как здорово придумали!

— *…Мэй **э**ро М**а**ркос… М**а**ркос дэ… Субкхр**а**н… Субкхран**э**…*

Народ визжит от восторга! Им явно нравится, что я балакаю на языке *Полиса*! А я всё щурюсь, прикрываясь рукой и не видя почти ничего.

— *…Дифис**э**нто пор в**и**зэрэ… с**о**ла… л**у**мис **э**рис…*[38]

Этого в речи не было. Но это правда. Я не видел солнца больше года. Отвык от него.

Я продолжаю говорить в микрофон на своём ломаном даонийском и толкаю что-то вроде:

Я благодарен вам, друзья, за вашу поддержку и помощь. Без неё я бы так и сидел сейчас в подземельной тюрьме. Без солнца. И без надежды.

Я счастлив снова оказаться здесь. Я полюбил Полис с первого взгляда! Я думаю, что это лучшее место на земле.

Я вырос на восьмом круге Подземелья. Вырос с единственной мечтой: узнать, что там наверху. Ради этой мечты я прошёл длинный, трудный и опасный путь. Я даже не знал, куда иду. Всё что я хотел - узнать правду.

Моя мечта сбылась. Я увидел Полис. Я узнал правду. Но за это меня отправили вниз, в Подземелье, и посадили в тюрьму пожизненно. Скажите: разве это справедливо, друзья?

— *Эс юд**э**нто эр ма?* - говорю я, обращаясь в толпу. Так велела Марин. Она сказала «взаимодействовать», и что это будет хорошо.

— ***А**нто!* - выкрикивают из толпы тут и там. - ***А**нто! **А**нто, ар **э**рис!!*

— *Эс юд**э**нто эр ма?!!!* - кричу я, повторяя свой вопрос, снова по совету Марин.

— ***А**НТО!!!!!* - орёт толпа уже дружно и во весь голос!

Вот это публика! Вот это реакция! Я прям чувствую себя звездой! Чёрт! Мне нравится выступать!!!

Сейчас я отправляюсь в тюрьму. Слава богу, не в подземельную! (смех) *А потом меня ждёт суд. Справедливый суд. А раз он будет справедливым, значит мы победим. Ведь правда на нашей стороне, верно?*

— *К**А**О!!!!* - кричит толпа.

[38] …Трудно, чтобы видеть… солнце… яркое…

Я тоже так думаю. Поэтому, увидимся в суде. Вместе мы победим!

Мне пора, друзья. А то господа полицейские уже заждались. (смех) *Сдаюсь в руки правосудия!*

Я развожу руками в стороны. Полицейские двигают ко мне, а Марин выхватывает у меня микрофон и гаркает в него:

— *Пор М**а**ркос**э**! Ун**э**нто! Мар-кос! Мар-кос! Мар-кос!*

И люди скандируют за ней:

— МАР-КОС!!! МАР-КОС!!! МАР-КОС!!!

Полицейские подходят. Первым делом я протягиваю им пистолет, рукояткой вперёд, а затем вежливо выставляю руки. Но мент молча отмахивается от них - «убери клешни, дурик». Вместо наручников он надевает мне на шею что-то вроде ошейника или браслета. Пистолет отправляется в прозрачный пакетик.

— *Вэнэ**о**м, гранд**а**ри.*

Яснее некуда. «Пройдёмте, уважаемый». Под крик толпы, скандирующей моё имя, я послушно иду вслед за полицией, а они на меня даже не смотрят. Зато из-за ограды ко мне так и рвутся люди с микрофонами и камерами. Они что-то орут, задают какие-то вопросы, и крутятся вокруг меня, как мухи вокруг варенья. Или ещё чего-нибудь повкуснее.

У ограды стоит обычная полицейская машина-седан. Окна даже не зарешёчены. Один полицейский садится вперёд, а другой открывает мне дверь. Пока я погружаюсь в ментомобиль, из-за ограды прорывается молодой парнишка в пиджаке и с длинным ярко-синим микрофоном, и что есть силы кричит мне:

— Маркос, ви увэрэни, што побэдитэ... в судэ?!!

Улыбнувшись, я выкрикиваю ему в микрофон:

— *Биенк**а**о!*[39]

Прыгаю в авто. Полисмен садится следом. Автомобиль трогается, с трудом пробиваясь сквозь толпу облепивших нас людей с микрофонами.

— *Пр**э**сис-да**о**ниси ма?* - спрашиваю я полисмена.

— *Преэсис-д**а**ониси*, - спокойно отвечает он.

Этим наш разговор и ограничивается.

Выезжаем на свободный проспект. С наслаждением вздыхаю, чувствуя, как автомобиль разгоняется. Ну здравствуй, *Полис*! Широкие прямые улицы. Электромобили, которые ездят сами. По тротуару идёт чернокожая девушка с красными волосами и миниатюрным слоном на поводке. Мимо носятся люди на каких-то штуках - то ли самокатах, то ли скейтбордах - которые уже чуть ли не парят по воздуху над дорогой! Здания совершенно разных видов и архитектур, которые меняются и перестраиваются чаще, чем я меняю

[39]Конечно!

кеды. Круговые перекрёстки с огромными зеркальными полусферами зрачков фотонных реакторов посередине. Безумное разноцветное движение вокруг, и в то же время тишина. Особая, непередаваемая полисовская тишь, от которой приятно и легко. Я знаю, стоит открыть окно, и в салон ворвётся ветрище, но это самое громкое, что ты услышишь. Автомобили, самокаты и даже дроны движутся так, что их едва слыхать. Можно лечь на любой газон спиной на траву, где угодно, хоть в метре от дороги, и наслаждаться покоем и небом над головой. Чудо-город! Но где же, интересно, моя тюрьма? И как она выглядит? Представляю себе гладкий бетонный забор с идеальной спиралью колючей проволоки. Хотя нет. Колючая проволока выглядит отпугивающе. Там что-нибудь другое. Какие-нибудь датчики движения и скрытые электрошокеры. А ещё толпа дронов-охранников, патрулирующих вокруг туда-сюда. Внутри - идеальные дорожки с гладко выстриженными зелёными газонами по сторонам. Опрятное здание - не из стекла, нет - но из какого-нибудь очень приятного на вид материала, и раскрашенное в яркий цвет - голубой или жёлтый, а может разные корпуса в разный…

— *Сортэ**о**м, гранд**а**ри*, - командует полицейский.

Ох! Приехали что-ли?

Мы стоим на парковке стеклянного офисного здания. Я послушно выхожу из машины. Полицейский спереди выходит и кивает мне головой на вход-вертушку. Иду рядом с ним. Видимо, заехали в управу, документы там забрать, все дела… Красиво у них тут!

Проходим через крутящуюся дверь. На входе стойка. Сверкающий кафельный пол из больших плит, в котором видно моё отражение. Божечки, ну и видок у меня! Подходим к стойке. Нас встречает черноволосая азиатка в полицейской форме. Они о чём-то трут с моими двумя полисменами. Но недолго. Девочка размахивает руками, глядя в свои прозрачные очки. Достаёт из шкафчика белую капсулу с пол-кулака. Открывает её и протягивает мне. Осторожно беру её в руки, а девушка показывает пальцем на уши. А! Это наушники-капли! Ух ты, во технологии! И что? Вытаскиваю капли-шарики один за другим и неуклюже вставляю и прямо в уши, боясь, что они туда провалятся и их будет не вытащить.

— Привет! - раздаётся приятный женский голос. - Слышишь меня?

— Привет… - растерявшись от неожиданности, бормочу в ответ. - Да, слышу.

— Меня зовут Ольга. Я твой виртуальный ассистент.

— А, вроде Гермеса?! - вырывается у меня само собой. Но она ведь не знает, кто такой Гермес.

— Да, вроде него! Я даже умею говорить по-пацански, как он, хи-хи!

Я роняю капсулу из рук. Она шмякается на пол, но не разбивается - крепкая. Чертыхаясь, я быстро подбираю её и кладу в карман. Замечаю, что моих полисменов и след простыл.

— Ой, прости! Это, наверное, из-за меня?

— Да не… просто… удивился немного… Ты про меня знаешь вообще всё?

— Всё, что знает полиция.

— Так ты, типа, робот-полицейский? - спрашиваю я, так и продолжая стоять перед девушкой в форме.

— Нет, я твой личный робот, персональный и индивидуальный.

— Ого…

— Ну пойдём. Тебе надо помыться и переодеться. Видишь лифт справа?

— В смысле, перед тюрьмой?

— Маркос: это и есть «тюрьма». А точнее, изолятор стандартного режима компании «Спектрум».

— Что?? Это - изолятор???

— Ага!

Ошарашенный, я ещё разок оглядываюсь по сторонам. Улица видна через прозрачную стену. Дверь-вертушка ничем не огорожена - хочешь, выходи! Никаких решёток нигде. Даже намёка на них!

— Ты… уверена? - спрашиваю я, стоя посреди зала полным идиотом.

— Хм, ну могла перепутать, конечно. Но ты сходи, проверь. Тебе туда, к лифту.

— …А ты с юмором… Вы все… - бормочу я, двигая к лифту и тряся головой. - …Так а где… ну… решётки на окнах? Стены с колючей проволокой?…

— Всё от Субкхрана никак не отойдёшь?

Подхожу к лифту, и двери передо мной тут же открываются. Внутри никого.

— Заходи, не стесняйся!

Захожу. На дальней стене зеркало. Вижу в нём себя. Господи! Ну и чучело! Чумазый кусок Подземелья в чистой и опрятной полисовской тюрьме.

Двери закрываются у меня за спиной.

— Мне… нужно нажать что-нибудь? - бубню я, продолжая глядеть в зеркало на свою офигевшую рожу.

— Я уже всё нажала. У нас третий этаж. Правое крыло.

Лифт отправляется наверх.

— И чё? Там пацаны в таких же затычках ходят?

— Ну, кто как. Кто в затычках, кто в очках, а кто вообще без всего.

— А чё за понятия тут?

— Понятия? Соблюдай распорядок и правила - и будет тебе счастье.

— Хм… ну допустим…

Лифт уже на третьем этаже. Двери открываются почти бесшумно.

— Иди сперва в душ. Прямо. Прямо-прямо! А теперь направо.

Дверь в душевую сама отворяется передо мной.

— Раздевайся, вещи бросай в корзину справа.

— Целиком?

— Ну конечно! Стесняешься что-ли? Хи-хи! Я всего лишь робот!

— Да не… сейчас…

— Только капсулу не забудь, возьми её с собой.

Снимаю с себя весь свой тюремный прикид, оставшись только в ошейнике, который снять невозможно, и шлёпаю по кафельному полу в душевую кабину. Вокруг идеальная чистота и приятный цветочный аромат. Единственный грязный предмет здесь - это моя одежда. И я сам.

— Включишь, или помочь?

— …Ну давай попробую…

Делаю подзывающий жест рукой. Полсекунды - и на меня падает из душа приятная тёплая водичка. Ох, какой кайф! Я с наслаждением моюсь с ног до головы, взяв мочалку и налив в неё гель для душа.

— Маркос, должна предупредить: вода в *Полисе* хоть и подешевела с момента твоего последнего визита, но всё ещё довольно дорогая.

— А… ну да… Лады, я мигом! А кстати, кто за неё платит?

— За неё платишь ты, Маркос.

Я замираю на месте:

— Как это?

— «Спектрум» не является благотворительной организацией. Всё записывается на твой счёт.

— На какой счёт?

— На тот, на котором будет большой минус, если ты не поторопишься.

— Ох ты, блин…

Быстро смываю с себя пену и выскакиваю из кабинки. Как и чем я буду платить, интересно? Надо будет узнать.

— В шкафчике рядом - полотенце и халат, - говорит Ольга, видимо, заметив моё недоумение через камеры, которые повсюду.

— Халат?...

Открываю шкафчик, и действительно вижу на полках ровно сложенные белоснежные полотенца, и такие же белоснежные халаты, висящие в соседней половине.

— Бери любое полотенце и любой халат.

— Про понятия какие-то спрашивал... - бормочу я, называя себя всеми матерными словами, какие знаю.

Понятия... Ты что, не видишь, кретин: это не тюрьма, это люксовый отель!

Вытеревшись, одевшись в халат и надев бархатные белые тапочки, я выхожу из душевой.

— Ну и что теперь? В номер?

— Ну да. Прямо по курсу. 312 твой.

— Чё, серьёзно???

— Серьёзнее некуда!

Я иду и громко матерюсь на весь коридор - всё равно никто не поймёт.

— Не кричи так. Здесь не полагается.

— Ладно...

Триста десять... Триста одиннадцать... Мой.

Дверь снова открывается сама.

— ...Да чтоб меня черти трахали!

Мне больше нечего сказать при виде «номера», в который меня привели. Идеальный порядок. Ни соринки! Большая мягкая кровать со свежим бельём, диван, кресло, журнальный столик из целикового дерева, видеостена, окна в пол, а за ними - балкон со столиком и стульчиком. И видом на красивый сад и голубое небо.

Неуверенно захожу внутрь.

— Хочешь что-нибудь заказать?

— Заказать??

— Ну да. Кофе или поесть, например.

— Поесть...

Я вдруг понимаю, что очень голоден. Но не успеваю я вякнуть что-то ещё, как на стене появляется россыпь разнообразных блюд, одно аппетитнее другого.

Я падаю в кресло и начинаю судорожно хохотать, давясь и задыхаясь, беззвучно, конвульсивно трясясь и закрыв ладонями лицо.

— Маркос, что с тобой?

— Из… и… и… извини… х-х-х… я просто… просто… это… это слишком хорошо… ох… нет… я… мне… надо…

Заметив на столике бутылку с водой и стакан, я хватаюсь за бутылку, отвинчиваю крышку и пью прямо из горлышка. Сглотнув и переведя дыхание, я пытаюсь успокоиться и просто смириться. Да, в *Полисе* тюрьма - это отель. И преступления, наверное, такие же. А уж если ты совершил что-то действительно страшное, то тебя сошлют в Субкхран, и *там* посадят в тюрьму. Может быть. Наверное. Пусть пока будет так.

Подняв глаза на экран, и глядя на головокружительную кухню *Полиса* я сижу, и собираюсь с мыслями.

— Трудно выбрать? - заботливо спрашивает Ольга.

— Да, Оль… глаза разбегаются…

— Могу предложить буррито. Что-то вроде шаурмы, только мексиканское. Хороший вариант для тебя, ты ведь наверняка отвык от местной кухни.

— Ну давай. Только имей в виду, у меня аллергия на свежие овощи. И на рыбу, скорее всего.

— Да, я в курсе. И я знаю всю историю твоих заказов, так что примерно понимаю твои предпочтения.

— Оля… Что я должен сделать, чтоб схлопотать пожизненное здесь?

— …Ну слава богу! Хоть шутить начал!

Я встаю и брожу по комнате, пока «готовится» мой заказ. Очень хочется плюхнуться в мягкую кровать! Но я знаю, что если это сделаю, то сразу засну. Лучше бы перед этим закинуть в себя что-нибудь съедобное, чтобы во сне не сдохнуть с голоду.

Вижу дверцу рядом с кроватью. Открываю - санузел. Всё блестит и сияет чистотой. Гляжу ещё раз на себя в зеркало. Надо бы побриться. Но в белом халате и с чистой головой я уже выгляжу не так страшно. Решётки… колючая проволока… Зачем всё это? Можно просто сделать так, чтобы ты не захотел никуда убегать! Впрочем… куда вообще можно убежать в *Полисе*, где повсюду камеры и дроны? Да ещё и с браслетом на шее! Здесь всё по-другому. Здесь тюрьма - не способ наказания, а… а что?

— Маркос, твой заказ прибыл.

Выхожу в комнату и вижу, как прилетевший дрон заботливо выкладывает мою еду на столик снаружи, а потом взмывает в небо. Выхожу на балкон. Сажусь на стульчик. Беру в руки сочный мексиканский рулет и вгрызаюсь в него с наслаждением. Боже, какая

вкуснотища! Жаль рядом нет Марин! Она бы спросила: «Ну как тебе?». А Ольга просто вежливо молчит, чтоб не отвлекать меня от трапезы.

— Вот скажи, Оль, - говорю с набитым ртом, - кто сюда садится? За какие преступления?

— Девяносто пять процентов арестантов сидят за киберпреступность. Остальные пять - другие виды мошенничества.

— Киберпреступность…

— Преступления в сфере компьютерных технологий.

— А, вроде Толика…

— Толика?

— Забудь. Не важно. Ну а… убийства там? Изнасилования? Для таких отдельная зона?

— Такие люди не садятся в тюрьму. Они отправляются на комплексное психиатрическое лечение.

— В психушку???

— Ну да. Но это большая редкость. У нас было только три случая умышленного убийства за последнюю декаду.

— Декада - это…

— Десятилетие.

— А…

Жую буррито и моргаю глазами. Три мокрухи за десять лет. С другой стороны… если ты гражданин *Полиса*… если ты живёшь в шикарном доме, наслаждаешься каждый день вкуснейшей едой, а деньги на неё получаешь просто так… и если ты при этом захотел убить кого-то, то тут и правда вариант только один: у тебя плохо с головой.

— А иностранцы?

— Иностранцы… О! Маркос! Тебе звонит Марин-дани!

Вскакиваю со стула и бросаюсь в комнату:

— Принимай!

Вижу на экране лицо Марин, а за спиной у неё - знакомую мне гостиную. Ту самую!

— Привет, красавчик!

— Привет, красавица!

Поиздевались друг над другом!

— Ну как тебе наша тюрьма?

— Как тебе сказать… Очень хочется научиться совершать киберпреступления, чтобы остаться здесь на подольше! У меня тут личный ассистент, Ольга. Возьму у неё пару уроков!

Марин звонко смеётся в ответ:

— Как я скучала по тебе!

— Я тоже. Я думал, мы больше не увидимся никогда.

Мы смотрим друг на друга и молчим. Даже не верится, что у нас есть не пятнадцать минут, а сколько угодно! Что можно вот так просто болтать - пусть даже через камеру - и никуда не торопиться.

— Завтра к тебе придёт адвокат. Его зовут Микаэлос. А сегодня тебе надо как следует отдохнуть.

— Это я умею.

— Нет, не так отдохнуть! - хохочет она. - Поспать как следует…

— А я это и имел в виду! А ты что подумала?!

Какое-то время мы просто болтаем ни о чём.

— Как там Гермес?

— Он очень рад, что ты вернулся.

— Серьёзно? Передавай ему приветик от меня! Кстати, тот чувак, который бросил мне микрофон - это был Ауро, прикинь?

— Да, я разглядела его!

— Трудно не разглядеть! Ты передашь ему «спасибо»?

— Ты сам можешь, - улыбается она.

— Чё правда? Вот так просто взять и позвонить?

— Ну… вообще, в изоляторе контакты с внешним миром ограничены. Но ты уточни у своей Ольги. Микаэлос мог пробить тебе возможность общаться с ним.

— Замётано, сестричка!

— Ох! *Тэос м**и**о!* Уже времени сколько! Мне надо бежать на операцию!

— Операцию?

— Ага. Возвращать лицо на место.

— Да, это тебе не повредит.

— А тебе не повредит побриться, дорогой!

— Не поверишь: только что думал об этом!

Мы прощаемся несколько раз, и снова продолжаем разговор. Как же нелегко прервать связь! Но на таймере внизу уже натикало 35 минут, а мы и глазом моргнуть не успели! Мы отправляем друг другу воздушные поцелуйчики через камеру, и, наконец, после пятой попытки, заканчиваем звонок. Господи, Марк! Что с тобой!

А погода, тем временем, резко портится. Поднимается ветер, а дождь льёт, как из ведра, причём в мою сторону, заливая окна россыпью крупных капель. Буррито! Надо его спасать!

Бросаюсь на балкон, забираю драгоценную еду и добиваю её уже в номере. Назвать его «камерой» язык не поворачивается! Сбрасываю обёртки в урну. Иду в санузел, ополаскиваю руки и вытираю их светло-голубым полотенцем. Падаю в кровать. Улыбка расплывается по лицу, и я моментально проваливаюсь в сон.

Открываю глаза и тут же щурюсь от яркого света. Озираюсь по сторонам. За окном пасмурно, но светло.

— Ольга… сколько времени?

— Восемь утра. Ты прям ровненько проснулся. Доброе утро!

— И тебе доброе. А завтрак до скольки?

— До десяти.

— А… ну норм… думал, просплю нафиг…

Вчера я покемарил днём, но не долго, всего часик-полтора. А потом пошёл исследовать мой «отель». Побродив по коридору, встретил пару «постояльцев» и вежливо поздоровался, только и всего. Потом с помощью Ольги нашёл «чилл-зону» - уютный зальчик с креслами, столиками и диванами, где, в общем, все и тусуются: общаются между собой, играют в компьютерные игры, в настольные. Карты и вообще любые игры на деньги здесь строго запрещены, так что рубятся просто на интерес. Обнаружил любопытную вещь: с ошейником хожу только я один. Остальные без него. Я спросил Ольгу, почему так, и оказалось, что мой ошейник - это вовсе не аналог наручников. Это миграционный браслет! Большинство сидельцев - граждане *Полиса*, и никакой браслет им не нужен. Но в чилл зоне я увидел ещё одного чувака с таким же ошейником, как у меня. Смуглый и волосатый, он сидел в очках и оживлённо водил пальцами, положив руки на подлокотники кресла. Играл, видимо. Я решил ему не мешать и познакомиться попозже.

Потом я вдруг вспомнил, что дико хочу курить, и заказал вейп. Хотел попарить на балконе, но это строжайше запрещено - не всем нравится запах вейпа, так что только внутри номера и с закрытыми створками окна. Пришлось подчиниться.

Ну а потом оказалось, что тут ещё есть спортзал и бассейн! Я, понятное дело, сразу пошёл туда. Плюхнулся в бассейн и плавал не меньше часа. Первый раз в жизни купался в такой чистой и прозрачной водичке! Этот кайф невозможно описать! Дело было уже к вечеру. Я наплавал себе такой аппетит, что до спортзала просто не дошёл - побежал в номер и

схомячил совершенно безумную гору еды. Почистил зубы. Повалился спать. И так и не побрился.

Но перед сном Ольга успела спросить меня про завтрак - заказывать мне или нет. И что он с восьми до десяти. Я только ответил «да», не вдаваясь в подробности. Через минуту уже спал. Ну и вот, проснулся, как по будильнику.

— Так а что за завтрак-то, Оль? Какой-то совместный, чтоль, с другими сидельцами?

— Да, он проходит внизу, на первом этаже, в кафетерии. Сможешь познакомиться и пообщаться со своими соседями.

— О! Это мне подходит! Туда можно прям в халате?

— Ну да. Другой-то одежды у тебя всё равно пока нет.

— А её можно сюда заказать?

— Конечно можно!

— Офигеть! А что тут вообще нельзя? Ну кроме курить на балконе.

— Тут много ограничений, Маркос. Изолятор есть изолятор. Но понимаю, что после субкхранской тюрьмы для тебя это место выглядит, как рай.

— А ты много знаешь про субкхранскую тюрьму?

— Почти ничего. Но ты же мне расскажешь?

— Обязательно!

Сказав это, я выхожу в коридор и двигаю к лифту. Уже в лифте вспоминаю, что забыл наушники в номере, и Ольга теперь не на связи. Но думаю: ладно, попробую сам как-нибудь. Даже интересно!

— *Уно*, - говорю я лифту, и он послушно отправляется вниз.

Двери открываются. Синий ковёр на полу и стеклянная стена напротив. Сквозь неё видна улица. Из соседнего лифта выходит парень и уверенно идёт куда-то в левую сторону. Я двигаю за ним и очень скоро оказываюсь в том самом кафетерии. Пахнет кофе, выпечкой и чем-то жаренным и очень вкусным! Сглатываю слюну и подхожу к огромному столу или стойке. Там разложена еда. Несколько сидельцев ходят вокруг с тарелками, а я ничего не понимаю. Где раздача-то? Почему жратва лежит просто так?

— *Табла свэдис эрис, сиблэрито!* - поясняет мне один из парней, явно заметив моё смущение. - *Прэнэди ра мэнди!*

Первую часть я вообще не понял, но вторая значит: «Бери, что хочешь!». Да ладно!

— *…Да рамдэни мэнди!* - добавляет он, подмигнув и показав пальцем.

«…И сколько хочешь!». В смысле, сколько хочу? Да как это так!

Но вижу, что другие подошедшие и правда наваливают себе в тарелки всего, чего хотят, совершенно не стесняясь. Интересно, а за *это* платит кто? Надо будет у Ольги поинтересоваться.

Беру себе пару круассанов с сыром и ветчиной, и накачиваю огромную чашку кофе. Ах, какой аромат! Делаю глоток, и аж вздрагиваю. Вот это жизнь! Докидываю в тарелку пару варёных яиц. Прохожу мимо орехов, протянув вначале руку, но потом передумав - кто его знает, как они на меня подействуют. Хотя лесной орех я вроде жрал однажды, и ничего не было. Но лучше не рисковать. Вот если б тут были жаренные лягушки…

Замечаю, что человек пять собралось за большим столом, и ещё есть свободные места. Двигаю туда. Все сплошь молодые парни, притом весьма приятные на вид. Средний уровень мужской красоты здесь на порядок выше, чем в Подземелье. Что-то трут друг с другом и хохочут во весь рот.

Подсаживаюсь. Один из них узнаёт меня:

— *Э**э**бо! «М**а**ркосэ Либэрэнди!» Бонав**и**тас, бр**о**!*

— *Бонав**и**тас, рэгэси.*

— *Ха! Даон**и**трэ гн**о**зи!*

— *Г**э**нзо*, - улыбаюсь в ответ, а они дружно хохочут.

Удивительно, но мой сильно хромой *даон**и**три* нам нисколько не мешает! Мы быстро знакомимся, и они узнают про меня и мой суд, а я - про них и их преступления. Компьютерные мошенники или взломщики. Все, как один. Кто-то своих обувал, а кто-то «работал» с заграничной «аудиторией».

— *Х**а**кериси!* - говорю, хлебнув кофейку.

В ответ они смеются и одновременно хмурятся - я такого никогда не видел! Смысл их мимики: «Да брось, какие хакеры, ну куда нам до них!»

Но тут я вспоминаю про Толика. Он говорил, что хакерский мир тесен, и просил передать привет. Ну, мне не сложно!

— *Бонав**и**тас дэ…* Толик, *рэгэси.*

Тишина. И не понимающие лица. Ну что ж, неудивительно.

— *Т**о**ликос ма???* - вдруг вскрикивает один из них, вытаращив глаза. - *Т**о**ликос дан Субкхран**э** ма???*

— *Ки, Т**о**ликос!*

— *Э**э**бо… **И**ри ин т**у**рмосэ ма?*

— *Т**у**рмосэ… ра **э**рис?*

— ***А**бо,* турма!

— А, тюрьма! Нет, ***а**нто. Л**и**бэрис **э**рис.*

Так мы и болтаем дальше, и оказывается, что хакерский мир и правда тесен. Я рассказываю им про подземельную тюрьму. Все их эмоции от моего рассказа на лице, яркие и выразительные. Парни энергично переглядываются, выпучивают глаза, хватаются за лица, запрокидывают головы. Каждая моя фраза - и бурная реакция в ответ. Непривычно! И очень прикольно!

По пути обратно в номер замечаю на своём этаже того смуглого волосатого парня в ошейнике. Он стоит и потягивает вейп в общей зоне напротив лифтов, в специально отведённом уголке с вытяжкой. А я-то свой забыл! Ладно, раз он курит, значит там мы с ним точно скоро встретимся.

Захожу в номер, сразу отправляюсь чистить зубы и параллельно болтаю с Ольгой.

— Оль, ты мне не рассказала про иностранцев. Я вот тут видел одного. За что они садятся? Тоже за киберпреступность? Я просто логики не пойму: нафига их сажать и кормить? Проще же депортировать нахрен.

— Да, Маркос, всё верно, и обычно так и делается - просто депортация с тем или иным сроком запрета на въезд, иногда пожизненным. Но бывают случаи, когда-а-а-а-а-а-а…

Ольгу вдруг заклинивает. Она зависает на последней букве «а», повторяя её часто и отрывисто.

— Ольга? Что с тобой?

Тишина в ответ. Выглядываю в гостиную. На видеостене - входящий звонок. От абонента со странным и незнакомым мне именем.

Сплёвываю пасту и быстро вытираю рот.

— Принять.

Подхожу ближе. Звонок принят, но картинка не появляется. Идёт загрузка…

Сажусь в кресло, продолжая пристально смотреть в экран. Что за хрень такая? Может, кто-то из тех утренних хакеров балуется? Решил подшутить надо мной?…

Картинка появляется. Вначале размытая, но потом проясняется и я вижу…

— Дарова, арестант!

— Толик???

— Как жизнь молодая? Как устроился?

— Вот это нежданчик! Как устроился… Да офигенно! Как король!

— Да я вижу, хе-хе!

— А у тебя как?

— Да в общем тоже ничё! С тобой тут полковник поговорить хочет, - Толик оглядывается. - Тащ полковник, четвёртый на связи, как и обещал! Передаю трубку.

В камере появляется бородатая и страшная рожа в круглых тёмных очках:

— Крот на связи!

— Господин полковник!!! - кричу я, чуть ли не вскочив с кресла.

— Здравствуй, четвёртый. Как там обстановка?

— Всё ровно! Не жалуюсь! Вот, в тюрьме сижу.

— В тюрьме, да? С такой тюрьмой и свободы не надо.

— Ха-ха! Это точно, господин полковник!

— Ну и что дальше? На сколько ты сел?

— Дальше суд. И говорят, он будет очень скоро. Готовлюсь. Ну а дальше - дальше суд решит, что дальше.

— Суд… Такой же, как у нас?

— Нет, господин полковник. Здесь всё по закону. Поэтому у меня есть шанс. Буду биться!

— Ну дай бог. Хочу тебе сказать спасибо, четвёртый. За Толика. Ну него золотая голова. Он тут за один день сделал столько, сколько мы… за десять лет… Мы теперь этих грёбаных слизней так за яйца схватим, что у них глаза выпадут! Марк. Если что-то нужно… если чем-то можем помочь - мы всегда готовы и всегда на связи. Толик тебя проинструктирует. Всё. Отбой.

В камере снова появляется жёлтая физиономия Толика. Он оглядывается и дожидается, когда Крот уйдёт.

— Да, слушай… И от меня спасибо. Молодец, что меня вытащил. Тут, конечно, пободрее, чем в тюрьме, - он говорит, слегка понизив голос. - Эти вояки - они ребята малость с ебанцой, но в целом голова у них на месте. Не то, что у тех наших, зоновских, - и продолжает в полный голос.

• Ну и доступ в сеть без ограничений - это, конечно, совсем другой

футбол! Так что мне пока всё нравится, и все эти анальные приключения были не зря!

— Я рад, что ты воткнулся в нужное место, Толик.

— Хе-хе, да, всё так! Насчёт связи. Запиши номер, международный.

Я хватаюсь вокруг:

— Бляха, записать-то и некуда! Погоди…

Бросаюсь к умывальнику, хватаю зубную пасту и возвращаюсь за журнальный стол:

— Диктуй.

Толик диктует мне номер, а я мазюкаю его зубной пастой по столу. На свою память я уже не надеюсь, хотя телефоны Алмаза и Крота в своё время быстро заучил наизусть и помню до сих пор.

— Записал?

— Ага.

— Просто набираешь и сбрасываешь. Я это увижу и сам тебе наберу. Просто маякни и жди звонка. Понял?

— Понял.

— Добро. Ну, тогда не прощаюсь! До связи, братуха!

— Давай, Толик. Пока!

Связь прерывается.

— …э-м-м, бывают случаи, когда… - раздаётся голос Ольги. - О! Как ты быстро переместился. Что это у тебя на столе?

— Номер телефона. Запиши его, пожалуйста. Этот номер очень важен. Пометь его как… Спайдермен. Хорошо видишь цифры?

— Да.

Ольга повторяет мне номер телефона.

— А ты точно его не забудешь?

— Нет, он записан в твою персональную базу знаний. Она супер-надёжная.

— Ну отлично!

— Ох! Как же я пропустила! К тебе идёт твой адвокат! Он уже на нашем этаже!

Я бросаюсь к умывальнику, хватаю полотенце, обливаю его водой, рывком перемещаюсь в гостиную и вытираю со стола телефонный номер. Быстро швырнув полотенце в корзину, прополоскав рот от остатков зубной пасты и глянув в зеркало, иду к двери и как раз в этот момент слышу стук.

Открываю. На пороге - загорелый, кудрявый, светловолосый юноша модельной внешности, с зелёными глазами. Одет по-деловому, но не слишком строго: светлая рубашка и узкие бежевые брюки со стрелками. И очень солидного вида светлые ботинки.

— Здравствуй, Маркос! Меня зовут Микаэлос. Я твой адвокат, - говорит он на чистейшем *субкхранитри*.

— Привет! Проходи, - говорю я, слегка смутившись, и протягиваю руку.

Потом одёргиваю себя: чёрт, тут же так не принято здороваться! Надо…

— Давай-давай! По-субкхрански! - поддерживает он, высоко подняв ладонь.

И мы жмём друг другу руки с размаху и с громким хлопком, как настоящие пацаны!

— Вот так! Ха-ха! Ну, куда тут у тебя можно сесть?

— Да вот… на диван… или на кресло…

— Ты сам где обычно сидишь?

— На кресле.

— Всё понял!

И он приземляется на диван, положив руки на колени, скрестив пальцы и цокнув языком.

— Давай начнём с кофе.

— Да… Оль… предложи гостю кофейку.

Вся стена тут же заполняется различными видами кофе:

— Какой вы предпочитаете, *гранд**а**ри*?

— Любой африканский фильтр подойдёт.

— А мне капучино, - говорю следом.

— Ещё что-нибудь?

Мы переглядываемся.

— Нет, пока всё.

— Заказ принят. Пять минут, господа.

Микаэлос смотрит на меня своими тёмно-зелёными глазами, хитро улыбаясь:

— Как-как её зовут??

— Ольга.

— Подземельное имя.

— …Да.

— Сам придумал? - подмигивает он.

— Нет. Не знаю, кто. Может быть, Марин?…

— *Би**е**н*. Это не важно. Важно вот что.

Снова скрестив пальцы, он смотрит в пол, собираясь с мыслями.

— Твоё дело, Маркос… Ты появился очень вовремя. Как раз тогда, когда общество всерьёз задумалось о… о «проблеме Субкхрана», давай так это назовём.

— А раньше не задумывалось?

— Неа, - отвечает он безо всякой паузы, сделав беспечное лицо. - Мы классные ребята, правда?

— Ну… в целом-то да…

В ответ Микаэлос широко улыбается своей безупречной белозубой улыбкой. Как странно. Он очень молод. Но и в голосе, и во взгляде читается глубочайшая искушённость и

крепкий жизненный опыт. Это совершенно сбивает с толку, но в то же время вызывает невольное доверие. Он как будто ведёт меня за руку с самого первого момента нашего знакомства, и точно знает, куда идти.

— Этот процесс невероятно важен. Скажу без преувеличения: за ним будет следить весь *Полис*. И от него зависит, что будут делать по поводу Субкхрана дальше. Исход твоего дела создаст прецедент. Это значит, что во всех аналогичных делах в дальнейшем судьи будет ориентироваться в первую очередь на то, какое решение было принято по «делу Маркоса». Понимаешь?

— …То есть, - говорю я, сглотнув, - я либо прорублю другим дорогу, либо окончательно закрою дверь?

— Именно.

Быть человеком - большая ответственность. Иногда слишком большая.

— Ох… Ну и как ты оцениваешь мои шансы? Только честно.

Он смотрит мне в глаза:

— Пятьдесят на пятьдесят.

— Ну… так это хороший шанс!

— Согласен. Ну что? Играем? - подмигивает мне Микаэлос.

Чёрт! Я бьюсь об заклад, он поигрывает в покер втихаря! Я чувствую в нём игрока! И это классно! Мне попался хороший адвокат!

— Играем. Олл ин.

— Отлично! Знаешь ли ты, что такое суд присяжных?

— Понятия не имею.

— Тогда с этого и начнём.

Открывается дверь. В комнату плавно закатывается дрон с нашим кофе.

Сделав глоток, Микаэлос начинает рассказывать мне суть того, что нам предстоит. Слушание состоится в Главном Суде Третьей Префектуры. Против нас играет прокурор Грэгорис-литиос. Кто будет судья, пока неизвестно. А присяжные - это вообще какая-то фантастическая штука! Наберут 12 случайных граждан. Они будут присутствовать на процессе от начала и до конца, и должны будут в конце решить одну-единственную вещь: виновен я или нет.

— Так что нам нужно будем произвести на них хорошее впечатление. Впечатление здесь играет ключевую роль. Тебя обвиняют по трём статьям: «Незаконное пересечение границы», «Контрабанда оружия» и «Создание угрозы общественной безопасности»…

— …Неплохо.

— …Да, хороший набор. Но наша стратегия тут следующая. На «Незаконное пересечение границы» мы говорим: никакой границы нет.

— …Э-м-м… то есть…

— Субкхран - это часть *Полиса*. Скушайте и не подавитесь.

— Прям вот так…

— Ты чувствуешь масштаб? Чувствуешь, какая ставка на кону? Ведь это сейчас, по сути, открытый вопрос.

— …И если мы победим, то тогда вопрос закрыт: Субкхран - это *Полис*.

— В точку.

— Уфф…

— А ты думал, легко быть супергероем?

Он как будто насквозь меня видит!

— А с оружием что?

— Контрабанда - это умышленный провоз с целью получения выгоды. Очевидно не твой случай, и мы сможем легко это доказать. Первый пункт куда тяжелее.

— Ладно… А угроза безопасности?

— Нам нужно будет доказать, что ты не опасен. Здесь *ав**и**нис-т**о**тис прэз**у**мпциа* на твоей стороне. Подсудимый считается невиновным по-умолчанию. Если непонятно, виновен или нет, значит невиновен.

— …Круто!

— Ещё как! Поэтому здесь нам в принципе достаточно просто разгромить доводы обвинения и свести ситуацию к «всё неоднозначно», но: впечатление, помнишь? Присяжные должны тебя полюбить. В конце процесса они должны быть уверены в том, что ты и мухи не обидишь! Но самое идеальное - привести их к выводу, что ты полезен *Полису*. Ты и такие, как ты.

— …А чем я полезен?

— Маркос, - говорит мой адвокат, глотнув кофе и качая головой. - Ты меня удивляешь.

— Ну правда!

— *Полис* любит уникальность и необычность. То, что у тебя есть в избытке. Подумай об этом на досуге. А ещё подумай над тем, что ты знаешь такого, чего не знает большинство людей в *Полисе*. Уверен, найдётся многое. Пока что просто подумай. А затем мы будем выстраивать тактику.

Он делает ещё один глоток и смотрит на меня, улыбаясь:

— А сейчас: расскажи мне всю свою историю, от начала и до конца. Настолько детально, насколько возможно. Имей в виду: эти сведения будут защищены законом об адвокатской тайне. Я не вправе разглашать эту информацию, и никто не вправе от меня этого требовать.

— Я рассказывал свою историю Марин. Это заняло несколько дней.

— У нас есть это время. И если мы не успеем за сегодня, то я приду к тебе и завтра, и послезавтра, и столько раз, сколько потребуется. Уж за две-то недели мы справимся, правда?

— Суд через две недели?

— Предварительно да. Но слушание ещё перенесётся пару раз, я почти уверен. Ну что, повторишь ещё разок?

Мы дошли до шестого круга. Мы с Микаэлосом. До того момента, как я пролезаю в дырку под стеной. Дальше уже просто не было сил. Микаэлос задавал очень много вопросов, и всё фиксировал на свой диктофон. Был только один кусок, где он слушал молча и затаив дыхание: про мою игру на турнире. Он стопудово играет. И кто знает, может он один из тех «гостей», кто спускается в казино Сапфир?... Надо будет поинтересоваться, когда он завтра придёт снова.

Значит, Субкхран - это *Полис*. Такая у нас стратегия? Помню, как я кидался стульями в штаб-квартире Ауро. А теперь что? Теперь я, по сути, собираюсь биться ровно за то, что *Асэндэ**о**м Унэнто* объявил своей целью с самого начала. Вот так ты и переобулся, Марк! Прямо в воздухе. Но если Субкхран - это *Полис*, то кто тогда люди, живущие там? Граждане *Полиса*? И каждый из них, в таком случае, имеет право беспрепятственно подняться наверх? Или их всех нужно прогнать из Субкхрана как не-граждан? Что с ними делать-то?! Ох... только начнёшь думать - башка трескается! И всё это зависит от того, выиграю я суд или нет! Быть человеком - большая ответственность. Гермес прав. И Марин права. Марин! Надо позвонить ей!

— Ольга! Набери Марин!

— Хорошо, Маркос, вызываю Марин-дани.

Секунд десять я просто жду.

— Привет, Маркос-либэрэнди! - слышу я немного сдавленный, но весёлый голос. - Это ты так у меня отображаешься, прикинь! Видно, миграционная служба просто не знала, как ещё тебя назвать! Как дела?

— Нормалёк. Вот только сейчас с Микаэлосом тёрли. Часов пять. А ты чего без картинки?

— Ой, нет, тебе не надо этого видеть. Я сейчас похожа на древнеегипетскую мумию. Но это всего на пару дней. Потом буду, как новенькая! Ну и как тебе Микаэлос?

— Мне кажется, он играет в покер.

— Серьёзно??

— Да. Не знаю, как объяснить. Чувствуется игрок в нём. Ну и опытный он. Говорит на нашем идеально, выраженьица знает… Да и в целом шарит за Подземелье, как будто жил там сам.

— У него около тридцати лет серьёзного опыта по делам, связанным с Субкхраном.

— Тридцати лет?… А самому ему сколько?

— Пятьдесят четыре… Он мне по секрету сказал. Эй! Что с лицом?

Это она про мою отвисшую челюсть.

— Я… он… Чёрт! Никак не могу привыкнуть! Он выглядит лет на двадцать!!

— Это *Полис*, детка! Ох! Маркос, мне нельзя смеяться… Но… хм!… но для адвоката это не так уж много. Просто его опыт во многом уникален. И он очень талантливый. То, что мы смогли его нанять - большая удача!

Марин не нужно меня долго убеждать в том, насколько Микаэлос хорош. Думаю, нам с ним и правда повезло.

Мы с Марин вспоминаем наши недавние приключения. Ей очень трудно не смеяться, а мне - не шутить. Она присылает мне ссылки на выпуски новостей. Везде мои фотографии. Одна из статей называется «*Биенк**а**о!*», и там моя улыбающаяся небритая рожа перед тем, как я сажусь в ментовоз. Грёбаный свет, я ж так и не побрился до сих пор!

С Марин я могу болтать бесконечно, не замечая времени. Когда уходил Микаэлос, дело шло к закату, но бросив случайный взгляд в окно я вижу, что на дворе уже глубокая ночь. Я совершенно забыл про ужин, и вообще про всё. Но ей надо отдыхать. Она после операции, и притом, я думаю, непростой. Кое-как, с пятого раза, мы, наконец, прощаемся и разъединяемся.

— Ольга, я понимаю, что уже час ночи, но мне нужна долбаная бритва!

На следующее утро я снова иду на завтрак и общаюсь со своими соседями. В разговоре с ними выясняю, что в *Полисе*, оказывается, есть телесные наказания! Тут тоже шарахают людей током! Но не для того, чтобы выбить признание, а в качестве меры пресечения. Судья может назначить пять ударов. В народе - *ч**и**нко кур**а**нтэ*. Напряжение подбирается так, чтоб не навредить здоровью, но чтоб было очень неприятно. После процедуры полагается бесплатный психолог. Назначают редко - лишь в тех случаях, когда судья уверен, что штраф не поможет. Обычно всякого рода хулиганства, повторяемые несколько раз подряд.

— Это такой полицейский фокус, - объясняет мне один из соседей. - Сама возможность схлопотать *ч**и**нко кур**а**нтэ,* даже гипотетическая, заставит тебя подумать лишний раз.

По пути обратно в номер снова встречаю смуглого волосатого парня в курилке. Но на этот раз и вейп, и наушники у меня с собой. Подхожу и встаю рядом, доставая свою дудку:

— Привет!

Он бросает на меня взгляд сквозь затемнённые очки:

— Хола, амиго!

А наушники мне переводят его же голосом:

— Здравствуй, друг!

Зовут его Рака. Он из Техаса, но вообще - мексиканец. Присел за крупную финансовую махинацию на территории *Полиса* - умудрился взять кредит под залог недвижимости, которой у него и в помине не было. Для этого въехал по ограниченной рабочей визе, которую выбил, в общем-то, тоже обманным путём.

— А чё тебя не выперли?

— Мне дали выбор: либо пожизненный бан на въезд, либо вернуть все долги.

— И ты выбрал вернуть?

— Ну как видишь.

— А как же ты вернёшь, если тебя закрыли?

— Закрыли, но работать-то дают, - говорит он, щёлкнув по очкам.

— А, то есть, типа: «Сиди, отрабатывай»?!

— Ну да.

— Но а здесь-то гостиница тоже не бесплатная!

— Да, так что надо вкалывать как следует.

Рака вынужден работать так, чтобы долгов у него постепенно становилось меньше, а не больше. Так было не сразу. Первое время долг за «гостиницу» рос быстрее, чем он успевал его закрывать. А ещё проценты по тому, первому долгу. Первый год бедняга был готов сдаться. Но потом выровнялся, и сейчас его долг идёт на сокращение.

— И сколько ты уже здесь?

— Три года с небольшим, брат.

— А сколько ещё надо работать, чтобы всё погасить?

— …Ну ещё лет десять.

— Немало…

— Да, но я хочу со временем найти работу получше. Опыт нарабатываю. А ещё тут есть благотворительные организации. Ну, добрые ребята. Помогают таким как мы закрыть долги.

— Да ладно! С хрена ли?

— Ну… каждый же может ошибиться, правильно? Вот они и собирают донаты, чтоб помочь тем, кто ошибся.

— То есть ты признаёшь, что ошибся?

— Ну да… Но им этого мало, брат. Они должны прям видеть, как ты стараешься. И что ты и правда исправился. Кто его знает… Может, так и встану на путь истинный? Знаешь, ведь есть немало народу, кто так гражданство получил.

— Да ты чё? Через тюрягу?!

— Смешно, но факт. Начинают новую жизнь. Кто такой, по-твоему, сенатор Луис-чанос? Китайский хакер по имени Чан Люй. У него приобретённое гражданство. Так же сел, как я. И пахал, как проклятый, лишь бы остаться в *Полисе*.

Не надо никаких решёток и колючей проволоки. Просто посади человека туда, откуда он не захочет уходить. И покажи ему то, ради чего он будет готов вламывать круглые сутки. Я был неправ: полисовская тюрьма не похожа на бизнес-центр - это и есть бизнес-центр.

Микаэлос приходит вскоре после того, как я возвращаюсь в номер. Первым делом он заказывает свой обычный африканский фильтрованный кофе, а я прошу Ольгу привезти мне то же самое - стало интересно, что он там пьёт. Фильтр-кофе - интересное пойло. Ничего лишнего. Только суть. Кисловатый, но в то же время приятный на вкус. И запах мне нравится.

— Ну что ж, продолжим? Значит ты пролез через эту дыру под стеной и оказался на шестом круге. Что ты увидел?

— Пустошь. И жилой район метрах в ста. А ещё, пройдя немного вперёд, почувствовал странный запах. Но как-то не придал значения - мало ли разных запахов в Подземелье? И дохлятины вокруг было побольше, чем обычно на пустырях. Но это я тоже проигнорировал. Мне было интересно, что за район. Выглядел он новеньким.

И я рассказываю Микаэлосу о детях в противогазах и о том, как я чуть не умер, и как меня спас инженер-химик по имени Егор. Адвокат тихонько кивает головой, поджав губу и сосредоточенно слушая.

— …Вредное токсичное производство, - говорит он. - Совсем рядом. Прямо под ногами. Удобно. И много там живёт людей?

— Егор не сказал. Сказал только, что «немного». А сколько это именно… Может тыща. Не знаю…

— Продолжай.

Я двигаю дальше: про выход из района, про то, как ехал на мотоцикле, про рынок и про мою неуклюжую попытку дать гвардейцу взятку. Потом погоня, бегом от полиции…

Микаэлос вдруг замирает ни с того, ни с сего.

— Судья Сату-клэрис, - объявляет он, подняв палец. - Не так плохо. Суровая дама, но справедливая.

Я оглядываюсь по сторонам, пытаясь понять, откуда он это взял. В ушах у него ничего нет, а диктофон лежит на столе.

— Ты… это… только что узнал?

— Да.

— Каким образом?

— Хе-хе! Секретным. Вот выиграешь суд - и расскажу. Это неплохо, что она судит. По крайней мере, не будет предвзятости.

— На неё тоже надо произвести впечатление?

— О-о-о!… Забудь! С ней это бесполезно. Ты это сразу поймёшь, как только её увидишь. Но напомню тебе: судья не решает, виновен ты или нет. Судья выбирает меру пресечения. Но если присяжные скажут «виновен», то это наверняка будет депортация с пожизненным запретом на въезд. Так что не рассчитывай на милость - рассчитывай на победу.

— Принято.

— Итак, полиция. Ты искал, где от неё скрыться.

— Да, и думал сперва где-нибудь в подъездах, но это слишком стрёмно - оттуда уже никуда. А если у них собаки, так отыщут быстро. И тут в голове как будто щёлкнуло: метро! Да, про которое тот чел рассказывал, что там живут вояки и жрут людей. Я сразу решил, что это полная пурга. Ну и двинул туда, что есть ног. Добежал до входа, двери такие стеклянные, но крепкие, а внутри - темнота. Замок открывается в два счёта, никаким взломщиком быть не надо: достал пассатижи, повернул - и готово. Ну и я - шнырь! - внутрь. Врубил фонарик - и по лестнице бегом вниз, сколько есть высоты. Ну, по ступенькам этим. По эскалатору. Ну и… спустился, короче, а через три месяца вышел на четвёртом круге. Вот так.

Микаэлос смотрит на меня так, будто это шутка.

— А… поподробнее?

— Поподробнее не могу. Обещал ничего про это не рассказывать.

— Кому обещал?

— Этого тоже рассказать не могу.

Он закатывает глаза:

— Маркос. Ты не можешь скрыть от меня эту информацию! Она, возможно, наш ключ к победе, понимаешь? Я же тебе говорил про адвокатскую тайну, и…

— Знаю, знаю. Но, всё-таки… - бубню я, глядя на гладкую деревянную поверхность журнального стола. - Всё-таки… Стоп! У меня идея. Микаэлос, ты можешь выйти в коридор? Не надолго! Пока не спрашивай, зачем. Если получится - всё сам поймёшь.

Он иронично улыбается:

— Ты позвонишь этому человеку?

— Я попробую.

— Ну что ж…

Адвокат встаёт и, забрав стаканчик с кофе, уходит за дверь.

— Ольга.

— Да, Маркос!

— Помнишь номер, который я тебя просил сохранить? Спайдермен.

— Да, конечно!

— Набери-ка его.

— Набираю…

Мы ждём пять секунд… десять…

— Пока не отвечает.

— Сбрасывай.

— Ладно.

— И поспи.

Сижу и жду. Делаю глоток кофе. Ну, если у Толика и правда золотая голова, то сейчас должна…

Вижу входящий звонок!

— Принять!

Загрузка. Мутная картинка. Что-то тёмное на экране, а посередине - овал башки. Явно той самой башки! Золотой!

— Толик! Толик, это ты?!

— Здарова! Как слыхать?

— Ничё, норм! Только видно пока плоховато!

— Это сейчас пройдёт. Ну чё, как там оно? Так там твой отель под названием «тюрьма»?

— Всё отлично! Мне надо срочно с Кротом перетереть! Он далеко?

— Не, близко. Ща позову…

Толик отходит от камеры. Слышен его голос вдалеке:

— Тащ полковник!... Тащ полковник!...

Я выглядываю в коридор и жестом показываю Микаэлосу: «Ещё одну минуту». Возвращаюсь обратно. Жду. В камере появляется другая голова, бородатая и в очках:

— Крот на связи.

— Здрасьте, господин полковник!

— Здравствуй, четвёртый. По какому вопросу?

— Господин полковник... Ох... это, в общем... помните говорил, что у меня суд будет...

— Давай короче! Без соплей! Что от меня нужно?

— Мне нужно согласие от вас на то, чтобы я рассказал своему адвокату всё, что со мной было в метро! - тараторю я в ответ.

— Адвокату? А где этот адвокат?

— Поговорить хотите?

— Ну конечно!

— Две секунды!

Я выскакиваю за дверь и криком зову Микаэлоса. Он швыряет стаканчик на пол и быстро идёт ко мне. Заходит в номер.

— Господин полковник, вот мой адвокат! Его зовут Микаэлос. Микаэлос, это полковник Крот.

— А-а-а... здравия желаю, господин полковник! - выдаёт Микаэлос с неожиданной для меня уверенностью. - Я Миша, адвокат Марка! Буду защищать его в суде. Нужна от него информация по метро, для защиты. Она не будет разглашаться. Это только для меня. В *Полисе* действует закон об адвокатской тайне, и он гарантирует...

— Ладно, закон, не закон - это можешь мне не рассказывать. Мне важно вот что. Червёртый, ты этому парню доверяешь, как себе?

— Так точно, господин полковник! Как себе самому.

— Хорошо. Миша, посмотри мне в глаза и дай честное слово, что ты никому не расскажешь то, что расскажет тебе... этот юноша.

— Даю честное слово, господин полковник, что информацию, полученную от Марка, сохраню в строжайшей тайне.

— Добро. Четвёртый, расскажи ему всё.

Так быстро.

— Спасибо, господин полковник! - говорю я, мысленно подпрыгивая на месте.

— На здоровье. Ещё что-нибудь?

— Это всё, господин полковник!

— Ну, - говорит он, едва заметно улыбнувшись сквозь бороду, - удачи там. В суде.

— Спасибо!

— Отбой.

Связь прерывается. Ольга по-прежнему спит.

— Как ты до него дозвонился? - сверлит меня взглядом Микаэлос.

— Вот выиграю суд - и расскажу тебе.

«Лицом к двери, руки на стену!» - вспоминаю я, стоя перед дверью в комнату для свиданий. Здесь ничего похожего. И времени дают час. А если есть важный повод, то и больше. И время можешь забронировать, какое тебе удобно. Если только оно уже не занято.

Захожу. Уютная комнатка с мягким стульчиком перед стеклянным окошком, а на той стороне - Марин. Со своим настоящим лицом. И волосы снова чёрные. Только короткие. Глядит на меня наигранно-оценивающе, взявшись за подбородок и наклоняя голову то влево, то вправо.

— Ну как тебе?! - говорю, изображая её.

— Совсем неплохо! Но хочется добавить немного дерзости. Как в тот момент, когда ты ответил журналисту.

Это мы про мой новый прикид, который я наконец-то собрал вчера.

— Сам подбирал?

— ...Ну, как бы да, но... в основном, конечно, Ольга помогала.

— Ольга?

— Мой ассистент. Я был уверен, что это ты придумала имя!

— Я??? Меня никто не спрашивал!

— Хм... значит... Значит это всё те же креативные ребята из миграционной службы?

— Кажется, я совсем не зря плачу налоги! За такое я бы и добавила!

— Тщщщ! Они ведь услышать могут...

Стекло здесь сплошное и толстое. Мы разговариваем через динамики и микрофон, но я не могу взять её за руку, как тогда в Подземельной тюрьме. А очень хочется.

— Как продвигается с Микаэлосом?

— Ещё одна встреча - и дойдём до конца.

— Ты знаешь, что я буду свидетелем от обвинения? - говорит она ледяным голосом.

— Да, он сказал мне. И сказал, что обвинению это не поможет.

— Я обязана буду свидетельствовать против тебя.

— Это он мне тоже объяснил.

— Я… я не знаю, что делать, Маркос…

— По-моему, ты больше меня переживаешь об этом! - улыбаюсь я, а она кивает в ответ молча и часто-часто. - Что делать… Говори правду, Марин. Правда ведь на нашей стороне, так?

Она тяжело вздыхает и качает головой:

— Правда в этом деле на стороне того, кто будет убедительнее.

— Значит нам надо быть убедительнее всех. М?

Я прислоняю ладонь к стеклу, а она касается стекла с той стороны:

— Угу…

— Зацени!

И я показываю ей свой шестиугольник на левом запястье.

— Классная, - улыбается она. - Лучше, чем твои остальные.

— Бил настоящий мастер!

— В тюрьме?

— Ну а где же ещё? Знаешь, я пока сидел, вдруг понял одну штуку. Ведь у вас же… у вас всех, получается, День Рожденья в один день! Это правда?

— Да!! - смеётся Марин. - Это общегородской праздник! Он так и называется, *Н**а**тис-т**о**тис Дрэ*!

— 31-го августа?

— 28-го!

— Почти угадал!

Мы смеёмся, глядя друг другу в глаза, и забываем обо всех трудностях!

— А те, кто с приобретённым гражданством?

— Их всё равно поздравляют в этот же день!

— Хм… поменять имя - это ещё куда ни шло. Но поменять День Рожденья!…

И мы снова хохочем! А я вдруг вспоминаю:

— Слушай: а как зовут того сенатора, который выписал тебе пропуск в Подземелье?

— Луис-чанос. У него, кстати, тоже…

Но я подпрыгиваю на месте, хлопнув ладонями. И тут же рассказываю ей про мой разговор с Ракой.

— Да, вот так некоторые и находят дао… - говорит она. - Маркос. Я хочу поблагодарить тебя. Ты помог мне найти своё дао.

— Серьёзно? И что же это?

— То… чем я занималась последний год.

— Вытаскивание моей задницы из Подземелья?

— Да! Но… там много… и других задниц. Помимо твоей.

— Ты хочешь быть, как Ауро?

— Немного по-другому. Но да. Этот год… знаешь… он был таким…

— Насыщенным.

— Да! Насыщенным и… осмысленным! Всё стало вдруг так понятно. Что важно, а что нет. Чему меня в школе учили не зря, а что было бесполезным. И каждое утро я просыпалась с чувством, что я…

— Суперменша!

— Да! Да!!

— Когда ж ты в школу-то ходить успевала? У тебя же двенадцатый класс.

— Я взяла отпуск. *Вак**а**нциа акадэмикос.*

— Понятно. Всё что угодно, лишь бы не учиться!

Чем хороша эта стекляшка, так это тем, что она не может сейчас швырнуть в меня чем-нибудь. А я по глазам вижу, что ей сейчас хочется именно этого!

— Хотел у тебя спросить ещё одну вещь. Ты… на полном серьёзе ревновала меня к Гелиосу??

— К Хэлиосу??? С чего ты взял?!

— Ты вся красная!

— Ах!… Значит, капиллярная сеть уже восстановилась! ***Эбо***…
• она хватается за зеркальце, которое, видимо, носит на всякий случай с

собой, - вот это технологии!

— И поэтому я тебе ещё раз говорю: не вздумай врать в суде!

На следующее утро приходит Микаэлос и приносит новость: суд состоится в ближайший понедельник.

— Так скоро?…

— Да, будет раньше, чем планировалось. Большая редкость. Времени у нас осталось совсем немного, так что давай перейдём сразу к делу. Марин рассказывала мне очень подробно историю с момента, как вы встретились. Давай дойдём сегодня до туда от третьего круга. Итак, ты стоишь на мосту. Куришь.

— Да. И думаю: «Надо закрепиться здесь. Чего бы это не стоило.»

Я рассказываю ему про поиски работы, про опорный пункт Федеральной Гвардии, знакомство с Мокрым и хостел у Размеза. Рассказываю, как удачно нашёл работу на складе, и о своих приключениях там. Как наладил сеть, как поднялся в должности, и как потом меня взял к себе Леонид.

Излагаю во всех подробностях свою работу в доме Леонида, про его гостей, про его задания, про тех, кто работал там вместе со мной. Наконец, рассказываю про «бал маскарад» и про то, как на следующий день пришёл Эмиль и предложил мне свою «игру». Момент своего прихода в гости к Эмилю я стараюсь проскочить побыстрее, но Микаэлос, будто нарочно, останавливается на нём очень подробно и выспрашивает всё, вплоть до самых омерзительных деталей:

— Он оголился перед тобой? Ты видел его член? Что ты запомнил? У него была эрекция?

— Фу!!! Бля… Зачем тебе это?!

— Просто говори. Раз спрашиваю, значит нужно. Это может нам помочь.

После этой сцены рассказывать уже куда проще. Как я сиганул в реку и как потом вышел на берег и встретился с Мокрым. Как мы ехали до магазина.

— Какая смелость! Какая… целеустремлённость! Восхищаюсь тобой, Маркос! Думаю, и на присяжных это подействует. Прокурор будет давить на страх. Мы должны давить на ценности. *Кэй!* Дорасскажи до конца. Тактику сейчас обсудим.

Оставшаяся часть моего рассказа для Микаэлоса не менее увлекательна! Когда я, наконец, дохожу до момента нашей первой встречи с Марин, адвокат останавливает меня и говорит:

— Порепетируй это всё. Подумай, как ужать в один час всю свою историю. Удели больше времени наиболее ярким моментам - прыжок с моста, карабканье по стене на километровой высоте, дети в противогазах. Но в то же время: ценности. Напоминай о них постоянно. Про какие ценности я говорю?

— Свобода. Справедливость… и ещё…

— Учёные. Учёные основали *Полис.*

— Истина.

— *Ин пу**а**нтэ!*

— Я должен буду пересказать свою историю в суде?

— Да. В начале наш противник, Грэгорис-литиос, изложит версию обвинения. А следом свою версию излагает защита, и в этот момент я передам слово тебе.

— Но я же… на *даон**и**три* едва разговариваю…

— Это не проблема. Ты говоришь в микрофон на своём родном - все слышат *даон**и**три*. Тебе говорят на *даон**и**три* - ты в наушники слышишь подземельный. Технологии, мой друг!

— Круто… Это, блин, хорошая новость!

— Ещё бы! Сосредоточься на своём рассказе. Продумай всё, как следует.

— Слушай, насчёт ценностей и учёных. А можешь ли ты выбить мне перед судом экскурсию в Центральный Университет? Трудно объяснить, зачем, но…

У адвоката грустный вид.

— Мне очень жаль, Марк… За спрос денег не возьмут, конечно. Но и добро вряд ли дадут. Кроме дежурного «берите виртуальную экскурсию» ничего другого в ответ не ожидаю.

— Виртуальную?

— Итак, Маркос: ты в тренировочном пространстве. Здесь тебе нужно научиться перемещаться, стоя физически на месте, или даже сидя. Это самое главное.

Я стою посреди своей собственной комнаты, озираясь по сторонам. Всё почти как в жизни. Видно, что не настоящее, но картинка отличная! Одна проблема: я не могу ходить!

— Попробуй поднять руку, не поднимая руки, - говорит Ольга. - Тебе надо отправить чёткий мысленный импульс, как будто ты уже вот-вот собираешься это сделать. Сразу может не получиться, но ты продолжай пробовать. Это проще, чем кажется. Просто найди эту грань.

— О! О! Пошло! Поднимается!

Пацаны бы поржали!

— Так, теперь другая рука.

Левая рука продолжает висеть, как плеть.

— Это нормально. Особенно для правшей. Пошевели правой ногой.

— Есть! Шевельнулась!

Так мы мучаемся где-то с полчаса, но не зря: после не столь долгих упражнений я, наконец, в состоянии ходить по комнате, физически стоя на месте.

— А теперь выйди в коридор, походи по этажам, поднимись по лестнице и покатайся на лифте. Затем попробуй физически сесть и сделать всё то же самое.

Первое время я хожу, как пьяница, стукаясь в стены, но навык схватывается быстро. Ещё полчаса - и я свободно поднимаюсь по ступенькам, езжу на лифте, прыгаю и бегаю, сидя при этом в своём мягком кресле.

— Ну что ж, ты готов!

— Да ну?

— Перемещаемся в Центральный Университет?

— Э-э-э… ну давай попробуем!

Вспышка света. Перед глазами появляется огромная прозрачная сфера, утопленная в бетон.

— Фотонный реактор?

— Самый первый!

Оглядываюсь вокруг. Стеклянный глазок находится в центре круглого сквера, а вокруг него - здания. Разной формы и цвета. Каждое сделано по-своему.

— Это главные корпуса факультетов, - объясняет Ольга. - Сейчас ты смотришь на Факультет Физики.

— Ого… какой он… плавный… прозрачный. А тот, что рядом, угловатый?

— Это Факультет Математики.

Брожу по скверу и вижу, что я здесь не один. То тут то там бродят такие же, как я, чудаки, глядя по сторонам своими виртуальными лицами. Некоторые даже ходят группами!

— Здесь туристы из множества стран. Попасть в *Полис* физически крайне непросто, так что виртуальные экскурсии очень популярны.

Машу рукой группке азиатов, проходящих мимо, а они машут мне в ответ.

— А вон тот, со спиралью - это какой?

— Это Факультет Генетики.

— А… социальной?

— Нет, биологической. Очень крупный факультет, всего насчитывает 39 корпусов, распределённых по Центральной Префектуре.

— Нифига себе… А вон тот? Такой весь… классический.

— Это Факультет Истории.

— О! А зайти туда я могу?

— Да, конечно!

— Дай-ка гляну, что там. Физика и математика, конечно, интереснее, но они мне не помогут. А вот история - может помочь.

— Переместить тебя сразу в корпус?

— Не, не надо. Пройдусь. Подышу свежим воздухом.

Дохожу до корпуса, разглядывая в небе виртуальные белые облака. Большие высокие деревянные двери. С мелкой моторикой у меня всё ещё беда. Неуклюже поддеваю вертикальную ручку-штангу неподвижной пятернёй, словно крюком, и тяну на себя. Повезло, что так. С круглой ручкой я бы не справился. Интересно, а какого лешего двери не открываются сами? Хотя… тут же… история!

Захожу в просторный зал. Передо мной широкая лестница. Коридоры по бокам в обе стороны. Чёрно-белый клетчатый пол. Все стены завешаны портретами и фотографиями, а в зале стоит несколько памятников, но не во весь рост, а только голова. Пытаюсь узнать по лицам, но лица незнакомые. Наверху слышны голоса. Пойду, посмотрю. Не зря же я тренировался ходить по ступенькам!

Поднявшись на один пролёт, вижу на втором этаже у перил толпу людей. Подхожу поближе. Люди собрались вокруг одного человека, седого, в синей мантии. Над ним вижу виртуальную надпись: «Профессор Отон-аурис». Он что-то им рассказывает. На незнакомом языке. В тот самый момент, когда я оказываюсь рядом с группой, раздаются аплодисменты и благодарные возгласы:

— Браво!

— Сенк ю, профессор!

— *Т**а**нто гр**а**ндис, проф**э**сор!* - выдаёт кто-то на *даонитри.*

— *Т**а**нто твэнэ, гранд**а**ниси!* - отвечает профессор, сложив ладони и кланяясь. - I thank you all for coming and wish you a great day!

Народ расползается по двум боковым лестницам, а я приближаюсь к профессору.

— Ольга, включи перевод, - говорю вслух.

— Перевод? - резко оборачивается профессор. - Зачем перевод? Я знаю субкхранитри.

Он смотрит на меня, оторопевшего от неожиданности, и складывает ладони:

— Однако, я первый раз вижу *субкхранд**а**ни* на виртуальной экскурсии! Я рад вас видеть, молодой человек! Как вас зовут?

Я тоже складываю ладошки вместе:

— Маркос.

— Доктор Отон-аурис. Очень приятно! Что вас… - но тут он замирает и вглядывается повнимательнее. - А-а-а! Вы тот самый Маркос, который наделал столько шума! Надо же! Как неожиданно! Что привело вас, Маркос?

— Я… ну… в общем… я готовлюсь к суду.

— Готовитесь к суду, придя в университет?

— Да. Хотел узнать побольше про всю эту историю. Ну, с *Полисом* и Субкхраном.

— Вот оно что! Знаете, мне импонирует ваш подход! Похоже, скептики вас сильно недооценивают. - Он задумывается на мгновение. - История… История
• это очень тонкий предмет, Маркос. Даже физические явления, как

известно, зависят от наблюдателя, а уж история… Пойдёмте наверх. Покажу вам кое-что.

Мы неторопливо поднимаемся по центральному пролёту лестницы на следующий этаж.

— Ах, если бы в жизни ходить по ступенькам было так же легко! - восклицает профессор.

У него высокий, слегка подрагивающий старческий голос. Говорит он чётко и ясно. Никаких запинок и заиканий. Будто всё произносимое уже заранее где-то записано и просто проигрывается, как на плеере.

— Исторический факультет появился здесь последним, Маркос. Первыми были математика, физика и…

Он испытующе смотрит на меня.

— Социальные науки, - отвечаю я.

— О! Вы хороши, Маркос! Браво!

— Это легко, профессор. Социальные науки - это ведь то, благодаря чему *Полис*, в общем-то, и появился, правильно? Я прочитал биографию основателя *Полиса*, Георгия Тэлиа.

— М-м! Серьёзно? Ну и как вы его находите?

— Э-э-э… в смысле, как… ну… в Сети нахожу.

— Хе-хе-хе! Простите за мою витиеватость. Я имею в виду: как он вам? Что о нём думаете?

— А! Ну… он был очень крутой!

— Как говорят в Подземелье, «круче только яйца»?

— Профессор, да вы шарите!

Он разводит руками:

— Такая уж у меня работа, Маркос!

Мы поднимаемся этаж за этажом, а потом попадаем на винтовую лестницу.

— Ещё немного - и мы на месте. Не устали?

— Всё в порядке, отдышусь наверху!

— Хе-хе! Да, у Гиоргиоса тоже было отличное чувство юмора! Я его не застал. Но я застал нескольких чрезвычайно выдающихся людей из его команды.

— Сколько вам лет, профессор?

— Сто шестьдесят пять. Первое поколение, выросшее в натальной лаборатории. Большинство его представителей уже покинуло наш мир. Я оказался долгожителем, но и мой срок подходит к концу.

— Кого вы помните?

— Прийю Натараян! Общался с ней лично. Удивительная женщина и блестящий медик! Некоторых людей она буквально вылечивала голыми руками, просто нажимая на нужные точки. Она говорила: «Все болезни в голове, но голова
• это самый твёрдый предмет на свете«. Дениса Егорова тоже застал. Когда

он вступил в «клуб Тэлиа», он был ещё совсем молодым…

Лестница заканчивается. Мы оказываемся в небольшом круглом зале с окнами по всему периметру.

— Мы в башне?

— Ротонда, Маркос. Это называется ротонда. Все остальные корпуса и окрестности вокруг видны из неё, верно?

— Да… Красотища!

— И заметьте: ни у одного другого факультета такой ротонды нет. Понимаете, почему?

— Ну… это… как-то связано с историей?

— Именно историческая наука смотрит далеко и в разные стороны. А видите вот эти два здания рядом?

— Ага.

— Это и есть Факультет Социальных Наук. Единственный, который имеет в этом круге два корпуса, совмещённых в единую конструкцию.

— Потому что отец-основатель…

— Кто-то считает, что поэтому. Но как вы сами сказали, *Полис*, собственно, и появился благодаря социальным наукам. Уверяю вас: благодаря им же он по-прежнему на месте.

Профессор смотрит на меня с особенным выражением. Он не говорит больше ничего, и мы смотрим друг другу в лицо в полной тишине.

— …А вы профессор истории, верно?

— Верно. Но обратите внимание: корпуса наших факультетов находятся по соседству. Это не случайность.

Я смотрю вниз на два два корпуса Социального Факультета в виде одного овального здания с внутренним двориком.

— Что символизирует эта форма?

— Противостояние и единство.

— Чего с чем?

— Людей. Находясь в двух разных корпусах, мы будем разделены пространством посередине и будем смотреть друг на друга через окна, но мы также можем встретиться. Кстати, в первом корпусе находится учебная лаборатория социальной генетики, в которой сам Гиоргиос проводил занятия для учёных и студентов. Популярное место! Думаю, вам стоит взглянуть.

— Стопудово, профессор! ...Ну... в смысле: да, взглянуть точно стоит!

— Что ж, пойдёмте!

Мы отправляемся вниз по винтовой лестнице.

— А Рами-эмоса вы застали?

— Мы с ним одного поколения. Потрясающий был человек! Но ушёл рано. Слишком рано. Трагически погиб... - вздыхает Отон-аурис.

— Я был у его памятника. Мне понравилась его фраза про социальное заболевание.

— «Любая идея, превращённая в религию, становится социальной болезнью».

— Точно!

— Да. Мне ещё нравится вот это: «Каждый человек ровно настолько глуп, насколько он уверен в своих знаниях».

— М-м-м... Как странно... По его логике, все учёные - глупцы?

— Если вы думаете, что все учёные уверены в своих знаниях, то вы плохо понимаете науку, Маркос. Но не переживайте, у вас ещё всё впереди!

Это его «всё впереди» звучит, конечно, очень ободряюще!

— Кстати, про поколения, профессор: это правда, что в *Полисе* почти никто не рожает по-обычному?

— Чистая правда.

— Но... почему так? Зачем? Ведь это же...

— Неестественно?

— Ну да. И странно...

— А фотонный реактор - это естественно? А компьютерные сети - естественно? Генная инженерия? Медицина? Даже наука! Ничто так не противостоит естественному, как наука, Маркос. Помните, что за люди основали *Полис*?

— Учёные...

— Учёные и предприниматели. Катастрофически занятые люди! Их работа и образ жизни с родительством плохо совместимы. Особенно тогда, в те времена и в такой момент. Вы не представляете, какая шла работа! Как люди горели своим делом! Завести детей и выпасть

из этого потока на год, два, три - никто себе не мог этого позволить. Вскоре стало ясно, что это проблема. Но генная инженерия и биотехнологии развивались стремительными темпами, и решение вскоре нашлось.

— Натальные лаборатории…

— И система образования. Это был прорыв, сравнимый с фотонным реактором.

— Прорыв?

— Разумеется.

— То есть вы уверены, что так лучше?

— Назовите мне хоть один недостаток нашей системы воспитания.

— Ну… дети растут без родителей… без матери… сиротами по сути…

— Маркос, детям не нужны родители как таковые. Детям нужно внимание. И стабильный круг общения. Школа гарантированно обеспечивает им и то, и другое, в отличие от родителей, которые то слишком заняты на работе, то переезжают, то разводятся, то ещё непонятно что.

— Пьют например…

У некоторых пацанов с нашего района родители были такие, что лучше б их и не было вовсе. Мне с моими плюс-минус повезло. Но что бы я выбрал, рождаясь на свет: жить с моими родителями или быть воспитанником полисовской школы?

— Вы знаете сами, Маркос, какими бывают родительские семьи. Поверьте, жить в семье учёных - тоже зачастую сомнительная радость. Учёные бывают весьма своеобразными людьми. Особенно математики.

— Ох, профессор…

— Всего лишь моё мнение, хе-хе-хе! Ну и вспомните тех, с кем вы общались за время своего пребывания в *Полисе*. Разве с этими людьми что-то не так? Отсутствие родителей как-то на них сказалось?

— Да не то чтобы… Я такого не заметил…

— Вот видите? Недостатком это не является. А достоинств много. И то, что эта система освобождает людей от родительских обязанностей - лишь одно из них.

Мы выходим на улицу, и я по привычке жду, что в лицо ударит ветер. Но никакого ветра, конечно же, нет.

— А какие ещё?

— Ну во-первых, благодаря этой системе мы можем контролировать рождаемость и генофонд.

— Генофонд?

— Предотвращать распространение наследственных заболеваний и накопление патологических генов. Естественный отбор, но в лаборатории. Каждый эмбрион проходит строжайший контроль качества. Если с его генетикой или состоянием здоровья что-то не так, он уничтожается. Звучит страшно, может быть. Но до момента рождения эмбрион не считается человеком.

Мы идём по тропинке к корпусу Факультета Социальных Наук, а я вспоминаю Марин. Её вырастили в натальной лаборатории. Без родителей. Она здоровая, красивая, интересная и образованная. И в логике профессора я не могу найти ни одного слабого места.

Проходим через большую стеклянную вращающуюся дверь и оказываемся внутри корпуса. Обстановка совершенно не та, что на Факультете Истории. Здесь всё по-полисовски. По-современному. Но в то же время не офисно. Уютно, приятно и легко. Людей тут гораздо больше, чем там, откуда мы пришли.

— Нам вот туда, на лифт. Вы не представляете себе, Маркос, сколько раз я уже водил людей этой дорогой!

— Вместо того, чтобы водить всех по Факультету Истории?

— Да, но ведь это - тоже история!

Мы поднимаемся на второй этаж, и я сразу вижу место, в которое нам надо попасть.

— У-у-у!... Народу-то!

Огромное скопление людей у входа с надписью «*Лаборат**о**риа дэ ген**э**тисэ социа**а**лис*». Но люди внезапно исчезают из этой толпы, то ту, то там. Причём целыми группами. Я удивлённо оглядываюсь на профессора.

— Переходят в приватный режим, - объясняет он. - Мы поступим так же. Чтоб не толпиться.

Он делает взмах рукой, и исчезают все. Вообще все.

— Ну вот. Теперь нас никто не видит и не слышит. А главное - и мы никого. Пойдёмте.

Мы заходим внутрь.

Я ожидал увидеть что-то очень технологичное, но здесь... по-другому. Много свободного пространства, а стены завешены огромным множеством всяких картинок и плакатов.

— Эта лаборатория сейчас является чем-то вроде музея. Но социальные генетики нашего времени нет-нет, да приходят сюда. За вдохновением. Мы сейчас находимся в зале массовой культуры.

Узнаю знакомый логотип:

— Кока-кола!

— Культовый брэнд! Он пережил даже Большую Войну. Представляете, какой мощный социальный ген?

— А это кто такой? - говорю я, смеясь и глядя на чудн**о**го маленького зверька с круглыми ушами и большими добрыми глазами. Смотреть на него без улыбки невозможно.

— Это Чебурашка. Социальный ген советской массовой культуры. Тэлиа много внимания уделял мультфильмам и книгам для детей. Ведь именно в детстве закладывается фундамент личности. Обратите внимание на эти экраны, Маркос. С помощью них можно исследовать всю базу социальных генов, собранную нашими и зарубежными учёными. Это колоссальный массив данных! У каждого зарегистрированного в базе социального гена есть свой код. Поверх этого есть различные «графы» или «сети», связывающие гены их по тематике. Вот давайте, например, выберем Кока-Колу. Видите, она подсветилась на стене?

— Точно!

— Это сделано просто для наглядности и удобства демонстрации. Социальных генов миллионы. Всех стен Полиса не хватит, чтобы для каждого повесить картинку. Хорошо, а теперь мы выберем граф под названием «Глобальные базовые стереотипы». Что мы видим? С какими генами связан ген Кока-Колы? Я сделал перевод.

— «Американская мечта».

— И вы видите огромный объём информации по этому гену. А с ним дальше связаны: «День Независимости», «Американская исключительность», «Мой дом
• моя крепость«, с ним дальше «Вторая поправка», ну и так далее. Это

самый простой, базовый граф, не очень полезный на практике, но полезный для объяснения концепции. Есть гораздо более тонкие графы с далеко не самыми очевидными взаимосвязями. А есть секретные графы, здесь вы их не найдёте. Обратите внимание: связи тоже подробно описаны. Вот, взгляните, например, на эту первую связь, между Кока-Колой и американской мечтой.

— «Кока-Кола - американский напиток, прочно ассоциирующийся с американской культурой и ценностями… Человек, употребляющий Кока-Колу, с высокой вероятностью будет скорее лоялен ко всей группе североамериканских стран».

— Вы видите, что у связи есть пометка: «подтверждено исследованием». Поскольку связи двусторонние, вам достаточно доказать только корреляцию.

— То есть… чтобы человек полюбил Америку, достаточно продать ему Кока-Колу??

— Не так примитивно, конечно, но это один из факторов. И действует он незаметно для потребителя. В *Полисе*, кстати, немало любителей Кока-Колы. Пойдёмте налево, в зал пропаганды.

Мы заходим в соседний зал. Он похож на первый. Стены так же завешены картинками и плакатами. Только они другие. Выглядят иначе. Сложно объяснить, в чём именно разница, но она уловима. А ещё в зале стоят две головы: одна белая, из гипса, лысая и с бородкой, а другая - серая и странной формы. Они смотрят друг на друга.

— Кто эти люди, профессор?

— Справа от нас, в сером камне - Йозеф Геббельс, архитектор пропаганды Третьего Рейха, нацистской Германии. Справа, в белом гипсе - Владимир Ильич Ленин, архитектор идеологии и пропаганды Советского Союза. Геббельс официально признан абсолютным злом. Ленин - личность куда менее однозначная. Однако Гиоргиоса не интересовало, кто плохой, а кто хороший, кто зло, а кто добро. Для него было важно то влияние, которое имели даже не сами эти люди, а социальные гены, ими созданные. А влияние их было колоссальным. Вот, видите этот плакат за спиной у Ленина?

— …Не пойму, что там написано…

— «Землю - крестьянам! Заводы - рабочим!». Когда вы создали что-то подобное, дальше оно работает уже само по себе. Чем-то похоже на предыдущий зал, верно? Но есть большая разница между рекламой и пропагандой. Гиоргиос объяснял её так: «Мы используем рекламу, когда хотим что-то продать, а пропаганду - когда хотим забрать». Социальный генетик работает с взаимосвязями и конструирует новое из существующего. Для этого он может взять вполне безобидные гены, вроде Чебурашки, а может - такие, как здесь. Он должен хорошо понимать эффект, оказываемый социальными генами, а также их эволюцию. Следующая комната - это зал конструирования. Помещение со сплошной видеоповерхностью, стены пол и потолок. Там лаборант может сделать своё собственное пространство, с плакатами, визуальными образами и взаимосвязями. Также доступно компьютерное моделирование на виртуальных сообществах, состоящих из ботов-носителей генов. Но я, к сожалению, не большой мастак делать в этом зале вразумительные демонстрации, так что пойдёмте в противоположную сторону - в зал религий.

Мы идём обратно, через массовую культуру, и попадаем в зал… с совсем другой атмосферой. Наверное, вживую это ощущается ещё сильнее.

— Вы верите в бога, Маркос?

— Нет.

— А вы знаете, что Тэлиа был православным христианином?

— Да, читал про это.

— Если вы социальный генетик, это не значит, что социальные гены на вас не действуют. Они есть у каждого из нас. Их часто сравнивают с вирусами, но в то же время о них говорят, как о компьютерных программах. Без программного обеспечения компьютер ведь не имеет никакого смысла, верно? Без него он пуст и бесполезен. И именно о социальных генах часто думают как о «полезном наполнении» нашей головы. О том, что делает нас нами.

Мы ходим по залу, наполненному множеством красочных символов. Я быстро распознаю уголок ислама.

— Вы видите основные книги, Маркос. Вот Библия, Новый Завет, в вашем уголке - Коран, здесь можно полистать Тору, в секторе индуизма есть Бхагаватгита… Конечно, для инду-

изма по хорошему нужен отдельный зал - божеств и символов у них великое множество, и для работы с индуистской культурой нужна, как правило, отдельная команда специалистов. Но здесь представлены самые популярные божества - это Шива, здесь вы видите Ганешу…

— А этот человек на кресте?

— Иисус Христос, христианская религия. Пожертвовал собой ради спасения человечества. И восстал из мёртвых. Считается сыном бога.

— Почему Тэлиа верил именно в него?

— Семейная традиция. Этот ген был заложен с самого детства. Но обратите внимание на портрет рядом с вами и надпись под ним. Его ведь поместил сюда сам Тэлиа.

На портрете лысый старичок в прозрачных круглых очках, с улыбкой, полной доброты и радости.

— «*Мэй эро **и**ндуис-д**а**они. Мэй эро мусл**и**ми. Мэй эро **и**удис-д**а**они…*» - читаю я вслух.

— «Я - индуист. Я - мусульманин. Я - иудей. Я - христианин. Я - буддист.»

— Кто это?

— Это Махатма Ганди. Не буду даже пытаться вам пересказать в двух словах, насколько велик этот человек.

— Ох, профессор… Я столько всего не знаю!

— Вы знаете удивительно много, Маркос, для человека из ваших мест. Взгляните на вон ту дверь за Махатмой Ганди. Она ведёт в небольшую комнату, про которую Гиоргиос говорил так: «Бывают времена, когда чувствуешь, что зашёл в тупик. В этот момент полезно освободить свою голову. Опустошить чашу своего разума. Эта комната вам в помощь». Давайте заглянем.

Заходим. Внутри пустота. Белые стены. Посередине кресло. На стене один-единственный, рисованных портрет.

— Это Лао Цзы, великий китайский философ, - объясняет Отон-аурис, предвидя мой вопрос.

— Почему именно он?

— Освободить чашу. В своём «Каноне о Пути и Добродетели» Лао Цзы намекает нам, что любые концепции, которые можно назвать или объяснить, истиной не являются. Что истина вообще нам никогда не видна. Всё, что мы видим - наши проекции.

Некоторое время мы стоим молча, в полной тишине.

— …Профессор, а вы точно не робот?

Он улыбается в ответ:

— Откуда у вас такие мысли, Маркос?

— Ну, виртуальная реальность, все дела…

— Я, конечно, отвечу «нет», но что, если я робот, который притворяется не-роботом?

— Хм…

— Золотое правило науки: никогда не принимайте ничего на веру. Но я возьму на себя труд вас разубедить! Приду к вам завтра на слушание, и вы воочию удостоверитесь, что я живой человек.

— Ой, профессор, я вовсе не…

— Не отговаривайте! А то я передумаю.

— …Мы ведь здесь одни, правда?

— Да, мы по-прежнему в приватном режиме.

— Могу я вам задать один очень… человеческий вопрос?

— Человеческий! Как любопытно! Я слушаю, Маркос.

— Скажите… зачем вы так? Ну, с Подземельем. Зачем вы его сделали?

— Сделали?

— Ну да. *Полис* - прекрасное место, но вы построили его у людей над головой. Неужели вы не могли…

— А кто вам такое сказал?

Снова тишина. Мы пристально смотрим друг на друга, а на нас со стены молча смотрит Лао Цзы.

— Ну, а… какие варианты ещё?

— То есть, это ваше предположение.

— Но профессор, я…

— Пойдёмте, Маркос. Пойдёмте в зал массовой культуры и выглянем в окно. Продолжать беседу нам лучше там. Вы сейчас поймёте, почему.

Я послушно следую за своим экскурсоводом. Лаборатория пуста. Мы в ней одни. Останавливаемся у окна в зале.

— Как хорошо отсюда виден центральный сквер, правда?

Вид действительно хорош! И не подумаешь, что виртуальная картинка.

— Здесь всё начиналось. Фотонный реактор проектировали пять лет лучшие учёные мира, собравшись вместе. Думаю, вы в курсе, что представляло из себя человечество в тот момент.

— Нищета и войны?

— А также экологическая катастрофа и энергетический кризис. Подземелье - это что-то вроде тогдашнего мира в миниатюре. Мрак ядерной зимы рассеялся лишь недавно…

— К чему вы клоните, профессор?

— Центр когда-то крупного и богатого города, над которым Гиоргиос решил построить «небесный город» и университет, представлял из себя ядерное пепелище. Все, кто мог двигаться, оттуда ушли. Там не было почти никого, а тех несчастных, кто чудом уцелел и остался, искали тепловизорами. Инвест-фонд Гиоргиоса и его товарищей выкупил эту территорию у Московской Республики (довольно дёшево), и она считалась частной собственностью. Проникновение на неё было строжайше запрещено, да и желающих, честно говоря, не было - всё, что могли разграбить, уже давно разграбили.

— Да, насчёт покупки земли я в курсе.

— Пока строился первый гексос, никому это место не было интересно, кроме, разве что, мелких торговцев и проституток, предлагавших свой товар строительным бригадам. Когда был построен Университет, на земле под ним не было абсолютно никого. Однако, жизнь в университетском городке на километровой высоте над разгромленным городом сопряжена со множеством бытовых трудностей, и вскоре стало ясно, что для выживания жителям *Полиса* требуется множество… скажем так… низкоквалифицированных услуг. Желающие оказывать эти услуги тут же нашлись, и поселились они неподалёку от запретной территории, вокруг. А те, кто был посмышлённее, скупили там за бесценок обломки недвижимости.

Боже мой… То, что мне сейчас рассказывает профессор, стоя у виртуального окна - разве не это я искал столько времени и не мог найти?

— Запуск первого фотонного реактора, на входную линзу которого мы сейчас с вами смотрим, был звёздным часом не только для учёных, предпринимателей и инвесторов *Полиса.* Для людей внизу, поселившихся вокруг первого гексоса, это тоже было, как три семёрки на игровом автомате. Стало понятно, что город будет расти дальше, и что платить будут больше. Фотонный реактор решал сразу две проблемы: недостаток энергии и избыток мусора. Он буквально способен превращать мусор в энергию и полезное сырьё.

— В *Полис* повезли мусор со всего света?

— Нет, *Полис* начал продавать фотонные реакторы. Думаю, вы понимаете, какие это колоссальные деньги и влияние. Ведь люди, знающие, что делать с этой технологией, были сосредоточены исключительно на бетонном шестиугольнике Университета. Когда Московская Республика заявила свои права на реакторы, *Полис* сразу подарил ей две штуки. Просто так.

— И… что дальше?

— Дальше - ничего. Без знающих людей это был просто бесполезный дорогой хлам. И прекрасная демонстрация того, как теперь *Полис* важен для всего человечества. Георгиос и его товарищи смогли быстро убедить международное сообщество признать *Полис* госу-

дарством и зафиксировать патентное право на реакторы и другие смежные технологии. С Московской Республикой тоже договорились. У команды Гиоргиоса был большой опыт в этих делах. Поток инвестиций хлынул рекой, а *Полис* купил всю землю по периметру под новые гексосы. Те, кто ранее приобрели на ней недвижимость, озолотились. Но что, вы думаете, сделали с этими людьми, жившими на прилегающих землях.

— Прогнали? Выселили?

— Ха-ха-ха! Их пытались прогнать! Вооружёнными отрядами, дронами, собаками, чем угодно! Они возвращались обратно. Выселить их было невозможно. Куда им было идти? В нищенствующую Московску Республику? В Северную Республику? В Исламскую Республику Татарстан? Не-е-ет… На них падал золотой дождь с неба. Они были готовы держаться за своё место буквально зубами.

— И… они были не против, что у них над головой построят город?

— Они были за. И для них это было необыкновенной удачей. По правде говоря, наличие этих людей было выгодно и *Полису*. Охранять территорию под гексосами и пытаться наладить там общественный порядок - это было бы слишком сложно и дорого. А вот иметь под боком контингент, которому можно отдать любую, самую грязную работу - вот это было весьма кстати! Ведь у этих людей нет никакого правового статуса. Они даже в суд не смогут пойти, если что-то не так. *Полис* следил внимательно за одной-единственной вещью: чтобы у жителей Субкхрана не было возможности самостоятельно обеспечить себя электричеством.

— Как ловко…

— *Полисом* управляют весьма искушённые политики, Маркос. Сейчас у многих из них уже вековой опыт. Вы и представить себе не можете, что это такое. Итак, люди, поселившиеся на втором круге Субкхрана, никуда не ушли. Более того, приходили новые. Среди них, разумеется, быстро организовалась мафия. Мафия - это не примитивный бандитизм. Это способ разрешать споры. Что-то вроде суда, только… неформального. Суда в обществе без правовой культуры и без правовых институтов.

— Развод по понятиям…

— Именно. Когда мафиозных структур стало много, они выбрали себе одного, центрального предводителя.

— Президента.

— Точно. Президент в Субкхране - это лицо несменяемое. Власть он передаёт по наследству своему сыну. Думаю, вы с этой системой знакомы.

— Не очень…

— С другой стороны, да, для жителей самого Субкхрана она крайне непрозрачна. Но у *Полиса* достаточно рычагов, чтобы держать эту систему под полным контролем.

— То есть люди… сами согласились жить во мраке Подземелья… так что-ли?

— Вы удивляетесь?

— Честно говоря, да.

— Ах, Маркос… - говорит профессор, взяв меня под локоть своей электронной рукой. - Люди готовы стерпеть очень многое ради экономической выгоды.

Я вспоминаю Егора, рассказывавшего, как ему хорошо платят на химкомбинате. Мне не по себе от того, что я услышал. Но это похоже на правду. Слишком похоже.

— Знаете, профессор… Если б мне сказали, что ради этого разговора я должен проделать весь этот путь и отсидеть в тюрьме - даже не год, десять лет - я бы согласился, не раздумывая.

— Вы удивительный юноша, Маркос.

— Но почему вы не рассказываете об этом другим? Не читаете лекции…

— Почему же нет, рассказываю. Только слушателей, увы, немного… Но, может, вашими стараниями их станет больше?

Понедельник. Восемь утра. Я сижу в кресле, полностью готовый. Сегодня ясный день, и в окошко светит яркое солнце. Мне даже приходится развернуться к нему спиной, хоть я и понимаю, что, возможно, вижу его в последний раз.

Стук в дверь. Мой адвокат точен, как часы. Суд назначен на девять утра, но он объяснил, что нужно приехать заранее. Открываю. Микаэлос, с блистательной улыбкой, в бежевом деловом костюме. Чем-то он мне сейчас напоминает Фэроса, но тот накаченнее, и лицо у него попроще.

— Привет, супергерой!

— Здравствуй, Миша.

— Зайду на секунду. Скажу тебе пару слов.

Он шагает ко мне в номер, прикрыв за собой дверь.

— Маркос, - он берёт меня ладонями за плечи и пристально смотрит в глаза, - если я могу дать тебе один-единственный, самый важный совет, то он такой: говори правду.

— Я то же самое сказал Марин!

— Ну и отлично! Ты всё можешь. Сегодня наш день. Я в этом уверен. Эй!

— Да, я… я в норме. Я готов.

— Ну? - хлопает он меня по плечу. - Надерём им задницу?

— Да, шеф!

— Ха-ха!

Он выставляет передо мной ладони, и я упираюсь в них своими, сильно-сильно. Кажется, что сейчас пойдёт ток.

— Ну всё! Погнали!

Выходим в коридор и спускаемся на лифте на нулевой этаж, на который было нельзя. Внизу уже ждут двое полицейских, смуглый мужчина и чернокожая женщина.

— *Бонэ матэнэ, гранданиси офицэри!* - здоровается Микаэлос, а они здороваются в ответ.

Садимся в машину. Едем. Я смотрю по сторонам и щурюсь от яркого света.

— Погодка хороша…

— Согласен.

Дорога занимает всего каких-то пять минут. Я понимаю, что мы приехали, когда наш автомобиль облепляют *прэсис-даониси*. Они что-то галдят, как стая ворон, перекрикивая друг друга. Хочется им крикнуть: «Кыш! Кыш!». Микаэлос примерно так и делает. Он рывком открывает дверь, оттесняя собравшихся, подзывает меня жестом, и уверенно идёт через толпу вверх по широкой лестнице, отмахиваясь рукой и выкрикивая:

— *Анто, гранданиси, анто! Но комментариси!*

Огромные двери в здание суда в конце лестницы открыты. Охрана пропускает нас, но не пропускает *прэси*. Мы оказываемся в огромной просторной… прихожей, или как это назвать. В общем, в месте, где нам, видимо, предстоит тусоваться ближайшие полчаса. Вход продолжается широким коридором.

— Слева и справа от коридора - залы заседаний, - объясняет Микаэлос. - Наш - правый. Посиди пока тут, а я пойду, переоденусь.

— Пере… что?

Но его уже и след простыл. Вижу, что немногочисленные люди, собравшиеся в зале, с интересом смотрят на меня. Заметив, что я смотрю, они приветственно складывают ладони. Некоторые подходят поближе и подбадривают:

— *Бонэ фортунэ, Маркос!*[40]

«*Танто!*» - говорю я в ответ. И вдруг слышу знакомый низкий голос со спины:

— Я был уверен, что ты поймаешь микрофон. Но у меня был запасной.

Оборачиваюсь рывком, словно ударили током:

— Ауро!

— Здравствуй, Маркос!

Оглядываю его с ног до головы. В синем деловом костюме, в галстуке и ботинках, бог ты мой!

[40]Удачи, Маркос!

— Тебя прям не узнать! И ты говоришь!... Говоришь гораздо...

— Да, я, наконец-то, поработал над своим *субкхран**и**три*. Давно было пора! Хэлиос вечно давал мне фору. Но когда я услышал, как разговаривает Марин, мне стало стыдно! И я занялся, как следует!

— Ты очень круто прокачался, Ауро!

— Спасибо! Рад слышать! Труднее всего было со звуком «ы». Пришлось использовать специальный тренажёр. Кстати, про Марин: вот и она!

Мы видим, как в дверях появляется троица: Марин, Сола, и Элионор. Как же они классно смотрятся вместе!

Она замечает меня. Мы бросаемся друг к другу. Обнимаемся. Но тут же слышим громкий голос кого-то из охраны:

— *Гранд**а**ни **а**кузис-д**а**они! Гранд**а**ни **а**кузис-д**а**они!*

— Это тебя! - говорит Марин.

Я оглядываюсь и вижу зовущего.

— Помни мой совет! - кидаю я ей.

Больше у нас ни на что нет времени. Микаэлос правильно сделал, что привёз меня пораньше.

Я подхожу к офицеру, и он ведёт меня в правый зал. Высокие двери. Ещё более высокие потолки. Всё такое красивое, будто во дворце. Но в то же время строгое и официальное. Вижу слева возвышение и конструкции из тёмного дерева. Что-то вроде больших широких рабочих столов, один над другим, лесенкой. Это кафедра судьи и присяжных, объяснял мне Микаэлос. Справа - места для присутствующих. А перед нами - трибуна подсудимого и адвоката. Наша с ним. Подходим к ней. Офицер выдаёт мне наушники-шарики. Я тут же вставляю их в уши.

— Поговорите в микрофон, - велит он мне. - На своём языке.

— Привет-привет! Как меня слышно?

Тут же на весь зал раздаётся перевод на *даон**и**три*.

— Всё хорошо, спасибо, - говорит офицер.

В этот же момент в зал заходит Микаэлос. В белой накидке с узором по краю и в сандалях на босу ногу.

— Фига ты нарядился! Чё это на тебе?

Снова слышен перевод на даонийский. Микаэлос, смеясь, подходит ко мне и выключает микрофон.

— Это тога, древнеримский наряд.

— Прикид что надо!

— Спасибо!

Зал потихоньку наполняется людьми. Марин с подружками садятся на передние стулья. Высокий Ауро вежливо занимает место в самом дальнем ряду. Вместе с ним Гелиос! Я машу ему, а он машет мне в ответ.

— Вон наш противник, - кивает мне адвокат на широкую спину проходящего мимо мужчины.

Это прокурор. Он в полицейской форме, крепкий, накаченный и коротко стриженый. Кажется, будто он только что спустился с вертолёта после спецоперации. Он занимает место за трибуной напротив и смотрит на нас, словно примеряясь: пробивать в печень или под дых. «Вали отсюда, недоделыш. Тебя здесь никто не ждёт», - читается на его лице.

По периметру зала ходят парень с девушкой с огромными фотоаппаратами, и щёлкают зал и всех участников, включая нас.

— Но ведь это тоже *прэсис-да**а**ониси*? - спрашиваю Микаэлоса, показав на них.

— Да, но специально аккредитованные. Умеют вести себя прилично.

Все места в зале уже заняты. Где же профессор? Ведь обещал, что придёт! А времени уже без пяти.

— А вот и судья.

В зал заходит, точнее, заплывает женщина в чёрной мантии. Азиатка. На вид - хорошо сохранившиеся 45. Сухая и стройная. Лицо - неподвижный покер фейс, словно вырезанный из камня. Она так же плавно и без усилий поднимается на судейскую кафедру и, повернувшись, садится - точнее, опускается - на своё место.

— О да…

— Понял теперь?

— Понял.

На кафедру ниже, под судьёй, поднимаются один за другим двенадцать человек.

— Присяжные?

— Кандидаты в присяжные, - поправляет Микаэлос. - Сейчас будет их отбор. Мероприятие скучное, но важное. Смотри в оба.

Раздаётся громкий стук и следом не менее громкий голос судьи:

— Приветствую всех. Начинаем заседание по делу «*Полис* против Марка Малого». Подсудимый - Марк Малой, также известный как Маркос. Его адвокат - Микаэлос-тотси. Обвинение представляет прокурор Грэгорис-литиос. Судья Сату-клэрис-юди. Заседание начинается с выбора коллегии присяжных. Первый кандидат: Романос-мэрсис. Пожалуйста, господин Романос, поднимите руку.

— ...Вроде нормальный на вид, - бубню Микаэлосу, глядя на мужчину с краю, который отозвался.

— Не торопись с выводами.

— ...Обвинение, какие у вас вопросы к господину Романосу.

— Ваше отношение к Субкхрану? - гудит прокурор.

— Нейтральное-сочувственное, - отвечает Романос.

— Участвовали ли вы в акциях в поддержку Субкхрана?

— Нет, не участвовал.

— Осуществляли ли вы пожертвования в благотворительные организации, занимающиеся поддержкой Субкхрана.

— Я сделал пару небольших пожертвований в *Асэндэ**о**м Унэнто*, не более того.

— Отвод, Ваша Честь! Предвзятость.

— Отвод принимается, - стальным голосом говорит судья. - Господин Романос, прошу вас покинуть состав коллегии присяжных.

— Блин... Он мог бы быть за нас!... - шепчу адвокату.

— Вот видишь! Наша задача - отсеять тех, кто будет явно против.

Так мы проходимся по каждому из кандидатов, и прокурор отводит ещё двоих, и двоих отводим мы. И так же точно опрашиваем новых кандидатов.

Наконец, состав коллегии определён, и они быстро выбирают себе председателя. Им оказывается человек, уже участвовавший до этого в трёх судах.

— Приступаем к рассмотрению дела, - объявляет судья. - Вступительное слово предоставляется обвинению.

— Уважаемые господа, - грохочет прокурор басом. - Подсудимый совершил три преступления сразу. Он незаконно проник в *Полис*, пронеся с собой огнестрельное оружие. Более того, он втянул в свою противозаконную деятельность одного из наших сограждан, доказательства чего будут вам вскоре представлены. Обвинение располагает показаниями свидетелей, благодаря которым станет ясно: подсудимый опасен для нашего общества и должен быть признан виновным по статьям о незаконном пересечении границы, контрабанде оружия, и создание угрозы общественной безопасности. Обвинение запрашивает депортацию подсудимого с пожизненным запретом на въезд, а также пять ударов током.

— *Ч**и**нко кура**а**нти!* - вырывается у меня, и я тихо посмеиваюсь, сложив перед собой ладони в издевательской благодарности прокурору. Хорошо микрофон выключен!

Во мне вдруг просыпается какая-то непонятная уверенность в себе. Прокурор начинает мне чем-то напоминать Алмаза, которого я сейчас с треском обыграю в покер.

— Соберись, - пихает меня рукой Микаэлос. - Пока не время веселиться.

— Вступительное слово предоставляется защите.

Адвокат клацает по микрофону:

— Господа! Мой подзащитный не совершал ни одного из преступлений, названных обвинением. Господину прокурору на этом заседании не удастся доказать виновность подсудимого, поскольку его обвинения попросту несовместимы с законодательством *Полиса*. В ходе процесса это станет для вас очевидно. Мы также располагаем свидетелями, благодаря которым история моего подопечного раскроется во всей полноте. Вы поймёте, что подсудимый - честный и достойный человек, не имевший не только намерения совершить преступление, но даже возможности совершить его по незнанию! Благодарю вас, у меня всё.

— Обвинение, прошу вас изложить полностью вашу картину преступления.

— Благодарю вас, Ваша Честь! 28-го марта прошлого года, обвиняемый незаконно проник на территорию Полиса в грузовом контейнере с кукурузной крупой.

В зале раздаются смешки.

— В контейнер ему удалось проникнуть через помолочный цех на третьем круге Субкхрана. У нас есть видеозапись этого момента, и вы сейчас можете её видеть на экранах.

Над головой судьи на видеостене появляется изображение. Оно же показывается на экранах напротив, так что ни судье, ни присяжным не приходится оглядываться.

— Видите человека в чёрном худи? Помогает одному из грузчиков поднять мешок с крупой. А сейчас внимание на лицо.

Кадр замирает. Увеличение. Немного размыто, но моя небритая рожа вполне видна.

— Обвиняемый проник в цех под видом грузчика и остался там. Затем активировал систему пожарной сигнализации. Пока персонал был отвлечён, подсудимый проник в незаполненный контейнер и спрятался в нём. Затем работа цеха возобновилась, и контейнер вместе с подсудимым был запечатан. На этой схеме вы видите путь, который проделал обвиняемый, находясь внутри контейнера.

Прокурор объясняет все подробности того, как перемещался контейнер. Такие подробности, о которых я и понятия не имел. У каждого контейнера есть маячок, и в *Полисе* всегда знают, где он находится и когда.

— Здесь вы видите, как подсудимый выбрался из контейнера и забрался под козырёк. Нужно присматриваться. Этот момент на записи занимает всего несколько секунд.

Едва заметно, но и это тоже засняли!

— Далее обвиняемый пролез по внешней стороне стены - внешней стороне, представляете!? - и затем, перемахнув через стену, оказался на улице. Вот, видите, как он спрыгнул?

Прокурор описывает весь мой маршрут и показывает на камерах, как я прячу пистолет. Потом я иду следом за Марин. Догоняю её. Идём вместе в парк.

Мы с Марин переглядываемся и посмеиваемся. Ну какой я, к чёрту, контрабандист! На этих записях я на преступника совсем не похож. Наверное. Мне так кажется.

— Здесь мы видим, как подсудимый вместе со свидетелем Марин-дани возвращаются, чтобы забрать спрятанный пистолет. После этого они избавляются от него, используя самый распространённый метод сокрытия улик в *Полисе*. Вы видите, как это происходит на видео.

Мы с Марин снова переглядываемся, ухмыльнувшись.

Прокурор вкратце пересказывает всю мою дальнейшую судьбу, вплоть до поимки ранним утром доблестной полицией. Без деталей. Они для него не важны.

— У меня всё, Ваша Честь, - отчеканивает обвинитель.

— Благодарю. Слово предоставляется защите.

— Ваша Честь! Господа присяжные! Мой подзащитный лучше кого бы то ни было изложит полную версию произошедших событий, поэтому я передаю ему слово. Маркос, прошу, микрофон твой!

И я толкаю свой рассказ. Сперва не очень уверенно, сглатывая пересохшим горлом, но быстро осваиваюсь и «разгоняюсь», видя реакцию зала. Мы с Микаэлосом не репетировали, но я много раз прикидывал в голове, как всё это рассказать, чтобы вышло что-то более-менее складное.

Первая часть слушается, как детектив. Поиски колонн, вычисление расстояний, бегство от поезда. Знакомство с бандой Алмаза. Покерный турнир, детали которого я, конечно, пропускаю - они интересны только нам с Микаэлосом. Тренировки с Арчи, с отдельным рассказом о том, как я бегал босиком по гравию. Выход за ворота. Путь через седьмой круг. Солнечный день, но зал будто погрузился в темноту и сидит, не смея шелохнуться. Путь до стены шестого круга. Как я пролез под неё. Дети в противогазах. Чудесное спасение от Егора. Коротко о том, как я попал в метро, и как с помощью метро оказался на четвёртом круге. Без деталей. О них я говорить не могу. Моя жизнь на третьем круге. Коротко про работу на складе, чуть подробнее про дом Леонида, и совсем подробно о том, как я сиганул в реку и как потом добирался до цеха и сидел в контейнере, не зная, выберусь ли живым. Эта часть звучит, как боевик. Ну а эпизод с Эмилем мы обыгрываем так: Эмиль обещал поделиться информацией про *Полис*, если я приду к нему в гости. Я пришёл. Он поделился, но потребовал плату и стал угрожать. Ну и мне пришлось сделать то, что я сделал. Это не ложь, но мы аккуратно скрыли то, о чём мне рассказывать не стоит.

Моя жизнь в *Полисе* - это чудесный роман. Встреча с Марин. Наш вечер на лавочке. Первый в жизни рассвет. Зал охает и вздыхает! История про зелёных чудищ с хвостами. Пистолет! Я забыл про пистолет! Без улыбки и смеха я про это рассказывать не могу, и зал смеётся вместе со мной. Конечно же, рассказываю историю про кузнечиков. «Может быть этим я опасен?». Снова смех. И удивление!

Делюсь историей про Ауро и *Асэндэ**о**м Унэнто*. Историю про Гелиоса пропускаю. Ну и, наконец, вечеринка в музыкальном баре. Происшествие с Солой. Наше возвращение домой и моё решение. Сола сидит с мокрыми глазами, а Марин гладит её по плечу. Элионор невозмутима.

Моя прогулка по *Полису* в ночи. Песня «***О**чиси Аз**у**рис*». Мой «последний рассвет». Встреча с Марин. Дротик впивается в шею. Сола плачет и шмыгает на весь зал:

— Это всё из-за меня!!!

За этот выкрик судья просит Солу покинуть зал. Но я уже как раз закончил.

— Вот такая история, господа. А дальше - тюрьма. Но это отдельная тема, и про неё, если потребуется, я тоже готов рассказать.

— Благодарю, Маркос! Отличный рассказ! У нас всё, Ваша Честь.

Микаэлос выключает микрофон и добавляет мне вполголоса:

— Молодец! Уложился в час, минута в минуту.

Зал аплодирует мне, а судья объявляет двадцатиминутный перерыв.

Мы выходим в холл. Находим девушек. Сола вся в слезах.

— *Би**е**нэ **э**ри ма?* - спрашиваю я её.

— Да… Просто… так… трогательно…

В наушниках я продолжаю слышать перевод.

— Давай, соберись, - говорит Микаэлос Соле. - Ты у нас первый свидетель.

— Да… сейчас… Пойду, умоюсь.

Мы встречаемся взглядами с Марин.

— Ты был хорош.

— Да? Без приколов?

— Да. Продолжай так же.

— У него талант, - говорит Микаэлос.

— Я знаю, - отвечает Марин, глядя на меня тем самым, особенным взглядом.

— Гелиос! Здравствуй, дружище!

— Привет, Маркос! Как ты?

Мы обнимаемся с Гелиосом.

— Я нормально. Перестал стрематься, это главное. Спасибо тебе, что помог меня вытащить!

— Это наша работа, Маркос.

Я вдруг замечаю в зале знакомого пожилого мужчину.

— Профессор!

Подбегаю ближе. Это точно он!

— Профессор!

— Здравствуйте, Маркос! Рад вас видеть! Уж извините, что пришёл только сейчас. Просто я в курсе вашей истории, и у меня большой опыт участия в научных симпозиумах, так что я умею приходить на самую интересную часть и пропускать всё остальное.

— Но ведь все места уже заняты!

— Я забронировал место заранее, не беспокойтесь. А занял его, вероятно, кто-то из *прэсид**а**они*. Пойду садиться, в ногах правды нет.

Перерыв проходит быстро. Мы с Микаэлосом ещё разок проходимся по тактике и возвращаемся на своё место.

— Продолжается слушание по делу «Полис против Марка Малого», - объявляет судья. - Приступаем к допросу свидетелей. Обвинение, начинайте.

— Обвинение вызывает свидетеля Марин-дани.

Марин поднимается на центральную трибуну. Стоит лицом к судье и присяжным. Микаэлос говорит, что в судах Европы и Америки свидетель даёт клятву говорить правду. В *Полисе* в этом нет никакой необходимости. Ложь в суде - это тяжелейшее преступление. Гораздо хуже, чем даже публичная ложь, за которую тоже есть статья.

— Свидетель Марин-дани, что было написано на той бумаге, которую вам передал подсудимый на этом видео?

— Там было написано: «Я очень голоден. Пожалуйста, помоги».

— На каком языке?

— На Субкхранитри.

— Вы владеете Субкхранитри?

— Да.

— Насколько хорошо?

— Свободно.

— Вы сразу поняли, что ваш собеседник - *субкхр**а**ндари*?

— Да, это было видно по лицу и понятно по разговору.

— Вы знали, что жителям Субкхрана крайне редко дают визу в *Полис*?

— Да, знала.

— Вы понимали, что ваш новый знакомый скорее всего проник в *Полис* незаконно?

— Да, понимала. И спросила его об этом.

— И что он ответил?

— Сперва сказал, что законно. Но потом передумал врать, и сказал, что нет.

— И вы решили стать соучастницей преступления?

— Возражение, Ваша Честь! - выкрикивает Микаэлос. - На момент знакомства мой подзащитный не был в розыске. Статья 28 Миграционного Кодекса не требует от граждан осуществлять полицейские функции по отношению к тем, кто в розыск не объявлен.

— Возражение принимается. Обвинение, не давите на свидетельницу и не подводите её к ответам.

— Эхем… прошу прощения, Ваша Честь. Свидетель Марин-дани, вы знали в тот момент, что обвиняемый не находится в розыске?

— Да, знала. Я проверила.

— Вы знали, что он вооружён?

— Он не был вооружён. Вы сами показали на видео, что он спрятал свой пистолет под кустом до того, как зайти в клуб.

— На видео пистолета не видно.

— Мы потом вернулись за ним. Он был там.

— Свидетель Марин-дани, мой подопечный показался вам опасным? Он угрожал вам чем-нибудь или запугивал вас? - спрашивает Микаэлос.

— Нет, он ничем не угрожал и не запугивал. И… он не был похож на тех *субкхранд**а**ни*, которых я себе представляла.

— Чем он не был похож?

— Я его спросила, зачем он здесь. А он ответил: «Хочу узнать правду». Я даже не поверила ему сперва. Это было очень неожиданно, услышать такое от *субкхр**а**ндари*! Я сразу поняла, что он… что он особенный.

— Что заставило вас привести обвиняемого к себе в дом? - спрашивает прокурор.

— Он начал рассказывать мне свою историю, и не успел закончить. Мы вместе встретили его первый в жизни рассвет. А потом я спросила: «Что дальше?», а он сказал: «Я не знаю». И я предложила ему помощь с условием, что он расскажет мне историю до конца. Мне было очень любопытно!

— Вам не страшно было позвать обвиняемого в дом? - говорит Микаэлос.

— Почему-то совсем нет. Мы сразу договорились: никаких прикосновений. И он соблюдал это правило всё время, пока жил со мной.

— Что заставило вас отправиться вместе с обвиняемым на поиски оружия? - раздаётся голос прокурора.

— Страх! Маркос взял с собой пистолет на всякий случай, по незнанию, но его всё равно могли наказать! И меня тоже. Поэтому от пистолета нужно было избавиться как можно скорее!

— Вместо того, чтобы заявить в полицию?

— Я могла бы заявить в полицию. И даже должна была. Но тогда его бы депортировали, и я бы не услышала окончание истории.

Слышны бурления в зале.

— И ради того, чтобы услышать окончание истории, вы пошли на преступление… - задумчиво тянет прокурор. - У меня больше нет вопросов, Ваша Честь.

— У меня вопрос, - говорит Микаэлос. - Свидетель Марин-дани, в каких вы сейчас отношениях с обвиняемым?

Марин смотрит мне в глаза.

— Я его… люблю.

«О-о-ох!!!» - проносится по залу.

— У вас был секс? - спрашивает прокурор.

— Возражение, Ваша Честь! Вопрос не имеет отношения к делу. К тому же господин прокурор сказал…

— Возражение отклоняется. Свидетель, отвечайте.

— У нас не было секса. Мы даже не целовались!

«А-а-ах!!!» - снова вздыхает зал.

— Ещё вопросы? Обвинение? Защита?

Адвокат и прокурор качают головами.

— Благодарю, свидетель Марин-дани, вы свободны. Защита, есть ли свидетель с вашей стороны?

— Защита вызывает свидетеля Сола-сэнтис.

Сола стоит на центральной трибуне в своём полупрозрачном и очень откровенном платье. Ещё чуть-чуть - и будет видно то, что видно быть не должно.

— Свидетель Сола-сэнтис, как вы познакомились с моим подзащитным?

— Через Марин-дани. Она представила его мне как своего друга… м-м-м… с особенностями.

— С какими особенностями?

— Сказала, что он очень неразговорчивый, а ещё панически боится бактерий.

— То есть, она вам соврала? - уточняет прокурор.

— Да…

— Вместе с обвиняемым.

— Да. Он носил тёмные очки и маску.

Прокурор разводит руками. Пока что показания в его пользу.

— Он выглядел опасным или агрессивным? - прашивает Микаэлос.

— Нет. Наоборот, был спокойным и действительно неразговорчивым.

— Обвиняемый, зачем вы носили маску и очки? - спрашивает меня Микаэлос.

— По лицу было видно, что я из Подземелья. Не хотелось, чтоб это видели. И если бы кто-то об этом узнал, могли бы заявить в полицию.

— Обвиняемый, сколько времени вы планировали оставаться в Полисе нелегально? - слышу я прокурора с противоположной трибуны.

— Я думал, меня заберут в первые же дни. Когда Марин приняла меня к себе, у меня как будто появилось больше времени, но я понимал: это скоро закончится. Никакого плана у меня не было. Только желание узнать как можно больше за тот короткий срок, что удастся пробыть здесь.

— Свидетель Сола-сэнтис, как вы думаете, почему мой подзащитный написал вам письмо?

— Это ведь *я* первой поняла, кто он такой. Ну и заявилась к Марин домой, чтобы раскрыть её враньё. Мы поссорились. Я ушла. Плакала, не могла уснуть. Я всё думала о том, что Марин мне соврала, а остальное меня не волновало. А потом пришло письмо. И я… увидела совершенно другого Маркоса.

— Давайте прочитаем это письмо все вместе, господа, - говорит мой адвокат. - С вашего позволения, я прочитаю вслух.

И он зачитывает моё письмо Соле. Зал молчит. Сола закрывает лицо руками и всхлипывает.

— «…Прости, что пишу тебе от её имени. Последнее, маленькое преступление. Машу тебе рукой! С приветом! Марк.» - заканчивает Микаэлос. - По сути, вы добровольно согласились покинуть *Полис*, верно, Маркос?

— Верно.

— Скажите ещё раз, что вас побудило на такой шаг?

— Я не хотел испортить жизнь Марин.

— У меня больше нет вопросов, Ваша Честь.

Судья обращается к прокурору и спрашивает про следующего свидетеля.

— Обвинение вызывает свидетеля Хэрмэса.

Свидетель-робот. Я не большой знаток судов, но думается мне, такое только в *Полисе* может быть.

— Здравствуйте, господа! - слышу я голос своего давнего друга.

— Свидетель, вы имели возможность наблюдать за жизнью обвиняемого в доме у Марин-дани? - спрашивает прокурор.

— Да, конечно.

— Были ли у обвиняемого с собой запрещённые предметы или вещества? Хранил ли он их в доме?

— Да. У него с собой была пачка сигарет и упаковка барбитала.

— Употреблял ли он эти вещества в доме у Марин-дани?

— Сигареты он курил снаружи, на крыльце. И один раз употребил двойную дозу барбитала в доме.

— Обвиняемый, употребляете ли вы какие-либо другие наркотики?

— Возражение, Ваша Честь! Барбитал наркотиком не является.

— Возражение принимается. Обвинение, будьте внимательнее к формулировкам.

— Прошу прощения, неточно сформулировал. Употребляете ли вы наркотики, обвиняемый?

Этот момент мы прорабатывали с Микаэлосом.

— У меня нет зависимости от каких-либо наркотиков. Я употреблял некоторые их виды раньше и нерегулярно. Единственная моя зависимость - это сигареты.

— Если у вас нет зависимости от наркотиков, то с какой целью вы употребляли барбитал в доме у Марин-дани? Не для того ли, чтобы ослабить абстинентный синдром?

— …Я принял барбитал… В тот день… с утра, я услышал от Гермеса фразу: «Быть человеком - это большая ответственность». Я понял, что эта фраза не случайна. Что это важная идея, важный социальный ген в *Полисе*. И я подумал: а как же ответственность по отношению к Субкхрану? Ко всем этим людям, которые живут там внизу, в нищете, без медицины, без солнца? Мне стало очень больно. Нестерпимо больно. И чтобы заглушить боль, я принял таблетки.

— И часто вы так делаете?

— Иногда. Поживёте в Подземелье - вам тоже захочется.

— Свидетель, наблюдали ли вы у подсудимого абстинентный синдром во время его пребывания в доме? - спрашивает мой адвокат.

— Только по отношению к сигаретам. По этой причине мы с ним купили ингалятор никотина. Наркотической ломки не наблюдалось. Обвиняемый очень активно учился

вместе со мной на протяжении всего времени пребывания в доме. При наркотическом абстинентном синдроме это невозможно.

— Это мой следующий вопрос. Чем занимался обвиняемый в доме у Марин-дани? Кроме употребления барбитала и сигарет.

— 73 процента времени бодрствования обвиняемый изучал *даон**и**три*...

Зал взрывается аплодисментами!

— Ещё 18 процентов времени он занимался чтением статей и материалов про *Полис*...

Снова аплодисменты!

— Оставшиеся 9 процентов - отдых, еда, гигиена, наведение порядка и прочие мелочи.

— Какое впечатление произвёл на вас обвиняемый?

— В начале он показался мне диковатым. Потом странным. Но когда я узнал, что он провёл всё детство на восьмом круге Субкхрана, я преисполнился к нему глубочайшей симпатией!

— Почему?

— Я понял, как много нового могу узнать у него.

— Вы считаете его своим другом?

— Да, считаю.

Ай да Микаэлос!

Далее мой адвокат вызывает на допрос... Фэроса! Но с ним быстро. Микаэлос спрашивает его о произведённом мной впечатлении. Моя маска и очки тоже показались ему странными, но никакой агрессии или угрозы он не ощущал.

Прокурор вызывает своего следующего свидетеля - техника из цеха, в котором я выбрался из контейнера. Спрашивает, являются ли видеоматералы с записью моего проникновения подлинными. Спрашивает как так получилось, что *Полис* проворонил этот момент и автоматические системы ничего не засекли. Техник отвечает, что автоматические системы несовершенны и дают сбои, особенно когда проникновений не происходит десятилетиями.

Микаэлос вызывает в качестве свидетеля Игнатиоса! Тот рассказывает обо мне с таким восхищением, что это даже смешно!

— Этого человека нельзя упустить, господа! Вы не представляете, какой вклад он внесёт - уже внёс - в наш кинематограф! Просто сравните снятые мной ранее сериалы с самым последним, который я сделал уже после разговора с Маркосом! Одного-единственного разговора! Это же просто небо и земля! У меня большие планы, уважаемые присяжные. Я сниму умопомрачительный сериал... про Маркоса. Про его невероятную, головокружительную историю! Я назову его: «Восставший из пепла»!

— Из дерьма! - выкрикиваю я, не выдержав, а судья стучит молотком.

Прокурор вызывает свидетеля: оператора погранслужбы. В зал вносят вещественное доказательство: пистолет. Тот самый.

— Вот результаты дактилоскопической экспертизы, господа, - объявляет прокурор, показывая на экран. - После задержания мы сняли отпечатки пальцев у обвиняемого, и, как видите, они же обнаружены и на пистолете.

Свидетель рассказывает о том, как проходили поиски, но, в общем, не добавляет ничего нового.

— Выдохся, - говорит Микаэлос мне вполголоса. - Про этот пистолет уже сто раз говорили. Скучные свидетели пошли.

— А у нас дальше кто?

— У нас, наоборот, самые сочные. Я их специально оставил напоследок.

Обвинение заканчивает свой допрос.

— Защита вызывает свидетеля: доктора Ауро-вэтвиса.

Ауро возвышается на свидетельской трибуне в своём синем костюме с иголочки.

— Как вы познакомились с обвиняемым, доктор?

Ауро рассказывает нашу историю, и разговор плавно перетекает к его организации. Он вкратце рассказывает об их опыте и о том, как они работают с Субкхраном.

— Многие здесь, возможно, не понимают, что означает фраза: «Жил на восьмом круге», - говорит он. - Позвольте мне разъяснить вам. Субкхран представляет из себя концентрические круги, точнее, шестиугольники, повторяющие линию гексосов *Полиса*, но разделённые стенами. Для наглядности, на экране вы видите схему. На первом круге находится Президентский Дворец, и в нём живёт Президент со своей свитой, обслуживающим персоналом (включая наложниц), и охраной. Второй круг целиком и полностью занимает Федеральная Гвардия. Там их казармы, тренировочные центры, склады оружия, ангары с техникой и всё необходимое для жизни, работы, и успешного и быстрого подавления любой угрозы Президенту, реальной или предполагаемой. На третьем круге проживает каста привилегированных людей, которым позволено находиться неподалёку от Президента, а также все те, кому посчастливилось эту касту обслуживать.

Так Ауро проходится по всем кругам вплоть до восьмого. Он рассказывает такие вещи, о каких я и краем уха не слыхал!

— Откуда такая осведомлённость, доктор? - спрашивает прокурор.

— У нас в Субкхране есть своя тайная агентурная сеть.

Зал охает.

— И много у вас агентов?

— Я же сказал, господин прокурор: она тайная. И если раскрытие этой информации не является необходимым в интересах дела, то раскрывать её я не буду. Итак, продолжим. Как видите, господа, мобильность внутри Субкхрана очень жёстко ограничена. Причём между кругами она ограничена искусственно, а внутри кругов - скажем так, «естественно». Во-первых, через завалы, оставшиеся после Большой Войны, бывает трудно пробраться физически. А во-вторых - но не в последних - практически каждый район контролируется мафиозными структурами, которые очень не любят чужаков, либо требуют большую плату за проход через их территорию. И вот в таких обстоятельствах, господа, обвиняемый Маркос проделал путь от восьмого круга - внимание! - до третьего! Я бы сказал, он сделал почти невозможное!

— Обвиняемый, - подаёт голос прокурор. - Вы в своём рассказе упоминали путь от восьмого круга до третьего. Вы сказали, что от шестого круга до четвёртого добрались «через метро». Что именно это означает? О подробностях этой части вашего пути - ни слова.

— Я не могу об этом рассказать.

— Что значит не можете?

— Я обещал не раскрывать эту информацию.

— Вы обязаны её раскрыть перед судом, если она не свидетельствует против вас!

— Ваша Честь! - поднимает руку Микаэлос. - Я ходатайствую о том, чтобы позволить моему подзащитному сохранить эту информацию в тайне. Ведь исход дела заранее не известен, и если обвиняемый будет депортирован в Субхран, то за нарушенное обещание его ждёт смерть, и вероятно весьма мучительная. Мы не можем подвергать его жизнь опасности своими вопросами.

Судья молчит. В зале давящая тишина. Я чувствую свой пульс. Присяжные оборачиваются, сверля взглядом госпожу Сату-клэрис-юди.

— Ходатайство принимается. Обвиняемый, можете не отвечать.

Зал выдыхает.

— Я не так много знаю про метро, - говорит Ауро, - но могу предположить причину молчания обвиняемого. Это ведь не будет нарушением обещания, если я поспекулирую немного? - спрашивает он, повернувшись ко мне.

— Я не знаю, что ты имеешь в виду под словом «поспекулирую», Ауро, - честно говорю я в ответ. - Для меня «спекулировать» - значит купить подешевле, чтобы перепродать подороже.

Смех в зале.

— Ну, если я просто предположу! - уточняет, улыбаясь, Ауро.

— Да, без проблем!

— Так вот, господа. Мы точно знаем, что в метро живёт даже не банда, а хорошо организованное вооружённое формирование - военные.

Зал охает.

— На этом наши знания заканчиваются. Мы не знаем, сколько их, какие у них порядки, какие у них методы работы, с кем они сотрудничают, с кем враждуют (исключая федералов - с ними враждуют точно). Мы не знаем, как они выживают! Никто из тех, кто попал в метро, не вернулись. Кроме одного-единственного человека! И этот человек перед вами, на трибуне подсудимого.

По залу проходит удивлённый гомон.

— Маркос - единственный известный нашим агентам человек, кто спустился в метро, а затем вышел оттуда. Значит ли это, что он избежал встречи с военными? Вряд ли. Он бы не смог проникнуть внутрь. И у меня остаётся единственный вариант: он завоевал их доверие настолько, что они смогли его отпустить. И как видите, не зря: он крепко держит слово, даже рискуя проиграть дело. Это подтверждается тем, каким способом Маркос освободился из Субкхранской тюрьмы. Наши агенты лишь координировали действия Марин-дани. Но освободили его именно военные.

Зал наполняется изумлёнными возгласами. Судья стучит молотком.

— Свидетель Марин-дани, это правда? - спрашивает Микаэлос. - Вы видели этих военных собственными глазами?

— Да, господин адвокат.

— Возражение! - выкрикивает прокурор, но уже поздно. Все всё услышали.

— Благодарю вас, доктор! У меня всё.

— Обвинение вызывает свидетеля Эмиля Карловски!

Бабах!!!

— Возражение, Ваша Честь! - кричит Микаэлос. - Нас не предупреждали!

— Ваша Честь! - обращается прокурор к судье. - Вы наверняка знаете, с какими сложностями связан вызов такого рода свидетелей. Возможность его участия в заседании была под вопросом до самого последнего момента. Я ходатайствую о том, чтобы принять свидетеля!

— Ходатайство принимается. Прошу вас, приступайте к допросу.

— Всё он знал заранее, - бормочет Микаэлос. - Обычная прокурорская хитрость. Не первый раз вижу такое. Но ничего. Прорвёмся.

В зал заходит Эмиль. В белой рубашке и светлой жилетке, в жёлтых очках и с такой самодовольной рожей, будто он сам Президент. Он поднимается на свидетельскую трибуну и кидает на меня взгляд, полный презрения и жалости.

— Свидетель Эмиль Карловски, вы знакомы с обвиняемым?

— К сожалению, да, господин прокурор.

— Как вы познакомились?

— Подсудимый работал домоуправляющим у моего хорошего друга. Я приехал к нему в гости. Подсудимый встретил меня, проводил в дом, был очень вежлив и обходителен. Мне понравилось, как он держится, как ведёт себя с гостями, и как обслуживает нас. Я поинтересовался у друга, доволен ли он своим управляющим, и друг сказал, что да. Я в то время сам подыскивал себе человека в свой собственный дом, и когда подсудимый провожал меня к машине, я предложил ему заглянуть в гости, втайне надеясь переманить его к себе, предложив более крупное жалование и лучшие условия.

— Он согласился?

— Разумеется! И пришёл ко мне, спустя двое суток. Я и не подозревал о его истинных намерениях и о том, кто он на самом деле такой. Видите ли, у него есть талант производить ложно-положительное впечатление на людей. Он этим пользуется, чтобы совершать свои преступления.

Я сжимаю кулаки от злости. Микаэлос молчит.

— Что было дальше?

— Дальше? Он зашёл ко мне в кабинет, и мы начали беседу о работе. Он заметил пистолет в ящике стола, который я по своей беспечности забыл запереть. Воспользовавшись тем, что в кабинете нет камер, он выхватил мой пистолет из ящика, приказал мне поднять руки, ударил меня по голове, выпытал код от сейфа, забрал деньги и приказал мне отвезти его к пропускному пункту у большого моста.

В зале раздаются удивлённые и испуганные возгласы.

— Это ложь!!! - кричит Марин, но судья делает ей замечание и велит всем умолкнуть.

— Прошу повторно внести в зал улику номер один, - просит прокурор.

Улику приносят в зал и кладут на трибуну перед Эмилем.

— Это ваш пистолет, свидетель Карловски?

Эмиль берёт ствол в руки.

— Да… мой. Номер совпадает, у меня он записан.

— И этим пистолетом подсудимый угрожал вам и ударил вас?

— Да.

— Что было дальше?

— Дальше я позвонил своему водителю, находясь под прицелом подсудимого. Попросил подогнать машину. Сказал, что съездим по делам. Так велел грабитель.

«Возражение, Ваша Честь!» - мог бы крикнуть Микаэлос. Но у него нет возражений. Он словно язык проглотил.

— Потом мы вышли из кабинета. Спустились. Сели в машину. Подсудимый всё время держал меня на мушке. Мне было очень страшно! Я знал, что он употребляет различные вещества, и что, вероятно, находится под воздействием наркотика, а значит, ожидать можно чего угодно. Я ужасно боялся за свою жизнь, поэтому делал всё, что он говорит. Я велел водителю ехать к пункту назначения.

— У водителя не возникло подозрений, что что-то не так?

— Я старался говорить спокойно, чтобы не получить пулю. Мы уже почти доехали до места, как вдруг грабитель потребовал остановить машину прямо посреди моста. А затем он прыгнул в реку. Удивительно, что не утонул, ведь он явно был под веществами. Трезвый человек такого бы не сделал.

— Что заставило подсудимого пожертвовать хорошей работой в вашем доме ради сиюминутных денег, полученных грабежом?

— Я думаю, он просто увидел пистолет, вот и всё. Такие люди, как он, не думают о последствиях. Стоит им увидеть что-то, что плохо лежит, и они с лёгкостью идут на преступление. Смешно, но, скорее всего, забравшись в контейнер, подсудимый и не подозревал, что окажется в *Полисе*. Ему просто нужно было где-то спрятаться от полиции, и так уж получилось, что он нашёл этот цех. А оказавшись в *Полисе*, он просто пудрил мозги всем, кто попадался ему на пути. Ещё раз повторю: у него на это большой талант.

— У меня больше нет вопросов, Ваша Честь, - разводит руками прокурор, глядя в начале на присяжных, а затем на присутствующих в зале. - Думаю, всем всё стало ясно.

Я стою, опустив глаза и разглядывая деревянную поверхность трибуны. Кричать, что это неправда - бессмысленно. Вспоминаю, как двери колонны закрывались, и как я целился в Эмиля, а Марин бросилась мне на руку. Ведь я собирался выстрелить, а она, возможно, спасла ему жизнь.

— Защита?

Микаэлос стукает меня рукой и бросает мне очень многозначительный взгляд. Всего мгновение.

— Играем?

Он тут же оборачивается на Эмиля:

— У меня всего один вопрос, Ваша Честь. Свидетель Эмиль Карловски, домогались ли вы сексуально до моего подзащитного?

В зале мёртвая тишина. Эмиль от удивления снимает очки:

— Что???

— Домогались ли вы - сексуально - до моего подзащитного? - повторяет адвокат, громко и чётко проговаривая каждое слово.

— Что за чушь?! Конечно нет!

— Обвиняемый. Домогался ли до вас сексуально свидетель Эмиль Карловски?

Ну что, Марк? Если рассказать сейчас всё, как было, то лучше тебе победить. Если проиграешь и вернёшься в Подземелье, то тебе конец. Информация ведь всё равно просочится. А ты будешь в тюрьме. Попасть туда с такой биографией - лучше сразу вскрыться. Микаэлос это отлично понимает. «Играем?» - спросил он.

— Обвиняемый, мы ждём ответ, - слышу я голос судьи.

Поднимаю глаза. Собираюсь с мыслями. Смотрю на Эмиля.

— Да. Домогался.

— Чем докажете? - спрашивает адвокат, опередив такой же вопрос от прокурора.

— …У него на члене… большая коричневая родинка, размером с муху, очень смешная, - произношу я, пристально глядя свидетелю в лицо.

В одно мгновение Эмиль становится таким же белым, как его рубашка. Он бросает испуганные взгляды по сторонам.

— …Я… но… а в чём тут доказательство? Родинки у всех есть!

— Ты наврал суду, *сукхис-д**а**ни*! - выкрикиваю я.

По залу прокатывается смешок, а судья стучит молотком:

— Свидетель Эмиль Карловски, - говорит она стальным голосом. - Вы отправляетесь на судебную экспертизу. Если выяснится, что вы солгали суду, вас ждёт жесточайшее наказание!

Шум в зале. Два работника суда подходят к свидетельской трибуне. Вот и всё, Эмиль. Мой конец пока гипотетический, а твой - настоящий. Ты теперь никто. Пожизненная депортация тебе обеспечена.

— Защита, вам слово.

— Да, спасибо, Ваша Честь! Вы заметили, господа, какое удивительное совпадение? Мой подзащитный пришёл в гости к одному из, может быть, десятка людей в Субкхране, имеющих доступ в *Полис*, а потом - случайно! - попадает в контейнер, который едет именно туда! Нетрудно догадаться…

— Я про свидетелей, господин адвокат. У вас есть ещё свидетели?

— Ах, простите! Да. Защита вызывает свидетеля Закариос-индигоса.

В зал заходит представительный мужчина в сером костюме. Поднимается на трибуну. Взгляд уверенный. Спина ровная. Лицо спокойное.

— Свидетель Закариос-индигос, кем вы работаете? - начинает Микаэлос.

— Я работаю в Инвестиционном Департаменте Правительства *Полиса*. Кем конкретно - зависит от задачи.

— То есть вы официальное лицо?

— Верно.

— Расскажите нам, господин Закариос, кому принадлежит земля под гексосами?

— Земля под гексосами принадлежит частным инвесторам. Как правило, тем же, кому принадлежат сами гексосы.

— Но это территория Московской Республики или *Полиса*?

— Это территория *Полиса*.

— Она выкуплена у Московской Республики?

— Да, именно так.

— Но кем? Частными инвесторами? Каким образом?

— Механизм здесь такой. В начале инвесторы покупают земельный участок под гексос как частную собственность в юрисдикции Московской Республики. Затем, за дополнительную плату, и при содействии Агентства Международных Связей, эта земля передаётся *Полису*.

— То есть Московская Республика, по сути, торгует территорией?

— Да, торгует, но только с нами и на весьма выгодных условиях.

— Ну хорошо. А каков правовой статус людей, живущих на этой земле?

— Честно говоря, мы понятия не имеем. Кто-то из них, вероятно, является гражданином Московской Республики, но многие - скорее всего, лица без гражданства.

— То есть никакого правового статуса у них, по сути, нет?

— Боюсь, что так.

— Но… господин Закариос, ведь многие из них, включая моего подзащитного, фактически родились на территории *Полиса*! Разве не могут они рассчитывать на гражданство на этом основании?

— Рождение на территории *Полиса* не является основанием для получения гражданства. Однако прошение о гражданстве может подать любой, у кого есть миграционная виза *Полиса*, даже если это виза туриста на 30 дней. Находиться на территории *Полиса* для этого не обязательно.

— Могут ли эти люди, в таком случае, рассчитывать хотя бы на визу?

— Некоторые из них её получают. Вот как предыдущий свидетель, например. Но сейчас это, скорее, исключение, чем правило. Ну а станет ли это правилом - зависит во многом

от исхода этого дела. Могу только сказать, что мы готовы рассматривать заявки на общих основаниях. Мы всегда рады видеть в *Полисе* честных, добропорядочных и любознательных людей.

— Могу я воспользоваться тем, что вы с нами, и задать ещё один вопрос? Наверняка многим присутствующим будет интересно. Вы говорите, что рождение на территории *Полиса* не является основанием для получения гражданства. А что если гражданка *Полиса* рожает ребёнка… э-м-м… естественным способом? Неужели этот ребёнок не получает гражданства?

— Нет, он не получает гражданства. Он получает лишь долгосрочную миграционную визу. Чтобы получить гражданство *Полиса*, такому ребёнку необходимо отучиться в школе первые девять классов. Причём *Полис* не платит за обучение, это обязанность родителей.

— Вот как… Благодарю, господин Закариос. У меня больше нет вопросов. И свидетелей с нашей стороны тоже больше нет.

— Обвинение, у вас будут ещё свидетели?

— Нет, Ваша Честь.

— Вопросы к подсудимому у вас есть?

— Да, Ваша Честь. Подсудимый, судя по рассказу, вы владели огнестрельным оружием. Приходилось ли вам применять его?

— Ты не обязан свидетельствовать против себя, - подсказывает Микаэлос.

Говори правду.

— Я отвечу, - говорю я ему и поворачиваюсь к прокурору. - Да, приходилось. Когда я шёл через седьмой круг, на меня бросилась стая собак. Мне пришлось открыть огонь и пристрелить одну из них. А ещё я отстреливался от дронов Федеральной Гвардии, когда мы с Марин бежали к колонне. Правда от этого было мало толку, пришлось применить электромагнитную пушку.

— Электромагнитную пушку? Откуда вы её взяли?

— Военные дали.

— Военные…

— Обвинение, ещё вопросы?

— Больше вопросов нет, Ваша Честь.

Прокурор выглядит расстроенным. Ещё бы! Со свидетелем из Подземелья не фортануло, и с огнестрелом тоже. Как хорошо, что ты не дала мне выстрелить тогда, Марин!

— Защита, ваши вопросы подсудимому?

— У меня один вопрос, Ваша Честь. Подсудимый Маркос, если вы выиграете дело, чем планируете заниматься в *Полисе*?

Говори правду. Всегда говори правду. Даже если это звучит смешно.

— Я мечтаю стать ***о**ши*. Мечтаю учить детей. Я знаю, что для этого нужно будет очень много и долго учиться самому. Я готов. Сколько угодно! Ради одного только шанса.

Долгая тишина. И в этой тишине откуда-то с задних рядов раздаются медленные хлопки. Профессор! А вслед за ним… ещё несколько человек… и ещё… ещё… и вот уже весь зал аплодирует! Кроме прокурора. И судьи. Даже присяжные хлопают, хоть и сдержанно.

Судья снова стучит своим молоточком. Как странно. Такие технологии! И деревянный молоток. Почему так?!

— Итак, господа, мы услышали показания свидетелей и ответы подсудимого. Финальное слово предоставляется защите.

Всё внимание обращено к Микаэлосу.

— Господа присяжные и… господа присутствующие. Моему подзащитному предъявлено три обвинения: «Незаконное пересечение границы», «Контрабанда оружия» и «Угроза общественной безопасности». И все три - полная чушь.

Он спускается с трибуны и выходит в центр зала. Его белая накидка и сандали показались мне в начале странными, но он в них смотрится удивительно хорошо! Особенно на фоне прокурора.

— …Начнём с контрабанды. Пронёс ли обвиняемый оружие на территорию *Полиса*? Да, пронёс. Законно ли это? Нет, не законно. Контрабанда ли это? Нет, не контрабанда. По определению из Криминального Кодекса, контрабанда предполагает извлечение выгоды. Какую выгоду получил обвиняемый от провоза оружия? Никакой. Сделал ли он хоть один выстрел из него? Угрожал ли кому-нибудь? Нет. Напротив, он избавился от этого оружия при первой же возможности, поняв, где оказался. Он просто не знал, что его ждёт в *Полисе*, вот и взял с собой пистолет на всякий случай! Мелкое хулиганство. Штраф 50 лептосов.

Он бросает снисходительный взгляд на прокурора и продолжает:

— Угроза общественной безопасности. То же, что и с контрабандой. Какую конкретно угрозу несёт мой подзащитный? Никаких внятных доказательств того, что он опасен, мы не услышали. Инцидент с Эмилем Карловски - я думаю, теперь все поняли, какую именно плату просил господин Карловски за информацию, которой владел. Несчастный юноша был готов ухватиться за любую соломинку! Обратите внимание: самим фактом существования *Полиса* в Субкхране торгуют, как товаром! Торгуют задорого.

> Ну и наконец: незаконное пересечение границы. Скажите мне, господа: какой границы? - он оглядывается по сторонам, на присяжных и на зал. - Вся территория Субкхрана, как мы выяснили, принадлежит *Полису*. Она выкупалась и продолжает выкупаться гексос за гексосом у Московской Республики. Мой подзащитный жил на территории, принадлежащей *Полису*, и оказался на территории, принадлежащей Полису. Где пересечение границы, господин прокурор? И что происходит, когда мы, граждане *Полиса*, спускаемся в Субкхран?

Он внимательно смотрит на зал, выдержав долгую паузу.

— Доктор Ауро-вэтвис может назвать нам много имён людей, регулярно бывающих в Субкхране. Верно, доктор?

Все оборачиваются назад. Ауро степенно кивает головой. Он в последнем ряду, но его кивки видны всем.

— Среди этих людей немало высокопоставленных лиц. Спросите у них, видели ли они пограничный контроль? И ставят ли им отметку о пересечении границы в личное дело или в заграничный паспорт с какой-либо из сторон? Я точно знаю, что нет, поскольку я - один из этих людей.

Зал гудит от удивления.

— Да, господа, я регулярно спускаюсь в Субкхран, чтобы поиграть в казино.

Чёрт побери, ну конечно!!!

— Я знал!!! - выкрикиваю я, хлопнув в ладоши. Игрок игрока видит.

Зал реагирует так же активно. Судья призывает всех к тишине. Пара минут нужна публике, чтобы успокоиться. Дождавшись тишины, Микаэлос продолжает:

— Я знаю о Субкхране не понаслышке, вёл множество дел, связанных с ним. И если кто-то из вас думает, что там, внизу, живут какие-то чудовища или существа, принципиально не похожие на нас, то спешу вас заверить: это не так. Мы гордимся своей правовой культурой, честной и прозрачной судебной системой и устоявшимся верховенством закона. Но господа, при всём уважении: если говорить о Субкхране, то то, что мы делаем, на языке международного права называется «апартеид».

Я не знаю, что это за слово, но реакция на него очень бурная. Кто-то вскакивает с места. Кто-то вообще выходит прочь из зала. Но от многих слышны одобрительные реплики: «*врэмэнто!*», «*экзактэмэнто!*». Наушники их не переводят, видимо, считая шумом. Но я-то понимаю.

— Неприятно, правда? - говорит Микаэлос, перекрикивая шум зала. - Неприятно думать о себе, что мы такие. Может быть поэтому мы так долго эту проблему и заметали под ковёр? Но ведь проблема никуда не делась.

Зал постепенно умолкает, чтобы дослушать речь адвоката.

— ...Проблема никуда не делась. И мой подзащитный напомнил нам о ней. И проблема это сложная, запутанная. На её решение понадобятся годы. Создать её гораздо проще, чем решить. Но нужно начать, господа. Начать сегодня. Начать с этого прекрасного, талантливого и смелого юноши! - он показывает на меня руками. - Его уникальный опыт, знания... и связи... наверняка помогут нам решить эту проблему раз и на всегда! У меня всё, Ваша Честь.

Микаэлос возвращается на трибуну под громкие аплодисменты.

— Финальное слово предоставляется обвинению.

— Благодарю, Ваша Честь, - гудит прокурор. - Что ж, господа, теперь понятно, кто у нас защищает сегодня подсудимого. Подобное притягивает подобное.

Прокурор разводит руками, стоя на трибуне и развернувшись к присяжным.

— Мы можем долго спекулировать о том, каковы жители Субкхрана. Но напомню вам, что подсудимый пришёл к нам в дом с оружием в руках. С оружием, которое он украл и которое безусловно применил бы, если бы под наркотическим опьянением ему померещились чудища с зелёными хвостами.

> Подсудимый втянул в свою незаконную активность гражданку *Полиса*, вынудив её соучаствовать в преступлении. Это Субкхран в действии. Это то, как эти люди живут и думают. У них нет никакого понятия о законе и правосудии. Они не знают, что это. Они понимают только язык силы, и именно на нём они будут разговаривать с нами. Другой язык им не знаком.
>
> Мы на протяжении долгих лет строили *Полис*, и строгая миграционная политика всегда была основой нашего процветания. Мы всегда принимали в свой дом только лучших из лучших! Только самых талантливых из всех! Скажите мне, какие таланты у подсудимого? Чем он заслужил право жить с нами? Внятный ответ на этот вопрос только один: никаких. Ничем. Или вы считаете талантом игру в азартные игры, которые у нас запрещены? Это повод для депортации, но никак не для принятия в *Полис*!
>
> Тех из присутствующих, кто так заботится о Субкхране, я хочу спросить одну вещь: если там так плохо, почему же люди не ушли оттуда до сих пор? Ведь их никто не держит!
>
> Он оборачивается на зал, а потом смотрит прямо, мимо нас с Микаэлосом.

— …Нас обвиняют в высокомерии. В том, что мы, дескать, распространили своё влияние, словно вирус, а сами не позволяем на себя влиять. Да, мы распространили влияние на многие регионы и уголки планеты. Но сравнение неверное. Мы не вирус. Мы - мозг. Мозг человечества. Нам важно сохранить наши социальные гены, нашу уникальную социальную среду. Иначе мы погибнем. А для человечества это катастрофа.

Он снова поворачивается к присяжным:

— Господа, это решение - важный прецедент. И я прошу вас: не совершайте ошибку! Она может стоить нам очень дорого. Слишком дорого! И не только нам - всем людям. Примите правильное решение. Благодарю, Ваша Честь, у меня всё.

Зал аплодирует. Кто-то громче, а кто-то - сдержаннее. Мы с Микаэлосом переглядываемся.

— Твой ход, - говорит он мне.

— Финальное слово предоставляется подсудимому.

В зале тишина. Я стою молча, положив руки на кафедру. Адвокат включает мне микрофон - я забыл это сделать.

— Подсудимый, вам есть, что сказать?

— …Да, Ваша Честь…

Я слышу свой голос в динамиках. Он грохочет на весь зал, отражаясь от стен.

— …Просто собираюсь с мыслями…

Я поднимаю голову.

— …Самое главное, что хочу сказать: я люблю *Полис*. Люблю не меньше вас, друзья. Я не так много где был, но я думаю, что это лучшее место на земле. И я не думаю, что пускать весь Субкхран в *Полис* - это хорошая идея.

Кидаю взгляд на Ауро. Он сидит, не меняясь в лице.

— …Господин Микаэлос абсолютно прав: я понятия не имел, куда иду. Я просто понимал, что там, наверху, что-то есть, и мне хотелось узнать, что это. В Подземелье почти никто не знает про *Полис*. А главное, и не хочет знать! Готовы верить во что угодно, в любую чушь. Правда никому не интересна. Каждый копошится в своём дерьме. Желающих поднять голову и посмотреть наверх - единицы. Я просто оказался таким человеком. И мне повезло. Повезло с друзьями. Повезло в игре. С работой… Даже с Эмилем мне повезло. И знаете, странное дело… люди вроде сами не хотят ничего знать, но готовы помочь тому, кто хочет. А я хотел. Очень хотел! Я хотел узнать, как всё устроено. Не просто «что там наверху», а «почему оно так».

> Я увидел *Полис*. Я жил здесь. Но по-прежнему не понимал, *почему*. Никто не мог ответить. Точнее, ответов было слишком много. И было видно: всем наплевать. Смотреть под ноги и спрашивать «что там и почему», интересно единицам. Как в Субкхране!
>
> И мне опять повезло. Я встретил девушку, которой не всё равно. А потом, благодаря ей, я встретил и других людей, также неравнодушных к тому, что у них под ногами.

Я смотрю на Марин и на Ауро. Марин сидит, поджав губы и не отрывая от меня взгляд, а Ауро улыбается.

— После того, как я побывал в субкхранской тюрьме, был спасён из неё своими друзьями и вернулся в *Полис*, я, наконец, нашёл то, что искал. Я теперь понимаю, что такое Субкхран и как он появился. Выяснить это мне удалось вчера. Всё благодаря профессору Отон-аурису. Он присутствует здесь. Профессор, спасибо вам!

Нахожу взглядом профессора. Все оборачиваются. Он благодарно наклоняет голову.

— Выяснилось, что Субкхран создал себя сам. Знаете, если в доме сырость, то спустя некоторое время на стенах появится плесень. Сама по себе. Ничего делать для этого не нужно. Достаточно просто создать условия. Так же точно и с Подземельем. Для его появления просто были созданы условия, вот и всё! Но у меня теперь другой вопрос: тот, кто создавал эти условия, понимал, что делает, или нет?

В зале неловкая тишина. Слышны тихие перешёптывания.

— Понимал или нет? Господин прокурор сказал, уважаемые присяжные, что важное решение вы принимаете именно сегодня, но это не так. Важное решение вы принимали тогда, когда создали условия, и это было плохое решение! Можно всем *субкхранд**а**ни* закрыть вход в *Полис* - в наш «любимый дом» - и продолжать делать вид, что ничего не происходит. Продолжать не понимать, что вы делаете. Сказать: «да какая к чёрту разница,

что творится у нас под ногами, в подвале!». Но разве подвал - это не дом? А? Господа? Подвал - это не дом?

Нижняя губа подрагивает. Я останавливаюсь. Смотрю на людей. На зал. На присяжных. На неподвижного прокурора. На судью. Судья вздыхает. Едва заметно. Самую малость.

— Прокурор предупреждает вас об опасности, но это не та опасность! Марк Малой в *Полисе* - это не опасность! Опасность - это не замечать, что Марк Малой вообще есть! Он и такие, как он! Вот это - действительно опасно! Такое мышление! Я это видел! Там, внизу! ...И мне очень больно видеть это и здесь... Но в одном я согласен с прокурором: нужно принять правильное решение. Сейчас.

Я делаю глоток воды, держа стакан трясущейся рукой.

— Я согласен... с господином прокурором... ещё вот в чём. Я не талантлив. Но в Подземелье есть талантливые ребята. Я точно знаю, потому что видел их. И даже нескольких из них учил сам. Помогал... учиться... А учиться они хотят. Несмотря на мрак и беспросвет. Шансов на то, что они что-то смогут благодаря своей учёбе - ноль. Но они продолжают. Никто не понимает, зачем. Их высмеивают за стремление к знаниям. Их бьют. Некоторых убивают. Они продолжают всё равно. И я... вас прошу... дайте им шанс!

Глаза мокрые. Голос ломается. Тело начинает дёргаться, а я, стиснув челюсти, втягиваю носом воздух изо всей силы, чтобы... чтобы просто договорить... не сорваться...

— ...Они... они что, не люди?... Мы должны дать им шанс!... Мы такие же люди, как они, и на нас...

Стало совсем тяжело. Слёзы уже душат, текут по щекам, губы трясутся. Последнее слово, Марк! Соберись!!!

— ...и на нас...

Давай!!!

— ...большая ответственность!!!

Я закрываю лицо руками. Оно красное и мокрое.

— ...у меня всё, Ваша Честь, - говорю я шёпотом.

По залу прокатываются стоны. Кто-то рыдает в голос. Конечно же это Сола! «Тщ-щ-щь!» - успокаивает её Марин, гладя по спине, хотя сама вся в слезах.

Справа от меня раздаются размеренные хлопки. Микаэлос. Вслед за ним подключаются и остальные. Чаще. Ещё чаще. Аплодируют даже присяжные. Хлопки становятся ритмичными. И сквозь них слышно - в начале тихо, потом громче - «Мар-кос! Мар-кос! Мар-кос!». И вот уже весь зал скандирует в полный голос. Судья ничего не делает. Не просит тишины. Просто ждёт.

Микаэлос обнимает меня за плечо:

— Так вот ты как можешь...

— …Пацан не должен плакать…

— Ты уже не пацан. Ты мужчина. И плачешь ты не о себе, а о других.

— Уважаемая коллегия присяжных, - раздаётся, наконец, голос судьи. - Прошу вас удалиться для вынесения вердикта. Остальных прошу покинуть зал.

Двери у нас за спиной. Мы разворачиваемся и выходим, а остальные идут за нами. Большой коридор. Молча идём в холл. Вынимаю наушники, чтоб отдохнуть от них. Нас фотографируют на камеры. Но с микрофонами не лезут и вопросов не задают.

— Кофе? - спрашивает Микаэлос.

— Не…

— А я возьму. Пойдём к столику.

Я остаюсь один, пока мой адвокат ходит за кофе, но ненадолго.

— Маркос!!!

Ко мне подбегает заплаканная Сола и бросается в объятья. Чувствую приятный лёгкий аромат женских духов.

— *Эс эрдэ… эрдэ…*[41]

— *Фантастимэнто ма?* - спрашиваю, улыбаясь.

— ***А**нто… **о**про… б**о**нко **о**про!…*[42]

Рядом стоит Марин и смотрит на нас, посмеиваясь.

— Моя очередь, - говорит она, когда Сола отпускает меня.

Мы сжимаем друг друга в объятьях и просто стоим молча.

— О, да ты занят! - слышу я голос Микаэлоса откуда-то издалека. - *Кэй…*

— Микаэлос… - слабым голосом зовёт Марин.

— *К**а**о, гранд**а**ли.*

— *Камин**а**ути **э**пикос! Бр**а**во!*[43]

— *А, чептрэби!* - бросает он, махнув рукой и, улыбнувшись, покидает нас.

В холле гораздо тише, чем перед заседанием и в перерыве. Все в напряжённом ожидании. Сколько продлится совещание присяжных, не знает никто. Это может быть и несколько минут, и несколько часов.

— Ты, наверное, устал стоять, - говорит Марин после долгого-долгого молчания. - Пошли сядем.

---

[41] Это было… было…

[42] Нет… больше… намного больше!…

[43] Эпичное признание! Браво!

Мы идём к креслам. По пути встречаем Ауро. Он без единого слова поднимает свои белые ладошки, а я прислоняю к ним свои. Его пальцы гораздо длиннее моих. В руках чувствуется сила.

Мы садимся на кресла и держим друг друга за руки. Возможно, мы так сидим последний раз. Если присяжные решат, что я виновен, меня, скорее всего, депортируют прямо из зала суда, и мы больше уже никогда не встретимся.

Неторопливой, но твёрдой походкой к нам подходит профессор Отон-аурис.

— Поздравляю вас, молодой человек!

— С чем, профессор?

— Каждый в своей жизни должен стремиться сделать три вещи: сочинить песню, написать книгу (или научную работу) и выступить с речью. Речь вышла блестящей! Ну а остальные два пункта, уверен, у вас впереди!

— Спасибо, профессор! Но ведь присяжные ещё не приняли решение.

В ответ профессор жестом и лицом показывает что-то вроде: «Чувак! Всё будет пучком! Не загоняйся!».

— …Кажется, он вообще не сомневается в моей победе, - говорю я, когда Отон-аурис уходит вглубь холла.

— …Хорошо ему… - отвечает Марин, тяжело вздохнув.

— И вот этот мужчина - тоже не сомневается, - говорю, показав взглядом на Микаэлоса, спокойно разгуливающего с кружечкой кофе и оживлённо болтающему через устройство с кем-то, видимо, из своих клиентов. - А где Элионор?

— А вон. Стоит с докторами.

Нахожу её взглядом. Эли что-то обсуждает с профессором и с Ауро.

— Она ему до носа достаёт! Единственная из нас!

— Хм! - смеётся Марин и сжимает мои руки сильнее.

Время тянется в мучительном ожидании. Что же вы там обсуждаете, господа присяжные? Раз не зовут быстро, то это, пожалуй, хорошо. Они могли бы сразу решить вышвырнуть меня вон. Но нет. Хотя бы сомневаются. И это даёт надежду. Но они должны прийти к единогласному решению. А если не придут? Тогда повторное слушание. Ещё один суд. Интересная штука, этот суд присяжных. На этих двенадцати мужчинах и женщинах сейчас ответственность за *Полис* и Субкхран. И их выбрали случайно, просто потому, что они граждане. Жизнь так же случайно выбрала и меня, заварившего всю эту кашу. И на мне тоже ответственность. Теперь я это понимаю так же хорошо, как то, что у меня пять пальцев на руке.

— *Гранд**а**ниси, пр**э**скис, вэнэд**и**т дон с**а**лэ!* - раздаётся голос охраны.

— *Тэос м**и**о! Мэй ва фи**а**нтэрэ!...*[44] - вскрикивает Сола за столиком неподалёку.

Мы с Марин так и держимся за руки, не в силах оторвать друг от друга взгляд.

— Ну? Пошли? - говорю я.

— Да...

Как же тяжело... отпускать эти руки...

— Так, госпожа свидетель, я заберу его у вас. Совсем ненадолго!

Микаэлос... Какой же ты оптимист! Но в игре по-другому никак. Если ты не намерен выиграть - тогда не садись за стол.

Марин, вздохнув, отправляется в зал, а мы - следом. Люди заходят быстро. Всем интересен финал. Прессуны снаружи, наверное, с ума сходят! Мы занимаем своё место на трибуне. Прокурор напротив нас, в свете окон. Присяжные - на местах. Публика усаживается на стулья. Я не свожу взгляд с Марин. Судья дожидается, пока зал утихнет, а я прислоняю к уху один наушник. Чтоб потом не вынимать.

Удар молтком.

— Продолжается заседание по делу «*Полис* против Марка Малого». Господин председатель коллегии присяжных, приняли ли вы решение?

— Да, Ваша Честь, - коротко отвечает председатель.

— Было ли ваше решение единогласным?

— Да, Ваша Честь.

— Прошу вас, огласите его.

В зале мёртвая тишина. Сердце сейчас выпрыгнет из груди! Опускаю руки на трибуну. Ну что же ты молчишь, председатель? Давай, выкладывай свой вердикт! Всё, что угодно, только не ждать...

Я смотрю на Марин. Она смотрит на меня. «***О**чиси аз**у**рис*»... Я напеваю про себя эту песню... Мне так легче...

— *Авинисэнтис.*

Что? «Невиновен»? Это значит... значит...

Раздаётся оглушительный крик! Люди буквально вскакивают с мест! Невиновен!!! Это значит невиновен!!! Невиновен...

Я оглядываюсь на Микаэлоса. Он хохочет и хлопает меня! И кивает мне за плечо. Я оглядываюсь. Марин...

— Маркос!!!

[44]Боже! Сейчас в обморок упаду!

Я спрыгиваю с трибуны и бросаюсь к ней в объятья.

— *Викт**о**риа, М**а**ркос!!! **Э**бо!!! Викт**о**риа!!!*

Она ещё не верит. Как и я.

Её подружки бросаются на нас и обнимают её и меня. Первый раз в жизни обнимаюсь с Элионор. Это явный прогресс!

Присутствующие одни за другим подходят поздравить меня. Я понимаю не всё, что говорят - наушники остались на трибуне. Но своего адвоката я пойму!

— Ну, молодец, парень! - кричит он сквозь оглушительный шум зала.

— Это ты молодец!

— Я? Да брось! Я почти ничего и не сделал. Да мне и не нужно было! Скорей солнце с луной поменялись бы местами, чем ты бы проиграл!

— Но ты же говорил… пятьдесят на пятьдесят!

— Это в начале. Но когда я узнал про твою связь с военными, сильно подправил свой прогноз. Просто не стал тебе говорить, чтобы ты не расслаблялся. Вопрос со своим гражданством можешь тоже считать решённым.

— Серьёзно??

— *Полис* никогда не действует против своих интересов. Запомни это, сынок! ***А**бо, вэнэ**о**м*! Надо выйти к людям.

Ещё разок оглядываюсь по сторонам. Прокурора след простыл. Люди покидают зал. Присяжные переговариваются между собой, и некоторые, увидев, что я смотрю на них, машут рукой и показывают палец вверх. Бросаю взгляд на судью Сату-клэрис. Она смотрит на нас внимательно, и на её лице проскальзывает что-то вроде улыбки. Едва-едва заметно. А затем, молча развернувшись, она уходит с кафедры.

Мы с Марин выходим в коридор, держась за руку. Огромные двери впереди открываются, выпуская посетителей, а охрана изо всех сил сдерживает напирающих снаружи *прэсис-д**а**они.*

— Ну и что теперь? - говорю я ей. - У тебя есть план? Мы сейчас выйдем, и я должен буду толкнуть речь?

— Нет, речь ты уже «толкнул». Пока достаточно. А вот страстный поцелуй будет как раз то, что нужно! Публика оценит, поверь.

— Ах ты… *маркет**о**логис-д**а**они!*

Мы у выхода. Внизу, под лестницей - огромная толпа. Сотни камер направлены на нас. Все скандируют моё имя. Победа. Мы победили вместе с ней. Мы должны отпраздновать.

Стоим на крыльце. Поворачиваемся друг к другу. Я кладу ей руки на талию.

— Я стесняюсь при людях, - говорю ей, глядя в глаза. В её… ***о**чиси аз**у**рис.*

— А я нет.

И она хватает меня за ягодицы и силой прижимает к себе, будто это она парень, а я девушка.

Страстный поцелуй…

В этот миг всё исчезает вокруг. Есть только мы. Её взгляд. Её губы. Её вкус. Упругость её тела. Я чувствую, что я теперь дома. Там, где мечтал быть. Там, где есть любовь и свобода. Любовь… и свобода…

Это не длится долго. Я начинаю замечать людей вокруг. Замеревшая от восторга Сола, сложившая ладони на груди. А рядом с ней огненно-рыжая стройная Элионор, наверняка уверенная, что ни черта у нас не выйдет! А вон высоченный Ауро, растянувший рот в белоснежной улыбке. А рядом с ним Гелиос в обнимку с парнем, с которым я пока не знаком. И недалеко от них Микаэлос в своём римском одеянии, аплодирующий нам.

Конечно никакого плана у нас нет! Я уверен только в одном: будет ох как непросто! Закрепиться здесь. Любой ценой. Стать человеком. Получить образование. И ни на один день не забывать о тех, кто остался там, внизу. Мы им поможем. Поможем вместе, Марин. Мы с тобой, как те две птицы разных пород. И у нас ***а**мос-т**о**тис*. Уж не знаю, будут ли у нас дети. Но мы вместе теперь. И у нас любовь.

*Ар уав**о**м инф**а**нтосиз пэрэри - чептрэб**и**.*

***Э**рис амос-т**о**тис шэ носэвэ содэви.*

***Э**рис амос-т**о**тис шэ носэвэ… со-дэ-в**и**…*

P.S.

— Чёрт, неудобная эта хрень на шее! Чувствую себя собакой!

— Когда получишь гражданство, её снимут и заменят на микрочип под черепной коробкой. Нам его имплантируют при рождении.

— Что??? Мне в башку вставят микросхему???

— Это совсем не больно!